

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

Приволжский филиал

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

*Международная научно-практическая конференция
(5 марта 2015)*

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Нижний Новгород
2016

УДК 34(063)
ББК 67я431
Г72

Ответственный редактор:

заместитель директора ПФ РГУП по учебной и воспитательной работе,
Ю. В. Журавлёва

Рецензенты:

Л. Е. Шапошников,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
и теологии НГПУ имени Козьмы Минина (Мининского университета),
заслуженный деятель науки РФ;

В. И. Шаров,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры математики,
информатики и информационных технологий НА МВД России,
полковник полиции

Г72 Государство и право в изменяющемся мире : материалы международной научно-практической конференции, Н. Новгород, 5 марта 2015 г. — Н. Новгород : ПФ ФГБОУВО «РГУП», 2016. — 1206 с.
[Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://vrb.rgup.ru/>

В настоящем сборнике представлены материалы докладов участников международной научно-практической конференции «**Государство и право в изменяющемся мире**», которая состоялась 5 марта 2015 г. в Приволжском филиале Российского государственного университета правосудия. Издание представляет результаты раздумий юристов, философов, психологов, лингвистов, педагогов о закономерностях и парадоксах настоящего времени и правового пространства.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и юридических учреждений и всех интересующихся проблемами взаимоотношений государства и гражданина через призму права.

ISBN 0-0-000-000-0
2016

УДК 34(063)
ББК 67я431

© ПФ ФГБОУВО «РГУП»,
© Коллектив авторов, 2016

Оргкомитет конференции

Зимин Виктор Матвеевич, директор ПФ РГУП (председатель)

Журавлёва Юлия Вадимовна, заместитель директора ПФ РГУП по учебной и воспитательной работе (зам. председателя)

Краснова Ирина Юрьевна, помощник директора ПФ РГУП, (координатор)

Агутин Александр Васильевич, профессор кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП, д.ю.н., профессор (ведущий секции)

Востриков Павел Петрович, заведующий кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП, к.ю.н., доцент (ведущий секции)

Ипатова Ирина Серафимовна, заведующий кафедрой языкознания и иностранных языков ПФ РГУП, к.п.н., доцент (ведущий секции)

Кулагина Татьяна Дмитриевна, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, к.п.н., доцент (ведущий «круглого стола»)

Лаврентьев Александр Рудольфович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, к.ю.н., доцент (ведущий секции)

Малышева Елена Юрьевна, заведующий кафедрой гражданского права, к.ю.н., доцент (ведущий секции)

Пушкин Сергей Николаевич, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, д.ф.н., профессор (ведущий секции)

Редколлегия:

Н. А. Аменицкая, зав. кафедрой уголовно-процессуального права ПФ РГУП

П. П. Востриков, зав. кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП

Ю. А. Гладышев, зав. кафедрой уголовного права ПФ РГУП

Л. Н. Иванова, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП

Т. Д. Кулагина, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин ПФ РГУП

А. Р. Лаврентьев, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП

Е. Ю. Малышева, зав. кафедрой гражданского права, ПФ РГУП

С. М. Хужин, зав. кафедрой гражданского процессуального права ПФ РГУП

И.С. Ипатова, зав. кафедрой языкознания и иностранных языков ПФ РГУП,
ответственный за выпуск

Обращаем Ваше внимание, коллеги, что перед вами – **электронная версия материалов конференции**. Сборник материалов на бумажном носителе в силу объема предполагает другую верстку и, следовательно, номера страниц.

Ссылка на оба варианта сборника действительна.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия – ПРИГЛАШЕНИЕ</i>	13
---	----

РАЗДЕЛ I.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

<i>Алексеев С.Н.</i> Проблемы применения законодательства об административных правонарушениях	15
<i>Геворкян Д.С.</i> Проблемы соотношения государственной и частной поддержки нуждающихся в России в теоретическом наследии В.Ф. Дерюжинского.....	19
<i>Егоров Н.Ю.</i> Проблемы применения административного принуждения в России в теоретическом наследии И.Т. Тарасова.....	24
<i>Красножон О.В.</i> Правосознание как детерминанта обеспечения устойчивости государственного строя	29
<i>Кучерук И.В.</i> Процессуальные сроки в административном судопроизводстве: понятие, виды, значение.....	34
<i>Лаврентьев А.Р.</i> Проект общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: результаты комплексной экспертизы.....	38
<i>Лютова О.И.</i> Актуальные вопросы выбора системы налогообложения сельскохозяйственными товаропроизводителями	51
<i>Макарейко Н.В.</i> Актуальные вопросы исследования государственного принуждения	57
<i>Мастюков Н.Ю.</i> Отдельные аспекты механизма защиты избирательных прав	66
<i>Меньшикова Н.С.</i> Воспитание толерантного сознания и профилактика экстремизма – задачи совместной деятельности органов полиции и религиозных организаций в России	75
<i>Несвит Е.А.</i> Некоторые аспекты назначения административных наказаний в проекте кодекса об административных правонарушениях	80
<i>Никифорова С.А.</i> Проблемы эволюции системы административных органов в России в теоретическом наследии Э.Н. Берендтса.....	85
<i>Орлова Л.А.</i> Теневая экономика как угроза экономической безопасности государства	91
<i>Пирожок С.С.</i> Проблемы осуществления полицейской деятельности в правовом государстве в теоретическом наследии Роберта фон Моля.....	97
<i>Ремизов П.В.</i> Проблемы правового регулирования административной ответственности за нарушение требований экстраординарных административно правовых режимов	102
<i>Самойлюк Р.Н.</i> Принуждение как особый метод властного воздействия в деятельности государственных органов	108

<i>Стрекалин А.В.</i> Проблемы взаимодействия институтов гражданского общества и полицейского государства в теоретическом наследии В.В. Ивановского	114
<i>Субботин А.М.</i> Совершенствование системы административных наказаний	118
<i>Трусов Н.А., Петрянина О.А.</i> Конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности России на современном этапе	125

РАЗДЕЛ II.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Беляков А.В.</i> Прокуратура горьковской области в борьбе с преступлениями политической направленности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	132
<i>Востриков П.П.</i> Международно-правовая политика государства в области обеспечения национальной безопасности	141
<i>Голубева О.Д., Попова Е.П.</i> Актуальные проблемы исполнения судебных решений	148
<i>Дресвянникова Е.А.</i> О некоторых аспектах национальной стратегии Российской Федерации в области безопасности дорожного движения.....	154
<i>Елисеева В.С.</i> Мониторинг правоприменения и оценка регулирующего воздействия в системе правового мониторинга..	162
<i>Журавлева Ю.В.</i> К вопросу о конструкции «передача договора» в гражданском праве России.....	168
<i>Канищев В.П.</i> Воздействие глобализации и международного права на принципы становления национального права.....	180
<i>Королев Б.И.</i> История развития форм судебного процесса в российском процессуальном праве.....	190
<i>Краснова И.Ю.</i> К вопросу о понятии конкретизации права.....	199
<i>Маликова Н. Р.</i> Двойные стандарты в практиках применения международного права	206
<i>Мареев Ю.Л.</i> Российское энергетическое законодательство: в начале пути.....	216
<i>Миненко С.В.</i> Законодательные меры российского правительства по ослаблению позиций римско-католической церкви в западных губерниях империи (XVIII-XIX вв.)	223
<i>Мокошеева М.А.</i> Решение органа конституционной юстиции как норма права	232
<i>Палеха Р.Р.</i> Современное российское право: основные тенденции развития.....	240
<i>Попова В.В.</i> Влияние решений аттестационной комиссии на реализацию принципов равного доступа и профессионализма гражданских служащих.....	244
<i>Сапожников С.М.</i> Уездные земства Нижегородской губернии: некоторые проблемы реализации «Положения о земских учреждениях» 1864 года.....	249
<i>Торопкин А.И., Торопкин С.А.</i> Пенсионное законодательство России и европейских государств в XIX- начале XX вв.: сравнительный анализ	255

РАЗДЕЛ III.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>Аванесов Э.А.</i> Сфера предпринимательства как объект уголовно-правовой охраны в зарубежных странах	263
<i>Агеев А.Н., Бугаенко П.</i> Актуализация деятельности прокуратуры.....	271
<i>Агутин А.В.</i> К вопросу о смысле внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве	281
<i>Адаменко И.Е.</i> К вопросу об иностранных (либеральных) стимулах уголовно-процессуальной деятельности	291
<i>Аначкина Е.А.</i> Проблемы наделения лица статусом подозреваемого в современных условиях	296
<i>Афанасьев А.Ю.</i> Коррупционные риски в нормативно-правовом регулировании уголовно-процессуального доказывания: постановка проблемы	303
<i>Баглаева Е.М.</i> Объективная истина в уголовном процессе	310
<i>Бащин И.В.</i> Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ).....	319
<i>Богомоллов С.Ю.</i> Актуальные вопросы противодействия финансированию терроризма на международном уровне.....	325
<i>Бойко С. Я.</i> Мошенничество в сфере страхования (ст. 159 ⁵ УК РФ).....	332
<i>Бочкарев И.Е.</i> О направлениях деятельности юридических клиник в механизме противодействия коррупции	341
<i>Введенский А.Ю.</i> Своевременное реагирование законодательства способствует защите экономики	348
<i>Воробьев В.В.</i> Вредоносная программа – предмет или продукт преступления?.....	357
<i>Вызулин Е.А.</i> Место и роль органов внутренних дел, направления превенции террористических угроз в современных условиях.....	364
<i>Гладышев Д.Ю.</i> Необходимость коррекции отдельных статей УК РФ, касающихся уголовной ответственности сотрудников органов внутренних дел	368
<i>Гладышев Ю.А.</i> Траффикинг как социально-правовое явление: уголовно-правовые аспекты	374
<i>Головлев Ю.В.</i> Развратные действия (ст. 135 УК РФ): анализ состава, проблемы квалификации	381
<i>Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н.</i> В борьбе с преступностью политизация не должна вытеснять криминологизацию.....	387
<i>Дегтярев С.В.</i> О забытом... О криминалистической тактике!	398
<i>Жук И.О.</i> Использование компьютерной информации в процессе доказывания преступлений экономической направленности.....	401
<i>Зройчикова А.А., Цветков А.Н.</i> Ответственность за преступления, связанные с обманом, по зарубежному уголовному праву	409

<i>Ижнина Л.П., Паньшин В.И.</i> Уголовно-процессуальная форма как компонент обеспечения национальной безопасности	417
<i>Кабанов П.А.</i> Виктимологическая оценка состояния криминального травматизма в республике Татарстан: на материалах официальной статистики 2009–2013 гг.....	424
<i>Камалов Р.Н.</i> Крупный размер как проблемный вопрос объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ.....	432
<i>Круглова Д.В.</i> Эмансипация и уголовный процесс. Порядок производства по уголовному делу в отношении и (или) с участием эмансипированного несовершеннолетнего	436
<i>Кузнецов А.П.</i> Уклонение от административного надзора	440
<i>Кузнецова А.А.</i> Проблемы использования показаний журналиста в уголовно-процессуальном доказывании	447
<i>Кузнецова И.А.</i> Уголовная ответственность за манипулирование рынком по международному законодательству	456
<i>Кузьменко Е.С.</i> Особенности возбуждения уголовного дела и производства доказывания по уголовным делам о мошеннических действиях с использованием платежных карт.....	466
<i>Кучинская А.В.</i> Гарантии законности при производстве по делам несовершеннолетних в законодательстве России и зарубежных стран	476
<i>Лебедев А.Е.</i> Надлежащий специальный субъект преступления	485
<i>Летёлкин Н.В.</i> Уголовно-правовая политика противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных средств	490
<i>Лугинец Э.Ф.</i> «Процессуальная свобода» в стадии возбуждения уголовного дела	497
<i>Маслова Е.В.</i> Некоторые проблемные вопросы определения вины юридических лиц в современных условиях	506
<i>Никаноров С.А.</i> Размышления о новой модели уголовного судопроизводства	512
<i>Никифорова А.А.</i> Уголовно-правовой аспект контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 2002 УК РФ)	518
<i>Паньшин Д.Л.</i> Применение общих и специальных уголовно-правовых норм: вопросы теории и практики	524
<i>Пелевина А.В.</i> Квалифицирующие признаки компьютерных преступлений: проблемы дифференциации ответственности	530
<i>Петров С.В.</i> Детерминанты криминальных посягательств на кредитно-финансовую сферу экономики.....	537
<i>Петрянин А.В.</i> Актуальные вопросы противодействия преступлениям, содержащим в себе признаки экстремизма.....	544
<i>Петрянина О.А.</i> Актуальные вопросы противодействия преступлениям, сопряженным с занятием проституцией, характеризующимся применением насилия или угрозой его применения	551

<i>Потапова Н.Н.</i> О роли суда в организации проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан: сравнительный анализ законодательства России, Беларуси и Казахстана	559
<i>Просочкин А.М.</i> Особенности квалификации признаков хищения	567
<i>Ретин М.Е.</i> Исследование преступных связей при раскрытии преступлений в сфере агропромышленного комплекса.....	573
<i>Саакян А.Г.</i> К вопросу об организации доказывания по уголовным делам коррупционной направленности на стадии возбуждения уголовного дела	581
<i>Сапарбаев Д.С.</i> О развитии уголовно-правовой охраны права собственности на землю в Кыргызской Республике и странах СНГ	588
<i>Смирнова В.М.</i> Проблемы правоприменительной практики при избрании некоторых мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым)	594
<i>Солина О.А.</i> Развитие уголовной ответственности за хищение на этапе становления российского государства (на примере Русской Правды и Судебника 1497 г.).....	600
<i>Стенькин Ю.Ю.</i> Понятие преступлений в сфере антимонопольного законодательства	605
<i>Степанова М.А.</i> К вопросу о противодействии взяточничеству на современном этапе развития России.....	610
<i>Сухов С.Н., Бубнова О.Ю.</i> Современные аспекты ИТ-преступности.....	615
<i>Сыдыгалиев М.А.</i> Актуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних (на примере Кыргызской Республики)	622
<i>Табункина Т.А.</i> Актуальные вопросы уголовного преследования при осуществлении дознания в сокращенной форме.....	627
<i>Терехин В.В.</i> О состязательном стандарте допустимости доказательств в уголовном процессе.....	632
<i>Трошкин Е.З., Агутин А.В.</i> К вопросу о мировоззренческих основаниях средств уголовно-процессуальной деятельности	642
<i>Тутикова И.А.</i> Право на жалобу как показатель активной жизненной позиции участников уголовного судопроизводства	651
<i>Царёв Е.В.</i> Влияние регионального нормотворчества на уголовное законодательство Российской Федерации	658
<i>Черных Е.Е.</i> Изменения уголовного законодательства в России об ответственности за преступления в сфере предпринимательства	665
<i>Чупрова А.Ю.</i> Ответственность за преступления в сфере электронной коммерции в европейском праве.....	671
<i>Шутова А.А.</i> Незаконная организация и проведение азартных игр как разновидность информационных преступлений в сфере экономической деятельности.....	678

РАЗДЕЛ IV.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Анисимова А.С.</i> Сеть Интернет и право.	685
<i>Баишыкова Е.И.</i> Установление доверительных отношений в процедуре медиации	689
<i>Бенедиктов Н.А.</i> Особенности русского менталитета: отражение в праве	694
<i>Бобрынин Н.Б.</i> Информационные технологии как средство интеграции специальных дисциплин	701
<i>Вакуленко Р.Я., Медведева Е.А.</i> Экономическая безопасность Российской Федерации как условие эффективности государства.....	709
<i>Вакуленко Р.Я., Морозова Е.С.</i> Правовое регулирование предпринимательской деятельности и проблематика развития предпринимательства в России на современном этапе.....	717
<i>Васильев А.А.</i> Правовая интуиция.....	731
<i>Дегтярев Н.П.</i> Возрастание роли социально-гуманитарных дисциплин в профессиональной подготовке юристов	734
<i>Евдокимов С.В.</i> Избирательные органы в системе государственных институтов: сравнительно-правовой аспект	743
<i>Иванова Л.Н.</i> Формирование правовой культуры личности как условие эффективности права	751
<i>Кежутин А.Н.</i> Проблема аборта в среде российской медицинской общественности накануне Первой мировой войны.....	762
<i>Киреев Н.В., Филичкина Д.А.</i> Анализ энергоэффективности российской промышленности и приоритеты государственной инновационной политики в аспекте обеспечения экономического суверенитета России и устойчивого экономического роста.....	767
<i>Коновалова З.А.</i> Контрактная система и принцип эффективности.....	776
<i>Крыгин С.В.</i> Информационная безопасность – проблемы и решения.....	786
<i>Максаков В.П.</i> Экономический анализ социально-правовых явлений	793
<i>Маслова И.И., Садырова М.Ю., Маслов А.Д.</i> Правовая социализация российской молодёжи в избирательном процессе	798
<i>Мельцов В.М.</i> Политика мультикультурализма в современном мире	806
<i>Нагорнов Е.А.</i> Психиатризация судебной системы в XIX веке: от карательной избыточности к биополитике	813
<i>Новикова А.В.</i> Ретроспективный анализ развития коррупции в нашей стране	821
<i>Палеева О.А., Кондратьева Е.А.</i> О важности формирования учебно-познавательной компетенции у студентов-юристов.....	825
<i>Попова Е.П.</i> Формирование практических навыков оформления процессуальных документов у студентов-юристов как средство повышения доступности правосудия	830
<i>Пушкин С.Н.</i> Ювенальный суд в России	837

<i>Райкова Л.М.</i> Об истоках правового нигилизма молодежи	845
<i>Сосенков Ф.С.</i> Единство России как условие эффективности государства в политико-правовых воззрениях <i>С.С. Уварова</i>	854
<i>Тимощук Е.А.</i> Феноменологическое измерение юриспруденции	859
<i>Тимченко А.В.</i> Актуальные проблемы экономической безопасности Нижегородской области.....	868
<i>Треушников И.А.</i> Проблема философского обоснования функционирования правовой системы	877
<i>Шаймердянова Г.Ш.</i> Несовершеннолетний в системе современного российского правосудия.....	887
<i>Шиманская О.К., Матина Е.Г.</i> Социальное партнёрство государства и религиозных организаций в современной России: правовое обеспечение и региональная практика	896

РАЗДЕЛ V.

ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА

<i>Алексеева Н.А.</i> Коммуникативные качества юриста как условие успешного решения задач межличностного профессионального взаимодействия.....	906
<i>Ванина Т.О.</i> Сопоставительный анализ классификаций русских и английских фразеологических единиц как один из способов повышения языковой культуры будущих юристов в процессе обучения их иностранному языку.....	910
<i>Ватлецов С.Г.</i> О проблеме дефинирования понятий и терминов в современном праве.....	917
<i>Воронкова А.А., Нацвалова М.Ю.</i> Языковая личность российского юриста в XXI веке	923
<i>Гужова Н.В.</i> К вопросу о проведении комплексного экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства Российской Федерации	930
<i>Егорова Л.В.</i> Психолого-педагогические аспекты тестирования	934
<i>Жулидов С.Б.</i> О роли типологических и этно-культурологических межъязыковых расхождений в художественном переводе (на примере текстов детективной и юридической тематики).....	939
<i>Зайцева С.С.</i> Формирование культуры умственного труда студентов юридического вуза.....	949
<i>Ипатова И.С.</i> Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра	952
<i>Кириллова Н.Н.</i> О статусе оценочного дискурса в рекламационных посланиях	962
<i>Коваль О.И.</i> Особенности преподавания профессионального иностранного языка студентам юридического факультета.....	970
<i>Коларькова О.Г., Мэн Цзюньцзюнь.</i> Иностранный язык в профессиональной деятельности юриста.....	976
<i>Ланская И.А.</i> Проблема взаимоотношения языка и права	983
<i>Мифтахова Э.А., Ионова С.М.</i> Перспективы юриста, владеющего иностранным языком	988

<i>Орлова Л.Г.</i> Перевод и структурные модели английских двухкомпонентных терминов в подязыке «Юриспруденция»	992
<i>Русакова Н.Г.</i> Этический аспект культуры речи юриста.....	998
<i>Савина А.А., Кловер Джереми.</i> Из опыта обучения студентов юридических специальностей навыкам делового письма.....	1003
<i>Сметанина Н.П., Фролова И.А.</i> Праславянский глагол * <i>pekti</i> и его современные семантические производные.....	1007
<i>Соколова Е.Г.</i> Межкультурный аспект иноязычного образования будущих юристов.....	1018
<i>Соловьева О.Б.</i> Специфика лингвистического компонента содержания обучения профессионально ориентированной коммуникации на английском языке студентов юридических факультетов	1025
<i>Храмова Ю.Н., Хайруллин Р.Д.</i> Обучение английскому языку студентов юридического вуза на основе методов технологии критического мышления	1030

РАЗДЕЛ VI.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

<i>Ватлецов С.Г.</i> Установление противоправности при разрешении споров о защите деловой репутации корпорации	1041
<i>Зотов Д.В.</i> Микрофинансирование в России и за рубежом	1048
<i>Мальшиева Е.Ю.</i> Влияние международных финансовых институтов на современную правовую систему.....	1054
<i>Павлова О.Г.</i> Правовая характеристика отдельных видов информации, используемой в частно-правовых отношениях, осложненных иностранным элементом.....	1060
<i>Самойлов М.А., Новохацкая И.П.</i> Конкуренция отраслевой и автономной кодификации норм международного частного права.....	1068
<i>Селезнев А.Н.</i> Понятие «услуга» в международном и российском праве	1075
<i>Сергеева Е.С.</i> Международный опыт регулирования субъектов организованных торгов.....	1080
<i>Сорокина Н.А.</i> Квалификация торговых обычаев и торговых обыкновений в МЧП (на примере портовых обычаев).....	1087
<i>Степанова В.Е.</i> Энергоснабжение: конфликт норм международного и национального права	1093
<i>Татаренко Л.А.</i> Правовые режимы биотехнологий (международный и национальный аспекты).....	1098
<i>Чилингарян Л.В.</i> Правовое поле реализации норм закона «О торговле» в условиях вступления России в ВТО.....	1103
<i>Яковлева А.А.</i> Отдельные аспекты введения краудфандинга в России	1111

РАЗДЕЛ VII.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ
ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

<i>Банищикова И.А.</i> Нравственно-правовая социализация и экстремистские тенденции в молодежной среде.....	1119
<i>Ильичева А.И.</i> Языковое содержание современного юриста.....	1125
<i>Кулагина Т.Д.</i> Педагогические условия формирования толерантности у будущих юристов.....	1134
<i>Мальшиева Г.И.</i> Права и жизнь человека	1144
<i>Хутчева И.А.</i> Судебный процесс как одна из форм урока литературы, способствующая правовой социализации личности	1150

РАЗДЕЛ VIII.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

<i>Грачев С.А.</i> Порядок возбуждения уголовных дел по отдельным видам преступлений: нужна ли в законе особая форма?	1157
<i>Карпов Е.Н.</i> О некоторых процессуальных, организационных и гражданско-правовых средствах обеспечения противодействию коррупции судей.....	1163
<i>Клоков С.Н.</i> Генезис уголовно-процессуальных форм взаимодействия: от теории к практике	1172
<i>Лелетова М.В.</i> Особенности расследования экономических преступлений.....	1178
<i>Маркелов А.Г., Нефедов М.А.</i> Использование новых инструментов в организации и проведении следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики.....	1186
<i>Судиокова У.В., Ушаков А.Ю.</i> Исторический очерк возникновения и развития полномочий руководителя следственного органа.....	1194
<i>Федулов А.В.</i> Основные направления развития досудебного производства в уголовном процессе России на современном этапе	1203
<i>Список сокращений</i>	1206

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г. Нижний Новгород)

603022 Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 а, Тел./факс: (831) 433-58-99 e-mail: rap_pf_nnov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас **3 марта 2016 года** принять участие в работе
научно-практической конференции с международным участием
«ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

К участию в конференции приглашаются преподаватели образовательных организаций, докторанты, аспиранты, представители органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления и муниципальных органов, представители иных организаций.

Работа конференции будет проходить в форме научных докладов и дискуссий по следующим направлениям:

- **Актуальные проблемы теории и истории государства, права и правосудия**
- **Социально-гуманитарные основы эффективности государства и права**
- **Законодательство об административных правонарушениях в изменяющемся мире**
- **Гражданское право и гражданский процесс третьего тысячелетия**
- **Актуальные вопросы борьбы с преступностью в современных условиях**
- **Языковая личность в современном социуме**

В ходе конференции будет организована работа *круглого стола* на тему:
«Современные проблемы и тенденции правовой социализации молодежи».

Форма участия в конференции очная.
Каждый участник получит сертификат.

По итогам конференции планируется издание сборника материалов конференции с последующим включением в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**. Участие в конференции и публикация **бесплатно**. Оплата проезда и проживания участников конференции осуществляется за счет направляющей стороны.

РАЗДЕЛ I.

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

*Алексеев С. Н.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административного права и процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В представленной статье рассматриваются проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях в сфере общественного порядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: законодательство об административных правонарушениях; общественный порядок; общественная безопасность.

Область отношений, складывающихся в социуме и регулируемая законодательством об административных правонарушениях, в настоящий момент динамично меняется.

Н.В. Макарейко справедливо пишет: «Одной из проблем института юридической ответственности является нестабильность законодательства, регламентирующего данный правовой институт. Наиболее наглядным примером является состояние законодательства об административных правонарушениях. Так, с момента вступления в силу КоАП РФ, то есть с 1 июля 2002 г. по декабрь 2013 г. изменения были внесены 329 федеральными законами, а количество изменений превысило 2000. С января 2014 г. по ноябрь 2014 г. изменения в КоАП РФ были внесены более чем сорока федеральными законами. Очевидно, что такую законодательную активность нельзя признать оправданной» [4, с. 250].

Верно отмечает А.М. Субботин, что бессистемные изменения законодательства об административных правонарушениях порождают значительное количество проблем как технико-юридических, так и связанных с практическим применением норм КоАП РФ [5, с. 183].

Важно отметить, что особенным объектом правового регулирования являются общественный порядок и общественная безопасность. Правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность, законодатель отнес в отдельную главу КоАП РФ. Очевидно, что в результате противоправного поведения нарушается урегулирован-

ность общественных отношений. «Внутренне присущим признаком социальной общности, любого человеческого общества, – совершенно справедливо пишет В.А. Толстик, – является урегулированность и упорядоченность общественных отношений» [1, с. 45].

Общественное место является ключевым для квалификации административных правонарушений, посягающих на общественный порядок. В свою очередь, важно отметить, что большое количество противоправных деяний, в том числе и уголовных, совершаются в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Очевидно, что своевременное пресечение административных правонарушений в общественных местах, является предупреждением наступления иных более тяжких последствий, наступающих в результате противоправных действий. В свою очередь, эффективность действий правоприменителя во многом зависит от качественного нормативного обеспечения его деятельности.

Ведя речь о деятельности законодателя по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях, представим заслуживающие внимания внесенные им изменения, которые содержат дискуссионные моменты, касающиеся, к примеру, потребления (распития) алкогольной продукции в общественных местах (ст. 20.20. КоАП РФ).

«Критика – постоянный «спутник» законодательства, – отмечает П.В. Ремизов, – от функционирования которого в значительной мере зависит степень его совершенства и эффективность реализации» [2, с. 233]. Изменения прежде всего коснулись предмета административного правонарушения. Прежняя редакция нормы предусматривала административную ответственность как за распитие алкогольной, так и за распитие спиртосодержащей жидкости, – сегодня ответственность наступает исключительно за потребление алкогольной продукции. Думается, анализируемая норма по своей сути является превентивной и направлена на недопустимость иных негативных последствий, в том числе совершение преступлений в общественных местах. Безусловно, ввиду отсутствия ответственности, допуская возможность потребления на улицах, площадях, в парках и скверах различного рода спиртосодержащих технических жидкостей, парфюмерной продукции, лекарственных препаратов (не в медицинских целях) и др., законодатель лишает тем самым сотрудников полиции права применения к таким потребителям мер пресечения, возможности изоляции из общественных мест. Очевидно, данная категория лиц своим поведением все же наносит об-

щественный вред. Кроме того, именно эти лица одновременно и себе наносят немалый вред, подвергая себя алкогольным отравлениям; находясь же в общественных местах в зимнее время года, они подвергаются различным переохлаждениям и обморожениям.

В анализируемой норме, кроме того, изменения коснулись и другого элемента состава – места совершения правонарушения. Если в прежней редакции законодатель в самой норме конкретно указывал в качестве такового общественные места, то в настоящее время ст. 20.20 КоАП РФ стала бланкетной, ссылаясь на нормы Федерального закона от 22.11.1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [3, с. 1]. Между тем необходимо отметить, что объекты военного назначения и прилегающие к ним территории, которые, по сути, могут быть не общественными, указаны в качестве места противоправного поведения.

Анализ другой нормы рассматриваемой главы (ст. 20.22 КоАП РФ – нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ) позволяет заключить, что изменения должны были коснуться не только самой нормы, но систематизации самого закона, поскольку место совершения противоправного действия несовершеннолетнего перестало быть исключительно общественным. Важно подчеркнуть и то, что субъектом данного административного правонарушения выступает не сам несовершеннолетний, а родители или иные законные представители несовершеннолетнего. В связи с этим, полагаем, что логичнее изложить объективную сторону правонарушения в диспозиции данной нормы несколько иначе, указав при этом на противоправность деяния привлекаемых к ответственности лиц, а не исключительно несовершеннолетнего. Противоправность по смыслу данной нормы выражается в неисполнении родителями или законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетнего, выразившиеся в нахождении в состоянии опьянения несовершеннолетнего, потреблении (распитии) им алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потреблении им наркотических средств или психотропных веществ.

Необходимо отметить также и то, что за неисполнение родителями или законными представителями несовершеннолетних обязанностей по

содержанию и воспитанию несовершеннолетних предусмотрена административная ответственность (ст. 5.35 КоАП РФ). Ввиду того, что деяние ст. 5.35 КоАП РФ (действие либо бездействие) может проявляться самым различным образом, а объектом правонарушения, предусмотренного ст. 20.20 КоАП РФ, в силу внесенных изменений перестали быть исключительно отношения в сфере общественного порядка, то рассматриваемые нормы можно соотнести как общее и специальное соответственно. Более того, санкции данных норм различны, а субъектами административной юрисдикции, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях и рассматривать дела об административных правонарушениях, являются по данным нормам одни и те же лица.

Таким образом, указанные доводы позволяют предложить дополнить ст. 5.35 КоАП РФ отдельной частью, которая устанавливала бы административную ответственность родителей или законных представителей несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, выразившиеся в нахождении в состоянии опьянения несовершеннолетних, потреблении (распитии) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потреблении ими наркотических средств или психотропных веществ. Соответственно с возможностью исключения ст. 20.22 КоАП РФ из главы КоАП РФ, содержащей составы административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.

Список литературы

1. *Радько Т.Н.* Функции права / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. Н. Новгород, 1995.
2. *Ремизов П.В.* Критика законодательства: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
3. *Российская газета.* 1995. 29 ноября.
4. *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации. М.: Юрлитинформ, 2015.
5. *Субботин А.М.* Актуальные проблемы административно-деликтного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.

*Геворкян Д. С.,
помощник судьи
Арбитражного суда СЗО,
г. Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ПОДДЕРЖКИ НУЖДАЮЩИХСЯ В РОССИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.Ф. ДЕРЮЖИНСКОГО

Статья посвящена проблемам оказания помощи нуждающимся в России, соотношения государственного призрения и общественной благотворительности, выбора форм оказания помощи нуждающимся в Российской империи, нашедших отражение в трудах выдающегося российского юриста В.Ф. Дерюжинского (1861–1920).

Ключевые слова: призрение; государственное призрение; благотворительность; частная благотворительность в Российской империи; В.Ф. Дерюжинский.

В социальной истории России есть темы, изучение которых является не только данью уважения и интереса к прошлому, но и источником полезного исторического опыта для современного общества. К таким темам можно отнести историю общественного призрения и благотворительности.

Государственное призрение как форма обеспечения престарелых и нетрудоспособных в Западной Европе оформилась в XVI в. Концептуальной основой деятельности государства в этой сфере выступала философия эвдемонизма [14]. Оказание призрения государством основывалось не только на помощи беднякам, но и на системе карательных мер, применение которых базировалось на убеждении, что бедность наступает по вине впавшего в бедность и ему не стоит оказывать поддержку, а лишь карать за его вину. Представления о паразитическом и «греховном» характере лиц, нуждающихся в помощи, получили в то время широкое распространение. Поэтому при осуществлении государственного призрения цель предоставляемой помощи состояла не столько в защите нуждающегося населения, сколько в защите благополучной части общества от угрозы распространения болезней, преступности, беспризорности [15, с. 13].

Пределы и формы благотворительности подвергались с течением времени различным модификациям, более или менее существенным, в

зависимости от изменявшихся воззрений на задачи правительства и от успехов в изучении и понимании общественных явлений [10, с. 123–125].

На рубеже XVIII–XIX вв. произошла институционализация государственного призрения и общественной благотворительности: оформились институты помощи, были приняты нормативные акты, регулирующие деятельность не только приказов общественного призрения, но и благотворительную деятельность в обществе [17, с. 197; 13, с. 37–43].

Особенностью представлений о благотворительности конца XIX – начала XX вв. являлось преобладание более ограниченного и более определенного взгляда на задачи общественного призрения. Если раньше в мерах призрения нередко видели средство искоренить само явление бедности, то в XIX в. в них перестали видеть панацею против нищеты, борьба с которой возможна лишь посредством сложной системы мероприятий экономической политики, направленных на общий подъем материального благосостояния народа [4, с. 87].

Конец XIX – первая четверть XX в. – период невмешательства государства в регулирование отношений по обеспечению средствами существования стариков, инвалидов, сирот, безработных – беднейших слоев населения. Буржуазное государство предлагало в этот период реципированные из рабовладельческого и феодального права гратисарные формы: частную благотворительность, государственное или общественное призрение, сбор милостыни.

Частная благотворительность рекомендовалась как выполнение нравственной христианской обязанности, с одной стороны, и как средство для улучшения отношений между богатыми и бедными – с другой. Даже наиболее прогрессивные представители буржуазии, придя к власти, не считали возможным устанавливать какие-либо иные формы обеспечения стариков и нетрудоспособных, кроме как общественного призрения.

Проблемы государственной поддержки незащищенных социальных слоев стали важным вопросом научных исследований и практической деятельности российских юристов конца XIX – начала XX в. [11, с. 78–104; 9, с. 11–18; 1, с. 31–37; 12, с. 66–67].

Серьезное участие в работе по общественному призрению принимал В.Ф. Дерюжинский (1861–1920), автор научных работ по государственному и полицейскому праву, видный публицист и общественный деятель, действительный статский советник. В.Ф. Дерюжинский много писал о призрении бедных, помогая выработать адекватный взгляд на

проблему, а с 1897 г., с момента основания, до 1917 г. являлся редактором журнала «Трудовая помощь», издаваемого Комитетом попечительства. Деятельность В.Ф. Дерюжинского оказала влияние на выработку государственной политики в области социального призрения.

В.Ф. Дерюжинский осуществил анализ большого числа разнообразных правовых актов, нормы которых касались системы государственного призрения и общественной благотворительности, и представил характеристику нормативной базы общественного призрения в труде «Заметки об общественном призрении» [3; 2]. Это исследование в полном объеме было включено в качестве отдельного раздела в учебное пособие для студентов по курсу «Полицейское право», выдержавшее четыре издания [6]. Взгляды В.Ф. Дерюжинского на цели общественного призрения и оптимальные формы его осуществления нашли отражение и в иных работах ученого [16; 5; 8].

По мнению Дерюжинского, призрение бедных составляет лишь часть общего социального вопроса. Тогда как в область последнего входят основные вопросы самой общественной организации, под призрением бедных обычно подразумевают систему мер, имеющих своей задачей организовать возможно лучшую помощь бедным при наличности данных общественных и экономических отношений. Но и в этой более простой форме вопрос о мерах помощи бедным вызывал довольно серьезные разногласия [7, с. 440–442].

В.Ф. Дерюжинский замечал, что в течение длительного времени дело призрения бедных всецело находилось в руках частной инициативы (прежде всего церкви, духовенства), на помощь которому охотно приходило общество [7, с. 443]. Однако, отмечал В.Ф. Дерюжинский, история показывает, что те меры, которые применялись для искоренения нищенства, оказывались мало действительными и иногда даже способствовали распространению нищенства. Именно в связи с этим призрение, находившееся в руках церкви и духовенства, спровоцировало появление нищенства как особой профессии.

Право бедняка на помощь никем не может оспариваться, полагал Дерюжинский, так как вовремя оказанная помощь человеку, впадшему в бедность не из лени, а в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, дает ему возможность снова подняться на ноги. Правильная организация общественного призрения бедных, количество которых служит показателем благосостояния государства, по мнению В.Ф. Дерюжинского, – одна из важнейших задач государства [8, с. 77–782]. Но помимо государственных и общественных учреждений, пре-

следующих цели призрения бедных, считал Дерюжинский, ничуть не меньшее значение имеют частные благотворительные учреждения [16, с. 263–264]. Как бы хорошо ни была организована помощь бедным со стороны государства, для частной благотворительности остается широкое поле для деятельности [7, с. 465].

В.Ф. Дерюжинский подчеркивал, что важным условием эффективного решения практических задач в области призрения бедных является взаимодействие между частной благотворительностью и государственными органами призрения [8, с. 82]. Наличие государственного обязательного призрения порождает в обществе уверенность, что неотложная и безусловно необходимая помощь обеспечена за каждым нуждающимся, и поэтому частная благотворительность получает возможность направлять свою деятельность туда, где необходима помощь сверх того минимума, который обеспечивается государством, и где, благодаря этому, может быть достигнуто не только устранение нужды в настоящем, но и возможное предупреждение ее в будущем [7, с. 67].

Таким образом, известный российский юрист В.Ф. Дерюжинский своими исследованиями в области призрения бедных внес вклад в развитие теории социальной работы. Сущностным выводом В.Ф. Дерюжинского являлся вывод о целесообразности комбинирования двух начал в деле призрения нуждающихся – государственного обязательного призрения и частной благотворительной деятельности.

Список литературы

1. *Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С.* Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торговом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А.И. Елистратова и В.Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 31–37.
2. *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении // Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. 1896. № 1; 1897. № 10.
3. *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. М., 1893.
4. *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. М., 1897.
5. *Дерюжинский В.Ф.* Общественное призрение у крестьян. СПб., 1899.
6. *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1903; доп. изд. СПб., 1907; 2-е изд. СПб., 1908; 3-е изд. СПб., 1911; 4-е изд. СПб., 1917.
7. *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1908.

8. [Дерюжинский В.Ф.] Краткий очерк полицейского права (сост. по лекциям проф. Дерюжинского, изд. 1903 и доп. к его курсу, изд. 1907 г.). СПб., 1907.

9. *Нижник Н.С.* Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №2 (54). С. 11–18.

10. *Нижник Н.С.* Редистрибуция – реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: материалы межвуз. научно-практ. конф., СПб., 21 июня 2003 г. / под ред. Д.И. Луковской. СПб., 2003. С. 123–125.

11. *Нижник Н.С.* Создание детских воспитательных учреждений как способ защиты интересов ребенка в дореволюционной России // Историко-правовой вестник. Вып. 3: Сборник научных статей / отв. ред. А.С. Туманова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 78–104.

12. *Нижник Н.С., Держилева С.Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73.

13. *Нижник Н.С., Держилева С.Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

14. *Нижник Н.С., Держилева С.Ю., Геворкян Д.С.* Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

15. *Путило Н.В.* Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

16. *Систематический сборник очерков по отечествоведению* / Сост.: М.Н. Беклемишев, В.Ф. Дерюжинский, Н.А. Карышев и др.; под ред. ген.-лейт. Ф.А. Фельдмана. Ч. 1–2. СПб., 1898.

17. *Фирсов М.В.* История социальной работы: Учебное пособие для высшей школы. Изд. 3-е. М., 2009.

*Егоров Н. Ю.,
адъюнкт кафедры
теории государства и права
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РОССИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И.Т. ТАРАСОВА

Статья посвящена проблеме административного принуждения как мере ограничения прав и свобод гражданина, нашедшей отражение в трудах выдающегося российского юриста, полицейиста, административиста И.Т. Тарасова (1849–1929).

Ключевые слова: государственное принуждение; административное принуждение; ограничение прав и свобод гражданина; российская полицейистика; полицейское государство; И.Т. Тарасов.

В условиях провозглашения российским государством себя правовым, а прав и свобод человека и гражданина – высшей ценностью, все чаще возникает вопрос о мерах ограничения прав и свобод человека и гражданина, условиях и пределах применения данных мер, а также защите прав и свобод при их ограничении.

До сих пор для ученых-теоретиков и юристов-практиков вопросы применения принуждения остаются дискуссионными. Важный вклад в их разработку внесли европейские [3] и российские [2; 1] ученые-полицейисты, рассматривавшие способы регулирования общественных отношений в государстве.

Большое внимание проблеме административного принуждения как мере ограничения прав и свобод гражданина в своих работах уделял выдающийся российский юрист, государствовед, полицейист, административист Иван Трофимович Тарасов (1849–1929).

И.Т. Тарасов внес значимый вклад в развитие российской полицейистики. Рассматривая полицейское право как науку о правовых нормах, регламентирующих полицейскую деятельность государства [7, с. 3], И.Т. Тарасов комплексно изучал проблему организации и деятельности институтов исполнительной власти, конструктивным элементом которой является «принудительная власть». Ученый указывал, что для «претворения в жизнь» законов, которые существуют

в государстве, органы и должностные лица исполнительной власти должны быть наделены соответствующими полномочиями, в том числе и мерами административного принуждения.

И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что ввиду многочисленности и разноплановости задач полиции и их неодинакового значения, меры полиции разнообразны и многочисленны [6, с. III], что при изучении института исполнительной власти нельзя не заметить особого значения исполнительной функции полицейской деятельности; что нельзя допускать недооценки или переоценки этой характеристики полицейской деятельности [6, с. III]. «Отыскать середину, определить правильное соотношение между задачами полиции и средствами к их исполнению, исходя из понятия о политико-гражданской свободе, – вот главнейшая задача общей части науки полицейского права», – подчеркивал И.Т. Тарасов [6, с. III].

И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что для успешного выполнения задач в каждой области, органы, осуществляющие полицейскую деятельность, должны пользоваться властью. Ее И.Т. Тарасов называл «исполнительной» и выделял ее виды – «распорядительную» и «принудительную» власть [7, с. 64].

Распорядительная власть заключалась в наделении высших органов исполнительной власти правом издания распоряжений, а должностных лиц и управлений, действующих во исполнение данных распоряжений, – правом издания предписаний и приказаний [7, с. 65]. Должностные лица наделались правом давать предписания и приказания подчиненным должностным лицам и гражданам.

И.Т. Тарасов одним из первых среди российских полицейистов поставил вопрос о том, что распоряжения высших органов исполнительной власти не должны противоречить закону. Распоряжение, по мнению И.Т. Тарасова, должно «стоять рядом с законом» и соотноситься с ним так, как соотносится распоряжение с предписанием. Если распоряжение незаконно по форме или по существу, если оно имеет цель – нарушение закона, если оно преступно, то исполнение его будет незаконным. Именно поэтому И.Т. Тарасов наделял граждан правом сопротивления или неповиновения незаконным распоряжениям и предписаниям «в отношении к явно неправильным с внешней стороны или по форме действиям, распоряжениям и предписаниям» [8, с. 64].

Принуждением, по мнению И.Т. Тарасова, является та деятельность администрации, посредством которой устраняется и подавляется сопротивление, встречаемое администрацией при исполнении ею законных задач [5, с. 67]. И.Т. Тарасов указывал, что принудительная власть создана с целью обеспечения распорядительной власти при неуклонном соблюдении принципа законности [7, с. 66].

Отличительная черта деятельности полиции – в «особом характере и специальных задачах». И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что, оберегая общество от различных опасностей (стихийных бедствий, эпидемий, пожаров) и одних людей от других, полиция выступает с различными запрещениями, применяя для этого принуждение, а в определенных ситуациях – оружие [4, с. 701]. Ученый подчеркивал, что посредством принуждения можно нарушить права и свободы граждан. Чтобы этого не случилось, принуждение должно применяться только в крайнем случае.

И.Т. Тарасов выделял «право принуждения» («право принудительной власти») – совокупность принудительных мер, на применение которых уполномочены законом администрация и полиция [7, с. 67], и подчеркивал при этом, что границы данного права и условия его осуществления должны получить четкое определение.

Основными формами принуждения, по И.Т. Тарасову, являются:

- 1) судебная власть полиции и администрации;
- 2) личное задержание;
- 3) вооруженное принуждение;
- 4) исключительное, осадное или чрезвычайное и военное положение [7, с. 64].

Полицейская деятельность, по мнению И.Т. Тарасова, включает в себя «положительные» и «отрицательные» меры, положительную и отрицательную деятельность. Положительные меры заключаются в покровительстве, дозволении, содействии, поощрении, возбуждении, устранении препятствий [7, с. 104]. Положительная деятельность не предполагает принуждения, а отрицательные меры, отрицательная деятельность именно на нем и строятся, предполагая использование запрещений, понуждений, ограничений, стеснений.

Серьезное внимание И.Т. Тарасов уделял вопросу личного задержания как одной из форм административного принуждения. «Государство в своей полицейской деятельности соприкасается со столь живыми интересами граждан, берет под свою защиту столь важные

отношения, что и полицейские меры государства в этом случае соответствуют значению задачи, и полиция вторгается в сферу индивидуальной жизни граждан столь далеко, что прибегает в определенных случаях даже к временному лишению свободы, хотя некоторые и не признают за ней этого права в качестве самостоятельного» [6, с. III].

«Где право, там средство его защиты», – с этих строк начинается основная часть магистерской диссертации И.Т. Тарасова по специальности «Полицейское право» на тему: «Личное задержание как полицейская мера безопасности», которую он защитил в 1875 г. [6, с. III]. И.Т. Тарасов указывал, что у граждан как у одной из сторон правоотношений с государством, имеются определенные средства защиты от злоупотребления органов полицейской деятельности. Данные средства защиты обеспечиваются с помощью мер превентивного и репрессивного характера [7, с. 108]. К мерам превентивного характера Тарасов относил увещания, угрозы, поощрения, регламентацию, отчетность, ревизии, контроль и административную юстицию; к мерам репрессивного характера – дисциплинарную и судебную ответственность [7, с. 108]. И.Т. Тарасов подчеркивал, что у каждого частного лица должно быть право на подачу жалобы на незаконные распоряжения администрации в случае нарушения его законных прав и интересов [5, с. 67].

Нарушение администрацией и полицией прав и свобод граждан И.Т. Тарасов рассматривал как особый вид противоправных действий – «административную неправду» [7, с. 115] и относил его к группе правонарушений в сфере государственного управления. В работах И.Т. Тарасова ставится вопрос о соблюдении прав и свобод граждан, которые могут быть обеспечены с помощью института административной юстиции.

Таким образом, в российской юридической науке дореволюционной России был поставлен вопрос о возможностях ограничения прав и свобод граждан и их пределах. И.Т. Тарасов одним из первых обратился в контексте этого вопроса к проблеме административного принуждения, охарактеризовал сущность административного принуждения и предпринял попытку определения условий его применения. Особое внимание И.Т. Тарасов обратил на законность применения принуждения, на сущность и пределы «права принуждения», «права принудительной власти». Работы И.Т. Тарасова, касающиеся

вопросов административного принуждения как меры ограничения прав и свобод гражданина, продолжают сохранять свою значимость для определения оптимальных моделей защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России.

Список литературы

1. *Дергилева С.Ю.* Государственно-правовые воззрения А.И. Елистратова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

2. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73

3. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

4. *Правовая наука и юридическая идеология России: Энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В.М. Сырых.* Т. 1. М., 2009.

5. *Тарасов И.Т.* Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2. Общая часть. М., 1910.

6. *Тарасов И.Т.* Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Киев, 1875.

7. *Тарасов И.Т.* Очерк науки полицейского права. М., 1897.

8. *Тарасов И.Т.* Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М., 1891.

*Красножон О. В.,
адъюнкт кафедры
теории государства и права
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

Статья посвящена правосознанию сотрудников органов внутренних дел, которое, по мнению автора, является детерминантой эффективной деятельности правоохранительных органов, охраны общественного порядка и обеспечения устойчивости государственного строя.

Ключевые слова: правосознание; профессиональное правосознание; профессиональное правосознание сотрудника органов внутренних дел; полиция.

Правоохранительная функция остается одной из важнейших и в государствах XXI в. На развитие и деятельность правоохранительных органов обращают серьезное внимание и в современном Казахстане, и в Российской Федерации. Сущностным фактором, оказывающим воздействие на эффективную работу правоохранительных органов и полицейской системы [5, с. 6–8], является правовое сознание их сотрудников.

Особое значение проблеме правосознания и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов было придано в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденной 4 мая 2011 г. Целый ряд исследований последних лет посвящен проблемам правосознания и правоприменения работников правоохранительных органов, укреплению законности, а также правовому воспитанию в системе органов внутренних дел [см.: 7; 6].

Профессиональное сознание сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации является одним из видов профессионального сознания юристов, но вместе с тем не отождествляется с правосознанием судей, адвокатов, работников прокуратуры. Профессиональное правосознание сотрудников полиции имеет свои специ-

фические черты, которые обусловлены различными обстоятельствами:

– не все сотрудники имеют высшее юридическое образование, а те, кто и хотели бы его получить, не имеют такой возможности из-за большой загруженности по службе;

– в процессе службы сотрудники полиции вынуждены вступать в контакт с самыми различными слоями населения, в том числе с противопослушными;

– в процессе служебной деятельности сотрудники полиции подвержены действию разнообразных факторов, способствующих их профессиональной деформации.

Правосознание является сложной социально-правовой категорией, играющей важную роль в механизме регуляции поведения личности в юридически значимых ситуациях. Посредством правосознания происходит теоретическое и практическое освоение правовой действительности, формируются навыки, установки и, в конечном счете, готовность к их использованию в реальных правовых отношениях.

Для осуществления грамотной правоприменительной деятельности правоохранительных органов требуются юристы-профессионалы, которым необходимы не только масса специальных знаний, но и владение законодательством и овладение навыками его применения. Это означает, что:

1) юридические знания правоприменителей должны отличаться конкретностью и детализированностью;

2) специализированность профессиональных юридических знаний должна проявляться в их системности;

3) специализированность профессионального правосознания должна проявляться в умении практического применения юридических знаний [8, с. 58–60].

Правоприменение напрямую связано с профессиональным правосознанием сотрудников: чем выше уровень правосознания среди работников правоохранительных органов, тем качественней будет применяться право, что, соответственно, повысит уровень защищенности прав и свобод человека и гражданина, упрочнит законность, дисциплину, правовой и общественный порядок.

Избежать проблем с нарушением дисциплины и законности сотрудниками правоохранительных органов позволяет их правильное нравственно-правовое воспитание, которое должно осуществляться на трех уровнях:

- 1) изучение нравственных принципов и правовых норм;
- 2) превращение этих абстрактных понятий в мировоззренческие убеждения личности;
- 3) умение грамотно и творчески применять эти знания к конкретным ситуациям на практике (нравственно-правовое мышление).

Нравственно-правовое воспитание сотрудников правоохранительных органов осуществляется, как правило, по первому направлению в рамках служебно-боевой и морально-психологической подготовки путем ознакомления с предлагаемой информацией. Гораздо сложнее сделать эти знания личными убеждениями, а еще сложнее научить применять их на практике, когда приходится совершать нравственный выбор в условиях нетипичной (и тем более экстремальной) конкретной ситуации или при условии конфликта нравственных норм с интересами общества и личности.

Критерием сформировавшегося позитивного профессионального правосознания сотрудника органов внутренних дел можно считать:

- личный вклад сотрудника в решение значимых для сферы органов внутренних дел насущных проблем;
- позитивный характер ценностных ориентаций в ведущих направлениях правомерного поведения, проявляющийся в социально-активных мотивах;
- достигнутые положительные результаты по службе;
- отсутствие нарушений дисциплины и законности;
- степень удовлетворенности самой действительностью [4, с. 179].

Процесс правового воспитания сотрудников органов внутренних дел должен включать в себя несколько этапов:

- 1) овладение знаниями, необходимыми для профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел;
- 2) формирование позитивного отношения к праву;
- 3) выработка установок и мотивов профессионального поведения [4, с. 187].

Нравственно-правовая культура сотрудника органов внутренних дел должна быть профессиональным качеством, позволяющим сотруднику осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы в ней правовой интерес не утратил нравственные ориентиры и не выходил за пределы гуманистических ценностей, но, в то же время, не был бы и ущемлен в угоду ложно понимаемых нравственных норм. Должен соблюдаться тот «нравственный консенсус», о котором говорил на встрече с министром внутренних дел Российской Федерации и представите-

лей всех религиозных конфессий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [2].

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «О полиции» [1], одним из основных критериев оценки деятельности органов внутренних дел является общественное мнение. Данные опросов Фонда общественного мнения свидетельствуют о неуклонном повышении доверия населения к органам внутренних дел в последние годы. Более половины россиян доверяют полиции (54% в 2012 г. против 52% в 2011 г.). О положительном отношении к полиции в целом также заявляют более половины россиян (63% в 2012 г., 66% в 2013 г.) [3]. О росте доверия населения полицейским и органам внутренних дел свидетельствуют и результаты социологического опроса, проведенные в Санкт-Петербурге под руководством профессора Н.С. Нижник [7, результаты социологического опроса].

Правосознание сотрудников органов охраны правопорядка является детерминантой не только эффективной деятельности полиции, судов, прокуратуры и иных правоохранительных органов, но и охраны общественного порядка и обеспечения устойчивости государственного строя.

Список литературы

1. *Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»* (ред. от 3 февраля 2014 года) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2011. № 7. Ст. 900.

2. *Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на видеоконференции «Духовность. Нравственность. Закон»* 28 марта 2012 года. URL: <http://www.nizhgma.ru/news/10272.html/> (дата обращения: 11.01.2014).

3. *Официальный сайт МВД России*. http://mvd.ru/Deljatelnost/results/public_opinion/ (дата обращения: 05.05.2014).

4. *Безруков А.В.* Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 179.

5. *Нижник Н.С.* Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы междунар. научно-практ. конф., Краснодар, 19–20 сентября 2013 г.* / Министерство внутренних дел РФ, Краснодарский ун-т МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского уни-

верситета МВД России; / под общ. ред. канд. соц. наук. В.А. Сосова. Краснодар, 2013.

10. *Нижник Н.С.* Редистрибуция – реципрокация в контексте осмысления функций государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: материалы межвуз. научно-практ. конф., СПб., 21 июня 2003 г. / под ред. Д.И. Луковской. СПб., 2003. С. 123–125.

6. *Нижник Н.С.* Социюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3. С. 226–231.

7. *Нижник Н.С., Папырин В.В.* Законность как социюридический феномен. СПб., 2012.

8. *Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Сапун В.А., Федоров В.П., Янгол Н.Г.* Методологические проблемы правосознания сотрудников ОВД. СПб., 1986.

*Кучерук И. В.,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматриваются понятие и виды процессуальных сроков в соответствии с современным российским законодательством об административном судопроизводстве.

Ключевые слова: процессуальные сроки; административное судопроизводство; виды процессуальных сроков.

15 сентября 2015 года Федеральным законом Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 22-ФЗ вводится в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). КАС РФ регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции административных дел, в частности:

- о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций;
- об оспаривании нормативных правовых актов, решений действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, некоммерческих организаций, наделённых отдельными государственными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций, о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции;
- о взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц, а также административные дела;
- о приостановлении деятельности и ликвидации политической партии, другого общественного объединения, религиозной или иной некоммерческой организации;

- о прекращении деятельности СМИ;
- о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в спецучреждения;
- о госпитализации в психиатрический или противотуберкулёзный стационар в недобровольном порядке.

Вышеперечисленные категории административных дел рассматриваются и разрешаются по существу через процессуальные действия субъектов административного судопроизводства, которые ограничиваются установлением временных пределов для их осуществления. Установленные современным российским законодательством об административном судопроизводстве временные пределы осуществления процессуальных действий сформировали новый институт процессуальных сроков административного судопроизводства, который обеспечивает не только своевременное рассмотрение и разрешение административных дел, но и обязательное соблюдение норм административного судопроизводства лицами, участвующими в деле при реализации административной правосубъектности, а также решение такой задачи административного судопроизводства как правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел.

Данный институт не только обеспечивает вышеназванные задачи, но имеет важное значение для обеспечения деятельности судов в разрешении административных дел. Он также обеспечивает оперативность и экономность разбирательства; способствует своевременности их рассмотрения и разрешения; содействует определённости, устойчивости и ясности административно-процессуальных отношений сторон.

Определив правовую значимость в административном судопроизводстве института процессуальных сроков наравне с другими институтами, обеспечивающими реализацию задач административного судопроизводства, полагаем целесообразным легализовать понятие «процессуальные сроки» в норме ст. 18 КАС РФ «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе», либо в главе 8 КАС РФ «Процессуальные сроки». Мы понимаем под *процессуальными сроками в административном судопроизводстве время, установленное федеральным законодательством или судом, для совершения процессуальных действий по административным делам, возникшим из административных и иных публичных отношений.*

Процессуальные сроки в административном судопроизводстве имеют свои особенности, отличающие их от процессуальных сроков в

уголовном, гражданском и арбитражном процессе, несмотря на то, что они в определенной степени «перекочевали» из гражданского и арбитражного процесса. К таковым относятся:

а) процессуальные сроки в административном судопроизводстве могут быть установлены федеральным законодательством, если таковые не установлены законом, то они устанавливаются судом с учетом принципа разумности (часть 1 ст. 92 КАС РФ);

б) процессуальные сроки обеспечивают своевременное рассмотрение и разрешение административных дел, возникших из административно-публичных правоотношений;

в) процессуальные сроки придают процессуальным правоотношениям упорядоченность, определенность и дисциплинируют участников административного судопроизводства;

г) процессуальные сроки исчисляются не только годами, месяцами или днями, но и часами (части 3 и 4 ст. 92 КАС РФ);

д) назначение процессуальных сроков определено особой категорией рассматриваемых и разрешаемых административных дел, предусмотренных главами 22-32 раздела 4 КАС РФ;

е) исчисление процессуальных сроков определено наличием упрощенного (письменного) производства по административным делам, предусмотренного главой 33 раздела 5 КАС РФ.

Перечисленные особенности процессуальных сроков позволяют провести их классификацию по ряду оснований: по порядку их установления; по способу исчисления; по субъектам, которым адресованы процессуальные нормы; по стадиям административного судопроизводства.

По порядку установления сроки подразделяются на:

1) нормативные, т.е. установленные федеральным законом (например: срок разрешения вопроса о принятии административного искового заявления к производству – часть 1 ст. 127 КАС РФ);

2) судебные, т.е. устанавливаемые самостоятельно судом (судьей) (часть 1 ст. 92 КАС РФ). Данный процессуальный срок должен устанавливаться с учетом принципа разумности (пункт 4 ст. 6 КАС РФ «Принципы административного судопроизводства»).

По способу исчисления сроки подразделяются на:

1) конкретные отрезки времени (года, месяцы, дни, часы) – части 2–4 ст. 92 КАС РФ;

2) календарные даты (часть 2 ст. 92 КАС РФ);

3) указание на определенное событие (место, порядок осуществления процессуальных действий) – часть 2 ст. 92 КАС РФ.

По субъектам, которым адресованы процессуальные сроки:

1) сроки для действий, совершаемых самим судом (судьей), рассматривающим административное дело;

2) сроки для действий основных участников административного судопроизводства;

3) сроки для участников административного судопроизводства, содействующих рассмотрению административного дела.

По стадиям административного судопроизводства сроки подразделяются на:

1) сроки принятия и рассмотрения административного искового заявления;

2) сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалоб, представлений;

3) сроки рассмотрения коллегияльных и надзорных жалоб, представлений;

4) сроки подачи заявлений, представления о пересмотре судебного акта по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

В КАС РФ нашли закрепление общие сроки для рассмотрения административных дел: до 3-х месяцев для рассмотрения дел в ВС РФ и до 2-х месяцев для рассмотрения дел во всех остальных судах (часть 1 ст. 141 КАС РФ). Частью 2 ст. 141 КАС РФ эти сроки могут быть продлены максимально на 1 месяц. Для отдельных категорий административных дел установлены как более короткие сроки – например, по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ – административное дело рассматривается в течение 5 дней, так и более длительные – например, по делам о взыскании обязательных платежей и санкций такой срок составляет 3 месяца вне зависимости от того, в каком суде рассматривалось дело (ст. 289 КАС РФ).

Резюмируя, отметим, что в КАС РФ процессуальные правоотношения в достаточной степени упорядочены, чем будет обеспечена оперативность, экономичность совершения процессуальных действий и дисциплинированность участников административного судопроизводства.

*Лаврентьев А. Р.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРОЕКТ ОБЩЕЙ ЧАСТИ КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье представлены результаты обсуждения проекта Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», рассматриваемого в Государственной Думе. Указаны недостатки концептуального характера, недостатки в структурировании проекта, технико-юридические недостатки и коррупциогенные факторы.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть); административное правонарушение; административная ответственность.

5 марта 2015 г. в ПФ РГУП на секции «Проблемы теории и практики применения государственного принуждения в изменяющемся мире» в рамках международной научно-практической конференции «Государство и право в изменяющемся мире» было проведено обсуждение¹ проекта Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (далее – проект Кодекса), внесенного депутатами

¹ В заседании секции приняли участие: Галанов А.С., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н., доцент; Красильникова Н.А., руководитель аппарата комитета Законодательного Собрания Нижегородской области по информационной политике, регламенту и вопросам развития гражданского общества; Кучерук И.В., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП; Лаврентьев А.Р., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н., доцент; Ларионов В.П., начальник государственного правового управления Законодательного Собрания Нижегородской области; Макарейко Н.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, докторант Нижегородской академии МВД России, к.ю.н., доцент; Несвит Е.А., доцент кафедры административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления РАНХиГС, к.ю.н.; Ремизов П.В., старший преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, к.ю.н.; Степанов Д.В., руководитель аппарата комитета Законодательного Собрания Нижегородской области по вопросам государственной власти и местного самоуправления; Субботин А.М., начальник кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, к.ю.н.; Тищенко С.В., заведующая кафедрой экологического, земельного и градостроительного права ННГАСУ, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н., доцент; Трусов Н.А., начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н., доцент; Тютин Д.В., заместитель председателя Арбитражного суда Волго-Вятского округа, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н.; Федосин А.С., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н.; Фролов С.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, к.ю.н., доцент.

Государственной Думы А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным в начале 2015 года. Участниками обсуждения было отмечено, что в проекте Кодекса сделана попытка «встроить» в Общую часть действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) ряд новелл:

- предложено снизить возраст административной ответственности;
- сформулированы единые принципы административной ответственности и производства по делам об административных правонарушениях;
- уточнены некоторые определения понятий («административное правонарушение») и введены новые («административная ответственность», «длящееся административное правонарушение», «неоднократное административное правонарушение», «повторное административное правонарушение»);
- административные правонарушения подразделены на категории, для каждой из которых установлены особые сроки давности привлечения к административной ответственности, а также особенности назначения административных наказаний;
- дополнен перечень видов административных наказаний;
- расширены перечни обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, правовые последствия их наличия;
- конкретизирован механизм назначения отдельных административных наказаний;
- изменены (в основном – увеличены) сроки давности привлечения к административной ответственности и срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, и др.

Признавая позитивный характер некоторых включенных в проект Кодекса нововведений, участниками обсуждения было отмечено, что его концепция ошибочна и имеет существенные недостатки:

1. Недостатки методологического характера:

– издание документа в новой редакции предполагает существенную переработку нормативного правового материала, на основе которого он издается. В Общей части КоАП РФ и проекте Кодекса большая часть текста почти дословно совпадает. Из текста проекта Кодекса и

пояснительной записки к нему неясно, зачем нужен именно проект Кодекса, если эти нововведения можно реализовать путем внесения изменений в действующий КоАП РФ?

– систематизация законодательства путем кодификации предполагает пересмотр нормативного материала не только Общей, но и Особенной части КоАП РФ, поскольку, например, предлагаемые проектом Кодекса новые виды административных наказаний без конкретизации в составах административных правонарушений Особенной части КоАП РФ не позволяют оценить выстраиваемую систему административной ответственности. «Отрыв» проекта Кодекса от раздела IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях» не дает возможности оценить перспективы практической реализации норм материального права в деятельности различных административно-юрисдикционных органов. Осуществление частичной кодификации возможно при полномасштабной реформе путем разделения КоАП РФ на: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, состоящий из Общей и Особенной частей (материальное право), и на Кодекс производства по делам об административных правонарушениях (процессуальное право), но проект Кодекса таких кардинальных изменений не предполагает. Кроме того, полагаем, что кодификация законодательства об административных правонарушениях должна затронуть и иные нормы: раздел IV части первой Налогового кодекса Российской Федерации, главу 8 и взаимосвязанные с ней нормы Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, главу 11 и взаимосвязанные с ней нормы Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации, нормы Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и др. Необходимо провести согласование норм КоАП РФ и Уголовного кодекса Российской Федерации (например, при установлении понятий «должностное лицо», при разграничении сходных по природе наказаний: административный штраф, обязательные работы, арест); норм КоАП РФ и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации;

– проект Кодекса не устранил диспропорцию в регулировании «административного и административно-процессуального законодательства» (пункт «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации) по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов

Российской Федерации «в пользу» Российской Федерации (*Таблица 1*). Так, не учтены предложения субъектов Российской Федерации о наделянии их полномочиями по установлению законами субъектов Российской Федерации большего перечня видов административных наказаний (например, обязательные работы в качестве альтернативы административному штрафу), чем существует в настоящее время (только предупреждение и административный штраф). Более того, невысокая эффективность законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях усугубляется ситуацией с отказом правоохранительных органов исполнять данное законодательство без заключения специальных договоров, носящих возмездный характер;

Таблица 1

Соотношение полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере правового регулирования административной ответственности в КоАП РФ и проекте Кодекса

	КоАП РФ		проект Кодекса		
	статья	полномочия	статья	полномочия	
				законами	подзаконными актами
Российская Федерация	ч. 1 ст. 1.3.	5	ст. 1.3.	14	13
			всего:	27	
субъекты Российской Федерации	ч. 1 ст. 1.3.1	8	ст. 1.4.	4	2
			всего:	6	

– необходимо провести настоящую ревизию норм российского законодательства, устанавливающего особенности привлечения к административной ответственности отдельных категорий лиц. Очевидно, что в ст. 3.7. – 3.14. проекта Кодекса раскрыты не все особенности. В контексте противодействия коррупции в Российской Федерации нужно сделать «прозрачными» особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении «спецсубъектов» (*Таблица 2*);

Таблица 2

**Особый порядок обеспечения производства
по делам об административных правонарушениях**

Должностное лицо (иной субъект)	Норма права, устанавливающая гарантии	Гарантии правового статуса
Президент Российской Федерации	Ст. 91 Конституции России	обладает неприкосновенностью
Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий,	Ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»	обладает неприкосновенностью не может быть привлечен к административной ответственности, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации
Члены Совета Федерации	Ст. 98 Конституции России; ст. 19, 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»	обладают неприкосновенностью в течение всего срока полномочий
Депутаты Государственной Думы		не могут быть привлечены к уголовной или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке
		не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску или допросу
		не могут быть подвергнуты личному досмотру
Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации	Ст. 12 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»	обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий не может быть привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке не может быть задержан, арестован, подвергнут обыску или допросу не может быть подвергнут личному досмотру
Судьи	Ст. 122 Конституции России; Ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»	неприкосновенны Личный досмотр судьи не допускается
Прокуроры и следователи органов прокуратуры	Ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»	Не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора и следователя, досмотр их вещей и используемого ими транспорта Любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного ими, является исключительной компетенцией органов прокуратуры

Окончание таблицы 2

1	2	3
Иностранные граждане, имеющие дипломатические иммунитеты	Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года); Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года); Конвенция о специальных миссиях (Нью-Йорк, 16 декабря 1969 года)	Не подлежит задержанию или аресту в какой бы то ни было форме
Члены семей иностранных граждан, имеющих дипломатические иммунитеты		Государство пребывания обязано относиться с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения посягательств на его личность, свободу и достоинство
		Пользуется иммунитетом от административной юрисдикции Не обязан давать показания в качестве свидетеля
Военнослужащие	Ч. 3 ст. 5, ст. 22 Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих»	могут быть задержаны или подвергнуты аресту, только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и общевоинскими уставами
Сотрудники органов ФСБ России	Ст. 17 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»	При исполнении ими служебных обязанностей не допускаются их привод, задержание, личный досмотр и досмотр их вещей, а также досмотр личного и используемого ими транспорта
Несовершеннолетние	Ст. 21, 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»	В Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел разрешается доставлять только несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние (правонарушение или антиобщественные действия), а также безнадзорных и беспризорных

– расширение перечня видов административных наказаний за счет возврата к исправительным работам (п. 3 ч. 1 ст. 4.2., ст. 4.8. проекта Кодекса) в современных экономических условиях трудно оправдать, поскольку данный вид наказания фактически представляет собой «штраф в рассрочку», сложно администрируется и в предложенном варианте назначения вызовет непреодолимые трудности в правоприменительной практике;

– введение в ст. 4.11. проекта Кодекса «административного запрета на пользование услугами авиаперевозчиков в качестве пассажира» без необходимых оговорок можно рассматривать как ограничение конституционной свободы граждан Российской Федерации на передвижение;

2. Недостатки в структурировании проекта Кодекса:

– не все заявленные в ч. 1 ст. 1.3. проекта Кодекса полномочия Российской Федерации раскрыты в проекте Кодекса (Таблица 3), но некоторые вопросы, не отнесенные к полномочиям Российской Федерации, напротив, – даны (например: ст. 2.1. проекта Кодекса – понятие административной ответственности; ст.ст. 2.10. – 2.12. проекта Кодекса – некоторые принципы производства по делам об административных правонарушениях);

Таблица 3

Содержание проекта Кодекса

полномочия Российской Федерации в проекте Кодекса (ч. 1 ст. 1.3.)	содержание проекта Кодекса
общие положения законодательства об административных правонарушениях	глава 1
принципы законодательства об административных правонарушениях	–
основания административной ответственности	–
принципы административной ответственности	ст.ст. 2.2. – 2.9.
понятие, категории и виды административных правонарушений	ст.ст. 3.1. – 3.3.
обстоятельства, исключающие административную ответственность	ст.ст. 3.4. – 3.6., 3.9., 3.16. – 3.17.
особенности привлечения к административной ответственности отдельных категорий лиц	ст.ст. 3.8. – 3.14.
виды административных наказаний и правила их назначения	главы 4 и 5
административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также за грубые административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и на общественную нравственность	–
основания освобождения от административной ответственности	ст.ст. 5.8. – 5.10.
подведомственность и подсудность дел об административных правонарушениях, предусмотренных настоящим Кодексом	–
компетенция федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, Банка России, органов местного самоуправления, а также государственных учреждений в области осуществления производства по делам об административных правонарушениях	–
порядок создания и основ осуществления деятельности административных комиссий и иных коллегиальных органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях	–
перечень органов, должностные лица которых уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных настоящим Кодексом	–
порядок производства по делам об административных правонарушениях, в т.ч. перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и правил применения указанных мер	–
порядок исполнения постановлений о назначении административных наказаний	–

– в ст. 1.2. проекта Кодекса задача «предупреждения административных правонарушений» странным образом оказалась указана последней. Более того, в этой же статье виды «охраняемых общественных отношений» – предмет правового регулирования даны в порядке, который не соответствует значению предмета административных правонарушений в устоявшемся оглавлении Особенной части КоАП РФ;

– нельзя согласиться с идеей объединения в одну главу 2 проекта Кодекса всех принципов административной ответственности (материального права) и принципов производства по делам об административных правонарушениях (процессуального права). Это не характерно для других отраслей законодательства и не служит цели упорядочения правового регулирования в области административной ответственности. Кроме того, проект Кодекса не предусматривает необходимые поправки в раздел IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях»;

– ст. 2.2. и 2.3. проекта Кодекса имеют один предмет регулирования;

– в отличие от иных административных наказаний, административный штраф раскрыт в проекте Кодекса не в одной статье, а в пяти (ст. 4.5. – 4.7., 5.4. и 5.9.);

– перечень обстоятельств, исключающих административную ответственность, представлен в ст. 3.16. проекта Кодекса далеко не полно, к таким могут быть отнесены и обстоятельства, перечисленные в ст.ст. 3.4. – 3.6., 3.9., 3.17. проекта Кодекса;

3. Техничко-юридические недостатки проекта Кодекса:

– понятие законодательства об административных правонарушениях в ч. 1 ст. 1.1. проекта Кодекса прямо противоречит содержанию ч. 2 ст. 1.3. и ч. 2 ст. 1.4. проекта Кодекса;

– наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями может осуществляться в порядке, предусмотренном гл. 4 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», следовательно, ст. 1.5. проекта Кодекса должна

содержать положения, перечисленные в ч. 6 и ч. 6.1 ст. 19 названного Федерального закона;

– проект Кодекса не решает вопрос установления компетенции в производстве по делам об административных правонарушениях коллегиальных органов (например, административных комиссий) и должностных лиц государственных и муниципальных учреждений – очевидный пробел;

– ч. 4 ст. 1.1. проекта Кодекса противоречит Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» требуя принятия «единого закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях»;

– в проекте Кодекса применяется несогласованная терминология, например, в названиях ст. 1.3., 1.4., 1.5. проекта Кодекса применено словосочетание «в сфере правового регулирования административной ответственности», а в их содержании, кроме названного словосочетания применены также «в области законодательства об административных правонарушениях» и «в сфере административной ответственности»;

– в проекте Кодекса использовано много внутренних отсылок (в том числе неточных – например, в ч. 1 ст. 1.4. проекта Кодекса к «пункту 6 статьи 1.3 настоящего Кодекса»), а также неконкретных отсылок, например, «в соответствии с законом» (ч. 4 ст. 2.4. проекта Кодекса), к «закону» (ч. 1 ст. 2.10. проекта Кодекса);

– оговорка в ч. 4 ст. 1.4. проекта Кодекса «за исключением нормативных правовых актов или отдельных положений таких нормативных правовых актов, содержащих сведения, доступ к которым ограничен в соответствии с федеральными законами» не имеет под собой объективных оснований;

– ч. 5 ст. 1.8. проекта Кодекса лишает смысла предыдущие положения этой же статьи;

– в ст. 2.3. проекта Кодекса презумпция невиновности раскрыта неполно в отличие от ст. 1.5. КоАП РФ и по-прежнему противоречит ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также расходится с содержанием ст. 3.12 и 3.13 проекта Кодекса;

– введение в ст. 3.1. проекта Кодекса формулировки «общественная вредность» не оправданно ни доктринальными доводами, ни потребностями правоприменения. Более того, учитывая ущерб, причиняемый административными правонарушениями, растущие размеры административных наказаний за их совершение (например, ч. 3 ст. 19.28 КоАП РФ), очевидно, что общественная опасность некоторых административных правонарушений не ниже, чем уголовных преступлений;

– введение категорий административных правонарушений в ст. 3.2. проекта Кодекса представляет собой громоздкую конструкцию, которая основана на ошибочной дифференциации административных правонарушений в зависимости от видов административных наказаний. При этом недопустимо давать определение через определяемое явление. Заметим, что малозначительное административное правонарушение (ч. 3 ст. 3.3. проекта Кодекса) выступает фактически еще одной категорией административных правонарушений, указанных в ст. 3.2. проекта Кодекса;

– интересно, что предлагаемые в ст. 3.2. проекта Кодекса категории административных правонарушений сужают компетенцию субъектов Российской Федерации по «остаточному принципу», поскольку позволяют устанавливать административную ответственность только за «менее значительные административные правонарушения». Однако редакция п. 7 ч. 1 ст. 1.3. проекта Кодекса, определяя полномочия Российской Федерации, относит к компетенции субъектов Российской Федерации право устанавливать ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и на общественную нравственность, не являющимися грубыми, то есть и за значительные административные правонарушения в данной сфере. Названная коллизия вызвана дефектом проекта Кодекса, способов разрешения этой коллизии нет;

– соглашаясь с разделением административных правонарушений на виды (ст. 3.3. проекта Кодекса), нельзя поддержать предложенные формулировки отдельных определений понятий;

– в названии ст. 3.9. проекта Кодекса использован термин «граждане, замещающие должности правоохранительной службы, и лица, имеющие специальные звания», а в тексте этой же статьи другое словосочетание – ««граждане, замещающие должности правоохранительной службы и имеющие специальные звания». Кроме собственно расхождения терминов, заметим, что такой вид государственной службы как

«правоохранительная служба» предусмотрен Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», но в настоящее время в российском праве отсутствует;

– положения ч. 4 ст. 3.15. проекта Кодекса о «вине юридических лиц» заимствованы из Налогового кодекса РФ, но, считаем, необоснованно, поскольку составы налоговых правонарушений и составы административных правонарушений имеют различную конструкцию и механический перенос норм недопустим;

– не представлено научного или иного внятного обоснования причин увеличения в ч. 1 ст. 4.7. проекта Кодекса минимального размера административного штрафа до 500 рублей;

– наличие обстоятельств, смягчающих или отягчающих административную ответственность в ст. 5.4. проекта Кодекса «увязано» с назначением только одного вида административного наказания – административного штрафа, что значительно сужает возможности применения ст. 5.2. и 5.3. проекта Кодекса. Кроме того, ч.ч. 2–4 ст. 5.4. предлагают сложный вариант учета обстоятельств, смягчающих или отягчающих административную ответственность, что вызовет непреодолимые проблемы в правоприменении (например, как рассчитать сумму штрафа при наличии одновременно и смягчающих и отягчающих обстоятельств? как быть, если при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении, виновное лицо представит дополнительные (или новые) доказательства, свидетельствующие о наличии обстоятельств, смягчающих административную ответственность?);

– не ясен механизм применения ряда административных наказаний. Как именно судья может назначить дисквалификацию (ст. 5.5. проекта Кодекса) – «определить перечень должностей, которые не вправе занимать (замещать) либо перечень видов профессиональной деятельности, которые не вправе осуществлять лицо, подвергнутое административному наказанию в виде дисквалификации»? Как именно установить административный запрет (ч. 4 ст. 4.11. проекта Кодекса) на посещение определенных общественных мест?

– малозначительность административного правонарушения, при наличии которой лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административного наказания (ст. 5.10. проекта Кодекса) не разграничена с ситуацией назначения адми-

нистративного наказания «ниже низшего предела» (ст. 5.11. проекта Кодекса);

– не представлено обоснования увеличения общего срока давности привлечения к административно ответственности в шесть раз (с двух месяцев – ст. 4.5.КоАП РФ, до одного года – ч. 1 ст. 5.13. проекта Кодекса). Вероятно, увеличивая срок давности, следовало ограничить время производства по делу об административном правонарушении 2 (3) месяцами с момента возбуждения дела об административном правонарушении или с момента окончания административного расследования;

4. Коррупциогенные факторы в проекте Кодекса:

– в проекте Кодекса употреблены неустоявшиеся, двусмысленные термины «общественный порядок», «общественная нравственность» (в ст. 1.2., п. 7 ч. 1 ст. 1.3., п. 1 ч. 1 ст. 1.4., ч. 1 ст. 4.13. проекта Кодекса), что выступает проявлением коррупциогенного фактора, предусмотренного подпунктом «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

– ст. 4.13. проекта Кодекса не установлен минимальный срок административного ареста, поэтому суд, уполномоченный рассматривать дело об административном правонарушении, наделен широкими пределами усмотрения (например, установить срок административного ареста на один час), что выступает проявлением коррупциогенных факторов, предусмотренных подпунктами «а» и «ж» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

– ст. 5.9. проекта Кодекса не содержит критериев «нецелесообразности» исполнения административного наказания в виде административного штрафа. Ст. 5.10. проекта Кодекса не содержит критери-

ев «малозначительности», при наличии которых лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административного наказания. Ст. 5.11. проекта Кодекса не содержит критериев назначения административного наказания «ниже низшего предела». Таким образом, суд, орган, должностное лицо, уполномоченные рассматривать дело об административном правонарушении наделяются широкими пределами усмотрения, что выступает проявлением коррупциогенных факторов, предусмотренных подпунктами «а», «б», «в», «ж» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Изложенное позволило участникам обсуждения сделать общий вывод: концепция проекта Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», внесенного депутатами Государственной Думы А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным, ошибочна и не может быть рекомендована для принятия Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, – предлагаемые нововведения можно реализовать путем внесения изменений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

*Лютова О. И.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫБОРА СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

В статье рассмотрены преимущества и недостатки выбора крестьянскими (фермерскими) хозяйствами одной из трех систем налогообложения: общий режим налогообложения, упрощенная система налогообложения, а также единый сельскохозяйственный налог, предусмотренный в качестве специального налогового режима для сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства; общий режим налогообложения; упрощенная система налогообложения; единый сельскохозяйственный налог.

Налоги являются одним из способов стимулирования предпринимательской деятельности. Для предприятий аграрного сектора в Российской Федерации традиционно создаются более выгодные условия с целью поддержки их развития. Кроме того, вопрос выбора оптимальной системы налогообложения напрямую влияет на прибыльность предпринимательской деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств. На данный момент законодательство РФ о налогах и сборах предоставляет крестьянским (фермерским) хозяйствам право выбора одной из трех систем налогообложения: общий режим налогообложения, упрощенная система налогообложения, а также единый сельскохозяйственный налог (далее – ЕСХН), предусмотренный в качестве специального налогового режима для сельскохозяйственных товаропроизводителей в главе 26.1 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) с 2005 года.

Логично предположить, что при применении производящими и реализующими сельскохозяйственную продукцию предприятиями ЕСХН, существенно снижается налоговая нагрузка, а также проис-

ходит упрощение при формировании и предоставлении налоговой отчетности. Действительно, согласно п. 3 ст. 346.1 НК РФ, организации и индивидуальные предприниматели, перешедшие на уплату ЕСХН, освобождаются от обязанности по уплате налога на прибыль организаций (налога на доходы физических лиц), налога на имущество организаций (налога на имущество физических лиц) и налога на добавленную стоимость (далее – НДС), однако имеют обязанности по уплате страховых взносов во внебюджетные фонды на основании Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», а также транспортного и земельного налогов.

Однако, как показывает практика и неоднократно в своих работах отмечают ученые-экономисты, не для всех сельскохозяйственных товаропроизводителей смена режима налогообложения с применением ЕСХН способствовала улучшению их финансового положения. Причиной тому стали необоснованные выводы руководства крестьянских (фермерских) хозяйств о том, что замена уплаты ряда налогов ЕСХН, установление пониженной ставки в размере 6% приведёт к уменьшению сумм налоговых платежей и высвобождению дополнительных денежных средств [1].

Действительно, у ЕСХН как специального налогового режима есть ряд недостатков. Например, при применении ЕСХН у сельскохозяйственных товаропроизводителей возникает проблема формирования цен на свою продукцию, которую они в итоге решают за счет конечного потребителя, поскольку НДС является косвенным налогом.

Проблема состоит в следующем: налогоплательщик ЕСХН освобождается от уплаты НДС, что это позволяет снизить налоговую нагрузку, но также лишает права на возмещение этого налога из бюджета в форме получения налогового вычета. Для некоторых сельскохозяйственных товаропроизводителей это обстоятельство является существенным минусом системы налогообложения в виде ЕСХН, поскольку делает экономически невыгодным их сотрудничество с контрагентами, находящимися на общем режиме налогообложения [2, с.118].

Особенно отрицательно этот факт сказывается на предприятиях перерабатывающей промышленности (мясокомбинаты, молококомбинаты, хлебокомбинаты), что повлекло за собой резкое удорожание продуктов питания в стране [3, с. 63]. Кроме того, теряя возможность возмещения НДС из бюджета, перерабатывающие предприятия вынуждены закупать сельскохозяйственную продукцию с использованием значительного количества посредников, которые нередко приобретают продукцию у производителей с использованием нелегальных схем, что обостряет проблему образования задолженности по НДС, а также борьбы с «фирмами-однодневками» [3, с. 64].

В конечном итоге это означает, что получить существенные преимущества от перехода на систему налогообложения с уплатой ЕСХН в настоящее время могут только те производители, у которых контрагенты не возмещают НДС, например, население или субъекты малого предпринимательства, также перешедшие на один из специальных режимов налогообложения или использующие налоговые льготы.

Подобная проблема, связанная с невозможностью возмещения НДС контрагентами сельскохозяйственных товаропроизводителей, неоднократно рассматривалась в многочисленных работах [4]. В этой связи 22 февраля 2015 года на интернет-сайте журнала «Налоговед» В.М. Зариповым было высказано предложение относительно внесения изменения в НК РФ, связанное с исчислением и уплатой НДС налогоплательщиками, перешедшими на уплату ЕСХН, согласно которому предлагается «избавить спецрежимы от этого недостатка следующим образом: законодательно разрешить налогоплательщикам при переходе на спецрежим заявлять о признании себя плательщиком НДС, о чем указывать в уведомлении о переходе на спецрежим (надо сказать, что другие способы устранения этого дефекта, такие, как прямой метод исчисления, выделение НДС в цене расчетным методом, отмена п. 5 ст. 173 НК РФ, неприемлемы с точки зрения налогового администрирования). Таким образом, перешедшие на спецрежим смогут добровольно остаться плательщиками НДС».

В п. 1 ст. 8 НК РФ указано, что одним из обязательных признаков налога является его обязательность. Этот признак основан, прежде всего, на требованиях ст. 57 Конституции РФ, согласно ч. 1 которой каждый обязан платить законно установленные налоги и

сборы. По справедливому замечанию Д.В. Тютин, признак обязательности налога заключается в том, что обязанность по уплате налога не может ни возникнуть, ни прекратиться в силу добровольно заключенного договора с государством. Также обязанность по уплате налога не может возникнуть, но в очень редких, специально указанных случаях может прекратиться в силу принятия органом власти индивидуального акта (например, списание безнадежных долгов по налогам – ст. 59 НК РФ) [5]. Таким образом, предлагать налогоплательщику право выбора – «заявлять себя плательщиком НДС» или «не заявлять» – не соответствует самой сущности налога, который традиционно конструируется законодателем в качестве совокупности обязанностей частного субъекта перед публично-правовым образованием, установленных законодательством о налогах и сборах.

Установление НДС в качестве обязательного к уплате сельскохозяйственными товаропроизводителями также, по нашему мнению, не представляется адекватной реакцией на сложившуюся экономически невыгодную для указанных налогоплательщиков ситуацию. Это связано с тем, что, в частности, с 1 января 2015 года законодатель существенно расширил полномочия налоговых органов по проведению камеральной налоговой проверки по НДС. В частности, при выявлении противоречий между сведениями об операциях, содержащимися в налоговой декларации по НДС, либо при выявлении несоответствия сведений об операциях, содержащихся в налоговой декларации по НДС, представленной налогоплательщиком, сведениям об указанных операциях, содержащимся в налоговой декларации по НДС, представленной в налоговый орган другим налогоплательщиком (иным лицом, на которое в соответствии с гл. 21 НК РФ возложена обязанность по представлению налоговой декларации по НДС), или в журнале учета полученных и выставленных счетов-фактур, представленном в налоговый орган лицом, на которое в соответствии с гл. 21 НК РФ возложена соответствующая обязанность, в случае, если такие противоречия, несоответствия свидетельствуют о занижении суммы НДС, подлежащей уплате в бюджет, либо о завышении суммы НДС, заявленной к возмещению, налоговый орган также вправе истребовать у налогоплательщика счета-фактуры, первичные и иные документы, относящиеся к указанным операциям (п. 8.1 ст. 88 НК РФ).

Кроме того, что совершенно не характерно для «классических» камеральных проверок, с 2015 года при проверке декларации по

НДС налоговые органы имеют право доступа на территорию, помещение лица, в отношении которого проводится камеральная проверка, и могут проводить осмотр (п. 1 ст. 91, п. 1, 2 ст. 92 НК РФ). Соответственно, такие камеральные налоговые проверки уже фактически близки к выездным [5].

Таким образом, во-первых, введение НДС в качестве обязательно к уплате для сельскохозяйственных товаропроизводителей, перешедших на уплату ЕСХН, существенно затруднит их документооборот.

Во-вторых, установление обязанности по уплате НДС параллельно с обязанностью по уплате ЕСХН не соответствует общему смыслу юридического конструирования как соответствующего специального налогового режима, так и подобных режимов в принципе, поскольку изначально система налогообложения в виде уплаты ЕСХН создавалась по форме налога на прибыль организаций, который предполагает исчисление исключительно прибыли организаций, исходя из нормативно установленных перечней доходов и расходов.

Наконец, не представляются логичными утверждения В.М. Зарипова относительно того, что появление норм о возможности уплаты НДС плательщиками ЕСХН будет означать реальную поддержку малого и среднего бизнеса, российского производителя, причем без дополнительных государственных субсидий, а также одновременное снижение бюджетных потерь от налоговых злоупотреблений и количества налоговых конфликтов, а также избавление от сложностей с восстановлением НДС и т.п. Представляется, что возможность возмещения НДС из бюджета, безусловно, окажет позитивное влияние на финансовое состояние получивших его налогоплательщиков, однако для государства как раз и будет предполагать существенное увеличение расходных обязательств. На фоне разворачивающегося экономического кризиса ждать позитивной реакции на такие предложения вряд ли возможно. Кроме того, возможность уплаты НДС будет представлять собой, в случае реализации этой идеи на законодательном уровне, меру поддержки не столько малого и среднего, сколько крупного бизнеса, что было показано выше.

Таким образом, как удалось установить, система налогообложения в виде уплаты ЕСХН в настоящий момент представляет собой достаточно спорный институт современного законодательства РФ о налогах и сборах, который требует дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. *Жидкова Е.Ю.* Налоги и налогообложение. М.: Эксмо, 2013.
2. *Улезько О.В., Деревенских М.Н., Оробинский А.С.* Региональные и местные налоги: учебное пособие. Воронеж, 2007.
3. *Казьмин А.Г., Оробинская И.В.* Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей России // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2013. № 9.
4. См., например: *Братцев В.И.* Законодательное обеспечение налогообложения агропромышленного комплекса // АПК: экономика, управление. – 2011. № 4; *Карзаева Н.Н., Медведева Е.* Выбор системы налогообложения сельскохозяйственными предприятиями как фактор устойчивости // Бухучет в сельском хозяйстве. 2009. № 9; *Пестрякова Т.П.* Система налогового планирования сельскохозяйственного предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 5 и др.
5. *Тютин Д.В.* Налоговое право: курс лекций // СПС «КонсультантПлюс».

*Макарейко Н. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Статья посвящена общетеоретическому анализу государственного принуждения. Акцентируется внимание на спорных вопросах осмысления данного государственно-правового явления.

Ключевые слова: государство; право; правовое принуждение; насилие; юридическая ответственность.

Государственное принуждение без всякого преувеличения можно отнести к наиважнейшим проблемам теории государства и права. Это обусловлено значимостью данного явления, его ролью в регулировании общественных отношений. На различных этапах исторического развития интерес к государственному принуждению, отдельным его аспектам как усиливался, так и ослабевал. Это было обусловлено рядом факторов объективного и субъективного свойства. Вместе с тем, сложно привести аргументацию в пользу отказа от исследования этого важного явления. Очевидно, что в качестве такового может быть только всеобъемлющая изученность государственного принуждения, отсутствие потребности в его дополнительном познании. Однако, развитие общественных отношений, изменение методов государственного управления, свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования данного государственно-правового явления.

В литературе обращается внимание на существенные дефекты в изучении проблемы государственного принуждения. В этой связи Ж.И. Овсепян отмечает, что «такое состояние научных исследований государственного принуждения можно оценивать как пробельность в развитии научной доктрины, в том числе в части, касающейся фундаментальных, общетеоретических, концептуальных аспектов понимания» [6, с. 7].

Несколько отличное суждение по данному вопросу высказывает М.Б. Разгильдиева: «Подобное состояние не является ненормальным – шло накопление теоретического материала об отраслевом принужде-

нии, которое требует в настоящее время обобщения» [8, с. 109]. В свою очередь С.Н. Кожевников, анализируя состояние доктринального осмысления государственного принуждения, с одной стороны, обращает внимание на постоянный интерес к государственно-правовой проблематике, но и отмечает, что отсутствуют значимые исследования в этой области. При этом он дает объяснение такого положения высокой динамикой данного явления [3, с. 45].

Мы считаем, что сложившееся положение может быть объяснено тем, что идет накопление теоретического материала, который на определенном этапе трансформируется в качественные изменения и материализуется в оформлении качественной теории государственного принуждения.

Интерес к государственному принуждению в современных условиях будет возрастать. Это связано с тем, что рост числа совершаемых правонарушений, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера требует оперативного и безальтернативного применения данных мер государственно-правового воздействия. При этом реализация мер государственного принуждения влечет за собой наступление правоограничений, как «платы» за достижение запрограммированного результата. В этой связи необходимо выработать доктринальные рекомендации, которые позволят эффективно применять меры государственного принуждения, при этом в минимальной мере ограничивать права и свободы граждан. Важно, чтобы государственное принуждение органически вписывалось в систему существующих и, что особенно важно, перспективных общественных отношений. В этой связи Д.Г. Нохрин отмечает: «Государственное принуждение представляет собой комплекс средств, в качестве которых в конкретных ситуациях выступают меры принуждения, позволяющие воздействовать на общественные отношения, причем это воздействие осуществляется в соответствии с закономерностями, свойственными общественной форме движения материи. Таким образом, очевидно, что государственное принуждение является именно методом – методом изменения, упорядочивания, преобразования общественных отношений» [5, с. 3].

Рассмотрение публикаций по теории государственного принуждения позволяет утверждать, что в научной, учебной и публицистической литературе отсутствует единство в определении понятия государственного принуждения. Чаще всего принуждение рассматривают в качестве метода государственного управления, средства обеспечения

законности, сложного комплексного правового института, системы специфических правоотношений [2, с. 22–24].

Такое разночтение по данному вопросу может быть объяснено отсутствием нормативного правового закрепления определения понятия «государственное принуждение» в соответствующей норме дефиниции. В то же время, не представляется возможным решить эту задачу путем формирования указанной нормы. Это связано со сложностью данного правового института, отсутствием систематизированного законодательства. В этой связи правоведам следует выработать консолидированную позицию по определению признаков государственного принуждения, которые и должны быть положены в соответствующую дефиницию.

Отмечая заинтересованность, которую проявляют правоведаы к проблеме государственного принуждения как на общетеоретическом, так и отраслевом уровнях исследований, следует обратить внимание на такую важную проблему, как наличие существенного дисбаланса в изучении отдельных форм государственного принуждения. Традиционно в большей степени рассматриваются вопросы юридической ответственности, в то время как меры предупреждения, пресечения, праввосстановления (защиты), процессуального обеспечения анализируются в гораздо меньшей мере. В изучении различных видов юридической ответственности также существуют серьезные диспропорции. Они связаны с тем, что уголовная ответственность в целом, а также ответственность за отдельные виды преступлений освещаются в большей мере по сравнению с административно-правовой, гражданско-правовой, дисциплинарной и материальной ответственностью рабочих и служащих.

Такое состояние доктринальных исследований государственного принуждения может быть объяснено степенью урегулированности соответствующих форм и видов государственного принуждения. В соответствии со ст. 1 УК РФ единственным источником уголовной ответственности является уголовный закон. В качестве аргумента можно сослаться и на правоограничительный потенциал мер уголовной ответственности, так как он значительно выше по сравнению с другими формами государственного принуждения. Очевидно, что запросы практики также в значительной мере предопределили акцентирование доктринального внимания именно на вопросах уголовной ответственности.

Следует признать, что сложившееся положение негативным образом сказывается как на состоянии теории государственного принуждения, так и на практике нормативного правового регулирования и применения мер государственного принуждения. С одной стороны,

отсутствие должных научных рекомендаций не позволяет качественно закрепить меры государственного принуждения, провоцирует ошибки в правоприменительной деятельности. С другой стороны, юридическая практика далеко не всегда воспринимает научные рекомендации. Отсутствие генезиса между теорией и практикой приводит к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и в конечном итоге подрывают авторитет государства.

Проведение правовой реформы в России требует принципиального перестраивания взаимодействия правовой науки и практики. Одним из важнейших индикаторов научной деятельности должна стать степень восприятия доктринальных разработок юридической практикой. В этой связи Н.В. Сильченко отмечает: «Далеко не всегда в силу ряда причин и обстоятельств предложения и рекомендации юридической науки воспринимаются практикой законотворчества и правоприменения» [11, с. 31]. В некоторых случаях сложившуюся ситуацию можно объяснить несоответствием результатов научной деятельности потребностям практики, и по этой причине не может быть использовано в прикладной юриспруденции. Вместе с тем, проблема гораздо глубже и связана с тем, что правовая доктрина в Российской Федерации не является официальным источником права. В то же время роль правовой доктрины, в том числе и доктрины государственного принуждения должна возрастать, выступать одним из наиболее действенных факторов формирования профессионального правосознания.

Важным вопросом теории и практического применения государственного принуждения является его соотношение с другими методами государственного управления и, прежде всего, с убеждением. Под методами государственного управления понимают «способы и средства целенаправленного воздействия на участников управленческих отношений с целью реализации функций управления и решения поставленных задач» [12, с. 194]. Современное государство располагает широким арсеналом методов воздействия, которые отличаются по интенсивности, нормативному правовому регулированию, порядку применения и другим характеристикам. Это позволяет решать самый широкий круг задач, но порождает проблему выбора соответствующего метода. Субъект государственного управления стоит перед дилеммой скорейшего получения запрограммированного результата, но ценой значительных правоограничений или затратить большой объем времени, сил и средств, но минимизировать правовые лишения. Очевидно, что нельзя выработать универсальные рекомендации, и правоприменитель всегда

будет определяться в предпочтениях тому или иному методу управления, руководствуясь при этом как объективными, так и субъективными факторами.

Будучи доминирующими методами управления, убеждение и принуждение имеют много общего, и рассмотрение их в изоляции возможно при решении отдельных исследовательских задач. В научной литературе отмечено, что одно и то же воздействие со стороны общества и государства может выступать либо как средство убеждения, либо как фактор принуждения в зависимости от восприятия этого воздействия адресатом [13, с. 5–6]. Потенциал метода убеждения столь велик, а его роль возрастает, что позволило В.П. Сальникову и В.П. Федорову утверждать, что «убеждение является ведущим методом социализации личности в демократическом обществе» [9, с. 27]. Применение средств убеждения в обществе, их удельный вес по отношению к другим методам государственного воздействия выступает одним из индикаторов, который позволяет судить об уровне демократии в стране, о развитости институтов гражданского общества.

В ряде ситуаций государственное принуждение трансформируется в насилие и в этой связи государственное принуждение противопоставляется насилию. По этой причине государственное принуждение анализируется как вынужденное, необходимое, социально полезное явление. В свою очередь насилие рассматривается как негативное явление, связанное с силовым, противоправным решением субъектом стоящих перед ним задач. Следует согласиться с А.С. Пучниным, который предупреждает об опасности реализации упрощенного подхода и отмечает: «Не каждое использование силы есть насилие, это доказывает не только герменевтическое толкование терминов, то есть изучение их языкового смысла, но и отражение в правосознании. Если насилие отвергается правосознанием и никак не соотносится с естественным правом, то заставление отражается в правосознании позитивно, как объективная необходимость» [7, с. 69.].

Мы считаем, что различия между государственным принуждением и насилием заключаются в следующем: 1) государственное принуждение в отличие от насилия комплексно регламентируется действующим законодательством (материально-правовые и процессуальные аспекты); 2) государственное принуждение применяется уполномоченным субъектом, в то время как субъект насилия изначально не определен; 3) цель государственного принуждения закрепляется в действующем

щем законодательстве, должна быть оправданной и полезной. Цель насилия имеет значение для отдельного субъекта и в этой связи входит в противоречия с интересами общества и государства; 4) государственное принуждение прогнозируется, в то время как насилие спонтанно и во многом может пойти по неуправляемому сценарию; 5) насилие в подавляющем числе случаев воспринимается обществом негативно, отождествляется со злом. Государственное принуждение в большинстве случаев признается социально оправданным.

Объем государственного принуждения предопределен его фактическими основаниями. Значение проблемы оснований применения государственного принуждения очень велико, но в юридической литературе отсутствует единство по разрешению заявленной проблемы. Существующие подходы можно объединить в две группы. Представитель первого подхода М.Х. Фарукшин отмечал: «Применение самого государственного принуждения допустимо лишь в случае противоправного поведения и в связи с таким поведением. Никакими иными соображениями использование мер принуждения обосновать нельзя» [14, с. 29–30]. Ограничение оснований применения государственного принуждения исключительно правонарушением значительно обедняет ее потенциал и не соответствует действительности. В этом случае за рамками принудительного воздействия остается ряд мер предупреждения, пресечения и праввосстановления.

Очевидно, что более реалистичным и объективным является второй подход, когда в качестве оснований рассматриваются как правонарушения, так и другие юридические факты. По мнению О.Э. Лейста, «ряд принудительных мер, применяемых государственными органами, вообще не связан с охраной правопорядка, а преследуют другие цели (например, принудительное освидетельствование и принудительное лечение лиц, страдающих определенными заболеваниями)» [4, с. 30].

В.Д. Ардашкин в этой связи ввел в оборот термин «правовая аномалия», под которыми понимал юридические факты, которые связаны с действиями природных явлений и технических средств [1, с. 7].

Широкая линейка оснований применения мер государственного принуждения позволяет реализовать их в самых различных правовых ситуациях. Это касается, прежде всего, мер предупреждения, пресечения и праввосстановления. Вместе с тем, это возлагает большую ответственность на правоприменителей, которые должны более тщательно и взвешенно подходить к применению мер государственного принуждения. В ряде случаев у правоприменителя возникает соблазн

решить оперативно возникающие проблемы посредством применения мер государственного принуждения. Следует «экономно» относиться к применению мер государственного принуждения, но при этом не отказываться от их реализации, когда возникают соответствующие основания в угоду псевдо гуманности.

Вопрос оснований применения государственного принуждения актуализирует проблему пределов его применения. Пределы государственного принуждения представляют собой определенные границы, за которыми оно трансформируется в насилие. В этой связи субъектам права, как законодателям, так и правоприменителям, должны быть предложены соответствующие правовые гарантии, которые будут предупреждать переход мер принуждения в меры насилия. Такими гарантиями являются:

- 1) нормативно-правовое закрепление мер государственного принуждения;
- 2) ответственность субъектов права за незаконное применение мер государственного принуждения;
- 3) наличие юридических процедур;
- 4) право граждан и их объединений на обжалование незаконного и необоснованного применения мер государственного принуждения;
- 5) возмещение ущерба, причиненного в результате незаконного применения мер государственного принуждения;
- 6) контрольно-надзорная деятельность органов и должностных лиц государственных органов и местного самоуправления;
- 7) прокурорский надзор;
- 8) общественный контроль.

Меры государственного принуждения отличаются качественной неоднородностью. В этой связи возникает проблема их классификации. «Принуждение – сложное государственно-правовое образование. Являясь специфическим методом правового регулирования, оно включает в себя самые разные формы и методы, посредством и на основе которых компетентные органы государства и его должностные лица (и другие субъекты) осуществляют конкретизированное воздействие на поведение людей в целях упорядочения, охраны или вытеснения из жизни общества соответствующих нежелательных общественных отношений» [10, с. 345].

Анализ существующих классификационных моделей свидетельствует о том, что различия наблюдаются в используемых основаниях, а также выделяемых классификационных единицах и классификацион-

ных общностях. Классификация государственного принуждения носит ярко-выраженное прикладное значение. Очевидно, что для решения этой наисложнейшей задачи необходимо использовать многофакторный подход, что и позволит выработать соответствующие рекомендации, направленные на повышение эффективности реализации мер государственного принуждения. Наиболее рельефно свойства мер государственного принуждения проявляются при использовании критерия целевого предназначения и способа обеспечения правопорядка. Мы считаем, что использование выше названного критерия позволяет выделить следующие формы государственного принуждения: предупреждения, пресечения, правосстановления, процессуального обеспечения, юридической ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что названные вопросы государственного принуждения, по нашему мнению, являются наиболее значимыми и требуют дополнительного осмысления и должны стать ориентирами для продолжения научных исследований в рассматриваемой области.

Список литературы

1. *Ардашкин В.Д.* Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968.
2. *Каплунов А.И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
3. *Кожевников С.Н.* О юридической интерпретации государственного принуждения в современной России // *Юридический мир*. 2010.
4. *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М., 1962.
5. *Нохрин Д.Г.* Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009.
6. *Овсепян Ж.И.* Государственное принуждение как правовая категория (теоретическая формула отношения принуждения к государству и праву) // *Государство и право*. 2007. № 12.
7. *Пучнин А.С.* Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999.
8. *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012.
9. *Сальников В.П., Федоров В.А.* Убеждение и принуждение в деятельности ОВД: пособие. Л., 1989.

10. *Серегина В.В.* Государственное принуждение как средство реализации правовой политики // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. В 5 ч. Часть 1: Конституционное и международное право, теория государства и права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 14–15 ноября 2003 г. / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2004.

11. *Сильченко Н.В.* Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. Минск, 1993.

12. *Словарь административного права* / колл. авт. М.: Фонд «Правовая культура», 1999.

13. *Талюпа А.Г.* Изменение и сферы убеждения и принуждения в советском государстве // Труды. Т. IV (статьи аспирантов ВЮЗИ). М., 1965.

14. *Фарушкин М.Х.* Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4.

*Мастюков Н. Ю.,
аспирант НИУ РАНХиГС,
г. Нижний Новгород*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Избирательный процесс в Российской Федерации имеет «непрерывный характер», обусловленный необходимостью формирования органов власти разного уровня (федеральных, региональных и местных). Отсюда в избирательном процессе просто чисто из правил формальной логики ситуации, связанные с различного рода ограничениями избирательных возможностей граждан, являются неким рядовым неизменно присущим явлением. А государство, ставящее себя гарантом прав граждан, является базовым механизмом защиты.

Ключевые слова: избирательные споры; защита избирательных прав; охрана избирательных прав; ответственность; деликтная деятельность; избирательная ответственность; латентность.

Непосредственно выборы, как отмечает А.Г. Орлов, представляют собой «основную форму волеизъявления населения, форму реализации народного суверенитета как одного из конституционных принципов» [2, с. 234].

Если государство претендует на то, чтобы избирательное право этого государства и механизм его реализации претендовали на статус избирательной системы развитого государства, то необходимо существование не только материальных норм, закрепляющих общие принципы избирательного права и процесса, но также системы органов публичной власти, которые будут разрешать избирательные конфликты и при этом не будут вызывать сомнений в своей честности и беспристрастности, то есть прозрачной системы публичных органов.

Избирательные споры являются разновидностью защиты прав граждан, в частности избирательных, отсюда считаем целесообразным разобраться со значением института «защита избирательных прав».

Существуют два синонимичных института – «защита» и «охрана». Одна группа авторов (Н.В. Витрук, Н.А. Боброва) рассматривают эти институты как тождественные [5, с. 194, 200; 3, с. 95].

Другие (В.Н. Бутылин, М.В. Пучкова) подразумевают разграничение указанных институтов: если охрана включает меры, которые направлены на превенцию нарушения права, устранение причин, которые

их порождают, то защита в свою очередь выражена принудительным способом реализации права, которое применяется по заранее определенной процедуре определенными юрисдикционными органами для компенсации состояния, существовавшего до нарушения права [4, с. 83; 17, с. 13].

Нельзя отождествлять эти термины в абсолюте, что четко видно даже с лингвистической точки зрения:

- «охранять» – оберегать, относиться бережно, стеречь»[14, с. 484];
- «защитить» – «охраняя, оградить от посягательств [14, с. 228].

Под охраной гражданских прав можно понимать систему мер, которые обеспечивают стабильное осуществление права. Под целями охраны права можно понимать механизм превенции правонарушения, надзор за тем, чтобы субъекты права действовали по установленному законом порядку, кроме того, осуществление мероприятий для восстановления права, которое было нарушено, и, наконец, реализация механизма принуждения со стороны государства. К охране можно отнести весь комплекс мер политического, экономического, организационного, правового и какого-либо другого характера, которые преследуют цель создания комплекса условий для реализации субъективных прав субъектов избирательного права [1].

М.А. Рожкова считает, что «охрана гражданских прав – это «деятельность, осуществляемую законодательными и исполнительными органами государства в целях нормализации имущественного оборота, обеспечения беспрепятственного осуществления гражданами и юридическими лицами их субъективных прав, объединяющая правовые, экономические, политические, организационные и иные меры» [18].

Под охранительными правовыми мерами в широком смысле можно понимать меры, благодаря которым происходит обеспечение развития гражданских прав как в нетронутом состоянии, то есть тех, которые не были нарушены, так и восстановление уже нарушенных прав либо тех, которые находятся в конфликтном состоянии [7].

В деятельность государственных органов по охране и обеспечению гражданских прав можно включить как их деятельность по превенции нарушения, так и деятельность по восстановлению состояния, которое было до нарушения [13, с. 58].

Под охраной в узком смысле (то есть как защиты) принято понимать меры и средства, которые предусмотрены законом и направлены на компенсацию гражданских прав. При варианте, когда нарушение права уже произошло, имеет место защита права [13, с. 58].

В Конституции РФ сказано в статье 2, что защита избирательных прав – это «обязанность государства», кроме того, граждане обладают возможностью по защите своего права всеми способами, которые не запрещены законом (статья 46 Конституции РФ), а эта процедура имеет место исключительно отдельными уполномоченными юрисдикциями (статья 53 Конституции РФ).

Наиболее емкое и объективное определение защиты избирательных прав принадлежит Матейковичу М.С., которое мы возьмем за основу: «Защита избирательных прав граждан – это принудительный механизм реализации прав граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях, обеспечиваемых межгосударственными организациями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, иными организациями, самим гражданами посредством предотвращения нарушений избирательных прав, устранения препятствий их реализации либо восстановления нарушенного права иными способами» [12, с. 89].

Систематизируя способы защиты избирательных прав граждан, М.С. Матейкович выделяет пять базовых из них:

- самозащита прав и свобод;
- государственная защита прав и свобод;
- муниципальная защита прав и свобод;
- общественная защита прав и свобод;
- международная защита прав и свобод [12, с. 89].

С другой стороны, он же выделяет три способа защиты по их стадии (этапу):

- восстановление избирательных прав;
- пресечение деяний либо отмена решения, нарушающего избирательные права;
- привлечение субъекта к юридической ответственности [12, с. 168].

Говоря о механизме защиты избирательных прав, стоит помнить о том, что он, прежде всего, связан с государственной защитой прав и свобод. При этом Охотников Р.А. выделяет следующие виды защиты:

- применение юридической ответственности к нарушителям избирательного законодательства (уголовной, административной, конституционной);

- разрешение избирательных споров (досудебном и судебном порядке);
- подача обращений в избирательные комиссии без инициирования избирательных споров (пункт 4 статьи 20 ФЗ «Об основных гарантиях»);
- конституционный контроль избирательного законодательства по жалобам граждан [15, с. 64].

Под ответственностью за деликтную деятельность в отношении норм электоральных законов можно понимать обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные для него последствия в виде наказания, выражающегося в определенном спектре мер правоограничительного характера (санкций), применяемых специальными юрисдикциями [19, с. 58–59].

За деликтную деятельность по нарушению избирательного законодательства и избирательных прав граждан предусмотрены следующие виды ответственности:

- ответственность по избирательному праву (конституционно-правовая);
- административная ответственность;
- уголовная ответственность [9, с. 5].

Среди видов ответственности особый интерес представляет такой вид ответственности, как конституционная. В действующем законодательстве понятие конституционно-правовой ответственности не формализовано.

Являясь особым видом ответственности, конституционно-правовая ответственность обладает как общими, так и частными признаками ответственности, что обусловлено ее тесной связью с таким видом ответственности, как политическая ответственность. А кроме того, конституционно-правовая ответственность обладает ярко выраженным публично-правовым характером [11, с. 385–402].

Несмотря на то, что в законодательных актах конституционно-правовая ответственность (как, например, уголовно-правовая, административно-правовая, гражданско-правовая) не выделена как отдельный институт, ее существование вполне четко обосновано на доктринальном уровне, а также в судебной практике высшей инстанции, такой как КС РФ [16].

В целом можно сказать о том, что как таковая конституционно-правовая ответственность не может быть поставлена в один ряд с иными видами ответственности. Несмотря на то, что специфические аспек-

ты данного вида юридической ответственности еще досконально не исследованы, мы считаем, что выделение отдельных нетривиальных черт вполне целесообразно и уместно:

- «она не только строится на запрете определенного поведения, но и вызывает к жизни позитивную ответственность, требует от субъектов права активного поведения для достижения общественно полезных целей;
- субъектами конституционной ответственности выступают как физические лица, так и коллективные образования;
- на первый план в конституционно-правовой ответственности выходит правовосстановительная функция;
- санкции в конституционно-правовой ответственности сами по себе не носят ни карательного в понимании уголовного права, ни компенсирующего характера;
- применение к виновному лицу другого вида ответственности нередко влечет применение мер и конституционно-правовой ответственности;
- конституционно-правовая ответственность часто носит ярко выраженный политический характер» [6, с. 9–12].

Особым случаем проявления конституционно-правовой ответственности является ответственность по избирательному праву, которая составляет особый субинститут, обусловленный особым предметом регулирования.

Названный вид ответственности также может быть охарактеризован своей ретроспективной сущностью, то есть негативным видом юридической ответственности, что имеет свое выражение в отрицательной оценке государством конкретного деяния, что основывается как на юридическом, так и на общественном осуждении правонарушителя, а также наступлении в особом процедурном порядке определенных специальным органом каких-либо последствий для правонарушителя в виде конституционно-правового принуждения, а также реализации санкций к субъекту, виновному в совершении данного правонарушения [22, с. 7].

Использование термина «избирательная ответственность» представляется не совсем корректным.

Чтобы тот или иной вид ответственности мог быть признан самостоятельным видом ответственности, он должен характеризоваться наличием целого ряда специфических признаков:

- основания ответственности;

- санкции;
- субъекты ответственности;
- источники ответственности.

Очевидно, что такой вид ответственности как избирательная ответственность не обладает названными признаками. Отсюда вывод очевиден – можно говорить лишь об особом случае применения конституционно-правовой ответственности в избирательном праве. Конечно, определенные специфические особенности у конституционно-правовой ответственности в данном случае очевидны, но мы не видим в этих особенностях что-то настолько специфическое, чтобы говорить о новом виде ответственности, особенно учитывая тот факт, что сама по себе конституционно-правовая ответственность не является надлежаще обособленным видом ответственности на законодательном уровне [8].

Стоит отметить справедливую позицию Штурнева А.Е., что перечень мер конституционно-правовой ответственности достаточно широк, отдельные меры одновременно обладают как карательными, так и праввосстановительными элементами [8].

В частности, меры защиты избирательных прав, реализуемые путем обжалования, являются праввосстановительными мерами в чистом виде.

Заметим, что отождествление института избирательных споров с процедурой привлечения к ответственности не следует, так как не всегда при привлечении к ответственности имеет место конфликт (наличие второй стороны). Исключением являются лишь смежные меры конституционно-правовой ответственности в случае наличия избирательного спора.

Под институтом административной ответственности можно понимать некий «рычаг», который обеспечивает то, что императивные требования, которые определены федеральным избирательным законодательством, будут соблюдаться. На всех уровнях выборы, исходя из их природы, определенной конституционно-правовым содержанием, могут быть охарактеризованы как форма непосредственного народовластия, которое имеет своей целью сформировать органы государственной власти и местного самоуправления. Важно понимать, что даже на абстрактном уровне абсолютно любое несоблюдение установленных правил либо выход за определенные законодательством границы может привести к тому, что реальная воля народа будет искажена, а также базовые конституционные права граждан будут нарушены, что недопустимо [20, с. 30–35].

Любая ответственность имеет свое основание, которым выступает деликт (правонарушение), а его можно дефинировать по следующим аспектам:

- противоправность действия (бездействия);
- виновность действия (бездействия);
- совершается физическим либо юридическим лицом;
- наказуемость, то есть установление ответственности по нормам законодательства Российской Федерации или ее субъектов.

Определение противоправности деяния происходит посредством диспозиции статьи КоАП РФ (находящейся в его Особенной части), а также через отсылки к другим законам и нормативным актам. Так как сам по себе КоАП РФ является лишь косвенным источником электро-рального права, «положения о запрете совершения действий, подпадающих под составы административных правонарушений, или, наоборот, требования к совершению действий, за неисполнение которых определена ответственность, должны содержаться в законе или нормативно-правовом акте, регулирующем проведение выборов или референдумов» [20, с. 30–35].

Уголовный кодекс Российской Федерации [21] (далее – УК РФ) включает определенные нормы, которые определяют ответственность за наиболее тяжелые незаконные действия в ходе электро-ральной процедуры:

- статья 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий);
- статья 141.1 УК РФ (нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума);
 - статья 142 УК РФ (фальсификация избирательных документов, документов референдума);
 - статья 142.1 УК РФ (фальсификация итогов голосования).

Статистика свидетельствует о немногочисленности уголовных дел, которые заканчиваются чаще всего прекращением производства или вынесением условного наказания.

По очевидным причинам, количество преступлений в ходе выборов скорее носит исключительный характер по причине их высокой степени латентности и в связи с тем, что зачастую предварительное следствие носит финишный характер и не развивается дальше. Уровень правовой культуры участников электро-рального процесса, а так-

же особенности ментальности сотрудников правоохранительной системы и судей приводят к тому, что данные преступления просто не оцениваются должным образом и считаются малозначительными [10].

Рассмотрение и разрешение избирательных споров в Российской Федерации принадлежит различным юрисдикциям. Разрешение избирательных споров возможно в двух вариантах – административном и судебном.

Список литературы

1. *Андреев Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.
2. *Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 234.
3. *Боброва Н.А.* Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 95.
4. *Бутылин В.Н.* Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал Российского права. 2001. № 12. С. 83.
5. *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / под ред. Патюлина В.А. М., 1979. С. 194, 200.
6. *Гошуляк В.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 24. С. 9–12.
7. *Гражданское право современной России. Очерки теории* / под ред. Н.М. Коршунова. М., 2006. С. 332–334.
8. *Иванова Ю.А.* К вопросу о соотношении конституционно-правовой и уголовной ответственности в сфере защиты избирательных прав граждан // Общество и право. 2009. № 2.
9. *Игнатенко В.В., Ищенко Е.П.* Юридическая ответственность за нарушение избирательного законодательства. М., 1999. С. 5.
10. *Колышин Е.И.* Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М., 2010.
11. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 385–402.
12. *Матейкович М.С.* Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. М., 2003. С. 89.

13. *Мезгрин Б.Н.* Состав механизма охраны прав граждан // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР. Свердловск, 1977. С. 58.
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. С. 484.
15. *Охотников Р.А.* Избирательные споры: понятие, структура, порядок рассмотрения: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 64.
16. *Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова»* // Российская газета. 22. 01. 2002. № 12.
17. *Пучкова М.В.* Обеспечение прав граждан органами управления союзной республики. М., 1987. С. 13.
18. *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006.
19. *Табиханов А.Д.* Проблемы ответственности за нарушение избирательного законодательства // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 58–59.
20. *Тарабан Н.А.* К вопросу об административной ответственности за нарушение избирательного законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 1. С. 30–35.
21. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.*
22. *Штурнев А.Е.* Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения в Российской Федерации: общеправовая и юридическая природа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. С. 7.

*Меньшикова Н. С.,
старший переводчик-методист
отдела международного сотрудничества
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА – ЗАДАЧИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Статья посвящена проблеме взаимодействия МВД России с религиозными организациями по воспитанию у населения толерантности и профилактике экстремизма. Особое внимание автор уделяет сотрудничеству МВД России и Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: толерантность; гражданское общество; полиция; религиозные организации; Русская Православная Церковь; МВД России.

Декларация принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) закрепила определение толерантности как «ценности и социальной нормы гражданского общества, проявляющейся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [8].

Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпимость) имеет множество трактовок, и его определение до сих пор является дискуссионным. Словари раскрывают смысл толерантности через способность терпеть что-либо или кого-либо, считаться с мнением другого, как терпимость к чужому поведению, образу жизни, обычаям, чувствам, мнениям, верованиям, идеям.

«Толерантность» рассматривается с разных позиций: как этическое философское понятие, как принцип взаимоотношений между последователями разных идеологических концепций, убеждений и верований, как метод социально-политических решений и действий.

В научной литературе выделяют несколько форм толерантности – личная, общественная, проявляющаяся в морали, нравах, менталитете, сознании, государственная, отраженная в законодательстве, политической практике [11, с. 45]. Основой толерантности является признание права на отличие. Толерантность проявляется в принятии другого человека таким, каков он есть; уважении другой точки зрения; сдержанности к тому, что не разделяешь; понимании и принятии традиций, ценности и культуры представителей другой национальности и веры [11, с. 56]; соблюдении принципа законности [12].

В России проживает сложное по этническому и религиозному составу население. Поэтому, когда речь идет о толерантности населения, общество понимает это прежде всего как этническое и конфессиональное толерантное отношение к людям. На динамику межэтнических и межконфессиональных отношений влияние оказывают:

– внутренние факторы: изменения этнодемографического состава населения, расселения, экономического и социального положения населения, изменение отношения населения к религии, деятельность отдельных религиозных организаций, национальная политика;

– внешние факторы: появление значительных групп иностранных трудовых мигрантов, деятельность националистических и экстремистских движений, пропаганда этнической и религиозной неприязни в средствах массовой информации и в Интернете. Они создают условия для возникновения новых межэтнических и межконфессиональных противоречий, напряженности и конфликтов.

За последние два года уровень толерантного отношения россиян к мигрантам и к представителям другой национальности значительно снизился [5]. Нарастает угроза эскалации межнациональных противоречий, роста национализма и, как следствие, развитие экстремистской и террористической деятельности.

Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] и Федеральный закон № 35-АР «О противодействии терроризму» [1] закрепляют основные положения государственной политики противодействия всем формам экстремистской и террористической деятельности, устанавливают меры ответственности за их осуществление, а также предусматривают осуществление комплекса профилактических мер по предупреждению действий экстремистского и террористического характера. Одним из основных принципов противодействия экстремизму и терроризму законодатель видит со-

трудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами.

Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) и другие традиционные конфессии играют наиболее важную роль среди институтов гражданского общества в рамках воздействия на морально-нравственную сферу общественной жизни. При этом РПЦ выступает против термина «толерантность», понимая его как терпимость к нравственным порокам, нравственное безразличие к ценностям и устоям общества [8]. Тем не менее, согласно Основам социальной концепции Русской Православной Церкви, принятым 16 августа 2000 г. [7], РПЦ одним из направлений своего взаимодействия с государством, полицией и обществом признает миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами, что соответствует общепризнанным целям толерантных отношений.

Совместная работа Русской Православной Церкви и Министерства внутренних дел Российской Федерации осуществляется в рамках противодействия проявлениям религиозной ненависти и вражды, терроризму, в области профилактики религиозных и межнациональных конфликтов [13, с. 62–63].

В целях повышения правовой грамотности, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма в детской и молодежной среде в образовательных учреждениях работа ведется по следующим направлениям:

- формирование межведомственного подхода к организации воспитания и взаимодействию с родителями;
- повышение квалификации учителей по формированию толерантного сознания и профилактики экстремизма в детской и молодежной среде;
- включение в содержание учебных предметов тем по профилактике экстремистских проявлений, формированию законопослушного толерантного поведения обучающихся;
- реализация целевых воспитательных программ по толерантному и духовно-нравственному воспитанию;
- проведение мониторинга сформированности уровня развития толерантности;
- организация полезной досуговой занятости обучающихся (конкурсы, социальные проекты, волонтерское движение) [14, с. 154–159].

Примером совместной деятельности МВД России и РПЦ может рассматриваться Курганская область, где в целях воспитания толерантности у школьников на территории области органами полиции и религиозными организациями проводится профилактика противоправного поведения и экстремистских проявлений в молодежной среде в соответствии с действующим законодательством на межведомственной основе [10]. В 2011–2013 гг. осуществлялась «Межведомственная комплексная программа гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений и профилактики проявлений экстремизма в Курганской области на 2011–2013 годы» [6]. В области принята и реализуется целевая комплексная программа «Дети Зауралья» (подпрограмма «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») [3]. В рамках действующих областных программ в общеобразовательных учреждениях и учреждениях профессионального образования области ежегодно проводятся сотрудниками полиции и религиозными организациями тематические месячники и декады «Человек и закон», «Международный день толерантности» [4].

Процесс взаимодействия МВД России с религиозными организациями по воспитанию толерантности у населения строится с учетом вклада соответствующих организаций в российскую и мировую культуру, их влияния на современное российское общество, масштабов их поддержки российскими гражданами.

Централизованные религиозные организации крупнейших, исторически представленных в России конфессий (христианство, ислам, иудаизм, буддизм) в последние годы стали постоянными участниками различных мероприятий по профилактике, воспитанию толерантности у населения и иному содействию правоохранительным органам, которые осуществляются в контексте государственной стратегии противодействия терроризму и экстремизму на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. *Федеральный закон от 6 марта 2006 года №35-ФЗ (ред. от 28 июня 2014 года) «О противодействии терроризму»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2013. № 44. Ст. 5641; 2014. № 19. Ст. 2335.

2. *Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 года) «О противодействии экстремистской деятельности»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; 2006. № 31. Ч. I.

Ст. 3447, 3452; 2013. № 27. Ст. 3477; 2014. № 26. Ч. I. Ст. 3385; № 30. Ч. I. Ст. 4237; 2015. № 1. Ст. 58.

3. *Постановление Правительства Курганской области от 26 мая 2014 года № 225 «О государственной Программе Курганской области "Дети Зауралья – заботимся вместе!" (вместе с "Подпрограммой "Лига помощи: профилактика социального сиротства, лишения родительских прав", "Подпрограммой "Никому не отдам: профилактика отказов матерей от новорожденных детей", "Подпрограммой "Новая семья: создание благоприятных условий семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей")* // Новый мир: Документы. 2014. Вып. 43. 20 июня.

4. *Информационное агентство «Экспертный информационный канал «УралПолит.Ру». 2002–2015* // http://uralpolit.ru/news/society/news_event/v-zaurale-nachalas-internet-konferentsiya-na-temu-molodezhnogo-ekstremizma (дата обращения: 20.02.2015).

5. *Левада-Центр. 2003–2014* // www.levada.ru/sites/default/files/om14.pdf (дата обращения: 12.02.2015).

6. *Официальный сайт Администрации Юргамышского района. 2010–2015* // <http://www.urgadmin.ru/selprog/1793-programma.html> (дата обращения: 15.02.2015).

7. *Официальный сайт Русской Православной Церкви. Patriarchia.ru. 2005–2012* // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 26.10.2013).

8. *Православие. Ру. 1999–2014* // <http://www.pravoslavie.ru/news/50152.htm> (дата обращения: 21.11.2014).

9. *Толерантность. 2001–2014* // <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 01.12.2014).

10. *Управление по социальной политике Правительства Курганской области. 2015* // <http://www.social.kurganobl.ru/ob-upravlenii/upravl> (дата обращения: 26.01.2015).

11. *Мчедлов М.П., Шевченко А.Г., Гаврилов Ю.А. Православие и ислам: этноконфессиональные отношения. М.: Наука, 2005.*

12. *Нижник Н.С. Социюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3. С. 226–231.*

13. *Нижник Н.С., Меньшикова Н.С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63.*

14. *Сальников Е.В. Профилактика экстремизма // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 154–159.*

*Несвит Е. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного,
финансового и информационного права
НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Проанализированы отдельные положения проекта Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (Общей части), затрагивающие вопросы освобождения от административной ответственности и смягчения назначаемого наказания в свете задекларированных принципов административной ответственности.

Ключевые слова: законодательство; ответственность; принцип; наказание; малозначительность.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [1], принятый в 2001 году, на тот момент стал определенным «прорывом» в развитии административно-деликтного законодательства. Время, прошедшее с момента его принятия, показало необходимость внесения изменений в закон, обусловленных как изменениями в системе общественных отношений, так и устранением отдельных пробелов, коллизий и прочих несовершенств первичного текста.

После даты введения Кодекса в действие было принято свыше 350 федеральных законов, из них 70 – в 2014 году, в том числе в декабре 2014 года – 14. Этими законами внесено свыше 2500 изменений в текст Кодекса, вследствие чего последний в значительной мере утратил единство правового регулирования, а многие его нормы стали трудными для восприятия [2].

Наряду с этим проведен ряд реформ, изменивших правовое регулирование и организационное обеспечение государственного управления, сформировалась правоприменительная, и в том числе судебная практика, правовые позиции высших судов относительно отдельных вопросов практической реализации положений Кодекса. Это активизи-

ровало законопроектную работу – один за другим появились два самостоятельных проекта Кодекса об административных правонарушениях. Это законопроект № 630089-6 «Административный кодекс Российской Федерации (общая часть)» [3] и законопроект № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» [4] (далее – Проект). На момент подготовки материала первый законопроект снят с рассмотрения. В связи с этим остановимся на отдельных положениях второго Проекта, которые заслуживают наибольшего внимания.

Как отмечают разработчики Проекта: «Одной из основных задач проекта стало обеспечение единства, последовательности и внутренней непротиворечивости регулирования всего комплекса общественных отношений, составляющих правовой институт административной ответственности» [2]. При этом не известна будущая судьба норм об административной ответственности, содержащихся в Налоговом, Бюджетном и процессуальных кодексах РФ, банковском и антимонопольном законодательстве. Оставление указанных норм в неизменном виде, сделает запланированную реформу неполной, а позицию законодателя – неоднозначной.

Одной из новелл, содержащейся в Проекте, является закрепление ряда принципов административной ответственности, в том числе тех, которые ранее не были отражены в законодательстве и не выделялись в специальной литературе. Кроме того, Проектом предлагается градация административных правонарушений на три категории в зависимости от степени их общественной вредности, выделяются виды правонарушений, вводятся новые обстоятельства, исключающие административную ответственность и вину в совершении правонарушения, дополнен перечень административных наказаний, определены новые правила их применения, основания для освобождения от административного наказания, сроки и прочее. Безусловно, как нововведения, так и формулировка ныне существующих положений вызывает ряд вопросов как у практиков, так и у теоретиков. Но, в целом, Проекту можно дать позитивную оценку.

В отношении отдельных положений Проекта, касающихся назначения более мягкого административного наказания и освобождения от административной ответственности, считаю целесообразным отметить ряд моментов.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.5. (принцип справедливости и соразмерности) Проекта, административное наказание должно быть спра-

ведливым и соразмерным, то есть соответствовать характеру административного правонарушения, степени и размеру вреда, который причинен или мог быть причинен в результате совершения административного правонарушения охраняемым общественным отношениям, обстоятельствам совершения административного правонарушения, личности виновного физического лица и правовому статусу виновного юридического лица, иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Исходя из формулировки не совсем понятно, о каком наказании ведется речь: об установленном или назначенном? И как следствие – необходимость соблюдения данного принципа не только правоприменителем, но и законодателем, что по объективным причинам он сделать не может.

С принципом соразмерности наказания связан и принцип гуманизма (ст. 2.6), в соответствии с которым административное наказание и меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не должны быть избыточными по отношению к определенным настоящим Кодексом целям административного наказания. То есть – предупреждению совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами¹ (ст. 4.1). В связи с этим предусмотрено назначение административного наказания ниже низшего предела (ст. 2.6).

Аналогичная норма совсем недавно появилась в действующем Кодексе. В Проекте предусмотрена возможность назначения административного наказания ниже низшего предела (ст. 5.11), но оговорку о грубом правонарушении как обстоятельстве, исключающем смягчение наказания, нельзя признать достаточно удачной, хотя по поводу логичности в данном случае вопросов не возникает. В этом плане заслуживают преемственности положения Уголовного кодекса РФ [6] (ст. 64). При этом целесообразно привести их в соответствие с Особенной частью КоАП по аналогии с ч. 3 ст. 64 УК РФ.

Непосредственное отношение к назначению наказания имеет освобождение от административного наказания в связи с малозначительностью деяния (ст. 5.10). Исходя из формулировки названия и текста ч. 1 и 2, речь идет о наказании, а по тексту ч. 3 говорится об ответственности – что не одно и то же и влечет за собой разные юридические по-

¹ Достижение целей общей превенции является сомнительным ввиду отсутствия информирования общественности о вынесенных решениях о применении административных наказаний и возможности освобождения от ответственности в связи с малозначительностью правонарушения.

следствия. По сути, освобождение от ответственности (наказания) в связи с малозначительностью деяния, является одним из коррупциогенных факторов, закрепленных в законе, и неоднократно выступало объектом обоснованной критики, поскольку позволяет по личному усмотрению субъекта административной юрисдикции освобождать лиц от административной ответственности, ничем особо не мотивируя.

В связи с этим полагал бы целесообразным устранение из Проекта такого основания освобождения от административной ответственности как малозначительность деяния. В таком случае целесообразным видится расширение полномочий юрисдикционных органов по назначению более мягкого наказания, чем это предусмотрено в статье, устанавливающей ответственность за совершение правонарушения. Значительно упростить деятельность правоприменителя и одновременно предотвратить разного рода злоупотребления в процессе реализации норм о назначении наказания ниже низшего предела и только способно нормативное закрепление в тексте будущего Кодекса положений о соотношении различных видов административных наказаний в количественном измерении.

Говоря об освобождении от административной ответственности, не могу обойти вниманием предусмотренную Проектом возможность освобождения от административного наказания при примирении с потерпевшим (ст. 5.8). При заимствовании данной нормы из УК РФ не была учтена одна очень важная особенность административной ответственности – преимущественная направленность на охрану публично-правовых интересов. Следствием этого является достаточно частое отсутствие потерпевшего в виде физического или юридического лица. Защищать нарушенные интересы общества и государства в деле часто призван прокурор или лицо, составившее протокол об административном правонарушении. В связи с этим видится целесообразным введение такого основания для освобождения от административной ответственности как компромисс по делу об административном правонарушении. Данная норма содержится в ст. 521 Таможенного кодекса Украины [5] и позволяет экономить время и деньги обеих сторон.

Альтернативой или дополнительными основаниями для освобождения от административной ответственности могут стать известные российскому законодательству положения ст. ст. 75, 76.1 УК РФ об освобождении от ответственности в связи с деятельным раскаянием и освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности соответственно.

В общей сложности хотелось бы отметить, что данный Проект, выступая достаточно удачным по сравнению с предшественником, не лишен своих недостатков и внутренних противоречий. Законодательство должно развиваться системно, и каждый закон, занимая свое место в данной системе, должен становиться ее органичной частью, обеспечивать ее стабильность, функциональность и непротиворечивость. Для этого при доработке Проекта важно устранить в нем существующие противоречия, установить и урегулировать все взаимосвязи с действующими нормативными актами, обеспечить корреляцию положений, в первую очередь, с Уголовным кодексом Российской Федерации.

Список литературы

1. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.*

2. *Пояснительная записка к проекту федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)»* рег. № 703192-6 от 20.01.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=703192-6&02>

3. *Проект федерального закона «Административный кодекс Российской Федерации (общая часть)»* рег. № 630089-6 от 21.10.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=630089-6&02>.

4. *Проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)»* рег. № 703192-6 от 20.01.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=703192-6&02>.

5. *Таможенный кодекс Украины от 13.03.2012 № 4495-VI* [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4495-17>.

6. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>.

*Никифорова С. А.,
адъюнкт кафедры
теории государства и права
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ В РОССИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Э.Н. БЕРЕНДТСА

Статья посвящена проблеме организации, функционирования и эволюции системы органов государственного управления в России, нашедшей отражение в трудах выдающегося российского юриста Э.Н. Берендтса (1860–1930).

Ключевые слова: государственное управление; администрация; земства; российская полицейстика; полицейское государство; Э.Н. Берендтс.

Проблема государственного управления в России была одной из центральных в произведениях ученых конца XIX – начала XX в. [5, с. 66–67].

Особую сложность в организации государственного управления обуславливала российская действительность: размеры российского государства, различные природно-географические условия жизни, многонациональность и многоконфессиональность населения, геополитические факторы. Развитие государства с такими характеристиками возможно было лишь при разумном использовании централизации и децентрализации власти, а также включении в систему государственного управления и центральных, и местных органов.

Вопросам организации и функционирования органов государственного управления в целом и исполнительных органов в частности посвятил свои исследования выдающийся российский юрист Эдуард Николаевич Берендтс (9 /21/ декабря 1860, Санкт-Петербург – 4 августа 1930, Таллинн).

Э.Н. Берендтс родился в купеческой семье [3]. Среднее образование получил в гимназии главного немецкого училища, окончил училище евангельской церкви Святого Петра. В 1880 г. поступил на Юридический факультет Петербургского университета. По окончании данного университета в 1884 г. был назначен на службу в Министерство финансов.

Работая в Ярославле, Э.Н. Берендтс вплотную занялся историей государственного управления в России, при этом особое внимание уделяя сущности административных реформ. Интересовала его и теоретическая (догматическая) часть административного права, для изучения которой он привлек труды отечественных и западноевропейских ученых [7, с. 530–536].

Историческое изучение государственного управления, а также опыт службы в Министерстве финансов, наблюдение за ходом дел в ярославском губернском управлении, позволило Э.Н. Берендтсу написать работу под названием «О прошлом и настоящем русской администрации». Данное исследование, представленное министру внутренних дел статс-секретарю В.К. Плеве, в дальнейшем было опубликовано в 1913 г. [2]. В труде Э.Н. Берендтс подробно рассмотрел административное устройство России за последние четыреста лет и предпринял попытку объяснить особенности состояния современного ему общества. Автор выявил недостатки организации и функционирования русской администрации, которые в определенные исторические периоды создавали кризисные, революционные ситуации. Среди существенных недостатков Э.Н. Берендтс называл: слабый национальный дух в представителях господствующего класса, оторванность данного класса от народа; взяточничество, распущенность руководителей; дуализм государственного управления. Автор подчеркивал, что дуализм является коренным недостатком русской государственной жизни, приводящим к отсутствию единства в строе администрации и в направлении ее деятельности.

В удельно-вечевой Руси, по мнению Э.Н. Берендтса, отсутствовало единство управления между центром и местными органами, власть характеризовалась дуализмом властных полномочий князя и земщины. Земщина занималась делами путей сообщения, продовольственным обеспечением, борьбой с голодом. Предметами государственного ведения были верховное и центральное управление [4, с. 114–116]. Однако земское дело было составной частью дела государева, его органичной частью. Четкое разграничение земских дел от правительственных отсутствовало. Лишь в Соборном уложении 1649 г. получили закрепление попытки искоренения дуализма.

Государево дело, по Соборному уложению, – это верховное централизованное управление, которым руководит царь непосредственно либо при содействии бояр, окольничих, думных людей в думе и приказах. Земское дело, или местное самоуправление, было вверено местным выборным людям под руководством или при участии воеводы [2, с. 14–20]. Такое разделение земского и государственного дела являлось несомненным успехом и могло установить административное единство в контроле центра над органами местного самоуправления. Однако нестабильность политической ситуации в государстве повлекла за собой ослабление контроля государства за деятельностью местного само-

управления, и полное подчинение земского дела государственному до конца доведено не было.

В XVIII в. Россия вступила в новую эру императорского периода отечественной истории. В петровской Руси дуализм власти был искоренен, государево дело превратилось в дело государственного домостроительства. При Петре I был осуществлен коренной переворот в системе государственного управления. Компетенции органов государственной власти были зафиксированы в регламентах и инструкциях. Была предпринята попытка построить механизм государственного управления на началах системности, коллегиальности принятия решений в администрации, которая вместе с органами прокурорского, тайного фискального надзора должна была обеспечить законность управления [6].

Именно в это время создан Сенат, цель создания которого – связь с местными органами управления и контроль за их деятельностью. Неподготовленность государства к реформе не оправдали возложенных надежд на Сенат, а после вступления в действие коллегий, роль Сената, подчеркивал Берендтс, стала призрачной. Данный провал был вызван еще и тем, что коллегия Сената состояла из президентов, подчиненных ему коллегий, не желавших привлекать самих себя или своих товарищей к ответственности и отчету.

Важная часть петровских преобразований – губернская реформа: Россия разделена на губернии и провинции. Во главе губерний были поставлены губернаторы, во главе провинций – воеводы или вице-губернаторы. Главный Магистрат располагался в Петербурге, состоял из чиновников и выборных; городские магистраты состояли исключительно из выборных членов. Это обособление городского общинно-сословного самоуправления могло рассматриваться как нарушение традиционных устоев: город отделяется от уезда, горожане – от сельского населения [2, с. 37–59].

При Екатерине II в организацию деятельности администрации произошли серьезные преобразования: была введена должность генерал-губернатора; создана губернская прокуратура; к участию в управлении привлечены лучшие сословные силы, связанные с интересами определенной местности, что открывало пути самодеятельности местного общества, организованного на сословном начале. Государев наместник должен был стать стражем закона, инспектором законности и правопорядка. Императрица пыталась поставить наместников в рамки формальной законности [2, с. 74–102], однако изданные Екатериной II

законы часто не имели четкой формулировки норм, с большим трудом были применимы на практике. Губернская прокуратура и установление должности губернского прокурора, по мнению Берендтса, – одна из светлых идей Екатерины II, которая могла при надлежащей поддержке развиваться в самостоятельный институт надзора и контроля за деятельностью администрации.

В период царствования Александра I имели место ряд административных реформ. Император, осознавая необходимость упорядочения системы внутреннего механизма государственного управления, стремился выстроить систему государственного управления на основе принципа законности. Для этого были произведены определенные меры: упорядочивание законов, разграничение указов, административных распоряжений; установление четкого определенного порядка принятия законов; установление бдительного контроля над управлением; учреждение новых центральных органов управления с точно определенной компетенцией, имеющих во главе лиц, наделенных доверием монарха, действующих согласно его предначертаниям в духе единства и согласия, соблюдая основные начала в управлении и ответственных политически за благоустройство введенных им частей перед монархом, а юридически – за законность своих распоряжений перед Сенатом [1, с. 182–183; 2, с. 159–161]. Административные реформы Александра I были неудачными по причине непоследовательности их проведения, противоречиями и колебаниями в правительственных мероприятиях, неудовлетворенностью личным составом администрации.

Организация высшей администрации в царствование Николая I мало изменилась. Самым выдающимся фактом было учреждение третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии – органа высшей государственной полиции. В организации местного управления появилось стремление точнее определить и отграничить круг полномочий каждого органа и в особенности точнее определить компетенцию губернатора и губернского правления. Царствование Николая I, по мнению Берендтса, не изменило характера администрации. Этот период был апогеем военно-полицейского государства. С помощью беспощадной строгости и беспрестанного контроля император хотел установить порядок во всех государственных органах, однако данные действия привели к еще большему беззаконию и взяточничеству. Э.Н. Берендтс пришел к выводу, что персонал царствования Николая I насчитывал в центре и на местах немало честных и деятельных, способных лиц, но большинство служащих в столице и

губерниях стояли «на весьма низкой умственной ступени развития» [1, с. 183–184; 2, с. 161–179].

При Александре II отмена крепостного права освободила путь для других реформ, имевших непосредственное отношение к административной системе: реорганизации судоустройства и судопроизводства, полиции, введению земских учреждений, реформе городского общественного самоуправления, замене рекрутской повинности всеобщей воинской. Все эти реформы повлекли важные изменения в работе административных учреждений. Постепенно появилась целая система специальных судебно-административных учреждений по крестьянским делам, по городским делам, по воинским делам. Они решали вопросы, непосредственно относящиеся к своей компетенции. Совокупность перечисленных органов незаметно создало новое административное право, что являлось уже серьезным шагом нашего государства к созданию четкого механизма внутреннего устройства [1, с. 196–198; 2, с. 189–195].

Э.Н. Берендтс полагал, что в имперской России предпринимались попытки восстановить административное единство, но усилия не достигали должного успеха прежде всего потому, что: не было единства в задачах действующей административной машины; история всегда ставила Россию в такие тяжелые условия, в которых главной целью была активная внешняя политика и борьба за естественные границы.

Э.Н. Берендтс осмыслил все успехи и неудачи русской администрации, проанализировал их и пришел к выводу, что Россия имеет свой индивидуальный путь развития, и ни одно из западноевропейских государств не может служить образцом или комбинацией различных заимствований.

Список литературы

1. *Берендтс Э.Н.* Опыт системы административного права. Т. 1. Вып. 1. Ярославль, 1898.
2. *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.
3. *Берендтс Э.Н.* Русское финансовое право. М.: РИОР: ИНФРА, 2014.
4. *Нижник Н.С.* История отечественного государства и права (IX–XVI вв.): Древняя и средневековая Русь. СПб., 2013.
5. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73.
6. *Нижник Н.С., Папырин В.В.* Законность как социоюридический феномен. СПб., 2012.
7. *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены признаки теневой экономики как одной из основных угроз экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: теневая экономика; экономическая безопасность.

В современных условиях экономическая безопасность является основой сохранения целостности и национальной безопасности страны. Согласно п. 54 Стратегии национальной безопасности России до 2020 года [1], обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации. Следует согласиться с мнением Е.В. Прудюс, что «экономическая безопасность является наиболее важной составляющей частью структуры национальной безопасности страны, поскольку без достаточного экономического обеспечения не может идти речи о национальной безопасности вообще» [2, с. 34].

Экономическую безопасность можно рассматривать как: совокупность институциональных признаков государства, определяющих целостное, равновесное развитие государства как субъекта мирового хозяйства [3, с. 9–13]; такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов. На протяжении всей истории развития российского государства меняется экономическая действительность, обновляются экономические угрозы, совершенствуется система противодействия им. В условиях конкурентного противостояния, борьбы за природные и человеческие ресурсы, экономические интересы нередко обеспечиваются активной разведывательной и подрывной деятельностью зарубежных государств, закулисных договоренностей хозяйствующих субъектов [4, с. 507].

Государство выступает ключевым элементом в системе обеспечения экономической безопасности, состояния защищенности общества,

развития экономики, что обусловлено наличием государственно-властных полномочий на издание общеобязательных норм, применение аппарата управления и принуждения. Одной из причин негативных преобразований в экономике страны является неадекватное восприятие органами государственного управления экономической реальности, когда происходящими экономическими процессами управляют представители теневой экономической деятельности.

Теневая экономика представляет собой не контролируемое государством воспроизводство, распределение и потребление товарно-материальных ценностей и услуг, не учтенное, не регламентированное соответствующими нормативными документами и правилами хозяйствования, экономической деятельности [5, с. 8].

В переходный период к рынку, в условиях коренных изменений социально-экономических отношений сложилась ситуация, при которой снизилась роль экономики страны – важнейшего социального института, стали перерождаться и трансформироваться отдельные ее функции, утратились ценностные ориентиры, отвечающие потребностям общества [6, с. 381].

Теневая экономика – это такой уклад в экономической жизни страны, который складывается в обществе вопреки правовым нормам и формальным правилам. Подобная экономическая деятельность не регистрируется официально уполномоченными органами. Сущность теневого сектора экономики – в скрытом, подпольном характере, поэтому прямое влияние на него государственных органов исключается. Меры, способствующие выявлению нелегальных фирм, направлены в большинстве случаев на честных предпринимателей, уплачивающих налоги в бюджет и, соответственно, состоящих на учете в налоговой инспекции. Вместе с тем, влияние теневой экономики на экономический рост не является однозначно деструктивным. Так, сокрытие легальной хозяйственной деятельности от государственного контроля, несмотря на сокращение налоговых поступлений, в ряде случаев оказывает положительное воздействие на экономический рост. Поскольку любая подпольная работа порождает законную экономическую деятельность (например, путем использования доходов от нелегальной работы на приобретение товаров и услуг, созданных легально), то ВВП в стране увеличивается [7, с. 373–374]. Однако, без сомнения, сокрытие экономической деятельности тем или иным образом негативно отражается на экономике страны – снижаются налоговые поступления, ослабляется бюджет, вследствие чего государство утрачивает финансовые рычаги

управления экономикой. В связи с невыполнением бюджетных обязательств обостряются социальные проблемы, увеличивается количество совершаемых преступлений.

Разделение экономики на легальный и нелегальный сектор весьма негативно отражается на развитии общества, что выражается в снижении производительности труда, доходов и уровня жизни населения, неэффективности налоговой системы, замедлении темпов технического и научного прогрессов, а также стагнации других важных институтов экономики. Теневая экономика представляет непосредственную угрозу экономической безопасности страны, препятствует развитию нормальной предпринимательской деятельности, подавляет развитие малого и среднего бизнеса, снижает уровень конкуренции, тормозит развитие производства, лишает федеральный бюджет значительной части доходов, обостряет экономические проблемы.

Несомненно, теневая экономика требует активного государственного противодействия, поскольку вовлекает людей в деструктивные, криминальные отношения, приводит к установлению незаконных порядков в управленческой деятельности. Так, согласно индексу восприятия коррупции, среди 174-х стран мира в 2014 году Россия занимает 136 место (индекс – 27), что свидетельствует о высокой коррупционной составляющей [8]. Кроме того, в стране наблюдается интенсивная офшоризация экономики, замедляющая темпы ее роста и развития. По оценкам экспертов, за последние двадцать лет из России было выведено в офшоры от 800 миллиардов до триллиона долларов. Согласно данным Центрального банка России, ежегодно из страны выводится около 100 миллиардов рублей. Прекращение вывода капитала в офшоры могло бы увеличить ВВП России на 1,5–2 процента [9].

Теневая экономика – это всегда негативное социально-экономическое явление, характеризующееся рядом специфических особенностей:

- представляет собой питательную среду для возникновения и развития организованной преступности;
- препятствует эффективному развитию рыночной экономики;
- формирует коррупционные отношения во всех сферах экономической деятельности;
- разрушает государственную систему справедливого распределения национального богатства, снижает доверие к власти;

– не позволяет осуществить правовую защиту прав и интересов участников теневого сектора экономики, лишая их социальных гарантий и помощи [10, с. 171];

– приводит к ухудшению инвестиционного климата, вследствие чего наблюдается спад производства;

– способствует увеличению имущественного неравенства, бедности большей части населения;

– дискредитирует право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества.

Среди дестабилизирующих факторов отметим, что теневая экономика не оценивается всеми однозначно негативно. В ряде случаев граждане сами прибегают к услугам лиц, работающих незаконно, желая сэкономить свои денежные средства. В то же время нельзя забывать и том, что работы и услуги, оказанные неофициально, не имеют гарантийного срока, а нарушенное каким-либо образом право нельзя защитить в судебном порядке. Этот аспект подтверждает и тот факт, что в ряде случаев теневая экономика паразитирует на человеческих пороках, обслуживает деструктивные общественные потребности. В результате востребуемые услуги носят общественно опасный и преступный характер (проституция, торговля детьми, наркобизнес, порнобизнес, торговля оружием, незаконная организация азартных игр и т.п.).

В настоящее время позиции теневой экономики укрепились в перспективных видах экономической деятельности – банковской, финансово-кредитной, инвестиционной, сырьевых отраслях и т.д. Можно сказать, что теневая экономика является частью экономики в целом, пронизывая все отрасли и сферы жизнедеятельности. В складывающихся условиях проблема обеспечения экономической безопасности обостряется.

Сложность противодействия этому негативному явлению состоит в том, что в достижении интересов субъектов теневого сектора экономики нередко принимают участие органы государственной власти и местного самоуправления. Такое противоправное взаимодействие осуществляется: а) путем лоббирования интересов представителей теневой экономики в органах государственной и муниципальной власти, что может привести к декриминализации общественно-опасных деяний или неприятию в течение длительного времени необходимых законов; б) через механизм отмывания «грязных» денег и другого имущества, полученных преступным путем, с последующим проникновением во все

сферы общественной и политической жизни; в) под прикрытием легальной деятельности [11, с. 639].

Опасность криминализации государственных механизмов состоит в том, что в первую очередь, как правило, деформируется система управления в лице органов исполнительной власти. Поскольку самоочищение российской экономики от теневой составляющей исключено, перемены к лучшему можно ожидать только в случае активной роли соответствующих государственных органов, прежде всего, правоохранительных. Поэтому государственная политика противодействия теневой экономике должна быть направлена как на организации, участвующие в криминальном бизнесе, так и на органы управления, реализующие государственные функции в этой сфере.

Таким образом, теневая экономика образует в современном российском обществе преступную среду, порождающую организованную преступность и коррупцию. Неверно полагать, что управление экономикой в современных условиях надлежит предоставить рыночному саморегулированию. Рыночная система не в состоянии самостоятельно без сильной воли государства разрешить сложные экономические проблемы, защитить национальные интересы страны.

Важным условием снижения уровня теневой экономики является устранение пробелов в правовом поле, связанных с отсутствием четких трактовок и определений в понятийном аппарате. Противодействие теневой экономике является постоянным направлением деятельности государства и должно стать заботой всего общества. В этой связи должна быть разработана государственная программа ограничения распространения и самовоспроизводства секторов теневой экономики, рассчитанная на долгосрочную перспективу, поскольку противодействие теневой экономике затрагивает интересы каждого гражданина, общества и государства.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.
2. Прудюс Е.В. О понятии и системе экономической безопасности // Законодательство и экономика. 2008. № 1.
3. Ермолаев С.А. Экономическая безопасность. Концептуально-гносеологический аспект // Экономическая безопасность России: политические

ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2004. № 4.

4. *Цишковский Е.А., Стрельников К.А.* Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. д.ю.н. В.М. Баранова, д.ю.н. ПС. Пацуркивского, к.ю.н. Г.О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007.

5. *Талан М.В.* Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001.

6. *Кузнецов А.П.* Теневая экономика как порождение экономических дисфункций // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всерос. научной конф., Москва, 6 июня 2007 г. М.: Научный эксперт, 2007.

7. *Пескова Д.Р.* Теневая экономика и экономический рост – определение направлений взаимовлияния // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всерос. научной конф., Москва, 6 июня 2007 г. М.: Научный эксперт, 2007.

8. <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 03.02.2015).

9. <http://www.rg.ru/2013/11/15/kapital-site.html> (дата обращения 03.02.2015).

10. *Гамза В.А.* Что такое российская теневая экономика и как с ней бороться? // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы всерос. научной конф., Москва, 6 июня 2007 г. М.: Научный эксперт, 2007.

11. *Чернов С.Б.* К проблеме противодействия развитию теневого предпринимательства // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы всерос. научной конф., Москва, 6 июня 2007 г. М.: Научный эксперт, 2007.

*Пирожок С. С.,
адъюнкт кафедры
теории государства и права
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РОБЕРТА ФОН МОЛЯ

Статья посвящена проблеме осуществления полицейской деятельности в правовом государстве, нашедшей отражение в трудах немецкого ученого, политического и общественного деятеля, автора концепции правового государства Роберта фон Моля (1799–1875).

Ключевые слова: правовое государство; полицейское государство; полиция; обеспечение прав и свобод личности; полицеистика; Р. фон Моль.

Вопросы обеспечения прав и свобод человека получили свое обсуждение и в рамках науки полицейского права при характеристике практических мероприятий, реализуемых государственной властью в отношении общества [1, предисловие, с. 5]. Полицеисты исследовали дихотомии государство и общество, государство и гражданин, власть и личность, права и обязанности [4]. Они подчеркивали, что политические, экономические и социально-культурные изменения, произошедшие в общественной жизни в XVII–XVIII вв., превратили средневековые теоретические концепции в несостоятельные; что оформление в европейских государствах абсолютных монархий привело к созданию полицейских государств и возникновению специализированной системы полицейских учреждений (органов), к сфере деятельности которых были отнесены вопросы обеспечения прав и свобод человека [3].

Однако уже к началу XIX в. стало очевидно, что имеющаяся теория и практика полицейского государства оказались недостаточными для разрешения назревших в государстве и обществе проблем. В новых социально-политических, экономических и культурных реалиях наметилась ломка «старого порядка». Несмотря на распространенность философии эвдемонизма [5], происходила переоценка характера взаимоотношений государства и личности.

На первый план выдвигались проблемы юридической ответственности государства перед личностью и обеспечения гарантий прав и свобод человека, приобрела популярность идея правового государства.

Вопросы ответственности государства перед личностью и обеспечения гарантий прав и свобод человека получили свое освещение в трудах немецкого ученого, политического и общественного деятеля, «Нестора государствоведов» [2, предисловие переводчика, с. 6] Роберта фон Моля (нем. Robert von Mohl, 1799–1875) [см.: 9; 6; 10; 14; 7; 8; 12; 13].

Учения Р. фон Моля о государстве и полиции стали фундаментом последующего развития государственных наук и полицейского права. Идеи немецкого ученого сформировались в условиях интенсивного развития Германии, Англии и Франции в Новое время. При этом Моль был убежденным сторонником особого пути Германии и светлого будущего германского народа.

В системе государственно-правовых воззрений Р. фон Моля особое место занимает теория правового государства, которая получила комплексное отражение в работе «Наука полиции по началам правового государства» [11].

Немецкий ученый под правовым государством понимал «организацию власти и государственных органов, которая содействует развитию всех способностей и сил человека и добровольных союзов» [3, с. 255–257]. Цель такого государства – «вспомоществование всем жизненным целям народа». Для реализации этой цели требуется, во-первых, «защита против неправомерной воли», во-вторых, «помощь в случае недостаточности сил» [2, с. 6; 3, с. 256].

Главной целью правового государства Р. фон Моль называл оказание положительного покровительства разумным общественным стремлениям. «Кто хотел и мог бы жить в государстве, которое оказывало бы только правосудие и не доставляло бы полицейской помощи?.. Защиту против нарушений доставляют различные учреждения правосудия и полиции, доставление же помощи выпадает на долю полиции» [2, с. 3–4].

В правовом государстве, по Р. фон Молю, должны решаться важнейшие задачи: охрана прав и свобод гражданина; содействие гражданам при осуществлении своих прав, когда для их достижения силы и средства индивидов оказываются недостаточными; соблюдение прав и свобод и их защита в случае нарушения.

Р. фон Моль убежден, что на всех этапах своего исторического развития государство преследует главный свой интерес – сохранение себя. Это становится возможным при политической и социально-экономической стабильности в обществе в условиях, когда единственно возможным путем для этого – устранение от граждан всех неудобств и обеспечение каждому получения всех жизненных благ, на которые он может иметь право как человек.

Государственная деятельность, подчеркивал Р. фон Моль, двуединую сущность: с одной стороны, она является деятельностью, заключающейся в содействии жизненным целям отдельных лиц, с другой стороны – деятельностью, состоящей в разработке и учреждении «общих мер», которыми может воспользоваться всякий желающий достигнуть известной цели (например, общие меры по поддержанию здоровья граждан) [2, с. 23–24].

«Совокупность вспомогательной деятельности государства, включая в нее комплекс тех государственных учреждений и действий, целью деятельности которых было удаление внешних, не заключающихся в правонарушениях препятствий, которые заграждают путь всестороннему разумному развитию человеческих сил и которые не в состоянии удалить ни отдельное лицо, ни дозволенный союз отдельных лиц» [2, с. 3], составляла, согласно Р. фон Молю, сущность полицейской деятельности. Оказание помощи гражданам и «дозволенным союзам», забота «о достижении положительных выгод» выступали как основное назначение полиции [2, с. 6].

Ученый выделил несколько принципов деятельности полиции. К первому принципу Р. фон Моль относил ограничение её «необходимым». Ко второму принципу полицейской деятельности ученый причислял законность. Третий принцип вытекал из самого существа полиции и заключался в том, что полиция не должна действовать там, где внешние препятствия для всестороннего развития граждан могут быть устранены силами единичных лиц или дозволенным союзом единичных лиц.

Р. фон Моль писал: «Чем более гражданин сознает обеспеченность своих прав даже против вторжения государства, тем более он склонен воспользоваться ими для осуществления полезных предприятий» [2, с. 24]. В этом высказывании заключена и еще одна важная идея мыслителя – свобода гражданина является основой правового государства. Только в государстве, основанном на праве, гражданин может и должен развиваться разносторонне, осознавать свою защищен-

ность. Правовое государство предполагает самоограничение власти законом.

Безусловной заслугой Р. фон Моля является то, что он, будучи очевидцем сложного процесса эволюции, охватившего экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизни народов Германии, одним из первых начал отстаивать идеи правовой государственности, ответственности государства перед личностью и обществом, которые принципиальным образом отличались от начал, заложенных в полицейском государстве. Во время своей политической деятельности Р. фон Моля убеждал и требовал воплотить в действительность принцип полицейской деятельности государства – полиция не должна действовать там, где внешние препятствия для всестороннего развития граждан могут быть устранены силами единичных лиц или дозволенным союзом единичных лиц.

Таким образом, в историю учений о праве и государстве Р. фон Моля вошел как автор теории правового государства, разработчик доктрины социального государства. Определение Р. фон Моля содержания полицейской деятельности и рассмотрение полицейской деятельности как единой системы заложило фундамент науки полицейского права и определило концептуальные основы науки полицейского права, в рамках которой полиция рассматривалась элементом механизма обеспечения народу «всеобщего счастья».

Список литературы

1. Гундарин О.Т., Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии / под ред. В.П. Сальникова, Е.Б. Хохлова, А.В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999.

2. Моля Р., фон. Наука полиции по началам юридического государства: Перевод с 3-го немецкого издания. Вып. 1 / пер.: Р. Сементковский. СПб.: Печ. В.И. Головина, 1871.

3. Моля Р., фон. Энциклопедия государственных наук / пер. А. Попова. СПб., 1868.

3. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 66–73.

4. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43.

5. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С.* Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

6. *Mohl R., von.* Das Bundes-Staatsrecht des VereinigtenStaaten von Nord-Amerika.Stuttgart. 1824.

7. *Mohl R., von.* Das Staatsrecht des Königsrecht Württemberg. Tübingen, 1840.

8. *Mohl R., von.* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften in Monographieendargestellt. I–II Bd. Erlangen, 1855–1858.

9. *Mohl R., von.* Die öffentliche Rechtspflege des deutschen Bundes. Stuttgart, 1822.

10. *Mohl R., von.* Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. I Bd. Tübingen, 1832.

11. *Mohl R., von.* Die Polizeiwissenschaftnach den Grundsätzen des Rechtsstaates. I Bd. Tübingen, 1832.

12. *Mohl R., von.* Encyklopädie des Staatswissenschaften. 2. Aufl. Tübingen, 1842.

13. *Mohl R., von.* Staatsrecht, Völkrecht und Politik. III Bd. Tübingen, 1860–1869.

14. *Mohl R., von.* System des Präventiv-justiz oder Rechts-Polizei. Tübingen, 1834.

*Ремизов П. В.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административного права и процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

В статье представлен анализ проблем правового регулирования административной ответственности за нарушение требований административно-правовых режимов контртеррористической операции и чрезвычайного положения. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию административно-деликтного законодательства, направленные на решение этих проблем.

Ключевые слова: административная ответственность; контртеррористическая операция; чрезвычайное положение; юридическая техника.

Современное состояние политической обстановки в мире вызывает опасение. Волна «цветных» революций в странах постсоветского пространства, дестабилизация ситуации на Украине, провокации граждан, осуществляемые при непосредственном участии иностранного элемента, взывают к необходимости переосмысления ключевых правовых механизмов защиты суверенитета и конституционного строя Российской Федерации, огромное значение среди которых имеют экстраординарные административно-правовые режимы контртеррористической операции и чрезвычайного положения.

Правовой основой административно-правового режима контртеррористической операции выступает ФЗ «О противодействии терроризму», [6] согласно которому режим контртеррористической операции направлен на пресечение и раскрытие террористических актов, а также минимизацию их последствий и защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства. Указанный правовой режим играет исключительно важную роль в обеспечении общественного правопорядка и общественной безопасности.

В соответствии со ст. 1 ФКЗ «О чрезвычайном положении» [10] правовой режим чрезвычайного положения выступает исключительной мерой, направленной на защиту прав и свобод человека и гражданина, основ российской государственности, и подразумевает особый порядок деятельности органов государственного и муниципального управления, организаций, их должностных лиц и общественных объединений. При этом на граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, организации и общественные объединения возлагаются дополнительные обязанности, а также ограничения конституционных прав.

Одним из достаточно важных инструментов обеспечения выше обозначенных режимов выступает институт административной ответственности. При этом следует отметить, что вне зависимости от того, насколько часто вводятся эти экстраординарные административно-правовые режимы (например, режим контртеррористической операции вводится периодически, правовой же режим чрезвычайного положения, согласно действующему законодательству, не вводился вообще, а, соответственно, за нарушение его положений к ответственности никто не привлекался), нормы законодательства об административных правонарушениях, находясь даже в статическом состоянии, обладают достаточно большим профилактическим значением, а также выступают дополнительной гарантией обеспечения законности и правопорядка.

Тем не менее, законодательство об административной ответственности очень динамично. Так, в период с 2002 года по настоящее время было принято более 350 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в КоАП РФ. [2] Достаточно сложно сказать, сколько всего было внесено изменений в редакции его статей, да и, думается, в таком подсчете вряд ли есть необходимость. Очевидно, что практически каждая из статей Кодекса подверглась тем или иным изменениям. Следует согласиться с Н.В. Макарейко, который вполне справедливо и оправданно называет такую законодательную активность неоправданной [3, с. 250]. Вместе с этим необходимо указать, что, фактически, перед нами совершенно иной нормативно-правовой акт, чем он был представлен в редакции 2001 года. Действующая редакция КоАП РФ – это документ с новыми подходами к размерам и видам административных наказаний, а также положениями производства по делам об административных правонарушениях.

Ответственность за нарушение правового режима контртеррористической операции предусмотрена ст. 20.27 КоАП РФ. По нашему мнению, отдельные положения данной статьи в настоящее время не отвечают требованиям должного правового регулирования. Ч. 1 ст. 20.27 предусматривает ответственность за неповиновение законному требованию должностного лица органа федеральной службы безопасности о соблюдении мер и временных ограничений, установленных на территории (объекте), в пределах которой (на котором) введен правовой режим контртеррористической операции в виде административного штрафа: для граждан – в размере до пятисот рублей, для должностных лиц – от одной тысячи до трех тысяч рублей, для юридических лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

27 июля 2010 года Федеральным законом «О внесении изменений в федеральный закон "О федеральной службе безопасности" и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [8] ст. 19.3 КоАП РФ была дополнена частью 4 «Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органов федеральной службы безопасности в связи с исполнением им служебных обязанностей, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей», которая, фактически, содержит общий состав административного правонарушения по отношению к составу правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.27. При этом размеры административных наказаний по ч. 4 ст. 19.3 значительно выше, чем по ч. 1 ст. 20.27 КоАП РФ: размер административного штрафа уже составляет: для граждан от пятисот до одной тысячи рублей, для должностных лиц – от одной тысячи до трех тысяч рублей; для юридических лиц – от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; кроме того, для граждан предусматривается еще один альтернативный вид наказания – административный арест сроком до пятнадцати суток.

На наш взгляд, при внесении изменений и дополнений в 19 главу КоАП не были учтены положения статей других глав кодекса, что привело к образованию привилегированного состава административного правонарушения против истинной воли законодателя. Следует согласиться с А.М. Субботиным, что многие изменения вносятся в КоАП бессистемно и непоследовательно, в результате чего страдает само содержание норм, устанавливающих административную ответственность. Более того, правотворческие ошибки, содержащиеся в законодательстве об административных правонарушениях, приобретают системный характер. [5, с. 183–186]. Эффективность

функционирования всего механизма обеспечения правопорядка напрямую зависит от качества законодательства. [1, с. 10] Думается, что приведенный выше дефект нуждается в скорейшем устранении.

Административная ответственность за нарушение требований режима чрезвычайного положения предусмотрена ст. 20.5 КоАП РФ. Данная статья предусматривает: административный штраф для граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до тридцати суток, для должностных лиц – штраф от одной тысячи до двух тысяч рублей или административный арест на такой же срок. Интересно, но изменения в эту статью вносились лишь один раз, в 2007 году, и касались перехода на другую систему исчисления административного штрафа, с МРОТ на установленную сумму в рублях [7]

Относительно санкции приведенной нормы отметим лишь три принципиальных момента. Во-первых, степень общественной опасности данного административного правонарушения выше многих других противоправных деяний, предусмотренных 20 главой КоАП РФ. На это указывает и законодатель, вводя исключительно большой срок административного ареста. Однако к значительному числу категорий лиц административный арест не применяется вовсе.

Во-вторых, установленные в приведенной статье размеры административного штрафа не отражают высокую степень общественной опасности данного правонарушения, особенно в свете недавних изменений, внесенных, например, в 12 главу КоАП РФ, где сумма минимально размера денежного взыскания в настоящее время составляет 500 рублей [9]. Закон должен соответствовать требованиям социальной и политической обстановки, а также учитывать экономические процессы, происходящие в государстве, включая девальвацию национальной денежной единицы.

В-третьих, ограничения и обязанности, определяемые ФКЗ «О чрезвычайном положении», могут вводиться и в отношении юридических лиц, что также должно учитываться и в норме об ответственности. Более того, ст. 32 указанного федерального конституционного закона также предусматривает возможность применения мер ответственности и к организациям.

Отдельного внимания заслуживают и некоторые вопросы, связанные с осуществлением производства по делам о данном административном правонарушении. Чрезвычайное положение может быть прекращено в связи с истечением срока введения (прекращение пе-

риода действия), а также путем досрочной отмены Президентом РФ (ст. ст. 9, 10 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). В соответствии с ч. 1 ст. 33 федерального конституционного закона нормативно-правовые акты, которые приняты в целях обеспечения режима чрезвычайного положения и связаны с временным ограничением прав и свобод граждан, а также прав организаций, утрачивают юридическую силу одновременно с прекращением периода действия чрезвычайного положения без специального о том уведомления. Ч. 2 ст. 33 ФКЗ «О чрезвычайном положении» устанавливает, что в случае прекращения периода действия чрезвычайного положения должно быть прекращено и административное производство по делам о нарушении режима чрезвычайного положения, а лица, подвергнутые административному задержанию или аресту по указанным основаниям, подлежат немедленному освобождению.

Ст. 1.1 КоАП РФ указывает, что законодательство об административных правонарушениях состоит из данного Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ. В ст. 24.5 КоАП РФ содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих производство по делам об административных правонарушениях, которые полностью не охватывают способы прекращения режима чрезвычайного положения.

Применение п. 5 ч. 1 ст. 24 КоАП РФ (отмена закона, устанавливающего административную ответственность) в данном случае затруднительно, так как при досрочной отмене чрезвычайного положения предполагается издание акта Президента, который по своей юридической природе не является законодательным актом, не смотря на то, что в юридической практике подобные прецеденты встречаются [4]. Кроме того, отмена закона связана и с официальным признанием акта утратившим силу правотворческим органом, поэтому использование данного основания проблематично при прекращении периода действия чрезвычайного положения. В данном случае идет речь не о признании акта утратившим силу, а об истечении срока, на который нормативный правовой акт был принят. В этой связи основание, исключающее производство ввиду отмены закона, устанавливающего административную ответственность, целесообразно переименовать в утрату силы нормативно-правового акта, устанавливающего административную ответственность.

Наряду с этим, на наш взгляд, необходимо дополнить ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ отдельным основанием, исключающим админист-

ративную ответственность – прекращение или отмена действия режима чрезвычайного положения. Данное положение не «утяжелило» бы статью, внесло бы ясность, а также выступило бы дополнительной процессуальной гарантией защиты прав граждан при привлечении их к административной ответственности за нарушение требований режима чрезвычайного положения.

Список литературы

1. *Алексеев С.Н.* Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 34 с.
2. *Кодекс Российской Федерации об Административных правонарушениях (в ред. от 12.02.2015)* // Российская газета. 2001. 31 декабря.
3. *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации. М.: Юрлитинформ, 2015. 366 с.
4. *Постановление Верховного суда Российской Федерации от 31 января 2013 г. № 11-АД12-14; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 24.01.2008 № А33-9623/07-Ф02-9861/07 по делу № А33-9623/07.*
5. *Субботин А.М.* Актуальные проблемы административно-деликтного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 183–186.
6. *Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (в ред. от 31.12.20014) «О противодействии терроризму»* // Российская газета. 2006. 10 марта.
7. *Федеральный закон от 22 июня 2007 № 116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение»* // Российская газета. 2001. 27 июня.
8. *Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 238-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон "О федеральной службе безопасности" и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»* // Российская газета. 2010. 30 июля.
9. *Федеральный закон от 23 июля 2013 № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 федерального закона "О безопасности дорожного движения"»*// Российская газета. 2001. 29 июля.
10. *Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (в ред. от 12.03.20014) «О чрезвычайном положении»* // Российская газета. 2001. 2 июня.

Самойлюк Р. Н.,
кандидат юридических наук,

ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ МЕТОД ВЛАСТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Статья посвящена особому методу управления, а именно принуждению. Рассмотрев различные точки зрения автором, приходим к выводу о том, что принуждение занимает особое место среди других методов государственного воздействия и является ключевым в деятельности государственных органов.

Ключевые слова: принуждение; государственные органы; управление; меры принуждения.

Актуальность темы обусловлена как теоретической, так и практической значимостью вопросов, связанных с государственным принуждением, которое представляет собой сложное социально-правовое явление.

Существует два основных метода социального управления – убеждение и принуждение. Последний играет значимую роль, особенно в рамках права. Реализация принудительного воздействия может происходить в целях предупреждения, пресечения противоправных деяний, восстановления нарушенного права, привлечения к юридической ответственности виновных. При этом имеет место немало фактов незаконных, необоснованных нарушений порядка применения принудительных мер, в том числе органами внутренних дел. Поэтому принуждение, осуществляемое в рамках закона, требует более глубокого изучения.

Для того чтобы лучше понять сущность и многообразие методов управления, необходимо произвести их классификацию. Классификация в данном случае выступает тем способом познания действительности, который расширяет границы понимания исследуемого предмета, что имеет не только сугубо теоретическое, но и прикладное значение [10. с. 9–10].

Т.Н. Радько и В.А. Толстик, рассматривая классификацию функций, отмечали, что «отсутствие единого (для одной классифика-

ционной группы) критерия классификации может повлечь за собой весьма произвольные группировки функций в зависимости от субъективного усмотрения того или иного автора, что, естественно, не будет способствовать ни их теоретическому осмыслению, ни реализации на практике» [8, с. 48].

Начать классификацию необходимо с наиболее значимых и очевидных оснований разграничения. Первым из таковых назовем способ (направление) воздействия методов осуществления управления. По этому основанию методы делятся:

- на методы **прямого воздействия**;
- на методы косвенного воздействия.

Методы прямого воздействия подразумевают прямое целенаправленное взаимодействие субъекта и объекта управленческой деятельности. К таковым Н.В. Макарейко относит методы убеждения, поощрения и *принуждения* [4, с. 131–133].

Если обратить внимание исключительно на методы, имеющие прямой характер воздействия, то *по целям и средствам такого воздействия* можно говорить:

- о методах убеждения (проведение воспитательной работы, агитационно-пропагандистская деятельность, информирование о состоянии охраны общественного порядка, поощрение граждан, активно участвующих в охране общественного порядка);

- о методах поощрения (согласно ФЗ от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» таковыми могут являться: объявление благодарности, выплата денежной премии, награждение ценным подарком, досрочное присвоение очередного специального звания и др.);

- **о методах принуждения.**

Так, например, Н.И. Матузов пишет, что «государство осуществляет принуждение с целью воспитания, убеждения, перевоспитания, а также с целью предупредительного воздействия» [5, с. 20]. Однако в научных целях названное разграничение целесообразно проводить, поскольку это позволяет соотносить эффективность данных способов воздействия.

К методам принуждения относится широкий комплекс мер, которые применяются правоохранительными органами и их должностными лицами на условиях и в порядке, предусмотренных законом.

Важно отметить, что в советском и современном российском правоведении принуждение нередко рассматривается одним из важ-

нейших атрибутов государственной власти [9, с. 205]. Недаром одно из традиционных определений понятия «государство» звучит следующим образом: «Суверенная, универсальная организация политической власти, призванная обеспечить нормальную жизнедеятельность людей, имеющая свою территорию, *аппарат принуждения*, создающая право и взимающая налоги, необходимые для осуществления своих функций» [1, с. 35]. Тем не менее, как справедливо отмечает Е.С. Попкова, «необходимо отличать государственное принуждение от смежных социальных явлений: насилия, подчинения, подавления» [7, с. 11].

Обобщенно признаки принуждения можно сформулировать следующим образом:

1. Принуждение – это метод осуществления государственной власти.

2. Оно состоит в целенаправленном воздействии органов внутренних дел на объекты управления.

3. Принуждение направлено на применение ограничений физического, морального или материального характера, состоящих в возложении дополнительных обязанностей или лишении, изменении прав, принадлежащих объекту управления.

4. Имеет индивидуально выраженный характер и подразумевает издание, совершение соответствующих правовых актов.

5. Требуется законодательной регламентации и фактических оснований применения [6, с. 2–8].

Базируясь на позиции Н.В. Макарейко, мы классифицировали **меры принуждения** по такому признаку, как целевое назначение и роль конкретной меры в механизме правового регулирования, на следующие виды:

1) меры предупреждения (проверка документов, прекращение (ограничение) движения транспортного средства, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы);

2) пресечения (административное задержание граждан, принудительное лечение, запрещение эксплуатации автотранспорта, техническое состояние которого угрожает безопасности движения, применение оружия и средств физического воздействия);

3) правосстановительные (возмещение причиненного ущерба правонарушителем, восстановление нарушенного правового положения субъекта);

4) ответственности (например, штраф, предупреждение, лишение специального права);

5) процессуального обеспечения (доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, досмотр ТС, изъятие вещей и документов, привод и др.) [3, с. 187].

Важно отметить, что в современных условиях становления демократических государств и обществ осуществление органами внутренних дел принуждения, как правило, рассматривается в качестве вспомогательного метода воздействия, дополняющего методы убеждения и поощрения в тех сферах, где они оказываются нерезультативными [2, с. 27].

Также необходимо отметить, что такой метод как принуждение может быть классифицирован на виды, подвиды и т.д. Так, например, В.А. Мельников считает, что «принуждение может выражаться в различных формах. Оно может быть правомерным, противоправным и не урегулированным нормами права вообще (призыв к одному из членов общества другими к соблюдению им нравственных устоев)» [6, с. 2].

Следующим основанием классификации следует назвать *юридические факты, служащие основанием для применения тех или иных методов осуществления государственно-властного воздействия в ОВД*. В данном случае представляется возможным рассмотреть методы, реализуемые в ответ:

– на наступление событий (при возникновении чрезвычайной ситуации в соответствии с ФЗ от 21.12.1994 №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» могут применяться: полное или частичное приостановление полномочий органов власти, установление ограничений на свободу передвижения, установление ограничений на осуществление отдельных видов деятельности, запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций);

– на совершение действий (например, при пресечении совершения правонарушения возможно применение физической силы сотрудников ОВД, проведение задержания и доставления в отдел полиции);

– на изменение состояний объектов государственно-властного воздействия (например, при проведении контртеррористической операции на определенной территории допускается проверка документов у физических лиц, удаление физических лиц с отдельных участков

местности и объектов, приостановление деятельности опасных производств и организаций, ограничение движения транспортных средств и др.).

Нельзя не упомянуть о необходимости реализации рассматриваемого метода в деятельности ОВД. При этом обратим внимание на тот факт, что эффективная реализация метода принуждения возможна только в условиях демократического общества, где существуют и активно функционируют институты гражданского общества.

Также важно отметить, что в эффективной реализации всех методов осуществления деятельности органов внутренних дел большое значение имеет уравнивание полномочий и компетенций одних органов государства полномочиями и компетенциями других, дабы не происходила узурпация власти и ее незаконное, антидемократическое использование.

В то же время рассмотрение данной темы свидетельствует о перспективности дальнейшего изучения данных проблем, например, более детального исследования видов правоотношений принуждения.

Список литературы

1. *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория права и государства в схемах и определениях: учебное пособие. М., 2007. С. 35.
2. *Гущина Н.А.* Сущностная природа правового принуждения и поощрения в современном российском законодательстве // *Право и политика.* 2006. № 8.
3. *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996; Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: монография. Н. Новгород, 2011. С. 187.
4. *Макарейко Н.В.* Административное право: учебное пособие. М., 2013. С. 131–133.
5. *Матузов Н.И.* О роли убеждения и принуждения в период развернутого строительства коммунизма // *Ученые записки Саратовского юридического института.* Саратов, 1962. Вып. X. С. 20.
6. *Мельников В.А.* Проблемы определения понятия административного принуждения // *Административное право и процесс.* 2012. № 1. С. 2–8.
7. *Попкова Е.С.* Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 11.

8. *Радько Т.Н., Толстик В.А.* Функции права: монография. Н. Новгород, 1995. С. 48.

9. *Козлова Ю.М.* Советское административное право: учебник М., 1985. С. 205.

10. *Субботин А.Л.* Классификация. М., 2001. С. 9–10.

*Стрекалин А. В.,
адъюнкт кафедры
теории государства и права
СПбУ МВД РФ, г. Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.В. ИВАНОВСКОГО

Статья посвящена характеристике полицейского государства и проблемам взаимодействия институтов гражданского общества и государства, нашедшим отражение в трудах выдающегося российского юриста, полицейста В.В. Ивановского (1854–1926).

Ключевые слова: полицейское государство; гражданское общество; полиция; полицейское право; В.В. Ивановский.

Российская Федерация находится в поиске путей эффективного социально-экономического и политико-правового развития. Такой поиск может быть успешен лишь при условии его осуществления на адекватной современной ситуации научно-теоретической основе. Это ставит перед отечественным интеллектуальным сообществом задачу комплексного развития обществоведения. Мощным фундаментом методологических и научно-теоретических поисков современности, безусловно, является теоретико-правовое наследие российских юристов конца XIX – начала XX в.

Российское обществоведение на рубеже XIX–XX вв. выработало важнейшие идеи, касающиеся прежде всего формирования в России правового государства и роли в его развитии гражданского общества [17, с. 66]. Российские ученые уделяли пристальное внимание проблемам назначения государства, его социальной природы и путям достижения всеобщего блага для соотечественников [18]. Высокий научный потенциал научного обществознания, разнообразные запросы общественно-политической жизни России, обусловленные острыми противоречиями в российском социуме, поиск путей выхода из кризисных ситуаций способствовали осмыслению вопросов, касающихся взаимоотношений власти и общества, роли и значимости институтов самоуправления в организации жизни российского государства. Эво-

люция российской политической мысли отразилась «в создании либеральных политических партий и разработке целостных интеллектуальных моделей переустройства России» того времени [19, с. 9].

В XVII в. начала формироваться наука полиции. В ее рамках рассматривали вопросы государственного управления, в ее недрах получили оформление идея полицейского государства и предложения по формированию полицейского государства. В XIX в. эта сфера знаний получила наименование науки полицейского права. В 1835 г. в российских университетах были открыты кафедры законов благоустройства и благочиния, переименованные в 1863 г. в кафедры полицейского права.

Полицейское государство явилось важной формой государственной организации на определенном историческом этапе. За период своего существования полицейское государство подготовило правовую и технико-юридическую базу для правового государства [1, с. 96]. Одним из элементов этой базы был технико-юридический инструментарий, с помощью которого полицейское государство смогло обеспечить общественную и личную безопасность своих подданных и создать для каждого собственника (предпринимателя) условия легитимного пользования своей собственностью [16]. Безусловно, полицейское государство имело и внутренние противоречия. Именно они нашли отражение в публицистической, исторической и историко-правовой литературе либерального направления, в критике полицейского государства за самовластие, произвол, злоупотребление властью, наличие бюрократического аппарата и многочисленных полицейских.

Российское обществознание в XIX в. формировалось под влиянием классической западной социологической и политической теории (О. Конт, К. Маркс) с учетом отечественной социально-философской традиции (Н.И. Кареев, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский и др.) [15, с. 4].

В рамках российского обществознания как самостоятельная отрасль знаний оформилась наука полицейского права. Видным представителем российской полицейистики был профессор Виктор Викторович Ивановский (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.).

В.В. Ивановский в 1874 г. поступил на юридический факультет Казанского университета, который окончил в 1878 г. с золотой медалью за сочинение «Высшее управление в царствование Императора Николая I». Был оставлен при Университете. В 1882 г. защитил магистерскую диссертацию по теме: «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России», а в 1886 г. – докторскую диссертацию.

цию «Организация самоуправления во Франции и Пруссии». Был назначен доцентом Казанского университета, в 1906 г. – деканом юридического факультета Казанского университета, в 1907 г. – проректором Казанского университета, обязанности которого он выполнял до 1916 г., после чего вновь возглавил юридический факультет (до 1917 г.). В годы советской власти первым из профессоров Казанского университета начал читать курс советского государственного права.

Круг научных интересов В.В. Ивановского был широк: он исследовал различные проблемы государственного и полицейского (административного) права, особое внимание уделял деятельности органов местного самоуправления [10; 6; 13; 7; 5; 11; 14; 8; 9; 12]. Своими работами В.В. Ивановский внес существенный вклад в разработку истории и методологии юридической науки, в развитие политической регионалистики, в теорию административного права.

В конце XIX – начале XX в. в России начали выходить работы, написанные в духе отказа от полицейско-правовых понятий [2, с. 14]. В.В. Ивановский придерживался консервативных взглядов и полагал, что замена полицейского права административным должна осуществляться постепенно, при этом само полицейское право как совокупность правовых норм не исчезнет, а войдет в состав административного, выполняя присущую ему функцию. Ивановский не торопился отказываться от понятий, связанных с полицейской деятельностью государства, давал своим учебникам характерное для переходного времени двойное наименование: «Полицейское (административное) право» [12, с. 4–5].

При рассмотрении отдельных форм административной деятельности Ивановский выделял те, при помощи которых государство стремилось создать положительные условия благосостояния, «чуждые» принудительному характеру. Государство строит школы, больницы, благотворительные заведения, но оно не принуждает пользоваться данными государственными услугами и предоставляет их на свободное усмотрение граждан. В свою очередь, граждане, желающие воспользоваться данными услугами, добровольно подчиняются всем требованиям закона, которыми определяется деятельность данных учреждений.

В.В. Ивановский обогатил российскую полицистику разработкой вопросов о роли и месте государства в общественной жизни России, о роли и месте институтов гражданского общества (прежде всего органов самоуправления) в жизни российского государства.

Список литературы

1. *Бельский К.С.* Полиция и правовое государство // *Полицейское право*. Омск, 2005. № 1.
2. *Дерюжинский В.Ф.* *Полицейское право*. Пг., 1917.
3. *Ивановский В.В.* *Административное устройство наших окраин*. Казань, 1891.
4. *Ивановский В.В.* *Вопросы государственоведения, социологии и политики*. Казань, 1899.
5. *Ивановский В.В.* *Государство, как юридическое отношение*. По поводу кн. Н.М. Коркунова «Русское государственное право». Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1892. Казань, 1893.
6. *Ивановский В.В.* *Конспект лекций по «политической экономии»*. Казань, 1889.
7. *Ивановский В.В.* *Конспект лекций по «статистике»*. Казань, 1890.
8. *Ивановский В.В.* *Лекции по государственному праву*. Казань, 1906.
9. *Ивановский В.В.* *Народное представительство и основные права граждан*. Казань, 1906.
10. *Ивановский В.В.* *Полиция благосостояния*. Казань, 1886.
11. *Ивановский В.В.* *Русское государственное право*. Т. 1. Казань, 1895–1898.
12. *Ивановский В.В.* *Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления)*. Казань, 1904.
13. *Ивановский В.В.* *Учение о народе*. Отдел из русского государственного права. Лекции. Казань, 1889.
14. *Ивановский В.В.* *Юридический метод и его применение в политических науках*. Казань, 1902.
15. *Нигматуллин А.Р.* *Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В.В. Иванковского: дис. ... канд. юрид. наук*. Казань, 2006.
16. *Нижник Н.С.* *Национальная безопасность как социюридический феномен*. СПб., 2013.
17. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю.* *Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 62.
18. *Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С.* *Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 3 (63).
19. *Серинский С.С., Шелохаев В.В.* *Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – XIX вв.)*. М., 1995.

*Субботин А. М.,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры
административного права и процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье представлен краткий обзор изменений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, связанный с установлением системы административных наказаний, а также анализ внесенного в Государственную Думу РФ проекта Общей части КоАП РФ, определяющий перспективы дальнейшего развития системы административных наказаний.

Ключевые слова: административное принуждение; административная ответственность; административные наказания; система административных наказаний.

На современном этапе развития административно-деликтного законодательства все большую актуальность приобретает развитие системы административных наказаний. По сравнению с первоначальной редакцией Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее КоАП РФ), система наказаний претерпевала изменения четыре раза. При этом появилось три новых вида наказания: административное приостановление деятельности [6], обязательные работы [5], административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения [8]. Один вид наказания (возмездное изъятие орудия и предмета административного правонарушения) был исключен [9].

Намного больше изменений претерпело содержание отдельных видов наказаний. Приходится констатировать, что законодатель в силу определенных конъюнктурных причин пошел по пути отказа от универсализации норм.

Например, согласно ч. 2 ст. 3.3. КоАП РФ лишение специального права в виде права управления транспортным средством применяется в качестве дополнительного административного наказания только за совершение административных правонарушений, предусмотренных частями 1, 2 и 4 статьи 12.8, частью 1 статьи 12.26, частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ. В то же время лишение других специальных прав, равно как и лишение права управления транспортным средством, применительно к другим составам административных правонарушений может являться только основным видом наказания.

Устанавливая в ст. 3.5 КоАП РФ ограничения по максимальному размеру административного штрафа, установленного в твердой сумме,

законодатель на момент написания статьи предусмотрел более ста исключений из общего правила, в то время как для административных штрафов, выраженных в кратных величинах, максимальный размер не ограничивается.

В отношении административных правонарушений в области безопасности дорожного движения исключение предусмотрено в отношении минимального размера административного штрафа – 500 рублей вместо 100 рублей по общему правилу.

Представляется, что в существующей системе КоАП РФ наличие подобных ограничений в общей части нецелесообразно, так как законодатель сперва ограничивает сам себя, а в последующем успешно преодолевает эти запреты, внося изменения в Общую и Особенную части КоАП РФ одновременно. Смысл в установлении подобных «правил игры» может быть в случае принятия законодательного моратория на внесение изменений в Общую часть КоАП РФ, что в современных реалиях видится малоперспективным.

Более того, в ряде случаев законодатель и вовсе не обращает внимания на содержащиеся в Общей части КоАП РФ требования. Так, в ч. 4 ст. 5.63 КоАП РФ установлено наказание в виде дисквалификации на срок от трех до шести месяцев, что противоречит разделу I КоАП РФ, а именно ч. 2 ст. 3.11 КоАП РФ, которая предполагает, что дисквалификация устанавливается на срок от шести месяцев до трех лет. Системное толкование указанных норм позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении дела должна назначаться дисквалификация сроком только на шесть месяцев.

В качестве одного из выходов видится принятие новой редакции Общей части КоАП РФ. В настоящее время в государственной думе находится на рассмотрении проект новой Общей части КоАП РФ [10] (далее Проект).

Анализ Проекта показывает наличие новелл в системе административных наказаний. Так, предлагается расширить перечень наказаний и включить в него:

- исправительные работы;
- лишение специального разрешения (лицензии);
- административный запрет на посещение публичных, спортивных и иных массовых мероприятий, определенных общественных мест, а также на пользование услугами авиаперевозчиков в качестве пассажиров;

– ликвидацию юридического лица или прекращение деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Несмотря на общую положительную оценку предполагаемых изменений, хочется высказать ряд предложений, направленных на облегчение понимания содержания и повышение эффективности применения новых видов наказаний.

Вызывает некоторые сомнения включение в перечень наказаний исправительных работ. Во-первых, фактически исправительные работы представляют собой уплату административного штрафа в рассрочку. Во-вторых, у правоприменителя, в связи с назначением данного вида наказания, появится дополнительная обязанность по установлению точного размера заработка лица, привлекаемого к административной ответственности, что в свою очередь сделает невозможным соблюдение принципа оперативности административной ответственности. В-третьих, у лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, появляется возможность выбора между применением административного штрафа и исполнительных работ, что серьезным образом расширяет степень усмотрения при вынесении постановления по делу об административном правонарушении, а значит, несет определенные коррупционные риски.

Позитивным является включение в перечень наказаний такого вида наказания, как лишение специального разрешения (лицензии). Однако подобные изменения требуют определенных процедурных уточнений. Например, в настоящее время ст. 20 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4] в качестве одного из оснований для аннулирования лицензии называет не устранение лицензиатом грубых нарушений лицензионных требований. Осуществление деятельности с грубым нарушением лицензионных требований в свою очередь образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ. Таким образом, необходимо согласование норм Проекта с действующим законодательством в сфере лицензирования.

Следует поддержать и установление наказаний в виде административного запрета на посещение определенных общественных мест и на пользование услугами авиаперевозчиков в качестве пассажиров. Вместе с тем, в первом случае необходимо четкое определение перечня общественных мест, посещение которых может быть запрещено. А во втором случае, необходимо законодательное установление исключений

в части местностей, добраться до которых, не пользуясь услугами авиаперевозчиков, либо невозможно, либо крайне затруднительно.

Перспективным выглядит введение такого вида наказания как ликвидация юридического лица или прекращение деятельности в качестве индивидуального предпринимателя. Возможность принудительной ликвидации юридического лица предусмотрена действующим гражданским законодательством [2]. Часть 3 статьи 61 ГК РФ устанавливает, что юридическое лицо ликвидируется по решению суда:

1) по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, в случае признания государственной регистрации юридического лица недействительной, в том числе в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями закона, если эти нарушения носят неустранимый характер;

2) по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, в случае осуществления юридическим лицом деятельности без надлежащего разрешения (лицензии) либо при отсутствии обязательного членства в саморегулируемой организации или необходимого в силу закона свидетельства о допуске к определенному виду работ, выданного саморегулируемой организацией;

3) по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов;

4) по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, в случае систематического осуществления общественной организацией, благотворительным и иным фондом, религиозной организацией деятельности, противоречащей уставным целям таких организаций;

5) по иску учредителя (участника) юридического лица в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано, в том числе в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется;

б) в иных случаях, предусмотренных законом.

Вместе с тем, конкретно не определен перечень государственных органов, имеющих право обратиться с требованием о ликвидации юридического лица, и установлено только право, а не законодательная обязанность государственных органов по обращению в суд с требованием о ликвидации, в случаях допущения юридическим лицом соответствующих нарушений.

В отношении индивидуальных предпринимателей процедура прекращения деятельности по инициативе государственных органов также фактически не предусмотрена.

Вышеизложенное свидетельствует о востребованности ряда предлагаемых Проектом изменений в действующую систему административных наказаний.

В заключение следует отметить еще одну тенденцию, складывающуюся в связи с применением законодательства о юридической ответственности, в том числе и административной [1, с. 177]. В настоящее время вопросы назначения наказаний увязываются с достижением возможного компромисса, то есть предпринимается попытка сбалансировать интересы государства, лиц совершивших противоправные деяния и потерпевших. Примером подобного компромисса могут служить:

– ч.ч. 2.2, 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ, устанавливающие, что при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ;

– вступающая в силу с 1 января 2016 года ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ, предусматривающая, что при уплате административного штрафа лицом, привлеченным к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного главой 12 настоящего Кодекса, за исключением административных правонарушений, предусмотренных частью 1.1 статьи 12.1, статьей 12.8, частями 6 и 7 статьи 12.9, частью 3 статьи 12.12, частью 5 статьи 12.15, частью 3.1 статьи 12.16, статьями 12.24, 12.26, частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ, не позднее двадцати дней со дня вынесения постановления о наложе-

нии административного штрафа административный штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного административного штрафа [7].

Рассматриваемый нами Проект также расширяет возможности компромисса в производстве по делам об административных правонарушениях и содержит в себе такие новеллы как освобождения от наказания при примирении с потерпевшим, а также освобождение от наказания в виде административного штрафа в связи с нецелесообразностью его исполнения.

Думается, что включение в текст КоАП РФ компромиссных норм весьма перспективно, однако требует тщательного подхода в целях снижения вероятности возможных коррупционных проявлений при достижении компромиссов.

Список литературы

1. *Алексеев С.Н.* Вопросы компромисса в производстве по делам об административных правонарушениях // *Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции.* Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. С. 175–180.

2. *СЗ РФ.* 1994. № 32. Ст. 3301.

3. *СЗ РФ.* 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 (ред. от 20.03.2015 г.).

4. *СЗ РФ.* 2011. № 19. Ст. 2716.

5. *Федеральный закон от 08.06.2012 № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»* // *СЗ РФ.* 2012. №24. Ст. 3082.

6. *Федеральный закон от 09.05.2005 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых положений законодательных актов Российской Федерации»* // *СЗ РФ.* 2005. № 19. Ст. 1752.

7. *Федеральный закон от 22.12.2014 № 437-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования взыскания штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения»* // *СЗ РФ.* 2014. № 52 (ч.1). Ст. 7548.

8. *Федеральный закон от 23.07.2013 № 192-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований»* // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4025.

9. *Федеральный закон от 28.12.2010 № 398-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия»* // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 10.

10. www.duma.gov.ru – официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации.

Трусов Н. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры конституционного
и международного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород

Петрянина О. А.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье анализируются теоретико-методологические и конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности России на современном этапе развития.

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; экономическая безопасность; обеспечение экономической безопасности; система экономической безопасности; разновидности экономической безопасности.

Современная экономическая ситуация в мире, социально-экономическое развитие и внешнеполитическое положение России требует от государства повышенного внимания к обеспечению его экономической безопасности. Не случайно широкий спектр вопросов ее обеспечения, формирования соответствующей системы и эффективного инструментария защиты от угроз экономической безопасности вышли на приоритетное место в научных исследованиях и находятся в центре внимания властей всех уровней.

Отправной методологической позицией при исследовании экономической безопасности России является аксиоматическое утверждение о том, что экономическая безопасность государства не является обособленным политико-правовым явлением, она включена в общую конфигурацию системы обеспечения национальной безопасности. В этой связи рассмотрение конституционно-правовых основ обеспечения эко-

номической безопасности не возможно без понимания соответствующих основ обеспечения национальной безопасности страны.

Экономическая безопасность государства, являясь сложным системным явлением, выступает основной, базовой подсистемой системы национальной безопасности государства, но все же ее частью, связанной сложными структурно-функциональными связями с иными подсистемами. Поэтому проблемы правового регулирования обеспечения национальной безопасности страны неизменно отражались и на экономической безопасности. А проблем было много: начиная от понятийного диссонанса до отсутствия понимания системности феномена национальной безопасности.

Во второй половине 2000-х годов пришло осознание того, что без системного подхода к вопросам обеспечения национальной безопасности добиться эффективности в решении соответствующих задач не удастся. Было принято решение на полный пересмотр концептуальных основ обеспечения национальной безопасности России и подходов к ее обеспечению. Решающую роль в этих вопросах сыграл лидер нашего государства В.В. Путин.

Началось все с того, что в соответствии с Конституцией РФ 17 ноября 2008 года, будучи Председателем Правительства РФ, В.В. Путин подписывает Распоряжение за номером 1662-р, которым утверждается «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в которой получило закрепление положение о том, что с этого момента вся российская государственная политика подчинена цели обеспечения национальной безопасности России. В развитие указанного Распоряжения 12 мая 2009 года Президент РФ Д.А. Медведев подписывает Указ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в которой определяется, что такое национальная безопасность, национальные интересы Российской Федерации, угрозы национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты и др. Последним этапом, завершающим построение системы базовых программных документов в области обеспечения национальной безопасности, стало принятие Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности», фактическим предметом регулирования которого являются общественные отношения, связанные с обеспечением национальной безопасности нашего государства.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время в России принят полный пакет базовых программных документов, со-

держат концептуальные основы в области обеспечения национальной безопасности, в соответствии с которыми экономическая безопасность (наряду с государственной, общественной, экологической, военной и пр.) является разновидностью (подсистемой) национальной безопасности России.

Следующей методологической позицией является аксиоматическое утверждение о том, что экономическая безопасность государства является сложным системным политико-правовым явлением, включающим в себя целый ряд элементов (подсистем), состоящих друг с другом в сложных структурно-функциональных связях. Эффективная организация обеспечения экономической безопасности предполагает четкое системное представление о феномене, что неизменно способствует выработке более точной политики и определению наиболее эффективных мер ее обеспечения.

В настоящее время в сфере обеспечения экономической безопасности России базовым документом выступает Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ Б.Н. Ельциным № 608 от 29 апреля 1996 г. Начнем с того, что сам по себе указанный документ не совсем удачен, хотя и признает экономическую безопасность основной частью национальной безопасности России. Так, в частности, в нем отсутствует понятие экономической безопасности России, что делает предмет регулирования неопределенным. Это в свою очередь детерминирует существующий понятийный плюрализм в науке. В частности, известный российский ученый Л.И. Абалкин считает, что экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию [1, с. 9].

По мнению И.В. Варенова, национальная экономическая безопасность – «это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов» [2, с. 7].

Профессор В.М. Баранов, экономическая безопасность – «это состояние политико-правового обеспечения (гарантированности) устойчивого функционирования хозяйственно-экономических субъек-

тов, в целом государства, отдельной личности в пределах экономически обоснованного объема ограничений (пределов), позволяющего предотвращать радикальные изменения негативного характера» [3, с. 26].

Петрянин А.В. рассматривает экономическую безопасность государства как «стабильность условий, при которых хозяйствующие субъекты (в целом государство и его составные части, производственные и общественные объединения, граждане) свободно, самостоятельно и инициативно осуществляющие свою деятельность, не опасаясь угрозы и не причиняя вреда другим экономическим агентам» [4, с. 175].

Не меньший плюрализм отмечается относительно количества и разновидностей (подсистем) экономической безопасности. И если в научной среде плюрализм вполне допустим и в какой-то степени оправдан, то на практике аналогичная ситуаций нежелательна и даже вредна.

Во-вторых, Стратегия морально устарела. За 18 лет масштабного государственного реформирования и интеграции в мировую экономику в России произошли кардинальные изменения во многих сферах жизнедеятельности и секторах экономики: Россия сегодня и Россия 18 лет назад – это «разные государства с разной экономикой».

И, наконец, самое главное, Стратегия фактически утратила право быть программным документом в области обеспечения экономической безопасности России на современном этапе, поскольку в соответствии с первым абзацем 1 раздела она «ориентирована на реализацию осуществляемых в Российской Федерации экономических преобразований в ближайшие *три-пять лет* (выделено нами – *Н.Т., О.П.*)».

В настоящее время в сфере обеспечения экономической безопасности России приняты и действуют широкий спектр документов, среди них: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Доктрина продовольственной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120), Государственная программа развития лесного хозяйства на 2013-2020 годы (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 318), Концепция развития рынка ценных бумаг (Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008), Транспортная стратегия на период до 2020 года (Приказ Минтранса РФ от 12 мая 2005 г. № 45), Концепция развития рыбного хозяйства на период до 2020 года (Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2003 г. № 1265-р), Энергетическая стратегия на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р) и др.

Если подобного рода документы приняты для обеспечения системного феномена, то тогда возникает вопрос: а чем отличаются (соотносятся) между собой доктрины, программы, концепции и стратегии и имеет ли какое-либо значение для обеспечения экономической безопасности наименование нормативного документа?

Справедливости ради следует отметить, что подчиненность в совокупности всех указанных доктрин, программ, концепций и стратегий все же можно понять, но только по иерархии актов правотворческих органов, утверждающих соответствующие нормативные правовые акты. Причем субъекты правотворчества весьма разнообразны: Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ и его министерства. Однако как быть с тем, когда один и тот же субъект правотворчества принимает разные виды документов, например, стратегию и доктрину?

Описанная выше ситуация возможна вследствие фрагментарности правового регулирования вопросов обеспечения экономической безопасности нашей страны, отсутствия представления о системности феномена. Появилась угроза – приняли акт, а как этот документ впишется в общую систему обеспечения безопасности – «вопрос весьма отдаленного будущего». Такая ситуация не может считаться удовлетворительной.

Вывод из вышесказанного очевиден: разбросанность и фрагментарность законодательства (в широком смысле) в сфере обеспечения экономической безопасности России, а потому во многом и пробельность и внутренняя противоречивость, ведет к снижению эффективности функционирования соответствующей системы обеспечения. Повышению эффективности обеспечения экономической безопасности России будет способствовать отказ законодателя (в широком смысле) от фрагментарного формирования правовой основы обеспечения, систематизация и гармонизация принимаемых нормативных документов. Органы государственной власти должны пересмотреть подход к формированию соответствующей правовой базы и активизировать свою правотворческую деятельность на принятие базовых программных документов, содержащих концептуальные основы в области обеспечения экономической безопасности России на современном этапе ее развития.

Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 9.

2. *Варенов И.В.* Сущность понятий «экономическая безопасность государства» и «экономическая безопасность региона» // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2005. № 5. С. 7.

3. *Баранов В.М.* Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 26.

4. *Петрянин А.В., Петрянина О.А.* Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 175.

РАЗДЕЛ II.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ИС-
ТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Беляков А. В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Нижегородского филиала УРАО,
г. Нижний Новгород*

**ПРОКУРАТУРА ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

Статья посвящена деятельности прокуратуры Горьковской области по борьбе с преступлениями политической направленности (ст. 58 УК РСФСР, законодательство органов государственной власти и управления) в годы Великой Отечественной войны. В основе статьи документы из фондов нижегородских архивов.

Ключевые слова: прокуратура; следствие; «распространение ложных слухов, непроверенных сведений»; «изготовление и распространение агитации»; «шпионаж, сбор сведений, нарушающих государственную тайну».

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. большой вклад в борьбе с фашизмом внесли сотрудники прокуратуры. Он значим как в непосредственном участии в борьбе с врагом на фронтах военных действий, так и в координации борьбы с преступностью, надзоре за деятельностью судебных органов, органов внутренних дел, государственной безопасности.

Это со всей очевидностью подтверждается в начальный период войны. Так, в протоколе партийного собрания аппарата прокуратуры Горьковской области от 5 июля 1941 года по вопросу «О мерах по реализации указа И.В. Сталина от 3 июля» отмечалось: «Обязать всех коммунистов перестроить работу, подчиняясь задаче по обороне страны. Беспощадно бороться с дезорганизаторами тыла, дезертирами, распространителями ложных слухов, шпионами и диверсантами» [1, с. 104].

С начала войны в аппарате областной прокуратуры по штату было 85 человек, на местах – 361 человек. За годы войны происходит

сокращение личного состава прокуратуры ввиду направления прокурорских работников в состав действующей армии. Так, в 1943 г. в аппарате областной прокуратуры работало 36 человек, в том числе: прокурор области, три его заместителя, шесть начальников отделов. На периферии трудилось 269 сотрудников прокуратуры, в том числе 66 районных прокуроров, 60 их заместителей, 82 следователя и проч.[4, с. 13].

Как отмечалось в первых распоряжениях высших органов государственной власти и управления, работникам прокуратуры предстояло вести борьбу с паникерами, распространителями ложных слухов, что усложнялось положением на фронтах в ситуации информационного «голода». Указом ПВС СССР от 6 июля 1941 года за распространение ложных слухов была установлена уголовная ответственность от 2 до 5 лет лишения свободы за интерпретацию текущих событий, расходящуюся с официальной линией, что трактовалось как измена родине по ст.58-17 УК РСФСР [1, с. 53].

В отчете прокурора Горьковской области за июль 1941 г. сообщалось, что с 10 по 18 июля 1941 года было возбуждено шесть дел по указу от 6 июля. По двум делам преступление было переквалифицировано по ст. 58-10 УК, поскольку они содержали высказывания контрреволюционного характера [2, с. 2]. Панические настроения приводили к непредсказуемым последствиям. Особенно тревожило население положение на фронте, прогнозировалась возможность продвижения врага вглубь страны.

По неполным данным, представленным 19 декабря 1941 года заместителем начальника следственного отдела прокуратуры СССР М. Альтшулером исполняющему обязанности прокурора СССР Г.Н. Сафонову, по состоянию на 1 ноября 1941 года в стране к уголовной ответственности по указу от 6 июля было привлечено 1.423 человека. Из них в местностях, не объявленных на военном положении, – 513. Сроки осуждения: до трех лет – 266 человек, до пяти лет – 220.

По данным прокуратуры Горьковской области, за второе полугодие 1941 г. было подготовлено 71 уголовное дело, из них – 69 по ст. 58-10 (шпионаж) и два по ст. 58-14 (саботаж, побег из колонии или предприятия оборонного значения) [3, с. 25]. Дела самые разнообразные. Только органами милиции города Горького по статьям о политических преступлениях за 3-й квартал 1941 г. по ст.58-10 УК РСФСР направлено в прокуратуру восемь дел, по ст.58-14 – три дела, за 4-й квартал соответственно три и одно дело. В 1942 г. органами внутренних дел на-

правлено 264 уголовных дела по делам особой важности. За 1943 г. – 157, за 1944 – 120, в первом полугодии 1945 г. – 92 [4, с. 13]. Рассмотрением законности предъявления обвинения по преступлениям политической направленности в аппарате прокуратуры области занимался специальный отдел, где по штату работало восемь человек. Реально за годы войны от 6 до 8 человек (два из них – старшие), занимающихся рассмотрением важнейших уголовных дел (ст. 58, 59 УК РСФСР), применением закона от 7 августа 1932 г.

Серьезную значимость имело применение в августе 1941 г.: в городе Горьком – арест 3.162 лиц немецкой национальности. По стране на 25 декабря 1941 года 894.600 немцев из европейской части СССР были высланы в Казахстан и Сибирь. С учетом депортации в 1942 г. их общее число составило 1.209.430 человек [5, с. 10].

За 1942 г. резко выросла статистика преступлений. Так, за УГБ области отмечалось 649 дел по ст. 58 УК РСФСР [6, с. 21]. Только за январь-март 1942 г. рассмотрено 58 дел: Статья 58-10, часть 2 – 28 дел; ст.58-7 – 3; ст. 58-11 – 8; ст. 58-13 – 5; ст. 58-14 – 1; ст.59-6 – 6. За апрель – 20, май – 93, июль – 74, август – 38, сентябрь – 40; октябрь – 68; ноябрь – 52 уголовных дела. Это вызывало непонимание со стороны граждан. Только за октябрь 1942 г. по делам Тройки поступило 89 жалоб.

Следственными органами прокуратуры по Горьковской области отмечалось, что за 1942 г. поступило 718 дел на основании распоряжений ГКО и Прокуратуры СССР. Передано в прокуратуру 640 дел. Прекращено – 17 (2,3%), возвращено на доследование – 30 (4,1%). Из судебных органов – 36 дел (5,5%). Оправдано 12 человек по 8 делам. Так, за военным трибуналом внутренних войск НКВД по Горьковской области числилось 697 человек и 130 из других организаций и служб. А всего отделом прокуратуры по специальным делам расследовано 1.329 дел. В протоколах оперативных совещаний по специальным делам за 1943-45 гг. постоянно отмечается сложность рассмотрения дел этой категории [7, с. 1, 6].

По делам государственной безопасности в местах предварительного следствия Горьковской области в 1943 г. находилось 933 человека [8, с. 37]. Работниками прокуратуры Горьковской области неоднократно прекращались дела с нарушением процессуальных правил. Например, в начале 1942 г. прекращены дела, оформленные по ст. 58-10 (шпионаж) в отношении Плетневой Л.М., Кучиной Н.К., Щекотиловой Л.А. Каждая из них неодобрительно высказыва-

лась о Красной армии. Однако в их словах, как подчеркивали сотрудники специального отдела прокуратуры Козлов, Лапин, Морозов, ведущие дела названных выше подследственных, не обнаруживался умысел [3, с. 68].

Состояние следственной работы по специальным делам содержалось в обзоре УНКГБ по Горьковской области от 24 августа 1943 года. В качестве основных недостатков следствия названы нарушения уголовно-процессуальных норм, недобросовестное, необъективное ведение следствия, формально-бюрократическое отношение к допросам свидетелей. Некоторые работники УНКГБ Горьковской области в процессе следствия допускали применение незаконных методов следствия. В частности, путем «угроз, применения стойки, ареста, нанесения побоев обвиняемым, свидетелям, вынуждали последних давать ложные, провокационные показания, чем создавали отдельные искусственные дела».

Фактами применения незаконных методов ведения следствия заинтересовались в Прокуратуре СССР. Заместитель Прокурора СССР Сафонов 20 октября 1943 года в письме прокурору Горьковской области Осипову обращал внимание на необходимость своевременного информирования о подобных случаях нарушения законодательства. Согласно данным, которыми располагал прокурор области Осипов, за 1942 г. из 650 оконченных дел имели место нарушения ст. 136 УПК по 4 делам. За 1943 г. из числа оконченных 305 дел нарушения в работе следствия были выявлены по 7 делам на 9 человек.

Неправильное расследование дел (в основном нарушение процессуального порядка по ст. 136 УПК РСФСР) было названо в докладе «буквально преступлением». Однако часто упоминавшиеся в материалах прокуратуры следователи областного управления государственной безопасности Изутов и Куликов не понесли наказания, а следователи Шахунского РО НКВД Слепов и Чеканов, чья вина была установлена по конкретным делам, подверглись аресту на 15 суток. Приходится признать, что «нарушения со стороны следователей, точное количество которых установить не представляется возможным, нельзя было считать редким исключением», – отмечалось на совещании.

Летом 1943 г. репрессиям подверглась большая группа интеллигенции областного центра: писатели Кочин Н.И., Патреев А.И., Штатнов П.П. (заведующий книжным издательством), Зеленин М.М. (наборщик в типографии). Весной 1945 г. был арестован Жиженков Ф.В.,

замеченный в том, что говорил о неподготовленности страны к войне. Уголовной ответственности по ст.58 УК в годы войны были подвергнуты и некоторые другие представители творческой интеллигенции: поэт Лисин, художник Головин, критик Сипягин.

Кочин Николай Иванович, известный горьковский писатель, был обвинен в создании контрреволюционной организации по одному делу с А.И. Патреевым, П.П. Штатновым, М.М. Зелениным и приговорен на 10 лет, а также и в поражении в правах на 5 лет. По отбытии наказания Н.И. Кочин в письме на имя Председателя ВЦИК К.Е. Ворошилова отмечал: «На следствии я писал только правду. Все это рвали, бросали в корзину и приказывали писать о подрывной контрреволюционной деятельности вместе с сообщниками. Самое выражение «подрывная работа» заставляла меня содрогаться. Я не знал, что писать. Тогда началась полоса перманентного страха. Ночью мне не давали спать, а днем сажали на табурет и заставляли глядеть в глазок двери. На время обеда и ужина уводили на допрос. Грозили уморить в карцере. Арестовали жену. Начали бить и уже сформулировали сами то, что я должен написать будто бы в «искреннем признании». Издевательства возрастали с каждым днем. Однажды, с размаху ударив в меня сапогом в живот, следователь сказал: «Видно жить не хочешь». Я ждал, что меня вызовут к самому большому начальнику. Он вызвал и четко сформулировал те же самые требования, что и работавшие со мной следователи» [9, с. 330–331]. Также вспоминал, что «следователи УНКГБ полковник Мартынов и майор Туманов требовали от меня заговорщицких планов. Пригрозили, что если на суде мои показания будут противоречить следствию, то мне не выйти из тюрьмы живым» [10, с. 8].

А.И. Патреев отмечал: «На меня оказывалось давление 4,5 месяца... Я вынужден был дать признательные показания. Назвать свои произведения антисоветскими, признать наличие группы, которой в действительности не было. Вели следствие полковник Виктор и майор Туманов... После 8 лет заключения отправлен в бессрочную ссылку» [11, с. 77].

Роль прокуратуры, ее специального отдела, рассматривающего дела политической направленности, была значительна. Сотрудники прокуратуры помогали разрешить обстоятельства нарушения законов в практической деятельности государственных учреждений в условиях войны, озлобленности людей в условиях тяжелых испытаний. Однако следует признать, что не все правонарушения и ответственные за них понесли серьезное наказание.

В завершающий период Великой Отечественной войны судебными органами и органами прокуратуры Горьковской области отмечается относительное сокращение политической направленности зарегистрированных преступлений органами государственной безопасности. Так, за 1944 г. по месяцам: январь задержано 13 человек по 10 делам; февраль 16 – 10; март 20 – 13; апрель 15 – 11; май 24 – 20; июнь 18 – 13; июль 21 – 14; август 15 – 14; сентябрь 11 – 10; октябрь 16 – 15; ноябрь 23 – 20; декабрь 8 – 7. Рассмотрено по существу в первом полугодии 154 дела, во втором – 150 дел. Из них возвращено 17 дел. Лишение свободы сроком на 10 лет – 44%, 5 лет и выше составляет 79,7%, к высшей мере по 7 делам – 2,4% (бандитизм), не связано с лишением свободы 7%. По смягчению санкций не отмечено ни одного дела [12, с. 24].

По замечанию Прокурора СССР Горшенина за январь-ноябрь 1944 года, из проверенных 650 уголовных дел опротестовано 4 дела. Направлено в суд за второе полугодие 1944 г. 61 дело, возвращено на доследование 4 [12, с. 25]. В первом квартале 1945 г. направлено на рассмотрение в суд 25 дел на 27 человек. Второй квартал – 25 дел на 26 человек, по ст. 58-10 14 дел на 15 человек

Профессор ННГУ В.А. Сомов, исследуя вопросы привлечения к ответственности, отмечает, что состав преступления по так называемым контрреволюционным делам был продуктом сознательной деятельности человека. Негативное отношение к власти, к политической системе СССР, выражение симпатии к противоборствующей стороне, сомнение в необходимости ведения оборонительной войны были результатом не сиюминутных суждений, а обдуманых, осознанных оценок, сформировавшихся на протяжении определенного времени. Данное обстоятельство в условиях войны не оставляло правительству иного варианта борьбы с паникерскими, антигосударственными, а в конечном счете – профашистскими настроениями [13, с. 47].

Мотивы антисоветских преступлений претерпевали изменения в ходе войны. Если в 1941-1942 гг. антиправительственные, контрреволюционные высказывания и действия были связаны, в первую очередь, с сомнением в возможности и необходимости защиты страны, то после коренного перелома в войне, когда таких сомнений почти не осталось, подобные действия были вызваны стойким неприятием советской действительности. В этот же период отмечены высказывания о силе германской армии, о лояльности немцев к пленным, об экономическом и военном превосходстве Германии. Они резко контрастировали с обра-

зом врага, создаваемым официальной пропагандой, и привносили сомнения в сознание трудящихся [13, с. 48].

Надо отметить, что управлением НКВД и НКГБ в годы войны было выявлено и арестовано 346 агентов разведки, диверсантов и пособников фашистов, в том числе 26 парашютистов. За годы войны личный состав УГБ сменился полностью. 275 человек проходили службу в контрразведывательных подразделениях действующих армий, 22 человека погибли при исполнении в борьбе с вражескими диверсантами [14].

Сотрудники государственной безопасности и органов внутренних дел выявляли, а прокуратура санкционировала арест нарушений законодательства. Из отмеченного выше можно подчеркнуть, что по преступлениям политической направленности применялась ст. 58 УК РСФСР, которая выделяла 18 составов преступления. Наиболее часто применялись: ст. 58-4 «участие в контрреволюционной организации»; ст. 58-7 «противодействие деятельности государственным учреждениям»; ст. 58-10 «шпионаж, сбор сведений, нарушающих государственную тайну»; ст. 58-14 «исполнение террористического акта»; ст. 58-17 «изготовление и распространение агитации»; ст. 58-18 «распространение ложных слухов, непроверенных сведений». И среди них особенное распространение получает статья о шпионаже, а исполнением террористического акта квалифицировался побег из колонии, которые были также нередки. Органы государственной безопасности и милиции расследовали дела по хищениям государственной собственности в особо крупных размерах (ст. 59-3 УК РСФСР), применялся закон от 7 августа 1932 г. об охране государственной собственности. Преступления по ст.58 УК и акты государства, принятые в военный период, были предметом особой ответственности государственных органов.

Меры о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, но не по политическим делам, производились в СССР с начала Великой Отечественной войны, когда из лагерей по стране были направлены 975.000 заключенных в ряды действующей армии. Только в декабре 1941 г. из Унженских лагерей в Горьковской области на фронт было направлено около 5,5 тыс. человек, а всего до победного мая 1945-го – более 10 тыс. В итоге по стране этот шанс был предоставлен 1,5 млн человек!

Во исполнение приказа Прокуратуры, НКВД, НКГБ, НКЮ СССР от 12 июня 1945 года амнистированы, сокращены сроки уголовного преследования, прекращено рассмотрение уголовных и администра-

тивных дел в отношении 32 тыс. жителей Горьковской области, в том числе осужденных к лишению свободы 6.656 человек, к исправительно-трудовым работам 14.894 человек. Отклонено ходатайство только в отношении 1.201 человека [16, с. 77].

В первой половине 1946 г. по амнистии из тюрем и лагерей в Горьковской области вышло еще 389 человек. На 1 января 1946 года в Унженских лагерях, расположенных в основном на территории Горьковской области, насчитывалось 24.937 осужденных. Из них политических заключенных – 31,7% [15, с. 11].

В этом году отмечается 70-летие победы над фашизмом. Очевиден колоссальный вклад народов Советского Союза в победу над нацистской идеологией. Борьбу с фашизмом вели и европейские государства, весь цивилизованный мир. Уроки этого события учат созданию препятствий пропаганде войны, насилия, идей расового, национального, интеллектуального, экономического превосходства. Забвение этих составляющих ведет к краху достижений цивилизации. Опыт Второй мировой войны отражен в международном праве и российском национальном законодательстве как пример с негативными последствиями геноцида, варварства и другими элементами насилия над человеком, обществом, государством.

Список литературы

1. ГОПАНО. Ф. 162. Оп. 1-а. Д. 14.
2. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 14. .
3. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 27.
4. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д.42.
5. Книга памяти жертв политических репрессий по Нижегородской области. Т.V. Нижний Новгород, 2004.
6. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 23
7. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 28.
8. ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 31.
9. ЦАНО. Ф. 2345. Оп. 1. Д. 4.
10. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 397. Д. 256.
11. Книга Памяти жертв политических репрессий по Нижегородской области. Т.VIII. Нижний Новгород, 2006.
12. ГОПАНО. Ф. 2514. Оп. 1. Д. 39.

13. Сомов В.А. Потому что была война: монография. Нижний Новгород, 2008.
14. Нижегородская правда. 2006. 5 мая.
15. Бердинских В. История одного лагеря. Вятлаг. М., 2004.
16. ЦАНО. Ф. 5980. Оп .2. Д. 53.

Востриков П. П.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена исследованию политико-правовых вопросов международно-правовой политики государства в области реализации и защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: международно-правовая политика; национальная безопасность; национальные интересы.

Международно-правовая политика – это деятельность государства, направленная на обеспечение реализации и защиты национальных интересов, укрепление суверенитета государства, охрану мирового правопорядка, обеспечение совместимости международной и национальной правовых систем, участие в развитии системы международных отношений [2, с. 10].

Как видно из определения, одним из важнейших приоритетов международно-правовой политики является обеспечение реализации и защиты национальных интересов. Значимость системы национальных интересов трудно переоценить, поскольку именно она является одновременно и стимулом, и ориентиром развития государства, общества и личности, отражает общесоциальный смысл права [3, с. 3]. Эффективность международно-правовой политики государства должна определяться степенью достижения целей, отвечающих национальным интересам России в сфере международных отношений.

Важным является исследование влияния общемировых тенденций общественного и государственного развития на государственно-правовую политику в целом и на международно-правовую политику государства в частности. Большинство научных исследований в области государственно-правовой политики России посвящены её внутренним аспектам, в то время как международно-правовая политика исследована недостаточно.

Международно-правовая политика государства должна быть направлена на решение множества задач в сфере правового обеспечения международных отношений. Её приоритетами выступают наиболее актуальные, важные задачи, требующие незамедлительного решения, которые являются по существу едиными для всех или большинства направлений государственно-правовой политики и максимально способствуют достижению поставленных перед ней целей.

Милитаризация международных отношений и мировой политики была и остаётся фактором, оказывающим существенное влияние на обеспечение международной и национальной безопасности [1, с. 24]. В современном мире стали очевидными ревизия норм международного права и игнорирование позиции международных организаций, пересмотр военных доктрин ведущих государств, расширение практики применения вооружённого насилия во многих регионах мира, стремление вовлечь космическое и киберпространство в орбиту военных приготовлений.

В Военной доктрине Российской Федерации подчёркнуто, что существующая система международной безопасности, включая её международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств. Как отмечал ещё в 2013 г. министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу, силовые методы продолжают играть важную роль в разрешении экономических и политических противоречий между странами, происходит неуклонное возрастание военных опасностей для России, уровень которых на период до 2030 г. существенно повысится [5].

В условиях неуклонной милитаризации международных отношений и мировой политики становится особенно актуальным исследование международно-правовой политики государства в контексте обеспечения национальной безопасности.

В эпоху глобализации и постбиполярного мироустройства движущими силами милитаризации выступают идеологические доктрины, современные информационно-коммуникационные технологии и военно-политическое планирование мировых держав. Одним из инструментов обеспечения глобальной экспансии западных держав является доктрина «умной силы», включающая меры пропагандистского воздействия и избирательное применение военной мощи.

Современный милитаризм, опирающийся на возможности информационных технологий, представляет собой глобальное явление, участники которого строят свою политику в соответствии с общей идеологи-

ей военного экспансионизма. Особенность современного милитаризма состоит и в том, что наряду с государствами, их коалициями и международными организациями всё возрастающую роль в мировой политике играют негосударственные военизированные формирования.

Неуклонно прогрессирующая милитаризация международных отношений превращает противодействие глобальному военно-политическому экспансионизму в приоритет политики обеспечения национальной безопасности.

Милитаризация международных отношений снижает степень защищённости всех важнейших составляющих национальной безопасности России – военной, политической, экономической, информационной, продовольственной и др. Это обуславливает необходимость формирования качественно новой государственно-правовой политики как внутри страны, так и в сфере взаимоотношений с другими государствами. Важнейшим направлением такой политики неизбежно становится развитие оборонного потенциала государства в сочетании с продвижением инициатив по демилитаризации международных отношений. Современная международно-правовая политика России требует её закрепления в законодательстве, регулирующем различные аспекты обеспечения национальных интересов.

Распространение феномена милитаризма на постсоветском пространстве имеет под собой объективные основания, обусловленные ситуацией постбиполярного мира. На распространение милитаризма в данном регионе оказали влияние следующие основные факторы: 1) распад СССР, сдерживавшего этноконфессиональные и территориальные противоречия и конфликты; 2) утверждение в государствах – бывших республиках СССР авторитарных режимов с националистической идеологической основой; 3) переплетение внутренних противоречий и внешнеполитической напряжённости между рядом постсоветских государств; 4) геополитическая и экономическая значимость региона, обуславливающая интерес к нему со стороны многих государств; 5) активность «русофобских» группировок стран «новой Европы», их стремление распространить в обществе враждебное отношение к России; 6) незавершённость национально-государственного строительства в постсоветских государствах, стремление их элит использовать потенциал НАТО и ЕС для укрепления легитимности правящих режимов [4, с. 36].

По причине искусственного характера границ между постсоветскими государствами высока степень вероятности нарастания конфлик-

тогенности в отношениях между некоторыми из них. Дополнительным фактором обострения отношений между ними и милитаризации их внешней политики является стремление руководства этих государств использовать контроль над стратегическими ресурсами в целях оказания политического давления на соседние государства.

Сохранению и поддержанию милитаризации способствует наличие на постсоветском пространстве «непризнанных» или «частично признанных» государственных образований (Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Южная Осетия), а также так называемых «серых зон» (Горный Бадахшан, Гармское ущелье в Таджикистане, Панкисское ущелье в Грузии, Ошская долина в Киргизии), которые образовались в результате вооружённых конфликтов, большая часть которых и поныне далека от разрешения.

Развёртыванию военно-политической экспансии способствует также стремление ряда государств укрепить свой международно-правовой статус за счёт ослабления геополитического положения постсоветских государств. Специалисты в области международных отношений прогнозируют нарастание напряжённости в отношениях между Румынией и Украиной, Турцией и Украиной, Турцией и Арменией, Ираном и Азербайджаном. В связи с незавершённостью процессов суверенизации постсоветских государств, а также несовпадением границ проживающих в них этнических групп становится возможным втягивание государств российского ближнего зарубежья в военно-политические конфликты и локальные войны вне пределов территории распавшегося СССР.

Самым ярким примером проявления военного экспансионизма в Восточной Европе является расширения влияния и инфраструктуры НАТО, а также настойчивое стремление США и их союзников втянуть постсоветские государства в блоки и коалиции с целью ограничения влияния в этом регионе России. Причины распространения влияния североатлантического блока и иных межгосударственных объединений имеют под собой основания как внутреннего, так и внешнего характера.

Постсоветское пространство рассматривается ими как стратегический плацдарм, закрепление на котором предоставляет существенное военно-политическое преимущество и тем самым позволяет ограничить влияние России, Китая, Ирана и ряда других стран. В этих целях используются меры информационного, финансового, военно-технического и иного характера, активно налаживаются двусторонние

контакты США и ведущих государств Западной Европы с руководством ряда постсоветских государств.

На протяжении четверти века Россия рассматривалась Западом как выгодный партнёр в отдельных областях обеспечения безопасности, который в то же время не имел шансов стать членом альянса. Стратегическая линия в отношении России представляла собой стремление использовать выгодные для западных стран стороны сотрудничества с ней (например, в борьбе с движением «Талибан» в Афганистане) в обмен на ничем не подкреплённые политические декларации.

Стратегической целью Североатлантического союза является «размывание» политического, экономического и культурного пространства постсоветских государств, которое не рассматривается ими как самостоятельная геополитическая единица. Выражением этого является переориентация бывших советских республик на Запад, что должно привести к подрыву национальных интересов России и формированию вокруг неё «санитарного кордона», который может быть использован и уже активно используется для давления на Россию, а в более отдалённой перспективе и для развязывания агрессии против неё.

Милитаризация международных отношений вокруг России идёт по нескольким ключевым направлениям: 1) осуществляется включение государств ближнего зарубежья в военно-политические блоки и временные коалиции, создаваемые в целях военного интервенционизма; 2) международные объединения, не имеющие непосредственного отношения к реализации оборонной политики, наделяются «военноподобными» функциями, которые были несвойственны их первоначальному предназначению; 3) происходит стихийное распространение негосударственных военных формирований («Армянская национальная армия», Исламское движение Узбекистана). Стремительная милитаризация постсоветского пространства ведёт к подрыву национальных интересов России в регионе, который стремительно превращается в полигон острого геополитического противостояния. Ключевым моментом этого противостояния становится использование военно-политического потенциала противоборствующих сторон.

На протяжении многих лет в странах ближнего зарубежья довольно успешно распространяется миф об агрессивном характере политики России и её имперских амбициях. В сложившихся условиях Российская Федерация вынуждена принимать ответные меры на идеологическом, экономическом, военно-техническом направлениях. Следствием этого является снижение возможностей для экономической модернизации

общества, движению по пути демократического развития, усилению изоляции государства.

Таким образом, распространение модели военно-политического экспансионизма в российском ближнем зарубежье повлекло ослабление позиций России в зоне её жизненно важных интересов, а милитаристские приготовления привели к нарастанию вражды, разрыву сложившихся ранее экономических, культурных и иных связей некогда «братских народов».

Последствия милитаризации международных отношений в сфере национальной безопасности России выразились в нарастании конфронтации стран Североатлантического союза и России, международной изоляции страны в связи с событиями на Украине, втягивании в украинский кризис, усложнении условий пребывания России в международных организациях.

Нарастание числа и интенсивности опасностей милитаристского происхождения привело в итоге к возникновению реальной угрозы втягивания России в вооружённые конфликты, локальные и региональные войны.

В целях обеспечения национальной безопасности России представляется обоснованным и целесообразным реализация модели «оборонительной» или «достаточной» милитаризации, которая предполагает гибкое и избирательное использование методов и средств вооружённой борьбы в международных отношениях. Приоритетным направлением является развитие информационного противоборства.

Успех в деле обеспечения национальной безопасности зависит от того, насколько политическое руководство государства при поддержке институтов гражданского общества сможет найти баланс между отказом от жёсткой международно-правовой политики и её абсолютизацией.

Список литературы

1. *Андреев М.В.* Политико-правовые институты обеспечения национальной и коллективной безопасности на современном этапе развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 23.00.02. Казань, 2009.

2. *Сердюкова И.Г.* Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2008.

3. *Студеникина С.В.* Национальные интересы в правовой политике государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д, 2009.

4. *Цыбаков Д.Л.* Милитаризация современной международной политики и её последствия для национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Москва, 2013.

5. «Шойгу заявил о военной угрозе России» [Электронный ресурс]. URL: // <http://news.mail.ru/politics/> (дата обращения: 10.09.2015).

*Голубева О. Д.,
старший преподаватель
кафедры гражданского процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

*Попова Е. П.,
преподаватель кафедры
гражданского процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Авторы в настоящей статье высказывают мнение о том, что повышение качества исполнения судебных актов требует комплексного подхода, включающего в себя как предложения по совершенствованию процессуального законодательства, так и разработку мер, повышающих заинтересованность судебных приставов-исполнителей в результате исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнение судебных решений; процессуальные сроки; судебные приставы; эффективность работы судебной системы; прокурорский надзор.

Эффективность работы судебной системы является достаточно часто обсуждаемым вопросом современной юридической науки и практики. Одним из критериев оценки эффективности работы системы правосудия, по мнению многих отечественных и зарубежных авторов, является качество и своевременность исполнения судебных решений [5, с. 1].

В конечном итоге, исполнение судебных решений – это тот показатель, по которому члены общества оценивают работу судебной системы в целом. Целью обращения граждан и организаций в суд является восстановление нарушенных прав, защита законных интересов, не столько на бумаге (посредством должным образом оформленного судебного решения), сколько практически реализованные исполнением установленных судом требований.

Отсутствие эффективности такого исполнения влечет возникновение проблем не только в правовой сфере, но и в социальном аспекте, поскольку способствует формированию в обществе правового ниги-

лизма, неуважительного отношения к закону и суду, игнорированию своих обязательств, установленных законом, развитию коррупции, поощрению противоправного и асоциального типа поведения [4, с. 5].

Правильное и своевременное исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц в ходе исполнительного производства является основной задачей, стоящей перед ФССП [7, с. 1]. К сожалению, анализ статистики, судебной практики, материалов прокурорских проверок свидетельствует о том, что состояние законности в сфере исполнения судебных решений остается на низком уровне. Судебными приставами-исполнителями допускается значительное число нарушений действующего законодательства, прав, свобод и законных интересов участников исполнительного производства [4, с. 5].

Проблемы, возникающие при исполнении судебных решений, далеко не однозначны и вызваны целым рядом объективных причин. Одной из таких причин является несовершенство законодательства в сфере исполнительного производства. До настоящего времени остается не решенной проблема приведения в соответствие с другими процессуальными сроками срока подачи заявления в суд об оспаривании постановлений, действий (бездействий) судебных приставов, который составляет 10 дней: «Заявление об оспаривании постановлений должностного лица службы судебных приставов, его действий (бездействия) подается в суд, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности указанное должностное лицо, в десятидневный срок со дня вынесения постановления, совершения действий либо со дня, когда взыскателю, должнику или лицам, чьи права и интересы нарушены такими постановлением, действиями (бездействием), стало известно о нарушении их прав и интересов» [1, с. 124]. И в то же время, срок подачи заявления в суд для оспаривания решения, действия (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего составляет три месяца со дня, когда заявителю стало известно о нарушении его прав и свобод [1, с. 71].

Судебные решения об отказе в удовлетворении требований участников исполнительного производства об обжаловании постановлений судебных приставов – достаточно частое явление. Примером такого решения может служить Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2015 N 18-КГ14-185. Заявитель по делу ссылаясь на то, что он не был извещен об осуществленных исполнительных действиях, оспариваемые постановления приставов нарушают его права, а решением су-

да в удовлетворении требования заявителю отказано по причине пропуска срока на обжалование постановлений судебного пристава-исполнителя.

Авторы настоящей статьи пришли к мнению, что при установлении срока подачи заявлений об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов необходимо учитывать реальные возможности и уровень правовой культуры заявителей. Проблемным представляется для рядового гражданина дать верную правовую оценку сложившейся ситуации самостоятельно в достаточно короткий срок. В подтверждение данного мнения можно привести доводы, которые изложил в своей статье А.В. Концевой: «...прокурорами в арбитражные суды и суды общей юрисдикции подано 6338 заявлений в связи с нарушениями законодательства судебными приставами, а удовлетворены судом (либо прекращены в связи с добровольным удовлетворением требований прокурора) только 5610 заявлений... часть неудовлетворенных заявлений, вероятно, связаны с отказами судов восстановить прокурору процессуальный срок для обжалования постановлений... Безусловно, процессуальный срок, хотя бы в 30 дней, позволит прокурору не предъявлять достаточно спорные заявления, а судебные приставы-исполнители будут иметь больше времени для осуществления своих непосредственных задач» [2, с. 11]. При этом, речь в статье идет о работниках прокуратуры, которые обладают достаточно высоким уровнем знаний в области права и достаточно большим опытом правоприменения для оценки ситуации. Что же касается рядовых граждан, то срок в 30 дней для подачи заявления в суд даст им больше возможностей для реализации прав на судебную защиту своих законных интересов. В связи с этим разумным представляется внесение изменений в п. 2 ст. 441 ГПК относительно установления срока в 30 дней для подачи заявлений по оспариванию постановлений, действий (бездействий) судебных приставов.

В рамках данной статьи хотелось бы еще затронуть достаточно острую проблему так называемого «человеческого фактора» в ходе исполнительного производства. Должностные лица ФССП играют ключевую роль в процессе исполнения решений суда, ведь именно от их профессионализма зависит своевременность и эффективность совершаемых исполнительных действий, да и само исполнение как результат деятельности судебной системы в целом. Анализ статистики исполнительных производств за последние два года позволяет сделать вывод, что процент дел, оконченных реальным исполнением требова-

ний, установленных судом, не достаточно высок [6, с. 1]. Наряду с другими объективными причинами такой ситуации хотелось бы отметить большую загруженность должностных лиц ФССП (количество исполнительных производств составляет более тысячи в год на одного пристава и продолжает расти), низкую заинтересованность служащих в результатах своей деятельности (низкая заработная плата приставов, отсутствие реальной материальной мотивации к достижению хороших результатов). Следствием указанных выше факторов является большая сменяемость кадров, низкий профессионализм работников, а также создание условий для коррупционного поведения.

Конечно, последовательная и целенаправленная надзорная деятельность прокурорских работников, призванная обеспечить соблюдение требований закона в сфере исполнения судебных решений, отчасти влияет на ситуацию. Однако, как указывается в документах, разработанных Академией Генеральной прокуратуры РФ, «изучение материалов прокурорских проверок свидетельствует о том, что проверки зачастую проводятся поверхностно, справки содержат сведения о нарушениях законодательства общего характера ... вопросы соответствия законам принимаемых судебными приставами-исполнителями решений, правомерности мер принудительного исполнения остаются без внимания прокуроров» [4, с. 5].

По мнению авторов статьи, даже при осуществлении самого эффективного прокурорского надзора решить проблему только ужесточением наказаний в отношении должностных лиц не удастся – требуется комплексный подход. Требуется разработка нормативно-правового регулирования системы поощрения работников ФССП за окончание исполнительного производства реальным исполнением. И в подходе к данному регулированию стоит учитывать не только объем денежных средств или имущества как предмета исполнительного производства, но и количество самих исполнительных производств, оконченных с положительным результатом, т.к. существует весомое количество исполнений по неимущественным требованиям, имеющих важное социальное значение. В качестве источника финансирования предполагается использование различных источников, в числе которых как средства, поступающие в виде исполнительского сбора, так и возможное возрождение фонда развития исполнительного производства. Полезным в данной связи может быть и зарубежный опыт в исполнении судебных актов. Законодательству ряда зарубежных стран известен так называемый «астрэнт» (последовательно возрастающая

пеня). Это обязанность должника выплачивать помимо суммы основного долга пеню, размер которой будет возрастать каждый день до момента полного исполнения возложенных на должника обязанностей [3, с. 118]. В одних странах астрэнт идет в пользу взыскателя, в других – в доход государства, в третьих – делится поровну между взыскателем и государством.

В российском исполнительном производстве исполнительский сбор законодательно можно установить как пеню, начисляемую должнику ежедневно (вплоть до фактического исполнения) в установленном федеральным законом размере (например, в размере учетной ставки Банка России), которая подлежит взысканию не в пользу взыскателя, а в доход федерального бюджета.

Необходимо отметить, что косвенные меры по решению предоставления социально-правовых гарантий служащим ФССП уже предпринимаются, т.к. в «Долгосрочной программе повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 гг.)», разработанной Министерством юстиции, предлагается присвоить судебным приставам статус лиц, находящихся на правоохранительной службе, со всеми вытекающими из этого статуса привилегиями согласно ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Однако авторы статьи разделяют мнение В.В. Яркова, высказанное в статье «Размышления о сути исполнительного производства: сквозь призму проекта Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 гг.)»: «...не совсем полно решен вопрос о создании надлежащих стимулов работы СПИ, которые бы позволяли не осуществлять за ними постоянный оперативный контроль, который и сейчас фактически невозможен. Вероятно, введение надбавок и выплат «за погоны» изменит ситуацию. Понятны мотивы и причины отсутствия более радикальных решений, однако вариант, предложенный в Программе, будет только способствовать накоплению системных недостатков, тому, что в проекте деликатно называется «коррупционными проявлениями», поскольку система, которая не меняется сверху, начинает стихийно «приватизироваться» снизу» [8, с. 91].

Список литературы

1. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.03.2015). 126 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. *Концевой А.В.* Проблемы законодательного регулирования деятельности судебного пристава-исполнителя как препятствие к осуществлению задач, стоя-

щих перед Федеральной службой судебных приставов России и прокуратурой РФ // *Исполнительное право*. 2014. № 3. С. 10–12.

3. *Останина Е.А., Тараданов Р.А.* Проблемы и перспективы рецепции института астрэнта (astreinte) российской правовой системой // *Вестник ВАС РФ*. 2013. № 6. С.118–129.

4. *Прокурорская проверка исполнения судебными приставами-исполнителями законов об обращении взыскания на имущество должника. Методические рекомендации* // Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2014. 28 с.

5. *Скляренко М.В.* Реальное исполнение судебных решений – базовый критерий эффективности правосудия // *Исполнительное право*. 2014. № 2. С. 18–24.

6. *Статистические данные о количестве начатых и оконченных исполнительных производств в Сормовском районе г. Нижнего Новгорода*. 2 с.

7. *Федеральный закон «Об исполнительном производстве»* от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 08.03.2015). 75 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

8. *Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов*: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8–11 июня 2011 г / отв. ред. А.О. Парфенчиков, Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2011. 430 с.

*Дресвянникова Е. А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
ВИПК МВД России,
г. Набережные Челны*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Острейшая социально-экономическая проблема, которая влияет на демографическую ситуацию и угрожает национальной безопасности нашей страны, – это обеспечение безопасности дорожного движения. Не случайно предметом исследования, представленного в данной статье, является обзор нормативно-правовой базы, затрагивающей вопросы национальной стратегии Российской Федерации в области безопасности дорожного движения.

В российском обществе сформирован радикальный запрос на улучшение безопасности дорожного движения, именно поэтому автор статьи остановился на некоторых вопросах, отражающих необходимость изменения общественного отношения к проблемам безопасности дорожного движения, и прежде всего к неравноправию на дорогах, являющимся мощным дестабилизирующим фактором.

Ключевые слова: безопасность; дорожное движение; стратегия; аварийность; транспортная система; риски; ущерб; общество.

Обеспечение безопасности дорожного движения является составной частью национальных задач обеспечения личной безопасности, решения демографических, социальных и экономических проблем, повышения качества жизни, содействия региональному развитию.

Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам, приобретая масштабы национального бедствия.

Анализ статистических данных свидетельствует, что ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают или получают ранения около 300 тыс. человек. Демографический ущерб от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за последние десять лет составил 294083 тыс. человек (*см. таблицу*) [1].

**Общее количество дорожно-транспортных происшествий,
число погибших и раненых за 10 лет**

Российская Федерация (год)	ДТП	Погибло	Ранено
	абс.	абс.	абс.
1	2	3	4
Всего за 10 лет	2114915	294083	2650122
2005	223342	33957	274864
2006	229140	32724	285362
2007	233809	33308	292206
2008	218322	29936	270883
2009	203618	27659	255484
2010	199431	26567	250635
2011	199868	27953	251848
2012	203597	27991	258618
2013	204068	27025	258437
2014	199720	26963	251785

Около десяти млрд рублей составляет размер социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за последние десять лет.

В настоящее время Российская Федерация отстает от лучших стандартов безопасности дорожного движения в 5-12 раз. Транспортные риски настолько высоки, что наше государство входит в группу «Risky States 10», то есть в десятку стран с высоким уровнем транспортных рисков, на которую приходится более половины от общего числа смертей на дорогах мира.

Главной причиной сложившейся ситуации, на наш взгляд, являлась оторванность отечественной практики обеспечения безопасности дорожного движения от зарубежного опыта в данной сфере. Однако позитивные сдвиги в данном направлении за последнее десятилетие всё же обозначились.

По инициативе Российской Федерации в Организации Объединенных Наций был одобрен ряд соответствующих резолюций, одна из которых – «Повышение безопасности дорожного движения в мире» – принята консенсусом Генеральной Ассамблеей ООН 31 марта 2008 года. В ней приветствовалась российская инициатива о проведении в Мо-

скве – впервые в истории ООН – Первой Всемирной министерской конференции по безопасности дорожного движения, которая состоялась 19 ноября 2009 года.

Главной целью данной конференции для Российской Федерации было не только расширение международного сотрудничества в области обеспечения безопасности дорожного движения, но и придание импульса практическим шагам по снижению аварийности на национальном уровне. По итогам работы конференции была разработана Московская декларация, которая заложила основу для принятия последующих важных решений в данной сфере.

2 марта 2010 года было объявлено о провозглашении «2011–2020 годов Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения с целью стабилизации и последующего сокращения прогнозируемого уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий во всем мире путем активизации деятельности на национальном, региональном и глобальном уровнях». Официально «Десятилетие» стартовало как в России, так и в других странах-участницах 11 мая 2011 года. Результатом данной программы должны стать стабилизация и последующее сокращение прогнозируемого уровня смертности и травматизма в результате ДТП в мире к 2020 году [2].

В ряде стратегических и программных документов вопросы обеспечения безопасности дорожного движения определены в качестве приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации.

Так, например, одним из главных направлений демографической политики в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года является снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности граждан в трудоспособном возрасте от внешних причин, в том числе в результате дорожно-транспортных происшествий [3].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одной из обозначенных целей государственной политики в сфере развития транспорта является создание условий для повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни населения, включая повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы [4].

Цели повышения уровня безопасности транспортной системы, снижения тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий, числа пострадавших и погибших в них людей также обозначены и в

Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года [5].

С 2006 года по 2012 год на территории Российской Федерации действовали федеральные целевые программы, целью которых являлось сокращение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий. Одной из наиболее значимых являлась Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» [6], которая стала основой национальной стратегии в области обеспечения безопасности дорожного движения. Её главной целью являлось сокращение к 2012 году числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях в 1,5 раза по отношению к базе 2004 года. Фактическое снижение составило 27%. Отметим, что с учётом колоссального объема проделанной работы большинство программных мероприятий было выполнено на удовлетворительном уровне.

Для эффективного решения проблем, связанных с дорожно-транспортной аварийностью и обеспечением снижения ее показателей до уровня развитых стран мира, было принято решение о необходимости продолжения системной реализации мероприятий по повышению безопасности дорожного движения и их обеспеченность финансовыми ресурсами. В связи с чем в 2013 году вступила в силу Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [7].

С учетом обоснованной необходимости продолжения работы в области обеспечения безопасности дорожного движения в рамках Программы, в ней были скорректированы и сформулированы приоритетные мероприятия по повышению безопасности дорожного движения, обоснованно и системно воздействующих на причины аварийности.

Целью Программы является сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий к 2020 году на 25 процентов по сравнению с 2010 годом. Однако первый этап программы подходит к завершению в текущем 2015 году, а выполнение ряда мероприятий вызывает не только серьёзную обеспокоенность, но и критическое осмысление.

На 1-м этапе Программы планируется реализация следующих мероприятий:

- сокращение влияния наиболее весомых факторов, вызывающих дорожно-транспортную аварийность и снижающих возможность и качество оказания медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях;

– изменение общественного отношения к проблемам безопасности дорожного движения;

– стимулирование ответственности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления за снижение дорожно-транспортной аварийности;

– совершенствование механизмов работы с субъектами Российской Федерации.

Какая же истинная картина сегодняшнего дня? В отсутствие реальных продвижений в деле снижения смертности на дорогах предпринимаются попытки поиска быстрых и простых решений. Эти решения законодатель ищет в ужесточении санкций за те или иные правонарушения в области дорожного движения. Однако данные изменения не уменьшают проблем, а подчас усложняют сложившуюся ситуацию, вызывая не только негатив со стороны общества, но и делая неэффективной правоприменительную практику.

Увеличивая штрафные санкции и меняя наказания в сторону ужесточения, законодатель забывает о том, что человек – существо терпеливое, и со временем привыкает к сложившимся нормам. При этом распространяется эпидемия агрессии среди участников дорожного движения.

Именно поэтому полагаем, что начинать надо с изменения общественного отношения к проблемам безопасности дорожного движения. Не случайно мы акцентировали внимание на том, что необходимо учитывать опыт стран Западной Европы, где общество и государство борется с тремя «D»: Dangerous, Drunk and Drugged Driving. На первом месте стоит, разумеется, «Dangerous Driving», поскольку именно опасное (агрессивное) поведение водителей становится причиной большинства дорожно-транспортных происшествий. Помимо «правила трех D», в развитых странах существует множество правил и инструкций, которые нам стоит перенимать. Во-первых, то, что давно назрело и ожидается обществом – это равенство всех участников дорожного движения, то есть исключение обширного числа «неприкасаемых» участников дорожного движения. Видна необходимость внесения законодательных поправок о единообразном применении Правил дорожного движения и процедуры привлечения к ответственности за нарушения в области дорожного движения для всех участников движения, исключая статусы и положение.

Отсутствие «сословий» на дорогах – эта та проблема, которая давно обсуждается и развивается обществом, решив её, мы сможем говорить о равноправии на дорогах и «начавшемся лечении, возрастающей агрессии на дорогах».

К сожалению, национальное законодательство в этом плане пока неизменно и остается на своих позициях, и программные мероприятия ФЦП-2020 являются не более чем лозунгами.

Во-вторых, изменение общественного отношения к проблемам безопасности дорожного движения, как нам видится, возможно лишь только с активным развитием гражданского контроля в сфере безопасности дорожного движения.

Позитивные сдвиги в этом направлении за последние пять лет наметились. В ряде регионов страны активно разрабатываются и начинают свою работу такие проекты, как «Гражданский патруль», «Народный инспектор» и др. Но возникают сложности в правоприменительной практике, и они требуют более детального рассмотрения.

В-третьих, необходимо формировать правосознание, транспортную дисциплину и культуру участников дорожного движения» [8]. О единых общих стандартах в данном случае говорить не приходится, так как уважение на дороге начинается с уважения к себе. И отметим, что важную роль в данном процессе должно отводиться не только воспитанию дорожной грамотности, но и работе средств массовой информации. Активная социальная реклама, разработка рейтинговых телевизионных программ, ориентированных на формирование положительной модели поведения участников дорожного движения, должны заложить в общественном сознании стереотип: соблюдение правил и норм на дороге – это жизнь.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что основными направлениями национальной стратегии Российской Федерации в области безопасности дорожного движения следует рассматривать:

1. Повышение требований к безопасности дорожного движения со стороны участников дорожного движения.
2. Включение общественных организаций в проведение мероприятий, затрагивающих вопросы безопасности дорожного движения.
3. Усиление ответственности руководителей всех уровней за выполнение обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения.
4. Повышение качества подготовки водителей.

5. Развитие и совершенствование улично-дорожных сетей и организации дорожного движения.

Таким образом, детальное понимание ситуации и отношения населения к проблемам на дорогах – залог выработки эффективной стратегии для решения проблем безопасности дорожного движения» [9].

Список литературы

1. *Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 04.03.2015).

2. *Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей «Повышение безопасности дорожного движения во всем мире» /A/RES/64/255.*

3. *Указ президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351* (в ред. Указа Президента РФ от 1 июля 2014 г. № 483) «*Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года*» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

4. *Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р* (в ред. распоряжения Правительства РФ от 8 августа 2009 г. № 1121-р) «*О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*» (вместе с «*Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

5. *Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р* (в ред. распоряжения Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 1032-р) «*Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года*» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 50. Ст. 5977; № 52 (ч.2).

6. *Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 100* (в ред. постановления Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 1203) «*О федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах"*» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 9. Ст. 1020.

7. *Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864* (в ред. постановления Правительства РФ от 6 ноября 2014 г. № 1167) «*О федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах"*» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 41. Ст. 5183.

8. Из интервью начальника Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, генерал-лейтенанта полиции Виктора Ивановича Нилова // Полиция России. 2014. № 7.

9. Абрамов К.В. Безопасность на дорогах: оценка россиян [Электронный ресурс]. URL: <http://wsiom.ru/> (дата обращения: 07.03.2015).

*Елисеева В. С.,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

В статье рассмотрено соотношение концепции правового мониторинга как средства повышения эффективности законодательства в Российской Федерации и действующих на федеральном уровне нормативно закрепленных институтов оценки нормативно-правовых актов

Ключевые слова: эффективность права; правовой мониторинг; мониторинг правоприменения; оценка регулирующего воздействия; оценка фактического воздействия.

Совершенствование законодательной деятельности – одно из приоритетных направлений современной государственной политики. Как отмечают многие исследователи, стремительный рост массива российского законодательства не характеризует его с положительной стороны, так как качество законодательства находится на довольно низком уровне [1, с. 26].

В начале 2000-х гг. сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации под руководством Ю.А. Тихомирова была разработана концепция правового мониторинга, под которым понимался «динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования и т.п., проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права» [2, с. 13].

Фактически, концепция правового мониторинга предусматривала систематическую, комплексную, в пределах своих конституционных полномочий, деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций по осуществлению сбора, анализа и обобщения информации о состоянии законодательства, практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а

также ожиданиям участников законодательного процесса, должностных лиц исполнительных, судебных и иных органов и уровней власти, институтов гражданского общества и, главное, граждан [1, с. 29–30].

В 2011 г. законодатель сделал первый шаг в нормативном регулировании концепции правового мониторинга – на федеральном уровне были приняты: Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», которым были определены цели мониторинга, субъекты его осуществления, а также утверждено Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации; Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 утверждена Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации.

Положение о мониторинге правоприменения закрепляет следующее определение понятия: **мониторинг правоприменения** – это комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по **сбору, обобщению, анализу и оценке** информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) ...нормативных правовых актов Российской Федерации.

Методика осуществления мониторинга правоприменения дает более лаконичную формулировку данного термина: сбор, обобщение, анализ и оценка практики применения ... законодательства Российской Федерации.

Из данных определений, а также названий нормативно-правовых актов можно сделать вывод, что законодатель сузил предлагаемую Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации концепцию, фактически оставив для мониторинга лишь правореализационную сферу и исключив стадию правотворчества. При этом показатели оценки нормативно-правовых актов, предложенные в Методике осуществления мониторинга правоприменения, включают в себя оценку на содержание коррупциогенных факторов, а также юридико-технических свойств документа; то есть оценка законодательства, проводимая в рамках мониторинга правоприменения, шире, чем «оценка практики применения».

Предусмотрено три группы субъектов мониторинга правоприменения, но первоначально (в 2011, 2012, 2013 годах) это были: федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, а теперь (в 2014 и 2015 годах) – федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации и организации.

Одним из подразумеваемых принципов, заложенных разработчиками концепции правового мониторинга, был принцип всеохватности – включения в правовой мониторинг каждого законопроекта еще на стадии целеполагания. Мониторинг правоприменения предусматривает сбор, обобщение, анализ и оценку практики применения уже действующего законодательства, преимущественно – на плановой основе, т.е. включенного в план мониторинга правоприменения на текущий год. Так, на настоящий момент осуществляется уже пятый план мониторинга правоприменения в Российской Федерации.

Таблица 1

**Содержание планов мониторинга правоприменения
в Российской Федерации
(2011-2015 годы)**

Год	Количество отраслей, включенных в план мониторинга	Количество нормативно-правовых актов, включенных в план мониторинга	Количество субъектов осуществления мониторинга	
			Федеральные органы власти, организации, гос. корпорации	органы власти субъектов РФ
2011	11	16	23	5
2012	29	34	26	8
2013	18	22	25	15
2014	14	19	43	10
2015	15	29	39	11
всего	87	120	156	49

При этом количество действующих нормативно-правовых актов в стране едва ли поддается исчислению. Только за 3,5 года деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва было принято (подписано Президентом РФ) 1437 законов. Так, соотношение количества законов, включенных в план мониторинга правоприменения на 2014 год, к количеству

принятых Государственной Думой за этот год законов составляет 3,7 %.

Таблица 2

**Основные результаты законотворчества
Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации
VI созыва**

Год	Весенняя сессия	Осенняя сессия	Всего
2012	152	182	334
2013	255	193	448
2014	290	214	504
2015 (по состоянию на 14.06.2015)	151	—	151
всего			1437

Необходимо отметить, что из критического анализа сложившегося в 2011–2015 гг. института мониторинга правоприменения в Российской Федерации, проводимого представителями научного сообщества, можно сделать вывод о его несовершенстве. Существует ряд проблем, в частности:

- из перечня субъектов мониторинга правоприменения исключены федеральные суды,
- планы мониторинга правоприменения за 2011–2013 гг. не содержат информацию об инициаторе проведения мониторинга по пунктам плана,
- непрозрачны критерии отбора предложений субъектов к плану и отчету мониторинга правоприменения,
- существует проблема качественного и количественного измерения показателей (индикаторов, коэффициентов) мониторинга правоприменения.

Хотелось бы отметить, что мониторинг правоприменения – лишь одно из средств оценки качества нормативно-правового акта, вобравшее в себя элементы юридико-технической и коррупциогенной оценки. В целях реализации п. 2 указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» с 2012 года была введена оценка регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов [3], а с 2016 года – будет введена оценка фактического воздействия нормативных правовых актов [4].

Оценка регулирующего воздействия – комплекс процедур анализа проблем и целей государственного регулирования, поиска допустимых вариантов достижения этих целей, а также связанных с ними выгод и издержек социальных групп, подвергающихся воздействию регулирования, в том числе хозяйствующих субъектов, граждан и государства в целом, для определения наиболее эффективного варианта регулирующего решения. Оценка фактического воздействия – это анализ достижения целей регулирования, положительных и отрицательных последствий принятия нормативных правовых актов, а также выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности или приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Представляется, что институты оценки регулирующего и фактического воздействия выражают собой дихотомию «цель – результат»: от формулировки идеи, целей и задач, определения предмета регулирования, качественных и количественных показателей законопроекта до реализации норм и контроля эффективности их применения через систему оценки степени достижения запланированных показателей – и являются частью концепции правового мониторинга.

Сложившаяся в 2013–2014 гг. практика проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов позволяет выделить две основные проблемы этого института:

– оценка регулирующего и фактического воздействия проводится только в отношении законопроектов, затрагивающих вопросы преимущественно предпринимательской и инвестиционной деятельности (полный перечень приводится в п. 60 (1) Регламента Правительства Российской Федерации), все остальные сферы правового регулирования не являются предметом оценки регулирующего и фактического воздействия;

– такая оценка связана, прежде всего, с экономической эффективностью: и, с одной стороны, для данного вида оценки разработан инструментарий, основанный на заимствованных из экономики количественных методах, но, с другой стороны, иные последствия – социальные, экологические и пр. остаются за пределами механизма оценки регулирующего воздействия. «Такая экспертиза правового акта равнозначна простому анализу экономической и финансовой обоснованности акта и может рассматриваться лишь как оценка экономического, а не регулирующего воздействия» [5, с. 14].

Таким образом, исходя из концепции правового мониторинга, сложившейся в правовой доктрине, а также единства целей существования институтов мониторинга правоприменения и оценки регулирующего и фактического воздействия, следует сделать вывод, что на данном этапе целесообразно интегрировать мониторинг правоприменения и оценку регулирующего и фактического воздействия.

Список литературы

1. *Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е.* Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25–38.

2. *Тихомиров Ю.А.* Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10. С. 11–15.

3. *Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

4. *Постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 83 «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»* (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов») // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 965.

5. *Уманская В.П.* Технология оценки регулирующего воздействия правовых актов // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 11–14.

*Журавлева Ю. В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИИ «ПЕРЕДАЧА ДОГОВОРА» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

В данной статье подробно анализируется новая конструкция «Передача договора», закрепленная в ст.392.3 ГК РФ. Анализируются предпосылки ее включения в текст ГК РФ. Подробно рассматривается вопрос возможности уступки как отдельных прав, перевод отдельных обязанностей, так и уступка и перевод всех прав и обязанностей в структурно-сложных обязательствах. Выявлены различия между переменной лица в обязательстве и заменой стороны по договору. Аргументирована некорректность термина «передача договора» и сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в ГК РФ.

Ключевые слова: передача договора; обязательство; перемена лиц в обязательстве; цессия; перевод долга.

Итогом реализации одного из пунктов Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [11] (далее по тексту – Концепция) стало появление в ГК РФ ст. 392.3 Передача договора.

Так, в п. 4.2.6 Концепции предусмотрено: «Учитывая распространенность сделок "передачи договоров", целесообразно дополнить главу 24 параграфом, регулирующим порядок передачи прав и обязанностей по взаимным обязательствам».

До соответствующих изменений ГК РФ гражданское право не знало правовой конструкции «передача договора», однако, как отмечает В.А. Белов это «не новый институт, регулирующий случай ... одновременной передачи стороной всех прав и обязанностей по [двусторонне-обязывающему или синаллагматическому] договору другому лицу» [3, с. 112–127].

Так, в п. 1 ст. 7 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [17] предусмотрено: «Иностранный инвестор в силу договора вправе передать свои права (уступить требования) и обязанности (перевести

долг), а на основании закона или решения суда обязан передать свои права (уступить требования) и обязанности (перевести долг) другому лицу в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации». Статья 354 ГК РФ так же предусматривает передачу прав и обязанностей по договору залога.

По всей видимости, разработчики изменений и дополнений ГК РФ в этой части достигли желаемого результата (узаконили возможность передачи всех прав и обязанностей по договору), хотя в вышеназванном п. 4.2.6 Концепции речь шла о необходимом правовом регулировании перехода прав и обязанностей именно по взаимным обязательствам. Следует заметить, что такой переход не всегда является предпосылкой изменения стороны в договоре.

Необходимо отметить, что в науке нет однозначного взгляда на существование взаимных обязательств. Как отмечает В.А. Белов в своем исследовании: «Всякое правоотношение (в том числе обязательственное) состоит из одного субъективного права и одной корреспондирующей с ним юридической обязанности. Если из одного и того же основания возникает несколько субъективных прав с соответствующим количеством обеспечивающих их обязанностей, то перед нами несколько различных правоотношений. А это значит, что в каждом отдельно взятом обязательстве каждый его участник является либо должником, либо кредитором, но не тем и другим одновременно; фигуры должника-кредитора или кредитора-должника гражданское право не знает. Статус кредитора и должника возможно соединить в одном лице лишь в том случае, если речь идет как минимум о двух различных обязательствах, в одном из которых интересующее нас лицо является кредитором, в другом – должником» [3, с. 112–127].

В результатах анализа ряда определений обязательства, сформулированных известными цивилистами [22], обращает на себя внимание тот факт, что содержание обязательства составляет только одна обязанность должника или одно право кредитора (в зависимости от того, через активную или пассивную сторону выводится определение обязательства).

Кроме того, определение обязательства, содержащееся в ст. 307 ГК РФ, сконструировано по модели простого обязательства. Как совершенно справедливо отмечает В.В. Витрянский, «возвращаясь к законодательному определению понятия "обязательство", нельзя не отметить, что оно воплощает в себе лишь простейшую модель

одностороннего обязательства, когда на стороне должника – только обязанность, а на стороне кредитора – соответствующее право требования ... Что же касается договорных обязательств, то в реальном имущественном обороте такие обязательства используются довольно редко» [8, с. 575]. Однако не будем забывать, что уже в п.2 ст. 308 ГК РФ законодатель ведет речь о взаимных обязательствах (если каждая из сторон по договору несет обязанность в пользу другой стороны, она считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать).

В научной литературе также сложилось понимание «сложных», в том числе взаимных обязательств [1, с. 38–39].

В.В. Кулаков, выделяя сложные обязательства, за основу берет «усложнение структуры обязательственного правоотношения, либо (1) в субъекте, либо (2) в объекте, либо (3) в содержании, но при наличии общей конкретной цели (направленности) обязательства» [12, с. 96]. Представляется верной позиция В.В. Кулакова, что «структурно-сложное обязательство следует считать единым, а не простой совокупностью обязательств, когда все его элементы со всеми осложнениями связаны общей целью» [7, с. 97]. Именно при таком подходе, с учетом наличия общей цели такого обязательства, возможна его правильная квалификация, что, в свою очередь, облегчает процесс правоприменения.

В своем исследовании В.В. Кулаков ссылается в числе прочих на работу С.С. Алексеева, которая, хотя и была написана во времена плановой экономики, в части выводов, сделанных относительно структуры обязательства, не теряет своей актуальности и сегодня. Так, высказано мнение о том, что в появлении обязательства существует целый ряд порождающих фактов; каждый из них, в свою очередь, вызывает относительно самостоятельное обязательственное отношение, которое является частью единого структурно-сложного обязательства [2, с. 27].

В этой связи, при рассмотрении осложнения обязательственного правоотношения по его содержанию, нам представляется крайне важным правильно определить цель, которая объединяет все элементы обязательства. Таким образом, элементы обязательства, в том числе права и обязанности сторон, объединенные единой целью, в определенных случаях можно отделить друг от друга (как в случае с уступкой права, возложением обязанности), при этом, не забывая, ко-

нечно, чтобы путем совершения тех или иных действий цель оставалась достижимой.

Поэтому, если речь идет о подобных обязательствах, возможна уступка как отдельных прав, перевод отдельных обязанностей, так и уступка и перевод всех прав и обязанностей.

Если же – об уступке лишь одного права требования в таком структурно-сложном (взаимном) обязательстве без заключения соглашения о переводе долга, вопрос об автоматическом возложении обязанности должен решаться отрицательно.

Так, по одному из рассматриваемых дел, Арбитражный суд Северо-Западного округа постановил, что судом апелляционной инстанции не учтено, что, заключив с ООО «ЮрПартнер» дополнительное соглашение от 31.10.2014 № 3 о передаче прав, принадлежащих ОАО «ПХМЗ» по договору от 20.11.2007 № 174/07, включая право требования исполнения ОАО «Электромеханика» обязательства по передаче заказчику результата подрядных работ (пяти печных агрегатов), конкурсный управляющий тем самым по существу перевел на ООО «ЮрПартнер» и обязанность по оплате этих работ в сумме, превышающей ранее перечисленный аванс, учитывая, что обязанность по возврату ОАО «ПХМЗ» данного аванса у подрядчика к моменту заключения указанного соглашения не наступила [15].

На наш взгляд, вывод, сделанный АС СЗО в этой части, не верный. Сам факт заключения сделки цессии (уступки права требования) не говорит об автоматическом переводе и обязанностей. Для этого необходимо заключение соглашения о переводе долга. Насколько можно судить, из материалов дела не следует, что между сторонами было заключено соглашение о переводе долга или о передаче договора. Имело место лишь соглашение об уступке права (требования).

И это несмотря на то, что ранее Президиум ВАС РФ выработал на этот счет вполне аргументированные рекомендации. Так, в п. 6 Информационного письма ВАС РФ от 30.10.2007 г. № 120 предусмотрено, что «уступка права (требования) по обязательству, в котором каждая из сторон является и кредитором, и должником, не может привести к переводу соответствующих обязанностей, лежащих на cedente как стороне договора, на цессионария. Для перевода таких обязанностей необходимо совершение сделки по переводу долга» [10].

Поэтому в случае, если законодатель ставил цель урегулировать случаи перемены лица во взаимном обязательстве, необходимо отдельно регламентировать как случай передачи только одного права из

всей совокупности, так и ситуацию, когда в рамках обязательства передаются все существующие к моменту передачи (в том числе и будущие) права и обязанности.

По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, замена кредитора при цессии, выражающаяся в переходе прав, происходит безусловно и окончательно [5, с. 848]. Так, в одном из своих Постановлений Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отказался признать цессией заключенный сторонами договор, по которому прежнему кредитору через определенное время необходимо было возвратить уступленное ему право [7, с. 76]. В Постановлении по этому же делу подчеркивалось, что не может быть признана цессией уступка прав, при которой в основном обязательстве продолжает участвовать кредитор, уступивший свои права. На наш взгляд, ошибочность данного вывода исходит из смешения понятий «обязательство» и «договор».

Г.Ф. Шершеневич отмечает: «В громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения, так что договор и обязательство чаще всего находятся в связи как причина и следствие. Однако область договора выходит за пределы обязательственных отношений, как в свою очередь и обязательства могут иметь в своем основании не договор, а другой юридический факт, правонарушение, неосновательное обогащение. Договор лежит в основании брака, которым создаются права личной власти, в основании передачи вещи, которой создается вещное право (вещный договор), – такой договор обязательственного отношения не создает» [21, с. 72].

В данной связи следует согласиться с точкой зрения В.А. Белова, в соответствии с которой в результате перехода требования личность участника договора может отделиться от личности участника обязательства [3]. По мнению В.А. Белова, «в результате уступки договорного требования личность кредитора по обязательству, бывшего контрагентом договора, из которого это обязательство возникло, как бы раздваивается (распадается) между ним (цедентом) и новым кредитором (цессионарием). Последний, не будучи участником договора, установившего обязательство, становится, тем не менее, обладателем требования, из этого договора возникшего. Напротив, цедент сохраняет за собой все качества договорного контрагента, но не является более кредитором по обязательству». Таким образом, в рассматриваемом случае кредитор продолжал существовать не в переданном

обязательстве, а остался стороной договора, из которого данное обязательство возникло (при условии, что по данному договору остались существовать и иные обязательства). К аналогичному выводу пришел ВАС РФ, вырабатывая рекомендации по практике применения положений главы 24 ГК РФ, где в п. 6 отметил, что «уступка права (требования) влечет за собой замену в конкретном обязательстве, в состав которого входит уступаемое право (требование), а не замену стороны в договоре» [20].

В случае же, если сторона договора совпадает с участником обязательства (кредитором) и последний полностью передает свои права и обязанности другому лицу, происходит одновременная перемена лица в обязательстве и замена стороны по договору. Последняя ситуация неизбежна, поскольку в противном случае теряется смысл (исчезает цель) существования договора в неизменном виде.

Так, по мнению А.И. Бычкова, «цессия не затрагивает всю структуру правоотношений сторон недействительного договора, поскольку направлена исключительно на уступку права требования, то есть замену стороны в конкретном обязательстве. Во всех остальных обязательствах остаются те же самые лица. Этим цессия как замена стороны в обязательстве отличается от соглашения о замене стороны в договоре, по которому происходит замена стороны во всех обязательствах из всего договора» [6, с. 79–88].

Л.А. Новоселова отмечает: «От замены стороны в обязательстве необходимо отличать замену стороны в двустороннем или многостороннем обязательстве (договоре). Если сторона в договоре является одновременно и кредитором, и должником по различным обязательствам, составляющим договор, то при соответствующем намерении сторон полная замена стороны в договоре производится с соблюдением как правил об уступке требования, так и правил о переводе долга» [14, с. 494].

На практике случаи замены стороны по договору встречаются довольно часто. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский рассматривают замену стороны в качестве специального случая изменения договора. Основания для замены могут быть самыми различными. С.К. Соломин пишет: «Среди оснований, предусмотренных законом, выделяется универсальное правопреемство, которое имеет непосредственное значение для динамики отдельных обязательств с точки зрения замещения лиц как на стороне кредитора, так и должника» [19, с. 26–33]. И если в случае с универсальным правопреемством не возникает ни-

каких дополнительных вопросов, то в остальных случаях необходимо быть предельно внимательными, поскольку наличие всего лишь одного из соглашений об изменении стороны в договоре может говорить о желании участников «обойти» требования закона.

Необходимо заметить, что существенным моментом является указание на то, что замена стороны в договоре должна производиться с соблюдением правил об уступке требования и о переводе долга.

Дела о признании недействительными соглашений о замене стороны в договоре периодически становятся предметом судебных разбирательств. Так, по одному из дел в удовлетворении иска о признании недействительным дополнительного соглашения о замене продавца по контракту в связи с нарушением запрета на заключение сделок дарения между юридическими лицами отказано, поскольку возмездность спорного соглашения презюмируется в силу пункта 3 статьи 423 Гражданского кодекса РФ, цена переведенного долга может быть определена исходя из условий договора [16]. Исход дела именно таков, поскольку истец не представил доказательств того, что соглашение о замене стороны было именно безвозмездным. При наличии подобных доказательств, с учетом того, что к безвозмездным соглашениям, лежащим в основе уступки права (требования) применяются положения ГК РФ о дарении, а в частности о запрещении дарения между коммерческими организациями, отсутствие встречного предоставления, безусловно, явилось бы основанием для признания сделки недействительной. Здесь необходимо подчеркнуть, что недействительной будет признана именно та сделка, которая лежит в основании уступки. Таким образом, последствия недействительности такой сделки применимы к отношениям между цедентом и цессионарием, не затрагивая при этом должника, который, возможно, к этому времени уже произвел исполнение цессионарию.

Безусловно, введение статьи 392.3 в ГК РФ для практики очень важно, однако представляется не вполне удачной формулировка, используемая законодателем в ее названии – «передача договора».

Вполне можно согласиться с формулировкой «передача предприятия», как это имеет место в ст. 563, 658 ГК РФ, поскольку в данном случае речь идет о передаче предприятия как объекта гражданских прав.

Учитывая же тот факт, что в контексте норм ГК РФ договор рассматривается как сделка, то есть действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанно-

стей, термин «передача действия» представляется не вполне корректным. Действие непосредственно связано с субъектом, его осуществляющим, и в этом смысле неотделимо от него. Более того, передача чего-либо предполагает полную замену лиц, обладающих объектом передачи. В нашем же случае речь идет о том, что передачу осуществляет лишь одно лицо, владеющее объектом передачи, в то время как у последнего два обладателя (две стороны договора). И в данном контексте формулировка «приобретатель договора», используемая авторами комментариев к вновь введенной статье [9, с. 269], согласитесь, звучит как-то юридически неграмотно.

Как вышеназванная статья, так и другие изменения и дополнения, внесенные в главу 24 ГК РФ, заимствованы разработчиками из Принципов УНИДРУА.

Но, на наш взгляд, более точны в формулировках разработчики Модельных правил европейского частного права [21]. И хотя данные правила представляют собой не что иное, как научное издание, они имеют большое практическое значение для тех государств, которые разрабатывают новые либо совершенствуют существующие кодексы. Ведь они составлялись путем проведения большого сравнительно-правового анализа нормативных актов, регулирующих частно-правовые отношения различных европейских государств. Так, раздел 3 Правил посвящен «Transfer of contractual position», что в переводе на русский язык означает – Передача места в договоре. Собственно, и в содержательной части раздела речь идет о замене стороны в договоре. Здесь так же, как и в ГК РФ, предусмотрено, что в части передачи прав к отношениям применяются положения раздела, регламентирующие уступку прав, а в части возложения обязанностей – о замене должника.

И еще более нелогичным видится расположение норм о договоре (передача договора) в разделе, посвященном обязательствам.

С учетом всего вышеизложенного, представляется целесообразным внести следующие изменения и дополнения в ГК РФ.

1. Дополнить главу 24 ГК РФ параграфом 3 «Уступка требований и перевод долга по взаимным обязательствам» и следующими статьями:

Ст. 392.2 «Если иное не предусмотрено соглашением сторон уступка прав (требования) в котором каждая из сторон является и кредитором и должником (взаимное обязательство) не влечет перевода соответствующих обязанностей, лежащих на cedente. Для перевода

таких обязанностей необходимо совершение сделок по переводу долга».

Ст. 392.3 «Уступка всех прав (требований) и перевод всех обязанностей, принадлежащих цеденту на основании обязательства, возможна с соблюдением правил об уступке прав (требования) и о переводе долга».

2. Дополнить п.1 ст.450 ГК РФ (Основания изменения и расторжения договора) абзацем следующего содержания: «В случае замены стороны договор считается измененным с момента заключения соглашения в соответствии с требованиями статьи 392.3 настоящего кодекса».

3. Изложить п.2 ст.308 ГК РФ в следующей редакции: «Если каждая из сторон по обязательству несет обязанность в пользу другой стороны, она считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать (взаимное обязательство)».

При решении вопроса о различии в регулировании сделок по передаче одного права (требования) и всей совокупности прав и обязанностей, составляющих содержание структурно-сложного обязательства, возникает второй, не менее важный вопрос, требующий рассмотрения.

Если путем совершения уступки всех прав (требований) и перевода всех обязанностей одновременно с переменой лица в обязательстве происходит и замена стороны в договоре, необходимо учитывать и существующие особенности правосубъектности измененной стороны. К примеру, если все свои права и обязанности по кредитному договору уступил банк, то лицо, вновь приобретшее всю совокупность прав и обязанностей и ставшее стороной кредитного договора, должно подчиняться требованиям, которые изначально предъявлялись к банку как специальному субъекту. В противном случае, подобную схему можно будет использовать в качестве ухода от требований закона, предъявляемых к специальным субъектам гражданских правоотношений (например, требование о наличии лицензии).

Учитывая существование на протяжении продолжительного периода времени кардинально противоположных точек зрения относительно возможности (невозможности) уступки прав (требования) по потребительским кредитам банком коллекторскому агентству, представляется целесообразным включить соответствующую норму в законодательство, регулирующее кредитную деятельность.

А именно, дополнить п. 1 ст. 12 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О потребительском кредите (займе)» [18] абзацем следующего содержания: «При уступке кредитором всех прав (требований) и переводе всех обязанностей по договору потребительского кредита (займа) третье лицо должно иметь специальное разрешение (лицензию), выданное Центральным банком РФ (Банком России)».

Напомним, автор предлагает включить данную норму только в отношении случая полного изменения стороны в договоре.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить положительную динамику развития законодательства о перемене лиц в обязательстве.

Однако залогом успешной реализации поставленной задачи является ее грамотное, логичное формулирование, не допускающее двойного толкования и скрытого подтекста. На наш взгляд, именно некорректная формулировка п. 4.2.6 Концепции привела к появлению соответствующей нормы в ГК РФ. Думается, что в процессе применения данной нормы, с учетом научной проработки вопросов, связанных с передачей всех прав и перевода всех обязанностей, правовое регулирование будет скорректировано.

Список литературы

1. *Александров Н.Г.* Некоторые вопросы учения о правоотношении // Труды науч. сессии ВИЮН. 1–6 июля 1946 г. М., 1948.; *Ломидзе О.* Переход обязательственных прав: общее правило и исключения // Российская юстиция. 2000. № 9.

2. *Алексеев С.С.* Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М., 1959.

3. *Белов В.А.* Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий) // Закон. 2014. № 9.

4. *Белов В.А.* К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4.

5. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1.

6. *Бычков А.И.* Реституционное обязательство в гражданском обороте // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 7.

7. *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1996. № 11.

8. *Витрянский В.В., Суханов Е.А.* Основные проблемы частного права: сб. статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010.

9. *Гражданский кодекс Российской Федерации*: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / Е.В. Вершинина, А.А. Вишневский, Б.М. Гонгалло и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014.

10. *Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 г. № 120* // СПС КонсультантПлюс.

11. *Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации* (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

12. *Кулаков В.В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М.: Изд-во РАП, 2009.

13. *Модельные правила европейского частного права* / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013 // СПС КонсультантПлюс.

14. *Новоселова Л.А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003.

15. *Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.03.2015 № Ф07-746/2015* по делу № А66-11308/2014.

16. *Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2015* по делу № А21-8248/2014.

17. *СЗ РФ*. 1999. № 28. Ст. 3493.

18. *Собрание законодательства РФ*. 23.12.2013. № 51. Ст. 6673.

19. *Соломин С.К.* Основания прекращения обязательства, связанные с отпадением его сторон // *Власть закона*. 2014. № 2.

20. *СПС КонсультантПлюс*.

21. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Т. II.

22. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005; *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. 2-е изд. СПб., 1901; *Синайский В.И.* Русское гражданское право.

М., 2002; *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 2. Обязательственное право. 3-е русское изд.
М., 1911; *Новицкий И.Б., Луиц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950.

*Канищев В. П.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и
истории права и государства
ЦФ РГУП, г. Воронеж,*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ПРИНЦИПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

В современных условиях международное право и глобализация оказывают решающее влияние на национальное право государств.

Ключевые слова: глобализация; международное право; национальное право.

Международное право и глобализация оказывают активное влияние на все стороны правовой системы фактически любой страны, на ее статистические и динамические элементы. Наиболее наглядно это проявляется при анализе нормативной базы Российской Федерации, в которой под влиянием международного права и глобализационных процессов сформировались целые отрасли и институты права и законодательства. Среди них – космическое, атомное, информационное и экологическое законодательство, уголовно-правовые институты борьбы с хакерством, торговлей людьми, незаконной миграцией и другие.

Существенный интерес с научной и практической точек зрения представляет анализ отражения и нередко противопоставления в этих формирующихся структурных частях нормативной базы страны публичных и частных интересов как на национальном, так и на международном уровнях.

Об этом, в частности, свидетельствуют не слишком успешные и едва ли полезные для общества попытки переориентации Лесного и Водного кодексов Российской Федерации с природоохранительной функции на чисто хозяйственную деятельность. Другой пример – знаменитый Киотский протокол, призванный, по мнению подписавших его государств, уберечь атмосферный воздух от загрязнения. И одновременно этот протокол допускает противоречащую этой цели торговлю квотами выбросов вредных веществ.

«Возрастание роли права в совершенствовании управления общественными процессами проявляется в дальнейшем расширении и

углублении правового регулирования», – утверждает Е.Г. Лукьянова [6, с. 85]. Эта тенденция, вызванная усложнением предмета правовой регламентации, характерна как для России, так и для всего мира. Расширение сферы правового регулирования связывается с распространением действия права как на совершенно новые, недавно возникшие области социальной действительности, так и на те из них, которые не находились в поле зрения российского законодателя.

Право современного государства должно учитывать в системе своих норм влияние научно-технического прогресса на все сферы общественной жизни: материальное производство, социальные, политические отношения, духовную сферу. В связи с этим «регулятивная роль права в управлении научно-техническим прогрессом принимает новый аспект» [7, с. 20]. Акценты сегодня должны смещаться в сторону развития ограничительной функции права, расширения охранительной подсистемы, направленной на ограничение вредных последствий научно-технического прогресса. Это особенно касается военных технологий, генетики, медицинской биологии, социальных последствий научно-технической революции.

Расширение сферы правового регулирования сопровождается другой тенденцией – углублением правового регулирования общественных отношений, более полным, конкретным и всесторонним их регламентированием. Законодательство становится более конкретным, четким и детализированным. Тенденция расширения и углубления правового регулирования общественных отношений повлекла за собой существенное увеличение количества нормативно-правовых актов на всех уровнях российского законодательства: федеральном, региональном и муниципальном.

В условиях глобализации существенные изменения претерпевают и динамические элементы правовой системы России: правотворчество, правореализация и правоприменение.

Определяя влияние глобализации на правотворчество и его результат, следует отметить, что законотворчество происходит в «разнообразных формах, различными путями и способами, в трех основных направлениях: на стадии правотворчества, в законодательстве и отражается в источниках права» [5, с. 15]. Меняются во многом мощностность и сила влияния на правотворчество различных фактов. Многократно возрастает роль экономического фактора, оттеснившего на второй план фактор политический. Почти незаметно воздействие на правотворчество социокультурного фактора: всё более противоречивой

становится роль в ходе правотворчества ценностно-психологического фактора; интернациональный (межнациональный) социальный фактор почти не взаимодействует с национальным.

Среди обеспечивающих факторов на первый план выходит «информационный, подменяющий во многих случаях, организационный» [1, с. 206–208] и т.д.

Изменения глобального характера экономических и политических структур в Российском государстве и их правовые основы, безусловно, опирались и опираются на опыт стран с рыночной экономикой. Многие правовые акты были подготовлены консультантами Российского правительства из стран Запада, хотя не все они практически реализуются. Новое рыночное законодательство при всей своей противоречивости позволило индивидам включиться в рыночные отношения, постепенно развивать гражданский оборот. Действие экономического фактора привело к тому, что была создана правовая основа для развития новой для России системы общественных отношений.

В сфере правореализации в условиях глобализации наиболее заметным новшеством следует считать рост значимости самого механизма претворения в жизни правовых норм и, соответственно, развитие, дифференциацию процессуального законодательства.

В начале третьего тысячелетия национальное содержание права во многом трансформируется. Характерной чертой происходящего является применение правового регулирования, которое выражается не только в сближении самого права, но и в практике его применения. Глобализация как макромасштабный и многоплановый процесс нарастания общего в мировых правовых системах на уровне правоприменения выражается во влиянии общепризнанных образцов правоприменительной деятельности и моделей её организации на внутригосударственную практику, что применительно к России является одним из факторов устойчивого развития российского общества.

Воздействие глобализационных процессов и международного права на внутригосударственную правоприменительную практику происходит несколькими путями. Первый путь – приведение в соответствие с международными стандартами правовых норм, регламентирующих правоприменительную деятельность и, прежде всего, охранительное правоприменение. Речь идёт о «значительном обновлении законодательной базы Российской Федерации в сфере процессуального регулирования» [8, с. 12]. В ходе проводимой в стране судебной реформы, направленной на повышение роли судебной власти в

обществе, совершенствование судопроизводства, повышение доступности правосудия, усиление судебной ответственности органов государственной власти и должностных лиц за соблюдение прав человека существенно обновлено уголовно-процессуальное, административное, гражданское, арбитражное процессуальное законодательство, сформирована и успешно функционирует система конституционной юстиции.

Второй путь влияния глобализационных процессов связан с непосредственным применением норм, принципов и прецедентов международного права в российской правоприменительной практике. И хотя эта форма интернационализации правоприменения находится еще в стадии становления, число дел, разрешаемых на основе норм и прецедентов международного права, увеличивается, что свидетельствует о необходимости ее глубокого изучения и обобщения.

В системе права России возникли новые процессуальные образования: отрасли, подотрасли и институты – арбитражное, исполнительное, судебно-конституционное право, налоговый процесс и другие. Расширяется предмет регулирования существующих процессуальных нормативных образований, в частности административного процессуального права. Наблюдается увеличение числа процедурно-процессуальных норм в финансовом, трудовом праве.

Под значительным воздействием идеологии глобализации, в особенности стереотипов, порождаемых потребностями развития неолиберальной глобализации экономики, оказывается правосознание россиян. При этом особенности влияния процессов глобализации на правосознание граждан нашей страны обуславливаются конкретно-историческими факторами развития и становления российского общества, его традициями и культурой, имеющими глубокие исторические корни.

Процессы протекают в правосознании на поверхностном уровне, но его глубинные духовно-культурные ценности, отражающие менталитет народа, остаются неизменными. Вместе с тем нельзя «нивелировать ценность правосознания при формировании новых правовых идей в процессе глобализации» [11, с. 89]. Однако здесь необходимо избежать того, что в геологии называется «псевдоморфозом» – кристаллизации в несвойственной форме. Так, например, через десятилетия коренных реформ в России стало очевидным, что уклад чужой жизни невозможно скопировать, уклад должен органически вытекать из традиции страны. Таким образом, главным недугом российской ментальности должно считаться неестественное отсутствие творческого вос-

питания своего собственного, неповторимого правосознания, имеющего прочные «корни» и традиции. Именно в силу того, что за период кардинальных реформ, осуществляющихся в стране за последние 20 лет во многом за счёт населения, правосознание членов общества, которых принято называть «простыми», «рядовыми» людьми, оказалось по уровню выше, чем правовое сознание реформаторских сил, наше общество и государство удержалось от абсолютного развала и утраты суверенности.

Опосредование правовыми нормами все более широкого спектра политических отношений в государстве и на международной арене свидетельствует о тенденции политизации права. Проблема соотношения права и политики существует давно. В западной юридической литературе, в конституциях и официальных документах много говорится о господстве права и правовом государстве. Однако реальная жизнь показывает, что в системе взаимоотношений права и политики верховенство в большинстве случаев оставалось за политикой. Утверждению демократического, открытого, предсказуемого и продуктивного характера политики, обеспечению контроля за деятельностью власти со стороны народа будет способствовать усиление регулятивной роли права в сфере политических отношений. Сегодня политика должна функционировать в правовом пространстве, а для этого необходимо четкое и детальное правовое регламентирование политических отношений. В этом поле российское право характеризуется явными пробелами и несовершенствами. В дальнейшем урегулировании, как показывает практика, нуждаются, в частности, избирательное право, законодательство о политических партиях и многие другие вопросы политического устройства России.

Необходимо также обратить внимание на такой факт, как усиление в российском праве и законодательстве тенденции демократизации и гуманизации. За прошедшие годы проделана огромная работа по реформированию всей системы российского законодательства, приняты важнейшие законодательные акты, отразившие отмеченные тенденции. Изменения коснулись в первую очередь конституционного права, что выразилось, как уже отмечалось, в развитии и углублении демократических принципов устройства и функционирования Российского государства, в провозглашении прав и свобод человека высшей ценностью, в создании механизмов их обеспечения и защиты.

Развитие международного публичного права свидетельствует о всевозрастающем и всестороннем международном регулировании

прав человека. Российская Федерация учитывает в своём законодательстве сформировавшиеся в XX веке международные стандарты прав человека, закреплённые во Всеобщей декларации прав человека, пактах о политических и гражданских, об экономических, социальных и культурных правах, международных конвенциях о защите тех или иных категорий граждан. Присоединение России к Европейской конвенции о защите прав человека, признание юрисдикции Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней ставит перед Российским государством задачу дальнейшего совершенствования законодательства с учётом прецедентов права Совета Европы.

Реформирование фундаментальной отрасли публичного права – административного права – связывается также с учётом в новом российском законодательстве стандартов, приоритетом которых является защита прав человека от произвола администрации, стабилизация управления, обеспечение его эффективности, судебный контроль за деятельностью всех без исключения субъектов исполнительной власти. «Нормы и институты административного права обретают новое содержание, ориентированное на создание действительных юридических механизмов и процедур, обеспечивающих реализацию и защиту прав и законных интересов граждан, их объединений в сфере организации и функционирования публичной администрации» [4, с. 53].

Наиболее заметные изменения, связанные с демократизацией и гуманизацией, произошли в отраслях процессуального права, что выразилось в усилении защиты прав граждан в уголовном процессе: введен институт обжалования в суде всех действий и решений органов предварительного расследования, судебного санкционирования некоторых следственных действий. Важными процессуальными достижениями является существенное расширение гарантий прав лиц, привлекаемых к административной ответственности. Усиливается линия конституционного принципа состязательности и равноправия сторон во всех видах процессов. Значительные изменения гражданского и арбитражного процессов имели целью повышение эффективности судебной защиты прав граждан и юридических лиц. Демократизация процессуального права выразилась также во введении институтов присяжных заседателей в уголовном процессе и арбитражных заседателей в арбитражном процессе [3, с. 15].

Установление оптимального соотношения в системе «государство – право – человек» неразрывно связано с задачей обеспечения безопас-

ности и самого государства как такового, и проживающих на его территории людей. Между тем криминализация, включающая распространение коррупции, обычной и организованной преступности, нередко смыкающей с терроризмом, – оборотная сторона и составная часть процессов глобализации в сферах технологии, политики, культуры. В этом смысле транснациональная преступность выступает как своеобразный вызов обществу со стороны глобализационного теневого бизнеса.

Активизировавшееся в мире экономическое, финансовое и торговое сотрудничество государств, глобальная научно-техническая революция, общепланетарное информационное пространство обуславливают необходимость участия государств в решении глобальных проблем, в укреплении мирового правового порядка. Однако, несмотря на позитивные моменты глобализации, имеется и ряд негативных черт. Резкий контраст между ростом капиталов американских предпринимателей и ухудшением экономического положения в странах третьего мира послужил причиной для мощного антиглобалистского движения во многих странах.

В таких условиях очевидна утопичность ожиданий позитивных сдвигов в мировой экономике с её жесткой конкуренцией, соперничеством отдельных корпораций и стран, наличием взаимоисключающих интересов. США заставляют третьи страны открыть свои рынки, а затем с помощью антидемпинговых средств препятствуют экспорту их товаров на американский рынок. Тем самым подрывается сама возможность скоординированного социально-экономического процесса.

Другим негативным проявлением глобализации является актуализация идей отказа от государственного суверенитета. Никакие глобальные интересы не могут вести к отрицанию верховенства государственной власти на своей территории. Государственный суверенитет – не архаизм прошлых эпох, а актуальная юридическая и политическая категория нынешнего времени, гарантия возможности для народа жить по своим обычаям, законам, религиозным и иным нормам. Лишь само государство может добровольно принять на себя обязательство определённого рода, что вытекает из суверенного права государства как члена международного общества.

Выводы криминологии указывают на прямую связь между глобализацией и правонарушаемостью: глобализация вызывает социальный протест, иногда принимающий преступные формы; порождает люмпенизацию и маргинализацию, создавая значительные массы мелких пра-

вонарушителей; обогащает арсенал способов и средств совершения преступлений; затрудняет поиск и обнаружение преступников, детерминирует организационные формы преступности.

Глобализация самым непосредственным образом связана с транснациональной организованной преступностью, способствует её активизации. Считается, что «транснациональная преступность есть детище глобализации» [2, с. 94]. Информационная революция и переворот в транспортных телекоммуникациях сделали легко доступным перемещение из одной страны в другую. «Наблюдается устойчивая тенденция роста транснациональных криминальных обществ» [9, с. 56].

Усиление террористической угрозы требует активного развития международной системы противодействия этому явлению. Очевидна необходимость возрождения идеи всеобщего права цивилизованного мира, которое в настоящее время может сыграть важную роль в недопущении воцарения террористического хаоса на планете. Это предполагает совершение таких юридически значимых действий, как сбор и оформление доказательств на территории других государств, производство ареста и исполнение решений иностранных судов.

В связи с особой значимостью информационных процессов представляется вполне своевременной постановка вопроса о гармонизации правового регулирования информационно-электронных технологий, с целью их планомерного использования в борьбе против террористической угрозы.

Ставится под сомнение возможность и необходимость создания мирового государства, в связи с чем необходимо отметить важность совместного действия государств в зоне их ответственности.

В рамках национальных государств, для обеспечения безопасности общества в условиях глобализации, политическая и правовая системы призваны функционировать солидарно, как нечто взаимосвязанное. «Симбиоз указанных начал на национальном уровне следует рассматривать в качестве естественной реакции общества на негативные составляющие процесса глобализации» [10, с. 108]. Так, по данным ВНИИ МВД РФ в настоящее время в России насчитывается 10 наиболее крупных преступных сообществ, в которые входят примерно 240 мелких организованных групп общей численностью свыше 5 тыс. участников. Самые большие из них распространили свою активность на 44 страны. Наблюдается устойчивая тенденция роста транснациональных криминальных сообществ. Глобализация способствует тому, что транс-

национальная преступность проникает в легальный бизнес, имеет доступ на выгодные рынки, находя уязвимые точки для проникновения на них и действуя в тех районах и странах, где чувствует себя относительно недостижимой для правоохранительных органов.

Необходимо отметить особую роль ООН в процессе сближения национальных правовых систем, что проявляется в принятии этой организацией значимых международно-правовых документов. Особое значение имеет Конвенция ООН против коррупции 2003 года и ряд рекомендательных документов, принятых по вопросу борьбы с коррупцией.

Данные документы носят системный характер, что отличает их от большинства актов аналогичного уровня, что неприемлемо для российской политической элиты. Среди причин такого неприятия положений Конвенции ООН можно назвать:

- фактическое вытеснение политической оппозиции, являющейся залогом независимого и активного гражданского общества, которое Конвенция рассматривает в качестве основного субъекта против борьбы с коррупцией;
- превращение средств массовой информации в пропагандистский инструмент власти, в результате чего СМИ в России едва ли способны выполнять отведенную им Конвенцией функцию выявления фактов коррупции.

Хотелось бы выразить надежду, что популяризация идей, заложенных в антикоррупционных актах международных организаций, может оказать благотворное влияние на процесс сближения российской правовой системы с системами стран Запада.

Сегодня Российская Федерация уже не стоит перед историческим выбором о признании ценностей западноевропейского либерализма в качестве универсальной политико-социальной модели. Россия в 2014–2015 годах приняла все вызовы современности. События на Украине и поведение США и их западных союзников по отношению к геноциду в ДНР и ЛНР показывают, что России необходимо строить свои государственность и право, в том числе опираясь на свои тысячелетние традиции, историю, свой исторический, культурный опыт. Необходимо выстраивать свою самобытную российскую модель с учётом современного международного права.

Список литературы

1. *Гаврилов О.А.* Курс правовой информатики: учебник для вузов. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 432 с.
2. *Иванец В.А., Червонюк А.Г.* Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8.
3. *Кашенов В.П.* О проблемах гуманизации уголовного законодательства при его обновлении // Журнал российского права. 2003. № 6.
4. *Князев С.Д.* Административное право: предмет, система, реформирование // Правоведение. 2002. № 5.
5. *Лапаева В.В.* Конкретно-исторические исследования в праве. М.: Юрид. лит., 1987. 144 с.
6. *Лукьянова Е.Г.* Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7.
7. *Пиголкин А.С.* Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.
8. *Поленина С.В.* Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3.
9. *Российское государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией:* материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 18–20 апреля 2001 г. Вып. 1. /ред. кол. В.И. Попов и др. Калуга: ГУП «Облиздат», 2001. С. 259.
10. *Щербакова Н.В.* Правовая система России в условиях глобализации// Государство и право. 2004. № 11.
11. *Щербакова Н.В.* Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции// Государство и право. 2004. № 12.

Королев Б. И.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФОРМ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена истории генезиса основных форм судебного процесса в России. История отечественного судопроизводства знает три формы процесса: обвинительно-состязательный, розыскной (инквизиционный), состязательный. Каждая из форм имела свои особенности, свои доказательства вины, которые соответствовали содержанию формы процесса. Статья представляет интерес для историков права и исследователей.

Ключевые слова: судопроизводство; форма процесса; обвинительный процесс; инквизиционный (розыскной) процесс; доказательства; «божий суд»; «повальный обыск».

Правда и милость да царствуют в судах!
Император Александр II

Истории уголовного преследования известны три типа, или формы судебного процесса: 1) ранний – обвинительный, частный; 2) средневековый – инквизиционный, государственный; 3) цивилизованный – состязательный. Они сменяли друг друга по социально-экономическим и политико-идеологическим причинам [16, с. 81]. Для раннего и средневекового права были характерны отсутствие разделения материальных и процессуальных отраслей права, суда от администрации, следствия от суда. Следствие и процесс по делам о преступлениях вели, кроме князя, бояр и общины, представители князя (вирники, метельники, мечники и другие) [15, с. 9, 10; 4, с. 85]. Чертой древнерусской традиционной системы права была идея примирения. Поэтому «тать» и потерпевший от небольшого хищения могли поладить между собой, а община способствовала примирению своих участников [11].

В Русской Правде впервые были закреплены нормы, ставшие содержанием обвинительно-состязательного процесса, который исто-

рически именовался «тяжебным» (действовал принцип презумпции виновности). Он начинался с обращения к феодалу («поклепа») истца в связи с преступлением (ст. 18 Пространной Правды) – нанесением последнему имущественного, физического или морального вреда («обиды»), с задержания вора или иного нарушителя на месте совершения преступления либо с его явки с повинной [15, с.11; 13]. Судебный процесс по Русской Правде проходил при активном участии сторон в форме состязания. Обе стороны назывались истцами, они пользовались почти одинаковыми судебными правами. Процессуальные действия производила сама заинтересованная сторона, без участия кого-либо из представителей власти. Потерпевший сам обязывался найти доказательства своего иска – свидетелей, или «поличное»; он сам должен был отыскать преступника. Если же ему в этом необходима была помощь, то он искал ее у соседей, свидетелей, заявляя о факте «обиды» (объявляя о преступлении). Истец сам вызывал на суд ответчика, и стороны договаривались о сроке, когда они предстанут перед судом. Наконец, и само исполнение судебного решения возлагалось на выигравшего процесс: кредитор должен сам устроить продажу должника, обиженный – сам осуществить расправу с обидчиком. Помощь княжеских чиновников была возможна, за нее они получали «продажу», штраф, в зависимости от цены иска [14, с. 29–32].

При судебном разбирательстве стороны доказывали свою правоту при помощи доказательств. В качестве свидетелей выступали «видоки» и «послухи». В литературе существует их двойное значение: видок – очевидец совершавшегося факта; послух – человек, свидетельствующий по слуху; или видок – свидетель, а послух – пособник, поручитель, на которого «послались» истец или ответчик [7, с. 126–127; 16, с. 642].

Если одна сторона не могла добиться признания другой стороны, то прибегали к разновидностям «божьего суда». «Божий суд» — способ выявления виновности человека, когда апеллировали от суда человеческого к суду божьему (религиозное представление, что истина может быть установлена вмешательством высшего существа). Формы божьего суда были различны: жребий, присяга, ордалии и судебный поединок. Ордалиями назывались испытания обвиняемого посредством огня, железа, воды. Пространная редакция Русской Правды упоминает об испытании водой и раскаленным железом (ст. 21, 22, 85, 87) [15, с. 11, 20–21]. При испытании ледяной водой обви-

няемого связывали веревкой и бросали в воду. Если он тонул, то считался невиновным. Цель ордалии – подтвердить обвинения, падавшие на такого человека, «добрую волю» которого никто не хотел свидетельствовать. Совершение преступления могло вообще не иметь свидетелей, и тогда «божий суд» оказывался единственным способом определить виновность или невиновность лица. Также использовали испытания причастием. Оно применялось преимущественно к обвиняемым духовного звания. Предполагалось, что на виновном оно должно отозваться неблагоприятно [9, с. 147]. В ст. 48, 49, 52, 115 Пространной Правды также говорится о присяге посредством крестоцелования. Другая разновидность божьего суда – судебный поединок («поле»). Победивший в поединке выигрывал дело, считалось, что бог помогает правому. В Русской Правде «поле» не упоминалось, но на практике оно применялось. Суд, взвешивая значение доказательств сторон, выносил словесное решение. Вторично жалоба не рассматривалась [15, с. 15–16, 25].

Разбирательство «обиды» делилось на ряд стадий: «заклич», «свод», «гонение следа». Исследователи расходятся в их оценке: одни называют их стадиями судебного, другие – досудебного процесса [3, 10].

«Заклич», публичное заявление о преступлении в местах скопления людей, сравним с возбуждением уголовного дела. «Свод» состоял в инициативном розыске потерпевшим вероятного преступника (ст. 11, 13, 14, 16 Краткой, ст. 32, 34 – 39 Пространной Правды). При обнаружении держателя похищенного имущества («поличного»), который указывал на человека, у которого он его приобрел, их «сводили» вместе, если предыдущий держатель тоже на кого-то указывал – вновь осуществлялся «свод», и так далее: до тех пор, пока не будет найден действительный похититель вещи [15, с. 5, 12–14; 10, 13]. Чтобы сократить сроки судопроизводства, Пространная редакция Русской Правды ввела в качестве ограничения принцип «до третьего свода». В ст. 5 Двинской Уставной грамоты (1398 г.) установлены десять сводов, пока не найдут вора (дело общины, без участия княжеского наместника) [1, с. 21].

В историко-правовых исследованиях XIX в. высказывались различные взгляды на свод. По мнению И.Ф.Г. Эверса, Ф.Л. Морошкина и Н. Дювернуа, свод – порядок производства по делам о восстановлении нарушенного права собственности. Ф.И. Леонтович полагал, что свод – порядок уголовного производства, «процесс по

татьябе». М.Ф. Владимирский-Буданов считал свод начальной стадией судебного процесса. С.П. Пахман, Н. Ланге, В.И. Сергеевич понимали под сводом очную ставку. В.И. Курдиновский же думал, что свод – особое юридическое явление, которое изменялось по мере развития самого судопроизводства в феодальном государстве. Советские ученые С.В. Юшков и М.А. Чельцов-Бебутов полагали, что под сводом необходимо понимать процесс, состоящий в отыскании истцом надлежащего ответчика [16, с. 634]. Некоторые ученые рассматривают свод как очную ставку. Историко-правовая наука не выработала единого понятия этого процессуального явления [3].

Третья стадия определялась как розыск преступника, который не был пойман на месте преступления, по оставленным следам (ст. 68 Пространной Правды): куда следы приведут или где теряются следы, там он и находится. Если след терялся на большой дороге или в степи, то розыски прекращались. Если след приводил к какой-либо соседской общине (верви), то члены этой общины обязаны были найти виновного и выдать его. А если члены общины не находили преступника или отказывались от поиска его, тогда считалось, что преступник находится именно в этой общине и она обязана возместить ущерб, уплатить штраф (ст. 3, 77 Пространной Русской Правды) [12, с. 69; 15, с. 9, 19].

Процесс по Псковской Судной Грамоте сохранил обвинительно-состязательный характер, но роль суда возросла, приобрела формальный характер. Вызов ответчика производился судом по официальной повестке («позовнице») через судебного пристава («позовника»). Если ответчик скрывался, то «позовница» обязан был «прочести на погосте грамоту пред попом». Позовникам запрещалось силой приводить истцов на суд, если же они применяли силу, то их должен был судить суд. Формализация затронула и систему доказательств: сохранился лишь «послух», как свидетель-очевидец и поручитель «доброй славы» тяжущихся сторон. Если послух не являлся на суд, говорил обратное тому, что доказывал его истец, то этот свидетель переставал быть свидетелем, а истец проигрывал суд (ст. 22). Суд имел право приговорить свидетеля к судебному поединку, равно как и истца с ответчиком. Грамота устанавливала возможность «пособничества», представительства интересов стороны. Закреплялась возможность найма бойца против послуха, при этом послух не имел возможности нанять себе бойца (ст. 21). Найм бойца разрешался, если истец был из духовенства, инвалидом, слишком старым, молодым, женщиной про-

тив мужчины (ст. 58). Если истцом и ответчиком являлись женщины – они не могли нанять бойца (ст. 119) [15, с. 27, 30, 34].

Формирование Российского централизованного государства, усиление власти царя и переход к абсолютизму, начало формирования крепостнических отношений привели к созданию государственной системы управления, важное место в которой занимала новая форма суда. Обвинительный процесс («суд») дополняется новым – розыскным, инквизиционным (следственным) или «розыском». Так, в Судебниках 1497 г., 1550 г. и Соборном Уложении 1649 г. сохранялись обе формы процесса.

Обвинительно-состязательная форма использовалась при ведении гражданских и мелких уголовных дел. Использовался широкий набор процессуальных документов: вызов в суд осуществлялся посредством «челобитной», «приставной» или «срочной» грамоты. В судебном заседании стороны подавали «ставочные челобитные», заявляя о своем присутствии. По решенному делу суд выдавал «правую грамоту», с выдачей которой иск прекращался. Широко использовались свидетельские показания (нельзя свидетельствовать против семьи); крестное целование (присяга в частных исках на небольшую сумму), «божий суд» (в форме судебного поединка – «поля» и присяги). Потерпевший или другой истец мог предъявить уголовный иск, а обвиняемый должен был оспорить и доказать его несостоятельность. Стороны имели право представлять документы и свидетельские показания, пользоваться услугами юристов. Если обвинение не подтверждалось, истец должен был «возместить ущерб, бесчестье и оплатить судебные издержки» (ст. 13 Судебника 1550 г.). Так, по Судебнику 1550 г. стадиями обвинительного процесса являлись: подача искового заявления – «челобитной» (в отношении любого, независимо от словной принадлежности; привлекали к ответственности мужчин с 14 лет, женщин с 12 лет); судебное разбирательство в судебном органе (с участием «добрых людей», составлением письменного протокола); вынесение приговора [17, с. 23].

Вторая процессуальная форма, розыскная (инквизиционная), применялась по серьезным уголовным делам (государственные преступления, убийства, разбой и др.). Термин «розыск» имел двоякий смысл: определенные процессуальные действия, направленные на установление истины и расследование обстоятельств дел; особая форма судебного процесса [2, с. 112, 160]. Сущность процесса заключалась в инициативном проведении расследования государственными органами

ми или должностными лицами, когда установление места нахождения преступника и меры по сбору доказательств поручалось должностным лицам судебных органов (по «завыжной» или «погонной грамотам», в которых содержалось предписание властям задержать и доставить в суд обвиняемого, обвинение предъявлялось судьей «по долгу службы»). Он мог возникнуть по инициативе судебного органа, доносу, но вся ответственность за его дальнейшее проведение целиком ложилась на эти органы. На смену непосредственности, гласности судопроизводства пришло тайное и преимущественно письменное рассмотрение дела, судеговорение было свернуто. Розыскные начала обнаруживаются еще в Псковской судной грамоте 1467 г., которая требовала обязательного участия представителя власти в расследовании дел о кражах [12, с. 46].

Чертами розыскного, инквизиционного процесса являлись: отсутствие прав у обвиняемого, отсутствие возможности состязания с обвинителем (подсудимый – объект процесса); слияние защиты с обвинением и разрешением дела, сосредоточение этих функций в руках одних и тех же лиц. Розыск применялся при рассмотрении наиболее серьезных уголовных дел, в том числе по политическим преступлениям. Его введение было обусловлено стремлением не столько найти истину, сколько быстро и жестоко расправиться с «лихими» людьми, т.е. опасными преступниками (разбойники, «душегубы»). «Лихой» человек – не только уличенный преступник, лицо неблагонадежное, с дурной славой, которое «облиховали» «добрые» люди, т.е. благонамеренные бояре, мнение которых заслуживало доверия, которые выступали свидетелями «доброй славы» («послухами», поручителями) [5, с. 175].

Становление розыскной формы процесса осуществлялось за счет совершенствования системы доказательств. Развивалась формальная оценка доказательств: преобладала количественная составляющая при представлении доказательств в суде; при рассмотрении доказательств учитывалось происхождение, статус и положение свидетелей; все доказательства делились на абсолютные (неоспоримые) и относительные (оспоримые), к первым относилось собственное признание, ко вторым – остальные. Основными видами доказательства вины являлись: а) «повальный обыск» – массированный допрос местного населения с целью выявить очевидцев преступления, провести процедуру «облихования»; б) поличное, изъятие вещественных доказательств «из-под замка»; в) личное признание под пыткой – спо-

соб «выявления истины» при розыске (по Судебнику 1497 г.); применение и продолжительность которой определялись «усмотрением судьи» (по Судебнику 1550 г.). В ходе разбирательства особую роль играли допросы и очные ставки; отыскание поводов для применения пытки – цель сбора доказательств. В Судебнике 1550 г. доказательством выступал опрос «добрых» людей, свободных людей, бояр (Ст. 12–13). Показаний двух свидетелей было достаточно для допроса под пыткой (ст. 25) [15, с. 42; 17, с. 23].

Повальный обыск – массовый опрос населения, иногда свыше ста человек, о факте преступления и личности преступника [8, с. 151]. По делу опрашивались все взрослые люди: кто совершал преступления, кто предоставлял разбойникам приют. Результаты повального обыска подсчитывались, и сторона, которая получала больше ответов в ее пользу, выигрывала дело. При повальном обыске не требовалось, чтобы опрашиваемое лицо было очевидцем. Достаточно, чтобы оно знало о происшедшем понаслышке или было убеждено в достоверности сообщаемого. Если подсудимого облиховали (обвинили) единогласно – приговор был смертным, если большинством голосов – преступника ожидало тюремное заключение на неопределенный срок, даже если он не признал своей вины. Одним облихованием суд не кончался, судьи добивались, чтобы сам подсудимый признавался в преступлении, ибо собственное признание считалось царицей доказательств. Облихованного пытали, заставляли выдать своих сообщников, признаться в других преступлениях (глава X Соборного Уложения 1649 г.) [15, с. 53–90; 5, с. 267]. Процедура «повального обыска» являлась условием для определения тяжести правонарушения [8, с. 194]. Признание подозреваемого «ведомо лихим человеком» обозначало особую опасность совершенного им преступления, а также личности самого виновного.

Тенденцией развития судебного процесса в XV – XVII вв. стало постепенное увеличение значения «розыска» в ущерб «суду», замена обвинительно-состязательной формы инквизиционной. При Петре I розыскной процесс был введен для уголовных и гражданских дел, господствовала формальная теория оценки доказательств. Указ от 21 февраля 1697 г. предусматривал отвод свидетелей, но только ответчиком. Не предполагалось возможности выставления свидетелей ответчиком, иначе возник вопрос об их отводе истцом. Права истца и ответчика неравны. При отсутствии свидетелей необходимо было личное участие сторон в принесении церковной присяги («у веры быть»). Указ говорил, что крест должен целовать только сам ответчик

[15, с. 138–139]. Указом «О форме суда» 1723 года обвинительная форма процесса была восстановлена для разбора гражданских и мелких уголовных дел [15, с. 204–205]. В XVIII – первой половине XIX вв. существовала сословная система судопроизводства, недостатками которой являлись взяточничество и волокита.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. установили современную состязательную форму судопроизводства, введя такие принципы правосудия, как состязательность, равноправие сторон, выборность, несменяемость судей, бессловность и гласность судебного процесса. Важным звеном правосудия, наряду с судом присяжных, прокуратурой и адвокатурой, стал мировой суд, призванный разгрузить общие суды [15, с. 239–244]. В современной России заимствована дореволюционная состязательная форма судопроизводства, основанная на указанных принципах.

Список литературы

1. *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.* Т. III. М., 1964.
2. *Амплеева Т.Ю.* По Закону Русскому. М., 2006. С. 160; *Амплеева Т.Ю.* Розыскной процесс в Московском государстве // *Закон и право.* 2007. № 2.
3. *Бобровский О.В.* Досудебный процесс по Русской Правде // *Право и политика.* 2007. № 9.
4. *История органов внутренних дел* / под ред. Р.С. Мулукаева. М., 2004.
5. *История отечественного государства и права.* Ч. 1: учебник / под ред. О.И. Чистякова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007.
6. *Кармановский М.С.* Развитие русского уголовного законодательства в XV – XVII веках // *История государства и права.* 2008. № 5.
7. *Колоколов Н.А.* История российского правосудия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
8. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. История. Документы. В 6 томах. Т. 1: Начало формирования судебной власти. М.: Мысль, 2003.
9. *Момотов В.В.* «Божий суд» Средневековья глазами современника // *Правоведение.* 2002. № 5 (244).

10. *Мухаметшин А.Ф.* Правовые основы раскрытия и пресечения преступлений на Руси (X – XVI вв.) // История государства и права. 2010. № 3.
11. *Назарова Н.Л.* Вопросы юридической оценки хищения чужого имущества в России: исторический аспект // История государства и права. 2008. № 10.
12. *Российское законодательство X – XX вв.* В 9 томах. Т. 1. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984.
13. *Перякина М.П.* Институт очной ставки: история развития и современное состояние // История государства и права. 2007. № 13.
14. *Рубаник В.Е.* Суд в Древней Руси: этапы формирования и некоторые проблемы изучения // История государства и права. 2012. № 20.
15. *Хрестоматия по истории государства и права России:* учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
16. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Альфа; Равенна, 1995.
17. *Чернявская Т.А.* Законодательные памятники России до 1917 года. Судебник 1550 года: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. юрид. ин-та МВД РФ, 1998.

Краснова И. Ю.,
преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАВА

Статья посвящена исследованию вопросов появления и развития в юридической литературе понятия «конкретизация права». Данное понятие рассматривается с различных позиций через призму видов юридической деятельности.

Ключевые слова: конкретизация; правовая определенность; правотворчество; правоприменение; толкование.

В переводе с латинского «конкретизировать» означает «давать конкретное выражение чему-либо, уточнять что-либо» (*лат.* — *concretus* «твёрдый, густой»; *concrecere* «срастаться, уплотняться, сгущаться, твердеть») [7].

В научной литературе достаточно давно проводятся исследования, посвященные конкретизации права. Одним из основоположников данного понятия является дореволюционный ученый Н.А. Гредескул, который рассматривал конкретизацию права в процессе его реализации, а также впервые предложил разграничивать понятия конкретизации и толкования правовых норм [4; 5]. Гредескул писал: «...Распознавание права *in concreto* есть особая и в высшей степени важная фаза в жизни права... это критический этап на пути права от отвлеченной формулы к его практическому осуществлению или воплощению в жизнь» [5, с. 15–16].

В период с 60-х годов XX века и по сей день в юридической науке ведутся споры относительно понятия, юридической природы, значения, а также форм и видов конкретизации права. Однако в должной мере проблемы конкретизации права до сих пор не изучены ни на теоретическом, ни на практическом уровне, что требует проведения комплексных исследований в данной сфере.

На сегодняшний день в законодательстве отсутствует дефиниция «конкретизация права», что порождает дискуссии среди ученых-юристов относительно определения данного понятия.

Для более глубокого изучения сущности исследуемой категории необходимо обратиться к вопросу конкретизации права в процессе

различных видов юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной).

Правотворческая конкретизация признается фактически всеми учеными. Конкретизация юридических норм в процессе правотворчества проявляется в деятельности управомоченных органов и лиц, наделенных соответствующими нормотворческими полномочиями.

А.Ф. Ноздрачев рассматривает конкретизацию исключительно в процессе правотворчества и определяет ее как родовое понятие, означающее установление предписаний, разъясняющих или развивающих исходные нормы законов и подзаконных актов, и направленное на такую регламентацию общественных отношений, при которой достигается полнота регулирования, единство правового опосредования общественных отношений определенного вида [13, с. 14].

О возможности конкретизации правовых «нормативов общей регулятивной значимости» в процессе правотворчества, но не в процессе применения права говорит Г.Т. Чернобель [19, с. 51–52].

Рабинович И.М. и Шмелева Г.Г., объясняя необходимость правотворческой конкретизации, пишут: «Издание указанными органами актов конкретизирующего правотворчества обусловливается высокой степенью обобщенности и абстрактности норм, содержащихся в законах и иных нормативных актах, и, как следствие, невозможностью реализации таких норм без предварительной общеобязательной конкретизации их элементов» [16, с. 33].

В.М. Баранов и В.В. Лазарев, говоря о конкретизации в рамках правотворчества, приводят в пример делегированное правотворчество, когда закон конкретизируется подзаконным актом [1, с. 21].

Наиболее же дискуссионной и обсуждаемой среди исследователей является проблема конкретизации права в рамках иных видов юридической деятельности.

Значительное число ученых утверждает, что помимо правотворческой конкретизации возможна конкретизация в процессе правоприменения.

Так, Н.А. Гредескул в своем труде «Современные вопросы права» ведет речь о том, что реальной целью и истинной функцией суда является распознавание права, а именно распознавание *inconcreto*. Однако в то же время юрист-цивилист не ограничивает процесс конкретизации исключительно деятельностью судов, но допускает участие в нем иных субъектов, реализующих правовые нормы:

«...распознавание права *in concreto* есть, во-первых, чисто интеллектуальный процесс, совершаемый вовсе не в одних судах и потому допускающий и требующий независимого от судебной обстановки исследования...» [5, с. 15].

Зейдер Н.Б. рассматривает конкретизацию как придание праву максимальной определенности в процессе правоприменительной деятельности, а в частности акцентирует внимание на преобразовательном значении судебных решений, которыми конкретизированы права и обязанности спорящих сторон по гражданским делам [9, с. 92].

Более узкое понимание категории конкретизации предложено К.И. Комиссаровым, который считает, что «она является только способом применения особого рода правовых норм, которые можно бы назвать ситуационными, и ограничивается сферой субъективных прав и обязанностей участников правоотношений, ставших предметом судебного рассмотрения» [11, с. 51]. Следует заметить, что такое понимание сводит процесс конкретизации права исключительно к сфере гражданского судопроизводства, что, на мой взгляд, является неправомерно зауженным.

Относительно возможности судебной конкретизации высказывается Лазарев В.В., полагая, что конкретизацией норм суды привносят в судебное решение новый элемент (в отличие от толкования права), новое установление, которое отсутствует в самом нормативном акте, хотя и не выходит за его рамки [12, с. 105].

Вопленко Н.Н. стоит на позиции возможности как правотворческой, так и правоприменительной конкретизации, в процессе которых «выражаются максимальная определенность и полнота смысла правовых норм, ставших возможными в результате использования средств толкования, детализации, уточнения или развития отдельных элементов норм в целях наиболее точного и полного правового урегулирования» [3, с. 25]. Однако ученый указывает на то, что конкретизацию в процессе правоприменения прежде всего необходимо рассматривать через призму толкования права, а не создания новых правовых норм органами, многие из которых не уполномочены на это (в частности, судебные органы – *И. К.*), так как это приводит к смешиванию правотворческой и правоприменительной функций [3, с. 20–21].

Некоторые исследователи рассматривают конкретизацию права как свойство правового регулирования.

Черданцев А.Ф. представляет конкретизацию присущей разным уровням правового регулирования и находит возможным использова-

ние конкретизации в сфере правотворчества, а также в процессе правоприменения и толкования права. Автор полагает, что «конкретизация в правоприменении состоит в индивидуализации – переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера, относящегося к индивидуальным (единичным), персонально определенным субъектам как участникам конкретного отношения, действующим в конкретной ситуации» [18, с. 35].

Разделяя данную позицию, Н.А. Власенко определяет конкретизацию как объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также неопределенности нормы права в связи с появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора [2, с. 71–72].

Схожим образом дает определение рассматриваемой категории В.К. Самигуллин: «Конкретизация права – это свойство правового регулирования, проявляющееся в детализации содержания централизованных юридических предписаний определенными, допускаемыми законодателем, средствами (например, локальными нормами права, правоположениями, индивидуальными актами), с тем, чтобы обеспечить оптимальное (эффективное) регулирование общественных отношений с учетом их качественной специфики» [17, с. 19].

В юридической литературе встречаются и иные подходы относительно сущности конкретизации.

Пиголкин А.С. в своей монографии «Толкование нормативных актов в СССР» пишет о том, что конкретизация происходит в процессе толкования, в частности, путем нормативного разъяснения правовых предписаний. Автор, по сути, отождествляет данные понятия. Ученый разделяет точку зрения, согласно которой, так называемые нормативные разъяснения содержат такие положения, которые уточняют и конкретизируют предписания, сформулированные в нормативном акте [15, с. 120]. Таким образом, в процессе нормативного разъяснения, в том числе посредством конкретизации смысла нормы права, новое правило поведения не создается.

В более поздней работе ученый разграничивает выработку конкретизирующих положений, которые «представляют собой самостоятельные нормы в общих пределах действия закона», они развивают и детализируют положения нормативного акта и нормативное толкование. Под последним автор понимает такую конкретизацию,

которая связана с разъяснением уже имеющейся нормы и состоит в объяснении и уточнении ее смысла, детализации ее содержания строго в рамках самого предписания [14, с. 70]. Исходя из определения, можно заключить, что толкование в данном случае рассматривается как форма конкретизации. Согласно указанной позиции, автор считает невозможным признание за нормативным толкованием правотворческой функции ввиду отсутствия соответствующих полномочий у органов, осуществляющих данное толкование.

Более широкого подхода придерживается Карташов В.Н., который рассматривает конкретизацию в рамках юридической практики, соотнося их как часть и целое. В соответствии с этим автор выделяет конкретизацию в интерпретационной, правосистематизирующей, судебной, договорной, других разновидностях юридической практики, понимая под последней деятельность по изданию (толкованию, реализации, систематизации и т.п.) юридических предписаний [10, с. 69].

Несмотря на разнообразные взгляды относительно исследуемого вопроса, очевидно, что бесспорным является признание правотворческой конкретизации как процесса создания новых юридических норм, так как только правотворческие органы обладают полномочиями в данной сфере.

Однако некоторые исследователи не отождествляют процесс конкретизации с созданием новых норм, развивающих первоначальные предписания, а рассматривают их как индивидуализацию конкретного правила применительно к отдельному обстоятельству, факту или их совокупности [8, с. 44–45].

Данный подход представляется спорным ввиду того, что в случае конкретизации путем «индивидуализации правовой нормы» происходит смешивание правового и индивидуального регулирования общественных отношений.

В связи с этим представляется верной позиция В.В. Ершова, который разграничивает конкретизацию права как процесс выработки на основе абстрактного, менее определенного права более конкретного и определенного, но тоже права, и «индивидуализацию права», наделение «персонально-субъективными правами и обязанностями участников правоотношений» [6, с. 47].

На основании вышеизложенного стоит согласиться с определением, выработанным Ершовым В.В., который рассматривает конкретизацию права как объективный процесс восхождения от абстрактного, не-

определенного права к более конкретному, определенному, но также праву, характеризующемуся выработкой управомоченными правотворческими органами и лицами более детальных, уточненных и т.д. прежде всего принципов и норм права в иных формах международного и (или) национального права, имеющих меньшую юридическую силу и реализующихся в государстве [6, с. 51].

Список литературы

1. *Баранов В.М., Лазарев В.В.* Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы междунар. симпозиума, Геленджик, 27–28 сентября 2007 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2008.

2. *Власенко Н.А.* Методологические основы исследования конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во РГУП, 2015.

3. *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. М., 1976.

4. *Гредескул Н.А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование. Харьков, 1900.

5. *Гредескул Н.А.* Современные вопросы права. Харьков, 1906.

6. *Ершов В.В.* Конкретизация права: теоретические и практические проблемы // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Международной науч.-практ. конф. М.: Изд-во РГУП, 2015.

7. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 19.02.2015).

8. *Залоило М.В.* Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6.

9. *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966.

10. *Карташов В.Н.* Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы междунар. симпозиума, Геленджик, 27–28 сен-

тября 2007 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2008.

11. *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4.

12. *Лазарев В.В.* Применение советского права. Казань, 1972.

13. *Ноздрачев А.Ф.* Нормативные акты министерств и ведомств СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.

14. *Пиголкин А.С.* Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения. // Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1998.

15. *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.

16. *Рабинович И.М., Шмелева Г.Г.* Конкретизация правовых норм: Обще-теоретические работы // Правоведение. 1985. № 6.

17. *Самигуллин В.К.* Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение норм советского права: сб. статей. Свердловск, 1974.

18. *Черданцев А.Ф.* Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: сб. ученых трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та. 1974. Вып. 30.

19. *Чернобель Г.Т.* Закон и подзаконный акт // Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1998.

*Маликова Н. Р.,
доктор социологических наук, профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова,
г. Москва*

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ПРАКТИКАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматривается вопрос «двойных стандартов» в практиках применения международного права. Дискредитация и наличие «двойных стандартов» стали инструментом не юридического, а скорее идеологического обеспечения национальных, корпоративных и даже частных интересов. Требуется осуществление мониторинга структурами ООН, ОБСЕ, эффективное обеспечение социального контроля в области прав человека, неукоснительного соблюдения норм, основополагающих принципов международного права.

Ключевые слова: международное право; двойные стандарты; принципы международного права; нормы международного права; международная правовая ответственность.

«Dura lex, sed lex» VS «Pacta sunt servanda»

Социально-нормативная регуляция международного взаимодействия осуществляется в рамках современного международного права. Согласно статье 38-ой Статута Международного Суда, источниками современного международного права являются:

- международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, признанные государствами;
- международный обычай, как доказательство всеобщей практики, признанный в качестве правовой нормы;
- общие принципы права, признанные цивилизованными нациями.

Согласно ст. 59 Статута Международного Суда, в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм привлекаются судебные решения и экспертные заключения наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций. Однако насколько соблюдается паритет, объективные критерии приглашения экспертов в области международного права, в частности из России? Если, начиная с Нюрнберга, а затем и в 50-е, 60-е, 70-е годы XX века участие советских/российских юристов в разработке международного права

было значимым и весомым, то практика последних двух десятилетий минимизировало практику представительства РФ.

Как известно, различают международное публичное право и международное частное право. Наше внимание обращено к практике применения «двойных стандартов» международного публичного права. Однако, и правоприменительная практика, связанная с взаимодействием на международной арене отдельных лиц, корпораций, неправительственных организаций, регулирующая транснациональную торговлю, обмен информацией, международный туризм и другие сферы социально-экономической деятельности, как показывают актуальные примеры применения режима антироссийских санкций, обусловили дискредитацию и международного частного права.

Попытаемся дать определение политике «двойных стандартов». Следует оговориться, что объективных оснований для этого вряд ли можно отыскать, если одни и те же либо аналогичные действия, события, оцениваются субъективно. Под «двойными стандартами» понимаются произвольность формирования обвинений в нарушении международных норм, принципов, конвенций, обязательств, «попрании общечеловеческих ценностей», «нарушении прав человека», «отступлении от норм международного права», в отношении одних акторов международных отношений, при последовательном и демонстративном игнорировании аналогий в действиях собственной стороны, реальных и потенциальных союзников.

Важнейшим, вытекающим из идеи суверенитета принципом международного права является принцип суверенного равенства государств, независимо от территории, населения, военной, экономической мощи. Все обладают одинаковыми правами, в соответствии со ст. 2, п. 1 Устава ООН. Суверенитет лежит в основе и других принципов международного права – нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела. К принципам международного права относятся также принцип мирного разрешения международных споров, принцип неприменения силы или угрозы силы, принцип сотрудничества. Все они зафиксированы в Уставе ООН, Декларации и других международных документах. Разрешение споров на мировой арене может происходить либо путем переговоров и посреднических процедур с участием или без участия третьей стороны, либо путем судебных процедур.

Общеизвестно, что впервые Международный Суд был создан в 1945 году, как Нюрнбергский трибунал. Судебный процесс был осуще-

ствлен над нацистскими главарями, по приказу которых происходили преступления против человечества и человечности. Аналогичный Международный военный трибунал для Дальнего Востока был образован в январе 1946 года.

Сегодня местонахождение Международного суда как транснационального судебного органа ООН определено в Гааге. Он состоит из 15 судей, которые избираются членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН абсолютным большинством голосов на девять лет. Каждые три года состав судей обновляется на одну треть. Порядок избрания судей предусматривает преемственность. Они могут быть из любой страны, которая является членом ООН, при этом все пять постоянных членов Совета Безопасности представлены судьями. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН могут запрашивать заключения Международного Суда, который приступает к рассмотрению спорных дел только при согласии на это самих государств.

Существует и ряд региональных международных судов. Один из них – Европейский Суд по правам человека при Совете Европы в Страсбурге. Он действует на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 году, рассматривает жалобы граждан стран-участниц в случае нарушения их прав. В 1993 году в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН, был учрежден Международный трибунал для бывшей Югославии в Гааге для судебного преследования тех, кто виновен в серьезных нарушениях международного гуманитарного права. Одним из последних международных судебных институтов стала организация Международного уголовного суда, который был учрежден по результатам конференции ООН в Риме (1998). В его компетенцию входит рассмотрение дел, связанных с геноцидом, нарушением прав человека. Однако принцип ротации и национального представительства судей не вполне четко определен.

Международное право регулирует сферу дипломатической деятельности. Кроме того, международное право большое внимание уделяло законам и обычаям войны. Устав ООН, статья 2, пункт 3, гласит: «Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международной мир и безопасность». Далее в четвертом пункте говорится о том, что все члены ООН «воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности, или политической незави-

симости любого государства, так и каким-либо другим образом». В то же время статья 51-я допускает право на самооборону, индивидуальную или коллективную. Статья 39 предоставляет Совету Безопасности право определять «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры следует принять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Статья 42-я, наделяет Совет Безопасности ООН правом «предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Для развития современной гуманитарной сферы международного права важны «Дополнительные протоколы 1977 года», принятые, в развитие положений известных «Женевских конвенций о защите жертв войны» (1949). Они направлены на защиту раненых, больных, военнопленных, а также гражданского населения во время вооруженных конфликтов. Участниками их разработки и реализации стали более 150 государств. Именно эти нормативные основания международного права подверглись последовательному подрыву путем латентного и явного распространения практик применения «двойных стандартов», вначале в процессе распада суверенного федеративного государства Югославии. Неправительственные организации («Эмнести Интернейшнл», «Мемориал») неоднократно выражали обеспокоенность демонстративным применением странами НАТО «двойных стандартов» в отношении курдского и косовского кризисов. Затем в ходе провоцирования «цветных революций» в арабском мире, в ряде государств СНГ осуществлялась односторонняя поддержка участников вооруженного противостояния. Страны Западной Европы, парламентарии ЕС приветствовали независимость Косова, референдум об отделении Черногории от Сербии и признали его результаты, однако категорически не желают признавать аналогичность референдумов в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Республики.

Когда где-либо осуществляется дискриминация по этническому, конфессиональному признаку, нарушаются фундаментальные права человека – сохранять свою культуру, пользоваться родным языком, право на свободу ассоциаций, право на свободное выражение своего мнения, свободу мысли и совести, тогда национальные движения обретают черты агрессивного сепаратизма, в ответ на применение силы развертывают партизанские вооруженные противодействия.

В международной политике практика оценок событий с позиции «двойных стандартов» ярко проявилась в ходе оценки августовских событий 2008 года, когда потерпела провал военная карательная операция правительства Грузии, возглавляемая М. Саакашвили, направленная против Южной Осетии и миротворческого контингента. Первоначально в «информационной войне» доминировала жесткая антироссийская риторика, с подачи администрации президента США. Затем независимые международные наблюдатели, представители неправительственных организаций, европейские парламентарии и журналисты убедились воочию и признали, что в отношении Южной Осетии наглядно продемонстрировано применение двойных стандартов. Для меня же это было особенно понятно и очевидно, так как на протяжении семи лет была членом Российской части СКК/Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта.

Неоднократно правительство Ирана высказывало сожаление по поводу резолюции, принятой Советом ООН по правам человека и направленной против страны, считая, что применение двойных стандартов по отношению к Тегерану преследует политические цели подрыва суверенитета. Повсеместна демонстрация отсутствия ориентации на универсалии международного права в практике применения «двойных стандартов».

После трагических событий террористической атаки 11 сентября под флагом организации широкой «антитеррористической коалиции» были осуществлены военные интервенции в ряде суверенных государств (Афганистан, Ирак, Ливия). Авиационные удары ВВС США по исламистам в Сирии, совершаемые без согласия Дамаска, по мнению авторитетного юриста, профессора Гамбургского университета Рейнхарда Меркеля, также противоречат международному праву.

По сути это вновь стало новым прецедентом дискредитации международного права, еще более незаконной внешней военной интервенции, нежели даже предпринятой НАТО так называемой «операции по принуждению к миру» в бывшей Югославии. Коль скоро подобный формат вмешательства не согласован с суверенным сирийским правительством, то в соответствии с пунктом 4-м, 2-й статьи Устава ООН очередное инициативное военное вмешательство, за которое так убежденно выступил президент Барак Обама перед конгрессом США, не может быть признано легитимным в рамках международного права. Тем более, что в течение предыдущих лет, руководствуясь практикой применения «двойных стандартов», соответствующие американские

силовые структуры поддерживали сирийских повстанцев, можно сказать, «вскормили» ИГИЛ, подрывая признанное международным сообществом законное суверенное государство Сирию. Обвинения в авторитаризме Башара Асада, равно как и аналогичные претензии в адрес экс лидеров Ирака и Ливии, также не могут служить оправданием американского военного присутствия в регионе.

Давайте вспомним слова канцлера ФРГ г-жи А. Меркель в отношении главы Сирии: «Кто обстреливает и бомбит свой народ, теряет всякую легитимность». Отчего же подобная формальная логика не относится к действиям президента Украины П. Порошенко? – Оттого, что действуют «двойные стандарты» толкования в правоприменительных практиках международного права.

Логика применения «двойных стандартов» повторяется в интерпретации событий актуального регионального конфликта на Юго-Востоке Украины. Была полностью проигнорирована статья 33-я, главы IV Устава ООН – «Мирное разрешение споров»: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям иным мерам по своему выбору». Без попыток мирного решения накопившихся проблем, сразу после объявления результатов референдума, актов о самоопределении и провозглашении ДНР и ЛНР, вместо действенных мер по урегулированию конфликта, промайдановские киевские власти объявили регион зоной АТО – антитеррористической операции.

Однако попытки определить терроризм в рамках международного права во многом оказались безуспешными в деятельности ООН. Неопределенность понятия ведет и к трудностям при разработке правовой базы для борьбы с международным терроризмом. При всех разночтениях специалисты сходятся в одном – любая организация, которая делает «мишенью» гражданские объекты, является террористической по самой своей сути.

Коль скоро в Донбассе украинские военные широко применили артиллерию, боевую авиацию и тяжелую военную технику, блокаду ряда населенных пунктов, обстрел социальной инфраструктуры, жилых районов, школ, больниц, то тем самым те, кто отдавал приказы и руководил осуществлением карательных акций, сами подпадают под определение государственного террора.

Существует понятие международной правовой ответственности, закрепленное в международных договорах. Например, Устав ООН предусматривает ее за действия, связанные с нарушением международного мира и безопасности. В Декларации о принципах международного права, в соответствии с Уставом ООН, обращается внимание на то, что каждое государство обязано добросовестно выполнять международные обязательства. В случае противоречия между международным правом и национальным законодательством, возобладает приоритет международного права. Однако принцип суверенитета позволяет государству им пренебрегать. Поскольку международное право не регулирует внутреннее законодательство, то к такому государству могут применяться лишь политические и экономические меры воздействия, включая принятие резолюций ООН, санкции, осуждающие политический режим, который ограничивает права тех или иных групп. Парадоксально, но частичный режим международных санкций был применен не в отношении инициаторов АТО, а в отношении Российской Федерации, вообще не являющейся стороной конфликта, участвующей в оказании гуманитарной помощи гражданскому населению, продовольственной, медикаментозной, приему многотысячного потока беженцев, жертв конфликта.

Права человека, принцип самоопределения народов и наций, с одной стороны, и сохранение суверенитета, принцип невмешательства во внутренние дела, с другой – наиболее дискутируемые вопросы. Наиболее явно это проявилось в конфликте в Косове. Западные страны исходили из требований соблюдения прав человека, а потому и необходимости внешнего вмешательства, *гуманитарной интервенции*, со ссылкой на статью 55-ю Устава ООН. Однако спорным остается вопрос относительно степени возможного гуманитарного воздействия на другую страну. Одно дело – помощь медикаментами, продуктами питания, и совсем другое – введение вооруженных сил на территорию государства без его согласия.

Международное право развивается. В условиях глобализации, в связи с расширением взаимодействия между государствами в области культуры, образования, науки развитие и расширенное толкование получило международное гуманитарное право. Международное право является важнейшим инструментом стабильности международных отношений. Оно предполагает возможность обращения к моральной оценке тех или иных международных событий, действий с точки зрения ориентации на общечеловеческие ценности. Предполагается, что политиче-

ские лидеры должны руководствоваться и национальными интересами, и соображениями морали. Деятельность многих современных международных межгосударственных и неправительственных организаций основана не только на правовых нормах, но и на признании мировой общественностью силы воздействия моральных принципов.

Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины давно вышел за рамки внутреннего дела страны. Это значит, что урегулировать его без участия международных посредников вряд ли удастся. Минская встреча в феврале 2015 года еще раз наглядно продемонстрировала это. При исключении «двойных стандартов» в толковании международного права, ДНР и ЛНР, образованные в результате демократической процедуры проведения референдума, вряд ли можно рассматривать в качестве террористических организаций. Кстати, право граждан на проведение референдума по самоопределению гарантируется и Конституцией Украины. В рамках международного права именно они, а не Россия, должны представлять сторону конфликта, борющуюся за гражданские права населения. Участники боевых действий также определяются в контексте международного права комбатантами, но уж никак не транснациональной криминальной террористической организацией, угрожающей национальной и международной безопасности.

Воссоединение России с Крымом осуществлено было легитимно, в присутствии международных наблюдателей, которые могли убедиться в открытости, добровольности и действительно широкой общенародной поддержке сепаратизма, ирредентизма и свободного выбора, самоопределения национальной, государственно-гражданской идентичности. Но европейское общественное мнение было дезинформировано широкой пропагандой в СМИ «двойных стандартов» толкования основополагающих принципов международного права. Не свободными от эффектов массированного манипулятивного информационного воздействия оказались и некоторые представители научного сообщества. Так, например, в октябре прошлого года давний друг и коллега – социолог, встретил на международной конференции в польском городе Щецине сетованиями о нарушении международного права в связи с присоединением Крыма. На что последовал резонный ответ: «С каких это пор для либерала и демократа определяющим международно-правовым основанием субъектности Крыма стало давнее решение Политбюро ЦК КПСС, волюнтаризм передачи его от РФ – Украинской ССР по инициативе Н.С. Хрущева?».

Двойные стандарты в практиках применения международного права максимально проявились в трактовке права на самоопределение. Зачастую они осуществляются видными политиками США с позиции – *«тот прав, у кого больше прав, силы, ресурсов, влияния»*, видимо, слегка подзабывшими собственную историю. Гражданская война населения заокеанских английских колоний за независимость Соединенных Штатов Америки – наиболее яркий пример реализации права наций на самоопределение.

Семь десятилетий прошло со времен Ялтинской конференции, Нюрнбергского процесса, однако мир вновь сталкивается с дискредитацией международного права.

Главе МИД РФ С. Лаврову приходится призывать мировое сообщество оценивать происходящее как в Украине, так и в других регионах мира – последовательно, без двойных стандартов. «Двойные стандарты» в практиках применения международного права стали инструментом не юридического, а, скорее, идеологического обеспечения национальных, корпоративных и даже частных интересов.

Морально-этическими основаниями международного права стали идеи Гуго Гроция и Иммануила Канта. Они были переосмыслены в новейшее время и после второй мировой войны нашли свое отражение в Уставе ООН, конвенциональных нормах по защите прав человека и основных свобод, прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, в пактах об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах. Юристами, международниками была проделана огромная работа по концептуальному обеспечению Устава Организации Объединенных Наций, «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2675 (XXV) «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов» (1970). В разработке этих и многих иных документов участвовали лучшие юристы XX века. Отчего же масштабы избирательности, злоупотреблений в практике толковании, применения, прямых нарушений норм и принципов международного права становятся столь угрожающими?

Требуется осуществление мониторинга структурами ООН, ОБСЕ, эффективное обеспечение социального контроля в области прав человека, неукоснительного соблюдения норм, основополагающих принципов

международного права не только на уровне национальной юрисдикции, но и в Гаагском Трибунале. Как известно, Гаагский трибунал обладает правом обвинения и осуждения за преступления против человечности, нарушения Женевских конвенций 1949 года, законов ведения войны. Затягивание судебного разбирательства, предвзятость прокурорской позиции в отношении обвиняемых сербских руководителей, отказ им в доступе к эффективной медицинской помощи, односторонняя практика «закрытых обвинений» как оснований для ареста – для одной стороны. С другой стороны, практикуется не принятие к рассмотрению обращений о привлечении к ответственности за аналогичные действия ряда других политических деятелей.

К сожалению, дискредитация и наличие «двойных стандартов» в современных практиках применения международного права во многом обусловлена ослаблением дееспособности ООН в качестве универсальной международной организации, гаранта международного мира, глобальной и региональной международной безопасности. Укрепление международного права вновь требует солидарных усилий научного сообщества, с привлечением широких консультаций с общественностью, международными правительственными и неправительственными организациями.

Список литературы

1. *Маликова Н.Р.* Социальное измерение глобализации. М.: Изд-во РГГУ, 2012. Глава 7. С. 163–167.

2. *Меркель Р.* Эксперт: Авиаудары США по Сирии нарушают международное право // Взгляд. Деловая газета. 1 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/10/1/708277.html>

*Мареев Ю. Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой предпринимательского права
юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

РОССИЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: В НАЧАЛЕ ПУТИ

Статья посвящена анализу энергетического законодательства в РФ. По мнению автора, российское законодательство в этой части представляет собой совокупность разрозненных нормативных правовых актов различных уровней. Их изучение показывает отсутствие полноценного регулирования отношений в сфере энергетики на уровне федеральных законов и относительно полное регулирование на уровне подзаконных актов.

Автор приводит в качестве примера развитой нормативно-правовой базы в данной сфере энергетическое законодательство ФРГ.

Ключевые слова: энергетическое законодательство; правовой энергетический порядок; энергетический бизнес.

Российское энергетическое законодательство видными российским специалистами характеризуется как «крупный интегрированный (межотраслевой) комплекс», являющийся одним из элементов системы законодательства Российской Федерации. Комплекс этот, по их мнению, составляет совокупность нормативных правовых актов различных уровней¹, регулирующих предпринимательские и иные отношения, возникающие в области организации и функционирования топливно-энергетического комплекса страны и нетопливной энергетики. В нормах этого законодательства закрепляются существенные особенности правовых отношений, образующие в своей совокупности «правовой энергетический

¹ Эта позиция основана таким образом на предельно широком толковании термина «законодательство», обнимающего собой все нормативные результаты нормотворчества (как публичного, так и частного, осуществляемого негосударственными структурами в порядке выполнения возложенных на них публичных функций).

порядок» в ТЭК и нетопливной энергетике, в том числе правила предпринимательской деятельности (энергетического бизнеса), регулирования отношений, связанных с осуществлением этой деятельности в условиях рыночной экономики [2, с. 60].

Предмет энергетического законодательства по П.Г. Лахно образуют три группы общественных отношений: (1) *внутренние отношения* – внутри самого топливно-энергетического комплекса, его суботраслей и взаимоотношения между ними, а также инвестирования, инвестиционной деятельности в нем; (2) *внешние отношения* – предприятий и организаций ТЭК с внешней по отношению к нему средой, под которой понимаются поставщики и потребители ТЭК, транспортные, финансово-кредитные и другие организации, составляющие инфраструктуру рынка; (3) *отношения государственного регулирования* – между органами государственной власти и управления и субъектами ТЭК. И все это (за исключением внешнеэкономической деятельности, которая в предмет энергетического права не входит – «стоит обособленно»), «охватывает» (кажется, лучше было бы сказать – «составляет») **« всю систему рыночного хозяйства ТЭК**, которая требует формирования адекватной системы правовых норм, регулирующих во взаимосвязи и единстве *деятельность государства по формированию и развитию рыночного механизма в ТЭК*, а также деятельность хозяйствующих субъектов энергетического рынка России и его инфраструктуры» [2, с. 60] (курсив мой – Ю. М.).

Такое решение с позиций «энергетической составляющей рынка», т.е. с позиций отношений воспроизводства (производства, оборота и потребления) энергии или даже только ее оборота представляется неприемлемым, поскольку во главу угла в нем ставится организационно-экономическая деятельность государства, а не поведение самих участников рыночных отношений. Энергетическое законодательство в этом случае предстает как подотрасль публичного права, подкрепляемая на периферии действием частно-правовых механизмов¹. Оставляя в стороне
не детальный разбор этой

позиции, в основе которой лежит подход, не однажды становившейся

¹Вероятно, такое понимание вполне соответствует взгляду на нерыночный характер энергетики и господство в ней властных механизмов управления, централизованного, а не децентрализованного начала. Однако это уже формально не соответствует правовой действительности, в которой субъектами энергетики выступают юридически и экономически самостоятельные товаропроизводители.

предметом бурных научных дискуссий [5], отметим, что ставка на одну только сферу действия (ТЭК), в границах которого действуют самые разные правовые механизмы, причем значительной частью ничего «специфически энергетического» в себе не содержащие (в том числе и инвестиционные, и финансово-кредитные, не говоря уже о договорах купли-продажи, аренды, перевозки и т.д.), дает в итоге не понятие энергетического законодательства, а законодательства, применяемого (действующего) в сфере энергетики (а точнее ТЭК), что, в принципе, далеко не одно и то же.

Представляется, что *энергетическое законодательство* имеет смысл только как *законодательство, регулирующее отношения, складывающиеся в процессе воспроизводства энергии*. Только такое понимание дает хоть какое-то основание надеяться отыскать в нем специфические юридические механизмы, отличные как от частно-правовых форм оборота иных товаров, так и от публично-правовых ограничений этого оборота¹. Хотя надежда эта на первый взгляд представляется не слишком радужной. Мало ли сегодня в обороте объектов (газы и жидкости, воздушное пространство, бездокументарные ценные бумаги, электронный документ, цифровая подпись, радиочастоты, уставный капитал, прибыль и др.), не относящихся к разряду вещей, чьи потребительские свойства требуют особого отношения и особенных правил поведения, не образующих вместе с тем никакого самостоятельного юридического механизма, а благополучно действующих в качестве субсидиарного элемента существующих юридических конструкций, в том числе и таких, которые традиционно используются при обороте вещей.

Как и всякое другое, «энергетическое законодательство» по форме представляет собой совокупность нормативных актов. В этом отношении более логичной представляется позиция тех, кто полагает, что первичным элементом законодательства выступают не правовые нормы, а «нормативные правовые формы», в которых

эти нормы выражаются и благодаря которым они приобретают признак

¹ «Предмет правового регулирования энергетического законодательства – энергетические отношения – служит причиной своеобразия норм, которые составляют эту отрасль» (См.: Лахно П. Г., Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 64). Это справедливое утверждение предполагает, однако, что сущность и границы энергетических отношений установлены и они предопределяют действие законов, отличных от тех, что применяются в промышленности, строительстве, на транспорте и т.д.

всеобщности и обязательности. Это законы, указы, постановления и т.п. [3, с. 28]. Поэтому в утверждениях типа «Энергетическое право – комплексная отрасль законодательства» [2, с. 61] для нас недопустимым образом сливаются воедино два явления, относящиеся к разным областям правовой реальности¹. Законодательство совсем не обязательно является точной копией права – официальным закреплением текста норм в соответствии с их отраслевой принадлежностью² [1, с. 68–70]. Право не всегда имеет законодательную форму выражения. Наконец, законодательные тексты не обязательно имеют силу права³.

В узком смысле «энергетическое законодательство» – это совокупность законов: федеральных (в соответствии со ст. 71 Конституции в ведении Российской Федерации находятся федеральные энергетические системы, ядерная энергетика – лит. «и»); федеральная государственная собственность – лит. «д»), субъектов федерации (согласно ч. 1 ст. 72 Конституции в совместном ведении РФ и субъектов федерации находятся «вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами» – лит. «в»; природопользование – лит. «д»; водное, лесное законодательство, законодательство о недрах – лит. «к»). В широком смысле к энергетическому законодательству могут быть отнесены также подзаконные нормативные акты, принимаемые в реализацию положений, устанавливаемых законами.

Содержание «энергетических законов» цементируется наличием совокупности базовых положений, благодаря которой данные законы

¹ В действительности авторы придерживаются взгляда, согласно которому энергетическое право это и (комплексная) отрасль права и (комплексная) отрасль законодательства одновременно. Однако это не может служить основанием для смешения понятий законодательство и право, даже если допустить, что наличие «предметного» законодательства (т.е. законодательства, выделяемого по признаку общего предмета действия) доказывает наличие отрасли права для соответствующего предмета: промышленное, строительное, транспортное и т.д. законодательство.

² «Законодательная топология правовой нормы» не имеет решающего значения для ее отраслевой принадлежности (Canaris C.W. *Handelsrecht: Ein Studienbuch* 22., neubearbeitete und stark erweiterte Auflage des von Karl-Hermann Capelle begründeten Werkes. München: «C.H.Beck Verlagbuchhandlung», 1995. S. 3). «Нормативные правовые формы не имеют «порта приписки» в какой-то одной отрасли права, в них выражены нормы разной отраслевой принадлежности». Иной взгляд: «Бесспорно существование отраслевого законодательства, содержащего нормы одной отрасли права» [6, с. 17].

³ См. в Дигестах место, принадлежащее Юлиану D.1.3.32.1: «*Quare rectissime etiam illudre ceptum est, ut leges non solum suffragio legislatoris, sed etiam tacito consensu omnium per desuetudinem abrogentur*» – Поэтому с полным основанием полагают, что законы отменяются не только прямой отменой их [народом как] законодателем, но также и молчаливо одобряемым всеми их несоблюдением (*лат.*).

существуют и применяются не как ситуативная эмпирическая реакция на некоторые спонтанно возникающие конфликты, но как организованный юридический комплекс, целенаправленно воздействующий на стабильно развивающуюся область общественных отношений в сфере энергетики. Эти базовые положения именуется принципами энергетического законодательства.

Принципы российского энергетического законодательства, или его основополагающие предельно общие положения, закрепленные в федеральных законах и лежащие в основе значительной группы нормативных актов, в российской юридической литературе на сегодня представлены работами В.Ф. Яковлева и П.Г. Лахно¹.

Составной частью энергетического законодательства являются нормативные акты, регулирующие отношения, складывающиеся в процессе воспроизводства энергии из возобновляемых источников.

Российское законодательство в этой части представляет собой совокупность разрозненных нормативных правовых актов различных уровней, регулирующих предпринимательские и иные отношения, возникающие в области организации и функционирования нетопливной энергетики, основанной на использовании возобновляемых источников энергии. Их изучение показывает, во-первых, отсутствие на уровне федеральных законов сколько-нибудь внятного юридического механизма регулирования отношений по развитию и функционированию альтернативной энергетики. Во-вторых, относительно полное регулирование этих отношений сосредоточено на уровне подзаконных актов – постановлений Правительства, Министерства энергетики, актов
Некоммерческого партнерства

Совет Рынка, как если бы отношения в этой области затрагивали только субъектов, созданных и действующих на базе публичной собственности. Но даже и здесь единого механизма, системно регулирующего указанную область отношений, мы не обнаружим. Речь идет

¹ В. Романова полагает, что применительно к трудам этих авторов нужно говорить о принципах энергетического права [4, с. 4]. По нашему мнению, это не так. Взвешенная позиция В.Ф. Яковлева и П.Г. Лахно сводится к обоснованию принципов именно энергетического законодательства, т.е. базовых положений действующих законов и иных нормативных актов в области энергетики. Разработка же принципов права, многие из которых вполне могут повторять принципы энергетического законодательства, возможно только в результате длительного процесса развития и применения этого законодательства, анализа этого процесса юридической наукой. отождествлять же принципы законодательства и принципы права при всей их схожести все же не следует.

почти исключительно об электроэнергетике и в некоторых случаях – об электростанциях, работающих в режиме комбинированной выработки энергии, и только о решении отдельных различной степени важности частных вопросах. Среди них нет ни механизма компенсации повышенных затрат производства альтернативной энергии (ни надбавки к равновесной цене оптового рынка, даже если они будут установлены, ни особый механизм купли-продажи мощности проблемы не решат).

В качестве примера продвинутого решения может служить энергетическое законодательство ФРГ. Современную систему нормативно-правового регулирования воспроизводства электроэнергии из возобновляемых источников в Германии образуют Закон о приоритетности возобновляемой энергии¹, принятый в 2000 году, трижды изменявшийся с тех пор и действующий в редакции 2012 года (Erneuerbare-Energien-Gesetz) [7] вместе с конкретизирующим его положения подзаконным нормативным актом – распоряжением о механизме сбалансированного распределения издержек от 17 июля 2009 г. Закон предусматривает два пути реализации сбыта электроэнергии операторами энергоустановок – опосредованный через операторов передаточных сетей по фиксированным повышенным тарифам и прямой по рыночным ценам, формируемым по результатам биржевых торгов.

Названный закон действует во взаимосвязи с другими законами. В их числе закон «О развитии использования возобновляемой энергии в теплоснабжении» (Erneuerbare-Energien-Wärmegesetz) от 7 августа 2008 г. [8], закон «Об установлении квот на биотопливо и о внесении изменений в налогообложение энергии и электроэнергии» от 18 декабря 2006 г. [9], закон «Об изменениях в стимулировании использования биотоплива» от 15 июля 2009 г. [10] и закон «О защите от вредных воздействий на окружающую среду, загрязнений атмосферного воздуха, шумов, вибраций и других аналогичных процессов» от 15 марта 1974 г. [11].

Этот пример, относящийся к регулированию перспективного направления энергетики во всем мире, по нашему мнению показывает, что российское энергетическое законодательство и соответственно юридическая теория данной части правовой реальности находятся только еще на ранней стадии своего развития, содержанием которой

¹ Далее Закон – EEG, если не указано иное.

является определение его места в системе российского законодательства и разработка его собственных юридических конструкций и процедур, обосновывающих его становление в качестве самостоятельного нормативно-правового комплекса.

Список литературы

1. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства // Правоведение. 1975. № 2. С. 68–70.

2. Лахно П.Г., Яковлев В.Ф. Энергетическое право как комплексная отрасль права России // Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. Зеккера Ф.Ю., Лахно П.Г. (Энергетика и право. Вып. 4). М.: Юрист, 2011. С. 60.

3. Попондопуло В.Ф. Частное и публичное право как отрасли права // Цивилистические записки: межвуз. сб. научных трудов. Вып. 2 / под ред. Алексева С.С. М., Екатеринбург: Статут, Ин-т частного права, 2003. С. 28.

4. Романова В. Особенности принципов энергетического права // Российская юстиция. М. 2013. № 4. С. 4.

5. Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. д.ю.н., профессор Братусь С.Н. М.: Юридическая литература, 1971.

6. Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства // Правоведение. 1975. № 1. С. 17.

7. BGBI. I S. 2730, 2743 f.

8. BGBI. I S. 1658.

9. BGBI. I S. 3180.

10. BGBI. I S. 180.

11. BGBI. I S. 721, ber. S. 1193.

*Миненко С. В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры социальных, гуманитарных и
правовых дисциплин Дзержинского филиала
НИУ РАНХиГС, г. Дзержинск*

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ОСЛАБЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ ИМПЕРИИ
(XVIII – XIX вв.)**

Статья посвящена решению сложной задачи обеспечения социальной стабильности Российского государства в ее Западных губерниях, где проживало значительное число католиков и униатов, находящихся под организационным управлением Святого престола. Обеспечение стабильности понималось как включение католических организаций в общероссийскую конфессиональную систему с подчинением их министру внутренних дел и ослаблением папского влияния из-за границы.

Ключевые слова: многонациональность; веротерпимость; Римско-католическая церковь; конфессиональная система; прозелитизм; католичество; униатство; Общество Иисуса; институт смешанных браков.

Характер Российского государства со времен министра народного просвещения первой трети XIX века графа С.С. Уварова принято определять триадой «самодержавие, православие, народность». Православная религия как главный элемент российской самоидентификации и один из столпов государственности служила объединению русского этноса в единое государство.

Период феодальной раздробленности, в который национальный состав княжеств был достаточно однородным, сменился, начиная с XVI века, стремительным приращением России за счет освоения восточных земель и присоединения территорий на юге и западе. На тот период в государствах Западной Европы главным условием сохранения политической стабильности и территориальной целостности стра-

ны считалось наличие единой веры ее жителей [1, с. 161–169]. Отсюда – многочисленные религиозные войны периода Контрреформации XVII века, когда католичество боролось с новым религиозным течением – протестантством.

Россия не пошла по европейскому конфронтационному пути. Ее исторический опыт в условиях обширности территории и многонациональности, а следовательно, и поликонфессиональности, подсказал выход в виде национальной и религиозной терпимости. Российская власть в XVI–XVII веках осуществляет управление многонациональными территориями, предоставляя право ее национальным элитам и населению придерживаться своих традиционных религий. Российской администрации на местах было дано строгое на то указание [2]. Во многом эта терпимость носила вынужденный характер, так как любые религиозные притеснения могли вызвать серьезные межнациональные конфликты, обострить сепаратистские устремления. К тому же с XVII века российское правительство начинает в массовом порядке приглашать в страну иностранных специалистов, которым невозможно было не предоставлять свободы исповедания своей веры.

Однако наличие на территории страны нескольких религий вынудило власть установить правовой статус каждой из конфессий. При этом во внимание было принято главенствующее положение русского православия. К началу XIX века в России сложилась конфессиональная структура государства, в которую вошли все законодательно признанные религии. Иностранные христианские церкви имели общую организационную структуру с Русской православной церковью, что позволяло унифицировать систему контроля и управления ими с целью решения общегосударственной задачи интеграции. Правовая градация религиозных конфессий в Российской империи имела ту особенность, что все религии в государстве не были юридически равны между собой. Российское законодательство оценивало и «ранжировало» религии по их «истинности», то есть степени догматической близости к православию [3, с. 240–245].

В соответствии с этим принципом, все вероисповедания делились на три иерархических уровня, каждому из которых соответствовал определенный объем прав, привилегий и ограничений. На первом уровне находилась Русская Православная церковь, имеющая статус «первенствующей и господствующей». Вторую ступень правовой иерархии занимали так называемые признанные терпимые исповедания, к которым относились прежде всего христианские неправославные (или «инослав-

ные») конфессии – лютеранство, некоторые другие течения протестантизма и католицизм, а также ислам, буддизм-ламаизм, иудаизм, язычество. На третьем уровне – терпимые непризнанные – старообрядчество и сектантство, возникшее на почве православия.

С XVIII века укрепление государственности стало рассматриваться российским правительством через призму распространения православия на всей территории империи, которое должно было стать прочным связывающим раствором, соединяющим территории и народы в единое целое под самодержавным правлением православного монарха.

При этом распространение православия, или политика русификации, имела свою специфику для территорий на западе и востоке империи. Если в восточной ее части она имела характер обращений, в основном, многочисленной массы населения, придерживающегося языческих верований, то в западных, где преобладало население, исповедующее католицизм, униатство и протестантизм, задача оказалась намного сложнее, так как существующие здесь Римско-католическая, Униатская и Евангелическо-лютеранские церкви имели хорошо развитую церковную организацию и штат высокопрофессионального духовенства. Более того, церковное руководство этих церквей находилось за пределами границ империи, что вызывало опасение российской стороны в распространении сепаратистских устремлений среди населения присоединенной Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии.

Одной из мер привлечения западных христиан в православие российские власти использовали послабления в применении уголовных наказаний. Самой радикальной мерой стал указ от 11 марта 1741 года, который за принятие крещения освобождал от смертной казни «иноверцев, оказавшихся в убийствах или в других тяжких винах» [4]. Про существовал, правда, он не долго: уже 15 декабря того же года его отменили [5]. Вместо этой экстраординарной льготы стали освобождать от уголовной ответственности «за маловажные преступления», что впервые было установлено указом от 28 сентября 1743 года и подтверждено указом от 26 октября 1761 года [6]. При этом освобождались с условием, что «ежели впредь в такие ж или в другие вины впадут, то с ними поступлено будет по указам неотменно...».

Принявших православие польских конфедератов по указу 1773 г. не посылали на поселение в Сибирь и Оренбург и предоставляли свободу [7]. Указ от 28 июля 1781 года «за восприятие греческого исповедания» польских пленных «оставшихся в России ...с женами их, хотя бы они и на крепостных ...женаты были с детьми их быть свободны-

ми...» [8]. А уже 19 ноября того же года данная льгота была распространена «на всех без изъятия, какой бы кто веры и закона ни был» [9].

Кроме этого, после присоединения Восточной Белоруссии в 1772 г. российское правительство пошло на реорганизацию системы управления существующих здесь инославных церковных структур для устранения влияния на них из-за границы. 6 февраля без согласования с Римским престолом Екатерина II образует Белорусскую римско-католическую епархию и самостоятельно назначает на нее Станислава Сестренцевича-Богуша (1731–1826). Местом пребывания епископа был определен город Могилев (с 1782 – столица архиепископства) [10], в юрисдикцию которого попали, помимо белорусских, католические приходы Санкт-Петербурга, Москвы и других городов [11]. Вошедшие несколько позже в состав России после второго и третьего разделов Польши территории Украины и Литвы, с населением в 3,1 млн человек, 5 католическими и 4 униатскими епархиями, были влиты в состав Могилевской архиепархии.

Вслед за этим, 14 декабря 1772 года императрица издала указ, в соответствии с которым в Белоруссии ни одно распоряжение Папы Римского не могло быть вступило в законную силу и даже быть обнародовано без специального разрешения русских властей [12]. Все послания Святого Престола необходимо было отправлять в Сенат, более того, любая переписка с Римским Двором религиозных, общественных организаций или частных лиц без специального на то разрешения Сената была строгойше запрещена [13]. Вся деятельность Римско-католической церкви должна была осуществляться только в соответствии с российским законодательством [14].

26 ноября 1797 года Павел I публикует указ об образовании при Юстиц-коллегии особого Департамента римско-католических дел [15]. В 1798 г. он отделяет от Юстиц-коллегии этот департамент и назначает его главой архиепископа Сестренцевича, которому в связи с образованием Могилевской митрополии жалует титул митрополита. Однако высшей инстанцией в делах Католической церкви продолжает оставаться Сенат.

13 ноября 1801 года Департамент римско-католических дел был упразднен, а вместо него образована Римско-католическая духовная коллегия [16]. Управление Евангелическо-лютеранской церковью с 1819 г. осуществляла Евангелическо-лютеранская консистория [17]. Для управления всеми находящимися на территории инославными и иноверными церквями 25 июля 1810 года было создано Главное управ-

ление духовных дел иностранных исповеданий, преобразованное в Департамент после передачи в ведение Министерства внутренних дел в 1832 г. [18].

Деятельность самих инославных церквей была определена соответствующими Уставами: Евангелическо-лютеранской церкви 1832 г. [19] и Римско-католической – 1857 г. [20]. Так была создана система управления всеми инославными церквями империи, существовавшая вплоть до 1917 г. Она позволила российским властям устранить влияние на церкви и паству иностранного влияния, что способствовало имперской интеграции.

Следующей мерой, направленной на распространение православия и вытеснения им других религий, было подтверждение жесткого запрета на прозелитизм инославного священства, особенно католического, и на воспрепятствование ими добровольного присоединения к православию [21]. С целью ограничения деятельности Римско-католической и Греко-униатской церквей в присоединенных от Польши территориях, российский законодатель в 1819 г. запретил строительство инославных храмов вблизи православных церквей без разрешения властей [22].

Этот подход позже был закреплен применительно ко всем терпимым в империи религиям – во Введении к Уставам духовных дел иностранных исповеданий: «Если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере православной: никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» [23].

Преступления против веры российским законодательством традиционно признавались тягчайшими, поэтому указом от 15 апреля 1832 года было предписано дела о совратителях и совращенных из православия рассматривать судами вне всякой очереди [24].

Указом от 27 января 1840 года «О порядке производства дел по предмету совращений из Православия в Латинство» были ужесточены меры к католическим священникам – совратителям: «духовных и светских лиц, виновных в совращениях, по обнаружению их вины формальным следствием, немедленно и прямо предавать суду на общем законном основании, и притом первых, не суду Римских Консисторий, как доньше происходило по неточному применению к ним закона..., а на общем основании, суду уголовному...» [25].

Желание ослабить главного противника русского православия – римский католицизм побудило российские власти пойти на поддержку униатов и поощрению перехода католиков в униатство: «Сближение

Унии с Православным Греческим исповеданием дает ей право на сие покровительство» [26]. Униатство рассматривалось как промежуточная площадка для перетягивания католиков в православие [27]. Так, в 1794–1795 гг. в Западных землях в православие перешли более 1,5 млн униатов. В 1839 г. Полоцкий собор униатских иерархов принял решение о подчинении Униатской церкви Синоду и вышли с прошением о слиянии с Русской Православной церковью. Так бюрократическим путем стали православными более 1,6 млн униатов.

Екатерина II в своем противостоянии с папским престолом нашла себе серьезного союзника в лице Общества Иисуса – ордена иезуитов, распущенного папой Климентом XIV в 1773 г. Императрица вопреки воле римского понтифика удовлетворила просьбу иезуитов об убежище [28, с. 117]. Она запретила публикацию папской буллы о прекращении деятельности иезуитов в Российской империи, а 13 января 1774 года объявила о разрешении иезуитам оставаться в Белоруссии и предоставила им ряд льгот [29]. Жалованная грамота от 6 февраля того же года гарантировала им, как и другим духовным корпорациям, неприкосновенность владений и имущества до «тех пор, пока они сами верноподданнический свой долг и присягу непорочно сохранять будут» [30]. Указом от 16 февраля 1777 Екатерина II для подготовки иезуитских кадров из молодежи учредила новициат [31, с. 108–110].

Главная причина этого покровительства видится в стремлении петербургского двора использовать представителей Общества Иисуса как орудие и убедительный аргумент в конфликте с папством из-за влияния на католических подданных Российской империи. Историк позапрошлого века М.Я. Морошкин объяснял, что «все католические государства Европы потеряли свое истинное свойство, изгнавши иезуитов, одна только Россия и ее государыня могут называться истинно католическими, сохранивши у себя этот орден... Можно ли было найти лучших адвокатов, какими теперь являлись иезуиты в деле спора Екатерины с папою?» [32, с. 108–110]. Именно иезуиты поддержали императрицу и приняли присягу на верность Российской империи ранее других, воздействуя на католическое население личным примером [33].

Мощным инструментом продвижения православия в среду инославного населения империи стал институт смешанного брака. Со времен VI Вселенского собора (680 год) заключение брака с не православными было категорически запрещено. В 1721 г. одним из первых решений только что созданного Синода стало объявленное указом от 18 августа решение, позволяющее не православным христианам вступать в

брак с православными без перекрещивания. Условием заключения таких браков было предоставление письменного обязательства о не порицании православного супруга за принадлежность к православию, отказа от соращения его в свою веру, воспитании детей в православии. Данное обязательство предшествовало венчанию, которое должен был совершать только православный священник [34].

В это правило было внесено изменения трактатом 1768 г. между Российской империи и Речью Посполитой. Согласно 10 параграфа 2 статьи этого трактата браки между христианами заключались священниками того вероисповедания, к которому принадлежала невеста, дочери воспитывались в вере матери, а сыновья – в вере отца. Данные положения были закреплены указом от 20 ноября 1780 года для Белоруссии [35].

Подобная корректировка правил 1721 г. противоречила стремлению государства к интеграции на основе православной экспансии. В последующие годы были внесены изменения в эти правила. В 1805 г. постановления трактата 1768 были распространены только на коренных жителей Белоруссии, все прочие приезжие, в том числе военнослужащие, были изъяты из-под действия правил трактата [36]. В 1810 г. всем католическим священнослужителям было предписано перед заключением браков в случае, если одна из сторон являлась православной, согласовывать с православным духовенством сведения о степенях родства или свойства, а также времени, когда совершение венчания не возбраняется по православному обряду [37]. Наконец, указ от 23 ноября 1832 года отменил положения трактата 1768 г. и распространил общие правила заключения браков на основании указа 1721 г. на всех подданных империи без изъятия [38].

Имперская власть в своем стремлении интегрировать общество на основе православия как государственной религии использовала широкий спектр мер организационного и законодательного характера, поощряющих переход в православную веру. Выстроенная конфессиональная система государства хотя и признавала существование не православных исповеданий, но не предоставляла им равных прав с «господствующим и первенствующим» православием, что ущемляло некоторые гражданские права инославного и иноверного населения империи и служило дополнительным стимулом к переходу в государственное вероисповедание – православие.

Список источников

1. *Романовская В.Б.* Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: право. 2001. № 1. С. 161–169.

2. ПСЗ-1. Т. 3. № № 1329, 1542, 1351, 1585, 1591, 1670.

3. *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 161.; *Романовская Л.Р.* Особенности и эволюция вероисповедной политики правительства Российской империи в XIX веке // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2005. № 12. С. 240–245.

4. ПСЗ-1. Т. 11. № 8349.

5. ПСЗ-1. Т. 11. № 8482.

6. ПСЗ-1. Т. 15. № 11348.

7. ПСЗ-1. Т. 19. № 13935.

8. ПСЗ-1. Т. 21. № 15198.

9. ПСЗ-1. Т. 21. № 15282.

10. ПСЗ-1. Т. 21. № 15326.

11. ПСЗ-1. Т. 19. № 14122.

12. ПСЗ-1. Т. 19. № 13922; ПСЗ-1. Т. 34. № 26611.

13. ПСЗ-1. Т. 22. № 16521; ПСЗ-1. Т. 23. № 16933; ПСЗ-1. Т. 27. № № 20939, 21078

14. ПСЗ-1. Т. 25. № 18892.

15. ПСЗ-1. Т. 24. № 17836.

16. ПСЗ-1. Т. 26. № 20053.

17. ПСЗ-1. Т. 36. № 27896.

18. ПСЗ-2. Т. 7. № 5126.

19. ПСЗ-2. Т. 7. № 5870.

20. СЗ. СПб. 1857. Т. 11. Ч. 1.

21. ПСЗ-1. Т. 24. № 17879; ПСЗ-1. Т. 18. № 13085; ПСЗ-1. Т. 31. № 24305.

22. ПСЗ-1. Т. 36. № 27880.

23. СЗ. СПб. 1857. Т. 11. Ч. 1. Ст. 5.

24. ПСЗ-2. Т. 7. № 5292.

25. ПСЗ-2. Т. 15. № 13116.

26. ПСЗ-1. Т. 27. № 20837.

27. ПСЗ-1. Т. 26. № 19263.

28. *Рожков В., протоиерей.* Очерки по истории Римско-католической церкви: Курс лекций, прочитанный для студентов 3 курса Московской Духовной Академии. М., 1994. Ч. 1. С. 117.

29. ПСЗ-1. Т. 19. 14102.

30. ПСЗ-1. Т. 20. № 14582.

31. ПСЗ-1. Т. 20. № 14582.

32. *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб.: Тип. Второго отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 1. С. 108–110.

33. *Записки о том, как было сохранено в Белоруссии Общество Иисуса // Европейский альманах: История. Традиции. Культура.* М., 1991. С. 164.

34. ПСЗ-1. Т. 6. № 3814.

35. ПСЗ-1. Т. 20. № 15090.

36. ПСЗ-1. Т. 28. № 21588.

37. ПСЗ-1. Т. 31. № 24235.

38. ПСЗ-2. Т. 7. № 5767.

*Мокосеева М. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
МарГУ, г. Йошкар-Ола,*

РЕШЕНИЕ ОРГАНА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ КАК НОРМА ПРАВА

Автор рассуждает о нормативности решений конституционных (уставных) судов. В статье он приходит к выводам о том, что в решениях конституционных (уставных) судов присутствуют такие элементы правовой нормы, как гипотеза и диспозиция. Автор приходит к выводам о том, что нормы права, содержащиеся в решениях конституционных (уставных) судов, обладают рядом особенностей.

Ключевые слова: правовая позиция; решения судов; конституционный суд; конституционная юстиция; конституционное право; российская правовая система; источник права.

Вопрос о нормативном характере решений органов конституционного контроля является одним из дискуссионных в российской теории и практике конституционного правосудия.

В законодательстве ряда государств дан однозначный ответ на вопрос о юридической природе актов органов конституционного контроля. В российском законодательстве однозначного ответа нет.

В соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию. Решение Конституционного Суда Российской Федерации действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

В соответствии со статьей 75 Закон Республики Марий Эл от 11 марта 1997 г. № 14-З «О Конституционном суде Республики Марий Эл» решение Конституционного суда Республики Марий Эл окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения. Решение Конституционного суда Республики Марий Эл действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Такие же нормы имеют-

ся и в других законах о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации.

Таким образом, решения органов конституционной юстиции являются источниками права, обладающими рядом свойств, характерных для нормативных правовых актов. К ним относятся: 1) общеобязательность решения конституционного (уставного) суда; 2) окончательность решения конституционного (уставного) суда; 3) непосредственность действия решения конституционного (уставного) суда, которое не требует его утверждения каким-либо нормативным правовым актом; 4) непреодолимость решения конституционного (уставного) суда (юридическая сила решения не может быть преодолена повторным принятием того же акта) [6].

Поэтому Л.В. Лазарев считает, что решениям конституционных (уставных) судов придаются свойства, присущие нормативным актам, ибо такие акты направлены не только на установление, но и на изменение и отмену норм права или на изменение сферы их [4].

Действительно, во многом решения органов конституционной юстиции имеют свойства нормативного акта: обеспечиваются мерами государственного принуждения; имеют формальную определенность; имеют такую же сферу действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа; рассчитаны на многократность применения, т.е. действуют постоянно и подлежат обязательному применению к неограниченному числу лиц; оказывают воздействие на правовую систему в целом.

Вместе с тем решения органов конституционной юстиции не являются нормативными актами. Конституционный суд только выявляет общеобязательные правила поведения путем интерпретации нормативных актов. Законодатель же устанавливает общеобязательные правила поведения. Решения конституционных (уставных) судов корректируют содержание проверяемых нормативных актов, преодолевают коллизии между нормами права [9].

Например, в Республике Беларусь акты Конституционного Суда определяются как нормативные. Следует обратить особое внимание на то, что нормативный характер имеют не все акты Конституционного Суда Республики Беларусь, а лишь акты, принимаемые Конституционным Судом в порядке последующего конституционного контроля, и решения, принимаемые в порядке обязательного предварительного контроля, а также решения об устранении правовых пробелов, исключении коллизий и правовой неопределенности.

В соответствии со статьей 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» акты Конституционного Суда, наряду с постановлениями пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда, определяются как нормативные правовые акты, принятые в пределах его компетенции по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами.

Таким образом, можно согласиться с позицией законодателя Республики Беларусь и признать решения конституционных (уставных) судов по наиболее важным вопросам о толковании конституций (уставов), о признании нормативных актов или их частей соответствующими или не соответствующими конституциям (уставам), по результатам рассмотрения споров о компетенции между органами государственной власти в качестве нормы права.

Органы конституционной юстиции принимают различные решения: о соответствии конституциям (уставам) Российской Федерации; по результатам рассмотрения споров о компетенции между органами государственной власти и т.д.; о конституционности закона, примененного в конкретном деле; о конституционность закона, подлежащего применению соответствующим судом в конкретном деле; о толковании конституций (уставов) и иные.

Прежде всего нормативная природа решений Конституционного Суда Республики Беларусь проявляется в правовых позициях. Но в законодательстве Республики Беларусь определение термина «правовая позиция Конституционного Суда» отсутствует.

Впервые законодательное понятие «правовая позиция» появилось в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В ст. 73 данного Закона содержалось положение, согласно которому «...в случае, если большинство участвующих в заседании палаты судей склоняются к необходимости принять решение, не соответствующее правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях Конституционного Суда Российской Федерации, дело передается на рассмотрение в пленарное заседание». Данная статья была исключена из текста закона в 2010 г. Но само явление сохранилось и стало развиваться. Все чаще данный термин стал использоваться и в отношении судебных решений судов всех инстанций, в т.ч. Конституционно-

го или Верховного Судов РФ [1], а также как понятие, определяющее установку органа государственной власти и управления.

Г.А. Гаджиев, Л.В. Лазарев, В.А. Кряжков в качестве важнейшего признака правовой позиции Конституционного Суда указывают юридическую нормативность и считают источником права именно правовые позиции Суда, а не решения. С эти утверждением не согласны Б.А. Старшун, И.В. Сухина, которые считают, что «судебные решения ... следует рассматривать как источник права».

По оценке Г.А. Гаджиева, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда «важные правовые выводы, идеи, представляющие собой выявленное судом кристаллизованное право, источник права, правовой принцип, пригодный для разрешения группы сходных юридических коллизий» [2, с. 82].

В.А. Кряжков считает, что правовая позиция Конституционного Суда РФ – это «логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, имеющих общеобязательное значение» [3, с. 13–21].

По нашему мнению, прав В.А. Кряжков, который утверждает, что «юридически обязательны, видимо, некоторые из правовых позиций – это те, которые прописаны в решениях о толковании конституции (они общеобязательны), а также содержащиеся в резолютивной части иных решений во взаимосвязи с выводами их мотивировочной части. Другие позиции имеют юридически ориентирующий и координирующий смысл». Нормой права следует признать генеральную правовую позицию решений конституционных (уставных) судов, но в таких решениях могут дополнительно содержаться иные правовые позиции. Такие правовые позиции, косвенно связанные с генеральной позицией, касаются самостоятельных правовых проблем. Их именуют специальными правовыми позициями. Они имеют ориентирующее и координирующее значение. Генеральную правовую позицию можно рассматривать как единый нормативный комплекс, единство логических элементов, которые содержатся в различных структурных элементах решения Конституционного Суда.

Таким образом, юридические факты и оспариваемые положения следует рассматривать в качестве казуальной гипотезы правовой нормы. Предложенный Конституционным Судом вариант поведения соответствующих субъектов права будет являться диспозицией пра-

вовой нормы. Итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части решения, – ее санкцией. При этом итоговый вывод о конституционности акта можно рассматривать в качестве санкции с положительным содержанием [7].

В республике Казахстан также используется понятие правовая позиция в качестве нормы права, но она приобретает форму нормы права (правоположения) после выражения ее в резолютивной части решения. Отмечается, что хотя правоположение не может быть поставлено на одну плоскость с юридической нормой, тем не менее оно вносит в правовое опосредствование общественных отношений новые элементы, приобретает характер источника права, при этом становится основой для будущего правового регулирования, являясь ориентиром в деятельности Президента Республики Казахстан, Парламента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан в законодательном процессе.

Специфика нормативных постановлений Конституционного Совета Республики Казахстан в том, что указанные правоположения (конституционно-правовые правила) приближены по структуре и содержанию не только к классическим правовым нормам, но и к правоприменительным актам. Так, по вопросу о конституционности пункта 1 статьи 44 Закона Республики Казахстан от 26 июля 2007 года № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» правоположение изложено следующим образом: «Признать пункт 1 статьи 44 Закона Республики Казахстан от 26 июля 2007 года № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» соответствующим Конституции Республики Казахстан». Правоположение по вопросу совершенствования законодательства – «Рекомендовать Правительству Республики Казахстан рассмотреть вопрос об инициировании изменений в Закон Республики Казахстан от 26 июля 2007 года № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» в целях приведения его в соответствие с правовыми позициями Конституционного Совета Республики Казахстан, изложенными в настоящем нормативном постановлении». И, наконец, по проблемам применения норм законодательства выработанное правоположение рекомендует Верховному Суду Республики Казахстан в соответствии со статьей 81 Конституции Республики Казахстан в целях обеспечения единой судебной практики принять нормативное постановление, разъясняющее вопросы применения норм Закона Республики Казахстан от 26 июля 2007

года № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» и сопряженных с ними законодательных положений, ставших предметом конституционного производства [8].

Суммируя каждое из приведенных выше высказываний, приходим к следующим выводам:

1. Решения органов конституционного правосудия содержат нормы права. Анализируя различные решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов, мы пришли к выводу, что в них с очевидностью усматриваются такие элементы правовых норм, как гипотеза и диспозиция. Санкции, как правило, не содержатся в данных решениях.

2. Нормы права, содержащиеся в решениях конституционных (уставных) судов, обладают рядом особенностей:

– эти нормы носят интерпретационный характер;

– нормы или их элементы могут содержаться в различных частях решений;

– нормы действуют не только с момента принятия решения, но также в определенных случаях распространяют свое действие на отношения, возникшие до их принятия.

3. Нормативность решений Конституционного Суда, конституционных (уставных) судов связана со сферой действия норм, содержащихся в данных решениях, во времени, пространстве и по кругу лиц.

4. Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации превышает юридическую силу любого акта, кроме Конституции Российской Федерации. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Федерации находятся на втором месте в системе источников права субъектов Федерации после конституции (устава) соответствующего субъекта.

5. На сегодняшний день можно констатировать двойственное отношение к актам органов конституционной юстиции, обусловленное отсутствием законодательной регламентации их места в правовой системе Российской Федерации. Для устранения данного противоречия считаем необходимым внести изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также в законы о конституционных (уставных) судах субъектов Федерации, в которых следует закрепить, что решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации представляют собой родовое обозначение всех правовых актов,

принятых в ходе осуществления конституционного правосудия, облеченных в особую правовую форму, направленных на регулирование общественных отношений, посредством которых суд излагает свои правовые позиции. Эти акты, обеспеченные принудительной силой государства, создают, изменяют и прекращают действие правовых норм. Им присущи нормативно-интерпретационный характер, обобщенность и обязательность для неопределенного круга лиц.

Правом осуществления надзора за исполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов должны быть наделены органы прокуратуры [5, с. 317–321]. Для этого в законе «О прокуратуре» необходимо закрепить право органов прокуратуры опротестовывать правовые акты, основанные на положениях закона или иного акта, признанного неконституционным или воспроизводящего их, а также выявлять решения судов, основанные на неконституционном законе.

Список литературы

1. *Гаджиев Г.А.* Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 7–8.
2. *Гаджиев Г.А.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 82.
3. *Кряжков В.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в его интерпретации // Государство и право. 2005. № 11. С. 13–21.
4. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2006. С. 47.
5. *Мокосеева М.А., Букатина Е.Г.* Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации: проблемы законодательного реформирования // Региональные аспекты экономики, управления и права в современном обществе: межвуз. регион. сб. статей. Йошкар-Ола, 2013. С. 317–321.
6. *Михеева Т.Н., Михеев Д.С.* Правовой вектор в развитии общественного контроля // Юридический мир. 2014. № 9. С. 16–19.
7. *Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь.* Выступление судьи Конституционного Суда Чигринова С.П. на междунар. конф. «Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования», посвященной 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск, 27–28 июня 2014 г. // КонсультантПлюс.

8. *Абдрасулов Е.Б.* Правовые позиции и правоположения Конституционного совета РК и их роль в развитии и совершенствовании национального законодательства // КонсультантПлюс.

9. *Эбзеев Б.С.* Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда. 2007. № 2. С. 84.

*Палеха Р. Р.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и
истории права и государства
ЦФ РГУП, г. Воронеж*

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Право, выступая частью общественного развития и государственных преобразований, неизбежно отражает их характеристики на нормативном правовом уровне. Ведущая роль в определении направлений развития современного российского права принадлежит Конституции Российской Федерации, в которой прослеживаются такие прогрессивные тенденции, как человекоцентризм и юснатурализм.

Ключевые слова: право; права человека; тенденции развития; человекоцентризм; юснатурализм; Конституция Российской Федерации.

Право как регулятор общественных отношений детерминировано экономическими, политическими, социальными, духовно-нравственными условиями развития общества в конкретно-историческом контексте его существования. Таким образом, право, как явление социальной жизни, выступает его нормативным оформлением и средством юридической объективации, фиксирующим направленность основных государственных ориентиров и социальных преобразований.

В истории становления и развития облика современного российского права определяющую роль выполняет Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Данный фундаментальный нормативный правовой акт установил прогрессивный вектор государственного и общественного развития и предопределил основную тенденцию развития всего современного российского права, которую необходимо определить как человекоцентристскую. Положения Конституции РФ пронизаны ее основным постулатом, содержащимся в ст. 2, которая определила, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Конституция РФ со всей определенностью рассматривает человека как исключительную ценность и как цель всей государственной деятельности. Современный период российской государственности связан с реформированием принципиально значимых сторон общественной и государственной жизни, с изменением вектора государственно-правового развития, а значит, и с изменением самого понимания права, направленного на защиту прогрессивных политико-правовых завоеваний, связанных с позицией государства по выражению и защите интересов различных социальных слоев и групп населения в целях их согласования, приведения к компромиссам, преодоления противоречий. В этой связи Конституция РФ стремится и должна стать актом гражданского согласия.

Г.А. Борисов указывает: «Высшая ценность действующей Конституции РФ состоит в том, что, во-первых, она восприимчива, даже предрасположена к реализации абсолютных общечеловеческих ценностей – свободы, равенства, справедливости. Во-вторых, Конституция исходит из приоритета личности по отношению к материальной predeterminedности, корпоративности, коллективности. Соответственно, коллективистская философия и доктрина уступает место в документе персоналистской, исходной позицией которой является тезис: «Человек есть мера всех вещей» [2, с. 9].

Н.В. Витрук обращает внимание, что: «Главное в легитимности Конституции – это то, насколько полно и реально она воплощает волю народа, выражает его интересы, насколько общество ее принимает и поддерживает» [3, с. 10, 11].

Следующей отличительной тенденцией развития современного российского права выступает юснатурализм, то есть признание естественного и неотчуждаемого характера прав человека. Так, в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ закреплено: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». А ст. 18 Конституции РФ, закрепляет, что «Права и свободы человека являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

С.С. Алексеев, особо трепетно относясь к правам человека, указывает: «Право третьего тысячелетия – это право, которое призвано быть в силу самой логики общественного развития правом цивилизованных народов. Такое право достигается путём: перенастройки юри-

дической системы в соответствии с началами права человека; утверждения центрального положения права как регулятора в обществе; обращения к оптимальным юридическим средствам и механизмам развитых демократических стран сочетаемых с культурой прав человека, то есть развитие процесса правовой конвергенции» [1, с. 152–155].

В.М. Шафиров указывает: «В новых условиях как никогда требуется такое видение права, для которого мерой всех вещей действительно выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного гражданина. Речь идет не просто об учёте, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. А это уже совершенно другой подход, выражающий принципиально иной взгляд на право. Он зиждется не на противопоставлении различных концепций, а на их интеграции (и особенно естественно-правовой и юридического позитивизма) ...системообразующим критерием выступает человеческое измерение права. Это позволяет предложить на роль первичного элемента структуры права, вместо нормы – права и свободы. Осознание, закрепление и гарантирование прав и свобод личности – главная миссия, предназначение, преимущество права (перед другими социальными регуляторами) в обществе, государстве» [4, с. 86, 87].

Таким образом, констатируя основные позитивные тенденции развития современного российского права, необходимо заключить, что в них со всей очевидностью прослеживаются такие направления, закрепленные и обеспеченные на фундаментальном нормативном правовом уровне, как человекоцентризм и юснатурализм, которые позволяют учитывать и согласовывать интересы различных социальных слоев и групп населения и создавать условия для эффективного правового регулирования и устойчивого, поступательного развития общества.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009.
2. *Борисов Г.А.* Конституция РФ 1993 года: проблемы научного и практического освоения потенциала // Российский конституционализм и современные тенденции развития правовой системы: К 10-летию принятия Конституции РФ: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Проблемы формирования

конституционного государства и режима конституционализма в России: теория, история, практика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.

3. *Витрук Н.В.* О социально-правовой сущности и легитимности Конституции Российской Федерации 1993 года // Российское правосудие. 2008. № 2.

4. *Шафиров В.М.* Правопонимание: человекоцентристский подход / Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Междунар. науч. конф., Москва, 22 –24 апреля 2008 г. / под ред. В.М. Сырых и М.А. Заниной. 2-е изд. М.: Изд-во РАП, 2010.

*Попова В. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права
КРАГСуУ, г. Сыктывкар*

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПОВ РАВНОГО ДОСТУПА И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Рассмотрены содержание таких принципов, как равный доступ на государственную гражданскую службу, профессионализм и компетентность государственных гражданских служащих, а также влияние некоторых решений аттестационной комиссии на их реализацию.

Ключевые слова: принципы государственной гражданской службы, профессионализм и компетентность государственных гражданских служащих, равный доступ на государственную гражданскую службу, аттестация государственных гражданских служащих.

Построение и функционирование государственной гражданской службы базируется на целом ряде принципов. Вопросу о принципах государственной службы уделялось внимание и в советский период, и в период становления в начале 90-х гг. новой российской государственности, и сейчас, когда продолжается очередной этап реформирования института государственной службы.

В целом в общественных науках под принципами обычно понимают исходные положения и теоретические идеи, отражающие объективные закономерности развития общества и государства. Если же говорить о принципах конкретно государственной службы, то однозначного определения данного понятия в научной литературе встретить нельзя. Также нет единого мнения о количестве и наборе этих принципов.

Значение принципов гражданской службы велико. В принципах реализуются исходные положения и идеи, на основе которых выстраиваются и регулируются наиболее устойчивые и существенные политические, правовые и организационно-управленческие, социально-экономические и духовно-нравственные связи и отношения сис-

темы профессионального обеспечения функционирования государственных органов [2, с. 56]. Эти исходные начала организации государственной гражданской службы должны учитываться законодателем при принятии новых, изменении существующих или отмене нормативных правовых актов, с тем чтобы нормы, содержащиеся в них, развивали принципы и не противоречили им.

Среди законодательно закрепленных принципов в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» перечислены принципы профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих, а также принцип равного доступа на государственную гражданскую службу [4].

Содержание принципа профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих имеет много различных трактовок. Автору представляется, что «профессионализм» и «компетентность» – понятия очень близкие, но все-таки отличающиеся. Профессионализм государственного гражданского служащего предполагает наличие глубоких знаний, умений и навыков в определенной сфере управленческой и служебной деятельности. Компетентность же, скорее, является способностью государственного гражданского служащего к осуществлению деятельности в определенной сфере управленческой деятельности на основе не только полученных знаний, умений и навыков, но и опыта профессиональной деятельности.

Уровень профессионализма влияет на уровень компетентности. Сегодня в науке можно встретить мнение по поводу связи этих двух понятий с третьим – компетенцией государственного служащего, то есть кругом полномочий, в рамках которых государственный служащий вправе принимать решения. Так, О. Данилкина считает, что «чем выше уровень компетентности государственного служащего (необходимым условием которой является профессионализм), тем шире может быть его компетенция» [1, с. 65].

Принцип равного доступа на государственную гражданскую службу закреплен в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в развитие положений и международных актов (Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 25 предусматривает возможность каждого гражданина в своей стране допускаться на общих условиях равенства к государственной службе) [3] и Конституции РФ. Важность этого

принципа заключается прежде всего в том, что нахождение на государственной службе дает гражданам Российской Федерации возможность участвовать в управлении делами государства. Конечно, данный принцип не предполагает, что абсолютно любой гражданин Российской Федерации может претендовать на должность государственной гражданской службы. Он должен соответствовать требованиям, установленным в ч. 1 ст. 21 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также должны отсутствовать ограничения, предусмотренные ст. 16 данного закона.

К сожалению, в ряде случаев реализация этих и других принципов ставится под вопрос. Нормы, содержащиеся в законодательстве о государственной гражданской службе, нарушают основополагающие начала.

Одним из способов обеспечения равного доступа на государственную гражданскую службу является конкурс. Сегодня это основной способ поступления на гражданскую службу. В ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержится исчерпывающий перечень случаев, когда конкурс не проводится. Одним из них является включение гражданского служащего (гражданина) в кадровый резерв на гражданской службе. Важно отметить, что до июня 2013 года (п. 5 ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» был изложен в новой редакции в соответствии с Федеральным законом от 07.06.2013 № 116-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”») данная норма предусматривала, что резерв должен быть сформирован на конкурсной основе. Таким образом законодатель установил возможность обхода процедуры конкурсного отбора на замещение вакантной должности гражданской службы путем использования механизма аттестации. В соответствии с ч. 15 ст. 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», подп. «б» п. 20 Указа Президента РФ от 01.02.2005 № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» [5] аттестационная комиссия может принять решение о том, что гражданский служащий «соответствует замещаемой должности гражданской службы и рекомендуется к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста». Со-

ответственно, такого гражданского служащего можно назначить на вакантную должность гражданской службы без проведения конкурса.

Это же решение аттестационной комиссии, по мнению автора, можно рассматривать как нарушение принципа профессионализма. С одной стороны, возможность такого решения можно оценить положительно: в определенной степени это стимулирует гражданских служащих показывать высокий профессиональный уровень; в государственном органе есть возможность включить в определенной мере уже подготовленное лицо в кадровый резерв для обеспечения того же принципа стабильности гражданской службы. Однако возникают и сомнения по поводу логичности такого решения аттестационной комиссии. Так как аттестация проводится в целях определения соответствия гражданского служащего замещаемой должности, то комиссия рассматривает документы о деятельности служащего, участии в решении задач, поставленных перед соответствующим структурным подразделением, в котором замещается должность, оценивает его профессиональные и личностные качества применительно к текущей профессиональной деятельности по замещаемой должности. Другими словами, если говорить о включении гражданского служащего в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста по результатам аттестации, то и оценка профессиональных качеств служащего должна основываться на определении его соответствия требованиям к данной должности, а не к той, которую замещает гражданский служащий. В развитие данного вывода необходимо отметить, что при решении аттестационной комиссией вопроса о включении в кадровый резерв содержание методов оценки должно учитывать те отличия, которые существуют между замещаемой гражданским служащим должностью и вышестоящей.

Также одним из возможных решений аттестационной комиссии является: «государственный гражданский служащий соответствует замещаемой должности при условии успешного получения дополнительного профессионального образования» (при этом в п. 20 Положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих условие именно успешного прохождения отсутствует). В течение месяца после проведения аттестации издается акт государственного органа или принимается решение представителя нанимателя о том, что гражданский служащий направляется для получения дополнительного профессионального образования. Однако ни в

Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ни в Положении о проведении аттестации не установлены сроки, в которые гражданский служащий должен быть направлен для получения дополнительного профессионального образования. В итоге направление может растянуться на достаточно длительный срок, в связи с чем, по мнению автора, теряется значение такого решения аттестационной комиссии. В связи с этим представляется необходимым дополнить Положение о проведении аттестации конкретным сроком исполнения решения аттестационной комиссии о направлении гражданского служащего для получения дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. *Данилкина О.* Важность регулярной оценки профессионализма и компетентности государственных служащих // Человек и труд. 2008. № 8.

2. *Игнатов В.Г., Охотский Е.В., Понеделков А.В.* Организация государственной службы Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2006. 95 с.

3. *Международный пакт о гражданских и политических правах* (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

4. *О государственной гражданской службе Российской Федерации:* федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. № 162.

5. *О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации:* указ Президента РФ от 01.02.2005 № 110 // Российская газета. 2005. № 20.

*Сапожников С. М.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

**УЕЗДНЫЕ ЗЕМСТВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
«ПОЛОЖЕНИЯ О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ»
1864 года**

В статье рассмотрены проблемы, ставшие перед Нижегородскими уездными земствами в ходе реализации Земской реформы 1864 года.

Ключевые слова: уездные земства; реформа; местное самоуправление.

В Нижегородской губернии составы 11 уездных земских управ определились и начали свою работу в период с 16 сентября по 10 ноября 1865 года.

В основном уездные управы состояли из председателя и двух-трех постоянных членов, но по желанию состав управы мог быть расширен до четырех человек. Уездным земским собраниям было предоставлено право самим определять жалования председателю и членам управы. Первоначально расходы земств на содержание управ составляли весьма значительные суммы в процентном отношении от всего земского бюджета.

Так, в первый год существования в Нижегородской губернии земского самоуправления расходы земства на содержание уездных управ были весьма значительными и колебались от минимального – 43,7% в Ардатовском уезде до максимального – 100% в Макарьевском уезде [4].

Такое положение можно объяснить тем, что земствам необходимо было принять от ранее существовавших государственно-бюрократических учреждений огромное число дел по выполнению земских повинностей, сбору и раскладке земских налогов и всех тех обязанностей, которые были определены в «Положении о земских учреждениях» [2].

Эти сложные, обширные и порой неопределенные повинности возлагались на вновь создаваемые институты местного самоуправления, не имевших ни знаний, ни опыта работы в этом направлении. А

если учесть, что сроки сессий земских собраний были ограничены временем, то становится понятным, что качественно выполнить в срок работы по формированию земских бюджетов земства не сумели, и поэтому основным пунктом, а в Макарьевском уезде единственным, была статья бюджета о содержании уездных земских управ. Самостоятельно продлевать сроки работы уездных собраний не допускалось, а экстренные земские собрания разрешалось проводить только с разрешения министра внутренних дел. Поэтому на уездные земские управы выпадала вся тяжесть работы по разработке земского бюджета. Им было поручено подготовить сметы доходов и расходов к ближайшим земским собраниям.

По мере становления земского дела в Нижегородской губернии, происходило сокращение затрат на содержание земского управления. К 1869 г. в среднем по губернии эти расходы составляли 12,4 %, а в 1890 году – 8,7 %. Следует отметить, что эти цифры относительны, абсолютная величина расходов на земское управление все же возрастала, но не быстрыми темпами, и происходило это за счет расширения составов земских канцелярий и числа служащих в них, по мере роста земского хозяйства.

В первые годы существования уездных земств проводится работа по формированию оптимального числа членов управ. Постепенно как в губернском, так и в уездных земствах приходят к выводу, что для более эффективной работы необходимо иметь сравнительно небольшой постоянный состав, направляющий и координирующий всю земскую работу. В этих условиях должность председателя земского собрания как никогда становится значимой и влиятельной. Для выполнения все возрастающего объема земских работ гораздо полезнее для земского дела явилась возможность нанимать служащих не из числа гласных.

Это позволяло привлекать к работе квалифицированных специалистов, которые из-за отсутствия обязательного ценза не могли участвовать в земских выборах и не обладали правом избирания в качестве гласных. С другой стороны, это позволяло в целях той же экономии нанимать для выполнения разовых и временных работ специалистов, не заботясь о необходимости платы им денежного содержания в течение всего срока избрания, как это происходило бы при вынужденном расширении состава земских управ.

В ходе практической реализации «Положений о земских учреждениях» возникла проблема взаимодействия между губернским и

уездными земствами. Законодательство не давала четкого, исчерпывающего определения их взаимоотношений.

Статьи 61, 62, 63 и 68 «Положения о земских учреждениях» 1864 г. разделяли предметы ведомства между губернскими и уездными земскими учреждениями. Определяющей их взаимоотношения являлась статья 66, в которой указывалось, что губернские собрания могут издавать обязательные для местных земских учреждений той же губернии постановления, требуя их выполнения. Одновременно статья 70 отмечала, что уездные земские собрания имеют те же обязанности по уездному хозяйствованию, как и губернские по губернии. Это в свою очередь предопределяло самостоятельную деятельность уездных земских собраний по делам, подлежащих их исключительному ведению, и вызывало спорные ситуации [2].

Спорные ситуации между уездными и губернским земскими собраниями должны были разрешаться на заседаниях губернского земского собрания. Этому способствовала как сама структура формирования губернского земского собрания, куда согласно «Положению о земских учреждениях» входили представители всех уездных земств, и поэтому они могли отстаивать интересы того уездного земства, которое их выбирало.

Сложнее обстояло дело в межсессионный период, когда вся ответственность по управлению земским хозяйством возлагалась на земские управы. Губернской управе поручался общий контроль над ведением всех земских дел в губернии, в том числе и некоторые функции контроля над деятельностью уездных управ, однако это не предоставляло им широкого права вмешательства в дела последних. Решения губернской управы по отношению уездной могли нести лишь рекомендательный характер и не могли отменять решений, принятых на уездном собрании.

Это в свою очередь и порождало конфликты: и губернская, и уездная управы – каждая считала себя правой и порой не желали уступать друг другу в решении спорных вопросов. Иногда постановлений губернского земского собрания для разрешения конфликта оказывалось недостаточным. Как могли не удовлетворить одну из спорящих сторон и решения губернатора, который со своей стороны должен был утверждать все постановления, принимаемые земскими учреждениями. В таких случаях конечной инстанцией, куда могли обращаться земства с жалобой на неправомерные, по их мнению, постановления губернатора, губернского земского собрания и пр., яв-

лялся правительствующий Сенат, который и выступал главным арбитром этих споров.

В конце 70-х годов XIX века проблема взаимоотношений губернской и уездных управ достигает своего апогея. Вызвано это было тем, что Горбатовскую уездную земскую управу обвинили в злоупотреблениях, происходивших там, – об этом в губернскую управу сообщил бывший секретарь Горбатовской управы г-н Сакс. Губернская земская управа потребовала от Горбатовской ревизионной комиссии полного отчета в ее действиях. Созванное чрезвычайное Горбатовское уездное собрание 30 и 31 июля 1878 года признало эти обвинения ложными и действия управы во всех отношениях правильными, а действия Нижегородской губернской земской управы по этому вопросу – выходящими из круга её прямых обязанностей и закона. Уездной земской управе было поручено о действиях губернской управы сообщить в форме протеста губернскому собранию.

На состоявшемся в декабре 1878 г. XIV очередном губернском земском собрании с докладом по этому вопросу выступил А.С. Гациский, исполняющий обязанности председателя губернской управы и одновременно избранный секретарем этого губернского собрания. «Одним из самых жгучих и самых деликатных мест в земстве каждой губернии», – отмечал А.С. Гациский, – «следует признать взаимоотношения губернской управы с уездными. Редко разрешается на практике вопрос так, как он установлен в теории – положением о земских учреждениях. Иногда губернская управа стремится захватить в свои руки все земское хозяйство в губернии (насколько, конечно, для нее достижимо); бывает, что управа не только стремится к этому, но и достигает своих целей, как мы видим это на практике в одной из северо-восточных наших земских губерний; иногда в таком же духе действуют уездные управы, а губернские или безропотно подчиняются такому давлению с их стороны, или протестуют крайне слабо; словом, здесь, в жизни, на деле, повторяется вечная борьба принципов централизации и децентрализации, и чаще всего получаются результаты, по меньшей мере, не желательные» [1].

В числе возможных мероприятий, которые нормализовали работу и уменьшили бы конфронтацию между земствами, были высказаны предположения о более частых сношениях губернской управы с уездными. Полезным условием для развития всего земского дела губернская управа считала съезд представителей уездных управ в Нижнем Новгороде для обсуждения различных вопросов земской практи-

ки. Но в условиях правительственной борьбы со всяким проявлением политической оппозиции и усматривавшей в каждом объединении, коалиции или союзе – организацию, выступающую против самодержавного строя, проведение подобных съездов становилось затруднительным делом. Поэтому было высказано предположение о письменных сношениях председателя губернской управы с председателями уездных управ и губернскими гласными по принципиальным вопросам.

На практике попытка эта, однако, не увенчалась успехом. Ответов на вопросы, разосланные губернской управой всем уездным управам и губернским гласным, получено было, только пять: два от председателей Арзамасской и Васильевской управ и три от губернских гласных А.В. Демидова, К.Н. Дмитриева и П.К. Позерн. Четверо из этих лиц высказались в принципе за желательность подобных сношений [3].

Подобное поведение отдельных гласных, председателей и членов земских управ объясняется уже упомянутом в настоящем исследовании кризисом местного земского самоуправления в конце правления Александра II.

Несмотря на все старания верховных властей, стремившихся обеспечить максимальное представительство дворянского сословия, влияние объективных процессов буржуазного развития российского общества оказали свое воздействие на становление и формирование институтов местного самоуправления. По мере становления земского самоуправления происходит постепенное вытеснение дворянства из составов земских учреждений представителями других сословий. Излишняя регламентация деятельности распорядительных и исполнительных органов земства, усиление контроля со стороны администрации явились одной из причин кризисных явлений, наблюдаемых в земском самоуправлении в конце 70-х годов XIX века. Этот кризис, совпавший с концом правления императора Александра II, усугублялся противоречиями, возникающими в ходе хозяйственной деятельности, между губернским и уездными исполнительными органами земства, между земствами различных уездов.

О необходимости совершенствования нормативно-правовой базы земского самоуправления, с учетом опыта и местных особенностей тех губерний где эти институты были уже введены, не вызывал сомнений ни у самих земств, ни у верховной власти. Но политический кризис в стране, вызванный, с одной стороны, борьбой прави-

тельства с революционным и общественным движением, а с другой стороны, спровоцированный террористической деятельностью народовольцев, выступлениями студенчества, крестьянства, помешал дальнейшему ходу реформ, в том числе земского самоуправления, и заставил правительство приступить к мерам защиты самодержавного строя и ограничения некоторых демократических начинаний. В этих целях верховная власть стала прибегать порой к политике консервации тех либеральных начал реформирования, которые были определены в «Положении о земских учреждениях» 1864 года.

Список литературы

1. *XIV очередное губернское земское собрание.* .Н. Новгород, 1879. С. 464, 465.
2. ПСЗ I. Т. XXXIX. № 40457.
3. *Сборник в память А.С. Гациского* ./ А.А. Савельев. Земская деятельность Александра Серафимовича Гациского и его взгляды на задачи земства. Н., 1897. С. 51.
4. ЦАНО. Ф.42. О. 3. Д.1. Л. 227.

Торопкин А. И.,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

Торопкин С. А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и
международного права
НА МВД РФ, г. Нижний Новгород

ПЕНСИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается пенсионное законодательство России и европейских государств в XIX – начале XX вв. Анализируются основания возникновения, изменения и прекращения пенсионных правоотношений. Особое внимание уделено юридическим фактам (выслуга лет, возраст, должность, чин) в сложном фактическом составе.

Ключевые слова: правоотношения; пенсия; выслуга; возраст; законодательность.

Современный смысл понятия «пенсия» получает во французском законодательстве эпохи Великой революции, провозгласившей (22 августа 1790 года) следующие принципы: 1) На государстве лежит обязанность вознаграждать оказанные ему услуги, когда важность и продолжительность их заслуживают такой признательности. Нация обязана оплачивать жертвы, приносимые гражданами ради общественной пользы. 2) Только те услуги должны быть вознаграждены государством, которые представляют интерес для всего общества. Услуги, оказываемые одним лицом другому, не могут быть сюда относимы, хотя бы обстоятельства и дали им значение общественное. 3) Всякий, кто служил своему отечеству, защищал, просвещал или прославил его, или дал пример преданности общественному благу, вправе требовать от нации признательности и претендовать на вознаграждение, соответствующее характеру и продолжи-

тельности оказанных им услуг [7, с. 153]. Эти принципы конкретизировали правовые традиции европейского континентального права, в основе которого лежат идеи равенства всех перед законом и соблюдение естественных («фундаментальных») прав человека.

В XIX в. права на пенсию от государства санкционируются почти всеми европейскими странами; исключение составляли Швеция и Швейцария, где расходы на этот предмет были возложены на особые кассы, которые, впрочем, получали правительственную финансовую поддержку. Необходимым условием для получения права на пенсию служила формально установленная неспособность лица к дальнейшему отправлению обязанностей вследствие увечья или слабости (физической, душевной). Вторым условием, не столь категоричным, являлось пребывание на службе в течение определенного времени. Раньше оговоренного срока чиновник получал безусловное право на пенсию только в случае, если неспособность его к дальнейшей службе явилась следствием болезни, ран или вообще какого-либо повреждения, приключившегося при исполнении служебных обязанностей [7, с. 154].

Вместе с тем сами условия приобретения права на пенсию государственного служащего и членов его семьи, способы их исчисления и размеры определялись в различных странах по-разному. Например, право на пенсию предоставлялось в Австрии и России классным правительственным служащим, лицам учебного ведомства и служителям культа; в Англии – лицам, состоящим на постоянной государственной службе, с получением содержания непосредственно от казны, а в остальных государствах – вообще правительственным служащим, получающим содержание от казны, причем в частности во Франции требовалось, чтобы содержание производилось «непосредственно» от казны, а в Швеции – по утвержденному Королем и Рихсдагом штату [1, с. 5].

Несмотря на существенные различия в пенсионном законодательстве европейских государств, в нем можно обнаружить общие юридические факты, определявшие возникновение, изменение и прекращение пенсионных правоотношений.

1) Все пенсионные законодательства европейских государств, в том числе и России, были едины в том, что только занятие штатной должности, оплачиваемой государственной казной, дает право на пенсию. Далее, хотя не так единогласно, они разделяли службу на два

отдела: гражданскую и военную, подразделяя должности в ней на высшие и низшие [2, с.48].

2) Занимаемая должность имела влияние на размер пенсии в большинстве государств, и только относительно военной службы, когда размер пенсии определялся не получаемым содержанием, а чином [2, с.48].

3) Относительно содержания, по расчету из которого исчислялись пенсии, в законодательствах Англии, Бельгии, Франции и Швеции не имелось никаких указаний. В Германии пенсии исчислялись по всему содержанию, кроме средств на расходы по должности, а в Италии – кроме также и квартирных денег и местных прибавок. Наконец, в Австрии при исчислении пенсий принималось в расчет не только штатное содержание, но и всякие прибавки. Кроме того, в Англии, Бельгии, Италии, Франции и Швеции расчет делался не по последнему окладу указанного содержания, а по среднему за последние 3 (Англия), 5 (Бельгия, Италия и Швеция) или 6 (Франция) лет. В Австрии, Германии и России за основание исчисления пенсий бралось последнее содержание [1, с. 6].

4) Основным необходимым условием получения пенсии являлась выслуга установленного числа лет, которая определялась весьма различно. Максимальные сроки выслуги в Бельгии и Франции были определены в 30 лет, в Англии и Германии – в 40 лет, в Австрии и Италии установлено два срока – 35 и 40 лет, а в Швеции – 30 и 35 лет. Самые меньшие сроки, за которые при условии болезни могли быть назначены пенсии, определялись в Австрии, Англии, Бельгии, Германии и Швеции – в 10 лет. В Италии и во Франции, а равно и в указанных пяти государствах – в исключительных случаях пенсии назначаются независимо от выслуги. Столь же различно в перечисленных государствах и исчисление пенсионной выслуги [1, с. 5].

В России сроки выслуги права на пенсию зависели от министерской принадлежности, места и рода службы. По Уставу о пенсиях 1827 г. полная пенсия назначалась за 35 лет службы, пенсия в размере $\frac{2}{3}$ от полной – за 30 лет, в размере $\frac{1}{3}$ – за 20 лет. Кроме того, существовали привилегированные сроки выслуги, например, служащие по военно-учебному ведомству – полный оклад пенсии за 25 лет, половинный – за 20 лет [5].

5) Кроме выслуги определенного срока во всех поименованных государствах, кроме Германии, для получения права на пенсию требовалось достижение известного возраста, т.е. пенсия по старости. В

указанных странах определение известного возраста, дающего право на пенсию, было различно и простиралось от 55 до 70 лет [2, с. 49].

6) Кроме вышеизложенных причин, влияющих на размер пенсий, многие законодательства определяли высший и низших их размеры. В России низший предел устанавливался статьей 91 Устава о пенсиях: «Когда оклад жалованья на службе был менее 28 руб. 59 коп., тогда определяется в пенсию полный оклад, несмотря на лета службы» [4, с. 183].

7) Во всех поименованных государствах размер пенсии определяется из содержания пропорционально пенсионной выслуге, и таким образом пенсия возрастала с каждым прослуженным годом.

8) Беспорочность службы, как необходимое условие получения пенсии, указывается в пенсионных законах всех перечисленных государств. В России основания для прекращения пенсионных правоотношений, разбросанные по разным нормативно-правовым актам, были сведены в законе «О презрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 года. Выдача пенсий прекращалась в случаях: «1) смерти; 2) поступления в монашество; 3) поступления на государственную службу (не по вольному найму) на платную должность, с правом на пенсию по общим правилам; 4) присуждения судебным приговором к наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния или без правоограничений, но за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества или за ростовщичество. Даже если такие лица после состоявшегося осуждения и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силой Всемилютейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; 5) пребывания за границей более дозволенного срока; 6) принятия иностранного подданства и 7) истечения срока, определенного при назначении временной пенсии, и неявки к назначенному сроку на пересвидетельствование» [6].

9) Прекращение пенсии определялось во всех государствах: лишением прав гражданства, судебным приговором и выездом за границу без дозволения правительства, в некоторых же законодательствах неявкой известного числа лет за получением пенсии.

Что касается пенсионного обеспечения семейств умерших служащих, то в законодательствах европейских государств сложно найти общие юридические факты, лежащие в основании возникновения

пенсионных правоотношений. Проблема в том, что правительства не признали собственно за собой обязанности обеспечивать их, предоставляя это разным кассам, основанным на началах пожизненного страхования или сберегательных касс, и предоставляя себе только право поддерживать подобные кассы единовременными или ежегодными пособиями, передаваемыми в кассы, или непосредственно уплачиваемыми оставшимся после смерти служащего семействам.

Даже относительно того, кого считать составляющим семейство, существовали различия; так, в некоторых государствах право получения пенсии распространялось на всех родственников, которых содержал умерший, в других же – только собственно на вдову или круглых сирот.

В Англии пенсии семействам предоставлялись лишь в виде изъятия, если глава семейства пострадал при исполнении служебных обязанностей. В Бельгии и Швеции обеспечение семейств осуществляется путем учреждения специальных для этого касс эмеритального типа. По австрийским законам пенсии вдовам исчислялись, за незначительными исключениями, независимо от продолжительности службы их мужей, детям же, при жизни их матерей, выдавались пособия на воспитание, а после их смерти – сиротские пенсии. В Германии вдовам и сиротам производилось в течение первых трех месяцев после смерти чиновника полное его содержание или полная пенсия, смотря по тому, умер ли он на службе или в отставке с пенсией, но взамен того пенсия назначалась не со дня смерти чиновника, а со дня прекращения означенных выданных [1, с. 8].

Общим в законодательстве европейских стран в отношении пенсионного обеспечения семейств служащих являлись размер пенсий и условия прекращения их выплат. Так, размер пенсии семействам в высшей своей норме никогда не превосходил половины той пенсии, которую бы получил умерший, выйдя в отставку в день своей смерти, а пенсия прекращалась везде для сирот достижением совершеннолетия, для вдов же судебным приговором или вторичным супружеством.

В Германии и Италии вычетов на пенсии чиновникам и их семействам вообще не установлено, в Бельгии вычеты были установлены лишь во вдовьи и сиротские кассы (5%), а в остальных государствах вычеты производились на пенсии как самих чиновников, так и их семейств, причем наибольший размер этих вычетов определяется в

5%. Однако следует заметить, что вычеты везде покрывали только незначительную часть правительственных пенсионных расходов.

Общее число расходов на пенсии из государственных доходов определить можно только приблизительно. В среднем европейские государства выделяли на пенсионное обеспечение служащих 4,65% своих доходов. Если говорить конкретно, то Италия расходовала на пенсии 9,3% своих доходов, Пруссия – 5,4%, Франция – 4,3%, Австрия – 2,4%. Россия по смете 1867 года расходовала на пенсии 3,9% своих государственных доходов [2, с. 51].

Анализируя основания пенсионного обеспечения служащих европейских армий, профессор Макшеев Ф.А. делит их на две системы [2, с. 279]. Отличительные черты первой системы, которая функционировала в Германии и Австрии (автор называет ее «немецкой»), заключались в следующем: 1) ранние сроки выслуги пенсии (после 10 лет службы); 2) пропорциональность пенсионных окладов получаемому на службе содержанию; 3) значительность пенсионных окладов; 4) ежегодное нарастание пенсии, начиная с года, следующего за годом первой выслуженной пенсии.

Характерные черты второй системы, которую профессор называет «франко-русской», были следующие: 1) поздние сроки выслуги пенсии (Россия – не ранее 25 лет, Франция – не ранее 30 лет); 2) несоответствие пенсии с получаемым на службе содержанием; 3) пенсионные оклады невелики, и отставка с такой пенсией являлась для служащего истинным бедствием; 4) отсутствие ежегодного нарастания пенсии, начиная с года, следующего за годом первой выслуженной пенсии (и за 25 лет и 34 года службы один и тот же оклад пенсии).

Исследователь делает вывод, что немецкая система пенсий более благоприятна для уходящих в отставку. Она делает службу «заманчивой» и в то же время ограждает последнюю от «засорения» ее «неподходящими» элементами. При такой системе возможно применение довольно «сложного» отбора служащих. Только действительно полезные кадры будут удерживаться на службе и продвигаться вверх по служебной лестнице.

В XX в. происходило постепенное сближение пенсионных систем развитых европейских стран. Там, где они были основаны на страховых взносах (Германия), вводились гарантии минимальной пенсии, не зависящие от предшествующих взносов. В странах, ориентировавших пенсионную систему на государственное финанси-

ние, отменялся контроль нуждаемости. В дополнение к плоским минимальным пенсиям вводится система обязательного социального страхования.

Список литературы

1. *Главные положения о пенсионном обеспечении гражданских чиновников и их семейств в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции и Швеции.* (Материалы к пересмотру пенсионного законодательства). СПб., 1912.

2. *Краткое обозрение главнейших иностранных законодательств о пенсиях* // Труды Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. Т. I. СПб., 1871.

3. *Макшеев Ф.А. Военное хозяйство в мирное время в армиях: русской, германской, австрийской и французской (сравнительный очерк современного устройства его).* СПб., 1904.

4. *Сапилов Е.В. Пенсионное обеспечение дореволюционной России* // ЭКО. 2004. № 10.

5. *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. 2. Т 2, № 1592.

6. *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. 3. Т 32. Отд. 1. № 37507.

7. *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз и А.И. Ефрон. Т. 45. СПб., 1898.

РАЗДЕЛ III.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

*Аванесов Э. А.,
специалист по молодежной политике
студенческих инициатив и проектов
филиала СКФУ в г. Пятигорске*

СФЕРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В представленной статье раскрыты особенности уголовной ответственности за криминальные посягательства в сфере предпринимательства в ряде зарубежных стран. Выделяется положительный опыт, заимствование которого может способствовать оптимизации отечественного нормативного инструментария, обеспечивающего уголовно-правовую охрану общественных отношений в предпринимательской сфере от наиболее опасных криминальных посягательств.

Ключевые слова: сфера предпринимательства; зарубежный опыт; оптимизация; романо-германская правовая семья.

Одним из приоритетных направлений осуществляемой в России уголовной политики является оптимизация уголовно-правовой охраны общественных отношений в экономике. Однако ряд нормативных установлений, в частности посредством которых устанавливается уголовная ответственность за посягательства на предпринимательскую сферу, несмотря на свои потенциальные возможности, часто характеризуются слабым правоприменительным потенциалом [1]. В этой связи целесообразно рассмотреть зарубежный опыт уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений с целью определения возможности его использования для оптимизации отечественного правового инструментария.

Зарубежные страны в части регламентации ответственности за посягательства на основы предпринимательской деятельности можно условно разделить на две группы.

К первой группе относятся страны, в которых специально не предусмотрена ответственность за преступные посягательства на основы предпринимательской деятельности (например, Франция и Испания).

В УК *Франции* [2] и УК *Испании* [3] отсутствуют нормы, напрямую устанавливающие ответственность за преступные посягательства на основы предпринимательской деятельности. Тем не менее ряд деяний содержат признаки, схожие с признаками составов преступлений, предусмотренных ст. 171, 171², 172, 173¹, 173² УК РФ.

В частности, в соответствии со ст. 313-1 УК *Франции* мошенничеством признается совершенное путем использования ложного имени или ложного статуса, либо путем злоупотребления действительным статусом, либо путем использования обманных приемов введение в заблуждение какого-либо физического или юридического лица и склонение его таким образом к тому, чтобы оно в ущерб себе или третьим лицам передало денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или какое бы то ни было иное имущество, предоставило услуги или совершило сделку, влекущую возникновение обязанности или освобождение от нее. Такое деяние наказывается пятью годами лишения свободы и штрафом в размере 375 тысяч евро. В данном случае мы видим возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение мошеннических действий с использованием в том числе фирм-однодневок. Такие деяния по УК *Франции* полностью охватываются ст. 313-1.

Также в отделе третьем УК *Франции* «О нарушении положений, регламентирующих виды профессиональной деятельности, осуществляемые в общественных местах» в ст. R. 644-3 предусмотрена ответственность за деяние, совершенное без разрешения или надлежащего заявления, выразившееся в предложении, выставлении на продажу или показе с целью продажи товаров или в осуществлении любого другого вида профессиональной деятельности в общественных местах в нарушение положений регламентов, регулирующих общественный порядок в этих местах. Указанное деяние является не преступлением, а правонарушением, и его совершение, так же, как и в соответствии с российским законодательством об административных правонарушениях, не требует наличия признаков причинения крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере.

В УК *Испании* содержится норма, в рамках которой предусмотрена ответственность за причинение ущерба чужой собственности (за исключением случаев причинения ущерба при совершении иных деяний, предусмотренных уголовным законом *Испании*) – это ст. 263, но в то же время отсутствует какое-либо указание на конкретные действия, влекущие за собой последствия в виде причинения ущерба. Та-

кая позиция испанского законодателя позволяет относить к наказуемым ст. 263 деяниям, в том числе и «незаконное предпринимательство», и «незаконную банковскую деятельность», ответственность за совершение которых специально не предусмотрена уголовным законом. Наказывается обозначенное преступление штрафом на сумму от шести до двадцати четырех месячных заработных плат, учитывая экономическое положение потерпевшего и стоимость ущерба, если он превышает 400 евро.

Кроме того, в испанском уголовном законодательстве содержится ряд норм (305 – 310-bis) об ответственности за налоговые преступления, которые охватывают в том числе деяния, связанные с образованием фирм-однодневок. Так, ст. 305 устанавливает ответственность за совершение действий или бездействия, причиняющих ущерб казне государства, региональной, местной казне, в случаях уклонения от уплаты налогов, удержанных сумм или тех сумм, которые должны быть удержаны, либо необоснованного возмещения налоговых поступлений или чрезмерного пользования налоговыми льготами, если сумма недоплаченных налогов, сумма не поступивших удержаний или сумма, подлежащая возмещению, либо сумма необоснованно полученных казенных средств или используемых казенных средств превышает 120 тысяч евро. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от одного до пяти лет и штрафом в размере шестикратной стоимости указанных сумм. При этом в пункте втором указанной нормы установлено, что совершение данного преступления возможно преступной организацией или группой, а также физическим или юридическим лицом, действующим под прикрытием осуществления реальной экономической деятельности. В таком случае ответственность наступает также с момента достижения суммы, указанной в пункте 1, т.е. суммы, превышающей 120 тысяч евро.

Еще одна норма испанского УК перекликается со ст. 173¹ УК РФ – это ст. 515 (отдел 1 «О преступлениях, совершенных по поводу осуществления основных прав и публичных свобод, гарантированных Конституцией», глава IV «О преступлениях, связанных с осуществлением основных прав и публичных свобод и обязанностью исполнения социальных работ»). Согласно п. 1 указанной нормы уголовно наказуемым является создание незаконных ассоциаций, имеющих целью совершение преступления, содействия его совершению и т.д.

Как уже ранее было сказано, незаконное предпринимательство напрямую УК Испании не запрещено, однако в ст. 403 предусмотрена ответственность за похожее преступление, а в ст. 636 – за похожий проступок. Так, по ст. 403 к ответственности привлекается лицо, осуществляющее профессиональные действия, не обладая соответствующей ученой степенью, провозглашенной или признанной в Испании в соответствии с действующим законодательством; по ст. 636 – тот, кто будет осуществлять деятельность, не обладая обязательными гарантиями гражданской ответственности, которая требуется по закону для осуществления такой деятельности.

Следующая группа стран – это те субъекты международного права, в которых частично криминализированы посягательства на основы предпринимательской деятельности, в основном запрещающие незаконную игорную и лотерейную деятельность (например, Германия, Швеция, Дания).

В УК ФРГ [4] (Федеративная Республика Германия), как в Испании и во Франции, содержатся нормы, напрямую не устанавливающие уголовную ответственность за посягательства на основы предпринимательской деятельности (параграфы 132 а «Злоупотребление званиями, названиями профессиональных специальностей» и 257 «Пособничество лицу, совершившему противоправное деяние»), а также нормы, устанавливающие такую ответственность (параграфы 284 «Неразрешенная организация азартной игры», 285 «Участие в неразрешенной азартной игре», 287 «Неразрешенная организация лотереи или розыгрыша»).

Параграф 284 раздела двадцать пятого «Наказуемая корысть» предусматривает ответственность за неразрешенную организацию азартной игры. Преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие порядок организации азартных игр, как и преступление, предусмотренное ст. 171² УК РФ.

Указанный параграф состоит из четырех частей. В соответствии с абзацем первым лишением свободы на срок до двух лет или штрафом наказывается лицо, которое публично, без официального разрешения, организует азартную игру или содержит или предоставляет для нее условия. В отличие от соответствующей нормы отечественного УК уголовно-наказуемым данное деяние является независимо от размера извлеченного дохода в результате такой деятельности. Такой подход законодателя ФРГ является более эффективным, так как отследить доходы от небольших заведений, организующих азартные

игры достаточно сложно. Административные штрафы не пугают субъектов, которые совершают указанные деяния, приносящие высокий доход. На это мы уже ранее указывали, изучая историю развития российского уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

В абзаце втором этого же параграфа законодатель уточняет, что к публично организованным относятся также азартные игры в объединениях или закрытых обществах, в которых азартные игры являются обыкновением.

Квалифицированным видом уголовно-наказуемой организации азартных игр в Германии выступает деяние, предусмотренное абзацем первым, осуществляемое в виде промысла или когда оно совершается членом банды, которая организовалась для постоянного совершения неразрешенной организации азартных игр. В этом случае деяние наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. При этом для привлечения к ответственности по абз. 3 параграфа 284 не требуется устанавливать сумму извлеченного дохода.

Еще одно существенное отличие от российской нормы мы находим в абзаце четвертом анализируемого параграфа, который предусматривает ответственность за вербовку для участия в азартной игре (наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом).

Кроме того, законодатель Германии в целях недопущения незаконных азартных игр в параграфе 285 установил ответственность для участников в неразрешенной азартной игре. Такая мера в рамках российского уголовного законодательства позволит уменьшить спрос на незаконные азартные игры, что в свою очередь позитивно скажется на ситуации с незаконным игорным бизнесом.

В Германии также установлена ответственность за незаконную организацию лотерей и розыгрышей. Согласно параграфу 287 лишением свободы на срок до двух лет или штрафом наказываются: организация публичной лотереи или розыгрышей движимыми или недвижимыми предметами; предложение заключить договоры на игру для публичной лотереи или розыгрыша; принятие предложения, относящегося к заключению таких договоров на игру. Также лишением свободы на срок до одного года или штрафом наказывается вербовка для участия в общественных лотереях или розыгрышах.

В УК *Швеции* [5] так же, как и в УК ФРГ, предусмотрена ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр

(ст. 14, 14а и 18 главы 16 «О преступлениях против общественного порядка»).

Однако уголовно-наказуемой незаконная организация азартных игр по УК Швеции будет являться только тогда, когда ввиду природы этого мероприятия, размера ставок и других обстоятельств оно становится опасным или может принести значительный финансовый доход организатору. Наказывается такое деяние штрафом или лишением свободы на срок не более двух лет. Те же санкции применяются к лицам, разрешившим такую деятельность в квартире или в другом помещении, открытом для публичного доступа.

Ст. 14 а содержит квалифицированный состав по отношению к составу ст. 14. В ней указано, что совершение преступления, предусмотренного ст. 14, влечет более строгую ответственность (лишение свободы на срок не менее шести месяцев и не более четырех лет), если указанные мероприятия осуществлялись профессионально, включали значительные суммы или иным образом носили особо опасный характер.

В ст. 18 говорится о том, что соучастником организации азартных игр является лицо, передавшее право узуфрукта на помещение и узнавшее, что все помещение или значительная его часть используется или предназначено для проведения незаконных азартных игр. При этом такое лицо не предпринимает никаких действий, направленных на прекращение передачи права узуфрукта.

Следующий западноевропейский законодательный акт уголовно-правового характера, предусматривающий ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, – это УК *Дании* [6] (параграфы 203 и 204).

Согласно параграфу 203 подлежит ответственности в виде штрафа или лишения свободы на срок до одного года лицо, которое зарабатывает себе на жизнь азартными играми или пари аналогичного характера, не разрешенными специальными правилами, а также лицо, содействующее таким азартным играм. Опять же, деяние носит уголовно-правовой характер независимо от суммы извлеченного дохода.

В параграфе 204 установлен запрет на обеспечение помещением или организацию несанкционированной азартной игры в общественном месте. Такое деяние наказывается штрафом или лишением свободы на срок до шести месяцев. При этом к общественному месту приравнивается помещение клуба, если любое лицо или лицо,

принадлежащее определенной социальной группе, как правило, может быть допущено в данный клуб, или если проведение несанкционированных азартных игр является одной из целей такого клуба, или если уплачиваются взносы за участие в азартной игре. Кроме того, любое лицо, участвующее в несанкционированных азартных играх в общественном месте, подлежит штрафу.

Еще одна норма датского уголовного законодательства заслуживает внимания. В соответствии с параграфом 131, ответственности подлежит лицо, которое без государственных полномочий осуществляет деятельность, для которой такие полномочия требуются, или продолжает осуществлять указанные действия, несмотря на то, что было лишено полномочий на их совершение. Наказывается такое деяние штрафом либо лишением свободы на срок, не превышающий шести месяцев.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод об отсутствии единого подхода к уголовно-правовой регламентации посягательств на предпринимательскую сферу в государствах романо-германской правовой семьи. Относительно возможности заимствования зарубежного опыта в целях оптимизации отечественного правового инструментария необходимо указать на несколько перспективных направлений.

Во-первых, исходя из анализа уголовного законодательства ФРГ и Швеции, целесообразно исключить из ст. 171² УК РФ конструктивный признак, определяемый как «извлечение дохода в крупном размере». Изучение следственно-судебной практики свидетельствует о том, что правоприменители часто не имеют объективной возможности оценить полученные доходы, и это позволяет лицам, осуществляющим проведение нелегальных азартных игр, избегать уголовной ответственности и продолжать свою криминальную деятельность. Также необходимо рассмотреть возможность установления уголовной ответственности не только за факт незаконных азартных игр, но и за рекламу подобных мероприятий, как это сделано на территории Германии.

Во-вторых, в целях недопущения осуществления игровой деятельности под прикрытием лотереи, установить в отечественном уголовном законе ответственность за незаконную организацию лотерей и розыгрышей.

В целом исследование зарубежного правового инструментария свидетельствует о значительных возможностях повышения эффек-

тивности уголовно-правовой охраны предпринимательской сферы посредством использования опыта, наработанного в ряде самостоятельных субъектов международного права.

Список литературы

1. *Петров С.В.* Системные проблемы уголовной политики в современной России // Современные проблемы уголовной политики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во Краснодарского ун-та МВД России, 2012. С. 124–136.
2. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/>.
3. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo10-1995.html.
4. URL: <http://dejure.org/gesetze/StGB>.
5. URL: http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-agar/Lagar/Svenskforfattningssamling/Brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/.
6. URL: www.retsinformation.dk.

*Агеев А. Н.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

*Бугаенко П.,
студент 4 курса юридического факультета
СПбЮИ (ф) АГП РФ, г. Санкт-Петербург*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Статья посвящена новым направлениями деятельности и основополагающей роли прокуратуры в борьбе с правонарушениями и преступностью в реалиях современной России и изменяющемся мире.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура РФ; деятельность прокуратуры; нарушения закона; уголовное преследование; прокурорский надзор; роль прокурора; изменение федерального законодательства.

Конституция Российской Федерации непосредственно не закрепляет полномочия, организацию и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации, оставляя решение этих вопросов законодателю [1, ч. 1 ст. 129], и тем самым не исключает принципиальную возможность наделения органов прокуратуры и иными – выходящими за рамки уголовно-правовой сферы – функциями. Прокуратура Российской Федерации заметно меняется в новых реалиях современной России и мира, расширяя свои функции и увеличивая объемы надзорной деятельности в борьбе с правонарушениями, преступностью и за влияние, в связи с чем повышаются требования к результатам её работы со стороны государства, общества и простых граждан. Вот некоторые оценки роли прокуратуры и результатов осуществления прокуратурой своих функций последнего времени.

«Сегодня в числе приоритетных направлений работы российской прокуратуры – борьба с организованной преступностью и коррупцией, укрепление правопорядка и общественной безопасности. Неустанного внимания требуют вопросы, связанные с пресечением любых проявлений терроризма и экстремизма, пропаганды идей национальной, религиозной и социальной нетерпимости», – говорится в

приветственной телеграмме Президента РФ В.В. Путина по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2015 года. Президент РФ также напомнил о значимой и ключевой роли прокуратуры в укреплении российской государственности, законности и правопорядка, защите прав и интересов граждан страны в различные периоды истории [5, с. 1].

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ С. Нарышкин, поздравляя прокуроров, отметил: «Для депутатов Государственной Думы крайне важно иметь постоянный диалог с работниками прокуратуры. Нам важны ваш профессиональный опыт, ваши оценки правоприменения, ваш анализ правоприменительной практики в целом». С. Иванов, глава администрации Президента РФ, призвал прокуроров снижать административное давление на бизнес, «решительно пресекать всяческие попытки чинить предпринимателям препятствия, в том числе путем необоснованных, «заказных», проверок, которые зачастую похожи на просто вымогательство». Как подчеркнул С. Иванов, еще одна важнейшая функция прокуратуры – защита прав и интересов граждан, только в 2014 г. благодаря вмешательству прокуратуры было выплачено около 7 млрд рублей задержанной зарплаты. В 2015 г., учитывая непростую экономическую ситуацию, в числе задач прокуроров – контроль за ценообразованием на топливо, продукты питания, лекарства. «Количество граждан, обращающихся в прокуратуру за защитой своих интересов, с каждым годом растет. И это является свидетельством доверия людей прокуратуре». Вице-премьер Правительства РФ Д. Рогозин подчеркнул важность прокурорского надзора в сфере выполнения гособоронзаказа, в т.ч. крупнейшего проекта – строительства космодрома «Восточный». «Там, где большие деньги, там всегда, как магнитом, идет притяжение тех людей, которые хотели бы воспользоваться ими не в государственных интересах. Необходимо, чтобы за соблюдением законности при проведении строительства следила в том числе и прокуратура». Так оценивают прокурорскую деятельность руководители государства.

Теперь рассмотрим некоторые качественные и количественные показатели работы органов прокуратуры РФ в 2014 г. Цифры привел Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка в своем выступлении 11.01.2015 г. [3, с. 1]. Введение санкций против РФ практически не повлияло на взаимодействие прокуратуры РФ с зарубежными коллегами. В ушедшем году Генеральная прокуратура РФ (далее ГП РФ) рассмот-

рела около полутора тысяч запросов компетентных органов иностранных государств о выдаче преступников из РФ. Зарубежные партнеры, в свою очередь, получили от ГП РФ около 400 запросов о выдаче. В 2014 г. компетентные органы Франции и Италии по требованиям ГП РФ арестовали 6 крупных объектов недвижимого имущества, в том числе элитные особняки и отели в курортных зонах, на сотни млн. евро по уголовным делам в отношении Б. Березовского и других лиц. Формальными собственниками этих объектов недвижимости являются иностранные юридические лица, но ГП РФ убедило суд, что они приобретались на средства, полученные в РФ преступным путем. Из Швейцарии возвращены активы бывшего сенатора И. Измествьева, осужденного в РФ к пожизненному лишению свободы. В настоящее время граждане РФ получили около 10 млн рублей в части выплаты компенсации родственникам тех, кто погиб от рук членов его преступной группы, т.е. исполнено решение суда РФ за счет финансовых средств, находившихся за рубежом. На основании запроса ГП РФ по делу о незаконной банковской деятельности компетентными органами Латвии наложен арест на сумму, эквивалентную 11 млрд рублей, и получено решение латвийского суда о перечислении этих средств в РФ. В целом у ГП РФ в 2014–2015 гг. сохраняются необходимые контакты с Генеральной прокуратурой Украины, в том числе направляются запросы о правовой помощи российских следственных органов и рассматриваем аналогичные запросы украинской стороны.

В 2014 г. в прокуратуру поступило почти 4 млн обращений граждан. Прокуратура в истекшем году выявила 4,5 млн нарушений закона, а по прокурорским материалам возбуждено более 22 тыс. уголовных дел. По требованию органов прокуратуры более 300 тыс. лиц привлечено к различным видам ответственности за допущенные нарушения закона. Кроме того, за 2014 г. было заблокировано свыше 900 экстремистских сайтов.

В стране непростая экономическая ситуация, и прокуратура, применяя свои весьма широкие полномочия, помогает простым гражданам. В поле зрения прокуроров находятся вопросы соблюдения законодательства о гарантиях социально уязвимым категориям населения на медицинское, лекарственное и жилищное обеспечение. Прокуратура защищает права граждан на своевременное получение заработной платы, доступное образование, благоприятную природную среду. В центре внимания прокуратуры остаются устранение правонарушений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, про-

зрачности и обоснованности установления тарифов по оплате ЖКХ. Прокуроры следят за соблюдением прав граждан при получении ими компенсаций в случае стихийных бедствий.

Отдельные усилия в 2014 г. были направлены на пресечение случаев необоснованного роста цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию, фактов ценовых сговоров. В преддверии празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне ГП РФ ориентировала всех прокуроров страны задействовать весь арсенал прокурорских полномочий для защиты прав ветеранов и членов их семей. По поручению ГП РФ прокурорами 15 субъектов проведена проверка исполнения законодательства в деятельности туристических организаций и вскрыто около 1700 нарушений закона, для устранения которых внесено свыше 600 представлений, возбуждено более 600 дел об административном правонарушении.

В течение пяти лет прокуроры осуществляют работу по формированию ежегодных Сводных планов проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также согласованию выездных внеплановых проверок. Реализация указанных полномочий в сфере государственного и муниципального контроля стала серьезным препятствием для незаконных проверок: только при формировании ежегодных сводных планов таких за последние пять лет отклонено свыше 4 млн. За тот же период прокурорами рассмотрено около 200 тыс. обращений органов контроля всех уровней о согласовании проведения выездных внеплановых проверок субъектов предпринимательства. При этом решения об отказе в их согласовании приняты почти в половине случаев, что позволило предотвратить незаконное вмешательство в деятельность около 80 тыс. хозяйствующих субъектов.

В 2014 г. по поручению Президента РФ подготовлен и внесен в Государственную Думу законопроект, наделяющий органы прокуратуры полномочиями по ведению Единого реестра проверок хозяйствующих субъектов, содержащего сведения об основаниях, сроках и результатах проведения как плановых, так и внеплановых проверок, принятых мерах по пресечению и устранению выявленных нарушений закона, который в ближайшее время вступит в силу. Именно об этом говорил Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию. В частности он отметил, что реестр «позволит отсечь немотивированные, еще хуже, «заказные» визиты контролеров», обеспечит

прозрачность осуществления государственного и муниципального контроля, будет способствовать повышению его эффективности.

В силу требований федерального закона органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов федеральными органами государственной власти. Это касается всех видов законодательства: о противодействии коррупции, о федеральной государственной службе, о государственных закупках, об обороте оружия, об обращениях граждан и других. В то же время Следственный комитет РФ выпадал из этого правового поля. Сейчас этот недостаток устранен. Вместе с тем ни о каком «ограничении прав» Следственного комитета РФ речи не идет: процессуальные и иные полномочия, которыми наделен этот федеральный государственный орган, а также права прокуроров в части надзора за производством предварительного следствия остаются неизменными, хотя поводов говорить о необходимости усилить прокурорский надзор за счет увеличения полномочий достаточно. Действительно, всеми органами предварительного расследования закон нередко нарушается еще до возбуждения уголовного дела. Ежегодно прокуроры выявляют массу случаев, когда гражданам отказывают в приеме их заявлений о преступлениях при наличии бесспорных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Отмененные прокурорами постановления об отказе в возбуждении уголовного дела исчисляются миллионами. Нередко нарушаются правила проведения оперативно-розыскных мероприятий, причем зачастую вследствие незнания закона. Всего за неполный 2014 г. прокурорами выявлено 4,4 млн. нарушений закона в ходе предварительного расследования на стадии досудебного производства, из них – 2,9 млн. допущены в рамках приема и рассмотрения сообщений о преступлениях.

Основываясь на анализе данных ГП РФ по реализации уголовного преследования и надзору за органами предварительного расследования, можно говорить об изменении в уголовно-правовой системе государства. В первую очередь ГП РФ хочет устранить недостатки, проявившиеся при реализации положений закона о так называемой «сделке с правосудием». По мнению ГП РФ, виновный, заключивший подобное соглашение, прежде должен выполнить свои обязательства по содействию правосудию. Пока, наоборот, ему сначала идут на уступки, выносят либеральный приговор, и лишь затем осужденный дает нужные показания в суде. При этом сущность правового института, призванного содействовать в изобличении организованной

преступности и коррупции, страдает из-за стремления органов предварительного расследования упростить свою работу по сбору доказательств.

Необходима существенная корректировка и сложившейся практике рассмотрения уголовных дел судом в особом порядке – когда обвинительный приговор подсудимому в случае признания им вины выносится без исследования доказательств. Данная форма правосудия, применяемая в среднем по 60 процентов всех рассмотренных судом дел, на сегодня вызвала озабоченность со стороны как законодателей, так и правоприменителей. При таком значительном количестве рассмотренных в упрощенном порядке уголовных дел число допускаемых нарушений законодательства, в том числе конституционных прав граждан, не только не снижается, но и растет. Это не случайно. Привычка идти по более простому пути пагубно сказывается на профессиональных навыках и качестве следствия, снижается квалификация следователей, государственных обвинителей и судей. Комиссар Совета Европы по правам человека Муйжниекс, высказываясь по указанной практике, отметил, что широкое применение особого порядка с учетом возможности признания вины обвиняемым, в том числе и в случае его фактической невиновности, требует принятия надлежащих законодательных мер.

Однако нужно не подстраивать федеральное законодательство под конкретную ситуацию, а прокуратуре, другим правоохранительным органам и суду совершенствовать практику применения этого закона для существующей реальности. Тем более, 17.02.2015 г. Пленум Верховного Суда РФ утвердил законопроект, который предлагает ввести процедуру упрощенного (без вызова сторон, на основании только документов) гражданского (арбитражного) судопроизводства по делам о взыскании долга до 500 тыс. рублей, а также проект закона и следственных судьях по контролю над предварительным следствием [4, с. 1].

Нужно ли прокуратуре РФ усиление прокурорского надзора? Хороший вопрос, в свете имеющихся законопроектов по актуализации (увеличению) полномочий прокурора, в т.ч. проектов законов от 2011 г. «О прокуратуре РФ» и «О статусе прокуроров в Российской Федерации», предусматривающий структурные изменения прокуратуры и юридически закрепляющие возложенные на органы прокуратуры дополнительные функции и полномочия, уточняющие статус прокуроров и меры их социального обеспечения [7, с. 1].

Реализация концептуальной идеи разделения предварительного следствия и прокурорского надзора не предполагают возвращения прокурору полномочий, которыми он обладал до 2007 г. Вместе с тем, лишение прокуроров ряда надзорных функций привело к очевидному дисбалансу правозащитного механизма, хотя у прокурора осталось право требовать от органов предварительного расследования устранения выявленных им нарушений. Право есть, но законодатель не обеспечил исполнение соответствующих актов в императивной форме, что позволяет руководителям органов предварительного расследования заявлять о несогласии с требованиями прокурора. Процедура обжалования прокурором такого решения приводит к существенному затягиванию процесса устранения выявленных нарушений федерального законодательства. По уголовным делам прокурор ограничен даже в возможности повлиять на обеспечение одной из основных конституционных гарантий – права на свободу и личную неприкосновенность в вопросах избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, где сегодня доминируют должностные лица органов предварительного расследования. Предлагается вернуть положение уголовно-процессуального законодательства РФ о том, что ходатайство следователя об аресте рассматривалось судом только при согласии с ним надзирающего прокурора. Видится, что прокурор должен иметь право возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении: следователей, судей, прокуроров, адвокатов; возбуждать уголовные дела при отмене незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и по результатам прокурорских проверок, а также принимать к своему производству уголовное дело о любом преступлении [3, с. 3].

Не много ли полномочий и функций на одну федеральную государственную структуру для осуществления правоохранительной и не правоохранительной деятельности? Попробуем разобраться и провести актуализацию деятельности прокуратуры.

Поправки, внесенные Федеральным законом от 22.12.2014 N 427-ФЗ в Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [6, с. 1], являются 39-м изменением федерального закона «О прокуратуре РФ» с момента принятия его в 1992 г. Причем из них 33 изменения закона были приняты с 1999 г., в политическую эру В.В. Путина. В последнее время закон меняется по несколько раз за год. Изменения были в феврале, июне, июле и декабре в 2014 г. Закон «О прокуратуре» перекраивается вдоль и попе-

рек. Что касается последних изменений, то основные среди них – организационно-управленческие, то есть порядок назначения на должность Генерального прокурора РФ, его заместителей и прокуроров субъектов РФ, порядок привлечения их к ответственности, то есть полностью изменен порядок соподчиненности в деятельности прокуратуры. Генеральный прокурор РФ теперь может только предлагать Президенту РФ кандидатуры на должности своих заместителей и прокуроров субъектов РФ. Более того, в законе отдельно написано, что Генеральный прокурор РФ не вправе налагать некоторые дисциплинарные взыскания, наказывать своих подчиненных, понизить в должности или уволить назначенных на должность Президентом РФ; вводятся ограничения полномочий Генерального прокурора РФ: он обязан сообщать Президенту РФ о причинах дисциплинарного наказания должностных лиц прокуратуры, назначенных им.

Все изменения федерального законодательства, на наш взгляд, это шаги в сторону лишения прокуратуры самостоятельности как отдельного правоохранительного ведомства. Прокуратура, наряду с традиционными для постсоветской и современной России функциями и направлениями надзора, по сути своей стала экспертным, учетным, статистическим, контрольно-ревизионным федеральным органом исполнительной власти, а фактически – главным дополнительным контролером президентской власти РФ, находящимся под его личным контролем, по отслеживанию внутренней политики практически во всех сферах общественных отношений, в том числе и в области борьбы с правонарушениями и преступлениями.

Хороши или плохи происходящие метаморфозы главного правоохранительного органа – покажет время, но раньше Генеральная прокуратура РФ была самостоятельным игроком, хотя и излишним, её надзор противопоставлялся судебному контролю во благо общества и широких экономически незащищенных слоев населения РФ, тем самым выполняя одну из функций сдержек и противовесов в государстве. В настоящее время политизация прокуратуры резко повышается.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в своем недавнем Постановлении [2, с. 1] подтвердил роль и место прокурорского надзора как инструмента «универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей», которые обусловлены межотраслевым, надведомственным и универсальным характером прокурорского надзора, особенности его юридической природы, отражен-

ные в системе действующего законодательства РФ. Данное утверждение не помешало Конституционному Суду РФ признать взаимосвязанные положения п. 1 ст. 6 и п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 18, 19 (ч. 1 и 2), 46 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) в той мере, в какой эти положения – в нарушение требования формальной определенности закона – не устанавливают общие (предельные) сроки проведения органами прокуратуры проверки исполнения законов некоммерческими организациями, а также, предусматривая безусловное исполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий по проведению проверки исполнения законов, в установленный срок, нарушение которого в системе действующего правового регулирования предполагает наступление административной ответственности, не регламентируют конкретные сроки исполнения таких требований.

Закон о прокуратуре ждут новые многочисленные изменения либо концептуально новый закон, взаимосвязанный с концептуальным федеральным законодательством, регламентирующим деятельность правоохранительных органов РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 22.02.2015).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки

С. А. Ганнушкиной» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/ (дата обращения: 22.02.2015).

3. *«Прокуратура смотрит в будущее»* // Российская газета. 2015. № 6573 (2) от 12.01.2015.

4. *Простое решение* // Газета «Ведомости». 2015. №28 (3774) от 18.02.2015.

5 *«Путин назвал борьбу с экстремизмом одной из главных задач прокуратуры»* // Российская газета. 2015. № 6573 (2) от 12.01.2015.

6. *Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 22.12.2014)* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 22.02.2015).

7. URL: <http://pravo.ru/news/view/54585/>.

*Агутин А. В.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

К ВОПРОСУ О СМЫСЛЕ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена осмыслению понимания смысла внутреннего убеждения сквозь призму культуры российского народа. Проанализированы подходы к пониманию внутреннего убеждения в отечественной юридической науке. Обращено внимание на отсутствие идеологических критериев понимания внутреннего убеждения. Обоснована идея о необходимости формирования внутреннего убеждения на основе духовности российского народа.

Ключевые слова: смысл; внутреннее убеждение; российский народ; фундаментальные ценности; духовность российского народа; государство; культура; российская общность.

Правовая идея внутреннего убеждения в уголовно-процессуальной сфере является воплощением смыслов западноевропейской культуры. Первопроходцами в этом деле являются французские юристы. Именно они на уровне смысла осуществили разработку теоретической модели внутреннего убеждения. Не будем голословны. В подтверждение сказанного обратимся к результатам исследований, которые прямо или косвенно подтверждают верность высказанного нами положения. Одним из первых на смысловую ипостась внутреннего убеждения было акцентировано внимание В.Ф. Боханом. В частности он указывает на то, смысл внутреннего убеждения во французском уголовном судопроизводстве заключался в том, чтобы «присяжные должны были внимательно углубиться в свое сознание и получить внутреннее убеждение получить из глубины своего внутреннего мира без учета того, на основании каких объективных данных у них сложилось убеждение»[3, с. 40–41].

В развернутом виде смысл внутреннего убеждения во французской его интерпретации представлен Мишелем Фуко. Он указывал на

следующие наиболее общие и существенные признаки внутреннего убеждения: 1) не следует выносить приговор, не придя к полной уверенности: профессиональный судья или присяжный заседатель должны приступить к осуждению, лишь придя к внутреннему убеждению в виновности, а не просто при наличии подозрений; 2) следует принимать во внимание не только определенные признанные законом доказательства, но и любое доказательство, лишь бы оно было убедительным, то есть лишь бы оно могло уверить разум, восприимчивый к суждению; 3) критерием, на основании которого доказательство признается установленным, является убежденность – убежденность некого субъекта, беспристрастного субъекта, мыслящего индивида, способного к познанию [12, с. 29].

Во французской уголовно-процессуальной сфере смысл внутреннего убеждения до конца непонятен. Подобное непонимание смысла внутреннего убеждения позволяет нам вести речь об ограниченности человеческого познания в понимании внутреннего убеждения. В свою очередь ограниченность в понимании внутреннего убеждения дает нам основание сказать о том, что теоретическая модель внутреннего убеждения, представленная во французском уголовном судопроизводстве, имеет метафизический смысл. Вкрапление теоретической модели внутреннего убеждения на уровень метафизического смысла дает нам основание говорить о том, что установить смысл внутреннего убеждения в уголовно-процессуальной сфере возможно по отдельным его свойствам (признакам), образующим в своей совокупности целое (единство). Сочетание всех этих частных и деталей в одно целое придает ему достоинство, которое ценно для французской культуры, как одного из компонентов духовного и нравственного наследия западноевропейского наследия.

В подтверждение сказанного сосредоточим еще раз свое внимание на фразе «присяжные должны были внимательно углубиться в свое сознание и получить внутреннее убеждение, получить из глубины своего внутреннего мира, без учета того, на основании каких объективных данных у них сложилось убеждение». Закономерно возникают следующие вопросы. Почему присяжные должны были углубиться сугубо в сознание и оставить в стороне иные механизмы мышления. Например, творческое мышление, чувственное познание, жизненный и религиозный опыт самих присяжных? Какова глубина внутреннего мира присяжных? Могут ли быть присяжные без внутреннего мира, и как поступать в данной ситуации? Каковы истоки

глубины внутреннего мира и мышления присяжных? Здесь же следует сказать и том, что перечень, возникающих вопросов в этой части больше, чем может быть получено на них ответов. Сам же возможный список вопросов к пониманию внутреннего убеждения к французской уголовно-процессуальной мысли мы оставляем открытым, поскольку вряд ли можем получить от них каких-либо ясных ответов.

Невозможность получения ясных ответов по поводу смысла внутреннего убеждения в правовой культуре Франции мы объясняем нижеследующим. Французская правовая мысль является достоянием западноевропейского мышления. Оно в исследуемое время идеологически было ограничено в средствах понимания правовых явлений. «Идеология западнизма, – пишет А.А. Зиновьев, – зародилась и формировалась как стремление создать научное понимание всего того, что входило в круг интеллектуальных интересов людей, в противовес религиозному учению обо всем этом, то есть о космосе, природе, обществе, человеке, мышлении, познании. Наука осталась источником идеологии и в наше время. И останется до тех пор, пока наука не исчерпает себя» [6, с. 276].

Идеологическая ограниченность в западноевропейском мышлении понимания внутреннего убеждения в уголовно-процессуальной сфере дает нам основание высказать мысль следующего содержания: идея внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве Франции появилась в качестве политического идеала в определенный исторический момент [9, с. 91–92]. При истечении определенного времени, как все историческое, оно должно было стать достоянием французской эпохи того времени. Мы не одиноки в своих выводах. В целом на ненужность и вредность проведения политических идеалов указывал известный российский правовед Н.Н. Алексеев. «Научная или, вернее, наукообразная форма, – пишет он, – в которую нередко облекались политические идеалы, является мечтой несбыточной и ложной» [2, с. 43].

Идея внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве Франции в свое время явилась западному миру в качестве политического идеала. Она собой представляла идею разумного средства достижения политических целей. В том случае, когда правовая идея выступает в качестве средства достижения политических целей, то она не имеет к праву никакого отношения. В свою очередь политизация уголовного судопроизводства посредством политических идей является действенным средством дезорганизации уголовно-

процессуальной деятельности. В этом смысле идея внутреннего убеждения в сфере уголовного судопроизводства является мечтой несбыточной и ложной, поскольку уголовный процесс представляет собой тот путь, посредством которого «применяется уголовное законодательство страны» [10, с. 4]. Таким образом, идею внутреннего убеждения трудно без оговорок отнести к разряду правовых идей. Она по своему предназначению изначально была сформирована в качестве одного из политических идеалов, способного своим потенциалом обеспечивать достижение политических целей и не более. Первоначально, сформулированная французской правовой (политической) мыслью, идея внутреннего убеждения никоим образом не могла позитивно повлиять на повышение эффективности и качества уголовно-процессуальной деятельности.

В качестве соответствующего политического идеала идея внутреннего убеждения была воспринята и реформой уголовного судопроизводства второй половины XIX в. Подобную восприимчивость судебной реформы мы объясняем нижеследующим. Образ мышления реформаторов того времени, а, следовательно, и их мыслительной деятельности был непосредственно связан с западноевропейской культурой.

На подобную связь указывают не только западные политологи, но и российские мыслители [8, с. 296–321]. Так, например, американский историк Ричард Уортман в книге «Сценарии власти» обращает внимание на то, что российское государствоведение в большинстве своем опиралось на чужеземные образцы политической власти. Вначале в качестве такого образца выступала Византия, затем Римская империя, а в последствии немецкая идеалистическая философия. Главное их предназначение заключалось в возможности правящей элите дистанцироваться от низших классов. Они позволяли подчеркивать политическое и культурное превосходство правителя. Проведение в исследованиях красной нитью чужеземных черт приводило «к положительной оценке, а отечественных – к нейтральной или отрицательной» [11, с. 20–21].

Воспитанные в духе пренебрежения собственной культурой судебные реформаторы девятнадцатого века выражали «в своих произведениях превосходство иноземных идей (образцов). Не осталась без подобного воздействия и уголовно-процессуальная наука» [1, с. 61]. В результате произошел окончательный разрыв между традициями и обычаями народонаселения России и способами управления в рос-

сийском обществе посредством права, включая и ту его часть, которая относится к уголовно-процессуальному праву. Особенно ясно произошедший разрыв усматривается при сопоставлении с доктриной судебной реформы второй половины XIX в. и парадигмой судебных реформ, имевшими место в московский период русской истории. «У нас даже во время московского периода русской истории, – отмечает Вл. Случевский, – народный обычай не только не игнорировался со стороны усилившейся правительственной власти, но, напротив, власть считала его основным уголовно-процессуальным источником и требовала, чтобы правительственные судьи не опраивали юрисдикции своей без присутствия судных мужей и целовальников» [10, с. 4].

По нашему глубокому убеждению, одним из компонентов рассматриваемого разрыва выступила политический идеал внутреннего убеждения в уголовно-процессуальной сфере. По своей сути идея внутреннего убеждения к тому явлению, которое скрывается под термином «внутреннее», не имеет никакого отношения. Особенно в условиях воплощения в уголовном судопроизводстве доктрины «теории» улик, выступившей своеобразным «маяком» судебной реформы второй половины XIX в. Так называемое «внутреннее убеждение» является плодом западноевропейской науки. Будучи таковой, оно своим содержанием опирается на объективность и беспристрастность. «Посмотрите на науку, – пишет И.А. Ильин, – этот двигатель всей современной культуры. Здесь все построено на объективном наблюдении и бесстрастном анализе. Жизнь чувства, с его неустойчивостью и капризной субъективностью, внесла бы в науку только туман и страсти; и поэтому она должна быть здесь подавлена или, во всяком случае, устранена. Чем меньше «симпатии» и «антипатии», волнения и негодования, тем успешнее идет научное исследование. Ненависть и любовь только плодят научные ошибки» [7, с. 348].

Внутреннее убеждение было порождено научным мышлением. По этой причине оно структурно не могло иметь того, что не основывается на объективном наблюдении и бесстрастном анализе. Вследствие чего внутреннему убеждению, субъективному по своей природе, должны были быть приданы объективные свойства (признаки). Так сложились объективные (научные) предпосылки внутреннего убеждения в праве, и в уголовном судопроизводстве в частности.

Научная объективность в проведении внутреннего убеждения в уголовно-процессуальную сферу привело к тому, что был потерян

сам смысл внутреннего убеждения. Ему было придано такое значение, которое ни к убеждению в целом, ни к внутреннему убеждению не имеет никакого отношения, поскольку мышление (в основном организованное по правилам классической логики) подавило (свернуло) чувственное познание (мышление). Само по себе подобное подавление является ситуационным явлением. Оно представляет собой определенную кульминацию неверного развития западноевропейской культуры со свойственным ему формальным (логическим) мышлением. «Под многовековым влиянием языческого, а потом католического Рима, – отмечает И.А. Ильин, – люди культивировали *волю и мышление*; они старались овладеть воображением, столь неосторожно проснувшимся в эпоху Возрождения, и подчинения его; и пренебрегали жизнью чувства, во всей его благодатной глубине, свободе и силе. От всего чувственного осталась одна чувственность...» [7, с. 350]. От себя добавим: от убеждения осталась одна внутренняя убежденность. В результате, смысл внутреннего убеждения был заменен объективной и беспристрастной внутренней убежденностью.

Перевод чувствования в чувствительность означает эмоциональную крайность, которая не имеет ничего общего с чувствами. «Под чувствительностью надо понимать, – пишет Л.С. Выготский, – такие формы эмоциональных реакций, когда эмоция не связывается ни с каким действием и вся без остатка разрешается в тех внутренних реакциях, которые её сопровождают. Джеймс, – продолжает Л.С. Выготский, – в качестве примера ложного чувства называет русских сентиментальных барынь, которые плачут в театре на представлении какой-либо чувствительной драмы и которым не приходит на ум, что их кучера в сорокаградусный мороз мерзнут на улице. Насколько эмоция могущественна и важна, – заключает Л.С. Выготский, – настолько сентимент бесплоден и ничтожен» [4, с. 130].

Наделение явления, в нашем случае внутреннего убеждения, свойствами, никогда ему не принадлежащими, говорит об инструментальной ущербности, сформулированного в правовой науке понятия «внутреннего убеждения». Оно стало плодом бессердечной (больной) западноевропейской культуры (науки) и было рассчитано на функционирование в условиях социологического закона, сформулированного английским философом Гоббсом: «человек человеку – волк». В таком обществе нет места интеграции (координации) человеческой деятельности, в том числе и в той её части, которая относится к уголовно-процессуальной деятельности. В этом обществе отсутствует

основанное на нравственности и духовности доверие, как неотъемлемое свойство внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве.

В таком обществе отношения между людьми строятся, исходя не из доверия, а из недоверия. В этой связи положение в качестве одной из основ уголовно-процессуальной деятельности, сформулированной западноевропейской мыслью политико-правовой идеи внутреннего убеждения, является, по крайней мере, наивным заблуждением. В этом смысле идея внутреннего убеждения ни к деятельности вообще, ни к уголовно-процессуальной деятельности в частности не имеет никакого отношения. Она, будучи плодом всемогущего человеческого разума, способствует только тому, чтобы люди друг другу были соперниками и конкурентами. Образно выражаясь словами И.А. Ильина: «...и каждый опасается чужого недоброжелательного ока и осуждающего разговора. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого имущественной или служебной пользы, или в меру своего тщеславия, или еще – в меру чувственного влечения. А использованного человека «списывают со счета» и при первом удобном случае предают. И делают это совершенно сознательно и довольны» [7, с. 351].

Скажем так: культивирование всемогущества разума, осуществление многочисленных, но бессмысленных поклонов в его сторону означает не что иное, как культивирование мещанского образа мышления, мещанской модели взаимоотношений между многочисленными участниками в уголовно-процессуальной сфере. Отсюда вполне правомерно суждение о том, что внутреннее убеждение является плодом культа всемогущего разума, поклонения ему. По этой причине внутреннее убеждение в уголовно-процессуальной сфере является одним из своеобразных каналов бессмысленного поклонения разуму, культивирования мещанского образа мышления, мещанского образа понимания и взаимоотношений людей.

Бесконечное культивирование разума в сфере уголовного судопроизводства, основанного сугубо на логике и интеллекте, привело к логизированию и интеллектуализированию уголовно-процессуальной деятельности. В результате в уголовно-процессуальной сфере произошло «засушение» всего чувственного, которое делалось неотъемлемой чертой уголовно-процессуальной деятельности, воспринявшей объективное и беспристрастное внутреннее убеждение. У должностного лица, осуществляющего оценку доказательств в уголовно-процессуальной сфере, формируется обывательский и мещанский об-

раз мышления и понимания. Суть этих образов Л.С. Выготский характеризует так: «...все до такой степени автоматизировалось, его единичные впечатления до того соединились с понятиями, что жизнь протекает мирно, не зацепляя и не задевая его психики, и в отношении эмоциональном эта безрадостная и беспечальная жизнь без ярких потрясений, но и без больших радостей создает основу для того мелкого калибр чувств, который в русском литературном языке давно получил название обывательщины и мещанства»[4, с. 128].

Обывательство и мещанство в мышлении и понимании должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, является следствием многих причин. Однако главной из них является потеря потенциалом уголовно-процессуальной деятельности своих духовно-нравственных оснований, утратой взаимосвязи и взаимообусловленности с историческим и культурным наследием российского народа. Многочисленные же поклоны со стороны некоторой части как зарубежных, так и российских процессуалистов и законодателя в сторону внутреннего убеждения за собой не влекут автоматического восприятия им духовно-нравственных начал, а также исторического и культурного наследия российской общности.

Внутреннее убеждение в том виде, в котором оно стало одним из атрибутов так называемой «современной эпохи» уголовного судопроизводства, является плодом и увлеченностью в мировосприятии и миропонимании ресурсами разума и интеллекта. В результате в уголовно-процессуальной науке сформировалось объективистское миропонимание. Искусственно поддерживаемое и пропагандируемое, оно стало объектом веры, в силу чего оно было интуитивно наделено свойствами, не имеющими общего с тем, что вкладывалось в смысл убеждения, например, в христианской религии.

В отличие от христианской религии, где на веру принимаются не объяснимые с позиции человеческого мышления (сознания) метафизические явления, обрамленных весьма емким словосочетанием «христианская вера», в правовой науке, включая и ту её часть, которое имеет дело с уголовно-процессуальной наукой, на место Бога было поставлено внутренне убеждение в качестве внешнего объекта. Однако у христианской веры нет внешнего объекта. «В нашем подходе к вере, – пишет православный священник Георгий Завершинский, – необходимо сразу увидеть отсутствие внешнего объекта веры. Мы не рассматриваем и не анализируем адресат нашей веры, но безотчетно предаем себя ему так, что наша жизнь без него становится неполной. Анализ

его как объекта, на который направлена наша вера, может привести к утрате подлинности *состояния веры*. Вера как доверие, верность и преданность тогда подменяется синтезом некоего объекта с теми характеристиками, которые мы ему задаем. При этом уходит самое главное – реальность отношения веры, на место чего заступает понятность, предсказуемость и, к сожалению, неподлинность веры в некий синтетический объект, который был сотворен нашим сознанием» [5, с. 30–31].

Внутреннее убеждение в уголовном судопроизводстве объективировано. Его значение в западноевропейских философских и правовых учениях было определено в качестве антипода религиозного убеждения. Вследствие чего знание о внутреннем убеждении сформировалось без опоры на основания религиозного убеждения. С позиции православной традиции подобное формирование внутреннего убеждения в праве (уголовно-процессуальной сфере) означает продолжение адамова грехопадения, способного принести многие скорби человечеству, включая и в той его части, в которой оно связано с уголовным судопроизводством.

Список литературы

1. *Агутин А.В., Агутина Н.В.* Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве: монография. М., 2009.
2. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права // Теория государства и права: хрестоматия: В 2. Т. 1 Государство / авт.-сост. М.Н. Марченко. М., 2004.
3. *Бохан В.Ф.* Формирование убеждения суда. Минск, 1973. С. 40–41.
4. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М., 2008.
5. *Завершинский Г.* Природа веры. Клин, 2008.
6. *Зиновьев А.А.* Запад: избранные сочинения / вступ. ст. Г.В. Осипова; сост. Ю.Н. Солодухина. М., 2008.
7. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. М., 2003.
8. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.
9. *Кондрат И.* Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-правовых отношений: монография. М., 2014.

10. *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. 4-е., доп. и испр. СПб., 1913.

11. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

12. *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 году. / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб., 2004.

*Адаменко И. Е.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
КрУ МВД России, г. Краснодар*

К ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ (ЛИБЕРАЛЬНЫХ) СТИМУЛАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается влияние культурно-исторических особенностей развития общества на ценностно-мировоззренческие установки правоприменителей в уголовном судопроизводстве. Затрагиваются проблемы раскрытия основных компонентов духовно-нравственной составляющей российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: либерально-правовые доктрины; ценностно-мировоззренческие установки; духовно-нравственные компоненты уголовно-процессуальной деятельности; доказывание; мотивация субъектов уголовно-процессуальной деятельности; цель уголовного судопроизводства.

В отечественной уголовно-процессуальной науке прослеживается устойчивая тенденция увлечения либерально-правовыми доктринами, включая и ту их часть, которая имеет непосредственное отношение к уголовно-процессуальной деятельности. Подобная увлеченность наших процессуалистов либеральными идеями при разработке уголовно-процессуального законодательства выступает в роли иностранного стимула проводимой ныне судебной реформы.

Иностранный стимул, будучи не соответствующим среде своего функционирования, порождает ряд негативных для российского уголовного судопроизводства свойств. Во-первых, он приводил к разделению уголовно-процессуальной деятельности, по крайней мере, на две самостоятельной части. Первая часть этой деятельности основывается на действующей системе уголовно-процессуального законодательства, своими истоками опирающейся на либеральные идеологемы уголовного судопроизводства. Это приводит к созданию теоретической модели виртуального и абстрактного уголовного процесса.

Несколько иначе от такой виртуальной и абстрактной модели формируется вторая часть уголовно-процессуальной деятельности. В её основы уже закладываются не либеральные идеологемы, а куль-

турно-исторические и духовно-нравственные особенности российского народа. По мнению Д.А. Керимова, они возникают и детерминируются под воздействием двоякого рода факторов: «Во-первых, индивиды соизмеряют свои поступки с реальной жизненной ситуацией и в соответствии со своими принципами, ценностями, мировоззрением, устремлениями и т.д., определяемыми в процессе их воспитания и развития. Во-вторых, люди следуют или, напротив, нарушают правовые предписания, подчиняясь своим эмоциям, чувствам, влечениям и т.п.» [4, с.489–490].

На наш взгляд, нарушение правовых предписаний обуславливается тем, что должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, опираются на духовно-нравственные особенности российской общности. Вследствие этого (при наличии на то надлежащих условий) у них формируются ценностно-мировоззренческие установки, иначе принципы реального уголовного процесса¹. В процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности данные ценностно-мировоззренческие установки проявляются в эмоциях, чувствах, влечениях.

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности проявление эмоций, чувств и влечений не следует рассматривать только в негативном аспекте. Даже более того, никакого отрицательного аспекта в таком проявлении не имеется. Чувства, эмоции и влечения выступают в качестве основного фактора придания смысла самой уголовно-процессуальной деятельности. А она приобретает смысл только тогда, когда должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, в качестве своей основы избирают ценностно-мировоззренческие установки российской общности, а не либеральные идеологемы. «Причем сами по себе эти ценности, – пишет А.В. Агутин, – являются специфическим социальным определением уголовно-процессуального доказывания, выявляющим его положительное и отрицательное значение для субъектов доказывания и общности, например, добро и зло, которые заключены в явлениях общественной жизни. Внешне уголовно-процессуальные ценности выступают как свойства уголовно-процессуального доказывания. Однако они, – заключает А.В. Агутин, – присущи ей не от природы, не

¹Мы солидарны с И.Н. Кондратом в том, что принципы представляют собой основные идеи уголовно-процессуальной деятельности, характеризующие реальный уголовный процесс. См.: *Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М., 2014. С. 43.

просто в силу внутренней её структуры, а потому, что уголовно-процессуальное доказывание вовлечено в сферу среды функционирования и стало носителем определенных уголовно-процессуальных отношений» [1, с. 300].

В наши дни духовно-нравственная сторона (часть) уголовно-процессуальной деятельности находится в свернутом виде. Её основные компоненты блокируются агрессивной по отношению к среде своего функционирования либеральной системой уголовно-процессуального законодательства. В результате в уголовно-процессуальной сфере на уровне мыслительной деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, появляются условия для порождения неопределенности, неустойчивости и неясности.

Неопределенность, неустойчивость и неясность мыслительной деятельности в мышлении должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в своей совокупности способны породить либо утрату, либо свертывание духовных и нравственных оснований уголовно-процессуальной деятельности. Вследствие чего уголовно-процессуальная деятельность начнет соответствовать бытию, характерного для низших форм жизнедеятельности. Её движущей основой будут не высшие помыслы, а система низменных инстинктов. Своими истоками эта система будет опираться на безграничный утилитаризм, индивидуализм и рационализм. Все эти три составляющих либерализма в уголовно-процессуальной сфере способны породить цинизм и эгоизм.

Возможность проявления при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности циничной и эгоистичной мотивации усугубляется еще и нижеследующим обстоятельством. Увлеченность либеральными стимулами в уголовно-процессуальной сфере приводит к разногласию как между ведомствами к ней причастных, так и должностных лиц, причастных к её осуществлению [2, с. 14]. И как следствие – обречение уголовно-процессуальной деятельности на разрушение.

Наши разговоры о либеральных стимулах отечественного уголовного судопроизводства не абстрактны, а конкретны. Поясним свою мысль. Либеральные стимулы уголовного процесса являются внешними причинами мотивации уголовно-процессуальной деятельности. Они, при всех многочисленных поклонах в сторону внутреннего мира бытия уголовно-процессуальной деятельности, к нему имеют

отношение только в той части, которая направлена на его свертывание. В подтверждение сказанного обратимся к методологии вопроса, а именно к методологическим основаниям мотивации уголовно-процессуальной деятельности. В этом плане для нас исследовательский интерес представляют внешние и внутренние причины мотивации. На методологическом уровне обычно под источниками внутренней мотивации понимается человеческая природа, «то есть история эволюционного развития человека, а также психологически значимые события, происходящие в жизни человека, иными словами, личный анамнез» [3, с. 28].

Внутренняя мотивация в целом и внутренняя мотивация уголовно-процессуальной деятельности соотносятся по отношению друг к другу как целое к части. Отсюда у нас имеются все основания говорить о том, что основные свойства и закономерности целого присущи и части. На основании этого является вполне оправданной нижеследующая мысль. С допустимой мерой условности мы её выражаем следующим образом: «Природа человека и человеческая природа должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, являются внутренней мотивацией уголовно-процессуальной деятельности».

В отличие от внутренней мотивации должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, основой внешней причины их мотивации является стимул. «Стимулы, – отмечает Ламберт Дэкерс, – это импульсы, побуждающие к поведению. Значимость стимула и то, насколько быстро можно его добиться, – все это влияет на мотивацию» [3, с. 28]. На наш взгляд, в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности одним из важных стимулов для должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, является достижение цели. Ведь цель уголовно-процессуальной деятельности является неотъемлемым компонентом уголовно-процессуальной деятельности. В этом смысле цель уголовно-процессуальной деятельности выступает в роли стимула уголовно-процессуальной деятельности.

В этой ипостаси цель уголовно-процессуальной деятельности проявляется как открыто, так и скрыто (телеологически). В последнем случае она прямо не указывается, фактически же является необходимым внутренним компонентом уголовно-процессуальной деятельности. Например, в действующем УПК РФ цель уголовного процесса непосредственно не указывается. Однако, если мы обратим-

ся к его анализу, то её обнаружим повсеместно: от цели производства того или иного следственного действия до цели производства по конкретному уголовному делу: назначение наказания или достижения целей последнего без назначения такового.

Неявное проявление целей уголовного процесса в УПК РФ является его теологической целенаправленностью. В воплощенной в УПК РФ доктрине уголовного судопроизводства для развертывания подобной теологической целенаправленности в основном имеется два средства: собственно сам УПК РФ и внутреннее убеждение.

Список литературы

1. *Агутин А.В.* Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М., 2004.

2. *Баженов А.И.* Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

3. *Дэкерс Л.* Мотивация: теория и практика: расшир. курс / пер. с англ. М., 2007.

4. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.

*Аначкина Е. А.,
ассистент кафедры
государственно-правовых дисциплин
НИМБ, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ НАДЕЛЕНИЯ ЛИЦА СТАТУСОМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблемным вопросам надления лица статусом подозреваемого – наиболее уязвимого участника уголовного процесса, – который появляется на самом раннем этапе расследования в условиях дефицита информации и времени, необходимых для принятия важных процессуальных решений в современных условиях. Автором определен круг лиц, обладающих статусом подозреваемого, а значит, и соответствующими гарантиями.

Ключевые слова: участник уголовного процесса; подозреваемый; юридический статус; процессуальное решение; гарантии.

Подозреваемый – наиболее уязвимый участник уголовного процесса. Он появляется на самом раннем этапе расследования в условиях дефицита информации и времени, необходимых для принятия важных процессуальных решений. В этот момент требуется интенсивное совершение как процессуальных, так и оперативно-розыскных действий, принятие мер принуждения, с неизбежностью влекущих ограничение прав и свобод личности [10, с. 235–236].

Регламентация правового положения подозреваемого призвана, с одной стороны, обеспечить органам предварительного расследования возможность совершения указанных процессуальных действий, с другой – ограничить лицо, на которое пало подозрение, от необоснованного ущемления его конституционного статуса. Тем не менее, нарушения прав подозреваемых в совершении преступлений лиц достаточно распространены.

Прежде всего, необходимо определить круг лиц, обладающих статусом подозреваемого, а значит, и соответствующими гарантиями. УПК РФ существенно изменил понятие подозреваемого по сравнению с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (далее – УПК РСФСР) и значительно расширил круг лиц, имеющих статус подозреваемого. УПК РСФСР признавал подозреваемыми только лиц, к которым были

применены мера пресечения или задержание, поскольку обоснованно считалось, что как мера пресечения, так и задержание возможны только при наличии серьезных оснований подозревать лицо в совершении преступления [5, с. 32; 7, с. 105–120].

Однако при этом упускалось из виду, что наличие подозрения в совершении преступления само по себе далеко не всегда достаточно для задержания или применения меры пресечения. Поэтому повсеместно сложилась практика допроса фактически подозреваемого лица в качестве свидетеля [4, с. 11], что позволяло получить дополнительные основания для применения этих мер. Кроме того, не учитывалось, что ни задержание, ни мера пресечения по закону не являются обязательными, их использование зависит от усмотрения следователя, дознавателя. В связи с этим складывалась ситуация, вынуждающая применять к лицу одну из названных принудительных мер, для того чтобы обеспечить возможность рассматривать лицо в качестве подозреваемого и производить с ним следственные действия в порядке, учитывающим его процессуальный статус [3, с. 90–102].

В теории постоянно возникал вопрос о гарантиях прав лица, не подвергнутого этим мерам процессуального принуждения, но допрашиваемого в связи с фактическим подозрением его в совершении преступления. Такое лицо имело процессуальный статус изобличаемого свидетеля нередко до предъявления обвинения, которое часто совпадало по времени с окончанием предварительного расследования. Следователь формально был вправе предупредить его об уголовной ответственности не только за дачу заведомо ложных показаний, но и за отказ и уклонение от дачи показаний. И хотя судебная практика и в то время не считала возможным выносить обвинительные приговоры таким лицам за указанное преступление, сам факт предупреждения перед допросом о возможной уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний правомерно рассматривался теорией как психическое принуждение к даче показаний, а точнее – к признанию вины [8, с. 291]. Кроме того, здесь просматривается и нарушение общеправовых принципов, в частности принципа законности.

В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо:

- в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20 УПК РФ;
- задержанное по подозрению в совершении преступления в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ;

– к которому в соответствии со ст. 100 УПК РФ до предъявления обвинения применена мера пресечения;

– которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223¹ УПК РФ.

Основания и порядок принятия каждого из названных процессуальных решений, регламентированных законом, сами по себе служат необходимой гарантией прав лица, на которое в силу тех или иных обстоятельств пало подозрение в совершении преступления. Рассмотрим подробнее особенности процессуального положения подозреваемого в каждом из названных выше случаев.

1. Постановление о возбуждении уголовного дела выносится органом предварительного расследования, если в сообщении о преступлении (заявлении, явке с повинной, сообщении, полученном из иных источников, а также постановлении прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании) имеются достаточные данные о наличии признаков преступления (ст. 140 УПК РФ). Если в сообщении о преступлении имеются сведения о лице, его совершившем, это указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. В данном случае лицо приобретает статус подозреваемого без каких бы то ни было дополнительных решений, то есть с самого начала уголовно-процессуальной деятельности, буквально с первого дня. Такое установление закона весьма важно для обеспечения прав подозреваемого, так как, возбудив уголовное дело, следователь (дознатель) обязан вручить подозреваемому копию постановления о возбуждении дела и разъяснить принадлежащие ему права. Тем самым обеспечивается должное представление этого лица в своем статусе, возможность реализовать свои права и требовать предоставления соответствующих гарантий. В частности, это позволяет подозреваемому незамедлительно обжаловать постановление о возбуждении уголовного дела руководителю следственного органа (прокурору), которые вправе отменить это постановление, или в суд, правомочный признать решение о возбуждении уголовного дела незаконным.

Лицо, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, сохраняет статус подозреваемого до предъявления ему обвинения, а в случае производства дознания – до составления обвинительного акта или до принятия решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования.

2. Задержание подозреваемого осуществляется органом дознания, дознавателем, следователем только при наличии одного из следующих оснований:

– лицо застигнуто на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения;

– потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление;

– на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления;

– имеются иные данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если перед судом возбуждено ходатайство о применении в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Процедура задержания содержит не позволяющие осуществлять задержание произвольно многочисленные гарантии прав подозреваемого:

– указание на основания применения такой меры принуждения как задержание;

– возможность задержания лишь при подозрении в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы;

– составление протокола в соответствии с предъявляемыми к нему требованиями.

В протоколе задержания должны быть указаны основания и мотивы задержания, дата, место и время задержания и время составления протокола, делается отметка о разъяснении подозреваемому прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. В течение 12 часов с момента задержания подозреваемого дознаватель или следователь обязаны письменно сообщить об этом прокурору. Важной гарантией прав подозреваемого служит обязанность следователя, дознавателя допросить задержанного в течение 24 часов с момента задержания, обеспечить его квалифицированной юридической помощью, предоставить свидание с защитником наедине и конфиденциально, то есть в отсутствие посторонних, включая самого следователя, оперативных сотрудников, продолжительностью не менее двух часов, даже при необходимости произвести с подозреваемым следственные действия [2, с. 46].

Условия и порядок содержания подозреваемых под стражей регулируются Федеральным законом от 15.07.1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», обеспечивающим соблюдение международных стандартов безопасности жизни и здоровья, гуманное обращение, уважение человеческого достоинства.

В этой связи отметим, что Генеральной Ассамблеей ООН утвержден Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению под стражу в какой бы то ни было форме (9 декабря 1988 г.) и Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением – Токийские правила (14 декабря 1990 г.) [6].

Следователь (дознатель) обязан не позднее 12 часов с момента задержания уведомить об этом кого-либо из близких родственников подозреваемого, а при их отсутствии – других родственников или предоставить такую возможность самому подозреваемому (право на один телефонный звонок). В интересах расследования с согласия прокурора задержание подозреваемого может быть сохранено в тайне от родственников подозреваемого, за исключением случаев, когда тот является несовершеннолетним.

Пребывание задержанного в статусе подозреваемого ограничено временем задержания – 48 часов. Однако в ситуациях, когда после истечения срока задержания к лицу не применена мера пресечения, а также при освобождении из-под стражи в связи с неподтверждением подозрения (п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ), гарантии прав подозреваемого для этого лица могут сохраняться вплоть до принятия процессуального решения о прекращении против него уголовного преследования или до отмены меры пресечения.

3. Применение меры пресечения до предъявления обвинения – исключение из правила, однако выражение «в исключительных случаях» в ст. 100 УПК РФ никак не расшифровано. Закон говорит лишь о том, что, если мера пресечения применена к подозреваемому, обвинение ему должно быть предъявлено в течение 10 суток с момента применения меры пресечения или с момента задержания, если оно предшествовало заключению под стражу. В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 100 УПК РФ, этот срок не может превышать 30 суток. Таким образом, лицо, к которому применена мера пресечения, сохраняет статус подозреваемого до предъявления обвинения или до вынесения постановления о прекращении уголовного дела.

4. Уведомление о подозрении – процессуальный институт, введенный в УПК РФ Федеральным законом от 06.06.2007 г. N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Он предоставляет статус подозреваемого лицу, основания для подозрения которого появились уже после возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления при отсутствии оснований для задержания или применения меры пресечения.

Уведомление о подозрении (ст. 223¹ УПК РФ) – это документ, в котором отражается не только описание преступления (место, время и другие обстоятельства его совершения), а также ссылка на норму УК РФ, предусматривающую ответственность за данное преступление, но и перечень принадлежащих подозреваемому с момента получения этого уведомления прав. Уведомление о подозрении применяется исключительно по делам, расследуемым в форме дознания, что может быть объяснено спецификой этой формы предварительного расследования, не предусматривающей по общему правилу предъявления обвинения [9, с. 150–152]. В связи с этим при возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления вполне может сложиться ситуация, когда лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, до окончания дознания не имеет не только статуса обвиняемого, но и статуса подозреваемого. С этих позиций введение в дознание института уведомления о подозрении можно оценить позитивно.

Расширение перечня оснований приобретения лицом статуса подозреваемого, безусловно, имеет положительный характер. Тем не менее, всех проблем, возникающих в связи с отсутствием нормативного определения самого понятия подозреваемого, это не решает. Даже при задержании не всегда ясно, с какого именно момента лицо обретает статус подозреваемого: в ст. 91, 92 УПК РФ о задержанном говорится как о подозреваемом еще до составления протокола задержания. Более того, фактическое задержание (фактическое лишение свободы подозреваемого – п. 15 ст. 5 УПК РФ) часто имеет место и до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, в том числе в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Еще одной проблемой является отсутствие в нормах УПК РФ ответа на вопрос, каким образом дознаватель должен вызвать подозреваемого к себе на допрос. На практике этот пробел разрешается по правилам аналогии с использованием норм ст. 188 УПК РФ, регламентирующей порядок вызова на допрос свидетеля и потерпевшего,

хотя они и не входят в перечень участников процесса со стороны защиты [1, с. 176].

К тому же, рассматривая существующий в настоящий момент порядок наделения лица статусом подозреваемого при дознании, по мнению автора, целесообразно внести изменения в ч. 1 ст. 46 УПК РФ: лицо должно считаться подозреваемым не с момента вручения уведомления о подозрении, а с момента составления такового.

Список литературы

1. *Клоков С.Н.* Некоторые пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14).

2. *Ковтун Н.Н.* Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. 2002. № 10.

3. *Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К.* Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для магистров / М., 2011.

4. *Лазарева В.А., Попов Д.В.* Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М., 2009.

5. *Лившиц Ю.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.

6. Международное гуманитарное право в документах. М., 1996.

7. *Петрухин И.Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1989.

8. *Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп.* М., 2009.

9. *Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева.* М., 2009.

10. *Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; научн. ред. В.Т. Томин.* М., 2003.

*Афанасьев А. Ю.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В данной статье автор акцентирует внимание на проблеме наличия коррупционных рисков в нормах УПК РФ, регулирующих уголовно-процессуальное доказывание. Приводятся аргументы, указывающие на актуальность исследования данной проблемы и совершенствования уголовно-процессуального законодательства с целью снижения уровня коррупционности ее норм.

Ключевые слова: коррупционный риск; уголовно-процессуальное доказывание; антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов.

Проводимая государством антикоррупционная политика включает в себя комплексные меры, направленные на снижение уровня такого явления, как коррупция [11]. Действительно, статистика совершенных преступлений за последние годы показывает, что доля коррупционных преступлений в общей массе преступлений достаточно велика [13]. Усложнение борьбы с этими преступлениями можно объяснить многими факторами. Например, влияют факторы обстановки коррупционности в среде правоприменителей и высокого общественного коррупционного фона. Кроме того, действуют факторы: а) рост профессиональности и организованности преступного мира; б) многообразие форм противодействия расследованию. Наконец, оказывают влияние на появление криминальных ситуаций коррупциогенные факторы нормативного регулирования уголовно-процессуального доказывания, а именно собирания, проверки и представления доказательств.

Под коррупциогенными факторами нормативно-правовых актов законодатель понимает заложенные в ее нормах положения, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределен-

ные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [12]. Также данное явление принято именовать коррупционным риском нормативно-правовых актов.

В настоящее время можно видеть три подхода к пониманию коррупционных рисков в нормах, регулирующих уголовно-процессуальное доказывание:

1) нормативно-правовая регламентация всегда обладает истинностью, а все уголовно-процессуальное познание всегда обладает достоверностью знаний и решений по делу [5];

2) всякие попытки снизить дискреционность (право на усмотрение – диспозитивность) правоприменителя «иссушает» уголовно-процессуальное законодательство и отрывает его от реальных ситуаций принятия решений [1];

3) проблема не в коррупциогенных факторах доказательственного права, а в корыстных устремлениях правоприменителей [8].

Вполне определенную правовую позицию по этому вопросу занял законодатель. На сегодняшний день сложилась законодательная база, регулирующая проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов. Основными являются: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым утверждены Правила и Методика проведения названной экспертизы. Законный интерес представляет Приказ ФМС России от 22 января 2009 г. №3 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов в Федеральной миграционной службе на коррупциогенность».

Данные нормативно-правые акты уже неоднократно показали себя в действии. Проведено значительное количество антикоррупционных экспертиз нормативно-правовых актов (проектов нормативно-правовых актов). Примечательно, что и относительно уголовно-процессуального законодательства проводятся такого рода экспертизы. Так, 24 июля 2014 года относительно Проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» независимыми экспертами

была проведена комиссия антикоррупционная экспертиза [6]. Эксперты категорически и обоснованно отклонили весь Проект – выявлено слишком много коррупциогенных факторов.

Такой же экспертизе 18 июля 2014 года был подвергнут проект ведомственного приказа «О внесении изменений в Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации, утвержденный приказом ФМС России от 22 апреля 2013 г. № 215» [10]. Результат экспертного исследования – категорически отрицательный вывод. Главный коррупциогенный фактор: обременения просителям вида на жительство в Российской Федерации явно не по силам.

Практика антикоррупционных экспертиз показывает, что основное внимание нацелено только на проекты федеральных законов, на изменения к действующему УПК РФ. При всем этом остается незамеченным состояние норм УПК РФ, которые уже действуют и не подвергаются изменениям. Нельзя говорить о том, что если закон уже принят и действует, то в нем нет пробелов и недочетов. Они есть, и с ними сталкиваются ежедневно, с одной стороны, правоприменители, и простое население – с другой.

Для подтверждения наших предположений достаточно обратиться к нормам УПК РФ, в той или иной мере регулирующим доказывание по уголовному делу, и обнаружить те самые коррупционные риски. Определить наличие данных рисков можно по специальным признакам. Это может быть, если использовать метод буквального толкования, наличие таких формулировок как «вправе», «при наличии достаточных оснований», «обоснованное» и «необоснованное», «наличие достаточных данных» и другие. А если говорить о видах коррупционных рисков нормативно-правовых актов, также это может быть: неустановление точных сроков процессуальных действий; диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций; неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям; отсутствие каких-либо положений нормы вообще, хотя их наличие предполагалось, и другие.

К примеру, в ст. 91 УПК РФ говорится, что «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в

виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований». Мы считаем, что формулировка «вправе», дающая правоприменителю возможность выбора при принятии решения о таком задержании, в данном случае неприемлема и является коррупциогенным фактором. Ведь законодателем в этой же статье перечислены конкретные основания для такого задержания, что, безусловно, говорит не о праве указанных должностных лиц на задержание лица, а о возникновении обязанности на совершение такого действия. Опять же такую картину наблюдаем в ч. 1 ст. 192 УПК РФ, где освещается проведение очной ставки: «если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку». Как можно заметить, в норме есть условие (основание), когда нужно проводить очную ставку – наличие в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий, вроде бы, если есть основание, то нужно говорить об обязанности на проведение данного следственного действия, однако законодатель использует формулировку «вправе». Получается, даже если есть указанные существенные различия, следователь может не проводить очную ставку. А не повлияет ли это обстоятельство на ход расследования? При одних и тех же условиях из-за возможности усмотрения следователем возникает проблема нарушения равенства всех перед законом. И таких недостатков в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ достаточно.

Поэтому мы убеждаемся в существовании проблемы наличия указанных выше коррупционных рисков в нормах действующего УПК РФ, особенно в нормах, регулирующих доказывание по уголовному делу. В настоящее время в научной юридической литературе имеется достаточное количество трудов, посвященных вопросам и проблемам доказывания и доказательств в уголовном судопроизводстве. Также имеется большое количество научных трудов, посвященных исследованию коррупции в самых разнообразных аспектах, коррупционных преступлений, расследованию коррупционных преступлений и т.д. Имеется ряд диссертаций, посвященных исследованию института антикоррупционной экспертизы в различных аспектах. К примеру, диссертация А.К. Балдина написана по специальности «Административное право и процесс» и раскрывает правовые вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами Минюста России [3]; диссертационное исследование Ю.М. Ланцевича посвящает вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-

правовых актов в правоохранительной деятельности [7]; А.В. Ермакова исследовала антикоррупционную экспертизу как элемент законотворческого процесса [4].

Написанные в настоящее время диссертации раскрывают лишь вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, освещают ее содержание и характеристику. А исследований, содержащих в себе методики выявления коррупционных рисков в конкретных нормативно-правовых актах и выдвижение последующих законодательных предложений по их устранению, на сегодня нет. Тем более нет такого рода исследований в области уголовно-процессуального права, не говоря уже об исследовании коррупционных рисков в нормативно-правовом регулировании доказывания по уголовным делам. Поэтому данная проблема остается нерешенной.

И все же наука не стоит на месте. Этому подтверждением является наличие отдельных публикаций, безусловно, признающих верными направление наших идей и соображений, а также подталкивающих нас для более глубокого и объемного исследования данной проблемы. Так, например, научная статья С.П. Андрусенко, освещающая вопросы антикоррупционной экспертизы в российской уголовной юстиции [2], и научная статья Н.Е. Муженской и Г.В. Костылевой, посвященная исследованию норм уголовно-процессуального кодекса РФ на коррупциогенность [9]. Последняя, по понятным причинам, заслуживает особого внимания. В данной работе имеются некоторые положения, в которых отмечаются признаки норм, содержащих коррупционные риски. Данное обстоятельство нам говорит о том, что не мы одни на этом «поле воюем». И, поддерживая данную идею, мы считаем, что проблема наличия коррупционных рисков в нормах, регулирующих уголовно-процессуальное доказывание, актуальна и ее исследование продиктовано запросами современности.

Список литературы

1. *Александров А.С.* Диспозитивность в уголовном процессе: дис ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. [Автор указывает, что в уголовном судопроизводстве диспозитивность – это право сторон распоряжаться своими правами на уголовный иск (материальная диспозитивность) и процессуальными правами, включая права по доказыванию, в своих процессуальных интересах (формальная диспозитивность)].

2. *Андрусенко С.П.* Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. М.: Норма, 2013. № 4. С. 51–58.

3. *Балдин А.К.* Правовые вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами Минюста России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.

4. *Ермакова А.В.* Антикоррупционная экспертиза как элемент законодательного процесса в субъектах российской федерации (на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014

5. *Корнев Г.П.* Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1995. 194 с.; *Корнев Г.П.* Социальная природа, смысл и назначение истины. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 1996. 256 с. [Речь о так называемой нормативной концепции истины («не следует сомневаться в законе»)].

6. *Крупский М.А., Гурьев А.А.* Заключение на Проект N 440058-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс]. URL: <http://vs Corruption.ru/?p=969>.

7. *Ланцевич Ю.М.* Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

8. *Лубин А.Ф.* Нетленное корыстолюбие (Историко-юридический анализ) // Записки криминалистов. М.: Юрикон, 1995. Вып. 5. С. 174–197.

9. *Муженская Н.Е., Костылева Г.В.* Коррупциогенность норм УПК РФ // Российский следователь. М.: Юрист, 2012. № 24. С. 22–25.

10. *Полянина М.Б.* Заключение на Проект Ведомственного приказа «О внесении изменений в Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации, утвержденный приказом ФМС России от 22 апреля 2013 г. № 215» [Электронный ресурс]. URL: <http://vs Corruption.ru/?p=1000&print=print>

11. *Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1729.

12. *Федеральный закон от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»* // Российская газета. 2009. № 4957.

13. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf;
URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/vlXMMRlab8.pdf;
URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf.

*Баглаева Е. М.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
НПА, г. Нижний Новгород*

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На основе анализа мнений ученых-процессуалистов и судебной практики исследуется возможность достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве

Ключевые слова: объективная истина; состязательность сторон; активность суда в исследовании доказательств; судебское усмотрение.

В Российской газете от 15.03.2012 г. [7] было опубликовано интервью с А. Бастрыкиным, который предлагает вернуть в УПК РФ норму, существовавшую в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. и закреплявшую обязанность осуществлять поиск объективной истины при производстве по уголовному делу, поскольку именно она является целью уголовно-процессуального доказывания. Тезисно его доводы в пользу законопроекта можно представить следующим образом:

1 – введение института объективной истины позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия к нему граждан;

2 – достижение сформулированного в ст.6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства невозможно без выяснения обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть без установления по делу объективной истины;

3 – российское уголовное судопроизводство традиционно тяготеет к романо-германской модели доказывания, которая основывается на приоритете достоверного, объективно истинного знания о событии преступления при принятии итогового решения по делу, в то время как современная модель состязательного судебного разбирательства построена в соответствии с англо-американской доктриной, а именно: суду предписывается быть пассивным наблюдателем, в его обязанность входит лишь способствование сторонам в реализации их прав и законных интересов и слежение за порядком, чтобы сохранять нейтралитет и беспристрастность в споре;

4 – судья не должен принимать меры к выяснению действительных обстоятельств уголовного дела, но выбирает наиболее аргументированную позицию одной из сторон и на основе ее правовой оценки выносит решение, поэтому в таком процессе приоритетной является не объективная, а формально-юридическая истина, определяемая позицией стороны, победившей в споре, даже если она не соответствует действительности.

Очевидно, что высказанное А. Бастрыкиным мнение относительно роли суда в судебном разбирательстве базируется на его понимании Постановления КС РФ от 08.12.2003 г. № 18-П [4].

В итоге разработчик законопроекта предлагает внести в УПК РФ изменения, в соответствии с которыми:

1. Суд не будет связан с мнением сторон и при наличии сомнений обязан принимать необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств дела;

2. Корректируются полномочия председательствующего: он не только руководит судебным заседанием и обеспечивает состязательность и равноправие сторон, но и принимает меры к всестороннему, полному и объективному выяснению всех обстоятельств дела, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или защиты;

3. Расширяется перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в суде: предполагается возвращение дела прокурору с целью устранения неполноты предварительного расследования, которая не может быть восполнена в ходе судебного разбирательства, или при наличии оснований для изменения объема обвинения в сторону, ухудшающую положение обвиняемого.

На рассматриваемую тему в последнее время было опубликовано много статей; мнения ученых и практиков разделились в вопросах понимания сущности познания вообще и уголовно-процессуального в частности, хотя никто не отрицал того, что познание основывается на законах гносеологии.

Интересно, что в интервью А. Бастрыкин представил мнение своих оппонентов одним вектором – они называют институт объективной истины «пережитком марксистско-ленинской политической идеологии» и считают саму объективную истину недостижимой и ненужной в условиях состязательной модели судопроизводства.

Но О. Зайцев и П. Пастухов [1, с. 84–88], например, категорически возражают против любой активности суда, поскольку она по большей части осуществляется в интересах стороны обвинения и направлена на восполнение недостатков расследования по делу, что противоречит Постановлению КС РФ от 27.06.2005 г. № 7-П [5], которым запрещается возлагать на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения.

А.В. Пиук [3, с. 52–54], председатель Мегионского горсуда Тюменской области, увидел проблему в неверном методологическом решении законодателя отнести следователя к стороне обвинения, не обязав его, как это было в УПК РСФСР, собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, т.е. проводить собирание доказательств всесторонне, полно и объективно. Автор считает, что хотя орган расследования и отнесен к стороне обвинения, он действует от имени государства, поэтому следует считать, что на него возложены обязанности, органично вытекающие из осуществляемой им деятельности. «Чтобы что-то доказать, надо опровергнуть противоположный тезис, и это даже не постулат лишь процессуальной науки, данное положение вытекает из логики и оно правильно для всех отраслей человеческой деятельности» [3, с. 52–54]. В итоге А.В. Пиук, видя насущную необходимость включить в УПК РФ аналог ст. 20 УПК РСФСР, предлагает возложить обязанность устанавливать истину только на орган расследования с целью повышения качества результатов его работы и исключить суд, поскольку в последнем случае именно он будет устранять пробелы предварительного следствия.

Н. Колоколов, Т. Морщакова, С. Пашин – судьи в отставке, а также адвокаты Ю. Костанов и С. Насонов высказались, как практики, против предложений СКР [2]. Их возражения сводились к следующему:

1. Термин «объективная истина» никогда не фигурировал в законодательстве, он взят из философии;

2. Даже с философской точки зрения объективную истину установить нельзя в силу невозможности воспроизведения всех обстоятельств ее существования; если в УПК и вносить тезис об объективной истине, то только как обязанность следствия собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства;

3. Цель законопроекта СКР – заставить следствие и суд доказывать именно невиновность вместо того, чтобы они обосновывали виновность лица в совершении преступления;

4. Этот проект – попытка компенсировать непрофессионализм следователей, избавить следователей от функции доказывания вины, переложив ее на суд, и избавить следствие от критики со стороны судебных органов, потому что отныне суд будет отвечать за результаты следствия наравне с ними.

Туленков Д.П., заместитель председателя Волгоградского облсуда, [8] *исследуя многочисленные* общие гносеологические проблемы достижения объективной истины применительно к сфере уголовного судопроизводства, *выделил следующие:*

1) уголовно-процессуальное познание близко к историческому познанию в силу того, что в центре внимания находятся события прошлого, но такое познание в обоих аспектах – историческом и уголовно-процессуальном – можно противопоставить друг другу: историческое зависит от прямых наблюдений, тогда как уголовно-процессуальное базируется на непрямых, косвенных наблюдениях, которые предполагают обращение к изучению остатков прошлых событий, и по ним эти события необходимо реконструировать с возможной степенью полноты и достоверности;

2) прошлое всегда характеризует в той или иной степени фрагментарный характер, и всегда находятся такие свойства события, относящиеся к предмету доказывания, которые будут отсутствовать в совокупности соответствующих следов – материальных и в памяти свидетелей по делу, что не позволяет говорить о том, что по делу установлена объективная истина;

3) у суда отсутствует возможность в полной мере применить опыт и эксперимент как методы проверки полученного знания; производство следственного эксперимента судом возможно, но ограничено опасностью для здоровья участвующих в нем лиц;

4) судебное познание – сбор сведений из отдельных источников – показаний лиц, заключений экспертиз, осмотра вещественных доказательств и т.п., является индуктивным процессом, который не ведет к истинному знанию; вряд ли можно ставить знак равенства между достоверностью и объективной истиной.

Автор сформулировал вывод: «...познавательная деятельность всегда является субъективным процессом: не существует никакого идеального объективного знания. Это же положение можно полностью распространить и на сферу уголовно-процессуального познания. Результат познания, в том числе и в области судопроизводства, в значительной степени зависит от субъекта познавательной деятельности,

в нашем случае – от участников уголовного процесса. Субъективный, индивидуальный характер познавательной деятельности проявляется на каждом из этапов расследования и рассмотрения уголовного дела. При этом каждый из участников уголовного судопроизводства приносит свой специфический вклад в получение коллективного итогового знания» [8].

Б.Г. Розовский [6, с. 173] считает, что «...пока есть суд, есть спор людей – истина субъективна» и призывает не абсолютизировать даже научную истину, которая также субъективна (это утверждение автор обосновывает существованием многочисленных научных концепций объяснений одного и того же факта). В обоснование своего довода о невозможности установления объективной истины он предлагает задаться вопросом, для чего тогда существуют апелляционное, кассационное производство, а также возможность возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования? В довершение он приводит интересный довод: «Кстати, кто объяснит логику, согласно которой направить производство, завершившееся приговором, на новое судебное рассмотрение можно, а возвратить на дополнительное досудебное рассмотрение нельзя?».

Отставим рассуждения относительно всевозможных истин и сконцентрируемся на вопросах:

1. Так должно ли быть нормативное закрепление в УПК РФ тезиса о необходимости установления объективной истины в ходе производства по делу следователем, дознавателем, прокурором и судом (судьей)?

2. Должен ли суд в условиях состязательного процесса занимать активную позицию, собирать доказательства по собственной инициативе, если сторона обвинения или защиты бездействуют и возвращать уголовное дело на дополнительное расследование для того, чтобы восполнить неполноту доказательств, первоначально собранных органом расследования?

Современная концепция состязательности сторон, закрепляющая разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела, а также запрет на возложение их на один и тот же орган (или одно и то же должностное лицо), в частности, на суд имеет в своей основе идею осуществления правосудия только судом, но реализуемую в стадии судебного разбирательства.

Собственная практика автора настоящей статьи позволила сделать вывод о том, что ни закрепление обязанности устанавливать

объективную истину в УПК РСФСР, ни отсутствие аналогичной нормы в УПК РФ положения дел не изменило. Качество следствия и дознания лучше от этого не стало и не станет в будущем. Работе следователя можно обучить, но обязать качественно работать невозможно. Необходимо, с учетом психологических особенностей следственной деятельности, осуществлять подбор кандидатов, обладающих поисковой доминантой и, соответственно, способных осуществлять поисковую деятельность.

Например, в 1997 г., т.е. до принятия УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела судом было установлено, что находящаяся под стражей подсудимая, обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.111 УК РФ, признавала факт нанесения удара ножом потерпевшему, но при этом указала, что сделала это из страха за свою жизнь, т.к. в то же время он наносил ей удары кулаками по голове, не давая возможности убежать из кухни. Потерпевший, существенно младше подсудимой по возрасту и служивший в десантных войсках, категорически отрицал избиение. Доказательств, подтверждающих или опровергавших показания обоих в части нанесения ударов потерпевшим подсудимой, органом расследования не было установлено, а суду они представлялись важными для принятия решения по делу – обвинительного или оправдательного приговора. Ни защитник, ни прокурор никакой инициативы в ликвидации проблемы не проявили, в связи с чем именно суду пришлось собирать доказательства: в деле имелась справка участкового уполномоченного о поквартирном обходе, и в ней содержалось указание на то, что сосед этажом выше слышал шум (без каких-либо подробностей), что дало возможность суду по собственной инициативе вызвать соседа и допросить в качестве свидетеля, а затем принять законное, обоснованное и справедливое решение.

Возникает вопрос (без ответа): почему следователь, руководствовавшийся УПК РСФСР, не установил объективную истину? Тем более, что обвиняемой избиралось заключение под стражу в период следствия по делу.

Еще один пример. В 2005г. при рассмотрении уголовного дела в отношении обвиняемого в совершении мошенничества (пять эпизодов), за год причинившего коммерческой организации, в которой он являлся управляющим, ущерб на сумму 13 млн. руб., судом было установлено, что вывод о наличии ущерба и его сумме органом расследования был сделан на основании акта ревизии, подготовленного

бухгалтером той же организации; судебно-бухгалтерская экспертиза по делу не назначалась, а свидетели подтверждали лишь то, что им известно о ревизии и ее результатах. Защитник подсудимого своих функций не выполнял по причине отсутствия у него понимания механизма совершения преступлений с использованием бухгалтерской документации, тем более, что каждое преступление отличалось от другого; прокурор отказался заявлять ходатайство о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы, объяснив свою позицию тем, что не исключает вынесения оправдательного приговора по ее результатам. Документация, необходимая для экспертизы, отсутствовала; более того, в деле имелся протокол обыска офиса, согласно которому никаких платежных поручений и договоров там не было обнаружено. Ст. 283 УПК позволяет суду по собственной инициативе назначать экспертизу, однако для этого именно суду пришлось осуществлять поиск документов. На момент принятия решения о назначении экспертизы ни суд, ни прокурор, ни защитник не представляли, какое может быть получено заключение – подтверждающее обвинение или опровергающее его. В конечном итоге благодаря усилиям суда стало возможным принять решение по делу на основании совокупности исследованных доказательств – обвинительный приговор.

Приходилось в ряде случаев проверять и алиби подсудимого, утверждавшего, что инкриминируемого деяния он совершить не мог по причине нахождения, в частности, в ином месте в компании друзей, которые могут это обстоятельство подтвердить. Можно привести и другие уголовные дела в качестве примеров, но все они будут об одном – низком качестве предварительного следствия, поддержания обвинения в суде или защиты, и суд здесь нельзя упрекнуть в возложении на себя функции обвинения, ведь действовал он одновременно в интересах защиты.

Что в итоге? Само по себе нормативное закрепление в УПК идеи обязать должностных лиц устанавливать объективную истину положительного результата не дает: до 2001 г. и после него, когда был принят УПК РФ, ничего не изменилось в смысле исполнения этого требования. Рассмотренные примеры показывают, что поскольку суд несет ответственность за приговор, он вынужден занимать активную позицию, а не только создавать сторонам возможность для реализации ими своих полномочий, в чем уверен А. Бастрыкин.

Можно, разумеется, задаться вопросом, зачем такая активность суду, если он не является органом борьбы с преступностью?

Автору близко утверждение Б.Г. Розовского: «Не могу при всем желании понять, что должен представлять собой в свете ультралиберальных концепций современный суд? Обязанность суда вынести справедливый приговор не отменили? А если нет, то как можно достичь справедливости, не выяснив все обстоятельства, не истребовав недостающие доказательства?.. Можно ли наказывать преступника и одновременно говорить, что суд не участвует в борьбе с преступностью?.. Уголовное производство направляется в суд не с целью пресечения преступной деятельности?.. Не решают следователь, прокурор и судья общую задачу – выяснить, виновен или невиновен человек, волей судьей попавший в жернова правосудия?.. Средства у них разные, но цель одна – обеспечить определение справедливого наказания виновному и исключить осуждение невиновного» [6, с. 173].

Список литературы

1. *Зайцев О., Пастухов П.* Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. 2014. № 6. С. 84-88.
2. *Новая адвокатская газета.* 2012. 09. 04. [Электронный ресурс]. URL: <http://advgazeta.livejournal.com/17842.html>
3. *Плюк А.В.* Возвращение «объективной истины»: правильно ли расставлены акценты // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 52–54.
4. *Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»* [Электронный ресурс]. URL: <http://alppp.ru/law/pravosudie/4/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-08-12-2003-18-p.html>.
5. *Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»* // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

6. *Розовский Б.Г.* Истина и средства ее достижения в уголовном производстве / Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учеб. пособие / науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014. С. 173.

7. *Суть суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины* [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2012/03/15/bastrykin-site.html>

8. *Туленков Д.П.* Проблемы достижения объективной истины в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=4389&id=22>

*Бащин И. В.,
заместитель прокурора
Кулебакского района
Нижегородской области*

**ПОДКУП УЧАСТНИКОВ И ОРГАНИЗАТОРОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ И
ЗРЕЛИЩНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ КОНКУРСОВ
(ст. 184 УК РФ)**

В статье дается уголовно-правовая характеристика ст. 184 УК РФ, определяется ее место в системе УК РФ, рассматриваются проблемы и дискуссионные положения.

Ключевые слова: подкуп; спортивные соревнования; зрелищные коммерческие конкурсы; незаконное вознаграждение.

Профессионализация спорта и коммерциализация шоу-бизнеса вызывают интерес к этим видам деятельности как предпринимателей, вкладывающих в них большие деньги, так и организованных преступных группировок. Реклама в связи с проведением спортивных соревнований и конкурсов, организация различных лотерей, функционирование букмекерских контор и тотализатора, возможность в зависимости от того или иного результата соревнования или конкурса получить значительный доход, влекут попытки подкупа спортсменов-профессионалов, судей, других участников и организаторов спортивных соревнований, организаторов и членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов.

Под профессиональным спортивным соревнованием необходимо понимать проведение мероприятия спортивной организации, призванной в установленном порядке в Российской Федерации и объявленной в качестве профессиональной.

Зрелищным коммерческим конкурсом является разрешённое мероприятие, проводимое в соответствующем порядке на основании нормативно-правовых актов, определяющих правовую природу и регламентирующих процедуру проведения.

Уголовный закон предусматривает ответственность как за подкуп названных в нём лиц (ч. ч. 3 и 4 ст. 184 УК).

**Состояние преступности
по ст. 184 УК РФ в 1997–2013 гг.
[1, с. 218–219]**

Годы	Количество преступлений	Количество привлеченных
1997	1	0
1998	0	0
1999	1	0
2000	1	0
2001	0	0
2002	0	0
2003	1	0
2004	0	0
2005	0	0
2006	0	0
2007	0	3
2008	1	2
2009	1	0
2010	0	0
2011	0	0
2012	0	0
2013	0	1

Объект преступления – общественные отношения, регулирующие сферу организации и проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Спортсменами, спортивными судьями, тренерами, руководителями команд, другими участвующими организаторами профессиональных спортивных соревнований, признаются лица, имеющие соответствующий статус на основе трудового соглашения или гражданско-правового договора, а также положения о проведении соревнований и выполняющие организационно-распорядительные функции или непосредственно участвующие в соревнованиях.

Исследование объекта данного преступления показало, что законодатель при включении статьи 184 в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» не учел важного положения, согласно которому объектом преступлений данной главы выступают только общественные отношения в указанной сфере. Между тем содержание объекта изучаемого посягательства дает основание заключить, что это деяние посягает на интересы спортивной организации или организации, устраивающей зрелищный коммерческий

конкурс. Такие интересы уже нашли свое отражение в видовом объекте главы 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях» [3, с. 87]. Поэтому ст. 184 УК РФ следовало бы переместить в главу 23, например, за номером 204¹ УК РФ.

Предмет незаконного вознаграждения может быть в виде денег, ценных бумаг или иного имущества, либо услуги имущественного характера.

Объективная сторона выражается в подкупе, то есть в передаче лично или через посредника незаконного вознаграждения участникам или организаторам профессиональных спортивных соревнований или конкурсов, спортсменам, судьям спортивных соревнований, тренерам, руководителям команд, а также лицам, являющимся организаторами или членами жюри зрелищного коммерческого конкурса. К числу других участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований можно отнести начальника команды, спортивного комиссара, инспектора матча, секундомера, массажиста, стартера, автомеханика при проведении автотосоревнований и других.

Подкуп представляет собой передачу лично или через посредников любых имущественных ценностей или предоставление любых имущественных услуг с целью оказания влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов.

Передача имущественных ценностей для создания лучших условий подготовки спортсмена или в иных целях, не связанных с влиянием на результаты указанных соревнований и конкурсов, подкупом не является.

Подкуп признаётся окончанным преступлением с момента получения хотя бы части вознаграждения спортсменами или другими участниками и организаторами спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, независимо от того, выполнил ли виновный обещанное, принявшее вознаграждение, повлиял ли подкуп на результаты соревнований или конкурса. Необходимо лишь, чтобы стороны осознавали, что материальные ценности передаются с целью оказать влияние на результаты соревнования или конкурса. Б.В. Яценко считает преступление окончанным с момента обещания денег, других материальных ценностей или предоставления услуг [5, с. 7]. Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением. Состав преступления –

формальный. Он будет считаться оконченным с момента получения виновным хотя бы части вознаграждения.

Если вознаграждение не принято, то попытка его передачи или предоставления имущественной услуги рассматривается как покушение на подкуп.

Как правило, при подкупе передача вознаграждения или хотя бы его части предшествует выполнению желательных для подкупающего действий со стороны спортсмена и других названных в законе лиц. Возможны случаи, когда незаконное материальное вознаграждение вручается по окончании соревнования или конкурса, но этому предшествует предварительная договоренность о вознаграждении, которая определила поведение участников или организаторов спортивного соревнования (зрелищного конкурса) [2, с. 303].

Субъективная сторона – прямой умысел. Виновный сознает, что совершает подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований, организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов и желает их подкупить.

Обязательный признак субъективной стороны преступления – цель, оказание влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов. Для определения указанной цели необходимо установить, какие конкретные действия (бездействия) должно было совершить подкупаемое лицо.

Мотивы подкупа обычно корыстные, но возможны и любые другие, например, желание во что бы то ни стало победы любимого спортсмена или команды, участника конкурса или, наоборот, мстительное желание повредить какому-либо участнику, не допустить его победы [2, с. 303].

Субъектом преступления, предусмотренным ч.ч. 1 и 2 ст. 184 УК, может быть любое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицирующими признаками подкупа являются: 1) совершение этого преступления неоднократно (ч. 2 ст. 184 УК); 2) в крупных размерах. Неоднократность необходимо понимать как совершение этого преступления не менее двух раз, если не истёк срок давности привлечения к уголовной ответственности по первому эпизоду.

От неоднократного подкупа следует отличать единое продолжаемое преступление, когда незаконное вознаграждение передаётся в несколько приёмов, охватываемых единым умыслом, за выполнение

или невыполнение действий, обеспечивающих наступление желаемого для подкупающего результата.

Одновременный подкуп нескольких участников или организаторов спортивных соревнований, организаторов или членов жюри конкурса с целью повлиять на результаты этого соревнования или конкурса не считается неоднократным. Напротив, если с целью достижения нужного ему результата лицо, осуществляющее подкуп, передаёт вознаграждение нескольким лицам, по отдельности вступая в соглашение с каждым из них самим по себе, то подкуп считается совершенным неоднократно. Профессор П.Н. Панченко также отмечает, что преступление считается совершенным неоднократно как в том случае, когда лицо два или более раза осуществило подкуп одного и того же лица, так и в случае, когда вначале оно осуществило подкуп одного из указанных в диспозиции лиц, а затем другого [4, с. 517].

Закон дифференцирует ответственность за незаконное получение денег, ценных бумаг, иного имущества, незаконное пользование услугами имущественного характера для спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд, других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, организаторов и членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов (ч. 4 ст. 184 УК).

Преступление, предусмотренное ч. 3 и 4 статьи 184 УК, будет считаться оконченным с момента получения виновным законного вознаграждения (денег, ценных бумаг или иного имущества) независимо от того, выполнило ли оно обещанное, повлияло ли его поведение (действие или бездействие) на достижение цели, к которой стремилась подкупающая сторона. Необходимо, чтобы данное лицо сознавало, что вознаграждение принимается им незаконно, а передано оно с целью оказать влияние на результаты спортивного соревнования или зрелищного конкурса.

Субъектами ответственности по ч. ч. 3 и 4 ст. 184 УК РФ являются лица (спортсмены-профессионалы, спортивные судьи, тренеры, руководители команд и другие участники или организаторы профессиональных или спортивных соревнований; организаторы или члены жюри зрелищных коммерческих конкурсов), достигшие 16-летнего возраста, как граждане России, так и иностранцы, а также лица без гражданства.

Список литературы

1. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2015. 235 с.
2. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. Глава III // Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. проф. А.И. Коробеева. Т. III. Преступление в сфере экономики. СПб., 2008. 324 с.
3. *Гладышев Ю.А.* Особенности назначения наказания за коррупционные преступления // Актуальные проблемы противодействия экономической преступности на современном этапе: сб. статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2012. С. 83–88
4. *Панченко П.Н.* Преступления в сфере экономической деятельности. Глава 22 // Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / в 2 т. Том I. – Н. Новгород: Номос, 1996. 456 с.
5. *Яцеленко Б.В.* Судебный прецедент в системе российского уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 6 (32). М.: Изд-во Акад. Ген. прокуратуры РФ .2012, с. 6–12.

*Богомолов С. Ю.,
адъюнкт кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

В представленной статье раскрыты особенности международного сотрудничества в области противодействия терроризму через призму анализа существующих сегодня нормативных правовых актов. Выделены их отличительные черты, представляющие возможность сделать общий вывод о концептуальных признаках терроризма.

Ключевые слова: терроризм; мир; сообщество; противодействие; конвенция.

В настоящее время все мировое сообщество озабочено проблемой усиливающейся террористической активностью. Особая опасность осуществляемых террористических актов в первую очередь заключается в большом количестве жертв ни в чем не повинных людей. Так, по данным, представленным Мэрилендским университетом США [3], который ведет наблюдение за террористической деятельностью с 1970 года, 2012 год стал рекордным как по количеству жертв, так и по количеству самих терактов¹.

Российская Федерация не стала исключением. Хотя с 2003 по 2014 год включительно и наблюдается спад совершения террористических актов², однако мы полностью разделяем мнение А.В. Петрянина о том, что это никаким образом не снижает экстремистской активности радикально настроенных организаций [4, с. 312]. Именно поэтому роль всего мирового сообщества в области противодействия террористической активности является главенствующей.

¹ За 2012 год в мире было совершено 8500 террористических актов, при совершении которых погибло более 15,5 тысяч человек.

² Для справки: Наибольшее количество террористических актов в России было совершено в 2003 году в количестве 561, наименьшая террористическая активность наблюдается в 2008 году – 10 террористических актов.

Одним из важнейших средств борьбы с терроризмом должно стать использование специальных мер, изложенных на международном уровне в конкретных международных правовых документах. Правовая база в области борьбы с терроризмом весьма обширна, и она базируется на принятых в 20-30-х гг. XX в. нормативных актах, которые и заложили фундаментальные основы такой борьбы.

Из современных актов борьбы с международным терроризмом следует отметить принятую 28 сентября 2001 года Советом Безопасности ООН Резолюцию 1373 о борьбе с международным терроризмом. Она содержит большой набор мер на национальном, региональном и международном уровнях, которые обязательны для выполнения для всех стран [7]. Впервые на арене международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью вопросы о финансировании терроризма были затронуты в резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года [5]. В рамках этой резолюции был разработан и предложен целый комплекс мер направленных на предотвращение терроризма. В качестве самостоятельного направления (п.п. «f» п. 3) было выделено воспрепятствование его финансированию. Основной задачей в этом случае стало ограничение движения денежных средств, предназначенных для выполнения террористических целей. При этом принятие вышеназванных мер стало возможным не только в случае явного их предназначения, но и даже при наличии подозрений.

Особое внимание мировое сообщество предлагает уделять завуалированным способам финансирования терроризма, осуществляемого под видом деятельности благотворительных, общественных и культурных организаций.

Еще раз подтверждая необходимость усиления противодействия терроризму в целом, резолюция в пункте 5 закрепила призыв не только о необходимости воздержаться от его финансирования, но и от иных форм поощрения или оказания иной поддержки.

В дальнейшем вопрос о необходимости разработки международного правового акта в области противодействия финансированию терроризма был затронут и в резолюции 53/108 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1998 года [6, с. 288–291].

В настоящее время основу международного сотрудничества в области противодействия финансированию терроризма конечно же составляет международная конвенция «О борьбе с финансированием терроризма» [2]. Она была принята мировым сообществом 9 декабря

1999 года. Российская Федерация ратифицировала ее в 2002 году Федеральным законом от 10 июля 2002 г. N 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» [9].

В преамбуле Конвенции отмечена необходимость поддержания международного мира и безопасности от террористических угроз и потребность в подрыве экономических основ террористических организаций, что будет способствовать снижению террористической активности как в отдельных регионах, так и в целом на планете, так как количество и тяжесть совершаемых террористических актов находится в непосредственной связи от объема их финансирования.

В целях правильной реализации положений Конвенции при ее разработке были выработаны и закреплены основополагающие дефиниции, затрагивающие вопросы финансирования терроризма. Так, ст. 1 Конвенции раскрывает содержание таких понятий, как: «средства» и «поступления».

Так, например, к средствам мировое сообщество предлагает относить любые активы¹, документы или акты², устанавливающие право на эти активы. Причем этот перечень является открытым, что дает возможность оперативно реагировать в вопросе борьбы в случае появления новых финансовых инструментов.

Раскрывая понятие «поступлений», Организация Объединенных Наций не только указывает на то, что к ним относятся любые полученные или приобретенные средства, но и определяет деяния, на совершение которых они могут быть потрачены.

Перечень этих преступлений весьма широк. Он определен в приложении к анализируемой Конвенции, в котором установлен список международных актов, закрепивших соответствующие формы международной преступной деятельности в количестве девяти Конвенций и Протоколов [1].

К рассматриваемой группе деяний отнесены не только те, которые обладают признаками терроризма, но и иные преступления, посягающие на жизнь и здоровье личности в целях запугивания населения или принуждения государственных органов, а также международных организаций для совершения или отказа от совершения каких либо

¹ Осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые.

² В любой форме, в том числе в электронной или цифровой, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы.

действий. Как мы видим, в целом, названные признаки присущи понятию террористического акта, закрепленного в ст. 205 УК РФ.

Самостоятельным направлением в рамках рассматриваемой Конвенции выступает деятельность в области установления источников финансирования терроризма. Так, в соответствии со ст. 8 Конвенции, государство участник должно не только определять, обнаруживать, блокировать либо арестовывать средства, предназначенные для совершения преступлений указанных в ст. 2 Конвенции, но и конфисковывать эти средства. Полагаем, что данное направление должно стать основным в области противодействия терроризму, так как непосредственно направлено на подрыв экономических основ террористических организаций, что с нашей точки зрения является наиболее действенным механизмом борьбы с террором, требующим серьезного финансирования.

Интересен подход Организации Объединенных Наций и в вопросе распоряжения конфискованным имуществом. Анализируемая статья в пункте 3 предлагает при наличии соглашений разделять его между государствами участниками Конвенции как на разовой, так и постоянной основе. В целом разделяя предложенный механизм, считаем необходимым акцентировать внимание на дифференциации этого деления, в первую очередь исходя из объема наступивших последствий в каждом конкретном случае.

Особый акцент при использовании конфискации сделан и в отношении потерпевших от террористической деятельности. Мировым сообществом рекомендовано создать правовые механизмы, с помощью которых изъятое имущество направляется на выплату компенсаций жертвам терроризма. Считаем, что именно это направление и должно стать приоритетным при определении дальнейшей судьбы конфискованного имущества. В первую очередь это обуславливается целью терроризма (запугивание населения) и большим количеством его жертв. Схожий подход уже реализован в Российской Федерации, раскрывающий сущность конфискации.

В целях предупреждения финансирования терроризма в Конвенции закреплен целый комплекс механизмов, реализация которых создает благоприятные условия для повышения качества противодействия. Они нашли свое отражение в ст. 18 Конвенции. Их можно разделить на две группы.

Первая включает в себя инструменты межгосударственного сотрудничества в рассматриваемой области. К ним относится как со-

вместная работа в системе Международной организации уголовной полиции «Интерпол», так и обмен информацией в целях предупреждения совершения преступлений террористической направленности.

Вторая группа реализуется в рамках национального законодательства и направлена на осуществление контроля за движением финансовых инструментов. Например, запрет на открытие счетов не идентифицированными агентами; отслеживание крупных финансовых операций, не имеющих законных оснований; предъявление требований к субъектам финансовой деятельности по сохранности документации, сопровождающей внутренние и международные операции по движению денежных средств и иных финансовых инструментов, и др.

Проанализировав вышеназванную конвенцию, мы приходим к выводу о том, что современное проявление терроризма, с учетом его концептуальных особенностей, непосредственно раскрывающих и его экономическую составляющую в области финансирования террористической деятельности, дает нам основание констатировать, что терроризм сегодня создает угрозу не только международной, национальной и общественной безопасности, но и экономической безопасности как отдельных государств, так и всего мирового сообщества, что также должно рассматриваться в качестве еще одного его конструктивного признака. Это обуславливается и тем, что все государства участники Международной конвенции в качестве одного из приоритетных направлений рассматривают реализацию мер, направленных на подрыв экономических основ организованной преступности, нацеленной на совершение преступлений террористической направленности.

Обеспечение экономической безопасности как одно из направлений противодействия финансированию терроризма особым образом было отмечено на Глобальном форуме по партнерству государств и бизнеса в противодействии терроризму, по результатам которого была принята «Стратегия партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму» [8, с. 240–244].

В стратегии отражено, что терроризм ослабляет экономику и замедляет прогресс в политическом, экономическом и социальном развитии. Именно поэтому качество противодействия зависит от совместности усилий не только самих государственных органов, но и бизнеса, а также всего гражданского общества в целом.

Все это указывает на то, что эффективность противодействия финансированию терроризма в первую очередь зависит от качества национального, так и международного сотрудничества, в том числе и в области охраны экономической безопасности.

Проведенный анализ международного законодательства в области противодействия террористической деятельности дает нам основание сделать следующие выводы:

1. Финансирование терроризма признано мировым сообществом как самостоятельная разновидность преступной деятельности.

2. Финансирование терроризма представляет угрозу не только мировой и национальной безопасности отдельных государств, но и экономической ее составляющей.

Список литературы

1. *Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, совершенная в Гааге 16 декабря 1970 года; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенная в Монреале 23 сентября 1971 года; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года; Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в Вене 3 марта 1980 года; Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенный в Монреале 24 февраля 1988 года; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, совершенная в Риме 10 марта 1988 года; Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, совершенный в Риме 10 марта 1988 года; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года.* [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/>.

2. *Международная конвенция «О борьбе с финансированием терроризма» (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров. № 5. 2003.*

3. *Официальный сайт госдепартамента США* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/j/ct> (дата обращения: 20.08.2014).

4. *Петрянин А.В.* Государственная политика в сфере противодействия экстремизму: монография. Н. Новгород: Изд-во НИУ РАНХиГС, 2014. С.312.

5. *Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г. N 51/210 «Меры по ликвидации международного терроризма»* [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/6283797.62172699.html> (дата обращения: 23.10.2014).

6. *Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1998 г. N 53/101 «Принципы и установки для ведения международных переговоров»* // Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом. М. 2007. С. 288–291.

7. *Резолюция 1373 СБ ООН о борьбе с международным терроризмом от 28 сентября 2001 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/

8. *Стратегия партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму, принята на Глобальном форуме по партнерству государств и бизнеса в противодействии терроризму* // Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом. М. 2007. С. 240–244.

9. *Федеральный закон от 10.07.2002 N 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма»* // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2792.

*Бойко С. Я.,
соискатель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
НИМБ, г. Нижний Новгород*

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ (ст. 159⁵ УК РФ)

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования. В работе даются рекомендации по вопросам квалификации и отграничения ст. 159⁵ УК РФ от смежных деяний.

Ключевые слова: мошенничество в сфере страхования; хищения; уголовная ответственность; уголовное законодательство.

Введение в проблему. В системе экономических отношений собственность играет значимую роль. Как социально-экономическая категория она выступает экономическим фундаментом всех общественных отношений, возникающих в обществе, и рыночных отношений в том числе. Учитывая данное положение, государство вынуждено постоянно совершенствовать систему отношений собственности: осуществлять правовое регулирование; совершенствовать механизм защиты от различных противоправных посягательств. В системе правовых регуляторов особое место занимает уголовное законодательство, которое призвано защитить собственность, тем самым обеспечить ее эффективное функционирование.

Преступления, посягающие на собственность, занимают особое место в уголовном законодательстве, исходя из их повышенной общественной опасности: они подрывают основы экономики страны, препятствуют функционированию рыночных отношений, оказывают негативное влияние на граждан, порождают недоверие к органам власти и их управленческой структуре. Не случайно в реализации системы мер противодействия преступлениям против собственности особое место занимает уголовное законодательство. Законодатель в УК РФ выделил самостоятельную главу 21 «Преступления против собственности», тем самым подчеркнул особый характер и значимость данного уголовно-правового института. Однако, как показали исследования, предупредительный потенциал уголовно-правовых положений, заложенных в гл 21 УК РФ, используется недостаточно эффективно. К причинам создавшие-

гося положения можно отнести ошибки законодателя, выразившиеся в нечеткости правовых предписаний, дублировании правовых положений. Все это оказывает негативное влияние на правоприменительную деятельность. Примером может служить Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], внесший существенные изменения в уголовный кодекс, дополнив его шестью статьями, предусматривающими ответственность за специальные виды мошенничества: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹); мошенничество при получении выплат (ст. 159²); мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159³); мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159⁴); мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶) [1, с. 111 – 112].

Такие законодательные новации поставили в затруднительное положение правоприменителя. В этой связи возникает потребность в разъяснении указанных законодательных новаций. В представленной статье автор ставит перед собой цель исследовать сформулированные законодателем положения в ст. 159⁵ УК РФ «Мошенничество в сфере страхования».

Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере страхования. В соответствии с Федеральным законом от 27.11.1992 года № 4015-1 (ред. от 27.07.2013 года) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» под страхованием понимается отношения по защите интересов физических и юридических лиц Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов формируемых страховщиками их уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страхования [13]. Гражданское законодательство установило положение, согласно которому страхование в Российской Федерации может быть: добровольным и обязательным; осуществляемым на основе договора имущественного или личного страхования; страхования предпринимательского риска; страхования ответственности за причинение вреда; страхования ответственности по договору и т.д.

Общественная опасность мошенничества в сфере страхования состоит в том, что в результате его совершения подрываются основы страховой деятельности, дестабилизируются институты обеспечения социальной защиты юридических и физических лиц, увеличиваются

экономические риски, создаются угрозы ее экономической устойчивости.

Непосредственным объектом исследуемого преступления, исходя из структуры диспозиции и ее содержания, следует признавать общественные отношения, будут выступать общественные отношения, связанные с регламентированным порядком защиты имущественных отношений в сфере страхования.

Предметом страхового мошенничества является имущество в виде денежных средств (страховых выплат, страховых премий, страховых взносов). Таким образом, применительно к рассматриваемому преступлению предметом обязательного социального страхования следует признавать имущество, выраженное в денежной форме в виде различных пособий и выплат: по временной нетрудоспособности; по беременности и родам; ежемесячного пособия по уходу за ребенком; при усыновлении; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; социальное пособие на погребение; страховые выплаты при обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Объективная сторона мошенничества в сфере страхования выражается в хищении чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Подчеркнем, что законодатель в диспозиции одним из криминообразующих признаков называет способ – обман. Под обманом понимается сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо умалчивание об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение [7].

Таким образом, обман здесь выступает в двух формах: относительно наступления страхового случая; относительно размера причитающего лицу страхового вознаграждения. Разница между ними заключается только в наличии (во второй ситуации) или в отсутствии (в первой ситуации) страхового случая. При отсутствии страхового случая лицо не имеет право на страховое возмещение, но при фальсификации, подделывании документа о наступлении страхового случая получает это возмещение [4, с. 329].

Наступление страхового случая дает право на получение возмещения исходя из понесенного ущерба. Для увеличения размера возмещения лицо подделывает документ, увеличивая понесенный ущерб, или инсценирует наступление более тяжелых последствий, чем есть на самом деле [4, с. 330].

Проведенное исследование правовых регламентов показало, что осуществление обмана, связанного со страховым случаем, законодатель понимает неоднозначно. В одной законодательной трактовке страховой случай – это совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам [13]. В другой трактовке страховой случай – это событие, представляющее собой реализацию социального риска, с наступлением которого возникает обязанность страховщика осуществлять обеспечение по обязательному социальному страхованию [9].

Отметим, что социальный страховой риск – это предполагаемые события, влекущие изменение материального и (или) социального положения работающих граждан и иных категорий граждан, в случае наступления которого осуществляется обязательное социальное страхование.

Проведенное изучение показало, что законодатель в многочисленных нормативных правовых актах страховой случай применительно к различным сферам деятельности определяет по-разному.

Так, применительно к обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, страховой случай – это наступление гражданской ответственности владельца транспортного средства за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, влекущее за собой в соответствии с договором обязательного страхования обязанность страховщика осуществить страховую выплату [12].

Страховым случаем по договору социального страхования ответственности заемщика служит факт предъявления к нему кредитором требования о погашении кредита при недостаточности у кредитора денежных средств, вырученных от реализации заложенного имущества и распределенных в порядке, установленном законодательством об ипотеке [10].

Страховым случаем по договору страхования ответственности туроператора является факт установления обязанности туроператора воз-

местить туристу и (или) иному заказчику реальный ущерб, возникший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения по договору о реализации туристического продукта, при условии, что это произошло в течение срока действия договора страхования ответственности туроператора [11].

Субъектом преступления следует признавать любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Следует иметь в виду, что согласно Федеральному закону № 165-ФЗ от 16 июля 1999 года «Об основах обязательного социального страхования» субъектами обязательного социального страхования являются участники отношений по обязательному социальному страхованию, а также органы, организации и граждане, определяемые в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования: страхователи – работодатели; страховщик, застрахованные лица.

Страхователи – организации любой организационно-правовой формы, а также граждане, обязанные в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования уплачивать страховые взносы, а в отдельных случаях, установленных федеральными законами, выплачивать отдельные виды страхового обеспечения.

Страховщики – это некоммерческие организации, создаваемые в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования для обеспечения прав застрахованных лиц по обязательному социальному страхованию при наступлении страховых случаев.

Застрахованные лица – граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане, лица без гражданства, работающие по трудовым договорам, лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой или иные категории граждан, у которых отношения по обязательному социальному страхованию возникают в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Субъективная сторона страхового мошенничества характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Виновный осознает, что совершает хищение чужого имущества путем обмана относительно страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договорам страхователю или иному лицу, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Интеллектуальный элемент умысла состоит в осознании того, что виновный путем обмана потерпевшего завладевает чужим имуществом, предвидит причинение собственнику материального ущерба. Волевой момент умысла заключается в том, что лицо, совершающее преступление, желает причинить указанный ущерб.

Корыстная цель – один из факультативных признаков состава преступления – становится обязательным, т.е. завладеть чужим имуществом и обогатиться таким образом незаконным путем.

В части 2 ст. 159⁵ УК РФ законодатель предусмотрел два квалифицирующих признака: группа лиц по предварительному сговору; причинение значительного ущерба гражданину.

В соответствии с частью 2 ст. 35 УК РФ *преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору*, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

В каждом конкретном случае, при квалификации действия виновных как совершивших хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на чужое имущество, состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, а также какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления. Одновременно с этим оценку доказательства необходимо проводить в отношении каждого исполнителя совершенного преступления и других соучастников (организатора, подстрекателя, пособника) [6]. Если организатор, подстрекатель или пособник не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершение группой лиц по предварительному сговору. В этом случае, в силу части 3 ст. 24 УК РФ, действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ [6].

Причинение значительного ущерба гражданину. Значительный ущерб гражданину в силу прямого указания в законе (примечание 3 к ст. 158 УК РФ) определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

При квалификации действия лица, совершившего страховое мошенничество, по признаку причинения гражданину значительного ущерба следует учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевше-

го, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупных доход членов семьи с которыми он ведет совместное хозяйство и др.[6]. Как видно из разъяснения высшей судебной инстанции, к признакам причинения значительного ущерба гражданину следует относить не только размер похищенного, но и другие объективные обстоятельства дела [4, с. 294].

Законодатель в ч. 3 ст. 159⁵ УК РФ определил признаки особо квалифицированного состава мошенничества в сфере страхования: а) лицом с использованием служебного положения; б) в крупном размере.

Использование своего служебного положения при страховом мошенничестве предполагает, что должностное лицо, либо государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом, либо служащий коммерческой, либо иной организации (в том числе лицо, выполняющее в ней управленческие функции) вопреки интересам службы использует вытекающие из его служебных полномочий возможности для незаконного завладения чужим имуществом или незаконного приобретения права на него [3, с. 45].

Если действия должностного лица выразились в получении незаконного вознаграждения за совершение по службе определенных действий в интересах дающего, оно должно квалифицироваться как получение взятки (ст. 290 УК РФ), независимо от ответственности за страховое мошенничество, а аналогичные действия в отношении лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, должны квалифицироваться как коммерческий подкуп (ч. 3 или ч. 4 ст. 204 УК РФ).

Согласно примечанию к ст. 159¹ УК РФ, *крупным размером* в ст.159⁵ УК РФ признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей.

В ч. 4 ст. 159⁵ УК РФ предусмотрена ответственность за мошенничество в сфере страхования, совершенное: организованной группой, либо в особо крупном размере.

Преступление признается *совершенным организованной группой*, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Таким образом, хищение организованной группой предполагает его совершение устойчивой группой, состоящей из двух или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений, и характеризуется, как правило, высоким уровнем организованности,

планированием, и тщательной подготовкой преступления, распределением ролей между соучастниками и т.п. [5].

Второй признак – особо крупный размер страхового хищения – определяется в соответствии с примечанием к ст. 159¹ УК РФ и будет иметь место, если стоимость похищенного имущества превышает шесть миллионов рублей.

Список литературы

1. *Актуальные проблемы уголовного права: монография / А.П. Кузнецов, М.П. Пронина, В.Н. Сизова, М.В. Степанов.* Н. Новгород: Изд-во Нижегород. академии МВД России, 2014. С. 111–112 [пар. 2, гл. 3 «Проблемы конструирования норм Особенной части УК РФ» / А.П. Кузнецов].

2. *Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»* // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

3. *Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Паршин С.М.* Преступления в сфере экономики: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. проф. А.П. Кузнецова. Н. Новгород: Изд-во Института ФСБ России, 2013.

4. *Лопашенко Н.А.* Глава 8 Преступления против собственности / Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т 2. Особенная часть. 2-е изд. испр. и доп. / под общ. ред. проф., д. юр. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014.

5. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения законодательства об ответственности за преступления против собственности»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 7.

6. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

7. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

8. Российская газета. 2012. 3 декабря.

9. *Федеральный закон РФ «Об основах обязательного социального страхования» от 16 июля 1999 г. 165-ФЗ* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3686.

10. *Федеральный закон РФ от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3400.

11. *Федеральный закон РФ от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491.

12. *Федеральный закон РФ от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.

13. *Федеральный закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»* // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

Бочкарев И. Е.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового обеспечения
экономической и инновационной деятельности
ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

О НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье поднимается проблема правового регулирования направлений деятельности юридических клиник. На основе анализа действующего законодательства показывается место юридических клиник как института гражданского общества в механизме противодействия коррупции. Впервые в юридической литературе выделяются виды направлений деятельности юридических клиник по противодействию коррупции, и дается их подробное описание.

Ключевые слова: направления; деятельность; юридическая клиника; противодействие; коррупция.

В России в настоящее время наблюдается развитие деятельности юридических клиник при высших учебных учреждениях на основе постоянного совершенствования их правового статуса [См., например: 8]. Однако при всем многообразии правового регулирования отсутствует закрепление направлений деятельности юридических клиник, или другими словами – их функций.

В основополагающих правовых актах, посвященных правовому статусу юридических клиник, упоминаются лишь цели их деятельности и принадлежность к негосударственной системе оказания бесплатной юридической помощи. Так, например, согласно п. 5 Приказа Министерства образования и науки РФ от 28 ноября 2012г. № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» юридическая клиника осуществляет свою деятельность в целях:

1) создания условий для реализации, установленного Конституцией РФ права граждан на получение квалифицированной бесплат-

ной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации;

2) создания условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечения их доступа к правосудию;

3) правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи [7].

В ходе анализа многочисленных положений о юридических клиниках также установлено, что в них отсутствует единство структуры относительно целей, задач и функций. Преимущественно в них закрепляются только цели и задачи [3], и лишь в отдельных положениях имеются все составляющие: цели, задачи и функции [См., например: 4]. И даже в этих случаях функции юридической клиники не конкретизированы, а сформулированы в самом общем виде, например, как образовательные или социальные [4].

Означает ли сказанное, что юридические клиники не участвуют в работе по противодействию коррупции? Вовсе нет.

Юридические клиники, как уже отмечалось, являются негосударственными образованиями, поэтому, естественно, что они не обладают государственно-властными полномочиями по предотвращению коррупционных проявлений, как, например, Федеральная служба безопасности или полиция. Но это и не обязательно, поскольку, с одной стороны, воздействовать на коррупционное поведение можно и через структуры гражданского общества посредством использования ими альтернативных организационных и правовых мер, не связанных с принадлежностью к государственной власти [См. об этом подробнее: 2]. А с другой стороны, при необходимости можно обращаться за содействием к органам государственной и местной власти.

Действующее законодательство обязывает органы государственной и местной власти внимательно относиться к структурам гражданского общества и взаимодействовать с ними в ходе антикоррупционной деятельности. Так, п. 7 ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» [5] предписывает сотрудничество государства с институтами гражданского общества. Еще более развернутое положение о субъектах сотрудничества с представителями граждан-

данского общества закреплено в п. 5 ст. 2 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», где, кроме органов государства и их должностных лиц, называются органы местного самоуправления, а также их должностные лица [6].

Юридические клиники как участники гражданского общества [1]¹ достаточно часто совершают действия и участвуют в мероприятиях антикоррупционного характера, которые следует рассматривать как направления (функции) их деятельности по достижению правовых целей. Анализ практической работы юридических клиник позволяет выделить внутренние (в рамках высших учебных учреждений) и внешние (в процессе взаимодействия с другими участниками антикоррупционного механизма) направления их деятельности по противодействию коррупции.

Внутренние направления деятельности юридических клиник по противодействию коррупции:

1. Работа с обращениями граждан, в которых могут содержаться сигналы о нарушениях в деятельности государственных и муниципальных органов власти и (или) в деятельности должностных лиц, занимающих должности государственной и муниципальной службы.

2. Работа с обращениями студентов по фактам вымогательства у них денежных средств и иных социальных благ за предоставление образовательных услуг лицами из числа профессорско-преподавательского состава.

3. Участие в реализации антикоррупционных образовательных программ в отношении государственных и муниципальных служащих, представителей бизнеса, общественных объединений на базе образовательного учреждения.

4. Формирование правосознания и чувства нетерпимости к коррупционным проявлениям, а также выработка умений и навыков по противодействию коррупции на примерах из практики правоохранительных органов у студентов, проходящих учебную, производственную и преддипломную практики в юридических клиниках.

5. Участие в формировании правосознания и чувства нетерпимости к коррупционным проявлениям на примерах из практики правоохранительных органов у студентов, обучающихся по направлению юриспруденция, в ходе учебных занятий по правовым дисциплинам.

¹ О том, что юридические клиники следует рассматривать как участников гражданского общества, свидетельствуют отдельные научные работы: см., например [1].

6. Формирование правосознания и чувства нетерпимости к коррупционным проявлениям у студентов, обучающихся по другим направлениям образовательной подготовки, в ходе факультативных тематических лекций о вреде коррупционного поведения, мерах по его профилактике и пресечению на примерах из практики правоохранительных органов.

7. Содействие студентам в сборе материала для подготовки и написания научных, научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ, тематика которых связана с противодействием коррупции.

8. Обеспечение преподавателям возможности изучения материалов практики деятельности судебных и иных правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции и использования их для подготовки к проведению лекционных и практических занятий;

9. Содействие структурным подразделениям высших учебных учреждений в организации и проведении внутривузовских научно-практических и научно-теоретических мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов) по вопросам противодействия коррупции.

10. Участие в разработке методических и информационно-справочных материалов на основе обобщения и анализа данных о коррупционных проявлениях в системе образования, а также о порядке применения организационных и правовых мер по их предотвращению.

11. Организация для студентов и профессорско-преподавательского состава встреч с представителями органов государственной и местной власти с целью разъяснения государственной политики в сфере противодействия коррупции.

Внешние направления деятельности юридических клиник по противодействию коррупции:

1. Организация и проведение совместных мероприятий с общественными объединениями по антикоррупционной пропаганде, оказание им содействия в разъяснении антикоррупционного законодательства, обсуждение практики противодействия коррупции и выработка на этой основе предложений по ее совершенствованию в ходе конференций, круглых столов и семинаров.

2. Содействие средствам массовой информации в сборе и анализе сведений о коррупционном поведении, а также участие в обсужде-

нии проблем противодействия коррупции в радиоэфире, в телепередачах, в газетных и журнальных публикациях.

3. Выступление с лекциями в общественных советах по местному самоуправлению по антикоррупционной тематике.

4. Проведение учебных занятий в общеобразовательных школах с целью формирования основ правосознания и чувства нетерпимости к коррупционным проявлениям у учащихся старших классов.

5. Распространение методических и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции среди гражданского населения подготовленных в высших учебных учреждениях в процессе научно-правовой и методической работы.

6. Участие в организации и проведении межвузовских научно-практических и научно-теоретических мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов) по вопросам противодействия коррупции.

7. Предоставление в правоохранительные органы государственной власти информации о коррупционном поведении, полученной от граждан и студентов высших учебных учреждений в процессе работы с их обращениями.

8. Предоставление органами государственной и местной власти материалов по антикоррупционной практике для использования в учебном процессе и разработки антикоррупционных мер.

9. Участие в разработке и внесение предложений в органы государственной и местной власти по совершенствованию антикоррупционного законодательства.

10. Участие в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы и предложения:

1. Взаимодействие с общественными объединениями, средствами массовой информации, с органами публичной власти – это свидетельство того, что юридические клиники являются участниками механизма по противодействию коррупции.

2. Практическая работа юридических клиник в механизме противодействия коррупции имеет многовариантный организационный и правовой характер.

3. Обозначенные направления (функции) в механизме противодействия коррупции могут быть использованы в правотворческой деятельности законодательных органов власти и Министерства обра-

зования и науки РФ для совершенствования правового статуса юридических клиник.

4. Высшие учебные учреждения с учетом указанных направлений могут более детально отразить функциональную часть работы юридических клиник по противодействию коррупции в положениях об их деятельности.

Список литературы

1. Бессонова В.В. Юридические клиники как участники гражданского общества в системе правового просвещения // Юридические записки. 2013. № 3. С. 18–25.

2. Мукиенко И.Н., Юскова Л.Б. Противодействие коррупции как функция гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 29–34.

3. Положение о юридической клинике ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» / [Электронный ресурс]. URL: <http://гра-ми.ru/cpp> (дата обращения: 24.11.2014).

4. Положение о юридической клинике «Студенческий правовой информационно-консультативный центр» юридического факультета ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» [Электронный ресурс]. URL: http://www.jurfak.kht.ru/departments/civil_law_and_civil_procedure/legal_clinic/1.php?pda=Y (дата обращения: 24.11.2014).

5. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

6. Федеральный закон РФ от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

7. Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 298. 26 декабря.

8. Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725; «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 14 июля 2011 г. № 151; Приказ Министерства обра-

зования и науки Российской Федерации от 28 ноября 2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» // Российская газета. 26 декабря 2012 г. № 298; Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 04 мая 2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. 28 июня № 26; Закон Нижегородской области от 02 ноября 2012 г. № 144-З «О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 15 ноября 2012 г. № 207 (5060).

*Введенский А. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

СВОЕВРЕМЕННОЕ РЕАГИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СПОСОБСТВУЕТ ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИКИ

Защита экономики на современном этапе развития общества является одной из приоритетных задач государства. С увеличением числа общественно опасных деяний, совершаемых в сфере экономики, законодательство должно своевременно и оперативно реагировать на изменения в экономике и разрабатывать новые механизмы их правового регулирования.

Ключевые слова: нормы; закон; законодательство; преступность в сфере экономики; экономика; экономический кризис.

Экономическая преступность в современный период времени для национальной экономики России представляет реальную и серьезную угрозу, в «отличие от традиционной формы преступности [9]. По мнению исследователей, степень проникновения преступности в сферу экономических отношений достигла к настоящему моменту уровня, который представляет реальную угрозу экономической безопасности России [7]. Причиной тому является особенность преступности в данной сфере, отличающая ее от преступности другой направленности (общеуголовной, должностной и т.д.): преступления в сфере экономики совершаются с учетом знаний хозяйственных процессов, специфики хозяйственной деятельности, влияющей на выбор преступниками способа совершения преступлений.

Для того чтобы противостоять криминалу, действующему в сфере экономики, государству необходимо предпринять соответствующие адекватные меры. В этой связи государство берет на себя обязанность по охране экономических отношений. Главная обязанность государства в этом случае состоит в том, чтобы не допустить влияния криминала на экономические отношения, так как, посягая на них, преступник причиняет вред не только самому государству, но и обществу, и гражданину. Неслучайно глава президентской администрации С. Иванов на расширенной коллегии Следственного комитета

РФ призвал сделать все возможное, чтобы очистить экономику от криминала, и при этом защитить интересы и собственность добросовестных предпринимателей [10].

Не должна остаться в стороне и правовая система. В связи развитием экономических преобразований требуется проведение определенных обновлений, отыскание новых путей ее развития и становления. Это касается всей системы права, так как преобразуются теоретические представления обо всех общественных явлениях, а для этого необходима разработка нового механизма правового регулирования общественных отношений, которые привели к целому ряду негативных явлений по причине увеличения числа общественно опасных деяний, совершаемых в сфере экономики. «Практически любые новые явления в экономической жизни государства, – замечает Ф.М. Решетников, – имеют своим следствием возникновение новых форм имущественных преступлений» [8, с. 19].

Законодательство во многом обусловлено состоянием самой экономики. «Больной экономике (во многом теневой, отсталой и коррумпированной), – как пишет В.Г. Ярыгин, – в значительной мере «импонирует» и столь же больное (неразвитое, не совершенное, способное в любой момент «переметнуться» на сторону нерадивого предпринимателя, а то и представителя так называемого «черного бизнеса) законодательство [16, с. 68].

С нашей точки зрения, отношение экономики к законодательству или наоборот необходимо рассматривать, учитывая понятийную составляющую каждого термина в отдельности. А именно: основополагающим в понятии «экономика» являются экономические отношения, а в законодательстве – правовые отношения, которые устанавливают обязательные нормы и правила поведения.

Возникает ряд вопросов. А именно: каким должно быть законодательство и как оно должно коррелироваться с экономикой? Зависит ли состояние экономики от действующего законодательства? Что необходимо сделать для обеспечения эффективного развития экономики и как преодолеть препятствия проявления ее негативных сторон?

Для ответа на эти вопросы, на наш взгляд, необходимо проанализировать состояние законодательства и его влияние на экономику на разных этапах ее становления. При рассмотрении экономики на разных этапах ее становления с 2003 года по настоящее время, необходимо отметить ее неравномерное развитие. На первоначальном этапе в рассматриваемый период наблюдается постепенное повыше-

ние экономического роста, в дальнейшем, особенно в год кризиса, происходит ее экономическая деградация.

По данным уголовной статистики, 2005–2006 годы отмечены ростом экономических преступлений. В эти годы наблюдается активность экономических процессов в отдельных направлениях экономики. Происходящие в России экономические преобразования диктуют необходимость реформирования всей правовой системы. В этом случае законодатель должен оперативно реагировать на все экономические процессы и менять годами устоявшиеся принципы делового оборота. Так, наряду с деформацией экономики, наблюдается переход из одной экономической формации в другие, более прогрессивные, идут преобразовательные процессы и в законодательстве: принимаются новеллы в гражданском, налоговом, земельном, административном, уголовном кодексах.

Процессуальное законодательство также подвергается изменению. Далее, 2008 год отмечен всемирным экономическим кризисом, который негативно повлиял и на национальную экономику в целом. В это время, согласно уголовной статистике, наблюдается снижение преступности в сфере экономики.

Законодатель не всегда успевает за быстроизменяющимися экономическими процессами, что создает предпосылки для развития теневой экономики, возникновения стихийных, ничем не регулируемых негативных ее проявлений – это разворот экономической деятельности в тень, увеличение коррумпированной составляющей и т.д. В этой ситуации необходимо более глубокое вмешательство государства в экономику посредством правового регулирования. «Даже в развитых экономических системах, – пишет А.А. Фальченко, – государство управляет экономикой по принципу косвенного регулирования хозяйственной деятельности, посредством определения правовой структуры бизнеса и контроля за ее соблюдением. В сфере распределения вмешательство государства выглядит еще более активным, что позволяет проводить в жизнь политические и социальные программы» [14, с. 20].

Преступность в сфере экономики прогрессирует быстрее, чем законодатель формирует нормы ее регулирования. Таким примером служит отсутствие до недавнего времени в российском уголовно-правовом законодательстве норм, которые предусматривали бы ответственность за незаконный (рейдерский) захват предприятия. Нигде в мире не получил широкого распространения такой вид преступле-

ний, как «рейдерство», – это стало «национальной особенностью российского криминала».

Длительное время правоохранительные органы широко использовали и применяли статью 159 УК РФ в совокупности с другими составами преступлений, по соответствующей категории дел. Причиной этому служит то, что ни одна из технологий незаконного поглощения не обходилась без какого-либо элемента обмана: будь то подлог учредительных документов юридического лица, подделка реестра акционеров или фальсификация судебного определения [2, с. 104]. В других случаях возможно привлечение только к гражданской и (или) административной ответственности. Привлечь к уголовной ответственности можно было, только если удавалось доказать, что захват управления компанией осуществлялся в целях последующего хищения ее имущества или являлся составной частью иного преступления, например, предусмотренного статьей 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» [11, с. 48–49].

Многие специалисты на протяжении длительного времени неоднократно обращали на это внимание и предлагали внести в законодательство специальную уголовно-правовую норму, предусматривающую уголовную ответственность за недружественный (криминальный) захват предприятия [2, с. 104].

Только с принятием Федерального закона от 01.07.2010 г. № 147-ФЗ, «содержащего так называемые антирейдерские поправки в Уголовный кодекс РФ» [11, с. 48–49], законодатель вносит ряд норм (к ним относятся статьи 170.1; 185.4; 185.5 УК РФ) по защите предприятий от рейдерского захвата [12]. Принятые нормы на данный период времени «являются чрезвычайно важными и актуальными, так как они направлены на защиту системы корпоративного управления юридического лица, что, без сомнения, позволит пресекать рейдерские захваты на их самом раннем этапе» [3, с. 54–55].

Способствует торможению реагирования законодательства к экономическим процессам наличие долговременных согласующих процедур принятия законодателем определенных правовых норм, отсутствие институтов прогнозирования развития экономики, факторов, влияющих на скачкообразное ее развитие.

На наш взгляд, существование здоровой (нормальной) экономики возможно лишь при условии, когда действующее законодательство идет «в ногу» со временем, динамично обеспечивая необходимыми правилами ее равномерного развития. Мы солидарны с мнением

И.С. Васильчикова, который определил, что термин «нормальная экономическая деятельность» следует понимать как «соответствующая норме права» [1, с.7].

В своих рассуждениях мы не одиноки, так, например, по мнению профессора А.А. Фальченко, рыночная экономика может успешно функционировать лишь в правовом государстве, что предопределяет взаимодействие права и экономики. При этом экономическая деятельность воздействует на право посредством предопределения необходимости учитывать в нормотворчестве ее закономерности, а право, в свою очередь, призвано обеспечить условия, наиболее благоприятные для субъектов экономической деятельности [14, с. 20]. В данном случае законодатель должен действовать в тесном взаимодействии с госаппаратом, институтами планирования экономики, правоохранительными органами, всеми теми, кто заинтересован в предотвращении проявления негативных сторон экономики, в эффективном ее развитии.

Уголовный закон должен охранять нормальную экономическую деятельность. На это обратил внимание Президент Российской Федерации, который отметил: статистические данные о достаточно беспоконном положении в сфере уголовно-правового воздействия на экономическое развитие России показывают, что бизнес в России сокращается быстрее, чем он прирастает по своему объему и качеству [4].

В последнее время законодатель предпринимает шаги по совершенствованию уголовного законодательства и вносит в него определенные изменения. Однако вместе с изменениями происходит смягчение наказания за преступления в сфере экономики. Такую позицию поддержал Президент РФ, который в своем Послании Федеральному Собранию РФ акцентировал внимание на том, что санкция за нетяжкие, малозначительные преступления должна быть по возможности не связана с лишением свободы, необходимо применять дифференцированный подход при назначении наказания. По целому ряду составов преступлений следует исключить нижние пределы санкций, что даст возможность более широко применять такие альтернативные меры наказания, как штраф и принудительные работы. Необходимо наращивать экономическую дипломатию, направленную на достижение результатов, прежде всего для модернизации и инновационного развития [6].

В результате под стражу обвиняемых по преступлениям в сфере экономики, особенно по экономической деятельности, стали заключать только в исключительных случаях, вместо ареста широко используются залоговые инструменты. Это подтверждается следственно-судебной практикой. По данным ГУИН РФ, из следственных изоляторов выпускаются до 30% граждан, чьи уголовные дела заканчиваются либо оправдательным приговором, либо сроками, равными нахождению в следственном изоляторе [13].

По данным Судебного департамента при Верховном суде, «за 9 месяцев прошлого года под залог были отпущены 600 предпринимателей. Они внесли в государственную кассу более 130 млн рублей. Из них 37 освобожденных скрылись, оставив в казне 5,2 млн рублей. Таким образом получается, что преступнику свобода обходится в среднем 140 тыс. рублей. Для сравнения: материальный ущерб по оконченным уголовным делам в прошлом году составил более 1 трлн рублей» [15].

Обращает на себя внимание и тот факт, что за преступления экономической направленности суды выносят мягкие приговоры, а в некоторых случаях даже с оправдательным уклоном. Стоит ли тогда удивляться, что экономическая преступность в России процветает?

Бытует мнение, что за экономические преступления у нас в стране не слишком строго наказывают, реальные сроки получают лишь те бизнесмены, на которых поступил заказ. Так, например, в 2007 году Обнинским городским судом Калужской области за изготовление фальсифицированной продукции, доход от которой составил 70 млн рублей, вынесен приговор – штраф 150 тыс. рублей.

Другим примером может служить приговор в г. Новосибирске, где за незаконную банковскую деятельность при обналичивании 13 млрд рублей, доход от которой составил 32 млн рублей, банкир-нелегал приговорен к 3,5 годам лишения свободы условно и штрафу в сумме 100 тыс. рублей. Самое страшное в этом то, что таких примеров в судебной практике много.

Государство не должно реагировать на экономическую преступность вполсилы. По мнению А.Н. Коротенко, это «будет восприниматься криминальными элементами как поощрение к новым преступлениям. Для спасения ситуации нужны политическая воля и твердая рука, вооруженная в том числе всей силой уголовного закона» [5, с. 123].

Если сравнить с зарубежным законодательством, то увидим, что за некоторые виды экономических преступлений в США предусмотрено наказание в виде лишения свободы пожизненно. В Китае «за получение обманным путем государственного налога», например, за незаконное требование возврата НДС в крупном размере, предусмотрена санкция – смертная казнь. В Болгарии, Франции, Германии недобросовестному налогоплательщику грозит срок до 10 лет лишения свободы.

Основой новых законодательных актов, регулирующих экономику в сфере уголовных, гражданских, финансовых, валютных отношений, бесспорно, являются конституционные принципы, которые заложены в статьях 8, 34, 35, 36 Конституции РФ. Согласно статье 8, участникам экономических отношений гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности в условиях равенства всех форм собственности. Статьи 34, 35 и 36 устанавливают гарантии права граждан на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Признание свободы экономических отношений не означает отказа от их государственного регулирования. Конституция Российской Федерации в части 2 статьи 34 признала недопустимой деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, и тем самым обязывает государство защитить экономические отношения при помощи норм уголовного права от преступных посягательств.

Противовесом преступности в сфере экономики, бесспорно, является уголовное законодательство, ведь одна из задач государства есть, была и остается охрана экономики от преступных проявлений. Все это наглядно показывает нам, что при формировании уголовного законодательства – и в первую очередь в отношении преступлений в сфере экономики – требуется пристальное внимание со стороны законодателя. Ведь разрушению подвержены рыночные механизмы в экономике не только от экономических преступлений, но и от различных криминальных явлений, которые, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к экономике.

Список литературы

1. *Васильчиков И.С.* Преступления в сфере экономики. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
2. *Введенский А.Ю.* Рейдерские криминальные схемы – угроза экономической безопасности России // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сборник научных статей по итогам междунар. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 14–15 сентября 2007 г. / под ред. В.А. Каныгин, С.В. Изосимова, А.Ю. Чупровой. Н.Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2008.
3. *Герасимова Т.К.* Какая сложность может возникнуть при применении статьи 185.5 УК РФ // Уголовный процесс. 2011. № 9.
4. *Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 5 июля 2011 г.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11838> (дата обращения: 01.03.2015).
5. *Коротенко А.Н.* Структура законодательства о преступлениях в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
6. *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации* // Российская газета. 2010. 30 ноября.
7. *Ревин В.П.* Влияние экономических реформ на преступность в современной России [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2007. № 2. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 01.03.2015).
8. *Решетников Ф.М.* Буржуазное уголовное право – орудие защиты частной собственности. М.: Юрид. лит., 1982.
9. *Рудовская Е.Н.* Преступления в сфере экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xserver.ru/user/pvsted> (дата обращения: 01.03.2015).
10. Следствием установлено // Российская газета. 2015. № 41 (6612). 27 февраля.
11. *Смирнов Г.К.* Как применить новую «антирейдерскую» статью Уголовного кодекса РФ // Уголовный процесс. 2011. № 9.
12. *Ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета» введена ФЗ от 01.07.2010 № 147-ФЗ; ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг» введена ФЗ от 30.10.2009 № 241-ФЗ; ст. 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» вве-*

дена ФЗ от 01.07. 2010г. № 147. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 03.02.2015).

13. *Стенограмма парламентских слушаний 16.09.2010* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lecs-center.org/ru> (дата обращения: 11.02.2015).

14. *Фальченко А.А.* Теоретические основы и организационно-тактические проблемы государственно-правовой охраны экономической деятельности от преступных посягательств: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997.

15. *Экономическая преступность сегодня* [Электронный ресурс]. URL: <http://econcrime.ru/stat/4> (дата обращения: 03.02.2015).

16. *Ярыгин В.Г.* Экономическая преступность в современных условиях: теоретико-прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

Воробьев В. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии
КРАГСуУ, г. Сыктывкар

ВРЕДОНОСНАЯ ПРОГРАММА – ПРЕДМЕТ ИЛИ ПРОДУКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

В статье рассматриваются различные точки зрения на определение понятия «предмет преступления», автор исследует подходы к выявлению места этого признака в структуре состава преступления. Представлено авторское видение предмета преступления и продукта преступной деятельности состава ст. 273 УК РФ, определено место вредоносной программы в системе объективных признаков состава преступления.

Ключевые слова: вредоносная компьютерная программа; состав преступления; предмет преступления; продукт преступной деятельности; предмет преступной деятельности.

Согласно судебной статистике, в 2012 г. в России к уголовной ответственности по ст. 273 было привлечено 210 человек, в 2013 – 200, а за первые 6 месяцев 2014 года осуждено 68 человек [17].

Список стран, которые распространяют вредоносный код, выглядит следующим образом: США – 240022553 атаки; Россия – 138554755; Нидерланды – 92652499; Германия – 82544498; Украина – 47886774 атаки. Следует отметить, что на первых двух строчках этого списка уже довольно давно закрепились в лидерах и не собираются никого пропускать вперед США и Россия. Что касается Нидерландов и Германии, то в этих странах просто легко и дешево регистрировать сайты. Этим и пользуются владельцы сайтов из России, Украины, Белоруссии и пр.

Отдельно следует выделить Китай (он на 6-м месте). В 2009 г. именно Китай был бесспорным лидером по заражению компьютеров. Однако сейчас идет сильнейший спад вирусной активности в данной стране. За это можно сказать спасибо правительству Китая, которое начало жесткое регулирование регистрации доменных имен.

Пятерка самых уязвимых стран в настоящее время выглядит так: Россия – 55,9%; Оман – 54,8%; США – 50,1%; Армения – 49,6% и Белоруссия – 48,7% [3, с. 16–21].

С момента принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. в отечественной правовой науке не утихают споры относительно определения предмета преступлений в сфере компьютерной информации, и в частности создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

Одни авторы считают, что предметом компьютерного преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, являются программа для ЭВМ и машинный носитель с такой программой [6, с. 801]. Другие, что предметом преступления выступает компьютерная информация [7, с. 704]. Третьи считают, что предметом компьютерных преступлений является информационная среда, т.е. деятельность субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации [8, с. 563]. Четвертые считают, что предметом состава статьи 273 УК РФ является вредоносная программа [9, с. 66–69].

В последнее десятилетие ученые-правоведы все чаще обращают внимание на предмет преступления как факультативный признак объекта преступления. К предмету преступления в широком смысле относят все то, что подвергается непосредственному воздействию при посягательстве на общественные отношения. Другими словами, под предметом преступления понимается конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем воздействия на который причиняется социально опасный вред общественным отношениям [10, с. 103]. Такое понимание предмета преступления обусловлено структурой общественных отношений, элементами которых являются субъекты и их деятельность. Без посягательства на эти элементы (предмет посягательства) невозможно воздействовать на общественные отношения, а значит, не существует и «беспредметных» преступлений [13].

А.А. Пионтковский считал, что отношения между общим и непосредственным объектом преступления следует рассматривать в плоскости взаимоотношения категорий материалистической диалектики – сущности и явления. Поэтому элементы структуры отношения, выступающие предметом воздействия и непосредственно воспринимаемые (имущество, здоровье граждан и т.д.), являются не предметом преступления, а его непосредственным объектом и создают материальную предпосылку существования соответствующих отношений

либо являются материальной формой их выражения или их субъектом [15, с. 116–119].

По мнению В.Н. Винокурова, понятие «предмет преступления» необоснованно отождествлялось с предметами посягательства. Признание предметом преступления деятельности участников отношений, выступающей содержанием объекта преступления, не позволяет отграничивать содержание общественных отношений от предметов материального мира. Пониманию и установлению предмета преступления не способствует также его отождествление с субъектом отношений [4, с. 56–63]. Как отмечают Н.И. Панов и С.Ф. Кравцов, к предмету преступления следует относить лишь те вещи и другие материальные образования объективного мира, на которые непосредственно воздействует виновный [12, с. 68–72]. Например, профессор А.И. Чучаев в предмет преступления включает и интеллектуальные ценности [5, с. 67]. Профессор С.В. Землюков в качестве предмета преступления рассматривает как материальные, так и нематериальные блага, по поводу которых существует общественное отношение. К числу предметов он относит жизнь, здоровье, честь, достоинство, права и свободы, имущество, безопасность и т.д. [16, с. 154]. По мнению М.П. Бикмурзина, предмет преступления – это указанный в законе предмет материального мира или информация, путем создания которых и (или) воздействуя на которые, виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления [2, с. 60].

Еще В.Я. Таций выделял такие понятия, как «предмет отношения», являющийся структурным элементом общественного отношения; «предмет преступления» – вещи материального мира, со свойствами которых связано наличие в действиях лица состава преступления; «предмет преступного воздействия» – элемент охраняемого уголовным законом отношения, подвергающийся непосредственному воздействию [18, с. 32–58].

На современном этапе развития уголовного права материальность как физический признак предмета преступления утратила свое значение. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Поэтому следует отграничивать информацию как предмет преступления от её носителя. К предмету преступления следует также относить электроэнергию и объекты природной среды, такие как атмосферный воздух,

земля, вода, поскольку они удовлетворяют потребности человека, доступны для восприятия, подвергаются изменениям и поддаются фиксации [1, с. 6].

Признавая предмет преступления факультативным признаком состава преступления, необходимо установить его место в системе элементов состава преступления. А.А. Пионтковский отмечал, что о предмете преступления как признаке состава следует говорить, когда на него, в отличие от объекта преступления, не происходит посягательства. Так, объектом взяточничества является нормальная работа государственного аппарата, а предметом – определенные материальные ценности; объектом контрабанды – монополия внешней торговли государства, а предметом – товарно-материальные ценности, незаконно перевозимые через границу. Поэтому предмет преступления относится к объективной стороне состава преступления [15, с. 119].

Таким образом, возникает двойственность при определении места предмета преступления в системе признаков состава. Во-первых, предметы преступления – это предметы материального и нематериального мира (информация, электроэнергия), существующие до совершения преступления, выражающие общественные отношения, охраняемые уголовным законом и подвергающиеся воздействию (ст. 158–164, 167, 168 УК). Во-вторых, к предметам преступления относят также предметы материального и нематериального мира, получаемые в результате преступления (222, 228 УК), и предметы материального мира, перемещение которых в пространстве посягает на объект преступления (ст. 174, 174.1, 204, 290 УК) [14, с. 20–22]. Это терминологическое разногласие (в одних случаях предмет – это то, на что направлено воздействие, а в других – это то, чем воздействуют) ставит под сомнение изучение предмета в рамках понятия объекта преступления [11, с. 128–130].

И в первом, и во втором случаях предметы материального мира конкретизируют общественные отношения как объект преступления, но их роль в процессе совершения преступления различна.

В уголовно-процессуальном праве предметы материального мира классифицируются на предметы преступления, орудия и средства совершения преступления, а также продукты и предметы деятельности. Согласно ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы: 1) которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) на которые были направлены преступные действия; 3) иные предметы и документы,

которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. В первом случае речь идет об орудиях совершения преступления как о признаке объективной стороны преступления. Во втором – о предмете преступления как признаке объекта. В третьем – о предметах материального мира, изготовление которых свидетельствует о совершенном преступлении. К ним можно относить незаконное изготовление наркотических средств или оружия и т.п.

Отличие предмета преступления как признака, характеризующего объект, от предмета его совершения как признака, характеризующего объективную сторону, можно провести при анализе механизма причинения вреда общественным отношениям.

В.Н. Винокуров справедливо отмечает, что предмет преступления как форма выражения общественных отношений – это предмет внешнего мира и информация, существующие до совершения преступления и удовлетворяющие потребности людей (быть социально значимыми), энергия и объекты экологии, доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию, изменению и учету произошедших в них изменений. Социальные свойства предмета преступления выражают общественные отношения и характеризуют объект преступления, а физические свойства – способность поддаваться изменениям, которые можно зафиксировать, и характеризуют последствия преступления как признак его объективной стороны [4, с. 56–63]. В данном случае речь идет о предмете преступления, который относится к объекту преступления.

В свою очередь, если предметы материального и нематериального мира, получаемые в результате преступления, и предметы материального мира, перемещение которых в пространстве посягает на объект преступления, их следует относить к предметам, относящимся к объективной стороне преступления – предметам преступной деятельности.

В связи с этим, в систему факультативных признаков объективной стороны преступления, наряду с орудием и средством совершения преступления, следует включить такой факультативный признак, как предмет преступной деятельности.

Данный критерий отграничения предмета преступления и предмета преступной деятельности позволяет разрешить многолетние противоречия, существующие в науке уголовного права, которые получили свое развитие и в правоприменительной практике.

На основании сделанных нами выводов о том, что предметы материального и нематериального мира, получаемые в результате преступления, и предметы материального мира, перемещение которых в пространстве посягает на объект преступления, следует считать предметами преступной деятельности, а не предметами преступления, можно определить с предметом в составе ст. 273 УК РФ (использование и распространение вредоносных компьютерных программ).

Объективная сторона данного состава состоит в действиях, направленных на создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (ст. 273 УК). Из содержания данной диспозиции мы видим, что общественная опасность деяния формируется в связи с созданием вредоносной программы, что является продуктом преступной деятельности. Вредоносная программа не может относиться к объекту преступления, так как именно она оказывает на него разрушительное воздействие. Поэтому вредоносные компьютерные программы не могут выступать в качестве факультативного признака объекта преступления состава ст. 273 УК РФ, а являются продуктами преступной деятельности, которые следует относить к такому элементу состава преступления, как объективная сторона. Информация же, блокирование, модификация или копирование которой может произойти при использовании вредоносной программы, должна признаваться предметом преступления, так как законодатель связывает оборот именно вредоносных программ с опасностью нормального существования и функционирования компьютерной информации.

Список литературы

1. *Баландюк В.Н.* Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений. М., 2000. С. 6.
2. *Бикмурзин М.П.* Предмет преступления: теоретико-прикладное исследование. М., 2006. С. 60.
3. *Быков В.М., Черкасов В.Н.* Новое об уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ // Российский судья. 2012. № 7. С. 16–21.
4. *Винокуров В.Н.* Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 56–63.

5. Журавлев М.П., Наумов А.В. и др. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 67.

6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Королькова. М., 2004. С. 801.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. д-ра юрид. наук, Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М., 2006. С. 704.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2008. С. 563.

9. Колмаков П.А., Воробьев В.В. К вопросу о содержании и объеме предмета преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 66–69.

10. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 103.

11. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 128–130.

12. Панов Н.И. Понятие предмета преступления по советскому уголовному праву // Проблемы правоведения. Вып. 45. Киев, 1984. С. 68–72.

13. Панченко П.Н. Исследование объекта и предмета преступления // Проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. Омск, 1979. С. 163; Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 123; Курс советского уголовного права (часть Общая). Л., 1968. С. 303–307.

14. Петухов Б.В., Кузнецов И.В. Отличие предмета от орудий и средств совершения преступления // Российский следователь. 2004. № 4. С. 20–22.

15. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. II. М., 1970. С. 116–119.

16. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 154.

17. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 год. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2014 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586>.

18. Тацый В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 32–58.

*Вызулин Е. А.,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

МЕСТО И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕВЕНЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

События, произошедшие во Франции, потрясшие мировое сообщество, вновь возвращают нас к необходимости задуматься о невозможности отгородиться, спрятаться от угроз, особенно террористического характера. Данная статья призвана напомнить о постоянном присутствии террористической угрозы в обычном мире, об этом необходимо постоянно помнить и планомерно работать в направлении ликвидации террора как категории вообще. Как только мы начинаем забывать о страшных страницах прошлого, история нам страшно мстит, нанося «неожиданный» на первый взгляд удар. Намечая пути предупреждения террористических угроз, просто необходимо по этим направлениям планомерно работать.

Ключевые слова: терроризм; взаимодействие; основные направления; анти-террористическая деятельность; сотрудничество; комплексность.

Последовательно, безоговорочно и решительно должно осудить терроризм во всех его формах и проявлениях, совершаемый кем бы, где бы то и с какой бы то ни было целью он ни осуществлялся, поскольку он является одной из самых серьезных угроз международному миру и безопасности. Принять незамедлительные меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним во всех его формах и проявлениях, и в частности: рассмотреть вопрос о присоединении без промедления в качестве сторон к существующим международным конвенциям и протоколам против терроризма и осуществлять их, и приложить все усилия для согласования и заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме; признать, что международное сотрудничество и любые меры, которые мы примем для предотвращения терроризма и борьбы с ним, должны обеспечивать соблюдение всех наших обязательств по международному праву, в том числе по Уставу Организации Объединенных Наций и соответствующим международным конвенциям и про-

токолам, в частности в области прав человека, беженского права и международного гуманитарного права [1, ст. 1–3].

Актуальность проблем борьбы с террористической деятельностью неоспорима и признана мировым сообществом. Российская Федерация принимает участие в международном антитеррористическом сотрудничестве в глобальном и региональном масштабах, занимая лидирующие позиции и являясь инициатором многих инициатив.

Целью данной статьи является определение места и роли органов внутренних дел в осуществлении противодействия террористической деятельности и основных направлений предупреждения террористических угроз в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации. Федеральным законом Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в статье 15 опосредованно перечислены субъекты контртеррористической деятельности, а именно: «подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил Российской Федерации, подразделения федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами безопасности, обороны, внутренних дел, юстиции, гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, и других федеральных органов исполнительной власти, а также подразделения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [2, ст. 15].

Органы внутренних дел Российской Федерации занимают одно из ведущих мест в контртеррористической деятельности, и это невозможно недооценить, с учетом огромного объема работы по данному направлению деятельности. Роль органов внутренних дел наиважнейшая в борьбе с терроризмом. Нет смысла называть отдельные подразделения и службы в структуре МВД России на различных уровнях и каков их вклад в контртеррористическую деятельность, так как, с учетом масштаба угрозы, каждый выполняет свою часть работы по противодействию терроризму, решая общую задачу. С учетом системного подхода, который существует при контртеррористической деятельности, он реализуется по направлениям в полном объеме или частично (что, кстати, необходимо нивелировать); можно вести речь об основных направлениях деятельности в этой области со стороны государственных органов по поддержанию правопорядка (полиции).

1. Борьба как с отдельными террористами, так и с террористическими сетями и организациями. В Российской Федерации согласно

протоколу Единого федерального списка. При этом обязательно учитывать тенденции в мировой практике борьбы с террористическими организациями и динамично, оперативно реагировать на складывающуюся общую обстановку террористических угроз.

2. Противодействие идеологии терроризма. Пропаганда общегражданской идеологии, которая сплачивает представителей различных социальных групп населения.

3. Информационная координация деятельности отдельных федеральных ведомств с правоохранительными органами в части своевременного учета результатов оперативно-розыскной деятельности по фактам распространения идей терроризма, выявления нарушений законодательства в этой сфере, в том числе со стороны средств массовой информации и сайтов в глобальной телекоммуникационной сети Интернет, оправдывающих терроризм.

4. Комплексное противодействие терроризму со стороны как государственных, так и негосударственных структур, осуществляемое во взаимодействии. При этом роль государственных органов исполнительной власти, в первую очередь правоохранительных, должна быть главенствующей, и именно они должны направлять деятельность негосударственных организаций в антитеррористической сфере.

5. Четкое выполнение законодательства в сфере борьбы с терроризмом (при условии существования законодательной регламентации данного направления деятельности), а также их дальнейшее совершенствование, в том числе с законодательной инициативой.

6. Меры по профилактике терроризма, непосредственно борьбы с терроризмом, а также минимизация последствий террористической деятельности.

7. Всеобъемлющее сотрудничество полиции России с коллегами зарубежных стран по вопросам борьбы с терроризмом. Вне зависимости от геополитических, политических, экономических и различного рода разногласий.

8. Реализация контрольных и надзорных функций за ходом выполнения превентивных мер по борьбе с терроризмом, развитием обстановки в зонах напряженности и возможного возникновения очагов терроризма с целью принятия мер по недопущению террористических актов.

9. Устранение причин и условий проявления терроризма в России, постоянный мониторинг и стабилизация социально-экономической об-

становки в стране, политические компромиссы, комплексное решение проблем возникающих на этнической и национальной почве.

Исходя из всего вышесказанного, было бы целесообразным вновь поднять вопрос о принятии отдельного законодательного акта на федеральном уровне, касающегося вопросов профилактики в целом, также предупреждения террористической деятельности в частности, с отражением субъектов профилактической деятельности и разграничения их полномочий.

Государственные органы по поддержанию правопорядка находятся в первых рядах по защите государства, личности, общества в целом и решают множество сложнейших задач по противодействию террористической угрозе, которая в настоящий текущий момент в мире является актуальнейшей. Понимание решения данной проблемы никто в мировом сообществе не отрицает. Возможность же ее решения лежит в плоскости общих усилий, на национальном уровне всех органов государственной власти, общественных организаций и объединений, непосредственно граждан, на глобальном уровне при всестороннем взаимодействии всех государств, межгосударственных структур, транснациональных компаний, корпораций, всего мирового сообщества.

Только всеобщее неприятие терроризма и террористической деятельности принесет положительный эффект в борьбе с этим злом.

Список литературы

1. *О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ //* Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

2. *Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 17.02.2015).

*Гладышев Д. Ю.,
кандидат юридических наук,
капитан полиции,
преподаватель кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

НЕОБХОДИМОСТЬ КОРРЕКЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ СТАТЕЙ УК РФ, КАСАЮЩИХСЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются предпосылки и причины появления уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа, необходимость ее существования на современном этапе развития отечественного уголовного права, место этого преступления в системе преступлений против государственной власти. Автор высказывает собственную позицию по вопросам совершенствования законодательства.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел; коррупция; неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа.

В последнее время одним из наиболее часто встречаемых терминов, применяемых в общественной жизни, является «коррупция». Эта категория ежедневно используется политиками, социологами, юристами, журналистами и обычными российскими гражданами. Слово «коррупция» упоминается постоянно в средствах массовой информации, на различных форумах и семинарах, а также в повседневных разговорах между людьми.

Есть много причин тому, чтобы этому явлению уделялось большое внимание в обществе. Основными среди них являются угроза законности прав человека и социальной справедливости.

Коррупция тормозит экономическое развитие отдельных стран и международного сообщества в целом, угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества.

Коррупция является одной из самых серьезных проблем для современного демократического общества. Она подрывает доверие об-

ственности к демократии, ослабляет верховенство закона, отрицает права человека и препятствует социальному и экономическому развитию.

Коррупция не является новой проблемой для современного общества. Независимо от общественной политической системы, она всегда присутствовала в той или иной степени в экономике.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ в ст. 1 определил коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5]. Как видно из определения, коррупция приводит к личной или групповой выгоде за счет законных интересов и прав личности, конкретного сообщества или общества в целом либо страны.

Все формы проявления коррупции варьируются от злоупотребления должностными полномочиями, неисполнение сотрудником внутренних дел приказа до узаконенного взяточничества (отката). Сегодня мы привыкли к тому, что если мы хотим что-то получить, то мы просто должны что-то дать. Это конечная точка коррупционной клептократии, в которой даже общечеловеческие ценности забыты.

В то же время борьба с преступностью, в том числе и с коррупцией, является важной задачей в деятельности любого государства, и особая роль в этой борьбе отводится правоохранительным органам, в частности МВД России. Входящие в него подразделения представляют из себя единый слаженный механизм, способный обеспечить решение любых стоящих перед ними правоохранительных задач. Однако реализация стоящих задач перед органами правопорядка возможна только за счет дальнейшего укрепления и развития принципов организации деятельности правоохранительных органов, таких как: единоначалия, законности и служебной дисциплины.

Одним из актуальных в настоящее время направлений укрепления принципов служебной дисциплины и улучшения деятельности правоохранительных органов является проблема укрепления исполнительской дисциплины, основу которой составляет исполнение при-

казов начальников органов внутренних дел. Современное состояние уголовно-правового законодательства уже не позволяет провозглашать существующий в деятельности милиции принцип безусловной обязательности приказа: «Приказ начальника – закон для подчиненного» в качестве догмы. В связи с этим рассмотрение вопросов особенностей уголовной ответственности за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа с учетом изменившегося законодательства представляется актуальным.

Как с точки зрения теории, так и практики особый интерес представляет принятая 22.10.2010 г. Федеральным законом № 155-ФЗ ст.286-1 УК РФ, статья, предусматривающая уголовную ответственность за «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа».

Анализ российского законодательства показывает, что до 2010 г. в уголовном кодексе не встречалась норма, которая предусматривала бы уголовную ответственность за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа. Ответственность за подобные деяния была возможна только в отношении военнослужащего. Причем, такая ответственность была возможна как по УК РСФСР 1960 г., так и по вновь принятому УК РФ.

В настоящее время к числу лиц, подлежащих уголовной ответственности за неисполнение приказа, подпадают и сотрудники органов внутренних дел.

Возможно, введение подобного рода статьи и не лишено оснований, но тем не менее у сотрудников органов внутренних дел данный законопроект вызывает довольно много вопросов. В частности, к числу органов, ведущих борьбу с преступностью, относятся не только органы внутренних дел, но и прокуратура, федеральная служба безопасности, госнаркоконтроль, таможенные органы и многие другие, наделенные правом применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В статье же 286-1 УК РФ определено, что субъектом преступления может быть только сотрудник органа внутренних дел.

Можно предположить, что такой уголовно-правовой нормой, законодатель пытается создать условия и для повышения эффективности деятельности полиции, и для очищения ее рядов «от оборотней в погонах», но почему только полиция, как пишет пресса, «недостойные работники» есть и среди других органов правопорядка. Например, в Петербурге есть свой печально известный «блюститель закон-

ности» – начальник главного управления Минюста по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Владимир Еременко, фигурант нескольких уголовных дел, объект многих оперативно-следственных мероприятий [1]. В Москве Мособлсуд начал рассматривать уголовное дело по коррупции, фигурант которого – бывший прокурор Солнечногорского района Подмосковья Николай Фастовец обвиняется в получении взятки в семь миллионов рублей [2]. И такие примеры не единичны. Тогда почему в ст. 286-1 УК РФ речь идет только о сотруднике органа внутренних дел? В целом, вообще не понятно, почему уголовная ответственность для сотрудников органов внутренних дел должна наступать за «неисполнение приказа начальства», а не за нарушение закона. Как показывает анализ действующих норм УК РФ (например, главы 30 УК РФ), их более чем достаточно, чтобы привлечь к ответственности любого представителя власти как за злоупотребление служебным положением, так и за халатность. В предложенной же редакции ст.286-1 УК РФ принадлежность к «государственной службе» признается как отягчающее обстоятельство.

Как нам кажется, установление уголовной ответственности за неисполнение приказа сотрудником органа внутренних дел является дискриминацией полиции. Чтобы избежать этого, необходимо изменить диспозицию ст. 286-1 УК РФ, предусмотрев уголовную ответственность за неисполнение приказа и других сотрудников правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью, изложив статью в следующей редакции: «Умышленное неисполнение сотрудником правоохранительного органа приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, причинившее существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, – наказывается...».

Продолжая анализировать диспозицию ст. 286-1 УК РФ, обратим внимание на то, что эта норма направлена не только на рядовых исполнителей приказов, но и на руководителей структурных подразделений. Не секрет, в своей профессиональной деятельности сотрудники милиции руководствуются различными нормативными актами, в том числе и приказами МВД России.

Например, существует приказ МВД России от 31.12.2012 N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [3], который утверждает инструкцию по организации дея-

тельности участкового уполномоченного полиции. В п.5.4 отмечено, что запрещено использование участковых уполномоченных полиции на службе для выполнения функций, не относящихся к компетенции полиции. Указано, что при проведении оперативно-розыскных, следственных и профилактических мероприятий участковые уполномоченные полиции выполняют свои обязанности только исходя из функций полиции.

Таким образом, если оперативный дежурный или начальник отдела, подразделения или любое другое лицо, которому участковый подчиняется, прикажет ему выйти по какому-то вопросу, который не связан с функцией полиции, то он должен выполнить приказ, но по возвращении в соответствии со ст. 143 УПК РФ должен доложить рапортом об обнаружении признаков преступления. Рапорт будет зарегистрирован и направлен подследственности, по которой будет принято решение о привлечении к уголовной ответственности либо освобождении от уголовной ответственности за малозначительностью деяния. Однако малозначительность возможна при единичных нарушениях приказа, а если это носит систематический характер, то об освобождении от уголовной ответственности за малозначительностью не может быть и речи.

Кроме этого, обратим внимание еще на одно положение [4], ужесточающее наказание для совершивших преступление полицейских. В настоящее время совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел рассматривается как отягчающее обстоятельство, и опять прослеживается «дискриминация полиции». На наш взгляд, и это положение уголовного кодекса необходимо привести в соответствие: требуется принять закон, который распространит усиление ответственности перед гражданами «на все силовые структуры», а не только на органы полиции.

Список литературы

1. *Ветеран прокурорской коррупции* // Ленинградская правда. 2010. 17 октября.
2. *Присяжные для прокурора* // Российская газета. 2010. 7 октября.
3. *Приказ МВД России от 31.12.2012 N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»* // Российская газета. 2013. № 65. 27 марта.

4. *Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. URL: [//http://base.garant.ru/71127900/#help](http://base.garant.ru/71127900/#help) (дата обращения: 01.03.2015).

5. *Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О противодействии коррупции»* // Российская газета. 2008. № 266. 30 декабря.

*Гладышев Ю. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ТРАФФИКИНГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: УГОЛОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье автор анализирует особенности уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми. Освещаются наиболее проблемные вопросы, связанные с применением норм уголовного права, направленные на противодействие торговле людьми, на основании материалов судебной практики РФ, предложений отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: торговля людьми; рабство; рабский труд; эксплуатация.

Российская Федерация предоставляет всем гражданам России широкие политические, социально-экономические, трудовые и иные демократические права и свободы. В ст. 2 Конституции говорится, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Следует отметить, что одним из ключевых приоритетов демократического обновления страны является последовательная демократизация, либерализация судебной системы, направленная на обеспечение верховенства закона, законности, надежную защиту прав и интересов личности, говоря коротко – формирование правового государства и правосознания народа. Таким образом, можно констатировать, что права и свободы человека и гражданина находятся в центре внимания нашего государства, охраняются нормами Конституции, всех отраслей права, в том числе и уголовного.

Одним из преступлений, посягающих на права и свободы личности, является такое общественно опасное деяние, как торговля людьми. Ответственность за подобные деяния предусмотрена и в международном праве, а именно в Конвенции о рабстве 1926 г. [7], Конвенции о принудительном или обязательном труде 1930 г. [5], Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. [6], Дополнительной конвенции об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г.

[4], Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [10], Протоколе о пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. [11].

Следует отметить, что проблема противодействия торговли людьми возникла в 90-х гг. XX столетия. Этому способствовало такое явление, как распад СССР и появление новых экономических, политических, социальных обстоятельств, при которых жители бывших союзных республик из-за закрытия предприятий, невыплаты заработной платы, возникновения безработицы были вынуждены искать новые источники существования, причем нередко криминального характера. Нищета и отсутствие легальной работы толкали людей на необдуманные шаги. Одним из видов криминального бизнеса стала торговля людьми. Возникнув, это явление стало приобретать массовый характер. Определенную роль в распространении этого явления сыграла неготовность правоохранительных органов противостоять в новых экономических условиях этому преступлению, а также отсутствие законодательной базы для борьбы с таким общественно-опасным деянием. Ситуация коренным образом изменилась в связи с предстоящей ратификацией Российской Федерацией «Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» [11], которая произошла в 2004 г. [14]. В декабре 2003 г., накануне ратификации, в УК РФ были внесены существенные изменения, позволившие правоохранительным органам России организовать эффективную борьбу с торговлей людьми.

Несомненно, перечисленные международно-правовые документы, запрещающие торговлю людьми, оказали серьезное влияние на формирование уголовной политики государства в противодействии указанному преступлению.

Свидетельством выполнения Российской Федерацией обязательств, вытекающих из приведенных международно-правовых актов, является принятие Федерального закона от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федерального Закона Российской Федерации от 05.04.2013 N 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их

эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» и установление в специальной уголовно-правовой норме ответственности за торговлю людьми (ст. 126 УК). Упомянутые законы содержат эффективные меры борьбы с торговлей людьми, ограждающие законопослушных граждан от преступных посягательств на их законные права и свободы, и способствуют предупредительно-профилактическому воздействию против такого рода преступлений.

Отметим, что характерной особенностью торговли людьми является то, что одних и тех же людей как объект торговли можно продавать снова и снова, получая многократные прибыли. Это делает преступный промысел «живым товаром» особенно привлекательным для транснациональной организованной преступности.

Торговля людьми – многоступенчатый процесс, все стадии которого связаны между собой. Главные этапы включают вербовку, транспортировку, сбыт или помещение в ситуацию эксплуатации объектов торговли.

Для определения данного явления международное право использует понятие «трафикинг», означающее вербовку или перемещение людей в пределах одной страны либо за ее пределами, принуждение к эксплуатации путем угроз или насилия, злоупотребление полномочиями, долговой зависимостью, обманом или другими видами запугивания. Речь идет о целом ряде нарушений прав человека с элементами рабства, включающих, в том числе торговлю детьми, детскую проституцию и порнографию, эксплуатацию детского труда, использование детей в вооруженных конфликтах и так далее. Скрытый характер сходной с рабством практики затрудняет получение четкой картины о масштабах современного рабства, его выявления и соответственно наказания или искоренения. Проблема усугубляется и тем, что жертвами, как правило, выступают выходцы из беднейших и наиболее уязвимых групп населения.

Правоохранительные органы в последние годы заметно усилили борьбу с торговлей людьми. Однако нельзя сказать, что преступная деятельность лиц, занимающихся торговлей людьми, у нас в стране вовсе прекратилась. Следует отметить, что хотя рассматриваемое преступление в общей массе преступности занимает незначительное место, но является одним из быстро развивающихся видов преступной деятельности, которая нередко совершается международными пре-

ступными группами. В настоящее время в преступном мире действует четко отработанная система торговли людьми, которые по принуждению используются на работах в сельском хозяйстве либо в сфере оказания сексуальных услуг.

Многие женщины, движимые целью улучшить свою жизнь, откликаются на брачные объявления в газетах либо обращаются в брачные агентства в поисках мужа-иностранца. В отличие от фирм по трудоустройству, брачные агентства лицензию на подобную деятельность не получали. Как правило, клиенты агентств не проверяются, а среди них могут быть психически больные или люди с опытом насилия в отношении женщин, а иногда и с уголовным прошлым. В итоге женщина может оказаться в полной зависимости от жениха или мужа, который способен принудить ее зарабатывать деньги в секс-индустрии [9].

Вот характерный пример: в Испании арестовали организатора преступной сети, поставившего в Европу более восьми тысяч проституток из России, Беларуси, Украины и Казахстана. Главарем международной организованной преступной группировки оказался 40-летний уроженец Волгограда Игорь Чернявский. Созданная им сеть действовала на протяжении восьми лет и поставляла девушек в 50 борделей, расположенных по всей Испании. Помимо этого, русский мафиози подозревается в поставках женщин в публичные дома Италии, Мальты, ОАЭ и Бахрейна [15]. Другой подобный пример: 4 ноября 2012 года возбуждено уголовное дело, по которому признаны потерпевшими две мигрантки, содержавшиеся в фактическом рабстве по 10 лет. Этим людям много лет нещадно эксплуатировали супруги-бизнесмены, владельцы магазина «Продукты» в московском районе Гольяново [1]. К сожалению, история рабства на этом не заканчивается, и вновь мы читаем в газете о том, что в республике Дагестан освобожден 33-летний житель Карелии. Отобрав документы, запугав, его заставили в течение нескольких месяцев бесплатно работать на кирпичном заводе [3].

Изучение статистических данных показывает, что количество подобного рода преступлений не уменьшается, а увеличивается, причем увеличение преступлений характерно не только для России, но и для других стран мира.

Если за несколько веков «классической работоторговли» количество проданных в рабство людей не превысило 12 миллионов человек, то за последние тридцать лет число женщин и детей, проданных в рабство в одной лишь Азии, составляет около 30 миллионов. Значительная

часть этого преступного бизнеса находится в руках транснациональной организованной преступности [2, с.79].

На данное обстоятельство было обращено внимание и министром внутренних дел Владимиром Колокольцевым, в рамках 81-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, которая состоялась в Риме 5 ноября 2012 года [13].

Следует отметить, что Российская Федерация всегда твердо и решительно вела борьбу с торговлей людьми во всех ее проявлениях. Противодействие этому виду преступности рассматривается в нашей стране в качестве составной части гарантий безопасности личности и соблюдения основных прав и свобод человека. При этом важную роль в борьбе с данным видом преступной деятельности занимает уголовное законодательство.

Экономика не может нормально развиваться, если человек, достигший в ней определенных высот, рано или поздно становится жертвой преступления, а не редко и объектом купли-продажи.

В связи с этим проблема противодействия торговле людьми остается довольно острой. Растет количество совершаемых преступлений в разных формах и видах. Наблюдается криминализация правоохранительной сферы.

Сказывается также общая слабость правоохранительных органов, которые, до реформы, находились на «остаточном» принципе финансирования. Мизерные оклады подчас подталкивали сотрудников милиции к совершению преступлений, в том числе и против свободы личности.

Следует обратить внимание, что в работоторговлю все больше втягивается молодое поколение, которое входит в этот мир в условиях расширяющейся люмпенизации, алкоголизации, наркотизации и общей морально-нравственной патологизации. Нравственная черта нашего общества в целом и молодого поколения в особенности остается весьма далекой от идеала.

В то же время гарантом соблюдения норм международного права в России остается Конституция РФ. В частности, в ч. 4 ст. 15 говорится о том, что «общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренны законом, то применяются правила международного договора» [8, с. 111]. Следует отметить, что наличие большого количества ратифици-

рованных международных документов в области борьбы с торговлей людьми обусловили необходимость установления уголовной ответственности за торговлю людьми в действующем уголовном законодательстве.

Впервые же в уголовном кодексе РФ ответственность за торговлю людьми нашла свое отражение в действующем законодательстве в декабре 2003 года посредством установления уголовной ответственности за торговлю людьми (ст. 127-1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127-2 УК РФ).

Список литературы

1. *Графова Л.* Работоторговля в магазине «Продукты» // Российская газета. 2012. 7 ноября.

2. *Гладышев Д.Ю.* Некоторые особенности уголовной ответственности за мошенничество с учетом признаков обмана как способа совершения преступления // Актуальные проблемы противодействия экономической преступности на современном этапе: сборник статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2012. С. 79.

3. *Гущина Татьяна.* В Дагестане освобожден из рабства 33-летний житель Карелии // Комсомольская правда. 2014. 9 ноября.

4. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными. Вып. XIX. М., 1960. С. 146–153.

5. Конвенция о принудительном или обязательном труде 1930 г // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 197–208.

6. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами. 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280–290.

7. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 201–205.

8. Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 111.

9. *Лучано Виоланте*. Деньги в руках преступников опаснее оружия (коррупция, ее причины, жертвы, победы и поражения) // Новая газета. 2000. № 34.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

11. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 46–55.

12. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3884.

13. *Фалалеев М.* МВД укрепляет сотрудничество с Интерполом // Российская газета. 2012. 5 ноября.

14. Федеральный закон от 26.04.2004 N 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

15. URL: // <http://vd-tv.ru/news.php>

Головлев Ю. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (ст. 135 УК РФ): анализ состава, проблемы квалификации

В статье рассматриваются актуальные вопросы борьбы с преступлениями против несовершеннолетних и в частности – посягательств на их половую неприкосновенность; проблемы квалификации, юридические и этические компоненты одного из наиболее распространенных преступлений – развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Ключевые слова: преступление; несовершеннолетние; квалификация преступлений; преступления против несовершеннолетних; изнасилование; развратные действия; действия сексуального характера; преступления против половой неприкосновенности; преступления против половой свободы.

Рассматриваемый состав не относится к новым, ранее неизвестным российскому уголовному законодательству составам преступления. Тем не менее, учитывая постоянные видоизменения УК РФ, разъяснений, даваемых Пленумом Верховного Суда РФ, последние из которых от 4 декабря 2014 года, накопившиеся вопросы и разночтения, требующие своего урегулирования, рассмотрение данного состава преступления представляется актуальным.

1. *Объектом* преступного посягательства является нормальное половое и нравственное развитие лиц обоего пола, не достигших 16-ти, но достигших 12-летнего возраста. В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ совершение «развратных» действий в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, квалифицируется по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ по признаку «использование беспомощного состояния», но, как сказано в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4.12.2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «лишь при *доказанности* умысла на совершение развратных действий в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста».

2. *Объективная сторона* состава преступления выражается деянием в форме *действия* – совершении развратных действий без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния в отношении лица, не достигшего 14 или 16 лет. *Исключаются* половое сношение, мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера, уголовная ответственность (далее – УО), за которые предусмотрена ст. 131–134 УК РФ.

2.1. *Развратными* признаются действия, носящие сексуальный характер и *направленные* (цель) на «удовлетворение сексуального влечения виновного, или вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей», – говорится в п. 17 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4.12.2014 г.

Таким образом, эти действия могут носить *физический* (прикосновение к половым органам, стимуляция их руками и т.п.) или *интеллектуальный* (циничные разговоры, демонстрация порнографических журналов, фильмов и т.п.) характер.

В мировой практике наказуемы, как правило, только действия первого типа. С точки зрения некоторых авторов, любая сексуальная информация и сексуальное просвещение малолетних, включая элементарные анатомические сведения, есть криминальная «эротизация». Подобных перегибов следует избегать.

2.2. Возможно перерастание развратных действий в ходе их осуществления в более тяжкие преступления, предусмотренные ст. 131 – 134 УК РФ. При этом дополнительной квалификации по ст. 135 УК РФ не требуется, если между развратными действиями и более тяжким преступлением не было временного разрыва.

2.3. Состав *формальный*, наступления каких-либо негативных последствий для потерпевшего не требуется. *Окончено* деяние с момента начала осуществления развратных действий.

3. *Субъективная сторона* состава преступления предполагает *прямой умысел*. Виновное лицо осознает, что совершает развратные действия без применения насилия в отношении лица, которому исполнилось 12, но которое не достигло 14 или 16 лет, и желает совершить эти действия.

3.1. Умысел, в качестве *обязательного* элемента, должен включать осознание виновным, что совершаемые им действия *направлены* именно на *развращение* потерпевшего. Если действия лица лишь формально подпадают, могут быть расценены, как развратные, однако у лица *отсутствует цель* возбуждения полового влечения у несовершеннолетнего либо удовлетворения собственной половой похоти, например совместное посещение бани, нудистского пляжа и т.п., УО *исключается*.

4. *Субъектом* преступного посягательства могут быть физические вменяемые лица обоего пола, достигшие *18 лет*.

5. В частях 2–5 анализируемой статьи УК предусмотрены следующие *квалифицирующие* признаки: совершение преступления в отношении лица, достигшего 12-летнего, но не достигшего 14-летнего возраста (ч. 2); в отношении двух или более лиц (ч. 3); группой лиц по *предварительному* сговору или организованной группой (ч. 4); в отношении 12–13-летнего ребенка лицом, имеющим непогашенную или не снятую судимость за ранее совершенное преступление против *половой неприкосновенности несовершеннолетнего* (ч. 5).

5.1. Следует обратить внимание, что совершение развратных действий «группой лиц» *без* предварительного сговора, по неизвестной причине, в отличие от иных статей Главы 18 УК РФ, не учитывается при квалификации, но является обстоятельством, отягчающим наказание в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При совершении развратных действий «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» (ч. 4) преступление *окончено* с момента начала их совершения любым из участников, независимо от того, удалось ли другим соучастникам совершить аналогичные действия.

5.2. Иные квалифицирующие признаки общеизвестны и не требуют специального толкования.

6. Примечание к ст. 131 УК РФ, в части признания «беспомощным» состояния лица, не достигшего 12-ти лет, действует и по отношению к анализируемой статье УК.

6.1. К комментируемой статье применимо Примечание 2 к ст. 134 УК РФ. Законодателю следовало распространить к анализируемой статье и действие Примечания 1 к ст. 134 УК РФ, впрочем, указанные в нем обстоятельства (совершение преступления впервые, ч. 1-й (преступление небольшой тяжести), вступление в брак) могут служить основанием для освобождения виновного от наказания по ч. 1 ст. 135 УК РФ в связи с изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ). Возможно, также *лишь*

по ч. 1 ст. 135 УК РФ, и освобождение от УО по общим основаниям, предусмотренным ст. 75 и 76 УК РФ.

7. Содеянное, предусмотренное ч. 1, относится к категории преступлений небольшой тяжести, ч. 2 – тяжких, ч. 3–5 – особо тяжких преступлений.

8. Значительное ужесточение ФЗ от 27.07.2009 г. № 215, в угоду общественному мнению, наказания за развратные действия и, в целом за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, привело к тому, что санкции за так называемые «половые» преступления стали *превышать* наказание, предусмотренное за убийство, в том числе «квалифицированное», что чрезмерно. *Жизнь*, а не «половая неприкосновенность» или что иное является *важнейшим* объектом уголовно-правовой охраны.

Ничего доброго, вопреки расхожему мнению, не приносит это и потерпевшим, поскольку, как свидетельствует забытая законодателем история, *неумеренное* ужесточение наказания за такого рода преступления приводило (приводит и сейчас) к убийствам потерпевших, ибо терять виновным нечего (хуже не будет).

9. Расследуя преступления, где потерпевшими являются несовершеннолетние, и в особенности малолетние, следует *учитывать*, что дети не всегда отличают фантазию от действительности, и к тому же очень внушаемы. В одном из экспериментов в Корнельском университете трехлетние дети подвергались медицинскому осмотру, врач их раздевал, но не трогал их половых органов, что фиксировалось видеокамерой. Когда детей потом спрашивали, показывая половые органы на кукле: «А тут доктор тебя трогал?», 38% детей ответили: «Да!». Без куклы количество ложных ответов на тот же вопрос, заданный на «детском» языке, достигло 70% [1, с. 23].

10. В свете традиционных наивных представлений об имманентной детской «чистоте» и асексуальности ребенок предстает пассивным объектом сексуальных посягательств взрослого. На самом деле, некоторые рано развившиеся дети сами провоцируют и поощряют взрослых к сексуальным контактам, иницируя приятные им эротические игры, добиваясь соответствующих прикосновений и ласк. Иногда это делается бессознательно, а иногда, особенно подростками, вполне сознательно. Слово «совращение» не всегда правильно отражает характер таких взаимоотношений. Известный американский композитор-гомосексуал Нед Рорем вспоминает, что подростком он долго искал мужчину, которому мог бы отдаться: «Меня никогда не совращали

взрослые, это я подростком совращал их, в качестве воспламеняющего предмета. Ко мне рано пришло свойственное каждому ребенку ощущение себя эротическим объектом. Но меня никогда не арестовывали за совращение взрослых» [2, с. 63–64]. При таких обстоятельствах привлечение к УО *формально* старшего по возрасту *неправомерно*.

11. Люди, которые судят о распространенности сексуальных покушений на детей и подростков по статистике изнасилований, думают, что большинство таких покушений совершают посторонние люди, которых жертва не знает. На самом деле в четырех случаях из пяти в роли совратителя выступают те, кого ребенок отлично знает, очень часто – кто-то из старших членов его собственной семьи.

12. Несмотря на то, что сексуальные покушения на детей и подростков морально и юридически осуждаются, совершаются они очень часто. Однако подростки не обращаются в полицию по многим причинам. Тут и боязнь психологической травмы, связанной с расследованием и судебным процессом, и страх распространения информации в школе и среди знакомых, и сомнения относительно эффективности правовой помощи, и страх за личную безопасность. К сожалению, все эти опасения обоснованы.

Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретают высказанные в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4.12.2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» рекомендации судам учитывать «специфику дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, при их рассмотрении устранять вопросы, не имеющие отношения к делу, своевременно пресекать нетактичное поведение участников судебного разбирательства, при изложении описательно-мотивировочной части судебного решения по возможности избегать излишней детализации способов совершения преступлений, соблюдая при этом общие требования уголовно-процессуального закона».

13. В п. 23 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4.12.2014 г. обращается «внимание судов на запрет назначения осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, условного осуждения (пункт «а» части 1 статьи 73 УК РФ), на особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания таких лиц (пункты «г» и «д» части 3, часть 4.1 статьи 79 УК РФ), на особенности замены им неотбытой части наказания более мягким ви-

дом наказания (части 2 и 4 статьи 80 УК РФ) и отсрочки отбывания наказания (часть 1 статьи 82 УК РФ), на возможность назначения принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (пункт «д» части 1 статьи 97 УК РФ), а также на особенности назначения наказания лицам, совершившим половое сношение или развратные действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, то есть за преступления, предусмотренные частью 1 статьи 134 и частью 1 статьи 135 УК РФ, в случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет (примечание 2 к статье 134 УК РФ)».

Список литературы

1. *Coleman D.* Studies reveal suggestibility of very young as witness-es // The New York Times. 1993. June 11.
2. *Rorem N.* Knowing to stop: A memoir. N.Y. 1994. P. 94. Цит. по: Кон И.С. Сокращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. 1998. № 5.

*Горшенков Г. Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета
НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород*

*Горшенков Г. Н.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ПОЛИТИЗАЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ВЫТЕСНЯТЬ КРИМИНОЛОГИЗАЦИЮ

Анализируется проблема недооценки криминологического обеспечения политики борьбы с преступностью; рассматриваются последствия подчинения этой борьбы исключительно интересам политики, в частности возникающие её дисфункции; высказывается предложение о разработке научно обоснованной концепции антикриминальной политики.

Ключевые слова: борьба с преступностью; антикриминальная политика; политизация; криминологизация; компромисс; риск; эффект; преступность; дисфункция; злоупотребление.

Вначале поясним терминологию, которой пользуемся, чтобы быть адекватно понятыми. Как известно, разные авторы могут вкладывать разный смысл в значение того или иного термина. Такая участь не миновала и термин «борьба с преступностью». Вообще-то мы предпочитаем другой термин в обозначении управленческого воздействия на преступность и её причины – «противодействие преступности». Однако данное определение подразумевает очень широкий диапазон – организационно-управленческих, правовых, политических, экономических, идеологических и иных – мер. Но в данном случае мы исходим из относительно узкого понимания этого вида управленческой деятельности, специфику которого определяют реальные преступления.

В контексте нашего изложения проблемы «борьба с преступностью» понимается прежде всего как предотвращение, пресечение замышляемых, подготавливаемых и выявление совершённых преступле-

ний, а затем – принятие в отношении их мер, предусмотренных законом; в-третьих, предупредительное воздействие на выявленные факторы преступности.

«Политизация» – менее определённый термин. Мы понимаем под ним подчинение борьбы с преступностью политическим интересам. Наполнение её управленческих механизмов политическим смыслом.

Что касается «криминологизация», то этот авангардистский термин встречается редко. Мы этим термином обозначаем следование принципу научности, естественно, имея в виду, главным образом, криминологическую науку. Криминологизация – это процесс научного обоснования и сопровождения, прежде всего, законодательной, правоприменительной и превентивной деятельности; наполнение управленческих механизмов криминологическим смыслом, т.е. научным освещением практики борьбы с преступностью.

Как показывает (и весьма наглядно) отечественная и зарубежная практика, политизация противодействия преступности не очень считается с принципом научности, подменяя упомянутым принципом целесообразности.

Возвращаясь к термину «политизация», следует отметить, что этот процесс мыслится в позитивном значении. Это может быть возбуждение интереса к политике, приобщение к активной жизни в сфере политики, наполнение политическим смыслом каких-либо явлений, процессов, отдельных вопросов общественной жизни и т.п. [14].

Любая норма закона выражает, прежде всего, определённую политическую идею, а затем уже – идею регулирования. Сама логика рассматриваемого вопроса («политическая» стратегия → «юридикотехническое» законотворчество → «управленческое» противодействие преступности) выражает эту закономерность, которую можно назвать политизацией.

Однако такое «нейтральное» понятие определяют только словари. Ответить на вопрос, что означает «политизация» в реальности, не так просто. Её содержание, характер, повторяем, определяют политические интересы, исходящие из них цели и соответствующие средства их достижения. Но политические интересы (выгоды) могут вывести политика и за определённую грань (разумного, правового) предела, и тогда политизация становится способной «причинять ущерб нормальному процессу развития общества, его жизнедеятельности. В деятельности власти, в политической жизни крайне важно не перегибать палку, не перешагивать за рубеж здравого смысла» [3].

Однако стремление сиюминутно изменить ситуацию, вопреки криминологическим оценкам, прогнозам, рекомендациям не просто приводит к ошибочным решениям, но и определяющее значение оказывает на идеологию политики. Идеология антикриминальной политики предполагает систему идей, представлений, понятий, в которых выражены отношения к преступности. Эти отношения многообразны, они носят политический, правовой, экономический, культурологический и иной характер. Идеология антикриминальной политики – это реализация консолидирующей концепции в сфере противодействия преступности. В такой концепции основополагающей идеей может являться, например, идея радикализма, которая придаёт жёсткость политическому курсу в борьбе с преступностью, что определяет бескомпромиссный характер управленческому воздействию на преступность.

В одном из интервью Радио России сенатор А.Г. Лысков, рассуждая о перспективах борьбы с коррупцией и давая оценку антикоррупционному законодательству, определил в нём «твёрдое намерение начать *войну с коррупцией не на жизнь, а на смерть* (выделено нами – авт.)» [2]. И далее: «После принятия выверенных законов, как после утверждения плана генерального наступления, предстоит сделать главное: получить поддержку общества, мобилизовать сограждан на активную *войну с коррупцией* (выделено нами – авт.)» [2].

Концептуальная идея бескомпромиссной борьбы «вселяется» в сознание исполнителей политической воли, реализующих конкретные управленческие решения на практике. Но при этом, как правило, практика поправляет исполнителей и политиков, вынуждая их все-таки идти на компромисс. А он необходим даже в самой жёсткой ситуации, например, в борьбе с терроризмом, где можно услышать призывы политиков «Никаких переговоров с террористами!». Да это и противоречит Федеральному закону «О противодействии терроризму», которым прямо предписывается «ведение переговоров в ходе контртеррористической операции» (ст.17).

А что касается методики компромиссных акций, то её можно найти в криминологической и иной литературе. Например, в работе Х.Д. Аликперова «Преступность и компромисс» уже первая глава целиком посвящена политическому аспекту компромисса: «Компромисс как составная часть концепции уголовной политики» [14, с. 7–40].

Так и напрашивается неприятная аналогия с призывами киевских политиков на бескомпромиссную войну с «террористами» Донбасса и

мобилизации граждан на эту войну. В этой аналогии отражается печальная закономерность, на которую когда-то точно сказал генералиссимус А.В. Суворов: «Практика без теории слепа, теория без практики мертва». Недооценка теории вплоть до её неприятия может иметь место либо ввиду непонимания её значения для практики, либо ввиду расхождения теоретических положений с политическим волеизъявлением.

На политика (как, впрочем, должно быть и на каждого из нас) в значительной мере влияет общественное мнение и правонастроение. Но политик – особый субъект правоотношений (которые он сам и в немалой степени определяет). Он подвержен воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, на которые незамедлительно реагирует. Эти реакции заметно усиливаются, особенно за счёт придания им публичности через СМИ. Отсюда – закономерная потребность в особом, эмоциональном языке, положительно ненормативной, или образной лексике, «языке плаката» – агитации и пропаганды, который позволяет политику находить понимание в широких, массовых аудиториях, чаще попросту в толпе, а то и просто у неопределённого круга лиц.

И возникает вопрос: а нужна ли уголовно-правовому политику научность, или криминологическая обоснованность своих решений и действий? Ведь принцип научности диктует непреложное правило: при разработке стратегии и тактики противодействия коррупции руководствоваться в особенности не столько обстоятельствами, сколько объективными закономерностями, которым и подчинены эти самые обстоятельства. В силу их и видоизменяется данное социально-юридическое явление – преступность.

Карающая мощь уголовного наказания является мерой вынужденной и традиционно в сильной зависящей от «карательной» мотивации «властного» политика, т.е. права подчинять другого. Изначально наказание за преступление имманентно выражало в себе чувство мести, которое вкладывали в него не только законодатель (и правоприменитель), но и потерпевший, которому государство предоставляло такое же право. Например, по Русской Правде предусматривалось право физической расправы над обидчиком, т.е. узаконенная форма кровной мести, или побои [8, с. 53]. По истине, как писал известный социолог П.А. Сорокин, «Реальная мотивирующая сила – это не цель, а биологическое побуждение, условный рефлекс...» [15, с. 198].

Но ещё на ранней стадии становления науки о криминале общая цель уголовного наказания рассматривалась как оказание помощи преступнику, что означает, путём исправления, предупреждения нового преступления обратить его в правопослушного гражданина. И сегодня это криминологическое положение остаётся в силе, поскольку за ним стоит понимание высшей ценности, которая закреплена в Конституции РФ (ст. 2), этой ценностью провозглашён «человека, его права и свободы».

К сожалению, в реальной борьбе с преступностью, зачастую это конституционное положение забывается. Правоприменителя заботит проблема раскрытия, расследования преступления, ответственности и наказания виновного. И в каждом таком реальном случае мышление правоприменителя «направлено на оценку чужой деятельности с позиции права в целях привлечения к ответственности» [9, с. 74], а в этих, даже добросовестных стараниях легко скатиться под обвинительный уклон.

И как тут не согласиться с проф. В.В. Лунеевым, который пишет: «Общество и государство в борьбе с преступностью практически не используют криминологические возможности, а всю борьбу с криминалом сводят к неполному и формальному разрешению уголовных дел» [12, с. 31].

Между тем, человекоцентристский (в центре внимания – человек) подход в юриспруденции и в частности в криминологии сегодня является актуальным. Но уголовно-правовые, особенно радикального крыла, или так называемы «имиджевые» политики, пренебрегающие «сковывающей» их теорией, не очень это воспринимают. И в этом проявляют неосмотрительность, недалёковидность, т.е. упускают из виду возможные так называемые «рисковые эффекты».

Риск, как известно, представляет собой возможность понести какую-то потерю, потерпеть неудачу в предполагаемом, а затем и реализуемом деле. Например, игнорируя криминологические оценки, прогнозы, экспертные заключения-предупреждения, политик, ослеплённый инновационной идеей, использует управленческий механизм в нужном для него режиме и направлении. И в итоге получает неожиданный для него самого, но объективно закономерный (что означает научно предсказуемый) эффект, или результат своих усилий.

Приведём яркий пример такого «рискового эффекта», как не проработанную гипотезу получения результата негативного характера, который следовало предвидеть, при реализации захватывающей идеи за-

конодательного решения о смягчении уголовного преследования за взятки. Мы имеем в виду, введение альтернативного лишению свободы наказания в виде кратного штрафа и лишения права занимать определённые должности. Сумма штрафа впечатляет: от двадцатипятикратной суммы взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ) – до стократной (ч. 6 ст. 290 УК РФ); то есть минимальный штраф – не менее 25 тысяч рублей и максимальный 500 млн рублей (!).

Очевидно, что умонепостижимая сумма не была взята с потолка, а просчитана с учётом сложившейся криминальной ситуации, в частности, исходя из финансовых возможностей коррупционеров. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в отличие от политиков, коррупционеры оказались более дальновидными, они регулярно увеличивали плату за возрастающие риски быть схваченными за руку. Например, за шесть лет антикоррупционной кампании средняя сумма взятки увеличилась более чем в 16 раз, и соответственно «совокупный доход» коррупционеров в 2013 г. был равен 21 млрд рублей (сумма причинённого ущерба стране). Разумеется, такая сумма окрыляет на успех, т.е. конечный результат – её возмещение.

Но при этом не просчитываются возможности получения успеха или проигрышного решения, которое приводит рисковому эффекту. В описанном случае расчёт на гуманизацию наказания обернулся манной небесной на голову счастливого (прежде всего крупного и особо крупного) взяточника, оставшегося фактически безнаказанным. Так, по данным председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина, из 20 млрд рублей (по сути, это почти возмещало бы ущерб), которые должны были выплатить взяточники в качестве кратных штрафов, реально было получено всего лишь 20 млн рублей, или 1% [4].

По данным судебного департамента Верховного суда, в 2013 г. за получение взятки было осуждено 1700 лиц (из них 95% приговорены к штрафам); за дачу взятки – 3400 лиц, 97% которых осуждены к выплате штрафа.

Кстати, добровольно выплатили назначенный судом штраф только 10%. (т.е. чуть более 500 человек). Это – из более 5000 осужденных [7].

Но в большей мере поражает упорное *многолетнее* игнорирование уголовно-правовыми политиками истинной картины, т.е. криминологической характеристики реальной преступности. Так, статистика утверждает, что на протяжении последних шести лет преступность в России

снижается в среднем на 7% (в то время, как количество поступающих от граждан заявлений о происшествиях в органы внутренних дел возрастает в среднем ежегодно на 5,5%).

В такое «сокращение преступности» ни один серьёзный криминолог не поверит. Например, в 2014 г. в стране было зарегистрировано 2.166 399 преступлений (кстати, меньше, чем в прошлом году почти на 2%). Криминологи же утверждают, что фактически в России ежегодно совершается не менее 23 млн преступлений [10].

Кстати, другие, сведущие в этом специалисты называют большую цифру – около 25 миллионов скрытых, или незарегистрированных преступлений [13]. Например, известно, что ежегодно органы прокуратуры вскрывают 150-200 тысяч так называемых укрытых преступлений [6].

Одним словом, глядя на одно и то же явление – преступность, политики утверждают, образно говоря, «белое», а криминологи – «чёрное». А это «очерняет» уже в целом политику, которая так старательно формирует имидж успешности государства в борьбе с преступностью.

Впрочем, это наше частное мнение, оно может и не совпадать с общепринятым уголовно-политическим мнением.

Преступность – социальное явление, а как всякое явление, объективно, т.е. существует в силу определённых закономерностей, не подвластных ни политикам, ни учёным. Преступность – индикатор функционирования общественного организма. Если этот организм здоровый, индикатор едва мерцает; если же организм больной – индикатор загорается ярче, даже вспыхивает, например, за счёт протестных («болотных») акций. Сегодня мерцание индикатора отражает результат разве что стараний политиков, но никак не состояние социального организма. Патология же, под которой понимают преступность, вольно и невольно загоняется уголовно-правовыми политиками внутрь социального организма.

Криминологи называет данный эффект дисфункцией политизации, т.е. не только некорректным выполнением определённой функции политики (оптимизации борьбы с преступностью), но и представляющей её противоположность – снижение эффективности борьбы с преступностью. Эту дисфункцию мы называем *латентизацией преступности*. В результате остаются безнаказанными миллионы преступников и соответственно миллионы их жертв. А ведь это и есть проблема безопасности личности, которая усугубляется политизацией. Эта проблема, на наш взгляд, *растворяется* в проблеме общественной безопасности.

Дисфункциональность такой политики ведёт не только к ухудшению имиджа правоохранительных органов, государства в целом, но и ведёт к падению уровня жизни, невольно криминализируя общественные отношения, вместо того, чтобы бороться с этим. «Неприменение правовых норм юридическими органами и должностными лицами... подрывает авторитет власти и закона, – писал А.А. Тер-Акопов, – способствует беспределу, развитию теневого права, авторитета криминала и в целом криминализации отношений, а значит, дальнейшему подрыву безопасности человека» [17, с. 149].

Особенно опасным в такой «дисфункциональной» политике представляется явление, которое мы назвали *политизацией зла*, в особенности использование зла, его властной силы. Сегодня можно говорить о такой функции антикриминальной политики, как *злоиспользование*. В данном случае зло понимается (разумеется, с позиции утилитарного подхода) не как *критерий ненормальности* употребления прав, возможностей, а как средство, *инструмент воздействия*. При этом субъект воздействия руководствуется логикой меньшего зла. Так, Ч. Беккариа, высказывая в целом отрицательное отношение к смертной казни, точнее к *злоупотреблению* смертными приговорами, вместе с тем допускал применение наказания в виде смерти человека в исключительных случаях: *во-первых*, когда гражданин, не смотря на лишение свободы, остаётся по-прежнему влиятельным и могущественным источником угрозы безопасности государства, и, *во-вторых*, когда смертная казнь остаётся «единственным средством удержать других от совершения преступлений» [3, с. 170].

Показателен такой пример злоупотребления. В одном из интервью журналистам Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко признался, что в 90-е годы он приказывал расстреливать бандитов на трассе Москва – Брест: «...устроили ловушки на этой трассе... Всех, кто сопротивлялся из бандитов, расстреливали на месте. Три группы таких уничтожили – четвёртой не было.

И до сих пор тихо и спокойно» [11]. И в отношении эмоциональности политик также оказался верен себе. «Может, это слишком. Но я не находил другого метода ответить на этот разбой, как дать в морду» [11].

Например, о факте злоупотребления пишет Pravda.ru, передавая содержание статьи в голландской газете «Телеграф» о бесправии иностранцев в США. В частности сообщается о некоем 38-летнем Ахмеде, который четыре года находится в заключении без суда и следствия как

лицо, представляющее угрозу национальной безопасности. Но при этом ни сам заключённый, ни его адвокат и ни американский суд не располагают уликами: они засекречены. «С отвращением высказался судья во время чтения приговора о "ядовитой атмосфере" и о злоупотреблении законами государством», – пишет «Телеграф» [14].

И речь здесь должна идти не только о «злоупотреблении законами», но и исполнительной власти. Например, Соединённые Штаты Америки официально объяснили, в каких случаях они считают себя вправе осуществить злоупотребление власти. Так, устами Генерального прокурора США было заявлено, что «американские граждане, живущие за границей, могут быть убиты, если они представляют собой "неминуемую опасность" для страны» [16]. В частности Генпрокурор, отвечая на вопросы правозащитников об убийстве в результате атаки беспилотника родившегося в США мусульманина аль-Авлаки (преемника бен Ладена), объяснил, что «использование силы с летальным исходом регулируется законами войны, и иногда правительство вынуждено действовать быстро, что делает нецелесообразным обращение в суд за разрешением на убийство» [16].

В приведённых примерах выражена идея позитивной роли зла, но при этом допускается его неправомерное использование. Известно такое неопределённое высказывание, как «цель оправдывает средства», в котором заявляет о себе нравственная природа поступка, которую «определяет убеждение, считающее нечто правовым» [5, с. 180]. И здесь может возникнуть ситуация в которой господствующая мораль подминает под себя право. В подобном случае легко возникает «правовое» убеждение «делать преступление средством для достижения благой цели» [5, с. 180]. Политизации это свойственно, т.к. политика, повторим, достаточно эмоциональное явление.

Криминологи давно призывают политиков к наукообразному подходу к управлению деятельностью по борьбе с преступностью. Научность, главным образом, должна определять функциональность высшего звена управления, который можно определить как мозг всей управленческой системы в сфере борьбы с преступностью. В основе её должна быть положена научно обоснованная концепция уголовно-правовой, или антикриминальной политики.

В нашем видении такая политика представляется собой, *во-первых*, научную разработку и, *во-вторых*, практическую реализацию основных принципов, стратегических направлений, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и

прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др.) их реализации в борьбе с преступностью.

Это сложная система положений, которая должна найти выражение в официальной концепции. О необходимости такой концепции криминологи говорят давно, но пока к этому уголовно-правовые политики по-прежнему не хотят прислушиваться. По их воле антикриминальная политика складывается по методу лабиринта, т.е. путём проб (основываясь на весьма субъективном «здравом смысле») и ошибок.

К чему это ведёт, показывают те факты, о которых мы упоминали выше.

Список литературы

1. *Аликперов Х.Д.* Преступность и компромисс. Баку: Элм, 1992.
2. *Анатолий Лысков.* Атака «пятой колонны» [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата открытия документа: 20.04.2014).
3. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс» БИМПЛ, 1995.
4. *В ходе антикоррупционной кампании средняя сумма взятки в России выросла в 16 раз* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (дата открытия документа: 30.10.2014).
5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. /пер. с нем.: ред. и сот. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.
6. *Генпрокуратура обещает сократить уровень неучтённой преступности* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/10/05/897482.html> (дата открытия документа: 19.03.2013).
7. *Генпрокуратура предложила заменить кратные штрафы реальным сроком* [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/28/04/2014/920981.shtml> (дата открытия документа: 03.02.2014).
8. *Городнова О.Н.* Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.
9. *Жалинский А.Э.* Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989.
10. *Инишаков С.М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://sartraccc.ru/i>.

php?filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm&oper=read_file (дата открытия документа: 10.03.2015).

11. Лукашенко признался, что в 90-е годы приказал расстреливать бандитов на трассе Москва – Брест [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/auto/news/2013/10/11/n_3246405.shtml (дата открытия документа: 02.04.2014).

12. *Лунеев В.В.* Криминология: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2013.

13. По данным М. Пашина, председателя независимого профсоюза сотрудников милиции Москвы. Демченко В. В России на каждого жителя втрое больше полицейских, чем в США // Комсомольская правда. 2013. 16 марта.

14. *Приключение иностранцев в Америке* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/27-09-1999/906939-0/> (дата открытия документа: 22.04.2014).

15. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

16. *США впервые объяснили, когда они считают себя вправе убивать граждан, сотрудничающих с «Аль-Каидой»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/06/n_2230677.shtml (дата открытия документа: 17.04.2014).

17. *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998.

18. *Халипов В.Ф., Халипова Е.В.* Власть. Политика. Государственная служба: словарь [Электронный ресурс]. М.: Луч, 1996. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija> (дата открытия документа 15.02.2014).

*Дегтярев С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

О ЗАБЫТОМ... О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ!

В статье автор предлагает вернуться и не забывать о том, что криминалист – это не человек с лупой, а человек, обладающий криминалистическим стилем мышления. Криминалистическая тактика – это раздел в криминалистике, о котором в последнее время мало упоминается в научной литературе и в практике работы следователя, прокурора, судьи.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; тактический прием; тактическая ошибка; тактическая рекомендация.

Одним из принципов уголовного судопроизводства является принцип состязательности сторон Статья 15 УПК РФ. Термин состязание вообще, согласно словарю С.И. Ожегова, это соревнование. Соответственно состязательный процесс судопроизводства – это такой процесс, при котором обе стороны могут активно защищать свои права.

Вопрос о том, как состязаться и как активно защищать свои права становится наиважнейшим, от которого зависит в конечном итоге исход дела. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо (пункт 2 Статьи 15 УПК РФ). Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществление предоставленных им прав. Из смысла статьи 15 УПК РФ следует, что суд не должен занимать активную позицию в выяснении обстоятельств дела и установлении объективной истины – в отличие от сторон обвинения и защиты; в статье же 86 УПК РФ говорится о том, что собирать доказательства по уголовному делу может наряду со следователем, прокурором также и суд. Собирать доказательства означает их обнаруживать, фиксировать и изымать, что не-

возможно делать, находясь в пассивной позиции. На лицо противоречия, имеющиеся в УПК РФ, которые в практической деятельности судов решаются неоднозначно: большинство судей занимают нейтральную позицию, в деле близко к пассивно-оценочной. К чему такое положение дел в конечном итоге приводит, поясню ниже на одном конкретном примере из судебной практики. Хотелось бы прежде напомнить, что в криминалистике существует целый раздел, именуемый «Криминалистическая тактика», который иногда многие называют до сих пор «Следственной тактикой»; таким образом, «Судебной тактики» как бы не существует. В научной литературе и профессиональных изданиях можно найти статьи, монографии по адвокатской, прокурорской, следственной тактике. Оперативным работникам тактику преподают в рамках их основной профессиональной дисциплины «Оперативно-розыскной деятельности». Из числа опрошенных мной судей никто не мог вспомнить ни о публикациях, ни о занятиях в рамках курсов повышения квалификации о судебской тактике. А разве судьям не нужна тактика? Разве не должны они знать хотя бы типовые ситуации, с которыми им приходится сталкиваться в том или ином судебном процессе? Разве не должны они принимать тактические решения, применять тактические приемы при допросе и при проведении иных судебных действиях?

В своей статье я хотел бы остановиться на тактической ошибке, которую допустил невольно судья, в результате которой целый эпизод преступной деятельности «К» и основной свидетель обвинения «И» был выведен из уголовного судопроизводства. Процесс формирования этой тактической ошибки от ее зарождения и до воплощения в жизнь, для лучшего понимания, я хотел бы представить «пошагово»:

1 шаг. Судья опоздал на судебное заседание на 40 минут, вместо запланированного на 10 часов, заседание началось в 10 часов 40 минут.

2 шаг. Не извинившись перед участниками процесса, судья вошел в зал судебного заседания и начал «наверстывать» упущенное время, при этом он внутренне, психологически стал заложником созданной им же ситуации, чувствовалась его неловкость и скованность.

3 шаг. Судья в начале судебного заседания начал говорить о том, что и в какой последовательности сегодня предстоит исследовать в судебном следствии по данному уголовному делу. Вслед за судьей один из трех адвокатов, присутствовавших на процессе, зая-

вил ходатайство к этим обращениям. Защитник с точки зрения тактики перехватил инициативу и заставил судью более десяти минут разъяснять и убеждать сторону защиты в несостоятельности заявленного ходатайства.

4 шаг. Адвокаты сделали вид, что судья очень грамотно убедил их в неуместности и несвоевременности заявленного ходатайства именно сегодня, потому что он, «судья», планировал рассмотреть данный вопрос на следующем судебном заседании. В этот момент судья, как и обычный человек, почувствовал внутреннюю психологическую победу, невольно при этом расслабившись и потеряв бдительность.

5 шаг. Не выяснив в начале судебного заседания один из важнейших тактических вопросов, вопрос о присутствии в зале суда не опрошенных свидетелей, судья вызывает свидетеля «Ж» и начинает его допрос, в котором принимает участие как сторона защиты, так и сторона обвинения. Незаметно прошло время, отведенное судьей на рассмотрение данного дела. Он уже начал посматривать на часы, поскольку на очереди было рассмотрение уже другого дела.

6 шаг. Обсудив организационно-регламентные вопросы: дату и время следующего судебного заседания, судья собрался было уже объявить об окончании сегодняшнего судебного заседания, как вдруг из зала суда поднимается гражданин «К» и, размахивая паспортом, спрашивает: «А меня сегодня будете допрашивать?». Судья только теперь поинтересовался личностью присутствующего в зале суда, которым оказался еще один свидетель обвинения.

7 шаг. Окончание ошибки: в зале судебного заседания оказались одновременно два свидетеля, что и привело в конечном итоге к тому, что, проигнорировав тактико-криминалистические рекомендации, судья нарушил и требования статьи 278 УПК РФ. В результате допущенного судьей промаха второй свидетель не может быть допрошен судом, так как его показания в виду нарушения норм статьи 278 УПК РФ влекут за собой признание не допустимыми и противоречат нормам из статьи 7 УПК РФ, а именно – принципу «законности» при производстве уголовного дела. Таким образом, хороший судья, как и хороший следователь, дознаватель, прокурор и адвокат, должен знать не только нормы материального и процессуального права, но и основы криминалистики и в частности – рекомендации криминалистической тактики.

Жук И. О.,

*кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются основные правила и порядок осмотра и изъятия компьютерной информации, назначения судебных экспертиз в процессе доказывания преступлений экономической направленности

Ключевые слова: компьютерная информация; компьютерные технологии; судебно-кибернетическая экспертиза.

При расследовании экономических преступлений следователь все чаще сталкивается с необходимостью выявления и изъятия следов и вещественных доказательств, представленных в виде информации в вычислительной или телекоммуникационной системе, а также на магнитном носителе. Оно очевидно даже при поверхностном перечислении основных видов сведений, которые хозяйствующие субъекты вводят, хранят, обрабатывают и которыми обмениваются с другими юридическими и физическими лицами с помощью компьютерной техники (планшетов, телефонов и т.п.)

Компьютерную информацию в процессе доказывания относят к иным документам (ч. 2 ст. 84 УПК РФ), поскольку она обладает определенными признаками документов.

Как и любой документ, компьютерная информация исходит от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан. Компьютерную информацию, запечатленную в файлах, можно, как и документ, считать доказательством, если сведения о фактах, изложенные в ней, имеют значение для уголовного дела и с их помощью может быть установлено наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Как документ, так и компьютерная информация приобретают значение доказательств, когда они отвечают требованиям, предусматривающим собирание доказательств (ст.86 УПК РФ). То есть в уголовном деле должны содержаться данные о том, каким образом

компьютерная информация, хранящаяся в памяти персональных компьютеров, попала в уголовное дело.

Компьютерная информация может приобщаться к уголовному делу путем запросов, принятия или изъятия ее во время следственных действий.

В последнее время широкое распространение получили преступления экономической направленности, совершаемые с использованием компьютерных технологий.

Одним из них является хищение денежных средств путем мошенничества, совершаемого в так называемых «интернет-магазинах», в которых злоумышленники на открытом ими сайте в информационной системе предлагают различного рода услуги. После чего начинают сами у себя покупать эти услуги, используя номера чужих кредитных карт, предоставленных им «хакерами». Проиллюстрируем данную экономико-криминальную схему на примере уголовного дела.

Левашов, Медведев и Жуков открыли в сети Интернет электронный магазин «Политшоп», сайт которого содержал объявления о платной подписке на дайджест политических новостей стоимостью от 53 до 127 долларов США, и заключили от имени частного предпринимателя Левашова договор с коммерческим банком (далее – КБ) «Платина» о расчетном обслуживании этого магазина и держателей кредитных карт в системе «Киберплат».

В намерения Левашова, Медведева и Жукова не входило заниматься законной предпринимательской деятельностью, так как они преследовали цель хищения денежных средств, поступающих в распоряжение КБ «Платина» на расчетный счет магазина «Политшоп». Осуществляя свои противоправные намерения, указанные лица привлекли к деятельности преступной группы Князева, Пенкина, Шаронова, Дудко и Бегунова – студентов различных московских вузов, в обязанности которых входило, используя персональные компьютеры, через сеть Интернет вводить в сайт электронного магазина «Политшоп» реквизиты пластиковых карточек Международных платежных систем (далее – МПС) «ВИЗА» и «Мастер Еврокард», выдавая себя за их действительных держателей, оформлять покупку якобы предоставляемых услуг в сфере различного рода информации.

Всего участники организованной преступной группы, действуя согласно распределению ролей, осуществили перевод свыше 23 миллионов рублей на транзитный счет магазина «Политшоп» в КБ

«Платина», использовав незаконно полученные ими реквизиты свыше 7 тысяч держателей кредитных карт. Денежные средства в размере 10 687.000 рублей, перечисленные КБ «Платина» на расчетные счета Левашова в ОАО КБ «Альфа-Банк» и ООО «Гекса-Техно» в КБ «Замоскворецкий», члены преступной группы получили в свое распоряжение и распределили между собой. Оставшаяся часть денег, находившихся на счету магазина «Политшоп» и на которую также претендовали соучастники, составляла, за вычетом комиссии банка, страховой фонд, подлежащий возврату держателям кредитных карт на случай отказа от предоставленных им услуг.

При этом ошибкой было то, что организаторы преступной группы рассчитывали на то, что владельцы кредитных карт, являющиеся, как правило, состоятельными людьми, не обратят внимания среди множества других платежей на списание с их счетов столь незначительной суммы, не превышающей 127 долларов США [2, с. 68].

При расследовании преступлений, совершенных с использованием новейших информационных технологий, приобретают особое значение, так как в качестве орудий преступлений используются компьютеры, на носителях которых записана информация, имеющая важное доказательственное значение. Поэтому производство следственных действий, связанных с осмотром и изъятием компьютерной информации, целесообразно проводить с участием специалиста.

Прежде чем приступить к проведению данных следственных действий, следователь и участники следственно-оперативной группы должны знать и соблюдать общие правила обращения с вычислительной техникой и носителями информации, несоблюдение которых может привести к потере важной для расследования информации и причинению материального ущерба.

К числу основных таких правил можно отнести следующие:

1. Все включения (выключения) компьютеров и других технических средств должны производиться только специалистом или под его руководством.

2. Применение средств криминалистической техники, во избежание разрушения носителей информации и микросхем памяти ЭВМ, должно быть также согласовано со специалистом.

3. Нельзя допускать попадания мелких частиц и порошков на рабочие части компьютеров (разъемы, дисковод, вентилятор и др.).

4. При работе с магнитными носителями информации запрещается прикасаться руками к рабочей поверхности дисков, подвергать их элек-

тромагнитному воздействию, сгибать диски, хранить без специальных конвертов (пакетов, коробок).

5. Недопустимо приклеивать что-либо непосредственно к магнитным носителям, наносить надписи, пометки, печати, прикасаться пальцами и любыми предметами к рабочей поверхности носителей, разбирать корпуса лент, винчестеров, сгибать носители, изменять состояние переключателей, подносить близко к источникам электромагнитного излучения, сильным осветительным и нагревательным приборам, подвергать воздействию воды и влаги.

6. Со всеми вопросами, затрагивающими терминологию, устройство и функционирование вычислительной техники, необходимо обращаться только к специалисту.

Вне зависимости от места проведения осмотра в целях предотвращения утраты информации, имеющей значение для дела, следует соблюдать определенные правила и меры предосторожности, которые заключаются в следующем:

1. Если компьютеры, находящиеся в помещении, соединены в локальную сеть, их осмотр целесообразно начать с сервера, затем осматривают работающие компьютеры, а затем остальную компьютерную технику и источники питания.

2. С помощью видео- или фотосъемки рекомендуется зафиксировать информацию на экране монитора, индикаторных панелях, положение переключателей и состояние индикаторных ламп всех устройств компьютерной системы, о чем сделать соответствующие записи в протоколе.

3. Остановить исполнение программы и зафиксировать в протоколе результаты своих действий, отразить изменения, произошедшие на компьютере.

4. Определить наличие у компьютера внешних устройств-накопителей информации на жестких магнитных дисках (винчестере), USB-флеш-накопителях и устройствах типа ZIP, наличие виртуального диска (временный диск, который создается при запуске компьютера для ускорения его работы), отразив полученные данные в протоколе.

5. Определить наличие у компьютера внешних устройств удаленного доступа к системе и определить их состояние (подключение к локальной сети, наличие модема), после чего отключить компьютер из сети и выключить модем, отразив в протоколе результаты своих действий.

6. Скопировать программы и файлы данных, созданные на виртуальном диске (если он имеется), на магнитный носитель или на жесткий диск компьютера в отдельную директорию.

7. Перед выключением питания требуется корректно завершить все исполняемые в данный момент программы, по возможности сохранить всю промежуточную информацию (тексты, информацию состояния, содержание буферов обмена и др.) в специальных файлах, если возможно – на отдельных USB-флеш-накопителях, в противном случае на жестком диске компьютера. В протоколе указать имена этих файлов, вид информации, сохраняемой в каждом, расположение файлов (наименование USB-флеш-накопителя и их маркировку или логический диск и каталог на винчестере компьютера).

8. Выключить компьютер, который подвергся воздействию, а при наличии сети требуется выключить все компьютеры. Если из-за особенностей функционирования системы это невозможно, то следует принять все меры для исключения доступа к информации данного компьютера, по возможности снять с нее копию и принять меры для фиксации всех изменений информации, которые будут происходить впоследствии.

При осмотре компьютерной техники следует обращать внимание на правильность внесения записей в протокол следственного действия, для чего необходимо:

1. Установить и зафиксировать в протоколе осмотра и прилагаемой к нему схеме расположение всех компьютеров в сети, их периферийных устройств, наличие сервера, места прокладки кабелей, устройств телекоммуникации (модемов, факс-модемов), их расположение и подключение к каналам телефонной связи.

2. Отразить в протоколе назначение каждого устройства, название (обычно указывается на лицевой стороне), серийный номер, комплектацию (наличие и тип дисководов, сетевых карт, разъемов и др.), наличие соединения с локальной вычислительной сетью и (или) сетями телекоммуникации, состояние устройств (со следами вскрытия или без).

3. При описании внешнего состояния вычислительной техники нужно обращать внимание на места подключения (например, соединительный кабель между коммуникационными портами принтера и системным блоком компьютера) периферийных устройств, винты крепления крышек корпуса, поверхности под системным блоком, монитором и другими устройствами. Обычно в этих местах происходит скопление пыли, а значит, могут остаться следы, наличие или отсутствие которых

должно быть отражено в протоколе. Также должны быть отмечено наличие и состояние всех пометок, пломб, специальных знаков и наклеек (инвентарных номеров, записей на память, контрольных маркеров фирм-продавцов и др.), нанесенных на корпуса и устройства компьютеров, наличие загрязнений, механических повреждений и их локализация.

4. Точно описать порядок соединения между собой указанных устройств, промаркировав (при необходимости) соединительные кабели и порты их подключения, после чего разъединить устройства компьютера.

В целях недопущения нештатных ситуаций при осмотре компьютера, которые могут повлечь уничтожение интересующей следствии информации, необходимо придерживаться следующих мер предосторожности:

1. Выяснить наличие специальных средств защиты от несанкционированного доступа к информации, принять меры к установлению ключей (паролей).

2. С помощью специалиста установить наличие внутри компьютера нештатной аппаратуры, возможность изъятия микросхем, отключение внутреннего источника питания (аккумулятора).

3. Обратить особое внимание на записи, относящиеся к работе компьютерной техники, – в них могут оказаться сведения о процедурах входа-выхода с компьютерной системы, пароли доступа и т.п.

Если для понимания и использования полученной в ходе осмотра и других следственных действий компьютерной информации требуются специальные знания, следователь должен принять решение о назначении экспертизы. По делам об экономических преступлениях, связанных с применением компьютерной техники, могут быть назначены как традиционные, так и иные виды экспертиз.

Традиционными являются судебно-бухгалтерская и судебно-экономическая экспертизы, которые исследуют вопросы учета и движения денежных средств и материальных ресурсов. Если же часть документов, отображающих деятельность экономического субъекта, исполнена не на бумажных, а на магнитных носителях информации, то сразу встает вопрос о привлечении знаний в области компьютерной техники и программирования. При этом необходимо назначить комплексную экспертизу, предварительно согласовав вопросы с экспертами.

Кроме того, все чаще возникает необходимость исследования достаточно сложных систем, требующих расширения компетенции экспертов и выход за пределы инженерно-технической экспертизы. Для исследования сложных информационных систем требуются особые (не только программно-технические) методы исследования, в том числе и методы системного анализа информации. Так, результат работы компьютера – это всегда действие кибернетической системы «пользователь – компьютер» или даже более сложной системы «авторы алгоритмов (разработчики) программ – кодировщики (программисты) – технический персонал, обеспечивающий работу компьютера, – пользователь компьютера – компьютер», при анализе которой необходимо исследование не только самой системы, но и человека как одного из ее элементов, для чего требуется применение методов психологии и языкознания. Кроме того, для исследования, к примеру, информации на магнитных компьютерных носителях, требуется не только знание компьютерной техники, но и знания по криминалистике, лингвистике или социологии.

Перечисленные требования к экспертным исследованиям информационных систем в совокупности детерминировали возникновение и развитие такого рода судебной экспертизы, как кибернетической.

Судебно-кибернетическая экспертиза предоставляет возможность для проведения криминалистического и технического исследования информационных систем, технологий и следов их применения.

Для того чтобы было понятно направление судебно-кибернетических исследований, можно привести примеры некоторых формулировок вопросов эксперту:

1. Имеется ли на жестком диске представленного компьютера информация, соответствующая представленному образцу?
2. Каково функциональное назначение, характер, содержание информации, имеющейся на представленном компьютере (ином носителе)?
3. Кто автор информации (программ, данных), имеющейся на представленном носителе?
4. Какие программные и технические средства использованы при изготовлении представленных документов?
5. Каковы технические характеристики технических средств, необходимых для изготовления представленных документов?

6. Каков способ изготовления представленных документов (программ, текстов, данных иного формата)? [3, с. 38].

Следует заметить, что это далеко не исчерпывающий комплекс вопросов. В каждом конкретном случае целесообразно перед назначением экспертизы согласовать вопросы с экспертом.

Ученые, занимающиеся проблемами назначения и проведения судебно-кибернетических экспертиз [1, с. 46], считают, что для учета эффективности данных экспертиз в процессе доказывания по делам об экономической, профессиональной и организованной преступности, для выбора актуальных направлений их развития, своевременного реагирования экспертных учреждений на недостатки необходима обратная связь следователя (суда) с экспертами. Она заключается в том, что по каждой назначенной и исполненной нетрадиционной экспертизе необходимо отправлять отзыв на имя руководителя экспертного учреждения о результатах расследования (рассмотрения) дела и роли экспертизы.

Все это будет способствовать обобщению практики и эффективному использованию специальных знаний в процессе доказывания преступлений по данной категории уголовных дел.

Список литературы

1. Кушниренко С.П., Панфилова Е.И. Уголовно-процессуальные способы изъятия компьютерной информации по делам об экономических преступлениях: учеб. пособие. СПб., 1997. С. 46.

2. Особенности расследования уголовного дела о мошенничестве, совершенном с использованием сети Интернет // Информационный бюллетень СК МВД РФ. 2002. №1 (111). С. 67–75.

3. Семенов В.Н., Мотуз О.В. Судебно-кибернетическая экспертиза – инструмент борьбы с преступностью XXI века [Электронный ресурс] // Конфидент, 1999. № 3. URL: <http://www.inroad.kiev.ua/prob/cyber.htm>

*Зройчикова А. А.,
преподаватель кафедры
правовых дисциплин
ИНО МГЮА им. О.Е. Кутафина,
г. Москва*

*Цветков А. Н.,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБМАНОМ, ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

В статье авторы анализируют особенности уголовно-правовой ответственности за преступления, совершенные путем обмана. Освещаются наиболее проблемные вопросы, связанные с применением норм зарубежного уголовного права, направленные на противодействие преступлений, совершаемых путем обмана.

Ключевые слова: мошенничество; обман; реальный ущерб; признаки обмана.

Уголовное законодательство большинства стран мира содержит уголовно-правовой запрет преступных обманов. С учетом произошедших изменений в российском уголовном законодательстве и появления целой группы специальных вариантов мошеннического обмана интересным представляется решение вопроса об ответственности за эти преступления в европейских странах, к законотворческому опыту которых обращался российский законодатель.

В УК Швеции [5] преступлениям, способом совершения которых является обман, посвящена отдельная глава 9, что свидетельствует об ориентации Уголовного закона на борьбу с указанного рода преступными деяниями. В соответствии с параграфом 1 ст. 9:1 УК Швеции лицо подлежит уголовной ответственности за мошенничество, если оно путем обмана склоняет кого-либо совершить или не совершить какое-либо деяние, которое влечет выгоду для обвиняемого и убытки для обманутого или для того, чьим представителем последний является.

Если провести сравнительный анализ приведенной формулировки мошенничества по УК Швеции с формулировкой мошенничества, содержащейся в ст. 159 УК Российской Федерации (мошенничество – хищение путем обмана или злоупотребления доверием), то можно прийти к выводу, что «мошенничество» по УК Швеции охватывает больший круг преступных проявлений, чем «мошенничество» по УК РФ.

Убыток по УК Швеции включает как реальный ущерб, так и упущенную выгоду, то есть неполученные потерпевшим доходы, которые он бы получил при обычном ходе своей деятельности. Напротив, ущерб в соответствии со ст. 159 УК РФ предполагает только реальный ущерб, то есть сумму, на которую уменьшились фонды потерпевшего. Причинение ущерба в виде упущенной выгоды путем обмана или злоупотребления доверием не охватывается ст. 159 УК РФ, подлежит квалификации по ст. 165 УК РФ [1, с.135].

В соответствии с параграфом 1 ст. 9:2 УК Швеции малозначительным мошенничество может быть признано судом с учетом размера убытка и других обстоятельств преступления, например, если умысел обвиняемого был направлен на причинение небольшого ущерба или на избавление от небольшой задолженности. Характер обмана не позволял причинить значительный ущерб потерпевшему и получить значительную выгоду обвиняемому. Малозначительное мошенничество в УК Швеции именуется «мошенническим поведением».

Необходимо обратить внимание, что «малозначительность» по УК Швеции, в том числе применительно к мошенничеству, кардинально отличается от «малозначительности» по УК Российской Федерации. Признание преступления малозначительным в соответствии со статьей особенной части УК Швеции является основанием для суда назначить наказание меньшее в рамках санкции соответствующей статьи, чем это предусмотрено за основное преступление. При этом «малозначительность» не лишает преступное деяние, совершенное обвиняемым, ни одного из обязательных признаков соответствующего преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. По УК РФ деяние виновного лица вследствие малозначительности не может рассматриваться как преступление, так как отсутствует такой материальный признак

преступления, как общественная опасность. Таким образом, виновный в совершении малозначительного деяния не подлежит привлечению к уголовной ответственности по УК РФ [2, с. 79].

Если воспользоваться терминологией российского уголовного права, то малозначительное мошенничество (ст. 9:2 УК Швеции) можно было бы назвать «привилегированным мошенничеством» (ст. 9:1 УК Швеции), а «тяжкое мошенничество» (ст. 9:3 УК Швеции) – «квалифицированным мошенничеством».

Для квалификации действий виновного по ст. 9:3 УК Швеции как «тяжкое мошенничество» необходимо специально установить: злоупотреблял ли виновный общественным доверием, или использовал ли он фальшивый документ, вводящий в заблуждение бухгалтерские отчеты, или иным образом преступление носило особо опасный характер, или повлекло за собой существенную выгоду для обвиняемого или значительный ущерб для обманутого (потерпевшего).

При этом «тяжкое мошенничество» (ст. 9:3) по признаку использования виновным фальшивого документа при наличии необходимых условий может образовывать совокупность преступлений с «использованием фальшивого документа» (ст. 14:9), а если сам виновный при этом фальсифицировал документ, то еще дополнительно совокупность с «поделкой документа» (ст. 14:1, 14:2 или 14:3 в зависимости от обстоятельств).

Наказуемыми в соответствии со ст. 9:11 УК Швеции являются покушение или приготовление к совершению мошенничества, тяжкого мошенничества. В параграфе 2 ст. 9:11 УК указано, что если лицо с целью обмануть страховое общество или с иным мошенническим намерением причинило телесные повреждения себе или другому лицу либо вред своему имуществу или имуществу другого лица, то оно должно быть приговорено за приготовление к совершению мошенничества или тяжкого мошенничества. Аналогичным образом указанное положение о приготовлении к (тяжкому) «страховому мошенничеству» должно применяться в случае, если лицо с целью обмануть страховое общество или с иным мошенническим намерением покушается на причинение телесных повреждений себе или другому лицу либо вреда своему имуществу или имуществу другого лица.

При этом при определенных обстоятельствах приготовление к тяжкому страховому мошенничеству, носившему особо опасный характер, может образовывать совокупность с одним из преступлений,

содержащихся в главе 13 «О преступлениях, представляющих общественную опасность».

Под мошенничеством в соответствии со ст. 313-1 УК Франции [3] понимается совершенное путем использования обманных приемов введение в заблуждение какого-либо физического или юридического лица и склонение его таким образом к передаче имущества, оказанию услуги или совершению сделки, влекущей возникновение обязанности или освобождение от нее, в ущерб себе или третьим лицам.

Определение мошенничества достаточно емкое, оно охватывает как случаи похищения имущества у потерпевшего, в результате чего причиняется ущерб потерпевшему или третьему лицу, так и случаи, когда виновный путем обманного заключения сделки освобождается от исполнения обязанности перед потерпевшим, в последнем случае потерпевшему причиняется убыток в виде упущенной выгоды.

Если преступное деяние, предусмотренное ст. 313-1 УК Франции, назвать «простым мошенничеством», то преступное деяние, предусмотренное ст. 313-2 УК Франции, можно назвать «квалифицированным мошенничеством». В соответствии со ст. 313-2 УК Франции уголовной ответственности подлежит лицо, обладающее публичной властью или выполняющее обязанности по государственной службе, которое совершило мошенничество при осуществлении или в связи с осуществлением своих полномочий (обязанностей).

Так, застрахованное должностное лицо, фальсифицировавшее с использованием своих служебных полномочий страховой случай и незаконно получившее от страхового общества страховую сумму, подлежит уголовной ответственности в соответствии со ст. 313-2 УК Франции.

Покушение на совершение мошенничества, предусмотренного ст. 313-1 и 313-2 УК Франции, наказуемо (ст. 313-3 УК Франции).

Под злоупотреблением доверия в соответствии со ст. 314-1 УК Франции понимается деяние, выразившееся в присвоении, во вред другому, имущества, которое было виновному передано и которое виновное лицо обязалось возвратить, предъявить или использовать определенным образом.

Покушение на злоупотребление доверием (присвоение имущества) наказуемо (ст. 314-3 УК Франции).

В соответствии со ст. 146 УК Швейцарии [4] подлежит уголовной ответственности виновный, кто с целью незаконно обогатиться самому

или обогатить другого обманно вводит кого-то в заблуждение путем утверждения фактов или их сокрытия или обманно укрепляет это заблуждение и таким образом побуждает заблуждающегося к поведению, в результате которого заблуждающийся наносит ущерб себе или другому.

Законодатель Швейцарии разъясняет в статье 146 содержание обмана («введения в заблуждения»), под которым понимается: 1) обманное утверждение фактов, 2) обманное сокрытие фактов, 3) обманное укрепление уже имеющегося у потерпевшего заблуждения.

Состав преступления по конструкции материальный, преступное деяние считается оконченным с момента причинения потерпевшим ущерба себе или иному лицу. Ущерб причиняется в результате, например, передачи виновному имущества, права на имущество. Неполучение в результате обманных действий виновного причитающегося потерпевшему дохода не может быть рассматриваемо как ущерб, соответственно лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 146 УК. В остальном данное преступление схоже с уже рассмотренными аналогичными преступлениями, предусмотренными уголовными кодексами других стран.

В соответствии со ст. 246 УК Японии лицо подлежит уголовной ответственности за мошенничество, если оно путем обмана выманило имущество у другого лица, в частности у страховой компании, либо аналогичным образом добыло незаконную имущественную выгоду для себя или для другого лица.

Преступные деяния, подпадающие под определение мошенничества, по характеру последствий схожи с «мошенничеством», наказуемым УК Швеции (ст. 9:1), то есть последствия мошеннических действий, согласно ст. 146 УК Японии, могут выражаться в реальном ущербе, причиненном потерпевшему, когда фонды потерпевшего уменьшились в результате деяния, или в виде упущенной выгоды, когда фонды потерпевшего не изменились, хотя при нормальном развитии событий должны были увеличиться. В первом случае виновный обманным путем похищает имущество, во втором случае виновный обманным путем избавляется от обязательства передачи определенного имущества.

С мошенничеством связаны подлоги документов. В действиях виновного может быть совокупность мошенничества и подлога документа [7, с.117].

В УК Японии содержится достаточно обширный перечень преступных деяний, содержанием которых является подделка документа, печати, подписи – преступления, содержащиеся в главах 17 и 19 Особенной части.

Преступления данной группы можно классифицировать по предмету преступления на две подгруппы:

а) предметом преступлений являются официальный документ, исходящий от публичного учреждения или должностного лица, печать публичного учреждения или должностного лица, подпись публичного должностного лица (ст.ст. 155, 156, 157, 158, 165 УК Японии);

б) предметом преступления являются частные документ, печать, подпись (ст.ст. 159, 161, 167 УК Японии).

Документ является официальным, если он изготавливается публичным учреждением или публичным должностным лицом, снабжен печатью публичного учреждения или должностного лица и подписью публичного должностного лица.

В соответствии со ст. 7 УК Японии под публичным должностным лицом понимается правительственный чиновник, муниципальный чиновник или депутат либо член комитета, или иной служащий, занятый выполнением публичных обязанностей в соответствии с законодательством.

Согласно той же статье под публичным учреждением понимается учреждение, где публичные должностные лица выполняют свои обязанности.

Частным признается документ, относящийся к какому-либо праву, обязанности или какому-либо факту, снабженный подписью и печатью соответствующего частного лица.

Способы подделки документа в соответствии со ст.ст. 155, 159 УК Японии могут быть следующие:

– использование на документе, не соответствующем действительности, настоящих печати и подписи, в том числе другого, публичного учреждения (должностного лица);

– использование поддельных печати или подписи публичного учреждения (должностного лица);

– видоизменение документа, снабженного настоящими печатью и подписью публичного учреждения (должностного лица);

– иные способы подделки.

Подделка документа, печати, подписи является наказуемой в соответствии с соответствующей статьей УК, если имеется цель употребления поддельного документа, использования поддельных печати, подписи.

Действия по подделке подписи или печати в ходе подделки официального или частного документа не могут образовывать идеальную совокупность преступления – подделки документа и подделки печати или подписи, то есть подделка документа в указанном случае не требует дополнительной квалификации действий виновного по ст. 165 и 167 УК Японии.

Использование поддельных официального или личного документа, поддельных печатей и подписей публичных учреждений и должностных лиц, частных подписей и печатей являются наказуемыми в соответствии со ст.ст. 158, 161, 165, 167 УК Японии, наказуемыми являются также покушения на совершение преступлений, предусмотренных ст. 158, 161, 165 УК Японии [6].

В соответствии со ст. 157 УК Японии уголовной ответственности подлежит лицо, которое побуждало публичное должностное лицо путем предоставления ему ложных сведений к внесению ложной записи в оригинал подлинного документального свидетельства, касающегося какого-либо права или обязанности. Покушение на совершение указанного деяния, когда недостоверность предоставляемых виновным сведений была выявлена до внесения должностным лицом ложных сведений в подлинник свидетельства, является наказуемым в соответствии с ч. 3 ст. 157 УК. Так, оригиналом подлинного документального свидетельства может быть специальное разрешение компетентного органа государства на осуществление компанией страховой деятельности в соответствии с законодательством Японии.

Таким образом, можно сделать вывод, что преступления, связанные с обманом, в зарубежном праве, так же, как и в российском, подразделяются на обманы и подлоги. В рассмотренных законодательствах мошеннический обман не дифференцируется на отдельные его виды и охватывает любые проявления обмана, кроме подлогов.

Список литературы

1. *Гладышев Д.Ю.* Некоторые особенности уголовной ответственности за мошенничество с учетом признаков обмана как способа совершения преступления // Актуальные проблемы противодействия экономической преступности на совре-

менном этапе: Сборник статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2012. С. 79–80.

2. *Гладышев Ю.А.* Признаки обмана как способа совершения преступлений против собственности // Экономика. Право. Образование: региональный аспект: сборник научных статей. Вып. 3. Н. Новгород, 2009. С. 135–143.

3. *Уголовный кодекс Франции* / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и пред. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 648 с.

4. *Уголовный кодекс Швейцарии*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 350 с.

5. *Уголовный кодекс Швеции* / пер. с англ. / УК Швеции по состоянию на 1 мая 1999 года / науч. ред. Кузнецова Н.Ф.; ред. пер. Беляев С.С. (науч. ред.). М.: Изд-во МГУ, 2000. 167 с.

6. *Уголовный кодекс Японии* / под ред. Коробеева А.И. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 84 с.

7. *Чупрова А.Ю.* Содержание понятия «экономическая преступность» в российском и зарубежном праве // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: материалы междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во НИУ ВШЭ, 2012. с. 117.

Ижнина Л. П.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Паньшин В. И.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА КАК КОМПОНЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается понятие уголовно-процессуальной формы с различных точек зрения, а именно: зарубежной либеральной, российской дореволюционной и современной; обосновывается необходимость значения уголовно-процессуальной формы как главной гарантии достижения задач уголовного процесса и важнейшего компонента обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; уголовный процесс; уголовно-процессуальная форма; порядок и принципы; либеральный; отечественный.

Для того чтобы уголовно-процессуальная форма выступала в качестве надежного компонента обеспечения национальной безопасности, она должна формироваться не под воздействием «традиционного» (европейского) о ней представления, сложившейся в западноевропейской культуре, а учетом культурно-исторических и духовно-нравственных особенностей нашего народа. Ведь традиционное представление об уголовно-процессуальной форме сложилось посредством внедрения в уголовно-процессуальную сферу чуждой культурной традиции о форме. В деле обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства данное об-

стоятельство говорит о духовной экспансии ценностей, что является бедствием отечественного уголовного процесса.

Европеизация отечественного уголовного процесса ставит нашу уголовно-процессуальную науку в крайне невыгодное положение. Ей приходится тратить свои усилия на согласование элементов двух разнородных культур, вместо того, чтобы сосредоточить свои силы и средства на согласовании элементов однородной российской (евразийской) культуры. Невозможность сосредоточения на системообразующих концептах отечественного уголовного судопроизводства является одной из главнейших причин европеизации российской уголовно-процессуальной сферы.

Одним из системообразующих концептов уголовного судопроизводства является исследование уголовно-процессуальной формы как целостного компонента обеспечения национальной безопасности. Сложившиеся в нашей науке представления об уголовно-процессуальной форме являются результатом европеизации. Эти представления не имеют никакого отношения к особенностям менталитета и мировоззрения российского народа. Так, П.А. Лупинская пишет: «Порядок производства по делу в целом и отдельных процессуальных действий, а также требования, предъявляемые к процессуальным документам, принято называть процессуальной формой» [6, с. 57–58]. В таком подходе к пониманию уголовно-процессуальной формы, казалось бы, П.А. Лупинская исходит из того, что уголовно-процессуальная форма – это порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Однако это не так, поскольку перед началом своих рассуждений относительно уголовно-процессуальной формы данный автор пишет: «Уголовно-процессуальное право устанавливает процедуру (порядок) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производства в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений по отдельным правовым вопросам или по существу дела» [6, с.57].

Изложенные суждения П.А. Лупинской относительно уголовно-процессуальной формы дают нам основание сказать о том, что в отечественной юридической науке представления об уголовно-процессуальной форме, в значительной мере, складывались под воздействием либеральной доктрины уголовного процесса. Её положе-

ния вовсе не нашли своего закрепления даже в странах Западной Европы, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Германии. Это объяснялось практической не востребованностью либеральной доктрины уголовного процесса.

Не будем голословны и в поддержку сказанного обратимся к источнику, заслуживающему наше доверие.

В одной из немногих работ, посвященных анализу уголовного процесса западных государств, К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки и Б.А. Филимонов, рассматривая уголовный процесс Германии, обращают внимание на три нижеследующих обстоятельства.

Первое обстоятельство. В современной истории науки германского уголовного процесса его понятие определялось как процессуальное правоотношение. Оно было разработано Бюловым и Колером, которые исходили из того, что «уголовный процесс – это трехстороннее процессуальное правоотношение, субъектами которого являются обвинитель, подсудимый и суд. Между прокурором и подсудимым, выступающим в процессе сторонами, ведется спор на началах состязательности об установлении факта совершения преступного деяния, а суд, являясь арбитром в этом споре, разрешает дело по существу» [1, с. 385]. От себя добавим: эта формула уголовного процесса по своему смыслу и значению весьма близка к положениям статьи 15 УПК РФ. Согласно этой норме: 1) уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности; 2) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; 3) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; 4) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Второе обстоятельство. Концепция уголовного процесса, которая была разработана Бюловым и Колером, является либеральной теорией. На наш взгляд, её истоки весьма далеки как от духовно-нравственной основы российского, так немецкого народов. Красной нитью анализируемой теории уголовного процесса является строгая регламентация производства по уголовному делу, закрепления прав и обязанностей участников уголовного процесса. «Понятие уголовного процесса, – пишут К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки и Б.А. Филимонов, – как процессуального правоотношения оказало большое влияние на

формирование важных либерально-демократических идей, связанных с требованиями строго правового регулирования производства по уголовному делу, закрепления прав и обязанностей участников уголовного процесса, признания обвиняемого субъектом процессуальных прав, введения понятия сторон, их процессуального равенства, принципа состязательности на основе разделения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела» [1, с. 385].

Таким образом, анализируемая теоретическая концепция (понятие) уголовного процесса в качестве системообразующего компонента избрала уголовно-процессуальную форму как воплощение уголовно-процессуального права.

Третье обстоятельство. Либеральный подход к пониманию уголовного процесса, а следовательно, уголовно-процессуальной формы остался сугубо достоянием отдельных процессуалистов либерального толка. Немецкий законодатель еще в начале XX века отказался от закрепления этой либеральной доктрины в текст уголовно-процессуального закона. Вместо неё в немецкой теории уголовного процесса появилась «тенденция обоснования уголовного процесса как управляемого государственного института за счет усиления властных полномочий, ограничения прав обвиняемого и их гарантий» [1, с. 385–386].

Сопоставление изложенных обстоятельств как между собой, так и с тенденциями проводимой ныне в наше обществе уголовно-процессуальной реформы показывает, что сформированная ныне парадигма понимания уголовно-процессуальной формы своими истоками имеет либеральную парадигму мышления, для которой безразличны и безынтересны культурно-исторические и духовно-нравственные основы российского народа в уголовном процессе. В таком контексте уголовно-процессуальная форма выступает в качестве боеспособного средства обезличивания отечественного уголовного судопроизводства. Потенциально при дальнейшем воздействии на уголовно-процессуальную сферу он способен потерять человеческое лицо, а также свою духовно-нравственную основу. В таком случае закономерно возникает вопрос: может ли быть российской общностью востребован подобный уголовный процесс?

Думается, что ответ на данный вопрос может быть только отрицательным. Российским народом такой уголовный процесс не может быть востребован. Для того чтобы отечественное уголовное судопроизводство было востребовано нашим народом, необходимо на мето-

дологическом уровне произвести следующее организационное преобразование – отказаться от либеральной (гносеологической) концепции уголовно-процессуальной формы, воплощенной ныне в нашем уголовно-процессуальном законодательстве. Уголовно-процессуальная форма в нашей теории должна включать в себя все те аспекты и формы познания, которые возможны при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. В рассмотренном выше виде вполне уместно говорить и об обычном праве в качестве одного из источников уголовно-процессуальной формы.

Уголовно-процессуальная форма должна выступать в качестве действенного компонента обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства. Её действенность будет обуславливаться возрастающим потенциалом, который структурно в свой объем включать все возможные формы познания. Уголовно-процессуальная форма базово должна рассматриваться не только с позиции гносеологического (логического) мышления, а в совокупности с иными формами познания. Такой перевод в понимании уголовно-процессуальной формы позволит сформировать о ней целостное представление. Ведь тогда, когда уголовно-процессуальную форму мы рассматриваем в качестве атрибута гносеологии, обуславливающей свойственную ей модель уголовно-процессуального права, то вынуждены абстрагироваться от таких её критериев, которые ответственны за качественные критерии уголовного процесса: нравственность и духовность. Скажем прямо: гносеологическое понимание уголовно-процессуальной формы выдавливает из уголовного судопроизводства его энергию (дух), подавляет творческие начала при производстве по конкретному уголовному делу, ослабляет управленческое воздействие уголовного судопроизводства на среду функционирования, а также создает условия для активизации в уголовно-процессуальной сфере дезорганизационных процессов.

Активизация дезорганизационных процессов в уголовном процессе за счет гносеологического потенциала способно негативно сказаться на обеспечении национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства. Отсюда вполне правомерным будет суждение, согласно которому авторы настоящего исследования должны предложить свое видение решение проблемы уголовно-процессуальной формы. Со своей стороны, мы предлагаем следующее уточнение в понимании уголовно-процессуальной формы: уголовно-процессуальная форма является не формой реализации уголов-

но-процессуального права, а формой реализации уголовно-процессуальной деятельности, со свойственными ей атрибутами.

К сожалению, в отечественной теории уголовного процесса в качестве господствующей парадигмы выступает либеральная конструкция уголовно-процессуальной формы. Это обстоятельство дает нам основание сказать о том, в таком представлении уголовно-процессуальная форма выступать в качестве действенного средства обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства. Хотя формальное исследование положений, связанных с уголовно-процессуальной формой, может создать иллюзию дискуссионности по этому вопросу – однако такая дискуссионность предполагает поверхностное осмысление проблемы уголовно-процессуальной формы в качестве компонента обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства.

Подтверждением верности наших суждений являются теоретические концепты понимания уголовно-процессуальной формы, имеющие место в отечественной юридической литературе. Так, некоторые авторы понимают под уголовно-процессуальной формой совокупность условий, закрепленных процессуальным законодательством для совершения органами и должностными лицами предварительного расследования, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу тех действий, которыми они осуществляют свои права и исполняют свои обязанности [4, с. 25, 51]. Другие – рассматривают уголовно-процессуальную форму как регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 84]; третьи – в качестве установленной законом последовательности, порядка проведения следственных действий [7, с. 24]; четвертые – в «регламенте расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах» [6, с. 7]; пятые – в системе отношений, возникающей при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 13].

При всем, на первый взгляд, многообразии, суждения процессуалистов о понятии уголовно-процессуальной формы едины в одном: уголовно-процессуальная форма – это условия и порядок совершения действий и принятия процессуальных решений, установленных уголовно-процессуальным законом. А это означает, что отечественная юридическая мысль в понимании уголовно-процессуальной формы

методологически опирается на либеральную идеологию. Это создает определенные затруднения в формулировании вывода, согласно которому уголовно-процессуальная форма выступает в качестве действенного компонента обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2001.
2. *Рахунов Р.Д.* Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. Вып. 29.
3. *Рустамов Х.Ц.* Уголовный процесс. Формы. М., 1998.
4. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. Т. 1.
5. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
6. *Уголовный процесс: учебник / под ред. И.Л. Петрухина.* М., 2001.
7. *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. М., 1948.
8. *Шилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974; *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.

*Кабанов П. А.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
ИЭУП, г. Казань*

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
СОСТОЯНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ТРАВМАТИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН:
на материалах официальной статистики 2009–2013 гг.**

В статье анализируется состояние криминального травматизма в Республике Татарстан как социального негативного последствия преступности на основе материалов официальной статистики за период с 2009 по 2013 год. В результате исследования делается вывод о том, что снижение уровня преступности и криминальной виктимности в этом субъекте Российской Федерации не влияют на состояние криминального травматизма, показатели которого продолжают расти.

Ключевые слова: виктимология, криминальный травматизм, жертвы преступлений, Республика Татарстан.

Преступность – массовое социальное и правовое явление, сопровождающее человечество весь период его существования, оставляя следы своего существования не только в памяти людей, но и в официальной статистике. Негативные последствия преступности имеют множество параметров для их оценки. Среди негативных социальных последствий существования преступности в обществе особое место занимают криминальная смертность и криминальный травматизм. В той или иной степени эти качественные показатели преступности описываются в научной литературе с использованием данных официальной статистики. Если криминальная смертность относительно полно описывается отечественными специалистами, то вопросы криминального травматизма описываются значительно реже. Нам известно небольшое количество научных работ посвященных вопросам противодействию криминальному травматизму, в которых в основном описываются отечественными специалистами проблемы медицинского либо иного частного характера [7, с. 8–12; 12; 13, с. 99–102]. Вне рамок подобного рода исследований остаются вопросы статистического анализа виктимологических показателей последствий

преступности, которые имеют важное значение для оценки негативных последствий преступности. Тем более что в современной России активно разрабатывается самостоятельное направление криминальной статистики – виктимологическая статистика, позволяющая получать и использовать количественные показатели различных видов социальных последствий преступности [5, с. 28–32; 6, с. 107–112; 10, с. 25; 18, с. 77–82; 19, с. 22–24; 20, с. 83–90]. В целях устранения этого недостатка мы решили провести виктимологическое измерение последствий преступности в виде криминального травматизма в одном из регионов Российской Федерации – Республике Татарстан.

Выбор территориальных границ исследования обусловлен наличием значительного количества исследований, посвященного отдельным направлениям познания травматизма, основанных на материалах медицинской статистики этого субъекта Российской Федерации [1; 11, с. 19–22; 15, с. 36–45; 17, с. 23–32; 21, с. 178–179; 22, с. 184–193].

Хронологические границы исследования определены периодом с 2009 по 2013 год, поскольку в этот период основные количественные показатели преступности в Республике Татарстан характеризуются как устойчиво благополучные. В соответствии с официальными статистическими данными, в 2009 г. в Республике Татарстан в рассматриваемый период темпы снижения преступности составили 34,9%. Если в 2009 г. было учтено 70623 преступлений, то в 2013 г. этот показатель составил 46021. Вместе с тем в рассматриваемый нами период снизилось и количество учтенных потерпевших по уголовным делам в этом регионе. Если в 2009 г. было учтено 55701 потерпевших по уголовным делам, а в 2013 г. лишь 38055, или на 31,8% меньше. Это свидетельствует о том, что в Республике Татарстан наравне со снижением уровня преступности происходит и снижение количества жертв преступлений.

В связи с этим была выдвинута рабочая гипотеза о том, что в связи со снижением уровня преступности и уровня виктимности в Республике Татарстан должен аналогичными темпами снижаться и криминальный травматизм потерпевших как закономерное следствие.

В целях выявления основных тенденций криминального травматизма в Республике Татарстан необходимо осуществить структурный виктимологический мониторинг основных статистических показателей, характеризующих это явление.

В качестве основных методов виктимологического мониторинга криминального травматизма в Республике Татарстан мы использова-

ли статистические методы: сводку, группировку и статистический анализ, применяемые отечественными специалистами при исследовании криминальных явлений и процессов [14, с. 148 – 386]. Это позволило проанализировать полученные статистические данные о криминальном травматизме в этом регионе.

В соответствии с официальными данными, на территории Республики Татарстан за исследуемый нами период правоохранными органами были выявлены и учтены 4284 жертвы криминального травматизма, или 2,2% от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц. Среди общего количества жертв криминального травматизма лица, получившие тяжкий вред здоровью, составили 3364 человека, или 78,5%, а лица, получившие средней тяжести вред здоровью, 920 человек, или 21,5%.

В динамике количественные показатели криминального травматизма выглядит следующим образом: в 2009 г. было зарегистрировано и учтено 843 жертвы криминального травматизма, в 2010 г. – 774, в 2011 г. – 787, в 2012 г. – 849, в 2013 г. – 1031.

Безусловно, общие тенденции по рассматриваемому нами показателю отразились и на количественных показателях, характеризующих причинение тяжкого вреда несовершеннолетним и женщинам. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что общее количество несовершеннолетних, получивших тяжкий вред здоровью в рассматриваемый нами период, составило 281 человек, или 8,4% от общего количества учтенных жертв этой категории. В то же время количество женщин, получивших тяжкий вред здоровью, составило 1125 человек, или 33,4% от их общего количества. В этот же период доля жертв, получивших тяжкий вред здоровью, в общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста составила 2,9%, а женщин – 1,3%.

Статистические показатели, характеризующие количество несовершеннолетних, получивших тяжкий вред здоровью в Республике Татарстан, распределились следующим образом: в 2009 г. – 55 человек, в 2010 г. – 47, в 2011 г. – 45, в 2012 г. – 58, в 2013 г. – 76. Прирост количества учтенных несовершеннолетних жертв криминального поведения, получивших тяжкий вред здоровью, составил 27,6% и свидетельствует о неблагоприятных тенденциях преступности, нейтрализовав позитивные изменения 2010–2011 гг.

Количественные статистические показатели, характеризующие причинение преступным поведением тяжкого вреда здоровью жен-

щинам в Республике Татарстан, распределились таким образом: в 2009 г. – 243 человека, в 2010 г. – 187, в 2011 г. – 190, в 2012 г. – 238, в 2013 г. – 267. В рассматриваемый период прирост количества женщин – жертв криминального поведения, получивших тяжкий вред здоровью, составил 9%, нейтрализовав положительные показатели 2010 г., что свидетельствует о неблагоприятных тенденциях преступности.

Следовательно, статистические показатели, характеризующие количество жертв, получивших тяжкий вред здоровью, в разрезе по категориям несовершеннолетние и женщины свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях преступности в Республике Татарстан – значительном приросте количества жертв названных категорий в рассматриваемый нами период.

Не менее значимы показатели, характеризующие причинение вреда средней тяжести здоровью потерпевшим от преступлений. В исследуемый нами период в Республике Татарстан было зарегистрировано 920 жертв преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью. Среди этих жертв оказалось 40 несовершеннолетних, или 4,3% от их общего количества, и 270 женщин, или 29,3%. В общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста лица, получившие средней тяжести вред здоровью, составили 0,41%, а женщины – 0,31%.

Количественные показатели, характеризующие в динамике состояние причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшим от преступлений в Республике Татарстан, выглядят следующим образом: в 2009 г. было учтено и признано таковыми 182 человека, в 2010 г. – 179, в 2011 г. – 178, в 2012 г. – 186, в 2013 г. – 195. Заметно увеличение количества учтенных жертв данной категории на 6,7%. Эта тенденция отразилась и на показателях, характеризующих несовершеннолетних жертв преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью. Если в 2009 г. их общее количество составило 5 человек, то в 2010 г. – 7, в 2011 г. – 5, в 2012 г. – 13, в 2013 г. – 10. Двукратное увеличение количества несовершеннолетних жертв преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью, подчеркивает негативные тенденции преступности, но эти показатели не критичны для оценки состояния преступности в Республике Татарстан.

Более отчетливо тенденцию увеличения количества жертв преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью, подчеркивает стабильный рост этого показателя в Республике Татарстан среди

женщин. Так, в 2009 г. эта категория жертв преступлений составила 42 человек, в 2010 г. – 54, в 2011 г. – 56, в 2012 г. – 57, в 2013 г. – 61. Темпы прироста этого показателя, характеризующего негативные социальные последствия преступности в Республике Татарстан, составили 31,1%.

Обозначив основные показатели регионального криминального травматизма в Республике Татарстан, переходим к решению основной задачи – структурному анализу криминального травматизма в разрезе видов, вызванных совершение определенного рода (вида) преступлений. Здесь необходимо отметить, что системообразующими показателями криминального травматизма являются жертвы преступлений против жизни и здоровья и жертвы транспортных преступлений, составляющих 97,3% жертв от всех преступлений, получивших травмы в виде тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. По видовой принадлежности наиболее часто жертвами криминального травматизма становились лица, в отношении которых совершались преступления против жизни и здоровья. В рассматриваемый нами период было признано и учтено 2502 потерпевших данной группы преступлений, что составило 58,4% от общего количества жертв криминального травматизма. При этом следует отметить, что в динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2009 г. было учтено 485 жертв, в 2010 г. – 471, в 2011 г. – 487, в 2012 г. – 492, в 2013 г. – 576. Здесь отмечается тенденция увеличения количества жертв криминального травматизма от преступлений против жизни и здоровья. Темпы роста этого показателя в 2013 г. по сравнению с 2009 г. составили 15,8%. Эта тенденция просматривается как в отношении жертв данной группы преступлений, получивших тяжкий вред здоровью, так и потерпевших, получивших вред здоровью средней тяжести. Количество потерпевших, получивших тяжкий вред здоровью, в разрезе по годам выглядит следующим образом: в 2009 г. таковыми было признано 311 человек, в 2010 г. – 297, в 2011 г. – 306, в 2012 г. – 312, в 2013 г. – 384. Темпы роста криминального травматизма с причинением тяжкого вреда здоровью в 2013 г. по сравнению с 2009 г. составили 19%.

Показатели, характеризующие получение жертвами преступлений против жизни и здоровья средней тяжести вреда здоровью, в рассматриваемый нами период распределились следующим образом: в 2009 г. их было учтено 174 человека, в 2010 г. – 174, в 2011 г. – 172, в 2012 г. – 180, в 2013 г. – 192. Темпы роста этого показателя крими-

нального травматизма в 2013 г. по сравнению с 2009 г. составили 9,4%.

Значительную долю в структуре криминального травматизма занимают жертвы преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, иногда именуемых словосочетаниями «транспортный травматизм» [3, с. 133–135] либо «дорожно-транспортный травматизм» [2, с. 30–34; 4, с. 30–36; 8, с. 55–58; 16], а иногда и «травматизм на дорогах» [9, с. 282–285]. В исследуемый нами период жертвами криминального дорожно-транспортного травматизма было признано и учтено 1666 человек, что составило 38,9% от общего количества жертв криминального травматизма, из них 1660 получили тяжкий вред здоровью, а 6 – средней степени тяжести вред здоровью. Динамические изменения криминального дорожно-транспортного травматизма свидетельствуют о негативных тенденциях. Статистические данные в рассматриваемый нами период выглядят следующим образом: в 2009 г. было учтено 335 жертв криминального дорожно-транспортного травматизма, в 2010 г. – 289, в 2011 г. – 294, в 2012 г. – 335, в 2013 г. – 412. Темпы прироста жертв криминального дорожно-транспортного травматизма в 2013 г. по сравнению с 2009 г. составили 18,7%. Хотя в 2010 и 2011 гг. наблюдалось снижение криминального дорожно-транспортного травматизма по сравнению с 2009 г.

Структурный анализ криминального травматизма можно было бы и продолжить, но проделанного достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Во-первых, криминальный травматизм как негативное социальное явление не в полной мере отражается в современной виктимологической статистике, вне специального статистического учета оказываются криминальные травмы в виде получения жертвой легкого вреда здоровью. Во-вторых, снижение уровня криминальной активности и криминальной виктимности в Республике Татарстан существенным образом не повлияло на состояние криминального травматизма потерпевших от преступлений, который продолжает возрастать, в том числе и среди лиц с повышенной криминальной виктимностью (детей и женщин). В-третьих, в структуре криминального травматизма в Республике Татарстан значительную долю составляют жертвы преступлений против жизни и здоровья и жертвы криминального дорожно-транспортного травматизма. Показатели, характеризующие эти категории жертв, продолжают увеличиваться, что свидетельствует об увеличении качественного показателя степени общественной опас-

ности преступности в этом субъекте Российской Федерации и возможностях в среднесрочной перспективе ухудшения количественных показателей преступности, то есть в ближайшие несколько лет произойдет заметный рост преступности, связанной с криминальным травматизмом.

Список литературы

1. *Ахмадиева Р.Ш.* Мониторинг профилактики дорожно-транспортного травматизма в учреждениях дошкольного образования. Казань, 2010.
2. *Баширова А.Ф., Истратов А.А.* Правовое регулирование профилактики дорожно-транспортного травматизма // *Полицейская деятельность.* 2012. № 2 (8). С. 30–34.
3. *Болотников И.Ю.* Транспортный травматизм в условиях Астраханской области // *Вестник Мордовского университета.* 2008. № 2. С. 133–135.
4. *Бородина С.Г., Дедюлин Е.В., Сергеев В.В.* О тенденциях и закономерностях развития ситуации с дорожно-транспортным травматизмом в Российской Федерации // *Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов.* Вып. 12. М., 2012. С. 30–36.
5. *Глухова А.А.* Виктимологическая статистика // *Проблемы юридической науки и практики в исследованиях адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов.* – Вып. 3. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. юрид. ин-та МВД РФ, 1997. С. 28–32.
6. *Глухова А.А., Устинов В.С.* Понятие и значение виктимологической статистики // *Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина в экономической сфере: Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.* – Н. Новгород, 1998. С. 107–112.
7. *Добрынина С., Тодос А.* Криминальный травматизм // *Охранная деятельность.* 2008. № 8 (92). С. 8–12.
8. *Доржиев Б.Д., Плеханов А.Н., Поломарчук А.О., Григорьева М.З.* Детский дорожно-транспортный травматизм // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2014. Т. 12. № 1. С. 55–58.
9. *Изюмский А.А., Надирян С.Л., Санин И.С.* Основные направления профилактики детского травматизма на дорогах // *Вестник Саратовского государственного технического университета.* 2013. Т. 2. № 2 (71). С. 282–285.
10. *Квашиц В.Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М.: NOTABENE, 1999.
11. *Коломытцева О.В., Ахметшин Р.Р., Шагова И.Р.* Анализ причин и видов детского травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий // *Вестник НЦ БЖД.* 2013. № 2. С. 19–22.

12. *Колчина А.А.* Профилактика криминального травматизма среди жителей города Челябинска: методические рекомендации. Челябинск, 2006.
13. *Кузьмин Ю.Ф., Колчина А.А.* Актуальные вопросы травматизма криминального характера // *Общественное здоровье и здравоохранение.* 2008. № 1. С. 99–102.
14. *Лунеев В.В.* Юридическая статистика: учебник. 2 -е изд., перераб. и доп., с изм. М., 2007. С. 148–376.
15. *Матушанский Г.У., Юсупова А.В.* Применение статистических методов для анализа состояния травматизма в электроэнергетике // *Вестник Казанского государственного энергетического университета.* 2014. № 2 (21). С. 36–45.
16. *Медицинские и юридические основы профилактики дорожно-транспортного травматизма:* монография / под ред. А.И. Камаева. – Н. Новгород, 2013.
17. *Минниханов Р.Н., Ахмадиева Р.Ш.* Стратегия профилактики дорожно-транспортного травматизма в Республике Татарстан // *Вестник НЦ БЖД.* 2013. № 2. С. 23–32.
18. *Савюк Л.К.* О статистическом учете потерпевших от преступлений // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-ой междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 января 2009 г. М.: Проспект, 2009. С. 77–82.*
19. *Солодовников С.А.* Виктимологическая статистика в отношении «преступник–жертва» в системе криминологического анализа // *Закон и право.* 2004. № 12. С. 22–24.
20. *Харламов В.С.* Российские дети – преступники и жертвы (аспекты уголовной статистики) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба.* 2006. №2 (11). С. 83–90.
21. *Шайхутдинов И.И., Залямиев Д.Р., Ягудин Р.Х.* Травматизм и его последствия в Республике Татарстан // *Практическая медицина.* 2012. №8-2 (64). С. 178–179 и др.
22. *Шайхутдинов И.И., Ягудин Р.Х., Чернова Е.Г., Галиуллин Ф.Г., Юсупов М.Р.* Динамика травматизма и его последствий в Республике Татарстан в 2002–2011 гг. // *Практическая медицина.* 2013. № 1-2-2 (69). С. 184–193.

*Камалов Р. Н.,
адъюнкт кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

КРУПНЫЙ РАЗМЕР КАК ПРОБЛЕМНЫЙ ВОПРОС ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 141.1 УК РФ

В статье проводится анализ крупного размера в ст. 141.1 УК РФ, рассматривается проблема нарушения принципа равенства при определении крупного размера в действующей редакции указанной статьи, предлагается определение крупного размера в ст. 141.1 УК РФ.

Ключевые слова: избирательное право; крупный размер; нарушение порядка финансирования избирательной кампании.

Формирование представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления посредством свободных демократических выборов является одной из важнейших задач Российской Федерации на современном этапе исторического развития. При этом в проведении выборов вопрос финансирования избирательных кампаний всегда играл одну из ключевых ролей.

В уголовном законодательстве ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании предусмотрена ст. 141.1 УК РФ.

Анализ статистических данных за 2011–2015 гг. показал, что ст. 141.1 УК РФ неэффективна. В 2011 г. было возбуждено 2 уголовных дела по указанной статье УК РФ, и передано в суд только одно уголовное дело за нарушение порядка финансирования избирательной кампании. Однако и оно было приостановлено по пунктам 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Другое уголовное дело в 2012 г. прекращено по основаниям, указанным в п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В последующие годы преступления, предусмотренные ст. 141.1 УК РФ, на всей территории Российской Федерации не выявлялись. Неэффективность нормы ст. 141.1 УК РФ вызвана, прежде всего, размером инкриминируемой суммы крупного размера.

В соответствии с Примечанием к ст. 141.1 УК РФ крупным размером признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод

имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответственно кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах на момент совершения деяния, предусмотренного настоящей статьёй, но при этом составляют не менее одного миллиона рублей.

Наличие признака «в крупном размере» практически невозможно доказать, то есть незаконное финансирование имеет место быть, но возбудить уголовное дело и довести дело до суда представляется крайне затруднительным. В большинстве случаев все нарушения порядка финансирования избирательных кампаний охватываются административным законодательством, по которому наказание не столь адекватно совершенному правонарушению.

Анализ объемов расходов за счет средств избирательных фондов на региональных и местных выборах показал, что допустить превышение расходов, которое содержало бы в себе признаки указанного преступления, крайне затруднительно. Так, например, в соответствии с п. 5 ст. 60 Закона Томской области от 12 июля 2006 г. № 147-ОЗ (ред. от 12.03.2015 г.) «О выборах депутатов Законодательной Думы Томской области» предельная сумма расходов кандидата за счет средств его избирательного фонда не может превышать 6 миллионов рублей, где сумма добровольных пожертвований юридических лиц не может превышать 600 тысяч рублей, физических лиц – 60 тысяч рублей. Поэтому большинство нарушений финансирования избирательной кампании остаются за рамками уголовно-правовой превенции. В этой связи С.В. Кисельникова и М.И. Кузнецов предлагают исключить из ч. 1 ст. 141.1 УК РФ понятие «крупный размер» и указать его в качестве квалифицирующего признака [1]. На наш взгляд, данная позиция несколько некорректна, так как именно «крупный размер» является признаком объективной стороны данного преступления, без которого оно не будет являться таковым.

Интересна позиция Т.Н. Елисейевой об отмене нижней границы крупного размера в ст. 141.1 УК РФ [2]. Но, на наш взгляд, это не будет способствовать решению проблемы, а только нарушит принцип законности, так как границы преступного будут устанавливаться не законом, а конкретным правоприменителем, который будет апеллировать величиной избирательного фонда. Кроме того, будет нарушен принцип равенства, когда к уголовной ответственности может быть привлечено

лицо, допустившее, к примеру, использование помимо средств избирательного фонда финансовой поддержки в размере 100 тысяч рублей, в то время как действия лица, использовавшего на те же цели 5 млн рублей, не будут являться уголовно наказуемыми, так как это позволяет величина его избирательного фонда.

Н.Ю. Турищева предлагает нижнюю границу крупного размера в ст. 141.1 УК РФ установить в размере 250 тысяч рублей, с учетом определения крупного размера, приведенного в ч. 4 ст. 158 УК РФ [3]. Данная поправка позволяет ввести в сферу уголовно наказуемых деяний те нарушения порядка финансирования избирательных кампаний, которые чаще всего допускаются на региональном и местном уровнях. Вместе с тем, Н.Ю. Турищева в своей редакции примечания оставляет одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда, превышение которой влечет наступление уголовно-правовых последствий. По нашему мнению, это также не будет эффективно способствовать решению проблемы, так как между кандидатами будет оставаться большая пропасть, выраженная в величине избирательного фонда. В свою очередь это также нарушает принцип равенства.

В данном случае стоит согласиться с мнением М.М. Какителашвили, который указывает на необходимость уменьшения суммы денежных средств, превышение которой рассматривается законодателем как «крупный размер», в сторону его ужесточения [4].

В соответствии с п. 7 ст. 76 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», предусматривается отмена регистрации кандидата в случаях использования им денежных средств помимо избирательного фонда свыше 5 процентов от предельного размера расходования средств избирательного фонда, или превышения предельного размера расходования средств избирательного фонда более чем на 5 процентов.

На наш взгляд, целесообразно снизить границу предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда, превышение которой влечет наступление уголовно-правовых последствий, что, конечно, не будет в полном объеме способствовать соблюдению принципа равенства, но в то же время, значительно уменьшит между кандидатами пропасть, выраженную в величине избирательного фонда. Предлагаем изложить примечание к ст. 141.1 УК РФ в следующей редакции: «Крупным размером в настоящей статье признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, кото-

рые превышают 5 процентов предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответственно кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах на момент совершения деяния, предусмотренного настоящей статьей, но при этом составляют не менее двухсот пятидесяти тысяч рублей».

Список литературы

1. *Кисельникова С.В., Кузнецов М.И.* Финансовые нарушения в избирательной кампании кандидатов на выборные должности в Российской Федерации. // *Моя законотворческая инициатива: сборник тезисов работ участников Всерос. конкурса молодежи образоват. учреждений и науч. орг. на лучшую работу / Государственная Дума ФС РФ, НС «Интеграция».* М., 2006. С. 142.

2. *Елисеева Т.Н.* Уголовно-правовая защита избирательных прав граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М, 2004. С. 133.

3. *Турищева Н.Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме: уголовно-правовой анализ и перспективы совершенствования законодательного описания: по материалам Краснодарского края: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 103.

4. *Какителашвили М.М.* Финансирование избирательных кампаний и уголовная ответственность за его нарушения // *Криминологическая ситуация и реагирование на нее.* Российская криминологическая ассоциация. Москва. 2014. С. 83.

*Круглова Д. В.,
преподаватель кафедры
предварительного расследования,
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ЭМАНСИПАЦИЯ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ И (ИЛИ) С УЧАСТИЕМ ЭМАНСИПИРОВАННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В статье рассматривается вопрос порядка производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних лиц, объявленных в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством РФ полностью дееспособными. Говорится о правовых последствиях в уголовном процессе в связи с эмансипацией.

Ключевые слова: эмансипация несовершеннолетних; участие несовершеннолетних в уголовном процессе; правовые последствия эмансипации.

В настоящее время все чаще преступления совершаются несовершеннолетними лицами, как совместно со взрослыми, так и со сверстниками. Законодатель определил особый подход к порядку производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего и к назначению наказания несовершеннолетнему за содеянное.

Необходимость особого порядка уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних обусловлена тем, что в большинстве случаев направить несовершеннолетнего на путь неукоснительного соблюдения уголовного законодательства РФ возможно путем применения к ним более мягких и специальных мер воздействия. Данное обстоятельство обусловлено развивающейся, не имеющей четких очертаний и полностью не сформированной психики несовершеннолетнего. Но в каждом отдельном случае обязательно должны быть подробно исследованы и установлены как уровень физического и психического развития подростка, так и его условия жизни, воспитания. Это необходимо для того, чтобы не допустить излишней наказуемости или наоборот, крайней снисходительности по отношению к несовершеннолетнему.

В современных условиях актуальным остается борьба с преступностью несовершеннолетних. При этом возникает вопрос, а каков по-

рядок производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего либо с участием несовершеннолетнего, объявленного эмансипированным?

В российском гражданском праве с 1994 года существует понятие и такой правовой институт, как эмансипация.

Эмансипация (от *лат.* emancipatio) – объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным.

При эмансипации несовершеннолетнее лицо, достигшее 16 лет, приобретает полную гражданскую дееспособность, т.е. способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности в полном объеме. По общему правилу в соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса РФ полная гражданская дееспособность возникает с наступлением совершеннолетия, а именно по достижении 18 лет.

Решение об объявлении несовершеннолетнего эмансипированным, в соответствии с п. 1 ст. 27 Гражданского кодекса РФ, принимается органами опеки и попечительства или судом.

Основной целью эмансипации является возможность несовершеннолетнего совершать гражданско-правовые сделки без согласия законного представителя.

По нашему мнению, не стоит ставить знак равенства между субъектом гражданского права и субъектом уголовно-процессуального права. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ» при рассмотрении гражданского дела, одной из сторон в котором является несовершеннолетний, объявленный в соответствии со статьей 27 ГК эмансипированным, необходимо учитывать, что такой несовершеннолетний обладает в полном объеме гражданскими правами и исполняет обязанности (в том числе самостоятельно отвечает по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда), за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз (например, статья 13 Закона Российской Федерации «Об оружии», статья 19 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе»). Исходя из положений части третьей статьи 55 Конституции Российской Федерации, такое ограничение прав и свобод является допустимым [6].

Согласно ст. 420 УПК РФ, требования главы 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет.

Кроме того, в положениях ст.ст. 45, 191 УПК РФ указаны возрастные цензы, обуславливающие участие законного представителя, адвоката, педагога и психолога при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего, а также ограничения продолжительности следственных действий и применения видеозаписи в ходе следственных действий с участием указанных лиц.

На основании этого можно сделать вывод, что решение об объявлении несовершеннолетнего лица дееспособным не признает его совершеннолетним лицом и не лишает его тех прав и гарантий, предусмотренных уголовно-правовым законом для несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, потерпевших и по уголовным делам в отношении и с участием эмансипированного несовершеннолетнего лица, применяется особый порядок уголовного судопроизводства.

Несмотря на это, в нормативно-правовых актах РФ существуют некоторые особенности. Так, обязанность по возмещению вреда, причиненного эмансипированным несовершеннолетним в результате преступных действий и издержек по правилам ст. 1074 ГК РФ не может быть возложена на их законных представителей. Согласно ст. 51 Федерального закона РФ от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», эмансипированный несовершеннолетний при принудительном исполнении судебного акта осуществляет свои права и исполняет обязанности самостоятельно.

При анализе правовых последствий эмансипации можно сделать вывод о том, что с эмансипацией связаны лишь изменения в отдельных гражданских правоотношениях несовершеннолетнего, в остальном он продолжает оставаться ребенком – лицом, не достигшим совершеннолетия, и обладает всеми связанными с этим правами, в частности на правовой статус эмансипированного несовершеннолетнего распространяются нормы ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Нормы института эмансипации недостаточны для урегулирования всех проблем, возникающих на практике, в связи с этим при разрешении вопроса о наделении эмансипированных граждан теми или иными

правами совершеннолетних лиц целесообразно решать, исходя из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, т.е. с учетом вероятности того, приведет ли обладание данным правом несовершеннолетними гражданами к нарушению основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц.

Таким образом, при производстве предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, объявленных в соответствии с гражданским законодательством РФ эмансипированными, применяется особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный УПК РФ для лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет, независимо от объема гражданской дееспособности. И на несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, являющихся эмансипированными, распространяются все процессуальные гарантии, предусмотренные УПК РФ для лиц, не достигших возраста 18 лет.

Список литературы

1. Букишина С. Эмансипация: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 1999. №№ 7, 8.
2. Гражданский кодекс РФ // М.: Эксмо, 2014. С. 624.
3. Гражданское право. Ч. 1. // под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгалю, В.А. Плетнева. М., 1998.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / ответ. ред. О.Н. Садилов. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА*М, 1997.
5. Конституция РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Постановление Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ // М.: Омега-Л, 2015. С. 246.
8. Федеральный закон РФ от 24.07.1998 N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. С. 3802.
9. Федеральный закон РФ от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

*Кузнецов А. П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
НИМБ, г. Нижний Новгород*

УКЛОНЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В представленной статье раскрыты особенности уголовной ответственности за уклонение административного надзора. Освещаются наиболее проблемные вопросы, связанные с административным надзором на основании материалов судебной практики РФ.

Ключевые слова: административный надзор, уголовная ответственность за административный надзор.

Институт специального административного надзора впервые был введен указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1966 года, утвердившим «Положение об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы». Согласно данному Положению органы внутренних дел устанавливали административный надзор за лицами, отбывшими наказания и возвратившимися из мест лишения свободы и подпадающими под действие административного надзора. Решение об установлении административного надзора, то есть введение ограничений лицам, принимал руководитель органов внутренних дел, которое санкционировалось прокурором. Вместе с тем привлечения к ответственности за нарушение правил надзора и ограничений относились к компетенции судебных органов.

Так, согласно статье 3 указанного Положения лицо за нарушение правил надзора и ограничений привлекалось к административной ответственности. Однако если лицо, состоящее под административным надзором, в течение года совершало три правонарушения и за два первых было судом привлечено к административной ответственности, то совершение третьего правонарушения служило основанием для возбуждения уголовного дела, и данное лицо могло быть привле-

чено уже к уголовной ответственности и подвергнуто наказанию в виде лишения свободы до 2 лет.

Институт административного надзора считался одним из наиболее эффективных инструментов профилактики рецидивной преступности. Однако несмотря на это, Федеральным законом № 4901-1 от 29 апреля 1993 года «О внесении изменений в УК РСФСР, УПК РСФСР и ИТК РСФСР» данный правовой регулятор был исключен из уголовного законодательства, что не могло не сказаться на росте рецидивной преступности.

Законодатель Федеральным законом № 66-ФЗ от 6 апреля 2011 года дополнил УК РФ ст. 314¹ *«Уклонение от административного надзора» и предусмотрел ответственность за «неприбытие без уважительной причины лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному месту жительства или пребывания в определенной администрации исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление данным лицом места жительства или пребывания, совершенное в целях уклонения от административного надзора».*

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что в результате его совершения нарушается нормальная законодательная регламентированная деятельность системы правосудия, содействующих органов снижается эффективность их функционирования.

Установление административного надзора регламентируется: Федеральным законом № 64-ФЗ от 6 апреля 2011 года «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; Уголовно-исполнительным кодексом РФ (ст. 173); приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации № 818 от 8 июля 2011 года.

Объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется двумя альтернативными деяниями: а) неприбытие без уважительной причины лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному месту жительства или пребывания в определенной администрации исправительного учреждения срок; б) а равно само-

вольное оставление данным лицом места жительства или пребывания, совершенное в целях уклонения от административного надзора.

Под административным надзором понимается осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнение им обязанностей, предусмотренных Федеральным законом об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Административный надзор устанавливается для предупреждения совершения лицами преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Таким образом, законодатель путем установления административного надзора создал действенный эффективный механизм, направленный на предупреждение преступности в государстве.

В соответствии с указанными нормативными актами административный надзор устанавливается при наличии следующих оснований: в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего; в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную или неснятую судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступлений при опасном и особо опасном рецидиве преступлений; в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающей вменяемости; в отношении лица, в период отбывания наказания в местах лишения свободы которое признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказаний; в отношении лица, отбывшего уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, совершающего в течение одного года два и более административных правонарушений против порядка управления и (или) админи-

стративных правонарушений, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Административный надзор устанавливается по решению суда сроком от одного до трех лет с установлением административных ограничений в виде запрещения пребывания в определенных местах, запрещения посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в них, запрещения пребывания вне жилого и иного помещения, являющегося местом жительства, либо пребывания в определенное время суток, запрещения выезда за установленные судом пределы территории, обязательной явки от одного до четырех раз в месяц в органы внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

Под неприбытием необходимо понимать неявку без уважительной причины лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок целью уклонения от административного надзора.

Самовольное оставление – совершение действий без разрешения, произвольно по собственному усмотрению лицом места жительства или пребывания, совершенное в целях уклонения от административного надзора.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является наличие реальной возможности выполнить соответствующие предписания. В случае неприбытия поднадзорного лица к месту жительства или пребывания, оставление им места жительства или пребывания в силу объективных уважительных причин обстоятельств, не зависящих от его сознания и воли (болезнь, стихийное бедствие, социальные конфликты, отсутствие сообщения, нарушение графика движения транспорта), состав данного преступления отсутствует.

Состав преступления, предусмотренного статьей 314¹ УК РФ, относится к разряду формальных и считается оконченным с момента совершения указанных в диспозиции деяний.

Федеральным законом № 514-ФЗ от 31 декабря 2014 г. законодатель ввел в ст. 314¹ УК РФ часть вторую, в которой предусмотрел обстоятельство, отягчающее ответственность, а именно квалифицирующий признак «неоднократное несоблюдение лицом, в отношении

которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

В соответствии с примечанием к ст. 314¹ УК РФ под неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Исходя из законодательной фабулы примечания, на практике может возникнуть такая ситуация, при которой лицо за первое правонарушение было подвергнуто административному наказанию в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ и после этого в течение одного года вновь совершило правонарушение. В этой связи его действие следует рассматривать как правонарушение: лицо совершает однократное действие, предусмотренное одной статьей и в соответствии с устоявшимися положениями в уголовно-правовой доктрине, подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ.

На первый взгляд здесь не возникает никаких проблем, но исследование административно-правовых норм показывает, что проблемы все же имеются. Если принять во внимание положения (а их необходимо не только иметь в виду, но и руководствоваться ими) п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, привлечение к уголовной ответственности в данном случае невозможно исходя из законодательной фабулы. Однако согласно указанной статье повторное совершение однократного административного нарушения признается обстоятельством, отягчающим административную ответственность, если за совершение первого ад-

министративного правонарушения лицо уже подвергалось административному наказанию, по которому не истек срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Руководствуясь важнейшим уголовно-правовым принципом – принципом экономии уголовно-правовой репрессии в случае повторного нарушения административного надзора приоритет должен отдаваться административному законодательству. Уголовно-правовая норма не может применяться к лицу, совершившему деяние, до тех пор, пока не будет исчерпан в полном объеме правовой потенциал, установленный в норме административного законодательства [1, с. 114]. Однако в нарушение юридико-технических правил и сложившимися в уголовно-правовой доктрине положениями законодатель в примечании установил правило, согласно которому лицо будет привлекаться к уголовной ответственности при и наличии совершения им административного правонарушения при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния два раза в течение одного года.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Поднадзорное лицо осознает, что не прибывает без уважительной причины при освобождении из мест лишения свободы, к избранному месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольно оставляет место жительства или пребывания, в целях уклонения от административного надзора и желает совершить подобные действия. Обязательным признаком субъективной стороны является цель – уклониться от административного надзора.

Субъект преступления специальный, лицо, достигшее восемнадцати лет, освободившееся из мест лишения свободы и находящееся под административным надзором.

По ч. 1 ст. 314¹ УК РФ назначается наказание в виде обязательных работ на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на срок до одного года. По ч. 2 ст. 314¹ УК РФ лицо подлежит ответственности в виде штрафа в размере до шестидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года,

либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Список литературы

1. *Кузнецов А.П.* Глава IV. Коллизии в уголовном законодательстве: понятие, виды, пути разрешения // *Актуальные проблемы уголовного права: монография* / А.П. Кузнецов, М.П. Пронина, В.Н. Сизова, М.В. Степанов. Н. Новгород, 2014. С. 144.

*Кузнецова А. А.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ЖУРНАЛИСТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

В статье анализируются проблемы использования показаний журналиста в уголовно-процессуальном доказывании, которые, по мнению автора, связаны с пробелами в правовом регулировании «журналистской тайны». Предлагается внести изменения в УПК, позволяющие использовать в уголовном процессе показания журналиста, отказывающегося назвать источник своей осведомленности, в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, распространённое в СМИ; показания журналиста; «журналистская тайна»; показания «с чужих» слов.

В ч. 2. ст. 144 УПК установлен особый порядок проведения проверки по сообщению о преступлении, распространённому в СМИ. Данную проверку проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

В ходе доследственной проверки по сообщению о преступлении, распространённому в СМИ, у следователя (дознателя) неизбежно возникает необходимость в получении объяснения у журналиста, распространившего в СМИ информацию о преступлении. Изменениями, внесенными ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ [7], законодатель признал допустимым использование полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств, при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК (ч. 1.2 ст. 144 УПК). Таким образом, объяснение журналиста, полученное в соответствии с

требованиями ст. 75 и 89 УПК, следует признать полноценным доказательством в уголовном судопроизводстве. По возбужденному уголовному делу журналист может быть допрошен в качества свидетеля. Для того чтобы полученным на предварительном расследовании показаниям журналиста был придан статус доказательств, они также должны удовлетворять всем требованиям, которые предъявляются к последним, действующим уголовно-процессуальным законом.

Вместе с тем, комплексный анализ норм уголовно-процессуального закона и норм Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 (далее – Закон «О СМИ») обнаруживает ряд проблем, связанных с использованием показаний журналиста в уголовно-процессуальном доказывании. Так, в ст. 41 Закона «О СМИ» сформулировано правило, согласно которому редакция обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случая, когда соответствующее требование поступило от суда в связи с находящимся в его производстве делом. Как известно, показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, являются недопустимыми доказательствами (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК). Журналист при даче показаний о распространенном им в СМИ сообщении о преступлении вправе сослаться на ст. 41 Закона «О СМИ» и отказаться назвать источник своей осведомленности. В таком случае, согласно букве закона, данные показания не могут использоваться в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Получается противоречие: с одной стороны, имеется сообщение о преступлении, по которому необходимо провести проверку и принять соответствующее процессуальное решение, с другой стороны, закон ограничивает круг средств, необходимых для проведения данной проверки, которые по замыслу законодателя призваны обеспечить конфиденциальность источника, предоставившего в СМИ сведения.

Как было нами отмечено, согласно ст. 41 Закона «О СМИ» право на конфиденциальность информации может быть ограничено только по требованию суда, причем когда такое требование поступило **в связи с находящимся в его производстве делом**. В п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации

«О средствах массовой информации» сказано, что суд на любой стадии судебного производства по делу вправе потребовать от соответствующей редакции предоставить сведения об источнике информации, если исчерпаны все иные возможности для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, и общественный интерес в раскрытии источника информации явно перевешивает общественный интерес в сохранении его тайны. Таким образом, законодательством не предусмотрено ограничение «журналистской тайны» в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Соответственно у следователя (дознателя) нет правовых механизмов для получения информации об источнике осведомленности журналиста в ходе предварительного расследования. По правильному замечанию Е.И. Замылина, требование ст. 41 Закона «О СМИ» не распространяется на случаи, когда уголовное дело не может быть передано в суд в связи с неполнотой расследования. Без проведения отдельных следственных действий с участием источника, от которого поступила информация, следователь довольно часто не может принять окончательное решение по делу [2]. Поэтому, перед наукой стоят вопросы о возможностях ограничения «журналистской тайны» на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые мы штрихами рассмотрим далее.

Вопрос о границах применения института «журналистской тайны» в уголовном судопроизводстве в науке решается неоднозначно. Так В.В. Шипицина пишет, что «предоставление законом права отдельным категориям граждан отказаться от предоставления важной для проверки сообщения о преступлении информации мы считаем не соответствующим общим целям и задачам уголовного судопроизводства», «воспрепятствование проверочным действиям в данном случае недопустимо... условие конфиденциальности предоставления информации не может служить основанием для отказа в предоставлении сведений о первоисточнике» [8, с. 11].

Е.Н. Козиллов также критикует положения ч. 2 ст. 144 УПК, обосновывая свою критику следующими обстоятельствами. Во-первых, как пишет автор, в данном же случае остается возможность для проявления произвола со стороны конкретного лица или группы лиц (редакции), которая (редакция – прим. А.К.) не является субъектом уголовно-правовых отношений в отношении личности, поскольку ни главный редактор СМИ, ни иные сотрудники редакции не будут нести ответственности за заведомо ложный донос, который фактиче-

ски может иметь место в данном случае [3, с. 24]. Поэтому, по мнению Е.Н. Козилова, «открывается широкий простор для распространения различного рода заведомо ложных, клеветнических сообщений, что по большому счету и наблюдается в последние годы» [3, с. 24].

Во-вторых, как пишет Е.Н. Козиллов, подобные сообщения мало чем отличаются от анонимного заявления, так как определить конкретный источник сведений о преступлении невозможно в силу конкретного указания в законе: этой новеллой не предусматривается обязанность редакции средства массовой информации предоставить сведения об источнике информации даже по требованию суда в связи с находящимся в его производстве делом, как это предусмотрено ст. 41 Закона РФ «О средствах массовой информации» [3].

На коллизию отдельных норм Закона «О СМИ» и УПК обращает внимание и ряд других авторов. Как пишут В.А. Тимошенко и А.Б. Смушкин, редакция может раскрыть источник информации и назвать имя автора, предоставившего информацию только по запросу суда, однако для периода предварительного расследования подобного правила не предусмотрено [5]. Получается, что редактор не имеет права раскрывать следователю источник информации, передавший ее с условием сохранения в тайне, но соответствующего свидетельского иммунитета не предусмотрено ни самим Законом «О СМИ», ни УПК и при отказе предоставить информацию следователю, если редактор привлечен в качестве свидетеля, на него может быть возложена уголовная ответственность по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний [5].

Ф.Г. Григорьев, напротив, считает, что УПК РФ недостаточно охраняет журналистскую тайну при допросе журналиста в качестве свидетеля. Как пишет автор, «интересы установления истины по уголовному делу, доказывания обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, уголовно-процессуальным законом поставлены в приоритетное положение по отношению к праву каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ)» [1]. По мнению Ф.Г. Григорьева, вопрос о раскрытии источника информации может быть рассмотрен только судом и только в ходе судебного следствия по ходатайству сторон либо по собственной инициативе. На досудебных стадиях вопрос о раскрытии данных о лице – источнике информации перед судом поставлен быть не может [1].

Таким образом, наблюдается конкуренция двух интересов: интересы уголовного судопроизводства, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступлений, изобличение виновных в их совершении, и интересы средств массовой информации, направленные на сохранение в тайне источника, предоставившего информацию. За законодателем остаётся выбор, какой из интересов находится в приоритете.

Стоит отметить, что ограничения, налагаемые п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК касаются не только использования в уголовном процессе показаний журналиста. Данная проблема остро стоит при решении вопроса об использовании в доказывании результатов ОРД, полученных от конфиденциальных лиц. Как пишет В.В. Терехин, в вопросе проверки и оценки допустимости доказательств именно известность происхождения сведений (известность источника) становится главным фактором разрешения проблематики доказательственного значения результатов оперативно-разыскной деятельности [4, с. 176].

Указанные проблемы можно подвести под общий знаменатель, и рассматривать в контексте проблем использования в уголовном судопроизводстве так называемых «показаний с чужих слов». Отечественный уголовный процесс запрещает использовать показания, основанные на «догадке, предположении, слухе», поэтому будет полезным обратиться к зарубежному опыту.

Так, в английском уголовном процессе показания «по слуху» (hearsay), как правило, считаются недопустимыми: «за исключением некоторых случаев, утверждение, устное или письменное, сделанное лицом, не вызванным в качестве свидетеля, не допускается для доказывания истинности содержания этого утверждения» [6, с. 162]. Одним из основных возражений против свидетельства «по слуху» в английском уголовном процессе является «необходимость гарантий при перекрёстном допросе», поэтому «в тех случаях, когда перекрёстный допрос оказывался возможным, такие показания допускались охотнее» [6, с. 162].

Согласно Правилу 802 Федеральных правил о доказательствах США показания с чужих слов являются недопустимыми, «если иное не предусмотрено настоящими правилами или иными правилами, принимаемыми Верховным Судом в соответствии с его нормотворческой компетенцией, а также актами Конгресса». Ряд исключений, предусмотренные правилами 803, 804, допускают в некоторых случаях использовать показания «с чужих слов». Кроме этого, в Правиле

807 сказано, что «заявление, не охватываемое явно Правилами 803 и 804, но имеющее аналогичные обстоятельственные гарантии достоверности, не исключается на основании правила об исключении доказательств с чужих слов, если суд определит, что (А) это заявление представлено как доказательство материального факта; (В) это заявление более доказательно по вопросу, по которому оно представлено, нежели любое другое доказательство, которое представляющий может добыть посредством разумных усилий; и (С) общие цели настоящих правил и интересы правосудия будут достигнуты в более полной мере допуском этого заявления в качестве доказательства. Однако заявление не может быть допущено согласно этому исключению из правила, если представляющий его не даст знать противоположной стороне в достаточной мере заблаговременно до судебного производства или слушания о своем намерении представить это заявление и его особенностях, включая имя и адрес заявителя, чтобы предоставить этой стороне справедливую возможность подготовиться к исследованию данного доказательства».

В большинстве стран СНГ, как и в отечественном уголовном судопроизводстве, запрещается использование доказательств «с чужих слов». Так, в п. 6 ст. 94 УПК Республики Молдовы сказано, что при производстве по уголовному делу не могут быть допущены в качестве доказательств и, следовательно, исключаются из дела, данные, полученные из источника, проверить который в судебном заседании невозможно. В соответствии со ст. 125 УПК Азербайджана сведения, документы и другие вещи могут быть приняты в виде доказательств при отсутствии сомнений в их действительности, источнике образования и обстоятельствах получения. Недопустимо принятие в виде доказательств по уголовному делу сведений, документов и вещей, полученных от неизвестного лица в судебном заседании либо не установленного в нем источника.

По УПК Грузии 2010 г. показания свидетеля не могут служить доказательством, если свидетель не укажет источника представленной информации (ст. 75). Вместе с тем в ст. 76 грузинского УПК предусмотрена норма о косвенных доказательствах. Так, в статье сказано, что косвенными являются показания свидетеля, основывающиеся на информации, распространяемой другим лицом. Косвенные показания допускаются только в случае указания лицом, дающим косвенные показания, источника информации, идентификация и проверка реального существования которого представляются возможными.

Косвенные показания в ходе судебного рассмотрения дела по существу являются допустимыми доказательствами, если они подтверждаются другими доказательствами, не являющимися косвенными показаниями.

Прогрессивным на этот счет является новый УПК Украины, принятый в 2012 г. В кодексе законодателем Украины предусмотрена отдельная статья, посвященная использованию показаний «с чужих слов» в уголовном судопроизводстве Украины. Так в соответствии со ст. 97 УПК Украины суд имеет право признать допустимым доказательством показание с чужих слов независимо от возможности допросить лицо, которое предоставило первичные объяснения, в исключительных случаях, если такие показания являются допустимым доказательством согласно другим правилам допустимости доказательств. При принятии этого решения суд обязан учитывать: 1) значение объяснений и показаний, в случае их правдивости, для выяснения определенного обстоятельства и их важность для понимания других сведений; 2) другие доказательства относительно вопросов, предусмотренных пунктом 1 этой части, которые подавались или могут быть поданы; 3) обстоятельства предоставления первичных объяснений, которые вызывают доверие относительно их достоверности; 4) убедительность сведений относительно факта предоставления первичных объяснений; 5) сложность опровержения объяснений, показаний с чужих слов для стороны, против которой они направлены; 6) соотношение показаний с чужих слов с интересами лица, которое предоставило эти показания; 7) возможность допроса лица, которое предоставило первичные объяснения, или причины невозможности такого допроса.

Суд может признать доказательствами показания с чужих слов, если стороны соглашаются признать их доказательствами, а также в случае, если подозреваемый, обвиняемый создал или способствовал созданию обстоятельств, при которых лицо не может быть допрошено. Кроме этого показания с чужих слов должны подтверждаться другими доказательствами, признанными допустимыми.

Отдельные положения нового УПК Украины мы находим интересными. Вполне возможно, что и отечественный законодатель в перспективе воспользуется опытом украинских реформаторов. Вместе с тем, думается, что говорить о серьезных изменениях пока преждевременно. Указанные нормы еще нуждаются в глубоком анализе и осмыслении. Вместе с тем на повестке дня стоит вопрос об использо-

вании показаний журналиста, при сохранении за ним права не разглашать источник своей осведомленности.

В ближайшей перспективе мы предлагаем следующие изменения законодательства. Во-первых, в УПК необходимо включить норму о журналистском иммунитете, как это сделано, например, в УПК Германии, Грузии. Во-вторых, в УПК должно быть сформулировано правило о том, что журналистский иммунитет может быть ограничен по судебному решению на любой стадии уголовного судопроизводства. В-третьих, в случае принятия решения судьей, обязывающего раскрыть источник, предоставившего журналисту информацию, то к лицу, сведения о котором подлежат раскрытию, должны применяться меры безопасности, предусмотренными УПК (допрос под псевдонимом, допрос, исключающий визуальное наблюдение лица и т.д.) Это ряд немногих изменений так называемого «терапевтического характера», которые предлагается внести для решения некоторых проблем, связанных с использованием показаний журналиста в уголовном процессе.

Список литературы

1. *Григорьев Ф.Г.* Журналистская тайна и проблемы ее обеспечения при производстве по уголовным делам [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2007. № 3. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

2. *Замылин Е.И.* Средства массовой информации и их роль в обеспечении безопасности участников уголовного процесса (позитивные и негативные моменты) [Электронный ресурс] // Общество и право. 2009. № 1. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

3. *Козилев Е.Н.* Поводы к возбуждению уголовного дела: юридическая природа, система, пути совершенствования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 23–25.

4. *Терехин В.В.* К вопросу о допустимости показаний в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России 2014. № 1 (25). С. 176–177.

5. *Тимошенко В.А., Смушкин А.Б.* Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

6. *Уилшир А.М.* Уголовный процесс. М.: Иностран. лит., 1947. 254 с.

7. *Федеральный закон РФ* от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

8. *Шипицина В.В.* Сообщение о преступлении в СМИ: процессуальное значение и способы проверки // *Российский следователь*. 2009. № 5. С. 10–12.

*Кузнецова И. А.,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕ РЫНКОМ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье проведен анализ норм международного законодательства, регулирующих отношения в сфере деятельности финансовых рынков, а также норм, предусматривающих уголовную ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком.

Ключевые слова: инсайдерская информация; манипулирование рынком; финансовый рынок; директива; уголовная ответственность.

Торговля с использованием конфиденциальной информации специального вида (инсайдерской информации), наряду с мошенническими операциями, относится к числу самых серьезных нарушений на мировых финансовых рынках. Так, в развитых странах уже давно достигнуто понимание того, что манипулирование на финансовом рынке нарушает не только принципы свободной торговли ценными бумагами, но и справедливый механизм ценообразования, что не позволяет добросовестным инвесторам квалифицированно принимать решения, тем самым наносит им ущерб, подрывая основы существования важнейшей составляющей всей рыночной экономики. Разработка нормативных правовых актов в указанной сфере и формирование практики их применения имеют решающее значение для борьбы с манипулированием информацией на рынках, что подтверждает не только российский, но и зарубежный опыт.

Уголовное законодательство почти всех зарубежных стран содержит специальные правовые нормы, предусматривающие ответственность за неправомерное использование такой информации и манипулирование ценами на рынке ценных бумаг, анализ которых позволил прийти к выводу, что законодательные меры для борьбы

с инсайдерскими сделками и манипулированием на финансовых рынках объединены в единую систему, регулирование этих вопросов осуществляется едиными методами и рассматривается в одном пакете законодательных актов.

Наказание, назначаемое за совершение подобного рода противоправных деяний, достаточно суровое, в ряде стран, например, в США и Великобритании, помимо штрафов, может быть назначено тюремное заключение сроком до 7–10 лет. При этом существуют различные мнения и позиции относительно вопроса о необходимости государственного вмешательства в деятельность финансовых рынков. Однако по вопросу о необходимости жестко пресекать все виды мошеннических действий на финансовых рынках все единодушны.

Необходимо отметить, что проблема неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования существует как для финансовых, так и для товарных рынков, однако правовое регулирование в сфере противодействия указанным нарушениям изначально складывалось применительно к рынку финансовому, в частности, к такому его сегменту, как фондовый рынок. Повышенное внимание законодателей именно к этому рынку неслучайно, так как фондовый рынок является наиболее привлекательным для нарушителей в силу низких временных и финансовых издержек, удобства совершения операций, разнообразия финансовых инструментов и т.д. [3, с. 11]. И хотя в настоящее время действие норм, посвященных неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, начинает распространяться также и на товарные рынки [1, ст. 4193], значительная часть нормативного регулирования, в особенности в странах Европейского союза и в США, рассчитана исключительно или главным образом на рынки финансовые.

В силу указанных обстоятельств, в настоящей статье вопросы противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком будут рассмотрены применительно к финансовому рынку как наиболее удобной сфере действия для манипуляторов. Тем не менее большинство изложенных выводов имеет обобщенный характер и в равной степени может быть применимо к манипулированию и неправомерному использованию инсайдерской информации, осуществляющимся как на финансовых, так и на товарных рынках.

Изучение зарубежного опыта тем более необходимо потому, что оно дает представление о системе юридических норм, регулирующих правоотношения на рынке ценных бумаг зарубежных государств и, насколько это возможно, позволяет оценить недостатки, восполнить имеющиеся пробелы в правотворческой и правоприменительной практике современной России.

Вопросы уголовно-правового противодействия манипулированию рынком рассмотрим на примере уголовного законодательства четырех зарубежных государств: Франции, Германии, Великобритании и США. Однако прежде чем перейти к анализу уголовно-правовых норм, представляется целесообразным определить сущность и содержание понятия инсайдерской информации.

Термины «инсайд», «инсайдер», «инсайдерская информация» происходит от английского «inside», что означает «внутренний». Понятие инсайдерской информации первоначально было сформулировано и получило свое развитие в финансовых законодательствах европейских государств и США. При этом в европейском праве данное понятие было в значительной степени унифицировано благодаря наличию соответствующих директив, подход к пониманию данного явления в праве США оформился в обширном массиве судебных решений [2, с. 8].

Одним из первых государств, предпринявших попытку законодательного регулирования противодействия инсайдерской торговле, была Франция, принявшая Ордонанс от 28 сентября 1967 года (далее – Ордонанс) [2, с. 9].

В декабре 1970 г. был принят Закон № 70-1208, вносящий изменения в Ордонанс и запрещающий инсайдерскую торговлю и раскрытие инсайдерской информации третьим лицам.

Системному законодательному регулированию противодействия инсайдерской торговле в Великобритании было положено начало в 1980 г., когда были внесены изменения в Акт о компаниях. В 1985г. акт о компаниях был пересмотрен, и его положения, касающиеся инсайдерской торговли, стали известны под названием Акт о ценных бумагах компаний (инсайдерской торговле) (Companies Securities Insider Dealing) Act, далее – Акт об инсайдерской торговле. Положения Акта об инсайдерской торговле вводили только уголовную ответственность для физических лиц, умышленно использовавших инсайдерскую информацию, и, хотя указанный Акт явился важным шагом на пути запрещения инсайдерской торговли в Великобритании, об-

щий объем нормативного регулирования в указанной сфере все же оставался недостаточным.

В Германии регулирование противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации вплоть до 1994г. опиралось на добровольный кодекс рыночного поведения, а в законодательстве отсутствовали нормы, запрещающие инсайдерскую торговлю. Так, 13 октября 1970 года Комиссия экспертов фондовой биржи Германии издала Руководящие принципы по инсайдерской торговле (Insiderhandelsrichtlinien), впоследствии измененные и дополненные в 1976 и 1988 г. Руководящие принципы являлись добровольным кодексом поведения, обеспечиваемым силой принудительного исполнения только в случае, если это было предусмотрено договором [2, с. 12].

Создание единого европейского рынка финансовых услуг потребовало введения рамочного регулирования соответствующих отношений при помощи директив, сходным образом имплементированных в национальные законодательства. Еще в 1977 г. Европейская Комиссия опубликовала Рекомендацию государствам-участникам, посвященную сделкам с ценными бумагами [4]. Одним из существенных принципов совершения сделок был провозглашен запрет злоупотребления ценообразующей информацией. Инсайдеры обязывались воздерживаться как от сделок с такой информацией, так и от передачи её третьим лицам.

В продолжение указанного регулирования в 1989 г. была принята Директива 89/592/ЕС [5,р.0030-0032], положения которой были имплементированы в национальные законодательства, расширив и усовершенствовав правовое регулирование отношений, связанных с неправомерным использованием инсайдерской информации, однако с некоторыми отличиями.

Так, сфера действия соответствующих статей Акта о торговле ценными бумагами Германии (Wertpapierhandelsgesetz), в 1995 г. пришедшего на смену руководящим принципам по инсайдерской торговле, была шире, чем у аналогичных положений Директивы. Запрет на инсайдерскую торговлю охватывал не только бумаги, которые уже торгуются на рынке, но и бумаги, в отношении которых была обнародована заявка на допуск к торговле [2, с. 13].

Акт об уголовном судопроизводстве Великобритании (Criminal Justice Act) [6] 1993 г. в части V имплементировал в законодательство Великобритании Директиву 89/592/ЕС и воспринял содержащийся в

ней подход, в соответствии с которым инсайдерская торговля рассматривалась скорее, как рыночное правонарушение, чем как нарушение фидуциарной обязанности инсайдера перед компанией. Однако указанный Акт содержал более широкое понятие инсайдера и инсайдерской информации, не проводил принципиального различия между первичными и вторичными инсайдерами.

С целью обеспечения безопасности европейского финансового рынка в 2003 г. была принята Директива 2003/6/ЕС[7], посвященная двум правонарушениям – инсайдерской торговле и манипулированию рынком, совместно именуемым «рыночным злоупотреблением» (market abuse). Задачей Директивы являлось повышение уровня доверия инвесторов к рынку. Сфера применения Директивы 2003/6/ЕС была расширена: в отличие от предыдущей, она распространяла свое действие не только на ценные бумаги, но и на финансовые инструменты.

В развитие Директивы 2003/6/ЕС в Европейском союзе были приняты также иные нормативные акты, в частности Директива 2003/124/ЕС[8,р.0070-0072], посвященная определению понятий «инсайдерская информация» и «рыночное манипулирование, а также публичному раскрытию инсайдерской информации, Директива 2003/125/ЕС[9,р.0073-0077] о раскрытии конфликта интересов, Директива 2004/72/ЕС [10,р.0070-0075] об определении понятия инсайдерской информации применительно к товарным деривативам, составлению списка инсайдеров и т.д.

Директива 2003/124/ЕС уточняла и конкретизировала понятие инсайдерской информации, предложенное в Директиве 2003/6/ЕС, определяя критерии «точности» и «общедоступности» информации.

В части определения понятия инсайдерской информации государства-участники Европейского союза с большей или меньшей степенью точности воспроизвели в своих законодательствах положения Директивы 2003/6/ЕС.

Несмотря на то, что Директива установила рамки для гармонизации национальных законодательств в сфере противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, а также создала инструменты для выявления и предотвращения соответствующих рыночных правонарушений, 20 октября 2011 года Европейской Комиссией был обозначен ряд проблем, вытекающих из практики ее применения [11]. К таковым проблемам были отнесены следующие:

– пробелы в регулировании противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком на новых рынках, платформах и внебиржевых рынках финансовых инструментов;

– пробелы в регулировании соответствующих явлений на товарном рынке и рынке товарных деривативов;

– неспособность регуляторов эффективно применять Директиву;

– правовая неопределенность, снижающая эффективность Директивы.

В связи с этим в 2014г. были приняты Регламент Европейского Парламента и Совета о рыночных злоупотреблениях №596/2014 от 16.04.2014 г. [12,р.0001-0061] (далее Регламент №596/2014), а также Директива 2014/57/EU от 16.04.2014 г. об уголовной ответственности за рыночные злоупотребления [13,р.0179-0189]. Указанные документы заменяют Директиву 2003/6/ЕС, а также принятые в развитие последней Директивы 2003/124/ЕС, 2003/125/ЕС, 2004/72/ЕС. Регламент № 596/2014 и Директива 2014/57/ EU подлежат применению с 3 июля 2016года, за исключением ряда положений Регламента, относящихся к полномочиям Европейской комиссии и Европейской организации по ценным бумагам и финансовым рынкам (ESMA) по разработке и принятию стандартов, правил и пр., применяемых со 2 июля 2014 года.

16 апреля 2014 года была принята Директива 2014/57/EU от 16.04.2014 г. об уголовной ответственности за рыночные злоупотребления. В соответствии с указанной Директивой государствам-участникам Европейского союза предписано ввести нормы об уголовной ответственности за манипулирование рынком, инсайдерскую торговлю и неправомерное раскрытие инсайдерской информации, по крайней мере, в тех случаях, когда данные правонарушения являются тяжкими и совершены умышленно (в то время как за нарушение Регламента №596/2014 доказывать умысел не требуется) [14, ст. 23].

Директива устанавливает лишь минимально необходимые требования относительно криминализации данных деяний, и государствам предоставлено право вводить более строгие нормы об уголовной ответственности за рыночные злоупотребления. Например, государства имеют право установить, что манипулирование рынком, инсайдерская торговля и неправомерное раскрытие инсайдерской информации влекут за собой уголовную ответственность не только в случае их умышленного совершения, но и в случае совершения их по грубой

неосторожности, предусмотреть более строгие наказания за данные правонарушения.

К тяжким случаям манипулирования рынком согласно Директиве 2014/57/EU следует относить те случаи, когда степень воздействия на рынок или изменения стоимости финансового инструмента, действительная или потенциальная выгода нарушителя или ущерб, которого он избежал, являются значительными, либо если манипулирование совершалось лицом, работающим в финансовом секторе или в регулирующих, надзорных органах (пункт 4 преамбулы Директивы).

В отношении инсайдерской торговли или неправомерного раскрытия инсайдерской информации также следует принимать во внимание степень воздействия на рынок, размер выгоды или ущерба, которого избежал нарушитель. К иным обстоятельствам, свидетельствующим о тяжести указанных деяний, можно отнести, например, повторное их совершение либо совершение преступной организацией (пункт 3 преамбулы Директивы).

Также Директива 2014/57/EU предписывает государствам-участникам Европейского союза ввести уголовную ответственность за пособничество и подстрекательство к манипулированию рынком, инсайдерской торговле и неправомерному раскрытию инсайдерской информации, а равным образом за попытку совершения указанных деяний.

В соответствии со статьей 7 Директивы 2014/57/EU максимальный срок лишения свободы за манипулирование рынком и инсайдерскую торговлю должен составить, по крайней мере, четыре года; за неправомерное раскрытие инсайдерской информации – 2 года.

Кроме того, ответственность за совершение рыночных злоупотреблений должна быть возложена и на юридических лиц в случае, если соответствующие деяния совершались к выгоде данных организаций лицами, занимающими в них руководящие должности. Юридические лица могут быть привлечены к ответственности и в тех случаях, когда отсутствие должного контроля со стороны лица, занимающего руководящую должность, привело к возможности совершения указанных деяний его подчиненным. Привлечение юридического лица к ответственности не исключает одновременного уголовного преследования физического лица, совершившего соответствующее правонарушение.

К мерам ответственности юридических лиц, согласно Директиве 2014/57/EU, могут быть отнесены, в частности, следующие: временная

или постоянная дисквалификация, помещение под судебный надзор, ликвидация компании, лишение права на льготы и т.д.

Законодательство США также содержит положения, касающиеся привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении норм о противодействии недобросовестным рыночным практикам. Так, Раздел 32 Закона «О фондовых биржах и ценных бумагах» предусматривает для лиц, умышленно нарушающих положения Закона или правил, соблюдение которых в соответствии с Законом обязательно, штраф до 5 млн долл., либо лишение свободы на срок до 20 лет, либо оба данных наказания одновременно. Ответственность юридических лиц установлена в виде штрафа до 25 млн долл. Примечательно, что до 2002 г. размеры штрафов составляли 1 млн долл. Размеры штрафов и максимальный срок лишения свободы были увеличены до настоящих размеров в соответствии с Разделом 1106 Закона Сарбейнса-Оксли.

Также указанный раздел содержит положение, в соответствии с которым лицо не может быть подвергнуто наказанию в виде лишения свободы, если докажет, что не знало о таких нормах. Как отмечают исследователи, данное исключение прямо проистекает из позиции Конгресса, сформированной еще в 1934 г. при принятии Закона и заключающейся в том, что для привлечения лица к уголовной ответственности нужно, чтобы лицо не просто сознательно совершило те или иные действия, но и сделало это с заведомо противоправной целью [15].

Завершая рассмотрение общеевропейских нормативных инструментов регулирования финансового рынка, следует отметить, что глобальный финансовый кризис, разразившийся в настоящее время, заставляет переоценить значение рынка ценных бумаг для мировой экономики.

В России до недавнего времени эффективного механизма борьбы с инсайдерами не существовало. Слабая защита прав инвесторов является одной из главных причин, по которой наш финансовый рынок до сих пор относится к категории развивающихся и нерегулируемых рынков по оценкам Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO), что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на привлечение иностранных инвестиций в экономику России.

Список литературы

1. *Федеральный закон РФ от 27.07.2010 N 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31.

2. *Емельянова Е.А.* Манипулирование информацией на рынках. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

3. *Мартыненко В.А.* Инсайдерство и манипулирование ценами на рынке ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.

4. *Commission Recommendation of 15 July 1977, 77/534 EEC* // Official Journal 1977, L 212/37, L 294/28.

5. *Council Directive 89/592/EEC of 13 November 1989 coordinating regulations on insider dealing* // Official Journal, L 334, 18/11/1989.

6. Criminal Justice Act URL: [//http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/36/cotents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/36/cotents)

7. *Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council of 28 January 2003 on insider dealing and market manipulation (market abuse)* // Official Journal, L 096, 12/04/2003/

8. *Commission Directive 2003/124/EC of 22 December 2003 implementing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council as regards the definition and public disclosure of inside information and the definition of market manipulation* // Official Journal, L 339, 24/12/2003.

9. *Commission Directive 2003/125/EC of 22 December 2003 implementing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council as regards the fair presentation of investment recommendations and the disclosure of conflicts of interest* // Official Journal, L 339, 24/12/2003.

10. *Commission Directive 2004/72/EC of 29 April 2004 implementing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council as regards accepted market practices, the definition of inside information in relation to derivatives on commodities, the drawing up of lists of insiders, the notification of managers' transactions and the notification of suspicious transactions* // Official Journal, L 162, 30/04/2004.

11. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Insider Dealing and Market Manipulation (Market Abuse) URL: [//http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0651:FIN: EN: PDF](http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0651:FIN: EN: PDF).

12. *Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC // Official Journal, L 173, 12/06/2014.*

13. *Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) // Official Journal, L 173, 12/06/2014.*

14. *Преамбула Директивы 2014/57/EU.*

15. *Carr B.J. Culpable Intent Required For All Criminal Insider Trading Convictions After United States v O 'Hagan // Boston College Law Review. Vol.40, 1999.*

*Кузьменко Е. С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРОИЗВОДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ

Статья имеет практическую направленность и посвящена системе поводов и оснований для возбуждения уголовных дел о преступлениях данной категории, конкретизации предмета доказывания, особенностям оценки доказательств при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью первой статей 159.3 УК.

Ключевые слова: банковская платежная карта; кредитная карта; дебетовая карта; держатель банковской карты; возбуждение уголовного дела; способы собирания доказательств.

Несмотря на тот факт, что данные преступления расследуются в России уже много лет, анализ судебно-следственной практики свидетельствует о наличии ошибок, допускаемых при сборе и приобщении доказательств и составлении процессуальных документов.

Рассмотрим источники поступления информации о совершенных или готовящихся преступлениях, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ, которые могут послужить поводами к возбуждению уголовных дел.

Традиционно, мошеннические действия выявляются органами дознания при проведении ими оперативно-разыскных мероприятий, либо о них становится известно из заявлений граждан, сообщений юридических лиц.

Однако для успешного решения вопроса о возбуждении уголовного дела по рассматриваемой категории преступлений одного заявления пострадавшего лица недостаточно. Поэтому, в зависимости от сложившейся ситуации, примерный перечень процессуальных документов, которые должны содержаться в материалах проверки сообщения о преступлении, может выглядеть следующим образом:

- 1) заявление о преступлении, поступившее либо от владельца карты, либо банка-эмитента;
- 2) объяснение заявителя – владельца карты;
- 3) копия договора между банком-эмитентом и владельцем карты;
- 4) копии документов, удостоверяющих личность владельца карты;
- 5) удержанная банковская карта;
- 6) копия чека-слипа – документа, оформляемого при осуществлении покупки с помощью платежной карты;
- 7) исследование почерка владельца карты и лица, расписавшегося на чеке и банковских документах и т.п.;
- 8) исследование удержанной кассиром карты на предмет способа изготовления и соответствия стандартам;
- 9) направление запросов в банки и процессинговые компании;
- 10) выписка процессинговой компании о произведенных транзакциях по интересующей карте;
- 11) объяснения кассира торгового предприятия (о проведении торговой операции по предъявленной карте, о настороживших его обстоятельствах поведения лица предъявившего карту, его приметах);
- 12) объяснения сотрудника охраны торгового предприятия (о действиях при задержании лица предъявившего карту (карты) к оплате);
- 13) объяснения сотрудника службы безопасности банка (о проведении авторизации и поступлении команд через POS-терминал);
- 14) материалы внутреннего расследования, проведенного службой безопасности банка по факту хищения;
- 15) материалы наблюдения за проверяемыми лицами;
- 16) материалы отождествления личности, такие как непроцессуальное опознание работниками торговли лица предъявившего пластиковую карту, в том числе и по видеозаписи происходящего в торговом зале;
- 17) выписка из электронного реестра банкомата (в случае необходимости).

После решения вопроса о возбуждении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 159.3 УК РФ, следователю, дознавателю необходимо конкретизировать предмет доказывания.

Согласно ст. 73 УПК РФ, подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства.

1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Отвечая на этот вопрос, следователь (дознатель) должен установить факт мошенничества с использованием платежных карт.

Необходимо доказать, что имело место хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты, совершенное именно путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Хищение чужих денежных средств, находящихся на счетах в банках, путем использования похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты, следует квалифицировать как мошенничество только в тех случаях, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации (например, в случаях, когда, используя банковскую карту для оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре, лицо ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявляет поддельный паспорт на его имя) [3].

Следует заметить, что по признакам объективной стороны мошенничество (хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием) и хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации, полностью совпадают. Поэтому, доказывая факт совершения мошеннических действий, следователь (дознатель) должен установить мотив и цели совершения преступления. Лицо, совершающее это преступление, изначально собирается использовать банковскую карту для хищения денежных средств потерпевшего путем обмана работника банковской организации.

Место и время совершения преступления определяются местом нахождения кредитного, торгового или иного учреждения и днем снятия виновным лицом денежных средств с пластиковой карты. Данные обстоятельства в совокупности с другими элементами, например, та-

кими как способ, орудия преступления, характеризуют событие преступления.

Мошенничество с использованием платежных карт считается оконченным, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Способ совершения преступления может выражаться в виде использования виновным лицом поддельной карты для непосредственной оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре и обязательным проставлением подписи на чеке как владельца карты с предъявлением (при необходимости) паспорта. Также возможно использование чужой подлинной карты для оплаты товаров или услуг с проставлением подписи на чеке виновным лицом вместо законного владельца.

Следователю (дознавателю) необходимо допросить банковского работника относительно алгоритма перечисления денег через соответствующее программное обеспечение с приложением инструкции по использованию этой программы. Также необходимо выяснить механизм обналичивания пластиковой карты (взлом сети, использование скринингового оборудования, установка мини-камеры в банкомате и др.), механизм перевода денежных средств: через банкомат, мобильный банк, интернет-платежи и др.

Кроме того, необходимо получить видеозаписи с банкомата (путем обращения в соответствующее отделение банка, за которым он закреплен), информацию о владельце номера лица, снявшего деньги с пластиковой карты, а также способе обналичивания денежных средств: перевод на другие телефоны, вывод на электронные платежные системы (Яндекс-деньги, WebMoney и т.д.) или на пластиковые карты.

Пострадавшие банки могут оказать помощь в получении: сведений о подлинном держателе карточки; перечня операций с платежной карточкой; подлинников платежных квитанций или заверенные копии квитанций, которые хранятся в торговой точке и в банке; журналов учета запросов на авторизацию, по которым можно установить дату и время оспариваемой сделки; фотографий, сделанные камерами магазина или банкомата.

В тех случаях, когда внимание привлекла торговая точка, можно получить следующие документы: заявление торговой точки в банк о

заключении договора на прием кредитных и дебетовых карточек; договор о предоставлении торговой точке права на прием кредитных и дебетовых карточек; акт обследования торговой точки; кредитные доосье (в них может содержаться информация как о самом предприятии, так и об основных лицах); документация о сделках, хранящаяся в торговой точке; акты о сдаче торговой точкой платежных квитанций в банк на оплату.

Одна из самых больших проблем – большое количество номеров счетов. У правоохранительных органов может не быть возможности установить, какой банк выдал какую карточку. В таких случаях местный банк – член ассоциации «VISA» в состоянии оказать содействие в определении наименования банка-эмитента, ответственного за конкретный номер кредитной или дебетовой карточки. При мошенничествах в больших масштабах, когда речь идет о сотнях или даже тысячах номеров счетов, региональное представительство ассоциации «VISA» может оказать помощь в определении банка-эмитента и запросить у него информацию, необходимую для правоохранительных органов. В таком случае последние могут направить ассоциации «VISA» запросы, на которые банк-эмитент даст через нее ответ.

В качестве успешного примера расследуемого уголовного дела по преступлению, предусмотренному ч.1 ст. 159.3 УК РФ, можно привести следующий. В г. Н-ске было возбуждено уголовное дело в отношении лица, использовавшего в корыстных целях конфиденциальную информацию о принадлежащих другим лицам платежных картах для обмана сотрудников транспортных агентств, реализующих авиабилеты.

В целях хищения М. через Интернет добыл сведения о банковских картах, выпущенных иностранными банками, разместил в Интернете объявления о продаже авиабилетов значительно ниже их реальной стоимости. Кроме того, среди знакомых распространил информацию о своих возможностях продажи дешевых билетов благодаря имеющимся «связям» в официальной сфере купли-продажи авиабилетов. Таким образом, получая заказы от лиц, желавших приобрести авиабилеты, М. через компьютерную систему оплачивал их на официальных сайтах транспортных агентств чужими банковскими картами. После чего данные о незаконно приобретенных авиабилетах М. передавал заказчикам и получал взамен денежные средства. Своими действиями виновный причинили одному из банков имущественный ущерб на сумму более 100 тыс. рублей [1].

Как видим, способ совершения данного преступления выражается в обмане уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

2. Виновность лица в совершении преступления определяется формой его вины и мотивами совершения данного преступления.

В данном случае вина характеризуется в форме прямого умысла: лицо, осознает, что использует поддельную или принадлежащую другому лицу кредитную, расчетную или иную платежную карту, предвидит неизбежность причинения ущерба и желает его причинения. Преступление окончено с момента завладения денежными средствами (при получении их наличными) или осуществлении расчета с торговой или иной организацией.

Преступление совершается умышленно и с корыстной целью. Лицо сознает, что использует чужую банковскую платежную карту вопреки воле лица, которому она принадлежит, и вводит тем самым в заблуждение уполномоченных работников кредитной или иной организации, что приводит к незаконному распоряжению не принадлежащими ему денежными средствами, и желает этого.

3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, необходимо достоверно установить не только для законного и обоснованного применения к обвиняемому той или иной меры процессуального принуждения с учетом реальной характеристики его личности, но и для индивидуализации уголовной ответственности. Кроме того, знание свойств характера личности подозреваемого (обвиняемого) может помочь следователю преодолеть противодействие со стороны виновного путем построения оптимальной тактики поведения при расследовании уголовного дела.

4. Характер и размер вреда, причиненного преступлением необходимо установить в двух целях. Во-первых, они служат дополнительным квалифицирующим признаком, указывая на значительный или крупный размер ущерба. Во-вторых, необходимы для доказывания фактических и юридических оснований заявленного гражданского иска или возможной конфискации имущества. В этом случае дознаватель обязан не только точно установить характер и размер вреда (ущерба), но и место нахождения имущества, его принадлежность обвиняемому (или лицам, несущим по закону материальную

ответственность за его действия), обеспечить сохранность этого имущества до разрешения данного вопроса по существу в суде.

В качестве квалифицированных составов предусмотрено совершение указанного преступления группой лиц по предварительному сговору, а также с причинением значительного ущерба гражданину. В качестве особо квалифицированных – с использованием виновными своего служебного положения, а равно в крупном размере. Часть 4 предусматривает ответственность за совершение организованной группой либо в особо крупном размере.

Значительный ущерб определяется на основании примечания к статье 158 УК РФ, и определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

В соответствии с примечанием к ст. 159.1 УК крупным размером применительно к статье 159.3, а также к статьям 159.4, 159.5, 159.6 УК РФ признается стоимость похищенного имущества, превышающая 1 млн 500 тыс. руб., особо крупным размером – превышающая 6 млн руб.

5. Обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния, а также смягчающие и отягчающие наказание, перечислены в главе 8 и в статьях 61 и 63 УК РФ.

Наглядной иллюстрацией в данном случае служит следующая ситуация.

Гр-н П. обвинялся в совершении мошенничества с использованием платежных карт, то есть хищения чужого имущества, совершенного с использованием принадлежащей другому лицу платежной карты путем обмана уполномоченного работника торговой организации, при следующих обстоятельствах: 28 октября 2013 года примерно в 24 часа П., находясь у д. 29 *-го микрорайона г. Егорьевска Московской области получил от неизвестного и неустановленного дознанием лица платежную банковскую карту «Сбербанк» № 4276***97, принадлежащую Д. После этого у П. возник преступный умысел на хищение с указанной платежной карты принадлежащих Д. денежных средств путем приобретения товара и расчета за него при помощи указанной карты.

Реализуя свой преступный умысел, гр-н П. трижды расплатился за приобретенным им товар (бензин), действуя при этом незаконно, из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества, без разрешения владельца карты, путем обмана, введя в заблуждение по

поводу своих истинных преступных намерений кассиров А., М. и Ф., не сообщив им о том, что платежная карта ему не принадлежит и разрешения на ее использование у него нет.

Тем самым своими умышленными, незаконными действиями П. похитил со счета платежной банковской карты «Сбербанк» № 4276***97 принадлежащие Д. денежные средства на общую сумму 1119 рублей 60 коп., причинив потерпевшей ущерб на указанную сумму.

Таким образом, П. обвинялся в совершении преступления предусмотренного ч. 1 ст. 159.3 УК РФ.

В ходе расследования уголовного дела были изъяты документы, подтверждающие факты обналичивания денежных средств со счета пластиковой карты № 4276***97, а также были допрошены подозреваемый П., потерпевшая Д., кассиры А., М. и Ф.

Дело было окочено расследованием и направлено в мировой суд для разрешения его по существу.

Однако потерпевшая Д. в судебном заседании заявила ходатайство о прекращении в отношении П. уголовного дела за примирением сторон, пояснила, что П. ущерб возместил полностью, принес ей свои извинения, претензий к нему она не имеет и не желает привлекать его к уголовной ответственности. Мировой судья разъяснил обвиняемому П. основания прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК и ст. 76 УК РФ и его право возражать против прекращения уголовного преследования.

Обвиняемый П. в судебном заседании поддержал ходатайство, заявленное потерпевшей, пояснив, что он полностью признает свою вину в совершении инкриминируемого ему деяния, не возражает против прекращения в отношении него уголовного дела, по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ, так как он действительно полностью возместил причиненный ущерб.

Защитник К. ходатайство потерпевшей о прекращении в отношении П. уголовного дела поддержала, поскольку считает, что имеются установленные законом обстоятельства для прекращения уголовного дела и уголовного преследования, так как П. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести впервые, загладил причиненный преступлением вред.

Государственный обвинитель К. не возражала против удовлетворения заявленного ходатайства потерпевшей о прекращении в отношении подсудимого уголовного дела, поскольку П. впервые

привлекается к уголовной ответственности, совершил преступление небольшой тяжести, полностью возместил причиненный ущерб, принес свои извинения, ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон подано потерпевшей добровольно.

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ, для прекращения уголовного дела по указанному основанию необходимо, чтобы с этим согласился обвиняемый (подозреваемый).

Учитывая, что прекращение уголовного дела, как и назначение наказания, является реализацией принципа индивидуализации ответственности за совершенное преступное деяние, суд нашел подлежащим удовлетворению ходатайство потерпевшей о прекращении в отношении П. уголовного дела, по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, так как обвиняемый ранее не привлекался к уголовной ответственности, совершил преступление небольшой тяжести впервые, свою вину в содеянном признал полностью, своими признательными показаниями способствовал следствию в раскрытии преступления, полностью возместил причиненный ущерб, принес свои извинения потерпевшей.

Руководствуясь ст.ст. 25, 254 УПК РФ и ст.76 УК РФ, мировой судья постановил прекратить уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшей, освободить П. от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим. При этом вещественные доказательства: четыре кассовых чека – суд постановил хранить при уголовном деле, а платежную банковскую карту «Сбербанк» № 4276***97 – оставить у потерпевшей Д. [2].

Как видим, в данном случае деяние, совершенное Д., было квалифицировано по ч.1 ст. 159.3 УК РФ и впоследствии прекращено.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно охватить весь пласт информации, связанной с особенностями производства расследования уголовных дел о мошенничествах с использованием платежных карт.

Однако автор выражает надежду, что приведенные положения, освещающие вопросы проведения доследственной проверки, характеристики способов выявления указанных преступлений окажут необходимую помощь дознавателям, специализирующимся на расследовании уголовных дел указанных категорий, а также будут полезны всем сотрудникам правоохранительных органов, интересующимся исследованной проблематикой.

Список литературы

1. *Материалы уголовного дела №866485/13, возбужденного по ч. 1 ст.159.3 УК РФ* // Архив ООД ГУ МВД России по Кемеровской области.

2. *Материалы уголовного дела № 1-13/2014, возбужденного по ч. 1 ст.159.3 УК РФ* // Архив мирового суда судебного участка № 45 Егорьевского судебного района Московской области.

3. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»* [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=74060&req=doc> (дата обращения: 01.03.2015).

*Кучинская А. В.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Актуальность статьи обусловлена наличием международно-правовых стандартов осуществления правосудия по делам несовершеннолетних и системными различиями в реализации этих стандартов в законодательстве разных стран. Проанализирована возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в судебном или внесудебном порядке, а также дополнительные гарантии в части осуществления права на защиту и производства следственных и судебных действий с участием законного представителя, психолога, педагога.

Ключевые слова: «принцип законности»; «обеспечение законности»; «дела о преступлениях несовершеннолетних»; «суд»; «ювенальная юстиция».

В юридической науке использование сравнительно-правового метода способствует проведению анализа положений законодательства разных стран, регламентирующего родственные общественные отношения. Обеспечение законности при производстве по делам несовершеннолетних как уголовно-процессуальный институт нуждается в сравнительно-правовом осмыслении, для чего автором будет предпринята попытка сопоставить ряд международно-правовых норм и положений законодательства зарубежных стран с правилами, установленными российским уголовно-процессуальным законом.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена наличием дисбаланса между международно-правовыми и национальными стандартами осуществления уголовного преследования несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), который имеет место не только в российском, но и в зарубежном законодательстве.

Законность является базовой категорией юридической науки и практики. Традиционно в уголовно-процессуальной литературе говорится о принципе законности, который конкретизируется в установлении порядка производства по уголовным делам [21, с. 61–67; 22, с. 54–

59; 23, с. 41–46]. Обеспечение законности в уголовном судопроизводстве, указывает А.М. Баранов, всегда было связано с проблемой соотношения прав государства и личности, которое выражалось через установленные государством средства, призванные обеспечить законность уголовно-процессуальной деятельности, государственных органов, прав и свобод граждан [13, с. 24]. В уголовном судопроизводстве обеспечение законности приобретает особое значение, поскольку в результате незаконного уголовного преследования могут быть вынесены процессуальные решения, существенно ограничивающие права, свободы и законные интересы граждан.

Осознавая это и учитывая особое положение лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, законодатель установил специальные правила осуществления судопроизводства по делам данной категории. В зарубежном уголовном законодательстве эта идея дополнилась в ходе становления ювенальной юстиции как относительно самостоятельной системы организации осуществления правосудия по делам несовершеннолетних, в том числе при их уголовном преследовании. При этом исторически сложилось три основных модели: учреждение специализированных судов (США, Канада, Бельгия), учреждение специализированных коллегий судов общей юрисдикции (Германия, Австрия, Испания), либо установление специализации судей по этим делам (Япония, Ирландия). В современных условиях произошла относительная модернизация ювенальной юстиции, выразившаяся в создании специализированных семейных (опекунских) судов (Германия, Австрия, Япония), либо административных органов по делам несовершеннолетних (Бельгия, Швеция, Финляндия).

Как известно, ст. 15 Конституции РФ закрепила, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью российской правовой системы. Среди указанных норм, относящихся к вопросам осуществления уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, необходимо выделить Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия по делам несовершеннолетних (Пекинские правила, принятые 10 декабря 1985 года Генеральной Ассамблеей ООН) [1], Конвенцию о правах ребенка, принятую 20 ноября 1989 года Генеральной Ассамблеей ООН [2], и Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 года) [3]. Будучи основанными на положениях Конвенции о защите прав человека и основ-

ных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) и Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года), указанные документы составляют международно-правовую базу, в соответствии с которой построены нормы об уголовном преследовании несовершеннолетних в большинстве стран.

В п. 2.3 Пекинских правил закреплено, что в рамках каждой национальной юрисдикции необходимо создать комплекс законов, правил и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям и учреждениям и органам, в функции которых входит отправление правосудия в отношении несовершеннолетних. С помощью этих правовых инструментов обеспечение законности при производстве по делам данной категории приобретает двухуровневую направленность. Во-первых, путем использования общих гарантий законности, установленных в уголовном судопроизводстве, а во-вторых, – дополнительных, распространяющихся исключительно на несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых). Необходимость создания дополнительных гарантий законности в данном случае обусловлена как особым возрастным статусом, в силу которого несовершеннолетние нуждаются в повышенной защите, так и задачами воспитательного воздействия и ресоциализации, превалирующими над назначением справедливого наказания.

Таким образом, идеальным вариантом имплементации международно-правовой конструкции в национальную правовую систему является учреждение специальных судов по делам несовершеннолетних, а также закрепление особой подсудственности таких уголовных дел. В России этот вариант реализован частично: в отношении предварительного расследования дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними (пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ). Учреждение ювенальных судов получило серьезное научное осмысление [15; 18; 19; 24; 25], но осталось невостребованным со стороны федерального законодателя, хотя в порядке эксперимента элементы ювенальных технологий реализованы в некоторых субъектах РФ (Республика Карелия, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москва и Московская область, Пермский край, Ростовская область).

Разработанные в законодательстве зарубежных стран модели ювенального судопроизводства в отечественной литературе дифференцируются в зависимости от типа правовой системы на англосаксонскую и континентальную (Э.Б. Мельникова [19, с. 68]), либо от

базовых целевых установок, для реализации которых эти модели созданы, – на карательную, реабилитационную и восстановительную (Е.В. Марковичева [17, с. 97–103]). Руководствуясь этими классификациями, обеспечение законности при осуществлении производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) необходимо проанализировать с учетом следующих позиций.

Во-первых, в сопоставлении минимального возраста уголовной ответственности и максимального возраста, до достижения которого субъект имеет право воспользоваться процессуальными гарантиями, предусмотренными для несовершеннолетних. В уголовном праве США возраст уголовной ответственности начинается по достижении 7 лет, хотя в законодательстве отдельных штатов могут быть установлены более высокие возрастные границы (в Луизиане – 10 лет, в Джорджии – 13 лет, в Миннесоте – 14 лет). При этом правила, установленные для несовершеннолетних, могут применяться до достижения не 18-летнего, а значительно более старшего возраста: 21 год (Алабама, Вашингтон), 25 лет (Аляска, Небраска) [26]. В США приняты Закон о контроле над преступностью несовершеннолетних и молодежи (1961 г.) и Закон о юстиции по делам несовершеннолетних (1974 г.). В отечественной литературе одобрение получила такая гарантия обеспечения законности при производстве по уголовному делу, как предоставление несовершеннолетнему обвиняемому права выбора суда, в котором он желает судиться, причем, если выбор сделан в пользу федерального суда, одновременно предоставляется право избрания суда присяжных [20, с. 38–39]. Суды по делам несовершеннолетних рассматривают дела без участия присяжных заседателей, т.е. при выборе несовершеннолетним федерального суда общей юрисдикции он приобретает право на рассмотрение дела судом присяжных. Как известно, в России судопроизводство по делам несовершеннолетних с участием присяжных заседателей невозможно. Это констатировано Конституционным Судом и мотивировано тем, что в отношении несовершеннолетних действуют особые правила и максимальное наказание для них составляет 10 лет лишения свободы. В связи с этим рассмотрение судом присяжных дел о преступлениях несовершеннолетних невозможно, даже когда санкция статьи УК, по которой обвиняется подсудимый, содержит указание на возможность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни [5]. Однако признание конституционным безусловного права законодателя лимитировать подсудность дел суду присяжных, может рассматриваться как ог-

раничение права на судебную защиту. Кроме того, это создает возможности для дальнейшего произвольного ограничения подсудности законодательным решением. В контексте обеспечения законности данная правовая позиция не может получить положительной оценки. Одновременно заслуживает, на взгляд автора, внимания, перспектива распространения правил об уголовной ответственности несовершеннолетних (раздел V УК РФ) и положений главы 50 УПК РФ на лиц, не достигших 21 года, при условии, что у них заключением психолого-психиатрической экспертизы констатированы отставание в развитии (инфантильность), препятствующие им в полном объеме осознавать характер и степень общественной опасности своих действий или руководить ими.

Во-вторых, следует отметить возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в судебном или внесудебном (административном) порядке. Последний достаточно широко распространен в скандинавских странах (например, в Швеции по Закону о социальной поддержке и Закону о специальных положениях в отношении молодежи дела о преступлениях несовершеннолетних, за исключением особо тяжких, рассматриваются не судом, а аналогом российской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [12]). При этом еще в 1935 г. была создана альтернатива тюремному заключению несовершеннолетних преступников – помещение их в воспитательные учреждения, курируемые социальными службами, причем статус несовершеннолетних был предоставлен лицам, находящимся в возрасте от 18 лет до 21 года. В ФРГ, согласно Закону о суде по делам несовершеннолетних, дела об их преступлениях рассматриваются специализированными судебными составами: судьей и двумя заседателями (шеффенами), при этом в большинстве случаев к несовершеннолетнему применяются воспитательные меры: указания, предписания, возложение обязанностей [6]. Дополнительные гарантии обеспечения законности создаются при ориентации уголовного судопроизводства не столько на наказание виновного несовершеннолетнего правонарушителя, сколько на воспитание у него ответственного поведения. Указанные законодательные конструкции в целом получили одобрение в отечественной правовой науке [14, с. 128–137, 16, с. 3–7], но, скорее, с позиций пользы воспитательного воздействия на несовершеннолетних подростков, совершивших преступления. Однако в контексте обеспечения законности необходимо отметить, что воспитательный подход способствует формированию уважения к закону,

ресоциализации несовершеннолетнего, а также всестороннему анализу обстоятельств совершенного преступления и личности виновного. Таким образом, он соответствует пониманию законности, закреплённому в ст. 7 УПК РФ, в части соответствия закону, мотивированности и обоснованности процессуальных решений. В целом, существующая в РФ практика деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав вряд ли позволит сделать вывод об адекватности замены судебной процедуры внесудебной.

В-третьих, в силу особого возрастного статуса несовершеннолетний в большинстве стран получает дополнительные гарантии в части осуществления права на защиту, а следственные и судебные действия с его участием производятся в присутствии законного представителя, психолога, педагога. Законодательство некоторых стран требует при предварительном расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних поручать его специально назначаемым следователям. Так, УПК Украины в ст. 484 закрепляет, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних расследуются следователем, специально уполномоченным руководителем следственного органа на осуществление досудебных расследований в отношении несовершеннолетних. Аналогичный порядок применяется и в тех случаях, когда обвинение предъявлено не только несовершеннолетнему, но и взрослому лицу [11]. Российский закон использует другой прием – выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство (п. 2 ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Однако следует признать, что установление особых правил наделения должностных лиц полномочиями по расследованию уголовных дел в отношении несовершеннолетних выступает дополнительной гарантией обеспечения законности в досудебном производстве. В связи с этим опыт украинского законодателя можно назвать положительным, способствующим специализации сотрудников органов предварительного расследования, наличие которой создает условия для производства более качественного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следует отметить некоторые особенности системы гарантий обеспечения законности при производстве по делам несовершеннолетних, установленную в законодательстве Республики Грузия, Республика Молдова и Республика Туркменистан. Так, ст. 316 УПК Грузии [7] предусматривает обязательность полного соблюдения международных гарантий прав несовершеннолетнего, а ст. 319 требует наличия специаль-

ной педагогической подготовки у следователей, прокуроров и судей, участвующих в производстве по делам несовершеннолетних. Наряду с гарантиями, известными российскому законодательству (обязательное участие защитника, особый предмет доказывания, наличие специальной меры пресечения в виде отдачи под присмотр и пр.), эти правила формируют особое отношение к несовершеннолетнему обвиняемому и при отсутствии автономной системы учреждений ювенальной юстиции. В ст. 480 УПК Республики Молдова [9] и ст. 512 УПК Республики Туркменистан [10] предусмотрены специальные правила отстранения законного представителя несовершеннолетнего от участия в деле, если его действия ущемляют интересы несовершеннолетнего. Если исходить из наличия возможных несовпадающих интересов у несовершеннолетнего и законного представителя, такой подход представляется правильным. Иная ситуация имеет место в УПК Республики Казахстан [8], ст. 537 которого ограничивает право несовершеннолетнего на ознакомление с материалами дела. В случаях, когда следователь приходит к выводу о том, что ознакомление с частью материалов может оказать на несовершеннолетнего отрицательное влияние, он может вынести постановление об ознакомлении с такими материалами законного представителя или защитника. В целом такое ограничение представляется необоснованным: во-первых, обвиняемый знакомится с материалами уголовного дела в отношении себя, с обстоятельствами, о которых ему известно. Во-вторых, при окончании расследования дела в отношении несовершеннолетнего ознакомление с материалами дела может иметь и воспитательное значение. В-третьих, основополагающим для обвиняемого выступает право знать, в чем он обвиняется, и это право закреплено в п. 1 ч. 5 ст. 65 УПК РК.

Таким образом, независимо от наличия или отсутствия автономной системы ювенальных судов, либо специализации судей и следственных работников по делам несовершеннолетних, в законодательстве большинства зарубежных стран существуют особые гарантии обеспечения законности, распространяющиеся на несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых).

Российский правовой опыт в целом развивается в указанном русле, но с учетом традиционно существующих правил уголовного судопроизводства. Вышеизложенное позволяет сделать вывод как о необходимости дальнейшего развития дополнительных гарантий обеспечения законности при производстве по делам несовершеннолетних, так и об отсутствии потребности безоговорочного заимствования механизмов, разработанных в зарубежных странах. При этом структура

действующего уголовно-процессуального законодательства России позволяет поддерживать специфический порядок осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних без учреждения специализированных судов.

Список литературы

1. Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006. 373 с.
2. Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом // Вестник БФУ им. И. Канта. 2012. № 9. С. 128–137.
3. Калюжная Л.Г. Ювенальная юстиция и защита прав несовершеннолетних в России: конституционно-правовые аспекты: монография. М.: АКПиППРО, 2011. 234 с.
4. Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С. 3–7.
5. Конвенция о правах ребенка: утв. резолюцией ГА ООН № 44/25 от 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
6. Марковичева Е.В. Модели ювенального уголовного судопроизводства: проблемы типологизации // Вестник ОГУ. 2010. № 3. С. 97–103.
7. Марковичева Е.В. Ювенальное уголовное судопроизводство: модели, функции, принципы. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2012. 271 с.
8. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2010. 272 с.
9. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия по делам несовершеннолетних: утв. резолюцией ГА ООН № 40/33 от 10.12.1985 [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;dst=0;n=16183;req=doc>
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова // Российская газета. 2014. 4 июня.
11. Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних: утв. Резолюцией ГА ООН № 45/112 от 14.12.1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=6457;req=doc>.
12. Сулакишин, С.С., Деева, М.В., Бачурина, Д.В., Бобров, Е.В., Куропаткина, О.В., Нетесова, М.С., Репин, И.В. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М.: Научный эксперт, 2012. 144 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ [принят Гос. Думой 22.11.2001] (по сост. на 10.12.2014) // Российская газета. 2001. 22 декабря.
14. *Jugendgerichtsgesetz* // *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz* [сайт]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/jgg/BJNR007510953.html>
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 09.10.2009 № 1772 (по сост. на 30.11.2014) // Законодательный вестник Грузии. 2009. 3 ноября.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (по сост. на 18.07.2014) // Официальный монитор Республики Молдова. 2003. Ст. 447.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан от 18.04.2009 (по сост. на 03.05.2014) // Законодательство стран СНГ [сайт]. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Украина от 13.04.2012 № 4651-VI // Кодексы Украины [сайт]. URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm>.
20. *Уголовный процесс. Общая часть* / под ред. В.З. Лукашевича. СПб: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. 447 с.
21. *Уголовный процесс: учебник* / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
22. *Уголовный процесс: учебник для бакалавров* / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М.: Юрайт, 2013. 511 с.
23. *Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития*. СПб: Юридический центр пресс, 2006. 787 с.
24. *Ювенальное право: учебник для вузов* / под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2005. 320 с.
25. *Juvenile Justice in the United States: A Review of Policies, Programs and Trends*. – St. Louis, 2001. 65 p.
26. *Sweden Social Services Act (2001:453), Care of Young Persons (Special Provisions) Act (1990:52)* // Regeringskansliet [сайт]. URL: <http://www.government.se/content/1/c6/07/16/92/68d81cee.pdf>

*Лебедев А. Е.,
помощник прокурора
Шахунской городской прокуратуры,
г. Шахунья Нижегородской обл.*

НАДЛЕЖАЩИЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме квалификации преступлений со специальным субъектом, включенным в систему специальных отношений с нарушением установленного законом порядка. Определяются критерии признания такого лица надлежащим специальным субъектом.

Ключевые слова: специальный субъект преступления; порядок назначения на должность; специальные правоотношения.

При квалификации преступлений со специальным субъектом в каждом случае необходимо устанавливать, является ли лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, его надлежащим субъектом.

В ряде составов специальный субъект становится таковым в связи с включением его в систему специальных правоотношений, которые являются объектом преступного посягательства. Так, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (за исключением ч. 1 и ч. 2 ст. 204 УК РФ) могут совершить только лица, проходящие службу в коммерческих и иных организациях; преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (за исключением ст. 291 и ст. 291.1 УК РФ) – должностные лица либо государственные и муниципальные служащие; преступления против военной службы – военнослужащие, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Встречаются случаи, когда включение субъекта в систему специальных правоотношений носит незаконный характер, в связи с этим возникает вопрос о том, признавать ли такое лицо надлежащим специальным субъектом преступления [2, с. 84].

В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам

о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» действия лица, назначенного на должность с нарушением требований или ограничений, установленных законом или иными нормативными правовыми актами, к кандидату на эту должность (например, при отсутствии диплома о высшем профессиональном образовании, необходимого стажа работы, при наличии судимости и т.п.) при наличии оснований следует квалифицировать соответственно как злоупотребление должностными полномочиями, либо как превышение должностных полномочий [1].

Таким образом, по мнению Верховного суда РФ, для квалификации общественно-опасного деяния как злоупотребление должностными полномочиями, либо как превышение должностных полномочий, необходимо установить, что лицо было назначено на соответствующую должность. При этом установленные нарушения закона при назначении на должность не означают признания такого лица ненадлежащим специальным субъектом преступления. Полагаем, что данное разъяснение является по существу правильным, так как оно позволяет давать адекватную оценку общественно опасного поведения лиц, которые наделены полномочиями специального субъекта незаконно, но тем не менее использовали указанные полномочия из корыстной или иной личной заинтересованности. Вместе с тем сам факт назначения на должность или его отсутствие не всегда влияет на признание лица ненадлежащим специальным субъектом [3, с. 163].

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» с государственным гражданским служащим на основании акта государственного органа о назначении на должность гражданской службы заключается служебный контракт, который вступает в силу со дня его подписания сторонами, если иное не установлено федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации или служебным контрактом [4].

Ст. 16 Федерального закона от 02.03.2007 №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» установлено, что поступление гражданина на муниципальную службу оформляется актом представителя нанимателя (работодателя) о назначении на должность муниципальной службы и заключением трудового договора [5].

Таким образом, законодатель указывает, что поступление на государственную гражданскую и муниципальную службу осуще-

ствляется после издания официального акта (приказа, распоряжения и т.д.) о назначении на должность.

Вместе с тем, граждане могут начинать выполнять обязанности по должности государственной гражданской или муниципальной службы еще до официального назначения. В таких случаях в силу ст. 16 Трудового кодекса РФ трудовые отношения между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя [6]. Таким образом, если гражданин работодателем фактически допущен к выполнению обязанностей по определенной должности и исполняет данные обязанности, то и в отсутствие письменного официального акта о назначении его на должность указанное лицо следует рассматривать как надлежащего специального субъекта преступления.

Только если лицо помимо воли работодателя приступило к выполнению должностных обязанностей или продолжает их выполнять после освобождения или отстранения от должности, следует вести речь о ненадлежащем специальном субъекте.

В отличие от государственных гражданских и муниципальных служащих, нормы трудового права не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы (ч. 8 ст. 11 Трудового кодекса РФ). Согласно ст. 32 и 38 Федерального закона от 28.03.1998 №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» граждане приобретают статус военнослужащего проходящего службу по контракту со дня подписания контракта соответствующим должностным лицом, а утрачивают соответствующий статус после исключения военнослужащего из списков воинской части. Началом военной службы для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, считается день присвоения воинского звания рядового. С указанного дня они приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Окончанием военной службы также считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части [7].

Следовательно, лицо может стать субъектом преступления против военной службы только после издания письменного официального акта. В связи с этим, например, при совершении общественно-опасного деяния до присвоения звания рядового или после издания акта об исключении из списков личного состава воинской части, лицо будет считаться ненадлежащим субъектом преступления против военной службы и, следовательно, не может нести ответственность в

соответствии с гл. 33 УК РФ. При наличии оснований его действия должны быть квалифицированы как преступление против личности, собственности и т.д.

Некоторые охраняемые уголовным законом специальные правоотношения предполагают наделение лица специальным статусом помимо его воли. Например, лицо, отбывающее наказание или находящееся в предварительном заключении, может стать субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»; лицо, осужденное к ограничению свободы, может стать субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ «Злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания» и т.д.

И в данном случае для квалификации преступления необходимо лишь установить наличие специального статуса, например: содержание лица в местах лишения свободы на основании вступившего в законную силу приговора суда. Правоприменитель в таком случае не может и не должен давать оценку законности вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения. Вместе с тем, если в дальнейшем вступивший в законную силу приговор или иное судебное решение были в установленном порядке отменены, лицо должно освобождаться от уголовной ответственности, не в связи с тем, что оно становится ненадлежащим специальным субъектом преступления, а потому, что его деяние в таком случае в связи с изменением обстановки перестает быть общественно опасным.

Учитывая вышеизложенное, следует констатировать, что надлежащим специальным субъектом общественно-опасного деяния в сфере специальных правоотношений является лицо, включенное в систему специальных правоотношений на основании официального акта (приказа, распоряжения, фактического допущения к выполнению обязанностей, приговора, решения суда и т.д.)

Указанное положение необходимо применять в качестве универсального правила при квалификации преступлений со специальным субъектом, действующим в системе специальных правоотношений.

Список литературы

1. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями*

и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

2. *Гладышев Ю.А. Особенности назначения наказания за коррупционные преступления // Актуальные проблемы противодействия экономической преступности на современном этапе: Сборник статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2012. С. 83–88.*

3. *Гладышев Д.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за преступления, посягающие на животный мир, по законодательству Бразилии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 18. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2012. С. 162–166.*

4. *Федеральный закон РФ от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 06.04.2015) «О государственной гражданской службе Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.*

5. *Федеральный закон РФ от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.*

6. *Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 02.05.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.*

7. *Федеральный закон РФ от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.05.2015) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.*

*Летёлкин Н. В.,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СРЕДСТВ

В статье анализируется уголовно-правовая политика в части противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных средств. Автор определяет ее особенности и перспективы оптимизации.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая политика; хищения; телекоммуникационные средства.

Преступления против собственности всегда занимали лидирующие позиции в российской уголовной статистике и особое место среди указанных деяний, конечно же, занимают хищения. Так, например, в 2014 г., почти половину всех зарегистрированных преступлений (45,3 %) составили хищения чужого имущества [16].

Необходимо отметить, что серьезное влияние на способы совершения преступлений (в том числе и хищений) оказывает активное развитие телекоммуникационных сетей. В последнее время участились случаи их использования при совершении различных деяний.

В этой связи, в настоящее время возникла необходимость в исследовании уголовного законодательства в сфере противодействия указанным преступлениям, так как основная роль в борьбе с ними, конечно же, принадлежит уголовной политике. Это мнение сформировалось еще на заре становления уголовной политики в XIX веке [21, с. 4], что не теряет актуальности и в наше время.

Именно поэтому, в первую очередь, хотелось бы обратиться к понятию «уголовная политика». Ввел его в научный оборот юрист криминолог Франц фон Лист. В работе «Задачи уголовной политики» он определял ее как «систематическую совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, – оснований, сообразуясь с которыми го-

сударство, при помощи наказания и родственных ему институтов, должно бороться с преступлением» [21, с. 2].

В дальнейшем проблемам уголовной политики уделяли внимание многие ученые-правоведы. В дореволюционный период развития российского государства и законодательства о ней говорили Н.С. Таганцев [14], И.Я. Фойницкий [7]; в советский период – П.Н. Панченко [13], А.А. Герцензон [5]. На современном этапе развития Российского общества проблемам уголовной политики посвящены труды И.А. Александровой [1], Н.А. Лесникова [9], Н.Э. Мартыненко [10] и др.

Несмотря на значительное число исследований, проведенных в этой области, единого мнения в определении понятия уголовной политики в настоящее время нет. Однако, по нашему мнению, следует придерживаться позиции одного из основоположников учения об уголовной политике – А.А. Герцензона, который считал, что уголовная политика воплощается в деятельности органов государственной власти и общественности в вопросах противодействия преступности [5, с. 179; 6, с. 124; 8, с. 10–11; 3, с. 22].

Уголовная политика включает в себя множество (элементов) направлений, одним из которых является уголовно-правовая политика. Это в целом, более общая точка зрения [2, с. 23].

Разногласия, по большей степени, касаются самостоятельности таких элементов. Например, Е.В. Кобзева считает, что уголовная политика и уголовно-правовая политика являются равноценными понятиями [11, с. 86].

В рамках настоящей публикации мы решили не углубляться в указанную проблему. Обозначим лишь то, что придерживаемся позиций, что уголовно-правовая политика (так же, как и уголовно-процессуальная, и др.) является частью уголовной политики в целом.

По мнению Н.А. Беляева, уголовно-правовая политика представляет собою направление деятельности законодательных и правоприменяющих органов и организаций в выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия (наказаний, административных или общественных мер воздействия) в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений [2, с. 23].

Используя указанное выше определение, можно сформулировать понятие уголовно-правовой политики противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных сетей как направление деятельности законодательных и правоприменительных органов и организаций в выработке общих положений уголовного законодательства в вопросах противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных сетей (средств), выражающаяся в криминализации деяний совершенных с использованием указанных средств, разработке санкций в конкретных составах преступлений и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Следует заметить, что обострение уголовно-правовой политики в указанной области происходит из-за активного развития средств телекоммуникации. В начале 1990-х гг. в Российской Федерации появился Интернет и мобильная связь, которые только к началу 2000-х гг. получили широкое распространение и стали доступны населению. Указанные условия породили появление новых разновидностей преступлений, в том числе и хищений, при совершении которых преступники в качестве средств совершения преступлений использовали различные средства телекоммуникации (компьютеры, мобильные телефоны и т.д.) Возникла и успешно развивается целая информационная индустрия, чья самостоятельность и перспектива дальнейшего развития целиком и полностью зависит от наиболее точного регулирования правоотношений, возникающих при формировании, использовании и защите информационных ресурсов [4, с. 280–282].

Следует отметить, что гл. 28 УК РФ [17, с. 178–180] определяет объект преступного посягательства – компьютерную информацию, при этом зачастую то или иное преступление совершается с использованием телекоммуникационных средств, при этом на общественные отношения в сфере компьютерной информации не посягает и соответственно по ст. 28 УК РФ квалифицироваться не может. Действующее уголовно-правовое законодательство достаточно слабо регламентирует вопросы противодействия преступлениям с использованием телекоммуникационных средств.

Прежде всего, по нашему мнению, это вызвано сравнительно недавним появлением указанных средств в Российской Федерации, говоря о доступности для широкого круга населения. Стремительное развитие высоких технологий, в том числе и телекоммуникационных сетей и средств, требует четкой ориентации уголовно-правовой поли-

тики противодействия указанным преступлениям. Учитывая указанное обстоятельство, необходимо согласиться с мнением о том, что появление все новых и новых форм преступной деятельности, наносящих колоссальный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, требует усиления превентивного характера современного законодательства [23, с. 159–164].

В последнее время вопросам противодействия преступлениям, при совершении которых в качестве средств используются различные телекоммуникационные сети (средства), уделяется внимание на самом высоком уровне. Так, Д.А. Медведев, выступая на расширенной коллегии МВД России в 2012 году акцентировал внимание на необходимости противодействия самым разным проявлениям преступности в информационном пространстве, в том числе и хищениям через «электронные деньги» с использованием возможностей интернета. «В Сети можно встретить не только финансовых аферистов, но и торговцев наркотиками, тех, кто совершает другие преступления» [14].

Стремительное развитие телекоммуникационных сетей и входящих в их состав средств вынуждает законодателя вносить в действующее законодательство существенные коррективы, в ряд норм Уголовного закона введен квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»», Федеральным законом от 01.03.2012 N 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указанное положение введено в ч. 2 ст. 228.1 УК РФ [19], Федеральным законом от 29.02.2012 N 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» в ч. 3 ст. 242 УК РФ и ч. 2 ст. 242.1 УК РФ [18].

Также законодатель не обходит стороной и вопросы противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных сетей, что позволяет сделать вывод о том, что и власть осознает необходимость совершенствования уголовно-правовой политики в сфере противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных средств.

Единственным примером тому является Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Россий-

ской Федерации» [20], согласно которому в Уголовный закон в частности, введена ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» [17, с. 83]. Указанное нововведение породило множество споров о состоятельности нормы. Как такового способа обмана или злоупотребления доверием указанная норма не предусматривает и соответственно частного случая мошенничества не образует. Следует согласиться с мнением о необходимости упразднения ст. 159.6 УК РФ и введения новой формы хищения, «хищения чужого имущества с использованием телекоммуникационных средств» [22, с. 229–233], либо введения соответствующего квалифицирующего признака ст. 158 и ст. 159 УК РФ.

Следует отметить, что использование преступниками достижений научно-технического прогресса, в первую очередь программно-технических средств и способов передачи и обмена информацией, существенно повышает латентность и общественную опасность деяний [15, с. 62–68], в этой связи не ясна позиция законодателя в вопросе снижении санкции ст. 159.6 УК РФ по сравнению с общей нормой мошенничества. Указанная проблема должна быть принята во внимание законодателем в качестве одного из направлений совершенствования уголовного законодательства [15, с. 62–68].

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время говорить об отсутствии уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных средств, не стоит. Законодатель осуществляет попытки введения в Уголовный закон соответствующих норм, однако действенность таких мер вызывает сомнение.

Необходимо понимать, что в настоящее время назрела необходимость в разработке концепции уголовно-правовой политики в сфере противодействия хищениям, совершаемым с использованием телекоммуникационных средств, т.к. сегодняшнее уголовно-правовое законодательство в этой области не соответствует современным темпам развития телекоммуникационных средств и использованию таких средств в преступной деятельности. При этом одной из основополагающих идей должно стать обязательное использование научных достижений в рассматриваемой области [23, с. 159–164].

Список литературы

1. *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003.

2. *Беляев Н.А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.
3. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999.
4. *Воротников В.Л.* Уголовно-правовая политика в отношении преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 72. № 4.
5. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М., 1970.
6. *Исмаилов И.А.* Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). Баку, 1990.
7. *Курс уголовного судопроизводства.* Том I (изд. 4-е) С.-Петербург, типография товарищества «Общественная польза», 1912.
8. *Лесников Г.Ю.* Проблемы реализации уголовной политики: монография. М.: Закон и право, 2005.
9. *Лесников Г.Ю.* Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004.
10. *Мартыненко Н.Э.* Уголовная политика и уголовный закон: соотношение понятий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конф. М., 2006.
11. *Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли* / под ред. док. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.
12. *Официальный сайт Президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/14474> (дата обращения: 23.03.2015).
13. *Панченко П.Н.* Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет. Томск, 1988.
14. *Русское уголовное право. Том I. Часть общая* (изд. 2-е, пересм. и доп.). СПб, 1902.
15. *Смолин С.* Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений // Уголовное право. 2014. N 4.
16. *Состояние преступности за 2014 год.* М.: ГИАЦ МВД России, 2014.
17. *Уголовный кодекс Российской Федерации.* – М.: Проспект, 2015.

18. *Федеральный закон от 29.02.2012 N 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»*. // Российская газета. 2012. № 46. 2 марта.

19. *Федеральный закон от 01.03.2012 N 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Российская газета. 2012. № 48. 6 марта.

20. *Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. Российская газета. 2012. № 278. 3 декабря.

21. *Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. В изложении Бориса Гурвича*. СПб., 1985.

22. *Шумихин В.Г.* Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского Университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 2(24).

23. *Кузменко В.С., Петрянин А.В.* Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26).

*Лугинец Э. Ф.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
кафедры уголовного процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

«ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СВОБОДА» В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассмотрены проявления идеи «процессуальной свободы» на первой досудебной стадии уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела. Акцентируется внимание и на «проблемных» моментах этой стадии: «согласование» возбуждения уголовного дела прокурором, проведение следственных и иных действий и других. Автор приходит к выводу, что идея «процессуальной свободы» пронизывает всю стадию и проявляется повсеместно: и в «свободном» поводе для возбуждения уголовного дела, и в списке участников, и в решениях, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и в возможности проведения достаточно обширного количества следственных и иных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также в сроках и других процессуальных нюансах.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; «процессуальная свобода»; «свободный» повод для возбуждения уголовного дела; прокурор; объяснение.

В данной статье мы хотим проанализировать проявления идеи «процессуальной свободы» на первой досудебной стадии уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела. И прежде чем мы начнем свой анализ, необходимо отметить тот факт, что в настоящее время все более набирает вес позиция ученых процессуалистов – сторонников ликвидации указанной стадии уголовного процесса. По их мнению, стадия возбуждения уголовного дела является лишней в современном уголовном судопроизводстве, которое должно начинаться со стадии предварительного расследования. В связи с чем данную стадию необходимо ликвидировать либо придать ей служебный характер [1]. И если еще лет десять назад подобные высказывания вызвали удивление, то сейчас они все больше завоевывают свои позиции. К примеру, в уголовно-процессуальных кодексах ряда стран Содружества Независимых Государств (СНГ) стадия возбуждения

уголовного дела отсутствует (Украина, Грузия, страны Прибалтики), и они прекрасно без нее обходятся.

«Процессуальную свободу» мы встречаем в самой первой статье 7 раздела «Возбуждение уголовного дела» в системе поводов для возбуждения уголовного дела. В п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ указан один из поводов для возбуждения уголовного дела «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное *из иных источников*».

Данный повод делает систему поводов для возбуждения уголовного дела универсальной, в связи с чем М.П. Поляков назвал его «свободным»: «Жизнь многообразна, и уложить обилие ситуаций в жесткую систему поводов практически невозможно. Поэтому наличие в системе информационных сигналов о преступлении «свободного» повода необходимо приветствовать» [6, с. 99].

Ученик профессора И.Р. Дмитриев, работая дальше в этом направлении, дал определение «свободному» *поводу для возбуждения уголовного дела* – это такой элемент системы поводов, который позволяет этой системе улавливать максимальное число сведений о признаках преступления. Он представляет собой неформализованную (указанный термин означает здесь отсутствие необходимости в уголовно-процессуальной форме) информацию, зафиксированную способом, позволяющим проводить её расшифровку и проверку. Термин «свобода» здесь подразумевает не только широкий информационный охват, но и возможность использования альтернативных методов формирования повода (форма «свободного» повода для возбуждения уголовного дела не должна пониматься как именно уголовно-процессуальная форма)» [5, с. 132–133].

И.Р. Дмитриев исследовал в своей работе стадию возбуждения уголовного дела в срезе концепции «процессуальной свободы». Он обратил свое внимание и на связь «процессуальной свободы» с процессуальной экономией. Действительно принцип процессуальной экономии должен предусматривать определенную формальную свободу системы поводов. Для сравнения вспомним, что в УПК РСФСР было шесть поводов, а нормативное объяснение было дано двум из шести (заявлению и явке с повинной).

Но для возбуждения уголовного дела мало того, чтобы преступление было совершено и осознано пострадавшим, компетентными государственными органами и другими лицами. Необходимо, чтобы лицо осуществило *волеизъявление*, чтобы начались уголовно-

процессуальные правоотношения. Нужно, чтобы лицо проявило волю, то есть *свободу*. Мы имеем в виду уголовные дела частного и частно-публичного характера. Составы данных видов уголовных дел перечислены в ч. 2 и ч. 3 соответственно ст. 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования». (Но в данной статье мы не будем акцентировать свое внимание на свободе потерпевшего при возбуждении уголовных дел частного и частно-публичного характера).

В стадии возбуждения уголовного дела мы встречаем проявления «процессуальной свободы» в следующих моментах:

1. Список участников данной стадии достаточно широк. Согласно УПК РФ к ним относятся: прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель, начальник следственного органа, начальник органа дознания, заявитель, потерпевший, лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, специалист, эксперт, понятые, проживающие в помещении лица, где проводится осмотр, представитель администрации соответствующей организации, в помещении которой проводится осмотр и другие.

Несмотря на то, что прокурор в настоящее время утратил право возбуждать уголовные дела, мы считаем его активным участником данной стадии, поскольку прокурор подписывает статистическую карточку формы № 1 на выявленное преступление, фактически «согласовывает» возбуждение уголовного дела. Кроме этого, прокурор проверяет исполнение требования федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); может вынести постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); истребует и проверяет законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); может передавать, изымать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Для науки уголовного процесса дискуссионным является вопрос отнесения суда к числу участников рассматриваемой стадии. И хотя законодатель твердо стоит на позиции, что суд не должен возбуждать уголовные дела, в науке на этот счет имеются противоположные мнения [4].

Например, С.Г. Бандурин в своей диссертации пишет: «...суду, как органу публичному закон должен предоставлять право возбуждения уголовного дела в случаях, когда задержка в принятии такого решения может повлечь за собой утрату доказательств или есть основания считать, что лицо, на которое указывают имеющиеся сведения как на совершившее преступление, скроется от органов уголовного преследования» [3, с. 109].

Мы считаем, что суд является участником данной стадии, конечно, не таким активным, как следователь, дознаватель или потерпевший по делам частного обвинения. Закон наделяет суд правом в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействия) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя (а это может быть постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела) (ч. 3 ст. 29 УПК РФ); давать санкции на производство следственных действий, проводимых до и после возбуждения уголовного дела (например, о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, личного обыска и других) (п. 4 ч. 2 ст. 29, п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); обязывает суд принять устное сообщение о преступлении, сделанное в ходе судебного разбирательства, и занести его в протокол судебного заседания (ч. 4 ст. 141 УПК РФ); рассмотреть заявление потерпевшего или его законного представителя по уголовным делам частного обвинения (ч. 6 ст. 144 УПК РФ, ч. 1 ст. 318 УПК РФ); дать заключение о наличии (отсутствии) в действиях специальных субъектов признаков преступления (ст. 448 УПК РФ).

По верному замечанию И.Р. Дмитриева обширный список участников стадии возбуждения уголовного дела позволяет использовать этот список в качестве дополнительного аргумента «процессуальной свободы» стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 32].

2. «Процессуальная свобода» в решениях, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 145 УПК РФ). Орган предварительного расследования должен принять одно из следующих решений: возбудить уголовное дело, отказать в возбуждении уголовного дела, передать сообщение по подследственности. Несмотря на то, что перечень решений является исчерпывающим, правоприменителю дается возможность выбирать из трех вариантов (для альтернативы достаточно и двух).

Ранее прокурор согласовывал решение о возбуждении уголовного дела. Сейчас этого не требуется, что также согласовывается

с идеей «процессуальной свободы», принципом процессуальной экономии в данной стадии уголовного процесса. Однако не следует забывать о том, что прокурор все-таки фактически продолжает «согласовывать» возбуждение уголовного дела, так как осталась необходимость подписания статистической карточки на выявленное преступление у прокурора (мы уже упомянули этот нюанс выше). Происходит это следующим образом: орган предварительного расследования предоставляет прокурору собранные материалы, статистическую карточку формы 1 и постановление о возбуждении уголовного дела. Прокурор проверяет материалы, правильность заполнения карточки и если соглашается с возбуждением уголовного дела, то подписывает карточку. В противном случае прокурор выносит постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела как незаконного или необоснованного (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Причем вся указанная процедура возбуждения уголовного дела регламентируется приказом Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29.12.2005 г. (ред. от 20.02.2014 г.) «О едином учете преступлений» [8]. Нам не понятно, почему указанные должностные лица руководствуются не федеральным законом, а приказом?

Нам представляется, что данный порядок вещей противоречит идее «процессуальной свободы» и принципам процессуальной независимости должностных лиц, процессуальной экономии. Следователь (дознатель) в состоянии самостоятельно принимать решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в том диапазоне, который ему предоставляет УПК РФ. Он не должен получать на это «благословение» начальника следственного органа (органа дознания) или прокурора. «Заявитель» же (по любому из поводов для возбуждения уголовного дела) в случае несогласия с решением, принятым следователем (дознателем), может обжаловать данное решение начальнику следственного органа (органа дознания), прокурору, в суд или всем сразу.

3. «Процессуальную свободу» мы можем увидеть в возможности проведения достаточно обширного перечня следственных и иных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела. Этот перечень предоставляет должностному лицу широкий простор для деятельности. Ранее практические

работники, не имея подобных возможностей, были вынуждены заполнять пробелы в законодательстве, придумывая суррогаты следственных действий.

Например, по уголовным делам о взяточничестве, коммерческом подкупе в ходе осмотра места происшествия мы умудрялись проводить и осмотр, и освидетельствование и допрос взяточполучателя, оформляя весь этот «винегрет» протоколом осмотра места происшествия. А по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, составляя прокол осмотра места происшествия, проводили и осмотр, и освидетельствование и даже следственный эксперимент. Аналогичных примеров можно привести очень много.

Не вызывает сомнения, что любое сообщение о преступлении нуждается в тщательной, всесторонней проверке. Должностное лицо, проверяя информацию о признаках преступления, теперь вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве, получать заключение эксперта в разумный срок (проявление принципа процессуальной экономии), осматривать место происшествия, документы, предметы, трупы, производить освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в данных мероприятиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Однако данные новеллы в ч. 1 ст. 144 УПК РФ вызывают много вопросов на практике, так как механизм их применения недостаточно проработан и можно только пожалеть «бедного правоприменителя уже запутавшегося в хитросплетениях уголовной политики последних лет» [2, с. 23–28].

Хотим заострить внимание на том, что новая редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ разрешает получать объяснения при проверке сообщения о преступлении, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств. Безусловно, это является положительным моментом. А.С. Александров и М.В. Лапатников заметили по этому поводу: «Распространение режима «доказательство» за пределы процессуального поля указывает на закладывание нового смысла устоявшихся понятий. Грань между процессуальной и непроцессуальной деятельностью практически стерта» [2].

Однако очень часто, выезжая на место происшествия, следователь (дознатель) берет (либо дает поручение оперуполномоченному, участковому взять) у лиц (будущего потерпевшего, свидетелей и даже подозреваемого) объяснения по поводу обстоятельств произошедшего. Часто следователи (дознатели) оформляют показания в бланк протокола допроса свидетеля, потерпевшего без числа и времени, не предупреждая лицо об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Понятно, что делается это не с целью нарушить закон или чьи-либо права, а в целях оперативного хода расследования, чтобы не утратить важные сведения (доказательства) (ведь лица могут их забыть либо по какой-то причине в другом эмоциональном состоянии умышленно умолчать). Впоследствии следователь (дознатель) либо заполняет эти протоколы допросы числом – после возбуждения уголовного дела, либо зачеркивает на бланке наименование допрос и пишет «Объяснение». Чтобы исключить все эти ненужные трудности, нарушения (которые по своей сути являются фальсификацией), мы считаем целесообразным в ч. 1 ст. 144 УПК РФ внести такое следственное действие, как допрос. И пусть правоприменитель решает по ситуации: взять ли ему у лица объяснение или все-таки провести его допрос.

Также теперь в арсенале практических работников имеется законная возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, таких как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент (ч. 3 ст. 141 УПК РФ, ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). Органы дознания в ходе проведения предварительной проверки могут пользоваться полномочиями, которые им предоставляет ФЗ «О полиции».

4. «Процессуальную свободу» мы можем увидеть и в сроках стадии возбуждения уголовного дела, указанных в ст. 144 УПК РФ. Закон устанавливает продолжительность данной стадии в количестве 3 суток. Однако срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен руководителем следственного органа, начальником органа дознания до 10 суток. А в случае необходимости производства

документальной проверки, ревизии, судебной экспертизы, исследования документов, предметов, трупов, проведения оперативно-розыскных мероприятий, руководитель следственного органа, прокурор по ходатайству дознавателя может продлить указанный срок до 30 суток.

Получается, что срок данной стадии может составлять от 0 до 30 суток, то есть 1 месяц. Законодатель оставляет за правоприменителем свободу выбора сроков на данной стадии.

Мы понимаем, что должностное лицо в одном и том же случае может возбудить уголовное дело в день принятия сообщения о преступлении, то есть незамедлительно, а может и по истечении 3 суток, и даже продлить этот срок до 10 суток (а в предусмотренных законом случае и до 30 суток). В данном случае «процессуальная свобода» вновь пересекается с принципом процессуальной экономии. Также мы можем наблюдать здесь «отсрочку реализации принципа публичности» [7, с. 97].

5. По мнению И.Р. Дмитриева, правовой институт возбуждения уголовного дела имеет межотраслевой характер, что является благоприятным для реализации идеи процессуальной свободы [5, с. 39].

Мы надеемся, что смогли наглядно продемонстрировать, что идея «процессуальной свободы» пронизывает всю стадию возбуждения уголовного дела и проявляется в ней повсеместно: и в «свободном» поводе для возбуждения уголовного дела, и в списке участников, и в решениях, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и в возможности проведения достаточно обширного количества следственных и иных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также в сроках и других процессуальных нюансах.

Список литературы

1. Александров А.С., Круглов И.В. Необходимость и сущность коренной реформы досудебного производства // Уголовно-процессуальная деятельность. Теория. Методология. Практика: Сборник научных статей / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2001. С. 43–44; Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 11; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Томск, 1999; Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном про-

цессе России // Российская юстиция. 2011. № 6; *Бычков В.В.* Стадия возбуждения уголовного дела – нарушение конституционных прав граждан // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1(12). С. 41–52.

2. *Александров А.С., Лапатников М.В.* Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.

3. *Бандурин С.Г.* Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2004. 209 с.

4. *Бойков А.* Опасность негативного правотворчества // Уголовное право. 2000. № 3. С. 96; Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ *Н.В. Витрука* // Российская газета. 2000. 2 февраля; *Седаш Е.А.* Частное начало в Российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 18.

5. *Дмитриев И.Р.* «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005. 180 с.

6. *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под науч. ред. проф. В.Т. Томина. Н. Новгород, 2001.

7. *Поляков М.П., Попов А.П.* Результаты ОРД как повод и основание к возбуждению уголовного дела // Интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности в эффективном уголовном процессе: Сборник научных статей / под ред. В.Т. Томина. Пятигорск, 2001.

8. СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

*Маслова Е. В.,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
НИМБ, г. Нижний Новгород*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблемным вопросам определения вины юридических лиц при привлечении их к административной ответственности в современных условиях, когда административная ответственность юридических лиц окончательно признана законодательно, в том числе на уровне КоАП РФ. Вместе с тем, определение виновности неодушевленного субъекта, существующего исключительно в пруденциальной сфере, представляет известную сложность.

Ключевые слова: вина; юридическое лицо; основание; административная ответственность; административное правонарушение.

Вопрос определения вины юридических лиц при привлечении их к административной ответственности является одним из наиболее сложных и дискуссионных в российской науке [3, с. 5; 5, с. 27; 6, с. 3–4].

По общему правилу, основанием для наступления административной ответственности служит совершение административного правонарушения – виновного и противоправного деяния. Если противоправность является формально-правовым признаком, не вызывающим затруднений для идентификации, то проблема вины, определения виновности неодушевленного субъекта, существующего исключительно в пруденциальной сфере, представляет известную сложность.

Определение вины юридического лица является одной из самых сложных практических проблем непосредственно в правоприменительной, административно-юрисдикционной деятельности, особенно в современных условиях, когда административная ответственность юридических лиц окончательно признана законодательно, в том числе на уровне КоАП РФ.

В юридической литературе отмечается, что вина юридического лица не может произвольно определяться лишь при выявлении вины

конкретного физического лица. Доказыванию подлежит виновность всех работников, осуществляющих действия от имени организации в целом [5, с. 27–28].

Вместе с тем, в науке административного права имеет место и иной подход к вине юридического лица, основанный на приоритете объективного аспекта в деятельности юридического лица. Тождественное по конструкции понятие вины используется в гражданском и предпринимательском праве. При таком подходе вина юридического лица определяется как комплекс негативных элементов, характеризующихся дезорганизацией деятельности юридического лица, неприятием им необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, неприложением требуемых усилий для предупреждения правонарушений и устранения их причин [1, с. 345; 2, с. 477].

Анализируя современные научные концепции вины юридических лиц, можно констатировать следующее. Как в гражданском, так и в административном праве вину юридических лиц чаще всего определяют через вину его коллектива, должностных лиц. При этом вина понимается как отношение организации в лице ее представителей (работников, администрации, должностных лиц) к противоправному деянию, совершенному этой организацией [1, с. 345].

Данный подход в настоящее время нашел отражение в нормах Налогового кодекса РФ и ГК РФ. В частности, в ст. 110 налогового закона вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение правонарушения.

В соответствии со ст. 2.3 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъектов РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Таким образом, для признания юридического лица виновным КоАП РФ предусматривает два условия: 1) у лица была возможность для соблюдения правил и норм; 2) данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры.

Однако, как показывает судебная практика, фактически проблема установления вины трансформируется в проблему доказывания самого акта совершения правонарушения [4, с.17].

Так, суд прекратил ввиду неподведомственности производство по делу о признании незаконным постановления УВД о привлечении ЗАО к ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ за превышение установленной скорости движения транспортного средства, поскольку общество в данном случае привлечено к ответственности как владелец автомобиля, а не как субъект предпринимательской деятельности и не в связи с ее осуществлением.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением. Из материалов судебного дела следует, что общество привлечено к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ за превышение установленной скорости движения транспортного средства.

Как указал арбитражный суд первой инстанции, административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ, посягает на общественные отношения в области дорожного движения и не связано с осуществлением лицом, его совершившим, предпринимательской или иной экономической деятельности.

Общество в данном случае привлечено к административной ответственности как собственник (владелец) транспортного средства, а не в качестве субъекта предпринимательской деятельности и не в связи с осуществлением такой деятельности.

При таком положении правилен вывод о прекращении производства по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с неподведомственностью дела арбитражному суду [7].

Таким образом, юридические лица привлекаются к административной ответственности как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами.

В другом случае постановлением судьи Индустриального суда г. Перми от 21 января 2010 г. МДОУ «Детский сад» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 КоАП РФ, с назначением ему наказания в виде административного приостановления деятельности на срок до 90 суток.

По жалобе, поданной защитников МДОУ «Детский сад», решением судьи Пермского краевого суда постановление судьи районного суда изменено.

При рассмотрении дела об административном правонарушении судья районного суда пришел к правильному выводу о доказанности нарушения учреждением законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и о наличии в его действиях состава административного правонарушения. Между тем, квалифицируя действия учреждения, судья ошибочно согласился с имевшейся в протоколе об административном правонарушении квалификацией по ст. 6.3 КоАП РФ, в то время как ст. 6.7 КоАП РФ, являющейся специальной нормой по отношению к ст. 6.3 КоАП РФ, предусмотрена ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям воспитания и обучения.

При таком положении дел постановление судьи районного суда в части квалификации действий учреждения и наказания, примененного к МДОУ «Детский сад», было изменено. Учреждение было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.7 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа в размере 20 тыс. руб. [8]

Например, решением судьи краевого суда, вынесенным по жалобе ООО «Э», постановление судьи районного суда было отменено в связи с существенным нарушением процессуальных требований, предусмотренных КоАП РФ и регламентирующих предмет доказывания, что не позволило всестороннее, полно и объективно рассмотреть дело.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны обстоятельства, установленные при рассмотрении дела.

Судья при рассмотрении дела об административном правонарушении договор аренды не истребовал и не установил объем обязанностей ООО «Э» в области обеспечения правил пожарной безопасности на арендуемой площади помещения. Сам по себе факт нахождения части помещения на правах аренды у ООО «Э» не являлся достаточным для вывода о совершении им административного правонарушения. Вывод о совершении им правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ, мог быть сделан в том случае, если бы договором аренды предусматривалась обязанность арендатора по содержанию части помещения с соблюдением правил пожарной безопасности.

Кроме того, судья районного суда не установил, кем и на каких правовых основаниях используется остальная площадь помещения,

где именно имели место выявленные нарушения требований пожарной безопасности, и несет ли ООО «Э» ответственность за их совершение с учетом места расположения арендуемой этим юридическим лицом площади и объема предусмотренных договором аренды его обязанностей и прав [9].

В иной ситуации при квалификации действий ООО «Б» судья районного суда не учел факт введения особого противопожарного режима на территории г. Перми и то обстоятельство, что нарушение требований пожарной безопасности было допущено юридическим лицом в условиях данного режима, в связи с чем неправильно квалифицировал действия юридического лица по ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ.

Поскольку при поступлении дела в Ленинский районный суд действия ООО «Б» были квалифицированы по ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ, рассмотрение которой отнесено к подведомственности суда общей юрисдикции, переквалификация действий юридического лица на ч. 2 ст. 20.4 КоАП РФ, рассмотрение которой отнесено к компетенции должностных лиц несудебных органов, возможна с учетом того, что назначаемое наказание будет мягче, и данное дело не относится к компетенции арбитражных судов.

Постановление судьи районного суда было изменено в части квалификации действий ООО «Б» и назначенного ему наказания.

Действия юридического лица были квалифицированы по ч. 2 ст. 20.4 КоАП РФ, назначенное наказание в виде административного приостановления деятельности изменено на административный штраф в размере 20 тыс. руб. [10]

Таким образом, судебная практика показывает, что большой объем рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции, в том числе по вопросам установления вины юридического лица и объективного вменения, нуждается в детальном изучении. В настоящее время теоретическая неопределенность и законодательная несогласованность в определении вины юридического лица создают сложные проблемы в административно-юрисдикционной деятельности по привлечению юридического лица к административной ответственности, что подтверждается противоречивой правоприменительной практикой.

Полагаем, понятие вины является *единым* и заключается в возможности соблюдения установленных норм и правил, а также в неприятии всех зависящих мер по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ). Правовая возможность для соблюдения норм и правил имеет ме-

сто только в том случае, когда определенное поведение лица урегулировано нормой права, устанавливающей его обязанность. Лишь одновременное наличие двух предпосылок – юридической и фактической – позволяет утверждать, что лицо имело возможность соблюсти нормы и правила, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

Список литературы

1. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999.
2. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учебник; 6-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
3. *Иванов И.С.* Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М., 2009.
4. *Иванов Л.О.* Административная ответственность юридических лиц // Российская юстиция. 2001. № 3.
5. *Колесниченко Ю.Ю.* Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. 2003. № 1.
6. *Хаманева Н.Ю.* Вступительная статья к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. СПб., 2002.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 августа 2010 г. по делу № 66-2443/2010 // СПС «Консультант Плюс».
8. Решение судьи краевого суда Пермского края от 8 февраля 2010 г. № 7-67-2010 // СПС «Консультант Плюс».
9. Решение судьи краевого суда Пермского края от 14 января 2010 г. № 7-12-2010 // СПС «Консультант Плюс».
10. Решение судьи краевого суда Пермского края от 15 января 2010 г. № 7-17-2010 // СПС «Консультант Плюс».

*Никаноров С. А.,
аспирант кафедры
уголовного процесса и криминалистики
НПА, г. Нижний Новгород*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье обосновывается необходимость коренного реформирования досудебного производства уголовного процесса России, рассматриваются вопросы совершенствования и оптимизации расследования уголовных дел, вопросы повышения эффективности уголовного процесса. Анализируется взаимодействие органов прокуратуры и следственного комитета, затрагивается роль сокращенных процедур в повышении эффективности и целесообразности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: предварительное расследование; уголовное преследование; реформа; эффективность; прокурор; следователь.

Проблематика борьбы с преступностью в современной России обнажает насущную для всех правоприменителей проблему эффективности и целесообразности в расследовании уголовных дел. Ключевой стадией расследования уголовного дела, конечно, является досудебное производство, которое, на наш взгляд, по существу отражает качественное состояние всей системы расследования уголовных дел и серьезно нуждается в совершенствовании путем проведения коренных реформ.

В настоящее время в юридической литературе немало споров о том, какой должна быть система расследования уголовных дел, но так как за последние годы изменений в уголовно-процессуальный кодекс вносилось огромное множество, что уже свидетельствует об определенных трудностях, большинство исследователей убеждены в необходимости соответствующих изменений.

По вопросам реформирования досудебного производства в разное время высказывались такие ученые, как: Л.В. Головкин, Б.Я. Гаврилов, Н.Н. Апостолова, А.С. Александров, М.Л. Поздняков, А.В. Смирнов, Г.Н. Королев, И.В. Маслов и другие известные исследователи.

Так Н.Н. Апостолова считает, что, бесспорно, досудебное производство в России давно уже нуждается в реформировании и соответствующей оптимизации. И в этой связи анализируя опыт советского уголовного процесса, рассуждая о том, кто должен устанавливать истинные обстоятельства совершенного преступления в рамках уголовного дела: следователь, дознаватель или суд, приходит к выводу,

что советский опыт правосудия со всей очевидностью доказал, что совмещение в одном лице суда функций расследования и разрешения дела по существу приводит к большим злоупотреблениям и произволу с его стороны. А об эффективной защите прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, равно как и о справедливом правосудии, можно будет вообще не вспоминать. В реальной действительности почти две трети судебных процессов в наших судах проходит в режиме особых порядков, не предполагающих исследование доказательств, подтверждающих обстоятельства совершенного преступления и виновности лица [2]!

Данное обстоятельство очередной раз свидетельствует о необходимости и объективной потребности уголовного процесса в дальнейшем совершенствовании сокращенных процедур. Сокращенные процедуры уголовного судопроизводства автором рассматриваются как один из элементов совершенствования и реформирования досудебного производства в качестве приоритетной формы предварительного расследования уголовных дел.

Л.В. Головкин, анализируя проект реформы уголовного процесса в Республике Казахстан, отмечает единство концептуальной и технической идентичности российской и казахстанской уголовно-процессуальных систем. В этой связи для нас интересны положения концепции по совершенствованию уголовного процесса в Казахстане. Эти положения Головкин считает зрелым проектом и, на его взгляд, Казахстан быстро и почти без последствий переболевший еще в 1990-е годы пресловутым искушением «единого следственного комитета», сохранивший в неприкосновенности мощную систему прокуратуры и все ее прерогативы по надзору за следствием и дознанием, т.е., казалось бы, оставшийся в уголовно-процессуальном смысле много более «советским», постепенно накопил интеллектуальные усилия и неожиданно оказался значительно ближе к подлинно современной «не-советской» (если не сказать – европейской) уголовно-процессуальной модели, по крайней мере, на законопроектном уровне, нежели Россия, погрязшая в войне следователей и прокуроров, а также прочих «руководителей следственных органов» и «начальников подразделений дознания» [3].

Вот эта пресловутая конфликтность и различные ведомственные противоречия являются, на наш взгляд, одними из существенных факторов, исключаящими сосуществование этих органов как

самостоятельных структур в правоохранительной системе государства.

Насущный вопрос политического противостояния прокуратуры и следственного комитета также в своей работе поднимает И.В. Маслов и рассуждает, было ли правильным шагом создание СКР или это было ошибкой. В отличие от нашей авторской позиции, он видит необходимость создания единого следственного органа, так как полагает, что функции расследования, уголовного преследования (обвинения) и надзора за этой деятельностью не могут совмещаться в одном органе, однако создание для этой цели СКР считает несовершенной мерой.

Законодатель, выделив СКР из органов прокуратуры для обеспечения независимости следователя и разделения процессуальных функций надзора, обвинения и расследования, дальнейших шагов по воплощению этой идеи не произвел. С выделением из прокуратуры СКР надзорно-контрольная деятельность за расследованием (за следователем) усилилась, и, как следствие, процессуальная самостоятельность следователя допускается только в выборе тактики производства следственных действий, но никак не в вопросах направления хода расследования и принятия важнейших процессуальных решений. Выделением СКР реальной, а не декларативной независимости следователя достигнуть так и не удалось. В этой связи, в практической деятельности бывают случаи, когда независимый следователь оказывается в тисках прокурорского надзора и процессуального, ведомственного контроля [4]. И зачастую на весах между достижением назначения уголовного судопроизводства и ведомственными интересами перевешивают последние.

Несмотря на дискуссию и возможность установления различных путей решения, согласимся, что расследование преступлений осуществляется сейчас в симбиозе двух указанных несовместимых позиций двух органов.

Обозначая свое видение по вопросу реформирования досудебного производства, представляется интересным опереться на мнение профессора А.С.Александрова. По его мнению, вопрос реформирования досудебного производства является ключевым в уголовном процессе, и также рассматривается в ракурсе целесообразности или нецелесообразности создания единого следственного органа и выделения СКР как шага на пути реализации этой концепции.

В большинстве европейских стран реформа предварительного расследования уже проведена. Российская Федерация сейчас пребывает в стадии, которые прошли некоторые страны, вроде ФРГ в 1974 году, когда предварительное расследование стало неэффективным, ввиду большой бумажной волокиты и бюрократизма. Первым шагом в реформировании, по мнению профессора Александрова, должна стать деформализация предварительного расследования.

Удачно подмечено, что снижение объема изготавливаемых документов, сокращение времени для расследования уголовного дела способствует решить проблему предоставления большого количества различной отчетности и ликвидировать тем самым «палочную систему».

Так, например, в Следственном комитете РФ только 45% сотрудников являются следователями, остальные выполняют бюрократическую работу.

Для цели же сокращения также служит дифференциация форм уголовного процесса посредством применения сокращенных процедур уголовного судопроизводства, таких как: дознание в сокращенной форме, особый порядок производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Представляется интересной мысль о том, что в результате реформы должно быть достигнуто процессуальное единство полицейской деятельности, ОРД, доследственной проверки и собственно следствия. Полицейское ведомство в своей деятельности должно сочетать оперативную и следственную работу, осуществлять выявление и раскрытие преступлений как гласными, так и негласными средствами, а статус доказательств результаты этой деятельности должны получить после соответствующей проверки прокурором и рассмотрения судом в условиях состязательности.

Главная мысль сводится к тому, что СКР не укладывается в нормальную модель обвинительной власти, которую возглавляет прокуратура, и является препятствием для проведения институциональной реформы досудебного расследования преступлений [1].

А. Смирнов, также считая досудебное производство чересчур формализованным и не состязательным, приводит данные социологического исследования, согласно которым 70,6% судей предпочитают доверять показаниям, которые обвиняемый дал следователю, а не в суде, а заключениям экспертиз, представленных следователями, от-

дают предпочтение при вынесении решений 77,5% судей. На практике так и выходит, что даже самые добросовестные судьи не могут не довериться материалам уголовного дела, заранее подготовленным в соответствии со всеми нормами уголовно-процессуального права. Суд находится как бы в «тюрьме улик», выйти из которой он не может, несмотря на декларируемый принцип свободы их оценки [5].

В этой связи, на его взгляд, формирование новой модели должно зиждиться на основе состязательности, равенства сторон, деформализации процесса. Для реализации этого подходит введение такой процессуальной фигуры как следственный судья. По его мнению, введение института следственных судей в целом выгодно для интересов расследования и уголовного процесса и в рамках реализации такой модели процесс должен стать полностью состязательным и на основе равноправия.

Как можно заметить, мнения исследователей по вопросу реформирования досудебного производства в уголовном процессе различны.

Формат настоящей статьи не предусматривает исследование детального механизма по реформированию досудебного производства, однако, учитывая мнения авторитетных ученых, полагаем, что сейчас назрела необходимость разработки целой концепции по совершенствованию досудебного расследования уголовных дел.

Однако, определяя вектор дальнейшего развития уголовно-процессуального права и реформы досудебного производства, автор статьи уверенно исходит из тезиса обязательности определения прокурору и органам прокуратуры в целом центрального места в расследовании уголовных дел с предоставлением значительного объема полномочий по руководству расследованием.

Кроме этого, интересным и одним из образующих является нерассмотренный в настоящей статье вопрос об институте возбуждения уголовного дела. Быть ему или не быть? И если быть, то в какой форме? То ли возбуждать уголовное дело по факту совершенного деяния, то ли – по факту уже собранных доказательств. Целесообразность и рациональность этого в науке уголовно-процессуального права ещё предстоит оценить.

Список литературы

1. *Александров А.С., Поздняков М.Л.* Путь институциональной реформы предварительного расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014, №1 (25), С. 78–82.

2. *Апостолова Н.Н.* Реформа досудебного производства в России // Российская юстиция. 2013. N 11. С. 24–27.

3. *Головки Л.В.* Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. N 4. С. 10–13.

4. *Маслов И.В.* От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. N 3. С. 35–41.

5. *Смирнов А.В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.

*Никифорова А. А.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КОНТРАБАНДЫ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И (ИЛИ) ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ (ст. 2002 УК РФ)

В данной статье автором раскрываются вопросы, связанные с эффективностью введения нормы о незаконном перемещении через таможенную границу алкогольной продукции и табачных изделий. Осуществлен сравнительно-правовой анализ уголовного и административного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: контрабанда, таможенная граница Таможенного союза, алкогольная продукция, табачные изделия.

В последнее время законодатель уделяет активное внимание совершенствованию уголовного законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности, вводя новые нормы и представляя в новой редакции уже имеющиеся нормы. Так, во-первых, криминализованы новые деяния, представляющие серьезную угрозу для указанного правоохраняемого блага [1] (200.2, 200.1, 193.1).

Во-вторых, отдельные уголовно-правовые нормы, образующие группу преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, подвергнуты значительной корректировке. В частности, путем расширения перечня криминообразующих признаков, изменена редакция ст. 193 УК РФ [2]; в целях единообразного применения уголовного закона, унифицированы крупный и особо крупный размеры неуплаченных таможенных платежей для физических лиц и организаций [3]; расширена диспозиция ст. 242, ст. 2421 УК РФ включением в качестве одного из противоправных действий, составляющих объективную сторону преступлений – перемещение порнографических материалов и предметов (в том числе с изображениями несовершеннолетних) через Государственную границу Российской Федерации [4].

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) из Уголовного кодекса России была исключена статья 188 УК РФ «Контрабанда», предусматривающая ответственность за пе-

ремещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

После исключения данной нормы из уголовного законодательства, законодателем стали создаваться новые нормы, как некие составляющие элементы утратившей силу статьи 188 УК РФ, и размещаться по разным главам уголовного закона, тогда как ранее объектом данных преступных посягательств являлись только общественные отношения в сфере экономики. Так, контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий заключена в главу 22, следовательно, охраняет отношения в сфере экономической деятельности; контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов заключена законодателем в главу 24, как норма, охраняющая отношения, обеспечивающие общественную безопасность; контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ заключена в главу 25, тем самым осуществляет охрану общественных отношений, обеспечивающих здоровье населения и общественную нравственность. На основе этого возникает вопрос, в связи с чем произошло разделение имеющейся ранее нормы на несколько новых и размещение их по разным главам, тем самым

в качестве объектов их посягательств стали определяться абсолютно различные общественные отношения?

Возможно, это связано с тем, что законодатель определяет экономические отношения не в качестве основного правоохраняемого блага, а только как второстепенный объект уголовно-правовой охраны. Однако остается неясным, почему ранее заключенная в главу 22 УК РФ статья 188, являлась нормой регулирующей отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, а уже сегодня различного рода контрабанды представляют собой нормы, регулирующие иные сферы правоотношений.

Последней из нововведенных норм, регулирующих отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, является статья 200² УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза (далее – таможенную границу) алкогольной продукции и (или) табачных изделий в крупном размере. Ранее, до введения данной статьи в УК РФ, такие отношения регулировались только КоАП РФ. Так, статья 16.2 КоАП РФ предусмотрена ответственность за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров, ст. 16.3 КоАП РФ – за несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Таможенного союза или из Российской Федерации [5]. Согласно Таможенному законодательству разрешен беспошлинный ввоз товаров и вещей, не предназначенных для производственной или коммерческой деятельности. Лицам, достигшим 18 лет, разрешен беспошлинный ввоз до 3 литров алкогольных напитков (задекларированно – до 5 литров), до 50 сигар или сигарилл, или 200 сигарет, или 250 грамм табака. Все, что не укладывается в данные рамки, запрещено к перемещению через таможенную границу Таможенного союза [6].

Таким образом, КоАП РФ установлены количественные и весовые ограничения провозимых через таможенную границу алкогольной продукции и табачных изделий. Однако установлен только денежный предел провозимых товаров, то есть запрещено перемещение через таможенную границу алкогольной продукции и (или) табачных изделий в крупном размере, составляющем 250000 рублей. В связи с этим возникает противоречие между нормами права, так как при перевозе разрешенного административным законодательством количества алкогольной и табачной продукции, но превышающих по стои-

мости 250000 рублей, гражданин будет нести уголовную ответственность в соответствии со ст. 200² УК РФ, несмотря на то, что нормы таможенного законодательства при этом не нарушаются. К примеру, по данным различных организаций стоимость элитного алкоголя варьируется от 800 долларов до 43,6 млн. долларов [7]. Исходя из этого можно предположить, что теперь лицо, перевозящее, к примеру, даже одну бутылку дорогого алкоголя для личных целей, стоимость которого выше установленного предела, будет привлекаться к уголовной ответственности за контрабанду, тогда как его умыслом не усматривалось нарушение таможенных правил. Таким образом, возможно, следует закрепить наличие умысла на совершение такого преступления в данном составе для признания подобных действий преступными.

Также возникает вопрос с установлением законодателем крупного размера перемещаемых через таможенную границу алкогольной продукции и табачных изделий, однако учитывая вышеуказанные данные, можно сделать вывод, что стоимость даже одного такого товара может достигать 2,5 млрд рублей. В таком случае разница с установленной суммой крупного размера в 250000 рублей очевидна. В связи с этим, на наш взгляд, имеет смысл определить сумму особо крупного размера в данной норме.

Несмотря на высокий интерес законодателя к отношениям в сфере ВЭД, некоторые нормы уголовного законодательства, регулирующие ВЭД, на сегодняшний день являются достаточно новыми, и судебная практика по ним небогата. Так, например, в нашей судебной практике на данный момент имеется всего один приговор по делу за совершение жителем Пятигорска валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте на счета нерезидентов с использованием подложных документов [8]. Подобные данные наводят на вопрос, имеется ли смысл ввода таких норм, которые не способны эффективно работать, и действительно ли необходимо уголовно-правовое регулирование рассматриваемых отношений?

Постараемся разрешить этот вопрос на примере рассматриваемой нами статьи 200.2. Во-первых, законодателем учтены предыдущие пробелы законодательства, имеющиеся в статье 188 УК РФ. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 №15-П положение части первой статьи 188 во взаимосвязи с частью 1 статьи 16.2 и частью 2 статьи 27.11 КоАП Российской Федерации признано не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой

данное положение в системе действующего правового регулирования позволяет при оценке стоимости товара, перемещаемого физическим лицом через таможенную границу Российской Федерации и предназначенного для личного пользования, в целях определения наличия состава преступления (ст. 188 УК РФ) или административного правонарушения (ст.ст. 16.2, 16.3 КоАП РФ), а также исчисления размера административного штрафа использовать его рыночную стоимость на территории Российской Федерации и в стоимость товара для указанных целей включать стоимость всего перемещаемого товара, в том числе и ту ее часть, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов.

Сегодня законодателем статья 200.2 УК РФ содержит примечание, согласно которому при расчете размера стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий из всей стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий подлежит исключению та часть стоимости указанных товаров, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована, а статья 16.2 КоАП РФ дополнена примечанием, согласно пункту 1 которого для исчисления размера административного штрафа, налагаемого на граждан, используется стоимость товаров для личного пользования, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу Таможенного союза [5]. При этом из указанной стоимости исключается стоимость товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза с освобождением от уплаты таможенных пошлин, налогов в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза.

В-третьих, статистика административных правонарушений, предусмотренных статьями 16.2 и 16.3 КоАП РФ, достаточно высока [9], на основании чего объяснимо желание законодателя установления уголовной ответственности за подобные нарушения законодательства, так как ущерб от таких действий, как и от всех иных внешнеэкономических преступлений, является крайне высоким и наносит значительный удар экономике страны.

Таким образом, мы считаем, что для более эффективного функционирования данной нормы необходимо внести в нее некоторые изменения относительно умысла субъекта преступления, суммы крупного размера, а также учесть расхождения с административным

законодательством в стоимостных и количественных характеристиках перемещаемых товарах.

Список литературы

1. *Федеральный закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть 1). Ст. 83; *Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть 1). Ст.85; *Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26 (часть 1). Ст. 3207.

2. *Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26 (часть 1). Ст.3207.

3. *Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

4. *Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

5. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2015)* // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

6. *Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕвразЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17 (ред. от 10.10.2014)* // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

7. URL: <http://top10a.ru/top-10-samyie-dorogie-alkogolnye-napitki-v-mire.html> (дата обращения: 03.03.2015).

8. URL: <http://www.yuga.ru/news/350878/> (дата обращения: 03.03.2015).

9. URL: <https://rospravosudie.com/etapd-pervaya-instanciya/vidpr-administrativnoe/section-acts/> (дата обращения: 01.03.2015).

*Паньшин Д. Л.,
майор полиции,
адъюнкт кафедры криминологии
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В работе рассматриваются вопросы уголовной ответственности за множественность преступлений. Освещаются наиболее проблемные вопросы, связанные с формами множественности, на основании материалов судебной практики РФ, предложений отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: совокупность, рецидив, неоднократность, повторность, систематичность, множественность.

Где законы ясны и точны,
обязанность судьи состоит единственно
в установлении события
*Ч. Беккариа*¹.

На практике нередко встречаются случаи, когда одним лицом совершается не одно, а несколько преступлений, что вызывает существенные уголовно-правовые особенности квалификации этих преступлений и назначения за них наказания, связанные с тем, что имеет место множественность преступлений. Сложность в квалификации деяния содержащего признаки преступления предусмотренного несколькими статьями представляется в неоднозначном понимании понятий общей и специальной нормы и их конкурирующая взаимосвязь.

Конкуренция уголовно-правовых нормы как элемент системы множественности преступлений изучалась в связи с определением понятий неоднократности, повторности, совокупности преступлений, рецидива². Особенно проблема конкуренции общих и специальных

¹*Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 106.

²О множественности преступлений см., например: *Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права. М., 2001; *Уголовное право России: учебник* / М.П. Журавлев [и

уголовно-правовых норм как элемент совокупности преступлений вызывает, на наш взгляд, наибольший интерес на современном этапе развития российского законодательства.

Верховный Суд Российской Федерации систематически выносит постановления о разъяснении порядка квалификации преступных деяний, но однозначного мнения до сих пор нет, поскольку нет законодательного закрепления данного механизма. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не содержит специальных глав о множественности преступлений, а также о правилах квалификации преступных деяний. В тоже время Уголовный кодекс Республики Молдова [6] содержит целую главу о квалификации преступлений. В свою очередь Уголовный кодекс Республики Латвия содержит статьи определяющие понятие множественности преступлений, которое образует повторность, совокупность и рецидив преступных деяний [5].

Представляется необходимым рассмотреть частные случаи конкуренции общих и специальных составов преступлений как одного из элементов совокупности преступлений, а также на этой основе попытаться сформулировать правила квалификации преступных деяний по данным признакам.

Выделяя и сопоставляя элементы общих и специальных уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, необходимо выделить факторы, позволяющие отнести деяние к тому или иному составу преступления; исходя из полученных выводов и проанализировав ряд зарубежных источников, сформулировать предложение по законодательному закреплению правил квалификации деяний.

Данное исследование позволит наглядно убедиться в необходимости законодательной регламентации понятийного аппарата множественности преступлений, а также выделить проблемы в квалификации деяний при конкуренции общих и специальных норм.

Небезынтересно отметить, что теории российского дореволюционного уголовного права и российскому уголовному законодательству была известна дифференциация совокупности преступлений на идеальную и реальную. Например, в Своде законов уголовных употреблялось выражение «стечение преступлений», которое в Уголовном уложении (первоначальная редакция 1842 г.) было заменено словом «совокупность». Под совокупностью в ст. 165 Уложения

др.]; под ред. А.И. Рарог. М. 2005; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005 и др.

понимался случай, когда подсудимый был признан виновным в учинении в одно или разное время нескольких до того ещё ненаказанных преступлений, не покрытых древностью или же общим или особенным прощением [4].

Несмотря на имеющиеся разногласия по этим проблемам, понятие множественности преступлений и понятие квалификации деяний разрабатывается теорией уголовного права и пока неизвестно российскому уголовному законодательству.

В соответствии со статьей 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При этом, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Так, приведем несколько примеров из судебной практики: например, если при изнасиловании (статья 131) или совершении насильственных действий сексуального характера (статья 132) в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ [2]. Подчеркнем, что с одной стороны если применялось насилие в виде побоев, то деяние содержащее насилие охватывается уже статьей 131 или статьей 132 УК РФ, и дополнительной квалификации не требуется.

В тоже время убийство в процессе совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера следует квалифицировать по совокупности преступлений предусмотренных пунктом «к» части 2 статьи 105 УК РФ и соответствующими частями статьи 131 и статьи 132 УК РФ.

Если участником преступного сообщества (преступной организации) тяжкое или особо тяжкое преступление не было доведено до конца по независящим от руководителя преступного сообщества или иных его участников обстоятельствам, его действия в зависимости от конкретных обстоятельств дела подлежат юридической оценке как приготовление к совершению конкретного тяжкого или особо тяжко-

го преступления или как покушение на его совершение (по части 1 или части 3 статьи 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации), а также с учетом положений статьи 17 УК РФ по совокупности преступлений: по части 1 статьи 210 УК РФ – действия руководителя преступного сообщества и входящего в него структурного подразделения и по части 2 статьи 210 УК РФ – действия иных участников преступного сообщества (преступной организации). При этом дополнительной квалификации действий руководителя преступного сообщества по части 2 статьи 210 УК РФ не требуется [3].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) заключается в том, что поскольку диспозиция статьи 210 УК РФ предусматривает ответственность за сам факт создания преступного сообщества, руководства им или участия в нем, но не предусматривает ответственность за совершение иных преступлений, совершение участником преступного сообщества либо участником объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных преступных групп конкретных преступлений независимо от их тяжести подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 210 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В этих случаях следует руководствоваться положениями статьи 17 УК РФ о самостоятельной квалификации каждого преступного деяния.

При этом руководитель (организатор) преступного сообщества также несет ответственность по совокупности преступлений как за совершенные участниками сообщества преступления (или за покушение на их совершение), так и по части 1 статьи 210 УК РФ за создание преступного сообщества (преступной организации) либо за руководство таким сообществом.

Таким образом, мы видим, что ВС РФ своими разъяснениями, исходя из теории уголовного права о совокупности преступлений, относит одни деяния к имеющим идеальную совокупность преступлений, а другие – к реальной совокупности. При этом ссылка на теорию уголовного права, на наш взгляд, является основой для выработки правил квалификации преступлений, требующей законодательного их закрепления.

В свою очередь, Л.Д. Гаухман предлагает квалификацию преступлений определить не только как установление точного соответст-

вия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовными законом, но и как процесс юридического закрепления.

Профессор В.Н. Кудрявцев совершенно справедливо утверждает, что квалификация преступления представляет собой, с одной стороны, *процесс* и, с другой – результат [1, с.7].

В качестве одной из составных частей процесса квалификации выделяются мысленные операции субъекта квалификации преступлений по сопоставлению признаков совершенного деяния и признаков конкретного состава преступлений. Результат квалификации заключается в юридическом закреплении вывода о соответствии деяния признакам преступления при помощи фиксации в уголовно-процессуальных документах.

Однако необходимо отметить, что ключевым моментом в квалификации преступления является законодательно закрепленная регламентация порядка мысленного процесса.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо в уголовном законе закрепить следующие положения, такие как: определить, что общей признается уголовно-правовая норма, охватывающая состав преступления без дополнительных квалифицирующих признаков, а специальной – уголовно-правовая норма, предусматривающая деяние, наиболее полно содержащее в себе все признаки состава преступления, включая квалифицирующие и дополнительные признаки состава.

Список литературы

1. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 7.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?ld=9636 (дата обращения: 24.03.2015).

3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. №8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)». Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?ld=9636 (дата обращения: 24.03.2015).

4. *Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4* / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987.

5. *Уголовный кодекс Республики Латвия* [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 26.03.2015).

6. *Уголовный кодекс Республики Молдова* [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268> (дата обращения: 25.03.2015).

*Пелевина А. В.,
заведующий кабинетом кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы дифференциации ответственности компьютерных преступлений с квалифицирующими составами, дается доктринальная характеристика отдельных квалифицирующих обстоятельств, обращается внимание на некоторые юридико-технические погрешности, допущенные законодателем при их конструировании.

Ключевые слова: компьютерные преступления; дифференциация; квалифицирующие признаки; юридико-технический прием; крупный ущерб; корыстная заинтересованность; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; использование своего служебного положения; тяжкие последствия; создание угрозы тяжких последствий.

В процессе правотворческой деятельности законодатель в качестве дифференциации ответственности и наказания использовал юридико-технический прием конструирования – квалифицирующий признак. Проведенное исследование показало, что, по сравнению с первоначальной редакцией уголовного закона, законодатель квалифицирующий признак значительно расширил: практически в каждой второй статье Особенной части УК РФ содержится описание одной либо двух квалифицированных или особо квалифицированных разновидностей составов преступлений. Включение указанных признаков в состав преступления наделяет их характерными чертами, придает им особое значение, влияет на санкцию, отражающую специфику диспозиции.

В конечном итоге квалифицирующие признаки составов преступлений позволяют отграничивать преступление от административного проступка, выступают в качестве отягчающих или смягчающих обстоятельств [4, с. 300].

Полагаем, что задачей законодателя является в соответствии с юридико-техническими правилами правильно сконструировать ква-

лифицирующие признаки, исключить неопределенность в оценки их содержательных элементов, громоздкость в изложении, затрудняющих понимание текста уголовного закона.

Однако, несмотря на очевидность и бесспорность указанных положений, законодатель в процессе конструирования квалифицирующих признаков допустил отступление от установленных правил. Характерным примером могут служить квалифицирующие признаки статей об ответственности за компьютерные преступления.

Так, если в частях 2 ст. 272, 273, 274 УК РФ первоначальной редакции формулирование квалифицирующего признака начиналось со слов «то же деяние...», то в настоящее время во всех частях статей главы 28 УК РФ описание квалифицирующих признаков начинается словами «деяние, предусмотренное частями...», и в части 2 ст. 172 УК РФ формулировка начинается со слов «то же деяние...». Такой прием в конструировании квалифицирующих признаков вряд ли можно признать правильным, так как нарушается единый подход к изложению квалифицирующих признаков.

Отметим, что законодатель к числу квалифицирующих признаков состава компьютерных преступлений отнес: крупный ущерб; корыстную заинтересованность; группу лиц по предварительному сговору; организованную группу; использование своего служебного положения; тяжкие последствия; создание угрозы тяжких последствий. Такая конструкция квалифицирующих признаков потребовала от ученых доктринальных разъяснений. В представленной статье автор, исходя из исследования доктринальных положений, дает некоторые толкования квалифицирующим признакам компьютерных преступлений.

Характеристика квалифицирующих признаков компьютерных преступлений. Как уже отмечалось, законодатель при конструировании статей об ответственности за компьютерные преступления предусмотрел в качестве квалифицирующих признаков следующие виды: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 272 УК РФ; ч. 2 ст. 273 УК РФ); организованной группой (ч. 3 ст. 272 УК РФ; ч. 2 ст. 273 УК РФ); лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 272 УК РФ; ч. 2 ст. 273 УК РФ); тяжкие последствия (ч. 4 ст. 272 УК РФ; ч. 3 ст. 273 УК РФ); крупный ущерб (ч. 2 ст. 272 УК РФ; ч. 2 ст. 273 УК РФ); корыстная заинтересованность (ч. 2 ст. 272 УК РФ; ч. 2 ст. 273 УК РФ); создание угрозы тяжких последствий (ч. 3 ст. 273 УК РФ, ч. 2 ст. 274 УК РФ).

Группа лиц по предварительному сговору. Законодательное закрепление понятия совершения преступления группой лиц по предварительному сговору содержится в ч. 2 ст. 35 УК: преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении этого преступления. Применительно к исследуемой теме при установлении данной формы соучастия следует обращать внимание на наличие предварительного сговора на совершение преступления, который должен состояться до начала противоправного посягательства на объект уголовно-правовой охраны, образующего объективную сторону неправомерного доступа к компьютерной информации. Совершение преступления по предварительному сговору группой лиц следует рассматривать как квалифицированный вид только в тех случаях, когда все соучастники действуют как исполнители. Если группа состоит из одного исполнителя и других соучастников, то их деяния не может квалифицироваться по ч. 2 ст. 272 УК, предусматривающей признаки совершения преступления группой лиц по предварительному сговору [6, с. 18].

Организованная группа. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации признается совершенной организованной группой, если он совершен устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Указанной разновидности соучастия характерно наличие следующих признаков: а) заранее предварительное объединение для совершения преступления; б) высокая степень организованности, включающая: планирование и тщательную подготовку преступной деятельности, распределение ролей между соучастниками; в) устойчивость, то есть стабильный состав участников, тесная взаимосвязь между ними, согласованность действий участников, постоянство форм и методов преступной деятельности [1, с. 2].

Изучение судебных источников показало, что высшая судебная инстанция – Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя понятие организованной группы, давал в своих многочисленных постановлениях противоречивые законодательному определению толкования. Такой подход нельзя признать оправданным, так как он затрудняет понимание организованной группы и делает невозможным провести отграничение от группы лиц, либо лиц по предварительному сговору.

В этой связи следует согласиться с мнениями ученых, считающих, что Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях не должен выходить за законодательные рамки, в которых сформулированы признаки организованной группы [5, с. 29–32].

Примером действия организованной преступной группы может служить описание в российских средствах массовой информации операции по неправомерному доступу к компьютерной информации, осуществляемой по заказу одной из московских преступных группировок, в которую входило около двадцати человек: «главный хакер (технический руководитель операции), его ассистенты, операторы группы ресурсной поддержки, находившиеся в разных районах г. Москвы, собственно охрана указанных лиц, внешняя охрана – работники милиции» [3, с. 9].

Особую опасность представляют международные организованные группы, в которых, кроме распределения ролей и обязанностей, распределяются места совершения преступных действий в масштабах разных стран. Так, преступная организованная группа компьютерных взломщиков, называющая себя MOD или «мастера скачивания», проникшая в американскую компьютерную систему, управляемую спутниками, насчитывала около 15 человек, в числе которых были американцы, англичане, русские [8, с. 8–9].

Деяние, совершенное организованной группой, необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 275 УК без ссылки на ст. 33 УК независимо от выполнения конкретных функций того или иного члена группы (исполнителя, пособника, подстрекателя и т.п.) [6, с. 38].

Использование своего служебного положения. В уголовно-правовом значении под использованием служебного положения предполагается доступ к охраняемой законом компьютерной информации в силу занимаемой должности либо выполнения обязанности по службе. Например, виновный на основании договора или соглашения с собственником, владельцем или иным пользователем имеет доступ к компьютерной информации, занимается обслуживанием компьютеров, информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, к лицам, имеющим допуск к компьютерной информации, обслуживанию компьютеров, информационно-телекоммуникационным сетям следует относить лиц, профессиональная деятельность которых непосредственно связана с эксплуатацией компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей, техническим обслуживанием (программисты,

операторы, администраторы базы данных, работники службы защиты информации, инженеры по терминальным устройствам и т.д.).

В данном случае, действие лица, хотя и осуществляется в пределах его служебной компетенции, но совершается с явным нарушением установленного порядка осуществления своих функциональных обязанностей, регламентированных нормативными правовыми актами [6, с. 18].

Неправомерным доступ к компьютерной информации будет признаваться в том случае, если указанные лица выходят за пределы своих функциональных обязанностей и получили возможность распоряжаться компьютерной информацией, на которую их полномочия не распространяются, либо к которым они доступ не имеют.

Тяжкие последствия. Квалифицирующий признак тяжкие последствия рассматриваемого преступления предусмотрен в ч. 4 ст. 272 УК РФ и ч. 3 ст. 273 УК РФ. По конструкции данный состав преступлений материальный и считается оконченным при наступлении общественно опасных последствий – причинением тяжких последствий в результате создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ. Законодатель при обрисовке тяжких последствий в исследуемом составе использует оценочные понятия, которые устанавливаются следственно-судебными органами с учетом всей совокупности объективных и субъективных обстоятельств дела. В уголовно-правовой доктрине к тяжким последствиям относят причинение крупного материального ущерба пользователям компьютерной информации; длительную остановку работы предприятия или учреждения; несчастные случаи с людьми (причинение легкого вреда здоровью, причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, причинение смерти хотя бы одному человеку) [6, с. 18].

Тяжкими последствиями могут быть признаны любые последствия, исходя из конкретных обстоятельств дела. Следует иметь в виду, что если в действиях лица будут содержаться не только признаки преступления, предусмотренного ст. 273 УК, но и признаки другого преступления (например, убийство, тяжкий вред здоровью), предусматривающие аналогичные последствия по неосторожности, оно должно квалифицироваться по совокупности (ст. 17 УК). Так, если в результате создания, использования и распространения вредоносных программ произошло нарушение технологического процесса на производстве и это послужило причиной наступления смерти по неосто-

рожности, указанные деяния должны квалифицироваться по совокупности.

Квалифицированный состав преступления предусмотрен в ч. 2 ст. 274 УК – причинение по неосторожности тяжких последствий. В данном случае тяжкие последствия – оценочное понятие, содержание которого необходимо устанавливать применительно к каждой конкретной ситуации в зависимости от фактического обстоятельства дела. Тяжкие последствия могут выражаться в различных формах: дезорганизации деятельности предприятия или учреждения; безвозмездной утрате ценной компьютерной информации; уничтожении системы ЭВМ или их сети; выходе из строя важных технических средств, обеспечивающих обороноспособность страны, безопасность жизни и здоровья граждан; создании опасности технологической, военной, экологической или иной катастрофы; осложнении межгосударственных отношений – возникновении (провоцировании) вооруженных конфликтов [7, с. 583–584].

Крупный ущерб. Стоимостной критерий крупный ущерб в качестве квалифицирующего признака законодатель установил в ч. 2 ст. 272 УК РФ и ч. 2 ст. 273 УК РФ. В соответствии с примечанием 2 ст. 272 УК РФ крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. Отметим, что в первоначальной редакции крупный ущерб как конструктивный признак общественно опасного последствия объективной стороны не устанавливался.

Квалифицирующий признак *корыстная заинтересованность* законодатель определил в качестве обязательного признака субъективной стороны в ч. 2 ст. 272 УК РФ и ч. 2 ст. 273 УК РФ. Под корыстной заинтересованностью понимается стремление виновного получить для себя или других лиц незаконную имущественную выгоду. Например, за вознаграждение виновной по просьбе третьего лица уничтожает экономическую информацию о финансово-хозяйственной деятельности и уклоняется от уплаты долга либо убирает конкурента с хозяйственного рынка. Получение выгоды при корыстной заинтересованности предопределяется противоправностью деяния, желанием получить для себя материальную выгоду [2, с. 27].

Создание угрозы тяжких последствий. Под созданием угрозы наступления тяжких последствий понимается сложившаяся ситуация, свидетельствующая о наличии реальных оснований опасаться в зависимости от конкретных обстоятельств наступления тяжких последствий. Уголовно-правовое значение данного квалифицирующего при-

знака включает в себя совершение разнообразных противоправных действий с информационными системами, создающими угрозу наступлений тяжких последствий.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. №7. С.2; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №3. С.2.

2. *Изосимов С.В., Кузнецов А.П.* Ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: учебно-практ. комментарий к главе 30 УК РФ. Н. Новгород, 2002. С. 27.

3. *Кокоткин А.* Компьютерные взломщики // Аргументы и факты. 1997. № 8. С. 9.

4. *Кругликов Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.

5. *Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н.* Ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 280, 282¹, 282² УК РФ): лекция. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2008. С. 29–32.

6. *Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Паршин С.М.* Преступления в сфере компьютерной информации: учебно-практ. пособие. Н. Новгород, 2007.

7. *Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов.* 4-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 583–584.

8. Хакеры атакуют американскую систему обороны // Конфидент. 1998. №3. С. 8–9.

*Петров С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КРЕДИТНО-ФИНАНСОВУЮ СФЕРУ ЭКОНОМИКИ

В представленной статье осуществлен криминологический анализ причинного комплекса, способствующего совершению криминальных посягательств на кредитно-финансовую сферу. Устанавливаются общие и специальные условия, способствующие их совершению, определяется их детальное содержание.

Ключевые слова: кредитно-финансовая сфера; профилактика; общие и специальные условия; предупреждение.

То обстоятельство, что кредитно-финансовая система представляет собой структурный элемент экономики в целом, определяет целесообразность осуществления криминологического исследования рассматриваемых уголовно-правовых деликтов с рассмотрения общей характеристики причинного комплекса экономической преступности в современной России.

В последнее время в Российской Федерации произошли серьезные экономические, социально-политические и культурные изменения, которые обусловили негативную качественную и количественную трансформацию в состоянии, структуре и динамике преступности.

В связи с этим рядом ведущих криминологов в качестве главных факторов, влияющих на экономическую преступность последних десятилетий, называются пять основных групп факторов:

- 1) экономические реформы, проводимые ошибочными методами и ускоренными темпами;
- 2) ценностный вакуум;
- 3) влияние криминальных структур и видов криминального поведения, унаследованных от СССР;

4) слабость Российского государства, возникшего на месте бывшего СССР [4, с. 79];

5) возникновение в стране многих маргинальных и незащищенных социальных слоев и групп, положение которых делает их потенциальным резервом преступности [3, с. 74].

Вышеуказанные факторы являются причинами, определяющими настоящее состояние экономической преступности в России. Однако они, в свою очередь, являются производными от первопричины – смены социально-экономического строя, которая всегда, даже при отсутствии издержек, влечет увеличение преступности в целом и экономической преступности, в частности. Однако ошибки в проведении социально-экономических реформ еще более ухудшают ситуацию с преступностью.

Ценностный вакуум является относительно новым фактором в причинном комплексе экономической преступности. Поэтому остановимся на нем подробнее. Россия в течение двадцатого века пережила два коренных социально-экономических переворота. В 1917 году произошла ломка ценностей самодержавия, а в 90-е годы – ценностей социализма. Но эта «мирная» революция не повлекла ни возвращения к ценностям старой России, ни внедрения новых демократических ценностей. В.С. Устинов придерживался точки зрения, что в годы перехода к рынку криминализация и злоупотребления властью дискредитировали и такие либеральные ценности, как свобода мысли, слова, печати, демократия, гласность и экономическая свобода [4, с. 86]. Экономическая свобода резко усилила те теневые процессы, которые хотя и были в СССР, но жестко контролировались. В условиях же либерализации эти процессы приобрели массовый и криминальный характер [3, с. 76].

Б.В. Волженкин при анализе причин экономических преступлений использовал нейтральный термин «обстоятельство», выделяя факторы, действующие на макроуровне, определяющие само наличие преступности в экономике и благоприятствующие ей, и обстоятельства, способствующие совершению конкретных преступлений. Среди обстоятельств общего характера, определяющих современную экономическую преступность, он называл:

1) издержки экономической политики, экономики и социально немотивированный радикализм, а также непоследовательность в проведении реформ;

2) необоснованное и преждевременное отстранение государства от публично-правового регулирования экономических отношений в условиях становления рынка, недостатки существующей системы государственного контроля;

3) организационно-психологическую неподготовленность хозяйствующих субъектов и населения, отсутствие навыков экономического поведения в новых условиях;

4) необоснованную либерализацию правового регулирования, отставание правового регулирования хозяйственной деятельности;

5) недостатки в деятельности правоохранительных органов;

б) сохраняющиеся факторы, характерные для планово-распределительной экономики [1, с. 244].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что криминальные факторы экономической преступности разными учеными формулируются по-разному, однако можно сформулировать ряд обстоятельств, обуславливающих экономическую преступность, которые признаются большинством научной общественности, занимающейся проблемами криминологии, в частности:

– неразвитость форм правового регулирования реформируемой экономики;

– размытость границ деятельности государства в экономической деятельности;

– неподготовленность государственных органов к работе в принципиально новой экономической обстановке;

– социальная дезорганизация;

– коррупция.

Такова общая характеристика причинного комплекса экономической преступности в современной России, которая охватывает все общественно опасные деяния, определяемые как преступления в разделе VIII Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако каждая отдельно взятая совокупность преступлений, посягающих на типовые общественные отношения, помимо общих, «родовых» причин, имеет и свой специфический причинный комплекс, то есть те объективные обстоятельства, которые оказывают наибольшее негативное влияние именно на тот круг общественных отношений, который охраняется в рамках самостоятельного уголовно-правового института. Не являются исключением и составы, которые в своей совокупности образуют институт криминальных посягательств на кредитно-финансовую сферу.

К числу основных причин, оказывающих наибольшее негативное влияние на криминальную обстановку именно в рассматриваемой сфере, необходимо отнести следующие:

1) пробелы в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, связанных с использованием, накоплением и перераспределением финансовых ресурсов. На первоначальном этапе становления современной системы кредитно-финансовых отношений нередко обнаруживались факты, что те или иные области указанных отношений вообще не имели необходимой правовой регламентации, обеспечивающей нормальное функционирование финансовых институтов. Примером в данном случае может служить сфера банковского кредитования. Отсутствие нормативных актов, содержащих регламентацию порядка обеспечения выдаваемых банками кредитов, способствовало тому, что преступники без особого труда могли взять в банках ничем не обеспеченные кредиты на огромные суммы и не возвращать их.

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих кредитно-финансовую сферу в настоящий момент, также приводит к неутешительным выводам. В частности, отмечается, что многие законы, положения и инструкции, призванные регулировать общественные отношения в данной сфере, противоречат друг другу. Данный факт свидетельствует о недопустимой поспешности их принятия, которое не было обеспечено достаточным анализом причинного комплекса, способствующего криминализации кредитно-финансовой сферы;

2) внедрение кредитными организациями новых форм работы с клиентами вследствие изменения практики документооборота между субъектами кредитно-финансовых отношений (в том числе платежных документов).

Естественно, что развитие отношений в той или иной сфере экономики, а также появление их новых форм предполагает внедрение новых методов достижения поставленных целей. Кредитно-финансовые отношения не являются исключением.

Развитие экономических отношений обусловило увеличение количества субъектов кредитно-финансовой сферы, а также развитие новых форм отношений между ними. В свою очередь увеличение количества субъектов кредитно-финансовых отношений требует введения новых схем производства платежей и расчетов с целью экономии времени и средств (например, кредитные карточки), а появление новых форм отношений требует внедрения ранее не практиковавшихся

методов регулирования контактов между субъектами (например, введение новых условий кредитования, изменения старых или введение новых платежных документов и т.д.). Разумеется, криминальные структуры производят анализ складывающейся ситуации в кредитно-финансовой сфере и сфере товарооборота с целью найти возможность незаконно обогатиться. И нередко такую возможность находят;

3) необеспеченность эффективной защитой от использования фиктивных документов сферы оборота безналичных денежных средств;

4) отсутствие эффективного контроля за деятельностью учреждений кредитно-финансовой системы. В первую очередь это касается коммерческих банков. Данное обстоятельство позволяет должностным лицам, осуществляющим управленческие и иные командно-распорядительные функции в банках, совершать крупные злоупотребления. Этому способствует также тот факт, что вышеуказанные лица практически никому не подконтрольны. А в случае проверок, осуществляемых правоохранительными органами либо иными контролирующими организациями, они нередко стремятся создать препятствия для объективной оценки их деятельности, ссылаясь на коммерческую тайну. В этой связи не вызывает удивления то обстоятельство, что преступления в сфере банковской деятельности характеризуются повышенной латентностью, а также то, что в случае выявления уголовно наказуемого общественно опасного деяния в данной сфере субъектом преступления часто оказываются должностные лица или служащие банков;

5) повышение уровня экономических и юридических знаний у определенного круга населения. В переходные, кризисные периоды истории и общество, и государство, как правило, пытаются определить такие направления развития, которые способны помочь преодолению кризиса, обеспечить успешное развитие страны. Образование было и остается одним из этих направлений. Изменения социально-экономической ситуации в стране в постсоветский период обусловили востребованность специалистов в области экономики и юриспруденции, что послужило причиной многократного увеличения лиц, имеющих высшее образование именно по этим специальностям. Естественно, что следствием увеличения числа граждан, знающих механизмы регулирования общественных отношений в кредитно-финансовой сфере и сфере товарооборота, а также ориентирующихся в нормативно-правовых актах, регулирующих действие этих меха-

низмов, стало увеличение числа преступных посягательств в данных сферах;

б) доступность ПЭВМ и другой электронно-вычислительной техники широкому кругу населения, что способствует ее использованию при подготовке и осуществлении преступных посягательств на объекты кредитно-финансовой системы. В настоящее время осуществление платежей между субъектами отношений в кредитно-финансовой сфере осуществляется посредством системы электронных расчетов. Данная система не лишена недостатков. В первую очередь отмечается недостаточная защищенность информации от доступа третьих лиц. Наличие современных ПЭВМ дает возможность потенциальным преступникам добывать финансово-экономическую информацию, не предназначенную для посторонних лиц, а также вносить изменения в такую информацию в целях осуществления преступных деяний. В подавляющем большинстве случаев ПЭВМ используются для изготовления поддельных платежных документов с дальнейшим их использованием в целях незаконного обогащения;

7) недостаточное взаимодействие кредитно-финансовых учреждений и правоохранительных органов. Нередко банки и другие кредитные учреждения, сталкиваясь в процессе работы с поддельными расчетными пластиковыми карточками, а также другими платежными документами, даже неся значительные убытки, не информируют о данных фактах правоохранительные органы, опасаясь, что информация может стать известна широкому кругу населения и отпугнет действующих или потенциальных клиентов. В связи с этим правоохранительные органы не имеют возможность своевременно отреагировать на факты преступных посягательств, выражающиеся в подделке расчетных карт и иных преступных деяниях.

Как вывод можно констатировать тот факт, что причины совершения преступлений в кредитно-финансовой сфере носят комплексный характер, что усложняет задачу противодействия им. Комплексный характер причин обуславливает необходимость в противопоставлении комплекса профилактических мероприятий. В этой связи особую актуальность приобретают научные изыскания фундаментального характера, содержанием которых являются вопросы оптимизации уголовной политики государства в части уголовно-правовой охраны общественных отношений от рассматриваемых преступлений. Тот факт, что в настоящее время есть целый ряд диссертационных исследований, посвященных рассматриваемой про-

блематике, позволяет надеяться на достижение значимых результатов в противодействии криминальным посягательствам на кредитно-финансовую сферу [2, с. 187].

Список литературы

1. *Волженкин Б.В.* Криминология: курс лекций. СПб., 1995.
2. *Петров С.В.* Ответственность за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
3. *Рывкина Р.В.* Социальные корни криминализации российского общества // Социс. 1997. № 4.
4. *Устинов В.С., Арефьев А.Ю.* Криминологические аспекты экономической преступности. Н. Новгород, 2000.

*Петрянин А. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОДЕРЖАЩИМ В СЕБЕ ПРИЗНАКИ ЭКСТРЕМИЗМА

В представленной статье раскрыты особенности ряда проблем правовой оценки преступлений экстремистской направленности. Определены направления их решения. Предложены механизмы по повышению качества уголовно-правового противодействия экстремизму. Разработаны редакционные изменения ряда положений Постановления пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Ключевые слова: экстремизм, противодействие, призывы, деятельность, преступление.

Наблюдая широкомасштабное распространение экстремизма во всем мире и в Российской Федерации в частности, мы, безусловно, сталкиваемся с проблемой правовой оценки преступлений экстремистской направленности.

С учетом необходимости выработки единого подхода рассматриваемого вида правоприменительной деятельности мы сочли необходимым осветить в данной публикации наиболее проблемные вопросы и предложить алгоритм их решения, а также изложить возможные перспективы развития уголовного законодательства в исследуемой области.

Анализ особенностей квалификации преступления, предусмотренного статьей 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества», показывает, что наиболее дискуссионным как в науке, так и в деятельности правоприменительных органов является вопрос отнесения сообщества к экстремистскому¹. Рассмотрение уголовных дел по

¹ 69% проинтервьюированных респондентов, являющихся представителями следственных и судебных органов, высказали озабоченность отсутствием указания в законе четких признаков экстремистского сообщества.

статье 282¹ УК РФ показало, что в основной своей массе (83%) к таковым относятся сообщества религиозного толка¹, а также ультраправые националистические организации². Представленные результаты четко указывают на то, что судебные органы оценивают экстремистские сообщества в первую очередь по их радикальной политико-религиозной принадлежности.

Основная масса уголовных дел, возбужденных по статье 282¹ УК РФ (96%), квалифицируется по совокупности с иными составами преступлений, как экстремистского, так и общеуголовного характера. При этом 61% из них квалифицируется по совокупности со статьей 282 УК РФ. Полагаем, что представленная совокупность подтверждает экстремистскую мотивацию участников экстремистского сообщества, что в том числе и ложится в основу обоснования признаков, не только закрепленных в статье 282 УК РФ, но и признаков статьи 282¹ УК РФ. В частности, в диспозиции данной статьи прямо указано: *«Создание экстремистского сообщества, ... для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности...»*. Предпринятый законодательный подход, по нашему мнению, четко указывает на то, что квалификация действий лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 282¹ УК РФ, без наличия в их противоправных актах иных предикатных деяний экстремистской направленности будет являться необоснованной. Этой позиции придерживаются также П.В. Агапов и А.Г. Хлебушкин, отмечающие, что определяющими факторами квалификации действий виновных по статье 282¹ УК РФ являются не только характер организованности соответствующей экстремистской структуры, но и совершение ее участниками иных преступлений экстремистской направленности, чаще всего насильственного характера [1].

В рамках раскрытия особенностей квалификации преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ, а также пунктом «л» части 2 статьи 105 УК РФ, чаще всего возникает вопрос об их совокупности. Исследовав судебную практику, мы получили следующие результаты.

¹ Ваххабитские и языческие группировки: «Хизбут-Тахрир», «Джамааттаблиг», «Нурджулар», «Язычники-родноверы», «Родная вера» и т.д.

² «Народная национальная партия», «Русское национальное единство», «Славянский союз», «Движение против нелегальной иммиграции», «Русский образ», «Союз офицеров», «Партия Свободы», «Blood&HonourRussia», «Combat 18 Russia», «Madcrowd», «Шульц-88», «Легион Вервольф», «Формат-18» и т.д.

Анализ приговоров по пункту «л» части 2 статьи 105 УК РФ показал, что в 73% случаев применения данной нормы действия виновных квалифицируются по совокупности со статьями 282¹ и 282² УК РФ.

Считаем, что это еще раз подчеркивает обоснование признаков, закрепленных в данных статьях, в первую очередь указывающих на совершение противоправных действий, основанных на экстремистской мотивации. Учитывая, что основной идеей доминирующего количества экстремистских сообществ и экстремистских организаций является уничтожение оппонентов, преступления против жизни и здоровья представляют собой основу их противоправной деятельности и наиболее часто встречаются в рамках правовой оценки экстремистских деяний.

Однако в рамках квалификации преступлений экстремистской направленности не исключаются случаи квалификации действий виновных исключительно по пункту «л» части 2 статьи 105 УК РФ, без какой-либо совокупности.

По нашему мнению, это никаким образом не нарушает правил квалификации, так как экстремистская мотивация, закрепленная в пункте «л» части 2 статьи 105 УК РФ, может выступать в качестве самостоятельного криминообразующего признака, тем самым исключая наличие обязательного условия дополнительной квалификации по статьям 282¹ или 282² УК РФ в случае отсутствия признаков данных преступлений в действиях виновных.

Исследуя особенности квалификации статьи 282² УК РФ, мы также обнаруживаем отсутствие единого подхода к ее применению. Анализ судебно-следственной практики показал наличие двух принципиально отличающихся друг от друга способов правовой оценки этого преступления. Что касается первого подхода, то в основу его применения положена отработанная практика по статье 282¹ УК РФ, указывающая на наличие в доминирующем своем большинстве совокупности с иным деянием, основанным на экстремистской мотивации. Однако, с нашей точки зрения, эти деяния содержат в себе принципиально отличающиеся фундаментальные признаки, что четко указывает на невозможность применения аналогичных подходов при их правовой оценке.

Основные отличия заключаются, в первую очередь, в признаках экстремистского сообщества и экстремистской организации.

Так, экстремистское сообщество по своему определению представляет собой криминальную структуру, основной целью которой выступает подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Экстремистская же организация приобретает форму запрещенной только в случае наличия судебного запрета на осуществление своей деятельности, что не является признаком экстремистского сообщества. При этом деятельность экстремистской организации рассматривается как преступная вне зависимости от ее целей.

Однако в деятельности правоохранительных органов встречаются случаи, когда объединение, признанное судом экстремистской организацией, обладая при этом признаками экстремистского сообщества, совершает преступления экстремистской направленности. В этих случаях содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ и иными составами, основанными на экстремистской мотивации.

Второй подход, реализуемый в рамках применения анализируемой статьи, показал, что в доминирующем количестве (в 71% изученных материалов уголовных дел, возбужденных по данной статье) отсутствует совокупность с иными составами преступлений. Считаем, что он полностью обоснован и является наиболее верным, исходя из признаков преступления, закрепленных в статье 282² УК РФ, не устанавливающих в качестве обязательного условия наличия в действиях виновных дополнительных противоправных деяний.

Однако на практике встречаются случаи ошибочной квалификации действий лиц по статье 282¹ УК РФ. Чаще всего данные проблемы возникают при определении признаков самого экстремистского сообщества.

По результатам исследования материалов уголовных дел нами было установлено, что дополнительные преступные деяния, совершаемые виновными в рамках преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, как раз и подтверждают высокий уровень организации экстремистского сообщества и его цели.

Исследование судебно-следственной практики показало на наличие еще одной существенной проблемы в рамках правовой оценки деяний, содержащих в себе признаки экстремизма. В частности, это касается установления признаков, закрепленных в ч. 2 ст. 214 УК РФ «Вандализм».

Так, в соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной прак-

тике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», отмечено, что, если наряду с вандализмом совершены действия, предусмотренные статьей 282 УК РФ¹, содеянное квалифицируется по совокупности со статьей 282 УК РФ, а в некоторых случаях и со ст. 280 УК РФ.

И в этом вопросе возникает проблема отнесения надписей или рисунков к экстремистским, так как именно от этого зависит квалификация деяний.

Полученные нами результаты дают основания сделать следующие выводы.

В случае изображения *недоступных для всеобщего понимания* экстремистских текстов и рисунков, действия виновных охватываются только частью 2 ст. 214 УК РФ.

Эта же квалификация применяется и при размещении *общеизвестной* нацистской символики, символики, сходной с нацистской до степени смешения, символики экстремистских организаций, оскорбительных изображений знаков или эмблем религиозной, мировоззренческой символики.

В случае изображения *доступных для всеобщего понимания* материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства, деяние квалифицируется по совокупности ч. 2 ст. 214 УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих *доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы на совершение преступлений*, действия виновных содержат в себе признаки ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 280 УК РФ.

В случае размещения *доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий*, они оцениваются в рамках ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

От правильности квалификации зависит не только соответствие деяния и назначаемого за него наказания, но и подследственность. Так, если ст. 214 УК РФ расследуется органами внутренних дел, то совокупность ст. 214 и 282 УК РФ – это уже подследственность Следственного Комитета РФ, а совокупность ст. 214 и 280 УК РФ – Федеральной службы безопасности РФ.

¹ Например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистические лозунги.

Проведенный анализ применения норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, показал отсутствие единообразной практики их реализации, что указывает на частичную пробельность и противоречивость статей 280, 282, 282¹, 282² УК РФ. Выявленные недостатки обосновывают необходимость совершенствования антиэкстремистского законодательства, в том числе и в рамках Уголовного кодекса РФ.

Далее, развивая направление по совершенствованию уголовного законодательства в области противодействия экстремизму, в первую очередь основанного на принципах систематизации и унификации уголовного законодательства, хотелось бы выделить следующие перспективы.

Во-первых, с учетом того, что, терроризм является проявлением экстремистской деятельности¹, механизмы борьбы с ними должны носить общий системный и унифицированный характер, в том числе и при назначении уголовного наказания.

В настоящее время, в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130 ФЗ, увеличен максимальный срок лишения свободы при полном или частичном сложении наказаний до 30 лет по совокупности преступлений и до 35 лет, по совокупности приговоров, при совершении преступлений террористической направленности.

Поддерживая это законодательное решение, считаем, что оно должно применяться в преступлениях экстремистской направленности. Однако учитывая различную категоризацию исследуемых деяний, полагаем применять это правило только в случае совершения тяжких или особо тяжких преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма.

На основании вышеизложенного предлагаем следующую редакцию ч. 5 ст. 56 УК РФ: *«В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 настоящего Кодекса, а также тяжких или особо тяжких преступлений экстремистской направленности, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не*

¹ Эта позиция закреплена как в международном, так и в российском законодательстве. Данную точку зрения разделяем и мы.

может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет».

Во-вторых, схожий механизм должен быть реализован и в ст. 73 УК РФ «Условное осуждение», при закреплении запретов на его назначение.

Считаем, что пункт а.1 ст. 73 УК РФ должен быть изложен в следующей редакции: *«осужденным за преступления, предусмотренные частью первой статьи 205, частями первой и второй статьи 205.1, статьей 205.2, частью второй статьи 205.4, частью второй статьи 205.5, частями первой – третьей статьи 206, статьей 360 настоящего Кодекса, а также за тяжкие и особо тяжкие преступления экстремистской направленности».*

Ну и конечно же было бы целесообразным, в рамках ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», по аналогии с пунктом «р» ч. 1 этой статьи, добавить следующее отягчающее обстоятельство: *«совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки экстремизма».*

В качестве основного аргумента таких предложений выступает существующее сегодня направление развития российского законодательства в области противодействия экстремизму и терроризму, основанное на усилении ответственности за совершение одноименных деяний, выражающееся как в криминализации новых преступлений террористической и экстремистской направленности, так и в увеличении санкций в рамках уже существующих статей УК РФ.

Но, в целом разделяя такое направление, нам бы хотелось согласиться с мнением И.М. Мацкевича, отметившего, что ужесточение ответственности за экстремизм может быть целью законодателя, но лишь одной из, а не единственной [2, с. 3–5].

Список литературы

1. *Агапов П.В., Хлебушкин А.Г.* Обзор судебной практики по применению ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации») Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Мацкевич И.М.* О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

Петрянина О.А.,

*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОПРЯЖЕННЫМ С ЗАНЯТИЕМ ПРОСТИТУЦИЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМСЯ ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ ИЛИ УГРОЗОЙ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В представленной статье раскрыты особенности ряда проблем правовой оценки преступлений, сопряженных с занятием проституцией. Разработаны и аргументированы предложения по повышению качества уголовно-правового противодействия рассматриваемым в статье деяниям. Предложена криминализация получения сексуальных услуг, а также повторного их оказания.

Ключевые слова: проституция; противодействие; услуги; ответственность; преступление.

Проблема ответственности за вовлечение в занятие проституцией и организацию занятия проституцией является одной из центральных на протяжении последнего столетия. По степени распространенности и масштабам общественной опасности этот вид криминального поведения стоит в одном ряду с самыми серьезными угрозами безопасности не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества.

Анализ сложившейся в мире ситуации показывает, что криминальная распространенность проституции становится одной из наиболее важных проблем современного общества, что требует точного правового обеспечения, позволяющего выстроить эффективную модель противодействия.

Полагаем, что решить такую задачу мы можем путем разработки единообразной практики применения ст. 240 и 241 УК РФ, а также выработкой новых, возможно даже не традиционных направлений совершенствования уголовного законодательства в исследуемой области.

Говоря о проблемах квалификации, хотелось бы отметить, что в современной интерпретации ст. 240 УК РФ закрепляет в ч. 2 такой

квалифицирующий признак, как совершение деяния с применением насилия или угрозой его применения.

Вышеизложенная формулировка определяет лишь объекты посягательства, при этом не определяет степень тяжести причиняемого насилия, что и порождает проблемы правовой оценки действий лиц, совершающих вовлечение или принуждение к занятию проституцией вышеназванным способом.

Именно по этой причине мы считаем необходимым определить границы насилия в рамках как п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ, так и п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ.

Идентичный отягчающий признак содержится в 20 составах преступлений¹, при этом используется как их квалифицирующий, или основной признак.

В ряде составов преступлений этот признак используется в иных интерпретациях, в рамках которых он уточняется путем определения четких его границ, например, *«с применением насилия, опасного для жизни и здоровья»*²; либо *«с применением насилия, не опасного для*

¹ Ч. 1 Ст. 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации»; п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми»; п. «г» ч. 2 ст. 127.2; 1 ст. 131 УК РФ «Изнасилование»; ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера»; ч. 2 ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища»; ч. 2 ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий»; ч. 2 ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума»; ст. 149 УК РФ «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них»; ч. 3 ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»; ч. 3 ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»; ч. 3 ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»; ч. 2 ст. 203 УК РФ «Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей»; ч. 1 ст. 227 «Пиратство»; п. «г».ч. 2 ст. 230 УК РФ; п. «в» ч. 2 ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»; п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий»; ч. 2 ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»; ч. 2 ст. 330 «Самоуправство».

² П. «в» ч. 2. ст. 126 УК РФ; ч. 1 ст. 162 УК РФ «Разбой»; ч. 4 ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»; п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава»; п. «б» ч. 3 ст. 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ»; п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; ч. 3 ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»; ч. 3 ст.

жизни и здоровья»¹, критерии которых четко определены в различных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, что должно быть реализовано и при толковании рассматриваемого отягчающего признака.

Учитывая, что анализируемые нами деяния с нашей точки зрения относятся к преступлениям, в том числе посягающим на половую свободу, за получением ответа мы решили обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». Он указывает на необходимость установления судами фактов применения насилия или угрозы его применения, и в чем конкретно эти действия выражались [1]. При этом Пленум не дает четкой характеристики насилия, применяемого при совершении преступлений, закрепленных в ст.ст. 131 и 132 УК РФ, однако в п. 15 указывает, что причинение легкого и среднего вреда здоровью охватывается диспозициями этих статей.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что рассматриваемый отягчающий признак должен охватывать причинение легкого или среднего вреда здоровью потерпевшего. Однако другие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, раскрывающие особенности квалификации деяний, содержащих в себе анализируемый отягчающий признак, вообще не раскрывают его [См.: 4]. При этом Постановления, содержащие характеристику смежных

отягчающих признаков², относят легкий и средний тяжести вред здоровью к насилию, опасному для жизни и здоровья [5].

Эта неопределенность органа, формирующего судебную практику, указывает на наличие реально существующей проблемы. Ха-

321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

¹ П. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ «Грабеж», п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»; п. «г» ч. 2 ст. 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ»; п. «г» ч. 3 ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; ч. 1 ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»; ч.1 ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»

² «Насилие, опасное для жизни или здоровья» и «насилие, не опасное для жизни и здоровья».

рактик применяемого насилия может быть различным. Именно по этой причине полагаем, что в первую очередь необходимо определиться с перечнем и нарушаемых общественных отношений, а также характером причиняемого вреда в процессе применения насилия или угрозы его применения.

Среди ученых также нет единого мнения о содержании признаков вреда в рамках исследуемого отягчающего признака.

Так, С. Улицкий предлагает в преступлениях, предусмотренных в ст.ст. 240 и 241 УК РФ, относить к насилию любую его форму. По его мнению, это не только насилие против жизни или здоровья, но и против половой свободы и половой неприкосновенности личности [9, с.14–16].

Анализ предлагаемого подхода дает нам основание высказать ряд критических замечаний. Во-первых, категория тяжести этих преступлений¹ не дает нам правовой возможности утверждать, что они могут охватывать причинение смерти и всех видов вреда здоровью потерпевшему. Во-вторых, половая неприкосновенность также не может выступать в качестве критериобразующего признака причинения вреда в рамках п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ, так как эти статьи содержат самостоятельные особо отягчающие признаки, взявшие под охрану половую неприкосновенность несовершеннолетних и малолетних (ч. 3 ст. 240 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ и ч. 3 ст. 241 УК РФ).

Вторая точка зрения, высказываемая А.Б. Борисовым, обосновывает необходимость применения инструмента совокупности преступлений при причинении любой степени вреда здоровью, истязаний или побоев потерпевшему [2, с. 752].

Считаем эту точку зрения также дискуссионной. Полагаем, что если во всех случаях применения насилия к потерпевшей требуется совокупность ст. 240 УК и статьи, предусматривающей ответственность за применение конкретного вида насилия, встает вопрос о целесообразности закрепления в рассматриваемой статье такого отягчающего признака, как «с применением насилия или угрозой его применения». С нашей точки зрения, мнение А.Б. Борисова лишь обосновывает необходимость исключения из ст.ст. 240 и 241 УК РФ п.п. «а» и «б» ч. 2, так как вменение виновному за совершение одного и того же деяния двух самостоятельных статей нарушает принцип

¹ Ч. 2 ст. 240 УК РФ и ч. 2 ст. 241 УК РФ – тяжкие преступления, при этом максимальное наказание – шесть лет лишения свободы.

справедливости, устанавливающий, что «никто не может дважды нести уголовную ответственность за одно и то же преступление» [6]. Частично отличную точку зрения высказывает А.Н. Игнатов, предлагающий относить к таковому все виды, не причиняющие вред здоровью, а также легкий вред [8, с. 463].

По нашему мнению, основным критерием, определяющим степень причиняемого вреда, должна выступать категория этого преступления в зависимости от степени общественной опасности. Санкции ч. 2 ст. 240 и ч. 2 ст. 241 УК РФ предусматривают в качестве максимального наказания – шесть лет лишения свободы. В соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ эти деяния относятся к тяжким преступлениям¹.

Именно по этой причине, считаем, что анализируемый отягчающий признак охватывает следующие виды насилия: побои, истязания, легкий и средний вред здоровью.

В случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, убийства либо умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью при наличии отягчающих вину обстоятельств, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ или п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ с соответствующей нормой Особенной части УК РФ, охраняющей жизнь или здоровье человека.

Рассмотрев содержание насилия, применяемого в процессе совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ, считаем целесообразным остановиться на характеристике угрозы применения насилия.

В первую очередь мы должны определиться с ее объемом. В теории и на практике существуют различные подходы, устанавливающие ее возможный объем.

Первая группа ученых предполагает, что это любая угроза, за исключением угрозы убийством. По их мнению, в случае наличия реальной угрозы для жизни, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности п. «а» ч. 2 ст. 240 или п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ и ст. 119 УК РФ [3, с. 69].

Комментируя данный подход, считаем дискуссионным мнение о наличии совокупности преступлений при угрозе убийством со ст. 119

¹ Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы / Собрание законодательства РФ, 17.06. 1996. N 25. Ст. 2954.

УК РФ. В целях подтверждения дискуссионности рассматриваемого подхода считаем целесообразным раскрыть содержание угрозы.

Для признания угрозы как преступного способа совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ, в первую очередь мы должны установить реальность и наличие угрозы, так как ее целью является устрашение потерпевшего. Реальность угрозы предполагает, что в случае не выполнения действий в пользу виновного она незамедлительно будет реализована, т.е. к потерпевшему будет применено физическое насилие.

Наличие угрозы указывает на ее объективное существование. Именно наличие свидетельствует о том, что угроза осознается не только потенциальным потерпевшим, но и иными лицами, в первую очередь лицом, высказывающим эту угрозу. Именно по этой причине объем угроз не должен влиять на правовую оценку действий виновного.

Исходя из вышеизложенного, мы разделяем второй подход, существующий в доктрине, определяющий, что угроза применения насилия включает в себя любые угрозы, в том числе и угрозу убийством [7, с. 386].

По нашему мнению, объем угрозы не влияет на квалификацию, именно по этой причине любая угроза охватывается рассматриваемым отягчающим признаком. При этом еще одним критерием, обосновывающим выражаемый нами подход, является степень тяжести совершаемого преступления. Как уже нами ранее отмечалось, деяния, предусмотренные частями вторыми ст.ст. 240 и 241 УК РФ, являются тяжкими преступлениями. Ст. 119 УК РФ в рамках части первой – преступление небольшой тяжести, а части второй – средней тяжести. Учитывая это обстоятельство, считаем, что в случае наличия угрозы убийством дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требуется.

Принятое во внимание, что чаще всего угроза применения насилия выражается в словесном высказывании, дает нам основание отметить, что она является разновидностью психического насилия. Именно психическое воздействие и является инструментом достижения поставленных целей. При этом высказываемая угроза всегда предполагает возможность реального применения насилия не в момент ее донесения до сознания потерпевшего, а в будущем.

Проведенный нами анализ уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 240 и 241 УК РФ, показал, что насилие или угроза его примене-

ния как способ совершения преступления встречается в 61% случаев; при этом физическое насилие встречается в 37%, угроза применения насилия в 63%. В основной своей массе угроза была адресована непосредственно потерпевшей – 79%. Однако в 21% уголовных дел отмечено, что угроза была адресована третьим лицам, чаще всего в адрес лиц, находящихся с потерпевшей в родстве (73% – дети; 6% – супруг (супруга); 9% – родители; 4% – родные братья и сестры; 8% – иные лица).

Именно поэтому, учитывая широкомасштабность угроз, применяемых в процессе совершения исследуемых преступлений, считаем, что она может применяться не только непосредственно к потерпевшей, но и к третьим лицам, угрожая которым, виновный добивается совершения действий потерпевшей в его пользу.

Схожая точка зрения содержится и в доктрине, однако работы, посвященные этому вопросу, не содержат в себе предложений по их правой оценке.

Учитывая, что одним из направлений развития современного уголовного законодательства является его частичная унификация, считаем, что данный подход может быть использован и при разработке содержания насилия и угрозы применения насилия в рамках ст.ст. 240 и 241 УК РФ.

Относя рассматриваемые преступления к деяниям, посягающим в том числе и на половую свободу и половую неприкосновенность, считаем, что характеристика угроз должна соответствовать в полном объеме угрозам, применяемым при совершении изнасилования или насильственным действиям сексуального характера. Учитывая все вышеизложенное, считаем, что понятие других лиц, применяемое при квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ, должно соответствовать положению, закрепленному в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹. Считаем, что этот подход повысит превентивный характер уголовно-

¹ Под другими лицами, указанными в статьях 131 и 132 УК РФ, следует понимать родственников потерпевшего лица, а также лиц, к которым виновное лицо в целях преодоления сопротивления потерпевшей (потерпевшего) применяет насилие либо высказывает угрозу его применения // См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 8.

го законодательства в борьбе с преступностью в сфере ответственности за эксплуатацию занятия проституцией третьими лицами.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 8.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.Б. Борисова. М., 2008.
3. *Надысева Э.Х.* Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: вопросы современного состояния и совершенствования законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 179; *Миллеров Е.В.* Уголовно-правовая охрана нравственности. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 69 и др.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 12; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4.
5. П. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.
6. Статья 6 УК РФ (17.06.1996) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. *Уголовное право. Части Общая и Особенная* / под ред. А.И. Рарога. М. 2005.
8. *Уголовное право России: учебник для вузов* / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М. 2000. Т. 2.
9. *Улицкий С.* Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // *Законность*. 2005. № 3.

Потапова Н. Н.,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
НА МВД России, г. Нижний Новгород

О РОЛИ СУДА В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу российского, белорусского и казахского законодательства в части определения роли суда в организации проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Анализируются национальные законы об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» и закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №289-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Предлагается совершенствовать нормативно-правовую базу путем расширения и усиления судебном-контрольных полномочий суда в ходе осуществления ОРД в целях обеспечения реальной защиты конституционных прав и свобод граждан и обеспечения гарантий законности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; конституционные права граждан; суд; прокуратура.

По своей сути природа оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) такова, что неизбежно затрагивает права и свободы личности, вовлекаемой в сферу ее осуществления. В ряде случаев оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) касаются значительного числа лиц, не причастных к преступлениям, а также действиям, создающим угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ, но зачастую, вопреки своей воле или случайно, соприкасающихся с лицами, совершившими противоправные деяния и действия, создающие вышеуказанные угрозы. Все это требует наличия соответствующей системы защиты, охраны и восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов общественных отношений, возникающих при осуществлении ОРД и дальнейшего совершенствования самой деятельности.

Развитие и укрепление института судебного контроля является достаточно актуальным вопросом в современной юридической науке.

В литературе особое внимание уделяется судебному контролю как одной из функций судебной власти, целью которой является не только обеспечение гарантий соблюдения прав и свобод участников оперативно-розыскной деятельности, но и установление конституционной законности. На данный момент традиционное понимание суда как специализированного государственного органа, осуществляющего в основном только функцию – правосудие, расширяется до более глубокого понимания суда как самостоятельной инстанции, наделенной также и функцией судебного контроля. Развитие и функционирование института судебного контроля в Российской Федерации является актуальным аспектом судебно-правовой реформы. Особый интерес данная функция судебной власти вызывает в плане ее расширения в оперативно-розыскной деятельности, так как суд, выполняя эту функцию, может влиять на уровень законности в стране.

В статье 23 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [6] указано, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Аналогично, защищено право неприкосновенности жилища статьей 25 Конституции РФ. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В развитии конституционных положений согласно статье 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [12] рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Указанные материалы рассматриваются уполномоченным судьей единолично и судья не вправе отказать в рассмотрении таких материалов в случае их представления. Основа-

нием для решения судьей вопроса о проведении оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. По требованию судьи ему могут представляться также иные материалы, касающиеся оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. По результатам рассмотрения указанных материалов судья разрешает проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление. Постановление, заверенное печатью, выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия одновременно с возвращением представленных им материалов. В случае, если судья отказал в проведении оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, вправе обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд.

Контроль суда за законностью рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан включает следующие элементы:

- основание к судебному рассмотрению материалов;
- место рассмотрения материалов;
- субъект, принимающий решение (должностное лицо, которое рассматривает материалы);
- срок рассмотрения материалов;
- ход рассмотрения материалов;
- итоги рассмотрения материалов;
- срок действия решения (постановления) по существу представленных материалов;
- порядок продления срока действия решения (постановления) по представленным материалам.

Иной порядок установлен законодательством содружественных государств.

В статье 18 Конституции Республики Казахстан (далее – Конституция РК) [5] указано, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства, на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничения этого права допускаются только в случаях и в порядке, прямо установленных законом. Статья 25 Конституции РК устанавливает неприкосновенность жилища, а также то, что проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска допускаются лишь в случаях и в порядке, установленных законом. Как в первой, так и во второй из рассматриваемых статей прямо не указывается на тот орган, который должен рассматривать вопросы об ограничении вышеуказанных конституционных прав.

Несмотря на то, что в статье 76 Конституции РК определяется, что судебная власть в Республике Казахстан имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан, оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан проводятся без судебного решения.

В статье 12 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон Республики Казахстан «Об ОРД») [11] специальные оперативно-розыскные мероприятия, которые непосредственно затрагивают охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища проводятся исключительно с санкции прокурора. При получении санкции на проведение специальных оперативно-розыскных мероприятий прокурору представляются материалы основания для их проведения, в форме и по содержанию исключающие возможность расшифровки сведений о личности конфиденциальных помощников и штатных негласных сотрудников. О результатах специального оперативно-розыскного мероприятия уведомляется прокурор, санкционировавший его проведение.

В соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года [9], перспективы развития судебной системы связаны, в том числе с возможностью поэтапного расширения пределов судебного контроля в оперативно-розыскной деятельности. Расширение судебного контроля послужит большему

обеспечению соблюдения гарантированных конституционных прав граждан, что, в – целом, послужит делу укрепления законности и правопорядка.

Таким образом, представляется необходимым дальнейшее расширение судебного контроля за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий. Так расширение полномочий суда по санкционированию названных действий следует вводить поэтапно, с обязательной апробацией на практике, возможно также изучение положительного опыта Российской Федерации. Передача санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, из компетенции прокуратуры в суд будет являться еще одним шагом расширения судебного контроля, а также дальнейшей реализации конституционного положения, что каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод [1, с. 26–28; 13]. Ведь именно в ходе осуществления ОРД основополагающие права граждан подвергаются нередким нарушениям со стороны уполномоченных должностных лиц.

В статье 28 Конституции Республики Белоруссии (далее – Конституция РБ) [4] определяется, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство, а в статье 29 устанавливается неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан гарантируется, а также то, что никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Орган ответственный за принятие решения об ограничении конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий в Конституции РБ не установлен.

В статье 13 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон Республики Беларусь «Об ОРД») [10] указано, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, осуществление слухового контроля допускаются только с санкции прокурора. Рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан, затраги-

вающих тайну личной жизни, корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, об осуществлении слухового контроля и о проведении оперативного эксперимента осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем, а также прокурорами или их заместителями по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Указанные материалы рассматриваются прокурором или его заместителем незамедлительно. Прокурору или его заместителю представляется мотивированное постановление органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обоснованием необходимости проведения оперативно-розыскного мероприятия, связанного с ограничением конституционных прав граждан, указанных в части первой статьи 13. Прокурор или его заместитель вправе потребовать представить им также иные материалы, касающиеся основания для проведения оперативно-розыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. По результатам рассмотрения представленных материалов прокурор или его заместитель санкционируют проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия либо отказывают в его проведении, о чем делается отметка в постановлении. Санкционированное прокурором или его заместителем постановление заверяется печатью и выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия одновременно с возвращением представленных им материалов. При отказе прокурора или его заместителя в даче санкции на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, вправе обратиться по этому же вопросу к вышестоящему прокурору или его заместителю [9; 15, с. 95–98].

В настоящее время принят в первом чтении проект Закона Республики Беларусь «Об ОРД» [14], но и в нем судебное рассмотрение ограничения конституционных прав граждан при проведении ОРМ не предлагается.

В правовом государстве важнейшая роль в обеспечении эффективного контроля в государственном управлении отводится судебной власти. Особый статус органов этой власти делает их функционирование независимым от других подсистем государственной власти, сферы жизни государства и общества и оказывает непосредственное влияние на все происходящие в обществе процессы. Тесное соотношение судебного контроля со всеми другими видами деятельности и контроля характеризует его универсальный характер [2, с. 216–225; 3, с. 267–269; 7, с. 351–360].

Расширение и усиление судебно-контрольных полномочий суда в ходе осуществления ОРД в целях обеспечения реальной защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечения гарантий законности – более чем актуальная задача.

Список литературы

1. *Амиргалиев А.А.* Перспективы расширения судебного контроля на досудебной стадии в уголовном процессе Республики Казахстан. // Мир закона. 2011. № 1. С. 26–28.
2. *Дубонос Е.С.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. 448 с.
3. *Климова А.И.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Юнити-Дана, 2014. 338 с.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>.
5. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: [/http://www.constitution.kz](http://www.constitution.kz).
6. Конституция Российской Федерации // Российская газета, 1993. 25 декабря.
7. *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015. 400 с.
8. Надзор прокурора за оперативно-розыскной деятельностью: метод. рекомендации / сост. И. И. Бранчель; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. Минск, 2011. 103 с.

9. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : указ Президента Республики Казахстана № 858 от 24 августа 2009 года.

10. Об оперативно-розыскной деятельности. Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №289-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 57. 2/64; 2000. № 59. 2/175.

11. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 13–14. Ст. 199; 1995. № 24. Ст. 167.

12. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 июня.

13. *Оразгалиев А.* Судебный контроль и его поэтапное расширение в досудебном производстве [Электронный ресурс]. URL: <http://m.zakon.kz/4691264-sudebnyjj-kontrol-i-ego-pojetapnoe.html>.

14. Проект Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» принят Палатой представителей в первом чтении : Постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 14.05.2014 № 336-ПІV/IV.

15. *Хлус А.М., Бранчель И.И.* Основы оперативно-розыскной деятельности. Минск, 2012. 144 с.

*Просочкин А. М.,
подполковник полиции,
старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
РЮИ МВД России, г. Ростов-на-Дону*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

В статье дано доктринальное и судебное толкование признаков хищения, определенных в рамках примечания к статье 158 УК РФ. Помимо этого, в статье приведены примеры следственно-судебной практики отражающие проблемы квалификации отдельных признаков хищения.

Ключевые слова: хищение; корысть; противоправность; изъятие; обращение в свою пользу; ущерб.

Нормы-дефиниции, играют определенную роль в системе уголовного права. Прежде всего, они закрепляют точные правовые рамки того или иного явления, что в свою очередь исключает возможности неправильной квалификации.

Примечание к статье 158 УК РФ раскрывает понятие и признаки хищения. Исходя из указанной законодательной формулировки, под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Но, не смотря на столь подробное определение понятия хищения, правовые рамки указанных признаков законодательно не раскрываются. Это в свою очередь создает определенные трудности в правоприменении. Постараемся обобщить судебную практику и положения доктрины в отношении указанных признаков.

В. Даль в своем толковом словаре определяет корысть как страсть к наживе, к накопительству. При этом в основе поведения виновного лежат материальные потребности человека, удовлетворяя которые он совершает преступление.

В доктрине не существует единства взглядов на определение правовых рамок понятия корысти. Как правило, авторы достаточно

узко рассматривают критерии корыстной цели, а именно – как стремление к личному обогащению.

Однако профессор Б.В. Волженкин в своих работах дает широкую трактовку понятию корысть. Он отмечает, что «корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: 1) в пользу виновного; 2) в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения» [4, с. 121].

Профессор П.С. Яни также значительно шире рассматривает данное понятие, указывая, что «корыстная цель – это желание получить возможность распорядиться похищенным имуществом по собственному усмотрению, как своим собственным... Следовательно, можно незаконно завладеть чужим имуществом и при этом лично не обогатиться, но действия эти при иных необходимых условиях все равно будут признаны хищением» [9, с. 78].

Исходя из указанной формулировки, завладение чужим имуществом в интересах детского дома, благотворительной организации также будет квалифицировано, как преступление, совершенное с корыстной целью.

Как правило, теоретики сходятся во мнении, что корыстная цель является основополагающим признаком хищения. Однако в отношении корысти как обязательного признака хищения в доктрине нет единого мнения.

Так, профессор Б.В. Волженкин указывает, что «наличие любого из мотивов или их совокупность при отсутствии корыстного мотива как ведущего, определяющего волевой акт и содержание умысла, меняет социальную сущность содеянного и исключает квалификацию преступления как хищения» [4, с. 140]. По мнению профессора Г.Н. Борзенкова, применительно к мошенничеству как форме хищения полагается, что отсутствие корыстной цели исключает квалификацию содеянного как мошенничества. Однако это не относится к корыстной мотивации [2, с. 112].

Указанная позиция является общепринятой в науке уголовного права [7, с. 322].

Поддерживая указанную позицию, можно указать, что необязательность корыстной мотивации исходит и из самого понятия хищения, которое является законодательно закрепленным.

Разъяснения Верховного суда также определяют наличие корыстной цели в качестве основополагающего признака при квалификации хищения. Так, п. 7 ППВС № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывает, что не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по статье 330 УК РФ или другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Примером может служить приговор Ленинского районного суда г. Тюмени, по которому гражданин Ш. осужден в том числе и по п. «б», ч. 2, ст. 158 УК РФ. Из обстоятельств дела было выявлено, что указанный гражданин осуществил тайное хищение имущества гражданина П., в том числе документов потерпевшего на автомобиль и ключей от него, после чего совершил угон указанного автомобиля. Президиум Тюменского областного суда изменил квалификацию, исключив п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, указав, что по материалам дела не доказана корыстная цель виновного. Так как указанный гражданин, после того как в личных целях воспользовался автомобилем потерпевшего, вернул его хозяину вместе с ключами и документами. Именно поэтому нельзя говорить о наличии корыстной цели в действиях лица [1, с. 21].

Наибольшие сложности представляют те случаи, когда хищение чужого имущества сопровождается другие преступления, например изнасилование или похищение человека. В этом случае необходимо установить, с какой целью было осуществлено указанное хищение.

Следующим признаком хищения является его незаконность. Как правило, теоретиками, он рассматривается как признак противоправности. Таким образом, при совершении хищения лицо не имеет ни реального, ни предполагаемого права на указанное имущество.

Часть авторов [6, с. 74–78], считает излишним законодательное закрепление указанного признака хищения. Прежде всего, это связано с тем, что на противоправный характер изъятия имущества указывает признак «чужое имущество». Запрещенность же является обязательным признаком целого ряда преступлений.

Хищение подразумевает изъятие имущества, а также его обращение в свою пользу. Прежде всего, необходимо указать, что изъятие имущества, а также обращение его в свою пользу это не способ [8, с. 349] хищения, а непосредственные действия, которые совершаются.

Изъятие подразумевает физическое отторжение у собственника либо иного владельца и последующее перемещение имущества. Изъятие подразумевает появление возможности фактически владеть, пользоваться и распоряжаться указанным имуществом. Факт изъятия подразумевает совокупность нескольких обстоятельств. Во-первых, имущество должно находиться в фондах собственника, числиться на балансе юридического лица либо считаться юридически поступившим в фонды предприятия или быть у собственника - физического лица. В том случае, если имущество еще не поступило в фонды предприятия, говорить об изъятии и, следовательно, о хищении нельзя. Во-вторых, требуется, чтобы имущество было изъято из фондов собственника. При изъятии вещь перемещается в пространстве, физически переходит из владения собственника либо законного владельца в чужое противоправное владение, пользование и распоряжение. Предметом такого изъятия выступают главным образом движимые вещи. При изъятии права на имущество происходит смена владельца.

Обращение чужого имущества – это установление фактического владения чужим имуществом в пользу виновного или других лиц. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» подразумевает под чужим имуществом, то имущество которое не находится в собственности или законном владении виновного.

Как правило, изъятие чужого имущества и его обращение в свою пользу неразрывно связаны между собой. Однако, применительно к таким формам хищения как мошенничество и растрата применительно лишь обращение имущества в свою пользу или пользу третьих лиц.

Безвозмездность изъятия или обращения означает приобретение чужого имущества без предоставления эквивалентного возмещения за него в натуральном виде или в виде иных материальных ценностей, компенсирующих его стоимость [5, с. 121]. Безвозмездность будет иметь место и тогда, когда налицо неадекватное возмещение причиненного ущерба собственнику. Частичное возмещение стоимости

изъятого имущества не означает отсутствия признаков хищения, но может быть учтено судом при назначении наказания. Преступник не компенсирует стоимость изъятого имущества, не оставляет взамен какого-либо эквивалента. Эквивалент может быть денежным, натуральным и трудовым. При денежном эквиваленте собственник либо законный владелец взамен изъятого имущества получает денежную сумму, полностью или в значительной мере компенсирующую стоимость похищенного. При натуральном эквиваленте собственнику передается другая вещь. Если данная вещь равна по стоимости, хищения нет из-за отсутствия признака безвозмездности. Если вещь меньшая по стоимости, то безвозмездность изъятия имеет место. Исходя из сложившейся судебной практики по делам о хищениях, изъятие имущества путем замены его на менее ценное не влияет на квалификацию и рассматривается как хищение в размере стоимости изъятого имущества. Компенсация изъятого имущества возможна путем личного трудового участия. Вопрос о трудовой компенсации возникает при хищении денег в виде заработной платы или платы по договору подряда. В данном случае, если работы фактически были выполнены, хищение отсутствует. Если же заработная плата начислялась и получалась за работы, которые фактически не были выполнены, – налицо безвозмездность изъятия и состав хищения.

Причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества состоит в причинении прямого, реального ущерба, то есть уменьшении имущества. В такой ущерб не входит упущенная выгода, то есть плоды и доходы от имущества. Размер ущерба, причиненного собственнику, определяется стоимостью похищенного имущества. При ее определении следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником, из государственных, рыночных или комиссионных цен на момент совершения преступления. При отсутствии цены стоимость имущества определяется на основании заключения экспертов (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности»). В момент хищения имущество может находиться не у самого собственника, а у лица, которому собственник на законных основаниях передал его во временное владение или пользование. Например, между собственником и предпринимателем часто возникают отношения по хозяйственному использованию имущества, в этом

случае предприниматель получает реальную возможность временно владеть и пользоваться этим имуществом.

Список литературы

1. БВС РФ. 2000. № 2.
2. *Борзенков Г.Н.* Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. № 2.
3. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1974. № 4.
4. *Волженкин Б.В.* Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и процессе». СПб., 1998.
5. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под ред. Шишова О.Ф. Том 2. М.: Новая Волна, 1998.
6. *Лысов М.Д.* Логико-структурный анализ понятий и признаков преступлений в действующем Уголовном кодексе РФ // Государство и право. 1997. № 12.
7. Уголовное право России. Практический курс: учебник/ под общ. и науч. ред. А.В. Наумова; Р.А. Адельханян и др.; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010.
8. *Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий.* М.: Юридическая литература, 1998.
9. *Яни П.С.* Мошенничество и иные преступления против собственности; уголовная ответственность. М.: Интел-Синтез, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Статья посвящена вопросу исследования преступных связей при выявлении и раскрытии преступлений в сфере агропромышленного комплекса, предпринята попытка рассмотреть признак субъекта преступной деятельности – преступные связи как структурный элемент механизма преступной деятельности на предприятиях агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; механизм преступной деятельности; предприятие агропромышленного комплекса; преступные связи; материально-ответственное лицо; товарно-материальные ценности.

Как известно, одним из этапов формирования системы доказательств по рассматриваемому уголовному делу является изучение и исследование преступных связей расхитителей при раскрытии преступлений на предприятиях агропромышленного комплекса. Изучение преступных связей обусловлено необходимостью установления всех соучастников преступной деятельности, а это, в свою очередь, предусмотрено ст. 73 УПК РФ [7]. Данное утверждение, хотя формально и является верным, однако, на мой взгляд, не в полной мере отражает роль и значение преступных связей в целостной структуре механизма хищения.

По мнению А.И. Гайдина и И.В. Кургановой, «понимание преступных связей только с позиции взаимодействия соучастников преступления снижает роль этого свойства как версии в целостной модели механизма хищений» [2, с. 23–26]. Они исходят из более широкого понимания данного признака. Он не является прерогативой только групповых преступлений. Наличие преступных связей, по их мнению, присутствует и при совершении преступления одним лицом. Это в полной мере относится и к хищениям чужого имущества. Здесь я полностью согласен и поддерживаю точку зрения авторов. Действительно, довольно-таки редко на практике происходят случаи, когда преступник совершает противоправные деяния и, при этом, не взаимодействует с дру-

гими лицами. В результате тщательно проведенного мною анализа материалов уголовных дел по преступлениям, совершенным на территории Нижегородской области, я пришёл к выводу, что чаще всего такое становится возможным при совершении неосторожных и не подготовляемых преступлений. В остальных случаях субъект, как правило, вступает в различные контакты с соучастниками. Это происходит по многим причинам:

- для получения необходимой информации, указаний, советов (пособник, например, помогает уяснить обстановку, условия и более подходящий способ совершения преступления, снабжает исполнителя различными сведениями, которые необходимы для совершения преступления);

- с целью подготовки средств и орудий, необходимых для совершения преступления (так, например, пособник предоставляет для этих целей принадлежащее ему или находящееся в его пользовании транспортное средство), а также для создания необходимых условий, обеспечивающих совершение преступления (это может выражаться также в устранении препятствий совершения преступления);

- при сокрытии, сбыте и реализации похищенного имущества и т.д. Так обещание пособника приобрести или сбыть такие предметы, добытые преступным путем, скрыть преступление, не сообщать о нем правоохранительным органам или не препятствовать его совершению укрепляет решимость исполнителя к действию. Исполнитель, осознавая, что его укроют, что о нем не донесут, что ему не будут препятствовать, начинает действовать, приступает к реализации преступного намерения [4, с. 52–56].

Под преступными связями в механизме преступной деятельности следует рассматривать любое взаимодействие субъекта с иными лицами по поводу совершения преступления. В тех случаях, когда этими лицами или в отношении них осуществляются действия, способствующие совершению общественно опасного деяния. Независимо от того, осознает ли лицо истинную суть и цель производимых действий. С этой позиции признак преступной связи находится во взаимодействии с другими признаками механизма преступной деятельности. Именно при таком его понимании данный признак приобретает значение системного, может исследоваться в рамках разработки криминалистической характеристики с целью установления его корреляционной взаимосвязи с другими признаками и становится версией по уголовному делу.

Преступные связи являются одним из признаков, характеризующих субъекта в структуре механизма преступной деятельности [5, с. 143]. Функциональный подход к исследованию данного явления требует выделения системообразующего фактора, что обусловлено методологическими закономерностями исследования. Построенная модель рассматриваемых преступлений базируется на гипотезе о том, что данным фактором является именно субъект преступной деятельности. Мною были исследованы следующие признаки субъекта:

1. Пол.
2. Возраст.
3. Образование.
4. Семейное положение.
5. Наличие детей в возрасте до 18 лет.
6. Привлекался ли ранее к уголовной ответственности.
7. Наличие судимости.
8. Время работы на предприятии (на различных должностях).
9. Время работы на последней должности.
10. Должность.
11. Наличие должностной инструкции.
12. Наличие непосредственного доступа к предмету преступного посягательства.
13. Наличие преступной группы и количество соучастников.
14. Роль преступной группы.

Выделение именно этих признаков из числа всей совокупности характеризующих субъект преступной деятельности обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, знание личностных особенностей преступников позволяет сузить круг подозреваемых лиц, а также позволяет выдвинуть версии о цели и мотиве преступления, о способах его совершения и сокрытия, месте нахождения похищенного и т.д. Различным свойствам личности принадлежит неодинаковая роль в преступном поведении в зависимости от вида преступления. Определение признаков «субъективного блока» механизма преступлений на предприятиях агропромышленного комплекса осуществлялось в соответствии с положением, что каждый признак должен являть собой версию-посылку, которая позволит строить закономерные версии-следствия относительно способа совершения преступления и других элементов механизма [6, с. 45–53].

Во-вторых, исследуемые признаки должны быть максимально конкретными, подвергаться в дальнейшем числовому кодированию. Содержащаяся в них информация не должна пересекаться и они не должны иметь прямую зависимость между собой.

В-третьих, сведения об исследуемых признаках должны содержаться в материалах уголовных дел, которые составили эмпирическую базу исследования, потому что в них содержится наиболее полная информация обо всех элементах механизма преступной деятельности. Несмотря на то, что они не в полной мере отражают криминалистически значимую информацию об отдельных признаках механизма, полнота отражения и относительная доступность информации выгодно отличает уголовные дела в качестве источника от дел оперативного учета, материалов предварительной проверки и отказных материалов. Именно поэтому применяемый мною метод эмпирического сбора материала более целесообразен по сравнению с интервьюированием и анкетированием. Вместе с тем, нельзя отрицать возможность использования не применяемых мною методов и источников информации для исследования механизма преступной деятельности. Я считаю, что они могут использоваться для изучения отдельных элементов механизма, когда не ставится цель нахождения корреляционных взаимосвязей в исследуемой системе.

Эмпирическую базу исследования составили уголовные дела о хищениях в виде присвоения и растраты, совершаемых на предприятиях агропромышленного комплекса. Необходимо понимать, что в настоящее время, несмотря на экономические реформы в сфере агропромышленного комплекса, направленные на развитие мелких фермерских хозяйств, крепкую основу отрасли продолжают составлять предприятия агропромышленного комплекса с различной организационно-правовой формой [3, с. 120].

Так, в рамках исследования изучено более двухсот уголовных дел по преступлениям, совершенным в период с 2010 по 2014 год включительно на территории Нижегородской области.

Для изучения полученных данных с целью экспликации типовых версий мною использовались аналитические методы «добычи данных». Понятие «добыча данных» [8] (Data Mining) определяется как процесс аналитического исследования больших массивов информации с целью выявления определенных закономерностей и систематических взаимосвязей между переменными, которые впоследствии можно применить к новым совокупностям данных. Методы добычи

данных приобретают всё большую популярность в качестве инструмента для анализа «сырых» данных, особенно в тех случаях, когда предполагается, что из них можно будет извлечь полезные знания для принятия решений в условиях неопределенности. Таким образом, данная система методов применима для целей моего исследования ввиду того, что природа корреляционных зависимостей между элементами механизма преступной деятельности на этапе её формирования не всегда определена.

Полученные мною результаты не позволили сформировать целостного «дерева» взаимосвязей, что является в большей мере эталонной модели преступной деятельности, степень приближения к которому зависит не только от методологической и методической основы исследования, но и от возможности изучения достаточного объёма эмпирической базы в каждом конкретном случае, разработки криминалистической характеристики отдельного вида преступлений. Также мною было установлено, что из всего множества изученных признаков лишь малая их часть коррелирует между собой, т.е. действительно формирует систему механизма хищений. Относительно субъекта преступной деятельности не подтвердилась значимость для формирования криминалистической модели хищений следующих признаков:

1. Пол.
2. Возраст.
3. Образование.
4. Семейное положение.
5. Наличие детей в возрасте до 18 лет.
6. Привлекался ли ранее к уголовной ответственности.
7. Наличие судимости.
8. Наличие должностной инструкции.

Несмотря на это, были вскрыты взаимосвязи, подтверждающие мою гипотезу о структуре модели преступной деятельности хищений на предприятиях агропромышленного комплекса и месте в системе механизма элемента, отражающего признаки субъекта.

Ниже мною будут рассмотрены лишь некоторые корреляции, выявленные в результате исследования, а также предложена краткая их интерпретация, позволяющая использовать полученные результаты для формирования методических рекомендаций по выявлению и раскрытию присвоений и растрат на предприятиях агропромышленного комплекса. Это обусловлено темой статьи.

Мне бы хотелось рассмотреть выявленные зависимости, характеризующие признак преступных связей.

Установленная в результате кластерного анализа взаимосвязь между наличием подготовленных подложных документов у материально-ответственного лица (далее – МОЛ) и наличием подготовленных им для хищения товарно-материальных ценностей (далее – ТМЦ), соответствующим образом упакованных, складированных в отдельном от остальных месте и т.п., обоснованно позволяет выдвинуть версию о наличии соучастников или свидетелей, участвовавших в осуществлении этих действий, особенно в тех случаях, когда предметом хищения являются громоздкие ТМЦ или их объём велик и указывает на невозможность манипулирования ими одним лицом. С другой стороны, имеющаяся информация в рамках уголовного дела или оперативной разработки о действиях субъектов по подготовке ТМЦ к изъятию, позволяет на основе выявленных закономерностей строить версии о способах сокрытия хищений в бухгалтерских документах.

Взаимосвязь между фактом недостачи ТМЦ и наличием в отчёте МОЛ бухгалтерских документов, подписанных ненадлежащим субъектом, в нарушение существующих правил бухгалтерского учёта, позволяет в аналогичной следственной ситуации выдвинуть обоснованную версию о причастности данного субъекта к хищению и, соответственно, предположить в отдельных случаях способы возможной транспортировки похищенного и места его сокрытия. Также как и в первом случае, данную цепочку версий можно рассматривать и в обратной последовательности.

Выявленная зависимость при совершении хищений денежных средств в условиях осуществления сделок по продаже продукции за наличный расчет при отсутствии коллективного контроля за данными сделками, когда должностное лицо самостоятельно принимает решения об условиях договора купли-продажи, позволяет выдвинуть версию об умышленном создании такой ситуации со стороны руководства предприятия и причастности его к совершению хищений, т.е. о возможности существования круговой поруки, что, в свою очередь, дает основание выдвигать версии о возможных способах противодействия расследованию [1, с. 127–134].

В результате факторного анализа полученных мною данных были выявлены характерные закономерности.

Установлена взаимосвязь, указывающая на взаимодействие заведующих молочно-товарных ферм, овце-товарных ферм и свино-

товарных ферм при совершении хищений продукции растениеводства с водителями и комбайнерами. Данное правило позволяет использовать его в качестве версии о соучастии указанных лиц при выявлении и раскрытии хищений кормов в период уборки урожая и в процессе обеспечения фермы кормами в течение всего года. Оно также позволяет выдвигать обоснованные версии об источниках доказательственной информации. Знание особенностей обеспечения кормами фермы и специфики бухгалтерского учета данной деятельности, в совокупности с данным правилом, позволяет выдвигать версии и о способах таких хищений на конкретном предприятии.

Установленное правило, связывающее причастность к совершению хищений главного бухгалтера в условиях, когда в деятельности бухгалтерии не организован контроль и взаимные сверки между бухгалтерами, обслуживающими разные направления деятельности, и если они при этом еще совмещают контрольные и исполнительские функции, позволяет в зависимости от обстоятельств конкретного дела использовать эту закономерность для выдвижения версий относительно других соучастников хищений, о предмете преступного посягательства, о способах совершения и сокрытия преступления, а также о возможных его следах. К примеру, в ситуации установления факта хищения материально-ответственными лицами товарно-материальных ценностей путем использования подложных документов, обосновывающих их передачу в другое структурное подразделение предприятия и при условии установления факта, что взаимные сверки в деятельности бухгалтеров не проводятся, целесообразно проверить версию о соучастии в совершении преступления главного бухгалтера предприятия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что:

– рассмотренный мною признак субъекта преступной деятельности – преступные связи, является структурным элементом механизма хищений на предприятиях агропромышленного комплекса;

– выявленные закономерности его взаимодействия с другими признаками системы входят в криминалистическую характеристику изучаемого вида преступлений и способствуют разработке «дерева» версий при раскрытии конкретных преступлений в сфере агропромышленного комплекса.

Список литературы

1. *Гайдин А.И.* Методика расследования хищений на сельскохозяйственных предприятиях: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
2. *Гайдин А.И., Курганова И.В.* Моделирование преступных связей при расследовании хищений в сельском хозяйстве // Нижегородский юрист: сборник научных статей. Альманах. 2006. № 10.
3. *Емельянов А.* Взаимодействие форм хозяйства в аграрной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 11.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М., 2001.
5. *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности: методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.
6. *Лубин А.Ф.* Практические занятия по криминалистической методике в специализированном вузе // Совершенствование содержания обучения специалистов аппаратов БХСС. Горький, 1988.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.
8. StatSoft, Inc. (2000). Электронный учебник по статистике. Москва, StatSoft. URL: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.html> (дата обращения: 15.12.2014).

*Саакян А. Г.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
предварительного расследования
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена формулированию авторского понимания организации доказывания по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. Особое внимание уделено организации доказывания данной категории уголовных дел на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: организация доказывания; уголовное судопроизводство; стадия возбуждения уголовного дела; уголовные дела о преступлениях коррупционной направленности; доказывание.

В начале данной статьи мы акцентируем внимание своих внимательных оппонентов на своей убежденности том, что на стадии возбуждения уголовного дела свойственно доказывание (познание). В основе нашей убежденности лежит методологическая установка профессора В.Н. Григорьева о целостности доказывания в уголовно-процессуальной сфере: «Исследуя правила, регулирующие доказывание на стадии возбуждения уголовного дела, – пишет В.Н. Григорьев, – необходимо учитывать, что является частью (подсистемой) целостной системы доказывания в уголовном процессе, другими подсистемами которой является доказывание в стадии предварительного расследования, в стадии судебного разбирательства и т.д.» [4, с. 159].

Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела и доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности соотносятся по отношению друг к другу как целое к части. Отсюда вполне закономерным является суждение, согласно которому доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности является частью (подсистемой) целостной системы доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве.

Как в целом доказывание, так и доказывание по уголовным делам коррупционной направленности в стадии возбуждения нуждается в организации (упорядочивании) со стороны тех субъектов доказывания, на которых возложена обязанность осуществления доказывания. В данном случае мы речь ведем о должностных лицах, осуществляющих производство по уголовному делу коррупционной направленности. В этой связи возникает вопрос. Возможно ли доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности без его организации?

Думается, что ответ на поставленный вопрос не может быть утвердительным. Доказывание в стадии возбуждения по уголовным делам коррупционной направленности невозможно исследовать вне организации. Правоту своей мысли мы обосновываем как сложностью процесса организации доказывания как такового, так и неоднозначностью положений, связанных с производством по уголовным делам коррупционной направленности. Мы исходим из того, что организация доказывания на стадии возбуждения уголовного дела предполагает «создание для достижения конкретных целей некоего сообщества исполнителей, руководство ими и координацию их действий, создание устойчивых связей между различными исполнителями и сторонними субъектами, разработку планов и созданий условий для их совершения, использование и распределение результатов» [9, с. 48].

Процессы организации доказывания по уголовным делам коррупционной направленности представляют собой повторяемые, упорядоченные, последовательные и взаимосвязанные между собой (т.е. последовательно увязанные друг с другом) события¹, которые ведут к достижению цели доказывания в стадии возбуждения уголовного дела. Как правило, в основе этих событий лежит уголовно-процессуальная деятельность. Повторяемость, упорядоченность, последовательность и взаимосвязанность событий в ходе доказывания по уголовным делам коррупционной направленности является наглядной иллюстрацией того, что в данной ситуации юридическая наука имеет дело с управлением в социальных системах. Сущность такого управления состоит в уголовно-процессуальной деятельности осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела, включая

¹ Через повторение, упорядочивание, последовательность и взаимосвязанность событий рассматриваются процессы и в управленческой литературе. См.: Основы управления: учебник / А.К. Козьминский, В.П. Буянов, Д. Емельняк, А.А. Хачатуров / Под общ. ред. А.А. Хачатурова. М., 2010. С. 15–17.

свойственные ей организацию и правоотношения [3, с. 5, 7; 5, с. 39; 6, с. 9, 15]. В этом плане уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой объект социального управления. Одним из основных способов управления на стадии возбуждения уголовного дела является воздействие субъекта управления на сознание и волю должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (доказывание) по уголовным делам коррупционной направленности.

Воздействие на сознание и волю должностных лиц, осуществляющих доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности, в самом общем плане и представляет собой управление в социальных системах. Содержанием рассматриваемого воздействия субъекта на объект является упорядочивание доказательственной деятельности по исследуемой категории уголовных дел, а также обеспечение её функционирования в полном соответствии с закономерностями её существования и развития»[2, с. 57].

Посредством воздействия субъекта на объект рассматривается управление и в управленческой литературе, посвященной исследованию управления в правоохранительных системах. В подтверждение сказанного обратим внимание на мысль Д.А Керимова, который пишет: «Всеобщее определение системы, имеющее гносеологическую цель, должно включать в себя такой «набор» характеристик, который позволил бы ориентировать любое системное исследование, во-первых, на обнаружение составных частей системной целостности; во-вторых, на выявление специфических особенностей каждой из частей; в-третьих, на аналитическое изучение связей, отношений и зависимостей частей между собой; в-четвертых, на обобщение частей в их качественной определенности и взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, на познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы и каждой её части на среду и обратного влияния среды на систему» [7, с. 244].

Некоторые из исследователей содержание управленческого воздействия отождествляют с его сущностью. Так, Ф.М. Кобзарев усматривает сущность управления в органах прокуратуры «в волевом воздействии вышестоящих органов прокуратуры и прокуроров на нижестоящих (подчиненных) прокурорских работников с целью достижения надлежащего выполнения задач, возложенных на них Зако-

ном о прокуратуре и другими федеральными законами, и повышения эффективности их деятельности»[8, с. 78].

Цель управленческого воздействия¹ на стадии возбуждения уголовного дела в процессе доказывания по уголовным делам коррупционной направленности состоит: во-первых, в согласовании процессуальных и организационных действий, должностных лиц, осуществляющих доказывание; во-вторых, в обеспечении целостности, устойчивости, определенности и ясности самого доказывания; в-третьих, в сохранении целостности процесса доказывания.

Сложность самого процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности объясняем тем, что само по себе доказывание имеет двойственную природу. С одной стороны, доказывание представляет собой мыслительно-логическую деятельность, а с другой, – практическую деятельность. При этом, каким образом осуществляется переход доказывания из одного состояния в другое, и в обратное состояние до сих пор нашей юридической наукой не объяснены.

Не объяснение со стороны юридической науки взаимного перехода доказывания из одного состояния в другое дает нам основание высказать предположение о том, что в практическом аспекте рассматриваемая проблема разрешается на основе опыта. В этом смысле опыт (практика) доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности является тем своеобразным организационным «ключиком», который позволяет открыть дверь в потаенные тайны доказывания по рассматриваемой категории дел. Таким образом, организационная составляющая на стадии возбуждения уголовного дела при доказывании по уголовным делам коррупционной направленности, по праву становится «краеугольным камнем исследования».

Организационная составляющая доказывания по уголовным делам коррупционной направленности наиболее актуализируется тогда, когда необходимо установить фактическую мотивацию и истинную цель лица, совершившего коррупционное деяние. Образно выражаясь, «в этой ситуации традиционные средства доказывания пасуют». Они просто не просто не способны своим потенциалом устанавливать

¹ Методологической основой формирования наших суждений послужили результаты исследований Н.И. Калугина. См.: *Калугин Н.И.* Управление следственными аппаратами органов внутренних дел (функционально-структурный анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1990. – С. 122, 123.

эти субъективные обстоятельства коррупционного деяния. Выходом из этой тупиковой ситуации как раз и является использования опыта организации доказывания по данной категории уголовных дел.

Рассматривая проблемы управления и организации применительно к области борьбы с преступностью, Г.А. Аванесов указывает: «Любая организаторская деятельность направлена на создание оптимальных условий для осуществления тех или иных видов работ. Решающим звеном деятельности по борьбе с преступностью является организация. При этом организация, исполнение организаторских функций характерны для всех направлений этой деятельности; имеется в виду организационный аспект этой деятельности» [1, с. 452]. Сказанное в полной мере имеет отношение и к организации доказывания по уголовным делам коррупционной направленности.

Наши размышления об использовании опыта организации в деле доказывания по уголовным делам коррупционной направленности в стадии возбуждения уголовного дела, осуществляются не ради удовлетворения праздного любопытства исследователя. В наши дни, в контексте доказывания коррупционных деяний, особенно остро встала нижеследующая управленческая проблема. Её суть состоит в том, что сегодня (как никогда) должностным лицам, осуществляющим доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности приходится решать управленческо-организационную задачу: устанавливать соответствие между «замерами» криминологов относительно коррупции и положениями уголовного закона. В последствие на основании такого установления решать организационные вопросы. В частности подлежит разрешению вопрос том, какими средствами доказывания будут устанавливаться эти криминологические и уголовно-правовые свойства коррупции. «За последние годы на территории страны, – пишет А.Н. Сухаренко – неоднократно возбуждались уголовные дела в отношении депутатов и выборных должностных лиц, в том числе за бандитизм и организацию преступного сообщества (ст.ст. 209–210 УКРФ). Большая часть обвиняемых (осужденных) лиц до своего избрания занимались бизнесом» [11, с. 163].

В стадии возбуждения уголовного дела вопрос о средствах доказывания некоторых криминологических и уголовно-правовых свойств коррупционных деяний иногда вообще невозможно разрешить только в правовой плоскости. Еще во второй половине 70-х годов XX столетия, выступая на научной конференции, С.М. Кры-

лов, говорил: «Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступностью длительное время изучались односторонне. Основной их “болезнью” являлся отрыв от управленческих проблем, что влияло на качество». На этой же конференции В.Г. Афанасьев обратил внимание на необходимость проникновения в сферу управления юридических наук, и, наоборот – в область юриспруденции управленческой тематики. Об этом же вели речь и другие выступающие [10, с. 56–61].

Ныне без управленческой тематики в юриспруденции, и только на основании действующей парадигмы средств доказывания невозможно установить, например, фактическую мотивацию коррупционных деяний. На это обстоятельство необходимо акцентировать внимание в ходе организации процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам коррупционной направленности. К тому же, противоправная мотивация коррупционера может быть скрыта под благовидными намерениями.

Список литературы

1. *Аванесов Г.А.* Криминология. М., 1984. С. 452.
2. *Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова.* М., 2005. С. 57.
3. *Асриев Б.В.* Начальник следственного отдела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 5, 7;
4. *Григорьев В.Н.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела // Доказывание по уголовным делам: межвуз. сб. Красноярск, 1986. С. 159.
5. *Зеленский В.Д.* Структура организации расследования преступлений // Совершенствование организации расследования преступлений следственными аппаратами органов внутренних дел. М., 1984. С. 39.
6. *Кальницкий В.В.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 9, 15.
7. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 244.
8. *Кобзарев Ф.М.* Понятие организации работы и управления в органах прокуратуры // Прокурорский надзор: учебник / под ред. Ю.Е. Винокурова. М., 2006. С. 78.

9. *Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М., 2014. С. 48.

10. *Проблемы управления и деятельность органов внутренних дел: материалы конф.* М., 1975. С. 56–61.

11. *Сухаренко А.Н.* Криминализация региональных органов власти: состояние, тенденции и меры противодействия // *Союз криминалистов и криминологов.* 2014. № 2 (2). С. 163.

*Сапарбаев Д. С.,
капитан полиции,
адъюнкт
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

О РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СТРАНАХ СНГ

Автор в данной статье обращает свое внимание на социальную обусловленность уголовно-правовой охраны собственности на земельные ресурсы и осуществляет анализ существующих норм в уголовном законодательстве Кыргызской Республики и отдельных стран СНГ.

Ключевые слова: земельный участок; самовольное занятие и захват земли; право собственности.

Земельные ресурсы, независимо от политической формации и устройства государства, являются неотъемлемой частью пространственного распространения суверенитета, основой экономических и социальных отношений. Тому свидетельствуют политические волнения, произошедшие в Кыргызстане 2005 и 2010 г., сопровождавшиеся такими асоциальными явлениями, как самовольное занятие или захват земель гражданами, массово происходившими на территории г. Бишкек и его окрестных районах. Данные факты подтверждают, что общественная безопасность страны в определенной мере зависит от правильного землепользования и рационального его распределения. Причиной такого явления стала внутренняя миграция населения в столицу страны, а также сложившаяся на тот момент общая сложная общественно-политическая обстановка.

Произошедшие события подтолкнули законодателя к принятию мер по предупреждению противоправного посягательства на право собственности, касающейся земельных ресурсов. Так, в 2005 г. уголовный кодекс и кодекс об административной ответственности Кыргызской Республики были дополнены нормой, предусматривающей ответственность за самовольное занятие земель.

Одной из важных законодательных норм, направленных на пресечение и предупреждение противоправных посягательств на право собственности на землю, было включение в уголовное законодатель-

ство Кыргызской Республики ст. 172¹ УК «Самовольное занятие земель», диспозиция которой была изложена как самовольное занятие земельного участка независимо от формы собственности, повлекшее повреждение или уничтожение посевов, урожая и причинившее значительный материальный ущерб. В санкции данной статьи предусматривалось назначение наказания в виде штрафа либо лишения свободы до трех лет [2].

Факты самовольного занятия земель нередко сопровождались активным сопротивлением, актами игнорирования законных предписаний государственных органов и затрагивали не только территории сельскохозяйственных угодий. В 2012 г. приняты дополнительные изменения редакции указанной статьи, с включением квалифицирующих признаков как действия сопряженные с актами насилия или угрозой его применения; с применением физического насилия и оружия; организация или руководство незаконным захватом земельного участка.

Конструкция данной статьи дополнена примечанием, где лицо, в случае добровольного освобождения захваченного земельного участка, освобождается от уголовной ответственности, кроме случаев, когда в его действиях не содержится иного состава преступления, и оно возместило потерпевшему ущерб [3].

Объектом данного преступления являются общественные отношения собственности. Предметом преступления является земельный участок, то есть площадь земли в замкнутых границах, независимо от его целевого назначения и формы собственности. Преступление по конструкции объективной стороны является материальным. Субъектом данного преступления является лицо, достигшее 16-летнего возраста, субъективной стороной является прямой умысел, как правило, с корыстной целью.

Как отмечает Н.А. Манакин, деяние такого характера не посягает на правовой статус потерпевшего, виновный не ставит своей целью получение или закрепление юридически имущественных прав на захваченный земельный участок [8, с. 43]. Но при этом виновный извлекает имущественную выгоду (осуществление хозяйственной деятельности, выращивание сельскохозяйственных культур) или реализует социальные потребности (возведение жилых строений). Тем самым самовольное занятие и захват земель выражается в занятии и пользовании лицом земельного участка, не закреплённого за ним в установленном юридическом порядке.

По мнению И. Коржанского, самовольное занятие земель является не столь общественно опасным, так как он полагает, что они восстановимы [6, с. 16]. Противоположного мнения придерживаются отдельные парламентарии Жогорку Кенеша (парламент Кыргызской Республики – *прим. авт.*), которые выступают за ужесточение наказания за данное преступление, причиной такого шага явилось отсутствие действенных мер административного и гражданского характера.

Но существует в настоящее время большое количество так называемых «новостроек», возведение которых происходит зачастую в непосредственной близости к высоковольтным линиям электропередач и магистралям газопроводов, к полигонам бытовых отходов и законсервированных скотомогильников. Как показывает мировая практика, разрешение и искоренение данных массовых явлений лежит в реализации программ строительства доступного жилья, в совершенствовании архитектурного законодательства. Согласно выводам исследования вопроса о самовозводимых поселениях, именно неудовлетворительность жилищных условий - это одна из ключевых проблем, и поэтому ее решение следует ставить во главу угла, при разработке устойчивой жилищной политики [9]. В какой-то степени обоснованы слова академика В.Н. Кудрявцева о чрезмерной загруженности уголовного закона: «Вместо устранения негативных последствий путем экономических и социальных преобразований, уповаем на запреты и регрессии» [7, с. 111].

Ст. 171 УК Кыргызского ССР 1960 года предусматривала ответственность за самовольный захват или самовольную мену, или купли-продажи земельного участка, либо иные действия, нарушающие законы о национализации земли. Тем не менее данная норма не стала препятствием для первой крупной волны массового самовольного занятия земель в начале 90-х гг. прошлого столетия. В этот период возникли 27 жилых районов на территории г. Бишкека, так называемое «глиняное кольцо» столицы.

Согласно ст. 32 Земельного Кодекса Кыргызской Республики земельный участок предоставляется в собственность гражданам Кыргызской Республики уполномоченным органом безвозмездно один раз на всей территории Кыргызской Республики: для строительства и обслуживания жилого дома и ведения личного подсобного хозяйства, дачного строительства по установленным нормам. В свою очередь согласно ст. 46 Конституции Кыргызской Республики каждый граж-

данин имеет право на реализацию своего жилищного права. Однако, несмотря на существующие нормативно-правовые акты, лица реализуют указанные права далеко не в правовом поле и вопреки существующей процедуре получения земельных наделов.

Аналогичные составы преступлений, направленные на уголовно-правовую охрану право собственности в сфере земельных отношений, содержатся в главах «преступления против собственности» уголовного кодекса Азербайджанской Республики и Республики Казахстан. В ст. 188 УК Азербайджанской Республики «Нарушение права собственности на землю» объективная сторона преступления выражена в нарушении закрепленного законом права собственности на землю, то есть самовольный захват, замена или посев земельного участка; деяния. Под заменой земельного участка понимается фактическое занятие участка другого лица, обладающего правоустанавливающими документами, с выделением потерпевшей стороне другого участка, вопреки его законным интересам. Как обращает внимание азербайджанский автор Э. Эфендиев, нарушение правового режима использования земель приводит к сокращению площади полезных земель, к истощению почв и нарушению экологического баланса природы [14, с. 2].

В новой редакции УК Республики Казахстан, вступившего в действие 1 января 2015 года, предусматривается ст. 201 УК РК «Нарушение вещных прав на землю» [13]. Объективная сторона данной нормы охватывается деяниями, указанными в диспозиции статьи, выраженными в незаконном проникновении на чужой земельный участок, повлекшее причинение существенного вреда правам или охраняемым законом интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства; совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения или группой лиц; или сопровождается незаконным обыском, а равно незаконный захват чужого земельного участка. По конструкции объективной стороны преступления является формальным, уголовная ответственность наступает за совершение указанных в диспозиции данной статьи деяний. Следует отметить, что широкий диапазон запрещенных деяний, указанных в гипотезе статьи, дан законодателем для охраны право собственности такого специфического предмета преступления, как земельный участок. Также в данной статье имеется квалифицирующий признак, совершение указанных деяний с использованием служебного положения. Аналогичное деяние в УК КР отне-

сено к главе 30 «должностные преступления», ст. 305¹ «Нарушение земельного законодательства Кыргызской Республики» которая предусматривает ответственность лиц, уполномоченных за регулирование земельных отношений, выраженной в предоставлении земли, находящиеся в государственной и муниципальной собственности в собственность или в пользование в нарушении земельного законодательства.

Среди ученых и практиков, занимающихся вопросом охраны собственности, существует мнение об ужесточении административной ответственности в РФ по ст.7.1 КоАП «самовольное занятие земельного участка». Предлагается увеличение размера и дифференциация штрафа в зависимости от кадастровой стоимости, самовольно занятого земельного участка [1, с.13]. По результатам проведенного опроса более половины специалистов поддерживают инициативу о криминализации данного административного правонарушения. [8, с. 118].

В Стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы одним из приоритетных аспектов в развитии правового общества является искоренение давления на власть охлократическими методами. В свою очередь именно уголовно-правовые механизмы являются приоритетными в охране такого ограниченного природного ресурса, как земля.

Список литературы

1. *Жубрин Р.В. Рубцова М.В.* О мерах усиления административной ответственности за самовольное занятие земель // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2011 г. № 5.

2. Закон Кыргызской Республики от 5 августа 2005 года №122 «О внесении дополнений и изменений в уголовный кодекс и кодекс об административной ответственности Кыргызской Республики». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toktom.kg>. ИПС Токтом-онлайн. (дата обращения: 16.01.2015).

3. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Кыргызской Республики» №145 // Эркин-Тоо 2012. № 67. 3 августа.

4. Земельный Кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toktom.kg> ИПС Токтом-онлайн. (дата обращения: 14.01.2015).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2014. С. 64.

6. *Коржанский Н.И.* Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации). Учебное пособие. Волгоград. 1976. С. 16.
7. *Ляпунов Ю.И.* Общественно-опасное деяние – как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 111.
8. *Манакин Н.А.* Уголовно-правовая охрана земельных отношений в Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. Н.Новгород. 2001.
9. Самовольно возведенные города. Поиск долгосрочных решений проблемы неформальных поселений в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: www.unecsc.org/hlm/documents/Publications/SelfMadeCities.r.pdf (дата обращения: 14.01.2015).
10. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001.
11. Уголовный Кодекс Киргизской ССР. Фрунзе. Кыргызстан. 1984.
12. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики. Бишкек. 2014.
13. Уголовный Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.online.zakon.kz> ИС Параграф (дата обращения 14.01.2015)
14. *Эфендиев Э.М.* Уголовно-правовая ответственность за самовольный захват земли и самовольное строительство: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 2.

*Смирнова В. М.,
преподаватель кафедры
административного права и процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ИЗБРАНИИ НЕКОТОРЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ (ОБВИНЯЕМЫМ)

В статье представлен анализ проблем правоприменительной практики при избрании мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) на современном этапе. Сформулированы и обозначены закономерности развития и современное состояние нормативного регулирования мер пресечения, проблематика основных особенностей применения некоторых мер пресечения при производстве по уголовным делам, а также имеющиеся научные воззрения по данной проблематике.

Ключевые слова: особый субъект, меры пресечения, права и интересы несовершеннолетнего, заключение под стражу.

В рамках уголовного процесса несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) всегда рассматривается как особый субъект. Несовершеннолетний не может в полной мере самостоятельно реализовывать свои права и обязанности. В связи с этим при применении к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым мер принуждения законодательством Российской Федерации предусмотрен ряд особенностей и дополнительных гарантий, обеспечивающих соблюдение прав несовершеннолетних. Государство должно обеспечивать неотвратимость наказания за совершенные преступления, но и несовершеннолетние, требующие повышенного уровня защиты со стороны общества и государства, не должны быть сильно травмированы самим фактом применения к ним мер принуждения. Любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей должны быть всегда соизмеримы с их личностью и обстоятельствами преступления, а также направлены на обеспечение благополучия несовершеннолетнего[1. с. 65].

В уголовном процессе выделяют следующие меры принуждения: задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры пре-

сечения. Для выделения основных особенностей применения этих мер необходимо описать каждую из них с точки зрения применения их к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, особое внимание уделив мерам пресечения.

В ст. 91 УПК РФ предусмотрены основания задержания несовершеннолетнего подозреваемого. По общему правилу они являются общими для взрослых преступников и несовершеннолетних правонарушителей. Единственной гарантией, свидетельствующей об особом положении несовершеннолетнего в уголовном процессе, является то, что о задержании несовершеннолетнего незамедлительно извещаются его законные представители (ч. 3 ст. 423 УПК РФ), а норма о сохранении в тайне факта задержания в интересах предварительного расследования не применяется (ч. 4 ст. 96 УПК РФ) [5, с. 2].

В отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при наличии ряда условий закон предусматривает избрание различных мер пресечения. Данный институт соответствует международным требованиям, предъявляемым к производству по делам несовершеннолетних. По общему правилу к несовершеннолетним может быть применена любая мера пресечения, установленная действующим законодательством, кроме наблюдения командования воинской части и временного отстранения от должности. Однако при избрании некоторых мер пресечения на практике часто возникают некоторые проблемы. Анализ судебно-следственной практики показывает, что к числу основных проблем можно отнести то, что к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым чаще других применяются лишь две меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении и заключение под стражу. Остальные же меры пресечения крайне редко используются следователями и дознавателями.[6, с.9] Подобный подход на практике не всегда позволяет достичь цели, поставленной перед мерами пресечения – обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. А также при этом не учитываются психофизические и социально-психологические особенности личности несовершеннолетнего.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении как письменное обязательство подозреваемого (обвиняемого) не покидать место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда, являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд, а также иным образом не препятствовать производству по уголовному делу, применяется к несовершеннолетним в общем порядке. По сути, избрание к несовер-

шеннолетним данной меры пресечения предполагает некоторое участие его законных представителей в ее реализации, однако на практике не может быть реализовано в полной мере по достаточно объективным и некоторым субъективным причинам. Сущность вводимых ограничений и порядок обжалования должны разъясняться и законным представителям. Важную роль при осуществлении мер пресечения играет законный представитель несовершеннолетнего, который обязан обеспечивать права и интересы несовершеннолетнего, а участие данного лица должно создавать дополнительные гарантии достижения поставленных целей применяемой к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения. Однако реальная ответственность законного представителя за ненадлежащее поведение несовершеннолетнего при этом отсутствует, а значит он фактически устраняется от участия в процессе.

Заключение под стражу в уголовном судопроизводстве считается самой строгой мерой пресечения, которая должна применяться к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в исключительных случаях и при возможности должна заменяться другими альтернативными мерами. Поэтому необходимо тщательно проверять обоснованность изложенных мотивов необходимости применения заключения под стражу и невозможности применения более мягкой меры пресечения (например, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым). При этом следует учитывать и реальную возможность назначения наказания несовершеннолетнему в виде лишения свободы на срок более пяти лет (ч. 4 ст. 15 УК РФ). А также обоснованность обвинения (подозрения) в совершении тяжкого умышленного преступления или в исключительных случаях преступления средней степени тяжести. Присмотр же является специфической мерой пресечения, которая может быть применена только к несовершеннолетним. [2, с. 18] Суть присмотра заключается в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетним со стороны родителей, иных законных представителей. При этом за неисполнение обязанностей по присмотру закон предусматривает ответственность. Однако, на практике, в случае отказа данных лиц принять на себя обязательства, предусмотренные данной мерой, всегда решается вопрос о применении другой меры пресечения к несовершеннолетним, что способно косвенно нанести непоправимый урон психологическому и психическому состоянию несовершеннолетнего, а следовательно не вправе принудительно обязать ответственных лиц принять несовершеннолетнего под присмотр.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что такая мера пресечения как заключение под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых обладает своими особенностями и применяется лишь при определенных условиях. В УПК РФ возраст несовершеннолетнего при применении заключения под стражу особой роли не играет – учет этого аспекта отдается на усмотрение дознавателя, следователя или суда. При этом суду надлежит учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу не может быть применено к несовершеннолетнему, не достигшему возраста 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые. [6, с. 112] Однако, при применении заключения под стражу к несовершеннолетним прежде всего учитывается то, что возможное наказание за совершенное преступления должно быть строже, чем применяемые к лицу меры пресечения. Учитывая практику применения условных наказаний к несовершеннолетним, реже применяется и наиболее строгая мера пресечения (например, заключение под стражу). Чаще всего к несовершеннолетним применяют заключение под стражу за совершение тяжких и особо тяжких уголовно-наказуемых деяний, либо к несовершеннолетним, имеющим условную судимость или совершивших ряд преступлений. Таким образом, можно говорить о связи между избранной мерой пресечения и мерой наказания.[1, с. 63] Эта связь заключается в соразмерности наказания, которое будет применено к несовершеннолетнему обвиняемому судом и таких мерах пресечения в процессе расследования, которые будут не тяжелее, чем последующее наказание.

И такая мера пресечения как залог фактически не востребована, так как залогодателями в данном случае выступают родители или законные представители несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), зачастую не имеющие возможности и желания на внесение такого залога. [2, с. 14] А так как избрание этой меры не является односторонним принудительным актом и необходимо добровольное согласие родителей, избрание залога как меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в практике применяется крайне редко.

Подобная практика сложилась и при избрании личного поручительства, которая также невозможна без добровольного согласия поручителя принять на себя ответственность за ненадлежащее поведение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а в

дальнейшем подвергнуться денежному взысканию, если эти обязательства будут нарушены.

При применении иных мер процессуального принуждения к несовершеннолетним единственной особенностью является недопустимость привода свидетеля или потерпевшего, не достигших четырнадцатилетнего возраста, предусмотренная ч. 6 ст. 113 УПК РФ.

Таким образом, применение к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) мер пресечения необходимо направить на достижение целей уголовного процесса. С одной стороны, необходимо учитывать то, что принятие таких мер к несовершеннолетним всегда будет связано с ограничением их отдельных прав и свобод, а значит, данные меры не должны восприниматься несовершеннолетним как психическое или физическое на них воздействие даже при наличии соответствующих оснований. А с другой стороны, при избрании любых мер пресечения следователю, дознавателю должна быть предоставлена возможность учесть не только тяжесть совершенного преступления, но и обстоятельства конкретного дела, и личность несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Только при соблюдении всех условий применение мер пресечения к несовершеннолетним будет законным и допустимым с точки зрения законодательства и создания благоприятных условий для жизни несовершеннолетних. А главной задачей при применении любых мер пресечения к несовершеннолетним является сохранение баланса сбалансированности между целью применения определенной меры и психологическими и социальными особенностями несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Список литературы

1. Александров А.С., Бонхоев Х.В., Кухта А.А. Применение мер принуждения в отношении несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: монография Н. Новгород: Изд-во Нижегород. прав. акад., 2008. 188 с.

2. Глизнуца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 1–23.

3. Постановление Пленума ВС РФ от 01. 02. 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19. 12. 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

5. *Сарычев Д.С.* Особенности применения мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних: материалы конф. «Личность и социальное развитие», Москва, 25 апреля 2014 г. // Социосфера. М.: НИЦ Социосфера, 2014.

6. Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 419 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> <http://www.consultant.ru/>

*Солина О. А.,
адъюнкт заочной формы обучения
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ И СУДЕБНИКА 1497 г.)

В данной статье анализируется становление ответственности за хищения на основе первых памятников древнерусского права.

Ключевые слова: хищения; кража; Русская Правда; Судебник 1497 г.; собственность; наказание; уголовная ответственность.

Изучение исторических аспектов становления уголовной ответственности за хищения является необходимым условием для анализа уровня развития современного законодательства, устанавливающего ответственность за данные деяния, определения путей его дальнейшего развития, а также исследование причинно-следственных связей изменения уголовного законодательства в контексте конкретного исторического периода. Все это может способствовать реформированию современных норм о преступлениях против собственности.

Как заметил М. Таганцев, «любое правовое положение, что действует в данном государстве, безусловно, имеет свои корни в прошлой истории этого народа. Если мы намерены изучить любой юридический институт, который существует в настоящее время, то для правильного его понимания мы должны исследовать его историческую судьбу, то есть те причины, которые обусловили появление этого образования, и те видоизменения, которые оно понесло в своем историческом развитии» [6, с. 37].

История становления и развития уголовной ответственности за хищения, как за наиболее распространенное преступление из других видов посягательства на собственность, следует общим закономерностям возникновения и распространения правового регулирования на различные сферы общественных отношений. Хищение как уголовно наказуемое преступное деяние было известно обществу с натурально-общинной экономикой на ранней стадии его развития.

Первым памятником древнерусского права X – XI являлась Русская Правда (состоящая из Правды Ярослава, так называемая «Краткая Правда» и Правды Ярославичей – «Пространная Правда») и, будучи кодексом феодального уровня, она придает огромное значение охране феодального имущества.

Статьи 32–55, 69–77, 79–87 Пространной Правды устанавливают различные формы охраны собственности, сложившиеся в древнерусском государстве ко второй половине XI в. Следует отметить, что из имущественных преступлений Пространная Правда уделяет особое внимание краже – «татьбе». Под этим понятием понималось любое ненасильственное, тайное либо открытое хищение.

Законодатель предусматривал различные виды краж, например, в зависимости от характера и ценности имущества выделяли конокрадство, кражу скота, хлеба, оружия, одежды и т.д.; в зависимости от того, откуда было похищено имущество – кража со двора, из клетки, поля, гумна, ямы [4, с. 65–73].

Правда Ярослава содержит общее положение о наказании за кражу – уплата обиженному 3-х гривен за нанесение обиды с обязательным возвращением похищенной вещи. В Правде Ярославичей уже говорится о взыскании уголовного штрафа – «продажи» в пользу князя, при этом для удовлетворения интересов пострадавшего применяется вознаграждение в виде «урока», равного цене украденной вещи, либо ее возвращение потерпевшему [3, с. 53].

При этом признавая квалифицированными видами краж – похищение пчел, бобров, хлеба из гумна, напротив, ввиду особой значимости объекта посягательства для хозяйства, Пространная Правда усиливает ответственность, устанавливая более суровые наказания, по сравнению с другими известными ей видами краж. Основанием разграничения ответственности за данные преступления выступают не стоимостные, а натурально-экономические свойства вещи, поэтому предмет посягательства конкретно указывается в законе.

Особое внимание уделяется краже из церкви. Так Церковный Устав князя Владимира в силу разделения юрисдикции между государством и церковью относил к компетенции последней «церковную татьбу», которая, под влиянием византийских традиций, могла караться ослеплением или сечением [4, с. 152–162].

Усиливая охрану феодальной собственности, Пространная Правда предоставляет право убить ночного вора, застигнутого на

месте преступления, при этом для ограничения самосуда и расширения княжеской юрисдикции, устанавливается обязанность доставить вора утром на княжеский двор, в случае, если он не был убит ночью. При этом законодатель запрещает убивать связанного вора.

В Русской Правде содержатся нормы, устанавливающие плату лицам, задерживающих воров, т.е. здесь речь идет о современной форме хищения – грабеже, при этом законодатель того времени не разграничивал грабеж от кражи, и все эти деяния носили общее название – татьба [1, с. 116].

В статьях Русской Правды закрепляется ответственность за хищения из незакрытых помещений, т.е. без взлома. Например, в ст. 82 Пространной Правды за кражу сена и дров устанавливается уголовный штраф и частное вознаграждение хозяину за каждый украденный воз по 2 ногаты, как вид дополнительного наказания. При этом за те же деяния редакция Краткой Правды предусматривала только частное вознаграждение потерпевшему [5, с. 43].

Таким образом, с развитием феодального права, происходит и развитие ответственности за преступные деяния. Разграничение наказания, в виде возмещения ущерба потерпевшему, преследует за собой цель восстановление социальной справедливости, а уплата штрафа означает укрепление авторитета власти и государства, в лице князя, порицающего преступное поведение.

В статьях Пространной Правды, также можно обнаружить ответственность за кражу, совершенную группой лиц. Так при краже хлеба с гумна или ямы, т.е. закрытых помещений, с каждого из воров, независимо от их количества и степени участия, взыскивался увеличенный (в отличие от кражи с открытого места) размер штрафа, данный факт говорит о повышенной общественной опасности преступного деяния, совершенного в соучастии.

В связи с дальнейшим развитием русского права, в статьях Пространной Правды устанавливается четкое понятие о неправомерном владении имуществом. Так статья 44 требует не только вернуть собственнику похищенную вещь, но и возместить ущерб за неправомерное пользование такой вещью, в виде уплаты «урока». Причем, если украденная вещь не могла быть возвращена в натуральном виде, то возмещалась ее стоимость [4, с. 43].

Также Русская Правда содержала в себе нормы, предусматривающие ответственность за особый вид кражи – кражу холопов, которые не являлись самостоятельными субъектами права в Киевском

государстве и рассматривались в качестве вещей своих господ. Поэтому и кража холопа расценивалась как имущественное преступление, направленное на нарушение права собственности феодалов, в связи с чем и каралось достаточно строго – продажей в размере 12 гривен в пользу князя.

В силу своего особого статуса «вне закона» кража, совершенная холопом, преступлением не признавалась, так как он не мог отвечать за свои действия по суду. Ответственность за такую кражу нес его хозяин, при этом закон вдвое увеличивал вознаграждение в пользу потерпевшего, однако продажа князю не взыскивалась [4, с. 44].

Еще более усилена охрана феодальной собственности была в Судебнике 1497 г., который предусматривал виды краж в зависимости не только от категорий имущества, как это было в нормах Русской Правды, а еще и от повторности и других характеристик субъекта преступного деяния.

Так кража, совершенная в первый раз (кроме кражи в церкви и кражи, сопровождающейся убийством), помимо возмещения ущерба, собственнику, грозила для виновного торговой казнью и взысканием продажи-штрафа в пользу казны. При невозможности возместить убытки в силу отсутствия имущества виновный отдавался в холопство потерпевшему для отработки долга.

Торговая казнь назначалась за менее важные преступления, к которым относилась и совершение татьбы впервые, если она не была совершена человеком, признанным за «лихого», т.е. заведомым преступником. К этой категории фактически могли быть отнесены все лица, выступавшие против господствующего класса.

Если же кража была совершена лицом вторично, то его назначалась смертная казнь, при этом производилось возмещение ущерба потерпевшему из имущества виновного, остальное имущество передавалось судье (в казну) [2, с. 11–12].

Таким образом, Судебник относит к числу отягчающих признаков преступного деяния рецидив, при котором рецидивист карался смертной казнью.

На основании изложенного можно заключить, что основной идеей норм Русской Правды была идея примирения, восстановления справедливости, осуждения прежде всего по «правде». Поэтому вор и потерпевший от хищения могли уладить между собой конфликт, не прибегая к достаточно крупным штрафам.

Затем, с усилением охраны феодальной собственности, централизации власти российского государства, изменялись и нормы права, призванные охранять имущественные права. Это было связано с ужесточением ответственности за хищения, вплоть до смертной казни, согласно Судебнику 1497 г.

Развитие российского государства влекло за собой и развитие уголовной ответственности за хищения, в том числе дифференциацию ответственности в зависимости от объекта посягательств, предмета, обстоятельств совершения, повторности преступного поведения, количество участвующих в нем лиц. Однако, дальнейшее совершенствование и развитие норм об ответственности за хищения происходило и на следующих этапах развития российского государства.

Список литературы

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995.

2. Законодательные Памятники России до 1997 г. Часть I «Судебник 1497 г.» : учеб.-метод. пособие / Т. А. Чернявская. Н. Новгород, 1995.

3. *Гладышев Д.Ю.* Особенности уголовной ответственности за преступления, посягающие на животный мир, по законодательству Древней Руси // Уголовно-правовая наука: теория и практика: материалы научной школы «Реализация уголовной политики в области противодействия служебно-экономической преступности». Вып. 2. Н. Новгород : Изд-во НИМБ, 2010. С. 52–57.

4. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984.

5. Русская Правда (с комментариями) : учеб. пособие / Т.А. Чернявская. Н.Новгород, 1995.

6. *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права. СПб., 1874. Вып. 1. М.: Юристъ, 2003.

*Стенькин Ю. Ю.,
следователь ЛОВД
Ярославской железной дороги,
лейтенант юстиции,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье раскрывается социальная обусловленность существования норм об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Помимо этого, проанализированы доктринальные подходы к определению указанной группы преступлений и ее правовых рамок.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; недобросовестная конкуренция; экономическая монополия.

Современное развитие товарно-денежного оборота определило тот факт, что сфера экономики в настоящее время наиболее подвержена преступному воздействию. Как пишет А.М. Медведев: «экономические преступления посягают на экономику, права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб» [9, с. 81]. Государство применяет целую совокупность механизмов, в борьбе с указанным рода посягательствами, но наиболее эффективным признаются уголовно-правовые средства. Глава 22 Уголовного кодекса содержит более 40 составов, предусматривающих ответственность за нарушения в различных сферах экономики. Особое место в указанной группе преступлений занимают нормы об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Предпринимательская деятельность в законе определена как самостоятельная и осуществляемая на риск предпринимателя деятельность. Однако, как уже стало ясно, такая деятельность должна быть регламентируемой и контролируемой. Это отмечает и В.В. Демченко, полагающая, что «самостоятельность предпринимателя не беспредельна, она ограничивается регулирующим и координирующим воздейст-

вием органов государственного (муниципального) управления, на которые эта задача возложена законом» [5, с. 10–11].

При этом именно нормы УК РФ, направленные на противодействие преступлениям в сфере антимонопольного законодательства, являются одной из наиболее значимых гарантий обеспечения рыночного характера российской экономики.

В том числе и по причине такой особой значимости, группа преступлений в сфере антимонопольного законодательства была и остается предметом множества исследований. При этом среди авторов юридической литературы встречаются различные точки зрения относительно освещения юридически значимых характеристик, входящих в данную группу преступлений. Данные мнения зачастую являются весьма противоположными.

Прежде всего, не все авторы едины в том, каким должно быть название исследуемой нами группы преступлений, само понятие данного вида преступлений. В этой связи в юридической литературе этими авторами высказываются различные мнения относительно именовании данной группы преступлений.

Так Н.А. Лопашенко рассматривает указанные преступления, как «посягательства на общественные отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции» [8, с. 186].

Б.В. Волженкин, в свою очередь, предлагает свою формулировку – преступления, связанные с проявлением монополизма и недобросовестной конкуренции [3, с. 299].

А.И. Коробеев именует данную группу, как «преступления, нарушающие отношения добросовестной конкуренции» [11, с. 359].

В.В. Сверчков предлагает именовать данную группу противоправных деяний преступлениями, связанными с экономической монополией [12, с. 96].

Т.Ю. Погосян рассматривает данную группу норм, как преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые с использованием монопольного положения на рынке или с помощью принуждения [10, с. 354].

Однако прежде чем давать какую-либо оценку мнениям данных авторов, мы считаем, что необходимо провести анализ нормативно-правовой базы современного законодательства, регулирующего общественные отношения, поставленные под охрану российским государством посредством принятия и введения в действие указанной группы норм.

Что же касается нашего мнения относительно понятия данных преступлений, то мы склонны считать исследуемые нами преступные деяния, преступлениями в сфере антимонопольного законодательства. При этом использование термина «антимонопольного» в данном случае не случайно и не выступает в качестве альтернативного «обеспечению конкуренции». Далее постараемся обосновать свое мнение, опираясь на нормы законодательства и юридическую литературу.

По нашему мнению, введение в современный Уголовный кодекс Российской Федерации статей: 169, 170, 178, 179, 180, 181, 183, 184, а именно их мы рассматриваем в данной работе в качестве преступлений в сфере антимонопольного законодательства, своей первоочередной целью ставит именно противодействие незаконным монополистическим проявлениям в экономике нашего государства. Конечно же, не стоит забывать и тот факт, что конечной целью введения и применения данных норм, является обеспечение принципов и отношений добросовестной конкуренции. Но, по нашему мнению, определяющей в понятии преступлений данной группы должна выступать именно первоочередная цель.

При этом стоит отметить, что все предпринимаемые российским государством усилия в данном направлении деятельности являются абсолютно разумными и логичными в условиях постсоветского развития рыночной экономики в Российской Федерации. Аналогичного мнения придерживаются и авторы юридической литературы, отмечающие, что «именно конкуренция в условиях рыночной системы является главным рычагом ее прогресса, вынуждая предпринимателей и других хозяйствующих субъектов в борьбе за потребителя работать эффективнее, качественнее, повышать производительность труда, осваивать новые технологии, снижать себестоимость продукции и т.д.» [4, с. 134]. Однако, как мы уже отмечали, важнейшее значение при определении понятия преступлений данной группы имеют именно первостепенные задачи, функции и цели указанных нами противоправных деяний. Безусловно, в первую очередь, к ним относится борьба с незаконными проявлениями монополизма, поскольку, не противодействуя таким проявлениям, количество которых в условиях рыночной экономики весьма существенно, невозможно будет добиться и конечного обеспечения естественного правового развития конкуренции в экономике.

Термин «незаконный» в данном случае также имеет существенное значение, поскольку определяет правовую сущность уголовного противодействия рассматриваемым нами явлениям. Дело в том, что государ-

ство в настоящее время, все же оставило некоторые законные исключения из общего правила недопущения конкуренции в экономической деятельности хозяйствующих субъектов, прежде всего это касается отдельных стратегически важных секторов государственного вмешательства в экономику. В связи с этим на данном этапе развития российского государства и общества в экономике присутствуют законные монополистические проявления. Не вдаваясь в целесообразность таковых, просто отметим их наличие, имеющее значение для уголовной науки и практики.

Опираясь на данный факт, мы также оставили за собой право использовать в названии интересующей нас группы преступлений, термин «законодательство». Именно, исходя из того, что не все факты и случаи монополизма можно рассматривать в настоящее время, как незаконные, в законодательстве Российской Федерации сформирован блок нормативно-правовых актов, содержащих соответствующие дозволения и запрещения, которые мы и рассматриваем, как антимонопольные.

Помимо этого, говоря о мнениях авторов современной юридической литературы, в части обсуждения вопросов антимонопольных преступлений, разногласия встречаются не только относительно формулировки названия данной группы преступлений, но и в вопросах включения тех или иных преступных деяний в ее состав.

К примеру, некоторые авторы к ним относят преступления, предусмотренные ст. ст. 178, 179, 180, 181, 183, 184 УК РФ [11, с. 359], некоторые – предусмотренные ст. ст. 178, 179, 180, 183, 184 УК РФ [2, с. 270], некоторые – предусмотренные ст. ст. 178, 180, 183, 184 УК РФ [8, с. 186], некоторые – предусмотренные ст. ст. 178, 180, 182, 183 УК РФ [6, с. 394], некоторые – предусмотренные ст. ст. 178, 180, 181, 191, 192 УК РФ [12, с. 96]. Существуют и другие мнения, к примеру, некоторые авторы вообще не выделяют группу отношений в сфере антимонопольного законодательства или защиты добросовестной конкуренции [7, с. 247].

Мы же, в свою очередь, как уже писали ранее, к преступлениям в сфере антимонопольного законодательства относим преступные деяния, предусмотренные ст. ст. 169, 170, 178, 179, 180, 181, 183, 184 УК РФ. Наш перечень является наиболее расширенным, по сравнению с приведенными мнениями авторов. Мы убеждены, что каждое из исследуемых нами деяний имеет непосредственное отношение к антимонопольному законодательству, поскольку так или иначе может быть со-

вершено именно с целью воспрепятствования осуществлению добросовестной конкуренции.

Список литературы

1. *Аслаханов А.А.* Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты): автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1997.
2. *Витвицкий А.А.* Уголовное право: Особенная часть: учебник / В.Т. Гайков [и др.] Ростов н/Д: Феникс, 2008.
3. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
4. *Волженкин Б.В.* Экономические преступления – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
5. *Демченко В.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004
6. *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005.
7. *Леонтьев Б.М.* Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. С. 247-248; 14
8. *Лопашенко Н.А.* Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога; 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009.
9. *Медведев А.М.* Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1.
10. *Погосян Т.Ю.* Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов; 4-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2008.
11. *Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. III: Преступления в сфере экономики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.*
12. *Сверчков В.В.* Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций; 5-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009.

*Степанова М. А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Статья посвящена изучению коррупции и взяточничеству как социальных явлений, которые продолжают оставаться главной угрозой экономической безопасности нашего общества и государства в целом, а также вопросу борьбы с взяточничеством.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; противодействие; преступление; уголовный закон.

Россия в настоящее время находится в очень сложных условиях: на последствия финансово-экономического кризиса накладывается сложная демографическая, социально-экономическая, экологическая и национальная ситуации, обусловленные спецификой экономического развития последних десятилетий. Однако, экономическую безопасность государства невозможно обеспечить без стабильного функционирования реального сектора экономики.

На наш взгляд, сдерживающим фактором стабильного развития экономики России является коррупция, и, в частности, взяточничество. Анализ научной и учебной литературы позволил выделить наиболее распространенные подходы к определению коррупции. Многие авторы трактуют данное явление как результат негативных экономических и политических преобразований государства и общества, что несколько не уменьшает степени его исключительно высокой общественной опасности.

В связи с этим мы поддерживаем точку зрения В.Л. Римского, который представил дифференцированное понимание коррупции с точки зрения права, экономики и социологии.

Согласно его модели юридическое понимание коррупции отличается тем, что коррупционные проявления в совокупности считаются правонарушением, заключающимся в использовании служебного

положения или социального статуса должностного лица в личных или корпоративных интересах.

Особый интерес вызывает экономическое понимание коррупции, которое отражает использование ее инструментов в практике принятия решений экономического блока органами государственной власти и управления. Таковыми могут являться виды деятельности должностных лиц государственного или муниципального управления и бизнеса, приносящие финансовые потери и потери других ресурсов для государства, местных сообществ, бизнеса, для развития экономики страны в целом, а также в некоторых случаях – для развития социальной сферы.

Социологическое понимание – коррупцией может считаться использование неформальных связей и отношений при решении политических, государственных и муниципальных проблем в личных или корпоративных интересах и пр. [4].

В соответствии с федеральным законодательством, коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение выше указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [7].

Вопросы борьбы с коррупцией были всегда спорными и актуальными. В настоящее время это обусловлено, прежде всего, тем, что меры проводимые государством по борьбе с этим социально-правовым явлением, традиционно являются малоэффективными. И, это, несмотря на то, что в 2008 году был принят базовый закон, устанавливающий основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней. На указанный нормативно правовой акт были возложены ожидания общества, связанные с существенным влиянием на коррупционную ситуацию в России.

Одним из наиболее распространенных проявлений коррупции является взяточничество. Термин взяточничество законодательно не определен, но исходя из анализа юридических словарей, воззрений

ученых, а также технико-юридической конструкции подобных дефиниций в законодательстве, взяточничество можно определить как собирательное понятие для обозначения следующих преступлений: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ).

Необходимо отметить, что выделение взяточничества из числа коррупционных преступлений связано с историческим развитием отечественного уголовного законодательства¹, а также позицией автора, относительно того, что большую опасность для экономической безопасности представляют разнообразные проявления именного указанного деяния.

Субъектом получения взятки может быть только должностное лицо, т.е. лицо постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [6]. Как правило, им является чиновник среднего звена, сотрудник правоохранительного органа, системы образования или здравоохранения, то есть те представители государства, с которыми мы взаимодействуем в процессе всей своей жизнедеятельности. Невозможность получения законной, качественной государственной услуги без взятки, приводит к недоверию ко всей системе государственного управления, невозможности эффективного экономического развития частного сектора.

Проявления «взяточничества» в негосударственных организациях и учреждениях (коммерческий подкуп), как правило, причиняет вред исключительно им, подрывая их нормальный порядок управления и тормозя исключительно развитие этих организаций и учреждений.

¹ Взятничество в России исторически различалась потому, что происходило ли получение неправомερных преимуществ за совершение законных действий («мздоимство») или незаконных действий («лихоимство»). В советский период в уголовном законодательстве употребляется термин взятка и взяточничество. Формирование Российской Федерации с рыночной экономикой ознаменовало появление негосударственных образований со своей управленческой номенклатурой, что привело к появлению норм, предусматривающих уголовную ответственность за новые виды «взяточничества» – коммерческий подкуп. С учетом влияния норм международного права в российском уголовном законодательстве появился термин коррупция, который в значительной степени расширил понятие взяточничества.

Необходимо отметить, что уголовное преследование в последнем случае осуществляется, только если есть заявление соответствующей организации или ее согласие на это. Взятничество же уголовно наказуемое деяние в любом случае.

Также, следует обратить внимание на статистику по коррупционным преступлениям. По официальным данным ГИАЦ МВД России, из года в год отмечается их прирост, причем большую их часть составляет взяточничество, которое и находит отражение в статистических сборниках. Так, в 2002 году в нашей стране было выявлено 7311 фактов получения и дачи взятки; в 2003 году – 7346; в 2004 году – 8928; в 2005 году – 9821; в 2006 году – 11063; в 2007 году – 11616; в 2008 – 12512, 2009 – 13141, 2010 – 12012, 2011 – 10952, 2012 – 10157 (из них 399 преступлений посредничество во взяточничестве), 2013 – 12120 (599 – посредничество во взяточничестве) и в 2014 – 12355 (462 – посредничество во взяточничестве) [5]. Однако эти показатели еще не свидетельствуют об эффективности борьбы со взяточничеством.

Особую тревогу вызывают данные, представляемые Генеральной прокуратурой России. Так, по официальной информации, общий рынок коррупции в России составляет свыше 240 млрд долларов, а средний коррумпированный чиновник по прошествии года службы может позволить себе приобрести дорогостоящее жильё на одной из центральных улиц столицы за счет полученных взяток [1, с. 5].

Таким образом, коррупция и взяточничество как социальные явления не только не уменьшаются, но и продолжают оставаться главной угрозой экономической безопасности нашего общества и государства в целом.

На основании изложенного необходимо перейти к рассмотрению вопроса борьбы с взяточничеством, с целью дальнейшего совершенствования уголовного закона. Борьба с указанным видом преступной деятельности включает восстановление нарушенных законных интересов и прав, возмещение вреда, декриминализацию на основе закона деформированных связей и отношений [2, с.734]. Борьба с взяточничеством должна отвечать всем требованиям борьбы с преступностью [2, с.728].

По нашему мнению, к эффективным мерам борьбы с взяточничеством относятся:

1. Совершенствование действующего уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления.

2. Принятие нормативных актов, регламентирующих государственную службу.

3. Создание правовой базы для борьбы с проявлениями взяточничества.

4. Активизация правоохранительных органов в борьбе со взяточничеством связана в первую очередь с обеспечением материально-техническими средствами в надлежащем объеме, что несомненно позволит иметь достаточные возможности доказывания проявлений взяточничества.

В целом действующее законодательство в сфере противодействия взяточничеству пока еще нуждается в дальнейшем совершенствовании, поскольку не приведено в соответствие ни с международными договорами, ни с потребностями эффективной борьбы с коррупцией. Как справедливо отмечает профессор В.А. Номоконов: «Пока мы видим лишь имитацию этой борьбы даже на законодательном уровне. Хотелось бы выразить надежду, что сложившаяся ситуация будет скорректирована в ближайшее время» [3, с.70–71].

Список литературы

1. *Костенников М.В., Куракин А.В.* Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел. Домодедово: ВИПК МВД России, 2008.

2. *Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра. юр. наук, проф. А.И. Долговой; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007.*

3. *Номоконов В.А.* Новое антикоррупционное законодательство и перспективы борьбы с преступностью // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009.

4. По материалам сайта INDEM // URL: <http://www.indem.ru>.

5. *Состояние преступности в России за январь-декабрь с 2003 по 2014 // Статистический сборник. М., 2003–2014 гг.*

6. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).*

7. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

Сухов С. Н.,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры математики, информатики и
информационных технологий
НА МВД России, г. Нижний Новгород

Бубнова О. Ю.,
кандидат физико-математических наук,
старший преподаватель
кафедры математики, информатики и
информационных технологий
НА МВД России, г. Нижний Новгород

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИТ-ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются особенности ИТ-преступности в современных условиях, анализируется статистика, причины и виды киберпреступлений, описываются проблемы выявления, документирования, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: ИТ-преступность; киберпреступления; преступления в сфере высоких технологий.

Информационные технологии сегодняшнего дня все активнее проникают во все сферы жизни общества. Особо актуально данное утверждение применительно к финансовому сектору, т.к. именно электронные финансовые сервисы и услуги стали одними из самых востребованных для населения. Сегодня сложно найти гражданина, который ничего не слышал или сам не использовал электронные сервисы при повседневной деятельности (оплата коммунальных платежей, получение заработной платы на пластиковую карточку и т.д.).

В виду широкой распространенности электронных финансовых услуг растет и уровень криминализации данной сферы общественных отношений. Из-за низкой осведомленности населения об особенностях работы в Интернете, с пластиковыми карточками, применением систем дистанционного банковского обслуживания, ежегодно увеличивается количество совершаемых в рассматриваемой сфере престу-

плений. Так, как все больше операций совершается на электронном пространстве, все больше лиц, склонных к совершению преступлений пробуют свои силы в данной сфере, зачастую оставляя в прошлом классические виды противоправной деятельности, перемещая свои навыки и умения в электронное пространство.

В октябре 2014 года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос граждан России на предмет, пользуются ли они Интернетом. Результаты свидетельствуют, что 66% (76,3 млн) совершеннолетних граждан нашей страны регулярно выходят в глобальную сеть. Количество граждан, которые ежедневно пользуются Интернетом, составляет 46% (53,6 млн человек). Используют электронные финансовые сервисы, например, совершают покупки через глобальную сеть, 43% опрошенных респондентов [3, с. 1].

Сопоставимые данные приводятся и в документах Минкомсвязи России. Согласно информации, размещенной на официальном сайте министерства, 62% населения страны активно использует интернет-пространство, а 56 млн россиян пользуется сетью ежедневно [1, с. 1].

Данные статистики свидетельствуют о высоком уровне проникновения как глобальной сети Интернет, так и электронных финансовых сервисов в повседневную жизнь, соответственно растет и уровень преступности в рассматриваемом сегменте общественной жизни. Если обратиться к состоянию и уровню преступности в зарубежных странах (Европе, Китае, США), то темпы роста и уровень преступлений в *IT*-сфере примерно одинаковый. За период 2013 года на территории нашей страны зарегистрировано 11108 *IT*-преступлений, причем в территориальном срезе первые места занимают Приволжский и Центральный федеральный округ.

Ведомственная статистика показывает, что большинство преступлений в сфере высоких технологий совершается с целью получения незаконного обогащения, причем необходимо учитывать тот факт, что реальное положение дел, анализируя ведомственную статистику, вряд ли получится выявить, т.к. рассматриваемые преступления характеризуются высокой степенью латентности.

По мнению многих исследователей, в официальную статистику попадает порядка 10-15% фактов киберпреступлений, соответственно, латентность данного вида преступной деятельности около 90% [2, с. 18]. В случае потери гражданами незначительных сумм (несколько сотен рублей) большинство не обращается в правоохранительные органы, так как считают, что проблем по организации напи-

сания заявления, посещение отделов полиции и т.д., будет больше, нежели понесенный ущерб. Необходимо также помнить, что ряд граждан покупают через электронные финансовые сервисы товары и услуги, которые либо запрещены, либо ограничены к распространению (наркотические средства, оружие, химикаты и т.д.). Особенно много предложений подобного характера содержится в скрытом Интернете, в сетях I2P, Tor, F2F.

В структуре современных ИТ-преступлений в последние 1-2 года стали существенно выделяться хищения денежных средств граждан через системы дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО). Показателен в данном отношении новостной раздел сайта MVD.ru. Среди общеуголовных и экономических преступлений регулярно встречаются новости про задержание лиц, совершающих преступления с использованием высоких технологий в сфере электронных финансовых услуг. К примеру, в конце 2014 года сотрудниками Управления «К» МВД России пресечена деятельность злоумышленников, занимавшихся хищением денежных средств граждан путем установки скиммингового оборудования на банкоматы.

Установлено, что организатор группы лично изготавливал ручную скимминговую изделия, организовав с этой целью лабораторию в арендуемой им квартире. Процессом изготовления и снятия оборудования с банкоматов и осуществлением наблюдение за окружающей территорией занимались граждане с Узбекистана.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что организованная группа осуществляла свои действия на территории Московской области на протяжении года, осуществляя установку скиммингового оборудования на банкоматы, находящиеся в крупных бизнес-центрах и офисах банков. Доступный для снятия лимит по скомпрометированным картам составил свыше 20 миллионов рублей [6, с.1].

Активно используются для похищения денег и схема мошенничества, связанная с открытием сайта (интернет-магазина), в котором продают брендовые или оригинальные товары по явно заниженным ценам (сотовые телефоны последних марок, часы и т.д.). Обязательным условием совершения покупки является полная или частичная предоплата заказанного товара. После получения денег мошенники ликвидируют либо переносят на другой адрес интернет-ресурс, перестают выходить на связь.

В связи с повсеместным развитием мобильных финансовых сервисов, осуществляемых через смартфоны, развиваются и информационные атаки на программное обеспечение смартфонов. Наиболее распространенной на сегодняшний день является операционная система Android, которая одновременно является и наиболее популярной у мошенников. В декабре 2014 года Сбербанк на своем сайте разместил информацию об опасности заражения мобильного телефона вирусом, которые приводит к похищению денежных средств (или учетных записей) через мобильный банкинг.

Схемы мошенничества, как правило, выглядят следующим образом. Злоумышленники распространяют вирусные программы через различные интернет-ресурсы – от социальных сетей до обычных новостных сайтов. Клиент, компьютер которого заражен, при попытке войти в личный кабинет перенаправляется на «фишинговые» сайты, которые внешне практически не отличаются от подлинных сайтов интернет-банков.

На поддельном сайте Вас могут попросить ввести идентификаторы и пароли, мобильный телефон и другие персональные данные, необходимые мошенникам для обмана. Для защиты от мошенников в большинстве крупных банков при использовании мобильного банкинга предусмотрено подтверждение всех финансовых операций одноразовым SMS-паролем, который отправляется вместе с реквизитами самой операции.

Вместе с тем в последнее время злоумышленники придумывают всё более изощренные схемы мошенничества. Так, например, выявлена схема, хищение в которой осуществляется через вирусное программное обеспечение (вирус), заражающее мобильное устройство клиента на платформе Android. При попытке клиента открыть с мобильного устройства сайт банка, вирус перенаправляет клиента на специальный сайт-ловушку, имитирующий маркетинговый опрос банка. На данном сайте клиента под предлогом исследования удобства услуг банка просят ввести свой логин личного кабинета мобильного банкинга. В дальнейшем вирус самостоятельно от имени клиента получает и пересылает злоумышленникам SMS-пароли для входа и подтверждения мошеннических операций в программах мобильного банкинга.

В 2014 году выявлена новая схема мошенничества, хищение в которой осуществляется через вирусное программное обеспечение (вирус), заражающее как персональный компьютер, так и мобильное

устройство клиента на платформе Android. При попытке клиента открыть с зараженного персонального компьютера сайт банка, вирус перенаправляет клиента на специальный сайт-ловушку, предлагающий несуществующую услуги «Усиленная авторизация». На данном сайте, под предлогом дополнительной защиты SMS-сообщений от компрометации, просят перевести мобильное устройство клиента в режим усиленной авторизации с помощью установки определенного мобильного приложения (ссылка может быть представлена в виде QR-кода или может быть направлена по SMS злоумышленниками). В действительности ссылка ведет на вирус. После установки вирус самостоятельно от имени клиента получает и пересылает злоумышленникам SMS-пароли для входа и подтверждения мошеннических операций в мобильный банкинг [4, с.1–2].

Причины, по которым мошенникам удается похищать денежные средства граждан, это недостаточная информированность о существующих угрозах и, зачастую, безрассудное нежелание соблюдать элементарные правила информационной безопасности. Банки на своих информационных ресурсах, сотрудники управления «К», средства массовой информации постоянно оповещают граждан о возможных угрозах и путях профилактики хищений денежных средств через финансовые электронные сервисы, однако количество пострадавших не уменьшается.

Опросы показывают, что 57% пользователей не знают о существовании антивирусных программ для мобильных устройств, а пользуются ими лишь треть владельцев смартфонов. Если пользователи персональных компьютеров еще как-то заботятся об обеспечении безопасности, то владельцы мобильных телефонов и планшетов практически совсем не уделяют этим вопросам внимания. Термин «компьютерный вирус» у граждан ассоциируется исключительно с персональным компьютером, в то время как количество вредоносных программ, которые рассчитаны на мобильные платформы, растет с каждым годом [5, с.1].

Одной из характеристик современных *IT*-преступлений является сложная процедура выявления, документирования и расследования данных преступлений. По данным управления «К» МВД России, примером одного из успешных расследований киберпреступлений является ликвидация нескольких крупных бот-сетей, которые были построены на основе банковских Троянов группы Carberp.

Преступная группировка действовала сразу в нескольких регионах России. Количество зараженных компьютеров составляло около 6 миллионов. С электронных финансовых ресурсов граждан и организаций было похищено около 150 миллионов рублей и в несколько раз большие суммы находились под угрозой похищения.

В большинстве случаев масштабные преступления в ИТ-отрасли являются в той или иной степени транснациональными. Для совершения преступлений, выведения и обналичивания денежных средств используется целая цепочка стран, определить весь маршрут зачастую бывает очень сложно, т.к. например, похищение данных банковских карт или мобильного банкинга происходит в одной стране, а снятие наличных в другой. Можно с уверенностью говорить о формировании тенденции своеобразного «разделения труда» не только по преступным умениям и навыкам, но и в территориальном аспекте.

Одной из серьезных проблем взаимодействия правоохранительных органов различных государств по раскрытию и расследованию ИТ-преступлений является несостыковка законодательства и недостаточная скорость информационного взаимодействия между странами.

По мнению практических работников, противопоставить международной киберпреступности можно только прямое взаимодействие между российскими и зарубежными киберполицейскими.

Список литературы

1. *В России почти две трети населения пользуются Интернетом.* Официальный сайт Минкомсвязи России. [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/32370/>

2. *Расолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. Изд. 2-е, доп. М.: Норма, 2009. С. 18.

3. *Результаты опроса ВЦИОМ.* «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...». Пресс-выпуск №2692. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115018>

4. *«Сбербанк Онлайн» напоминает: остерегайтесь мошенников!* [Электронный ресурс]. URL: http://www.sberbank.ru/moscow/ru/person/dist_services/warning

5. См., например, выступление руководителя Бюро специальных технических мероприятий МВД России Алексей Мошкова на форуме по информацион-

ной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://ibusiness.ru/blog/novosti/30066>

6. *Сотрудниками Управления «К» МВД России пресечена деятельность злоумышленников, занимавшихся хищением денежных средств граждан путем установки скиммингового оборудования на банкоматы.* Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/news/item/2974451>

*Сыдыгалиев М. А.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В данной статье автором рассмотрено современное состояние уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики; проблемы, имеющиеся на досудебной стадии производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, и пути их решения.

Ключевые слова: досудебное производство; несовершеннолетние; преступность несовершеннолетних.

Одной из серьезных проблем на протяжении последних лет, с которой сталкивается наша страна, – это преступления, совершаемые несовершеннолетними, либо совершенные в отношении них, что вызывает озабоченность у государства. На данную проблему обратила свое внимание и Генеральный прокурор Кыргызской Республики И. Джолдубаева, которая в своей вступительной речи на Коллегии по подведению итогов работы органов прокуратуры за 2014 год отметила, что необходимо сосредоточить внимание на повышении качества следственной работы и координации органами прокуратуры работы по защите прав несовершеннолетних, подтверждая, что охрана прав и свобод несовершеннолетних является приоритетным направлением политики государства, ведь они по истечению определенного времени станут полноценными гражданами Кыргызской Республики [1].

В сфере защиты прав и свобод несовершеннолетних законодательство Кыргызстана предусматривает множество законов и международно-правовых норм, однако наблюдаются проблемы в их эффективной реализации. Так, ст. 40 Конституции Кыргызской Республики гарантирует право на судебную защиту прав и свобод каждому гражданину.

Совершая противоправные деяния, несовершеннолетний в силу незнания или недооценки последствий своим действиям попадает в орбиту участников, конфликтующих с законом. Дети, находящи-

мися в конфликте с законом, считаются несовершеннолетние, подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений, подсудимые и осужденные, а также в отношении которых ведется дело об административном правонарушении и в установленном законодательством порядке признанные виновными в совершении административного правонарушения [2].

Для начала правильного и законного рассмотрения судом уголовных дел о преступлениях с участием несовершеннолетних немаловажную значимость имеет стадия досудебного производства.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в УПК КР [3] рассматривается дифференцированно, в усложненной форме, с акцентом на охранительную направленность. Одна из особенностей производства данной категории уголовных дел определяется возрастной категорией субъекта.

В целях обеспечения конституционного принципа о соблюдении интересов ребенка [4], а также максимальной защиты его прав и свобод закон предъявляет особые требования к расследованию уголовных дел по делам о преступлениях несовершеннолетних, которые определены, в частности, главой 44 УПК Кыргызской Республики.

Однако на практике, несмотря на перечисленные выше законодательные нормы, как на стадии досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, весьма актуальным остается ещё ряд нерешенных проблем. Так, например, в ст.395 УПК КР существует ограничение времени производства допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, согласно которой общая продолжительность допроса не должна превышать более 4 часов и допрос не должен длиться более 2 часов без перерыва. Данные требования законодательства исключают длительные и изнурительные допросы несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

К сожалению, такие ограничительные нормы по длительности допроса введены только при производстве допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, однако не регламентированы в особенности производства допроса несовершеннолетних свидетелей или потерпевших предусмотренных в ст. 193 УПК КР. В связи с чем, мы думаем, что существует необходимость устранения данного пробела законодательства и что такие нормы должны распространяться на всех несовершеннолетних, независимо от того, в каком статусе они находятся на стадии предварительного следствия.

В ст. 396 УПК КР о порядке участия психолога и педагога, законодатель определяет их права и обязательность участия последних при производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних. При изучении этой нормы мы приходим к мнению о том, что данная статья не в полной мере раскрыта. Например, следователь либо прокурор при производстве допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого по расследуемому им уголовному делу вправе приглашать любого дипломированного психолога или педагога для участия в следственных действиях по производимому им уголовному делу. В данном случае необходимо учесть и такое обстоятельство, что несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому будет легче работать с теми людьми, с которыми он знаком. То есть для участия по уголовному делу связанных с участием несовершеннолетних целесообразно приглашать психологов и педагогов, которые лично знакомы с несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом, и знают физиологическое, психологическое и психо-физиологические особенности развития несовершеннолетнего. Данных психологов и педагогов можно привлекать с мест учёбы последних, так как в каждом образовательном учреждении состоят в штате такие специалисты.

Также стоит отметить, как мы ранее упоминали, что не всегда исполняются требования норм уголовного законодательства. Например, согласно информации Акыйкатчы (Омбудсмана) Кыргызстана, сотрудники правоохранительных органов, после занятий задержав несовершеннолетнего А.С., неделю возили последнего с собой, не помещая в ИВС, путем угрозы и шантажа вынудили его оговорить других лиц [5]. Таких примеров множество.

Статья 393 УПК КР усматривает положение, что в каждом случае при решении вопроса об избрании меры пресечения несовершеннолетнему, должна обсуждаться возможность применения меры пресечения, предусмотренного ст.108 настоящего кодекса, передачи несовершеннолетнего под присмотр. Однако в УПК отсутствует положение порядка обсуждения; перечень обсуждаемых вопросов; участники обсуждения и какой процессуальный документ должен быть составлен по итогам обсуждения.

Согласно п. б ст. 27 Конвенции о правах ребенка, применение таких мер пресечений, как арест, задержание или тюремное заключение ребенка должно применяться только в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого времени. Также Пленум Верхов-

ного суда Кыргызстана от 02.04.2004 года за № 6 устанавливает, что в отношении несовершеннолетнего избрание меры пресечения, связанное с заключением под стражу, возможно только в исключительных случаях. Такими критериями могут быть тяжесть и неоднократность совершенного преступления. Также, в п. 3 ст. 87 Кодекса КР «О детях» предусмотрено, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу должно применяться только в качестве крайней меры [2].

По данным статистических показателей ВС КР за 2013 год, в судах первой инстанции были осуждены 7517 лиц, из них 239 несовершеннолетних; наказаний в виде лишения свободы было назначено 59 несовершеннолетним; применено материальных санкций в виде штрафа и тройного айыпа 13 несовершеннолетним; число условно осужденных (по ст. 63 УККР) – 151 несовершеннолетний; освобождены от наказания с применением амнистии 6 несовершеннолетних [6]. За первое полугодие 2014 года судами первой инстанции было осуждено 3562 лиц, из них 89 несовершеннолетних [7].

Приведенные данные указывают на то, что существенного снижения преступности среди несовершеннолетних удалось добиться после принятия новой Конституции и кодекса «О детях» Кыргызской Республики и ряд других документов.

Поэтому для решения возникающих проблем при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних на стадии досудебного производства необходимо реформировать и совершенствовать уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики с внесением дополнений и изменений.

Список литературы

1. Речь генерального прокурора КР И. Джолдубаевой на коллегии Генеральной прокуратуры КР по подведению итогов работы органов прокуратуры КР за 2014 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokurator.kg/38-russkaya-versiya/glavnye-novosti/1785-kollegiya-generalnoj-prokuratury-kyrgyzskoj-respubliki-podvela-itogi-raboty-organov-prokuratury-za-2014-god.html>. (дата обращения: 02.03.2015).

2. Кодекс Кыргызской Республики «О детях» от 12. 07. 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=53124

3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года. [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241915

4. Предусмотрено в п.5 ст. 16 Конституции Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: http://mkk.gov.kg/index.php?catid=113:2012-07-18-02-19-46&id=1074:2012-07-16-11-02-30&option=com_content&view=article

5. Сотрудники милиции опять применили недозволенные методы лишения свободы в отношении несовершеннолетнего. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombudsman.kg/ru/content>. (дата обращения: 04.03.2015).

6. Информация о работе местных судов Кыргызской Республики за 2013 год // Бюллетень Верховного Суда Кыргызской Республики. 2014. № 1(58). С. 122.

7. Информация о работе местных судов Кыргызской Республики за 6 месяцев 2014 года // Бюллетень Верховного Суда Кыргызской Республики. 2014. № 2(59). С. 228.

*Табункина Т. А.,
преподаватель кафедры
административного права и процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В данной статье автором предпринята попытка анализа норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство дознания в сокращенной форме, сформулированы некоторые проблемы правоприменительной деятельности, возникающие в процессе осуществления уголовного преследования сотрудниками органов внутренних дел, и сформулированы конкретные предложения по совершенствованию норм законодательства, направленные на решение этих проблем.

Ключевые слова: уголовное преследование; привлечение к уголовной ответственности; производство дознания в сокращенной форме; оптимизация действующего уголовно-процессуального законодательства.

На протяжении всего периода становления уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации, юридическая наука и правоприменительная практика озадачены поисками путей усовершенствования процедуры и оптимизации механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений. Метаморфозы в этой области преследуют всегда благую, но не всегда хорошо реализуемую на практике цель – получение универсальной модели по более продуктивному, быстрому, объективному и полному сбору доказательств и справедливой процедуре привлечения к ответственности виновных в совершении преступлений лиц.

Наука и практика здесь – едины. Труды именитых ученых посвящались этой, на первый взгляд, казалось бы, извечной проблеме, и в период действия «старого» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [2], и после вступления в законную силу норм ныне действующего законодательства.

Практическая реализация вопросов по усовершенствованию и оптимизации процедуры привлечения к уголовной ответственности и норм уголовно-процессуального закона не стоит на месте. Нормы уголовно-процессуального закона с завидной периодичностью претерпевают значительные изменения, и в части процедуры по сбору и оценке доказательств на досудебном этапе, в частности.

Упрощенная форма досудебной подготовки материалов по делам, не представляющим большой общественной опасности, была закреплена в главе 34 УПК РСФСР «Протокольная форма досудебной подготовки материалов», в соответствии с положениями которой особое процессуальное производство завершалось составлением протокола с изложением обстоятельств совершенного преступления, направляемого в суд вместе со всеми материалами, собранными в ходе подобного досудебного производства. Несомненным достоинством данной формы судопроизводства по уголовным делам, совершенным, как правило, в условиях очевидности, являлось то, что она давала возможность быстрого и полного раскрытия этих преступлений, а также позволяла провести объективную и всестороннюю проверку всех его обстоятельств и сведений о личности самого преступника. Так называемые «протоколки» были широко (и, надо сказать, успешно!) направляемы в суд органами дознания в конце 90 – начале 2000-х годов.

С принятием «нового» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] протокольная форма производства дознания по уголовным делам законодателем не была предусмотрена.

Однако, как не бывает дыма без огня, так и не было бы возможным появление «сокращенной» процедуры привлечения к уголовной ответственности в процессе осуществления дознания по уголовным делам без острой на то необходимости, продиктованной практической целесообразностью, разумностью и оптимизацией сроков уголовного преследования.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) была введена глава 32.1, регламентирующая производство дознания в сокращенной форме.

Положения норм указанного Федерального закона призваны усовершенствовать порядок осуществления дознания по уголовным

делам и оптимизировать сроки проведения проверок сообщений о преступлении и время, необходимое на решение задач уголовного судопроизводства, а также обеспечить реализацию прав граждан на своевременный доступ к правосудию.

Как любое нововведение (а хочется рассматривать указанную законодательную позицию именно с точки зрения положительного нововведения, поскольку от имеющейся в законе ранее «протокольной формы досудебной подготовки материалов» оно существенно отличается), производство дознания в сокращенной форме можно критиковать и даже ругать, можно приветствовать и даже хвалить... Но необходимая в этом случае для формирования объективной устойчивой правовой позиции апробация закона ещё не до конца пройдена.

Анализируя результаты статистических данных¹, следует отметить, что в 2013 году органами дознания ГУ МВД России по Нижегородской области осуществлялось дознание в сокращенной форме по 54 уголовным делам, 44 из которых были направлены в судебные органы с обвинительным постановлением и лица по ним были осуждены. В 2014 году общее количество уголовных дел, дознание по которым проводилось в сокращенной форме, составило 253, по 109 из них, лица были осуждены.

И хотя определенный положительный и прогрессивный эффект, безусловно, имеет место быть, проблемы по реализации законодательства по осуществлению дознания в сокращенной форме на практике всё же существуют.

Как показывает практика, в настоящее время дознание в сокращенной форме в той же мере слабо отвечает требованиям оперативности по привлечению к уголовной ответственности, в какой и соблюдению прав и законных интересов привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Изначально, по замыслу законодателя, участники производства по делу в сокращенной форме имеют те же права и обязанности, что и участники уголовного судопроизводства, предварительное расследование по которому проводится в форме дознания, осуществляемого в общем порядке. Вместе с тем, «сокращенное» дознание обладает определенными особенностями при осуществлении сбора доказательств. Так, п.1 ч.3 статьи 226 УПК РФ позволяет не проверять доказательства, если они не были оспорены подозре-

¹ Данные приведены по результатам отчета работы подразделений дознания по уголовным делам, дознание по которым производилось в сокращенной форме Управления по организации дознания ГУ МВД России по Нижегородской области за 2013 и 2014 г.

ваемым, его защитником, потерпевшим и его представителем, то есть положения обвинительного постановления могут быть выстроены, таким образом, лишь на признательных показаниях самого подозреваемого (обвиняемого). Других доказательств по делу можно и не добывать...? Но это вопрос скорее риторический.

Кроме того, данный порядок производства по делу возможен лишь при условии, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, которое ходатайствует о сокращенном сроке производства дознания по делу, свою вину полностью признает и согласен с характером и размером причиненного преступлением вреда и предъявленным ему обвинения в полном объеме. Потерпевший по делу, если он имеется, также против производства дознания в сокращенной форме не возражает, уяснив все особенности подобного производства. Указанные участники уголовного судопроизводства имеют право изменить свою позицию относительно того, в какой форме должно осуществляться дальнейшее производство по уголовному делу, и до удаления суда в совещательную комнату, свою точку зрения отразить заявлением ходатайств. И даже если на досудебном этапе производства по делу таких ходатайств не поступило, а в суде что-то пойдёт не так (например, передумал потерпевший и насчет сокращенного производства по делу вдруг возражает, или обвиняемый от своих показаний вдруг в суде отказался), то производство по данному уголовному делу будет осуществляться в общем порядке, что, к слову сказать, также не способствует ни оперативности, ни оптимизации доступа к правосудию, ни сокращению судебных издержек, не говоря уже о законных правах лиц, участвующих в деле.

Таким образом, на деле «благая» норма оказывается недостаточно эффективной. При ее реализации в правоприменительной деятельности процесс ее применения не достигает своей (благой!) цели. Необходима более конструктивная межведомственная координация для успешной практической реализации задумок правоприменителя. Допускаю, что этих мер может быть не достаточно в силу «человеческого фактора», но и законодательно закрепление положений по процедуре производства дознания в сокращенной форме в УПК РФ (не вдаюсь в вопросы критики и техники законодательства) подлежит неминуемой конкретизации.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (в ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

3. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 6024. 6 марта.

Терехин В. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

О СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Свойство допустимости доказательств является квинтэссенцией процессуальной формы судопроизводства и определяет его типологическую принадлежность. «Следственная» организация досудебного производства обусловила использование соответствующего стандарта допустимости, что противоречит состязательным основам процесса и ставит вопрос о переходе на состязательный стандарт допустимости.

Ключевые слова: доказательство; стандарт; допустимость; публичность; состязательность; диспозитивность.

Тип уголовного процесса, его форма основываются на совокупности базовых идей-принципов, имеющих не только правовое (юридическое) значение, но и социальное, политическое, культурологическое. Очевидно, что принципиальные (идейные) основы формы судопроизводства выражают идеологию законодателя и в вопросе допустимости доказательств. В отечественной научной парадигме понятие допустимости уголовно-процессуальных доказательств окончательно сформировалось в период действия УПК РСФСР 1960 г. До настоящего времени большинство специалистов видит в допустимости уголовно-процессуальных доказательств соответствие процесса их формирования формальным требованиям закона о надлежащем источнике, методах и приемах доказывания [12, с. 7]. Верховный Суд РФ сформулировал критерии допустимости доказательств в виде требований к легальности источника сведений, субъектов доказывания, способов собирания и форме фиксации доказательственных сведений [19, с. 3–4]. В данном контексте, требования закона, являющиеся критериями допустимости, в своей совокупности представляют квинтэссенцию процессуальной формы доказывания, являются ее опорными элементами. Связывая допустимость с исклю-

чительно процессуальной деятельностью специально уполномоченных субъектов (компетентных государственных органов), осуществляемую в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, в целях разрешения задач уголовного судопроизводства [9, с. 17], законодателем безоговорочно признается приоритет публичного начала в судопроизводстве и соблюдения формальных требований (условий) закона в оценке допустимости доказательств. Таким образом, институт допустимости доказательств выражает следственную идеологию, которой в целом соответствовал советский уголовный процесс, базировавшийся на принципах неотвратимости ответственности за совершенное преступление, публичности, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. При этом значение процессуальной формы судопроизводства абсолютизировалось и догматизировалось. Использование непроцессуальной информации в доказывании категорически не допускалось, а любое отступление от процедуры доказывания рассматривалось как нарушение законности, могущее повлечь признание полученных таким путем доказательств недопустимыми.

Современный российский уголовный процесс «наследовал» такие негативные проявления следственного (советского) процесса, как формализм и одностороннее доминирование публичных интересов в досудебном производстве, обвинительный уклон в деятельности профессиональных судей, а также фактическая беспомощность органов уголовного преследования в борьбе с элитарной коррупцией и расхищением национальных богатств [1, с. 100–118]. Доминирующие в досудебном производстве элементы следственной формы препятствуют развитию средств доказывания, внедрению в процесс познания по уголовному делу достижений науки [31, с. 220] и способствуют постепенному смещению формы судопроизводства от состязательности к инквизиционности [2, с. 7–23]. Катализируют дискуссию по вопросу типологической организации формы судопроизводства законодательские инициативы, направленные на восстановление категории объективной истины, как цели уголовно-процессуального доказывания [32]. Сравнительно недавно законодатель предпринял попытку деформализации досудебных стадий: расширил перечень проверочных действий, результаты которых могут быть признаны доказательствами без дополнительной процессуальной проверки, и ввел в действие форму сокращенного дознания. В то же время постановлением

16-П от 02.07.2013 г. Конституционный Суд РФ [23] фактически лишил смысла указанные новеллы, предоставив судам право возвращать уголовные дела, расследованные в форме сокращенного дознания, для устранения сомнений в результатах проверочных действий, в т.ч и полученных в ходе сокращенного дознания, фактически восстановив институт дополнительного расследования.

Паллиативные, типологически разнонаправленные нововведения не приводят к повышению эффективности уголовного преследования, росту уровня защищенности прав и законных интересов потерпевших и иных участников судопроизводства. Причина в сохраняющемся в неизменном виде стандарта [29] допустимости доказательств, соответствующего следственной форме судопроизводства. Перспективным нам представляется введение в уголовный процесс состязательного стандарта допустимости доказательств, тем более, что состязательные основы отечественного судопроизводства закреплены в конституционных и отраслевых нормах-принципах. Как уже было сказано, каждому типу уголовного процесса соответствует свой стандарт (образец, модель) допустимости доказательств. Следственный и состязательный типы судопроизводств выражают различные мировоззренческие взгляды на методологию познания преступного деяния, на способ мышления к истине и само понятие истины в уголовном процессе.

Состязательный стандарт допустимости непосредственно связан с состязательной формой судопроизводства. Термин «состязательный» может означать как тип (форму, вид) процесса, так и принцип. И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, М.В. Духовской трактовали состязательность как оболочку процесса, его устройство, процессуальный порядок [33, с. 60], [24, с. 34–345], [10, с. 139]. Состязательный порядок, указывал И.Я. Фойницкий, характерен особым положением и порядком деятельности суда в процессе, его отношениями со сторонами и применяемой процедурой разбирательства [33, с. 60]. Н.Н. Полянский в состязательности, прежде всего, видел метод отыскания истины, суть которого в равноправном состязании сторон при вспомогательном, но активном участии суда в процессе рассмотрения дела [18, с. 100]. В советской науке уголовного процесса состязательность рассматривали как разделение функций сторон и разрешения дела судом [26, с. 151], [16, с. 5–8], [35, с. 144–145], либо как порядок исследования доказательств или как право обвиняемого на защиту [36, с. 139]. По нашему мнению, правильной является позиция тех

специалистов, которые видят в состязательности не обособленный принцип, не элемент процедуры, а тип (форму), системную организацию процесса, основанную на определенных началах-принципах, среди которых «состязательность» – первый, среди равных [13, с. 7], [16, с. 5 – 8]. Мы полагаем, что состязательность следует рассматривать как общую типологическую характеристику процесса, имманентно связанного с правовым, демократическим характером государства.

Смысл состязательности передают термины «конкуренция», «борьба», «противоборство», «спор» [14]. Современный взгляд законодателя и части процессуалистов на состязательность судопроизводства ограничивается только судебными стадиями, что выхолащивает ее общее типологическое значение, поскольку процесс формирования доказательств происходит главным образом в досудебных стадиях [3]. Только состязательное судебное уголовное судопроизводство соответствует понятию справедливого уголовного правосудия [25, с. 53]. Логика развития состязательности в судопроизводстве приводит к выводу о необходимости перехода к состязательному стандарту допустимости доказательств. Что же представляет собой состязательный стандарт допустимости доказательств?

В состязательном судопроизводстве стороны самостоятельно формируют и распоряжаются доказательствами, собирают их незапрещенными законом способами и представляют суду, участвуют в проверке доказательств. В оценке допустимости решающим фактором является внутреннее судебское убеждение, а не процедурные формальности закона [15, с. 213–216]. Следственная форма досудебного производства и применяемый в ее рамках стандарт допустимости доказательств, нуждается в деформализации. Тогда понятие процессуальной формы судопроизводства и доказывания останется легальным лишь в судебных стадиях. Сфера применения процессуальной формы в досудебном производстве должна быть ограничена вопросами соблюдения прав, свобод человека и судебного контроля. Таким образом, субъектом права на установление допустимости доказательств может являться только суд. Состязательность, как форма процесса, детерминирована группой принципов, в том числе: разделения процессуальных функций; равенство прав сторон. Конституционный Суд РФ разъяснил, что уголовно-процессуальная состязательность предполагает строгое разделение судебской функции разрешения дела и функций обвинения и защиты [21]. Два типа процесса основываются

на двух основных системах процессуальных принципов, которые происходят от противоположных начал – частного и публичного. Состязательную систему принципов образуют диспозитивность, целесообразность, судебная (формальная) истина, презумпция невиновности. Следственный способ организации формы судопроизводства образуют публичность, законность, материальная (объективная) истина, презумпция виновности [27, с. 44–46], [7, с. 360, 362]. Диалектика частного-публичного начала в судопроизводстве проявляется и во взаимосвязи принципов, парных и разнонаправленных по векторам действия: диспозитивность/публичность, презумпции невиновности/виновности, целесообразность/законность, истина формальная/материальная). Разнотипные идеи, диалектически взаимосвязанные, уравнивают друг друга, обеспечивая баланс в типологически неидеальных (изоморфных) формах судопроизводства. Полагаем справедливым утверждение о том, что состязательный тип процесса базируется на системе принципов, определяющих не только сущность судебного доказывания, но и методологию познания, а с ней и технологию формирования фактов. В данную систему включают: независимость суда, публичность, очность судебного разбирательства, оценку доказательств на основе свободы внутреннего убеждения, гласность и непосредственность исследования доказательств и др. [11].

Диспозитивность, как неотъемлемая основа состязательности, характеризует состязательный стандарт допустимости как интегративную сумму правопроектирования сторон и правоусмотрения суда. Это значит, что правовой механизм решения вопроса о допустимости приводит в действие инициатива стороны заинтересованной в исключении доказательства, но решающим является вывод судьи по существу спора. Впрочем, сторона, инициировавшая рассмотрение вопроса о допустимости доказательства, вправе и отказаться от своего притязания, что повлечет Состязательный стандарт допустимости, есть средство борьбы сторон, которые вправе распоряжаться им по своему усмотрению, использовать в любых законных целях.

Специалисты разделяют материальную диспозитивность и формальную (процессуальную). Под материальной, подразумевают право субъектов диспозитивности формулировать предмет спора и определять ход процесса. Формальная диспозитивность состоит в свободе выбора и применения процессуальных средств защиты в отстаивании своих интересов [6, с. 45], [8, с. 49]. Формальная диспозитивность

служит основой формирования сторонами собственного доказательственного материала. Формальная диспозитивность проявляется в свободе выбора стороной средств (способов) доказывания и в свободе распоряжения результатами применения этих средств (фактов и доказательств) [8, с. 82–83]. Свобода распоряжения процессуальными средствами защиты собственных интересов и результатами их применения проявляется и в правоусмотрении стороны, какую часть собранного материала использовать в судебном состязании. Соответственно, каждая из сторон несет самостоятельную ответственность за полноту и всесторонность собранного доказательственного материала [7, с. 382–383]. Диспозитивность не может быть полноценно реализована при активном участии суда в доказывании, если суд будет иметь право действовать вне пределов усмотрения сторон [7, с. 381]. Таким образом, мы вправе сформулировать тезис, определяющий через принцип диспозитивности сущность состязательного стандарта допустимости доказательств: стороны свободны в своем праве выбора средств (способов) собирания фактического материала, но формирование доказательств на основе собранного сторонами материала происходит в суде и относится к сфере его усмотрения.

Субъекты доказывания свободны в праве распоряжении своими доказательствами. Формальная диспозитивность наделяет участников доказывания правом возбуждения ходатайств, относящихся к доказыванию, обжалования процессуальных действий иных участников доказывания или суда, представлять и исследовать в суде любое доказательство и т.п. Диспозитивность как свобода распоряжения процессуальными правами в деле защиты своих интересов в ходе доказывания, является не только основным условием, но и способом осуществления состязательности [26, с. 89–90], [27, с. 47–48].

Допустимость можно рассматривать как зону разграничения диспозитивности сторон и дискреционных прав суда. По линии допустимости проходит оппозиция идей диспозитивности и публичности. Активные дискреционные полномочия суда ограничивают диспозитивные (произвольные) действия сторон в доказывании. Вопрос допустимой активности суда в доказывании остается весьма актуальным в науке уголовного процесса. Современный российский уголовный процесс на фоне состязательного судопроизводства допускает весьма значительную активность суда, чему в немалой степени способствовали правовые позиции Конституционного Суда РФ. Традиционно, в отечественной научной парадигме активность суда связы-

вается с концепцией установления объективной истины [4, с. 53, 61]. Вместе с тем, взаимосвязь активности суда и обвинительного уклона суда достаточно очевидна. Конкурентные доктрины полной пассивности суда в доказывании и чистой состязательности [34, с. 491–492] и субсидиарном участии суда в доказывании [28, с. 48] вряд ли имеют перспективу на позитивное воплощение. Оптимальным нам видится вариант разумной, дозированной активности участия суда в доказывании [5, с. 23–24].

Европейский Суд по правам человека, раскрывая суть принципа состязательности и равноправия сторон, требует обеспечения «справедливого баланса между сторонами», под которым понимает наличие реальной возможности у каждой стороны представить доказательства в обоснование своей позиции в условиях не худших чем у противной стороны [20].

Требование обеспечения справедливости уголовного судопроизводства предполагает, что собранные сторонами материалы приобретут качество допустимых не только при соблюдении требований закона при их получении на предварительном следствии, но и при выполнении ряда дополнительных условий представления данных материалов суду при рассмотрении дела по существу. Данные условия коррелируются нормами статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и развивающей её практики Европейского Суда по правам человека, оговаривающими критерии справедливого судебного разбирательства [17, с. 26].

В итоге мы пришли к выводу о том, что состязательный стандарт допустимости доказательств, основывающийся на неразрывно взаимосвязанных идеях состязательности и диспозитивности, включает в себя следующие критерии:

а) стороны свободны (диспозитивны) в постановке вопросов о допустимости доказательств, исключении недопустимых доказательств и пр., б) исключительно суд, «связанный» позициями сторон дает ответы на поставленные перед ним вопросы о допустимости доказательств, в) суд пассивен и не вправе проявить инициативу по проверке допустимости доказательств, в отсутствие соответствующей инициативы одной из сторон, г) активность суда может быть сопряжена лишь с формированием внутреннего убеждения в вопросе допустимости у доказательства, полученного с нарушением закона.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ выраженная в постановлении № 18–П от 8 декабря 2003 г. весьма созвучна выше-

приведенной европейской и утверждает дискреционное право суда совершать действия направленные на защиту прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства, в том числе и для устранения существенных нарушений УПК РФ должностными лицами дознания, следствия или прокурором, препятствующих принятию справедливого итогового решения по делу [22]. В данном контексте, сложившаяся практика инициативного разрешения судами вопросов доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания, вполне конституционна. В данном случае практика расходится с предполагаемым нами состязательным стандартом допустимости доказательств в части полномочий суда.

Поэтому стандарт допустимости для смешанного отечественного судопроизводства может быть представлен в следующем виде:

а) стороны активно-диспозитивны в праве постановки вопросов о допустимости доказательств, исключении недопустимых доказательств и др.; б) только суд полномочен разрешить вопросы о допустимости доказательств; в) суд обладает дискреционными (активными) полномочиями по проверке допустимости доказательств, если усматривает нарушения уголовно-процессуального закона или возможность восстановления юридической силы у доказательства, полученного с нарушением закона.

Список литературы

1. *Александров А.С.* Новое – буржуазное уголовное и уголовно-процессуальное право России // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки / Сборник научных трудов. Минск: Академия МВД, 2013.

2. *Александров А.С.* Сочетание элементов «состязательности» и «следственности» в институтах досудебного производства по уголовному делу / Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных правонарушений при проведении предварительного расследования: материалы Всерос. межвед. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 28–29 мая 2012 г. / под редакцией А.В. Бондара, Р.В. Ярцева Н.Новгород, 2013.

3. *Абдрахманов Р.С.* Эффективность принципа состязательности // Российский судья. 2003. № 6 [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CJI;dst=0;n=4632;req=doc> (дата обращения: 02.10. 2014).

4. *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964.

5. *Алексеева Л.* Действительные или мнимые противоречия // Российская юстиция. 1995. № 6.

6. *Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности советского гражданско-процессуального права. М., 1987. С. 45; *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005.
7. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. М. :Изд-ие бр. Башмаковых, 1913. Т. 1.
8. *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005.
9. *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991.
10. *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910.
11. *Емузов А.С.* Особенности процессуального доказывания в условиях состязательности по УПК РФ // Российский судья. 2005. № 3 [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL:<http://base.consultant.ru>
12. *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999.
13. *Кириллова Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб., 2007.
14. *Кронов Е.В.* О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>
15. *Кухта А.А.* Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2009.
16. *Мотовиловкер Я.О.* Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.
17. *Никонов М.А.* Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2014.
18. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года / Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.
20. Постановление Европейского Суда по делу «Бацанина против России» от 26 мая 2009 г. // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2010 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 11.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П по делу о проверке конституционности ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // СЗ РФ. 1996. N 50. Ст. 5679.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18–П по делу о проверке конституционности положений статей 125,219,227,229,236,237, 239,

246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N 16-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» / Российская газета. Федеральный выпуск №6127 от 12 июля 2013 г.

24. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. М., 1916.

25. *Рудич В.В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2013.

26. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2-х томах. М., 1968. Т. 1.

27. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Изд. 3-е. СПб., 1910. С. 44–46 *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Изд. 3-е. СПб., 1910. С. 47–48. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2-х томах. М., 1968. Т. 1.

28. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000.

29. Стандáрт (от англ. standard) — норма, образец.

30. *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. М., 1960.

31. *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. М.: Изд-во: Юрайт, 2009.

32. Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума. Официальный сайт. Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» находится на рассмотрении [Электронный ресурс] / URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main> (дата обращения: 12.03.2014).

33. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1.

34. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; научн. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат. 2003.

35. *Чельцов М.А.* Система основных принципов советского уголовного процесса // Ученые записки ВИЮН. Вып. VI. Юриздат, 1947.

36. *Якуб М.Л.* Демократические основы советского правосудия. М., 1960.

Трошкин Е. З.,
кандидат юридических наук, профессор
профессор Академии ФСБ России

Агутин А. В.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СРЕДСТВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящей статье мы рассмотрим проблему мировоззренческих оснований средств уголовно-процессуальной деятельности. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальной деятельности представляют собой сложное образование в духовном мире человека, позволяющее ему вырабатывать свое отношение к прошлым, настоящим и будущим событиям, оценивать их, а также свое поведение, осознанно выбирать цели своей деятельности и способы их достижения.

Ключевые слова: методология уголовного судопроизводства; гносеология; принципы; субъекты, средства, цели уголовно-процессуальной деятельности; теория познания; уголовно-процессуальное доказывание.

Мы весьма осторожно относимся к суждениям, согласно которым мировоззренческие идеи не входят в структуру уголовно-процессуальной деятельности. Например, подобной позиции придерживалась Т.Н. Добровольская. Она полагала, что необходимо исходить из того, что природа государственного строя, цели правосудия, иерархия социальных ценностей, законы психологии лежат за пределами уголовного процесса и в силу этого они не определяют место каждого принципа в системе уголовно-процессуальных принципов. В отличие от Т.Н. Добровольской, авторы настоящей статьи исходят из противоположной методологической установки. Мы убеждены в том, что мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальной сфере не только входят в структуру уголовно-процессуальной деятельности, но и являются своеобразным механизмом сохранения самобытности отечественного уголовного процесса и способом его защиты от агрес-

сивного воздействия иных культур. В подтверждение верности сказанного приведем нижеследующие доводы.

Одним из пластов мировоззренческих идей, детерминирующих уголовно-процессуальную деятельность, является научный метод (подход) исследования. Причем эта система мировоззренческих идей в значительной части детерминируется методологией уголовно-процессуальной науки, то есть системой приемов и способов, посредством которых мы получаем систему знаний о свойствах уголовно-процессуальной деятельности, её связях, закономерностях возникновения и развития как социально-правового явления.

Методология уголовно-процессуальной науки обуславливает методологическое мышление. Смысл методологии (методологического подход) иначе диалектики средств уголовно-процессуальной деятельности состоит в следующем: «планируя и проектируя свои действия, научно-исследовательские действия, мышление в том числе, мы обязаны обращаться не только к объектам, которые мы должны преобразовать, но и к деятельности, к самим себе как объекту. Мы должны выяснить не только, какой вещественный объект нам противостоит, т.е. каков объект, который мы преобразуем, но мы должны выяснить также пределы нашей преобразовательной мощи, т.е. попросту говоря, мы должны выяснить, что мы можем делать. Это образует ядро диалектики...» [12, с. 54].

Методологическое мышление о средствах уголовно-процессуальной деятельности в нашем исследовании соотносится с методологическим мышлением как таковым, как часть к целому. Как целое само методологическое мышление мы определяем, опираясь в своих рассуждениях на творческое наследие Г.П. Щедровицкого. По мнению Г.П. Щедровицкого, методологическое мышление следует трактовать «как учет субъективности не только плана преобразуемых объектов, но также и создаваемой нами в этот момент деятельности, то это означает, что мы должны сообразоваться с возможностями мышления теоретической деятельности и, кроме того, учитывать возможности нашего собственного действия. И все эти три момента мы должны учитывать в методологическом мышлении, а они разные, они не структурированы, а возможно, и не могут быть структурированы в единую систему...» [12, с. 55]. Таким образом, в контексте исследования внешнесистемных оснований средств уголовно-процессуальной деятельности мы должны ориентироваться на возможности и законы мышления как особого вида человеческой дея-

тельности в сфере уголовного судопроизводства, со свойственными этой деятельности закономерностями.

Методология уголовного судопроизводства является способом организации мышления в уголовно-процессуальной сфере. Здесь важно обратить внимание и на то, что мышление в уголовно-процессуальной сфере представляет собой действие со знаками (знаниями), которое в своем основании опирается на апробированную и разделяемую в процессуальном сообществе норму мышления (научную парадигму). Ретроспективно методологическое мышление в уголовно-процессуальной сфере «вырастает из философского, оно отличается от него тем, что в философском мышлении не было и не могло быть научного и квазинаучного знания о самой деятельности. Там деятельность учитывалась не на уровне знаний, а на уровне определенных смыслов и методик, в частности – принципов. С того момента, когда и эта часть мышления, относимая ранее к философии, начинает строиться по принципам научного, методология начинает отпочковываться от философии и превращается в особую организованность» [12, с. 58–59].

Методология отечественного уголовного судопроизводства формировалась на основе гносеологии (теории познания). Поэтому, если вести серьезные научные рассуждения о методологии российского уголовного процесса, то не обойти стороной и роль гносеологии в её формировании. Гносеология является не только особым способом организации мышления в уголовно-процессуальной сфере, но и выступает в качестве серьезного фактора нейтрализации творческого потенциала средств уголовно-процессуальной деятельности.

Нейтрализация средств уголовно-процессуальной деятельности посредством потенциала гносеологии мы обосновываем нижеследующем. На уровне целого нейтрализация средств уголовно-процессуальной деятельности посредством гносеологии осуществляется в силу того, что гносеологическое мышление в уголовно-процессуальной сфере превратилось в своеобразного паразита. Оно пропагандируется в качестве наиболее демократического мышления. В современных реалиях уголовного судопроизводства гиперболизированное поклонение гносеологии понизило качественный уровень уголовно-процессуальной деятельности. Следует откровенно сказать о том, что ныне гносеологическое мышление в уголовно-процессуальной сфере способно лишь распределять (дифференцировать) способы и формы уголовно-процессуальной деятельности, но

оно не может создавать принципиально новые её образцы. В этом смысле весьма актуальны слова Н.А. Бердяева о том, что демократия понизила качественный уровень культуры и умеет лишь распределять, а не творить культурные ценности [3, с. 251]. От себя добавим: отмеченное в полной мере относится и к ситуации, имеющей место в отечественном уголовном судопроизводстве.

Гносеология оправдывает свое место в отечественной юридической науке только тем, что разделяет целостность средств уголовно-процессуальной деятельности на три автономно функционирующие части: субъекты, средства и цели уголовно-процессуальной деятельности. Вследствие чего в уголовно-процессуальной науке мы наблюдаем ситуацию, когда средства оказались не связанными ни с субъектами, ни с целями уголовно-процессуальной деятельности.

Несвязанность между собой субъектов, средств и целей уголовно-процессуальной деятельности привело к созданию к ситуации, когда для правоохранительной системы нашего государства оказались недостижимыми истоки преступности. В этой связи в распоряжении правоохранительной системы остались сугубо механизмы репрессий. Одним из последствий не связанности субъектов, средств и целей в уголовно-процессуальной сфере стала утрата уголовно-процессуальной деятельностью и должной мотивации. Причем на утрату уголовно-процессуальной деятельностью должной мотивации весомое воздействие оказывает опора мышления в уголовно-процессуальной сфере на постулаты гносеологии. В своей совокупности эти гносеологические постулаты ориентируют средства уголовно-процессуальной деятельности: во-первых, на обеспечение незаконного интереса подозреваемых и обвиняемых; во-вторых, обезличивание отечественного уголовного судопроизводства, превращение его в безответственную сущность, порождающую бессмысленную для общества и большинства населения уголовно-процессуальную деятельность; в-третьих, уменьшение физического, духовного и нравственного потенциала уголовного судопроизводства; в-четвертых, разрушение информационного (управленческого) ресурса уголовно-процессуальной деятельности, не позволяющего с меньшими ресурсами, решать её основные задачи; в-пятых, не формирование организационной культуры уголовного судопроизводства [11, с. 11–12]; в-шестых, не соответствие уголовно-процессуальной деятельности здравому смыслу и потребностям российской общности.

Осмысление целевой ориентации средств уголовно-процессуальной деятельности побуждает нас к следующей мысли. В том случае, если бы своевременно отечественная уголовно-процессуальная наука спрогнозировала возможные негативные последствия от проведения гносеологических постулатов в уголовно-процессуальную сферу, то она воздержалась от восторженных (доходящих до метафизической истерии) поклонов в сторону гносеологии. Так, на паразитический облик гносеологии в организации научного мышления (методологии) было обращено еще известным российским философом Н.А. Бердяевым. Н.А. Бердяев видел в гносеологии (в его эпоху бывшей новейшей философией) «роковое бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта... Познание, – продолжает Н. Бердяев, – у современных гносеологов превратилось в паразита, который ведет самодовлеющее существование» [2, с. 35].

Гносеология оправдывает себя в качестве средства противопоставления религиозному мировоззрению. Причем, претендуя на всеобщность, она подменяет собой предмет знания на веру в эти знания. Вследствие чего в мышлении выступает в роли убедительного экстремиста, отсекая от него как предметы веры, а следовательно, и предметы метафизического мышления, так целостность знания, включая и ту его часть, которая непосредственно связана со знаниями реалий уголовного судопроизводства. Неслучайно Н.А. Бердяев исходил из того, что оптимальным способом объяснения действительности является разум. Так, он писал: «...разум должен прекратить свое изолированное, отсеченное существование и органически воссоединиться с цельной жизнью духа, тогда только возможно в высшем смысле разумное познание» [2, с. 47].

В условиях господства гносеологической парадигмы мышления заветам Н.А. Бердяева не сбыться. Ныне уголовно-процессуальная наука не создала методологию организации мышления, которая бы в своем основании не рассматривала либо саму гносеологию, либо порожденные ей теории в роли образца (нормы) научного мышления в уголовно-процессуальной сфере. Господствующая ныне методология мышления в уголовно-процессуальной сфере в своем основании опирается на гносеологию, как на панацею от всех его бед.

Подтверждение тому являются исследования научных оснований уголовно-процессуального доказывания (содержательного аспекта уголовно-процессуальной деятельности). Они позволили в юридической науке обосновать вывод о том, что системообразующей

парадигмой средств уголовно-процессуальной деятельности является гносеологическая парадигма мышления. «Доказывание, – пишет А.Р. Ратинов, – в уголовном процессе обычно определяют как разновидность познания. Такая гносеологическая характеристика означает, что познание в уголовном судопроизводстве подчинено общим гносеологическим закономерностям и, как любая область познавательной деятельности, осуществляется по законам материалистической теории отражения» [8, с. 287]. Среди современных процессуалистов на гносеологическую основу доказывания указывает и Е. Доля. «Правильное определение онтологического содержания принципа законности, – отмечает Е. Доля, – служит необходимой предпосылкой для выделения гносеологического (познавательного) содержания данного принципа, что, в свою очередь, создает возможность для надлежащего выражения его правового содержания в законе (правовой аспект принципа законности), последующего его учета субъектами уголовного процесса в уголовно-процессуальной деятельности. Гносеологическое содержание принципа законности образует конкретизация его онтологической основы применительно к построению и организации процесса доказывания, составляющего сердцевину, центральную часть, стержень всей уголовно-процессуальной деятельности, в форме которого осуществляется познание в уголовно-процессуальной сфере» [5, с. 17]. Таким образом, в устоявшейся уголовно-процессуальной парадигме термины «познание» и «гносеология» используются в качестве синонимов.

Отождествление некоторыми процессуалистами терминов «познание» и «гносеология» не влечет за собой автоматического отождествления, свойственных ими процессов и явлений. Исследование специальных философских источников показывает, что термин «гносеология» появляется, судя по оценкам специалистов, лишь в XIX столетии. В частности, американский философ Р. Рорти [9] со ссылкой на источники показывает, что термин «гносеология» вводят в философию последователи И. Канта для того, чтобы закрепить за философией роль теории, анализирующей основания научно-познавательной деятельности, а вместе с ней (наукой) и всех остальных областей человеческой жизни [1, с. 35].

В юридической сфере основанием для формирования гносеологической парадигмы послужило следующее известное суждение И. Канта о праве. «Как вообще право, – отмечает И. Кант, – имеет своим объектом внешнюю сторону поступков ... оно чисто и не смешивает-

ся ни с какими нравственными предписаниями» [6, с. 597]. Таким образом, по И. Канту, право – это только то, что можно наблюдать, а следовательно, и посредством чего следует воздействовать на других для достижения ими оптимального поведения. А если это так, то модели оптимального (полезного) поведения, с позиции той или иной воли политической группы, следует вырабатывать и предписывать, не обращая внимания на нравственные предписания. В результате как в целом в юридической науке, так и в уголовно-процессуальной науке в частности, была сформирована гносеологическая научная парадигма.

В качестве своего фактического основания она избрала аналитические суждения (логику) и несвойственные российской культуре национально-исторические истоки. «Нет сомнения, – пишет В.Н. Брюшинкин, – что каждый мыслитель связан не только со своей эпохой, но и своими национально-религиозными корнями. Системность и превосходящая обычные стандарты научной добросовестности прилежность Канта в проведении дедукции или логических делений и классификаций, конечно, выражает базисные национальные характеристики немецкого народа. Его этика, основанная на безусловности нравственного закона и чистоте нравственного мотива, связана с духом пиетизма, которыми была пропитана благочестивая семья Канта. Каждый мыслитель <...> впитывает творческие соки своей национальности и своей религии, которые дают определенность его воззрениям и приводят их связь с реальностью. Эти истоки творчества, как правило, не осознаются самим мыслителем...» [4, с. 9].

Теория познания (гносеология), сформированная И. Кантом, впитала творческие силы немецкого народа и пиетизма, как одной из форм протестантизма. Вследствие чего гносеология является культурно-историческим наследием немецкого народа. В своем основании она опирается на веру в разум и железную логику немцев. По этой причине гносеология, в особенности её научный инструментарий, не способны своим потенциалом сформировать какую-либо вразумительную теорию юридической деятельности, которая была бы выступить в качестве надежного мировоззренческого основания средств уголовно-процессуальной деятельности.

В отличие от постулатов гносеологии, мировоззренческие основания средств уголовно-процессуальной деятельности невозможно свести сугубо к логическим формам. Реалии мировоззренческих оснований средств уголовно-процессуальной деятельности намного шире и многообразнее логических форм мышления. На это обстоя-

тельство потенциала гносеологии указывается как в зарубежных научных источниках, так и в исследованиях ряда отечественных мыслителей. «Нас учат мыслить логично, анализировать, – отмечают зарубежные исследователи, – т.е. разбивать события на части и потом опять собирать их. Иногда это приводит к успехам. Но опасность подстерегает тех, кто попытается использовать такой подход в любой ситуации. Он не работает, когда имеешь дело с системами. Люди и события не подчиняются законам логики, они куда менее предсказуемы и управляемы, чем математические уравнения. Для них неприменимы быстрые, методичные, логические решения... логический анализ может ввести и в заблуждение, а очевидные решения способны сделать ситуацию хуже, чем она была...» [7, с. 23–24].

Субъекты и события в уголовно-процессуальной сфере также как в целом люди и события не подчиняются законам логики. Уголовно-процессуальная деятельность многообразнее любых логических форм. Увлеченность же некоторой части процессуалистов логическими формами в процессе судебной реформы привело к разработке доктрины УПК РФ, которая по качественным характеристикам значительно уступает своим предшественникам.

Список литературы

1. *Агутин А.В.* Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. – М., 2004.
2. *Бердяев Н.* Судьба России. Харьков, 2000.
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.
4. *Брюшинкин В.Н.* Жизнь и философия Иммануила Канта // Кант И. Избранные сочинения / под ред. А.П. Клемешева, В.Н. Брюшинкина. В 2 т. Калининград, 2005.
5. *Доля Е.* Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический; гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1.
6. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. М., 1999.
7. *О' Коннор Дж., Макдермотт И.* Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / пер. с англ. М., 2006.
8. *Ратинов А.Р.* Понятие и содержание процесса доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин.

9. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

10. *Рязанов Д.Т.* Мотивация уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

11. *Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. В 3 кн. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. / сост. Г.А. Давыдова. М., 2005. Кн. 1.

*Тутикова И. А.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПРАВО НА ЖАЛОБУ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена некоторым причинам отсутствия желания у участников уголовного процесса реализовывать свою жизненную позицию в форме жалоб и ходатайств на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: жалоба; ходатайство; активная жизненная позиция; прокурор; руководитель следственного органа.

Жизненная позиция человека – это целостное отношение человека к окружающему миру, проявляющееся в его мыслях и поступках, то, что отличает нас друг от друга в психологическом смысле, помогает нам преодолевать трудности, выражает моральное напряжение личности, то есть подготавливает к практическому действию, влияет на наши успехи и определяет власть над своей судьбой. Четкая жизненная позиция проявляется во всех сферах деятельности человека: нравственной, духовной, общественно-политической и трудовой. Формирование жизненной позиции начинается с рождения и во многом зависит от окружения, в котором живет человек. Когда мы говорим об активной жизненной позиции, то подразумеваем не только желание активно что-то делать, но и воплощать эти мысли в реальные поступки.

Активная жизненная позиция формируется внутри человека и проникает во все сферы его жизнедеятельности. Государство, в свою очередь, предоставляет человеку и гражданину способы реализации своей жизненной позиции через его права. Не стоит забывать, что действия любого человека, даже если они направлены на достижение всеобщего блага, могут быть ограничены законом. Если такой человек вовлечен в уголовно-процессуальные отношения, то его активная жизненная позиция может быть ограничена его процессуальным статусом, от которого зависит, в какой конкретной уголовно-процессуальной форме будет выражаться позиция и мнение данного участника. Одной из форм активной жизненной позиции участников

уголовного судопроизводства является подача жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ на действия или бездействия следователя или дознавателя, нарушающие права и законные интересы участника уголовного процесса.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а действующий Уголовно-процессуальный кодекс России (далее – УПК РФ) дает право каждому участнику уголовного процесса право на защиту и восстановление его нарушенных прав не только с помощью судебных органов и органов прокуратуры, но и через руководителя следственного органа. Возвращаясь к истории, вспомним на примере УПК РСФСР 1922 г., что в качестве правосстановительных органов предусматривались только прокурор или суд. В процессе развития УПК законодатель расширил возможности участников уголовного судопроизводства восстанавливать свои права, в связи с чем ввел дополнительную инстанцию разрешения жалоб в лице руководителя следственного органа.

В ходе уголовного судопроизводства, могут возникнуть ситуации, когда люди с активной жизненной позицией, считая, что следователь или дознаватель нарушает их права, обращаются к руководителю следственного органа. Получив от него ответ на свою жалобу, заявители либо удовлетворены решением, либо недовольны решением своего вопроса. Последние, будут продолжать добиваться восстановления своих прав, обжалуя решение в прокуратуру или суд, а кто-то из них, разочаровавшись в органах предварительного расследования, оставит всякую попытку добиться справедливости.

Да, УПК РФ дает право на обжалование, но как им будет распоряжаться сам человек – это дело самого участника уголовного процесса. Как говорится в одной из пословиц «На Бога надейся, а сам не плошай!». Из-за большой загруженности следователей или дознавателей, недостаточности опыта в работе некоторыми из них могут быть допущены следственные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и объективно препятствующие достижению целей предварительного расследования.

Как показывает практика, от положительной, здоровой активности самого участника уголовного процесса зависит очень многое при расследовании уголовного дела. Примером тому может служить жалоба, поступившая в СУ УМВД России по Пензенской области, от матери потерпевшего К. в связи с поверхностным отношением к про-

изводству расследования и непринятием исчерпывающих мер к выяснению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, в результате совершенного в отношении К. преступления, он получил обширную резаную скальпированную рану левой щеки, которая является неизгладимым телесным повреждением. Несмотря на имеющуюся информацию о лицах, совершивших названное преступление, их причастность следственным путем следователем не проверена. Расследование по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (не установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) было приостановлено. Лишь благодаря поступлению жалобы и после вмешательства руководства следственного управления области в целях обеспечения защиты прав граждан, пострадавших от преступлений, необоснованное постановление о приостановлении расследования отменено, виновное лицо привлечено к уголовной ответственности, уголовное дело направлено в суд с обвинительным заключением [4]. Из этого примера следует, что если бы не жалоба заявителя, то лица, совершившие преступления продолжали бы оставаться на свободе.

Как нами было отмечено ранее, это пример положительной активной жизненной позиции лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения. Но существуют примеры, когда люди не знают способы реализации своих прав или не хотят восстанавливать свои нарушенные права на любой стадии уголовного процесса, в том числе и в суде.

Так, бывший начальник Главного следственного управления Следственного комитета РФ Дмитрий Довгий подтвердил, что «судебные ошибки, к сожалению, у нас допускаются очень часто в той или иной мере: это не значит, что все эти люди невиновны. Большинство людей виновны, но либо превышена квалификация статей, либо вменены дополнительно отягчающие обстоятельства, которые реально не доказаны, либо не учтены смягчающие обстоятельства, которые у людей реально присутствуют и которые предусмотрены Уголовным кодексом» [1]. Отсутствие желания использовать правосстановительные средства в форме жалоб и ходатайств приводят к такому результату.

Почему же участники уголовного судопроизводства не хотят жаловаться и иными законными способами реализовывать свои права? Значительную роль в этом играют средства массовой информации, которые публикуют статьи, описывающие нелицеприятную процедуру рассмотрения жалоб. Яркий пример тому – интервью в

«Новой газете» уволенной из Управления по надзору за расследованием особо важных дел Генпрокуратуры прокурора Галины Тарасовой, которая сообщила что «... с 2012 года в Управлении по особо важным делам и вовсе прекратилось применение ст. 124 УПК РФ, предусматривающей вынесение постановлений по жалобам обвиняемых. Ссылаясь на то, что постановления не нужно оформлять, так как вышестоящее руководство не будет их подписывать. А раз оформлять не надо, зачем читать?» [5, с.7]. Также она указывает на то, что многие жалобы не только досконально не изучаются, но даже не читаются прокурорами, передаются от одного субъекта рассмотрения другому, не говоря уже о соблюдении сроков, предусмотренных для разрешения жалобы. «А ведь эта чехарда занимала месяцы, и судьба человека все это время пылилась в канцелярии, ее швыряли туда-сюда, никого не интересовали сроки рассмотрения жалоб и их существо. А люди продолжали сидеть» [5, с.7].

Тем не менее, жалобы продолжают поступать руководителям следственных органов, в прокуратуру и в суд. К сожалению, некоторые участники уголовного процесса злоупотребляют своим правом на подачу жалобы и тем самым дезорганизуют работу органов предварительного расследования и суда. Тот же Дмитрий Довгий подтвердил, что многие заключенные обращались к нему с просьбой изучить дело и проконсультировать о том, есть ли нарушения закона и основания для жалобы. Некоторые из них просили: «Напиши хоть о чем-нибудь!» [1]. Как мы видим, не всегда право на жалобу используется в благих целях.

Обзор состояния работы с обращениями граждан в СУ УМВД России по Пензенской области по итогам 2013 г. показал, что поступило 267 обращений граждан – и только в 18,2% случаев от числа обращений были признаны обоснованными (частично обоснованными) [4]. В это же время за 10 месяцев 2013 г. в СУ УМВД России по Калужской области поступило 365 обращений, в ходе рассмотрения которых изложенные в них доводы подтвердились частично по 16 жалобам. За 12 месяцев 2013 г. поступило 6 повторных обращений. В ходе рассмотрения данной категории обращений и жалоб изложенные в них доводы подтвердились – 0, удовлетворено частично – 1, отказано в удовлетворении, либо изложенные доводы не подтвердились – по 5 обращениям [3].

Аналогичная ситуация складывается при поступлении разрешения жалоб судебном порядке. В период с 01.01.2013 по 16.12.2013 в

суды подано 23 жалобы на решения и действия (бездействие) следователей разных районов Калужской области по находящимся в их производстве уголовным делам, 7 жалоб удовлетворены [3]. Как мы видим, совсем незначительное число обращений, в том числе жалоб являются обоснованными и отражают действительные нарушения.

На наш взгляд, если участник уголовного процесса действительно является человеком с активной жизненной позицией и его права и свободы действительно нарушены, то независимо от того, что пишут в газетных статьях и что говорят другие люди, независимо от времени и эпохи он будет использовать все возможные способы восстановить справедливость. Примером тому является отрывок из документальной книги А. Подрабиника «Диссиденты», в которой он описывает судебный процесс над ним. «Настал мой час! Я понимал, что, скорее всего, это единственная стадия процесса, в которой я смогу участвовать. Так и получилось. У меня было припасено около тридцати ходатайств о дополнении материалов дела и исправлении процессуальных нарушений. Идея моя состояла в том, чтобы из моих ходатайств было видно, как односторонне велось расследование и как в угоду обвинительному уклону нарушался закон. После первого же моего ходатайства судья Назаров спросил, есть ли у меня другие, и, узнав, что есть, предложил сразу же их все огласить. Я понял: он хотел отклонить их скопом, за один раз, чтобы не останавливаться на каждом. Вообще говоря, в судебной практике так и было принято – перед началом судебного следствия заявлять одно ходатайство из многих пунктов. Однако закон разрешает подсудимому заявлять сколько угодно ходатайств на любой стадии процесса. Я этим воспользовался и заявил, что подача следующих ходатайств будет зависеть от судьбы предыдущих. Судье это не понравилось, но он вынужден был согласиться» [2, с. 267].

Такое поведение подсудимого не говорит о злоупотреблении им своим правом на возможность обращения в государственные органы, а подтверждает его активную жизненную позицию и то, что он не является зрителем со стороны, готовым принять любое решение суда.

Такие примеры скорее исключение, чем правило, но, тем не менее, они существуют и будут существовать, несмотря на остающиеся проблемы, связанные с нарушением требований федерального законодательства, обусловленные, во многом, некачественным и формальным подходом к рассмотрению первичных обращений на местах,

нежеланием руководителей следственных органов вникать в суть проблем заявителей и самостоятельно решать возникающие проблемы, а также недостаточной воспитательной работой с личным составом, проявляющим зачастую бестактность и безразличие по отношению к обратившимся гражданам.

Способом решения указанной проблемы, как нам представляется, является развитие делового сотрудничества и партнерских отношений с органами прокуратуры, со следственными управлениями, организация и проведение совместных совещаний с участием представителей прокуратур, на которых должны обсуждаться допущенные следователями нарушения порядка осуществления уголовного судопроизводства, повлекшие внесение актов прокурорского реагирования и направление гражданами жалоб. Необходимо расширять практику организации встреч с заявителями при рассмотрении поступивших обращений, налаживать механизм правового информирования населения с разъяснением позиции следственных органов и действующего законодательства посредством сотрудничества с редакциями средств массовой информации, которые сообщали бы населению о том, что активная жизненная позиция способствует развитию и укреплению законности в России.

Еще одной причиной нежелания проявлять свою активную жизненную позицию является непонятная процедура подачи жалоб. С одной стороны, включение руководителя следственного органа в субъекты разрешения жалоб позволяет «на месте» разобраться с нарушением, не загромождая обращениями прокуратуру или суд, а с другой, поступление жалобы на подчиненного следователя свидетельствует о некачественном внутриведомственном контроле со стороны руководителя следственного органа, что может повлечь к необъективному рассмотрению жалобы.

В связи с этим мы считаем, что на законодательном уровне должен быть четко определены предмет и субъекты производства по жалобам, поступающим в порядке ст. 124 УПК РФ, это позволит избежать неразберихи со стороны участников уголовного процесса и более активно проявлять свою позицию при решении уголовно-процессуальных вопросов.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что наличие в законе права граждан на обжалование действий или бездействий должностных лиц, занимающихся предварительным расследованием, не подтверждает тот факт, что это право реализуется в

должной мере. Причинами не реализации этого права являются как пробелы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, так и внутреннее недоверие граждан к правоохранительным органам. Решение этих проблем мы видим во внесении изменений в ст.123–124 УПК РФ и проведении с гражданами разъяснительной работы о важности проявления их жизненной позиции во всех сферах их жизнедеятельности.

Список литературы

1. Открытая Россия [сайт] URL: <https://openrussia.org/post/view/2542/>
2. *Подрабинек А.П.* Диссиденты / под. ред. Е. Шубиной. М., 2014.
3. Сведения из архива СУ УМВД России по Калужской области
4. Сведения из архива СУ УМВД России по Пензенской области
5. *Челищева В.* Сел? Ну, вот и сиди // Новая газета. 2014. № 33. 28 марта. [Электронный ресурс].] URL: <http://www.novayagazeta.ru/>

Царёв Е. В.,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
НФ МУ им. С.Ю. Витте, г. Н.Новгород

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается вопрос о влиянии регионального законодательства на уголовную ответственность и уголовное законодательство. В работе приводятся примеры соответствующей взаимосвязи. В заключении делается вывод о том, что региональное нормотворчество не меняет уголовное законодательство, но влияет на возможность привлечения лица к уголовной ответственности.

Ключевые слова: региональное законодательство; бланкетная диспозиция; уголовная ответственность; уголовное законодательство.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, а именно с пунктом «о» статьи 71, уголовное законодательство относится к исключительному ведению Российской Федерации [1]. В соответствии со ст.1 УК РФ Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК [2].

Исходя из Конституции и Уголовного кодекса, можно сделать вывод о том, что уголовное законодательство и уголовная ответственность определяются исключительно органами законодательной власти Российской Федерации, а это не совсем так. Дело все в том, что правовая система России обладает признаком системности, и уголовное законодательство, как и любое другое законодательство (гражданское, административное, земельное, экологическое, в сфере культуры), является составной её частью, неразрывно связанной с другими подсистемами – отраслями законодательства.

Приведем несколько примеров, подтверждающих сформулированный тезис.

Статья 158 УК РФ предусматривает ответственность за кражу, то есть тайное хищение чужого имущества. Отметим, что в указанной

норме отсутствует указание на размер причиненного ущерба. В свою очередь в КоАП РФ предусмотрена статья 7.27 «Мелкое хищение», в соответствии с которой административному наказанию подлежит хищение чужого имущества на сумму, не превышающую одну тысячу рублей, если оно совершено, в том числе, путем кражи и при отсутствии признаков, предусмотренных в частях 2, 3, 4 ст. 158 УК РФ [3].

Таким образом, если гражданин украл из магазина самообслуживания продукции на сумму, не превышающую одну тысячу рублей, то это – административное правонарушение, если сумма украденного превысила значение, указанное в примечании к ст. 7.27 КоАП, то это – уголовно-наказуемое деяние. В связи с этим можно констатировать, что в случае внесения изменений в примечание к ст. 7.27 КоАП, например, повышение рассматриваемого значения до 1500 рублей, произойдет декриминализация кражи на сумму, превышающую 1000 рублей, но не превышающую 1500 рублей. Следовательно, изменения, произошедшие в административном законодательстве, повлияли на уголовную ответственность за кражу, предусмотренную ст. 158 УК РФ, но при этом сам Уголовный кодекс никак не изменился.

Статья 264 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. ПДД устанавливаются Постановлением правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения». В случае изменения указанных правил может измениться и возможность привлечения лица к уголовной ответственности по рассматриваемой статье УК РФ.

Необходимо отметить, что нормы, подобные той, которая находит отражение в ст. 264 УК РФ, называются бланкетными, и для определения отдельных их признаков следует обращаться к нормативным актам других отраслей законодательства. Таким образом, изменение содержания таких нормативных актов приведет к изменению признаков преступлений, а следовательно, и к изменению уголовной ответственности, но не изменению УК РФ.

Еще один пример. Определение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, определяется не только Уголовным кодексом, но и постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 N 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненно-

го здоровью человека», а также приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194 н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Более того, судебно-медицинские эксперты при определении степени тяжести вреда здоровью до 24.04.2008 года использовали не зарегистрированный в Минюсте документ, а следовательно, и незаконный.

На уголовное законодательство в контексте привлечения к уголовной ответственности могут оказывать влияние и нормативные акты, принятые субъектами Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся в частности:

- защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон (п. б ст. 72);
- вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (п. в ст. 72);
- природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры (п. д ст. 72);
- осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий (п. з ст. 72);
- административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды (п. к ст. 72) [1].

В УК РФ предусмотрена ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243), за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 243.1), за поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя, совершен-

ные в границах территории объекта культурного наследия (ч. 2 ст. 243.2) [2].

Предметом указанных преступлений являются объекты культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Формирование и ведение соответствующего государственного реестра определено Федеральным законом от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В соответствии с п. 9 ст. 18 названного закона объекты культурного наследия регионального значения включаются в реестр федеральным органом охраны объектов культурного наследия по представлению органов государственной власти субъекта Российской Федерации на основании принятого ими решения о включении объектов культурного наследия регионального значения в реестр. Порядок принятия решения о включении объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в реестр определяется законом субъекта Российской Федерации [4].

Так, например, 14 ноября 2014 года в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ и Законом Нижегородской области от 3 июля 2007 года N 86-З «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Нижегородской области», Правительство Нижегородской приняло постановление N 782, в соответствии с которым утвердило границы территорий и зон охраны следующих объектов культурного наследия регионального значения:

– Дом Е.А. Березина (адрес на период постановки на государственную охрану: г. Нижний Новгород, Маслякова ул., 14 (литера А));

– Дом Моренова (адрес на период постановки на государственную охрану: г. Нижний Новгород, на пересечении улиц Маслякова и Ильинской, 16/102 (литера А) [8].

Региональное законодательство может оказывать влияние на определение некоторых признаков экологических преступлений. Так, например, п. «г» ч. 1 ст. 256 и п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, предусматривает ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и незаконную работу, если эти деяния совершены

на особо охраняемых природных территориях либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях основывается на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» [5], принимаемых в соответствии с ним других законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, в частности, в Нижегородской области Законом Нижегородской области от 8 августа 2008 г. N 98-З «Об особо охраняемых природных территориях в Нижегородской области» [7], а также постановлением Правительства Нижегородской области от 8 августа 2007 года N 278 «Об утверждении Типового положения о государственных природных заказниках регионального значения в Нижегородской области» [9].

Законодательство Российской Федерации о зонах экологического бедствия состоит из Федерального закона от 10 января 2002 года N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [6], Федерального закона от 14.03.1995 N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [5] и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, на территории которых находятся зоны экологического бедствия. В соответствии с указанным Федеральным законом к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере регулирования отношений на территории зон экологического бедствия относятся, в частности: инициирование придания отдельным территориям Российской Федерации статуса зон экологического бедствия; подготовка материалов, обосновывающих придание территории статуса зоны экологического бедствия, для направления их на государственную экологическую экспертизу; участие в разработке и реализации мероприятий по выводу территорий из состояния экологического бедствия и другое.

Совершение преступления в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации для некоторых составов преступлений является не конструктивным, а квалифицирующим признаком, повышающим степень общественной опасности содеянного. Например, ч. 2 ст. 247 УК РФ (Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), ч. 2 ст. 250

УК РФ (Загрязнение вод), ч. 2 ст. 254 УК РФ (Порча земли) и другие.

В заключение необходимо отметить, что уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса. В соответствии со ст. 8 УК РФ единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Исходя из проведенного анализа можно заключить, что не все признаки состава преступления находят отражение в УК РФ, некоторые из них определяются иным законодательством, в том числе и региональным, но само преступление определяется только Уголовным кодексом. Таким образом, региональное нормотворчество не меняет уголовное законодательство, но влияет на возможность привлечения лица к уголовной ответственности, а следовательно, опосредованно влияет на уголовное законодательство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

4. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 116–117 [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

5. Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» // Российская газета. 1995. № 57. [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

6. Федеральный закон от 10 января 2002 года N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. № 6. [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

7. Закон Нижегородской области от 8 августа 2008 г. N 98-3 «Об особо охраняемых природных территориях в Нижегородской области» // Правовая среда. 2008. № 66 (949) (приложение к газете «Нижегородские новости», 2008.

№ 155 (4047). 21, 21 августа. [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

8. Постановление Правительства Нижегородской области от 14.11.2014 N 782 «Об утверждении границ территорий и зон охраны объектов культурного наследия регионального значения – Дом Е.А. Березина (Маслякова ул., 14 (литера А) и Дом Моренова (на пересечении улиц Маслякова и Ильинской, 16/102 (литера А) в г. Нижнем Новгороде, режимов использования земель и градостроительных регламентов в утвержденных границах» // «Правовая среда». – N 115(1825). 2014 (приложение к газете «Нижегородские новости», N 204(5537), 20.11.2014) // [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

9. Постановление Правительства Нижегородской области от 8 августа 2007 года N 278 «Об утверждении Типового положения о государственных природных заказниках регионального значения в Нижегородской области» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/944931461>

*Черных Е. Е.,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В данной работе изучены последние изменения уголовного законодательства в области регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности, а также выявлены проблемы правоприменительной деятельности по квалификации преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 22 УК РФ.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; картель; предпринимательская деятельность; мошенничество; подставное лицо.

Россия в настоящее время развивается в новых и необычных для себя условиях. Неблагоприятное изменение цен на нефть и внешне-экономические санкции несомненно неблагоприятно скажутся на экономике страны. Специалисты Банка России дают пессимистичные оценки современных перспектив для российской экономики. Такие внешние факторы, как напряженная геополитическая ситуация и взаимные санкции, создают условия высокой неопределенности. Это губительно для экономического развития [5].

Помимо этого доходы от экспорта, благодаря криминальным каналам, как правило, уходят за рубеж. Все это сопряжено с произволом монополий и многочисленным коррупционным проявлениями во всех сферах экономики. Усиливается классовое неравенство, которое в настоящий момент и так оценивают как критическое (количество граждан, имеющих доходы ниже среднего, оценивают в 83 % [1]).

Таким образом, каких-то радужных перспектив в сфере развития экономики не ожидается. Все это обостряется в связи с усилившимися криминальными проявлениями в сфере экономики. Ответом же на указанную ситуацию послужила всеобщая либерализация как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, регулирую-

щего сферу экономики. Современная уголовная политика на современном этапе проходила под лозунгом: «Бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме». Смягчение уголовной ответственности за экономические преступления сопровождалось как смягчением санкций соответствующих норм, так и повышением порога привлечения лица к уголовной ответственности.

Постараемся проанализировать особенности уголовной ответственности за нарушения в предпринимательской сфере, наиболее подверженной криминальным проявлениям.

Любые изменения, вносимые в уголовное законодательство, должны основываться на тщательном анализе законодательства, а также следственно-судебной практике. Только в этом случае возможно оценить пробельность тех или иных норм и осуществить их совершенствование.

Декриминализация ст. 173 УК РФ была связана с нечеткостью формулировок в данной норме, а также наличием большого количества норм, дублирующих ответственность за данное деяние. Однако единственной реальной проблемой, препятствующей применению указанной нормы, было наличие крупного ущерба как обязательного признака наступления уголовной ответственности. В теории уголовного права неоднократно высказывались предложения по изменению законодательной конструкции указанной статьи. Так, Захарян О.А. [3, с. 160–163] считает исключение ст. 173 из УК РФ не обоснованным и предлагает устранить недостатки в диспозиции утраченной нормы и разработать рекомендации по ее применению, что в свою очередь повысит эффективность ее применения.

При формулировании аналогов ст. 173 УК РФ (ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ) законодатель учел пожелание формальной конструкции, однако новая формулировка норм породила целый ряд проблем. В качестве основных трудностей применения ст. 173.1 УК РФ являлось длительное время наличие обязательного способа совершения указанного преступления. В диспозиции данной статьи было указано, что незаконная организация юридического лица осуществляется путем введения в заблуждение подставных лиц, т.е. лиц, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица. Для квалификации содеянного по ст. 173.1 УК РФ было необходимо установить, что «подставное лицо» подает документы на регистрацию предпринимательской деятельности, будучи уверенным в правомерности совершаемых действий, в

противном случае – способ как обязательный признак сконструированного состава преступления отсутствует. Таким образом, если виновный использует иные способы, например физическое или психическое насилие, чтобы принудить «подставное лицо» к организации юридического лица, состав ст. 173.1 УК РФ отсутствует.

Федеральный закон от 30.03.2015 N 67-ФЗ, призванный обеспечить достоверность единого государственного реестра юридических лиц, в том числе предотвращения создания и деятельности юридических лиц, созданных для недобросовестной деятельности путем использования подставных физических лиц и представления иной недостоверной информации в регистрирующий орган, существенно изменил редакцию ст.ст. 173.1, 173.2, а также ст. 170.1 УК РФ.

Не нужно забывать и о том, что действие указанной нормы необоснованно ограничено лишь образованием юридического лица. Профессор Н.А. Егорова также критикует новеллы за конкретность, что, по ее мнению, не позволяет охватить все способы фиктивной или преступной деятельности с использованием юридического лица по ст. 173.1 УК РФ, в существовании ст. 173.2 УК РФ она вообще не видит необходимости [2, с.18–23].

Теперь обратимся к ст. 173.2 УК РФ. Законодатель конкретизировал цель, указав ее как обязательный признак состава преступления. А именно, для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом. Трудность применения указанной нормы состоит в том, что при необходимости доказывания указанной цели необходимо дожидаться совершения данных действий. По словам А.В. Иванчина [4, с. 37–40], в силу статьи 6 УК РФ «Принцип справедливости», установление ответственности фактически за использование подложного документа для криминальных деяний ведет к двойному наказанию за содеянное по факту совершения криминального деяния и факту использования (способ совершения) для его совершения подложного документа, поэтому запрет, предусмотренный ст. 173.2 УК РФ, необходимо изъять из Уголовного Кодекса.

Отдельная сфера предпринимательской деятельности, а именно действия по проведению азартных игр, также подверглись частичной криминализации. Появление специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконное проведение азартных игр, было связано с определенными сложностями по привлечению лиц, зани-

мающихся незаконной организацией азартных игр по ст. 171 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство.

Законодатель конструкцию данной нормы определил как формальную, установив в качестве обязательного признака привлечения к уголовной ответственности извлечение дохода в крупном размере (свыше 150000 рублей).

Если рассматривать статистику выявленных фактов организации азартных игр и фактов уголовного преследования, то представленные данные вовсе неутешительные (на 10000 фактов незаконной организации азартных игр 100 случаев привлечения к уголовной ответственности).

Таким образом, огромный размер извлеченного дохода как основание привлечения лица к уголовной ответственности не позволяет в полной мере реализовать требования Федерального закона от 29 декабря 2006 г. N 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Установленная санкция также несоизмерима с характером и степенью общественной опасности и не отвечает принципу назначения виновному справедливого наказания, определенному ст. 6 УК РФ (от 500 тысяч до 1 млн рублей).

Вот яркий пример судебной практики. В Свердловской области 4 октября 2012 г. Ревдинский городской суд вынес приговор в отношении И.В. Никонова, который в арендованном помещении в г. Ревде организовал проведение азартных игр с использованием игрового оборудования и информационно-телекоммуникационных сетей, получив доход в сумме свыше 3,6 млн рублей, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 40 тысяч рублей.

Наряду с усилением уголовной ответственности за незаконную организацию азартных игр, а также со снижением низшего предела привлечения к уголовной ответственности, необходимо рассмотреть вопрос о внесении в Уголовный кодекс Российской Федерации дополнений, предусматривающих ответственность за содержание незаконных игорных заведений по аналогии со специальной статьей об уголовной ответственности за содержание наркопритонов, которая доказала свою эффективность.

Федеральный закон от 08.03.2015 N 45-ФЗ существенно изменил нормы об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Указанные изменения были предусмотрены в целях совершенствования антимонопольного регулирования и повышения эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений. Современная редакция ст. 178 УК РФ позволяет правоприменителю понимать под перечисленными в Федеральном законе «О защите конкуренции» способы нарушения антимонопольного законодательства (неоднократное злоупотребление доминирующим положением) как разновидность картельного соглашения. Помимо этого, уголовному преследованию подлежат не сами по себе картельный сговор и неоднократное злоупотребление, а лишь те которые привели к недопущению, устранению или ограничению конкуренции. Указанные изменения связаны с тем, что предыдущая редакция ст. 178 УК РФ противоречила смыслу понятия картельного соглашения как одного из наиболее опасных посягательств на основы экономики.

Изменению подверглось и примечание к статье 178 УК РФ, теперь, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, правоприменителю необходимо доказать, что ограничение конкуренции причинило крупный ущерб гражданам (свыше десяти миллионов рублей), организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере (свыше пятидесяти миллионов рублей).

Таким образом, краткий анализ изменений норм уголовного закона об ответственности за преступления в сфере экономики позволил сделать вывод, что смягчение ответственности за различного рода преступления в сфере экономики не позволят в полной мере достичь цели превенции.

Список литературы

1. *Гринкевич В.* Социальное неравенство загоняет экономику в тупик [Электронный ресурс] // РИА Новости URL: <http://ria.ru/analytics/20110706/398118861.html#13822423716374&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz2iETeZuIg>

2. *Егорова Н.* Реформа УК РФ (декабрь 201 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. 2012. №3.

3. *Захарян О.А.* Декриминализация «лжепредпринимательства» – угроза экономической безопасности государства. // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3.

4. *Иванчин А.В.* Неизбыточность уголовно-правового запрета как правило конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2.

5. URL: <http://god2015.com/novosti-2015/chto-zhdet-rossijskuyu-ekonomiku-v-2015-godu>

Чупрова А. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
РПА Минюста России, г. Москва

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

В статье автор анализирует особенности уголовно-правовой ответственности за преступления в сфере электронной коммерции в европейском праве. Освещаются наиболее проблемные вопросы, связанные с применением норм уголовного права, направленные на противодействие преступлений в сфере электронной коммерции в европейском праве.

Ключевые слова: преступление; электронная коммерция; преступность в сфере компьютерных технологий.

Регламентация отношений в сфере электронной коммерции на международном уровне осуществляется Организацией Объединенных Наций и другими международными структурами в разных регионах мира. Наибольший интерес для российских правоведов представляет опыт Евросоюза, тем более, что у законодательства России и стран Европы имеются единые правовые корни, а их экономики тесно взаимосвязаны.

Появление и развитие отдельных направлений электронной коммерции изначально шло параллельно с поиском методов и технологий, позволяющих использовать возможности электронной экономики в криминальных целях. Вопросы безопасности в информационной среде стали предметом обсуждения достаточно давно. Еще на 21-ой Конференции министров юстиции стран Европы (Прага, 10 и 11 июня 1997 г.), Комитету министров было рекомендовано обеспечить большую согласованность положений национального уголовного права разных стран, сделать возможным использование эффективных средств расследования преступлений в сфере компьютерной информации, поддержать проводимую Европейским комитетом по проблемам преступности (ЕКПП) работу по предупреждению таких правонарушений. На 23-й Конференции министров юстиции стран Европы (Лондон, 8 и 9 июня 2000 г.) была подчеркнута необходимость созда-

ния оперативной и эффективной системы международного сотрудничества, должным образом учитывающей специфические потребности борьбы с преступностью в сфере компьютерных технологий.

Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации», принятая в Будапеште 23 ноября 2001 года [3, с. 67], сконцентрировала все обсуждаемые проблемы и предложила пути их решения. Ее появление было вызвано той угрозой, которую несет использование компьютерных сетей для совершения уголовных правонарушений в период внедрения цифровых технологий и продолжающейся глобализации. В Конвенции не только отражены взгляды европейских законодателей на опасность преступлений, прямо или косвенно связанных с компьютерными системами, но и дается перечень нарушений, в том числе и в сфере экономики, которые должны быть криминализированы в национальных уголовных законах.

Эти деяния по своей сути являются экономическими, связанными с получением определенных имущественных выгод в результате совершения правонарушений, и подразделяются на несколько групп.

К преступлениям против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем отнесены:

- противозаконный преднамеренный доступ к данным (ст. 2);
- противозаконный преднамеренный перехват данных (ст. 3);
- умышленное воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств, умышленное повреждение, удаление, ухудшение качества, изменение или блокирование компьютерных данных (ст. 4);

- неправомерное создание серьезных помех функционированию компьютерной системы путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокирования компьютерных данных (ст. 5);

- противозаконное использование устройств, т.е.

- а) производство, продажа, приобретение для использования, импорт, оптовая продажа или иные формы предоставления в пользование:

- и) устройств, включая компьютерные программы, разработанных или адаптированных прежде всего для целей совершения какого-либо из правонарушений, предусмотренных статьями 2–5;

ii) компьютерных паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части,

с намерением использовать их в целях совершения какого-либо из правонарушений, предусмотренных статьями 2–5;

b) владение одним из предметов, упомянутых в пунктах "a"i" или "ii" выше, с намерением использовать его для совершения каких-либо правонарушений, предусмотренных статьями 2 – 5 (ст. 6).

Вторая группа криминальных явлений направлена на применение компьютерных средств для совершения подлога и мошенничества с использованием компьютерных технологий. К подлогам относятся умышленный и неправомерный ввод, изменение, уничтожение или блокирование компьютерных данных, влекущие за собой нарушение их аутентичности с намерением, чтобы данные рассматривались или использовались в юридических целях в качестве аутентичных, независимо от того, поддаются ли эти они непосредственному прочтению и являются ли они понятными (ст. 7). Мошенничество формулируется как лишение другого лица его собственности путем: а) любого ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных; б) любого вмешательства в функционирование компьютерной системы, с мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или для иного лица (ст. 8).

Конвенция рекомендовала криминализировать получившие значительное распространение правонарушения, относящиеся к разновидности торговли людьми и связанные с содержанием данных. Прежде всего, это касается оборота через компьютерные сети детской порнографии, который включает: 1. а) производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему; б) предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему; в) распространение или передачу детской порнографии через компьютерную систему; г) приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица; е) владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных (п.1 ст.9).

Учитывая возможности телекоммуникационных сетей, европейский законодатель принял меры для защиты объектов интеллектуаль-

ной собственности, предложив ввести уголовную ответственность за их нарушения (ст.10).

Покушение, соучастие или подстрекательство к совершению вышеназванных преступлений также признается уголовно наказуемым деянием. Перечень вышеназванных преступлений не является исчерпывающим, он может быть дополнен иными деяниями, признаваемыми преступными в национальном законодательстве государств Евросоюза.

Принятое на основе Конвенции Рамочное соглашение 2005/222/ПВД Совета от 24 февраля 2005 года «Об атаках на информационные системы» также направлено на решение актуальной проблемы современного «компьютеризированного» общества – защиту информационных систем и банков данных от преступных посягательств, в том числе со стороны террористических групп и иных преступных организаций [2, с. 67–71], Соглашение определяет в качестве преступлений незаконный доступ к информационным системам, нарушение неприкосновенности систем (т.е. умышленное серьезное расстройство или умышленная приостановка функционирования информационной системы путем введения, передачи, повреждения, стирания, ухудшения, изменения, устранения компьютеризированных данных или путем лишения доступа к ним), нарушение неприкосновенности данных (т.е. умышленное стирание, повреждение, ухудшение, изменение, устранение компьютеризированных данных в информационной системе или лишение доступа к ним) (ст. 2–5 Соглашения).

Следует отметить, что в большинстве европейских стран подобные действия криминализированы. Однако Россия оценивает как общественно опасные лишь некоторые из этих нарушений, что существенно отличает российское законодательство от европейского и достаточно негативно сказывается на состоянии информационной безопасности в стране.

Целесообразность гармонизации российского и европейского уголовного законодательства в информационной среде predeterminedена ее глобальностью и тенденцией к еще большему расширению сферы ее активности. Поэтому представляется целесообразным введение в уголовное законодательство норм об ответственности не только за незаконный доступ к компьютерной информации, но и за ее перехват, а также за производство, продажу, приобретение, владение с целью использования для совершения запрещенных в законе дейст-

вий, компьютерных программ, разработанных или адаптированных, компьютерных паролей, кодов доступа или иных аналогичных инструментов, с помощью которых может быть получен незаконный доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части. Чрезвычайно актуально для профилактики различных имущественных преступлений введение уголовно-правового запрета на хищение, а равно подлог идентификационных данных, а также изменение редакции норм об ответственности за компьютерные мошенничества. Ряд корректив необходимо внести и в нормы об ответственности за производство и оборот детской порнографии.

Особенностью Конвенции и Рамочного соглашения является положение о введении за компьютерные преступления ответственности как физических, так и юридических лиц.

Уголовная ответственность юридического лица, согласно Конвенции, должна наступать за уголовное преступление, которое совершается в его пользу любым физическим лицом, действующим самостоятельно или как часть одного из органов соответствующего юридического лица и занимающим ведущее положение в нем на основании: а) полномочий представлять данное юридическое лицо; б) права принимать решения от имени этого юридического лица; в) права осуществлять контроль внутри этого юридического лица. Ответственность наступает и в тех случаях, когда отсутствие руководства или контроля со стороны указанных должностных лиц предприятия делает возможным совершение таких деяний.

Вышеуказанное Рамочное соглашение также предусматривает ответственность юридических лиц (ст. 8 Соглашения). В документе под ними понимают любое образование, за которым такой статус признает действующее право, за исключением государств или других публично-правовых образований при осуществлении ими прерогатив публичной власти, или публично-правовых международных организаций (ст.1 Соглашения). Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности в случае совершения в его пользу преступлений, указанных в ст.2–5, лицом, занимающим в нем руководящее положение, если оно а) наделено правом выступать представителем юридического лица, б) обладает полномочиями принимать решения от имени юридического лица, в) обладает полномочиями осуществлять контроль внутри юридического лица. При этом ответственность не исключает уголовного преследования физических лиц, выступающих исполнителями, подстрекателями или пособниками в совершении

преступлений, предусмотренных статьями 2, 3, 4 и 5 Рамочного соглашения.

Оценивая перечисленные преступления в сфере действия информационных систем как опасные и имеющие коммерческую составляющую, государствам-участникам предлагается использовать такие меры наказания, как лишение свободы и денежные штрафы.

Согласно Рамочному соглашению 2005/222/ПВД Совета от 24 февраля 2005 года «Об атаках на информационные системы» санкции за преступления должны быть эффективными, соразмерными и обладать предупредительным эффектом. Ст.9 Рамочного соглашения определяет санкции, которые целесообразно вводить в отношении юридических лиц, такие как а) лишение права получать льготы или помощь со стороны публичной власти; б) временный или постоянный запрет осуществлять коммерческую деятельность; с) помещение под судебный надзор; d) роспуск в судебном порядке.

Нарушения в сфере электронной коммерции всегда рассматривались в Евросоюзе как угроза, для предотвращения которой Евросоюз подготовил План действий на 2010–2014 годы, в котором обеспечение прав граждан и обеспечение внутренней безопасности были названы в числе основных приоритетов. В документе Комиссия предложила перечень действий в ответ на современные угрозы, которые непосредственно касаются безопасности граждан и бизнеса в интернет-пространстве. К 2013 году планировалось создание Европейского центра противодействия кибер-преступлениям, в рамках которого Евросоюз и государства-члены будут развивать аналитические и оперативные ресурсы для расследования преступлений, а также сотрудничества с третьими странами. В планах Комиссии, кроме того, было создание сетевых команд для экстренного устранения неполадок в компьютерных системах в 2012 году [1, с.7–31].

Следует отметить, что компьютерные преступления, за исключением таких, как оборот детской порнографии, имеют бланкетные диспозиции, поскольку связаны с нарушениями законов, регулирующих область электронной коммерции в целом и различные ее сегменты, в частности. В силу этого представляется необходимым рассмотреть основные международные акты, принятые в последние десятилетия в указанных отраслях. Большинство документов относится к области гражданского и финансового права, однако их положения создают основу для принятия норм уголовного права, близких по своему содержанию и оценке опасности наруше-

ний законодательства об электронной коммерции в разных европейских странах.

Список литературы

1. Council Document 5842/2/2010. Internal Security Strategy for the European Union: Towards a European Security Model. Brussels, 2010. P.7-31.

2. Council Framework Decision 2005/222/JHA of 24 February 2005 on attacks against information systems //OJ L 69, 16.3. 2005. P. 67–71

3. Journal officiel de l'Union européenne L 69 du 16.3.2005, p. 67 / перевод Четверикова А.О.

*Шутова А. А.,
адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

НЕЗАКОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье поднимаются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации такого информационного преступления, как незаконная организация и проведение азартных игр. Особое внимание уделено такой информационной составляющей указанного преступления, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», которое способствует и облегчает совершение противоправного деяния.

Ключевые слова: азартные игры; информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет»; гуманизация; доход.

Интернет дает огромную возможность людям передавать колоссальный поток информации на территории всего земного шара. Развитие и совершенствование современных информационно-телекоммуникационных технологий сопровождается стремительным ростом злоупотреблений в указанной сфере. В частности, информационная составляющая преступной деятельности является конструктивным признаком объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр (в том числе и в сети «Интернет»), которые наносят колоссальный ущерб экономике страны, что предполагает ее использование в противоправной деятельности.

Современный период развития законодательства об игорном бизнесе был отмечен противоречивыми тенденциями. Положительно следует расценивать принятие специальных нормативных актов, регулирующих организацию и проведение азартных игр. Базовым в данном случае является принятие Федерального Закона от 29 декабря 2006 г. N 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5], который подверг изменению действующую систему азартных игр. Дан-

ным нормативным актом деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» также была запрещена уже с 1 января 2007 года (ст. 5). Однако с принятием данного закона уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр так и не была введена. Примечательно, что УК 1996 года до 2011 года вообще не содержал специальных норм, предусматривающих ответственность за организацию и осуществление незаконного игорного бизнеса, несмотря на высокую общественную опасность данного вида предпринимательской деятельности [2, с. 179]. И только в 2011 году была установлена уголовная и административная ответственность в рассматриваемой сфере.

Однако существует ряд вопросов в сфере регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр, недостаточно проработанных законодателем, которые создают определенные препятствия в противодействии соответствующим правонарушениям, что в целом делает норму неэффективной. Диспозиция исследуемой нами нормы представляет собой бланкетный характер и требует изучения огромного количества нормативных актов, знание которых необходимо для верной квалификации указанных преступлений [См.: 6].

Исследуя динамику состояния незаконной организации и проведения азартных игр и лиц, их совершивших, в 2011 году было зарегистрировано 20 преступлений, 2012 – 96, в 2013 – 106. Однако количество деяний, уголовные дела по которым направлены в суд с обвинительным заключением, составляют 1, 33 и 28 соответственно по анализируемым нами годам [4].

Остановимся и рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в правоприменительной практике в связи с расследованием данных уголовных дел. Одним из альтернативных действий, выражающих объективную сторону анализируемых преступлений, является организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Осознавая возможность привлечения к уголовной ответственности, лица намеренно регистрируют игорные залы (онлайн-казино) за границей – в тех странах, где игорный бизнес не запрещен, тем самым уходя от ответственности по национальному законодательству Российской Федерации. Многие государства дифференцировано подходят к запрету, контролю, допустимости или ограничению игорного

бизнеса, подобное относится и к организации и проведению игр в сети «Интернет». Например, к таким относятся государства, расположенные на Карибских островах. Организация виртуального игорного зала предусматривает возможность каждого гражданин всего земного шара зайти на подобные сайты и играть «удаленно», даже на территории тех стран, где азартная деятельность запрещена. Поэтому лица, находясь на территории иностранного государства, организуют сетевой игорный бизнес. Они размещают на территории таких стран аппаратно-программное обеспечение и регистрируют юридические лица, а также получают соответствующие лицензии (или разрешения) от компетентных органов, что порождает проблему юрисдикции информационного пространства, так как нормы (правила, запреты) национальных законодательств различных государств входят в противоречие между собой в технически едином информационном пространстве.

На данный момент создан Реестр запрещенных сайтов, доступ к которым должен быть заблокирован всеми интернет-провайдерами. Данные сайты подлежат блокировке по решению суда по искам прокуратуры. Однако даже при простом поиске в сети «Интернет» понимаешь, что не все подобные сайты могут быть заблокированы, хотя попытки предпринимаются.

Учитывая, что ответственность за незаконную игорную деятельность также предусмотрена в законодательстве ряда зарубежных стран. Законодатели стран – участниц СНГ (Украина, Казахстан, Азербайджан и т.д.) отказались от формулировки диспозиции, в которой альтернативным действием выступает совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Однако мы считаем, что государствам – членам СНГ следует объединить и скоординировать усилия по борьбе с незаконными азартными играми в сети «Интернет». Принимая во внимание историческую общность стран, принадлежность к континентальной системе права, а также схожесть законодательства и существование ряда международных договоров между ними, а также наличие единого Модельного Уголовного кодекса, предлагаем принятие Международного соглашения о сотрудничестве между указанными странами с целью совместного противодействия указанным преступлениям. Конечно, идеальным вариантом было бы объединение государств всего земного шара для борьбы с незаконным игорным бизнесом в сети «Интернет» на уровне приня-

тия соответствующей конвенции. Стоит учитывать тот факт, что в 1994 году Всемирная организация здравоохранения при ООН определила игроманию как психическое заболевание [3], а также то, что на законодательном уровне она приравнена к таким зависимостям, как наркомания и алкоголизм, внесение изменений в ст. 30 Гражданского кодекса РФ [1] об ограничении дееспособности гражданина, который вследствие пристрастия к азартным играм ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Второй проблемой, явно негативно влияющей на практику привлечения к уголовной ответственности по делам указанной категории, является наличие в диспозиции обязательного условия – извлечение дохода в крупном и особо крупном размере. Согласно примечанию к статье 169 УК РФ в статьях главы 22 УК РФ под *особо крупным размером*, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей *шесть миллионов рублей*. На практике существуют определенные проблемы по привлечению к уголовной ответственности по данному пункту, поскольку доказать факт извлечения прибыли от такой деятельности в крупном или особо крупном размере довольно сложно. На наш взгляд, установленная в рамках диспозиции оговорка «сопряженные с извлечением дохода в крупном и особо крупном размере» является одним из немногих факторов, который не позволяет полностью реализовать данную норму. Чаще всего лица, осуществляющие данный вид деятельности, умышленно не ведут бухгалтерский учет полученных от нее доходов. Это в свою очередь затрудняет определение размера извлеченной выручки и квалификацию деяния. Поэтому на практике чаще всего именно поэтому дела и не возбуждаются.

Уголовное законодательство идет по пути гуманизации, поэтому в УК РФ был внесен ряд изменений. УК РФ был дополнен статьей 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». Теперь лицо, впервые совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы

дохода, полученного в результате совершения преступления. В рамках данной статьи говорится о статье 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Исследуемая нами статья является специальной нормой по отношению к незаконному предпринимательству. Поэтому считаем целесообразно и включить часть 1 статьи 171² УК РФ в список статей, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности. Поскольку в рамках данной статьи говорится о кратном возмещении ущерба, что, на наш взгляд, весьма удачно.

К сожалению, на данный момент норма статьи 171² УК РФ пока является достаточно эффективной и не представляет собой практической значимости, хотя общественная опасность указанного преступления велика. Предлагаемые нами меры по совершенствованию уголовно-правовой нормы, как мы надеемся, смогут решить ряд проблем, с которыми на данный момент сталкиваются правоохранительные органы в процессе квалификации и привлечения к уголовной ответственности.

Список литературы

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32 (ч. 1). Ст. 3301.

2 Орлова Л.А. Право и правила игры: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 179.

3. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/research/ru/>. (дата обращения: 19.02.2015).

4. Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.9 (дата обращения: 12.02.2015).

5. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

6. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru>

См.: *Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (с изменениями от 22 июля 2014 г.) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»;*

Положение о создании и ликвидации игорных зон, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 18.06.2007 № 376 (в ред. от 28.03.2014 г.);

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 222-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ»;

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 г.);

Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.);

Постановление Правительства РФ от 25.05.2005 № 328 (ред. от 04.04.2014 г.) «Об утверждении Правил оказания услуг подвижной связи».

РАЗДЕЛ IV.

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

*Анисимова А. С.,
аспирант СГЮА,
младший научный сотрудник СФ ИГП РАН,
г. Саратов*

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ И ПРАВО

В статье исследуются основные вопросы правового регулирования сети Интернет. Проводится анализ последних изменений в законодательстве, в частности Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Автором обосновывается необходимость воздействия на сеть Интернет через право.

Ключевые слова: сеть Интернет; правовое регулирование; право; распространение информации; виртуальное пространство; киберпреступления.

В современных условиях глобальной информатизации и построения информационного общества широкое развитие во всех сферах жизнедеятельности получили информационные и телекоммуникационные технологии [5]. Наиболее активно они проявляются в сфере использования сети Интернет, которая в настоящее время стала не только средством связи, распространения информации, но и сферой воздействия права.

В 2011 г. Организация Объединенных Наций провозгласила право на доступ в Интернет как одно из неотъемлемых прав личности. Необоснованное лишение человека искать, получать и распространять информацию через Интернет является нарушением этого права. Свободное функционирование сети Интернет – одна из приоритетных задач любого демократического государства [3].

Безграничные возможности сети Интернет меняют качество жизни, но нужно учитывать и существующие в информационной сфере риски и угрозы.

В частности, сотрудниками российской полиции ущерб от выявленных в 2012 г. в России киберпреступлений оценивается более чем в 70 млн рублей. При этом за 2013 г. количество хищений денежных средств, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, выросло на 60 % [2].

На сегодняшний день государство продолжает усиливать контроль над интернет-отношениями. За последние два года в России было

принято большое количество законов, которые оказывают влияние на работу сети Интернет.

Основные изменения касаются Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»:

Федеральный закон № 139-ФЗ от 28 июля 2012 года – дополнения «о защите детей», приведшие к созданию «Единого реестра запрещенных сайтов» [6];

Федеральный закон № 187-ФЗ от 2 июля 2013 года – закон, подразумевающий возможность блокировки сайтов, содержащих нелицензионный контент, по требованию правообладателя [7];

Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года – дополнения, связанные с блокировкой экстремистских сайтов [8];

Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года – «закон о блогах», обязывающий владельцев популярных блогов и сайтов регистрироваться в Роскомнадзоре [9].

Федеральный Закон № 364-ФЗ от 24 ноября 2014 года – дополнения о блокировке объектов авторских и смежных прав – фильмов, музыки, книг, программного обеспечения, а также информации, содержащей такие объекты [10].

Как отмечает В.В. Путин, государство не намерено ограничивать доступ в сеть, ставить ее под тотальный контроль, ограничивать законные интересы и возможности людей, общественных организаций, бизнеса в информационной сфере. При этом власть намерена защитить граждан. В мире активно борются с материалами, пропагандирующими терроризм, экстремизм, ксенофобию, детское порно, суицид, строго за это наказывают. Сайты, пропагандирующие подобные вещи, будут закрыты – «последовательно и строго по закону» [4].

На наш взгляд, с такой позицией необходимо согласиться, поскольку сеть Интернет – это глобальное, не имеющее территориальных границ пространство, где информация распространяется быстрыми темпами. Виртуальное пространство должно находиться под контролем государства, а основы и пределы такого контроля должны быть закреплены на законодательном уровне. Однако существующих норм явно недостаточно для такой быстроразвивающейся системы.

Сеть Интернет как новое информационное явление и пространство не может существовать без права. Справедливо С.С. Алексеев дает термин «неразвитое право», который указывает на то поле, где право «не раскрылось, не развернуло свои свойства как самостоятельного и

«сильного» нормативного социального феномена, играющего свою особую роль» [1]. Такую характеристику можно дать и праву виртуального пространства, которое находится в процессе своего формирования.

Таким образом, развитие сети Интернет, которое в последнее время все ярче проявляется, нуждается в правовом регулировании и те меры, которые сейчас принимаются в России для воздействия на указанную сферу, – необходимы.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1995. С. 71.
2. Доклад главы БСТМ МВД России А. Мошкова на международной конференции, посвященной борьбе с мошенничеством в сфере высоких технологий «Antifraud Russia – 2012» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/584459.html>.
3. ООН: свободный доступ в интернет – это базовое право человека [Электронный ресурс]. // Газета.Ру. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/06/06/n_1872457.shtml (дата обращения: 10.07.2013).
4. Российская газета. 2014. 2 октября.
5. *Телешина Н.Н.* Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
6. *Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. N 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Российская газета. 2012. 30 июля.
7. *Федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»* // Российская газета. 2013. 10 июля.
8. *Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* // Российская газета. 2013. 30 декабря.
9. *Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. N 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»* // Российская газета. 2014. 7 мая.

10. *Федеральный закон Российской Федерации от 24 ноября 2014 г. N 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2014. 27 ноября.*

Башлыкова Е. И.,
студент 2 курса юридического факультета
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

Научный руководитель:
Иванова Л. Н.,
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

УСТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению процедуры медиации. Представлена методика установления доверительных отношений, предполагающая последовательное прохождение шести этапов.

Ключевые слова: юридическая психология; медиация; процедура медиации; конфликт; методика установления доверительных отношений.

Очевиден тот факт, что одной из важнейших сторон любой профессиональной деятельности, в том числе и медиативной [4], является эффективное общение с людьми. В связи с новыми национальными программами растет спрос на специалистов, профессионально владеющих навыками медиации и эффективного общения при разрешении конфликтов [1; 3].

Методика установления контакта, разработанная юридическим психологом Л.Б. Филоновым [5], направлена на создание обстановки доверительности между конфликтующими сторонами и поэтому приемлема для медиации.

Методика установления доверительных отношений предполагает последовательное прохождение шести этапов, названия которых отражают сущность каждого.

- 1 этап – снятие психологических барьеров;
- 2 этап – нахождение совпадающих интересов;
- 3 этап – определение принципов общения;

4 этап – выявление качеств, опасных для общения;

5 этап – адаптация к партнеру;

6 этап – сотрудничество, совместная деятельность по реализации принятого плана разрешения спора.

На первом этапе при первой встрече после прекращения отношений оба партнера ожидают друг от друга каких-то определенных действий. Готовясь к какому-либо влиянию со стороны другого, человек воздвигает неосознанно психологические барьеры между ним и собой: повышенные осторожность, контроль за высказываниями. И многое на первом этапе медиации будет зависеть от того, насколько сторонам удастся преодолеть эти барьеры. Функции первого этапа – снятие психологических барьеров и снижение напряжения. Медиатор выстраивает переговоры таким образом, что стороны по-новому оценивают проблемы. Как правило, он задает вопросы, с которыми нельзя не согласиться.

На втором этапе медиации медиатор организует переговоры таким образом, что стороны начинают поиск «точек соприкосновения», которые могли бы стать исходными элементами для подготовки медиативного соглашения. В основе данного этапа лежит поиск совпадений: мнения, оценки и чувства. Целесообразность второго этапа состоит в том, чтобы построить первичную основу для объединения, а затем на базе общих совпадающих и привлекательных для каждого моментов «двигаться» с другой стороной некоторое время параллельно. Одновременно здесь вырабатываются первичные навыки сотрудничества. Стоящая перед медиатором и сторонами на втором этапе задача – достичь согласия с партнером по вопросам, имеющим общий интерес. Здесь важно правильно воспользоваться приемом «Детализация», который заключается в высказывании повышенного интереса к подробностям в изложении собеседника, а также в просьбах интерпретировать сказанное. Результатом второго этапа является установление внимания к проблеме каждой стороны, что всегда вызывает желание продолжать общение и создает ряд первичных «опорных пунктов» для того, чтобы в дальнейшем расширить область возможного сотрудничества.

На третьем этапе медиатор инициирует переход к декларированию своих качеств, что заставляет конфликтующие стороны поступить аналогичным образом. Речь идет о демонстрации тех черт, которые являются наиболее подходящими для построения постоянных отношений. Поэтому медиатор и подчеркивает необходимость прямоты, честности, справедливости. Основная функция третьего этапа заключается

в осуществлении первого обмена информацией об индивидуальных принципах общения и отборе ценных и ведущих качеств партнера. Медиатор действует по принципу «все, что собеседник предложит вам как принципы общения, должно быть вами принято». Используются правило «готовности» – установка на принятие и учет любого сообщения собеседника и правило «ответного сообщения о себе» – общение, принявшее форму диалога, создает своеобразный ритм обмена мнениями. Здесь также важно воспользоваться приемом «Подведение итогов», то есть периодически суммировать высказанное ранее и выделять моменты совпадения во мнениях. После того, как на третьем этапе проявятся качества, которые другая сторона считает необходимым показать, наступает период, когда следует выявить его другие, «невыясненные» черты.

На четвертом этапе процедуры медиации (в кокусе) медиатор создает такой тон диалога, который обеспечивается принципами «инициативы» (который заключается в том, что, не ожидая сообщений от своего собеседника, другая сторона должна продемонстрировать готовность начать рассказывать о себе, о способах решения проблемы) и «эквивалентности» (каждая сторона должны сообщать о себе столько же и в той же мере, сколько сообщает о себе собеседник). К концу четвертого этапа общения положительные качества собеседника фиксируются, отрицательные будут иметь тенденцию к систематическому проявлению, с чем нужно считаться.

К пятому этапу медиации, получившему название «Дискуссия конфликтующих сторон по выработке предложений», отношения сторон становятся достаточно ясными и определенными. Подстраиваясь под качества партнера, сторона тем самым управляет его поведением и закрепляет те качества, которые обеспечивают эффективное взаимодействие. При этом они начинают действовать по принципу «общей судьбы». Он заключается в констатации того, что сама по себе длительность обмена мыслями, информацией, эмоциями на протяжении предшествующих этапов создает общий продукт деятельности, обладателем которого являются оба партнера. Это способствует сближению и облегчает сторонам психологическое воздействие. Тактика на данном этапе медиации общения сводится к ведению равноправного диалога. Можно использовать все, что будет способствовать снятию опасений собеседника за уступки, на которые он пойдет по просьбе другой стороны. Общение здесь направлено на поощрение стремления партнера к взаимодействию. Используется прием «Подчеркивание и утверждение

образовавшейся совместимости», когда партнер имеет достаточно четкую установку на то, что какие-то совместные действия возможны только при наличии исходной совместимости, следует подчеркивать, что она уже образовалась и проявилась к данному моменту. Только теперь каждая сторона может услышать от другой предложения по разрешению спора, основанные на достигнутом доверии.

Основным результатом пятого этапа является понимание не только качеств партнера, но также мотивов и причин его действий. Кроме того, в ходе общения стороны способствуют формированию различных психологических состояний, которые облегчают контакт; прежде всего, комфортности, защищенности, которые происходят от внутренней уверенности в помощи при решении проблем. Все это сопровождается уверенностью собеседника в правильности принятого решения, так как оно было выработано совместно.

На следующих этапах процедуры медиации стороны вырабатывают те общие принципы взаимодействия, которые помогут им в дальнейшем сотрудничать, добровольно и добросовестно исполнять медиативное соглашение [2]. Использование юридико-психологических знаний при разрешении правовых конфликтов способно значительно улучшить качество переговоров, в частности переговоров с участием третьей, нейтральной стороны – медиатора.

Список литературы

1. *Письмо Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации» (вместе с «Рекомендациями по организации служб школьной медиации в образовательных организациях», утв. Минобрнауки России 18.11.2013 № ВК-54/07вн) // Официальные документы в образовании». 2014. № 2.*

2. *Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» [Электронный ресурс]. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_ple№um /110097.html (дата обращения: 26.04.2015).*

3. *Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого*

наступает уголовная ответственность» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4557.

4. *Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=148723;req=doc>*

5. *Филонов Л.Б. Психологические аспекты установления контактов между людьми: методика контактного взаимодействия. Пущино: Изд-во НЦБИ АН СССР, 1982.*

Бенедиктов Н. А.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ОТРАЖЕНИЕ В ПРАВЕ

Отличие русского государства и русского правосознания от западного связано, прежде всего, с тем, что русское государство идеократично. Это означает, что жесткий ствол исполнительной власти опирается на второй ствол – народо-властия, а последний, в свою очередь, на аксиологический ствол, т.е. систему ценностей. Русское правосознание прямо продиктовано русской системой ценностей и работает в силу своей аксиологичности.

Ключевые слова: правосознание; менталитет; система ценностей; идеократичное государство.

Реалии современной нашей государственности вынуждают многих думать об особенностях российского государства вообще, поскольку прямой перенос зарубежного опыта на нашу почву явно обозначил серьезные отклонения от якобы гарантированных историей других стран результатов. Серьезный анализ мирового опыта выявил бесконечное разнообразие типов государственности. Эти сравнения явно указывают на необходимость учета особенностей нашего собственного национального государства.

А.С. Пушкин не зря писал, что «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой», «история ее требует другой мысли, другой формулы».

Но есть еще и другие примеры. Часто и вполне справедливо указывают на успехи в самых разных сферах стран Восточной Азии. Больше других упоминаются в 80-90-е гг. XX в. – Япония, теперь – Китай. Все чаще находятся горячие головы, считающие, что мы должны «перенимать» «передовой» опыт на этот раз с Востока.

Китай отмечен, по выражению гениального русского философа XIX в. К.Н. Леонтьева, свирепой государственностью. Китайцы весьма дисциплинированы и законопослушны. В XX веке известен случай, поразивший мир и подчеркнувший китайскую законопослуш-

ность. Китайское руководство при Мао Цзе Дуне решило уничтожить воробьев, поскольку они-де поедали урожай. По приказу в один день и час все население Китая вышло на борьбу с воробьями. В них стреляли, кидали камнями, кричали, шумели. Главная задача состояла в том, чтобы не давать воробьям отдохнуть, ибо воробьи больше трех часов не летают. Китай громыхал три часа с запасом, после чего воробьев собрали руками и бульдозерами с земли, погрузили в грузовики и отвезли на свалку. Воробьев не стало. Это потом стало ясно, что урожай больше едят вредители-насекомые, которых поедали воробьи. Птиц закупали за границей, завозили в том числе из СССР. В данном случае это пример неумного приказа, но какой другой народ мог бы его выполнить?!

Дальние последствия принимаемых решений не всегда учитываются в китайской практике. Это прямо связано с тысячелетним господством конфуцианской идеологии (в этом случае неважно, кто воплотил в себя влияние: Китай – дух конфуцианства или великий китаец выразил китайский дух и усилил его особенности). Как известно, Конфуций не любил рассуждений о богах, загробной жизни, сотворении мира, всяческих потусторонних материях, не претендовал на сверхъестественные способности. Постоянная мысль Конфуция состояла в том, что человек должен научиться служить людям: если мы не умеем служить людям, то как мы можем служить духам? Человек ведь потому и человек, что сознает себя живущим среди людей. Государство же есть правило и традиция, а не цель, и эти правила видимые и простые.

Наследие Конфуция ощущается и в современных реформах. Ведь целью реформ сформулирован конфуцианский принцип благоденствия народа (сяокан), основанный на упорядоченном уюте и доверии между верхами и низами. Далекie цели и смысл жизни для китайского сознания были чем-то вроде духов и сверхъестественного мира для Конфуция – не очень значимы и в реальной жизни второстепенны. Китай самостоятельно не очень-то философствовал и не развивал богословия и священного писания.

Интересно, что подобного же сорта прагматизм сегодня проявляется и в Японии в ситуации с аварией в Фукусиме. Профессор, доктор технических наук, заместитель директора Всесоюзного НИИ атомного машиностроения И.Н. Острецов, описывая свои впечатления от японской аварии, подчеркнул удивительно недальновидную позицию японского государства. Почему построили

(и разрешили строить) атомную станцию на берегу океана в густонаселенном районе? Ведь на противоположном берегу острова на берегу пролива пустынно и там не бывает цунами. В ответ – невыгодно, потому что далеко тянуть линию электропередач. Почему, когда отказало электричество и работал аварийный дизель, рассчитанный на 8-часовую работу, не подвезли еще дизель или не подвели электричество, хотя технически это ерундовое мероприятие? У фирмы не было средств. Почему заливали станцию морской водой, а не пресной из танкеров? Технически – ерунда, а усугубили ситуацию. У фирмы не было средств. И т.д., и т.п. Государство устранилось, хотя в зоне аварии живут десятки миллионов людей, можно прикинуть последствия для государства, ситуация ухудшается, – по мнению И.Н. Острецова, «бред собачий»! Ползучий эмпиризм в данном случае косвенно напоминает о том же китайском феномене – в Японии не было собственного богословия и дальнейшие последствия и общий смысл казались также второстепенными и не очень значимыми.

На Западе мы встречаемся с похожей ситуацией. Римляне – законопослушны, прагматичны, их философия – отблеск греков и этрусков, а богословие – еще и евреев. В римской традиции подчеркивались законы, правила, а не цель и смысл, достигаемые с их помощью. Поэтому доблестью нередко казалось то, что русскому казалось дурью. «Пусть погибнет весь мир, но будет выполнен закон» – римский принцип. Если погибнет мир, то к чему законы?! И правильны ли они, если могут вести к гибели мир?»

В истории Рима часто выпячивали один случай. Когда войско бежало с поля боя, то его подвергали децимации, т.е. казнили каждого десятого. Счет попал на геройски сражавшегося воина. И в неудобном молчании герой сам жертвенно положил голову под топор. Вот и скажите: зачем? Не правильнее ли простить виновного, нежели казнить невинного?!

Эта же римская идея проросла в католичестве. Икон в католицизме нет, богослужение идет на неизвестной народу латыни, народ неграмотен и библию читать запрещено, – откуда появится вера?! Народ надо заставить подчиняться силой, паства – быдло и звероподобна, а начальство знает, как сломить волю и выполнить закон. О смысле и понятном народу богословию даже заговаривать тысячи лет считалось ересью, неприличием и даже преступлением.

Эта же идея проросла и в протестантизме (см. диссертацию И.Н. Страгородского, будущего патриарха Сергия). В законопослуш-

ной Англии закон звучит с большой буквы, и только. Дж. Оруэлл в своем описании английского народа отмечает: «Массы и по сей день в той или иной степени склонны считать, что «противозаконно» есть синоним «плохо». Известно, что уголовное законодательство сурово и полно нелепостей, а судебные тяжбы столь дороги, что богатый всегда получает в них преимущество над бедным, однако существует общее мнение, что закон, каков он ни есть, будет скрупулезно соблюдаться, судьи неподкупны и никто не будет наказан иначе, нежели по приговору суда, иными словами, у англичан действует вера в закон» [1].

Легко заметить, что русские в массе своей незаконопослушны,

В этом есть постоянная русская черта – законы, правила должны быть подчинены смыслу и цели. Как известно, первый митрополит из русских Илларион в своем поучении о законе и благодати подчеркивал подчиненное, второстепенное значение закона по отношению к благодати. Выше права – справедливость, выше справедливости – милость и прощение, а выше милости, прощения и жалости – благодать любви. В этом смысл христианского учения, и не держись устава-закона как слепой стены, но двигайся по лестнице к благодати-любви, а приближение к цели даст правильное понимание закона, порядка и государства. В этом же русле шли размышления В. Ленина о высшем законе – революции как ступени к коммунизму, т.е. к общезжитию, построенному на уважении, дружбе и любви.

Сегодня попытки построить государство в России вроде «ночного сторожа» явно не удались. Более того, осознание проблемы дошло до провозглашаемой необходимости выработать национальную идею. И уж совершенно неотложным и неоспоримым является необходимость идейной регуляции государства под давлением национальным и религиозным.

Понимание и построение российского государства подразумевает понимание констант, сопровождающих и проникающих любое русское государство с его появления и до сего времени. Об этих константах писали почти все, занимавшиеся особенностями русского государства, причем принадлежавшие к различным идеологическим течениям (Алкснис, Полосин, Хасбулатов, Константинов и проч.)

Бросалось в глаза, что русское государство строилось на трех взаимосвязанных и взаимоподчиненных стволах-структурах. Первый ствол, лежащий на поверхности и бросающийся в глаза ствол, включал

в себя весьма жесткую исполнительную власть. При высокой анархичности народа исполнительная власть не могла не быть жесткой (как в книге Н.О. Лосского требование крестьянина: «Надо было в морду дать»). Однако сама по себе жесткость и требовательность власти недостаточна (суровость режима не помогла Колчаку), на самом деле исполнительная власть держится на втором стволе, уже сравнительно с первым сравнительно скрытым, стволе народовластия. Всегда на Руси все широко обсуждали: племенные собрания, вече, земские соборы, общинные (мирские) собрания, дворянские собрания, помещичьи и т.п. В советское время этот ствол выражался в партийных и профсоюзных собраниях, комсомольских собраниях и собраниях трудового коллектива, и т.п. Фактически любое исполнительное государственное решение обязательно и весьма детально обсуждалось на всех уровнях.

Но и этот ствол в свою очередь базировался на третьем и важнейшем стволе русской жизни – аксиологическом или идеологическом. Он наиболее спрятан в тень, однако именно он и составляет тот своего рода консенсус, позволяющий русскому народу быстро собираться в единое целое. Именно эта черта русского народа всегда очень впечатляла и удивляла Бисмарка. Речь идет по сути дела о том, что именно идейное или аксиологическое единство обеспечивало крепость русского государства. Если размывалось это единство, то происходил «апокалипсис нашего времени», по словам Розанова, т.е. государство с невероятной скоростью и внешне без видимых причин распадалось. Размылось православие, и императорская Русь и самодержавное государство в считанные дни на фоне предшествующих военных успехов развалилось. Размылась коммунистическая идеология, и в считанные дни сверхдержава СССР прекратила свое существование.

Сбор же державы происходит в обратном порядке: сначала единство ценностей, идейная целостность, а затем очень быстро восстанавливаются и другие стволы русского государства. Так было в Смутное время, так было в 1917-1920 годах, похожие процессы происходят и сейчас. И главная задача построения современного государства – идеократическая.

Сравнивая нас с Западом и Востоком, легко заметить, что русские в массе своей, например, незаконопослушны (воробьи, в отличие от Китая, в России могут чувствовать себя свободнее и значительно безопаснее). В чем же наша особенность, если мы склонны к философским отвлеченным рассуждениям, закон для нас, что дышло? Давайте вспомним, что монах не может брать в руки оружие, но

Сергий Радонежский в свое время послал Пересвета и Ослябю на бой, и никто и никогда не осудил его за нарушение правил (законов). В этом есть постоянная русская черта – законы, правила должны быть подчинены смыслу и цели.

Сегодня попытки построить государство в России вроде «ночного сторожа» явно не удались. Более того, осознание проблемы дошло до провозглашаемой необходимости выработать национальную идею. И уж совершенно неотложным и неоспоримым является необходимость идейной регуляции государства под давлением национальным и религиозным. Русский народ всегда и во все эпохи вырабатывал одну и ту же схему управления государством, которое можно назвать идеократическим. Об этом писали такие идеологически различные люди, как Алкснис и Константинов, Хасбулатов и митрополит Иоанн. Всегда в России управление включало в себя три взаимосвязанных ствола-принципа: исполнительную власть, народоправство (народовластие) и систему святынь. Исполнительная власть внешне наиболее бросается в глаза, и она всегда достаточно жесткая (иначе анархически-свободолюбивый народ не подчинишь). Но она будет делать только то, что обсуждено и согласовано в другом стволе – народовластия. Этот ствол был в России всегда: вече и народные собрания, мирские сходы, земские соборы, дворянские собрания, партийные и профсоюзные собрания и т.п. Обсуждалось все, и здесь же вырабатывались все решения. Однако душой и сердцевиной всего являлся третий ствол – ценностей. Если здесь была ясность и единство народа, тогда была основа для обсуждения и решения. Если же здесь не было пресловутого «консенсуса», то наступали смутные времена.

В этом корень катастрофичности русской истории. Система ценностей и есть то, что объединяет народ. Если она размывается, то внешне государство может сохраняться. Однако сотрясения грядут, и мощное государство вдруг рассеивается как дым. Рассыпается как картонный домик. Так было в феврале 1917-го, так было в 1991-м. В. Розанов в своем «Апокалипсисе нашего времени» удивлялся именно этому обстоятельству, т.е. тому, что мощная империя «слиняла» за два дня. Нашим современникам это напоминает 1991 год. Однако и собирается Россия столь же внешне неожиданно быстро. Россия – страна идеократическая, и это лишь современный аналог-заменитель слов «Святая Русь». Без системы святынь мы не сможем жить. И сегодня идет скрытый процесс восстановления системы святынь, ценностей и связи времен и поколений. Может возникнуть вопрос: не слишком ли усложнена

конструкция? Может быть, лучше без идейного ствола? Вроде бы проще. Однако современная ситуация показывает, что без этого невозможно обойтись ни нам, ни другим государствам. Появился мощнейший фактор, требующий именно этого – идеологического подхода – и в построении государства

Список литературы

1. Дж. Оруэлл. Англичане. // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь. КАПИК. 1992. Т. II. С.199.

*Бобрынин Н. Б.,
кандидат технических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Статья посвящена организационным и информационным возможностям курса «Информационных технологий» для информационной поддержки специальных дисциплин на основе конструктивистского подхода.

Ключевые слова: активные методы обучения; конструктивистский подход; «пирамида обучения» Б. Блума; «конус опыта» Э. Дейла; информационные технологии.

В основу преподавания курса «Информационных технологий» положен деятельностный конструктивистский подход [1; 2]. Такое решение организации учебного процесса позволяет создать общими усилиями преподавателя и обучаемых наглядно-образных представлений как по курсу, так и по отдельным темам.

Глобальной характеристикой нынешнего поколения учеников является общая тенденция к более раннему развитию. Например, не секрет, что большинство детей нашего времени гораздо легче осваивают информационные и цифровые технологии, чем предшествующее поколение. Российская школа пока еще не хочет замечать тенденцию к более раннему развитию детей. В колледжах даже искусственно содействует некоторой инфантильности обучаемых (особенно в колледжах), часто в обиходе, называя их «дети». Отчасти это следствие некоторой авторитарности, еще присущей нашей школе, снисходительности к личности обучаемого, неумения воспитать в нем такие качества, как ответственность за сделанное и собственное достоинство.

Достаточно резкое изменение информационного обеспечения дисциплин привело к тому, что стало практически общепризнанным, что лекции-монологи преподавателя (пусть и с использованием презентационных средств) как основной способ подачи информации ус-

тарели и в значительной мере исчезает мотивация учащихся к уче- нию, образованию и самообразованию. Это явилось одной из причин разработки новых стандартов (ФГОС ВПО), в соответствие с кото- рыми самостоятельная работа занимает основную часть времени, от- веденного для изучения любой дисциплины.

Это не означает, что необходимо отказаться от объяснительных и репродуктивных методов, к которым относятся лекции, беседы, доклады, семинары. Но стоит принять во внимание, что в системе высшего образования эти методы превалируют, в то время как в но- вых ФГОС акцент смещен в сторону поисково-исследовательских, активных и интерактивных методов и форм организации обучения. Игровые, диалоговые, проектные методы и формы обучения, осно- ванные в контексте будущей профессиональной деятельности, позво- ляют преодолеть одно из основных противоречий профессионального образования: формы организации учебно-познавательной деятельно- сти неадекватны формам профессиональной деятельности будущих специалистов [3].

Учебная программа курса построена по принципу от общего к частному с акцентом на обобщенных понятиях и умениях. Ее харак- теризует гибкость процесса обучения с возможностью варьирования учебной программы.

В настоящее время учебник не является доминирующим источ- ником учебной информации; приоритет переходит к оригинальным источникам, к первичным данным, к объектам и явлениям реальной действительности. Студент стал полноправным участником процесса обучения со своими собственными взглядами и представлениями об окружающем мире, иными словами, еще раз подтверждается тезис, что преподаватель должен помочь научиться, а не навязывать и по- давлять своим авторитетом.

Преподаватель выступает прежде всего как организатор учебно- познавательной и исследовательской деятельности учащихся, не на- вязывая им свои знания и убеждения. Он должен ценить самостоя- тельные, пусть не всегда корректные рассуждения обучаемых, умные вопросы, сознательно исправленные ими ошибки. При организации учебного- воспитательного процесса оцениваются все продукты учебно-познавательной деятельности студентов, показывающие не только результаты обучения, но и усилия, приложенные обучаемыми к конструированию нового знания, и его прогресс в обучении. Кон- троль и оценка осуществляются в тесной связи с тем, как реально

протекал процесс обучения, что отражается в рейтинговых ведомостях.

Студенты большую часть времени как на занятиях (при защите своих выступлений), так и при выполнении домашних заданий работают в малых группах, командах или парах. Это позволяет увидеть основу успешности студента (а значит, и собственной педагогической работы) не только в навыках, в «знаниях по предмету», а прежде всего, в обретении нравственной основы, без которой все: политика, экономика, культура – обречено на разрушение.

Информационные технологии дают возможность обучаемым самостоятельно, на основании уже имеющихся знаний конструировать новое знание и представить его коллегам.

Преподаватели всех предметов должны включать в каждое семинарско-практическое занятие ненавязчиво, без менторства и поучительства нравственную составляющую, которую так же, как и знаниевую, надо планировать. Пример – повальное списывание рефератов из Интернета и, как поощрение преподавателем, – акцентирование на авторском материале. Что касается использования интернет-материалов путем простого копирования (плагиата), следует отметить, что по некоторым предметам становится странной практикой требование представлять материалы письменных работ (рефератов, докладов, сообщений, курсовых) в рукописном виде, хотя имеются и программно-технические способы определения авторства.

Концептуальные основы того, что сейчас называют «активным обучением», были сформулированы еще в начале XX века американским философом и педагогом Джоном Дьюи (John Dewey). Он утверждал, что традиционной системе образования, основанной на приобретении и усвоении знаний, нужно противопоставить обучение «путем делания», чтобы новые знания извлекались человеком из практической деятельности и личного опыта. В 1950–1960 гг. подобные идеи активно развивались. В результате оформились две концепции: «пирамида обучения Бенджамина Самюэля Блума» (learning pyramid) и «конус опыта Эдгара Дейла» (Dale's cone of experience).

В рамках образовательной технологии Б. Блумом [1] в 1956 г. была создана первая таксономия педагогических целей. При этом Б. Блум и Д. Кратвиль разделили цели образования на три области: когнитивную (требования к освоению содержания предмета), психомоторную (развитие двигательной, нервно-мышечной деятельности)

и аффективную (эмоционально-ценностная область, отношение к изучаемому). Остановимся на первой области.

Таксономия (от греч. taxis – расположение, строй, порядок и nomos – закон) – теория классификации и систематизации сложно организованных областей действительности, обычно имеющих иерархическое строение (органический мир, математика, информатика, объекты географии, геологии, языкознания, этнографии и т.д.).

Таксономия Б. Блума неоднократно подвергалась критике различными учеными, поскольку в ней происходит смешение конкретных результатов обучения (знание, понимание, применение) с мыслительными операциями, необходимыми для их достижения (анализ, синтез, оценка).

Рис.1

«Конус опыта» (рис.1) американского педагога Эдгара Дейла (Edgar Dale) наглядно иллюстрирует, каких разных образовательных результатов можно добиться, используя различные средства или «носители» (media) содержания обучения. Приведенная версия «конуса» относится к более поздним публикациям.

В зарубежной практике исследования, проведенные в 80-х годах Национальным тренинговым центром (США, штат Мэриленд), показали, что интерактивные методы позволяют резко увеличить процент усвоения материала. Результаты исследования Центра были выражены в таблице, получившей название «Пирамида обучения» [4]. В основе «Пирамиды обучения» лежат более ранние исследования про-

фессора Эдгарда Дейла (1900-1985), создавшего «пирамиду Дейла» или «Dale's cone of experience» (известную как конус Дейла) [5].

«Пирамида обучения» показывает, что наименьший процент усвоения имеют пассивные методики (лекция – 5%; чтение – 10%), а наибольший – интерактивные (дискуссионные группы – 50%, практика через действие – 75%, обучение других или немедленное применение – 90%).

Приоритет активных и интерактивных методов также хорошо иллюстрирует так называемая «таксономия (пирамида) Блума» – таблица уровней и целей обучения и развития познавательных навыков, разработанная группой американских психологов и педагогов под руководством профессора Чикагского университета Бенджамина Блума и опубликованная в 1956 г. Термин «таксономия» означает систематизацию объектов по определенным критериям с целью создания последовательности (иерархии). Блум предложил иерархию учебных целей по их сложности. До сих пор таксономия Блума остается одной из самых популярных систематизаций учебных целей [6]. В своих исследованиях Б. Блум обращал внимание на то, что каждому обучающемуся, в зависимости от индивидуальных психологических особенностей обучаемого, необходимо свое время для освоения материала и свои индивидуальные педагогические подходы.

В течение нескольких лет при изучении «Информационных систем (технологий) в профессиональной деятельности» и «Статистики» на ФНО и ФЗО Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия использовался метод активного самостоятельного исследования с использованием всех доступных источников информации. По каждой теме курса на аудиторном занятии студентам представлялась обзорная лекция-презентация. Студентам предлагалось подготовить несколько (5 работ в семестре) самостоятельных исследований в соответствии с разработанной и утвержденной на кафедре тематикой, охватывающей весь тематический план курсов. При подготовке к следующему занятию студенты должны были подготовить презентацию, раскрывающую с той или иной степенью полноты выбранный раздел темы.

Подготовленный материал студенты по электронной почте представляли преподавателю на рассмотрение и рецензирование. На очередном аудиторном занятии студент, при положительном отзыве преподавателя, докладывал о выбранной теме и показывал группе свою презентацию. На занятии поощряется конструктивная, добро-

желательная критика и предложения по улучшению работы. Занятия проходят активно, выступления, в т.ч. и критические, поощряются. Более того, подготовленные в виде презентаций работы студентов позволяют в определенной степени выделить приверженцев дивергентного и конвергентного мышления [7], хотя на это в определенной степени влияет и выбранная тема исследования.

Это проявлялось в том, что при дивергентном мышлении студенты в своих работах оказывались более свободны внутренне, показывали связи выбранной темы с другими темами курса и иных дисциплин. На первый взгляд работа выглядела несколько легковесной, но за счет расширения темы позволяла увидеть вопрос (поставленную проблему) более объемно и гибко. В качестве примера такого рассмотрения вопроса можно привести исследование некоторыми студентами тем «Электронное правительство» и «Электронный гражданин». Темы эти весьма актуальны в связи с бурным развитием этих направлений.

Использование рекомендованного преподавателем обзора ООН с рейтингом электронных правительств позволило студенту-автору выбрать для рассмотрения одну из передовых стран – Королевство Норвегия – и в соответствии с профилем обучения – выбрать вопросы организации социальной защиты населения этой страны. Рассмотрение нормативной базы этой деятельности позволило автору исследования выявить существенные отличия от российского законодательства, особенно в части элементов ювенальной юстиции. Кстати, на это же было обращено внимание Президентом РФ на форуме Общероссийского народного фронта «Качественное образование во имя страны» [8].

Таким образом, грамотное использование информационных технологий поиска, отбора, автоматического перевода иноязычной информации, поиска аналогичной информации в отечественных СПС, сопоставление и анализ информации позволили автору исследования подготовить материал для выступления по выбранной теме. Преподаватель акцентировал внимание студентов на технике работы с компьютером, Интернетом и поисковыми системами. Это же выступление может быть использовано и на соответствующих юридических дисциплинах с акцентом на проведение сравнительного анализа нормативных актов.

Иные студенты в качестве страны-исследования выбирали представителей других региональных лидеров в части электронных пра-

вительств: Южной Кореи, Австралии, Франции, ОАЭ и др. Естественно, что работы отличались как по широте охвата проблемы, так и по особенностям господствующей религии, обычаям и проч.

Те же, кто был склонен к конвергентному мышлению, показывали работы, содержащие аналитические рассуждения, определенную зажатость, большую глубину суждений в ущерб общему кругозору. Оценка информации проводится достаточно скрупулезно и систематически, с жестким отбором аргументов. Здесь примером может служить тема «Фемида без повязки на глазах» – возможно ли это?

Традиционное представление о Фемиде заключается в ее изображении в виде величественной женщины с повязкой на глазах, что символизирует беспристрастие, с весами и мечом. Однако, если мы обратимся к статуе Фемиды, помещенной на фасаде здания **Верховного суда России**, то она окажется без повязки на глазах. Почему, только ли в России такое возможно, что означают иные атрибуты скульптурной композиции, для чего и где они используются еще – этим вопросам первоначально и была посвящена тема исследования.

В процессе работы над темой студенты опосредованно коснулись вопросов происхождения права как научной категории, его развития в историческом аспекте и даже в территориальном, вопросы эволюции не только символов, но и терминов, понятий. Использование современных информационных технологий позволили авторам собрать богатый фактический, нормативный и иллюстративный материал от античности до нашего времени, который был проанализирован, обобщен и представлен на рассмотрение так же в виде презентации. И если в первом приведенном примере исследование проводилось в основном «вширь», то второй пример показателен именно глубиной проработки материала.

Определенные затруднения вызывала тема по «фрилансерам», степени использования юридических знаний в этой сфере трудовой деятельности, особенностей налогообложения, пенсионного обеспечения и проч. Темы, связанные с социальными сетями, тоже вызвали у студентов немало вопросов о правовом обеспечении этого современного феномена, возможностям и классификации преступной деятельности в этой сфере, а также борьбой с преступностью.

Таким образом проводимый педагогический эксперимент позволил приблизиться к реализации практически всех уровней таксономии Б. Блума и «конуса опыта» Э. Дейла для активизации обучения и

улучшения информационной поддержки преподавания юридических дисциплин.

Список литературы

1. Буланова-Топоркова М.В., Духавнева А.В., Кукушкин В.С., Сучков Г.В. Педагогические технологии: учеб. пособие. М.: МарТ; Ростов н/Д: МарТ, 2004. 336 с.

2. *Девять основных моделей оценки эффективности обучения* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=111&pub=965> (дата обращения: 05.09.2014).

3. *Вербицкий А.А., Бакшаева Н.А.* Развитие мотивации студентов в контекстном обучении. М.: Высшая школа, 2000. 201 с.

4. *Профессиональные навыки юриста. Опыт практического обучения* / Воскобитова Л.А., Гутников А.Б., Захаров В.В., Ливи М., и др.; отв. ред.: Воскобитова Л.А., Михайлова Л.П., Шугрина Е.С. М.: Дело, 2001. 416 с.

5. <http://pedagogland.ru/theory.html>

6. *Чошанов М.А.* Обзор таксономии учебных целей в педагогике США // Педагогика. 2000. №4. С. 86–91.

7. *Грудзинская Е.Ю., Марико В.В.* Активные методы обучения в высшей школе: уч-метод. материалы по программе повышения квалификации «Современные педагогические и информационные технологии». Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2007. 182 с.

8. *UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unpan.org/e-government/UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY 2014> (дата обращения: 03.03.2015).

*Вакуленко Р. Я.,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

*Медведева Е. А.,
студент 2 курса
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье предпринята попытка структурировать состояние экономической безопасности Российской Федерации по элементам. Рассмотрены отдельные виды угроз, предложены пути их нейтрализации.

Ключевые слова: экономическая безопасность; закон «О безопасности»; устойчивое национальное хозяйство; объем инвестиций.

Происходящие в последнее время существенные изменения в международной обстановке требуют разработки и внедрения новых подходов к оценке состояния экономической, политической и военной безопасности Российской Федерации. Их актуальность обусловлена обстоятельствами внешнего и внутреннего характера.

Во-первых, очевидно стремление некоторых государств, среди которых ведущую роль играют Соединенные штаты Америки, усилить свое военное и политическое превосходство над остальными странами мира за счет использования для достижения своих политических интересов экономических рычагов давления на них.

Во-вторых, все большее значение приобретает проблема соблюдения баланса между позитивными и негативными сторонами глобализации, рассматриваемая с точки зрения обеспечения обороноспособности России.

Таким образом, в настоящее время одной из главных задач, стоящих перед нашей страной, является достижение такого уровня экономической безопасности, который гарантировал бы, с одной стороны, активное участие в международном разделении труда

в условиях глобализации мировой экономики, с другой – обеспечивал стабильность внутривнутриполитической ситуации в России и сохранение ее национального суверенитета.

В законе Российской Федерации «О безопасности» приводится следующее определение понятия: «национальная безопасность» – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». В свою очередь, «жизненно важные интересы» понимаются как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства» [5]. Следовательно, экономическая безопасность является неотъемлемой составляющей национальной безопасности и может быть представлена как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее поступательное развитие общества, его экономическую и социально-политическую стабильность, несмотря на воздействие неблагоприятных внутренних и внешних факторов [6].

Первостепенно экономическая безопасность государства характеризуется состоянием социально-экономических отношений и его производительных сил, структурой внешнеэкономических связей, а также объемами внедрения в хозяйство страны инноваций и достижений научно-технического прогресса. Исходя из данного утверждения, материальную основу экономической безопасности государства составляют, в первую очередь, развитые производительные силы, способные обеспечить как потребности граждан, так и расширенное воспроизводство за счет собственного внутреннего продукта. Налицо зависимость экономической безопасности государства от устойчивости его экономики и ее способности к развитию, причем последнее является одним из «краеугольных камней» экономической безопасности. Возможности противостояния негативному воздействию на государство внешних и внутренних факторов резко ограничены, если его экономика не развивается.

Устойчивость национальной экономики как единой системы характеризуется прочностью и надежностью всех составляющих ее элементов, развитием связей между ними, способностью выдерживать внутренние и внешние нагрузки. «Основными факторами, характеризующими состояние экономической безопасности страны, являются ее географическое положение, качество государственного руководства, степень социально-демографического развития общест-

ва, сельскохозяйственный и промышленный потенциал, наличие запасов природных ресурсов» [4].

По мнению Д. Гордиенко, составными структурными элементами экономической безопасности государства являются: технологическая, технико-производственная, валютно-кредитная, сырьевая, энергетическая, экологическая, информационная и экологическая составляющие [1].

Технологическая составляющая определяется состоянием научно-технического потенциала страны, гарантирующим конкурентоспособность произведенных внутри нее товаров и услуг на внешних рынках высокотехнологичной (наукоемкой) продукции, и способность самостоятельной разработки инновационных технологических решений, лежащих в основе создания конкурентоспособной продукции гражданского и оборонного назначения.

Технико-производственная составляющая – способность национального хозяйства страны оперативно и в полном объеме компенсировать негативные последствия нарушения внешнеэкономических связей либо внутренних социально-экономических потрясений, гарантировать в данных условиях расширенное воспроизводство, удовлетворение потребностей общества. По нашему мнению, наибольшую угрозу для экономической безопасности государства представляет его зависимость от внешних поставок. В случае обострения внешнеполитических противоречий такая зависимость может привести к возникновению существенных затруднений в экономике страны и даже к потере экономической самостоятельности. В России диапазон значений отношения объема импорта к ВВП варьируется от 20 до 30%, а по отдельным видам продукции (например, сельскохозяйственной) – до 70%.

Валютно-кредитная составляющая – это способность государства проводить внешние и внутренние заимствования финансовых ресурсов в интересах развития экономики и рассчитывать по ним, сохраняя при этом устойчивое функционирование своей валютно-финансовой системы, в том числе – в неблагоприятных экономических условиях. Каждая страна по-своему определяет эту способность, однако существуют общепризнанные оптимальные соотношения, позволяющие получить от заимствований максимальный эффект:

– общий объем инвестиций должен лежать в пределах 20–25% от размера валового внутреннего продукта;

- объем внешних (иностраннных) инвестиций должен быть не менее 15–17% от размеров внутренних;
- степень износа основных фондов не должна превышать 30–35%.

Исходя из этого, для удвоения ВВП России необходимо обеспечить устойчивый приток значительных объемов инвестиций (не менее 1,11 трлн долларов, в том числе прямых иностранных инвестиций – не менее 170 млрд долларов), что весьма проблематично в условиях действия введенных против страны экономических санкций.

Продовольственная и сырьевая составляющие экономической безопасности предполагают обеспечение страны продовольствием и сырьем в размерах, необходимых для эффективного функционирования ее национального хозяйства. При этом обеспеченность продовольствием населения страны, по нашему мнению, также является одним из важнейших факторов экономической безопасности государства. И именно здесь состояние экономической безопасности России наиболее уязвимо. Наша страна до сих пор не достигла советского уровня обеспеченности граждан продовольствием за счет собственного внутреннего производства. Так, до введения в отношении России экономических санкций, более 70% продовольственной продукции поступали в страну из стран Евросоюза, США и Канады.

Энергетическая составляющая экономической безопасности характеризует способность национальной экономики к адаптации в случае изменения мировых цен на энергоносители и поддержание при этом на необходимом уровне объемов внутреннего потребления энергоресурсов. По данной позиции наиболее проблемным вопросом для России остается диверсификация структуры ее экспорта, снижение зависимости от поставок за рубеж энергоресурсов, а также внедрение в экономику страны энергосберегающих технологий.

Одним из главных приоритетов «Энергетической стратегии России до 2020 года», одобренной правительством страны в августе 2003 г., является повышение энергетической эффективности российской экономики. Согласно стратегии, почти $\frac{3}{4}$ прироста энергопотребления должно обеспечиваться за счет внедрения в экономике энергосберегающих технологий.

Кроме того, энергетическая составляющая экономической безопасности государства должна обеспечивать выявление и нейтрализацию угроз, способных нанести ущерб состоянию и развитию топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Среди таких угроз в России

можно выделить: разрыв в размерах внутренних и мировых цен на энергоносители, изношенности основных фондов и тесно связанное с ней увеличение аварийности на предприятиях ТЭК.

Экологическая составляющая определяет такое состояние национальной экономики, при котором не возникает противоречий между обществом и средой обитания, либо они своевременно устраняются. В данной области приоритетной задачей России является обеспечение сохранности природного потенциала страны при сохранении возможности экономического роста.

Информационная составляющая требует создания такого порядка взаимного обмена производственными, научно-техническими и другими сведениями внутри хозяйственного комплекса государства и с зарубежными партнерами, который гарантировал бы повышение доли нематериальных активов в структуре национального продукта, увеличение доли «ноу-хау» в его конечной стоимости. Страна, обладающая превосходством в области «высоких технологий», силах и средствах информационного противоборства, может обоснованно претендовать на лидерство в мире, иметь стратегическое и экономическое преимущество.

В утвержденной Президентом «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» приоритетными задачами развития национальной экономики определены: обеспечение внутреннего рынка продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии, телекоммуникации и связи, средств информатизации, а также сохранность, накопление и эффективное использование отечественных информационных ресурсов [2].

Таким образом, исследование рассмотренных нами структурных элементов экономической безопасности государства обеспечивает возможность выявления ключевых факторов, способных оказать на нее дестабилизирующее воздействие и существенно повлиять на перспективы существования и развития всего государства в целом.

Несомненно, что обеспечение экономической безопасности представляет собой одну из важнейших функций государственной власти. По поручению президента России разработана «Концепция долгосрочного социально-экономического развития страны на период до 2020 года» [7].

Приоритетной задачей и определяющим стратегическим ориентиром в ней определена задача по восстановлению Россией статуса

мировой экономической державы. Кроме того, целями реализации концепции заявлены: определение путей устойчивого роста благосостояния граждан; укрепление экономической безопасности страны и развитие экономики России; превращение ее в одного из глобальных лидеров мировой экономики с выходом на уровень социально-экономического развития высокоиндустриальных стран. Поставлены задачи: войти к 2020 г. в первую шестерку ведущих стран мира по производству валового внутреннего продукта; достичь уровня благосостояния населения, соответствующего им; обеспечить научное, технологическое и финансовое лидерство России среди ведущих экономик мира.

Для достижения поставленных задач необходимо совершить переход российской экономики от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному, что позволит резко увеличить ее конкурентный потенциал и задействовать новые источники экономического роста. В условиях глобальной конкуренции необходимо в первую очередь обеспечить опережающее развитие тех секторов российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве. Намечены четыре стратегических направления экономического развития:

1 – формирование мощного научно-технологического комплекса, способного обеспечить специализацию России на высокотехнологичных рынках и приобретение ею ведущей роли в данных секторах;

2 – использование глобальных конкурентных преимуществ России в сферах энергетики, транспорта и аграрного сектора;

3 – развитие рыночных отношений, демократии, обеспечение защиты прав и свобод предпринимательства;

4 – структурная диверсификация национальной экономики.

Следует учитывать, что реализация указанных концепций будет происходить в условиях смены в долгосрочной перспективе лидеров мирового экономического роста и выхода на первые роли Китая и Индии, доля которых в объеме роста мирового хозяйства достигнет по разным оценкам до 45–50%. Согласно прогнозам аналитиков, сохранение объемов вложений в НИОКР в указанных странах приведет к 2020 г. к превращению их в лидеров мировой экономики. «Тенденции развития мировой экономики в долгосрочной перспективе создают не только новые возможности, но и формируют новые угрозы состоянию экономической безопасности Российской Федерации.

По нашему мнению, новые возможности будут заключаться в реализации имеющихся стратегических преимуществ ее экономики, прежде всего – в энергетическом, транзитном, экологическом и высокотехнологичном потенциале. В то же время, нестабильность мировых рынков энергоносителей, попытки создания каналов их поставки в Европу и Китай в обход России негативно повлияют на позицию России как одного из ведущих мировых поставщиков энергоносителей. Одновременно с этим, глобализация мировых финансовых рынков может повысить риски утраты российской финансовой системой своей самостоятельности и превращения ее в периферийный сегмент европейских и американских финансовых структур» [3].

Следовательно, повышение уровня экономической безопасности и перспективы экономического развития России в будущем будут определяться как объективными, так и субъективными условиями и факторами развития мирового хозяйства (политическими, экономическими и социальными процессами, происходящими как в нашей стране, так и в различных регионах мира). В этой связи нельзя не отметить формирование новой угрозы экономической безопасности России, возникшей вследствие событий на Украине. Несмотря на то, что введенные против России ведущими странами Запада санкции пока не привели к стагнации российской экономики, они существенно повлияли на структуру потребления, спровоцировали рост инфляции, рост недоверия населения к национальной валюте. Уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что без кардинальной перестройки своей промышленной и экономической стратегии Россия выживет, но рискует надолго остаться в аутсайдерах мирового сообщества.

На основании изложенного можно сформулировать следующий вывод: построение эффективной системы обеспечения экономической безопасности – неотъемлемый вопрос жизни любого государства. Россия не является исключением, ведь она стремится занять достойное место в мировом экономическом и геополитическом пространстве.

Анализ тенденций развития глобальных экономических и хозяйственных связей, мировых интеграционных процессов и воздействия этих факторов на экономические основы национальной безопасности государств мирового сообщества, научно-технических преобразований в экономике позволит своевременно выявить возникающие угрозы, определить способы их локализации и обозначить основные на-

правления обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Гордиенко Д.В. Экономический рост и военное производство // Общество и экономика. 2005. № 9. С.187–207.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // Российская газета. 2000. № 187.

3. Егоршин А.П., Вакуленко Р.Я. Анализ экономических факторов кризиса, влияющих на деятельность реального сектора экономики в России // Вестник Мининского университета. 2013. № 3 (3). С. 3.

4. Егоршин А.П., Коробейников И.О., Вакуленко Р.Я. Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 135–142.

5. Закон Российской Федерации «О безопасности» (в редакции Указа Президента РФ от 24 декабря 1993 года № 2288 и Федерального закона от 25 июля 2002 года № 116-ФЗ). // Закон Российской Федерации «О безопасности». Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности». М.: Изд-во «Ось-89», 2004. 48 с.

6. Концепция экономической безопасности Российской Федерации. Основные положения. М.: Научный совет при Совете безопасности РФ, 1994.

73. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями)» // Собрании законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

*Вакуленко Р. Я.,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

*Морозова Е. С.,
студент 2 курса
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье говорится о государственном регулировании предпринимательской деятельности, дается классификация нормативных правовых актов по их юридической силе, в которых содержатся вопросы правового регулирования предпринимательства. Также выявляются и рассматриваются основные проблемы развития предпринимательства в России и приводятся различные пути их решения.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; государственное регулирование; Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»; средний класс; инвестирование предпринимательства; административные барьеры; интернет-площадки; национальная безопасность.

В связи с последними событиями в мире, а если быть точными, то санкциями против России и запретом на импорт многих видов зарубежной продукции, вопрос о развитии отечественного предпринимательства является одним из самых актуальных в российской экономике на сегодняшний день. В рамках этой проблемы очень важно рассмотреть вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации, выявить достоинства и недостатки российского законодательства в данной сфере, а также предугадать перспективы развития отечественного бизнеса, выявить основные проблемы и найти пути их решения.

Здесь нужно вести отчет от 90-х годов прошлого века, когда сформировалась серьезная потребность в формировании отечественной предпринимательской деятельности в связи с государственными и рыночными преобразованиями. Именно тогда в Российской Федерации в основном сформировался сектор малого предпринимательства, произошло разделение его рынка на различные сферы, региональное распределение.

Но именно в этот период накопилась и масса проблем и противоречий, которые во многом определяют сегодняшнее предпринимательства, его специфику. Многочисленные финансовые кризисы сильно подрывали отечественную экономику и препятствовали созданию института предпринимательской деятельности.

Таким образом, за десять лет предпринимательство в России стало ощутимым явлением в экономике страны, важной составной частью рыночного хозяйства. Предприниматели за эти годы накопили немалый опыт ведения бизнеса. Профессионализм многих предпринимателей и управленцев повысился. В целом произошла сегментация рынков, улучшилось качество и сферы услуг.

Практика показала, что развитие малого и среднего предпринимательства возможно лишь при наличии целенаправленной и активной политики государства в отношении малого и среднего бизнеса, которая исходит из необходимости развития данного сектора экономики и уязвимости малых предприятий по сравнению с крупными, обусловленной самим характером их функционирования. В России власть предприняла определенные шаги по развитию предпринимательства: формируется законодательная база, были приняты программы государственной поддержки малого предпринимательства на федеральном и региональном уровнях. Все большее внимание вопросам развития малого предпринимательства уделяют региональные и муниципальные органы власти. Стала понятна необходимость укрепления системы государственной поддержки малого бизнеса, снижения административных барьеров, совершенствования законодательного обеспечения поддержки предпринимательства на федеральном и региональном уровне. «В то же время предстоит огромная работа по реализации решений, принятых в последние годы, устранения барьеров, стоящих на пути предпринимательства» [20].

Рассмотрим основные аспекты правового регулирования предпринимательства. Государственное регулирование предпринимательской деятельности – это все источники права и практика их примене-

ния, т.е. в сущности, весь механизм правового регулирования предпринимательской деятельности. Как известно, так называемого «Предпринимательского Кодекса» не существует, предпринимательская деятельность в определенной степени регулируется нормами всех отраслей права – как частного, так и публичного. Не стоит забывать и о Федеральном законе от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [9], а также об Указе Президента РФ от 4 апреля 1996 г. «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации» [12].

Законодательство ставит своей задачей обеспечить разумное сочетание частных и публичных интересов. Попробуем выстроить систему источников правового регулирования предпринимательской деятельности.

В первую очередь это общепризнанные нормы международного права и международные договоры РФ. Если между международным договором и российским законодательством возникают противоречия, то применяются положения договора.

Конечно же, следующим источником мы назовем Конституцию РФ, играющую особую роль в регулировании предпринимательской деятельности. В ч. 1 ст. 34 Конституции РФ провозглашается право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

Наиболее общие и фундаментальные положения, касающиеся предпринимательской деятельности, содержатся в Гражданском кодексе РФ. Он содержит понятие предпринимательской деятельности, организационно-правовые формы ее субъектов, правовой режим имущества, кредитно-расчетные отношения и др. Но в ГК РФ предпринимательство регулируется нечетко, нормы разбросаны по всему кодексу.

Также некоторые положения закреплены в Уголовном кодексе и Кодексе об Административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности и мерах принуждения за нарушение данных норм. В этот перечень входят: осуществление предпринимательской деятельности, без государственной регистрации или без лицензии, незаконные организация и проведение азартных игр, незаконная продажа запрещенных законом товаров, нарушение законодательства о рекламе, продажа товаров или оказание услуг ненадлежа-

щего качества, нарушение порядка ценообразования, обман телей, преднамеренное банкротство и др.

В УК РФ VIII раздел посвящен преступлениям в сфере экономики, многие статьи которого направлены на преступления в области предпринимательской деятельности. К ним относятся: мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство и др.

Также многие положения рассматриваются в Налоговом и Трудовом кодексах.

М.В. Блошенко предлагает нам в своей работе также классифицировать и федеральные законы, регулирующие предпринимательскую деятельность, на четыре блока:

1. Федеральные законы, определяющие правовой статус субъектов предпринимательской деятельности (от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[1], от 14.01.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[4], от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2]);

2. Федеральные законы, закрепляющие требования и имущественную основу предпринимательской деятельности (от 06.12.2011 N 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [11], от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6], от 27.12.2002 N 184-ФЗ «О техническом регулировании» [7]);

3. Федеральные законы, предметом которых являются отношения по государственному регулированию отдельных видов предпринимательской деятельности (от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» [8], от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [5]);

4. Федеральные законы, определяющие основные правила осуществления предпринимательской деятельности на рынках (от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3], от 28.12.2009 N 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [10]) [14].

Помимо федерального законодательства, немалую роль в правовом регулировании предпринимательской деятельности играют и нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. «В субъектах РФ приняты специальные законы и направленные на их исполнение подзаконные нормативные правовые акты, действуют ре-

гиональные целевые программы, функционирует инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса, созданы специальные органы исполнительной власти, реализующие государственную политику в данной сфере» [23]. Например, Закон Москвы от 26 ноября 2008 г. № 60 «О поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в городе Москве».

«Также стоит упомянуть об обычае делового оборота, как об особом источнике, регулирующем предпринимательскую деятельность» [20].

«К вспомогательным источникам (с определенной степенью условности) следует отнести постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, которые выступают регуляторами отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности, в совокупности с предусмотренными Гражданским кодексом иными источниками гражданского права» [14].

Законодательство в сфере предпринимательства периодически модернизируется. Но, к сожалению, многие нововведения приносят лишь отрицательный результат. Такой пример нам приводит в своей работе Г.Ф. Ручкина: «Кроме этого, ранее Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» (утратил силу) предусматривал льготное кредитование, а ныне действующий Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» таких льгот для этих субъектов уже не предусматривает, что негативно сказывается на развитии малого и среднего предпринимательства, несмотря на то, что п. 2 ст. 15 указанного Закона относит к инфраструктуре поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства фонды содействия кредитованию» [29].

По результатам анализа многих научных трудов можно сделать вывод о том, какие же основные проблемы в области предпринимательской деятельности не учтены в законодательстве, существуют на практике, и как их можно было бы решить.

Самой главной и основной проблемой мы считаем недостаточную поддержку российского государства по отношению к малому и среднему предпринимательству. Она есть, но практика показывает, что этих мер недостаточно. Но прежде попробуем выяснить – почему же так важно развитие малого и среднего предпринимательства в России?

«Именно малый и средний бизнес служат опорой существования среднего класса в государстве. Средний класс является основой правового государства с развитым гражданским обществом. Именно к такому идеалу и стремится Россия, но пока государство не начнет оказывать еще более существенную поддержку малому и среднему предпринимательству – его не достигнуть» [21].

В настоящее время очень важен фактор развития среднего класса как повышения экономической безопасности страны. Малый бизнес не требует особо крупных финансовых вложений, трудовых и материальных ресурсов, поэтому он должен быть доступен для широкой массы населения.

«Отсутствие четкого механизма реализации государственных мер по поддержке малого бизнеса, затруднения в получении кредитов, производственных помещений и материальных ресурсов поставили малые предприятия в неравное положение с крупными. Это привело к сокращению их роста и к ориентации преимущественно на торгово-закупочную и посредническую деятельность» [25].

Как самостоятельное социально-экономическое явление, малое предпринимательство в России существует уже более 20 лет. «В научной литературе в числе причин, сдерживающих рост количества субъектов малого и среднего предпринимательства, уже традиционно называются несовершенство законодательства, налогообложения и финансово-кредитных механизмов, а также административные барьеры, в том числе коррупция» [24].

На примере Республики Коми, приведенного в статье Ж.Б. Ивановой и Е.Ф. Касперских, рассмотрим другие проблемы предпринимательства в России, которые так же характерны для остальных субъектов федерации. К таковым относятся: большое количество проверок, мешающих работе предпринимателей; низкая покупательная способность населения; недоступность финансовых средств из-за высоких кредитных ставок; высокие налоговые ставки и другие.

22 августа 2012 г. Россия вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО). Этот шаг был сделан с целью создания более благоприятных условий для вступления российской продукции на мировой рынок, а также для открытия внутреннего рынка для иностранных производителей. Но на практике оказалось, что данный шаг был поспешным, потому что отечественный малый и средний бизнес еще слишком слабо развиты, чтобы соревноваться с иностранными товаропроизводителями по качеству товаров и по цене.

Но, с другой стороны, может быть, вступление России в ВТО послужит определенным стимулом. Поэтому изначально необходимо поднять малое и среднее предпринимательство на конкурентоспособный уровень, а уже потом выходить на мировой рынок. А для этого необходимо выработать комплекс специальных мер, которые этому способствуют.

Проанализировав ряд научных публикаций, которые содержали огромное количество предложений по модернизации отечественного предпринимательства, попробуем систематизировать их и выделить наиболее важные из предложений.

Стоит сказать о необходимости создании специального кодифицированного акта, который регулировал бы предпринимательскую деятельность. «Сегодня нормы, касающиеся так или иначе предпринимательской деятельности, содержатся в громадном количестве федеральных законов, подзаконных актов, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, решений органов местного самоуправления. Вопрос даже не в количестве актов, а в субординации и согласованности между собой норм, в них содержащихся» [24].

Зачастую федеральные нормативные акты и акты субъектов федерации, регулирующие предпринимательскую деятельность, противоречат друг другу. Многие авторы отмечают противоречие терминов в различных нормативных правовых актах. Как один из путей преодоления данной проблемы – можно предложить организовать участие предпринимателей в законотворческом процессе, что позволило бы согласовать волю и интересы предпринимателей и политику государства.

«Одним из приоритетных направлений государственной экономической политики России должно стать создание эффективной системы комплексной поддержки малого предпринимательства» [25]. Но здесь необходимо говорить о том, что этим должна заниматься не федеральная власть, а местная. В данной сфере необходимо разграничить полномочия между федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов федерации и органами местного самоуправления.

В *таблицах 1 и 2* приведены статистические данные о зарегистрированных и официально ликвидированных организациях (коэффициент 1: 1000).

Таблица 1

Коэффициент рождаемости организаций

на 1000 организаций¹

	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Январь</i>	5,4	5,5	5,6	6,2	6,2
<i>Февраль</i>	8,8	8,2	8,4	9,2	8,9
<i>Март</i>	8,9	9,2	8,3	8,4	8,3
<i>Апрель</i>	9,2	9,2	9,0	9,6	9,7
<i>Май</i>	7,3	7,3	7,8	6,8	6,8
<i>Июнь</i>	7,5	7,4	7,1	7,0	6,9
<i>Июль</i>	7,5	6,9	7,9	7,3	
<i>Август</i>	7,5	7,9	7,7	7,4	
<i>Сентябрь</i>	7,8	7,4	6,9	7,3	
<i>Октябрь</i>	7,7	8,0	8,7	8,4	
<i>Ноябрь</i>	8,3	8,5	9,3	8,1	
<i>Декабрь</i>	9,3	9,1	9,1	8,3	
<i>Январь – декабрь</i>	93,6	94,7	95,8	94,4	

На региональном и местном уровне должны создаваться специальные программы по поддержке отечественного предпринимательства, которые могли бы учитывать национальные, социально-экономические, культурные, экологические и другие особенности данного региона. Возможно создание специальных государственных органов контроля (надзора), которые бы следили за соблюдением законных прав и интересов предпринимателей и исполнение ими своих обязанностей.

Таблица 2

**Коэффициент официальной ликвидации организаций
на 1000 организаций²**

¹ Коэффициент рождаемости организаций – отношение количества зарегистрированных организаций за отчетный период к среднему количеству организаций, учтенных органами государственной статистики в Статистическом регистре по данным государственной регистрации в отчетном периоде, рассчитанное на 1000 организаций.

² Коэффициент официальной ликвидации организаций – отношение количества официально ликвидированных организаций за отчетный период к среднему количеству органи-

	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Январь</i>	3,6	4,2	7,7	8,1	6,8
<i>Февраль</i>	3,6	4,6	6,5	6,7	6,8
<i>Март</i>	4,2	7,5	7,2	6,8	7,9
<i>Апрель</i>	4,1	8,2	8,0	6,9	7,6
<i>Май</i>	3,6	5,9	6,2	5,0	5,7
<i>Июнь</i>	3,8	7,0	6,0	6,3	5,6
<i>Июль</i>	4,4	6,5	7,5	9,6	
<i>Август</i>	4,3	6,7	6,0	9,7	
<i>Сентябрь</i>	3,1	5,8	7,3	5,5	
<i>Октябрь</i>	3,6	7,3	9,2	9,2	
<i>Ноябрь</i>	3,9	6,8	6,9	6,1	
<i>Декабрь</i>	5,0	10,5	10,5	6,7	
<i>Январь – декабрь</i>	46,3	81,3	89,0	87,3	

Отдельно стоит сказать об улучшении системы инвестирования отечественного предпринимательства. Как уже говорилось, проблема финансирования малого и среднего и бизнеса очень важна. Требуется совершенствование правового регулирования банковского кредитования, создание кредитного рынка с реальной возможностью получения необходимых финансовых ресурсов. «Ограниченность предложения кредитов для субъектов малого предпринимательства и отсутствие конкурентного рынка услуг по кредитованию способствуют сохранению высоких процентных ставок» [29].

Для любого банка идеальным клиентом является предприниматель, занимающийся своей деятельностью более двух лет и получающий выручку от 60 до 200 млн рублей. Естественно, начинающий бизнесмен не может себе такого позволить». Процесс изменения подходов к кредитованию малого и среднего предпринимательства сложен и тернист, но необходим.

заций, учтенных органами государственной статистики в Статистическом регистре по данным государственной регистрации в отчетном периоде, рассчитанное на 1000 организаций.

Большое внимание здесь стоит уделить предпринимателем в сфере сельского хозяйства, которые несут очень большой риск. Им предлагается создать особые льготы при кредитовании.

Казалось бы, данную проблему можно было бы решить с помощью иностранных инвестиций. Но, к сожалению, в условиях современного давления на Россию и введения против нее санкций необходимо более внимательно подходить к данному вопросу в целях национальной безопасности.

Именно об этом в своих статьях и говорит нам М.Г. Дораев. Он предлагает разработать специальный нормативный акт, который бы усилил контроль за доступом иностранных инвесторов к стратегическим отраслям экономики России, в котором регламентировался бы учет вероятности неблагоприятных последствий иностранных инвестиций, а также проведение экспертной оценки вероятности реализации выявленных угроз национальным интересам.

Но здесь необходим сбалансированный подход, который позволял бы учитывать как частные интересы иностранных инвесторов, так и публичные интересы России [18].

Здесь можно рассмотреть пример Канадской политики в данной области. Инвестиционная политика Канады комплексная и непротиворечивая, в ней сочетаются частные и публичные интересы. Она гармонична и преследует две основные цели: повышение уровня среднедушевого дохода населения и поддержка государственного суверенитета. В основу такой политики положен принцип защиты национального предпринимательства – протекционизм. Дело в том, что государство помогает канадским предпринимателям поддерживать свой бизнес за рубежом – самими стать инвесторами [19]. Поэтому прослеживается тенденция к развитию института российских инвестиций за рубежом.

Как один из выходов, Э.Н. Валеева видит в развитии института договора инвестиционного товарищества, который позволял бы превращать в жизнь предпринимательские проекты, несущие огромный риск [15].

Также для сохранения национальной безопасности и здорового функционирования отечественного предпринимательства, необходима борьба с монополией, которая дестабилизирует общество и подрывает экономическую мощь государства.

А.В. Барков в своей статье обращается к идеям А.Г. Быкова, который в свою очередь говорил о социальном предназначении пред-

принимательства. Он предлагал возложить на предпринимателей долю социальных задач и функций: безработицы, предоставление социальных услуг населению, помощь малозащищенным слоям населения [13]. Тем самым мы убиваем двух зайцев: решаем социальные проблемы и увеличиваем эффективность предпринимательской деятельности.

Необходимо принять меры в области налогового регулирования. Многие предприниматели разоряются в первые годы своей деятельности из-за высокого налогового процента. Предлагается создание специальных налоговых режимов, «налоговых каникул», которые бы значительно упрощали и делали комфортнее деятельность бизнесменов.

Нужно сократить административные барьеры. К данной сфере мы могли бы отнести следующий комплекс мер: снижение количества проверок, снижение банковских и лизинговых процентов для бизнеса, облегчение процедуры ведения бухгалтерской отчетности.

Предлагается создание предпринимательской негосударственной охранно-сыскной деятельности, которые значительно бы разгрузили работу специализированных государственных органов и сделали ее еще более эффективной.

Принять меры в области кадровой поддержки предпринимательства. Данная сфера содержала бы в себе помощь государства в создании специальных образовательных программ для подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области предпринимательской деятельности. Также можно просто организовывать бесплатные семинары и консультации для граждан, не имеющих возможности оплатить свое образование.

В последнее время большую роль играют интернет-площадки. По мере увеличения лиц, пользующихся услугами малого предпринимательства, значение данных площадок растет. Поэтому необходимо законодательно урегулировать порядок использования данных ресурсов, установить права и обязанности каждой из сторон для предотвращения негативных ситуаций.

Необходимость данных изменений мы можем увидеть, рассмотрев опыт зарубежных стран (в частности США).

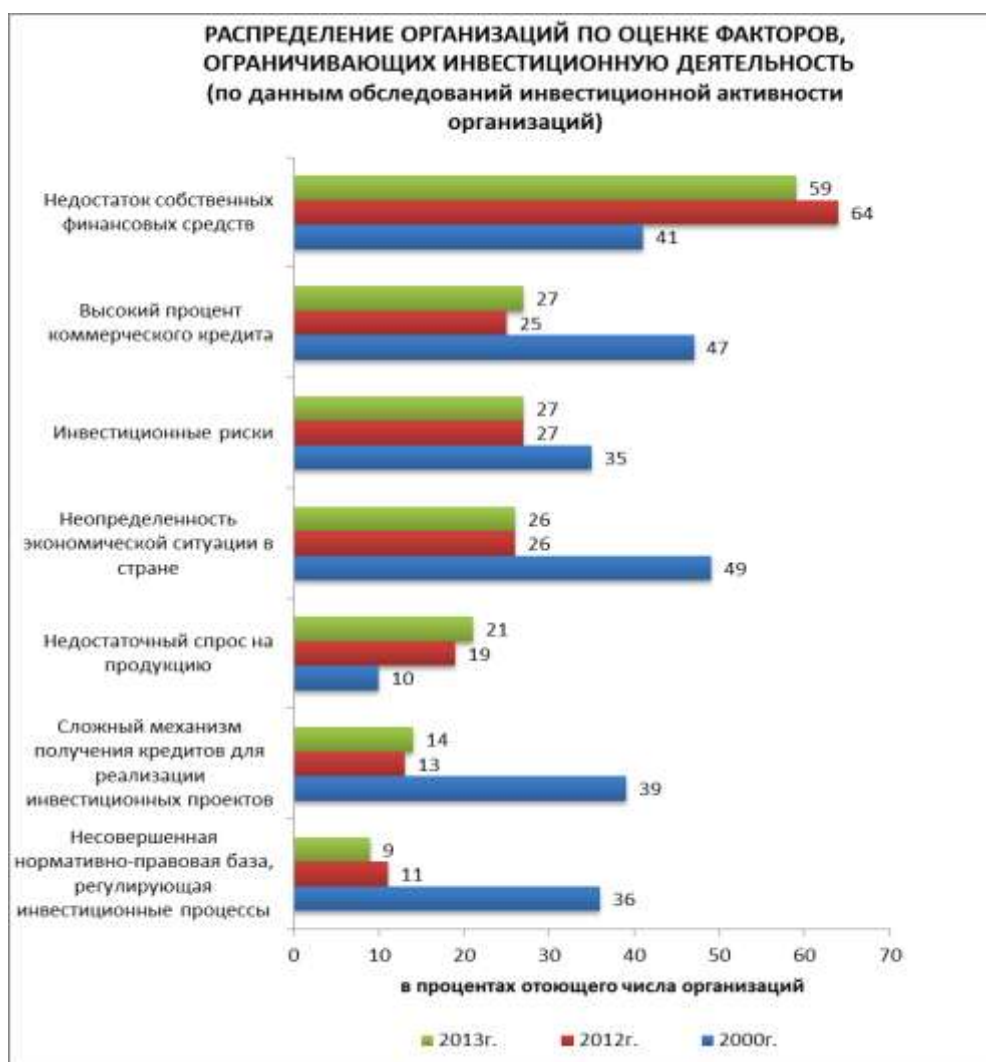

Рис. 1. Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность

Таким образом, Российская Федерация находится на пороге серьезных изменений в сфере предпринимательской деятельности. Конечно же, мы не можем предположить – по какому пути в дальнейшем пойдет наше государство. Но мы смогли выделить основные проблемы, предложить пути их решения, и нам остается лишь надеяться, что законодатель выберет верный путь и урегулирует намечающиеся и реально существующие проблемы в праве. Это значительно повысит эффективность деятельности предпринимателей, обеспечит надлежащую защиту их прав, а также значительно улучшит экономическую ситуацию в стране и повысит уровень национальной безопасности.

Список литературы¹

¹ Все приведенные ссылки на Федеральные законы – см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/>

1. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «Об акционерных обществах».
2. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (в ред. от 04.11.2014) «О некоммерческих организациях».
3. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «О рынке ценных бумаг».
4. Федеральный закон от 14.01.1998 N 14-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) «Об обществах с ограниченной ответственностью».
5. Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ (в ред. от 03.02.2014) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».
7. Федеральный закон от 27.12.2002 N 184-ФЗ (в ред. от 23.06.2014) «О техническом регулировании».
8. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) «О рекламе».
9. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014).
10. Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (в ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».
12. Указ Президента РФ от 04.04.1996 N 491 (ред. от 06.01.1999) «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации».
13. Барков А.В. Творческое развитие идеи А.Г. Быкова о социальном предназначении предпринимательства в концепции правового регулирования рынка социальных услуг // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 9–13.
14. Блошенко М.В. Источники гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности // Общество и право. 2010. № 4. С. 86–89.
15. Валеева Э.Н. Новое в правовом регулировании предпринимательских объединений // Юрист. 2013. № 9. С. 12–14.
16. Гафаров С.В. Административно-правовое регулирование обеспечения безопасности предпринимательской деятельности негосударственными службами безопасности в зарубежных государствах // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 38–47.
17. Гладких Р.Б. К вопросу участия организаций предпринимательского сообщества в законотворческом процессе // Юридический мир. 2006. № 1.
18. Дораев М.Г. Национальная безопасность в контексте правового регулирования иностранных инвестиций // Предпринимательское право. 2011. № 1. С. 21–25

19. *Дорaeв М.Г.* Специфика государственного регулирования прямых иностранных инвестиций в Канаде (правовые вопросы) // *Предпринимательское право*. 2012. № 1. С.33–37.
20. *Егoришин А.П., Вакуленко Р.Я.* Анализ экономических факторов кризиса, влияющих на деятельность реального сектора экономики в России // *Вестник Мининского университета*. 2013. № 3 (3). С. 1.
21. *Егoришин А.П., Коробейников И.О., Вакуленко Р.Я.* Анализ экономических факторов кризиса предпринимательства в России // *Проблемы современной экономики*. 2012. № 3. С. 145–147.
22. *Ершова И.В.* Правовое регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (лекция в рамках учебной дисциплины «Государственная поддержка малого и среднего бизнеса» магистерской программы «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)») // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом»*. 2013. № 2. С. 3–17.
23. *Ершова И.В.* Система правового регулирования российских инвестиций за рубежом // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом»*. 2012. № 4. С. 16–20.
24. *Звездина Т.М.* Некоторые проблемы правового регулирования малого и среднего предпринимательства в условиях вступления России в ВТО // *Бизнес, Менеджмент и Право*. 2013. № 1. С. 66–70.
25. *Иванова Ж.Б., Касперских Е.Ф.* Проблемы правового регулирования государственной имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // *Российская юстиция*. 2013. № 8. С. 47–49.
26. *Макаров О.В.* Правовой режим государственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности: содержание, проблемы, формы // *Российская юстиция*. 2011. № 8. С. 50–54.
27. *Молотников А.Е.* Современные тенденции осуществления малого и среднего бизнеса: вопросы правового регулирования // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом»*. 2013. № 3. С. 27–29.
28. *Ромащенко Ф.Н.* Генезис правового регулирования картелей в странах Европы и США // *Предпринимательское право*. 2013. № 2. С. 53–60.
29. *Ручкина Г.Ф.* Совершенствование правового регулирования банковского кредитования как фактор, способствующий развитию малого и среднего предпринимательства в России // *Предпринимательское право*. 2014. № 1. С. 31–38.
30. *Транспортные проблемы в экономике, логистике и управлении: монография / С.А. Копейкин [и др.]*. – Самара: СамГУПС, 2014. 159 с.

*Васильев А. А.,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВОВАЯ ИНТУИЦИЯ

Статья посвящена феномену правовой интуиции. В «дополняющем ключе» приводятся размышления философов о познаваемом и интуитивном через призму диалектики понятия.

Ключевые слова: право; философия права; интуиция; понятие; закон; интуитивное право; интуитивно-правовые нормы; правосознание; неправоное право.

Мир является смешением, сочетанием, соединением, взаимодействием множества составных частей. Он многосторонен, многообразен, он является конкретно-эмпирическим [3, с. 25]. Человек, будучи частью мира, осуществляет многосторонние взаимодействия с другими людьми, институтами, органами власти. В этих взаимодействиях он неминуемо сталкивается, соприкасается и опирается на такое явление человеческого бытия, как право. Гегель указывает, что: «Понятие и его существование – две стороны, различные и единые как душа и тело» [1, с. 59]. Данное утверждение, в частности, относится и к праву.

Гегель употребляет понятие «право» в следующих основных значениях:

- 1) право как свобода (идея права),
- 2) право как определенная ступень и форма свободы (особое право),
- 3) право как закон (позитивное право) [1, с. 15].

Гегель считал, что «Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [1, с. 59]. Но как осуществить это познание?

Поскольку право является частью конкретно-эмпирического мира, то к нему применимы и основные черты, характеризующие отношение человеческого сознания к миру конкретной эмпирии, а именно: непосредственность, созерцаемость и чувственность [3, с. 29].

Понятие, т.е. разумное содержание предмета, состоявшееся в душе философа, само разовьет из себя свое содержание. Это будет «интуитивное» построение, ... создание предметной интуиции, ... продукт мыслящего самосозерцания [3, с. 299]. Человеческая мысль имеет задачу указать посредством интуитивного и мыслящего раскрытия каждому предмету его разумную сущность [3, с. 298].

Говоря о праве и интуиции, следует рассмотреть учение Л.И. Петражицкого об интуитивном праве. Он отмечает, что «интуитивное право развивается закономерно-постепенно, не подвержено фиксации и окаменению и не зависит от чьего бы то ни было произвола» [4, с. 385], и в этом есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, интуитивное право не связано той зависимостью от содержания норм права, которая присуща позитивному праву, что, в свою очередь, расширяет применимость положений интуитивного права. Интуитивно-правовые нормы, по Л.И. Петражицкому, представляются существующими и господствующими везде и всегда, в то время как нормы позитивного права являются временными и ограниченными в пространстве. Об этом же говорит И.А. Ильин: «То, что «сейчас» и «здесь» – право, то «завтра» и «здесь» или «сейчас» и «там» – уже не право; запретное сегодня – позволено завтра и, может быть, вменено в обязанность через месяц; организованный интерес становится силою и провозглашает «справедливым» то, что завтра будет ниспровергнуто «случайным» стечением обстоятельств» [2, с. 166].

Однако, с другой стороны интуитивное право разных индивидов разнообразно, индивидуально по своему содержанию в зависимости от условий индивидуального развития, а «эти условия развития могут быть таковы, что получается в результате более или менее неудовлетворительное или даже весьма злокачественное интуитивное право» [4, с. 385]. Если подобное «злокачественное интуитивное право» возникает у простого обывателя – это еще полбеда, но если оно воплощается в позитивном праве, в законах и по своему содержанию отличается от того, что есть право в себе, «тогда возникает недостойное зрелище права, противоречащего своей сущности, – неправого права» [3, с. 312].

Для разрешения данной проблемы Гегель предлагает следующее: «законы должны содержать только "всеобщие основоположения", прочные и устойчивые, адекватно формулирующие "право само по себе" в его священном содержании; эти основоположения подлежат дальнейшей "специализации" в пределах действительной необхо-

димости; но центр тяжести должен быть переложен с "отвлеченного правила" на живую действенность закона в душе человека, т.е. на правосознание» [3, с. 313].

Для познания «права самого по себе» нам подойдет не любое правосознание, а «нормальное правосознание». Нормальное правосознание И.А. Ильин характеризует как активное и творческое; «оно ищет в жизни свободного, верного и справедливого права и заставляет человека вести борьбу за его обретения и осуществление» [2, с. 213]. Нормальное правосознание не сводится ни к естественному правосознанию, ни к положительному правосознанию – оно сводит их в единое целое, образуя тем самым волю к цели права.

«Право само по себе» дано каждому человеку в виде его разумной и свободной воли, поэтому Гегель придает большое значение правовой интуиции в процессе применения права [3, с. 314].

Список литературы

1. *Гегель Г.-Ф.-В.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Теория права и государства / под ред. и с предислов. В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. 400 с.
3. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 544 с.
4. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия «Мир культуры, истории и философии». СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.

*Дегтярев Н. П.,
кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

В статье обращается внимание на несоответствие (противоречие) между сознанием возрастающей роли социально-гуманитарного знания в развитии современного общества, а соответственно и роли преподаваемых в юридических вузах социально-гуманитарных учебных дисциплин в формировании общекультурных (ОК) и профессиональных (ПК) компетенций будущих специалистов, и – реальной практикой планирования и организации учебного процесса.

Ключевые слова: общекультурные и профессиональные компетенции выпускников юридических вузов; рабочие учебные планы и программы преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин.

С утверждением о возрастающей роли социально-гуманитарного знания в развитии современного общества вроде бы согласны все, но почему-то это *не подкрепляется активной деятельностью по «производству» и распространению этих знаний*, используя, в частности, преподаваемые в вузах социально-гуманитарные учебные дисциплины. И ситуация в России мало чем отличается от положения дел в других, в том числе так называемых «развитых» странах.

В журнале «Вопросы философии» № 10 за 2012 год опубликована весьма показательная в рассматриваемом нами отношении статья известного итальянского философа Эвандро Агацци под названием «Идея общества, основанного на знаниях». К активным сторонникам этой идеи Агацци относит Европейский Совет (ЕС) и Организацию Американских Государств (ОАГ). Лидеры ЕС, собравшиеся в Лиссабоне в 2000 году, отмечает философ, признают, что «экономика старого континента нуждается в глубокой модернизации, чтобы конкурировать с США и другими основными игроками на мировой сцене» [1, с. 4]. Для этого полагалось достаточным, чтобы в информационном обществе экономика основывалась на самых со-

временных знаниях. Выдвигалась амбициозная цель – стать к 2010 году «самой конкурентной и динамичной, основанной на знаниях экономикой в мире, способной на устойчивый рост со все большим количеством рабочих мест и все большей социальной сплоченностью» [1, с. 4].

Также и министры иностранных дел государств, членов ОАГ, на Генеральной Ассамблее в Санто-Доминго в 2006 году принимают Декларацию, в которой записывают: «...развитие и равный доступ к обществу, основанному на знаниях, составляет и вызов, и возможность, помогающие нам преследовать общие социальные, экономические и политические цели обеих Америк» [1, с. 4].

Но... – современный экономический кризис и известное состояние с «социальной сплоченностью» в странах Америки и Западной Европы. В связи с этим Агацци отмечает: «... нехватка передовых и математически надежных экономических теорий (в течение ряда лет у нас были Нобелевские лауреаты по экономике)..., а отсутствие чувства личной ответственности и моральной устойчивости крупных финансовых менеджеров лежали в основе гигантских экономических потрясений» [1, с. 16]. Все это, по мнению философа: «...приводит нас к осознанию того, что есть обширная область факторов частной и общественной жизни, таких как ценности, нравственные принципы, идеалы, модели того, каким должен быть хороший гражданин, справедливое общество, равномерное распределение благ и возможностей, стандарт жизни, совместимый с человеческим достоинством, уважением к фундаментальным правам человека, которые невозможно вместить в рамки каких-либо технологических инструкций» [1, с. 16].

Понятно, что в данном случае речь идет о *смысло-ценностных* представлениях и гражданских, нравственных, общекультурных *качествах* экономических субъектов исторического процесса. Представляется также очевидным, что в формировании этих качеств у студенческой молодежи, будущая профессиональная деятельность которой связана с *юриспруденцией*, особая роль отводится *преподаванию социально-гуманитарных дисциплин*, в частности таких, как философия, культурология, социология, логика, профессиональная этика и им подобным.

Образование в нашей стране традиционно рассматривается как единый целенаправленный процесс *воспитания и обучения*. В Федеральном Законе от 29.12.2012 № 273 «Об образовании

в Российской Федерации» *воспитание* определяется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [2]. В ныне действующем Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 030500 юриспруденция, квалификация – «Бакалавр» (Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г.), в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ предполагается и определенный уровень *культурной, нравственной воспитанности* выпускника юридического вуза. Здесь, в частности, отмечается: выпускник должен обладать следующими общекультурными (ОК) и профессиональными (ПК) *компетенциями*:

- осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1);
- способен добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОК-2);
- владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-3);
- обладает культурой поведения, готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-5);
- имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону (ОК-6);
- стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства (ОК-7);
- способен использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОК-8);
- готов к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства (ПК-8);
- способен уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ПК-9) [См.: 3].

Вопрос качественных характеристик цитируемого документа заслуживает особого обсуждения, но что есть, то есть..., и не хотелось бы подвергать сомнению наличие потребности у педагогического сообщества в подобных целе- и ценностно-ориентирующих образовательный и воспитательный процесс документах.

Центральное место в вопросах воспитания, конечно же, занимает воспитание *нравственное*. Вопросы нравственной воспитанности и компетентности в области этики выпускников юридических вузов имеют принципиальное профессиональное и общественное значение в силу следующих обычно называемых специалистами обстоятельств. Во-первых, юридическая деятельность в большинстве своих случаев является непосредственной работой с людьми, где, естественно, этические, нравственные аспекты весьма существенны. Во-вторых, для ряда профессий юридическая деятельность является и государственной деятельностью или осуществляется от имени государственной власти, а тем самым определенным образом характеризует эту власть (одно из образных сравнений – являться «зеркалом» власти). И, в-третьих, а по значению, может быть, и во-первых, именно в процессе юридической деятельности в значительной своей части реализуется достигнутый уровень социальной справедливости в обществе (не будем забывать, что одним из значений слова «юстиция» является «справедливость»). Тем самым вполне естественно, что профессиональная деятельность юриста регламентируется не только законодательно и должностными инструкциями, но и *кодексами профессиональной этики*.

В Российской Федерации в настоящее время являются действующими: «Кодекс судейской этики», утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года; «Кодекс этики прокурорского работника», утвержденный Приказом Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 года; «Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации», принятый Приказом МВД РФ от 24 декабря 2008 года; «Кодекс профессиональной этики адвоката», принятый Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года (измененный и дополненный II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 года и III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 года).

Вместе с тем качество подготовки выпускников юридических вузов, как и качественные характеристики функционирования судебной системы в Российской Федерации, остаются невысокими. Весьма

симптоматично, что на «круглом столе» 31 марта сего года, посвященном 15-летию президентства В.В. Путина (показывалось по ТВ), один из авторитетных выступающих в числе *основной* нерешенной задачи назвал *«не высокое качество работы судебной системы»*. Не раз по этому поводу высказывался и сам Президент.

Понятно, что качество функционирования какого-либо социального института существенно зависимо *от качественных характеристик кадрового состава*, от сотрудников, от мотивационной составляющей их профессиональной деятельности. На одной из лекций по юридической этике вопрос о роли *мотивационной* составляющей в будущей профессиональной деятельности юриста автор статьи проиллюстрировал известной притчей о странниках, попытавшихся выяснить у рабочих – *чем они занимаются* на весьма привлекательном по расположению месте? Первый рабочий весьма недоброжелательно ответил – «не видите, таскаю эти проклятые камни», второй, относительно спокойно, – «зарабатываю себе на хлеб», а третий – отставив тачку, выпрямился, оттер пот с лица и с гордостью произнес: «Я строю Храм».

Не трудно догадаться, какие преимущественные ответы на вопрос *о мотивах* выбора будущей профессиональной деятельности студента юридического вуза мы имеем сегодня. Бытие определяет сознание. И как преподавателю гуманитарных дисциплин отвечать на вопросы студентов: «А будут ли востребованы самой *правовой системой*, при реалиях сегодняшней ситуации в России, искренне желающие участвовать в строительстве «Храма Правосудия», «Храма Правового, Демократического, Социального Государства?»; не окажутся ли безупречные в нравственном отношении выпускники «белыми воронами» в отечественном юридическом сообществе, более того – нетерпимыми и мешающими «нормальным» людям зарабатывать свои деньги? Не исключено, что окажутся.

Хорошо известна азбучная истина о том, что рыночная экономика, ориентированная на максимальную прибыль в ее денежном выражении, задает тенденцию превращения в рыночные и всех других человеческих отношений. Возникает не просто подозрение, а убеждение, что в перестроечное и постперестроечное время в нашей стране сформировалось целое поколение юристов, превративших свою профессию в вид коммерции, с соответствующим отношением не только к нравственности, но и к собственному делу. Не отсюда ли возможность прямой заинтересованности недобросовестных юристов

в несовершенстве законодательства, что позволяет использовать закон как «дышло» («куда повернул, туда и вышло»), как и заинтересованности в отсутствии конкуренции со стороны желательно «из рук вон» плохо подготовленных выпускников юридических вузов («делиться» прибыльными должностями явно не хочется).

Возможно и предположение, что в условиях в известной мере «ручного» и, как представляется, в значительной части опирающегося на политическую волю Президента управления страной, такая *не совершенная, несамостоятельная и «управляемая» судебная власть*, исходя из *тактических* соображений, пока что «удобна» и «выгодна». Она «удобна» и для тех морально неустойчивых представителей отечественного юридического сообщества, которые в условиях *потребительской ориентации* значительной части хозяйственной и политико-управленческой «элиты» страны, конечно же, будет пытаться использовать ситуацию в узкокорыстных интересах. Не отсюда ли у нас берущие взятки судьи, «крышующие» преступный бизнес прокуроры, «оборотни в погонах» и тому подобные явления?

Вместе с тем, «вызовы времени», прежде всего, в виде так называемых «глобальных проблем современности», обострение геополитических, межнациональных, межконфессиональных отношений, проблемы ценностных ориентаций подрастающего поколения, а также возможность «опереться» на явно обозначившуюся политическую волю президента В.В. Путина в направлении решительного изменения «положения дел» в Российской Федерации, в ее международных отношениях, вызывает необходимость у прогрессивно ориентированных сограждан активизировать усилия по решению *стратегической задачи* формирования судебной системы и власти в направлении их «должного» существования и «должных» качественных характеристик. Чем, собственно, и должны задаваться ориентиры для учебных заведений, осуществляющих в определенной мере и «опережающую» подготовку юридических кадров, качественные характеристики которых существенно зависимы от отношения к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин.

При попытке выяснить, как обстоит дело с преподаванием и отношением к развитию гуманитарных дисциплин в мире, обнаружили *две тенденции*, очевидно связанные с наличием в любом обществе как консервативно, так и прогрессивно мыслящих людей. В цитируемой нами ранее статье «Идея общества, основанного на знаниях» итальянский философ сетует: «Эти дисциплины в тече-

ние столетий включались в учебные планы школ разного уровня, университетских факультетов, академий и научных институтов, – но сегодня не входят в образ «общества, основанного на знаниях», а поэтому имеют тенденцию лишаться поддержки, предоставляемой общественными институтами, особенно когда денег начинает не хватать. Когда представляется необходимым «срезать» государственные бюджеты, урезаются прежде всего «непродуктивные» секторы, не влияющие непосредственно на экономический рост» [1, с. 17].

Предостережения, сделанные в свое время (1918–1922) Освальдом Шпенглером о неизбежности «заката» односторонне развивающейся научно-технической цивилизации, как и о бесперспективности развития «ноосферы» без ее гуманитарной составляющей (Т. де Шарден, Э. Леруа, В.И. Вернадский), некоторыми представителями современного общества до сих пор не осмыслены и не воспринимаются всерьез. Понятны основания этой позиции – счастливого будущего всего человечества проблематично, поэтому в конкретных условиях нашего времени разумно мыслить и действовать *не глобально, а локально* (может быть и с оговоркой – «пока»). Относительное благополучие «золотого миллиарда» в качестве «синицы в руках» – это вполне прагматично, когда «журавль» высоко в небе. Есть подозрение, что часть и нашей отечественной, властвующей на сегодняшний день «элиты», (по-старому – номенклатуры), придерживается той же точки зрения (уникальные территориальные и ресурсные возможности России способствуют этому).

Более широко и глубоко мыслящие представители человечества понимают, что не только будущее, но и настоящее существенно зависит от *смысло-ценностных* приоритетов в обществе. Причем не только в аспекте, что неразумная, вероломная и безнравственная политика в настоящем может оставить человечество без будущего, но и с точки зрения *качественных характеристик* этого настоящего (как говорится, «здесь и сейчас»). Агацци это понимает: «Нельзя «направлять» прогресс этого научно-технического мира без глубокого знания о нем. Мы также не можем направлять его, если не разработаем достаточно глубокие ценности, политические и социальные стратегии, вдохновляющие идеалы, которые могли бы ориентировать наши усилия» [1, с. 17].

Ситуацию в отечественных учебных заведениях по подготовке юридических кадров и отношению к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин, в значительной степени сходную с той, ко-

торая имеет место и за рубежом, отчасти можно объяснить *элементарным непрофессионализмом* некоторых «чиновников от образования». Писатель Бернард Шоу как-то остроумно заметил, что некто, умеющий что-то хорошо делать – делает это сам. Не умеющий этого делать может начать учить того, кто это делает; а не способный к первому и второму – может начать учить тех, которые учат. Иначе трудно объяснить факты явно неоправданного снижения (в спускаемых «сверху» в филиалы РГУП учебных планах) аудиторных часов, выделяемых на изучение социально-гуманитарных дисциплин. Как, например, уложиться в 2-х часовой норматив времени по приему в группе из 30 студентов зачета по социально-гуманитарной дисциплине? Множественные примеры подобного сокращения учебной нагрузки легко обнаружить практически на каждой так называемой «не профильной» кафедре. Недавно автор этих строк столкнулся с казалось бы немислимим для профессиональной подготовки будущих юристов фактом – из учебного плана по специальности «юриспруденция», «спущенного» из головного московского вуза филиалам (Нижегородскому филиалу МЭСИ), *исключено преподавание логики*. Действительно, нужны ли сегодня хорошо подготовленные и правильно мыслящие юристы?

Возможны и другие объяснения неадекватной оценки роли социально-гуманитарных дисциплин в профессиональной подготовке юридических кадров, включая и действительные недостатки в работе соответствующих кафедр, в связи, например, с их не высокой активностью в разработке юридически значимой проблематики. Не исключается и *принципиальный вариант*, связанный с вполне определенной философско-мировоззренческой позицией руководства учебного заведения, заключающейся в «тяготении» к позиции *юридического позитивизма*.

Разумеется, мораль, нравственность и тому подобные социально-гуманитарные «предметы» и «явления» могут рассматриваться как «не правовые», но, ни в коем случае, не как чуждые праву или с ним не весьма тесно взаимодействующие в осуществлении его (права) регулятивной и воспитательной функций. Принципиально важно не терять из виду и *аксиологическое измерение* правовых принципов и норм, самой концепции правового государства. В противном случае значительно проблематизируются, как представляется автору статьи, и все собственные вопросы правовой науки, связанные с

правопониманием, правотворчеством, ориентирами и эффективностью правоприменения, толкованием норм права и т.п.

Как известно, в классических формах позитивизма философия, «изгнанная в форточку», «ворвалась через дверь». Будущая судьба юридического позитивизма, имея в виду его отношение к философскому и социально-гуманитарному знанию, к аксиологическим аспектам права, представляется такой же. Но доказывать возрастающую роль социально-гуманитарного знания в развитии правовой науки, в совершенствовании юридической практики, а, соответственно, и в подготовке юридических кадров, следует, конечно же, *практически* – в смысле более активного и квалифицированного участия представителей общественных и гуманитарных наук в разработке и обсуждении актуальных для юриспруденции проблем.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. №10.

2. ФЗ от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Гл. 1. Ст. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=173432;req=doc> (дата обращения: 03.03.2015).

3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. №464. Об утверждении и введении в действие Федерального Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 юриспруденция (квалификация (степень «Бакалавр»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98430/> (дата обращения: 01.03.2015).

*Евдокимов С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается понятие избирательной власти. Значительное внимание уделено исследованию конституционно-правового статуса избирательных органов в зарубежных странах и Российской Федерации, а также их месту в системе государственных институтов.

Ключевые слова: избирательная власть; избирательные органы; разделение властей; государственный аппарат; выборы.

Конституция Российской Федерации 1993 года (статья 10) [1] закрепила одно из крупных достижений мировой политической и правовой мысли и практики государственного строительства – концепцию разделения властей.

В Российской Федерации существует ряд государственных органов, осуществляющих государственно-властные полномочия, не укладывающихся в конституционную формулу разделения властей. Например, Прокуратура Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации не отнесены ни к одной из трех ветвей власти, поскольку занимают самостоятельную нишу в системе властных государственных органов.

Отмеченная особенность строения системы органов государственной власти присуща многим другим государствам. В этой связи доктрина трехчленного разделения единой государственной власти, созданная Дж. Локком, Ш. Монтескье, дополненная и развитая другими мыслителями, получившая широкое воплощение в практике государственного строительства целого ряда цивилизованных стран, с течением времени, исходя из государственно-правовых реалий, подвергается модификациям. Некоторыми учеными и конституциями ря-

да стран стали дополнительно выделяться четыре, пять, а в отдельных случаях и шесть ветвей власти [17, с. 153–158].

Например, в конституциях Бразилии 1988 г., Колумбии 1991 г. фиксируется существование четвертой ветви власти – избирательной, которая нашла свое организационное выражение в создании специальных избирательных органов-трибуналов, судов, избирательного регистра.

В иных концепциях, например, предложенных французскими специалистами Ж. Блан, Ф.М. Вирье, Ф. Ваге, избирательная власть выделяется в качестве учредительной власти, которая, по мнению указанных исследователей, исходит непосредственно из корпуса избирателей и выражается в виде результатов выборов, решений, принятых на референдумах [17, с. 155].

Мнения различных ученых в отношении признания возможности выделения самостоятельной избирательной ветви власти разделились. Например, В.Е. Чиркин избирательную власть определяет как «право граждан, обладающих избирательными правами и составляющих избирательный корпус, решать все основные вопросы государственной жизни путем выборов, референдума, народной законодательной инициативы и другими способами» [18, с. 246]. Ю.А. Веденеев пишет: «... теория разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную будет неполной, если в ее классических определениях не будет найдено место для избирательной власти... избирательная власть выражает фундаментальное разделение функций политического господства и управления между обществом и государством...» [15, с. 81].

Исследуя конституционные нормы, автор приходит к выводу: «Конституция Российской Федерации, определяя в качестве структурообразующего принципа организации государственной власти свободные выборы и референдум, а в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации народ, по существу, ввела в юридический оборот новую для отечественной политико-правовой теории и практики категорию – избирательную власть» [15, с. 82].

Фактически ту же мысль выражает В.И. Лысенко, считая, что введение в текст Конституции Российской Федерации 1993 г. понятия власти народа означает косвенное признание существования избирательной власти, выражаемой им непосредственно в ходе организации и проведения свободных выборов и референдумов [15, с. 97, 109].

Следует заметить, что среди специалистов существует и другая точка зрения. Так, А.В. Иванченко определение избирательных комиссий как ветви власти считает весьма условным. «... Более уместным, – полагает он, – говорить о функциях системы избирательных комиссий, которая состоит в оформлении воли народа, придании ей нормативного (обязательного) характера.... Именно эта организация, а вовсе не властная функция является сущностной прерогативой системы избирательных комиссий» [11, с. 52].

А.С. Автономов обращает внимание на то, что избирательные органы образуют единую систему, обладают функциональной обособленностью и организационной самостоятельностью. При этом в законодательстве фиксируется независимость избирательных органов от других органов государства, закрепляются гарантии такой независимости, устанавливается определенный способ формирования избирательных органов, который, как правило, нацелен на обеспечение их самостоятельности. Финансирование избирательных органов осуществляется непосредственно из бюджета, и выделение средств в их распоряжение не должно зависеть от действий других государственных органов. Все это позволяет говорить о существовании самостоятельной избирательной ветви власти [3, с. 43].

Вместе с тем, соглашаясь с тезисом о существовании «избирательной власти» в системе публичной власти, ряд ученых совершенно справедливо отмечают, что избирательная власть в общесоциологическом плане не является ветвью государственной власти, а представляет собою власть, опирающуюся на наибольшую социальную базу, а потому является непосредственной и единственной основой для всех ветвей государственной власти. В государственно-правовом (организационном) аспекте эту власть, на их взгляд, представляют существующие в государстве избирательные органы, в России – система избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией России [7, с. 12].

Такое положение избирательных комиссий позволяет рассматривать их как государственно-общественные органы особого рода со строго определенной узкоспециальной компетенцией [5, с. 353–356; 14, с. 36–37].

Для того чтобы придать наибольшую автономию избирательным органам, в ряде стран были созданы специализированные судебные органы, занимающиеся исключительно избирательными делами. Так, в Бразилии система специализированных судов состоит из Выс-

шего Избирательного суда, региональных избирательных судов (в каждом штате и федеральном округе действует один такой суд), избирательных судей и избирательных советов.

В Республике Польша избирательные комиссии на общенациональном и воеводском уровнях формируются исключительно из членов суда соответствующего уровня. Национальная избирательная комиссия включает в себя по три представителя Верховного Суда, Конституционного Трибунала и Высшего Административного Суда.

Имеются государства, где в формировании избирательных органов принимают участие не только органы законодательной и исполнительной власти, но и судебные органы на паритетных началах. Так, в Республике Корея Центральная Избирательная Комиссия состоит из шести членов. Двух из них назначает Президент Республики Корея, двух – Национальное Собрание и еще двух – Верховный Суд. Все члены Избирательной Комиссии назначаются сроком на шесть лет.

В Аргентине организацией выборов занимаются судьи по избирательным делам, суды по избирательным делам и избирательные комиссии, состав которых формируется в основном из судейского корпуса. При этом все судьи назначаются Президентом Республики [12].

В Мексике за организацию и проведение выборов на федеральном уровне отвечает постоянно действующий Федеральный избирательный институт (ФИИ), который согласно Федеральному кодексу избирательных процедур и институтов призван решать задачи по упрочению демократии в стране, развитию политических партий, политической культуры общества.

В США с 1947 г. действует Федеральная избирательная комиссия (ФИК), членов которой назначает Президент США, а утверждает Сенат Конгресса США. Срок полномочий ФИК – шесть лет, но каждые два года она обновляется на треть. Не более трех членов ФИК могут иметь одинаковую партийную принадлежность, в связи с чем каждые два года назначаются по одному представителю от двух крупнейших партий США – Демократической и Республиканской.

В других странах также создаются избирательные органы, действующие на неколлегиальной основе [16, с. 47–65].

Справедливо утверждение А.Ю. Бузина, что эффективная работа избирательных органов является главным условием качества избирательного процесса. Оценку эффективности можно произвести исходя из особенностей конституционно-правового статуса избирательных

органов: значение имеет правовое положение избирательных органов в структуре и механизме функционирования государственного аппарата [8, с. 47].

Принятая в октябре 2002 г. в рамках СНГ Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ [13, с. 560–561] выдвигает формальные требования к определению конституционно-правового статуса избирательных органов. В соответствии со ст. 11 Конвенции статус, компетенция и полномочия избирательных органов должны быть установлены Конституцией государства и законодательными актами. Реализация такого подхода на практике существенно ограничивает возможность манипулирования в политических целях положением избирательных органов в системе иных государственных органов.

Также в Конвенции закреплён принцип исключительности полномочий избирательных органов. Согласно п. 2 ст. 11 не допускаются создание и деятельность иных структур, которые либо подменяют избирательные органы полностью, либо частично осуществляют их функции. Таким образом, на международном уровне сформулирована прерогатива избирательных органов в организации и проведении выборов. Из этого правила с необходимостью вытекают организационная и функциональная самостоятельность избирательных органов и ориентирование государств на построение обособленной системы ответственных за течение избирательного процесса органов.

В отечественной литературе под избирательными органами понимают «государственные органы, которые уполномочены заниматься подготовительной и организационной работой для реализации выборов, осуществлять деятельность по исполнению избирательного законодательства, подсчитывать поданные голоса и официально объявлять результаты выборов» [4, с. 46].

В Российской Федерации в соответствии с положениями Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] функционирует единая многоуровневая система избирательных комиссий. Эта система включает в себя Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские и другие) комиссии, участковые комиссии (ст. 20 указанного ФЗ). Избиратель-

ные комиссии призваны в полном объеме обеспечивать подготовку и проведение выборов в Российской Федерации (п. 21 ст. 2 ФЗ).

Избирательные комиссии не образуют централизованную систему. Федеральные законы о выборах устанавливают соподчиненность и распределение полномочий между комиссиями только применительно к проведению выборов в федеральные органы государственной власти. Вместе с тем согласно п. 10 ст. 20 Федерального закона № 67-ФЗ решения вышестоящей комиссии, принятые в пределах ее компетенции, обязательны для нижестоящих комиссий. Это приводит к тому, что возникают судебные споры, связанные с более четким уяснением пределов деятельности соответствующих избирательных комиссий [19, с. 44–48].

Избирательные комиссии в Российской Федерации имеют двойственную правовую природу. С одной стороны, избирательные комиссии рассматриваются в качестве одного из основных элементов избирательной системы Российской Федерации, а с другой – они сами в своей совокупности образуют систему избирательных комиссий, необходимость укрепления которой назрела в последние годы, в том числе за счет более эффективного использования предоставленного им права привлечения к административной ответственности и к ответственности за избирательные правонарушения [10, с. 11].

М.С. Белявская в отношении всей системы избирательных комиссий предлагает ввести в законодательство термин «избирательные органы публичной власти». Они будут рассматриваться как часть системы органов публичной власти с особым статусом, которую составляют все органы власти, не отнесенные к какой-либо ветви власти. В зависимости от предмета деятельности выделяются две разновидности избирательных органов публичной власти – избирательные комиссии и комиссии референдума [6, с. 14].

Вместе с тем реформа избирательного законодательства, политической системы, проводимая активно в последние годы, определенная либерализация законодательства о политических партиях актуализируют и необходимость переосмысления роли и значения избирательных комиссий, их участия в избирательных кампаниях. Повышается роль избирательных комиссий не только как органа, занимающегося организацией избирательного процесса, но и как органа, активно выполняющего правозащитную, просветительскую функцию, увеличивается количество обращений, которые направляются в избирательные комиссии разных уровней. В этой связи следует под-

держат предложение Е.С. Шугриной, что назрела необходимость пересмотреть основные принципы формирования избирательных комиссий, рассмотреть вопрос о возможном нормативном увеличении количества юристов в них [19, с. 44–48].

В этой связи, основываясь на требованиях международных избирательных стандартов, необходимо вовлечь в деятельность избирательных комиссий судебский корпус. По мнению Ю.Н. Величинской, в обязательном порядке судьи должны входить в состав Центральной избирательной комиссии России (определенное число судей Верховного Суда РФ) и в состав избирательных комиссий субъектов РФ (судьи верховных судов субъектов РФ). Вхождение судей в состав данных избирательных органов, с формальной точки зрения, обеспечит действительную паритетность при их формировании, а с точки зрения содержания качества избирательного процесса усилит независимость избирательных комиссий в силу особых гарантий деятельности и авторитета судей [9, с. 67–72].

В Российской Федерации в условиях происходящих реформ могут быть полезными отдельные коррективы в системе избирательных органов, направленные на совершенствование внутрисистемных связей, на повышение профессионализма членов избирательных комиссий и качества их работы.

В заключение отметим, что избирательные органы занимают особое место в системе государственных институтов, и осуществляемая ими деятельность все также будет привлекать особое внимание ученых, политиков и общественности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2009. 21 января.
2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. N 24. Ст. 2253.
3. Автономов А.С. Избирательная власть. М., 2002.
4. Автономов А.С., Веденеев Ю.А., Луговой В.В. Сравнительное избирательное право: Учеб. пособие. М., 2003.
5. Баглай М.В. Конституционное право РФ. Учебник для вузов. 6-е изд., с изм. и доп. М., 2006.
6. Белявская М.С. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий, осуществляющих подготовку и проведение муниципальных выборов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Ставрополь, 2009.

7. *Бигтагиров Р.Т., Вельяшев О.Ю.* Государственно-правовой статус Центральной избирательной комиссии РФ. М., 2006.
8. *Бузин А.Ю.* Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
9. *Величинская Ю.Н.* Международные избирательные стандарты как ориентир для совершенствования основ построения и функционирования системы избирательных комиссий в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право, 2012. № 1.
10. *Гиберт А.Н.* Полномочия избирательных комиссий субъектов Российской Федерации: правовые основы и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Тюмень, 2012.
11. *Иванченко А.В.* Избирательные комиссии в Российской Федерации. История. Теория. Практика. М., 1996.
12. *Лейбо Ю.И., Орлов А.Г., Ракитская И.А.* Современные избирательные системы. Вып. 2: Аргентина, Германия, Швеция. М., 2007.
13. Международные избирательные стандарты. Сборник документов: Выпуск второй / под ред. В.И. Лысенко. 2009.
14. *Постников А.Е.* Избирательное право России. М., 1996.
15. Реформа избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы // РАН. Институт государства и права. М., 1995.
16. *Сравнительное избирательное право*: учеб. пособие. М., 2003.
17. *Чепунов О.И.* Конституционное право Российской Федерации: учеб.-метод. пособие. М., 2002.
18. *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.
19. *Шугрина Е.С.* Некоторые организационно-правовые проблемы в работе избирательных комиссий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление, 2014. № 1.

*Иванова Л. Н.,
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

В статье рассматривается феномен правовой культуры, возможность и перспективы интеграции юридического толкования понятия «правовая культура» и ее социально-гуманитарного содержания. Автор обсуждает механизмы и психолого-педагогические условия формирования правовой культуры личности.

Ключевые слова: право; правовая культура; юридическое образование; профессиональная этика; восстановительное правосудие; личность; ценностные ориентации.

Традиционно образование, обучение и воспитание граждан признаются важнейшими условиями развития любой страны, главными условиями эффективности права и государства. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего юридического образования устанавливает новый – компетентностный – подход в обучении студентов [18]. В педагогической деятельности происходит переход от традиционного транслирования знаний к проектированию индивидуальной образовательной траектории, способствующей успешной социализации личности студента [17]. Стремление самого студента получить высшее образование, как конкурентное преимущество на рынке труда, сопряжено с риском быстро сойти с дистанции в погоне за профессиональной карьерой, поскольку часто оказывается, что выпускник не приобрел духовной целостности, нравственной определенности, зрелости мыслей и поступков. Социально-гуманитарные дисциплины юридического вуза, обеспечивая формирование общекультурных и отдельных общепрофессиональных компетенций выпускника, могут осуществить проектирование в образовании лишь при некоторых условиях. Одним из таких условий

является наполнение правовых категорий их социально-гуманитарным содержанием.

Современная философия и теория образования сталкиваются с задачей такого процесса формирования личности, который изначально не ориентируется на заранее определенную цель и представляется моделированием без четкого видения модели [1]. В юридическом образовании такой «нечеткой» моделью выступает «правокультурная личность» – характеристика гражданско-правовой активности, привычки к правомерному поведению и осознанию социальной значимости права [23]. Модель выпускника юридического вуза, заданная ФГОСом, предполагает формирование у выпускника способности осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры, культуры мышления и культуры поведения [18].

Исследования в области права показывают, что формирование правовой культуры личности – это «интериоризация норм права и принципов нравственности», «введение в правовое сознание новых взглядов и правовых ценностей» [23, с. 510, 514]. В свою очередь, в психологических исследованиях установлено, что интериоризация возможна, если внешние источники регулирования поведения будут восприняты личностью как средства, инструменты саморегулирования ее поведения.

Изучение правовых категорий, размышление о бытии права сами по себе не могут обеспечить формирование правомерного поведения студентов. Однако рефлексия методов познания правовой реальности, аккумулированных в отечественном философско-правовом и философско-богословском наследии, позволяет сформировать то особенное видение правовых проблем, которое содержит в себе понимание их сути и того образа жизни, при котором становятся возможными и право, и правовая культура личности. «Для этого преподаватель..., – отмечает В.А. Горлянский, – ничего не навязывая, а лишь показывая личный пример творческой работы ума, ... может и должен дать учащемуся направление движения его самостоятельной мысли» [3, с. 11]. Поскольку только «в единстве всех духовных сил – разума, эстетического переживания, совести и воли – ... мысль становится живой, а знание становится тождественным живому бытию» [2, с. 76].

Право призвано упорядочивать и разрешать противоречия общества, в нем сочетаются и групповые (классовые) и общесоциаль-

ные (общечеловеческие) интересы. «Право во все времена ... стремилось соединить противоположности в одно целое. Соединение противоположностей, – как полагает В.А. Горлянский, – может быть достигнуто двояким способом. Во-первых, преобразованием противоположностей в соотносительные дополняющие друг друга противоположности и, во-вторых, созданием промежуточных, опосредствующих звеньев между противоположностями» [3, с. 118].

Исходя из того, что правовую культуру характеризует «отношение личности и общества к праву как системе социальных институтов и отношений, охраняемых силой государства» [23, с. 512], можно говорить о трех механизмах формирования правовой культуры личности. Каждый из них представлен деятельностью людей, которая направлена на разрешение посредством права противоречий между интересами личности, отдельных социальных групп и общества в целом.

Во-первых, государство, наделяя отдельных граждан правами и обязанностями госслужащих, формирует правовую культуру как способность гражданского служащего разрешать противоречия между своими личными интересами и законными интересами граждан (т.н. конфликты интересов), основываясь на принципах служебного поведения [25] и кодексах служебной профессиональной этики [11; 12]. Деятельность комиссий по разрешению конфликтов интересов [20; 26], а также следование кодексу служебной этики, умение предвидеть конфликты интересов, знать алгоритм их предотвращения и разрешения [15] является личным вкладом госслужащего в процесс разрешения противоречий между интересами гражданина и государства в виде формирования новой личности – чиновника с нравственной гражданской позицией.

Во-вторых, формирование правовой культуры связано с деятельностью восприятия и развития накопленных правовых ценностей. В частности известно, что создание институциональных гарантий независимости судов сопровождается разработкой этических стандартов поведения судей [11; 16]. Для того чтобы соединение норм этики и норм закона стало возможным, необходимы т.н. социальные технологии моделирования профессиональной деятельности. Моделирование профессиональной деятельности в области права основано на представлениях об идеальной модели поведения и «задействует внутренние механизмы саморегулирования и самоконтроля» юриста, «которые являются более сложными в плане оценки и контроля со сто-

роны судебной системы и общества в целом» [14, с. 259]. Технология моделирования правового поведения включает в качестве существенного ее элемента процессы само моделирования – осознания юристом своей профессионально психологической пригодности к деятельности и готовности к постоянному профессиональному самообразованию и саморазвитию. Важно отметить, что, например, судья включается в процесс моделирования и само моделирования своей профессиональной деятельности уже в ходе подготовки (будучи кандидатом на должность судьи) к квалификационному экзамену и оценивая себя в процедуре психологического отбора [19].

В-третьих, правовая культура личности формируется в деятельности, связанной с использованием достижений правовой мысли, юридической техники и практики. Известно, что в настоящее время получает развитие т.н. восстановительное правосудие в спорах между гражданами и в отношении детей («в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность») [22; 27; 29]. Отмечу, что восстановительное правосудие в отличие от традиционного позиционирует правонарушителя и его жертву в качестве активных участников исправления (устранения) нанесенного ущерба, не ограничиваясь взглядами на правонарушение как причину ответственности правонарушителя, нанесшего вред государству и обществу. Исследует эффективные способы «исчерпывания конфликта» [13]. С 2011 г. граждане России в соответствии с ФЗ «О медиации» приобрели право самостоятельно создавать новый порядок разрешения споров, использовать правовые нормы в качестве инструментов регулирования своих спорных правоотношений (как правило, не прибегая к помощи профессиональной юстиции) [28].

Право, «соединяя противоположности в одно целое», создавая «новые формы движения противоречия», вызывает развитие, совершенствование общества [3, с. 118]. Правовые механизмы разрешения противоречий общества обнаруживаются в специфических формах правовой культуры. Внутренняя форма правовой культуры характеризуется психическими процессами, состояниями и качествами личности, обеспечивающими правовое поведение, а внешняя (поведенческая, объективированная) проявляется в различных вариантах социально позитивного, справедливого поведения [5; 10].

Смысловое содержание правовых норм как регуляторов социальных отношений приобретает устойчивое значение в виде принци-

пов права. Принципы традиционного и восстановительного правосудия сосуществуют в виде самостоятельных форм правовой культуры. Проведенный нами опрос студентов филиала выявил, что большинство из них, отдавая предпочтение принципам традиционного правосудия, признают принципы и восстановительного правосудия [перечень принципов см.: 29]. Рефлексия принципов правосудия позволяет 85% опрошенных второкурсников и 71% четверокурсников осознанно следовать традиционному пониманию назначения правосудия – установить вину и применить наказание. Также большинство студентов (но в несколько в ином соотношении – 70% студентов 2 курса и 86% 4 курса) разделяют традиционный для правосудия подход – «выявить, чего заслуживают преступники». Больше половины опрошенных помимо принципов традиционного правосудия разделяют и идеологию восстановительного правосудия: «преступление – это нарушение прав людей и разрушение отношений», «правосудие должно выяснить, кому был нанесен вред (ущерб), каковы потребности пострадавших». Отмечу, что к 4 курсу студенты становятся разборчивее в принятии принципов восстановительного правосудия, не соглашаясь со многими из них, они вместе со второкурсниками согласны с тем, что правосудие должно вовлекать жертву, преступника, членов общества в совместную работу по исправлению произошедшего.

В ответах помощников судей федеральных и областных судов за традиционное и восстановительное правосудие высказывается примерно равное число опрошенных. Принципы восстановительного правосудия доминируют над традиционным в ответах помощников арбитражных судов. Различия между помощниками арбитражных судов и судов общей юрисдикции обнаружилось в том, что, если первых больше интересует, «как помочь пострадавшим», то вторых – «кто это сделал» (кто совершил правонарушение). Студентов от помощников отличает большая приверженность принципам традиционного правосудия, помощники в целом чаще отдают предпочтение восстановительной юстиции.

Различие во взглядах на традиционное и восстановительное правосудие говорит о том, что юридическое образование способно поддерживать живое многообразие подходов к праву как условие обогащения и развития правовой культуры. Осознанное отношение к преимуществам и недостаткам традиционного правосудия возможно при освоении студентами иных подходов к разрешению правовых конфликтов, в частности, альтернативных процедур разрешения пра-

вовых споров. С этой целью в учебный процесс нашего филиала для студентов 2 курса введена новая учебная дисциплина «Основы медиации», которая позволяет осознать лежащие в основе права социально-гуманитарные ценности.

Правовая культура – как категория профессиональной этики юристов – это достигнутый обществом уровень правового регулирования социальных отношений, правовой защищенности личности, обеспечения правопорядка. Она оценивается по способности права обеспечивать социальную справедливость, по степени его вклада в гуманизацию общества, его прогресс; тесно связана с нравственной культурой, является составной частью духовной культуры [10].

Правовая культура «оживляет» правовые нормы и тем самым обеспечивает правовую социализацию личности [4, с. 15]. Она синтезирует правовые явления в устойчивые комплексы идей, ценностей, новые общекультурные способы осознания и саморегулирования социальных отношений в сфере права. В свою очередь, личность, обладая способностью к нормированию поведения, создает социальные правовые нормы и подчиняется им. При этом отдельные ценностные ориентиры отличаются высокой устойчивостью, другие – ситуативны и отражают обобщенные ожидания должного поведения человека с учетом его возраста и ведущей деятельности.

Наше исследование ценностных ориентаций студентов выявило устойчивость ценностных систем и их относительную независимость от возраста опрошенных. Так, студенты 2 и 4 курсов ведущие места в иерархии терминальных ценностей отдали здоровью, счастливой семейной жизни и любви. Отмечу, что по данным исследований психологов Уральского филиала РГУП в выборке студентов – кавказцев, выявлена иная иерархия терминальных ценностей [30]. По данным опроса, проведенного Институтом психологии РАН, показано, что иерархия ценностей россиян устойчива: честность (как и до 90-х гг.) на 1-м месте, далее любовь и дружба и меньший рейтинг у материальной обеспеченности [8].

Значимость же инструментальных ценностей меняется в зависимости от возраста и пола опрошенных. Так, студенты 2 курса ценят воспитанность, образованность, жизнерадостность и честность. У юношей 2 курса, наряду с названными, высокий рейтинг имеет «ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)». Четверокурсники отдают предпочтение жизнерадостности, честности и терпимости. Ценностные ориентации задают устойчивые ориентиры

должного правомерного поведения, составляют аксиологические правила самоопределения личности. Благодаря устойчивости иерархии терминальных ценностей понятна и предсказуема иерархия прав личности, в которой права на здоровье и семейную жизнь являются более безусловными, чем право на образование или воспитание в родительской семье. Вместе с тем каждому социально-возрастному психологическому типу личности присуща своя иерархия инструментальных ценностей, которая позволяет узнавать и исполнять те разнообразные требования жизни, которые предъявляются с учетом возраста и пола человека.

Факторы, влияющие на формирование личности, весьма разнообразны, студент попадает в различные не всегда скоординированные друг с другом потоки трансляции культуры общечеловеческой, этнической, профессиональной и др. Интеграция юридических и социально-гуманитарных компетентностей происходит в учебном процессе, когда целью образования признается такое формирование личности будущего специалиста, которое сохраняет традиции отечественной высшей школы и общероссийскую этническую идентичность.

Управление процессом правовой социализации студенчества предполагает, с одной стороны, учет «естественных» закономерностей социального нормирования психики и поведения людей, с другой – создание психолого-педагогических условий, необходимых для интериоризации обучаемыми тех средств саморегулирования социально значимого поведения, которые, будучи усвоены, воспроизводят духовные святыни – ценности веры, справедливости, достоинства, народного единения и др. [2; 3; 6; 21; 24].

В ходе формирования правовой культуры личность выступает не столько объектом воспитания, сколько субъектом самовоспитания – постоянной внутренней работы, направленной на реализацию своей свободной сущности «самому усматривать и знать, что такое добро и зло, правда и ложь, справедливость и несправедливость и т.д., то есть различать должное и ценное и действовать свободно» [7, с. 159]. Без этого, особенно под воздействием экономических и политических потрясений, разрушения позитивных национальных традиций, может произойти, как полагает В.П. Сальников, «частичная или даже полная потеря правовой культуры личности, которая будет означать и десоциализацию самого человека, и невозможность построения правового государства» [23, с. 510–511].

Актуальность разработки психолого-педагогических технологий формирования правовой культуры личности в юридическом вузе обусловлена тем, что именно правовая культура юриста, правоведа, судьи является «действенной» справедливостью, которая ориентирует не-юристов в сложном мире нормативных требований и учит саморегулированию своих поступков на основе норм права и этики. Самоопределение личности в ситуациях с нечеткими правовыми и этическими требованиями в одних случаях сопровождается интуитивной правопослушностью, в других – осознанной, рефлексивной, рассудочной, в третьих – нравственно-определенной, в четвертых – игнорированием или противодействием нормативным требованиям. Многообразие психологических типов самоопределения по отношению к праву и справедливости составляет богатство правовой культуры и условие ее обогащения за счет творческого самовыражения свободной сущности самоопределяющейся личности.

Таким образом, исследования правовой культуры личности, показывают, что, даже не будучи предметом целенаправленного формирования, она является связующим звеном учебных дисциплин и педагогических подходов и может выступить идеей, синтезирующей социально-гуманитарные аспекты юридического образования с собственно правовыми, т.е. сделать правовые знания «действенными, живыми». Осуществится надежда русской интеллигенции о формировании у студенческой молодежи «правовых убеждений, которые дисциплинировали бы ее внутренне» [9, п. V].

Список литературы

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. *Бенедиктов Н.А., Макарычев С.П., Шаталин Е.Н.* Русская идея: Очерк развития отечественной философской мысли: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1993. 130 с.
3. *Горлянский В.А.* Введение в философию (духовные основы философской культуры). – Н. Новгород: Соруline, 2008. 428 с.
4. *Бондарев А.С.* Понятие правовой культуры // История государства и права. 2011. № 6. С. 13–17.
5. *Борисенко Е.* АРС – часть правовой культуры // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2013. № 2(28). С. 20–24.

6. *Декларация русской идентичности* (документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (дата обращения: 13.11.2014).

7. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М., 1993.

8. *Интервью с заместителем директора Института психологии РАН А. Журавлевым* // Газета «Ведомости». 2012. 26 октября.

9. *Кистяковский Б.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Сборник «Въхи». 1909.

10. *Кобликов А.С.* Юридическая этика: учебник. М., 2009. Гл. 9. 146 с.

11. *Кодекс служебной этики государственных гражданских служащих Нижегородской области (утвержден решением межведомственного координационного совета по противодействию коррупции при Губернаторе Нижегородской области от 1 декабря 2009 г.)* // Сайт администрации г. Нижнего Новгорода (дата обращения: 04.03.2014).

12. *Кодекс судейской этики (утвержден VIII съездом судей 19 декабря 2012 года)* // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

13. *Менкель-Мидоу К.* Восстановительное правосудие: что это такое, и действует ли оно? // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2014. № 1. С. 26–54.

14. *Модернизация статуса судьи: современные международные подходы* / отв. ред. Т.Н. Нешатаева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 336 с.

15. *Памятка об ограничениях, запретах, требованиях к служебному поведению и предупреждению коррупционных правонарушений, связанных с прохождением федеральной государственной гражданской службы в Министерстве труда и социальной защиты РФ.* М., 2012. С. 11–31 // Сайт Министерства труда и социальной защиты РФ (дата обращения: 07.04.2013).

16. *Постановление Пленума Верховного суда РФ от 31.05.2007 N 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. N 8.

17. *Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. N 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1377.*

18. *Приказ министерства образования и науки РФ «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 юриспруденция (квалификация «бакалавр») от 4 мая 2010 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.*

19. *Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2009 N 44 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&frame=1&n=464866&req=dos> (дата обращения: 14.02.2012).*

20. *Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.09.2010 № 210 (ред. от 21.03.2014) «Об образовании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2014).*

21. *Пушкин С.Н. Евразийские мыслители как носители традиций русской культуры в Европе // Русское зарубежье и славянский мир: сб. трудов / Сост. П. Буняк. Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. С. 257–266.*

22. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4557.*

23. *Сальников В.П. Правовая культура // Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х т. / отв. ред. М.Н. Марченко.– М.: НОРМА, 2007.– Т. 3. Государство, право, общество. – Гл. 20. С. 503–530.*

24. *Соборное слово XVIII Всемирного русского народного собора (итоговый документ XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России» принят 11 ноября*

2014 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (дата обращения: 13.11.2014).

25. Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.

26. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 23.06.2014) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.

27. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

28. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

29. Шамликашвили Ц.А. Что восстанавливает восстановительное правосудие? Два взгляда на проблему преступления и наказания // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2010. № 3. С. 39.

30. Шинкарева Д.Г. О взаимосвязи этнической идентичности и ценностных ориентаций студентов // Материалы семинары «Актуальные проблемы учебно-воспитательного процесса в РАП» 17-18 февраля 2014 г. (в печати).

*Кежутин А. Н.,
кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук
НиЖГМА, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМА АБОРТА В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает позицию передовых представителей дореволюционной медицинской и юридической общественности в отношении криминализации и наказуемости аборта, наиболее емко выраженную на XII Пироговском съезде. Автор конкретизирует общественно-правовые взгляды участников съезда и их оппонентов по проблеме нормативного регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: Пироговский съезд; медицинская общественность; аборт; правовое регулирование; криминализация.

Российская империя отличалась от большинства европейских стран не только высоким уровнем рождаемости, но и высочайшей в Европе смертностью населения [4; 6, с. 12]. Во многом это было связано с традиционными «недугами» дореволюционного общества: массовым пьянством и алкоголизмом, эпидемиями, голодом, высокой детской смертностью и др. Значимой проблемой в этом ряду был аборт.

Данное явление носило двойственный характер. С одной стороны, отмечался высокий процент самопроизвольных абортов, происходивших в лечебных учреждениях. Тяжелая ситуация складывалась как в столичных городах, так и в губерниях. В Петербургской городской больнице с «Болезнями беременности и послеродовыми» в 1912 г. находилось 5874 чел., из них аборт и его последствия составляли 4734 чел., т. е. 80,5% [1, с. 492]. Доктор медицины В.П. Федоров, проанализировавший статистику выкидышей в Петропавловской городской больнице, отметил: «...в то время как количество ежегодных родов имеет склонность к падению, число выкидышей заметно растет. Число выкидышей, где можно было бы с уверенностью указать причину выкидыша, не превышает 2–3%. ...Смертность при выкидыше во

много раз превышает смертность при родах» [9, с. 75]. Высокими оставались показатели и в регионах. Так, в нижегородском Городском Мариинском родовспомогательном заведении, единственном в губернии, в 1913–1914 гг. на 2315 рожениц приходилось 144 выкидыша, что составляло более 6% [10, д. 6, л. 4].

С другой стороны, массовыми были искусственные аборт, называемые «криминальными», поскольку по российскому законодательству в дореволюционный период данная практика была недопустима. В соответствии со ст. 248 Устава врачебного повивальным бабкам было запрещено по чьей-либо просьбе употреблять средства для искусственного выкидыша, но они обязывались при выкидыше или преждевременных родах «подавать возможное пособие», а также «доносить начальству» о таких событиях и любых подобных просьбах [8, ст. 248].

Однако законодательный запрет аборта фактически не выполнял в полной мере свою роль, количество аборт росло. Такая ситуация вызывала беспокойство у представителей различных групп интеллигенции: юристов, социологов, экономистов, педагогов, врачей. Но именно медики стояли на «переднем плане» в борьбе с данным явлением, как в силу своих профессиональных обязанностей, так и вследствие активной общественной позиции.

Проблема аборт поднималась врачами и правоведами начиная с самых первых съездов Всероссийского Общества врачей в память Н.И. Пирогова, однако наиболее полно она обсуждалась на последнем, предвоенном, XII съезде 1913 г. Социально-экономические причины явления и мероприятия по борьбе с выкидышами, выдвигаемые дореволюционными медиками и правоведами, уже не раз становились предметом исследований [См.: 7]. Вместе с тем, в данной связи представляется необходимым обратить внимание на роль Съезда в формировании двух полярных общественно-правовых позиций представителей российской общественности на проблему аборт, ставших предметом дискуссии в предвоенные годы.

Общественное мнение традиционно разделялось относительно самой сути искусственного аборт – является ли он преступлением или медицинской операцией. Доктора медицины П.Н. Чунихин [11, с. 75], В.П. Федоров [9, с. 75], юрист И.В. Грин [3, с. 70–71], а также члены Комиссии по борьбе с искусственными выкидышами Омского медицинского общества [5, с. 71–72] активно выступали против криминализации аборт. Обобщивший данную позицию И.В. Грин, опи-

раясь на исторические и статистические данные, в выступлении на XII Пироговском съезде пришел к выводу, что аборт являлся зачастую «предохранительным клапаном от детоубийства». Сам же законодательный запрет правовед объяснял «слепым подражанием» [3, с. 70]. В основе такого подхода лежала мысль о скудном материальном положении большинства беременных, прибегавших к аборту, а также «психологическая сторона» вопроса (желание женщин впоследствии не совершить детоубийства по той же причине).

Противоположной («государственной») точки зрения придерживались подвергшиеся резкой критике со стороны либеральных представителей Съезда столичные правоведы С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, М.П. Чубинский и др. Особую критику вызвала позиция профессора Московского университета С.В. Познышева, считавшего, что безнаказанность аборта могла привести к еще большей «распушенности», которую правовед считал одной из основных причин явления. Вызвала обсуждение точка зрения профессоров Н.С. Таганцева и М.П. Чубинского, обративших внимание на не потерявший до сих пор актуальности вопрос о жизнеспособности и жизнеспособности плода, о разграничении понятий «аборт» и «убийство ребенка при рождении» и, следовательно, квалификации данных деяний.

Ввиду преобладания сторонников первого подхода, решение Съезда было, во многом, predetermined. Важную роль сыграло повышенное внимание к социально-экономической стороне вопроса, в которой проявилось традиционное для Пироговских съездов «оппозиционное» настроение к Правительству.

Роль XII Пироговского съезда состояла в том, что развернувшаяся в ходе его дискуссия получила продолжение и логичное развитие на X Съезде русской группы Международного союза криминалистов в 1914 г. и на страницах периодической печати. Ненаказуемость аборта поддержали известные адвокаты и правоведы – присяжные поверенные М.Ф. Волькенштейн, Н.К. Муравьев, Н.В. Тесленко, С.А. Ушаков; юрист И.В. Грин, криминолог Н.Н. Полянский, приват-доцент А.А. Боровой, депутат Госдумы А.Ф. Керенский, представители медицинской общественности – директор московского Городского родильного дома А.Н. Рахманов, психиатр Н.А. Вырубов, секретарь Пироговского общества врачей Л.Б. Грановский и др.

В то же время против декриминализации аборт выступили: известный судебный и общественный деятель Н.В. Давыдов, присяж-

ный поверенный и приват-доцент Московского университета М.М. Исаев, редактор журнала «Вестник права» и газеты «Право», один из основателей Конституционно-демократической партии В.Д. Набоков, юрист и публицист, член русской группы Международного союза криминалистов Г.Н. Штильман и др.

На X Съезде русской группы Международного союза криминалистов, как и на XII Пироговском съезде, преобладали сторонники декриминализации аборт, исходившие из социально-экономических причин массовости явления, что в очередной раз предопределило принятие Съездом резолюции о ненаказуемости абортов. В свою очередь, их оппоненты осудили данную резолюцию, объявив Съезд политизированным и «митинговым» [2, с. 489–490]. Представляется, что об установлении единой точки зрения по данному вопросу не могло быть и речи в силу целого ряда неразрешимых противоречий: отсутствие четкого разделения правовой и нравственной оценки у большинства ученых, неточность в определении понятия «плод», принципиальная разница «государственного» и «психологического» подходов к проблеме.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в среде российской медицинской общественности складываются две принципиальные общественно-правовые позиции по проблеме криминализации аборта.

Список литературы

1. *Борхов А.* Статистические данные об абортах в Петербургских городских больницах // Вестник права. 1914. № 16. С. 492–493.
2. *Гернет М.Н.* К вопросу о недопустимости плодоизгнания (Ответ моим критикам) // Вестник права. 1914. № 16. С. 489–492.
3. *Грин И.В.* Социально-правовое положение аборта // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая – 5 июня 1913 г. – СПб: Тип. Акц. Общ. «Слово», 1913. С. 70–71.
4. *Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за [1896–1914].* – СПб.: Тип. МВД, [1903–1916].
5. *Положения доклада Комиссии по борьбе с искусственными выкидышами Омскому Медицинскому Обществу* // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая – 5 июня 1913 г. СПб: Тип. Акц. Общ. «Слово», 1913. С. 71–72.

6. *Производительные силы России* / Отд. XIX. / Подотд. Санитарно-гигиенический / В.П. Верекундов. – СПб.: Тип. А. Лейферта, 1896. 16 с.

7. *Сакевич В.И.* Аборт – кривое зеркало демографической политики (доклад на семинаре в Центре демографии и экологии человека 22 октября 2001 года) // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня *Население и общество* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php> (дата обращения: 31.01.2015).

8. *Устав врачебный*. Т. XIII. / СЗ. В 5 кн., 16 т. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное Т-во «Деятель», 1912–1914. Ст. 248.

9. *Федоров В.П.* К вопросу о лечении выкидыша // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая – 5 июня 1913 г. СПб: Тип. Акц. Общ. «Слово», 1913. С. 75.

10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1670. Оп. 1772.

11. *Чунихин П.Н.* К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения России // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая – 5 июня 1913 г. СПб: Тип. Акц. Общ. «Слово», 1913. С. 75.

*Киреев Н. В.,
кандидат экономических наук,
старший преподаватель
кафедры экономики
и экономической безопасности
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

*Филичкина Д. А.,
преподаватель кафедры
финансов, налогов и кредита
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

**АНАЛИЗ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И
ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ
И УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Отправная точка анализа авторов статьи – принципиальная важность продуктовых и технологических инноваций для успешного экономического развития России, для высоких и устойчивых темпов ее экономического роста. Основной тезис данной статьи заключается в особом значении для России инноваций в сфере энергосберегающих технологий. Энергосбережение и увеличение энергетической эффективности рассматриваются как приоритетное направление инновационной активности в условиях, когда на 1 доллар ВВП потребляется в 8 раз больше энергии, чем в среднем в Европе. В статье подробно анализируется статистика энергопотребления и энергосбережения в России и предлагаются меры по правовому стимулированию энергосберегающих инноваций. Статья имеет экономико-правовой характер, анализ осуществляется на стыке экономической науки и юриспруденции (налогового и гражданского права).

Ключевые слова: энергосбережение; энергоемкость; энергоэффективность; государство; инновации; конкурентоспособность; правовое стимулирование; экономический суверенитет.

Сегодня именно энергоресурсы, эффективность их производства и потребления являются важнейшим фактором уверенного развития национальной экономики и ее конкурентоспособности...

В.В. Путин

В настоящее время вряд ли необходимо доказывать принципиальную важность продуктовых и технологических инноваций для успешного экономического развития любой страны, для высоких и устойчивых темпов экономического роста. Для нашей экономики, сохраняющей сырьевой и экстенсивный характер, это особенно актуально. Высшие руководители страны постоянно обращают внимание на необходимость скорейшего перехода российской экономики на инновационный тип экономического роста [6].

Основной тезис данной статьи заключается в особой роли инноваций в сфере энергосберегающих технологий и в методах их стимулирования, которые авторы предлагают использовать. Энергосбережение и увеличение энергетической эффективности мы рассматриваем в качестве приоритетного направления инновационной активности. В этой связи мы подробно проанализируем статистику производства энергетических продуктов, энергопотребления и энергосбережения в России и охарактеризуем используемые меры по правовому стимулированию энергосберегающих инноваций. Проводимый в статье анализ является экономико-правовым и осуществляется на стыке экономической науки и юриспруденции (налогового и гражданского права).

Актуальность стимулирования энергосберегающих инноваций объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время энергоемкость российской экономики существенно превышает аналогичный показатель по США, Японии и странам Евросоюза (при расчетах по паритету покупательной способности). В силу высокой (по мировым меркам) энергоемкости применяемых промышленных технологий мы потребляем в 8 раз больше энергии на 1 доллар ВВП, чем в среднем в Европе.

Как следствие – при громадных объемах ежегодной добычи энергоресурсов (в первую очередь – углеводородов) больше половины из них потребляется внутри страны, в результате чего мы теряем в экспортной выручке. Так, при росте мировых цен на нефть с 27 долларов США за баррель в 2000 г. до 94 долларов США в 2008 г. фак-

тический объем экспорта топливно-энергетических ресурсов за тот же период вырос лишь в 1,6 раза [8]. Вторым следствием высокой энергоемкости российской экономики является рост издержек производства и транспортировки промышленной и сельскохозяйственной продукции. Третье следствие – «избыточное» (по меркам передовых стран) производство электроэнергии, «раздутый» размер топливно-энергетического комплекса страны.

Эти обстоятельства делают в высшей степени актуальными слова Президента России В.В. Путина: «Сегодня именно энергоресурсы, эффективность их производства и потребления являются важнейшим фактором уверенного развития национальной экономики и ее конкурентоспособности, определяют качество жизни людей. Нашей стратегической задачей в этом направлении является поддержка перспективных научных разработок и бизнес-инициатив, широкое внедрение передовых, инновационных технологий и оборудования. Приоритетное внимание необходимо уделять пропаганде рационального энергопотребления среди населения» [6].

Подкрепим сказанное статистическими данными. Как известно, природное богатство нашей страны фантастично: по размерам природно-ресурсного потенциала Россия занимает ведущее место в мире. В частности, наша страна (в отличие от большинства других) является не только потребителем энергетических ресурсов (продуктов), но и одним из крупнейших их обладателей и производителей. Учитывая скромные размеры статьи, ограничимся статистикой запасов и добычи таких не возобновляемых (исчерпаемых) энергетических ресурсов, как углеводороды (нефть и газ).

Российская Федерация располагает значительными запасами природной нефти, оценочная стоимость которых превышает 4,5 трлн долларов. И эта стоимость регулярно пересматривается в сторону повышения: растут оценки месторождений в Каспийском районе, а разведанные запасы нефти Приобского месторождения в Западной Сибири увеличились в последние годы на 600 млн т. Открыт ряд новых месторождений нефти и газа в Ханты-Мансийском округе, в Татарстане, на Ямале, на Сахалине и в других районах страны. Также в нефтегазовом отношении перспективны территории Восточной Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа и др.

Что касается природного газа, то Россия (согласно данным британской нефтегазовой компании *British Petroleum*) занимает первое место по его разведанным и прогнозируемым запасам и второе место

по его добыче. Запасы природного газа в РФ в 2013 г. составляли 48,8 трлн куб. м [10], что составляет примерно 25% мирового объема запасов природного газа. Потенциальные ресурсы природного газа оцениваются в 211,8 трлн куб. м, разведанные – 49 трлн куб. м. Экономическая ценность разведанных ресурсов составляет 92 трлн долларов. Для сравнения: в Иране запасы природного газа составляют 34,020 трлн куб. м, в Катаре – 24,7 трлн куб. м, в США – 8,7 трлн куб. м [11].

Добыча природного газа в РФ в 2013 г. составила 668,024 млрд куб. м [9] (в США – для сравнения – 687,6 млрд куб. м [14]). При этом часть добываемого природного газа потребляется внутри страны, а другая часть экспортируется. Что касается экспорта, то на сегодняшний день Россия является крупнейшим экспортером природного газа. По данным **Федеральной таможенной службы России и Росстата** экспорт природного газа в РФ в 2013 г. составил 196,3 млрд куб. м [15], а средняя экспортная цена за тысячу куб. м составила 342,35 долларов США. Таким образом, в 2013 г. валютная выручка от экспорта природного газа в страны дальнего зарубежья и страны СНГ составила 67232,3 млн долларов США (здесь и далее – расчеты авторов).

Что касается внутреннего потребления природного газа, то розничная цена на газ для населения РФ (т.е. для физических лиц) с 01 июля 2013 г. составляет примерно 5000 рублей за 1000 куб. м., приведенных к стандартным условиям [5]. Поскольку средний курс доллара США к рублю в 2013 г. составлял 32 рубля за 1 доллар США [12], то цена на газ для населения за 1000 куб. м. составляла в 2013 г. 156,25 долларов США. Это в два раза меньше, чем стоимость природного газа, предназначенного для экспорта.

В целом потребление газа в России – гигантское. Данный вид природного ресурса является основным видом топлива. Основные потребители газа в России – население и электроэнергетика. Доля потребления газа энергетикой РФ составляет более 70%, что является очень высоким показателем. На экспорт идет всего лишь около 25%. Отсюда можно сделать вывод о том, что Германия, Франция, Италия, Индия и Япония, вместе взятые, потребляют столько же газа, сколько РФ с населением в 143 млн человек. В Норвегии внутренне потребление природного газа составляет примерно 5%, а (соответственно) 95% природного газа экспортируется [13].

По словам генерального директора ГУП «Мосгаз» Гасана Гасангаджиева, потребление газа в Москве становится больше, чем на всем европейском континенте. «Мы являемся самыми крупными транспортерами газа в газораспределительной сети, и максимальный транспорт в холодную зиму составлял 29 млрд куб. метров. Европа не потребляет столько, сколько потребляет Москва». Только 2% от транспортируемого в столицу газа используется москвичами в быту, а 98% приходится на выработку электричества, подогрева воды, обеспечения комфортного быта горожан [16].

Такова статистика разведанных запасов, производства и потребления таких важнейших невозобновляемых топливно-энергетических ресурсов (продуктов), как углеводороды. Проанализируем теперь статистику производства и потребления электрической энергии (вырабатываемой в том числе и из углеводородов).

Единая энергетическая система России (далее – ЕЭС России) состоит из 69 региональных энергосистем, которые, в свою очередь, образуют 7 объединенных энергетических систем – Востока, Сибири, Урала, Средней Волги, Юга, Центра и Северо-Запада. Все энергосистемы соединены межсистемными высоковольтными линиями электропередачи напряжением 220–500 кВ и выше и работают в синхронном режиме (параллельно).

В ЕЭС России входит около 700 электростанций мощностью свыше 5 МВт. На конец 2013 г. общая установленная мощность электростанций ЕЭС России составила 226.470,18 МВт.

Что касается статистики совокупного производства и потребления энергии в России, то за 2013 г. выработка электроэнергии составила 1056500 млн кВт/час. Производство тепловой энергии за тот же период составило 499700 тыс. Гкал [17].

По другим данным, выработка электроэнергии электростанциями ЕЭС России в 2013 г. составила 1023,5 млрд кВтч, а потребление электроэнергии в 2013 г. составило 1009,8 млрд кВт/ч [4, с. 3]. При этом промышленность потребляет более 50% произведенных в стране топливно-энергетических ресурсов и около 60% электроэнергии [8]. Такие объемы потребления электроэнергии являются на самом деле избыточными в силу высокой (по мировым меркам) энергоемкости технологий, используемых в промышленности (в т.ч. в электроэнергетике).

Ярким примером использования в нашей стране энергоемких технологий является транспортировка газа по магистральным трубо-

проводам, принадлежащих РАО «Газпром». Для прокачки природного газа по трубопроводам используются стоящие на них турбины Уфимского машиностроительного завода, которые работают от транспортируемого газа и сжигают 30% его объема (таковы конструктивные особенности турбин). При этом уровень газопотребления в 30% – минимален, имеет силу при полном (100%-ном) заполнении трубы. Это неснижаемые (постоянные) издержки: при неполном заполнении трубы уровень газопотребления увеличивается. И подобных примеров, увы, много.

В связи с высокой энергоемкости отечественной экономики специалисты рекомендуют разработку и внедрение инновационных энергосберегающих технологий следующего рода:

- новые экологически чистые и высокоэффективные технологии сжигания угля, парогазовых установок с высокими коэффициентами полезного действия, управляемых электрических сетей нового поколения и других новых технологий для повышения эффективности электроэнергетики;

- широкое внедрение проводников из новых композиционных материалов, позволяющих увеличить токонесущую способность и увеличить продолжительность срока их службы, а также создание систем автоматизированного учета и регулирования в электрических сетях. Это позволит снизить потери в электрических сетях и повысить эффективность транспортировки электроэнергии;

- технологии снижения удельных расходов топлива на отпуск электроэнергии и тепловой энергии от тепловых электростанций, а также снижения потерь (затрат на транспорт энергии) в электрических сетях;

- производство оборудования и материалов с использованием нанотехнологий, обеспечивающих инновационное ресурсо- и энергосберегающее развитие отраслей топливно-энергетического комплекса;

- внедрение лицензионных импортных технологий с постепенным снижением доли импортных комплектующих; – и др.

Поскольку основным потребителем газа в России является электроэнергетика, то переход к использованию энергосберегающих технологий – основной способ экономии газа на внутреннем рынке и увеличения его экспорта.

Безусловно, разработка и внедрение вышеописанных инновационных энергосберегающих технологий требует определенных усилий со стороны государства. И некоторые нужные шаги уже сделаны.

В Указе Президента РФ от 04.06.2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» говорится о важности повышения энергетической и экологической эффективности электроэнергетики, о необходимости разработки законопроектов, предусматривающих не только санкции за нарушение законодательства, но и стимулы для перехода на энергосберегающие и экологически чистые технологии, в т.ч. в форме субсидий.

Также в данном Указе поставлена задача по снижению энергоемкости ВВП России не менее, чем на 40% к 2020 г. (по отношению к базовому 2007 г.). Таким образом, снижение энергоемкости ВВП должно составлять около 4% в год.

Для достижения этой задачи большое значение имеют налоговые льготы для субъектов инновационной деятельности, предусмотренные отечественным налоговым законодательством. В настоящее время налоговые льготы для инновационных фирм можно разделить на две группы. К первой группе относятся льготы, которые применяются ко всем налогоплательщикам, занимающимся инновационной деятельностью. Ко второй группе можно отнести льготы, предусмотренные только в отношении организаций, являющихся резидентами технико-внедренческих особых экономических зон.

В первую группу включены стандартные налоговые льготы, принятые на уровне федерации и прописанные в Налоговом кодексе РФ. К ним относятся:

1. Освобождение от НДС при реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (ст. 149 НК РФ).
2. Освобождение от НДС реализации прав на результаты интеллектуальной деятельности (там же).
3. Упрощенный учет расходов на НИОКР (ст. 262 НК РФ).
4. Единовременный учет расходов на приобретение электронно-вычислительной техники (п. 6. ст. 259 НК РФ).
5. Ускоренный порядок амортизации основных средств, используемых в научно-технической деятельности (подпункт 2 п. 2 ст. 259.3 НК РФ).
6. Освобождение от налога на прибыль средств целевого финансирования (подпункт 14 п.1 ст. 251 НК РФ).

7. Новый порядок учета и налогообложения субсидий, получаемых субъектами малого и среднего предпринимательства (Федеральный закон от 07.03.2011 № 23-ФЗ).

8. Инвестиционный налоговый кредит (ст. 67 НК РФ).

9. Создание резерва расходов на НИОКР.

10. Льгота по уплате налога на имущество по энергоэффективным основным средствам.

11. Нулевая ставка по налогу на прибыль для образовательных и медицинских организаций (п. 1.1 ст. 284 НК РФ).

12. Пониженный тариф страховых взносов (ФЗ от 28.12.2010 № 432-ФЗ).

13. Право на применение упрощенной системы налогообложения.

Перечисленные налоговые инструменты дали за последние годы некоторую положительную динамику: к 2012 г. показатель энергоемкости ВВП России снизился с 580 кг нефтяного эквивалента на 1 тыс. долларов ВВП до 450 кг. Однако качественного перехода России к использованию энергосберегающих технологий до сих пор не произошло, эта проблема еще ждет своего решения.

Список литературы

1. *Налоговый Кодекс Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10900200/>

2. *Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12171109/>

3. *Указ Президента РФ от 04.06.2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/193388/>

4. *Отчет о функционировании ЕЭС в России в 2013 г.* С. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://forca.ru/stati/energetika/otchet-o-funkcionirovanii-ees-rossii-v-2013-g.html>

5. *Постановление РСТ от 26.06.2013 № 17/2*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/rostov/483652/>

6. *Путин В.В.* Приветствие Президента РФ участникам и гостям Международного форума по энергоэффективности и энергосбережению ENES-2014 (07.10.2014). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energoberezhenie->

dpo.ru/event/vladimir-putin-podderzhal-provedenie-mezhdunarodnogo-foruma-enes-2014/

7. *Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики*. Серия «Системные проблемы России». / колл. авторов под рук. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999 С. 358.

8. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. / Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94054/

9. Добыча газа в РФ в 2013 году выросла на 2%, экспорт – на 10% [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20140107/988172356.html> (РИА Новости).

10. *Министерство природы обнародовало рассекреченные данные о запасах нефти в РФ* [Электронный ресурс]. URL: // newsru.com. 12 июля 2013 г.

11. *OPEC: Table 3.2 Natural gas proven reserves by country* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.org>.

12. *Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе-декабре 2013 г.* [Электронный ресурс]. URL: //<http://www.cbr.ru/>

13. BP Statistical Review of World Energy. June 2013. С. 20.

14. Statistical Review of World Energy 2014.

15. <http://www.cbr.ru>

16. <http://finam.info/news/odna-moskva-potreblyayet-gaza-bolshe-chem-vsya-evropa/> / 28.11.2014.

17. <http://minenergo.gov.ru/activity/statistic/17359.html>.

*Коновалова З. А.,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
КРАГСсУ, г. Сыктывкар*

КОНТРАКТНАЯ СИСТЕМА И ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье рассмотрена проблема достижения эффективности в сфере закупок. Проведен анализ норм Федерального закона от 05 апреля 2014 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Предложены пути решения по снижению, минимизации издержек бюджета при применении контрактной системы в сфере закупок.

Ключевые слова: контрактная система; закупки; принципы; эффективность; правовые начала.

Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] установлены основные правовые начала или же принципы контрактной системы в сфере закупок:

- открытости,
- прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок,
- обеспечения конкуренции,
- профессионализма заказчиков,
- стимулирования инноваций,
- единства контрактной системы в сфере закупок,
- ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд,
- эффективности осуществления закупок.

Согласно принципу открытости и прозрачности обеспечивается свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок, путем размещения информации о закупке в единой информационной системе. При этом информация о закупке должна быть полной и достоверной.

Принцип обеспечения конкуренции направлен на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками заку-

пок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые противоречат требованиям настоящего Федерального закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

Принцип профессионализма заказчика предусматривает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок. Заказчики принимают меры по поддержанию и повышению уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки в сфере закупок.

Принцип стимулирования инноваций исходит из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции.

Принцип единства контрактной системы в сфере закупок основывается на единых принципах и подходах, позволяющих обеспечивать государственные и муниципальные нужды посредством планирования и осуществления закупок, их мониторинга, аудита в сфере закупок, а также контроля в сфере закупок.

Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок исходит из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В настоящей статье остановимся более детально на эффективности осуществления закупок.

Вначале следует определиться с понятием эффективности.

Согласно «Толковому словарю» С.И. Ожегова [6], под эффективностью понимается «дающий эффект, действенный». В свою очередь под эффектом понимается действие или результат чего-либо.

На основании Большого толкового словаря экономических и юридических терминов Куракова Л.П. [3], делящего эффективность на виды, и среди прочих указывает на экономическую эффективность, как результат экономической деятельности, определяемого как отношение полученного экономического эффекта и затрат, обуславливающих получение этого эффекта.

Очевидно, что эффективность уместно рассматривать с нескольких точек зрения или же ракурсов. Но в нашем случае это получение какого-либо результата.

Основываясь на вышесказанном, следует определить эффективность с двух точек зрения: эффективность правовая, эффективность экономическая.

1. Эффективность экономическая.

Методическими рекомендациями по проведению аудита в сфере закупок, утвержденных Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 21 марта 2014 г. № 15К (961) [2]) установлено, что при проведении контроля в сфере закупок на предмет эффективности следует обратить внимание на эффективность расходования бюджетных средств для государственных и муниципальных нужд (см. *Таблицу*):

Таблица

Эффективность расходования бюджетных средств для государственных и муниципальных нужд

Эффективность расходов	<p>При оценке эффективности расходов на закупки рекомендуется применять следующие показатели (как в целом по объекту контроля и аудита (контроля) за отчетный период, так и по конкретной закупке):</p> <ul style="list-style-type: none">– потенциальная экономия бюджетных средств на стадии формирования и обоснования начальных (максимальных) цен контрактов – это разница между начальными (максимальными) ценами контрактов в плане-графике закупок и средними ценами контрактов, установленных другими заказчиками на однородные товары, работы, услуги, либо среднерыночными ценами контракта на однородные товары, работы, услуги (с учетом сопоставимых условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг, включая объем закупки, гарантийные обязательства, срок годности и т. п.);– экономия бюджетных средств в процессе осуществления закупок (определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков) – это снижение начальной (максимальной) цены контрактов относительно цены заключенных контрактов;– дополнительная экономия бюджетных средств, полученная по результа-
-------------------------------	--

там осуществления закупок (определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков) и заключения контрактов, определяется (рассчитывается) в качестве дополнительной выгоды, в том числе за счет закупок инновационной и высокотехнологичной продукции (дополнительные сервисные услуги, более высокие качественные характеристики и функциональные показатели продукции, более низкие последующие эксплуатационные расходы, более длительный срок гарантийного обслуживания и др.);

– экономия бюджетных средств при исполнении контрактов – это снижение цены контракта без изменения предусмотренных контрактом количества товара, объема работы или услуги, качества поставляемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги и иных условий контракта.

В рамках оценки эффективности расходов на закупки рекомендуется рассчитать общую экономию бюджетных средств на всех этапах закупки, начиная с планирования и заканчивая исполнением контрактов путем суммирования указанных показателей.

Расчет экономии в целом по объекту контроля и аудита (контроля), отдельным процедурам закупок может осуществляться также на основе данных формы федерального статистического наблюдения № 1-контракт, в частности, можно оценить:

– абсолютный объем экономии (в рублях) за соответствующий период (показатель рассчитывается как разница между общей суммой начальных (максимальных) цен контрактов и стоимостью заключенных контрактов за вычетом стоимости незаключенных контрактов и затрат на организацию и проведение процедур закупок (если такие затраты имеются);

– относительный объем экономии (в процентах) за соответствующий период (показатель рассчитывается как отношение абсолютной экономии к общей сумме начальных (максимальных) цен контрактов).

В рамках анализа и оценки эффективности расходов на закупки целесообразно оценивать соблюдение заказчиком принципа обеспечения конкуренции, непосредственно влияющего на эффективность осуществления закупок.

При анализе конкуренции при осуществлении закупок за отчетный период рекомендуется применять следующие показатели:

– среднее количество поданных заявок на одну закупку – это отношение общего количества заявок, поданных участниками, к общему количеству процедур закупок;

– среднее количество допущенных заявок на одну закупку – это отношение общего количества заявок участников, допущенных комиссией заказчика к процедурам закупок, к общему количеству процедур закупок;

– доля закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) – это отношение закупок, осуществленных в соответствии со статьей 93 Федерального закона № 44-ФЗ, к общему объему закупок (в стоимостном выражении).

Из таблицы видно, что эффективность с точки зрения экономики заключается в экономии денежных ресурсов, находящих отражение в цене контракта, а также в количестве поданных заявок на одну конкурентную закупку и количестве изменений вносимых в план закупок и план-график.

Следует отметить, что указанные критерии нашли отражение в приказе Тендерного комитета г. Москвы от 22 января 2015 года № 70-01-01/15/5 «Об утверждении Порядка расчета коэффициента эффективности деятельности органов исполнительной власти города Москвы в сфере закупок, товаров, работ, услуг» [2].

Таким образом, можно констатировать, что вышеуказанные критерии могут являться показателями эффективности работы органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере закупок.

2. Эффективность правовая.

В статье 1 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] установлено, что он регулирует отношения, направленные на предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок.

Таким образом, правовую эффективность следует рассматривать с точки зрения правоприменения названного закона, а также предупреждения правонарушений в сфере закупок и так далее.

Законодатель установил способы закупки и критерии выбора победителя при проведении тех или иных способов закупки. При проведении аукциона и запроса котировок победителем признается тот участник, который предложил наименьшую цену контракта. При проведении открытого конкурса, двухэтапного конкурса, конкурса с ограниченным участием, запроса предложений победителем признается тот участник, который предложил наилучшие условия или предложения исполнения контракта. При этом законодатель не установил, что следует понимать под наилучшими условиями или предложениями исполнения контракта.

То есть необходимо ставить под сомнение применение указанных способов закупки для исключения коррупционных составляющих и злоупотреблений в сфере закупок.

Далее, по применению норм, регламентирующих контрактную сферу. Для того чтобы провести закупку для функционирования бюджетного, автономного или казенного предприятия, органа исполнительной власти независимо от уровня властных структур, необходимо, согласно Федеральному закону от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] создание контрактной службы или назначение контрактного управляющего.

В части 6 статьи 38 Федерального закона от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] установлено, что работники контрактной службы, контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. Соответственно, работники контрактной службы или контрактный управляющий обязаны пройти обучение, для того чтобы заниматься закупочной деятельностью.

Статьей 39 вышеназванного закона установлено, что заказчиком могут создаваться конкурсные, аукционные, котировочные комиссии, комиссии по рассмотрению заявок на участие в запросе предложений и окончательных предложений и единые комиссии, осуществляющие функции по осуществлению закупок путем проведения конкурсов, аукционов, запросов котировок, запросов предложений. Число членов конкурсной, аукционной или единой комиссии должно быть не менее чем пять человек, число членов котировочной комиссии, комиссии по рассмотрению заявок на участие в запросе предложений и окончательных предложений должно быть не менее трех человек. Также установлено, что заказчик включает в состав комиссии преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лиц, обладающих специальными знаниями, относящимися к объекту закупки.

Законодательно установлено, что и члены контрактной службы, члены комиссии, количество которых варьируется от трех и более, также проходят обучение в сфере закупок для того, чтобы организация смогла провести закупку для обеспечения своих нужд.

При централизации закупок в соответствии с частью 1 статьи 26 Федерального закона от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] контрактная служба, контрактный управляющий осуществляют полномочия, не переданные соответствующим уполномоченному органу, уполномоченному учреждению, которые осуществляют полномочия на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей). При этом контрактная служба, контрактный управляющий несут ответственность в пределах осуществляемых ими полномочий.

То есть, кроме создания контрактной службы и введения новой должности, контрактный управляющий, законодатель установил соз-

дание уполномоченного органа в сфере закупок. На практике, создается новый уполномоченный орган в сфере закупок, осуществляющий свою деятельность в зависимости от объекта закупки, способа определения поставщика, начальной максимальной цены контракта. Например, Решением органов местного самоуправления установлено, что электронный аукцион, с начальной максимальной ценой свыше 250 тыс. руб., проводят только уполномоченные органы, остальные способы закупки (конкурс, запрос котировок, запрос предложений – комиссии, установленные заказчиком).

То есть создается такая ситуация, при которой часть функций выполняет заказчик самостоятельно, часть уполномоченный орган в сфере закупок, в зависимости от начальной максимальной цены контракта. Таким образом, происходит дублирование должностных обязанностей.

Кроме того, все должностные лица, которые осуществляют закупки, проходят обучение, на что снова расходуются денежные средства.

Следует констатировать тот факт, что для того, чтобы провести закупку, необходимо вначале обучить членов контрактной службы, контрактного управляющего, членов комиссии. Общеизвестно, что обучение проводится на курсах повышения квалификации и на платной основе. То есть часть бюджетных средств, которые направляются на обеспечение государственных и муниципальных нужд расходуются на обучение сотрудников и создание новых структур, на которых также расходуются бюджетные денежные средства.

Далее, на основании статьи 40 Федерального закона от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] заказчик вправе привлекать на основе контракта специализированную организацию для выполнения отдельных функций по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) путем проведения конкурса или аукциона, в том числе: для разработки конкурсной документации; документации об аукционе; размещения в единой информационной системе извещения о проведении открытого конкурса; конкурса с ограниченным участием; двухэтапного конкурса или электронного аукциона; направления приглашений принять участие в закрытом конкурсе; закрытом конкурсе с ограниченным участием; закрытом двухэтапном конкурсе или в закрытом аукционе; выполнения иных функций, связанных с обеспечением проведения определения

поставщика (подрядчика, исполнителя). При этом создание комиссии по осуществлению закупок, определение начальной (максимальной) цены контракта, предмета и существенных условий контракта, утверждение проекта контракта, конкурсной документации, документации об аукционе и подписание контракта осуществляются заказчиком. При этом выбор специализированной организации осуществляется заказчиком в соответствии с Федеральным законом от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], то есть конкурентными и неконкурентными способами осуществления закупки (допустим, запросом котировок, электронным аукционом, заключением контракта с единственным поставщиком).

Таким образом, следует отметить, что наряду с должностными лицами, прошедшими обучение, если возникнет «необходимость», закупку по электронному аукциону или конкурсу проводит специализированная организация, основной целью при осуществлении своей деятельности является извлечение прибыли.

Становится очевидным, что на практике, пусть даже должные лица заказчика прошли обучение в сфере закупок, закон не ограничивает заказчика в привлечении специализированной организации для обеспечения государственных и муниципальных нужд для проведения конкурса и аукциона. При этом за проведение конкурса или аукциона бюджетная организация расходует денежные средства, которые были выделены для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Как показывает практика, стоимость услуг специализированной организации оставляет 10-15% от цены контракта.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание. На основании статей 41, 94 Федерального закона от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] заказчики привлекают экспертов, экспертные организации для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик обязан провести экспертизу.

Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами, или к ее проведению могут привлекаться эксперты, экспертные организации на основании кон-

трактов, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 05 апреля 2013 года N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1].

Согласно статье 94 вышеназванного закона, при заключении контракта с единственным поставщиком, при определенных видах закупки, заказчик обязан проводить экспертизу с привлечением экспертных организаций. Соответственно бюджетные денежные средства будут направлены на оплату деятельности экспертов. Это такие виды закупок, как срочное медицинское вмешательство, производство учреждениями уголовно-исполнительной системы товаров, работ, услуг, приобретение учреждениями уголовно-исправительной системы сырья для трудоустройства осужденных и так далее. Стоимость услуг экспертных организаций варьируется от 5 до 20% начальной максимальной цены контракта.

Возникает вопрос: при наличии обученных лиц, которые могут работать в сфере закупок и на обучение которых потрачены бюджетные денежные средства, а также созданных уполномоченных органов, которые частично дублируют деятельность комиссий заказчика, при определенных видах закупки, насколько целесообразно привлечение специализированной или экспертной организации?

Думается, что в данном случае частично следует согласиться с Е.Б. Лапиной [4], которая утверждает, что принцип эффективности осуществления закупок остается номинальным лозунгом без возможности реализации.

Далее следует отметить, что при применении принципа эффективности в сфере закупок следует обратиться к работам криминологов, в частности к Н.А. Лопашенко [5], ведущей исследования по определению эффективности применения уголовного законодательства по аналогии.

Из вышеизложенного следует, что нормативно-правовой документ, который должен по своей сути обеспечивать эффективное использование бюджетных средств, предусматривает возможность неэффективного его использования. Таким образом, законодателю следует более детально проанализировать нормы, которые регламентируют деятельность организаций в сфере закупок по обеспечению государственных и муниципальных нужд, чтобы сэкономить бюджетные денежные средства с целью недопущения неэффективного их

использования и исключения коррупционных проявлений и злоупотреблений в сфере закупок.

Список литературы

1. *Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»* // Российская газета. 2013. № 80.

2. *Приказ Тендерного комитета г. Москвы от 22 января 2015 года № 70-01-01/15/5 «Об утверждении Порядка расчета коэффициента эффективности деятельности органов исполнительной власти города Москвы в сфере закупок, товаров, работ, услуг».* [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=MLAW;n=160444;req=doc>

3. *Кураков Л.П., Кураков В.Л.* Большой толковый словарь экономических и юридических терминов. М.: Вуз и школа, 2001. 720 с.

4. *Латина Е.Б.* Вопросы управления эффективностью в сфере государственных закупок // Администратор суда. 2014. №2. С. 34–39.

5. *Лопашенко Н.А.* Эффективность уголовного наказания: понятие, виды, критерии и показатели. // Проблемы уголовного права и криминологии: материалы выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений РФ, Н. Новгород, 11–14 сентября 2013 г. / отв. ред. Г.О. Петрова. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2013. С. 59–78.

6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е издание. М.: Изд-во «Русский язык», 1990. 922 с.

*Крыгин С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Проанализировано развитие борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий и связанная с этим информационная безопасность.

Ключевые слова: информационная безопасность; компьютерная преступность.

На современном этапе развития общества на передний план по своей актуальности и стремительно увеличивающейся значимости выходит информация. Информация – это один из мощнейших двигателей научно-технического и социально-экономического развития мирового общества. Информация и связанные с ней информационные технологии играют не только положительную прогрессивную роль, но и представляют качественно новые угрозы безопасности как личности, так и государства.

Информатизация различных процессов, широкое развитие информационных технологий – характерная черта ситуации в мире. Однако наряду с преимуществом информатизация имеет и отрицательную сторону, поскольку использование передовых информационных технологий характерно и для криминальных структур. И это еще больше усложняет борьбу с преступной деятельностью. Использование криминалом возможностей высоких технологий привело к появлению нового вида преступлений – преступлений в сфере компьютерной информации.

Так как одним из важнейших интересов общества является информация и развитие информационных отношений, входящих в совокупность отношений, обеспечивающих информационную безопасность, обеспечение информационной безопасности личности, государства, общества в целом на сегодняшний день приобретает особую актуальность, поскольку бурная эволюция программного обеспечения и компьютерной техники, встраиваясь в систему инфор-

мационных отношений, обеспечивающих поддержание общественной безопасности, определенным образом воздействуют на них. В этой связи вполне можно согласиться с американским философом Р.Э. Гомори, что побочным продуктом совершенствования средств обработки информации стала деформация множества видов деятельности – экономической, политической и т.д. При этом возникает проблема, заключающаяся в том, что люди оказываются не в состоянии оценить сложность и непредсказуемость происходящих событий, явлений [3, с. 24]. Сказывается и неадекватное реагирование в области правовой защиты различных институтов, обеспечивающих общественную безопасность, в т.ч. и института информационной безопасности.

В.М. Боер в своем выступлении на одной из международных научно-практических конференций отметил, что Россия уже достигла определенных успехов в сфере обеспечения надежной защиты информационной безопасности, в то же время ее состояние далеко не адекватно существующим угрозам и на сегодняшний день не может удовлетворить общество. А ведь именно через информационную сферу идет угроза национальной безопасности в различных сферах деятельности государства [5, с. 102]. Информационная безопасность является важной частью национальной безопасности нашей страны.

На сегодняшний день, например, все шире используется в кругах юристов такое понятие, требующее законодательного оформления, как информационный терроризм. Подобные преступления обычно связаны с информацией, широко распространяющейся с помощью информационных технологий, содержащей призывы к пропаганде войны, подстрекательство к войне, пропаганда насилия, расовой ненависти, дискриминации, апартеида, геноцида и т.п. И как вполне справедливо отмечает А.В. Кубышкин, вопросы о правовом регулировании подобных деяний, т.е. правового регулирования в сфере обеспечения информационной безопасности, должны решаться не только в рамках национальных законодательств, но и в рамках международного сотрудничества, поскольку информационное пространство, по сути, не имеет границ [7, с. 25].

Некоторые криминологи рассматривают компьютерную преступность как часть «беловоротничковой», экономической или организованной. Термин «компьютерная преступность» впервые был юридически определен в докладе экспертов из Организации экономического сотрудничества и развития в 1983 г. как «любые незакон-

ные, неэтичные или неправомерные действия, связанные с автоматической обработкой данных и/или их передачей» [4, с. 169]. Представляется, что указанный термин, воспринятый как отечественной, так и зарубежной литературой, имеет право на существование. Рассматриваемый термин, возникший первоначально как средство для обозначения появившихся новых способов совершения преступления, по своему содержанию давно уже перерос в криминологическое понятие, обозначающее самостоятельный вид преступности.

Компьютерными преступлениями, на наш взгляд, следует именовать те общественно опасные действия, предусмотренные уголовным законодательством, которые совершаются в сфере компьютерной информации с использованием компьютерной техники и средств.

Подходы к регулированию уголовно-правовых отношений в данной области в мире разные. Например, в США и во многих европейских странах уже достаточно давно действуют законы, направленные против компьютерных преступлений. Увеличение числа компьютерных преступлений, имеющих международный характер, требует необходимость консолидации усилий и законодательного регулирования взаимодействия разных государств.

В странах, где высок уровень компьютеризации, проблема борьбы с компьютерной преступностью уже довольно давно стала одной из первостепенных. И это не удивительно. Например, сегодня в США в целом ущерб от компьютерных преступлений составляет ежегодно около 5 млрд долларов, во Франции эти потери достигают до 1 млрд франков в год, а в Германии около 4 млрд марок. И число подобных преступлений увеличивается ежегодно на 30–40% [2, с. 7].

Использование компьютерной техники в криминальной деятельности охватывает практически все разновидности преступности. По мнению профессора права из Университета штата Южная Каролина Дж. Стифенса, «компьютерные преступления являются мощным генератором преступности во всем мире. Ограбление банков, уличные грабежи практически уйдут в прошлое по мере перехода общества на расчеты с помощью "электронных денег". Большинство преступлений из других сфер при переходе к компьютеризированному обществу "оденут компьютерные перчатки"» [9, с. 37].

Преступная деятельность становится все более качественно и продуманно подготовленной, что вызывает сложности в раскрытии и доказывании преступлений. Для системного планирования, разработки оптимальных вариантов и прикрытия преступных операций пре-

ступники все чаще используют современные компьютерные технологии и устройства.

Одним из наиболее распространенных видов преступных посягательств к компьютерной информации является неправомерный доступ. Неправомерный доступ к компьютерной информации достаточно опасное преступление, поскольку может таить в себе угрозу причинения вреда отношениям безопасности информационных интересов личности, общества и государства в самых различных сферах – от нарушения конституционных прав и свобод человека, посягательств на экономический уклад страны до преступлений, посягающих на мир и международную безопасность.

На основе изученных уголовных дел, по качественному составу преступлений по неправомерному доступу к компьютерной информации можно сказать, что большинство преступлений совершается в кредитно-финансовой сфере (52%), второе место занимают подключения к сети Интернет с незаконным использованием чужих паролей и имен (32%), значимую долю составляют преступления, совершенные с использованием мобильных телефонов-двойников (13%) и иные (3%).

Преобладание неправомерного доступа к компьютерной информации в кредитно-финансовой и банковской сфере является неблагоприятной тенденцией на протяжении нескольких лет. Одним из первых преступлений в России, где использовалась компьютерная техника для осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации с целью хищения денежных средств, было зарегистрировано в России в 1991 г. Преступная группа, имея доступ к компьютерным сетям Внешэкономбанка СССР, путем перечисления валютных средств на действующие счета граждан-клиентов банка похитила 125,5 тысяч долларов США.

В 1993–1995 гг. выявлено и пресечено более 300 попыток незаконного проникновения в компьютерную сеть ЦБ России для получения денежных средств. В июне 1993 г. зафиксирован факт несанкционированного доступа в автоматизированную систему Главного управления ЦБ России одной из областей Российской Федерации, сопровождающийся уничтожением части информации о взаиморасчетах. Ежеквартально преступники внедряют в сети подразделений ЦБ России фиктивную информацию о платежах на десятки миллиардов рублей [1, с. 35]. Весной 1996 г. преступники пытались внедрить в банковскую компьютерную систему Москвы поддельные векселя с

реквизитами Московского сберегательного банка с тем, чтобы похитить 375 млрд рублей и 80 млн долларов США [6].

Хищения, совершаемые в кредитно-финансовой сфере с использованием электронных средств доступа, основаны на неправомерном доступе к компьютерной информации. Например, в России в 1997 г. зарегистрировано не более 10 хищений, сопряженных с несанкционированным проникновением в компьютерные сети банков и иных кредитно-финансовых учреждений и 131 факт хищения с использованием пластиковых карт. Сегодня количество преступлений, совершаемых с использованием различного рода идентификаторов, в т.ч. и пластиковых карт, также преобладает, нанося ощутимый материальный ущерб.

Следует также отметить, что в кредитно-финансовой и банковской сферах преобладает тенденция увеличения преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, совершенного при непосредственном участии самих служащих коммерческих банков, организаций, фирм и т.д. Результаты исследований, проведенные американской исследовательской фирмой Digital Research, опросившей 548 компаний, показывают, что первое место занимают компьютерные преступления, совершенные сотрудниками собственных фирм (57%). Вторыми по вредности являются также сотрудники фирм, но уже бывшие. Уволившиеся работники частенько оставляют себе доступ к корпоративной сети. Хакеры, которых «рекламируют» как наиболее опасных преступников, заняли, по данным исследования, лишь третье место и составляют 21% [8].

Другой тенденцией совершения преступлений в сфере компьютерной информации является увеличение преступлений с использованием возможностей, которые предоставляет своим пользователям сеть Интернет. Ущерб, наносимый незаконными действиями преступников, действующих в сети, очень велик. Порой он исчисляется миллионами долларов, если, например, речь об «электронной торговле», незаконном использовании электронных кредитных карт и т.п. Сеть Интернет не знает государственных границ, поэтому выявление и раскрытие подобных транснациональных преступлений сопровождается значительными трудностями.

Возможности, предоставляемые Интернетом, очень широки. Сеть Интернет выступает как среда, в которой «процветает» различная преступная деятельность, таким орудием для совершения правонарушений и преступлений. В последнее время в связи развитием ин-

тернет-банкинга увеличилось число преступлений с хищением электронных денежных средств.

Следует отметить, что при использовании сети Интернет в качестве среды для преступной деятельности, привлекательной для правонарушителей, является сама возможность обмена информацией криминального характера. Сегодня на многочисленных хакерских серверах и сайтах в Интернете открыто размещаются программы для «взлома» и компьютерных атак. Это провоцирует подростков и неуравновешенные, асоциальные личности копировать такие программы и без колебаний применять их, подчас лишь из хулиганских побуждений, озорства.

Поскольку компьютерные преступления на сегодняшний день переросли национальные границы и стали международными, транснациональными, отсутствие международных соглашений МВД РФ с правоохранительными органами других стран, по линии борьбы с компьютерными преступлениями, существенно затрудняет работу с иностранными провайдерами, что особенно характерно для фирм, поддерживающих бесплатные почтовые сервера.

Мировым сообществом осознается опасность преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. Следствием этого стало создание и действие подкомитетов и рабочих групп по данной проблеме в рамках ООН, Европейском сообществе, содружестве стран-членов «восьмерки», штаб-квартире Интерпола.

Не секрет, что в Российской Федерации в целом компьютерная преступность имеет высокую степень латентности в связи с общей криминогенной обстановкой и отсутствием до недавнего времени соответствующих норм уголовного законодательства, а также специфичностью самой компьютерной сферы, требующей специальных познаний, трудности выявления преступления и заканчивая сложностью доказывания. Представляется, что в ближайшие годы следует ожидать дальнейшего роста все более «хитроумных» преступлений в сфере компьютерной информации. Проблемы, создаваемые данным видом преступлений, в будущем осложнятся. Доступность международной компьютерной сети и все увеличивающаяся увлеченность вычислительной техникой среди молодежи открывают большой группе лиц возможность совершения транснациональных компьютерных преступлений. Произойдут изменения и в характере жертв. Большее количество жертв появится, на наш взгляд, среди владельцев компьютеров, состоящих в различного рода социальных сетях.

Международный опыт борьбы с компьютерными преступлениями в целом и уже имеющийся отечественный опыт свидетельствуют о том, что неоспоримо значимую роль в противодействии преступной деятельности играют профилактические меры. Большинство специалистов прямо указывают на то, что предупредить компьютерное преступление всегда намного легче и проще, чем его раскрыть и расследовать.

Говорить о проблемах информационной безопасности можно бесконечно, поскольку они основаны на постоянном процессе развития и совершенствования информационных технологий, которые являются комплексными и многогранными. Охватить все поле вопросов, требующих внимания и разрешения, – задача очень сложная и достойна дальнейшего рассмотрения.

Список литературы

1. Аккуратов И., Батушенко А. Пираньи в компьютерных сетях // Эксперт. 1996. № 36. 23 сентября.
2. Анин Б. Защита компьютерной информации. СПб.: БХВ-Петербург, 2000.
3. Гомори Р.Э. Информационная эволюция в перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Серия 3. Философия. 1997. № 3.
4. Зибер У. Международный справочник по компьютерной преступности. Фрайбургский университет (ФРГ), 1986.
5. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. 2000. № 9.
6. Кочубей А. Скажи мне, какой у тебя банк... // Сегодня. 1996. 7 сентября.
7. Кубышкин А.В. Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
8. Мытько И. Свои опаснее чужих // Комсомольская правда. 2001. 28 июня.
9. Черных А. Компьютерный вирус: проблемы ответственности // Советское государство и право. 1990. № 5.

Максаков В. П.,
кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Рассмотрен пример использования экономического анализ выбора для изучения преступного поведения.

Ключевые слова: задача выбора; ожидаемая прибыль; условия максимума; интервал безубыточности.

Английский философ-моралист Бернард Мандевиль в 1705 г. опубликовал свое основное произведение «Басни о пчелах». Главная мысль басни: преступная деятельность отдельных индивидов служит благосостоянию общества в целом (парадокс Мандевилля).

*Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок.
Достатка – все тому свидетель –
Не даст ему лишь добродетель.*

Через два с половиной века Гэри Беккер первым из экономистов предложил для изучения преступного поведения использовать теорию обычного экономического анализа выбора [1]. Следуя Беккеру, рассмотрим пример такого анализа с конкретными функциями выгоды и издержек.

Рассмотрим случай однократной магазинной кражи [2].

Выгода для магазинного вора (общая выручка) определяется полезностью украденных предметов, а издержки включают возможность ареста и связанного с ним штрафа и/или заключения в тюрьму.

Запишем задачу выбора магазинного вора в виде:

$$\max_x \text{Pr}(x) = \max_x (B(x) - C(x)) = B(x^*) - C(x^*) \quad (1)$$

где x – стоимость похищенного; $B(x)$ – выгоды от похищенного для вора; $C(x)$ – ожидаемые издержки для вора.

В качестве функции выгоды от похищенного для вора выберем гиперболу вида:

$$B(x) = \frac{k_1 x}{1 + k_2 x}, \quad (2)$$

где k_1, k_2 – положительные параметры.

Эта функция в области $x > -1/k_2$ монотонно возрастающая, проходит через начало координат и имеет асимптоту $B(x) = k_1/k_2$. Ее вид при $k_1=6, k_2=2$ приведен на **рис. 1**.

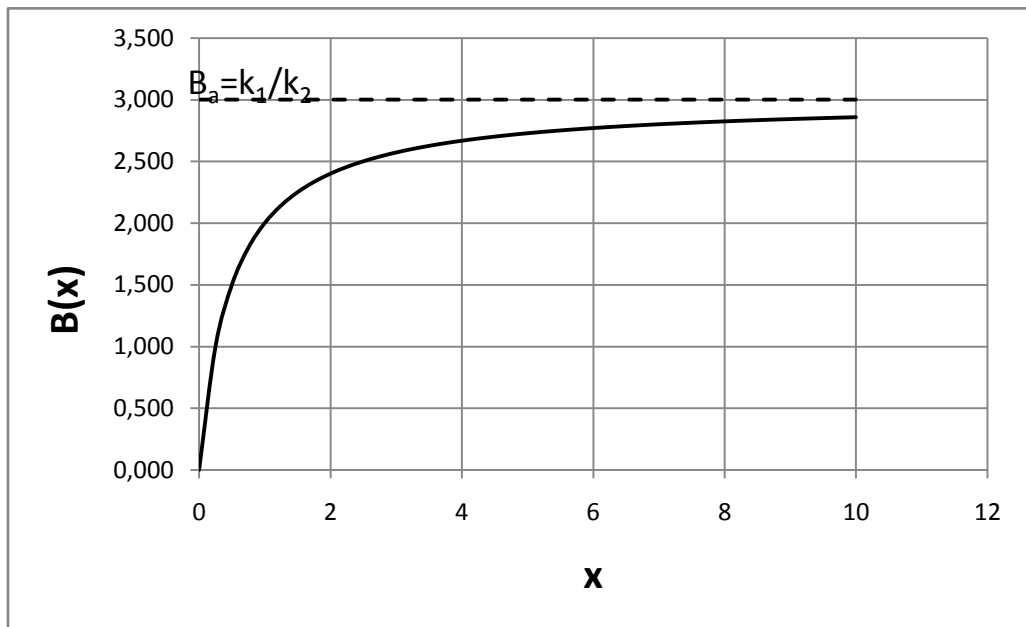

Рис. 1

Формы и размеры издержек определяются системой правосудия.

Примем, что издержки для вора пропорциональны постоянно-му штрафу F , вероятности задержания и осуждения P и размеру похищенного x^n ($n=0$ – нет зависимости от x , $n=1$ – линейная зависимость и $n=2$ – квадратичная), то есть издержки – это случайная величина, равная Fx^n с вероятностью P и равная 0 с вероятностью $1-P$.

Ожидаемые издержки для вора (математическое ожидание) определяются выражением:

$$(3)$$

$$C(x) = F \cdot P \cdot x^n,$$

Подставляя (2), (3) в (1), получаем задачу выбора ожидаемой прибыли:

$$\max_x \text{Pr}(x) = \max_x \left(\frac{k_1 x}{1 + k_2 x} - F \cdot P \cdot x^n \right) \quad (4)$$

Необходимые и достаточные условия максимума имеют вид:

$$\begin{cases} \frac{k_1}{(1 + k_2 x)^2} - nFPx^{n-1} = 0, \\ -\frac{2k_1 k_2}{(1 + k_2)^3} - n(n-1)FPx^{n-2} < 0. \end{cases} \quad (5)$$

Неравенство в (5) выполняется при любых $x > 0$, а из первого уравнения получаем значения x_n^* при различных $n=0,1,2$. При $n=0$ первое уравнение в (5) не имеет решения.

Это означает, что если ожидаемые издержки не зависят от стоимости похищенного, то у вора нет формальных ограничений и он может выбрать максимально возможное для него значение x (сколько может унести).

При $n=1$ первое уравнение в (5) имеет решение:

$$x_1^* = \frac{1}{k_2} \left(\sqrt{\frac{k_1}{F \cdot P}} - 1 \right). \quad (6)$$

Графическая интерпретация решения приведена на **рис. 2** ($n=1$).

Отметим, что функция прибыли вора положительна в интервале ИБ₁ (интервале безубыточности):

$$0 < x < x_{m1} = \frac{1}{k_2} \left(\frac{k_1}{F \cdot P} - 1 \right), \quad (7)$$

который существует при выполнении условия $k_1 > F \cdot P$.

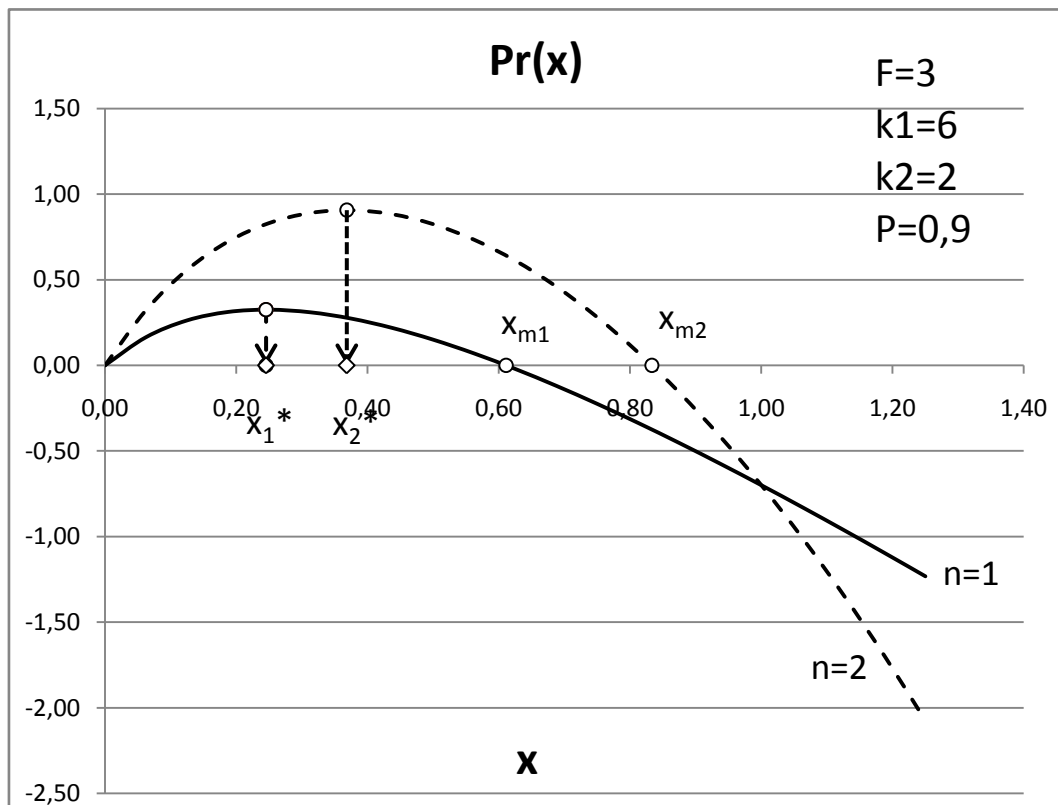

Рис. 2

Некоторые выводы из полученного решения.

1. Оптимальный размер хищения находится в обратной зависимости от ожидаемого штрафа.
2. Вор совершит кражу, если $x_{m1} > 0$, и откажется от кражи, если $x_{m1} \leq 0$.
3. Вор совершит оптимальную для него кражу, если $x_1^* > 0$.
4. Из (6) следует, что кража будет совершена, если будет выполнено условие $k_1 > F \cdot P$, т.е. параметр k_1 в функции выгоды от похищенного должен превосходить ожидаемый штраф за кражу единичной стоимости ($x=1$) $F \cdot P$.

При $n=2$ интервал безубыточности ИБ₂ имеет вид:

$$0 < x < x_{m2} = \frac{1}{2k_2} \left(\sqrt{1 + 4 \frac{k_1 k_2}{F \cdot P}} - 1 \right). \quad (8)$$

Функция прибыли при $n=2$ качественно мало отличается от функции прибыли при $n=1$ (см. Рис. 2). При $k_1^* = FP(1+k_2)$ интервалы

безубыточности ИБ₁ и ИБ₂ совпадают. При $k_1 < k_1^*$ ИБ₁ ⊂ ИБ₂ и при $k_1 > k_1^*$ ИБ₂ ⊂ ИБ₁.

Прибыль на интервале $0 < x < 1$ при $n=2$, больше прибыли при $n=1$ поскольку ожидаемые издержки $FPx^2 < FPx$. Поэтому усиление наказания путем введения квадратической зависимости ожидаемого штрафа от стоимости похищенного может быть эффективным только для значительных ($x > 1$) краж.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Москва ГУ ВШЭ, 2003.

2. Вэриан Х.Р. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход: Учебник для вузов / Пер. с англ. / Под ред. Н.Л. Фроловой. – М.: ЮНИТИ, 1997.

Маслова И. И.,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры права
ПГУАС, г. Пенза

Садырова М. Ю.,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
«Кадастр недвижимости и право»
ПГУАС, г. Пенза

Маслов А. Д.,
студент
ПГУАС, г. Пенза

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Вовлечение молодёжи в избирательный процесс напрямую связано с проблемой правовой социализации. В статье приводятся основные формы работы по привлечению молодёжи к участию в выборах в нашей стране по данным Центральной избирательной комиссии РФ (ЦИК России), некоторых региональных избирательных комиссий, Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ). Все эти меры стимулируют политическую активность молодёжи, но, на наш взгляд, недостаточно. Принципиальное изменение отношения молодёжи к политике, к институту выборов возможно лишь тогда, когда сама молодёжь почувствует себя реальным участником и субъектом трансформационных процессов в нашей стране.

Ключевые слова: молодёжь; избирательный процесс; выборы; формы и методы работы вовлечения в избирательный процесс; избирательное право; избирательная комиссия; молодёжная политика.

Вопросы участия молодёжи в избирательном процессе становятся всё более актуальными. Одна из главных задач на сегодняшний день – совершенствовать и реализовывать основные направления и наиболее эффективные формы работы по широкому вовлечению молодёжи в избирательный процесс. Различные политические структуры заинтересованы в изменении положения. Для этого необходимо

постепенно внедрять в сознание молодёжи установки ответственности граждан за происходящее в стране. Как представляется, более всего на эту роль подходит территориальная избирательная комиссия и избирательная комиссия субъекта Российской Федерации.

Было бы неверным утверждение о том, что государство полностью отвернулось от молодёжных проблем. Еще в конце 1994 г. была принята Федеральная целевая программа «Молодёжь России», которой с середины 1996 г. был придан статус президентской программы, рассчитанной на период 1994–1997 гг. В дальнейшем эта программа была скорректирована под цели и задачи государственной молодёжной политики на 1998–2000 гг., с приданием ей также статуса президентской программы. Затем постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2000 года № 1015 была утверждена Федеральная целевая программа «Молодёжь России» (2001–2005 гг.) [1]. Однако финансирование этой программы из средств федерального бюджета, например, за 1995–1997 гг., составило всего от расчётной потребности чуть более 13%. Эта тенденция вплоть до 1999 г. стала постоянной практикой, сопровождающей не только реализацию Федеральной целевой программы, но и возникших в большинстве субъектов Федерации на её основе региональных молодёжных программ. В настоящее время действует более ста шестидесяти законодательных актов Российской Федерации, которые отражают те или иные аспекты государственной молодёжной политики. Например, федеральный закон «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», «Программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов в РФ» [2].

Организаторы выборов целенаправленно проводят работу по правовому просвещению молодёжи. На сайте Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России (РЦОИТ) размещён обучающий интернет-комплекс «Школа молодого кандидата» для молодых представителей политических партий, кандидатов на выборах в законодательные и представительные органы власти, на выборные муниципальные должности [3].

Многие избирательные комиссии субъектов Российской Федерации на своих интернет-сайтах открыли и постоянно размещают информацию в разделах, адресованных молодым и будущим избирателям; с представителями молодёжи проводятся видео- и интернет-конференции [См.: 4]. Здесь следовало бы акцентировать внимание на скоординированной работе органов исполнительной и законода-

тельной власти, политических партий, общественных организаций, избирательных комиссий.

Избирательные комиссии проводят олимпиады по избирательному праву, конкурсы плакатов, сочинений, рефератов на тему «Молодёжь и выборы». С февраля 2008 г. по решению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации каждое третье воскресенье февраля объявлено Днём молодого избирателя – это совместное мероприятие с участием избирательных комиссий, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных, в том числе молодёжных организаций, учебных заведений, учреждений культуры, СМИ. В рамках этого дня в различных городах нашей страны проводятся мероприятия, направленные на формирование политической грамотности молодого избирателя: олимпиады и интеллектуальные игры, конкурсы, уроки по избирательному праву и избирательному процессу, научно-практические конференции, дни открытых дверей, встречи с молодёжью [5].

Постоянно реализуется разрабатываемый и утверждаемый Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и согласованный с Правительством Российской Федерации Комплекс мер по повышению профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов и правовому обучению избирателей Российской Федерации. В рамках осуществления Комплекса мер значимость государственной молодёжной политики стремительно возрастает [5].

На федеральном уровне реализацию государственной молодёжной политики осуществляет Общественная молодёжная палата при Государственной Думе Федерального Собрания РФ, созданная в 2001 г. как совещательный и консультативный орган при Государственной Думе для изучения проблем молодёжи в России и разработке рекомендаций по их решению.

В последние годы в стране было создано большое количество молодёжных организаций и движений: «Наши», «Молодая гвардия», «Россия молодая», «Уличная гвардия», «За Родину», «ЛОМ», «СКМ», «АКМ», «Мы», «Да!» и многие другие. За каждой из этих организаций стоит определённая политическая партия. И при вступлении в ту или иную организацию, нужно хорошо знать, взгляды какой партии она отражает. Благодаря деятельности этих организаций, молодые люди имеют возможность познакомиться с жизнью государства, по-

высвить свой уровень правовой культуры. А политически грамотная молодёжь примет верное и осознанное решение на выборах.

В субъектах Российской Федерации созданы и создаются молодёжные парламенты. Так, в 2010 г. состоялось первое заседание молодёжной палаты Архангельского областного Собрания депутатов. При нём будет работать пять комиссий: по образованию, культуре и патриотическому воспитанию молодёжи; по связям с общественностью и информационному развитию; по социальным и правовым вопросам; по спорту, здоровому образу жизни и развитию молодёжного туризма; по труду и занятости. Члены молодёжной палаты смогут участвовать во всех мероприятиях Собрания, парламентских слушаниях, заседаниях комитетов и сессиях, вместе с депутатами давать рекомендации правительственным структурам Архангельской области [6].

Молодёжный парламентаризм в России появился во многом благодаря тому, что на сегодняшний день возникла необходимость заполнить нишу в воспитании молодёжи, которую раньше занимали молодёжные структуры. Кроме того, 74% населения выступают за заимствование советских форм работы с молодёжью, 82% считают, что нужна государственная программа по работе с молодёжью [7]. Молодёжный парламент – это одна из форм привлечения молодёжи к участию в управлении делами государства, а также школа обучения избирательному процессу.

Избирательные комиссии активно взаимодействуют с молодёжными парламентскими структурами, прежде всего в процессе их формирования (избрания). Сотрудничество проявляется также и в проведении совместных мероприятий с молодёжными парламентами, таких как: молодёжные форумы, конкурсы среди аспирантов и студентов, деловые игры, фестивали, викторины и так далее [5].

Активную поддержку молодёжному парламентаризму оказывает ЦИК России. В сентябре 2009 г. в ЦИК России состоялось заседание «круглого стола» на тему: «Развитие института молодёжного парламентаризма в России как фактор политической активности молодёжи»; в феврале 2010 г. – заседание «круглого стола» на тему: «Электоральная активность молодёжи в аспекте деятельности молодёжных парламентов России», организованного ЦИК России. Мероприятия проходили в режиме видеоконференции с участием избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и руководителей региональных молодёжных парламентов [5]. Вопросы молодёжного парла-

ментаризма постоянно находятся в сфере внимания органов государственной власти, избирательных комиссий. Парламентские слушания по «молодёжной теме», иные встречи стали традиционными, и хотелось бы надеяться, что результативными.

Помимо того, в субъектах РФ стали традиционными конкурсы на лучшую работу по вопросам избирательного права среди студентов юридических специальностей высших и среднеспециальных учебных заведений. В конкурсе на лучшую организацию работы по повышению правовой культуры молодёжи, проводимого ЦИК России в 2009 г., принимали участие 53 избирательных комиссии субъектов Российской Федерации, а победителями стали 11 комиссий [5].

В общеобразовательных учреждениях более половины субъектов Российской Федерации во взаимодействии с избирательными комиссиями проводятся занятия по курсу «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации», который введён в программы обучения: граждановедение, правоведение, регионоведение, основы правовых знаний и другие учебные дисциплины. Реализуются целевые программы, предусматривающие проведение занятий со школьниками 9–11-х классов по предметам «Право» и «Обществознание» или как факультативный курс в течение одного-двух часов в неделю.

ЦИК России активно взаимодействует с высшими учебными заведениями. В настоящее время ЦИК России заключены договоры о сотрудничестве с 14 вузами страны (МГИМО, Московским госуниверситетом приборостроения, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Госуниверситетом управления, Российским новым университетом, Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, Военным университетом Минобороны России, Российским государственным социальным университетом, Московским гуманитарным экономическим институтом, Российским государственным университетом правосудия, Всероссийской государственной налоговой академией Минфина России, Московским государственным открытым университетом, юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, Московским технико-экономическим колледжем).

С рядом высших учебных заведениями (МГИМО, МГЮА, Военным университетом Минобороны России, Российским государственным университетом правосудия и другими) ЦИК России заключила договоры о прохождении практики студентов и стажировки

аспирантов (докторантов) образовательных учреждений. Прохождение практики студентами вузов активно используется и избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации.

Традиционным стало проведение совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации Конкурса среди студентов и аспирантов вузов (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса. Всего, начиная с 1999 г., в конкурсе приняли участие более 2000 аспирантов и студентов; ежегодно издаётся сборник лучших работ; многие из победителей конкурса связали свою профессиональную деятельность с избирательной системой.

В июле 2010 г. в здании ЦИК России состоялось торжественное вручение свидетельств о прохождении обучения на электоральных спецкурсах, организованных для студентов и аспирантов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и студентов Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина.

Уже несколько лет ЦИК России и РЦОИТ при ЦИК России принимают участие в работе Всероссийского молодёжного образовательного форума «Селигер». В 2010 г. представители ЦИК России посетили форум в рамках работы смены «Лидерство». Председатель ЦИК России выступил перед молодёжной аудиторией с лекцией «Избирательная система всегда в развитии», рассказал о работе ЦИК России, о сотрудничестве с вузами и проведении стажировок для молодёжи [5].

В здании ЦИК России регулярно проходят тематические выставки, посвящённые участию молодёжи в выборах. Например, в Год молодёжи с 25 февраля по 6 марта 2009 года прошла выставка «Время – вперёд! Выбор молодёжи», организованная при поддержке Министерства спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации. Посетители выставки смогли ознакомиться с информационно-разъяснительными материалами для молодых и будущих избирателей, разработанными избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, а также с разнообразными формами работы комиссий с молодёжью, в том числе в рамках проведения Дня молодого избирателя.

Издательская деятельность ЦИК России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации представляется на Московских международных книжных выставках-ярмарках. Например, в

2010 г. на XXIII выставке-ярмарке было представлено около 500 новых изданий ЦИК России, РЦОИТ при ЦИК России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, многие из которых были ориентированы на молодых и будущих избирателей. Экспозиция получила название «Знание – наш выбор».

Тем не менее, следует отметить недостаток научной и научно-популярной литературы, призванной оценить степень участия молодежи в электоральных процессах в России и способствовать вовлечению её в избирательный процесс.

В настоящее время прорабатывается вопрос об издании под эгидой ЦИК России нового учебника «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации». К работе над ним планируется привлечь профессорско-преподавательский состав вузов, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве [5].

Таким образом, мы попытались конкретизировать некоторые, на наш взгляд, основополагающие и первоочередные формы и методы привлечения современной российской молодёжи к выборам. Конечно, всё это стимулирует политическую активность молодёжи, но, на наш взгляд, к сожалению, недостаточно. Принципиальное изменение отношения молодёжи к политике, к институту выборов возможно лишь тогда, когда сама молодёжь почувствует себя реальным участником и субъектом трансформационных процессов в нашей стране. А это возможно лишь тогда, когда государство реально, а не формально сделает приоритетной молодёжную политику. Молодежь каждодневно должна иметь государственную поддержку в получении образования, открытии своего дела, реализации приобретённых профессиональных навыков за достойную плату, создании семьи, приобретении жилья и т.д. Это означает, что необходима основательная корректировка государственной молодёжной политики в целом.

Список литературы

1. *Федеральное агентство по делам молодёжи* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/> (дата обращения: 17.08.2014).
2. *Комитет Государственной Думы по делам молодёжи* [Электронный ресурс]. URL: <http://km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 27.12.2014).

3. *Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcoit.ru/> (дата обращения: 28.12.2014).

4. См.: *Избирательная комиссия Пензенской области* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.penza.izbirkom.ru/>;

Избирательная комиссия Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saratov.izbirkom.ru/>;

Избирательная комиссия Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <http://ikkk.ru/>;

Избирательная комиссия Московской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.moscow_reg.vyborny.izbirkom.ru/region/moscow_reg;

Избирательная комиссия Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permkrai.izbirkom.ru/isp/sx/art/999024/cp/1/br/931911.html>;

Избирательная комиссия Архангельской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arkhangelsk.izbirkom.ru/> и др. (дата обращения: 24.12.2014).

5. *Центральная избирательная комиссия Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 27.12.2014).

6. *Избирательная комиссия Архангельской области* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arkhangelsk.izbirkom.ru/> (дата обращения: 28.12.2014).

7. *ВЦИОМ: Всероссийский центр общественного мнения* [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 22.12.2014).

*Мельцов В. М.,
кандидат исторических наук,
специалист ОПП УРЛС МВД
по Чувашской Республике, г. Чебоксары*

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье освещена сущность политики мультикультурализма в современном европейском обществе, рассмотрены факторы, способствовавшие провалу данной политики, выявлены перспективы развития дальнейших стратегий межнациональной и межконфессиональной политики.

Ключевые слова: политика; мультикультурализм; толерантность; мусульмане; миграция.

Вопрос создания стабильного полиэтнического общества является одной из важнейших задач современных социальных наук. Мультикультурализм в связи с этим выступает центральной темой научных, политических и общественных дискуссий, которые ведутся на протяжении нескольких десятилетий в развитых странах, преимущественно в Западной Европе.

Мультикультурализм – это политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятом государстве и мире в целом культурных различий. От политического либерализма мультикультурализм отличается тем, что признает права этнических и культурных групп с целью сохранить свою идентичность, а не является таким «плавильным котлом», где предполагается слияние всех культур в одну [3, с. 47]. Права национальных меньшинств заключаются в предоставлении возможности этническим и культурным группам обучения и сохранения своей национальной самобытности.

Ключевым элементом мультикультурализма является толерантность, целью которой является мирное сосуществование культур. Идеи мультикультурализма популярны во многом в странах Европы, где издавна присутствует высокий уровень культурного развития. Европейский мультикультурализм предполагает параллельное сосуществование европейской и иных культур иммигрантов, проживающих в данном геополитическом пространстве.

После окончания Второй мировой войны в Европе наметился острый кризис рабочих рук, который было решено компенсировать

путем привлечения мигрантов из нейтральных государств или колоний. В частности, в Великобританию мигрировали граждане из Индии и Пакистана, во Францию переехали преимущественно алжирцы и марокканцы, в Германию – преимущественно турки.

Но власти европейских государств заблуждались, рассчитывая на то, что данная миграция является временной. Из более чем 20 млн мигрантов обратно вернулась лишь малая часть. Большинство из мигрантов крайне неохотно интегрировались в европейский быт, образ жизни, ценности. Зачастую они демонстративно подчеркивали свое нежелание воспринять ценности и нормы стран, в которых они проживали, вступали в конфликты с местным населением.

В начале XXI века стали резко обостряться отношения между европейским населением и мусульманами. Негативное отношение к мусульманам сложилось из-за относительно более организованной мусульманской общины по клановому принципу, нежелания последних интегрироваться в европейскую культуру и образ жизни и, конечно же, угрозы терроризма. В свою очередь, большинство мусульман не желает интегрироваться, считая несовместимым ислам и европейские ценности, приводя пример, скажем, Голландии, где разрешена проституция, легкие наркотики, гомосексуальные отношения и т.д. Они апеллируют и тем, что даже спустя несколько десятилетий жизни бок о бок с европейцами, их (мусульман) не воспринимают как «своих».

Первыми сигналами провала политики мультикультурализма послужили беспорядки во Франции в 2005 г., потом «карикатурный скандал», вызвавший волну негодования мусульман во всем мире, не считая столкновения европейцев и мусульман на расовой и национальной почве. Растет и активизируется деятельность ультраправых группировок. Недавно были задержаны члены одной из таких групп в Германии (Штандарт Вюртемберга), да и теракт в Норвегии был совершен Андерсом Брейвиком во многом из-за претензий по поводу неправильной миграционной политики. В его манифесте, состоящем из 1518 страниц, Франция названа самой исламизированной страной Европы, и именно она должна восстать первой. Даже в Европарламенте есть политики, которые во многом разделяют мнение Брейвика, например, во Франции лидер Национального фронта Жан-Мари Ле Пен, в Италии – Марио Боргезо, который сказал, что около 100 млн человек, а это 20% населения Европы, солидарны с Брейвиком.

Провал политики мультикультурализма признали и лидеры европейских государств. 18 октября 2010 года канцлер Германии Ангела Меркель сделала заявление относительно мультикультурализма. Она отметила, что «мультикультуралистский подход, согласно которому мы просто живем бок о бок, и все довольны, полностью провалился» [1]. Канцлер Германии подчеркнула, что Германия приветствует иммиграцию, но иммигранты должны учить немецкий язык и получать образование в немецких школах.

В речи на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2011 г. премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил о провале политики «государственной мультикультурности», предложил отказаться от пассивной толерантности последних лет в пользу гораздо более активного и сильного либерализма, защищающего национальную идентичность, демократию, главенство закона и свободы слова. На взгляд английского лидера, интеграция произойдет, если люди, принадлежащие к разным культурным сообществам, «освободившись от государственного гнета, обретут общую цель», например, в виде общей гражданской заботы о своей стране как едином доме.

Правые критики политики (неонацисты в Германии, активисты крайне правой «Английской лиги обороны» в Англии или партии Марин Ле Пен во Франции) крайне отрицательно оценили выступления лидеров своих стран, рассматривая их как «беззубые», «пустой пиар», «обман общества».

Либеральная критика мультикультурализма включает в себя более аргументированные аргументы.

Во-первых, эта политика обеспечивает государственную поддержку не столько культурам, сколько общинам и группам, которые необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии.

Во-вторых, государственное спонсирование общин стимулирует развитие группой коммунитарной (общинной) идентичности, подавляя индивидуальную. Такая политика закрепляет власть общины над индивидом, лишенным возможности выбора.

В-третьих, мультикультурализм искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, препятствуя индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество. Во многих странах Европы и в США известны многочисленные случаи, когда люди, утратившие свою этническую или религиозную

идентичность, вынуждены были возвращаться к ней только потому, что правительство спонсирует не культуру, а общины (их школы, клубы, театры, спортивные организации и др.).

В-четвертых, главным недостатком политики мультикультурализма является то, что она провоцирует сегрегацию групп, порождая искусственные границы между общинами и формируя своего рода гетто на добровольной основе.

Во многих странах мира возникли замкнутые моноэтнические, или монорелигиозные, или монорасовые кварталы и учебные заведения. В студенческих столовых возникают столы «только для черных». Появляются «азиатские» общежития или дискотеки для «цветных», вход в которые для «белых» практически заказан. В 2002 г. имам небольшого французского города Рубо посчитал недопустимым въезд в этот населенный пункт Мартины Обри, известнейшей политической персоны – мэра города Лилля, бывшего министра труда, впоследствии лидера Социалистической партии и кандидата в президенты Франции. Имам назвал этот городок «мусульманской территорией», на которую распространяется «харам», то есть запрет для посещения женщины-христианки [4, с. 139]. Это пример весьма распространенной и парадоксальной ситуации: мультикультурализм на уровне страны оборачивается жестким монокультурализмом и сегрегацией на локальном уровне.

Такие же парадоксальные превращения происходят и с иными ценностями, которые в 1970-е годы лежали в основе самой идеи мультикультурализма. Эта политика, по замыслу ее архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека. Например, молодые турчанки или пакистанки, привезенные в качестве жен для жителей турецких кварталов Берлина или пакистанских кварталов Лондона, оказываются менее свободными и защищенными, чем на родине. Там от чрезмерного произвола мужа, свекра или свекрови их могла защитить родня. В европейских же городах этих молодых женщин зачастую не спасают ни родственники, ни закон.

Карикатурный мультикультурализм, из которого выхолощены ценности гуманизма, способствует возрождению в европейских горо-

дах таких архаических черт традиционной культуры, которые уже забыты на родине иммигрантов. В ряде исламских стран женщины становились не только членами парламента, судьями, министрами, но и главами правительств (в Пакистане – Беназир Бхутто, в Турции – Тансу Чиллер), а в исламских кварталах европейских городов турецкую, арабскую или пакистанскую женщину могут убить за любое неподчинение мужчине в семье, за одно лишь подозрение в супружеской неверности, за ненадетый платок.

В замкнутых исламских кварталах Берлина, Лондона или Парижа молодежь имеет значительно меньшие возможности социализации и адаптации к местным условиям, чем их сверстники, живущие вне этих добровольных гетто. Уже поэтому невольники общин заведомо неконкурентоспособны на общем уровне страны. К началу 2000-х годов в Берлине лишь каждый двенадцатый турецкий школьник сдавал экзамены за полный курс средней школы, тогда как из числа немецких школьников такие экзамены сдавал каждый третий выпускник.

Понятно, что и безработица затрагивает молодых турок в значительно большей степени, чем немцев. В 2006 г. 47 процентов молодых турчанок в возрасте до 25 лет и 23 процента молодых турок являлись безработными и жили за счет социальных пособий. При этом сама возможность получения таких пособий почти без ограничений по времени не стимулирует иммигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Более того, социологические исследования показывают, что турецкая молодежь в Германии демонстрирует меньшее стремление к интеграции, чем турки старшего поколения [2, с. 58]. Вот это и есть реальное выражение краха политики мультикультурализма, точнее, политики культурной дезинтеграции.

Для преодоления негативных последствий мультикультурализма необходимо совершенствовать миграционное законодательство, выработать единую стратегию по координации деятельности миграционных служб Западной Европы. Исходя из данной стратегии целесообразно требовать от мигрантов в течение определенного времени изучения культуры и языка государства пребывания. В качестве меры по ограничению радикальных исламских воззрений не допускать обучения учащихся в исламских школах, кроме выходных дней, когда родители сами решают, отправлять своего ребенка в данную школу для изучения родного языка и культуры или нет, притом исламские школы должны быть подотчетны министерствам образования тех государств, где они находятся. Те, кто получили гражданство,

должны быть уравнены в защите своих прав не только де-юре, но и де-факто, для способствования дальнейшей интеграции.

Следует уделять особое внимание проблеме безработицы среди молодых мигрантов, а также уважать религию, культуру, ценности друг друга. Те же, кто не сумеет в течение определенного промежутка времени интегрироваться, должны будут покинуть страну. Конечно, в современном мире невозможно остановить поток мигрантов, которые ищут более достойной жизни за пределами своих государств, однако путем грамотной миграционной политики их можно интегрировать в новое общество. Если лидеры европейских государств не ограничат политику мультикультурализма до определенных разумных пределов, то нам кажется, что деструктивных элементов на данном этапе больше, чем конструктивных.

Поиски новых альтернатив политики мультикультурализма не прекращаются в современном мире. Одним из наиболее перспективных направлений, на мой взгляд, является модель «индивидуальной свободы и культурного выбора», базовые принципы которой изложил Амартия Сен – известный мыслитель и ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике. Главная его идея состоит в постепенном ослаблении групповых форм идентификации и переходе к индивидуальному выбору. «Культурная свобода, – объясняет А. Сен, – это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, **имея реальную возможность оценить другие варианты**». Мыслитель подчеркивает, что «множество существующих в мире несправедливостей сохраняется и процветает как раз потому, что они превращают своих жертв в союзников, лишая их возможности выбрать другую жизнь и даже препятствуя тому, чтобы они узнали о существовании этой другой жизни» [5, с. 247].

Вот и этнические, религиозные и другие групповые культурные традиции по большей части не добровольны, они «аскриптивны», то есть предписаны индивиду от рождения. Поэтому основная цель политики поощрения культурной свободы состоит в ослаблении этой предопределенности, в развитии индивидуального мультикультурализма.

Список литературы

1. *Игнатенко А.А.* Между «исламофобией» европейцев и «еврофобией» иммигрантов // НГ-Религии. 2010. 20 октября.

2. Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002. 389 с.

3. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 207 с.

4. Понкин И.В. Ислам во Франции. М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. 196 с.

5. Сен А. Развитие как свобода. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. 430 с.

*Нагорнов Е. А.,
кандидат культурологии,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук
НиЖГМА, г. Нижний Новгород*

ПСИХИАТРИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В XIX ВЕКЕ: ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ К БИОПОЛИТИКЕ

Концепция пенитенциарной системы М. Фуко предполагает обособление психиатрии в качестве необходимого элемента судебно-медицинской экспертизы. Выявляет особенности ее формирования и развития в качестве составной части «коррекционной машины» буржуазного общества. Такой подход является генеалогическим и позволяет проследить корни современных контролирующих властных инстанций.

Ключевые слова: психиатризация; нормализация; население; власть; индивид.

В данной работе мы рассмотрим произведение М. Фуко «Не-нормальные», показывающее процесс складывания современной психиатрии и институтов судебно-медицинской экспертизы. Эти сферы призваны помочь власти контролировать внутренний мир человека и его тело: «Именно тело оказывается у Фуко противоположностью власти, оказывается тем, чем стремится власть овладеть» [1, с. 11].

Согласно концепции Фуко, в XIX веке психиатрия дополняет собой новые практики контроля над индивидом, новую сложившуюся «величественную пирамиду власти», включается в процесс «индивидуализации, разделения и подразделения власти, которая в конечном счете настигает мельчайшее зерно индивидуальности» [1, с. 70]. Психиатр выступает теперь от имени продуманной технологии «преобразования индивидов». Психиатрия отныне также «производит здоровое население» [1, с. 70], становится моделью политического контроля, присоединяясь к «позитивным технологиям власти».

Мы рассмотрим, как через механизм судебно-медицинской экспертизы психиатрия как наследница идей XVIII века работает с опасными отклонениями индивидов, выступая частью «коррекци-

онной машины» государства. Как она от имени *истины* решает: «Опасен ли индивид? Будет ли он восприимчив к уголовной санкции? Исправим ли он?» [1, с. 56].

Именно с XIX века психиатрическая власть теперь в качестве сложившегося судебно-психиатрического механизма будет устанавливать нравственные и социальные требования. При этом психиатрия, как отмечает М. Фуко, опирается не столько на свой авторитет, но прежде всего на знание: «Новая власть сопряжена не с невежеством, но с целым рядом механизмов, обеспечивающих образование, применение, накопление, рост знания. XVIII в. с его дисциплиной и нормализацией ввел тип власти уже не сопряженной с незнанием, но, наоборот, способный функционировать лишь вследствие сложения знания, каковое является для него и эффектом и условием исполнения» [1, с. 76]. В результате традиционные судебные техники управления индивидами подключаются к новым технологиям нормализации и контроля за аномалиями, выстраивая «регулярную сеть знания и власти»: «Презренное ремесло наказания превращается в прекрасное дело исцеления» [1, с. 56].

Итак, возникновение судебно-психиатрической власти, где психиатр выступал бы одновременно и судьей, у Фуко приходится на конец XVIII века. До этого судьи вполне руководствовались сложившейся практикой разовых спорадических наказаний. Судебная машина представляла собою «ритуальную манифестацию неизмеримой карательной власти» [1, с. 111]. Здесь «нет механики преступления, которая следовала бы из некоего знания; есть лишь стратегия власти, расточающая свою силу вокруг преступления и по его поводу» [1, с. 111]. Суд не интересовала «природа преступления», его мотивы, его химия. Данный тип власти далек от тотального диффузного «контроля над ненормальным». Судья выступал регистратором нарушений, их кодификатором, но «никогда до конца XVIII века вопрос о природе преступности по-настоящему не поднимался» [1, с. 112].

Характеризуя период, предшествующий появлению психиатризуемой судебной власти, Фуко отмечает: «Хотя от судьи требуется знание преступника, хотя в самом деле нужно, чтобы он проник внутрь преступника, нужно это вовсе не для того, чтобы понять преступление, а всего лишь выяснить, этот ли человек его совершил» [1, с. 112]. Задача судьи – «выманить правду»: «Преступник подлежит изучению со стороны судьи именно в качестве хранителя правды и никогда не в качестве преступника, совершившего преступление» [1,

с. 112]. Как отмечает Фуко: «Знание изучает не преступного, а знающего субъекта» [1, с. 112]. Только с конца XVIII века карательная власть начинает «удваивать деление на законные и незаконные поступки делением индивидов на нормальных и ненормальных» [1, с. 112]. Это происходит вследствие того, что XVIII век «взвинтил эффекты власти»: «Вместо того чтобы целиться в отдельные точки, в отдельные участки, в индивидов, в произвольно определенные группы, XVIII век нашел механизмы власти, которые могли действовать, не делая пропусков, и распространяться на всю ширину социального поля» [1, с. 113]. Согласно Фуко: «Взвинтить эффекты власти – значит сделать их в принципе неминуемыми, то есть оторвать от принципа произвола властителя или доброй воли и превратить в безоговорочно фатальный и необходимый закон, в принципе довлеющий одинаковым образом над всеми» [1, с. 113]. В это время формируется принципиально новая экономика карательной власти, исчезает избирательное правосудие в пользу судебно-полицейского аппарата надзора и наказания, который устранил в рамках исполнения карательной власти последние пропуски [1, с. 114].

Начинается эпоха «продуманных техник преобразования индивидов». Вместо триумфа «грандиозной экономики ритуальной и ослепительной траты карательной власти» на первое место выходит «интерес преступления»: «Именно этот интерес-основание преступления является новым принципом экономики карательной власти и сменяет собою принцип жестокости» [1, с. 116]. Отсюда главным вопросом судебной практики XVIII–XIX веков становится «вопрос механики и игры интересов, которые смогли сделать преступника тем человеком, который оказался обвиняемым в совершении преступления» [1, с. 116]. По мнению Фуко, «этот новый вопрос относится не к ситуации преступления и даже не к намерению субъекта, но к имманентной криминальному поведению рациональности, к естественной логике этого поведения» [1, с. 116].

Эпоха Просвещения – эпоха Разума, а следовательно, и преступление должно обладать присущей ему рациональностью. Отныне преступление – это уже не только то, что нарушает гражданские и религиозные законы или законы самой природы: «Теперь преступление – это то, что само имеет некоторую природу» [1, с. 116]. Отсюда необходимость «натуралистического знания о криминальности»: «Нужна естественная история преступника как преступника» [1, с. 116].

Данное «натуралистическое знание», необходимое для исполнения наказания, и будет отныне предоставлять психиатрия.

Фуко отмечает: «Преступление отныне карается сообразно интересу, которым оно продиктовано» [1, с. 144]. Основной идеологический контекст эпохи: чтобы быть наказанным, преступление должно быть изучено. Какова природа интереса, попирающего интересы всех остальных? [1, с. 117]. И, как заключает Фуко: «Разве это не болезненный, не извращенный интерес, разве не противоречит он самой природе всех интересов?» [1, с. 117]. В фигуре преступника терпит крах идея общественного договора, он единолично разрывает его. Отсюда в отношении единоличного самоутверждения преступника возникает вопрос: «Когда преступник в некотором смысле возобновляет свой эгоистический интерес, отрывает его от договорного или основанного на договоре законодательства и восстанавливает против интереса всех остальных, разве не идет он наперекор естественной склонности?» [1, с. 117]. И раз он делает это – значит «этот естественный индивид, которому свойственно не подчиняться естественному развитию интереса» [1, с. 117] – парадоксален, «ненормален».

Разобраться в истоках этой ненормальности и предстоит психиатрии в рамках «коррекционной машинерии» судебно-медицинской экспертизы XIX века. Кара отныне не уничтожает преступника, как это было в рамках феодально-абсолютистской системы, «Аннулированию, искоренению может быть подвергнуто другое: всевозможные механизмы заинтересованности, которые побудили на это преступление его виновника и которые могут побудить на подобные преступления других» [1, с. 144]. Прежняя судебная система с ее избыточностью карательных мер зрелищно разрывала, измельчала, перемалывала тело преступника, сводя его на нет, **исключая** из общественного тела. Но никогда не интересовалась «внутренней рациональностью преступления», не стремилась его постичь, **включить** его в сферу своих интересов. В условиях же складывающейся системы буржуазных ценностей «качать можно лишь в том случае, если прямо постулирована рациональность деяния, которая-то в действительности и карается» [1, с. 145].

Заручившись в XIX веке поддержкой психиатрии, судебная власть отныне будет заявлять: «Я могу наказывать лишь в том случае, если понимаю, почему совершено деяние, каким образом совершено деяние; иными словами, только если могу проникнуть в подвластную анализу логику данного деяния» [1, с. 147]. Преступник теперь не от-

торгается, не извергается в виде истерзанных кровавых останков, но скрупулезно изучается и анализируется. Теперь «уголовный аппарат уже не сможет обходиться без помощи научного, медицинского, психиатрического анализа оснований преступления» [1, с. 148].

В этом плане интересно замечание Фуко, что «психиатрия, какой она сложилась в конце XVIII века и, особенно, в начале XIX века, не была специализированной областью общей медицины» и функционировала «не как особая специализация медицинского знания или теории, но, куда в большей степени, как отрасль общественной гигиены» [1, с. 149]. Вот почему определяющим моментом в становлении психиатрии послужил «дискурс, развиваемый психиатрией по призыву уголовного аппарата» [1, с. 148]. Фуко замечает: «Прежде чем сделаться отделом медицины, психиатрия была институционализована как область социальной защиты, защиты от всевозможных опасностей, с которыми общество может столкнуться вследствие болезни или всего того, что может быть прямо или косвенно связано с болезнью. Психиатрия институционализировалась как своего рода социальная профилактика, как гигиена всей совокупности общественного тела» [1, с. 149]. Психиатрия являлась отраслью общественной гигиены, и чтобы самой сделаться научным институтом, «основательным и подкрепленным медицинским знанием», ей, по мнению Фуко, «потребовалось совершить две одновременные кодировки»: «определить безумие как болезнь, патологизировать присущие ему расстройства, заблуждения, иллюзии» и «надо было определить безумие как опасность» [1, с. 149].

Определение безумия как «источника угроз» и сформировало психиатрию «как знание о ментальных болезнях, способное действительно работать в качестве общественной гигиены» [1, с. 150], в том числе и в рамках судебного аппарата. Возникает ситуация, когда «социальная опасность кодируется как болезнь в рамках психиатрии» [1, с. 150]. В этом плане интересна эволюция, представленная Фуко, от монстра, неподдающегося и мастурбатора XVIII века до «ненормального» века XIX-го. Именно с начала XIX века психиатрия начинает активно создавать себя как «медицинскую науку, ответственную за общественную гигиену», что и приведет в конечном итоге к долгожданному слиянию с судебной властью, к ее медиализации. Постепенно начнут выкристаллизовываться ключевые психиатрические понятия будущей медицинской власти-знания: *вырождение, инстинкт, поведение, состояние*. С XIX века начнется методичное ос-

воение *тела*, создание особой теории нормализации, складывание тонкой модели политического контроля над индивидом, вхождение в судебную власть. Любое из психиатрических понятий легко отныне становится рычагом власти: «Вместе с понятием вырождения вы получаете возможность изоляции, регистрации, ограждения некоторой зоны социальной опасности и, в то же время, способ придать ей статус болезни, патологический статус» [1, с. 150]. Но фундаментальным в формировании психиатрии, как указывает Фуко, оказывается прежде всего ее «нужда в безумце как таковом, на опасный характер которого она без устали указывала» [1, с. 150]. Нужно было утвердить принцип «сущностной и фундаментальной причастности безумия к преступлению, а преступления к безумию» [1, с. 151].

Чтобы придать политическое значение безумию, важно было утвердить корни безумия в «непослушании, сопротивлении, неподчинении, бунте, в злоупотреблении властью» [1, с. 151], а не в пассивной теории *брёда*, характерной для XVIII века. Фуко отмечает: «Для психиатра XIX века безумец – это, в сущности, всегда некто принимающий себя за короля, то есть противопоставляющий свою власть всякой установленной власти и уверенный в превосходстве над нею, будь то власть института или власть истины» [1, с. 151].

М. Фуко констатирует: «Чтобы укрепиться в качестве научного и авторитарного вмешательства в общество, чтобы укрепиться в качестве власти и науки общественной гигиены и социальной защиты, медицина ментальных болезней должна была показать, что она способна распознать некоторую опасность даже там, где никто другой еще не видит ее; и что она способна распознать ее потому, что является медицинским знанием» [1, с. 152]. По мысли Фуко: «Всякий беспорядок, всякая недисциплинированность, горячность, непослушание, упрямство, недостаточная любовь и т.д. – все это теперь подлежит психиатризации» [1, с. 198]. Вот почему психиатрия «сразу заинтересовалась безумием, способным убивать, так как ей нужно было сформироваться и отстоять свои права в качестве власти и знания в области внутренней защиты общества» [1, с. 152]. Непонятные, «непредсказуемые преступления» отныне становятся прерогативой психиатрии, формируя «сопричастность внутренних проблем уголовной системы и желаний психиатрии» [1, с. 153]. В результате психиатрия становится своеобразным «архимедовым рычагом» правосудия.

Возникает ситуация, когда, по словам Фуко, развивается мощный процесс, который не завершился и по сей день, – процесс, в ко-

тором внутрибольничная, сосредоточенная на болезни психиатрическая власть превратилась в общую, внутри- и внебольничную юрисдикцию уже не безумия, но ненормальности и всякого ненормального поведения [1, с. 166]. В итоге, по мнению Фуко, возникает «стыковка властей»: «особого рода игра, особого рода распределение и особого рода смычка одних механизмов власти, характерных для судебного института, и других, характерных для медицинского института, медицинской власти и знания» [1, с. 167]. По мнению мыслителя: «С конца XIX века постепенно зарождается всеобщее стремление судей к медиализации их профессии, их функции, выносимых ими решений» [1, с. 62]. Медики отстаивали свое право на «применение своего знания внутри судебного института» [1, с. 62]. Вот почему «информация, которой располагает судья, одновременно являющийся следователем, – это информация по сути своей психологическая, социальная, медицинская» [1, с. 62]. Эта информация «основывается не столько на самом поступке, который совершил индивид и за который он предан суду, сколько на этом контексте его существования, его образа жизни, дисциплины» [1, с. 62]. Вот почему медико-психологические службы, призванные следить за тем, как развивается индивид, отбывая свое наказание, становятся неотъемлемой частью пенитенциарной системы XIX века.

В результате в феномене судебно-медицинской экспертизы мы видим вполне четкий исторический смысл, логику взаимодействия судебной и медицинской власти со всеми их последующими трансформациями: «Сила, мощь, власть проникновения и разлада, присущая судебно-медицинской экспертизе по отношению к нормативности как судебного, так и медицинского знания, основывается именно на том, что она предлагает им другие понятия; она обращается к другому объекту, приносит с собою другие техники, которые образуют некий третий, коварный и скрытый термин, тщательно заслоняемый справа и слева, с одной и другой стороны, юридическими понятиями «правонарушения», «рецидива» и т.д., а также медицинскими концептами «болезни» и т.п. ...проводит действие власти, не являющейся ни судебной, ни медицинской, власти другого типа ...власти нормализации» [1, с. 67].

В судебно-медицинской экспертизе проступают контуры особой позитивной власти «инстанции контроля над ненормальным»: «Намечается ось исправимой неисправимости, на которой-то и возникнет позднее, в XIX веке, индивид ненормальный» [1, с. 81]. Исторически

у Фуко это связано с переходом от политической модели борьбы с проказой к модели борьбы с чумой, когда зараженный не исторгается из социального поля, но становится объектом пристального наблюдения и контроля. Модель контроля, связанная с чумой, предполагает очерчивание некоторой территории: «Эта территория уже не была неупорядоченной зоной, куда изгонялись люди, от которых надо было очиститься» [1, с. 68]. Эта территория стала предметом подробного и внимательного анализа, тщательной разметки, на ней «организуется непрерывная власть». Именно в данной модели началось «распределение индивидов на больных и здоровых»: «чума подразумевает своего рода постепенное приближение власти к индивидам, все более неусыпное, все более настойчивое наблюдение» [1, с. 70]. И в модели чумы, и в психиатрической модели врач становится «целой микроклеткой вокруг индивида» [1, с. 82]. Таким образом, анатомируя данные *останки*, «обломки дисциплинарных инстанций» XVIII-XIX веков, М. Фуко вскрывает пружины, составные части и генеалогию власти современной с ее «технологиями ненормальных индивидов».

Список литературы

1. Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука, 2005. 432 с.

*Новикова А. В.,
преподаватель кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
УФ РГУП, г. Челябинск*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

В статье приводятся анализ развития коррупции в нашей стране и причин существования коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: ретроспективный анализ; коррупция; государственный аппарат; взяточничество; произвол.

Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок, коррупционность государственных структур и должностных лиц препятствует развитию государственного управления, влечет за собой огромные дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения. Разработка и внедрение правовых, организационных и иных механизмов противодействия коррупции, повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти являются необходимыми элементами реализации административной реформы в России [1, с. 17].

Широкая интеграция Российской Федерации в мировую экономику, в том числе в международные кредитно-финансовые институты [5, с. 4], расширение сотрудничества между Россией и рядом государств-участников Содружества Независимых Государств повлекли, наряду с позитивными политическими, социально-экономическими последствиями этих процессов, интеграцию коррупционеров, рост общественной опасности коррупции. Фактически признанно, что коррупция в России стала системной проблемой, без решения которой невозможно дальнейшее развитие страны [2, с. 223].

Ввиду острой криминогенной ситуации в Российской Федерации давно появилась необходимость в реформе отечественного антикоррупционного законодательства, которая обеспечила бы правовую защиту личности, общества и государства в целом.

25 декабря 2008 г. был принят закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"», Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» определяет само понятие коррупции, а также дает определение противодействия коррупции.

Изучение дошедших до нас памятников истории и права позволяет заключить, что явление коррупции хорошо известно с древнейших времен и, по-видимому, было присуще всем государствам в любые периоды их развития. Большое количество антикоррупционных предписаний и рекомендаций содержится в Библии: законах Моисея (Ветхий завет, 2 книга Моисея, Исход), Книгах премудрости Соломона и пророка Исаи. Многочисленные примеры взяточничества и злоупотреблений можно найти в Новом завете (например, в Святом благовествовании от Матфея) [4, с. 56–71].

Обращаясь непосредственно к историческому прошлому нашей страны можно отметить следующее.

Причины живучести коррупции, а в частности взяточничества как одной из ее самых распространенных форм, исследователь начала XX века П. Берлин объясняет тем, что в России «взяточничество неразрывно сплелось и срослось со всем строем и укладом политической жизни». Продолжавшаяся на протяжении веков практика параллельного осуществления, с одной стороны, борьбы с взяточничеством, а с другой, развращения высших слоев чиновничества путем щедрой раздачи даров «прислужившимся», способствовала закладыванию психологических основ для взяточничества и казнокрадства. Соответственно, низшие слои чиновничества, не имея возможности быть одариваемыми сверху, прибегали к вымогательству по отношению к подчиненным.

Отмечалась также связь взяточничества и казнокрадства с политической благонадежностью. Создавалась ситуация, когда на эти преступления власть смотрела сквозь пальцы в обмен на политическое угодничество (лояльность, как сказали бы в настоящее время). Кроме того, важно, что взятка являлась своеобразным инструментом, с помощью которого обыватель мог добиться «если не фактического упразднения, то, по крайней мере, сколько-нибудь «милостивого», сколько-нибудь широкого толкования существующих узаконений». Таким образом, взятка смягчала архаичность, несовершенство законодательства [3, с. 48, 51, 52–54].

Весь период советской власти характеризуется довольно широким распространением коррупции, существованием ее как целостной системы, что отмечалось и российскими, и зарубежными исследователями данного вопроса [6, с. 610]. А. Шлейфер и Р.В. Вишни предполагали, что, как и в царской России, коррупция позволяла населению выжить, обеспечить себя дефицитными жизненными благами. Подкуп чиновников, взятки и другие неофициальные способы решения проблем смягчали жесткое централизованное управление и планирование народного хозяйства, делали его более мобильным и отзывчивым на вызовы времени, а теневой сектор служил источником потока коррупционных платежей.

Во время перестройки (1986–1991 гг.) в стране интенсивно разрушаются остатки тоталитарного контроля, расхищается государственная собственность, развивается коррумпированность старой номенклатуры и представителей новой элиты, тогда как ответственность снижается. Наиболее активная часть партийной, государственной и хозяйственной элиты переходит в новые властные и коммерческие структуры, перекачивает бесхозные государственные средства и ресурсы за рубеж, в акционерную, частную и личную собственность.

Весь послевоенный период, во времена перестройки и после нее рост коррупции происходил на фоне ослабления государственной машины. Он сопровождался следующими процессами: уменьшением централизованного контроля, далее – распадом идеологических основ, экономической стагнацией, а затем и падением уровня развития экономики, наконец – крахом СССР и появлением новой страны – России, которая на первых порах лишь номинально могла считаться государством. Постепенно организованная коррупция централизованного государства сменяется «федеративным» устройством

из множества коррумпированных систем, что позволило, в свою очередь создать все условия для ее процветания.

Таким образом, можно сделать вывод, что нынешнее состояние коррупции в России во многом обусловлено давно наметившимися тенденциями и переходным этапом, который и в других странах, находящихся в подобной ситуации, сопровождался ростом данного негативного явления. Нетрудно заметить, что распространенность и общественная опасность этого явления скачкообразно возрастали в периоды крупных социальных потрясений, нередко сопровождавшихся почти полным разрушением законности и одновременным ростом зависимости народа от произвола государственных служащих.

Список литературы

1. *Абрамовская О.Р.* Противодействие коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С 17.

2. *Андрианов В.Д.* Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М.: Волтерс Клувер, 2009. 240 с.

3. *Берлин П.* Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8. С. 48, 51, 52 –54.

4. *Мысловский Е.* Истина и справедливость против лжи и коррупции: схватка длиною в три тысячелетия // Чистые руки. 2000. № 4. С. 65–71.

5. *Церенов С.В.* Противодействие коррупции на российском финансовом рынке: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. С. 4.

6. *Shleifer A., Vishny R.W.* Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 107. No 3 (August). P. 610.

*Палеева О. А.,
старший преподаватель
кафедры международного права
ННГАСУ, г. Нижний Новгород*

*Кондратьева Е. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

О ВАЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Статья посвящена проблеме учебно-познавательной компетенции, без освоения которой, по мнению авторов, невозможно освоение профессиональных компетенций юриста. Представлены компоненты структуры учебно-познавательной компетенции, приведены данные исследования степени значимости каждого ее компонента, проведенного среди студентов-юристов нижегородских вузов в 2009 и 2014 гг.

Ключевые слова: компетенция; компетентностная модель; функциональное образование; учебно-познавательная компетенция.

Глобальные процессы, активно затрагивающие различные сферы жизни, но так или иначе связанные с продуктивной адаптацией человека в профессиональной деятельности, происходящие как в России, так и во всем современном мире, вызывают необходимость пересмотра как целей образования, так и всего процесса образовательной деятельности. Очевидно, что образовательный процесс, ставящий основной целью насыщение обучающихся определенным количеством знаний, а также последующая оценка обучающихся по тому, как они эти знания воспроизводят, не отвечает требованиям современного рынка труда.

Наполняя студента определенным количеством информации из разных областей, традиционное образование, которое еще принято называть дисциплинарным, не учит их систематизировать эти знания различных дисциплин в комплексные умения, необходимые для выполнения конкретных заданий. Таким образом, оценка обучающихся

только по сумме знаний, которую они могут воспроизводить, не является объективной, так как не отражают реальную готовность и способность будущих молодых специалистов к самостоятельной работе в профессиональной сфере. Необходим переход от дисциплинарного образования, которое в настоящее время стало дисфункциональным, к образованию функциональному, которое будет систематизировать знания и умения по функциям [2].

Многочисленные научные исследования показывают, что выпускники российских вузов в целом и в частности выпускники юридических специальностей очень часто по своему уровню подготовки не соответствуют требованиям современного рынка. Так, например, у студентов, будущих юристов наблюдается недостаточность знаний для решения практических задач, ведения деловых бесед, слабая сформированность умений моделировать свою позицию, умений устанавливать и поддерживать межличностные деловые контакты. Наибольшие затруднения значительная часть выпускников юридических факультетов вузов испытывают в практическом применении полученных знаний [5]. Тем отсутствующим звеном, которое позволит трансформировать полученные знания в практические навыки, работающие в условиях реального рынка, и являются компетенции.

Широкое распространение этого понятия в образовании объясняется желанием подчеркнуть использование прогрессивных инновационных технологий и наилучших методов обучения. Если в тексте Национальной доктрины образования в Российской Федерации 1999 г. еще не было упоминания такой категории, как компетентность [4], то компетентностный подход в современном российском образовании является основным и занимает центральные позиции в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, вышедших в 2010 г., и в программе развития образования РФ на 2013–2020 гг.. И если с теоретической составляющей вопроса все относительно ясно, то на практике существуют проблемы перехода российского образования на компетентностное, которые связаны с тем, что есть серьезные сложности с определением уровня владения компетенциями; нет адекватного подхода к внедрению компетентностной модели, а также отсутствует понимание сути важности компетентностного образования у всех участников процесса.

Особую важность в компетентностной модели имеют так называемые ключевые компетенции, которые являются универсальными и

позволяют личности справляться с самыми различными задачами [1]. Хотя в настоящее время существуют определенные сложности с определением числа ключевых компетенций, большинство исследователей включает в их список учебно-познавательную компетенцию. Так, согласно А.В. Хуторскому, учебно-познавательные компетенции – это совокупность компетенций обучающегося в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотношенной с реальными познаваемыми объектами. Сюда входят способы организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки [6].

С одной стороны, совершенно очевидно, что от сформированности у обучающихся учебно-познавательной компетенции зависит, как будут усваиваться все остальные компетенции. Работодатели также считают данный вид компетенций наиболее важным. С другой стороны, существующие на сегодня исследования показывают, что обучающиеся придают этим компетенциям низкую степень значимости [3]. Исследования, проведенные автором данной статьи среди студентов-юристов нижегородских вузов в 2009 и 2014 гг., также показывают, что будущие специалисты в области юриспруденции совершенно не придают значения учебно-познавательной компетенции, которая федеральными государственными образовательными стандартами третьего поколения отнесена к блоку общекультурных компетенций, а 70% опрошенных отметили этот блок как не важный и отдали предпочтение профессиональным компетенциям.

Учитывая то, что мы не сможем говорить о качественной подготовке юриста только при наличии у него некоего теоретического блока знаний по специальным дисциплинам, а должны также оценивать его способности решать поставленные задачи, опираясь на имеющиеся знания, способности систематизировать информацию, работать в команде, адекватно вести себя в любой правовой ситуации, мы должны исходить из того, что формирование профессиональных компетенций невозможно без первичного формирования учебно-познавательной компетенции.

В структуру учебно-познавательной компетенции входят мотивационно-ценностный (показывает, чем мотивированы люди в получении знаний), содержательно-деятельностный (показывает предпочитаемые виды деятельности в рамках обучения) и рефлексив-

но-оценочный (показывает предпочитаемый способ оценки знаний) компоненты.

Итоги опроса студентов-юристов нижегородских вузов в 2009 г. показали, что на тот момент не был сформирован ни один из трех компонентов учебно-познавательной компетенции. Мотивационно-ценностный – отсутствовала самомотивация, к учебе мотивировали внешние мотивы, такие как получение и сохранение работы, сохранение хороших отношений с родителями, а также необходимость сдавать экзамены (52,2%).

Содержательно-деятельностный компонент – студенты не самостоятельны, не готовы к современным способам обучения (77%), не стремятся к пониманию вопроса, а заучивают наизусть (28%).

Рефлексивно-оценочный компонент – проверки знаний должны быть частыми, чтобы можно было сдать предмет и забыть про него, интересуется не столько личный результат, сколько то, чтобы он не был худшим в группе (33,8%).

Итоги опроса студентов-юристов нижегородских вузов в 2014 г. показали определенные изменения во всех компонентах, входящих в учебно-познавательную компетенцию. По сравнению с 2009 г., мотивационно-ценностный компонент, хотя и перегружен внешними мотивами (получение и сохранение работы, необходимость сдавать экзамены и отношения с родителями), включил важный показатель – собственный выбор, т.е. появляется самомотивация, которой не было раньше.

В содержательном компоненте тоже появились изменения, демонстрирующие положительную динамику, несмотря на то, что студенты по-прежнему предпочитают традиционное обучение в вузе и занятия. Показатель «Предпочитают учить наизусть» снизился в 1,5 раза. Появилось большое количество студентов (45%), предпочитающих практическую работу над проектом.

Рефлексивно-оценочный компонент в основной части остался без изменений, российские студенты все так же сравнивают себя с другими и предпочитают частые и регулярные проверки знаний, особенно в виде экзаменов – без изменений. Но для 27% опрошенных стали важны личные комментарии преподавателя по их работе.

Существенные изменения есть в двух из трех компонентов, составляющих учебно-познавательную компетенцию, и можно говорить о том, что не сформированным остается только третий компонент.

В заключение хотелось бы отметить, что решение проблемы недостаточной квалификации выпускников юридической специальности, безусловно, требует принятия целого комплекса мер. Но совершенно очевидно, что будущий юрист не сможет овладеть всем комплексом специфических профессиональных знаний, а значит, не сможет стать компетентным специалистом без базовых умений, заключающихся в том, чтобы уметь систематизировать знания из разных областей, быть готовым к обучению в течение всей жизни, работать в команде, грамотно и адекватно вести себя в разных правовых ситуациях. Все эти умения и составляют суть учебно-познавательной компетенции, без освоения которой невозможно освоение профессиональных компетенций юриста.

Список литературы

1. *Аргунова П.Г.* Формирование ключевых компетенций в образовании // Научный аспект. 2012. № 2. С. 1–12.

2. *Грудзинский А.О., Палеева О.А.* Компетентностный подход как основа функционального высшего образования в США и Германии: опыт для России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(1). С. 25–34.

3. *Дюгай Е.Е. Гущина Л.А.* Формирование компетенций: миф или реальность // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф., Москва, апрель 2012 г. М.: Буки-Веди. 2012. С. 7–12.

4. *Зимняя И.А.* Компетентность человека – новое качество результата образования // Проблемы качества образования. Материалы XIII Всерос. совещ. Книга 2. Компетентность человека – новое качество образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2003. 40 с.

5. *Хайрутдинова Д.Р.* Формирование профессиональных компетенций студентов, будущих юристов на основе учебных деловых игр (на примере предметной области «Уголовно-процессуальное право»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск. 2012. 27 с.

6. *Хуторской А.В.* Компетенции в образовании: человекосообразный аспект. Аудиозапись выступления на методологическом семинаре в Российской академии образования // А.В. Хуторской. Персональный сайт. Хроника бытия. 22. 11. 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://khutorskoy.ru/discus/audio/index.htm>

Попова Е. П.,
преподаватель кафедры

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ОФОРМЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ КАК СРЕДСТВОПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

В данной статье рассматриваются основные аспекты формирования навыков оформления процессуальных документов у студентов-юристов, представлен методический подход к составлению и оформлению юридических документов.

Ключевые слова: судебное делопроизводство; студенты-юристы; практические навыки; процессуальные документы; профессиональные компетенции.

В настоящее время к вопросу о том, чему и как надо учить современных студентов-юристов, существует два основных подхода. Сторонники первого подхода настаивают на подготовке юристов широкого профиля, второй подход предлагает более узкую углубленную правовую специализацию.

Неоднократно высказывалось мнение, что без глубоких специальных знаний нельзя говорить о высококвалифицированном специалисте. В своей статье «Нужна ли модернизация юридического образования в России?» В.С. Белых, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, в частности, указывает: «...считают, что классическое или университетское юридическое образование ко многому обязывает. Российский юрист должен быть широко эрудированным специалистом, а не стряпчим. Если высокоэрудированные студенты не в состоянии «состряпать» исковое заявление, то кому нужна такая эрудиция?» [4, с. 17].

Одна из разновидностей юридических услуг, которая востребована гражданами и юридическими лицами, это составление процессуальных документов. Под составлением процессуальных документов понимается подготовка исковых заявлений, ходатайств, апелляционных, кассационных, надзорных жалоб и пр. Проблема отсутствия или

недостаточности практических навыков у выпускников юридических вузов и ссузов в данной сфере профессиональной деятельности хотя и не является новой, к сожалению, до сих пор актуальна.

Важность реализации идеи практической направленности юридического образования была отмечена в Указе Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» (п. 1б) [12]. Необходимость такого подхода высказывалась также авторитетными специалистами в сфере юридического образования и науки: «Юрист в своей работе не может ограничиваться только знанием общих подходов и принципов. Он призван искать и находить конкретные средства защиты прав и законных интересов предприятий и граждан – субъектов предпринимательской деятельности. У будущих юристов необходимо формировать основы навыков профессионального мышления» [4, с. 18].

Увеличение практической части образовательной программы по специальности «юриспруденция» имеет достаточно определенные социально-экономические обоснования. Вот как, в частности, об этих обоснованиях пишут в своей статье д.ю.н., профессор Н.А. Шевелева, декан юридического факультета СПбГУ и к.ю.н. М.Ю. Лаврикова, проректор по учебной работе СПбГУ: «...работодатели крайне заинтересованы в том, чтобы поступивший к ним на работу выпускник был готов заниматься практической деятельностью без дополнительной подготовки непосредственно на рабочем месте, поскольку иное означает для работодателя необходимость производить существенные затраты (временные, финансовые и иные), а в дальнейшем и брать на себя ответственность за действия выпускника, которая становится «зоной риска» для самого работодателя» [14, с. 42].

ФГБОУВО «РГУП» осуществляет подготовку специалистов для судебной системы (1/6 часть выпускников 2014 года работают в судебной системе), а также выпускники вуза регулярно трудоустраиваются в качестве государственных гражданских служащих (ФССП, ФМС), в должностные обязанности которых входит документационное обеспечение судебной деятельности или деятельности иных государственных органов. Выпускники РГУП также получают работу в организациях, занимающихся оказанием юридических услуг физическим и юридическим лицам. В связи с этим нужно отметить, что отсутствие практических навыков по составлению процессуальных и иных юридически значимых документов у выпускников-

юристов негативно влияет в дальнейшем на их профессиональную деятельность: снижает качество предоставляемых ими юридических услуг, осложняет правоприменение, затрудняет надлежащее и своевременное оформление документов, связанных с осуществлением правосудия.

Необходимо отметить, что такая ситуация с качеством оформления процессуальных документов не добавляет авторитета деятельности как судебных, так и иных государственных органов. Озабоченность качеством оформления судебных решений, в частности, неоднократно высказывалась специалистами в области гражданского процесса: «...судебные решения принимаются именем Российской Федерации (ч. 1 ст. 194 ГПК РФ), что предполагает их наивысшую силу как акта правосудия. По их содержанию и оформлению можно судить о качестве всей судебной системы России. Можно ли вести речь о законной силе некорректных безграмотных актов? Представляется, что нет! Следует помнить, что немотивированные и неубедительные, небрежно составленные судебные акты, содержащие искажения имеющих значение для дела обстоятельств, порождают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей» [10, с. 16].

Значение грамотного оформления протокола судебного заседания, который, несомненно, является важным процессуальным документом, также неоднократно отмечалась учеными-процессуалистами: «Вопросы качества протокола судебного заседания зачастую имеют первостепенное значение. На сегодняшний день протокол судебного заседания – практически единственный юридически значимый источник сведений о ходе процесса...» [9, с. 30]. Представляется, что проблема ненадлежащей полноты, правильности и адекватности отражаемых в протоколе судебного заседания сведений может быть решена, хотя бы частично, более детальным изучением правил и практических особенностей составления данного вида документов в рамках предмета «Судебное делопроизводство» при обучении будущих специалистов судебной системы, а не только путем проведения курсов повышения квалификации для уже действующих работников судебной системы.

Что же касается влияния отсутствия у выпускников-юристов навыков оформления процессуальных документов на качество услуг, предоставляемых трудоустроившими их юридическими фирмами гражданам и организациям, необходимо отметить, что неверно со-

ставленный для клиента процессуальный документ может негативно повлиять на рассмотрение дела в суде. Например, исковое заявление, составленное с нарушением требований закона, может стать причиной отклонения иска либо затянет рассмотрение дела, т.к. документ возвратят для устранения недостатков. «Если при ознакомлении с исковым заявлением судья установит, что исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, предъявляемых к форме и содержанию иска, – выносится определение об оставлении заявления без движения» [8, с. 18].

Отсутствие же навыков правильного изложения фактов в заявлении часто приводит к рассмотрению дела с позиции, невыгодной для истца. Ведь на основании этого документа судья формирует свое мнение о представленном деле, поэтому крайне важно, чтобы правильное впечатление сложилось сразу.

Неверно составленные ходатайства и жалобы также способны повлечь отказ в пересмотре дела или затянуть его пересмотр, осложнить совершение необходимых клиенту процессуальных действий. В итоге, вместо осуществления содействия правосудию и восстановлению нарушенных законных интересов и прав граждан и организаций, неквалифицированная «юридическая помощь» способна произвести противоположный эффект.

С учетом всего изложенного выше, можно отметить, что навыки составления процессуальных документов являются важным звеном в приобретении студентами-юристами профессиональных компетенций. Теоретические знания в этой области студенты получают в рамках занятий по процессуальным дисциплинам (гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс).

С получением практических навыков дела обстоят хуже. Семинарские занятия предполагают лишь ознакомление с образцами процессуальных документов. Программа производственной практики в судебных органах, например, предусматривает возможность составления студентом проектов процессуальных документов под контролем со стороны судей или иных должностных лиц. Однако из-за большой загруженности судей и работников судов реализовать данную возможность достаточно затруднительно. В итоге формирование практических навыков составления процессуальных документов остается за рамками образовательного процесса и достается студенту «для самостоятельного изучения». Между тем предполагается, что выпускник юридического вуза, согласно требованиям ГОС, «владеет

навыками подготовки юридических документов (ПК-7)» и «способен правильно и полно отражать результаты профессиональной деятельности в юридической и иной документации (ПК-13)» [13].

Для решения задач по подготовке специалистов, обладающих перечисленными выше компетенциями, ряд вузов предусмотрел разработку спецкурсов лекций и практических занятий: «Процессуальные документы», «Составление процессуальных документов по гражданским делам» [1; 2; 3].

Другим направлением реализации задач по составлению юридических документов является включение составления проектов процессуальных документов в планы практических занятий, например, по гражданскому процессу, с использованием сборников образцов документов [6; 8].

Можно отметить, что проведение семинарских занятий, на которых студенты составляют проекты таких процессуальных документов, как исковое заявление, ходатайство, жалоба, в рамках дисциплины «Судебное делопроизводство» должно способствовать формированию практических навыков документирования у будущих юристов, поддержанию интереса к профессии за счет предоставления возможности учащимся применить на практике теоретические знания. Важным моментом в данном случае будет являться еще и элемент контроля сформированности навыков составления юридических документов как контроль овладения студентом компетенциями, установленными ГОСом.

На наш взгляд, при обучении составлению процессуальных документов, имеет смысл сформировать у студентов общий подход к данной деятельности, универсальную методику. «Методика составления процессуальных документов включает общие положения их составления, принципы (основы) разработки процессуальных актов, а также частные методы, приемы и рекомендации по подготовке процессуальных документов» [7, с. 363].

Фактически, методический подход к составлению документов будет включать: знание требований, предъявляемых процессуальным документам законом и стандартами; следование принципам составления этих документов; знание способов систематизации материала в документе; учет научных и практических рекомендаций по оптимальному составлению документов.

В заключение хотелось бы отметить, что приобретенные в ходе обучения навыки составления процессуальных документов с соблю-

дением таких требований, как законность, мотивированность, логичность, полнота и лаконичность, повысят профессионализм выпускников-юристов, обеспечат подготовку более качественных кадров для судебной системы, способных надлежащим образом исполнять должностные обязанности. В итоге, качественно оказанные юридические услуги, правильно и своевременно оформленная документация судов несомненно будет способствовать обеспечению принципа доступности правосудия.

Список литературы

1. *Архипкин С.В., Еремина Е.Е.* Составление процессуальных документов по гражданским делам: учеб. пособие. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2004. 87 с.
2. *Белицкий В.Ю.* Процессуальные документы (комплексная задача): методические рекомендации для проведения практических занятий. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2010. 32 с.
3. *Белицкий В.Ю.* Ходатайства и жалобы в уголовном процессе. – Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России. 2010 38 с.
4. *Белых В.С.* Нужна ли модернизация юридического образования в России? // *Юридическое образование и наука.* 2013. № 4. С. 17–21.
5. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014).* Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.д
6. *Данилов Е.П.* Образцы судебных документов с комментариями. М.: Юрайт. 2011. 455 с.
7. *Качалов В.А., Качалова О.В.* Уголовно-процессуальное право: учеб. пособие. М.: Изд-во МГИУ. 2007. 388 с.
8. *Образцы процессуальных документов. Досудебное производство /* под общ. ред. Толкаченко А.А. М.: Юрайт, 2013. 472 с.
9. *Плотников И.В., Хырхырьян М.А.* Объективизация протокола судебного заседания и аудиозапись стороны ей в помощь // *Адвокатская практика.* 2013. № 2. С. 30–32.
10. *Рехтина И.В.* Правосудие: о состоянии качества оформления судебных решений (постановлений) // *Российский судья.* 2010. № 3. С. 16–18.
11. *Смоленский М.Б.* Исковые заявления. Типичные ошибки: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2011. 112 с.

12. Указ Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 22. Ст. 2698.

13. ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация «бакалавр») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=116382;req=doc>

14. Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования // Закон . 2014. № 1 С. 41–45.

*Пушкин С. Н.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ЮВЕНАЛЬНЫЙ СУД В РОССИИ

В статье акцентируется, что апологеты ювенального судопроизводства выступают за усиление правовой и социальной защиты детей, но не за строгость судебного наказания, а их оппоненты в заимствованной на Западе ювенальной юстиции усматривают силу, разрушающую семью и семейные ценности России. Аргументированно обосновав, что ювенальному суду в ювенальной юстиции отводится центральное место, автор статьи исследует взгляды как его сторонников, так и его противников.

Ключевые слова: ювенальный суд; ювенальное судопроизводство; ювенальная юстиция; Россия; семья; семейные ценности; родители; несовершеннолетние; дети; правонарушения.

Многие правозащитники нашей страны, озабоченные защитой прав несовершеннолетних, в ювенальной юстиции особо выделяют ювенальный суд как особую специализированную ветвь судебной системы. Ибо, в отличие от взрослых, они не могут нести полной ответственности за свои правонарушения, а поэтому должны наказываться за них значительно мягче. Исходя из этого, в отношении несовершеннолетних требуется создание особого, ювенального судопроизводства.

Таким образом, центральное место в ювенальной юстиции отводится ювенальному суду, который в России впервые появляется в 1910 г. в Петербурге, а затем и в некоторых других городах. Но после 1917 г. на территории нашей страны ювенальное судопроизводство практически прекращает свое существование. Его восстановление, начавшееся в постсоветской России в 1990-х гг., бурно развивается до 2010 г.

В этих условиях сторонники ювенальной юстиции определяют ее как преимущественно систему судов, в рамках своей компетенции рассматривающих различного рода правонарушения, в которых несовершеннолетние – одна из сторон судебного процесса. В этой связи

ювенальная юстиция должна ориентироваться в первую очередь на правовую и социальную защиту детей, а не их наказание строгостью судебного решения. Цель ювенальной юстиции – воспитание несовершеннолетних, минимизация вовлечения их в уголовное судопроизводство. При этом ее апологеты часто указывают на несовершенство как системы реабилитации несовершеннолетних жертв преступлений, так и судебной защиты несовершеннолетних правонарушителей в нашей стране.

В ювенальных судах должны рассматриваться дела лишь несовершеннолетних, что, по многочисленным утверждениям защитников ювенального судопроизводства, будет способствовать значительному повышению качества судебных решений. Ведь далеко не каждый судья, не имея специальной подготовки, сможет в должной мере квалифицированно определить меру наказания ребенку без значительного психологического ущерба для него, что в будущем вполне может стать причиной аналогичных и даже более тяжких правонарушений.

По мнению главы комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов Общественной палаты РФ А.Г. Кучерены, ювенальный судья во многом напоминает врача педиатра, так как и тот, и другой лечат детей от болезни (врач – от биологической, судья – от социальной). И понятно, утверждает он, что «судья-педиатр» в определенных ситуациях сможет помочь ребенку значительно больше, чем судья, рассматривающий юридические проблемы исключительно взрослых. Ибо ни природы поведения, ни природы социальной болезни несовершеннолетнего он в должной мере не знает [5].

Для ювенального суда главным является устранение тех неблагоприятных внешних причин, которые способствовали совершению несовершеннолетним правонарушения. По логике ювенального суда, он, конечно, не преступник (формулировка «малолетний преступник», с точки зрения ювенального судопроизводства, явно некорректна), а ребенок, попавший в критическую ситуацию. Следовательно, во всех (или в большинстве случаев правонарушений) виноваты не дети, а неблагоприятные обстоятельства. А поэтому ювенальный суд должен в первую очередь решать проблему устранения из жизни несовершеннолетнего неблагоприятных для него обстоятельств.

Таким образом, ювенальная юстиция предполагает использование судебной власти не в карательных, а преимущественно в реабилитационных, профилактических целях. Хотя это, по утверждениям

ее сторонников, никоим образом не обуславливает чрезмерную мягкость наказания, которое в ювенальном судопроизводстве должно быть не жестким и не мягким, а исключительно справедливым. Главная задача суда – вынести максимально гуманное решение, которое могло бы помочь несовершеннолетнему воспринять судебное наказание как проявления заботы о нем, что в дальнейшем должно помочь ему стать добропорядочным и правопослушным гражданином.

В этой связи сторонники ювенальной юстиции настаивают на обязательности для ювенальных судей специальной подготовки по педагогике, психологии несовершеннолетних. В штат этих судов обязательно должны быть зачислены детские психологи и социальные работники. В ювенальном суде они насуточно необходимы не только для квалифицированной помощи судье при рассмотрении различного рода ювенальных дел, но и при исполнении судебных постановлений в части социализации несовершеннолетних, их профилактики.

15.02.2002 г. Госдума одобрила в первом чтении проект Федерального конституционного закона № 38948-3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" (в части создания ювенальных судов)». Из 372 депутатов, участвовавших в поименном голосовании, 366 проголосовали – за, 6 – против, 78 – не участвовали в голосовании.

В 2005 г. были опубликованы проекты Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» [7] и Федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации» [8], разработкой которых занимались доктор юридических наук, профессор факультета мировой политики Государственного университета гуманитарных наук А.С. Автономов и руководитель пресс-службы Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Н.Л. Хананашвили.

Однако единого определения таких понятий, как «ювенальная юстиция», «ювенальный суд» в России так и не сформулировано, они явно нуждаются в дальнейшем осмыслении. В многочисленных дискуссиях не выработано даже относительно устойчивого понимания того, что же они собой представляют и насколько они необходимы России. Нет сколько-нибудь единого понимания этого и среди специалистов, непосредственно участвующих в разработках различных законопроектов по защите прав несовершеннолетних. И тем не менее, несмотря на то, что нормативная база, необходимая для успешного функционирования ювенальной юстиции, ювенального суда, весьма

всё ещё находится в стадии активного обсуждения, на местах приступают к ее практической реализации.

В частности, в Ростовской области, избранной Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ в качестве базового центра поддержки судебно-правовой реформы в ювенальной юстиции, создается концепция ювенального суда. В 2001 г. был запущен пилотный проект Ростовского областного суда, Управления Судебного департамента в Ростовской области и Программы развития ООН «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних» (2001–2003 гг.).

В 2003 г. в Ростовском областном суде был сформирован специализированный судебный состав по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних в кассационном порядке, который систематически изучает и обобщает судебную практику по делам несовершеннолетних. В 2004 г. в Таганрогском, а в 2005 г. Шахтинском судах Ростовской области введена ювенальная специализация судей по гражданским делам.

Однако значительное расширение ювенального судопроизводства в России начинает осуществляться лишь тогда, когда в судах вводится «новый для российского правосудия институт социального работника, который с учетом возможности российского законодательства был трансформирован в должность помощника судьи с функциями социального работника» [6].

Деятельность ювенальных судов, как и ювенальной юстиции в целом, вызвала не только положительную, но и отрицательную оценку. С конца 2009 – начала 2010 г. в России активно формируется массовое общественное недовольство ювенальной юстицией, в первую очередь ювенальным судопроизводством.

Выборочный анализ интернет-ресурсов, который в 2010 г. проделало ростовское молодежное общественное объединение «Поколение Lех», показал: «соотношение противников и сторонников ЮЮ – примерно 1000 к 1» [1]. Неудивительно, что в этих условиях 09.10.2010 г. Госдума во втором чтении отклонила проект Федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе в Российской Федерации" (в части создания ювенальных судов)», одобренный в первом чтении 15.02.2002.

По мнению противников ювенальной юстиции, ювенальные нормы самым коренным образом противоречат нашей национальной

ментальности, духовности и культуре, а следовательно, и сформировавшейся в России правовой системе, российскому судопроизводству. Утверждая, что от ювенальной юстиции значительно больше вреда, чем пользы, они активно критикуют ее сторонников за слепое копирование западной модели. Выясняется, что далеко не все россияне готовы принять эту модель и тем самым подвергнуть сомнению собственные традиции права и правоприменения.

По их глубокому убеждению, популярные на Западе ювенальные технологии подрывают этническую идентичность и национальное самосознание. А это неизбежно ведет к разрушению российской семьи, к разделению всех россиян на сторонников и противников ювенального судопроизводства. Ибо российский цивилизационно-идентичный тип семьи по своим основным параметрам существенно отличается от западного типа.

Недовольные ювенальными нововведениями постоянно подчеркивают: в судебном процессе несовершеннолетний правонарушитель оказывается важнее самого правонарушения, что кардинально меняет систему ценностей самого судебного процесса. Обращая основное внимание не на правонарушение, а на условия жизни, так или иначе подтолкнувшие к нему ребенка, ювенальная юстиция испытывает повышенный интерес к этим условиям жизни. В результате несовершеннолетние превращаются в объект пристального государственного и общественного контроля.

С точки зрения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, председателя комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулиной, «ювенальная юстиция противоречит традиционным российским семейным ценностям» [3]. Подменяя воспитывающую детей семью деятельностью ювенального суда и некоторых других государственных и общественных организаций, ювенальная юстиция разрушает институт семьи, насаждая в России внесемейную, внеродительскую идеологию. Она вытесняет семью из процесса воспитания.

По мнению противников ювенальной юстиции, высшим арбитром в любом семейном конфликте являются отнюдь не родители, а судья и социальные работники ювенальных служб, с чем их оппоненты согласиться, конечно, не могут. Их возмущает, что наделенные самыми широкими, практически никем не ограниченными полномочиями, ювенальные суды и службы могут неконтролируемо вмешиваться во внутренние дела практически любой семьи, никак не отве-

чая за свои решения и действия. В частности, изъять ребенка из семьи даже без сколько-нибудь серьезных на то причин.

Основываясь по существу на презумпции виновности родителей, ювенальное законодательство стремится «защитить» детей от их родителей. Неудивительно, что директор Института демографической безопасности, психолог, член Союза писателей России И. Медведева убеждена: «в лице ювенальной юстиции мы имеем дело с современным фашизмом... ювенальная юстиция – это в чистом виде фашизм» [4].

В опубликованном 06.07.2012 г. Открытом письме деятелей науки и культуры президенту, правительству и парламенту 42 представителя творческой и научной интеллигенции России призвали «отвергнуть ювенальные технологии как явление чуждое, зло-вредное и смертельно опасное для нашего государства» [2]. Указывая на угрозу введения в России ювенальной юстиции, они обращают внимание президента, правительства и парламента на вопиющие, по их словам, противоречия «ювенальных инноваций» современному российскому праву. Ибо система ювенальной юстиции как контролирующей и репрессивный институт разрушает и традиционную российскую семью, и Россию.

Серьезные опасения на этот счет были высказаны и Президентом РФ на Съезде родителей России в феврале 2013 г. Призвав не забывать о наших национальных семейных традициях и избегать «слепого копирования чужого опыта», он «пообещал учесть позицию общественности при принятии закона о ювенальной юстиции» [9]. Весьма «скептически относясь к идее ювенальной юстиции», В.В. Путин заявил, что, паразитируя на проблемах семьи, она способствует разрушению ее суверенитета. И эти высказывания были услышаны.

В частности, на состоявшемся в октябре 2014 г. собрании родительской общественности, на котором обсуждался подготовленный к внесению в Госдуму законопроект «О предупреждении и профилактике семейного насилия», по самым разнообразным поводам призывающий государство к активному вмешательству в дела семьи, было подготовлено обращение к Путину, осуждающее данную ювенальную инициативу.

По утверждениям противников во многом заимствованной с Запада ювенальной юстиции, ее сколько-нибудь широкое введение в России неактуально. Актуальным же, напротив, является укрепле-

ние традиционных российских семейных ценностей, российского семейного законодательства. И именно в этом направлении следует развивать нашу законодательную базу по делам несовершеннолетних. (Хотя, например, глава 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» УК РФ уже содержит в достаточной мере детальную проработку по данным делам.) Крайне важно в настоящее время совершенствовать и профессиональную подготовку судей, многие из которых, как правило, весьма успешно специализируются по делам несовершеннолетних в рамках существующего российского законодательства.

Список литературы

1. *Гуцко Д.* Ювенальный испуг. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/south/2012/21/yuvenalnyij-ispug/> (дата обращения: 16.04.2015).

2. *Деятели науки и культуры просят Путина отказаться от ювенальной юстиции.* [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/529550> (дата обращения: 26.04.2015).

3. *Елена Мизулина: Ювенальная юстиция противоречит традиционным российским семейным ценностям.* [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.is/nAEem> (дата обращения: 24.04.2015).

4. *Ирина Медведева: «Ювенальной юстиции с человеческим лицом не бывает».* [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/02/ (дата обращения: 24.04.2015).

5. *Опасна ли ювенальная юстиция? Интервью главы комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебной системы Общественной палаты Российской Федерации А.Г. Кучерены и члена Общественной палаты Российской Федерации О.В. Зыкова пресс-службе Данилова мужского монастыря г. Москвы (Москва, май 2009 г.)* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juvenjust.org/index.php?showtopic=1290> (дата обращения: 19.03.2015).

6. *Опыт Ростовской области в сфере совершенствования правосудия по делам несовершеннолетних* [Электронный ресурс]. URL: http://viksunsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&id=31 (дата обращения: 02.04.2015).

7. *Проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции».* 14.02.05. Разработан: д.ю.н. А.С. Автономов, Н.Л. Хананашвили. [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/4844/content/1513148> (дата обращения: 26.03.2015).

8. *Проект Федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации»*. Разработчики: Автономов А.С., д.ф.н., Хананашвили Н.Л. [Электронный ресурс]. URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=21> (дата обращения: 26.03.2015).

9. *Путин поговорил с родителями* [Электронный ресурс]. URL: <http://interfax.ru/russia/289661> (дата обращения 14.05.2015).

*Райкова Л. М.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
СЗФ РГУП, г. Санкт-Петербург*

ОБ ИСТОКАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются аспекты актуальности молодежной проблематики; дается понятие правового нигилизма, но основное внимание сосредоточено на разнообразных причинах его происхождения: от личностных до культурно-национальных.

Ключевые слова: правосознание; закон; нигилизм; человек; характер; возраст; деятельность; личность.

В современном российском обществе проблема молодежи приобретает особую остроту и актуальность, что требует не только теоретического исследования, но и практического действия в сфере ее социально-правовой социализации.

Социальная острота молодежной проблематики обусловлена рядом факторов. Исходный заключается в богатстве внутренних возможностей этой социальной группы. Молодежь в любые времена была и остается потенциальным людским ресурсом, задавая перспективы и возможности будущего развития общества и государства.

Это своеобразно подтвердил Стив Джобс, полагавший человеческий капитал основой экономики будущего, а способность следовать своим ценностям, принципам и идеям – главным ресурсом человеческого прогресса [Цит. по: 3, с. 9].

Другой фактор актуальности молодежной проблематики – познавательный. Мудрость Сократа: научить юношу значит обеспечить и собственное будущее, и будущее государства – сохраняет свою ценность. А современные тенденции освоения и пользования информационными технологиями придают молодежи социальный статус носителей качественно нового знания, открывающего другие горизонты жизни.

Особую значимость молодежным проблемам придает социологический фактор – в молодежной среде жизненные ситуации выражаются конкретно, открыто, однозначно, что придает поведению молодого человека большую прямолинейность и выразительность по сравнению с «дипломатической» сдержанностью умудренного опытом взрослого. Хотя открытость молодежного поведения экзистенциально противоречива: она более доступна пониманию и объяснению, но в конкретной однозначности может быть более жесткой, что затрудняет коммуникацию.

Повышенный интерес к молодежи как к специфически социальной общности обусловлен ее самостоятельностью и общественным «весом», приобретающими в современном мире все большую ценность.

Молодежная самостоятельность и активность по формам бесконечно вариативна, но особого внимания в разнообразии форм заслуживает нигилизм. В самых общих чертах, это особая мировоззренческая позиция отрицания или неприятия установок, норм, принципов и ценностей, сложившихся в конкретной социальной среде.

Нигилизм есть феномен сугубо исторический. Ментальные различия поколений фиксируются уже в древнейших источниках. В отечественной истории термин появился в 30-х гг. XIX в., а широкое общественное звучание приобрел в 60-е гг. с выходом книги И.С. Тургенева «Отцы и дети». Тогда нигилистами стали называть молодых людей, отрицавших ценности старшего поколения и стремившихся изменить устои и нормы современной им жизни.

Однако и отечественные, и европейские философы трактовали этот термин различно, что определялось исходными онтологическими основаниями их философских систем. Так, нигилизм Ф. Ницше был следствием иллюзорного понимания абсолюта Бога и универсализма идеи прогресса, нигилизм С. Кьёркегора – отрицание идей христианства во имя утверждения эстетического чувства и мироощущения красоты.

Особая форма нигилизма была представлена в исторической концепции О. Шпенглера, утверждавшего идею разложения европейской культуры вследствие кризиса прошлых (уже отживших) форм сознания.

А М. Хайдеггер нигилизм полагал дорогой западной культуры, ведущей к мировой катастрофе [6, с. 63–176].

В советской истории элементы нигилизма появляются в 60-е годы XX в. как протест против ортодоксальной отечественной культуры, которой противопоставлялись западные ценности. В европейских странах, особенно во Франции, нигилизм принял форму молодежной революции (1968 г.) как бунт против всей системы буржуазных ценностей.

В настоящее время нигилизм трактуется как форма конфликта личности и общества на почве расхождения интересов, ценностей, установок. И следствием такой личностной позиции становится отрицание нормативности общества.

По природе своей нигилизм есть акт социального взаимодействия, и потому его формы исторически динамичны, а молодежная тенденция одна из самых вариативных. В силу открытости и внутренней активности двух социальных систем – общества и молодежных страт – попытка системного анализа множества нигилистических форм исходно обречена в лучшем случае на относительность, однако такая попытка возможна.

Правовой нигилизм – это форма общественного поведения, игнорирующего юридические законы, правовые нормы и отрицающего их социальную ценность. В исследовательской литературе отмечается возрастание степени правового нигилизма в массовом отечественном сознании. Но интересно при этом отметить, что еще в 30-е годы XX в. И.А. Ильин поставил эпохе серьезный диагноз: «современное человечество переживает *кризис правосознания*» (курсив Ильина), выражающийся в отрицании самооценности духовной культуры, веры, семьи, родины, права; в сведении жизни человека только к материальным аспектам, в том числе к материальному благополучию; неверию в действенность личной свободы, силы, инициативы и вере в силу покорности, диктата, приказа и запрета [5, с. 247–250].

Изобилие форм проявления правового нигилизма, а равно как и спектр его негативных следствий, с научной необходимостью ставит вопрос уяснения причин этого многогранного феномена. Сегодня внимание исследователей сосредотачивается на его нескольких причинных основаниях. Во-первых, на несовершенстве самих юридических законов и их практическом применении; во-вторых, на «около-правовой» деятельности правоохранительных органов; и, в-третьих, на противоправных установках поведения конкретных людей как первичного начала правового сознания, что в современных условиях быстро изменяющегося мира обретает особую значимость. Первые

две из указанных причин коррелируют с юридической практикой и традиционно исследуются в большей степени юристами, а третья причина – антропологическая, занимает умы правоведов и философов.

В числе истоков происхождения правового нигилизма антропологическая парадигма нам представляется исходной, и в этом автор солидарна с идеей И. Ильина о первичной ценности правосознания в построении сложной системы взаимодействия человека, общества и закона. Правосознание личности, по мнению русского мыслителя, «есть творческий источник права, живой орган правопорядка и политической жизни» и зиждется на вере, любви, внутренней свободе, совести, патриотизме, чувстве собственного достоинства, чувстве справедливости [5, с. 251–252].

Самоочевидно, что названные акты – это модусы личностной актуализации Закон, устанавливая правоотношение субъектов, инициирует их к конкретному действию по его исполнению, что предполагает включенность и активацию всей субъективной содержательности человека. А это, в свою очередь, открывает такие аспекты генезиса правового нигилизма, как степень социальной, нравственной и духовной зрелости личности, знающей, понимающей и умеющей распоряжаться имманентной свободой в построении личной системы правоотношений с окружающими. Любой (каким бы он ни был совершенным) закон вне субъектного к нему отношения останется только потенциальной правовой возможностью, и не более.

В контексте высказанного уместно сослаться на суждение такого известного теоретика права, как В.С. Нерсисянц, полагающего, что в настоящее время даже самые совершенные юридические законы разбиваются о стену народного недоверия и недопонимания.

Следующей причиной правового нигилизма оказывается нигилизм более общего порядка – возрастной, который реализуется в гипертрофированной форме самовыражения и негативном отношении к любым социальным правилам. Противопоставление себя социуму – от семьи до социальной группы – есть один из способов утверждения личностной индивидуальности. При этом молодой человек априорно полагает себя первичным, главным в социальном диалоге. Такой молодежный эгоцентризм естественно распространяется и на правовые нормы, равно как и на любые другие. Молодежная среда формирует имманентные принципы взаимоотношений, зачас-

тую качественно расходящиеся с установившимися в данной социальной общности.

Возрастной нигилизм весьма богат по форме выражения. Это может быть низкая правовая культура молодежи как отражение уровня правовой культуры общества; недоверие к власти взрослых, навязывающих молодежи свои взгляды, нормы, правила, установки и иные нормативы; расхождение интересов молодежи и взрослых. В результате – молодежное искусственное противостояние взрослым.

Это стремление отстоять и защитить свое возрастное право на особость во всем – от внешней непохожести до внутреннего остракизма и, как контрроверза, нежелание подчиняться и борьба за себя молчаливым неприятием или даже агрессией.

Это мода неподчинения и неподвластности закону, что позволяет подняться над окружающими, отличиться и выделиться из толпы.

Это своеобразный страх и опасение ошибиться в выборе действия, оценки и, как следствие, боязнь за неверное действие или неправильный выбор (что можно часто наблюдать в учебных аудиториях: боязнь неправильного ответа на поставленный вопрос порождает общее молчание).

Отмеченные нигилистические акты, несмотря на субъективную вариативность, схожи в том, что все они свидетельствуют о непонимании разными поколениями друг друга, подтверждая объективность экзистенциального противоречия между должным и сущим, когда старшее поколение олицетворяет должное – как следует быть и жить, а молодежь выражает сущее – каковыми они есть и другими стать не спешат.

В числе других причин правового нигилизма молодежи оказывается утрата исторической преемственности поколений. Живая история – это не только смена поколений, но, в первую очередь, передача молодежи социального опыта в его жизненной полноте. При этом историческая преемственность основывалась на парадигме незыблемости, абсолютности опыта взрослых, который старшие старались передать, привить, а молодые – понять, усвоить и принять.

Такая геронтократическая традиция, как полагают исследователи, в отечественной истории была нарушена после Второй мировой войны. Послевоенное поколение формировалось в качественно новой социальной реальности. Кстати, термин «поколение» отнюдь не только хронологический, он в первую очередь аксиологический. Это но-

вый (или просто иной) способ видения мира, другие стили поведения, ценности и установки, а потому и другой язык, другие идеалы и новые ценности. Люди изменяются и экзистенциально, и социально.

Слом жизненных констант шел по нескольким направлениям. Война, как и другие обстоятельства, выбили огромный пласт народа – носителя традиционных ценностей. Мудрость старших легла в землю или исчезла из истории. Выжившие и пострадавшие (условно – старшие) старались оградить своих детей от гнета непосильного труда, от забот и ответственности, а тем самым рушились социальные устои, нормативные скрепы, формируя социальное отчуждение и от традиций, и от правил, и от закона.

И к тому же в социалистическом обществе все более упрочивались патерналистские взгляды, идеи, чему в огромной степени способствовала система властных отношений, в которой власть приобретала абсолютную персонификацию, а закон (от Конституции и ниже) становился императивом долженствования, но не действительной жизни. А молодежь, как тонко чувствующая «социальная субстанция», чутко воспринимала складывающуюся атмосферу и сама отдалялась от старших, накапливая в себе нигилистические склонности.

Отмеченные нами причины, в том числе и возрастные, относятся к разряду социально обусловленных, так как формируются в процессе социальной коммуникации и, как правило, являются ответной реакцией молодого человека на посягательство его статусности. Но в числе причин рассматриваемого правового недуга системообразующей оказывается социализация личности, т.е. та система воспитания ребенка, которая прививается ему с детства и в юношестве, становясь в дальнейшем привычкой поведения, бессознательным действием, реакцией на артефакты жизни, нормами социализации, среди которых правосознание становится стержневым.

Настоятельной проблемой современного воспитания оказывается излишняя опека детей со стороны старших. Дети не «настраиваются» на самостоятельность: на выбор, на решение, на поиск, и как следствие, они не настраиваются на ответственность за выбранное, а пассивно пользуются готовыми решениями, предлагаемыми вариантами.

В экзистенциальной философии XX в., а равно и в психологии, сложилась устойчивая объяснительная парадигма, что выбор есть насущное жизненное состояние деятельного человека. Жизнь – это действие, а действие – это выбор. И если человек с малых лет не настро-

ен на осознание собственного выбора, то у него снижается и порог ответственности. А следствием такого пассивного стиля жизни становится безразличие, безответственность и пренебрежение какими бы то ни было нормами и законами.

Опираясь на концепцию деятельностного развития личности [1, с. 276 и др.], следует отметить, что будет правомерным в ряду факторов, формирующих должествующее отношение к законам и установлениям, назвать активную трудовую деятельность, и в первую очередь, физический труд. Автор намеренно оставляет за рамками статьи великий гимн труду, сложенный педагогами в столетиях, чтобы кратко обозначить те свойства личности, которые формируются у подрастающего деятельного человека.

Это устремленность, целеполагание, навык постановки цели; воля в ее достижении; собранность и дисциплина; самоконтроль; вера в себя, свои силы и возможности; целевая уверенность в достижении цели; системность, упорядоченность деятельности; удовлетворенность и гордость результатом; возрастающая позитивная самооценка; и, как корреляты активности, социальная оценка человека и повышение его социального статуса. Последний предопределяет стиль и характер социальной коммуникации, а в ней, как правило, корректное отношение к общественным правилам, нормам и законам.

Таким образом, трудовая деятельность закладывает онтологические, базовые основания развития личности, когда направленно формируется как самосознание, так и чувство гражданина общества, правосознание которого должно быть ориентировано на исполнение гражданского долга, благодаря чему и возможно преодоление правового нигилизма.

Следовательно, чувство гражданской ответственности закладывается с первичными навыками семейного воспитания: а) в процессе овладения предметно-материальной культурой; б) в процессе овладения системой знания, которую выбирает индивид; в) в процессе овладения культурно-духовным наследием социального окружения.

Становление правосознания совершается в пространстве и времени той национальной культурно-духовной атмосферы, которую подсознательно впитывает подрастающий человек, и в дальнейшей жизни он артикулирует обретенные особенности в форме нормативного отношения к государству и его законам.

В настоящее время, в процессе свободных контактов с зарубежьем мы часто (при этом с праведным недоумением) убеждаемся в

различии европейского и русского правосознания. В чистом виде это различие фокусируется в принятии закона при надлежащем его соблюдении (гражданами европейских государств) и обесцениванием закона и пренебрежением общественными нормами (в лице соотечественников).

Практика общественной жизни показывает, что правовая двойственность имеет своим источником культурно-исторические различия ментальности русского и европейского правосознания.

В отечественной литературе (как историко-публицистической, так и философской) утвердилась идея, что русский национальный характер в течение веков вызревал в исторической амбивалентности (язычество и христианство, татаро-монгольское порабощение и объединение Руси при формировании российской государственности, монархическое правление и акты советской власти, а также другие исторические реалии).

Так, К.С. Аксаков полагал, что русский человек различает, и при этом весьма конкретно, землю, почву (как жизненную основу) и государство. Земля живет по нравственной правде, государство – по установленным рациональным законам.

Для устройства государства русские призвали варягов, передав им политическую власть (государю), сами оставаясь в общинной жизни. В результате образовался водораздел между внутренней правдой (нравственный закон общины) и внешней правдой государства, которое создает внешние правила жизни [4].

Свобода духа, поиски совершенного добра и, как следствие, испытание ценностей на нравственную прочность привели к тому, что русские не выработали абсолютные формы жизни – жизненные максимумы, регулирующие их бытие. Наиболее конкретно эту амбивалентность русского национального характера выразил Н. Бердяев: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая... стихия и аскетически монашеское православие... И потому у русского человека можно открыть противоположные свойства: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [2, с. 6].

Русские живут по сердцу, а европейцы по правилам. Жизнь «по сердцу» выражается в индивидуальном отношении к личности любого другого человека. А потому русское самосознание более ориентировано на конкретные, личностные, этические моменты, нежели на формально законнические нормы и предписания.

Юридическая практика в отечественной истории изобилует фактами пренебрежительного отношения к законам и установлениям, регулирующим общественное взаимодействие и социальное равновесие. И более того, общественные прегрешения перед юридическими законами и правовыми нормами в современной России нарастают, иногда достигая той критической точки, за которой объективно требуется радикальное разрешение сложившейся ситуации.

И потому исследование феномена правового нигилизма молодежи в современных условиях отечественной практики оказывается не только делом теоретического ума, а насущной потребностью создаваемого гражданского общества и правового государства, в котором мировоззренческими парадигмами должны стать критическая толерантность, экзистенциальная снисходительность и концептуальная свобода.

Список литературы

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. ЛГУ, 1968.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. М., 1998.
3. *Вексельберг В.* Обретенный ориентир. Известия. 2011. 7 октября.
4. *Вержбицкая Е.Ю.* Теория «Государства и земли» К.С. Аксакова // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 4.
5. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
6. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

*Сосенков Ф. С.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
ВГУВТ, г. Нижний Новгород*

ЕДИНСТВО РОССИИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ С.С. УВАРОВА

В статье рассмотрены политико-правовые воззрения С.С. Уварова относительно эффективного развития Российской империи. Особое внимание уделено знаменитой идеологической формуле: «Православие, самодержавие, народность». Предпринята попытка проанализировать потенциал данной формулы в плане сохранения государственного единства России.

Ключевые слова: государственное единство; территориальная целостность; противодействие сепаратизму; православие; самодержавие; народность; С.С. Уваров.

В русском языке эффективность понимается как способность достигать эффекта [9, с. 914], то есть действенного результата. Иными словами «эффективный» означает «способный приносить практическую пользу».

В юридической литературе даются различные определения государства. Отметим в данной связи следующие. «Определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся на средства и меры принуждения» [2, с. 129]. «Суверенная политико-территориальная организация публичной власти определенных социальных сил (классов, групп, всего народа), обладающая аппаратом управления и принуждения, делающая свои веления общеобязательными и решающая как классовые, так и общесоциальные задачи» [11, с. 83]. «Политическая структура особого рода, возникающая на определенном этапе общественного развития, осуществляющая управленческие функции на определенной территории» [12, с. 68].

Анализ этих и ряда других определений позволяет заключить, что вопрос об эффективности государства во многом сводится к проблеме объединить общество на определенной территории и обеспечить управление им. В этой связи отметим, что эффективное управление в свою очередь зависит от сохранения государством своего единства, под которым в рамках данной статьи понимается, прежде всего, территориальная целостность.

В современном значении государственное единство юридической наукой определяется как отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, то есть такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства и противопоставляет им местные интересы [7, с. 144]. Также отмечено, что государственное единство предполагает весьма значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность [8, с. 13].

Автор триады, ставшей официальной идеологией самодержавной власти Николая I [5, с. 112]: «Православие. Самодержавие. Народность», – историк и государственный деятель *Сергей Семёнович Уваров* (1786–1855) внес определенный вклад в разработку политико-правовых идей относительно государственного единства. Сама по себе эта политико-правовая конструкция и её дальнейшая разработка имеют ключевое значение для всей государственно-правовой действительности Российской империи, развития российской государственности, в том числе обеспечения территориальной целостности страны. Каждый из элементов этой идеологемы, на наш взгляд, имеет «территориальное» измерение.

Православие рассматривалось как мощный идеологический фактор, объединяющий русский народ и служащий одним из основных стержней государственного единства. При этом иные религии и в особенности католицизм в Польше рассматривались Уваровым как идеологическая база сепаратизма [10, с. 50].

Самодержавие как форма правления, по мнению Уварова, наиболее эффективно и исторически оправдано для России. Огромной по размерам и разнородной этнически Российской империи просто необходима абсолютная монархия, в той форме, в которой она сложи-

лась: «Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный» [10, с. 41]. Как отмечено исследователями, либеральные механизмы в России не были предпочтительными, единство государства могла обеспечить только самодержавная власть [6, с. 84]. Император, таким образом, являлся «воплощением российской государственности и российской империи» [5, с. 112].

Народность. Данная категория в триаде Уварова наименее раскрыта им самим и поэтому нередко трактовалась теми или иными интерпретаторами сообразно их взглядам. Одним из проявлений народности был русский язык и в этой связи наиболее широкое его распространение, по мысли Уварова, укрепляло единство государства. Напротив, сокращение его использования за счет использования местных языков ослабляло государственную целостность. В этой связи Уваров старался по возможности обеспечить ведущую роль русского языка и ограничить местные языки, особенно в Польше, где преподавание польского было запрещено в 1838 году [13, с. 393; 1, с. 95–96]. Особая задача ставилась системе высшего образования. Так, университет Св. Владимира в Киеве, заменивший собой ряд учебных заведений в польских и литовских землях, призван был «дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России» [13, с. 373].

Народность в понимании Уварова, по нашему мнению, предполагала единство народа Российской империи вообще и русского народа как государствообразующего в частности. В этой связи жесткое неприятие вызывали у Уварова попытки малороссийской интеллигенции культивировать чисто национальному украинскому патриотизму, чреватого дальнейшим обоснованием сепаратистских доктрин. Так, совместно с шефом III отделения графом А.Ф. Орловым, Уваров пришел к выводу о необходимости того, чтобы выводы писателей и ученых «клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи, в совокупности народов её составляющих» [10, с. 51]. Разоблачая украинофильскую организацию, выдававшую себя за славянофильскую, в докладе императору, Уваров отмечает, что цель этого союза – «раздробление (выделено у Уварова – Ф.С.) России» [13, с. 495]. Вместе с тем Уваров утверждает, что подобные идеи имеют маргинальный оттенок и не распространены в Малороссии.

Как было отмечено, С.С. Уваров немало способствовал государственному единству России, реализуя свои идеи на посту министра просвещения. Целью его решений и действий в этой связи являлось «умственное слияние враждебных начал с надлежащим перевесом русского» [3, с. 87]. Так, дифференцированно подходя к постановке процесса обучения в различных частях Российской империи, он неизменно старался привлекать в государственные образовательные учреждения не только обучающихся, но и педагогов из числа представителей местного населения. Такая политика, безусловно, способствовала интеграции этих народов и регионов в общее культурное и политическое российское пространство [10, с. 47].

Не везде эта политика имела одинаковый успех: наиболее тяжело и неэффективно она реализовывалась в Остзейском крае. Устойчивое в перспективе государственное единство немыслимо без национального самосознания, которое в свою очередь формируется в значительной степени централизованной системой образования [4, с. 70]. В этой связи обоснование новой общероссийской системы образования и деятельность Уварова по воплощению этих идей в жизнь есть один из способов укрепления государственного единства и противодействия сепаратизму.

В своих научных и публицистических работах Уваров отмечал некоторые иные факторы государственного единства. Так, в работе «О народонаселении России» он говорит о важности единой транспортной сети и в частности инфраструктуры внутреннего водного транспорта для обеспечения единства России: «система водяных коммуникаций, доведенная до окончания, сблизит отдаленнейшие края России и способствовать будет их взаимодействию и непрерывным сношениям» [13, с. 292].

Отметим, что идеи государственного единства в системе политико-правовых воззрений Уварова выходили за границы России. Так, он представлял государственное будущее Европы в форме общеевропейской республики, основанной на договорных началах между входящими в союз государствами [10, с. 31].

В заключение отметим, что знаменитая идеологическая формула С.С. Уварова, на наш взгляд, могла возникнуть только в государстве, уже обладавшем значительным единством, и была направлена на сохранение и углубление такого единства. Традиционные, консервативные ценности, заложенные в триаде в том или ином виде, были востребованы и на более поздних этапах развития российского

государства. Они способствовали его развитию вообще и сохранению государственного единства, территориальной целостности в частности. В определенной мере основные политико-правовые послы, заложенные в теории С.С. Уварова, находят отклик в российском обществе в настоящее время.

Список литературы

1. *Акульшин П.В.* Граф С.С. Уваров и его роль в жизни российского общества // Педагогика. 1993. №4. 92–97.
2. *Большой юридический словарь* / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2000. 704 с.
3. *Власов В.А.* «Радетель российской самобытности» граф Сергей Семёнович Уваров // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 13. С. 83–88.
4. *Головашина О.В.* Национальная идентичность в России: базовая модель // Fractalsimulation. 2011. № 2. С. 64–73.
5. *Заболотная А.С.* Теория официальной народности как идейно-теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. 2009. №4. С. 109–112.
6. *Ивакин Г.А.* Консервативная идея как основа абсолютизма в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №5-1 (31). С. 81–85.
7. *Конституционное право. Энциклопедический словарь* / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Изд-во НОРМА. 2001. 688 с.
8. *Левакин И.В.* Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 304 с.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. *Парсамов В.С., Удалов С.В.* Сергей Семенович Уваров // Уваров С.С. Избранные труды / С.С. Уваров [автор перевода В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–54.
11. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.
12. *Расказов Л.П.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: РИОР, 2009. 463 с.
13. *Уваров С.С.* Избранные труды / С.С. Уваров; [автор перевода В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 720 с.

*Тимошук Е. А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социально-гуманитарных наук
Владимирского филиала МФЮА, г. Владимир*

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья развивает тему снятия противоречий между юснатурализмом и позитивизмом, идеализмом и материализмом, эссенциализмом и процессуализмом с помощью феноменологического метода.

Ключевые слова: феноменология права; Ингарден; конкретизация; интенциональность права; социокультурные объекты.

Э. Гуссерль оказал плодотворное влияние не только на философию, но и на широкую область социогуманитарной мысли. Его последователи: М. Шелер – в этике; Ж. Гурвич, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман – в социологии; Н. Гартман, М. Хайдеггер – в философской онтологии; Р. Ингарден – в эстетике и теории культуры; Г.Г. Гадамер – в герменевтике; Р. Отто, Э. Штейн – в философии религии и теологии; А. Койре – в философии науки – применяли метод феноменологии и превратили феноменологию в одно из наиболее влиятельных течений гуманитарной мысли. Это одно из достижений феноменологии – она не создает догматов, но поощряет исследовательский плюрализм, при сохранении изначального ядра (интенциональность, феноменологическая редукция, жизненный мир, конститутивность). Феноменологическое движение является фрактальным объектом при изучении социокультурной динамики, т.е. оно воспроизводит одни и те же принципы на разных уровнях масштаба.

В философии права идеи Гуссерля воплощали и интерпретировали А. Райнах, У. Луйжпен, Э. Фехнер, В. Майхофер. Феноменология права, как и в целом феноменология, выступает не как обособленная школа, а диалогический, процессуальный объект, рождающийся на границах разных дискурсивных полей.

Взаимодействие с ведущими направлениями интерпретации права, а также собственная работа феноменологической школы позволила выработать ряд принципов обращения к этому явлению: ин-

терсубъективность права, реализующегося в социальных актах (А. Райнах); экзистенциальность права как дорефлексивного чувства справедливости (У. Луйжпен); право как форма перехода от конкретного к абстрактному и наоборот (В. Майхофер).

Весьма элегантную феноменологическую концепцию права предложил в годы эмиграции Н.Н. Алексеев. Опираясь на труды Шелера и Райнаха, он исходил из того, что право возможно как творческий сплав натурализма и позитивизма. Он обращался к Гуссерлю, чтобы решить проблему критики рационального обоснования правовой деятельности, и в этом не потерял актуальности. Попытки конечного рационального определения права приводят лишь к умножению сущностей, поэтому феноменология права должна обосновать необходимость допредикативного схватывания права. Юридическая деятельность реализуется через феноменологические акты признания, интереса, безразличия, отрицания, желания, воли и т.п., воплощённые в интересусубъективных жизненных мирах. Морально-ценностные моменты составляют феноменологическую целостность и подлинность права, хотя они порой алогичны. Результатом их становятся правовые факты, нормы, законы. Таким образом, право – это многомерное явление по фиксации волевых данностей интересусубъективных групп.

Помимо носителя права, Н.Н. Алексеев обращает внимание на изначальные непреодолимые данности юридического порядка, связанные с социокультурным контекстом. Вкупе с феноменологическими актами непреодолимые данности и образуют феноменологическую структуру права [1, с. 97–117.].

Особо следует отметить польского феноменолога Р. Ингардена, которые применил феноменологический метод к социокультурным объектам (произведения искусства, религия, право, государственность). Для него все эти феномены являются интенциональными объектами, т.е. созданные и поддерживаемые интенцией, направленностью сознания.

В интенциональном акте отсутствует внешнее и внутреннее. Интенциональность призвана снять картезианскую напряженность между субъектом и объектом. Сознание – это всегда сознание о чем-то, не бывает субъекта без объекта. И наоборот, объекты не могут быть независимы без субъектов. Интенциональность делает субъект и объект взаимозависимыми. Направленность сознания на объект привносит в познание объекта субъективные предпосылки, которыми пренебрегала классическая наука.

Интенциональные образования имеют разную продолжительность жизни. Сколько было создано правовых актов и юридических решений каждую эпоху, однако в общественном сознании остаются единицы. Какие-то интенциональные образования носят более устойчивый характер, например, идеалы истинности, равенства, свободы. Однако параметры этих объектов постоянно находятся в согласовании/корректировке специфических intersубъективных жизненных миров (правовые, политические сообщества). Разные типы мировоззрений, с этой точки зрения, представляют собой коллективные формы идентификации смысловых объектов и самоидентификации участников смыслового обмена.

Право выступает в этом контексте формой социокультурной идентичности, и его онтологический статус целиком зависит от интенциональности (векторности сознания) участников особой общественной группы. Судебник Ивана IV не является более действующим законодательством, и его онтичность поддерживается историческим сознанием, но не операциональным. Если через какое-то время он уйдёт и из исторического сознания, то его онтичность будет равна 0.

Р. Ингарден был не единственным, кто рассматривал право как специфический социокультурный объект. Так, отношение к праву как к конституирующей структуре человеческого мира принадлежит немецкому культурологу А. Демпфу, который выделяет, помимо права, следующие единицы иерархического порядка жизненных сил: религия, образование, хозяйство. Они задают способы организации жизненного мира, а их конфигурация определяет особенности той или иной культуры. Главенство того или иного начала порождает тот или иной тип культуры. При доминировании права складывается констелляция политической культуры (европейская культурная традиция), религия как начало выстраивает профетическую конфигурацию культуры (иудейская, индийская культуры). Право – это специализированная область культурной активности человека, роль которой особенно увеличивается в условиях роста плотности населения, интенсивностью межкультурных, межгрупповых и межличностных обменов в современной культуре. При этом активизируются позиции как юснатурализма, так и позитивизма. С одной стороны, цивилизация ограничивает «право сильного», формируются ценности и правила, регулирующие совместное проживание людей – происходит взаимовлияние морали, религии и права в процессе эволюции общества. Универсалистская система юридических законов сменяет обычное

право. С другой стороны, интенсивность социальных обменов требует жёсткого управления общественной безопасностью, что не может не усиливать нормативизм.

О конфликте этих двух тенденций в развитии культуры писал немецкий философ и юрист С. Пуффендорф (1632–1694). В его нормативной концепции культуры человек обнаруживает свою растущую гражданско-политическую функцию, которая вступает в противоречие с духовной, нравственной сущностью. С. Пуффендорф видит возможность снятия двойственности морали и права, долга и закона в развитии естественного права.

Известно, что Г.Г.Ф. Гегель исповедовал этатистский принцип культуры: индивидуальное духовное я должно подчиниться абсолютному началу в виде государства. А. Шопенгауэр, напротив, говорил о невозможности эссенциального, детерминированного фиксирования человеческой культуры указывал: «Не раз ставился вопрос, что стали бы делать при первой встрече два человека, выросшие в пустыне, каждый в совершенном уединении. Гоббс, Пуффендорф и Руссо разрешали его различным образом. Пуффендорф полагал, что они встретились бы дружелюбно; Гоббс – напротив, что враждебно; Руссо – что они разошлись бы равнодушно. Все трое были и правы, и не правы...» [4, с. 79].

Феноменология права указывает на то, что результат такой встречи невозможно предсказать абстрактно (что постоянно пытается делать наука), он зависит от состояния конкретных интенциональностей конкретных жизненных миров и их контекстов. Сущностный подход к культуре, праву не может включить всего разнообразия ситуативных конфигураций. Поэтому совершенно справедлива апелляция постмодернизма к номадическим сингулярностям. Причём вопрос ставится не только в теоретическом смысле – восприятие мира как множества единичных блуждающих процессуальностей. Вполне ощутимы социокультурные воплощения кочевничества: транспортные системы и портативные предметы; аутсорсинг и телекоммуникация; нео-номады, живущие в фургонах и яхтах, и челноки, ищущие лучшей доли.

Хорошо известна позиция социологии права, где оно рассматривается как институт, устойчивая форма по удовлетворению нормативно-разрешительных значений, возникающих в процессе общественных интеракций. Однако социология концентрируется на носителях правой формы, культурология же – на форме отбора и

трансляции. Право с точки зрения результата объединяет материализованные прошлые действия и высказывания деонтического характера и поэтому определяется как специфическая культурная эстафета, реализующая гарантированное социальное удовлетворение устойчивых деонтических модальностей индивида и сообществ («обязательно», «нейтрально», «запрещено», «разрешено»). Феноменология объединяет социальный и культурный аспекты права. Участие множества агентов, диалогичность, открытость обменов, интерактивный характер решений, вероятностные прогнозы и неопределённость будущего позволяют говорить о необходимости новой репрезентации социокультурных объектов.

Правовые объекты – это результат длительного социокультурного конституирования. В силу множественности социокультурных групп и их интересов устойчивость юридических отношений зависит от силы intersubъективных связей внутри этих групп. Правовые нормы поддерживаются совокупностью интенциональностей социокультурных агентов, которые могут быть специальными (суды, правоохранительные органы, государственные служащие, законодатели), так и общими (правосознание народных масс). В силу процессов ценностно-смысловой эксфолиации в обществе дальнейший процесс конститутивности права принимает неожиданные направления, порой противореча самой родовой сущности общества: декриминализация гомосексуализма, легализация однополых браков, эвтаназия.

Учитывая, что правовые объекты конституируются в неоднородной среде и разворачиваются в различных правовых системах, к ним применима теория конкретизации Р. Ингардена, исследовавшего вопросы превращения абстрактного в конкретное. Правовая кодификация есть пример реализации абстрактного с последующей конкретизацией в правоприменительной практике. Прецедентное право – это попытка отказаться от правовых абстракций в пользу конкретики бытия. Несомненно, эта система права имеет свои преимущества, однако следует исходить из того, что необходимо пользоваться генерализующей функцией разума для компактности, экономичности правовых кодексов, и поэтому отдаем предпочтение балансу абстрактных законов и компетентных правовых конкретизаций.

Ингарден раскрыл технологию субъективной конкретизации как индивидуального «развертыванию» семиотического объекта, открытие новых горизонтов смысла. Конкретизация осуществляется за счет точек неопределенности, или совокупности не сказанного автором.

Ингарден выделяет два типа точек неопределенности – одни могут быть сняты за счёт внимательного прочтения текста, иные точки неопределенности устранить нельзя, т.к. текст не содержит по ним никаких разъяснений. Проводя аналогию с правовой реальностью, можно также выделить два типа точек неопределенности: одни связаны с особенностями индивидуальной правовой интерпретации, другие – с потенциальными социодинамики. Соответственно, точки неопределенности, связанные с правовой интерпретацией, могут быть устранены через коллективных субъектов права, в то время как векторы социодинамики сами представляют особое неоднородное, слабо прогнозируемое множество.

В сентябре 2008 г. Европу всколыхнул беспрецедентный акт гражданской самоорганизации: жители Кёльна вышли на улицу протестовать против антиисламского конгресса, который собрал представителей правых партий Германии, Франции, Италии и Бельгии. Последние выступают за сохранение культурной идентичности Европы; в частности их волнует то, что минареты самой большой в Германии мечети будут соперничать со шпилями Кёльнского собора. Антиисламистов также беспокоит формирование в Европе параллельного общества, не разделяющего традиционные для Европы ценности и мировоззрение.

«Если Вы не за ислам, значит, Вы за Гитлера» – под такими лозунгами встретили конгресс жители Кёльна, опасаящиеся исламокошта. Ведь преследование евреев в Европе также началось на волне недовольства. Алармисты, в целом, не против ислама, они считают, что мусульмане Европы должны европеизироваться, а именно: 1) мечети не должны быть больших размеров, и минареты на должны использоваться для созыва верующих; 2) иммигранты должны владеть местными языками; 3) женщинам-мусульманкам следует принять европейский тип коммуникации, который подразумевает открытость лица и контакт глазами с собеседником, не ношение чадры, паранджи; 4) разделение светского кода коммуникации, который допускает ироничное отношение к религии (история с «карикатурным скандалом»). При всей скандальности антиисламского конгресса такие ожидания разделяют около трети европейцев. Существуют и симметричные обязательства по отношению к социальному менеджменту в Европе: назрела необходимость в проведении политики терпимости, знания Другого.

Особый интерес в области этноконфессиональных отношений представляет Россия, т.к. она остаётся одним из самых многонациональных и многоконфессиональных государств мира: в ней проживает более 200 национальностей и зарегистрировано более 50 разнородных религиозных организаций. Особенно заметен на общероссийском фоне Дагестан, представляющий как бы матрицу полиэтничности России, собирая в себе более 100 этносов.

Комплексная неоднородная социальная реальность ставит перед гуманитарными науками непростые вопросы: следует ли двигаться по пути универсальных демократических ценностей или воспроизводить национальные идентичности? В условиях культурной неоднородности следует ли нам реализовывать правовую неоднородность для того, чтобы удовлетворить этноконфессиональное множество? Какую стратегию выбрать для социального мира?

Очевидно, что колониальная унификация – это инструментарий из прошлого. Однако и мультикультурализм при внимательном рассмотрении оказывается западной культурной гегемонией, где в одном наборе с конституционными правами прилагаются сегодня однополые браки, запрет на использование «дискриминирующих сексони-мов» мать и отец. Следовательно, идеалы гражданского общества Запада и Востока будут отличаться в этой части. Принимая конституционные права и свободу от дискриминации по признаку расы, нации, религии, пола, возраста, Россия не может признать гомосексуальные браки, т.к. это противоречит самой природно-родовой сущности человека.

Существуют и внутренние противоречия: традиций и закона, религиозного и светского, федерального и уровня субъекта федерации. Так, обычное право на Кавказе предписывает кровную месть, похищение невесты. Вместе с тем, согласно УК РФ, кровная месть квалифицируется как преступление, умышленное причинение смерти другому человеку по мотивам ненависти или вражды; соответственно, она преследуется уголовным законом РФ и не осуждается Кораном. В родоплеменных обществах кровная месть имеет важную функцию – установление справедливости, которую порой не может достичь уголовно-исполнительное право. В отдельных регионах Северного Кавказа прибегают до сих пор к кровной мести; органы прокуратуры для ведения судебного расследования выбирают Краснодарский и Ставропольский край, т.к. на Северном Кавказе определённое общественное мнение поддерживает обычное право [2]. Каким образом реали-

зовать универсальные принципы права в неоднородных этноконфессиональных условиях, которые разрешают полигамию, кровную месть, похищение невесты?

Похищение невесты с целью принуждения ее вступления в брак также может иметь тягостные последствия для репутации похищенной женщины, если она не дала согласие на вступление в брак. Поэтому умыкание женщины с целью принуждения вступления в брак уже начинает вызывать осуждение на Кавказе. Народное собрание Ингушетии в 2004 г. внесло предложение криминализировать похищение женщины с целью принуждения вступления в брак [3], однако предложение не было поддержано другими субъектами Федерации, где эта проблема не актуальна. В целом, остаётся неясным, следует ли России реализовать систему правовой неоднородности или оставаться на позициях правового универсализма.

На границах жизненных миров возможны конфликты конкретизации (интерпретации). Так, конфликт конкретизации конституционных прав и свобод можно рассмотреть на примере обсуждения проекта закона об оскорблении религиозных чувств. Сторонники этого законопроекта видят в нём гаранта неприкосновенности священного, а противники полагают, что он выводит религию из сферы общественной критики, что плохо для самой же религии. Конституционные права и свободы имеют индивидуальные интенциональные параметры, и их тождественность устанавливается интересубъективно.

Феноменология не является идеологией, поэтому она не претендует на всесильность, способность решить многообразные проблемы гражданского и арбитражного процесса, практики применения государственного принуждения в изменяющемся мире; ответить на актуальные вопросы борьбы с преступностью в современных условиях; описать современное состояние и перспективы развития международного частного права, снять противоречия между национальными и международными интересами в праве. В своём самоограничении она претендует на скромную роль повышения эффективности социально-гуманитарных основ государства и права, уточнения терминологического измерения современного юриста.

Список литературы

1. *Борщ И.В.* Феноменология права Н.Н. Алексеева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

2. *Кевченко О.П.* Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

3. *Постановление Народного собрания Республики Ингушетия № 244 от 21 октября 2004 г.* // «О проекте федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации». Магас, 2004.

4. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. Л., 1990.

*Тимченко А. В.,
кандидат экономических наук, профессор,
начальник кафедры финансов, налогов и кредита
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья посвящена обзору важнейшего аспекта экономической безопасности региона – организации финансов Нижегородской области. Данная проблема крайне важна и в политическом, и в экономическом аспекте, поскольку определяет способность субъектов обеспечить финансирование своих социально-экономических функций без ущерба экономической безопасности Российской Федерации. Однако в настоящее время в процессе финансирования расходов субъектов иногда отсутствует прозрачность, а зачастую и обоснованность некоторых направлений расходования бюджетных средств. Общественность нередко только из сообщений СМИ узнает о нерациональных и иногда непонятных рядовому гражданину бюджетных расходах. Данная работа анализирует порядок организации финансов субъектов РФ вообще и Нижегородской области в частности, проблемы правового регулирования их распределения, источники доходов и эффективность их использования, а также исследует пути повышения финансовой безопасности региона.

Ключевые слова: федеральный бюджет; бюджеты субъектов; бюджетное послание; федеральная целевая программа; бюджетный дефицит; государственный долг; управление государственным долгом; межбюджетные трансферты.

Правительство не решает проблем,
оно финансирует их.
Рональд Рейган

Главным элементом экономической безопасности любого хозяйствующего субъекта является его финансовая независимость. Для субъекта Российской Федерации главным показателем финансовой устойчивости региона служит сбалансированность главного финансового документа – регионального бюджета. Насколько бюджет Ни-

жегородской области самостоятелен и устойчив, автор попытался разобратся в этой работе.

По итогам 2014 года Нижегородская область является лидером по расходам на социальную сферу в Приволжском Федеральном округе. На это направление расходуется три четверти всего регионального бюджета. По показателю затраченных средств бюджета на душу населения этот показатель составил 8 900 рублей. В то же время, в Самаре на эти же цели затрачено 7 700 рублей, а в республике Татарстан – 5 900 рублей [1].

Однако эти цифры нельзя рассматривать без другого показателя – доходной части бюджетов региона. В Нижегородской области объём доходов бюджета в 2014 году – 117 157 528,3 тыс. рублей, в Самарской – 142 260 954 тыс. рублей [2], в республике Татарстан – 179 215 256 тыс. рублей [3].

За счёт чего Нижегородский регион достиг высоких социальных показателей на душу населения? За счёт увеличения расходов при наращивании госдолга и возрастания дефицита бюджета, что приводит к его несбалансированности и росту стоимости обслуживания государственного долга региона.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в послании Федеральному Собранию на 2014 год отметил, что дальнейший быстрый рост бюджетных расходов уже маловероятен. Необходимы качественные решения в области повышения эффективности бюджетной политики при условии выполнения всех социальных обязательств государства. При этом бюджетная система должна сохранять устойчивость и сбалансированность. Вторым важнейшим направлением выделена оптимизация структуры бюджета, выявление внутренних резервов с целью их дальнейшего перераспределения для решения стратегических задач даже при неблагоприятных внешних условиях [4].

Основными результатами реализации бюджетной политики в период до 2014 года стали обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы Российской Федерации, оптимизация расходов федерального бюджета, формирование федерального бюджета на основе государственных программ, переход к формированию государственных заданий на оказание государственных (муниципальных) услуг физическим и юридическим лицам, совершенствование налоговой системы, межбюджетных отношений,

управления государственными активами и обязательствами, формирование «Бюджета для граждан» [5].

Цели и задачи бюджетной политики на 2015–2017 годы.

Стратегические цели бюджетной политики сформулированы в Программе повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года, в государственных программах «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» и «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации», а также в проекте «Долгосрочной бюджетной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» [6].

Указанные документы определяют цели бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов, акцентируют внимание на обеспечение устойчивости бюджетной системы Российской Федерации и безусловное исполнение принятых социальных обязательств наиболее эффективным способом.

Указанные цели планируется достичь через решение следующих задач.

1. Совершенствование механизма нормативно-правового регулирования бюджетных правоотношений.

2. Улучшение качества государственных программ и использования в бюджетном планировании принципа обоснованности и прозрачности для общества, а также определения их эффективности.

3. Определение эффективности предоставления межбюджетных трансфертов исходя из необходимости решения приоритетных задач социально-экономического развития.

4. Оптимизация расходов на оплату труда, с использованием методов материального стимулирования, в сочетании с сокращением численности государственных служащих и работников федеральных государственных органов, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы.

5. Повышение эффективности направления бюджетных средств на капитальные вложения путём снижения рисков срыва сроков строительства, реконструкции, технического перевооружения объектов капитального строительства, с учётом характеристик объекта (его стоимости, мощности, сроков ввода в эксплуатацию).

6. Повышение эффективности управления государственным долгом и государственными финансовыми активами сохранения умеренной долговой нагрузки и снижению расходов на обслуживание государственного долга.

Как реализуются эти задачи в Нижегородской области сегодня.

В настоящий момент можно констатировать, что в плане прозрачности принимаемых нормативно-правовых актов по планированию и исполнению бюджетов есть существенные недостатки, связанные с невозможностью ознакомиться с подробной расшифровкой бюджетной росписи. По этой причине затруднён качественный и правдивый анализ самого бюджетного процесса, обоснованности производимых расходов, оценка их эффективности. Трудно судить о качестве госпрограмм по примеру анализа раздела бюджета в *таблице 1*, где в разделе «массовый спорт» все средства по программам предназначены на госзакупки товаров и услуг, а не на конкретные мероприятия. Почти такая же картина и в разделе «спорт высших достижений».

При анализе задачи по оптимизации расходов на оплату труда управленческого персонала можно использовать данные указанной таблицы из раздела «другие направления в области физической культуры и спорта». Из 44 млн рублей затрат раздела – 33 млн рублей составляют выплаты денежного содержания чиновников. При этом спортивные показатели и спорта высших достижений сборных команд области, и числа занимающихся массовыми видами спорта неуклонно снижаются.

Вызывают сомнения и обоснованность затрат на капитальное строительство. Они и так не маленькие, что мы наблюдаем из *таблицы 1*, а на 2015 год планируется дальнейшее увеличение за счёт строительства ещё 3 ФОКов и двух ледовых арен при сокращении на 3,4 млн рублей расходов на содержание подведомственных учреждений среднего профессионального образования, на 10,9 млн рублей расходов на закупку товаров и услуг по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, на 84,5 млн рублей расходов по госпрограмме «Развитие здравоохранения Нижегородской области на 2013–2020 годы», но с одновременным увеличением расходной части областного бюджета и, как следствие, дефицита и долга.

При этом увеличивается нагрузка на районные бюджеты по финансированию содержания объектов капитального строительства, ко-

торыми далеко не всегда может пользоваться рядовой житель, а тем более целые семьи. В отличие от открытых и доступных всем площадок, полей, трасс, строительство и обслуживание которых в разы дешевле и эффективнее.

Результатом политики несбалансированности и низкой эффективности бюджета является накапливание государственного долга. Выше мы уже рассматривали доходные части бюджетов регионов – лидеров социальных расходов. Теперь обратимся к цифрам расходов. Нижегородская область – 133 679 285,5 тыс. рублей [7], Самарская – 161 140 013 тыс. рублей [2], Республика Татарстан – 199 312 135 тыс. рублей [3]. При этом наблюдаем значительный дефицит у нижегородцев – в два раза выше, чем у самарцев. В Татарстане дефицит спланирован больше, но, во-первых, в предыдущем году он получился чуть больше 300 млн рублей (в разы меньше от запланированного), во-вторых, его обслуживание около 1 млрд рублей. Для сравнения: в Самарской области – 3,6 млрд рублей, а в Нижегородской – почти в два раза больше. Таким образом, наблюдаем негативную тенденцию наращивания госдолга Нижегородского региона (таблицы 2, 3) [7], но и возможные пути его сокращения.

Таблица 1

Физическая культура и спорт	11	00	000 0000	000	1 108 020,2
Массовый спорт	11	02	000 0000	000	653 053,7
Реализация государственных функций в области физической культуры и спорта	11	02	487 0000	000	624 978,7
Расходы на обеспечение деятельности государственных учреждений	11	02	487 0059	000	624 978,7
Предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным некоммерческим организациям	11	02	487 0059	600	624 978,7
Физкультурно-оздоровительная работа и спортивные мероприятия	11	02	512 0000	000	25 247,0
Мероприятия в области спорта, физической культуры и туризма	11	02	512 2527	000	25 247,0
Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд	11	02	512 2527	200	5 247,0
Предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным некоммерческим организациям	11	02	512 2527	600	20 000,0

Государственные программы	11	02	600 0000	000	2 828,0
Государственная программа «Развитие здравоохранения Нижегородской области на 2013-2020 годы»	11	02	602 0000	000	1 328,0
Реализация мероприятий в рамках подпрограммы «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи»	11	02	602 2301	000	1 328,0
Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд	11	02	602 2301	200	1 328,0
Государственная программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на территории Нижегородской области до 2016 года»	11	02	608 0000	000	1 500,0
Мероприятия в рамках реализации государственной программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на территории Нижегородской области до 2016 года»	11	02	608 2960	000	1 500,0
Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд	11	02	608 2960	200	1 500,0
Спорт высших достижений	11	03	000 0000	000	410 323,5
Физкультурно-оздоровительная работа и спортивные мероприятия	11	03	512 0000	000	155 904,5
Дополнительное материальное обеспечение ведущих спортсменов Нижегородской области и их тренеров по Закону Нижегородской области от 4 июня 2008 года № 60-З «О мерах дополнительного материального обеспечения ведущих спортсменов Нижегородской области и их тренеров»	11	03	512 1143	000	30 516,0
Социальное обеспечение и иные выплаты населению	11	03	512 1143	300	30 516,0
Мероприятия в области спорта, физической культуры и туризма	11	03	512 2527	000	125 388,5
Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд	11	03	512 2527	200	111 530,0
Предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным некоммерческим организациям	11	03	512 2527	600	13 858,5

Государственные программы	11	03	600 0000	000	254 419,0
Государственная программа «Развитие социальной и инженерной инфраструктуры как основы повышения качества жизни населения Нижегородской области на 2014-2016 годы»	11	03	618 0000	000	254 419,0
Проектирование, строительство, реконструкция объектов государственной собственности Нижегородской области	11	03	618 2480	000	254 419,0
Капитальные вложения в объекты недвижимого имущества государственной (муниципальной) собственности	11	03	618 2480	400	254 419,0
Другие вопросы в области физической культуры и спорта	11	05	000 0000	000	44 643,0
Руководство и управление в сфере установленных функций органов государственной власти Нижегородской области	11	05	002 0000	000	39 893,0
Расходы на обеспечение функций государственных органов	11	05	002 0019	000	39 893,0
Расходы на выплаты персоналу в целях обеспечения выполнения функций государственными (муниципальными) органами, казенными учреждениями, органами управления государственными внебюджетными фондами	11	05	002 0019	100	33 464,1
Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд	11	05	002 0019	200	6 428,9
Реализация государственных функций в области физической культуры и спорта	11	05	487 0000	000	4 750,0
Расходы на обеспечение деятельности государственных учреждений	11	05	487 0059	000	4 750,0
Иные бюджетные ассигнования	11	05	487 0059	800	4 750,0

**Структура государственного долга Нижегородской области
на 2015 год
(тыс. рублей)**

Виды долговых обязательств	Величина государственного долга на 1 января 2015 года	Предельный объем привлечения в 2015 году	Предельный объем погашения в 2015 году	Верхний предел государственного внутреннего долга на 1 января 2016 года
1. Кредиты кредитных организаций	29 126 486,0	298 009 713,0	290 342 988,0	36 793 201,0
2. Государственные ценные бумаги	33 500 000,0	12 000 000,0	6 600 000,0	38 900 000,0
3. Бюджетные кредиты, полученные из федерального бюджета	3 414 266,2		1 558 812,4	1 855 453,8
4. Государственные гарантии	518 070,0		102 400,0	415 670,0
Итого объем государственного долга	66 558 812,2	310 009 713,0	298 604 200,4	77 964 324,8

**Отдельные показатели по государственному долгу
за 2011–2013 годы
(млрд рублей)**

	2011 год	2012 год	Темп роста к 2011 году	2013 год	Темп роста к 2012 году
Объем государственного долга	37,9	45,8	120,6%	56,0	122,5%
Долговая нагрузка	52,9%	58,0%	109,7%	65,5%	112,9%
Долговая нагрузка по погашению долговых обязательств	18,4%	23,3%	126,8%	28,3%	121,1%
Отношение объема долга к ВРП	4,9%	5,3%	107,8%	5,9%	110,3%

Список литературы

1. www.gks.ru.
2. <http://minfin-samara.ru>.
3. <http://minfin.tatarstan.ru/>
4. *Послание Президента РФ Федеральному собранию* // Российская газета. 2013. 13 декабря.
5. www.minfin.ru.
6. *Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов* // www.consultant.ru.
7. www.mf.nnov.ru.

*Треушников И. А.,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Автор считает, что функционирование правовой системы требует философского обоснования. Представление о праве как самодостаточном явлении, как о само собой разумеющейся ценности не представляется безоговорочно очевидным. Философское обоснование необходимо для легитимации правового принуждения. В статье делается вывод о том, что для этого может быть использован ресурс, который предоставляется отечественной философской традицией.

Ключевые слова: философия права; философское обоснование; отечественная философия; философия всеединства.

Следует признать, что в современной России насущную потребность общества и актуальную задачу научных исследований составляет поиск нравственно-правовых ориентиров, адекватных продуктивному развитию нашей страны. В этой связи философско-правовое наследие отечественных мыслителей представляет значительный эвристический интерес. Это подтверждают как конференции, посвященные данной теме, так и специальные исследования [3, с. 123]. Особую актуальность в настоящий момент, на наш взгляд, представляет попытка сформировать концепцию обоснования права, опираясь как на предшествующую, так и на современную философско-правовую традицию.

Проблема обоснования права не слишком активно рассматривается правоведами. Причины этого, вероятно, в том, что обоснование права не является самостоятельной проблемой, а напрямую зависит от понимания сущности права, определения самого понятия права, его соотношения с законом, с неправовыми нормативными системами (религиозной, моральной, аксиологической). С другой стороны, представление о праве как самодостаточном явлении, не требующем никакого обоснования, как о само собой разумеющейся ценности не представляется безоговорочно очевидным.

Современный мир, несмотря на процессы глобализации, является поликультурным или плюралистическим (иногда используется термин «плюральный»). В контексте культурного плюрализма мы можем говорить и о правовом плюрализме. Значительное внимание этому обстоятельству уделяют мыслители, пользующиеся постмодернистской методологией. Единого правового пространства, по их мнению, в реальности не существует. Внешняя целостность права включает противоречивый набор фрагментов, а отношения между ними являются неоднозначными и неопределенными. Четкая форма этой совокупности придается искусственно благодаря соответствующим инстанциям. Право, по их мнению, в данном случае нельзя рассматривать как справедливое [10, с. 126–127].

Идеи плюрализма в понимании сущности права периодически возникают в процессе научных дискуссий. В ходе круглого стола журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» доктор философских наук, заведующий кафедрой истории зарубежной философии МГУ А.Ф. Зотов обратил внимание на данное обстоятельство. Он указал, что на современном этапе есть все основания, чтобы «... принять теоретический тезис о принципиальной возможности существования разных правовых систем, как близких друг другу и вполне совместимых, так и чуждых, и даже несовместимых, которые соответствуют разным типам культуры и формам социальности (к примеру, признать существование "семейства" исламского права в качестве легитимного культурного образования, сколь бы чуждым оно ни было по отношению к "семейству" "европогенных" правовых систем)» [2, с. 39]. К сожалению, в ходе дискуссии данная проблема не получила развитие.

Кроме того, существует проблема универсальности права. Рассмотрение права как неотъемлемой части культуры характерно, скорее, для западной цивилизации и ее науки. Данное обстоятельство не свидетельствует о том, что в рамках иных цивилизаций за правом признается аналогичное место. Философ и теоретик права Сурия Пракаш Синха утверждает: «Право не есть универсальное явление; оно есть жизненный принцип, возникший в западной цивилизации и существующий в качестве результата особой историчности этой цивилизации; другие цивилизации, со своей стороны, развили свои собственные принципы моральной жизни, не оформленные как право, и если имеет место определенная рецепция некоторых аспектов правовой культуры в культурах, организованных не по правовому принци-

пу (это происходит, прежде всего, в экономической области), все же это не означает замены правом фундаментальных жизненных принципов этих цивилизаций» [10, с. 94]. Полагая данную точку зрения определенной крайностью, мы отметим, что указанные обстоятельства актуализируют проблему *обоснования* права. В этом деле основную роль должна играть философия права.

Для нашей страны и философской традиции весьма характерно «прохладное» отношение к праву. Известно, что философская мысль славянофильской ориентации противопоставляла правовым гарантиям идеализированные черты миропонимания русского народа и особенности его социальной организации. «Жизнь по совести» представляется наиболее приемлемой для основной массы народа России нежели «жизнь по праву». История нашей страны XX столетия показывает пример распространения правового нигилизма. Вопрос о том, что повлияло в качестве основного фактора на это обстоятельство (политическая практика или действительно глубинные мировоззренческие основания русского народного сознания) остается открытым. И.А. Ильин в своей крупной работе «О сущности правосознания» так характеризует данное состояние: «"Образованные" и необразованные круги народа одинаково не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний; они видят в нем или неприятное стеснение, или в лучшем случае – удобное средство защиты и нападения. Правосознание ... укрывает в себе глубочайшие недуги и дефекты, внутренне вырождение и духовное бессилие» [4, с. 159–160]. Отсутствие продуктивного правосознания делает проблему обоснования права насущно необходимой. Ильин называет такое правосознание «нормальным», полагая, что основной его характеристикой является «воля к цели права». *Цель* права, в конечном счете, обосновывает само *право*.

Русская религиозно-философская традиция в подавляющем большинстве случаев тяготеет к естественно-правовой интерпретации проблемы обоснования права. Тенденция к этизации исследований и религиозная насыщенность теоретических построений выступают специфическими чертами отечественной мысли. Не имея возможности в ограниченных рамках одной статьи подробно анализировать концепции многочисленных отечественных авторов, обратим внимание на учения отдельных представителей религиозной философии. На философско-правовые идеи представителей филосо-

фии всеединства – значимого направления в русской религиозной философии мы обращали внимание специально [8, с. 12–17].

Отечественные мыслители в основном хорошо относились к праву, полагая его в основу свободного развития индивида в обществе. Роль правовых гарантий в жизни общества, по их мнению, чрезвычайно высока. Только энергичным поддержанием правового порядка общество может гарантировать свободу личности. Свобода, обусловленная равенством, выступает атрибутом права. Обоснование права у большинства авторов строится на фундаменте этики. Отметим, что подобным образом разрешал данную проблему В.С. Соловьев, оказавший громадное влияние на творчество отечественных мыслителей рубежа XIX–XX веков.

Ближайшим учеником и критиком Соловьева является Е.Н. Трубецкой, создавший оригинальный вариант естественно-правовой доктрины. Являясь представителем философии всеединства, мыслитель убежден: «... человек ни есть ни центр мироздания, ни изолированное существо, а часть мирового целого, органически связанная с прочими частями мироздания: следовательно, его благо зависит от объективных законов, лежащих в основе мирового целого» [9, с. 49]. Как и у Флоренского, в учении Е.Н. Трубецкого методология всеединства находится в основании решения проблемы обоснования права. Его подход свободен от излишнего мистицизма. Основание права мыслитель видит в нравственности. Он справедливо отмечает, что «... область нравственная и область права не только не исключают друг друга, но находятся в тесном взаимном соприкосновении, так что одни и те же нормы могут одновременно заключать в себе и правовое и нравственное содержание» [9, с. 41]. Значение нравственного идеала рассматривается как определяющее. По мысли Е.Н. Трубецкого отсутствие такого идеала и сомнение в его общеобязательности обесмысливает историю и жизнедеятельность отдельного человека. Именно *общеобязательность* нравственного идеала (по сути, субъективное убеждение в этом факте, характеризующее, по мысли философа, любое нравственное сознание) делает его универсальным критерием для определения собственно *правовой* системы.

«Право – прежде всего явление психическое, – отмечает Е.Н. Трубецкой. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права обуславливаются теми неписаными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними

велениями. ... Этим неопровержимо доказывается существование норм нравственного или – что то же – естественного права, которые составляют идеальную основу и идеальный критерий всего правового порядка» [9, с. 65–66]. Наличие высших, по отношению к позитивному праву, норм позволяет говорить о прогрессе в праве. Прогресс понимается как постепенное сближение «волеустановленного» права с «внутренним законом нашего разума» или, что то же, с естественным правом. Высшие нравственные нормы, тем самым, выступают «последним основанием» для права. Этими нормами оно фактически и обосновывается.

Основой нравственного сознания, по мнению Е.Н. Трубецкого, является стремление к добру. Квинтэссенцией данного стремления, как следует из анализа его теоретических построений, выступает необходимость сохранения человека как социального существа. Солидарность людей, по мысли философа, – есть основная ценность, принимаемая в идеализированном виде в качестве цели их существования или, говоря словами И.А. Ильина, цели права.

В разные эпохи и у разных народов понимание данного идеала было различным. Однако, как полагает Е.Н. Трубецкой, «на самом деле изменчивость нравственных понятий доказывает только, что нравственное сознание человека изменяется, прогрессирует; но это отнюдь не доказывает, чтобы изменялся самый закон, самая сущность добра» [9, с. 48]. Как искренне верующий и убежденный во всепобеждающей силе добра человек, Е.Н. Трубецкой полагает, что именно христианство дает пример максимального приближения нравственного идеала к абсолюту. Следовательно, право, ориентирующееся на максимы христианской морали, выступает наиболее соответствующей естественно-правовым требованиям системой.

Этот вывод, заметим, приближается к положениям авторов, придерживающихся религиозно-мистического образца обоснования права, так как они, в сущности, также опираются на абсолютизацию христианской морали. (Это можно увидеть, например, в философии П.А. Флоренского – одного из представителей философии всеединства.) Религиозно-мистическое обоснование государства и права, раскрывающееся в учении Флоренского, на современном этапе выглядит анахронизмом. Отнесение его воззрений к собственно естественно-правовой традиции представляется далеко небесспорным, и мы это хорошо понимаем. Вспомним, что сам Флоренский относил собственное миропонимание к периоду средневековья, предшество-

вашего расцвету доктрин естественного права. Однако мистицизм мыслителя основан на убеждении в естественности доминирования духовных начал в человеке и обществе. На этом основывается стремление обосновать естественное право индивида на духовное совершенствование. Конструкция Флоренского строится на методологии философии всеединства, а представление о предустановленной гармонии мира позволяет полагать, что божественное всеединство задано и всему сотворенному миру. Следовательно, оправдание государства и права божественной силой не нужно рассматривать как опору исключительно на трансцендентное. Мир земной и небесный связаны в гармоничном единстве, и силы небесные представляются вполне *естественными* для человека и общества в устремлении к абсолюту. При таком подходе, однако, Флоренского не очень беспокоит проблема формально-правового обеспечения индивидуальных прав. Взгляды многих других философов, даже относящихся к школе всеединства, как и Флоренский, отличаются большим уважением к нашей проблеме.

Основная ошибка всех предшествующих естественно-правовых теорий заключалась, как полагает Е.Н. Трубецкой, именно в том, что они рассматривали естественное право как нечто окончательно сформировавшееся и неизменное. В реальности «естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи» [9, с. 74]. Как видим, в учении Е.Н. Трубецкого, в имплицитном виде, заключен своеобразный закон соответствия позитивного права уровню восприятия и осознания тем или иным народом на определенном этапе максимум естественного права.

Подобным образом подходит к нашей проблеме и такой известный философ права, как И.А. Ильин. «Правовые нормы, стоящие в согласии с моралью и справедливостью, – как указывает он, – называются *естественным правом* (т.е. правом, соответствующим самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа). ... В естественном праве обе стороны соединяются и согласуются: право остается правом, но получает значение моральной верности и становится *естественным* правом; мораль не вытесняется и не нарушается правом, но руководит его предписаниями и придает ему характер "*естественности*"» [5, с. 80–81].

Как видим, идея не противопоставления, а взаимопроникновения морали и права руководит построениями обоих мыслителей. Их идеи, несмотря на определенные различия, сходятся в основном – обоснование права должно базироваться на смыслообразующем каркасе надпозитивных общечеловеческих ценностей. Данные ценности генетически принадлежат христианской культуре и, следовательно, являются культуурообразующими для большинства населения нашей страны. В этой связи, конструкции отечественных мыслителей, представленные выше и аналогичные им, представляются весьма продуктивными с точки зрения выработки приемлемой формы обоснования права и утверждения «нормального», по выражению Ильина, правосознания. Однако в свете оценки глобализационных процессов и тех идей, которые были высказаны в начале статьи, проблему можно рассмотреть иначе.

Рассматривая естественно-правовые принципы в качестве универсальных, мы сталкиваемся с целым рядом проблем. К настоящему моменту моделей обоснования права достаточно много. При всем их многообразии, авторитетный современный историк и теоретик права – В.С. Нерсесянц выделяет следующие «три типа правопонимания»: «легистский (позитивистский), естественно-правовой (юснатуралистический) и либертарно-юридический» [6, с. 3]. «С позиций юснатурализма, – отмечает автор, – невозможно адекватное, юридикологически последовательное учение о праве и государстве, невозможна внутренне согласованная концепция правового закона и правового государства. ... В целом юснатурализму присущи как гуманитарные достоинства (концепция естественных и неотчуждаемых прав человека, отрицание произвольного государственного правотворчества и т.д.), так и недостатки (отсутствие формализованного принципа отличия права от неправа, недооценка роли позитивного права, смешение права с моралью, религией и т.д., отсутствие концепции правового закона, дуализм одновременно действующих систем естественного и позитивного права с безусловным подчинением государства и его позитивного права естественному праву и т.д.)» [6, с. 10].

Доминирование морали над правом воспринимается многими отечественными современными исследователями как явный недостаток и проявление неуважения к праву. Исходя из высших гуманистических ценностей, авторы стремятся доказать, что право не нуждается в *надправовом* обосновании. С.С. Алексеев в монографии «Филосо-

фия права» последовательно проводит мысль о бесосновательности какого-либо превосходства морали над правом. Мораль рассматривается им даже как потенциальная угроза для свободы [1, с. 53–64]. Основная претензия к морально-нравственным способам обоснования права заключается в отсутствии единой универсальной системы моральных ценностей. Принимая данное возражение, мы обращаем внимание на обстоятельство, оставляемое обычно противниками данного подхода «за кадром», а именно на принципиальное *совпадение* многих ценностных положений, принадлежащих к различным нравственным системам. В этой связи укажем то, что опора на христианский универсализм, характерная для русских религиозных мыслителей, представляется весьма продуктивным методом. Оценки способности правового регулирования играть роль универсального механизма, как мы показали в начале статьи, также весьма различны.

Остальные претензии, высказанные к естественно-правовой школе в целом, могут быть приняты, но с определенными возражениями. Прежде всего, отметим, что В.С. Нерсесянц, критикуя «юснатурализм», исходит из собственной «либертарно-юридической» концепции, устраняющей, по его мнению, негативные стороны как позитивистской, так и естественно-правовой традиции. Обоснование права строится в ней исходя из рационализированных и формализованных ценностей свободы, равенства и справедливости. Однако концепции указанных выше мыслителей в качестве характеристик правового идеала также принимают данные ценности, только выводя их из универсального мирового порядка, не рассматривая как *исключительно правовые*. Это не меняет их содержания. Дуализм естественного и позитивного права заменен в современной концепции дуализмом права и закона, что меняет форму, а не сущность проблемы. Недооценки роли позитивного права, присущего, по мнению В.С. Нерсесянца, естественно-правовым концепциям, мы не находим при ближайшем рассмотрении ни у Е.Н. Трубецкого, ни, тем более, у И.А. Ильина. Данная черта характеризует религиозно-мистические учения, подобные философии П.А. Флоренского. Такие варианты обоснования права приемлемы преимущественно для Церкви и для искренне верующих людей (выше, однако, мы отмечали корреляцию построений Флоренского с конструкциями его менее склонных к мистицизму коллег).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о жизнеспособности естественно-правового варианта обоснования права. Возможно, даже

о его большей продуктивности для культур неевропейского типа. В условиях глобализации именно право представляется наиболее универсальным мерилем человеческих отношений. Философии права предстоит решить сложный комплекс вопросов, связанный с выработкой наиболее продуктивной модели обоснования права и формированием на этой основе «нормального» правосознания. Согласимся с мнением авторов одного из учебников о том, что «философия права – это философский дискурс права, направленный на выяснение того, какие предельные (последние) основания, связанные с сущностью человека, могут служить оправданием правового принуждения» [10, с. 27].

Философский дискурс права допускает многообразие подходов к основанию правовой реальности. Не вызывает сомнения, что наибольший простор для философско-правовых построений предоставляет естественно-правовая линия правопонимания. Для русской философской мысли указанная модель представляется наиболее приемлемой и употребительной. Философская школа всеединства в русской философии выступает как совокупность самобытных мыслителей, объединенных системообразующими метафизическими идеями, во многом определяющими решение историсофских, социальных, антропологических, а также философско-правовых проблем. Методологические приемы представителей философии всеединства могут выступать основанием для рационального обоснования права, выработки представления о социально-значимом правовом идеале. Философия всеединства является религиозной по своему характеру. В силу данного обстоятельства авторы, принадлежащие к этой школе, выводят источники нашей реальности за пределы имманентного мира. Правовая действительность, как часть реальности в целом, также будет иметь своим корнем трансцендентную сущность. Это позволит утвердить объективный правовой идеал, опирающийся на универсальные ценности, последовательный и концептуально обоснованный отказ от которых, за что выступают определенные теоретики права [7, с. 60–61], представляется опасным для общественного сознания.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Философия права. М.: Изд-во Норма, 1998. 336 с.
2. *Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии»)* // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.

3. *Евсевичев В.И.* Вячеслав Жуков. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века // Государство и право. 2002. № 7. С. 123–124.

4. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская Книга, 1994. С. 151–414.

5. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская Книга С. 47–147.

6. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

7. *Толстик В.А.* Право как реальное социальное явление // Актуальные проблемы философии права: сборник статей участников семинара / под ред. профессора В.К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006. С. 56–64.

8. *Треушников И.А.* Правовые аспекты проблемы «Запад – Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2. С. 12–17.

9. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права / науч. ред., вступ. ст. Г.Г. Бернадский, сост. Ю.А. Сандулов, примеч. в тексте Д.В. Масленников. СПб.: Лань, 1998. 224 с.

10. Философия права: учебник / под общ. ред. В.П. Сальникова, Г.Н. Хона. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 240 с.

*Шаймердянова Г. Ш.,
доцент кафедры
уголовного процессуального права ПФ РГУП,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород*

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

В данной статье рассматриваются некоторые особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний; производство по уголовным делам.

Уголовные дела по обвинению несовершеннолетних, т.е. лиц, которым на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, выделены в особую категорию исключительно по субъекту преступления, потому что речь идет о представителях подрастающего поколения, о будущем нации. Закон регламентирует производство по таким делам предельно детальной системой гарантий прав личности, которые призваны не только исключить судебную ошибку в виде осуждения невиновного, но и минимизировать применение принуждения в уголовном процессе по таким делам. Верховный Суд РФ обращает внимание нижестоящих судов на их процессуальную обязанность обеспечения в разумные сроки качественного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, имея в виду, что их правовая защита предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний, в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других законных мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса [2].

При расследовании и рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних надлежит учитывать положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о пра-

вах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов, 1990 г.). Также подлежат учету и другие официальные документы, например Рекомендации № Res (2003 г.) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних.

Хотелось бы выделить ряд особенностей при производстве по делам указанной категории.

1. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, иначе говоря, предмет доказывания по уголовным делам, не относящимся к особой категории, определены статьей 73 УПК РФ [5]. Положения статьи 421 УПК РФ не изменяют совокупности этих обстоятельств, а расширяют ее за счет трех дополнительных групп обстоятельств, которые крайне важны для решения вопроса о том, подлежит ли данный несовершеннолетний уголовной ответственности вообще, и о том, какие условия способствовали совершению данного преступления, а также для индивидуализации наказания и выявления соучастников преступления из числа взрослых.

Установление возраста несовершеннолетнего входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам несовершеннолетних.

При этом нужно учитывать, что лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е. с нуля часов следующих суток. При установлении судебно-медицинской экспертизой возраста подсудимого днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным числом лет суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица, в силу толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

Второе обстоятельство, подлежащее доказыванию, акцентирует внимание правоприменителей (следователя, прокурора, суда) на обязательном установлении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития и иных особенностях его личности. При этом установление условий жизни и воспитания предполагает собирание и исследование данных не только касающихся самого несовершеннолетнего, но и его родителей, либо лиц их заменяющих.

В пункте 3 части 1 ст. 421 УПК РФ указывается такой элемент доказывания, как влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. В данном случае обычно проверяется версия о подстрекательстве или соучастии в совершении преступления со стороны взрослых лиц, выясняется характер взаимоотношений между несовершеннолетним и взрослым при совершении ими преступления в соучастии. Также выясняется возможное криминогенное влияние ближайшего окружения подростка в семье, школе, в бытовом окружении и т.д.

Взаимосвязанные положения части третьей и части четвертой указанной статьи обогащают предмет доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних фактическими обстоятельствами, характеризующими состояние психического и физического здоровья обвиняемого под особым углом зрения: не имеет ли он заболевания, препятствующего содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа органа управления образованием, имея в виду, что в такие учреждения направляются несовершеннолетние осужденные, которые нуждаются в особых условиях воспитания, обучения и требуют специального педагогического подхода. Эти фактические обстоятельства подлежат установлению на стадии предварительного расследования путем медицинского освидетельствования обвиняемого. Однако при помощи названного следственного действия (статья 179 УПК) столь сложную задачу решить невозможно. Представляется, что речь должна идти о медицинской экспертизе, причем комплексной.

Что касается особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, предусмотренного главой 40 УПК Российской Федерации, то он представляет собой упрощенную процедуру, при которой процессуальная экономия достигается путем отказа от судебного разбирательства и установления фактических обстоятельств, а приговор основывается на мате-

риалах предварительного расследования. Между тем, когда речь идет о несовершеннолетнем правонарушителе, только полное исследование всех обстоятельств совершенного деяния и всесторонний учет особенностей его личности могут обеспечить принятие справедливого решения. Именно исходя из этого в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 [2] указывается, что закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, а, напротив, требует участия в судебном разбирательстве его законного представителя и установления судом условий его жизни и воспитания, уровня психического развития и иных особенностей личности, влияния на него старших по возрасту лиц, в том числе для решения вопроса о возможности освобождения от наказания.

2. Далее следует остановиться на положениях статьи 422 УПК РФ. Согласно части второй статьи 154 УПК РФ, выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, в случаях, когда это вызывается большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов. И хотя комментируемая статья не содержит прямых указаний на то, что действие данной общей нормы имеет специфику в уголовном процессе по делам о преступлениях несовершеннолетних, вывод о такой специфике вероятен. Во-первых, если в статье 154 УПК говорится, что дознаватель, следователь **вправе** выделить уголовное дело в отдельное производство, то в ч. 1 ст. 422 УПК РФ указана более категоричная формулировка: «Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления... выделяется в отдельное производство...». Исходя из этого, а также из той важности, которую приобретает обособленное производство в отношении несовершеннолетнего, призванное исключить пагубное влияние на него взрослых соучастников, можно заключить, что выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в особое производство обязательно при малейшей возможности и, во всяком случае, независимо ни от объема уголовного дела, ни от множественности эпизодов преступления.

Стоит отметить, что принцип раздельного рассмотрения дел в отношении несовершеннолетнего и взрослого при совершении ими преступления в соучастии получил международное признание. К со-

жалению, на практике исключением из правил является выделение дела в отдельное производство и раздельное рассмотрение таких дел.

3. Представляется необходимым обратить внимание и на вопросы, связанные с избранием меры пресечения в отношении несовершеннолетнего.

Существующие международно-правовые акты, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, весьма гуманны относительно меры пресечения.

Общий принцип относительно задержания несовершеннолетних, сформулированный с учетом международно-правовых норм (в частности «Пекинскими правилами») [1] таков: стараться избегать заключения под стражу и задержания несовершеннолетнего.

В соответствии с ч. 2 статьи 423 УПК РФ при решении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр. На данный факт обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 11 Постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 [4].

Рассматриваемая мера пресечения призвана обеспечить повышенный контроль за поведением несовершеннолетнего со стороны лиц, на которых возложены обязанности, связанные с воспитанием ребенка, а также со стороны других заслуживающих доверия лиц.

Для избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым как меры пресечения необходимо наличие оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, а также учитывать обстоятельства, закрепленные в статье 99 УПК РФ. Специальным условием избрания данной меры пресечения является недостижение обвиняемым (подозреваемым) на момент производства по делу возраста 18 лет.

4. Имеются особенности производства по делам данной категории и при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, порядок проведения которого регламентирован ст. 425 УПК РФ.

По общему смыслу закона положения указанной нормы применяются при допросе подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, которому на момент допроса не исполнилось 18 лет. Если же преступление было совершено до достижения этого возраста, а допрос проводится после того, как наступило совершеннолетие, применяются общие правила проведения допроса.

При этом превышение продолжительности допроса, указанного в указанной статье (время непрерывного допроса – 2 часа, а целом в течение дня – 4 часа), не допускается, даже если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его представитель выражают согласие на продолжение допроса. Кроме того, в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обязательно участие защитника.

В случаях, предусмотренных частью 3 статьи 425 УПК РФ, следователь, дознаватель и суд обязаны обеспечить участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подсудимого по собственной инициативе, независимо от заявления об этом ходатайства защитника. Показания такого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога, в силу ч. 2 статьи 75 являются недопустимыми доказательствами [2].

5. Следует остановиться и на положениях ст. 426 УПК РФ, регламентирующих участие законного представителя.

Положения указанной статьи относятся не только к несовершеннолетнему обвиняемому, но и к несовершеннолетнему подозреваемому, что увеличивает период времени, в течение которого закон включает законного представителя в уголовный процесс.

Особо хочется обратить внимание лиц, производящих предварительное расследование на то, что в качестве законных представителей могут быть допущены родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, органы опеки и попечительства (п. 12 статьи 5 УПК РФ). При этом законный представитель имеет право не просто присутствовать при допросе несовершеннолетнего, а с разрешения следователя задавать ему вопросы, которые подлежат занесению в протокол, в т.ч. и в том случае, если они были отведены следователем или дознавателем.

К действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего обвиняемого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Недопустимо привлечение к

участию в деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним подсудимым, а также лиц, в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление.

6. Также полагаю необходимым обратить внимание и на положения ст. 427 и ст. 431 УПК РФ.

Требования об экономии репрессии, сформулированные в ч.1 статьи 60 УК РФ, конкретизированы в отношении несовершеннолетних в ч. 2 статьи 87 УК РФ, согласно которой к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ) либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием, т.е. вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания всегда должен рассматриваться до решения вопроса о мере наказания.

По делам о преступлениях несовершеннолетних особое значение придается воспитательному, а не карательному воздействию правосудия, в связи с чем представляется перспективным в развитии законодательства о преступлениях несовершеннолетних расширение не уголовных мер воздействия, на что ориентируют нормы международного права.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе своим постановлением уголовное дело в отношении несовершеннолетнего прекратить и одновременно возбудить перед судом ходатайство о применении вышеперечисленных принудительных мер воспитательного характера и направить материалы прекращенного уголовного дела в суд, который рассматривает их по процедурным правилам, по которым осуществляется судебное рассмотрение ходатайства органа расследования, о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу (части 3–10 статьи 108 УПК). В данном случае судебное решение принимается по уголовному делу, производство по которому уже прекращено в досудебной стадии, что, конечно, представляет собой не вполне обычную юридическую конструкцию.

К сожалению, следственными органами Нижегородской области указанная норма закона фактически не используется, поскольку

в 2013 г. и первом полугодии 2014 г. в суды Нижегородской области не поступало прекращенных дел с ходатайствами следователей о применении принудительных мер воспитательного характера.

В соответствии со статьей 431 УПК РФ, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, суд прекращает уголовное дело в отношении такого лица и применяет к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 статьи 90 УК РФ.

При этом следует напомнить, что в ч. 1 статьи 90 УК РФ говорится об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних, если их исправление возможно с помощью применения принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ). Основания применения этой нормы: совершение несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести; установленная судом возможность исправления несовершеннолетнего без привлечения его к уголовной ответственности.

Представляется, что данное основание должно применяться только тогда, когда юридически невозможно применение одного из общих оснований освобождения, предусмотренных статьями 75 и 76 УК РФ. Не случайно статья 90 УК РФ, предусматривающая особый порядок освобождения несовершеннолетних, помещена отдельно от основных общих оснований.

Верховный суд РФ ориентирует суды не допускать случаев применения уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ) (п. 17 Постановления Пленума от 1 февраля 2011 года № 1 [3]).

Таким образом, закрепленный в уголовно-процессуальном законе порядок производства по делам несовершеннолетних в соответствии с принципами справедливости и гуманизма обеспечивает учет при применении уголовного закона социальных, возрастных и физиологических особенностей этой категории лиц, по своей сути является дополнительной гарантией обеспечения защиты их прав и законных интересов.

В заключение следует отметить, что государство придает особую общественную значимость данной категории дел, поскольку осознает последствия совершенных в подростковом возрасте преступлений, которые отразятся на последующей жизни индивида. С учетом этого отечественная государственная политика в отношении несовершеннолетних преследует следующие цели: создание наиболее благоприятных условий для установления и устранения причин преступления; поиск эффективных мер воздействия на личность несовершеннолетнего с учетом ее конкретных данных и достижение социальной реабилитации ее в обществе. Четкое и неукоснительное выполнение предписаний, установленных в уголовно-процессуальном законодательстве по делам в отношении несовершеннолетних, полагаю, и будет способствовать реализации указанных целей.

Список литературы

1. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)* // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в редакции от 2 апреля 2013 г.)* // СПС «Консультант Плюс».

3. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с последующими изменениями)* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

4. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

5. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.10.2014)* // СПС «Консультант Плюс».

Шиманская О. К.,

кандидат философских наук, доцент кафедры
культурологии, истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород

*Матина Е. Г.,
магистрант
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 2275 «Стратегии межкультурной коммуникации, этноконфессиональное взаимодействие и социокультурная идентичность России».

Ключевые слова: социальное партнерство; государство; религиозные организации; правовое обеспечение.

Социальное партнёрство государства и религиозных организаций в современной России обусловлено международными подходами к правам человека, стандартами свободы совести и религиозной свободы, а также российским законодательством. Это статья 55 Устава ООН и «Всеобщая декларация прав человека» 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений 1981 г. [2].

Конституция 1993 г. характеризует РФ как светское государство. Провозглашается принцип отделения религиозных объединений от государства и их равенство перед законом. Статьей 28 Конституции РФ гражданам гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Образование является светским. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. создал нормативно-правовую базу, упорядочившую государственно-конфессиональные отношения. Однако закон не предусмотрел правовых форм деятельности религиозных организаций за пределами их рели-

гиозно-культурной практики в таких сферах, как социальная и образовательная. На момент принятия закона ни законодатель, ни религиозные организации не могли предвидеть увеличение роли религиозных институтов в социальной сфере, востребованность их диаконической и каритативной деятельности.

Современные исследователи Р. Подопригора, К. Дурэм, В. Хоффман, К. Шлайх, Е. Мирошникова предлагают трёхчленную классификацию, публично-правового статуса религий: 1) модель идентификации или государственная религия; 2) модель радикального отделения (американская модель); 3) плюралистическая модель, модель нейтралитета или кооперационная модель (европейская модель) [5, с. 16–18]. Россия, провозгласив отделительную модель, реализует кооперационную. Она на основе принципа отделения при отсутствии государственной религии обеспечивает легитимное сотрудничество государства с религиозными организациями, её основные принципы: мировоззренческий нейтралитет государства; принцип толерантности; принцип паритета. Однако государственно-конфессиональные отношения исторически обусловлены и динамично развиваются, порождая новые актуальные вопросы. Их становление связано со сложностями, проявляющимися во взаимодействии религиозных организаций и государства в области социального партнёрства. Под социальным партнёрством мы понимаем систему взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, направленную на решение социально значимых проблем.

Оформление правовой базы социального партнёрства государства и религиозных организаций было положено распоряжениями и рекомендациями Президента РФ. Был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации – распоряжение Президента РФ от 24 апреля 1995 г. № 192-рп. Совет – это консультативный орган, осуществляющий подготовку предложений для Президента РФ, по его взаимодействию с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества. Функции Совета: обеспечение взаимодействия Президента РФ с религиозными объединениями, аналитика материалов и рекомендации по вопросам политики в области взаимоотношений государства и религиозных объединений (проекты федеральных законов, указов Президента, иных нормативных правовых актов). Заседания Совета проводятся не реже одного раза в полугодие. Обеспечение его деятельности осуществляет Управление Президента РФ по внутрен-

ней политике. В состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ входят 22 человека – это представители федеральных органов исполнительной власти, специалисты в области религиоведения и государственно-конфессиональных отношений, представители крупных религиозных организаций, зарегистрированных на территории России.

Религиозные деятели России участвуют в работе Комиссии Правительства РФ по вопросам религиозных объединений, в Совете Федерации Федерального Собрания РФ создана Объединенная комиссия по национальной политике и взаимодействиям государства и религиозных объединений. При Комитете Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций создан экспертный совет, куда вошли представители религиозных и светских организаций.

Подобные комиссии и Советы существуют во многих регионах России. По мнению федеральных чиновников, «в стране складывается целостная система взаимодействия религиозных объединений с институтами гражданского общества, механизмы их реального диалога с органами государственной власти и местного самоуправления» [4, с. 170]. Она осуществляется путём создания совещательных органов на федеральном уровне, распоряжениями и рекомендациями Президента РФ. Это формирование правовой традиции, обычаев делового оборота как основы для различного уровня соглашений о сотрудничестве. Однако и правовая традиция, и правовой обычай не могут быть долгосрочной основой для социального партнёрства государства и религиозных организаций, требуя более устойчивых форм взаимных договорных обязательств, побуждая к законодательным инициативам в развитии государственно-конфессиональных отношений.

При анализе состояния правового регулирования социального партнёрства государства и религиозных объединений в России необходимо рассматривать двухсторонний процесс: во-первых, действия государственных органов – это действия «сверху», как результат государственной вероисповедной политики поддержки наиболее перспективных конфессий; во-вторых, инициативная деятельность «снизу», то есть самих религиозных организаций. Объём статьи позволяет нам рассмотреть лишь некоторые аспекты федеральной и муниципальной практики развития государственно-конфессиональных отношений по вопросу социального партнёрства.

Необходимость модернизации социального законодательства, регулирования сферы социального партнёрства государства и религиозных организаций осознаётся российской властью. Об этом говорит исследование Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Социальное партнёрство государства и религиозных организаций», в котором обосновывается необходимость принятия нового федерального закона «О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями» [9].

Правовое обеспечение социального партнёрства показательно в практике регионов, в том числе и в Нижегородской области, где православие глубоко укоренено в общественной и культурной жизни. Православная традиция – часть общественного сознания и идеологии нижегородских властей. Представление о присущей Нижнему Новгороду традиционной православной духовности поддерживается авторитетным духовенством епархии. Так в 2001 г. по инициативе полпреда в ПФО С. Кириенко создан Фонд им. Святителя Феофана Затворника для поддержки православных общественных инициатив в области образования, просвещения и культуры. При ПФО была сформирована Комиссия по развитию этнокультурных и конфессиональных отношений и гражданской идентичности. Задача Комиссии – совершенствование отношений власти и религиозных организаций и предотвращение возможных межконфессиональных конфликтов. Полпред президента в ПФО А. Коновалов, занявший эту должность в ноябре 2005 г., поддерживал инициативы Нижегородской епархии РПЦ МП, связанные со строительством храмов и монастырей. Важной задачей церкви в современной России полпред считал социальную работу.

Сегодня губернатор В.П. Шанцев стремится к конструктивному взаимодействию с основными конфессиями области. В 2005 г. событием, закрепившим особые отношения областных властей с епархией РПЦ МП, стало празднование 4 ноября Дня народного единства, где вместе выступали губернатор и архиепископ Георгий. В декабре 2010 г. по инициативе главы администрации Нижнего Новгорода О.А. Кондрашова по аналогии с президентским Советом по взаимодействию с религиозными объединениями был создан Межконфессиональный консультативный совет. «Наше стремление к диалогу религий и народов на территории города, мудрая позиция

руководителей конфессий позволили нам держать ситуацию под контролем», – прокомментировал он [8].

Межконфессиональный консультативный совет – коллегиальный консультативный орган, образованный в целях совершенствования системы взаимодействия с религиозными объединениями, осуществляющими свою деятельность на территории Нижнего Новгорода. Задачи Совета: обеспечение взаимодействия администрации города с религиозными объединениями; содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Заседания Совета проводятся не реже двух раз в год. В состав Межконфессионального консультативного совета входят 16 человек, в числе которых – представители региональных органов исполнительной власти, представители религиозных организаций, специалисты в области государственно-конфессиональных отношений и религиоведения.

23 июня 2011 г. состоялось первое заседание Межконфессионального консультативного совета. Глава администрации выступил с инициативой проведения благотворительных акций совместно с религиозными конфессиями. Акция «Пастырь добрый» призвана отметить наградами наиболее активных служителей каждой религиозной общины, завоевавших уважение верующих. Акция «День благотворительности» призвана стимулировать благотворительную деятельность в городе. Представители конфессий одобрили предложения О. Кондрашова.

На втором заседании Совета 16 февраля 2012 г. обсуждались вопросы религиозного образования. О. Кондрашов подчеркнул, что особое внимание вопросам интеграции традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей в образовательное пространство региона уделяет Нижегородская епархия. Об опыте сотрудничества епархии с муниципальной системой образования рассказал руководитель епархиального отдела образования протоиерей Виктор Софронов.

Третье заседание Совета состоялось 24 января 2013 г. на тему «Молодежь и религия в контексте современных политических процессов». Было отмечено, что в последнее время наблюдаются противоположные процессы: с одной стороны, рост интереса молодежи к традиционным религиям, с другой – обращение в различные квазирелигиозные объединения. Кондрашов призвал религиозные организа-

ции активно участвовать в работе с молодежью, а администрация в свою очередь обязалась оказывать всевозможное содействие религиозным организациям, например, помогать при проведении спортивных мероприятий.

21 ноября 2013 г. состоялось четвертое заседание Совета, участники которого обсудили меры социальной адаптации мигрантов. О. Кондрашов ситуацию с мигрантами в области оценил как спокойную и бесконфликтную. Было объявлено о создании горячей линии для сообщений о нарушении законодательства в отношении мигрантов. Гаяз Закиров, глава ДУМНО, указал на то, что общины без помощи властей не могут оказывать необходимую социальную помощь мигрантам. По данным представителей УФМС России по Нижегородской области, в 2013 г. поток мигрантов увеличился на 20%, около 80000 мигрантов находятся в регионе незаконно. Была выявлена необходимость добиться соблюдения мигрантами законодательства, совершенствование этого законодательства, приобщение мигрантов к элементарной культуре.

Встречи продолжились и в 2014 г. 21 марта организовано пятое заседание Совета на тему «СМИ и религиозные организации, проблемы и перспективы взаимодействия». Было принято решение о проведении межконфессионального и межнационального субботника 26 апреля. Сотрудники администрации города совместно с представителями религиозных конфессий очистили сквер Интернационалистов от мусора, посадили цветы. В работах по благоустройству приняли участие более 150 нижегородцев, в числе которых – представители Духовного управления мусульман области, Центральной церкви Евангельских христиан-баптистов, Римско-католического прихода Успения Пресвятой Девы Марии, Нижегородского отделения Всероссийского Азербайджанского конгресса, Областной общественной организации «Нижегородская армянская община» и др. [6].

На заседании принято решение об открытии интернет-приемной по вопросам религиозной жизни в Нижнем Новгороде. Участники совета поддержали идею создания на портале «нижнийновгород.рф» открытой площадки для конструктивного взаимодействия средств массовой информации и религиозных конфессий. Ее цель – расширение тем, рассказывающих о жизни традиционных конфессий, повышение качества журналистских материалов на религиозные темы. Ответы будут предоставляться в сроки, определённые Законом РФ «О средствах массовой информации» [3].

10 декабря 2014 г. прошло шестое заседание Межконфессионального совета. Его участники говорили о необходимости организации межконфессионального туристического маршрута в целях улучшения имиджа Нижнего Новгорода. «Стоит отметить, что деятельность администрации города Нижнего Новгорода в сфере взаимодействия с религиозными объединениями и национально-культурными организациями ведётся во многих направлениях, пропагандируется формирование в городской среде атмосферы толерантности и межкультурного долга. В частности при поддержке администрации города был снят фильм «Мы разные, но мы вместе», позволяющий наглядно продемонстрировать дух единства различных национальностей», – подчеркнул Николай Пугин [7].

26 февраля 2015 г. в муниципалитете обсудили проект плана по развитию и укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений, который станет магистральным на 2015 г. Обсуждение состоялось на заседании рабочей группы по межнациональным отношениям, созданной в рамках межконфессионального консультативного совета при администрации Нижнего Новгорода. «Среди мероприятий комплексного плана значатся и новые, и ставшие традиционными проекты. В него заложено большое количество мероприятий, предложенных национально-культурными сообществами, причём часть из них уже реализуется. В текущем году важными темами являются 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, 700-летие со дня рождения преподобного Сергия Радонежского и 650-летие пребывания преподобного Сергия Радонежского на Нижегородской земле, 100-летие Нижегородской Соборной мечети», – сообщил начальник управления по взаимодействию с общественными организациями и местным самоуправлением администрации города Александр Макеев [1].

Власти региона выстраивали свои взаимоотношения с религиозными объединениями, в большей степени исходя из личных предпочтений и убеждений. Надо понимать, «моделью» для выстраивания взаимоотношений региональной политической элиты с религиозными организациями на местах служит пример федеральных властей. Осознание необходимости гибкого подхода к духовной сфере требует от представителей исполнительной, законодательной и судебной власти и федерального, и регионального уровня чуткости и деликатности в решении проблем одной из самых тонких сфер человеческого созна-

ния и деятельности – свободы совести, мировоззренческих, ценностных оснований индивидуального и коллективного бытия.

Религиозные организации стремятся к конструктивному воздействию на систему общественных отношений, на социальные институты, структуры и процессы. Одной из форм их активизма выступает имеющее глубокую нравственную основу социальное служение. Общество нуждается в реализации эффективных социальных программ, а религиозные организации имеют потенциал их осуществления. Он может содействовать устойчивому и стабильному развитию Российской цивилизации при условии развития права и последовательном исполнении правовых положений.

Социальное партнёрство государства и религиозных организаций должно перейти от прецедентов и формирующейся правовой традиции к законодательному оформлению, что могло бы найти отражение, например, в поправках к Федеральному закону «О свободе совести и религиозных организациях», что подсказывает, в частности, практика государственно-конфессиональных отношений в нашем регионе.

Список литературы

1. *В администрации Нижнего Новгорода обсудили вопросы межнационального взаимодействия в 2015 году* [Электронный ресурс]. URL: <http://kanavino.org/index.php/novosti/item/260215-2>

2. *Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений: принят Резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г.* // Г.М. Мелков. Права человека: Сб. междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. 608 с.

3. *Интернет-приемная по религиозным вопросам.* URL: <http://www.admgor.nnov.ru/priemnaya/internet-priemnaya-po-religioznim-voprosam/>

4. *Кудрявцев А.И.* Межконфессиональный диалог и толерантность как основа гражданского мира и согласия в России // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования: Сб. / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта, И.Н. Яблокова при участии Ю.П. Зуева, З.П. Трофимовой. Книга 1 (1): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. М., 2010. С. 170.

5. *Мирошникова Е.М.* Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. М., 2007. С. 16–18.

6. *Межконфессиональный субботник прошел в Нижнем Новгороде* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif-nn.ru/society/details/1158234>

7. *Николай Пугин принял участие в заседании VI Межконфессионального консультативного совета при администрации города Нижнего Новгорода* [Электронный ресурс]. URL: <http://nnov.er.ru/news/2014/12/11/nikolaj-pugin-prinyal-uchastie-v-zasedanii-vi-mezhkonfessionalnogo-konsultativnogo-soveta-pri-administracii-goroda-nizhnego-novgoroda/>

8. *Олег Кондрашов подверг критике попытку переложить ответственность за межнациональные отношения только на муниципальный уровень //* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/mopernn/posts/644261645595389> (дата обращения: 28.10.2013).

9. *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Симонов В.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Куропаткина О.В, Нетёсова М.С., Сазонова Е.С., Силантьев Р.А., Хвыля-Олинтер А.И., Ярутич А.Ю.* Социальное партнёрство государства и религиозных организаций. М., 2009. 232 с.

РАЗДЕЛ V.

**ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЮРИСТА**

*Алексеева Н. А.,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ЮРИСТА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье проанализирована структура базовой модели коммуникативного потенциала личности, который определяет результативность общения и формирует коммуникативный стиль, необходимый для решения профессиональных задач межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: коммуникативный потенциал; коммуникативный стиль; мотивация общения; коммуникативная компетентность.

Профессия юриста предполагает активное общение с разными людьми. Поэтому ему необходимо видеть перспективы и планировать стратегии и тактики развития межличностного взаимодействия, уметь вести диалог, соблюдая нормы культурной и деловой этики, принимать оригинальные и адекватные ситуациям решения.

В статье «Творческое решение социальных проблем» Г.Р. Гилфорд говорит, что можно развить определенные умения и навыки общения с окружающими людьми, но невозможно предвидеть неожиданные обстоятельства. «Новые ситуации непрерывно появляются, вызывая необходимость употребления новых методов общения». Но достаточно ли умений и навыков для успешного общения? Часто возникают ситуации, когда люди, обладающие подобными знаниями и умениями общения, оказываются неспособными ликвидировать недоразумение, выйти из конфликтной ситуации, улучшить условия совместной деятельности [1].

Леонтьев А.Л. считает, что условия общения никогда не повторяются полностью, и каждый раз человеку приходится заново подбирать нужные языковые средства и речевые навыки. Непредсказуемость коммуникативной ситуации требует от человека целого комплекса коммуникативных качеств, обеспечивающих успешное участие в общении [3].

Рыжов В.В. описал целую структуру базовой модели коммуникативного потенциала личности, который определяет результативность общения и формирует коммуникативный стиль.

Определяющая роль в этой структуре отводится *доминирующей мотивации*, т.е. отношению личности к предмету совместной деятельности, участником которой он становится через участие в общении. Выделяется три вида личностной направленности в общении.

1) авторитарный – это стремление повлиять, убедить, переубедить, т.е. добиться желаемого воздействуя на другого человека;

2) манипулятивный – это представление о других как партнерах в игре, которую лучше выиграть, нежели проиграть;

3) диалогический – это ориентация на равноправие отношений и совместное обсуждение ситуации по совместному поиску решения.

Вторым блоком этой структуры он называет *контактность личности*, которая включает в себя следующие индивидуальные особенности:

1) интенсивность общения или коммуникабельность;

2) инициативность в контактах, выражающиеся в стремлении личности брать в общении инициативу, входить в контакт и выходить из контакта;

3) широта круга общения, которая служит показателем коммуникативных возможностей личности;

4) эмоциональная удовлетворенность, являющаяся мерой психологического комфорта личности в общении и стимулом для оптимизации коммуникативного поведения личности.

Третий блок отражает *содержательность общения*, т.е. богатство общения личности как выражение широты, многогранности, гармоничности, либо, наоборот, односторонности и узости содержательных связей личности с другими людьми.

Четвертый блок раскрывает *социоперцептивные способности* личности, что составляет внутреннюю психологическую основу общения. С одной стороны, человек выступает как субъект познания других участников общения, с другой стороны, он является объектом познания для других. Информативность личности как объекта восприятия находит выражение в открытости личности для других, в ее способности предоставить другим значительный объем информации о своей личности.

В пятом блоке представлены *рефлексивно-самооценочные способности*. Они выражают меру осознания личности собственных

коммуникативных возможностей, меру адекватности самооценки коммуникативного поведения, правильности понимания своего участия в общении [5].

Петровская Л.А. считает, что для осуществления успешного общения человеку необходимо обладать коммуникативной компетентностью, т.е. способностью устанавливать и поддерживать необходимые контакты с людьми. Коммуникативная компетентность включает в себя некую совокупность знаний и умений:

- 1) эмпатия – умение понимать отношения и чувства людей;
- 2) рефлексивность, т.е. насколько человек чувствует других людей и как его понимают другие;
- 3) гибкость поведенческой реакции [4].

Эстонской исследовательницей Кала У.Ф. были предложены некоторые качества, необходимые личности для решения коммуникативной проблемы. Среди них можно выделить следующие моменты:

- 1) готовность воспринимать других людей адекватно их психическому состоянию и их неповторимой индивидуальности;
- 2) готовность вынести из данных воспринятой ситуации и партнера гипотезы относительно их скрытых мотивов, возможных социальных установок, фиксировать проблемы, построить прогностическую модель дальнейшего процесса общения на основе этих гипотез и проверить в ходе общения свои гипотезы;
- 3) гибкая модификация своих средств общения, поведенческого репертуара соответственно прогностической модели развития процесса общения;
- 4) готовность к критическому самоанализу [2].

Многие авторы считают *сенситивность* фактором успешного общения. Существуют по крайней мере два подхода к определению понятия «сенситивность». Одни рассматривают ее как способность предсказывать (прогнозировать) чувства, мысли и поведение другого человека. Другие отдают предпочтение многокомпонентной теории. Г.Смит выделяет четыре компонента сенситивности:

- 1) наблюдательная сенситивность – способность наблюдать (видеть и слышать) другого человека и одновременно запоминать, как он выглядел и что говорил;
- 2) теоретическая сенситивность – это способность выбирать и применять теории для более точных интерпретаций и предсказаний чувств, мыслей и действий других людей;

3) номотетическая сенситивность – это способность понимать типичного представителя той или иной социальной группы и использовать это понимание для предсказания поведения других людей, принадлежащих к данной группе;

4) идеографическая сенситивность – способность понимать своеобразие каждого человека [6].

Таким образом, успешное коммуникативное общение складывается из эмоциональных и поведенческих особенностей личности, что определяется коммуникативным потенциалом самого юриста. Во многом результативность общения зависит от умения специалиста видеть и чувствовать собеседника, уметь прогнозировать его чувства, мысли и поведение, а также обладать адекватной самооценкой.

Список литературы

1. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта: Психология мышления. М.: Прогресс, 1959. 531 с.

2. *Кала У.В.* Формирование у старшеклассников творческого отношения к общению: дисс. ... канд. психол. наук. Тарту, 1982.

3. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. С. 218–228.

4. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.

5. *Рыжов В.В.* О взаимосвязи общения личности и ее социально-перцептивных характеристиках // Вопросы психологии. 1981. №1.

6. *Смит Г.К.* Тренинг прогнозирования поведения: Тренинг развития эмпатии и рационального мышления. Тренинг развития способностей к пониманию окружающих людей. СПб.: Речь, 2001. 26 с.

Ванина Т. О.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
УФ РГУП, г. Челябинск

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОВЫШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИХ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье приводятся анализ и сопоставление классификаций русских и английских фразеологизмов и обосновывается значение использования метода сопоставительного анализа в процессе обучения иностранному языку будущих юристов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ; классификация; фразеологизм; семантический признак; смысловая спаянность; заимствование; безэквивалентные фразеологические единицы; калькирование; описательный перевод.

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого живого языка. Они не только придают ему красочность и неповторимую остроту, но и отражают элементы истории, быта и культуры страны. Поэтому о достаточно высоком уровне владения иностранным языком можно говорить лишь тогда, когда студент способен не только понимать английские фразеологические единицы, но и использовать их в собственной речи.

И русский, и английский языки невероятно богаты фразеологическими оборотами. Существует множество классификаций фразеологизмов как в том, так и в другом языке. Их сопоставительный анализ является, на наш взгляд, не только весьма важным аспектом в процессе изучения иностранного языка, но и одним из оптимальных способов повышения языковой культуры студентов в целом.

Фразеологизм, или фразеологическая единица, – это устойчивое по составу и структуре и целостное по значению словосочетание, вы-

полняющее функцию отдельной лексемы. Это устойчивый оборот речи, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов. Главной чертой фразеологизма как лексической единицы является его образно-переносный смысл [3].

И.А. Федосов подчеркивает, что фразеологическая единица, как правило, выполняет изобразительно-оценочную функцию. Фразеологизм употребляется как некое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей [4].

В основе различных классификаций лежат определенные характерные признаки фразеологических оборотов.

Наиболее распространенной классификацией как английских, так и русских фразеологических единиц является тематическая. В соответствии с этой классификацией все фразеологизмы делятся на группы по семантическому признаку. Например, фразеологизмы, описывающие различные эмоции, объединены в одну группу, которая, в свою очередь, делится на несколько подгрупп: фразеологизмы, описывающие нетерпение, волнение (*to be all agog* – *сгорать от нетерпения*); фразеологизмы, описывающие растерянность (*to beat a loss* – *зайти в тупик*); фразеологизмы, описывающие восторг, огромное удовольствие (*to be mad about smth* – *быть без ума от чего-либо*; *to be enthusiastic over smth* – *быть в восторге от чего-либо*; *to swoon over smth* – *потерять голову от чего-либо*; *to get a kick out of smth* – *находить удовольствие в чем-либо*) и т.д.

В соответствии с классификацией, в основе которой лежит соотношение фразеологизмов с определенными частями речи, выделяют именные фразеологизмы (*big shot* – *большая шишка, важная птица*; *the utterly destitute* – *голь перекатная*), глагольные фразеологизмы (*to get on in the world* – *выбиться в люди*; *to be on and up* – *идти в гору*) и адъективные фразеологизмы (*as poor as a church mouse* – *гол как сокол*).

Одна из самых известных классификаций – классификация профессора В.В. Виноградова – основывается на степени смысловой спаянности компонентов фразеологической единицы. Как показал наш анализ, эта классификация вполне применима и к английским фразеологизмам.

В.В. Виноградов подразделяет фразеологические обороты на четыре вида:

– фразеологические сращения (*in the cart* – в затруднительном положении; *to do time* – сидеть в тюрьме; *to lay bare* – разоблачать);
– фразеологические единства (*in cold blood* – хладнокровно, безжалостно; *to kill two birds with one stone* – убить двух зайцев);
– фразеологические сочетания (*white cash* – белый нал; *black money* – чёрный нал; *to cover upon's traces* – замести следы);
– фразеологические выражения (*as well hanged for a sheep as for a lamb* – семь бед – один ответ).

Первые две группы составляют семантически неделимые словосочетания. Их значение не складывается из значений входящих в их состав слов. Третья и четвертая группы представляют собой семантически членимые обороты. Их значение равнозначно семантике составляющих их компонентов.

Фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться друг от друга вставками других слов. Это свойство фразеологических единств отличает их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов, а также от фразеологических выражений, семантически делимых и состоящих полностью из слов со свободными значениями (к фразеологическим выражениям относятся пословицы, поговорки, разного рода изречения, крылатые слова).

А.В. Кунин разработал классификацию английских фразеологизмов с точки зрения их происхождения. Он выделил следующие категории: собственно английские (которые он подразделяет по времени возникновения на древнеанглийские, среднеанглийские, новоанглийские) и заимствованные фразеологизмы [2].

Заимствованные фразеологизмы в свою очередь подразделяются на межъязыковые и внутриязыковые. В особую группу выделяются заимствования в иноязычной форме. Таким образом, можно выделить четыре группы:

- 1) исконно английские фразеологические единицы;
- 2) межъязыковые заимствования, то есть фразеологизмы, заимствованные из иностранных языков путем того или иного вида перевода;
- 3) внутриязыковые заимствования, то есть фразеологизмы, заимствованные из американского варианта английского языка;
- 4) фразеологизмы, заимствованные в иноязычной форме.

Исконно английские фразеологизмы связаны с историческими реалиями и фактами, а также с традициями, обычаями, преданиями и поверьями английского народа. Например, фразеологизм *good wine needs no bush* (хорошее вино не нуждается в ярлыке, хороший товар сам себя хвалит) возник как отражение старинного обычая вывешивать ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино (*bush* в переводе с английского означает куст, кустарник).

Фразеологизм *as well behanged for a sheep as for a lamb* (если суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть заодно и ягненка) является отголоском английского закона, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешение.

Классификация русских фразеологизмов по их происхождению аналогична классификации английских фразеологических единиц с поправкой на то, что вместо внутриязыковых заимствований мы можем выделить фразеологические обороты, заимствованные из славянских языков (в огороде бузина, а в Киеве дядька).

Наибольший интерес для нас представляет классификация Е.Ф. Арсетьевой, основанная на фразеологической эквивалентности устойчивых оборотов в английском и русском языках. Согласно ее классификации, фразеологические единицы делятся на следующие группы: англо-русские фразеологические эквиваленты, англо-русские фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологические единицы [1].

Англо-русские фразеологические эквиваленты – это равноценные по всем показателям фразеологизмы, не имеющие различий ни в отношении смыслового содержания, ни в стилистической отнесенности, ни в эмоционально-экспрессивной окраске. Они имеют приблизительно одинаковый компонентный состав и обладают одинаковыми лексико-грамматическими показателями. К ним относятся сравнения (*as bold as a lion* – храбрый как лев; *as cold as ice* – холодный как лед; *as cunning as a fox* – хитрый как лиса; *as sharp as a razor* – острый как бритва), пословицы (*better late than never* – лучше поздно, чем никогда; *extremes meet* – крайности сходятся) и глагольные словосочетания (*to play with fire* – играть с огнем; *to read between the lines* – читать между строк).

К этой группе принадлежат и фразеологизмы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах (*Augean stables* – Авгиевы ко-

нюшнн; *to burn one's boats* – сжечь свои корабли; *in the seventh heaven* – на седьмом небе).

Некоторые фразеологизмы возникают в результате превращения прямого выражения в переносное путем расширения оттенков его смысла. Такие выражения, как правило, переводятся практически дословно или очень близко к тексту и могут считаться полными эквивалентами в русском и английском языках.

Примерами таких фразеологизмов являются следующие устойчивые словосочетания: *white cash* – белый нал; *black money* – чёрный нал; *cover upon's traces* – замести следы.

К этой же группе могут быть отнесены фразеологизмы, связанные с историческими реалиями и фактами, а также с традициями, обычаями, преданиями и поверьями английского или русского народов и содержащие в себе компоненты, понятные носителям обоих языков. Такие фразеологизмы переводятся, как правило, близко к тексту (*good wine needs no bush* – хорошее вино не нуждается в ярлыке).

Фразеологические аналоги – это фразеологизмы с одинаковыми переносными значениями, основанными на различных образах. Например, *to turn back the clock* – повернуть вспять колесо истории; *to move heaven and earth to get smth* – свернуть горы на пути к чему-либо; *to cry on smb's shoulder* – плакаться кому-либо в жилетку; *take hay while the sun shines* – куй железо, пока горячо; *to catch somebody red-handed* – поймать кого-либо на месте преступления.

Многие английские фразеологические единицы не имеют эквивалентов в русском языке, и наоборот. Это, в первую очередь, относится к фразеологизмам, обозначающим несуществующие в других странах реалии, именно поэтому они не могут быть переведены дословно.

Иногда значения отдельных входящих во фразеологизм слов не известны даже носителям языка, так как реалии, обозначаемые этими словами, давно исчезли из современной жизни.

Так, например, фразеологизм *бить баклуши* понятен любому русскому человеку: бить баклуши – бездельничать. А что такое *баклуши*? Это чурбанчики липового дерева, которые десятки тысяч кустарей кололи (били баклуши), чтобы сделать заготовки для мастера-ложкаря, так как на Руси хлебали щи и ели кашу деревянными ложками. Работа эта считалась пустячной, с которой мог справиться лю-

бой подмастерье. Потому и употребляется этот фразеологизм, когда говорят не о важном и нужном деле, а о безделье.

Далеко не каждый наш соотечественник осведомлен об этом древнем ремесле и знает значение слова *баклуши*, а людям, не являющимся носителями языка, разобраться в значениях отдельных компонентов приведенного выше фразеологизма еще труднее. Но в английском языке есть выражение, соответствующее этому русско-му фразеологизму: *to twiddle one's thumbs (to rotate one's thumbs round eacho with the fingers linked together)*, то есть *вращать большой палец правой руки вокруг большого пальца левой руки (или наоборот), скрестив остальные пальцы обеих рук (жест, обозначающий безделье)*.

Часто при переводе подобных фразеологизмов используются калькирование (*better a witty fool than a foolish wit – лучше умный дурак, чем глупый мудрец; he knocks boldly at the door who brings good news – громко стучит в дверь тот, кто приносит хорошие вести*).

Помимо калькирования, используется описательный перевод, то есть перевод фразеологизма при помощи свободного сочетания слов. Он особенно удобен для передачи оборотов терминологического характера, не допускающих буквального перевода, например, выражение *to cross the floor of the House* означает *перейти из одной партии в другую* (слово *the House* имеет здесь значение *палата Парламента*).

Рассмотренные нами примеры не исчерпывают весь список существующих классификаций фразеологических единиц, но представляются нам наиболее важными и значимыми при изучении английского языка. Владение навыками перевода русских фразеологизмов на английский язык и наоборот позволяет не только лучше понимать иностранную речь, но и правильнее формулировать свои мысли и обозначать сложнейшие явления и отношения действительности в более емкой и выразительной форме, что в принципе необходимо будущим юристам и без чего невозможно повышение их языковой культуры.

Список литературы

1. *Арсетьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц [Электронный ресурс]. URL: // <http://lib.mexmat.ru/books/110155>.

2. *Кунин А.В.* О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре [Электронный ресурс]. URL: // http://belpaese2000.narod.ru/Trad/kunin_fra.htm.

3. *Продан Н.В., Румянцева Т.А.* Английские фразеологизмы в юриспруденции [Электронный ресурс]. URL: // <http://conf.omui.ru/content/angliyskie-frazeologizmu-v-yurisprudencii>.

4. *Федосов И.А.* Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии / Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 211 с.

Ватлецов С. Г.,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

О ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

В статье показана структура термина-знака; описаны особенности функционирования юридического термина в современном российском праве.

Ключевые слова: дефиниция; понятие; термин; принцип; языковой знак; толкование.

На рубеже XX – XXI веков российская терминология сняла категоричную, сдерживающую установку об идеальном термине, и профессиональную сферу заполнили многообразные терминоединицы. В девяностые годы прошлого века заимствованные предметы нуждались в именовании. Однако эти предметы и явления ждали также своего осмысления, устойчивой понятийной и предметной соотнесенности. Но плюрализм мировоззрений и недостаточность культуры научного общения привели лишь к неоправданно широкой синонимии и полисемии терминов, что негативно отразилось на общей информатизации общественных отношений, вплоть до искажения социально-значимой информации.

Необходимость настоящего исследования вызвана обеспокоенностью автора современным состоянием языка права, которое, по нашему мнению, все чаще характеризуется трудностью разграничения логического, информационного, семантического, понятийного и социально-нормативного аспектов. И правоведы, и лингвисты отмечают резкое снижение качества правовых документов как на стадии правотворчества, так и правоприменения.

Правовые нормы становятся все более абстрактными, не всегда простыми и доступными для понимания. О.В. Бакланова объясняет такую тенденцию тем, что на всех стадиях законотворчества находятся не лингвисты, а правоведы, «для которых семантическая структура слова и закономерности функционирования терминоединиц не являются доминирующими при формировании и образовании определенного юридического термина и понятия» [1, с. 107].

Действительно, недостаточное внимание юристов к достижениям наук о языке в своей практике приводит к тому, что их рассуждения о юридическом тексте осуществляется в несколько отвлеченном плане и сводится к общим рассуждениям. В результате терминологическая лексика юридического языка представляет собой не сформированный до конца континуум, единицы которого не систематизированы полностью, не исследованы в плане интерпретационных возможностей.

С этим связаны трудности дефинирования и интерпретации в юридической практике многих юридических терминов. Многие положения, понятийный объем структурируются неадекватным способом, часто преобладает не научное, а обыденное понимание и восприятие терминов [2, с. 25–26, 29].

Научное понятие в отличие от бытового:

- стремится к концентрированному отражению определяющих свойств;

- представляет собой систему знаний;

- не сводится к простым значениям слов, оно не значение, а смысл (Г. Фреге);

- является субъективным и личностным и зависит от научной концепции (школы, направления, взглядов ученого);

- не рождается с термином [9, с. 27].

А.В. Лемов дал удачное определение *понятию* – «научный феномен, представляющий собой мысленное обобщение существенных свойств предмета научного познания, вобравшее в себя систему знаний о данном предмете, соотносимую с определенным временем и уровнем развития науки и с определенной научной позицией» [9, с. 26].

Особо выделим смысловые элементы понятия «определенная (субъективная) научная позиция» и «определенное время». Нам представляется, что из новейшего время ушли ученые-энциклопедисты. В их знаниях отпала необходимость: гига-объемы информации находятся всегда под рукой на электронных носителях для взрослого и ребенка.

Качество научной информации сегодня зависит скорее от вкуса «листающего» страницы электронных изданий и наличия времени для поиска наилучшего результата. Наверное, этим объясняется то, что языковая практика правоприменения приобрела формы поспешных цитаций из системы Консультант Плюс.

То же в полной мере относится и к цитируемым выдержкам из словарных статей. Словари и справочники не являются отображением истины. Они выражают субъективное мнение лексикографа и представляют собой авторское видение, индивидуальную или коллективную интерпретацию того или иного понятия, компромиссом между даваемой информацией и общим знанием. Поэтому категоричные ссылки на тот или иной лексикографический источник звучат несколько наивно.

Авторское знание наиболее подвержено диалектическим изменениям в связи с развитием науки и получением новых знаний, разнообразием мнений, направлений, школ. Если юридический термин обозначает некий реальный объект (выражая, разумеется, и понятие о нем), мы обязаны беспокоиться, чтобы применение одного и того же термина разными лицами, представителями различных научных течений, школ, методов было ориентировано на одну и ту же реалию. Если же термин выражает лишь некоторую абстрактную юридико-лингвистическую идею, некий конструкт, становится необязательной его устойчивая предметная отнесенность, что открывает, по словам Б.Н. Головина, «широкий простор для понятийно-терминологического и идейно-содержательного произвола» [4, с. 21]. Формализм и небрежное обращение с научными концепциями (идеологиями) ведут к беспринципности в правотворчестве и правоприменении.

Термин – языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации [9, с. 77].

Основываясь на известном выражении Г.О. Винокура, что термины – это не особые слова, а только слова в особой функции, и что в роли термина может выступать всякое слово [3, с. 5], мы представляем юридический термин как языковой знак, структурированный в виде четырех элементов:

- 1) материальная (звуковая/графическая) оболочка слова-термина (*экспонент*);
- 2) конкретный предмет, явление, событие, свойство, действие, обозначаемое словом-термином или словосочетанием-термином (*денотат*);
- 3) понятие о конкретном предмете, денотате (*сигнификат*);

4) *субъективное восприятие* юридического термина, его *интерпретация* (профессиональная или бытовая).

Такое понимание структуры термина-знака, по нашему мнению, выступает мерой критического восприятия термина, сопоставлением его видения с тем смыслом, который вложил законодатель, критерий оценки компетентности правотворца и правоприменителя в понимании определенного термина в пределах юридического текста. В идеале, результат кодирования (на стадии правотворчества) и декодирования (на стадии правоприменения) мысли юридического понятия, включенного в текст, должен быть абсолютно идентичным, то есть без множественности интерпретаций. При этом значения терминов, установленные законодателем для одной отрасли права или одного закона, должны распространяться и на другие отрасли права или другой закон с единой трактовкой, сохраняя единство номенклатуры терминов, поскольку термин – языковой знак, имеющий определенную дефиницию или толкование понятия.

Мы разделяем точку зрения О.В. Баклановой, что правоведы основное свое внимание уделяют толкованию норм права, которые формулируются с привлечением юридических терминов. В результате такого подхода иногда наблюдается функциональное и понятийное смещение: дефиниции юридических терминов подменяются при интерпретации норм права их толкованием [1, с. 107–108].

Здесь считаем уместным привести слова В.Б. Кашкина, который писал, что язык по своей природе обречен на ложь, то есть на выражение чего-то через нечто иное, не связанное с предметом обозначения по природе, «не-истинное» в глазах обыденного сознания. Именно поэтому, несмотря на то, что определенные произвольные сочетания слова-знака и денотата (и даже референта) закрепляются в общественной практике, всегда существует возможность прагматического и затем семантического сдвига. Мы называем явления нашего мышления индивидуальными именами и начинаем относиться к ним, как к реально существующим вещам, забывая постепенно об исходной метонимии (переносе значения). Это слово-миф замещает в нашем разговоре целые комплексы нашего опыта. Экономия на мыслительных усилиях, условно принимая несуществующее за существующее. Данная особенность обобщения человеческого опыта из необходимой экономии может превратиться в опасность. Опасность заключается, в частности, в том, что отдель-

ные люди могут присваивать себе право говорить от группы людей, не выражая при этом их интересов [7, с. 133, 137–139].

Среди отличительных качеств термина от общеупотребительного слова мы выделим одну, по нашему мнению, ключевую – *конвенциональность*, то есть наличие у термина оговоренного смысла, условленности, которая «вырывает этот языковой участок из объективной стихии языка» [9, с. 124–125]. Термином слово становится с момента, когда ему подобран, «приписан» особый экспонент *по договоренности специалистами* определенной области знания или деятельности. Что касается нетерминологической лексики, то договориться между собой и управлять лексическим значением общеупотребительного слова люди не могут [9, с. 56].

Не добавляют стабильности термину и немотивированные иноязычные лексемы и их производные (например, *ноу-хау, инсайдер, инсайдерская информация, стокхолдерство, гудвилл*), которые, проникая в юридическое терминопостранство, создают ситуации, о которых писал В.А. Гречко: «Мы только по грамматическим признакам, строю предложений, по немногим, преимущественно служебным словам будем угадывать черты родного языка, как в «Глокой куздре» Л.В. Щербы» [5, с. 102].

Злоупотребление иноязычными лексемами в юридическом дискурсе влечет появление коллизий в праве и неопределенности норм. Такие нормы могут стать средством для манипулирования и перестанут в итоге восприниматься гражданами, поскольку их содержательная сторона (сигнификат) стремится к нулю, вакууму, который имеет потенциал быть заполненным чужим, авторитарно навязываемым мировосприятием.

Подведем итог. Необходимо обеспечить конвенциональность и стабильность юридического термина. Этого можно достичь в сотрудничестве профессионалов – как юристов, так и лингвистов. Однако соперничество научных концепций не должно пересекать пределов правоприменения.

Стабильная терминосистема не может допустить синонимии и полисемии. Но стабильная не значит неподвижная, вечная. Здесь необходимо постоянное наблюдение за функционированием нововведенных терминов в юридическом дискурсе, как и важно периодически «чинить», упорядочить терминосистему, доводя ее до совершенства.

В качестве основы для развития такой идеи предлагаются принципы российского права, определяющие его сущность, обеспечивающие сбалансированное состояние (гомеостазис) национального права, его взаимосвязь, целостность и внутреннее единство; непротиворечивость, последовательность, ожидаемость и предсказуемость правотворческого и правореализационного процессов [6, с. 50].

Список литературы

1. *Бакланова О.В.* Язык права как социолингвистическое образование: особенности лексикографического дефинирования // Современная лексикография и терминология: достижения, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. Краснодар. 2003.

2. *Буянова Л.Ю.* Когнитивно-семантический и социальный потенциал языка правотворчества и правоприменения: лексикографическая практика // Современная лексикография и терминология: достижения, проблемы, перспективы: Сб. научных трудов. Краснодар. 2003.

3. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. 1939.

4. *Головин Б.Н.* Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976. № 3.

5. *Гречко В.А.* Каким должен быть термин? // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск. 1976.

6. *Ершов В.В.* Современные дискуссионные теоретические и практические проблемы международного и внутригосударственного права // Международное и внутригосударственное право в условиях глобализации: проблемы теории и практики: материалы междунар. научной конф., Москва, 25–28 апреля 2011 г. М., 2012.

7. *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации: Краткий курс. М. 2007. С. 133, 137–139.

8. *Котелова Н.З.* К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

9. *Лемов А.В.* Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск, 2000.

Воронкова А. А.,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Нацвалова М. Ю.,
старший преподаватель кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЮРИСТА В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются понятия языковой личности в социокультурном пространстве, а также речевого портрета современного студента-юриста. Сформулированы основные критерии культуры речи для студентов-юристов, проанализированы и систематизированы речевые ошибки.

Ключевые слова: языковая личность; речевой портрет; коммуникация; критерии культуры речи; речевые ошибки.

Современный взгляд на науку о языке все более становится антропоцентричным; в центре внимания – личность человека, индивида. Динамика современной жизни способствует возникновению условий, требующих быстрого реагирования в процессе межличностного взаимодействия, следовательно, развитие речи, в частности у студентов-юристов, является необходимым условием развития профессиональных навыков, т.к. коммуникативная компетентность специалиста – основа успешной коммуникации, эффективного взаимодействия. При этом часто возникает необходимость в рекомендациях по совершенствованию речи юриста, моделированию диалога, подготовке и проведению беседы. Поэтому речевой портрет языковой личности, его анализ становится важной и актуальной задачей современной лингвистики.

Наиболее полное и фундаментальное исследование языковой личности принадлежит Ю.Н. Караулову, который рассматривает это

понятие как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [3].

По мнению некоторых исследователей, речевой портрет есть воплощение в речи языковой личности определенной социальной общности. При этом, несмотря на повышенное внимание к индивидуальности, все больший интерес ученых связан с теми чертами языковой личности, в которых заложены признаки принадлежности к той или иной социальной группе. Каждая социально-возрастная группа в своей речи реализует характеризующий ее специфический набор языковых элементов, а также различные способы и приемы общения. Анализ совокупности этих факторов способствуют составлению и описанию речевого портрета определенной социально-возрастной общности, в частности современного студенчества.

Так, например, Л.П. Крысин не только устанавливает взаимосвязь между личностью и социумом, но и рассматривает в социолингвистическом аспекте языковую личность с позиции ее места в определенном обществе [4]. Очевидно, что подобные исследования носят односторонний характер, т.к. без должного внимания остаются культурный или, точнее, социокультурный, региональный, регионально-этнический параметры, а учитывается только социальный аспект. Такой подход привел к актуальному в современном мире составлению и описанию социально-речевых портретов (совокупной или индивидуальной) русской языковой личности.

В исследовательском плане одним из актуальных и интересных типов совокупной языковой личности выступает современный российский студент, речевой портрет которого во многом отражает реальную языковую ситуацию и особенности речевой коммуникации не только в сугубо молодёжной сфере общения, но и коммуникативного пространства современного города в целом (с его формами речевой субкультуры и т. п.).

Студенчество – это та социально-возрастная группа, которая чутко реагирует на различные изменения, и, следовательно, представляет широкий пласт для изучения, так как именно в речи студентов быстрее всех обнаруживаются различные языковые трансформации.

Наиболее яркими особенностями современного студенческого лексикона являются, на наш взгляд, следующие: употребление сту-

денческого жаргона, обыгрывание иностранных слов и сниженной лексики.

Профессиональная речь будущего юриста с точки зрения языковой личности представляет собой совокупность (множество) единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка: специальная юридическая терминология, различные средства официально-делового стиля, административно-правовая лексика, элементы разговорного стиля.

Рассматривая профессиональные функции юристов, известный правовед С.С. Алексеев выделил главную из них – прежде всего, ведение юридических дел. Нередко эта работа обозначается словом «производство». К профессиональной деятельности юристов относится составление юридических документов, которые используют строгие стандарты способов выражения мысли. Таким образом, юрист в процессе осуществления своих профессиональных функций и «говорит», и «пишет», и «советует» [1, с. 95].

Речь является своеобразным паспортом человека, который точно указывает, в какой среде общается говорящий, как он относится к людям и родному языку, каков его культурный уровень.

Основные критерии культуры речи юриста – это точность, ясность, правильность, чистота, нормативность. Культура речи юриста предполагает знание письменных норм, устных публичных выступлений. Устная речь требует богатства словаря, художественной выразительности, поскольку она обращена непосредственно к живым людям. Допущенные речевые ошибки дискредитируют юриста. Если ошибка осталась незамеченной, то юрист, человек образованный, оказывается проводником речевого бескультурья.

Таким образом, речевая культура не личное дело каждого юриста. Уважительное отношение к языку, чистая, правильная речь юриста является в определенной мере показателем его уважения к нашим законам.

Современный юрист как носитель административно-правовой культуры должен не только в совершенстве владеть нормами современного литературного языка, но и различными типами служебного общения, профессионально значимыми речевыми жанрами, соблюдать этические нормы и этикетные правила, стремиться к толерантному восприятию особенностей других коммуникативных культур, уметь адаптироваться к различным условиям и ситуациям общения.

Языковая личность юриста формируется в определенном социокультурном пространстве – соответствующей ментальной среде, обусловленной профессией, образом жизни и мировоззрением коммуникантов. В порождаемых языковой личностью юриста текстах, в его речевом поведении отражаются мировоззрение, профессиональная языковая картина мира, а также профессиональные цели, ценностные установки. Речевое поведение – не только особенности лексикона, тезауруса и грамматикона (ср. языковую личность по Ю.Н. Караулову), но и типы коммуникативной стратегии в условиях служебного общения – является важнейшей характеристикой социального статуса современного юриста [5, с. 99–100].

Профессиональная речь юриста с позиции теории языковой личности представляет собой совокупность единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка: это специальная юридическая терминология, средства официально-делового стиля со стандартными клишированными выражениями, элементы разговорной речи, административно-правовой жаргон.

Будущим юристам необходимо выработать навык составления различных юридических документов. Материалом для упражнений на практических занятиях по русскому языку, практической стилистике служат юридические документы, нормативные акты, на примере которых студенты наблюдают особенности языка права, и процессуальные акты, анализ которых помогает выявлять речевые, стилистические ошибки и устранять их согласно языковым нормам.

В данной статье рассмотрен языковой портрет студентов-юристов 2 курса отделения среднего профессионального образования Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Объектом исследования стал материал анкетирования 46 студентов направления «Право и организация социального обеспечения». Участникам необходимо было ответить на вопросы:

– Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать современный юрист XXI века?

– Насколько необходимы юристу знания по психологии в его профессиональной деятельности?

Проанализировав полученные данные, отмечаем, что 90 % опрошенных справились с заданием, четко и полно ответив на предложенные вопросы. 10 % опрошенных не смогли четко сформулировать свои мысли, не подтвердили их аргументацией.

При анализе ошибок, возникших в письменной речи студентов, особое внимание следует уделить нормам, вызывающим некоторые затруднения у студентов. Среди них можно выделить следующие:

1. Нарушение норм управления в словосочетании и предложении: *«Юрист должен быть сосредоточенным над своей работой, уметь правильно преподнести, донести до клиента информацию» (Анастасия С.)*.

2. Нарушение норм согласования подлежащего и сказуемого в предложении: *«Юрист должен быть готовым к любым профессиональным сложностям» (Николай М.)*. *«Находчивость – это видеть ситуацию с разных сторон, рассматривать несколько вещей сразу» (Дмитрий Б.)*.

3. Неправильное употребление вида глагола: *«Для юриста необходимы навыки системного анализа норм права, умение вести переговоры, представлять интересы лиц в суде, грамотно выбрать и отстаивать линию защиты законных интересов и прав клиента» (Александр А.)*.

4. Излишнее многословие: *«Соответственно с тем, что сказано выше, можно сказать, что правила общения должны преобладать в речи юриста» (Александр П.)*. *«Современный юрист, на мой взгляд, должен обладать хорошими знаниями законов для правильного применения их в судебной практике, должен обладать четкой логикой, с помощью которой можно выстроить цепочку событий для решения проблемы, поставленной юристу» (Виктория К.)*.

5. Неуместное употребление слов с точки зрения стиля или семантики: *«В первую очередь должна быть развита речь, она обязана быть официальной и строгой» (Татьяна П.)*. *«Юрист должен обладать самоконтролем» (Елена Б.)*. *«Юрист должен говорить с умом» (Арина М.)*. *«Часто понимание человеческой души и мыслей помогает принимать правильные решения» (Юлия П.)*.

6. Ошибки при склонении некоторых имен и фамилий: *«Были заслушаны показания свидетелей Седых и Кравченка» (Ирина Н.)*.

7. Пропуск второстепенных членов предложения: *«Оценка результатов деятельности включает в себя разработку методики этой оценки и доведения до работников» (Юлия К.)*.

8. Пропуск слов в устойчивых словосочетаниях: *«Представитель прокуратуры сообщил о том, как претворяются решения об охране здоровья населения» (Иван С.)*. *«Грамотность также имеет значимую роль» (Екатерина С.)*.

9. Пропуск средств связи придаточной части сложноподчиненного предложения с главным: *«Юрист должен обладать аналитическим складом ума, умением вести переговоры, должно быть развито оперативное мышление, он мог дать немедленную правовую оценку ситуации» (Елена К.)*.

Создавая языковой портрет современного студента-юриста, мы не могли обойти вниманием проблему значительного увеличения количества просторечных и нецензурных слов в лексиконе современной молодежи.

Среди студентов было проведено анкетирование. Участники должны были ответить на вопрос: «Насколько часто в своей речи вы используете ненормативную лексику?».

Было предложено несколько вариантов ответов:

1. Никогда.
2. Бывает, «вылетает».
3. При сильных эмоциях.
4. Разве есть другие слова?

В результате опроса были получены следующие данные:

- 5% опрошенных студентов никогда не используют ненормативную лексику в своей речи;
- 35% студентов используют эту лексику только при сильных эмоциях;
- 58% ответили, что «бывает, вылетает»;
- и только 2% опрошенных выбрали последний вариант ответа.

Анализ результатов приводит к выводу, что большая часть опрошенных студентов редко употребляет ненормативную лексику. При этом имеется значительное количество студентов, которые часто употребляют ненормативную лексику в повседневности. Массовое использование ненормативной лексики приводит к стиранию границ употребления этих слов в повседневной речи, а это характеризует снижение уровня речевой культуры в целом. В основном, это проявляется у молодого поколения, в лексике некоторых подобные слова зачастую становятся словами-паразитами.

Авторами статьи предприняты попытки эффективного формирования коммуникативной компетентности студентов с помощью различных информационных технологий, на примере организации самостоятельной работы в системах Moodle и E-learning [подробнее см.: 2, 6].

Таким образом, низкое языковое развитие современного российского студенчества становится социально значимой проблемой всего общества. Именно слово является главным инструментом юриста XXI века. И от того, насколько оно будет точным, правильным, необходимым зависит точное соблюдение и применение юридических норм и предписаний.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Введение в юридическую специальность. М.: Юридическая литература, 1976. 256 с.

2. *Винник В.К., Шишикина А.А.* Информационно-проектный метод как средство повышения речевой культуры будущих предпринимателей в процессе обучения (с использованием системы Moodle) // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8–6. С. 1450–1454.

3. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи её изучения [Электронный ресурс]. URL: http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikavaja_lichnost.htm (дата обращения: 30.01.2015).

4. *Крысин Л.П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // *Язык и личность*. М., 1989.

5. *Панова М.Н.* Языковая личность государственного служащего в сфере межкультурной коммуникации // *Библиотечное дело. XXI век*. 2008. №1 (15). С. 98–103.

6. *Шишикина А.А., Нацвалова М.Ю.* Мультимедийные технологии как средство повышения эффективности обучения в высшей школе // *Качество в производственных и социально-экономических системах: Сб. научных трудов II Междунар. научно-практ. конф., посвященной 50-летию Юго-Западного государственного университета: в 2-х томах / отв. ред. Павлов Е.В.* 2014. С. 431–434.

Гужова Н. В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
ННГАСУ, г. Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ КОМПЛЕКСНОГО ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ИСТОРИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросам проведения комплексного экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства Российской Федерации, рассматриваются некоторые результаты его проведения. Кроме этого, автор обращает внимание на ряд проблем, связанных с вопросами организации подготовки мигрантов к данному экзамену.

Ключевые слова: трудящиеся мигранты; комплексный экзамен по русскому языку, истории, основам законодательства.

С 1 января 2015 года все иностранцы, желающие получить обыкновенную годовую рабочую визу, вид на жительство в РФ, а также разрешение на работу, должны сдавать экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства. Теоретически это означает, что Россия официально положила начало процессу языковой интеграции мигрантов, но, как показали первые месяцы действия нового законодательства, путь этот тернист и сложен.

Говорить о том, что мигранты (в основном из азиатских стран), приезжающие работать в Россию, плохо владеют русским языком, начали еще пять-семь лет назад. В странах Центральной Азии, имеющих высокий уровень рождаемости, много молодежи, получившей образование уже после 1991 года и сейчас приезжающей в Россию на заработки. Так как русский изучают в школах стран региона лишь формально, поколение трудовых мигрантов, получивших образование в советские времена и довольно хорошо говорящих по-русски, убывает, а им на смену приходит поколение мигрантов, родившихся в девяностые и практически не знающих языка.

В одном из своих первых указов от 7 мая 2012 г. N 602 «Об обеспечении межнационального согласия» Владимир Путин ставит изучение русского языка в один ряд с предупреждением межнациональных конфликтов и системным мониторингом состояния меж-

национальных отношений. А поскольку, согласно последним демографическим прогнозам, России без мигрантов не обойтись, их нужно каким-то образом интегрировать в принимающее общество.

«Важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности. Решение этих проблем затрудняется неоправданной сложностью получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также неурегулированностью правового положения иностранных граждан. Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. К организации программ интеграции и адаптации необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации», – говорится в Концепции миграционной политики РФ. По мысли российских политиков, изучение русского языка иностранцами – лишь первый шаг на пути к этому.

Первый шаг на пути к этому – организация курсов русского языка для трудящихся мигрантов. Программы подобных курсов разработаны почти во всех вузах Нижнего Новгорода, которые занимаются тестированием мигрантов. Кроме того, к обучению мигрантов приступили общественные и религиозные организации. Однако сразу стали очевидными несколько проблем.

Прежде всего, педагоги и методисты столкнулись с неумением нынешних трудовых мигрантов «учиться», усваивать предлагаемый материал. Уровень образования слушателей оказался весьма низким, у них практически отсутствовали навыки самостоятельной работы, даже привычка записывать за педагогом в тетрадь и следить глазами за текстом, который читает другой студент.

Вторая проблема – это компактное проживание и отсутствие у слушателей языковой практики. Работают они, как правило, в одноязычном, мононациональном коллективе, и им негде применить полученные знания.

Третий важный фактор – низкая мотивация трудовых мигрантов к изучению государственного языка принимающей их страны. На то есть две причины: высокая занятость мигрантов в течение рабочего

дня и нежелание работодателей. Опыт работы показывает, что трудно найти желающих обучаться даже на бесплатных курсах русского языка, не говоря уже о платных. Здесь сложно будет обойтись без внедрения законодательных норм, обязывающих мигрантов к изучению русского языка. Европейский опыт говорит о том, что финансирование подобных курсов должно носить смешанный характер: часть оплачивает государство, часть бизнес или профсоюз, часть – сам мигрант, чтобы у него был стимул к изучению языка».

Что собой представляет государственный экзамен по русскому языку? Это тест, состоящий из семи частей (субтестов).

Первый – это письмо: иностранцу предлагают написать определенный текст, чтобы проверить навыки его письменной речи.

Второй – лексика/грамматика: нужно вставить пропущенное слово в предложение.

Во время третьего задания – аудирования – иностранцы должны прослушать ситуации, например, объявление на вокзале, и отметить в бланке тот вариант, который, по их мнению, подходит к услышанной ситуации или высказыванию.

Четвертый субтест – это чтение. Иностранец читает короткий текст и выбирает из нескольких вариантов ответ, подходящий к нему.

Пятое задание – собеседование: экзаменатор задает иностранцу вопросы, а тот должен на них логически ответить.

Шестой субтест – история.

Седьмой – основы законодательства. Тест считается выполненным, если мигрант набирает по 66% на тестах по русскому языку и по 50% на тестах по истории и основам законодательства.

Интересны результаты проведения данного экзамена. Исследование было проведено на базе одной из тестирующих организаций методом сплошной выборки. Общее число протестированных – 225 человек, желающих получить патент или разрешение на работу на территории РФ. Основная масса – выходцы из Центральной Азии (Узбекистан – 88%, Таджикистан – 10%, Украина – 1%, Азербайджан – 1%). Экзамен прошли 91 % протестированных.

Результаты можно представить в следующей *таблице*. [В таблице учитывались только результаты граждан, прошедших тестирование и получивших сертификат.]

Таблица

**Результаты проведения комплексного экзамена
по русскому языку, истории и основам законодательства
Российской Федерации**

	Аудиро- вание	Чтение	Лексика, грамматика	Письмо	Говорение	История	Основы закон-ва
50–66%	—	—	—	—	—	35%	41%
67–75%	56%	62%	71%	44%	67%	44%	52%
76–85%	32%	28%	23%	52%	22%	12%	4%
86–100%	12%	10%	6%	4%	11%	9%	5%

Хочется надеяться, что к мигрантам со временем придет понимание важности изучения языка той страны, в которой собираешься работать и жить. Ведь немислимо поехать на работу, например, в Германию, не зная немецкого языка. Там государство ставит приезжим в обязанность посещать интеграционные курсы, широко доступные для мигрантов. Очевидно, что Россия встала на этот же путь. Ближайшая задача нашей страны: разработка качественных учебных программ и пособий для взрослых мигрантов не только по русскому языку, но и по истории, культуре, праву.

*Егорова Л. В.,
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕСТИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются достоинства одного из методов контроля уровня знаний и умений студентов в процессе обучения – тестирования; описываются технологии составления тестовых заданий, их структура, условия и этапы проведения тестирования, возможные психологические трудности студентов при выполнении теста.

Ключевые слова: метод; уровень знаний; психологические трудности; гуманизация.

Современная когнитивная наука (наука о приобретении, строении и использовании знаний) выделяет различные виды и свойства знаний. Соответствующие методы оценки должны быть приспособлены к этим знаниям, поэтому они смогут позволить с разной степенью точности выявить разные свойства знаний. В учебной деятельности значительное место отводится контролю (самоконтролю) и оценке (самооценке), и обусловлено это тем, что всякое учебное действие становится регулируемым только при наличии контролирования и оценивания в структуре деятельности.

Контроль усвоенных знаний предполагает три составляющие:

- 1) модель предполагаемого результата действия;
- 2) процесс сличения полученного результата и идеального действия;
- 3) принятие решения о продолжении или коррекции действия.

В этих компонентах сосредоточена связь деятельностного и личностного подхода к образовательному процессу, его целесообразности и реалистичности, что позволяет построить системный подход к оценке знаний. Однако контроль не имеет смысла, когда он основан на предвзятом подходе, что иногда происходит, если он осуществляется человеком и несет в себе влияние этого человека и его отношение к проверяемому.

Проведение контроля с применением компьютерных технологий, в основе которого лежит метод тестирования, позволяет устранить этот негативный фактор и проверить знания студентов вне зависимости от «человеческого фактора».

Тестирование (от *англ.* test – опыт, проба) – метод проверки знаний, использующий стандартизированные вопросы и задачи (тесты), имеющие определенную шкалу значений. Из-за отсутствия точных знаний о том, что такое тесты, в чем достоинства этого метода, ведутся многочисленные дискуссии о целесообразности их проведения. Применяются тесты для стандартизированного измерения индивидуальных различий, уровня развития, необходимых навыков и знаний у тестируемого. Выделяют три этапа при проведении проверки знаний посредством этого метода:

- 1) выбор теста (определяется целью теста);
- 2) его проведение (определяется инструкцией к тесту);
- 3) интерпретация результатов (определяется системой теоретических допущений относительно предмета тестирования).

В структуре последовательных этапов учебной деятельности, выделенных традиционной педагогической психологией, тестирование, безусловно, находится на стадии контроля знаний, которому предшествуют этапы постановки и решения учебных задач, точнее – внутри учебной деятельности, и его цель – отслеживание или мониторинг, а не оценка определенного этапа этой деятельности. Очень важный момент учебной деятельности – постановка учебной задачи. От того, насколько корректно она предложена, зависит ход дальнейшего обучения; важно, чтобы преподаватель четко понимал, чему он учит. В этом случае дальнейшая учебная деятельность становится осмысленной, а контроль – осознанным и логично вытекающим из учебной задачи.

Положительным в методе тестирования является тот факт, что тест лишает оценку субъективности и создает климат доверия, понимания и прозрачности; однако это приносит результат лишь тогда, когда обучающиеся видят в нем смысл. Таким образом, для грамотного и осознанного использования тестирования необходимо четко понимать его место в учебном процессе. Иначе говоря, тест становится не только средством обучения, но и средством проверки, он имеет конкретную цель, смысл и свое место в учебном процессе.

И вот здесь возникают психологические трудности: студенты не привыкли быть лично ответственными за результативность сво-

его обучения. Следовательно, у них невольно возникает необходимость изменить отношение к предмету и, соответственно, ориентацию в материале.

Тестовые испытания проводятся с использованием особых технологий, а не простым набором заданий с выбором ответов, проверяющих в основном репродуктивный уровень усвоения знаний и умений. Это более широкий спектр технологий контроля, включающий также открытые задания с определенной методикой проверки свободных ответов студентов, с логическими и творческими задачами.

С использованием подобного метода мониторинга уровня знаний появляется возможность значительно поднять степень ответственности студентов в процессе обучения, поскольку тестирование, ставя всех в одинаковые условия, дает шанс на укрепление веры в справедливость (обоснованность и непредвзятость оценки, основанных на индивидуальных ответах). Тесты могут либо содействовать, либо (при неправильной организации дела) препятствовать этому процессу: либо повышать, либо снижать уровень социального оптимизма и активности.

Итак, применение тестов при оценивании уровня знаний является одним из направлений гуманизации системы образования, поскольку тестирование, по сравнению с традиционной системой оценивания, ставит студента в более комфортные психологические условия. Во-первых, в тесте гораздо больше заданий, чем в обычном письменном или устном экзамене, что позволяет людям с повышенной экзаменационной тревожностью лучше настроиться на преодоление избыточного стресса. Тест начинается, как правило, с простых заданий, что позволяет студенту справиться с волнением, настроиться на работу, повысить уверенность в себе. Нервно-эмоциональное напряжение в условиях массового тестирования, при котором отсутствует влияние межличностного компонента ситуации «экзаменатор – экзаменуемый», будет несколько ниже, чем в условиях традиционных экзаменационных испытаний, что позволит с наибольшей адекватностью проявить экзаменуемому свои способности, знания, умения и навыки.

Во-вторых, если обычный письменный экзамен (контрольная работа) содержит максимум 5–7 заданий, то в тесте всегда счет заданий идет на десятки. Тест, в котором меньше 20 заданий, считается неточным и приближенным; в профессионально подготовленном тес-

те, как правило, не менее 30 заданий. Благодаря большому количеству заданий тест оказывается надежным инструментом проверки, защищенным от целого ряда «побочных эффектов», неблагоприятно влияющих на объективность проверки. В этом и состоит самая положительная особенность тестов. Чем меньше заданий в тесте, тем выше вес случайности в проверке знаний. Чем больше вопросов в тесте, равномерно отражающих различные темы учебной программы, тем точнее тестовый балл характеризует реальный уровень знаний по этой программе.

В-третьих, измерение с помощью тестовых шкал отличается от выставления обычных баллов, не устанавливая жестко и однозначно уровень необходимых требований, а формулируя их более мягко, в рамках достаточно широкого интервала. В этом смысле тесты оказываются более универсальным инструментом: они фиксируют тот уровень, который может показать в данный момент тестируемый.

Иными словами, если традиционные методы уходят корнями к нормативной модели контроля, когда все должны добиться одинакового уровня, тестовый метод обслуживает другую – соревновательную модель контроля, направленную на того, «кто лучше». Дифференцированные же тестовые шкалы «амортизируют», «смягчая» удар по самооценке. Такая оценка более соответствует уровню социально-психологической подготовки наших учеников (причем, независимо от возраста), не привыкших к острой конкуренции и резким различиям в уровне достижений.

Психологи считают, что успешное прохождение теста в большой степени отражает уровень стрессоустойчивости испытуемого – готовность концентрировать внимание и память и точно действовать в условиях дефицита времени. Психотехнические навыки не только повышают эффективность подготовки экзаменуемого к испытаниям, но и позволяют ему более успешно вести себя во время сдачи экзаменов, и вообще способствуют развитию у него навыков мыслительной работы, умению мобилизовать себя в решающей ситуации, овладевать собственными эмоциями. К тому же, тестирование, интегрированное в повседневный учебный процесс, в текущий контроль знаний, позволяет преподавателю, своевременно выявив пробелы, их устранить, а с достигшими планируемыми результатами – продолжить обучение на более высоком уровне. Сам же тестируемый получает информацию о своем уровне знаний относительно программных требований и своем месте в группе.

К сожалению, на результаты тестирования может значительно повлиять и обстановка в аудитории в момент тестирования, ее социально-психологическая атмосфера, групповые настроения. Если же обстановка не способствует рабочему настрою тестируемого, а наоборот, усиливает тревожность, которая только мешает его ясному мышлению, то результат может быть неточным. Однако встроенная в учебный процесс система тестирования поможет обучаемым в ответственный момент справиться со своими эмоциями и поставленными задачами.

Список литературы

1. *Беспалько В.П.* Элементы теории управления процессом обучения. М.: Знание. 1971.
2. *Гулидов И.Н.* Педагогический контроль и его обеспечение: учеб. пособие. М.: Форум. 2005. 240 с.

Жулидов С. Б.,
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

**О РОЛИ
ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИЭТНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ РАСХОЖДЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
(на примере текстов детективной и юридической тематики)**

В статье рассматриваются контекстуальные и окказиональные переводческие соответствия на примере семантически и стилистически неудачного перевода американского художественного произведения детективно-юридической направленности. Предлагаются адекватные варианты перевода вместо явно неприемлемых.

Ключевые слова: язык перевода; язык оригинала; межъязыковые различия; этно-культурологическое расхождение; субъективно-речевая особенность; индивидуальная особенность; зооморфизм; стилистико-грамматическая категория; фразеологизм; устойчивое словосочетание; языковая общность.

С точки зрения семантики любой художественный текст являет собой картину (модель) мира. В этой картине эвристическим путем могут быть высвобождены отдельные элементы – значения, которые входят в классы глобальных значений, например, в группы пространственных, временных, причинно-следственных, описательных фразеологических и тому подобных смыслов. Такие классы, или категории, универсально присутствуют в любых литературных системах, независимо от времени.

Переход от одной семантической системы к другой целесообразно объяснить как диалектическое изменение соотношений между теми компонентами, из которых складывается структура каждого смысла, а именно как изменение соотношений между означающим (внешняя чувственно воспринимаемая оболочка знака), означаемым (понятие, фиксируемое знаком) и обозначаемым (предметом и явле-

нием, к которым отсылает знак) [1, с. 135]. Как известно, в лингвистическом аспекте наиболее явственно и полемически заостренно проблема различий языковых картин мира нашла свое отражение в гипотезе Сэпира-Уорфа.

Представляется, что сказанное с полным основанием может быть отнесено (*mutatis mutandis*) и к конкретным текстам оригинала и перевода, поскольку именно они репрезентируют семантические системы, присущие каждому языку в их конкретном и реальном виде. Необходимо отметить при этом, что под словом «реальный» неизбежно приходится понимать не только объективно-языковые, но и субъективно-речевые (т.е. индивидуальные) особенности любого художественного текста, поскольку без личности его создателя (автора) он попросту не мог бы появиться на свет.

Кроме того, лингвостилистическое сопоставление оригинальных художественных текстов и их переводов обладает большими потенциальными возможностями для объективного изучения семантической и структурной стороны системных стилистико-грамматических категорий, для развития теории и практики художественного перевода [3, с. 4].

В настоящей статье предпринимается попытка дать сопоставительный анализ оригинального художественного произведения и его перевода [2, с. 3]. Цель этого анализа – наглядно продемонстрировать и определить, до какой степени несоблюдение семантикостилистических и этно-культурологических расхождений между двумя конкретными языками (английским и русским), во-первых, искажает подлинник, а во-вторых, препятствует пониманию текста на языке перевода носителями этого языка.

Обилие переводческих огрехов в данном переводе настолько велико, что ввиду отсутствия места пришлось ограничиться лишь некоторыми наиболее убедительными примерами, классификацию которых представилось целесообразным дать в зависимости от того, какое именно нарушение (чаще всего и прежде всего – субъективно обусловленное!) легло в основу того или иного искажения подлинника. В целях лучшего восприятия читателем приводимого текстового материала сначала (слева) будет даваться перевод предложения или сверхфразового единства, и только потом (справа) – оригинальный текст.

I. Нарушение норм лексико-семантической сочетаемости языка перевода

Невозможность дословного перевода лексических и синтаксических конструкций, специфических для исходного языка, очевидно, вполне осознавалась переводчиком, однако попытки найти адекватные средства для их воссоздания в языке перевода часто оказываются явно неудачными:

Туфли, по всей вероятности, тоже его. Ростом он пять футов девять дюймов, но с <u>тонкими костями</u> .	The shoes are probably his too; he is about five feet nine, but he is <u>small-boned</u> .
---	--

Я спрашиваю вас, как это <u>впечатляет ваш эрудированный ум</u> ?	I say, how does this <u>strike your intelligence</u> ?
---	--

Но что это давало? ... Не очень много. Поэтому, <u>спрятав данный вывод в глубине своего мозга</u> , я занялся весьма любопытной проблемой лейкопластыря.	“But where did this lead?” Ellery smiled reminiscently. “Not very far at the time. So I <u>tucked it away in a corner of my brain</u> and tackled the most curious problem of the adhesive tape itself”.
---	--

Люси Прайс... Я <u>переворачивал это имя в своем уме</u> , и вдруг меня осенила мысль [...].	Lucille Price... I <u>chewed that name in my mind</u> with a sudden inspiration.
--	--

[...] она была готова разрушить жизнь Гильды лишь <u>ради удовлетворения своего собственного разгневанного инстинкта матери</u> .	[...] her willingness to ruin Hulda’s life <u>merely to satisfy her own thwarted maternal instincts</u> .
---	---

Каким образом <u>шкаф разоблачает убийцу</u> ?	Just how <u>does the cabinet clinch the case</u> ?
--	--

II. Неадекватная передача фразеологизмов и устойчивых сочетаний

При чтении данного перевода, приходится постоянно сталкиваться с искаженными или употребленными явно не к месту, а потому выглядящими неуместно комично идиомами и устойчивыми словосочетаниями:

Эллери придвинул стул, неторопливо сел, поправил пенсне и со вздохом <u>протянул ноги</u> [вместо <i>вытянул</i> или <i>распрямил</i> – С. Ж.]	[...] Ellery adjusted his <i>pince-nez</i> with annoying deliberation, slumped in the chair and with a sigh <u>stretched his legs</u> .
--	---

Переводчику, для которого русский язык является родным, следовало бы обладать большей языковой компетентностью, а точнее – языковым чутьем, которое не могло бы тогда не напомнить ему о наличии идиомы *протянуть ноги* – *to kick the bucket*.

Конечно, я ведь <u>не свеча</u> , не стою все время лицом к помещениям. Я иногда открываю двери и выглядываю на улицу.	“Sure, I guess so. I don’t always face the inside. Sometimes I open th’ door and look out into th’ street.
--	--

Попытка переводчика ввести свой собственный фразеологизм (*не*) *как свеча* оказывается бесплодной, поскольку ввиду его отсутствия в системе языка, он ничего не говорит русскоязычному читателю. Мотивы, которыми в данном случае руководствовался переводчик, понять нелегко.

Даннинг <u>лишился речи</u> [вместо <i>дара речи</i> – С. Ж.] и вернулся на свое место. Более никто не произнес ни слова.	Dr. Dunning, speechless, took his daughter’s arm; they groped their way down to the fore portion of the gallery; no one spoke.
---	--

И вообще перевод всего этого предложения в целом явно искажен.

Он никогда в жизни не ударил <u>пальцем о палец</u> [вместо <i>палец о палец</i> – С. Ж.]	He’s never <u>done a lick of work</u> in his life.
---	--

III. Неадекватная передача стилистически действенных зооморфизмов

He's a real hound for work. Spends his life in that laboratory of his.

Он настоящий медведь по отношению к работе. Всю свою жизнь он проводит в этой лаборатории.

Но *медведь* в русском языке отнюдь не ассоциируется с упорным трудом. Скорее наоборот, ср.: *Дело не медведь (волк), в лес не убежит*. В основе же обозначения упорного труда может лежать образ совершенно другого животного, например: *работать, как вол* — ср. также: *to work like a horse*.

The mammoth wouldn't have to pay back what he owes.

Мамонту не придется отдавать деньги, которые он должен.

И опять-таки по-русски не принято даже безобразно толстого человека, каким был Гендрик Дурн, называть «мамонтом».

But Hulda, Hulda! Oh, darling. I'm a beast to make you cry...

Но, Гульда, Гульда! О, любимая, какой я зверь, что заставляю тебя плакать...

В самом деле, какой Филип Моргаус зверь, и при чем тут *зверь* вообще? Ведь в данном контексте существительное *beast*, конечно же, следовало перевести не как *зверь*, а, допустим, как *негодяй*, *свинья*, *скотина* на худой конец.

I drank like a fish and gambled away the generous allowance...

Я пил, как рыба, и проигрывал в карты приличные суммы денег...

Переводчику явно невдомек, что в русском языке рыба никогда не являлась символом запойного пьянства.

You've just provided the straw that broke a stubborn camel's back...

Ты только что вооружил меня соломинкой, которая поломала хребет коварному верблюду...

И вновь читатель, возможно, вовсе не знакомый с английской поговоркой *it is the last straw that breaks the camel's back* – *последняя капля переполняет чашу*, недоумевает: при чем тут верблюд, да еще олицетворяющий собою коварство (кстати, значения «коварный» прилагательное *stubborn* не имеет вовсе) и для чего понадобилось автору, точнее – переводчику, издеваться над добродушным животным, ломая бедняге позвоночник.

I thought you guerrillas were running with I key Bloom's mob. | А я думал, что вы в шайке гориллы Айки Блюма.

Но ведь, во-первых, *горилла* по-английски – *gorilla*, тогда как *guerilla* – *бандит* (ср. исп. *guerrillero* – *партизан*)? А во-вторых, совершенно очевидно, что в данной фразе слово *guerillas* (мн. ч.) вообще никак не относится к Айки Блюму (ед. ч.).

Утомившись, по-видимому, от подобных манипуляций с подлинником, переводчик решает «по зрелом размышлении» поступить наиболее мудро и изгнать из романа всякое упоминание о столь трудно переводящихся «братьях наших меньших», которые так осложняют жизнь. Он более не переводит такого рода словосочетания вообще, а поразмыслив основательнее, опускает и целые предложения, в которых фигурируют образы животных. И здесь для классификации искажений подлинника приходится вводить еще одну рубрику:

IV. Неоправданное опущение в переводе зооморфизмов

А вот следующие предложения остались непереуведенными вообще:

Like a rampant tiger;

“He’s as cold-blooded as a – as a snake”. “Not in the grass, I hope?” chuckled Ellery;

“He’s a fish”, grunted Sampson.

“Incidentally, I hadn’t realized before that the ophidians are cold-blooded”.

Что ж, нельзя не отметить, что коль скоро все познается в сравнении и коль скоро переводчик решил исходить из принципа *из двух зол – меньшее*, то выбор он сделал, по-своему, совершенно правильный – лучше уж совсем не переводить, чем извращать.

V. Неверная передача

обычаев и реалий страны, в которой происходит описываемое действие

Окружной прокурор, подобострастно разговаривающий по телефону с губернатором штата, вдруг ни с того ни с сего здоровается с ним так: «Хэлло!». Именно здоровается, ибо ранее во время телефонного разговора других персонажей Hello переводилось как «Алло!». А ведь с таким страноведческим материалом ученики знакомятся еще в средней школе.

Неведомо переводчику, очевидно, и то, что в ряде стран, в том числе и в США, довольно распространен обычай жевать не только резинку, но и специально обработанный для этого табак. Чем иначе объяснить такую переводческую «трансформацию»:

Его впустил сыщик, жевавший
резинку.

He rapped and was admitted by a tobacco-chewing detective.

VI. Неверная передача культурно-исторических реалий других стран, литературных и мифологических персонажей

Рассмотрим такое предложение:

Тридцать восьмой размер обуви – самый маленький мужской размер. Что это было за чудовище мужского пола, которое может носить такие туфли? Китаец?

Попытаемся разобраться в том, что же нам пытался сказать автор (точнее – переводчик, однако ведь не каждый читатель сразу это определит).

Второе предположение в приведенной фразе явно противоречит первому: ведь если 38-й – пусть самый маленький, но все же мужской размер, то почему обувь этого размера должно носить непременно чудовище? И при чем тут житель Китая?

Постигнуть логику переводчика при помощи только здравого смысла, пожалуй, не удастся. Остается обратиться к подлиннику:

Size 6 is quite the smallest ordinary man's size in shoes. What sort of masculine monstrosity in the adult stage could have worn those shoes? A Chinese whose honored sire had mistaken him for a girl-child and stunted his infant feet?

И сразу же становится ясно, что перевод второго предложения попросту неверен. Нужно было: «...смог надеть на ноги эти туфли», (those shoes, т.е. туфли, в которых совершалось преступление и которые ввиду того, что язычки у них были загнуты – весьма существенная для разоблачения убийцы деталь – надеть было трудно).

И с китайцем все прояснилось, но для такого «прояснения» не мешало бы и переводчику хоть мало-мальски знать историю и обычаи Китая, в частности, то, что маленькая ступня была там в свое время неотъемлемым признаком женской красоты, для чего ноги девочек с детства туго перебинтовывали или помещали в тесные колодки, чтобы ступня не росла. Примерно то же, правда, с иной целью, проделывали с детьми компрачикосы в Европе.

Кстати, говоря об обуви, любопытно отметить, что персонажи романа (разумеется, не в оригинале, а лишь в переводе) постоянно проделывают со своими нижними конечностями более чем странные операции:

Доктор Даннинг поднялся и стал расхаживать по комнате. Шагая, он похрустывал суставами пальцев.

Впрочем, «похрустывание суставами пальцев» – отнюдь не самая странная из подобных манипуляций ногами. Ср., например, такой перл:

Минчен сидел со скрещенными ногами, кусая большой палец.

«Ну и нравы у этих американцев!», – воскликнет обманутый переводчиком неискушенный читатель, не подозревая, разумеется, что в подлиннике речь идет вовсе не о ногах, а о руках героев: *knuckles* и *thumb*, соответственно. А ведь зная о различиях в наименовании верхних и нижних конечностей людей между английским и русским языками (ср. английские слова *hand, arm, foot, leg, finger, thumb, toe*, не имеющие столь же однозначных соответствий в лексической системе русского языка), компенсировать такое отсутствие параллелизма в тексте перевода – задача, право, не столь уж и сложная.

Даже размеры обуви, по-разному обозначаемые в США и у нас, в Европе, вещь, судя уже по названию романа, немаловажная для понимания всех сюжетных перипетий, переданы совершенно неверно, что становится ясно из такой таблицы, составленной на основе текстов подлинника и перевода:

США	Россия
4	35
5	36
6	38
6,5	40

Но вот еще более показательный пример того, как историческая невежественность приводит к полному (до неузнаваемости) искажению оригинала.

Ситуация: главный герой впервые приходит в больницу и разговаривает со швейцаром, который не хочет пропускать его в охраняемую больницу:

– Меня зовут Эллери Квин. А вас как зовут? Шарон?

Швейцар с недоумением посмотрел на пришедшего.

– Нет, сэ.р. Исаак Коб, спецхрана.

С не меньшим недоумением смотрит на такой текст и читатель, который, независимо от степени своей эрудиции, задается вопросом: «Кто же такой и при чем тут таинственный Шарон?». А ведь чтобы верно передать по-русски имя собственное Charon (Харон), право же, вовсе не нужно быть знатоком античной мифологии. Добросовестному переводчику в данном случае достаточно было бы заглянуть в мифологический или хотя бы просто в Большой англо-русский словарь.

Исключительно нежеланием искать нелегкие переводческие решения объясняется и то, что широкий диапазон речевых характеристик персонажей, тонко и эффективно используемый в оригинале, не нашел абсолютно никакого отражения в переводе. Более того, иногда переводчик попросту искажает и даже коверкает манеру героев выражаться. Например, даже не сделана попытка передать неграмотную с голландским акцентом английскую речь Гендрика Дурна.

Вот образец речи этого персонажа:

This iss a terrible business for uss all).

Правда, в одном месте переводчик, абсолютно неверно истолковав смысл сдвоенного ss, передает *Yess* как *Да-с*. Однако попытка эта явно неуклюжа да и попросту неудачна: ведь даже наделенный недюжинным воображением читатель вряд ли догадается, с чего это говорящему по-английски голландцу Гендрику, находящемуся в Нью-Йорке, вздумалось употреблять в своей речи язвительно звучащие в современном русском языке устаревшие старомодно-почтительные ерсы.

Список литературы

1. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. М.: Изд-во ИОСО РАО. 2001. 224 с.
2. *Кубарев Е.М.* О методике сопоставительного анализа понятийно-грамматических категорий (На основе сравнения художественных текстов и их переводов). «Сопоставительный лингвистический анализ». // Межвуз. сб. научных трудов. Т. 240. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт. 1980.
3. *Смирнов И.П.* Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука. 1977.

*Зайцева С. С.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ УМСТВЕННОГО ТРУДА СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье рассматривается проблема повышения культуры учебной деятельности обучающихся, а также подчеркивается необходимость усиления культуuroобразующей функции современного высшего образования в России, заключающейся в воспитании и обучении человека как субъекта культурно-исторического процесса, компетентного и ответственного за сохранение и приумножение духовно-нравственных ценностей как основы культуры.

Ключевые слова: нормы умственной деятельности; учебный (умственный) труд; личностно-ориентированная парадигма образования.

Образование как процесс природосообразного развития и саморазвития личности может соответствовать современным представлениям о человеке только тогда, когда соединяет в себе все значимые феномены культуры. Данное положение нашло отражение в государственном документе – «Концепции модернизации российского образования...», предполагающем, что проводимая модернизация утвердит ориентацию образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, познавательных и созидательных способностей. Для этого образовательные учреждения любого уровня должны направить свои усилия на формирование целостной системы универсальных знаний, умений и навыков, а также создание опыта организации самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающегося за качество своего обучения, т.е. ключевые компетенции, определяющие современное качество содержания образования.

Модернизация российского образования связывается с усилением его культуuroобразующей функции. Это предполагает воспитание человека как субъекта культурно-исторического процесса, компетентного и ответственного за сохранение и приумножение нравственных ценностей как основы культуры. Формирование культуры умственно-

го труда основывается на глубоком и сознательном освоении норм умственной деятельности, рассматривается как важнейший инструмент познания мира во всем его многообразии.

В качестве результата организации подобного образования общество получает выпускника высшего учебного заведения конкурентоспособного на рынке труда, компетентного и ответственного, свободно ориентирующегося в потоке поступающей информации; готового к постоянному личностному росту, социальной и профессиональной мобильности, удовлетворению образовательных потребностей личности в получении и повышении уровня образования.

Проблема повышения культуры учебной деятельности обучающихся относится к числу тех «вечных» проблем, которые издавна интересовали представителей педагогического труда. Уже начиная с античных времен, выдающиеся мыслители и педагоги прошлого понимали важность и необходимость эффективной организации учебной деятельности обучающихся.

Решение проблемы формирования данного вида культуры у студентов высших учебных заведений обусловлено необходимостью привести содержание образования в соответствие с мировыми образовательными стандартами в свете культурно-гуманистической функции образования в качестве общечеловеческой ценности, как неотъемлемой части культуры; с пониманием образования как способа освоения культуры, овладения ее богатством, накопленным человечеством. Усиление культуuroобразующей функции современного высшего образования в России предполагает воспитание и обучение человека как субъекта культурно-исторического процесса, компетентного и ответственного за сохранение и приумножение духовно-нравственных ценностей как основы культуры.

Одной из основных задач перестройки вузовского образования является переориентация системы обучения на приоритет развивающей функции обучения. Обучение, которое сводится лишь к накоплению знаний, не формирует у студента умения думать, не учит тем мыслительным операциям (анализу, синтезу, сравнению, обобщению и т.д.), с помощью которых приобретаются осмысленные знания, малоэффективно для умственного развития студентов.

Следует отметить, что учебный (умственный) труд отличается от любого другого вида труда тем, что главным его результатом является изменение самого обучающегося обогащение его новой системой знаний, умений и навыков, отношений к действительности и пр.

В связи с этим, главный воспитательный эффект учебного труда выражен в новых особенностях личностного развития человека.

Современная ситуация развития общества обусловила преобразования во всех его сферах, в том числе и педагогической. Одной из важнейших задач образования сегодня выступает создание условий для интеллектуального развития обучающихся, ориентированного на владение способами самостоятельного приобретения знаний, формирования умений и навыков учебного труда.

В связи с изменившимися социально-экономическими преобразованиями в обществе пересмотрены и многогранные требования к выпускнику высшего учебного заведения, что повлекло за собой изменение парадигмы высшего образования и вызвало настоятельную необходимость перехода от «знаниевой» на личностно-ориентированную парадигму образования.

Постепенно приходит осознание того, что интеллектуальный потенциал нации создает надежный капитал – человеческий, обеспечивающий процветание России за счет культуры труда, прежде всего, высокоинтеллектуального. Развитие интеллекта, формирование культуры умственного труда в высшем учебном заведении не может обеспечиваться только знаниями, умениями и навыками. Главное – не столько их количество, сколько качество и умение (готовность, потребность) их добывать и творчески применять в разных ситуациях, создание нового знания – интеллектуального продукта, так высоко ценимого в современном обществе. Все это предполагает формирование у обучающихся готовности и привычки к умственному труду. В связи с этим большое внимание необходимо уделить формированию общей культуры современного студента, ядро которой составляет культура умственного труда.

Список литературы

1. *Бабанский Ю.К.* Рациональная организация учебной деятельности. М.: Знание. 1981.
2. *Введенский Н.Е.* Условия продуктивности умственной работы // И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.Е. Введенский. Физиология нервной системы: Избр. труды. Вып. 3. Кн. 2. М.: Медгиз. 1952.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1977.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика. 1989.

Ипатова И. С.,

кандидат педагогических наук, доцент,

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЮРИСТА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Интегративное понятие «языковая личность» представлено в функциональной модификации как «языковая личность юриста» и рассмотрено с концептуальных и временных позиций.

Ключевые слова: языковая личность; языковая личность юриста; юрислингвистика; лингвоюристика; речевая маска.

Языковая личность.

Интегративное понятие «языковая личность», выведенное Ю.Н. Карауловым и ставшее академическим, широко определяется как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» [5, с. 38]. В содержание понятия включаются три взаимодействующих в процессе речевой деятельности уровня:

- 1 – вербально-семантический (собственно языковые знания),
- 2 – лингвокогнитивный (система знаний о мире),
- 3 – мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей (система целей, мотивов, установок и интенций).

Таким образом, понятие языковой личности выводит нас за рамки привычного представления о языке как обыденном информативном инструменте в область высоких интеллектуальных и глубинных мотивационных характеристик личности, где язык раскрывается как уникальное средство создания и выявления иерархии ценностей в индивидуальной картине мира [5, с. 48–68].

Индивидуальная картина мира при всей широкоформатности и объемности, безусловно, имеет штрихи и оттенки профессионального рисунка. Поэтому понятие «языковая личность юриста» предполагает в основе своей личность, выраженную в юридических текстах «юридическим» языком.

«Юридический» язык на сегодняшний день сложился в особую лингво-правовую область – юрислингвистику¹. Вместе с тем юрислингвистика тесно взаимодействует не только с лингвистикой и юриспруденцией, но и с целым рядом других лингвистических (лингвоконфликтологией, социолингвистикой, лингвоэкологией, терминологией), нелингвистических (судебной психологией) и даже неюридических (общей конфликтологией) областей знания.

Кроме того, обеспечивая специфическое функционирование языка в сфере права, определяя взаимоотношения языка и права, юрислингвистика предполагает актуализованный частный аспект – лингвоюристику, представляющую лингвистические проявления права непосредственно в правовой коммуникации, законодательной технике, толкованиях текста закона и корпусе юридической терминологии, а также при осуществлении специальных процедур, к которым относятся судебный протокол, допрос и др. Следовательно, осваивая мастерство профессиональной речи, юрист в первую очередь должен освоить сферу лингвоюристики: научиться видеть и исправлять ошибки в употреблении терминов, не допускать «огрехов» в применении клише, избегать штампов и пр.

Вместе с тем языковая личность юриста не исчерпывается даже безупречным владением «юридическим» языком. Нет. В силу элитарности профессии это личность гармоничная, включенная (по учению М.М. Бахтина) в культуру в области познания (системы понятий), в области этики (к ответственному поступку) и в области эстетики (способность к целостному восприятию или созданию чего-либо:

¹ Термин «юрислингвистика» по отношению к означенной предметной области – пересечению языка и права – является наиболее общим и широким, в конкретных аспектах употребляется наряду с такими терминами, как «судебное речеведение» (см.: Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М., 2003), «лингвокриминалистика» (см.: Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Н. Новгород, 2009), «лингвистическая экспертиза» (см.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов: теоретические основания и практика. М., 2007). Вопрос о соотношении этих терминов по объему и содержанию остается открытым, однако не вызывает споров подобие соотношения понятий судебной лингвистики и судебного речеведения соотношению понятий языка и речи. Сам термин «юрислингвистика», его дефиниция, формулировка предмета изучения как особого самостоятельного феномена были предложены в 1999 г. научным коллективом Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского госуниверситета и региональной ассоциацией лингвистов-экспертов и преподавателей (АЛЭП «Лексис»), науч. рук.проф. Голев Н.Д., и далее развиваются в девяти выпусках межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» (1999-2008), в кн.: Кузнецов А.М., Бурдин Л.С., Солнцева Н.В. Юрислингвистика: Язык и право: Научно-аналитический обзор. М., 2006; Васильев А.Д. Современное российское языковое законодательство: Юрислингвистический анализ и комментарий. Красноярск, 2006 и др.

от мира в целом (образ, картина) до любого конкретного предмета, сотворенного природой или человеком). Особенностью культурных сфер, как отмечал Бахтин, является то, что у них нет внутренней территории, – культура живет на границах этих сфер [1, с. 6–71].

По сути, полное представление всех трех областей культур в их взаимосвязи есть условие выживания человека в ситуации даже тотального кризиса, когда смещаются все культурные координаты. «...Достоевский загадочно обронил однажды: «Мир спасет красота». Что это? Мне долго казалось – это просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровавой истории, кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала – да, но кого спасла? ...Может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшавшая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются – то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвьются в то же самое место, и так выполнят работу за всех трех?..» – рассуждал в своей нобелевской лекции А.И. Солженицын.

Разве не о познании (Истине), этике (Добре) и эстетике (Красоте) идет речь? Осталось заметить, что культура, воплощаясь, «опредмечиваясь» в текстах, «выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме» [6, с. 10].

Как представителя публичной профессии, юриста отличает стиль речевого поведения, ориентированный на зону повышенной речевой ответственности. И все же речевая ответственность у юриста особая. К примеру, учитель по своему социальному статусу так же постоянно находится в зоне повышенной речевой ответственности. Педагогическая профессия требует личного самовыражения в речевом действе, владения инструментами речевого влияния и осознания слова как поступка. По большому счету, учитель, формируя у ученика инвариантный образ мира через язык, посредством своей речи показательно реализует отношение к языку как к способу познания и общения [3, с. 229].

Специфика языковой личности юриста иная – она не только формируется зоной повышенной речевой ответственности, но и формирует этико-правовую составляющую этой зоны. Заметим, что высокая значимость языка для юриспруденции определяется тем, что он

выступает «не столько как техническое средство выражения волеизъявления законодателя, сколько как форма самого существования права, призванного осуществлять диалог власти с народом на языке этого народа» [11].

Каков же отличительный стилевой маркер речевого поведения юриста-профессионала? Образованность? Вежливость? Коммуникативность? Умение слушать? Выступать? – Есть основания полагать, что все перечисленное и все смежное с названным непреложно важно, однако стилеобразующим элементом языковой личности юриста представляется особая речевая маска¹, соответствующая его социальной роли (роль-маска)².

Вслед за М.В. Шпильман и Т.А. Чеботниковой под речевой маской будем подразумевать коммуникативную стратегию, построенную на основе чужого языкового образа, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата, а также разделим точку зрения исследователей, что стратегию «языковая маска» могут реализовать прежде всего:

1) языковая личность, владеющая высоким искусством слова, – автор художественного произведения;

2) языковая личность, демонстрирующая хорошее, ремесленное владение языком;

3) языковая личность, владеющая интеллигентным языком, который А.А. Шахматов называл «языком узкого круга образованных лиц» [10, с. 75].

Использование языковых масок вообще – неотъемлемая черта той или иной модели поведения членов социума. Согласно учению Бахтина, человек создает «образ себя самого для себя самого и мой образ для другого», т.е. реально существует в формах *я* и *другого* («ты», «он» или «man» / Man (субстантивированное неопределенно-

¹Рамки статьи не позволяют привести терминологическое исследование встречающихся в специальной литературе понятий «языковая маска», «коммуникативная маска», «ораторская маска», «словесная маска» (выражение Ю.Н. Тынянова). Выбор термина «речевая маска» обусловлен последовательной ориентацией на приведенную в предыдущей сноске дихотомию.

²Речевая маска может быть реализована в разных функциональных направлениях и объемах, например: маска как образ и маска как роль, маска как прием и маска как коммуникативная стратегия. Маска-образ создается «для себя» и играет «для другого»; маска как прием предполагает риторическое (убеждающее) действие, маска как стратегия представляет собой определенную линию речевого поведения (проблемам речевых и языковых масок посвящены диссертационные исследования Чеботниковой Т.А., Соколовской Т.Б., Шпильман М.В.; ораторской маске (в судебной защитительной речи) – диссертация Кузнецовой Е.А.).

личное местоимение в немецком языке) – категория философии Мартина Хайдеггера; безличная сила, определяющая обыденное существование человека) [2, с. 318]. А.Ф. Кони, например, говорил, что всегда играл три роли: первого любовника – был всю жизнь влюблен в Фемиду; резонера – постоянно учил и напутствовал молодежь; злодея – требовал казни для преступников.

Кроме социальной роли, необходимо представить и ту двойную роль, которая отведена судебному оратору в процессе речевой коммуникации, – роль автора и исполнителя одновременно. В юридической профессии это нагляднее всего иллюстрирует работа адвоката – и по форме (судебный оратор), и по содержанию (личное мнение адвоката относительно обстоятельств рассматриваемого дела не имеет плана выражения в его профессии). Иными словами, защитник должен быть *Vir bonus, dicendi peritus* / Муж честный, опытный в красноречии.

Маска может помочь говорящему отделить себя от униформы при выполнении профессионального долга, особенно у юристов. Как заметил П.С. Пороховщиков, «суд не может требовать истины от сторон, ни даже откровенности: они обязаны перед ним только к правдивости». Такова «ораторская маска», которую в качестве риторического приема часто использовал Ф.Н. Плевако, будь то речь по делу Шидловской (Дело М.Ц. Шидловской, по первому мужу Ковецкой, обвиняемой в двоемужестве) – перед судом присяжных; речь по делу Севских крестьян (Дело Севских крестьян, обвиняемых в участии в преступном скопище) – перед сословными представителями; речи по делам о стачке (Дело о стачке рабочих на фабрике товарищества Саввы Морозова) и диффамации (Дело Гилярова-Платонова и Дубенского, обвиняемых в диффамации) – перед судьями-юристами. Фрагмент защитительной речи по делу Севских крестьян иллюстрирует, например, «ораторскую маску гражданина»: «Русская национальная черта сказалась: тишь, молчаливое страдание и взрыв на мгновение... И хорошее, как подвиг, и дурное, как проступок, у смиренного и безответного, что пятно на лице, как-то случайно, на час другой, не в смысле природного дефекта, а набегом, мутью, заразой. Русский человек даст порой Минина, порой Пугачева, порой Пожарского, порой Разина. А между этими именами – десятилетия и столетия молчания и мертвой зыби...» [8, с. 584].

Вчера. Примем отсчет не от греческих гласных судов и римского права, а от судебной реформы 1864 г., согласно которой в России

впервые был введен гласный и независимый от администрации суд, основанный на принципе состязательности сторон. Был учрежден институт следователей, адвокатура, присяжные заседатели¹. Период, связанный с осуществлением судебной реформы, был назван А.Ф. Кони периодом «судебного обновления России», «пробуждения правового чувства и юридической мысли».

Языковая личность юриста вчера – это в первую очередь имена теоретиков и практиков судебной речи, великих судебных ораторов: В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, П.А. Александрова, С.А. Андриевского, Н.П. Карабчевского, Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони, П.С. Пороховщикова и др. Их речи содержательны по сути, оригинальны по мысли, превосходны по изложению. Язык каждой из речей любого из этих без преувеличения титанов судебного красноречия напоминает язык художественной прозы, а их обширные знания и богатая эрудиция до сих пор способны поразить воображение.

Приведем два рассуждения о судебном красноречии. Без комментариев.

П. Сергеич: «Ваятели, художники, поэты творят для всего человечества, для потомства, судебные ораторы – для небольшой судебной залы, для трех судей или двенадцати присяжных; те – навсегда, навеки, эти – на несколько минут. Речь оратора – это отблеск луны на беспокойных волнах потемневшего моря, игра облаков на светлом июньском небе, гроза, прошумевшая над лесом, ветер, пробежавший по степи; это – преходящее, мимолетное, бесследное, а творения Гомера, Праксителя, Рафаэля – это неувядающее, бессмертное, вечное» [9, с.294].

Н.П. Карабчевский: «Судебное красноречие – красноречие особого рода. На него нельзя смотреть лишь с точки зрения эстетики. Вся деятельность судебного оратора – деятельность боевая. Это вечный турнир перед возвышенной и недостижимой «дамой с повязкой на глазах». Она слышит и считает удары, которые наносят друг другу противники, и угадывает, каким орудием они наносятся» [4, с. VI.].

Сегодня. С возвращением суда присяжных в новом (как хорошо забытом старом) ракурсе встает вопрос о «качестве» судебного красноречия, поскольку именно в публичной состязательности раскрыва-

¹ Присяжные заседатели первоначально были свидетелями, под присягой дававшими показания, на основе которых судья выносил приговор (отсюда и название – «присяжные»). Позднее они стали «судьями факта», т.е. судьями, решающими вопрос о виновности-невиновности подсудимого, а профессиональный судья решал вопрос о наказании, т.е. «вопрос права». Суд присяжных просуществовал до 1917 г., а в 1922 был отменен юридически.

ется вся сила и мощь языковой личности юриста. Впрочем, как замечает И.В. Пешков, «жизнь в принципе кризисна и постоянно ставит нас в ситуации, требующие энергичного осознания ... и нестандартного речевого действия. ... Если в общении есть кризис, то необходимо вызывается речь» [7, с. 267]. Если нет места слову – то сначала дуэли, потом киллерство...

Сила слова сегодня – аксиома, которую почему-то повсеместно пытаются опровергнуть. Неуважением к слову, небрежностью к речи, несоблюдением обещаний. А вместе с тем, поговорка «Как корабль назовешь – так он и поплывет» широко бытует в народе.

Современная речевая ситуация в целом – одна из острейших и интереснейших проблем в мире. С одной стороны, в Сорбонне с сентября 2001 года введен курс «профессионального написания писем», поскольку ученые-языковеды обеспокоены признаками исчезновения «высокой» письменной формы французского языка у нового поколения, привыкшего к электронной почте и SMS-посланиям. С другой – по сообщению службы новостей «Голоса Америки», 14 июля 2010 года Апелляционный суд штата Нью-Йорк отменил запрет на сквернословие в эфире, признав его неконституционным. Судьи сошлись во мнении, что это является нарушением первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова. Да и в российской прессе по поводу граней чистоты языка идут дебаты. А в защиту «великого и могучего» единым строем встает почему-то в первую очередь русское зарубежье.

Разве можно научить силе слова с ориентацией на тесты или на популярных краткосрочных тренингах? Это подчас равносильно тому, как если бы в Шаолине давали физическую подготовку без духовной. Например, учат точности слова. Показывают, как оно должно соответствовать понятию и даже жесту. Действительно, вербальные и невербальные знаки находятся в определенном соответствии. Мантия судьи, мундир генерала, смокинг аристократа определяют различные типы высказываний и манер. Даже мы, будучи в деловом или спортивном костюме, не только смотримся – говорим по-разному. Как нам будет комфортно, когда мы точно выразим свою мысль! Какие положительные эмоции мы испытаем! Словом, какой я буду умный и красивый. А собеседник?

Человек способен произнести примерно 130 слов в минуту, а услышать 400 слов за этот же промежуток времени. Следовательно, мы способны слушать почти в три раза быстрее, чем говорить! (Именно

поэтому многие слушатели отвлекаются от собеседника, начинают думать о чем-то другом, теряют нить разговора). Кроме того, результаты социологических исследований показали, что коммуникативная деятельность человека составляет около 80% его существования. Из них: 45% – аудирование, 30% – говорение, 16% – чтение, 9% – письмо. Казалось бы... Но:

По впечатлениям Александра Ивановича Привалова, или просто Саши (главного героя произведений А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке»), случилось нечто:

«Эдельвейс Машкин, старичок-изобретатель, словно взорвался:

– Высочайшие достижения нейтронной мегалоплазмы! – провозгласил он. – Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спины и там, внутри, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, из коих возникает синекдоха ответа...

У меня потемнело в глазах, рот наполнился хиной, заболели зубы, а проклятый нобль ве говорил и говорил, и речь его была гладкой и плавной, это была хорошо составленная, вдумчиво отрепетированная и уже неоднократно произнесенная речь, в которой каждый эпитет, каждая интонация были преисполнены эмоционального содержания, это было настоящее произведение искусства. Старик был никаким не изобретателем, он был художником, гениальным оратором, достойнейшим из последователей Демосфена, Цицерона, Иоанна Златоуста... Шатаясь, я отступил в сторону и прислонился к холодной стене...».

Конечно, это языковая маска. Тогда представьте, что ученый, может быть, юрист-теоретик, излагает: «Показ Пушкиным поимки Золотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна и реакция старухи на объяснение ее старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и принудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте» – ?!

Завтра. Итак, язык нельзя возвести в ранг закона и потребовать его строгого повсеместного соблюдения. Язык постоянно создается и созидается его носителями, постоянно изменяется, поскольку есть не что иное, как средство нашей речевой реакции на жизнь. «Дар слова есть натуральная принадлежность человека, язык не выдумывается, как и любовь, – писал В.С. Соловьев. – Однако было бы крайне пе-

чально, если бы мы отнесли к нему только как к естественному процессу, который сам собою в нас происходит, если бы мы говорили так, как поют птицы... а не делали бы из языка орудия для последовательного произведения известных мыслей, средства достижения разумных и сознательно поставленных целей... Какое значение имеет любовь для создания истинной человеческой индивидуальности, такое же значение имеет *слово* для образования человеческой общности и культуры».

Наша жизнь, наша личность, все наши права и свободы будут защищены только в обществе, где соблюдается закон. Причем каждая его буква. А для этого он должен быть прописан грамотно: нашими учителями – вчера, нами – сегодня, нашими учениками – завтра. И «не без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви»...

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. *Ипатов И.С., Сметанина Н.П.* Учитель как языковая личность: социальный и лингводидактический аспекты. / Подготовка специалиста в области образования: проблемы подготовки будущего учителя: коллект. монограф. – Н. Новгород: НГПУ, 2001. Вып. X. С. 228–235.
4. *Карабчевский Н.П.* Речи. 1882–1914. 3 изд. Пг.-М.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1916. 631 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
6. *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 172 с.
7. *Пешков И.В.* Введение в риторику поступка. М.: Лабиринт, 1998. 282 с.
8. *Плевако Ф.Н.* Избранные речи. М.: Юрайт, 2011. 649 с.
9. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М.: Юридическая литература, 1988. 384 с.
10. *Чеботникова Т.А.* Роль-маска: условия реализации и нейтрализации // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2012.

№ 2 (2). С. 74–80. // электронный научный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата добавления: 25.06.2014).

11. Ассоциация лингвистов-экспертов юга России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ling-expert.ru/library/slovar/linglaw.html> (дата обращения: 05.01.2013).

*Кириллова Н. Н.,
кандидат педагогических наук, доцент
НГТУ им.Р.Е. Алексеева,
г. Нижний Новгород*

О СТАТУСЕ ОЦЕНОЧНОГО ДИСКУРСА В РЕКЛАМАЦИОННЫХ ПОСЛАНИЯХ

Статья посвящена изучению особенностей реализации оценочного дискурса в рекламационных жанрах. Рассмотрены образцы оценочных высказываний различного типа с точки зрения адекватной интерпретации их в юрислингвистике. Акцентируется внимание на методическом аспекте проблемы – обучении будущих юристов азам лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: оценочность; конфликтный дискурс; рекламационные жанры; претензии; лингвистическая экспертиза.

Современный человек существует в условиях очень быстро меняющихся языковых реалий. В связи с чем все большее значение и статус (в ряду различных направлений лингвистики) приобретают сегодня лингвопрагматические исследования, и все чаще лингвистическое сообщество анализирует не просто текст в традиционной трактовке, а рассматривает текст с позиций дискурса, то есть текст в событийном (или ситуативном) аспекте.

Одним из актуальных направлений современной лингвопрагматики является такая лексико-семантическая категория, как оценка. Как в отечественной, так и в зарубежной прагматике существует целый ряд работ, посвященных оценочным высказываниям (Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев и др.). Тем не менее в этой области очень многое остается неясным, спорным, неоднозначным. «При всей важности в человеческом общении оценочных смыслов, они не получили отчетливого речеведческого статуса» [3, с. 233].

Оценочный дискурс распространяется сегодня практически на все сферы речевой деятельности человека, причем это не только устная речь, но и многие письменные жанры, даже те, где традиционно оценивания должно быть минимум, например, деловая речь или научные жанры. Такое развитие языковой реальности не случайно, так как оценка является важнейшим регулятором жизнедеятельности человека. По мнению ученых, ее предназначение – желаемое воздействие на адресата. «С помощью оценочных высказываний можно косвенным образом

побудить адресата к выполнению некоторых практических действий» [2, с. 80]. Причем оценочные суждения могут иметь разную специфику: «Чаще всего это эмоциональная оценка, но возможна и моральная, и прагматическая» [4, с. 135]. Предлагая суждение с позиций морально-этических, с учетом мировоззренческих, ценностных ориентиров, «говорящий опирается не только на свое субъективное мнение, но и на общепринятые представления о том, что есть правильно, а что – нет» [4, с. 135]. Именно поэтому оценочность оказывает такое значительное влияние на регуляцию речевого поведения человека, направляя его в «социально одобряемое русло».

Как уже было сказано, категория оценки изучается применительно к разным сферам коммуникации, но особый статус она приобретает в рамках юрислингвистики, так как основное назначение юриспруденции также регулирование поведения человека в соответствии с общепринятыми в социуме нормами. Правда, оценочность в первую очередь рассматривается здесь в связи с наличием в юридической практике случаев инвективного употребления бранной или обсценной лексики и необходимостью лингвистической экспертизы разного рода оскорбительных текстов. Е.С. Кара-Мурза для таких случаев даже применяет термин «речевые преступления», так как речь идет об унижении чести, достоинства и деловой репутации. Безусловно, при рассмотрении подобных прецедентов необходима квалифицированная лингвистическая экспертиза текстов и предъявление суду их однозначной, объективной интерпретации. В связи с этим возникает проблема обучения будущих юристов соответствующим компетенциям.

Однако с оценочностью, а точнее с различными формами конфликтного дискурса, юрист имеет дело не только при рассмотрении собственно речевых преступлений. Жалобы, претензии, разрешение споров между официальными организациями или отдельными гражданами и прочие прецеденты – во всех этих случаях юрист должен принять объективное решение, вынести вердикт на основе выдвигаемых претензий и предоставленных доказательств, выраженных в речевой форме. И здесь особая ответственность ложится на автора-составителя документа. «Иными словами, при создании любого правового документа недостаточно работать только над его смыслом, необходимо учитывать механизмы преподнесения правовой информации» [5, с. 138].

Исходя из этих соображений, можно с уверенностью говорить о двух методических аспектах при обучении будущих юристов. С одной стороны, в юрисдикции специалистов по гражданскому праву

должно быть консультирование и помощь в составлении различных правовых документов (претензий, исковых заявлений и пр.) для организаций и частных лиц, а с другой стороны, экспертная оценка (в том числе и лингвистическая экспертиза) предъявляемых документов, грамотная и компетентная интерпретация предоставленных аргументов и доказательств. «Лингвоправовые аргументы для того или иного вывода колеблют чашу весов Фемиды, шкалируясь от однозначно свидетельствующих до сомнительных и неоднозначных» [3, с. 222]. Специалист должен определить степень виновности обвиняемого или долю соответствия претензий объективной реальности на основе некоего «градуирования конфликтности», то есть должна быть определенная шкала, мерило в интерпретации правового текста.

В связи с этим мы хотели бы определить статус и специфические особенности оценочных высказываний в различных рекламационных посланиях. Как известно, текст правового документа относится к официально-деловому стилю и, соответственно, требует соблюдения определенных требований: нейтральность языка, точность, ясность, краткость, последовательность в изложении правового материала, отсутствие эмоциональной окраски, использование неюридических и юридических специальных терминов и т.д. То есть одним из заглавных принципов будет здесь объективность, беспристрастность и минимизация оценочности в языковом оформлении. И, действительно, если мы посмотрим на рекомендуемые модели-образцы претензий или исковых заявлений (которые можно найти в том числе и в интернет-ресурсах), то оценочный компонент в них практически отсутствует. Но когда эти модели-образцы наполняются реальным содержанием (а именно конкретными претензиями и требованиями), избежать элементов конфликтного дискурса, а значит и оценочного компонента, практически невозможно.

Так, для выражения информирования о сути претензий, а также для акцентирования внимания на предупредительной вежливости можно увидеть в текстах появление оценочных форм: *к сожалению, мы должны поставить Вас в известность; вынуждены предъявить Вам рекламацию в связи с...; к нашему крайнему неудовлетворению /недоумению; к нашему глубокому огорчению/ разочарованию, мы должны уведомить Вас...* В целом все эти формы можно интерпретировать как сдержанное выражение неудовольствия. В них подчеркивается осуждение и неприятие действий адресата.

Конечно, в тексте делового письма мы не увидим ярко выраженного проявления эмоций, но желание акцентировать внимание на каких-то условиях, договоренностях, усилить элемент долженствования явно прослеживается: «*Требование п.45 однозначно определяют, что для расчета с потребителем необходимо...*»; «*убедительно просим Вас рассмотреть вопрос о погашении задолженности в кратчайшие сроки...*»; «*недогруз произошел по вине Вашего экспедитора...*»; «*продукция была поставлена Вашей стороной несвоевременно...*». Выражение отрицательной оценки происходящего прослеживается в частотности использования частицы «не»: *недостача, недогруз, непригодный, некондиционный, несоответствие, не отвечает условиям договора.*

При анализе подобных дискурсов важно также учитывать ограниченность языковых средств выражения требований и претензий (что задается особенностями данного подстиля). Отсюда естественное появление тавтологии. Однако зачастую лексические повторы явно выполняют функцию оценочного дискурса, а именно реализуют задачу усиления воздействующего эффекта на адресата, нагнетания конфликтной ситуации, демонстрации ее перед читателем в самом невыгодном свете.

В качестве примера рассмотрим фрагмент искового заявления:

«Обязательство по оплате оказанных услуг исполнено Ответчиком ненадлежащим образом, а именно... Согласно ст. 309, 310 и 408 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, а также иных правовых актов, односторонний отказ от исполнения обязательств не допускается, и только надлежащее исполнение прекращает обязательство. У ответчика не имелось оснований для нарушения обязательства по оплате оказанных ему услуг. Вместе с тем, обязательство по оплате услуг, оказанный в спорный период, исполнено Ответчиком ненадлежащим образом, в связи с чем указанная выше задолженность подлежит взысканию в судебном порядке».

Акцентирование темы долженствования, попытка оказать давление на ответчика (в вербальной форме) осуществляется здесь с помощью многократных повторов: ключевое слово *обязательство* в разных сочетаниях повторяется 7 раз, оборот *надлежащим / ненадлежащим образом* – 4 раза, *оплата оказанных услуг* – 3 раза. Выражение негодования, порицания неправомерных действий прослеживается также в устойчивом клише *односторонний отказ*. И, кстати, здесь мы уже видим не только изложение фактов и сути нарушений, но и собст-

венную интерпретацию истцом описанных событий. Имелись или не имелись основания для отказа и пр. – это уже оценка произошедшего, собственное видение ситуации, где мы можем заметить все признаки критического дискурса.

Особенно ярко представлены разнообразные оценочные суждения в рекламационных письмах частных лиц по поводу неудовлетворительного качества приобретенных товаров, нарушений трудового законодательства по отношению к рядовым сотрудникам и пр. Здесь критическая оценка усиливается и приобретает особые краски еще и потому, что адресанты из-за отсутствия навыков составления делового письма допускают нарушения официально-делового стиля. *«Когда я пришла получать дубленку из чистки, она полностью потеряла вид (вся в пятнах, разводах). Носить такую дубленку абсолютно невозможно»* – разговорная лексика, сниженный стиль усиливают эмоционально-экспрессивную окраску изложения, придают ей бытовой характер. В другом примере – *«меня шантажировали, заставили потратить много времени, лишили заработка за 19 дней...»* – можно наблюдать выражение критической оценки в крайне категоричной, безапелляционной форме (здесь в глаголах присутствует обличительная семантика), что в целом также нарушает требование нейтральности, сухости официального стиля.

Хотелось бы отметить также, что многие нейтральные на первый взгляд формы приобретают в письмах-претензиях оценочные коннотации, как, к примеру, в следующем фрагменте:

«При ближайшем ознакомлении с товаром мною было принято решение отказаться от покупки. Правила продажи товаров дистанционным способом и статья 26.1 ЗоЗПП предоставляют потребителю право на возврат товара без объяснения причин – "процесс охлаждения к покупке"».

С точки зрения нейтральности языковых средств целесообразно было бы использовать выражение *«при приемке товара»*, но оборот *«ближайшее ознакомление с товаром»* не просто констатирует факт, а иллюстрирует картину происходящего, показывает процесс восприятия и неудовлетворенность потребителя. За выражением *«процесс охлаждения к покупке»* также можно увидеть дополнительные эмоциональные коннотации – это сдержанное проявление разочарования, недовольства, а возможно, и обиды.

Все это штрихи, нюансы, но они, на наш взгляд, составляют общую картину – элементы оценочного дискурса в той или иной степени

проникают в жанр рекламации. Причем огромную роль во всех этих случаях играют ситуативные факторы. Значение многих слов и выражений трансформируется под влиянием обстоятельств (как правило, конфликтных, спорных ситуаций). Так, слово *добровольный* вне конкретного текста несет в себе вполне положительный смысл, но в претензии (*предлагаем добровольно / или в добровольном порядке исполнить принятые на себя обязательства*) подобные обороты превращаются в скрытую угрозу, прослеживается намек на негативные последствия.

Безусловно, все претензии, как правило, имеют основания, сопровождаются доказательной базой, но помимо упоминания фактов, констатации противоправных действий, изложение сопровождается и оценочными смыслами. Так, довольно часто в текстах встречается сочетание *«пользование чужими денежными средствами»*, где вместе с обозначением факта правонарушения в завуалированной форме присутствует и критическая оценка: *чужими* в нашем сознании ассоциируется с нечестными способами, воровством, общественно порицаемым деянием.

Особого внимания заслуживают разнообразные формы изложения содержания санкций. Здесь мы можем видеть в рекламационных посланиях чрезвычайно разнообразный спектр всевозможных угроз – от скрытых намеков, вежливых и подчеркнуто учтивых предупреждений до самых жестких требований вплоть до угроз насильственного характера:

«Мы рассчитываем на ваше понимание и готовность устранить недостатки...; если мы не сможем достичь взаимопонимания по порядку урегулирования вопроса...; в случае оставления данного предупреждения без рассмотрения...; в случае уклонения от принятия мер...; в случае игнорирования наших требований...».

Везде мы видим акцентирование в тексте каузативных отношений, а далее в обязательном порядке указываются санкции:

«Мы должны будем поставить вопрос о целесообразности продолжения деловых контактов...; мы будем вынуждены пересмотреть условия сотрудничества...; мы должны предупредить о наступлении нежелательных последствий...; мы будем считать себя свободными от исполнения обязательств...; мы вынуждены вернуть товар с отнесением всех расходов на ваш счет...; мы обратимся в Госарбитраж, передадим дело в суд...; будем требовать взыскания задолженности в принудительном порядке» и т.д.

Как можно заметить, здесь степень выраженности негативной оценки представлена в порядке нарастания и нагнетания угрожающих последствий. Намерения обвинителя во всех этих случаях очевидны: побудить противоположную сторону к выполнению обязательств и в то же время не осложнять, не затягивать дело, не доводить до вмешательства правоохранительных органов.

Таким образом, мы видим, что оценочный дискурс (а точнее критическая его составляющая) представлен в рекламационных посланиях чрезвычайно широко: это и различные оттенки проявления эмоций, и дифференциация степени выраженности критической оценки. Наверное, представленные здесь примеры носят бессистемный характер. Данный материал, скорее, дает возможность проиллюстрировать специфику оценочности в рекламационных жанрах. А систематизация – дело будущих исследований. Но для нас было важно подойти к методическому аспекту проблемы. Анализ оценочных высказываний в представленных образцах убедительно доказывает, что квалифицированный юрист должен обладать навыками экспертной оценки рекламационных жанров (в том числе и их объективной лингвистической интерпретации), чтобы уметь грамотно разграничивать информацию и форму ее представления в письме, разграничивать объективные факты и языковые приемы, призванные воздействовать на обвиняемую сторону.

В этой связи весьма интересной кажется нам подход Т.В. Анисимовой: «Важной особенностью *обвинения* является то, что претензии к противной стороне предъявляются не от себя лично, а от имени общества, то есть критерии оценки записаны и приняты в тех или иных документах и обязательны для всех членов общества. Отметим, что если *обвинение* произносится по поводу общественно опасного деяния, то осуждение основывается на морально-нравственных предпочтениях» [1, с. 55]. Задача эксперта в случаях рассмотрения текста претензии – уметь отделить объективные аргументы и доказанные факты (это реальное обвинение, за которое ответчик должен понести наказание) и разнообразные оценочные высказывания, демонстрирующие осуждение, общественное порицание и пр. Последнее не касается «буквы закона».

Конечно же, в действительности очень трудно отделить одно от другого, потому что все соединено в едином контексте. Однако решение, окончательный вердикт какой бы то ни было судебной инстанции должен быть беспристрастным, а значит, оценочные факторы, оказывающие

влияние на выводы эксперта, должны быть минимизированы. И эта важнейшая компетенция должна быть сформирована уже при обучении будущих юристов в области гражданского права.

Список литературы

1. *Анисимова Т.В.* Некоторые принципы разграничения риторических жанров // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Вып. 4. 2005. С. 54–57.

2. *Каразия Н.А.* Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 72–88.

3. *Кара-Мурза Е.С.* Коммуникативные парадигмы «директивы» и «эвалюативы» как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 221–236.

4. *Пугачева О.В.* Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник ВолГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 134–139.

5. *Серегина О.Л., Филлимонова Н.Ю.* Синтаксическая и языковая структура искового заявления как юридического документа // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 138–142.

Коваль О. И.,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры иностранного языка и
конвенционной подготовки
ВГУВТ, г. Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В данной работе дается определение иноязычной компетенции, выделяются ее компоненты, показатели сформированности. В статье подробно проанализированы сложности преподавания иностранного языка студентам юридической специальности. Обеспечение процесса овладения иноязычной речью студентов должно подкрепляться положительной мотивацией для более эффективного и продуктивного обучения.

Ключевые слова: иноязычная компетенция; уровень владения; УМК; мотивация; метод; коммуникативный подход.

Целью обучения иностранному языку студентов юридической специальности является формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Формирование иноязычной компетенции рассматривается как корректное владение иностранным языком в пределах тем, предусмотренных рамками курса юридической специальности вуза и охватывающих лексику повседневной жизни и жизни их профессиональной сферы. Это подразумевает овладение обучаемыми знаниями о системе изучаемого языка, которые реализуются посредством формирования языковых и речевых навыков оперирования необходимой лексикой, проявляющегося в производстве самостоятельного устного и письменного высказывания и позволяющего обучаемым адекватно участвовать в иноязычном общении.

Иноязычная компетенция – это совокупность *лингвистической, социолингвистической и предметной* компетенций при обучении студентов юридической специальности вуза иностранному языку. *Лингвистическая компетенция* представляет знание словарных единиц и владение определенными формальными правилами, с помощью которых словарные единицы преобразуются в высказывания. *Социолингвистическая компетенция* – это способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией

(контекст определяет выбор языковых форм). *Предметная компетенция* – это ориентация в содержательном плане высказывания в рамках актуальной профессионально-значимой тематики, предусматриваемой учебными программами специальных дисциплин.

На основании теоретических исследований проблемы формирования иноязычной компетенции студентов в учебном процессе выделяются следующие показатели ее сформированности:

а) наличие знаний иностранного языка, то есть осведомленность о правилах построения высказываний;

б) умение реализации иностранного языка, то есть преобразование языковых форм в соответствии с ситуацией;

в) ориентация в содержательном плане высказывания в рамках актуальной профессионально-значимой тематики, предусматриваемой учебными программами специальных дисциплин;

г) наличие экстралингвистических социокультурных знаний, обеспечивающих психологическую готовность студентов к иноязычному общению;

д) уровни сформированности иноязычной компетенции как ее количественные характеристики (низкий уровень, средний уровень и высокий уровень).

Каждый уровень иноязычной компетенции характеризуется определенными параметрами относительно репродуктивности, продуктивности, способности переключения с интеллектуальных задач на коммуникативные задачи. Творческий уровень сформированности иноязычной компетенции отличается высокой продуктивностью и способностью к корректной с точки зрения лингвосоциокультурных знаний коммуникации на иностранном языке.

Тем не менее, преподавание иностранного языка студентам юридической специальности сопровождается целым рядом сложностей.

Во-первых, при поступлении в вуз на юридическую специальность вступительный экзамен по иностранному языку сдают далеко не везде. Это подразумевает, что уровень подготовки студентов, т.е. их владения иностранным языком (или, как принято говорить сейчас, иноязычными коммуникативными компетенциями) у абитуриентов весьма и весьма неодинаков, что, разумеется, будет создавать целый ряд проблем при последующем обучении студентов.

Во-вторых, поскольку на юридическом факультете иностранный язык не является профилирующим предметом, мотивация к его изучению студентами заметно снижается.

В-третьих, трудность представляет разработка единых учебно-методических комплексов для процесса обучения иностранному языку студентов юридической специальности в высших учебных заведениях. Данная проблема напрямую связана с неодинаковым уровнем владения иностранным языком студентами. Разработать единый УМК для группы, в которой уровень владения иностранным языком разнится от уровня «Beginner» (иногда даже ниже) до уровня «Intermediate» (и очень редко – «Upper Intermediate») практически невозможно. Распределение студентов на группы по уровню владения языком, конечно, может упростить эту задачу, и так обычно в практике преподавания иностранного языка и делается.

Для распределения студентов на такие группы используются обычно тесты для определения сформированности грамматического навыка и тексты для определения сформированности навыка лексического. С методической точки зрения это верно, и все же подобная практика может давать сбои. Причин для таких сбоев может быть очень много: это и особенности каждого конкретного студента, и волнение студента во время тестирования, ошибки, описки и т.д. В результате студенты рискуют попасть в группу, не соответствующую их уровню подготовки и владения иностранным языком.

В редких случаях возникают ситуации, когда студент при поступлении в высшее учебное заведение абсолютно не владеет иностранным языком в силу каких-либо причин (например, отсутствия учителя иностранного языка в сельской школе, которую он заканчивал). Однако поскольку обучение иностранному языку является неотъемлемой частью учебного плана (на юридической специальности – до второго курса), студенту ничего не остается делать, как начать учить иностранный язык. Разумеется, делать это с той же интенсивностью и методичностью, как это обычно делается в школах, у данного студента возможности не будет в силу как общей учебной загруженности студентов, так и в силу того, что такие случаи единичны и, как правило, на студентов с подобным уровнем владения языком (когда обучение приходится начинать практически с алфавита) учебно-методические комплексы не рассчитаны. По этой же причине – резко выраженная неоднородность уровня владения иноязычными коммуникативными компетентностями у студентов – использование какого-

либо учебного пособия для конкретной специальности, представляется достаточно затруднительным.

Таким образом, можно выделить следующий круг проблем, связанных с обучением иностранному языку студентов юридической специальности:

1. Неодинаковый уровень подготовки студентов и их владения иностранным языком при поступлении на юридический факультет высшего учебного заведения;

2. Пониженный уровень мотивации студентов к изучению иностранного языка;

3. Сложность разработки единого учебно-методического комплекса для студентов, в неодинаковой степени владеющих иноязычными коммуникативными компетенциями.

4. Проблема работы со студентами, которые в вузе фактически вынуждены начинать изучение иностранного языка «с нуля».

Очевидно, все эти четыре проблемы тесно взаимосвязаны. Для формирования высокого уровня коммуникативной компетенции студентов юридического факультета необходимо тем или иным способом решить их все. Сделать это очень сложно прежде всего в силу того, что в иностранный язык изучается лишь в течение первых двух лет обучения, а это чрезвычайно малый срок для овладения иностранным языком «с нуля» при заложенной в учебной программе юридической специальностей нагрузке (две пары в неделю – на первом курсе, одна пара в неделю – на втором).

Что касается сниженной мотивации студентов к изучению иностранного языка, то практика показывает, что значительная часть студентов убеждена, что общенаучные и общественно-образовательные дисциплины, куда входит и иностранный язык, не приближают, а удаляют их от овладения профессионально важными знаниями и навыками. Неслучайно и наибольший отсев студентов происходит на первых курсах, при изучении этих дисциплин. Задача преподавателя здесь – повлиять на развитие положительной мотивации изучения иностранного языка.

Обучение иноязычной речи студентов неязыковых специальностей в вузах более эффективно и продуктивно, когда в процессе преподавания иностранного языка делается акцент на создание положительного эмоционального настроения студентов, когда возникает полное удовлетворение от своей деятельности, в том числе условно-речевой по овладению иноязычной коммуникативной компетенцией, а также

осознанное включение волевых усилий в случае неизбежных сбоев в процессе овладения иноязычной речью. Мотивы нельзя формировать извне в процессе обучения иностранному языку, можно только способствовать этому процессу. Мотив – сложное психологическое образование, которое должен построить сам студент. Стимулирование студентов положительными эмоциями представляется самым действенным способом усиления мотива.

Многолетний опыт преподавания иностранного языка свидетельствует о том, что студенты, изучающие иностранный язык в вузе нелингвистического профиля, как правило, на занятиях пребывают в двух диаметрально противоположных психических состояниях: состоянии скуки или состоянии тревожности; данный факт можно объяснить тем, что на занятиях по иностранному языку скучают студенты, которые не мотивированы к изучению иностранного языка и совершенно далеки от стремления овладеть иностранным языком на коммуникативно достаточном уровне, а тревожность испытывают обучаемые, которые еще не утратили желание овладеть иностранным языком, но неуверенность в себе, боязнь ошибиться, высказаться неудачно становится непреодолимым психологическим барьером. При этом самые современные методики обучения иноязычной речи оказываются нерезультативными, если они применяются в процессе обучения иностранному языку в условиях отрицательных эмоций обучаемых.

Таким образом, обеспечение процесса овладения иноязычной речью студентов должно подкрепляться положительными эмоциями, которые повышают активность личности, стимулируют познавательную деятельность, увеличивают энергию и напряжение интеллектуальных сил студента. Это имеет целью сделать обучение иностранному языку на юридической специальности вуза более эффективным и продуктивным.

Что же касается сложности разработки единого учебно-методического комплекса для разных уровней подготовленности обучения иностранному языку на юридической специальности вуза, то данная проблема, увы, не имеет простого способа решения. Поэтому лучший выход для преподавателя здесь – действовать в рамках личностно-ориентированного подхода и реализации принципа индивидуализации обучения. Это может выражаться в подборе индивидуальных учебных материалов для отстающих студентов,

дополнительных заданий на дом, текстов для изучения в соответствии с уровнем подготовки студента и т.п.

В настоящее время знание иностранного языка в системе высшего образования приобретает все большую актуальность. Обучение студентов юридического факультета профессиональному иноязычному общению, таким образом, способствует формированию профессиональной компетентности специалистов, при условии, если определен перечень необходимых компетенций и приняты показатели их сформированности, сформулированы цели и задачи, содержание и принципы обучения, разработана методика обучения профессиональному иноязычному общению на основе деятельностного, личностно-ориентированного, проблемно-ориентированного подходов с применением метода проектов, коммуникативного и других методов.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: ИЦ «Академия». 2004. 336 с.

2. Методика преподавания иностранных языков на новом пути // Иностранные языки в высшей школе / под ред. М.В. Гумилева. М.: МПИ. 1952. Вып. 1. С. 3–15.

3. Нечаев Н.Н. Психолого-педагогические основы разработки современных образовательных технологий в обучении иностранным языкам // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку по новой программе (неязыковые вузы) / Под ред. К.Г. Павловой. М: МГЛУ. 2002. Вып. 467. С. 5–22.

4. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: готовимся к диалогу культур. Минск: Лексис. 2003. 184 с.

5. Поляков О.Г. Английский язык для специальных целей: теория и практика. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС. 2003. 188 с.

6. Рощина Е.В. Функции иностранного языка как учебного предмета в системе обучения в университете // Иностранные языки на неспециальных факультетах / под ред. И.С. Яворской. Л.: ЛГУ. 1978. Вып. 1. С. 3–6.

7. Фоломкина С.К. За дальнейшее развитие методики обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Иностранные языки в высшей школе / под ред. С.К. Фоломкиной. М.: МПИ. 1989. Вып. 21. С. 4–8.

8. Цатурова И.А. Многоуровневая личностно ориентированная система языкового образования в высшей технической школе // Образование и общество. 2003. № 5. С. 26–32.

Коларькова О. Г.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

Мэн Цзюньцзюнь,
заместитель директора департамента кадров
и административных вопросов
ЯСС РУС Автомобильные системы,
г. Шянь, провинция Хубэй, КНР

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Данная статья посвящена выявлению значимости иностранного языка как для российского, так и китайского юриста в условиях глобализации и необходимости модернизации учебного процесса обучению иностранному языку в системе профессионального юридического образования на основе компетентностного и коммуникативного подходов.

Ключевые слова: значение иностранного языка для юриста; компетентность; профессиональная компетентность; компетенция; иноязычная коммуникативная компетенция; технологии обучения иностранному языку.

В новых социально-экономических условиях в связи с расширением внешнеэкономических связей, выходом на мировой рынок, расширением международного сотрудничества во всех областях нашей жизни повышаются требования к современным специалистам. Современный специалист должен быть востребованным не только на региональном, но и на мировом рынке труда, что обуславливает необходимость наличия определенных профессиональных и личностных качеств, способствующих его социально-профессиональной адаптации.

Наряду с приобретением необходимых умений и навыков в своей области, специалист должен обладать все более высоким уровнем языковой подготовки для своей профессиональной деятельности и дальнейшего профессионального роста на основе отечественных и зарубежных достижений. Все эти требования в определенной мере коснулись и юридической профессиональной деятельности.

Юридическая профессия стала одной из самых востребованных и престижных не только в Российской Федерации, но и в других странах (например, в Китайской Народной Республике). Бурное развитие экономики, вступление России и Китая во Всемирную Торговую Организацию обусловило расширение спектра юридических услуг. Так, например, уже никого сейчас не удивляет, что работодатели юридических фирм в качестве одного из основных требований выдвигают знание иностранного языка. Знание иностранного языка дает возможность, с одной стороны, получить дополнительную информацию, с другой стороны, предоставляет возможность ведения диалога с представителями других культур посредством профессионального общения. В этой связи, иностранный язык находится в ряду обязательных дисциплин, изучаемых как русскими, так и китайскими студентами в рамках вузовской программы.

Речь идет в основном об английском языке как иностранном – одном из наиболее употребляемых языков в мировом сообществе и основном языке общения в бизнес кругах. Английский язык изучается практически во всех юридических вузах России. Не исключением являются и юридические вузы в Китайской Народной Республике. Так, согласно статистическим данным, в Китае сейчас изучают английский язык около 95% студентов [4, с. 216]. Вместе с тем в связи с укреплением торгово-экономических связей, наращиванием инвестиционных потоков и углублением сотрудничества между Россией и Китаем, появилась тенденция к изучению и русского языка как иностранного в системе профессионального юридического образования Китая (Лян Миньянь, Хо Сяньдань и др.).

Сравнительный анализ ряда работ российских (В.И. Байденко, С.Я. Батышев, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, А.В. Хуторской и др.) и китайских исследователей (Ма Шуцао, Тань Сунхуа, Хуа Яо, Цзян Сяоянь и др.), посвященных тенденциям модернизации систем профессионального образования в России и Китае, позволяет выделить важность реализации компетентностного подхода в обучении будущих специалистов как условия достижения нового качества профессионального образования.

В КНР компетентностный подход пока не внедрен, но поскольку структурно-организационная модернизация высшей школы КНР идет в направлении сближения со стандартами, заявленными в Болонской декларации, то логично предположить, что требования к навыкам и умениям, приобретаемым китайскими студентами, должны быть ана-

логичными или близкими к европейскому набору компетенций. В условиях глобализации и высокой конкурентной борьбы за рабочие места на рынке труда в самом Китае такой процесс неизбежен.

Рассматривая значение понятия «компетентность», Д.А. Махотин и Ю.В. Фролов связывают его с деятельностной основой и определяют как «...предметную область, в которой индивид хорошо осведомлен и в которой проявляет готовность к выполнению деятельности» [8, с. 38].

Конкретизируя значение понятия «компетентность», И.А. Зимняя определяет его как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека [1, с. 35].

Таким образом, понятие «компетентность» определим как качественную характеристику личности, обладающей не только профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и мотивационной готовностью и способностью к осуществлению профессиональной юридической деятельности.

С понятием «компетентность» тесно взаимодействует и понятие «компетенция». В соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова компетенция означает «...круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» [5]. Согласно словарю иностранных слов под этим термином понимается «круг полномочий какого-либо учреждения или лица, круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом» [2]. Таким образом, «компетенция» означает осведомленность, владение какими-то знаниями и опытом, т.е. владение умениями и навыками, и способностью осуществлять этот опыт.

Практической целью обучения иностранному языку в системе любого высшего образования, и юридического в частности, является формирование так называемой иноязычной коммуникативной компетенции для использования английского языка в профессиональной деятельности на международной арене, в познавательной деятельности и для межличностного общения. В этой связи, иноязычная коммуникативная компетенция, согласно Федеральному государственному стандарту высшего профессионального образования в России, является обязательным компонентом профессиональной компетенции любого современного специалиста [7, с. 12].

Приобретение студентами коммуникативной компетенции заключается в таком владении общением на иностранном языке, которое позволяет использовать его для удовлетворения профессиональ-

ных потребностей, реализации личных деловых контактов и дальнейшего профессионального самообразования и самосовершенствования. Проблемам формирования и развития коммуникативной компетенции в процессе обучения языку посвящены работы многих отечественных и зарубежных специалистов (М.Н. Вятютнев, И.А. Зимняя, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, И.Л. Бим, В.В. Сафонова, Дж. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймз, Д. Равен и др.).

С точки зрения Н.А. Лабашевой, коммуникативные качества специалиста в области юриспруденции, владеющего иностранным языком, отличаются следующие составляющие:

1) коммуникативная функция (способность участвовать в иноязычном профессиональном общении, осуществлять речевую деятельность в конкретных ситуациях профессионального общения);

2) лингвистическая функция (знание о системе языка и правила оперирования языковыми знаниями в речевой деятельности);

3) лингвострановедческая функция (знание правил речевого и неречевого этикета в определении стандартных ситуаций профессионального общения, знание национально-культурных особенностей страны изучаемого языка и умение осуществлять свое речевое поведение в соответствии с этими знаниями);

4) методическая функция (способность студента строить свою работу по овладению иностранным языком осознанно, экономно, творчески и целесообразно) [3, с. 81].

Выделенные ученым первые три функции соответствуют основным компонентам иноязычной коммуникативной компетенции: языковая, речевая и социокультурная компетенции, которые тесно взаимосвязаны.

Доминирующим для юриста, на наш взгляд, является владение специальными правовыми терминами. Ведь даже отличное знание разговорного английского языка и национального законодательства не гарантирует специалисту понимание англоязычных юридических документов. Поэтому владение специальными правовыми терминами поможет избежать ошибок и неточностей перевода, которые, в конечном счете, могут обернуться большими финансовыми потерями и даже международными конфликтами. Знание профессиональной терминологии окажет юристу неоценимую помощь в составлении и ведении юридической и финансовой документации, переводах его с родного на иностранный язык и, наоборот, в переписке с зарубежными клиентами.

Целесообразным, на наш взгляд, является анализ международных стандартов как метод повышения эффективности обучения деловому письму. Мы согласны с А.А. Савиной в том, что «в практике преподавания языков не всегда было положительное отношение к использованию стандартных, шаблонных структур, с другой стороны в условиях большого потока информации в современном мире просто невозможно обойтись без унификации языка. В этой связи необходимо осознавать тот факт, что применение стандартов оправдано в отдельных языковых жанрах (деловой, научный стиль), когда на передний план выдвигаются такие требования как ясность и лаконичность сообщения» [6, с. 143].

Профессиональный иностранный язык для юриста обязательно включает и разговорные навыки, которые пригодятся при ведении переговоров с зарубежными контрагентами; для отстаивания интересов своей компании в судах разной инстанции, в т.ч. международных; для общения с зарубежными коллегами. В этой связи важнейшим направлением подготовки юристов при обучении иностранному языку является формирование навыков и умений профессионально направленного диалогического общения. Задача обучению диалогической речи должна присутствовать на каждом занятии, начиная с вводного курса.

Навыки чтения на иностранном языке помогут юристу в работе с различными документами, освоении профессиональной литературы и т.п. Владение иностранным языком необходимо юристу для пополнения своих знаний в области международного и национального торгового и коммерческого права, правоприменительного порядка в разных странах и др.

Сегодня высшая школа ставит задачу не только существенно обновить содержание обучения иностранным языкам, но и ввести новые способы формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов. При отборе подходов формирования коммуникативной компетенции студентов учитывается соответствие форм и методов учебной работы поставленным целям формирования компетентного специалиста. Для этого нужно отобрать такие подходы, которые, будучи направленными на формирование компетенций, могут быть названы компетентностными.

Компетентностными являются те формы и методы работы, которые имеют не только учебное, но и жизненное обоснование, при этом формирование компетенций студентов зависит от их активно-

сти. Сущность компетентных форм и методов работы ярко раскрывает древняя китайская мудрость: «Расскажи мне – и я забуду, покажи мне – и я запомню, вовлеки меня – и я научусь».

В процессе обучения иностранному языку студентов можно использовать, например, следующие компетентные технологии:

– *лично-ориентированные технологии* (дифференцированные задания, разноуровневые тексты, разработка индивидуальных маршрутов);

– *модульно-блочные технологии*;

– *информационно-коммуникативные технологии* (ИКТ) с использованием специальных аудиовизуальных средств (занятия в компьютерных классах, использование Интернета, аутентичных видео- и аудиопрограмм, видеоконференции и т.д.);

– *управленческие технологии* (деловые игры, проведение презентаций);

– *интегральные технологии* (моделирование ситуаций, профессионально-ориентированные задания, проблемный метод, работа в парах и мини-группах);

– *игровые технологии* (творческие задания, задания на быстроту реакции, на восприятие иноязычной речи, обучающие игры);

– *проектные технологии* (индивидуальные, групповые, презентации, выступления на конференциях);

– *технология развития критического мышления через чтение и письмо* (поиск и подбор профессионально ориентированных текстов, упражнений, аудио- и видеоматериалов; комментарии, реферирование и аннотирование);

– *технология интерактивного обучения* обеспечивает формирование и развитие коммуникативной компетенции (работа в парах, малых группах на занятиях и самостоятельно через Интернет).

Таким образом, в условиях глобальных социально-экономических преобразований как в России, так и в КНР, специалист юридического профиля с высоким уровнем языковой подготовки является более востребованным, в связи с чем огромное значение должно уделяться обучению иностранному языку в системе юридического образования с целью формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции как одного из элементов профессиональной компетентности юриста. Такой подход в практике обучения иностранным языкам обусловил появление новейших технологий, в основе которых лежит лично-ориентированная организация про-

цесса обучения, направленная не только на овладение студентами иностранным языком как средством общения, но и как средством профессионального общения в свете международных событий, познавательной деятельности, приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, формирования профессионально значимых качеств личности и профессионального самоопределения будущих юристов.

Список литературы

1. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Педагогика. 2003. № 3. С. 34-42.
2. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1308 с.
3. *Лабашева Н.А.* Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов юридических вузов: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар. 2003. 215 с.
4. *Лян Миньянь.* Юридическое образование в современном Китае: состояние и реформы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 213-217.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 100000 слов, терминов и выражений. М.: АСТ, 2013. 1360 с.
6. *Савина А.А.* Развитие навыков анализа международных стандартов как метод повышения эффективности обучения деловому письму // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (I часть). С. 143–146.
7. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: законодательно-правовая база проектирования и реализации. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет УМО при НМС Высшей школы. 2009.
8. *Фролов Ю.В., Махотин Д.А.* Компетентностная модель как основа оценки качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 34–41.

*Ланская И. А.,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков*

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ПРАВА

В статье исследуется специфика взаимоотношения языка и права, его структура и особенности функционирования. Проанализированы научные статьи, монографии, ряд диссертаций, в которых рассматриваются вопросы юрислингвистики. Выделены основные направления исследований на стыке языка и права.

Ключевые слова: юрислингвистика; правовые понятия; язык права; лингвистическая компетенция; правовое сознание.

Вопросы взаимоотношения языка и права интересуют и лингвистов, и правоведов. Правовые понятия и нормы могут быть выражены только посредством языка. Как утверждает немецкий лингвист Райнер Арнц, язык является единственным «рабочим инструментом» юриста, инструментом, который должен быть хорошо приспособлен для работы с «рабочим материалом», т.е. с системой правовых отношений, чтобы обеспечить ее функционирование [1, с. 206].

Взаимодействием языка и права занимается новый раздел науки – юрислингвистика, в западноевропейской науке – это правовая лингвистика. Сам термин «юрислингвистика», формулировка предмета изучения этого нового направления науки были предложены в 1999 году. Научным коллективом Алтайского и Кемеровского государственных университетов с 1999 года ежегодно выпускался межвузовский сборник научных трудов «Юрислингвистика», в котором обобщались научные разработки отечественных и зарубежных исследователей в области юрислингвистики. С 2013 года сборник приобрел статус журнала. Это было вызвано расширением географического и профессионального круга авторов и читателей. В журнале стали публиковаться результаты лингво-экспертной деятельности, научных исследований, дискуссий.

Востребованность нового научного лингвистического направления привела к развитию центров юрислингвистики в России. Среди них можно назвать лаборатории Алтайского и Кемеровского государственных университетов, Сибирскую ассоциацию лингвистов-экспертов, Московскую гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС).

С 2010 года одним из центров изучения юрислингвистики становится Ростов-на-Дону. На базе Южного федерального университета учреждена Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России. Ежегодно на базе названного университета проводится научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные процессы взаимодействия». Материалы конференции охватывают широкий круг проблем на стыке языка и права: теоретические и практические аспекты лингвистической экспертизы, речевое манипулирование, экология языка, лингвокриминалистика, методика преподавания дисциплин юрислингвистического цикла и др. [14].

Если говорить о специфике взаимоотношения языка права, то выделяют две принципиально различные сферы: первая – язык как инструмент (способ существования) юридической деятельности, вторая – естественный язык как объект юридической деятельности (и как объект законодательной деятельности, и как объект правоприменительной деятельности).

Связь языка и юриспруденции, по мнению профессора Н.Д. Голева [3, с. 44], происходит в нескольких плоскостях:

1. Язык становится объектом юридического регулирования: русский язык как государственный, русский язык в сфере действия закона о защите чести, достоинства и деловой репутации личности (оскорбление, клевета и др.), тексты как предмет авторского права и др.

2. Язык является средством законодательной деятельности.

3. Язык – это средство и/или объект правоприменительной деятельности: толкование законов и других юридических текстов, язык следствия и правосудия (протоколы, речи адвокатов и т.п.).

4. Язык – средство юридической науки.

Попытки структурировать юридический язык часто предпринимаются в языковедении, так как вопрос о структуре языка тесно связан с его функциями, а соответственно, с задачами и целями его изучения. Поэтому существует много точек зрения и критериев рассмотрения вопроса внутренней структуры языка права. Так, например, М.М. Мушнина в своей работе [7, с. 26] приводит анализ немецких и австрийских исследований, в которых юридические тексты подразделяются в рамках следующих направлений:

- правотворчество (договоры, уставы);
- осуществление правосудия (судебные решения, показания, экспертизы, иски и т.д.);

– административные тексты (ведомственный язык и язык ведомственной корреспонденции).

Среди особенностей юридического языка выделяют следующие:

– употребление юридических терминов, совпадающих со словами естественного языка. Например, терминологизированных слов, таких как *владение, обладание, вещь*;

– использование неопределенных выражений. Например, *интересы общественности, общепринятые моральные нормы, низменные мотивы*;

– псевдокомпактный стиль (исчезновение агенса, запутанные синтаксические конструкции и «непросматриваемые» сложноподчиненные предложения и др.).

В этой связи Райнер Арнтц обращает внимание на то, что причины возникновения проблем понимания между юристами и неюристами в правовой и административной области заключаются не в лексике и языковых структурах, а скорее в абстрактности специальных юридических понятийных взаимосвязей [1, с. 289].

Диапазон тем исследований на стыке языка и права весьма широк. Мы проанализировали ряд публикаций последних лет, в том числе монографии, учебное пособие и ряд диссертаций. В результате этого анализа были выделены основные направления исследований на стыке языка и права.

Говоря об особенностях языка права, большинство исследователей рассматривают вопрос соотношения языка права и естественного языка. Одной из интереснейших тем является юридическая семантика – область, берущая свое начало в классической юридической герменевтике и вобравшая в себя современные идеи философии, а затем и новые направления и методы лингвистики. Большой интерес представляют также вопросы коммуникации в суде, лингвистической экспертизы, актуальные вопросы законодательной техники, особенности общения юристов и неюристов, аспекты методики преподавания дисциплин юрислингвистического цикла [8; 11; 13].

Новый раздел науки представляет собой лингвоконфликтология, которая в первую очередь занимается исследованиями инвективной и манипулятивной функций языка, особенностями и типологией речевых конфликтов, понятием ненормативности [9; 12].

Теоретические основания экспертной деятельности лингвистов и разработку конкретных методик исследования различных видов спорных речевых произведений изучает лингвоэкспертология. описа-

нию нового вида судебных экспертиз – судебной лингвистической экспертизе, посвящена монография К.И. Бринева [2], в которой исследованы теоретические аспекты экспертологии, охарактеризованы задачи, стоящие перед лингвистом-экспертом при проведении судебной лингвистической экспертизы.

В круг проблем юрислингвистики входит рассмотрение вопросов лингвокультурологии и судебной ораторики [6; 13].

Написан целый ряд диссертаций, в которых исследуются юридические термины как языковой и социокультурный феномены, а также описываются существующие в науке подходы к различным коммуникативным ситуациям юридической действительности, например, ситуации допроса [4; 10].

Вопросам судебного дискурса посвящена монография Т.В. Дубровской [5]. На материале русского и английского языков анализируются ситуации речевого взаимодействия в ходе судебных процессов и строится модель речевого поведения судьи.

На наш взгляд, для того чтобы стать авторитетным юристом, требуется не просто знать русский язык, а знать его очень хорошо. Это необходимо для того, чтобы иметь возможность преодолеть принципиальное противоречие между необходимостью добиваться точности и однозначности нормативно-правовых актов и вместе с тем обеспечивать доступность для понимания, а следовательно – осознания и соблюдения законов людьми, для которых эти законы и создаются.

Ознакомление студентов-юристов с кругом вопросов, которыми занимается юрислингвистика, должно способствовать развитию лингвистической компетенции обучаемых, повышать уровень их лингвистического и юридического образования, содействовать развитию желания у будущих специалистов в области права изучать языковое правовое сознание. В целом это будет способствовать развитию их умения на высоком уровне выполнять свои рабочие обязанности и одновременно применять актуальные знания в сфере своей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Arntz Reiner Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik*. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2001. 420 p.
2. *Бринева К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.

3. *Голев Н.Д.* О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 43–61.

4. *Гришенкова А.Ю.* Юридический термин как языковой и социокультурный феномен: на материале немецкого языка семейного права: дис ... канд. филолог. наук. Ярославль, 2006. 291 с.

5. *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.

6. *Ипатова И.С.* Практическая риторика, или человек в контексте речи: учеб. пособие для студентов вузов. Н. Новгород: НГПУ, 2004. 346 с.

7. *Муццинина М.М.* О правовой лингвистике в Германии и Австрии / Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 20–33.

8. *Савина А.А.* Развитие навыков анализа международных стандартов как метод повышения эффективности обучения деловому письму / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (I часть). С. 143–146.

9. *Степанов В.Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

10. *Шишкина Е.В.* Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик участников коммуникативной ситуации «Допрос» (на материале немецкого языка): дис ... канд. филолог. наук. Волгоград, 2013. 180 с.

11. *Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии:* Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 234 с.

12. *Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция:* межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 452с.

13. *Юрислингвистика.* Научно-практический журнал. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та № 12 (1). 230 с.

14. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия.* Материалы Междунар. научно-практ. интернет-конференции / отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д: Ростиздат, 2011. 259 с.

*Мифтахова Э. А.,
консультант, «Tata Consultancy Services»
Лондон, Великобритания*

*Ионова С. М.,
студентка ФНО*

ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИСТА, ВЛАДЕЮЩЕГО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Авторы статьи рассматривают вопрос о необходимости владения иностранным языком будущими специалистами в области права; анализируют требования современного рынка труда и приходят к выводу, что юрист, владеющий иностранным языком на высоком уровне, имеет большие перспективы для успешной карьеры. Существующие программы изучения английского языка в академических и профессиональных целях помогают студентам повысить уровень владения речевыми навыками.

Ключевые слова: язык; международное право; юрист-международник; общество; правовая коммуникация; юридический язык; правовой документ.

Наш век знаменуется значительными изменениями в жизни России и международного общества. Для нынешнего этапа исторического развития России и мира в целом характерно расширение политических, экономических и культурных связей. В связи с этим иностранный язык, являясь способом общения и самореализации во внешнем мире, средством проникновения в инокультурный мир, становится реально востребованным.

Вступив в XXI век, объявленный Советом Европы веком полиглотов, мы не можем не заметить возросшую мотивацию современного общества к изучению иностранных языков. Но главный вопрос этой статьи состоит в том, насколько может быть полезным иностранный язык для юриста? Какие возможности он перед ним откроет?

Юристов можно поделить на четыре условные группы. Это госслужащие (включая работников МВД, прокуроров и судей). Далее – корпоративные юристы, работающие на предприятиях. Третья группа – юристы с особым статусом, прежде всего адвокаты и нотариусы. И наконец, четвертая – не имеющая такого статуса и не состоящая ни на госслужбе, ни в подчинении у крупных компаний. Это те, кто оказывает разнообразные юридические услуги населению и юридическим лицам, включая составление договоров, представление интересов в судах по различным спорам и т.д. Сюда же можно отнести тех, кто оказывает услуги по регистрации/ликвидации предприятий. Большого спроса на юристов на сегодняшний день нет. Все основные ниши заняты. И когда

где-то появляется вакансия юриста, конкурс доходит до 10–15 претендентов на одно место. Поэтому надо быть, конечно, лучшим, чтобы занять вакансию. Молодым трудно вдвойне: у них нет опыта работы, их еще никто не знает [2].

Что нужно для того, чтобы стать хорошим юристом? Требования к кандидатам, конечно, высоки. Остро необходимы, скажем, дополнительные знания и умения. Большим преимуществом перед конкурентами может стать владение иностранным языком. Как мы уже отмечали, время идет, мир меняется, усиливаются связи с различными иностранными государствами. И именно в этой сфере, в сфере международного права, России требуются специалисты, владеющими иностранными языками, что может дать дополнительный шанс в профессии юриста в частности для того, чтобы уметь составлять договоры, контракты и переводить их с одного языка на другой.

Профессия «юрист-международник» – одна из самых элитных в юриспруденции. Международно-правовая специализация является одной из четырех основных видов специализации по направлению «Юриспруденция» (помимо гражданско-правовой, уголовно-правовой и государственно-правовой специализаций). Главная сложность заключается в том, что юрист-международник обязан владеть не только знаниями в области российского законодательства, но и международного права. Более того, такой специалист всегда в своей работе вынужден использовать знания иностранных языков.

Сфера применения знаний в области международного права сейчас очень широка. Помимо традиционной занятости в Министерстве иностранных дел и международных организациях, в юристах-международниках нуждаются и в многочисленных коммерческих структурах, занимающихся внешнеэкономической деятельностью. Это связано с тем, что количество международных судебных исков увеличивается год от года, и большинство работодателей не заинтересованы в регулярной оплате услуг переводчиков [1]. Это можно хорошо отследить на конкретных примерах, таких как нашумевшее разбирательство между компаниями «Apple» и «Samsung». В дело были вовлечены юристы со знанием корейского языка. Специалисты тщательно рассматривали всю имеющуюся документацию. И можно полагать, что спрос на таких юристов в будущем будет только увеличиваться [4].

Юрист-международник должен так вести бизнес своей компании, чтобы к нему не возникало претензий ни на российской, ни на зарубежной территории. Особо ценится на рынке труда специалист,

владеющий вопросами налогообложения в России и за границей, умеющий оптимизировать налоговые схемы, в частности, с помощью оффшоров. Юрист-международник должен уметь составлять любые контракты по купле-продаже (поставке), договоры об оказании услуг, дистрибьютерские, агентские, посреднические соглашения с учетом международного торгового права. Юрист, специалист по международному праву, востребован и в государственных структурах: посольствах, консульствах, представительствах различных организаций за рубежом. В этом случае, помимо юридических и языковых знаний, он должен обладать навыками дипломата [3].

Если уровень языковых знаний недостаточен для успешной профессиональной деятельности юриста, к его услугам многочисленные курсы иностранных языков. Достаточно широкий выбор программ профессионального иностранного языка для юристов включают в себя курсы: «Английский для юристов», «Юридический английский», «Иностранный язык для специалистов юридического профиля», «Business Law», «International Legal English», «Professional English in Use Law». Можно заниматься под руководством русскоязычных педагогов, а можно – с носителями языка, причем имеющими юридическое образование и опыт юридической практики, помимо обычной квалификации преподавателя.

Продолжительность обучения: от нескольких месяцев до нескольких дней для краткосрочных тренингов. Предназначаются программы профессионального юридического языка для студентов-правоведов старших курсов, действующих юристов и всех, кому иностранный язык необходим для выполнения служебных обязанностей. В программы входит изучение реальных бизнес-кейсов, можно приносить для разбора свои документы и ситуации. Курсы юридического иностранного языка помогут овладеть специальной лексикой и грамматическими конструкциями по различным областям права; понять специфику законодательства иностранных государств, их правовую культуру.

Обучение на таких курсах поможет вам и в сдаче экзамена на международный профессиональный сертификат ILEC (International Legal English Certificate), который подтвердит ваш высокий уровень владения профессиональным и общим английским языком – на уровне Upper-Intermediate/Advanced. Сертификат очень полезен студентам, собирающимся обучаться праву в зарубежных универ-

ситетах, и молодым юристам, планирующим работать в международных организациях и применять свою специальность за границей.

С 2011 года на базе факультета непрерывного образования в Приволжском филиале Российского государственного университета правосудия существует программа «Английский язык для академических целей», в рамках которой студенты проходят подготовку к сдаче международного экзамена «IELTS», что позволяет им в дальнейшем пройти трехмесячную стажировку в правовом колледже Лондона и поступить на юридический факультет Лондонского университета.

Список литературы

1. *Барабаш О.В., Ворошилова М.Б.* Язык. Право. Общество: интегративный подход к изучению. Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 262–271.

2. *Енгибарян Р.В.* Колонка главного редактора. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Право и управление. XXI век. 2009. № 4. С. 3–4.

3. *Стрекалова К.В.* Обучение иностранным языкам юристов со специализацией в международном праве. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 11. С. 7077.

4. *Судья Ко отказал Apple в получении компенсации* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iphones.ru/iNotes/374787> (дата обращения: 22.03.2015).

*Орлова Л. Г.,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и конвенционных специальностей
ВГУВТ, г. Нижний Новгород*

ПЕРЕВОД И СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ АНГЛИЙСКИХ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В ПОДЪЯЗЫКЕ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

В статье рассматриваются структурные модели английских двухкомпонентных терминов в подъязыке «Юриспруденция» и их перевод. Анализируются значения, передаваемые адъективным компонентом, в терминах структурной модели А + N.

Ключевые слова: термины; структурные модели; перевод; значение компонентов.

Умение переводить литературу по специальности с английского языка на русский является необходимым требованием программы обучения в вузе, но оно не является самоцелью [7], а служит лишь средством для получения знаний, помогает специалистам быть в курсе достижений в своей области, что становится особенно актуальным в современном стремительно развивающемся мире, а также позволяет познакомиться с историей развития науки и прочесть в оригинале основополагающие труды.

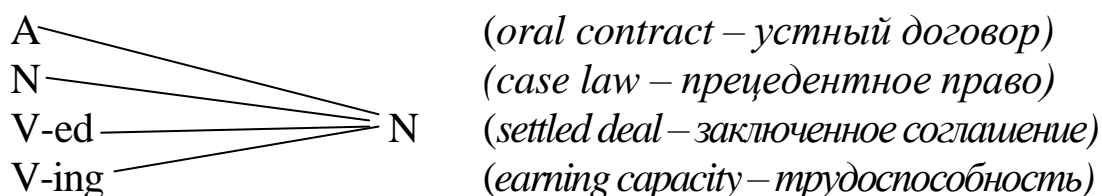
Студенты-юристы должны быть способны в полной мере самостоятельно извлекать полную и точную информацию из текста по специальности на английском языке. Это умение предполагает развитие ряда навыков работы с таким текстом на различных уровнях – лексическом и грамматическом, поскольку подъязык «Юриспруденции» как и любой другой характеризуется целым рядом особенностей. Рассмотрим лексический уровень.

Главной особенностью любого текста по специальности является наличие терминов. Термины, как и другие слова, обладают предметным или денотативным аспектом значения, который соотносит слово с предметом (денотатом, референтом), поэтому его также называют референционным значением. Другой аспект значения, который называется понятийным или сигнификативным, определяет отношение слова и мыслительного содержания, то есть понятия. Естествен-

ным свойством терминов является их «эмоционально-оценочная нейтральность, то есть их семантика равна чистому сигнификату» [2].

Термин (*лат. terminus* – предел, граница, пограничный знак) – это слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве [8]. Следует отметить, что абсолютно специфические термины, характерные для конкретного подъязыка, составляют не более 10% (*defendant* – *ответчик*; *harm* – *ущерб*; *injunction* – *судебный запрет*). Это специфические лексические единицы, которые способствуют идентификации данного подъязыка. Почти половина лексических единиц – это нейтральные лексические единицы (*direct* – *прямой, непосредственный*; *requirement* – *требование, необходимое условие*), а остальная часть представлена общенаучной лексикой или относительно специфической (*sign* – *подписывать*; *matter* – *предмет, вопрос, факт*; *interference* – *помеха, вмешательство*), которая имеет общее содержание во многих отраслях науки, что позволяет использовать ее в разных подъязиках. Однако не существует жесткой границы между понятиями некоторых методологических наук и, следовательно, терминов, их обозначающих. В некоторых случаях, если к такому термину добавлен какой-либо характеризующий признак, то он может быть включен в корпус абсолютно специфических лексических единиц.

В многочисленных исследованиях, посвященных сопоставительному исследованию двухкомпонентных терминов в разных языках [6], в подъязыке медицины [1], в подъязыке биотехнологий [4], в области юридической психологии [3] рассматриваются различные аспекты перевода, семантические и структурные особенности таких терминов. В рамках данной статьи мы попытаемся проанализировать их структурные модели и перевод в подъязыке юриспруденции. Основные структуры двухкомпонентных терминов можно представить следующими моделями:

Анализ двухкомпонентных терминов в различных подъязиках свидетельствует о том, что самой распространенной моделью является А + N. Количественные показатели колеблются в пределах от 36%

в подязыке информатики, 74% в подязыке медицины и до 92% терминологии фондового рынка и т.д.

Основные виды значений, выражаемые адъективным компонентом, можно разделить на несколько групп:

- по сфере охвата (*common law – общее право*);
- по силе или степени воздействия или характеристики (*strong case – дело, имеющее юридическую силу; strict liability – строгая ответственность; gross negligence – грубая неосторожность*);
- указание на способ достижения договоренности – устный или письменный (*oral contract – устный договор*);
- степень важности (*essential term – существенное условие*);
- степень правдивости (*false statement – ложное заявление*);
- прилагательные локализации в пространства для создания иерархической системы (*lower court – нижестоящий суд*);
- локализация места наказания (*corporal punishment – телесное наказание*);
- характеристика по сфере применения (*legal advice – консультация юриста*);
- тип или способ компенсации или убытков (*monetary damages – убытки в деньгах, денежная компенсация*);
- уточнение причины наказания (*punitive damages – штрафные убытки; убытки, присуждаемые в порядке наказания*).

В двухкомпонентных адъективно-именных словосочетаниях прилагательное стремится слиться в одно смысловое целое с определяемым существительным, в этом проявляется устойчивость словосочетаний такого типа, что позволяет им точно обозначать какое-либо понятие, применяемое в науке, технике и других сферах. Некоторые лингвисты относят двухкомпонентные атрибутивно-субстантивные словосочетания структурного типа А + N к словосочетаниям с формализованным атрибутивным значением, потому что прилагательное в таком сочетании не выполняет своей характеризующей функции. «Обладая фразеологичностью значения, такие словосочетания по своим семантическим и сочетательным свойствам приближаются к словам-терминам...» [5]. Неудивительно, что в «Американском словаре английского языка» (Webster's) некоторые двухкомпонентные словосочетания рассматриваются как существительные:

civil law – *n often cap C&L 1: Roman law esp. as set forth in the Code of Justinian 2: the body of law developed from Roman law and used*

in Louisiana, in continental Europe, and in many other countries outside of the English speaking world including esp. ... [10]

case law – *n: law established by judicial decisions in cases as distinguished from law created by legislation – called also decisional law; see also common law Merriam Webster’s Dictionary of Law. Merriam Webster. 1996.*

Однако не все двухкомпонентные термины рассматриваются в этом словаре как существительные, например, *oral contract, settled deal* – рассматриваются в качестве свободных словосочетаний.

В Большом Оксфордском словаре, одном из наиболее известных и крупнейших академических словарей английского языка, также некоторые двухкомпонентные термины трактуются как существительные [9]:

Definition of *civil law* in English:

noun

[uncountable]

1. The system of law concerned with private relations between members of a community rather than criminal, military, or religious affairs: *the owners can prosecute the individuals under civil law for trespassing*

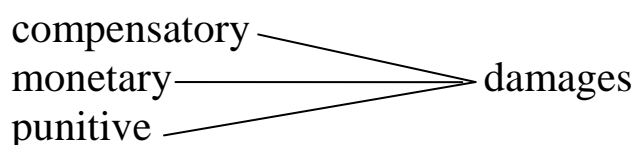
Definition of *criminal law* in English:

noun

[uncountable]

A system of law concerned with the punishment of offenders: *it is the function of the criminal law to punish* Contrasted with civil law.

Для многих двухкомпонентных субстантивных терминов характерна беспредложная сочетаемость. Это позволяет избегать многословности, помогает оптимально использовать печатное пространство. С точки зрения синтагматики для многих базовых терминов характерна «левая» и «правая» сочетаемость: N + N1 (*common law*); N1 + N (*law suit*). Студенты должны научиться четко различать терминологические сочетания подобного типа. Основное значение словосочетания заключено в последнем слове. К нему присоединяются слова слева. В этом случае оно уточняет значение ядерного компонента.

(*compensatory damages* – компенсаторные, реальные, фактические убытки; *monetary damages* – убытки в деньгах, денежная компенсация; *punitive damages* – штрафные убытки; убытки, присуждаемые в порядке наказания).

Юриспруденция – это не только совокупность знаний о законах, различных правах и обязанностях, правовых отношениях между гражданами, гражданами и государством, между юридическими лицами (организациями), но и умение применять знания на практике, вести разбирательства, судебные прения, споры; изучение действующих законов. Поскольку юриспруденция касается регулирования правовых отношений в различных сферах, это неизбежно привлекает в подъязык юриспруденции специальные термины, связанные с этими отраслями. Так, разбирательства и правовые действия в сфере экономики невозможны без соответствующих терминов: *credit report* – кредитный отчет; *financial loss* – финансовые потери, денежные убытки; *insider dealing* – незаконные операции с ценными бумагами на основе внутренней информации о деятельности компании-эмитента.

Анализ способа перевода зарегистрированных двухкомпонентных терминов показал, что подавляющая их часть переводится с помощью терминологического эквивалента: *lower court* – нижестоящий суд; *false statement* – ложное заявление. В единичных случаях использовался метод смыслового развития: *law clinic* – центр, существующий на добровольных началах, в котором можно получить бесплатную юридическую консультацию; *bin raiding* – осмотр мусора в поисках счетов и других бумаг, содержащих личную информацию.

Таким образом, двухкомпонентные термины представлены четырьмя базовыми моделями, самой распространенной является модель А + N (*legal action* – судебный иск). При переводе двухкомпонентных юридических терминов преимущественно использовался метод терминологического эквивалента.

Список литературы

1. *Апанасевич А.О.* Сравнительно-сопоставительный структурный анализ английских и русских онкологических терминов опухолей желудочно-кишечного тракта [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-sopostavitelnyy-strukturnyy-analiz-angliyskih-i-russkih-onkologicheskikh-terminov-opuholi-zheludochno-kishechnogo-trakta>.

2. *Вилькелёнок Д., Вишняускаене Д.* Сопоставительный анализ двухкомпонентных терминов электротехники в терминообразовательном аспекте [Электронный ресурс]. URL: http://www.kalbos.lt/zurnalai/10_numeris/02a.pdf.

3. *Дмитрасевич Р.Я.* Структурный и словообразовательный анализ английской терминологии юридической психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://research-journal.org/featured/languages/strukturnyj-i-slovoobrazovatelnyj-analiz-anglijskoj-terminologii-yuridicheskoj-psixologii/>.

4. *Кудинова Т.А.* Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-mnogokomponentnykh-terminov-v-podyazyke-biotekhnologii>.

5. *Кузнецова Н.И.* Составные термины и свободные словосочетания (на материале атрибутивных словосочетаний) // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения. Н. Новгород, 1996. С. 106–108.

6. *Куликова И.С, Салмина Д.В.* Введение в металингвистику. СПб.: Сага, 2002. 351 с.

7. *Орлова Л.Г., Корнилова Е.С.* Перевод научно-технической литературы // Вестник ВГАВТ. 2014.

8. *Розенталь Д.Э.* и др. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.

9. *Webster's New World College Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/84746>.

10. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

*Русакова Н. Г.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
НА МВД России,
г. Нижний Новгород*

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ЮРИСТА

В статье рассматриваются основные принципы и нормы речевого этикета юриста; необходимость их соблюдения в служебной деятельности.

Ключевые слова: служебный этикет юриста; речевой этикет; тактичность; вежливость.

Специфика профессиональной деятельности юристов сопряжена с особыми нравственными ситуациями, которые обычно не встречаются в деятельности представителей других профессий.

К работникам юридической профессии предъявляются повышенные моральные требования, что объясняется особым доверием к ним со стороны общества и ответственным характером выполняемых ими функций. Люди, решающие судьбы других, требующие от них соблюдения закона и морали, должны иметь на это не только формальное, служебное, но и моральное право.

Профессиональный этикет юриста формируется на основе взаимосвязи и взаимообусловленности правовых и нравственных принципов, норм, правового и нравственного сознания. Этикет – устойчивый порядок поведения, выражающий внешнее содержание принципов морали и состоящий из правил вежливого обхождения в обществе (манеры, одежда и др.). Устойчивый порядок поведения означает совокупность устоявшихся правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям. Ритуальные формы этикета имеют место в сфере дипломатических отношений (соблюдение так называемого дипломатического протокола [1, с. 35]).

Служебный этикет юриста – устойчивый порядок поведения юриста при выполнении служебных полномочий (например, решении юридического дела), выражающий внешнее содержание принципов морали и состоящий из правил вежливого обхождения в обществе (манеры, формы обращения и приветствия, одежда и др.) [2, с. 106].

Этикет имеет правила, которые облачены в конкретные формы, представляющие собой единство двух сторон: этической (проявление

заботы, уважения и др.) и эстетической (красота, изящество поведения).

Требования этикета в юридической практике приобретают особую значимость, так как являются строго регламентированным церемониалом, где определенные официальные формы поведения юриста не должны выходить за пределы жестко установленных рамок. Он выражается в системе правил учтивости, четко классифицирует правила обхождения с должностными лицами в соответствии с их рангом (к кому как следует обратиться, кого как должно титуловать), правил поведения в различных кругах.

Строгое соблюдение правил служебного этикета – важное условие высокой нравственной культуры поведения юриста.

Немаловажную роль в системе профессионального этикета юриста играет речевой этикет или этический аспект культуры речи юриста. Специфика культуры речи определяется не только знанием лингвистического словаря, тезаурусом личности, но и культурой общества [7, с. 3]. Культура речи рассматривается как совокупность трех взаимосвязанных компонентов: этического, нормативного и коммуникативного. Каждый из этих компонентов по-своему важен и необходим. Рассмотрим этический компонент культуры речи, или речевой этикет.

Специфика юридической деятельности такова, что юристу ежедневно приходится сталкиваться с большим количеством людей и поэтому очень трудно выбрать правила поведения с каждым. Реальные обстоятельства настолько разнообразны, что никакие правила и нормы не в состоянии охватить их полностью. Однако можно выделить главные из них, которыми должен руководствоваться юрист во время осуществления своей профессиональной работы.

К основным принципам речевого этикета юристов относится тактичность. Такт предполагает внимательное отношение к личности собеседника, умение юриста корректно обойти по возможности вопросы, которые могут вызвать неловкость у окружающих [4, с. 248]. Чувство такта можно соотнести с чувством эмоционального сопереживания с каждым из участников решения юридического дела; оно помогает определить должную меру в выражениях и поступках. Важно постоянно помнить, что соблюдение речевого этикета и проявление такта – неотъемлемая часть духовной культуры юриста как должностного лица.

К принципам речевого этикета следует отнести корректность, вежливость, любезность, доброжелательность, порядочность и др. Корректность – сдержанность в словах и манерах, исключение нелепых вопросов, чрезмерной настойчивости и т.п. Вежливость – внешнее проявление доброжелательности, обращение по имени и отчеству, душевное расположение. Любезность – готовность оказать услугу тому, кто в этом нуждается. Доброжелательность – способность творить добро. Порядочность – органичная неспособность к бесчестному поступку. Главное, чтобы за строгим соблюдением правил речевого этикета не было скрытого неуважения, недоброжелательности к людям. Если этикет будет иметь чисто внешнюю, оторванную от своего нравственного содержания, форму, строго канонизированный характер, он превратится в официальную форму лицемерия [5, с. 29].

Доброжелательность придает разговору солидность и компетентность. Следует очень осторожно проявлять свое остроумие, как бы живо оно ни было, потому что человек, находящийся в зависимом положении от юриста, не всегда его оценит положительно, а может посчитать это признаком несерьезности следователя, адвоката, судьи.

Наряду с вышеперечисленными принципами, на формирование речевого этикета юриста влияют тон и манера разговора, мимика и жесты, умение выслушать собеседника.

Тон и манера разговора имеют почти такое же значение, как и его содержание. Следует обращаться на «Вы», избегать слишком резкого тона в суждениях, потому что такая манера говорить оскорбляет гордость собеседника. По возможности, речь юриста должна быть представлена в простых предложениях. В этом случае свидетель, подозреваемый и т.д. смогут лучше уловить смысл сказанного, в том числе и юридические термины.

Нередко умную, хорошую речь портят слова-паразиты, а также поговорки, пословицы, присказки, употребляемые неоднократно и не к месту. Следует быть осторожным с употреблением иностранных слов и выражений: их значение может быть непонятным коллеге, клиенту.

Серьезной проблемой речевого этикета юриста является даже фрагментарное использование инвективной (нецензурной, бранной) лексики. Употребление в речи слов, которые по сути несут вербальную агрессию, является в высшей степени безнравственным и недопустимым для юриста.

Никогда не следует защищать своих убеждений оскорбительным тоном или повышением голоса, как бы они ни были справедливы. В жизни и в юридической практике возникают ситуации, когда требуется быть твердым во что бы то ни стало, но даже в таких случаях умеренный тон речи и доброжелательное отношение к собеседнику обязательны для юриста-профессионала. В этой связи уместно вспомнить правило: «Сила довода не в силе голоса, а в силе доказательств».

Для юриста-практика характерным должно быть умение выслушать собеседника, какой бы степени важности не была его проблема. Невнимание к словам – личная обида для говорящего, которая обязательно скажется негативно в будущем. Невнимание к словам собеседника – это и невозможность сделать выводы, упущенные мелочи в разговоре, которые часто гораздо ближе к истине, чем заключения, сделанные из двух-трех важных событий.

Благодаря этому юрист получает возможность своевременно сформировать объективное суждение о конкретной личности, о ее возможных действиях, решениях и выбрать соответствующую тактику и стратегию во взаимоотношениях. С другой стороны, манеры поведения самого юриста находятся под постоянным вниманием окружающих его лиц.

По мимике и жестам можно определить многие эмоции. Юристу предпочтительно, если есть такая возможность, общаться со всеми заинтересованными по делу лицами непосредственно, а не по телефону. Это связано с тем, что нередко по лицу человека мы узнаем больше, чем из его слов. Язык жестов и телесных движений обладает не меньшей информированностью для наблюдательного человека, чем мимика.

На межличностное общение в юридической практике очень сильно влияет то, как проявляется в жестах юриста его заинтересованность [3, с. 169].

Легче всего распознаются положительные эмоции – радость, восхищение, удивление. Труднее распознать отрицательные эмоции – печаль, гнев, раздражение, отвращение.

Голос является настолько же характерной чертой человека, как отпечатки пальцев. Говорить можно громко или тихо, гневно или любезно, успокаивающе или раздражающе. По интонации, тембру голоса можно многое узнать о человеке. Нередко одна только манера разговоров производит на собеседника такое же впечатление, как и

умные, дельные поступки [6, с. 102]. Важной особенностью голоса является то, что многие люди, выражая свои мысли, как правило, размышляют над содержанием своих слов, а не над способом их изложения. Поэтому голос следует относить к первичным проявлениям человечеством природы.

Ясное изложение мыслей – неразлучный спутник разума, лучшее его украшение, и нет ни одной ценной мысли, которая бы не выиграла, будучи изложена четко и логично. Меткость и уместность сказанного слова имеют часто решающее значение для того понятия, которое им выражается.

Таким образом, значение речевого этикета состоит в том, что он придает нравственный характер деятельности, осуществляемой юристами-профессионалами. Нравственные нормы наполняют юридическую деятельность в целом гуманистическим содержанием.

Речевой этикет способствует правильному формированию сознания, взглядов юристов, ориентируя их на неукоснительное соблюдение нравственных норм, обеспечение подлинной справедливости, защиту прав, свобод, чести и достоинства людей.

Список литературы

1. *Баева О.А.* Ораторское искусство и деловое общение. М., 2007.
2. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Деловая риторика. Ростов на/Д, 2007.
3. *Демиденко Л.П.* Речевые ошибки. М., 2006.
4. *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста. М., 2008.
5. *Кивайко В.Н.* Юридическая психология. М., 2008.
6. *Уитмор Ж.* Деловой этикет. Основы этикета, которые помогут вам добиться успеха в бизнесе. М., 2007.
7. *Сташ С.М.* Культура речи в процессе социальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2005.

*Савина А. А.,
преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

*Джеремии Кловер,
English Language Tutor, «London» Language School
США, Мичиган*

ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАВЫКАМ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

В статье рассматривается необходимость развития речевой компетенции будущих юристов в сфере делового письма. Повышение уровня «функциональной грамотности» предлагается осуществлять в рамках интегрированных курсов по обучению международным стандартам составления документации. Такой подход в обучении поможет сделать более эффективной подготовку студентов и дать им системное представление об особенностях деловой коммуникации в деловой сфере.

Ключевые слова: языковая и речевая компетенция; «функциональная грамотность»; стандарты делового письма; лингвистический анализ текстов; интегрированные курсы.

Стремительно меняющееся общество, взгляды и потребности населения ярко отражаются на форме и содержании документов, «являющихся производными от развивающихся экономико-правовых и социально-политических реальностей» [1].

На современном этапе развития профессионального образования большое внимание уделяется подготовке специалиста, способного самостоятельно решать проблемы в различных сферах на основании полученных знаний и опыта. В перечне компетенций, которыми должны обладать выпускники правовых специальностей, называются умение формировать пакет документов, самостоятельно совершенствовать устную и письменную речь и др. В процессе организации процесса обучения, отбора содержания образования и составления критериев для оценки знаний необходимо учитывать особенности социального заказа общества на современном этапе.

Большое внимание в практике преподавания филологических дисциплин в современной высшей школе должно уделяться развитию коммуникативных способностей. Многие ученые, занимающиеся исследованиями в сфере документной лингвистики, считают, что при обучении специалистов в профессиональных учебных заведениях «языковая подготовка должна рассматриваться как обязательная для любого направления обучения» [2], и это обучение должно носить больше прикладной характер.

В сфере развития языковых и речевых навыков в конце XX века появляется термин «функциональная грамотность», который подразумевает способность самостоятельно выполнять стандартные операции с информацией, при этом подразумеваются навыки выбора лексических средств и подбора структуры текста в соответствии с поставленной задачей (прагматической составляющей).

Коммуникативная компетенция, по мнению Г.Г. Протасовой, делится на:

- лингвистическую («включающую в себя знания о функциях языковых единиц и умения анализировать их»),
- языковую («определяемую как знание норм русского языка и официально-делового стиля»),
- дискурсивную («предполагающую умение продуцировать тексты определенного жанра официально-делового стиля»),
- прагматическую [3, с. 14].

На сегодняшний день следует констатировать невысокий уровень языковой, речевой и социокультурной компетенций у учащихся профессиональных учебных заведений.

При небольшом количестве часов, выделяемом на дисциплины языкового цикла, выход для решения сложившейся проблемы мы видим в организации курсов (факультативов) по обучению навыкам лингвистического анализа текста с целью выявления международных стандартов для дальнейшего создания наиболее распространенных видов деловых документов – способности, которая может пригодиться будущим юристам в профессиональной, академической и бытовой сферах.

Необходимо признать, что в условиях большого потока информации, в том числе делового характера, невозможно обойтись без стандартизации, и осознать тот факт, что применение стандартов в официально-деловой сфере оправданно, так как обеспечивает быстроту обмена информацией, облегчает машинную обработку и экономит си-

лы и время работников. Особое значение имеет стандартизация документов, используемых в *международном* деловом общении.

В качестве дидактического наполнения курса мы предлагаем использовать интернет-ресурсы с образцами различных типов документов, иностранные словари и пособия («Longman Exam Dictionary», «Business Writing Clear and Simple» и др.), где можно встретить разделы, дающие примеры и рекомендации по правильному составлению тех или иных деловых текстов (порядок оформления, стандартные речевые выражения и др.)

Предлагаемый нами курс основан на интеграции двух *языковых* дисциплин, главное место в котором занимает обучение специфике официально-делового стиля на русском и английском языках, и применение этих знаний при продуцировании собственных документов. В школьных и вузовских учебниках тексты официально-делового стиля занимают незначительное место по сравнению с художественными, публицистическими, учебными. С этим связан определенный пробел в подготовке будущих правоведов: с текстами делового характера многим из них предстоит иметь дело в будущем.

Обучение в рамках интегрированного курса по деловому письму (на материале русского и английского языков), сравнение разноязычных текстов с целью определения международных требований и оптимальных вариантов, развитие навыков исследовательской работы, способствующих мотивации студентов к изучению делового письма, способны оптимизировать процесс преподавания, обучая студентов самостоятельно работать с источниками информации (словарями, образцами текстов, специальными пособиями), повышают мобильность и конкурентоспособность будущих специалистов.

Курс «Международные стандарты делового письма» успешно используется при обучении студентов Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия.

Проводимая нами работа не решает всех проблем, связанных с обучением студентов деловому письму. Для дальнейших исследований представляет интерес более подробное изучение межкультурных особенностей деловой коммуникации в письменной и устной формах, обучение навыкам профессионального перевода документации, обучение особенностям составления юридических документов на русском и английском языках.

Список литературы

1. *Комаров А.Н., Попова Е.П., Фадеева Ю.С., Цыплакова Т.Н.* Язык и стиль судебных документов. С. Петербург. «Кадис». 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.k2x2.info/jazykoznanie> (<http://lib.rus.ec/b/190167/read>) (дата обращения: 23.03.2013).

2. *Кушнерук С.П.* Документная лингвистика: учеб. пособие. Флинта-наука. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://lingvodocum.ru/dokling/Sergey-Petrovich-Kushneruk_Dokumentnaya-lingvistika/25.html (дата обращения 26.12.2012).

3. *Протасова Г.Г.* Формирование коммуникативной компетентности студентов-переводчиков на занятиях по стилистике русского языка: на материалах вторичных текстов официально-делового стиля: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Самара. 2007. 156 с.

Сметанина Н. П.,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Упсала, Швеция

Фролова И. А.,
кандидат филологических наук, профессор,
НГПУ им. Козьмы Минина,
г. Нижний Новгород

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ГЛАГОЛ *РЕКТИ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ

Статья представляет собой опыт системного описания лексических единиц, исторически восходящих к корню праславянского глагола **pekti*. В работе использованы элементы разных видов лингвистического анализа (этимологического, морфемного, семантического и др.); акцент делается на установлении генеалогической общности семантики выбранных лексических единиц и выяснении возможных путей развития их современных значений.

Ключевые слова: лексическая единица; этимология; морфемика; семантика; лингвистический анализ; генеалогическая общность.

Формирование коммуникативной компетенции будущих юристов не сводится к освоению профессиональной лексики и элементов речевых стилей, а является частью единой гуманитарной составляющей вузовского образования. Это нацеливает педагога-речевода на кропотливую работу над созданием у учащихся целостного представления о системе языка и его включенности в национальную и мировую историко-культурную парадигму. Выполнение столь масштабной задачи невозможно без создания особого лингводидактического материала, совмещающего в себе научную достоверность и практическую направленность на нужды обучения родному языку.

История современного русского глагола *печь* – «1) готовить пищу сухим нагреванием на жару; 2) обдавать зноем, жаром; палить, жечь; 3) *разг.* о чувстве жжения, сильного жара» – насчитывает не одно тысячелетие. Сам глагол имеет праславянское происхождение, т.е. он возник в период между III тыс. до н.э. и первой половиной I тыс. н.э., однако корень этого слова берет свое начало в праиндоевропейском языке, существование которого относят к V–IV тыс. до н.э.

Применительно к праиндоевропейскому языку этот древнейший корень реконструируется как **requō*. Со временем лабиализованный заднеязычный в исходе корня во многих языках, в том числе и в праславянском, заменился обычным заднеязычным: **pek* – такой корень с небольшими звуковыми различиями фиксируется, например, в др. инд. *rācati* – «варит», алб. *rjek* – «пеку», лит. *kerù* – «то же, с перестановкой согласных» и др.

Иное фонетическое обличье корень получил в латинском языке: из начального **requō* в результате ассимиляции согласных возникло **quequo*, которое затем преобразовалось в *sōquo* – «печь». Производное от этого глагола существительное *sōquus* («повар») имеет потомков в разных европейских языках: англ. *cook* – «приготавливать пищу», нем. *Küche* – «кухня», гол. *kok* – «повар» и др.

Латинские родственники корня есть и в современном русском языке. В XVI в. из немецкого языка через польский, вытеснив старое русское слово *поварня*, пришло существительное **кухня**: «1) помещение с печью или плитой для приготовления пищи || набор мебели для такого помещения || оборудованная для приготовления пищи повозка, машина... следующая за войсками в походе; 2) приготовление пищи,стряпня || перен.; пренебр. или шутол. скрытая, закулисная сторона какой-л. деятельности; 3) кушанья, подбор кушаний». В Петровскую эпоху появилось голландское заимствование **кок** в значении «корабельный повар».

Вернемся однако к фонетической истории корня **pek* у славян. Прежде всего она связана с 1 палатализацией задненёбных согласных: в инфинитиве праславянского глагола **pekti* (а также в омонимичном существительном) имело место звукосочетание **kti*, которое по-разному трансформировалось в разных группах славянских языков.

У восточных славян звукосочетание **kti* преобразовалось в [ч], что привело к возникновению чередования *к/ч* (см.: *печь, пеку, печешь и др.*; **пекарь** – «рабочий, занимающийся выпечкой хлеба»; **пекарничать** – «разг. заниматься выпеканием хлеба, быть пекарем», **печево** – «прост. печеная еда, преимущественно хлеб, печенье»; **печение** – «1) действие по глаг. *печь*; 2) (-ье) разг. то, что испечено; 3) (-ье) кондитерское изделие в виде кусочков из обычно сладкого теста» и др.).

У большинства сегодняшних слов с таким чередованием связь с первоначальной семантикой корня очевидна. Иногда она без труда восстанавливается на основе знания законов переноса (так, в глаголе **запечься** – «1) покрыться корочкой при приготовлении в печи, в духовке; 2) свернуться, загустеть (о крови); 3) пересохнув, покрыться плен-

кой, потрескаться (о губах)» – второе и третье значения слова суть метафоры первого, прямого значения). Встречаются однако и такие слова, пути смыслового развития которых остаются до конца неясными (примеры: просторечное значение «отправить куда-л. против воли || лишить свободы, подвергнув какой-л. каре» у глагола *упечь* и переносное значение «донять» («вывести из терпения, из равновесия, не давая покоя, досажая чем-л.») у глаголов *допечь* и *пропечь*).

В южнославянском диалекте **kŭti* превратилось в [шт'], отсюда старославянские *пешти*, *пешти*. При заимствовании старославянских слов русским языком звук [шт'] заменялся на [щ']. Так, к примеру, появилось не употребляемое ныне, но фиксируемое лексикографическими источниками церковнославянское существительное *пещь*. Это слово можно встретить в библейских выражениях *пещь огненная* и *яко отроки в пещи огненной*, восходящих к легенде о трех юношах, друзьях пророка Даниила, которые были брошены в огонь за отказ поклониться идолу, но были сохранены архангелом Михаилом и вышли из огня невредимыми.

Тем же путем пришло в наш язык и существительное *пещера* – «находящееся под землей или внутри горного массива углубление, полое пространство с выходом наружу». Это слово было заимствовано из старославянского языка, где оно являлось суффиксальным образованием от существительного *пешти* и буквально означало «похожая на печь».

В современном слове и его производных *пещерный* («1) прил. к пещера || живущий в пещерах || находящийся в пещере; 2) относящийся к доисторическому времени, когда люди жили в пещерах»), *пещеристый* («1) изобилующий пещерами; 2) анат. губчатый по строению, с большим числом пустот, каналов); *пещерник* («устар. отшельник, живущий в пещере») связь с изначальной семантикой корня утрачена.

Интересно, что наряду со старославянизмом *пещера* русский язык сохранил и исконный восточнославянский вариант этого слова – *печора*. О его происхождении свидетельствует звук [ч] в корне и не характерное для старославянского языка изменение *e* в *o* под ударением в суффиксе. В словаре В. Даля слово *печора* показано как синоним слова *пещера*, однако сейчас оно используется только в качестве топонима или элемента административных и культурно-исторических наименований: *Печора* – река на севере России, получила название из-за обилия пещер в нижнем течении; *Печора* – город в Псковской об-

ласти, возник как обитель отшельников, живших в выкопанных ими пещерах; **р-н Верхние Пещеры в Н. Новгороде, Киево-Печерская лавра** – **названия** связываются с историей ранних православных монастырей, имевших вид земляных пещер.

Наряду с палатализацией, фонетической особенностью праславянского языка было качественное чередование корневых гласных *e//o*. Таким чередованием был отмечен и корень **pek*. Об этом свидетельствует ряд современных слов, сохраняющих в своей структуре элементы древней звуковой формы корня с гласным [o]. Прежде всего к ним относятся существительное **пот** («1) бесцветная жидкость, выделяемая подкожными железами || выделение этой жидкости; 2) *разг.* влажный налет на поверхности предметов, появляющийся при их соприкосновении с воздушной средой более высокой температуры») и его производные: **потеть** – «1) покрываться потом || *прост.* трудиться над чем-л. долго и упорно; 2) становиться влажным от осевших паров»; **потный** – «1) покрытый потом || пропитанный потом 2) покрытый влажным налетом, каплями осевшего пара; запотевший; 3) *устар.* сырой, влажный (о местности)»; **потливый** – «склонный к потению, сильно потеющий» и др.

Слово *пот* представляет собой общеславянское образование с перегласовкой *e/o* и суффиксом *-ть* от глагола **pekti*: первоначальная форма *roktь* после упрощения групп согласных превратилась в *пот*. Развитие семантики, согласно П. Черных, шло в метонимическом направлении: «старшее значение, вероятно, "зной, жара", отсюда "физиологические явления, связанные с жарой"». Того же мнения и другие этимологи, например Н. Шанский: «*пот* буквально – "то, что выделяется от жары"».

Сема «жар, жара», которая, кстати, объединяет и три современных значения глагола *печь*, могла стать основой развития общезыкового значения другого слова с перегласовкой *e/o* – *опока* («ящик без дна и верха для изготовления литейной формы»): помещенные в литейную форму (опоку) изделия из металла подвергались обжигу в печах, «пеклись». Возможно, эта же причина объясняет и устаревшее, но сохраняемое в диалектах значение слова *опока* «меловой известняк, белая сероватая глина»: в словаре В. Даля одно из определений опоки – «глина для отливки чугуна».

Вместе с тем в той же словарной статье есть материал, позволяющий выдвинуть иную версию мотивировки значения. «Вязкая глина, *опока*, пристаёт к сошнику и заступу, липнет или опекает», – пишет

ученый. Слово *опекать* во времена В. Даля, согласно его же словарю, означало «обваляв запечь, обложив чем испечь»; примеры употребления: «окуней опекают в яйцах с мукою; опеченный лещ». Таким образом, в данном случае мог иметь место не метонимический, а метафорический перенос: глина пристаёт, прилипает к сельскохозяйственным орудиям, «припекается» к ним, подобно муке и яйцам, которые припекаются к рыбе или другим продуктам.

В пользу этой версии говорит и комментарий В. Даля к еще одному, утраченному ныне значению слова *опока* – «иней на деревьях, косматая изморозь». Читаем: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, налипает, опекает его». Нетрудно заметить, что логика описания здесь та же: иней – это влага, которая пристаёт, примерзает к дереву, как бы припекается к нему.

Третья, последняя, группа слов, сохраняющих следы чередования гласных *e/o* в праславянском корне **рек-*, – это существительное *почки* /ед. *пóчка* («1) парный орган образования и выделения мочи у человека и животных; 2) этот орган некоторых животных как пища») и его производные: *почечный* – «прил. к *почки*»; *надпочечники* – «анат. один из органов внутренней секреции позвоночных животных и человека в виде двух желез, лежащих на верхней стороне почек» и др.

Слово *почка* как название внутреннего органа¹ образовано в древнерусском языке как суффиксальное производное от исчезнувшего существительного *пока*, в свою очередь произведенного с перегласовкой *e/o* от глагола **pekti*. Изначальное значение слова – «то, что пекут, готовят для еды».

Интересно, что тот же путь семантического развития (от названия пригодной в пищу после термической обработки части туши животного до общеязыкового по характеру употребления термина) в русском языке проделало однокоренное, но без корневого чередования гласных, существительное *печень*. В общеславянском языке оно было образовано от страдательного причастия прошедшего времени *печень* и буквально означало «жареный»; сейчас слово имеет значение «крупная железа человека и животных, вырабатывающая желчь и участвующая в процессах пищеварения, обмена веществ и кровообращения» (ср.: польск. *pieczeń* – «жаркое»; *wątroba* – «печень»). Упомянем здесь же

¹Омонимичное существительное *почка* в значении «зачаток побега, листка или цветка» имеет иное происхождение. Это общеславянское производное от исчезнувшего *поча*, образованного с помощью суф. *-j-* от **pъka*, родственного лит. *pūsti* «отекать, пухнуть».

разговорное слово-синоним, которое в общеязыковом варианте используется для обозначения блюд из печени: *печёнка* – «1) печень животного как пища; 2) *разг.* то же, что печень || (мн.ч.) *прост.* употребляется как обозначение не только печени, но внутренностей вообще».

Связь с праиндоевропейским корнем **pek-* восстанавливается сегодня также в нескольких группах родственных слов, которые, являясь историческими потомками корня, в современном языке практически утратили смысловую и словообразовательную связь с прародителем. К числу этих групп относится, к примеру, вся современная лексика с корнем *печат-*.

Рассмотрим для начала общеславянское по происхождению существительное с основой, равной интересующему нас корню: *печатъ* – «1) прибор с вырезанными знаками для оттискивания их на чем-л. (бумаге, сургуче, воске) || оттиск этих знаков, служащий... для засвидетельствования, удостоверения чего-л.; 2) *перен.* след, отпечаток чего-л.; 3) процесс изготовления текста, рисунков и т. п. типографским способом || публикация... 4) отрасль производства, занятая изготовлением типографским способом произведений; издательское и типографское дело; 5) внешний вид напечатанного, определяемый особенностями... шрифта, характером изображения и способом печатания; б) совокупность печатаемых, обычно периодических изданий; пресса».

Вначале образованное от глагола **pekēti* с помощью суффикса **tь* (ћ >а после мягкого [ч]) существительное было многоморфемным, затем подверглось опрощению и стало корневым. Семантика слова, напротив, заметно расширилась. Изначально оно означало «выжженный знак, тавро» (таким способом помечали домашний скот его владельцы) и – по закону метонимии – «орудие для выжигания знака». Сегодня оба значения представлены как варианты первого лексико-семантического варианта слова. Вторым (переносным) значением стала языковая метафора «след, отпечаток чего-л.». В середине XIX в. появилось значение «то, что печатается, печатное слово», которое в дальнейшем развилось в систему метонимичных вариантов лексемы (значения 3–6).

В современном языке существительное *печатъ* входит в весьма многочисленное словообразовательное гнездо, где представлены слова практически всех значимых частей речи. Существенную часть из них составляют глаголы, образованные различными аффиксальными способами от глагола *печатать* – «1) воспроизводить... знаки, изображения... оттискивая с типографских наборов, клише... с помощью специальных приспособлений, машин || помещать в печати; публиковать ||

...сообщать о чем-л. печатно...; 2) воспроизводить... текст на пишущей машинке; 3) воспроизводить (фотоснимок) с негатива; 4) *разг.* ставить печать на что-л. || *устар.* опечатывать».

Семантика этих глаголов, в основном, складывается из семантики корня и семантики словообразующих аффиксов, например: **печататься** – «1) помещать свои произведения в печати; публиковаться; 2) страд. к *печатать*» (ср. возвратное и залоговое значения постфикса *-ся*); **допечатать** – «1) напечатать до конца... до какого-л. предела; 2) напечатать дополнительно» (ср. значение приставки *до-*: «1) доведение действия до его завершения, конца; достижение цели, пределы действия; 2) пополнение чего-л. до известной меры, до нормы, а также прибавка сверх чего-л.»); **перепечатать** – «1) напечатать с какого-л. печатного текста; 2) переписать (на пишущей машинке)» (ср. значение приставки *пере-*: «повторение действия заново, еще раз или иначе»).

Поскольку семантические структуры таких глаголов, как правило, весьма прозрачны, нет смысла рассматривать их подробно. Остановимся лишь на некоторых нестандартных значениях отдельных из них. Так, нам кажется интересным посмотреть на переносные значения глагола **припечатать**: «с силой, крепко прижать, придавить» и «*прост.* сказать что-л. дать характеристику... так кратко и выразительно, что все становится ясным». В данном случае мы имеем дело с языковой метафорой, развитие которой шло в направлении усиления абстракции: от сходства двух физических действий к сходству действий физического и речевого. Метафорическим переносом на речевую деятельность отмечено также просторечное значение глагола **отпечатать** – «сказать что-л. четко, категорически»¹.

Иные сферы человеческого сознания нашли отражение в семантике глаголов **запечатлеть** («1) передать, воплотить в чем-л.; 2) закрепить, сохранить (в памяти); 3) отметить, ознаменовать чем-л.») и **впечатлять** («*разг.* производить, оставлять впечатление»), а также в значениях слов, производных от второго глагола: **впечатление** – «1) образ, след, отражение, оставляемые в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира; 2) влияние, воздействие на кого-л.; 3) мнение, оценка, сложившиеся после знакомства, соприкосновения с кем-, чем-л.»; **впечатляющий** – «производящий сильное впечатление»; **впе-**

¹Заметим попутно, что «речевая» метафора есть и среди значений приставочных глаголов с исходным корнем **рек*: **распечь** – «сделать строгий выговор, разбранить». Возможно, этот языковой перенос осуществлялся с учетом «жаркой» эмоциональной составляющей, которая неизбежно присутствует в подобных речевых ситуациях.

чатливость – «способность легко и живо воспринимать впечатления» и др.

В этимологическом словаре Н. Шанского из указанного выше ряда слов отмечен только глагол *запечатлеть*. Автор сообщает, что это слово было заимствовано из старославянского языка, где оно, вероятно, являлось суффиксально-префиксальным производным от *печать* и сначала буквально означало «скрепить печатью», затем – «утвердить», затем – «сохранить в душе, воплотить» (в произведении искусства). М. Фасмер также представляет лишь одну из названных лексических единиц – существительное *впечатление*. По мнению автора, слово является калькой с немецкого *Eindruck*, которое, в свою очередь, калькирует французское *impression* – «впечатление».

Гораздо более подробную информацию дает В. Виноградов: «Глагол *печатлеть* и производные от него *запечатлеть* и *напечатлеть* вошли в словарь русского литературного языка из языка старославянского... В глаголе *запечатлеть* рано обозначились переносные значения: 1) "ознаменовать, отметить, засвидетельствовать" и 2) "укрепив в уме, памяти, душе, надолго сохранить". По-видимому, параллелен был путь развития и книжного глагола *впечатлеть*, в котором, наряду с прямым, конкретным значением "оттиснуть печать", развилось переносное значение: "внедрить, вкоренить"...

Слово *впечатление* послужило формой выражения значений латинского *impressio* в научном языке конца XVII – начала XVIII вв. (...) ...в русском литературном языке начала XVIII в. слово *впечатление* сперва приобретает значение "образ, отражение, след, оставляемый в сознании человека окружающими предметами, лицами, событиями", а затем, во второй половине XVIII в., развиваются в нем под влиянием французского *impression* значения "воздействие, влияние, эффект; вызываемое кем-нибудь мнение, представление, оценка, отпечаток в сознании". (...)

Для выражения понятий, связанных с французским *impressionnable* и *impressionnabilité*, в русском литературном языке 30-40-х годов возникают слова *впечатлительный*, т.е. "способный легко и быстро воспринимать впечатления, глубоко поддаваться им, очень восприимчивый" – и *впечатливость*, т.е. "способность легко и быстро воспринимать впечатления и остро реагировать на них"» [См.: etymolog.ruslang.ru].

Завершая разговор о современной русской лексике с корнем *печат-*, рассмотрим любопытную с семантической точки зрения пару при-

лагательных: **печатный** – «1) относящийся к печатанию, к печати || предназначенный... для печатания; 2) сделанный при помощи печатания... 3) напечатанный, опубликованный в печати; 4) имеющий форму, вид напечатанного (*печатные буквы*); 5) с выдавленными, вытисненными узорами, знаками (*печатный пряник, печатное кольцо*)» и **непечатный** – «грубый, непристойный (о словах, брани и т.д.)». Несмотря на то что эти слова похожи на однокорневые антонимы (ср.: *хороший – нехороший, веселый – невеселый*) они таковыми не являются. Вместе с тем для современного носителя языка очевидно, что исходным пунктом развития значения разговорного слова *непечатный* послужила именно антонимия: грубые, непристойные высказывания не подлежат печати, не могут быть или стать печатными.

Рассмотрение следующей, не менее интересной группы дальних семантических родственников праславянского глагола **pekti* начнем с прилагательного **беспечный** – «не проявляющий нужного внимания, предосторожности; не задумывающийся о возможных последствиях своих действий; беззаботный || не обремененный заботами, свободный от забот || выражающий беспечность». Слово является исконно русским суффиксально-префиксальным производным от утраченного ныне, но сохранявшегося еще в XIX веке в диалектах древнерусского существительного *печа* – «забота, хлопоты». Внутренняя форма существительного – «то, что жжет, печет, беспокоит».

Прямым потомком этого слова в сегодняшнем языке является глагол **печься 2** – «заботиться», омонимичный глаголу того же состава, значения которого коррелируют с исходной семантикой праиндоевропейского корня: **печься 1** – «1) приготовляться для еды сухим нагреванием на жару (о пище); 2) *разг.* подвергаться действию солнечных лучей или... жара, сильного тепла; 3) *страд.* к *печь* (в 1 и 2 знач.)». В дальнейшем исконно русское слово *печа* заменилось существительным **опека**, заимствованным из польского языка в XVI в., в русских словарях отмечается с XVIII в. Польское слово, в свою очередь, было калькой латинского *procuratio* – «попечение», включающего в себя, помимо приставки и суффикса, корень *cūra* – «забота»¹.

В современной семантической структуре слова исходное значение сохранилось, хотя и отошло на периферию, уступив место двум другим, метонимичным значениям: «1) попечение о личных и имущественных правах недееспособных граждан (малолетних, душевнобольных и т.п.),

¹В русском языке также есть слова с этим корнем: *куратор, аккуратный, прокурор* и пр.

а также наблюдение за ними, возлагаемое государством на кого-л. и осуществляемое под контролем государственной власти; 2) несколько лиц или учреждение, на которые возложено это попечение, наблюдение; 3) забота, попечение».

Соответствующую семантику имеют и лексические единицы того же корня с приставкой *по-*: **попечение** – «забота, наблюдение, связанные с ответственностью за кого-, что-л.»; **попечитель** – «1) тот, кто осуществляет попечительство над кем-л.; 2) в дореволюционной России должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-л. ведомства... а также лицо, назначавшееся почетным руководителем... учреждения»; **попечительство** – «1) система мероприятий для содействия несовершеннолетним и физически беспомощным взрослым в защите их законных прав и интересов || то же, что попечение; 2) благотворительное учреждение в дореволюционной России для оказания помощи кому-л.; 3) должность попечителя» и др.

Не так очевидна сема «забота, хлопоты» в значениях слов **обеспечить** («1) предоставить достаточные материальные средства к жизни; 2) снабдить кем-, чем-л. в достаточном количестве; 3) создать... необходимые условия для осуществления чего-л., гарантировать что-л.; 4) *устар.* оградить, защитить, предохранить»); **обеспечение** («1) действие по глаг. *обеспечить*; 2) деньги, материальные средства... предоставляемые... с целью обеспечить... существование; 3) то, что обеспечивает сохранность, исполнение... служит ручательством, гарантией чего-л.»), **обеспеченный** («не испытывающий материальных затруднений») и др. В данном случае мотивирующий элемент значений, скорее всего, создание безбедной жизни, жизни без забот и хлопот.

Тот же семантический компонент («забота, хлопоты») лежит в основе последней из рассматриваемых групп лексики – родственных слов с корнем *печал-*. Исходным здесь является общеславянское существительное **печаль** – суффиксальное производное от **печа** («забота»); словообразовательный суффикс *-ћль* (ср.: *метель*) преобразовался в *-аль* после мягкого согласного, затем слово подверглось опрощению.

В современном языке значение существительного в первую очередь связано с человеческой эмоцией: **печаль** – это «чувство грусти и скорби, душевной горечи», а также «то, что печалит, событие, обстоятельство... вызывающее чувство грусти и скорби». Вместе с тем третье, разговорное, значение слова по-прежнему «забота, беспокойство»; в этом же значении оно используется в устойчивых выражениях **не моя** (*твоя, его...*) **печаль** («не мое дело, меня не касается») и **мне** (*тебе,*

вам...) **какая** (или что за) **печаль** («какое мне дело»). Значения других членов словообразовательного гнезда практически не выходят за рамки указанного смыслового поля: **опечалить** – «вызвать... чувство печали, грусти; огорчить, расстроить»; **печальный** – «1) испытывающий чувство печали; грустный || выражающий печаль... 2) вызывающий... печаль || проходящий, протекающий в печали; 3) достойный печали, сожаления || дурной, предосудительный; **печальник** – «устар. 1) тот, кто скорбит за других, страдает из-за чьих-л. печалей, горестей; 2) тот, кто печется, заботится о ком-, чем-л.» и т.п.

*Соколова Е. Г.,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков и конвенционной подготовки
ВГУВТ, г. Нижний Новгород*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

В статье рассматривается вопрос целеполагания в современном иноязычном образовании студентов бакалавриата юридических факультетов с выделением межкультурного аспекта в качестве необходимого компонента в языковой подготовке будущих специалистов к профессиональному общению на межкультурном уровне; раскрывается понятие «межкультурная компетенция»; приводятся примеры практической работы преподавателей по формированию умений межкультурного общения студентов-юристов.

Ключевые слова: компетентностный подход; личностно ориентированное образование; профессиональная деятельность; профессионально-ориентированное общение; межкультурная коммуникация; межкультурная компетенция; вторичная языковая личность.

Интеграция российской системы высшего образования в общеевропейскую систему на основе Болонского процесса, переход к уровневой модели, а также ориентация целей высшей школы на компетентностный подход привели к существенным изменениям и в области иноязычного образования в российских вузах. Современный неязыковой вуз должен подготовить специалиста, способного успешно осуществлять трудовую деятельность в условиях поликультурного и мультилингвального сообщества и совершенствовать свои профессиональные навыки посредством сотрудничества с зарубежными коллегами.

Экономическое и социально-политическое развитие России способствовали приоритетному положению иностранного языка, знание которого стало неотъемлемой частью личной и профессиональной жизни человека. В парадигме личностно-ориентированного образования языковая подготовка в высшей школе является средством профессионального развития личности студента. По мнению Е.И. Пассова, дисциплина «Иностранный язык» является образовательной дисциплиной, целью которой является «развитие индивидуальности учащегося для подготовки его как нравственного человека к диалогу культур» [4, с. 163].

Иноязычная подготовка студентов по специальности 030900 «Юриспруденция» носит профессионально ориентированный характер. Целью профессионально ориентированного иноязычного образования, по мнению методистов, является «овладение иностранным языком как средством кросскультурного общения, т.е. повышение уровней коммуникативной и межкультурной компетенций в контексте будущей профессиональной деятельности» [5, с. 2].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр») разработан на базе компетентностного подхода к высшему профессиональному образованию. Согласно ФГОС ВПО, бакалавр-юрист готовится к осуществлению следующих видов профессиональной деятельности: нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная и педагогическая [8]. Выпускник юридического факультета должен быть способен и готов решать такие профессиональные задачи, как: подготовка нормативно-правовых актов; принятие решений по реализации правовых норм; составление юридических документов; обеспечение законности и безопасности личности, общества и государства; защита собственности; консультирование по вопросам права; преподавание правовых дисциплин; осуществление правового воспитания; участие в проведении научных исследований; обработка правовой, социальной, экономической и другой эмпирической информации на основе использования современных информационных технологий; подготовка публикаций, обзоров и аннотаций по правовой проблематике. Все перечисленные выше требования ФГОС ВПО к направлению подготовки «Юриспруденция» свидетельствуют о том, что иностранный язык, являясь обязательной дисциплиной базового цикла, должен быть одним из средств формирования общей профессиональной компетентности студентов юридических факультетов. По мнению ученых, в области методики преподавания иностранных языков иноязычное образование играет важную роль в становлении специалиста новой формации. Лингвистическая подготовка будущих юристов является фактором их культурного, интеллектуального и личностного развития.

Мы хотели бы уделить особое внимание межкультурному аспекту иноязычного образования юристов. Юридическое образование отражает нравственные и культурные ценности России и зарубежных стран.

Право – продукт социального развития и национальной культуры; право и закон регулируют общественные отношения в разных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях. Специалист в области права должен быть готов реализовать свою профессиональную компетентность в условиях активизации международного сотрудничества и культурной глобализации. Обозначенные условия требуют от выпускников юридических факультетов владения иностранным языком на уровне, достаточном для осуществления продуктивной профессиональной коммуникации с носителями изучаемого языка, которые являются также носителями другой культуры. В рабочей программе Волжского государственного университета водного транспорта (ФГБОУ ВО «ВГУВТ») дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» в списке общекультурных и профессиональных компетенций, формируемых посредством изучаемого иностранного языка, мы считаем необходимым выделить ОК-13: «владеет необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке» [6]. Такая формулировка цели лингвистической подготовки юристов указывает на то, что студенты должны научиться не только работе с юридическими текстами и документами, но и овладеть умениями межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

Будущие юристы могут быть задействованы в процесс непосредственного профессионально ориентированного иноязычного общения уже на этапе получения высшего образования, что связано с международной деятельностью вузов. Концепция развития образования РФ до 2020 г., Уставы различных российских вузов предполагают расширение международного сотрудничества вузов в области научно-исследовательской деятельности. Отдельные юридические вузы расширяют контакты с организациями правовых систем иностранных государств, международными научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами Организации Объединенных Наций, Европейского союза; проводят совместную подготовку специалистов; проводят научные исследования на основе реализации международных проектов; принимают участие в работе международных научно-практических конференций, форумов по правовым проблемам [3]. Политика международного сотрудничества вузов направлена на обеспечение участия профессорско-преподавательского состава и студентов в международных научных программах в области юриспруденции.

Волжский государственный университет водного транспорта готовит студентов направления 030900 «Юриспруденция» по профилю

«Юрист в сфере морского и речного транспорта». Студенты университета могут принимать участие в программах двустороннего и многостороннего обмена студентами; в совместных научных и прикладных исследованиях, конгрессах, конференциях и других мероприятиях по профилю деятельности университета. Политика вуза предполагает приглашение иностранных преподавателей и специалистов для участия в образовательном процессе и научной работе.

Получив высшее юридическое образование, выпускники работают не только в государственных правовых организациях, но и в юридических отделах крупных зарубежных компаний или компаний, активно сотрудничающих с зарубежными партнерами. В таких случаях юристы должны быть готовы к профессиональной деятельности по оказанию консультационных услуг иностранным организациям; повышать свой профессиональный уровень изучением зарубежного опыта и международных стандартов правовой системы; проходить зарубежную стажировку. Конкурентоспособные и компетентные профессионалы должны обладать высоким уровнем правовой культуры и правосознания, фундаментальными знаниями в области отечественного и зарубежного права. Выпускник бакалавриата ВГУВТ по профилю «Юрист в сфере морского и речного транспорта» должен владеть готовностью и способностью к участию в разработке нормативно-правовых актов в области морского и речного транспорта; владеть навыками составления юридических документов, в том числе договоров в сфере транспорта; проводить правовую экспертизу документов в области морского и речного транспорта. Специфика профиля подготовки «Юрист в сфере морского и речного транспорта» также подразумевает необходимость сотрудничества с зарубежными судоходными компаниями и правовыми организациями, в форме письменной и устной профессиональной иноязычной коммуникации.

Приведенные выше примеры ситуаций межкультурного общения в профессиональной сфере юристов свидетельствуют о важности формирования межкультурной компетенции у студентов по направлению «Юриспруденция». Традиционно в методической науке термин «межкультурная компетенция» определяется как способность человека существовать в поликультурном обществе, достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры. Данная компетенция предполагает умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты,

основываясь на сформированных ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры [1, с. 134].

Взаимопонимание в процессе международного сотрудничества в области права является залогом успеха и эффективной деятельности специалистов. Понимание иноязычной речи носителя чужого языка и культуры для студентов неязыковых вузов представляет значительную трудность, особенно эта проблема касается студентов юридической специальности в ситуациях профессионального иноязычного общения. Как известно, при изучении английского языка по юриспруденции студентам необходимо освоить сложную специальную терминологию, организованную в отдельную группу (подъязык), называемую языком права или юридическим языком (*legalese*). Юридический язык имеет свои лексико-грамматические и стилистические особенности, знание которых юристу необходимы для работы с документацией и правильного понимания зарубежных коллег в случае письменной или устной коммуникации. Умения применять указанный вид знаний составляют языковую компетенцию студентов-юристов.

Эффективность межкультурного общения достигается не только преодолением языковых трудностей. При контакте с представителями чужой культуры нужно преодолеть культурный барьер, поэтому овладение иностранным языком и его практическое использование предполагает знание социокультурных особенностей носителей изучаемого языка. Иностранный язык, таким образом, рассматривается как средство межкультурного общения, инструмент познания культуры и лингвокультуры определенной национальной общности. Специалист в области межкультурной коммуникации С.Г. Тер-Минасова утверждает, что «знать значения и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Помимо значений и правил грамматики нужно знать: 1) когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности изучаемого языка» [7, с. 29]. Мы полностью согласны с мнением ученого, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [7, с. 28]. Язык отражает культуру нации, изучая иностранный язык, студенты познают чужую культуру и глубже постигают собственную, в результате формируется вторичная языковая личность обучающихся. Н.Д. Гальскова определяет вторичную языковую личность как «совокупность способностей человека к иноязычному

общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [2, с. 7].

Формирование умений межкультурной коммуникации будущих юристов базируется на трех взаимосвязанных компонентах: профессионально-предметном, языковом и социокультурном. Профессионально-предметный компонент включает в себя специальные знания, полученные при изучении дисциплин профессионального цикла на родном языке и посредством изучения тем по специальности на иностранном языке. В содержание социокультурного компонента входят: знакомство с историей, географией, политическим и экономическим устройством, культурой, искусством, правилами социального и профессионального поведения, нормами и традициями общественной жизни стран изучаемого языка.

Иноязычная подготовка студентов юридического факультета ВГУВТ проводится с учетом межкультурного аспекта. Формирование межкультурной компетенции в сфере юриспруденции осуществляется во время аудиторных занятий. Умения устной и письменной коммуникации формируются на базе аутентичных текстов по специальности, тематическое содержание которых имеет профессиональную и социокультурную направленность.

Работа с текстом проводится в три этапа: этап предтекстовых и собственно текстовых упражнений направлен на развитие языковой и предметной компетенций; целью послетекстовых коммуникативных упражнений является формирование социокультурной компетенции и умений межкультурного общения. К речевым упражнениям относятся аннотирование, выделение ключевых фраз, идей, проблем, анализ, группировка, дискуссии, изложение основного содержания текста, составление диалога по проблематике темы. Эффективной технологией в обучении профессиональной иноязычной коммуникации является ролевая игра («Расследование преступления», «Система образования Великобритании», «Обсуждение законопроекта» и др.), в ходе которой создаются реальные ситуации иноязычного общения в профессиональной сфере. Хорошие результаты в пополнении социокультурных знаний показывает практика проектных работ студентов и проведение студенческих конференций, предполагающие самостоятельную работу обучающихся по поиску необходимой страноведческой информации на английском языке в сети Интернет и презентацию проектов и докладов с их последующим обсуждением. Применение метода проектов предоставляет студентам возможность самостоятельно выбирать интересую-

щие их факты иноязычной культуры или проблемы из правовой области.

Особенностью межкультурного аспекта в иноязычном образовании является то, что обучающийся выступает как субъект межкультурной коммуникации. Таким образом, обучение иностранным языкам в контексте межкультурного подхода выполняет личностно-формирующую функцию будущих юристов. В результате такой иноязычной подготовки выпускник вуза будет ощущать себя не только гражданином своей страны, но и гражданина мира, субъектом диалога культур, четко осознающим свое участие в мировых общечеловеческих процессах.

Список литературы

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. *Гальскова Н.Д.* Проблемы иноязычного образования на современном этапе и возможные пути их решения // Иностранные языки в школе. 2012. № 9. С. 2–9.
3. Концепция развития ФГОУ ВПО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
4. *Пассов Е.И.* Методика как теория и технология иноязычного образования. Кн.1. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010.
5. *Поляков О.Г.* Цели профильно-ориентированного обучения иностранному языку в вузе: опыт формулирования // Иностранные языки в школе. 2008. № 1. С. 2–8.
6. Основная образовательная программа высшего профессионального образования направление (специальность) подготовки 030900 «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «ВГАВТ». Н. Новгород, 2013.
7. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.
8. ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «Бакалавр») от 4 мая 2010 г.

Соловьева О. Б.,

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и конвенционной подготовки
ВГУВТ, г. Нижний Новгород*

**СПЕЦИФИКА
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ**

В статье рассматриваются особенности лингвистического компонента содержания обучения профессионально ориентированному иноязычному общению будущих специалистов правовой сферы; раскрывается вопрос отбора и систематизации тем, текстов и словаря, необходимых для удовлетворения требований, предъявляемых к профессиональной коммуникации юристов.

Ключевые слова: профессионально ориентированное общение; сферы профессиональной деятельности; ситуации профессионального общения; профильные дисциплины; тема; текст.

Содержание обучения иностранному языку как «сложное диалектическое единство, складывающееся из взаимодействия определенным образом организованного учебного материала (содержания учебного предмета) и процесса обучения ему (функционального аспекта педагогического процесса)» [1, с. 180] определяется совокупностью образовательной, развивающей и воспитательной целей обучения. Коммуникативная направленность курса иностранного языка в вузе определяется конечной целью обучения: формированием у будущих специалистов способности и готовности к межкультурному общению, что предполагает достижение определенного уровня компетенции – умения соотносить языковые средства с конкретными целями, задачами, ситуациями и условиями общения. Грамотный отбор содержания обучения иноязычному общению, учет профессиональной специфики, особенностей предметной области функционирования языка специальности является одним из факторов, способствующих эффективной организации учебного процесса. Ориентация на реальные интересы и потребности обучаемых, учет требований, предъявляемых к будущей профессиональной деятельности, составляют специфику содержания обучения профессионально ориентированному общению на иностранном языке в нелингвистическом вузе.

В методической науке к основным факторам, влияющим на определение компонентов содержания обучения иностранному языку, относят: 1) характер описания языка (структурное, функционально-понятийное или их сочетание); 2) потребность в овладении коммуникативными умениями в той или иной степени, а также в их интеграции; 3) потребность в развитии тех или иных навыков и стратегий; 4) типы текстов, характерные для того или иного профиля; 5) потребность в том или ином предметном содержании [2].

В основе определения содержания обучения в рамках любого курса применяются две основные процедуры: 1) отбор материала; 2) его методическая организация. Отбору подвергаются языковые средства (фонетические, лексические, грамматические), предметное содержание речи, тексты, иллюстрации, конкретные речевые действия, решаемые с их помощью коммуникативные задачи, ситуации общения. Отбор материала осуществляется, как правило, из аутентичных источников (текстов, словарей).

Рассматривая процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе в русле формирования профессиональной компетентности, следует принимать во внимание, что содержание обучения дисциплине «Иностранный язык» и учебный материал должны отвечать профилю вуза и соответствовать требованию будущей профессии. При разработке программы по иностранному языку должны учитываться: сферы деятельности и ситуации, в которых предстоит общаться студентам; виды профессиональных контактов, в которые им придется вступать; задания, которые им придется выполнять; г) тематику их деятельности; оптимальные пути подготовки студентов к использованию иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Специфика содержания профильно-ориентированного обучения английскому языку, предполагает взаимосвязь языкового (лингвистического) и предметного (профессионального/академического и культурного) содержания, т.е. «языковой материал должен быть связан с типами текста и дискурса, характерными для наиболее значимых ситуаций профессиональной/академической коммуникации. Именно такое содержание способствует «созданию условий для обучения студентов прагматике дискурса, контекстному употреблению слов, преодолению конфликтов непонимания из-за привязанности к их словарному значению, вниманию к их сочетаниям (коллокациям) и идиомам при их восприятии и употреблении» [2].

Лингвистический компонент содержания обучения иностранному языку студентов юридической специальности включает: 1) понятия, призванные содействовать формированию профессиональной картины мира будущих юристов; 2) тексты, посредством которых эти понятия передаются; 3) языковые единицы, которые служат для обозначения понятий, отражающих специфику профессионально ориентированного обучения иностранному языку в области юриспруденции.

Очевидно, что для определения профессионально-предметного аспекта лингвистического компонента содержания обучения, в нашем случае – профиля «Юрист в сфере морского и речного транспорта», необходимо принимать во внимание: а) область профессиональной деятельности выпускника, б) объекты профессиональной деятельности, в) виды профессиональной деятельности, г) задачи профессиональной деятельности юриста.

Область профессиональной деятельности выпускника включает: разработку и реализацию правовых норм; обеспечение законности и правопорядка; правовое обучение и воспитание. Специфика профессиональной деятельности бакалавра с учетом профиля подготовки «Юрист в сфере морского и речного транспорта» соответствует подготовке кадров для государственных органов власти, осуществляющих свою деятельность в области транспорта, преимущественно морского и речного и для подведомственных им организаций, для органов местного самоуправления, для судов общей юрисдикции и арбитражных судов, третейских судов, транспортной прокуратуры, следственного управления на транспорте следственного комитета, органов внутренних дел на транспорте, адвокатуры, транспортных предприятий и организаций (преимущественно – судоходных компаний) [3, с. 2].

Каждая из сфер профессионального общения проявляется в конкретных ситуациях, которые определяют характер и условия взаимодействия участников, их социальные роли и функциональные обязанности. Во время профессиональной коммуникации могут быть востребованы понятия из всех перечисленных областей деятельности юриста.

Однако вузовский курс иностранного языка не может предусмотреть все сферы профессионального взаимодействия и в полном объеме охватить всю предметную область специальности. Для языка специальности характерно наличие большого количества терминов, которые должны быть усвоены обучаемыми. В связи с этим представляется необходимым установить профессионально-предметный минимум, кото-

рый должен быть согласован с преподавателями кафедр профильных дисциплин

Определение конкретных тем и подбор соответствующих текстов осуществляется в соответствии с поставленными целями обучения и руководствуясь такими критериями отбора как частотность и значимость. Например, темы: «THE COMMON LAW AND THE CIVIL LAW TRADITIONS» (тексты «Historical development of English Common Law», «Historical Development of Civil Law»), «PUBLIC LAW» (тексты «Constitutional Law», «Administrative Law», «Criminal Law»), «INTERNATIONAL LAW». Семантический анализ текстов юридической тематики, консультирование с преподавателями профильных дисциплин позволяют определить лексический минимум по вышеуказанным темам.

Необходимо учитывать то, что наука находится в постоянном развитии, происходят новые открытия, появляются новые понятия, возрастает объем информации, изменяются требования, предъявляемые к специалисту, следовательно, содержание обучения должно отражать последние научные достижения, современные тенденции и перспективы развития и своевременно обновляться.

Кроме того, содержание учебных материалов должно соответствовать ряду принципиальных методических требований: 1) быть функциональным, коммуникативным, доступным, последовательным, системным; 2) способствовать развитию основных речевых навыков (чтение, письмо, аудирование, говорение); 3) обучать переводу и реферированию.

Таким образом, лингвистический компонент содержания обучения профессионально ориентированной коммуникации будущих юристов-бакалавров должен включать: темы, составляющие предмет обсуждения в соответствующих ситуациях профессионального взаимодействия; тексты, отражающие и обобщающие профессиональные знания в рамках конкретной сферы функционирования языка, соотношенные с тематикой и коммуникативными задачами, решаемыми в различных ситуациях профессионального общения; понятия, функционирующие в речи специалиста; языковые единицы, служащие для обозначения понятий, отражающих специфику профессионального общения юристов.

Список литературы

1. *Бим И.Л.* Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: Опыт системно-структурного описания. М.: Русский язык. 1977. С. 180.

2. *Поляков О.Г.* Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2004.

3. ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «Бакалавр»). 2010.

Храмова Ю. Н.,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

Хайруллин Р. Д.,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В статье рассматриваются различные методы обучения технологии критического мышления. Авторы статьи обращают внимание на актуальность применения активных методов в подготовке студентов юридического вуза при обучении английскому языку. Формирование критического мышления студентов современного вуза позволит будущим специалистам гибко адаптироваться в современном информационном пространстве, а умение понять и анализировать информацию на иностранном языке позволяет достичь этой цели. Использование методов обучения в смысле активизации учебной деятельности различны, они зависят от природы и содержания соответствующего метода, способов их использования, мастерства педагога.

Ключевые слова: технологии критического мышления; активные методы обучения; иностранный язык; активизация учебной деятельности; формирование критического мышления.

Удовлетворение потребности общества в высококвалифицированных специалистах одинаково актуальна как для нашей, так и для зарубежных стран. Главной задачей современной высшей школы является раскрытие способностей каждого студента, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Концепция модернизации российского образования указывает на необходимость подготовки высококвалифицированного специали-

ста, обладающего критическим мышлением, высокой мобильностью, компетентностью, толерантностью, готового к постоянному профессиональному росту. Указанные требования связаны с необходимостью формирования и развития критического мышления студентов, являющегося неотъемлемой и необходимой частью их профессиональной компетентности [5, с. 5].

Высокие темпы развития мировой экономики, стремительно меняющиеся требования к выпускнику вуза, большой объем информации, необходимой для усвоения, требуют использовать в вузовском образовании различные методы активного обучения.

Критический стиль мышления – важнейшая стратегия и необходимое условие успешного социального и профессионального функционирования выпускника вуза – может быть сформировано в числе прочих учебных дисциплин и на базе иностранного языка как неотъемлемой составляющей подготовки студента юридического вуза. Для успешного обучения необходим высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности, восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, а также владения определенным кругом логических операций и т.д.

Под критическим мышлением в обучающей деятельности понимают совокупность качеств и умений, обуславливающих высокий уровень исследовательской деятельности культуры студента и преподавателя, а также «мышление оценочное, рефлексивное», для которого знание является не конечной, а отправной точкой, аргументированное и логическое мышление, которое базируется на личном опыте и проверенных фактах [4, с. 56].

Формирование критического мышления студентов современного вуза позволит будущим специалистам гибко адаптироваться в современном информационном пространстве, а умение понять и анализировать информацию на иностранном языке позволяет достичь этой цели. В связи с этим в системе высшего профессионального образования возникает необходимость создания условий для развития критического мышления в процессе обучения иностранному языку [1, с. 23].

Получая новую информацию, обучающиеся должны научиться рассматривать ее с различных точек зрения, делать выводы относительно ее ценности и точности. На занятиях по иностранному языку в юридическом вузе необходимо использовать информацию, которая позволит студенту понять, что изучение иностранного языка в боль-

шей степени связано с его личностью и интересами, нежели с заданными преподавателем приемами и средствами обучения [2, с. 69].

Возможности различных методов обучения в смысле активизации учебной деятельности различны, они зависят от природы и содержания соответствующего метода, способов их использования, мастерства педагога [3, с. 184].

Надо заметить, что обучение по технологии развития критического мышления становится продуктивным лишь тогда, когда сам преподаватель, осмыслив свой опыт, способен пересмотреть официально утвержденные и годами практикуемые методы обучения. На наш взгляд, нужны новые оценки к традиционным подходам в педагогической практике:

- оценка преподавателем обучаемых;
- студент не должен делать ошибок;
- преподаватель знает, как и что должен отвечать студент;
- преподаватель учит, а студент учится;
- преподаватель должен знать ответы на все вопросы, которые возникают на занятии;
- на вопрос преподавателя всегда должен быть ответ.

Современная система образования направлена не только на передачу определенного набора знаний, умений и навыков, но и на интеллектуальное и нравственное развитие личности. Основные цели обучения – формирование креативного и критического мышления, умения оперировать полученной информацией и применять знания на практике в различных ситуациях [6, с. 199].

Технологическую основу обучения составляет базовая **модель трех стадий**:

- 1 – вызов** – пробуждение имеющихся знаний интереса к получению новой информации,
- 2 – осмысление** содержания – получение новой информации,
- 3 – рефлексия** – размышление, рождение нового знания [7, с. 17].

На стадии **вызова**, используя разнообразные приемы (проблемные вопросы, мозговая атака, прогнозирование содержания и т.д.), преподаватель побуждает учащихся рассказать о том, что им уже известно по данной теме, привлекая их внимание, возбуждая интерес и активность. Так, полученные ранее знания выходят на уровень осознания и могут стать основанием для усвоения новых знаний, что дает учащимся возможность эффективнее сочетать новую информацию

с полученной ранее. Это помогает им критически подходить к пониманию новой информации.

На стадии **осмысления**, когда учащиеся вступают в контакт с новой информацией и идеями при прочтении текста, просмотре фильма, прослушивании лекций, они учатся отслеживать свое понимание и записывать в виде вопросов то, что непонятно. Обучение такому самоанализу обязательно. При организации работы учащихся с новой информацией используются приемы: чтение текста с остановками, маркировка текста символами, составление таблиц, кластеров.

На стадии **рефлексии** обучающиеся размышляют о том, что они узнали, закрепляя новые знания, активно перестраивают свои представления с тем, чтобы включить в них новое. Живой обмен идеями между учащимися дает им возможность познакомиться с разными точками зрения, учит внимательно слушать партнера, аргументированно и корректно отстаивать свое мнение. Последняя стадия рефлексии подразумевает именно творческое применение полученных знаний, умений, навыков. На этой стадии возможно проведение дискуссии, написание отчета, фиксация рассмотренного материала в виде собственных выводов, тезисов, схем.

Существуют различные приемы развития критического мышления:

«Кластеры».

Прием «Кластеры» применим как на стадии вызова, так и на стадии рефлексии. Суть приема заключается в том, что информация, касающаяся какого-либо понятия, явления, события, описанного в тексте, систематизируется в виде кластеров (гроздьев). В центре находится ключевое понятие. Последующие ассоциации обучаемые логически связывают с ключевым понятием. В результате получается подобие опорного конспекта по изучаемой теме.

Прием «Кластер» позволяет не только активизировать лексические единицы в речи учащихся и ввести новые, но и, объединив слова в связное высказывание, тренировать различные грамматические структуры в зависимости от поставленной цели.

«Дерево предсказаний».

Этот прием помогает строить предположения по поводу развития сюжетной линии рассказа или повествования. Правила работы с данным приемом таковы: возможными предположениями учащиеся моделируют дальнейший финал данного рассказа или повествования.

Концепт «Дерева предсказаний»:

«Ствол» – тема;

«Ветви» – предположения, которые ведутся по двум основным направлениям: «возможно» и «вероятно» (количество «ветвей» не ограничено);

«Листья» – обоснование этих предположений, аргументы в пользу того или иного мнения.

«Дерево предсказаний» целесообразно использовать на стадии закрепления лексики с целью анализа какой-либо проблемы, обсуждения текста, прогнозирования событий. Поскольку данный прием строится именно на предположении и прогнозировании, то в речи учащихся активно используются конструкции будущего времени и сослагательного наклонения.

«Техника "Пятистишие"».

Этот прием способствует творческому развитию ученика, заставляет его самостоятельно мыслить, творить. Данную стратегию можно использовать в качестве речевой зарядки для отработки звуков. «Пятистишие» – это стих из пяти строк, который требует синтеза информации и материалов в немногословное выражение по той или иной теме. Когда предлагается составить пятистишие, необходимо объяснить его структуру.

Структура пятистишья:

Первая строка – **одно слово**, описывающее тему (обычно существительное).

Вторая строка – **два слова**, описывающие тему (обычно два прилагательных).

Третья строка – **три слова**, выражающие действие по теме (обычно три глагола).

Четвертая строка – **фраза из четырех слов**, показывающая отношение к теме.

Пятая строка – **одно слово** (обычно синоним слова из первой строки), которое еще раз подчеркивает сущность темы.

Каждый ученик имеет 5–7 минут, чтобы написать пятистишие. Эффективный способ организации работы – работа в парах.

«Инсерт».

Метод очень эффективен при работе над формированием навыков изучающего чтения, на стадии вызова. С помощью приема «Инсерт» возможно решение обширного спектра лексико-грамматических задач, так как любой текст богат речевыми образцами и грамматическими структурами. Этот прием работает и на стадии осмысления.

Основные приемы технологии «Инсерт»: чтение текста с пометками:

+	<i>я это знал</i>
—	<i>я этого не знал</i>
!	<i>это меня удивило</i>
?	<i>хотел бы узнать подробнее</i>

Для заполнения таблицы понадобится вновь вернуться к тексту, таким образом, обеспечивается вдумчивое, внимательное чтение. Технологический прием «Инсерт» и таблица «Инсерт» сделают зримыми процесс накопления информации, путь от «старого» знания к «новому». Важным этапом работы станет обсуждение записей, внесенных в таблицу, или маркировки текста.

«Загадка».

Прием «Загадка» очень эффективен при работе над лексической стороной речи на любой стадии изучения иностранного языка. Он позволяет активизировать в памяти учащихся изученные лексические единицы и способствует развитию различных видов памяти. Кроме того, данный прием можно использовать на начальном этапе работы над темой для введения лексических единиц.

«Чтение с остановками».

Этот метод эффективен при работе над чтением текста проблемного содержания, а также при работе с аудиальными и визуальными пособиями. Прием «Чтение с остановками» помогает прорабатывать материал детально. Кроме того, учащиеся имеют возможность пофантазировать, оценить факт или событие критически, высказать свое мнение. Здесь происходит обучение как критическому мышлению, на стадии осмысления материала, так и творческому, на стадии

прогнозирования событий. Все имеющиеся лексико-грамматические навыки востребованы, поскольку от учащихся требуется связное монологическое высказывание. Если таковая цель имеется, то можно направить речевую деятельность учащихся в конкретном грамматическом русле, например, на стадии прогнозирования активизировать структуры будущего времени и сослагательного наклонения.

«Круги по воде».

Этот прием является универсальным средством активизировать знания учащихся и их речевую активность на стадии вызова. Опорным словом к этому приему может стать изучаемое понятие, явление. Оно записывается в столбик и на каждую букву подбираются существительные (глаголы, прилагательные, устойчивые словосочетания) к изучаемой теме. По сути, это небольшое исследование, которое может начаться в аудитории и иметь продолжение дома.

«Толстый и тонкий вопросы».

Этот прием может быть использован как на стадии осмысления – для активизации чтения, так и на стадии вызова – для совместного целеполагания к получению новой информации.

Посредством данного приема развиваются навыки активного восприятия информации и умение задавать вопросы разного уровня:

«Толстый вопрос» – вопросы, на которые предполагается развернутый, «долгий», обстоятельный ответ.

«Тонкий вопрос» – вопросы, на которые предполагается однозначный, «фактический» ответ.

«Шесть шляп мышления».

В практику развития мышления метафору «шести шляп» ввел известный психолог Эдвард де Боно. Выражение «put on your think in ghat (cap)» (дословно: надень свою мыслительную шляпу) на русский язык можно перевести как «призадуматься, поразмыслить». Обыгрывая этот оборот, Э. де Боно предлагает «поразмыслить» шестью различными способами.

Метод «Шести шляп мышления» используется для разностороннего анализа каких-либо явлений, для проведения занятия по обобщению опыта (после практики, после изучения достаточно большой темы и так далее). Группа студентов делится на шесть групп. Каждой группе вверяется одна из шести шляп.

Белая шляпа – мыслим фактами, цифрами. Без эмоций, без субъективных оценок. Только факты!!! Можно цитировать чью-то субъективную точку зрения, но бесстрастно, как цитату.

Желтая шляпа – позитивное мышление. Необходимо выделить в рассматриваемом явлении позитивные стороны и (!!!) аргументировать, почему они являются позитивными. Нужно не просто сказать, что именно было хорошо, полезно, продуктивно, конструктивно, но и объяснить, почему.

Черная шляпа – противоположность желтой шляпе. Нужно определить, что было трудно, неясно, проблематично, негативно, вхолостую, и – объяснить, почему так произошло. Смысл заключается в том, чтобы не только выделить противоречия, недостатки, но и проанализировать их причины.

Красная шляпа – это эмоциональная шляпа. Нужно связать изменения собственного эмоционального состояния с теми или иными моментами рассматриваемого явления. С каким именно моментом занятия (серии занятий) связана та или иная эмоция? Не нужно объяснять, почему Вы пережили то или иное эмоциональное состояние (грусть, радость, интерес, раздражение, обиду, агрессию, удивление и так далее), но лишь осознать это. Иногда эмоции помогают нам точнее определить направление поиска, анализа.

Зеленая шляпа – это творческое мышление. Задайтесь вопросами: «Как можно было бы применить тот или иной факт, метод и т.д. в новой ситуации?», «Что можно было бы сделать иначе, почему и как именно?», «Как можно было бы усовершенствовать тот или иной аспект?» и др. Эта «шляпа» позволяет найти новые грани в изучаемом материале.

Синяя шляпа – это философская, обобщающая шляпа. Те, кто мыслит в «синем» русле, старается обобщить высказывания других «шляп», сделать общие выводы, найти обобщающие параллели и т.д. Группе, выбравшей синюю шляпу, необходимо все время работы поделить на две равные части: сначала походить по другим группам, послушать, что они говорят; затем вернуться в свою «синюю» группу и обобщить собранный материал. За ними – последнее слово.

«Фишбоун».

Одним из эффективных и популярных инструментов активизации мыслительной деятельности обучаемых является технология «Fishbone» (в переводе с английского языка значит «рыбная кость» или «скелет рыбы»). **Стратегия «Fishbone»** – это модель постановки и решения проблемы, которая позволяет описать и попытаться решить целый ряд проблем.

Алгоритм действий при работе со стратегией «Fishbone» следующий. Как известно, любая проблема начинается с головы. Поэтому проблема помещается в голову рыбы. На верхних «косточках» записываются формулировки причин любой проблемы, на нижних – факты и аргументы, которые подтверждают, что данные причины, проблемы существуют. Хвост рыбы – вывод. Студентам предлагается информация (текст, видеофильм и т.д.) проблемного содержания и схема «Fishbone» для систематизации причин проблемы и нахождения фактов или аргументов, подтверждающих эти причины. Работа с текстом или исследование может проводиться индивидуально или по группам. *При этом технология работы может варьироваться* [6, с. 200].

Таким образом, технологии критического мышления на занятиях по английскому языку (и не только) – это развитие интеллектуальных способностей студентов, необходимых не только в учебе, но и в дальнейшей профессиональной деятельности (умение применять решения, работать с информацией, анализировать различные стороны явлений, сравнивать, работать самостоятельно и в коллективе и др.). Студенту данные технологии позволяют оценить, анализировать информацию, что повышает эффективность восприятия; поднимают настрой на изучение материала и интерес к предмету, развивают умение мыслить, размышлять; учат работать в сотрудничестве (в группах, парах); повышают качество образования.

Список литературы

1. *Алешугина Е.А.* Использование метода «Case Study» в рамках курса «Деловой английский язык» // Проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе: сб. тр. II Международ. научн.-практич. конф. Борисоглебск: Изд-во Борисоглеб. гос. пед. ин-та, 2009. С. 23–25.

2. *Биренбаум М.Я.* Особенности использования технологии РКМЧП при обучении иностранным языкам // Технология развития критического мышления

в вузе: перспективы для школьного образования XXI века (материалы конференции). Н. Новгород: АРАБЕСК, 2001. С. 68–71.

3. *Грудзинская Е.Ю.* Педагогическая технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» в подготовке специалистов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Инновации в образовании». Выпуск 1 (6). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005. С. 181–188.

4. *Загашев И.О., Заир-Бек С.И.* Технология развития критического мышления: перспективы высшего образования (на правах монографии). СПб.: Скифия, 2002. 136 с.

5. *Иванова И.Н.* О тенденциях развития современного образования // Инновации в образовании. 2004. № 3. С. 5.

6. *Хайруллин Р.Д., Храмова Ю.Н.* Проблемное обучение современного российского менеджера на занятиях по иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 198–200.

7. *Zair-Bek S.I., Mariko V.V., Schvets I.M.* Working with Adults // Thinking Classroom: a Journal of Reading, Writing and Critical Reflection. 2006. Volume 7. № 1. P. 11–9.

РАЗДЕЛ VI.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗ-
ВИТИЯ**

Ватлецов С. Г.,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КОРПОРАЦИИ

В статье предлагается методика установления противоправности при разрешении споров о защите деловой репутации корпорации, анализируются способы защиты деловой репутации.

Ключевые слова: деловая репутация; корпорация; противоправность; гражданское правонарушение; предмет доказывания; юридический факт; личный интерес; злоупотребление правом; ложные сведения.

Корпорация – форма бизнеса, совокупность *самодостаточных* в правовом и хозяйственном отношении лиц, объединившихся для достижения какой-либо цели и образующих самостоятельный субъект права – юридическое лицо; коллегиальный орган управления, контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации. Понятие «корпорация» заимствовано из англо-американского права, где деловой репутации предается первостепенное значение. Обычно выделяют такие составляющие деловой репутации корпорации: ее конкурентоспособность, общая деловая эффективность, прозрачность деятельности, финансовая стабильность, инвестиционная привлекательность, отсутствие в издаваемых правительствами санкционных списках, качество предоставляемых товаров и услуг, квалификация менеджмента, кадровый состав и т.д. Корпорации разрабатывают стратегии и тактики повышения своей деловой репутации, учитывая возможные «репутационные» риски. Деловая репутация – наиважнейший актив корпорации, условие ее выживания на современном рынке товаров и услуг (как на национальном, так и наднациональном уровнях) и, конечно, является объектом для защиты.

Прежде всего, в соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определяет: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Так, на террито-

рии Российской Федерации действует ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в части 1 которой говорится, что каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своих убеждений, получать и распространять информацию без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Статья 1.8 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА формулирует правило о «несовместимом поведении»: «сторона не может поступать несовместимо с пониманием, которое она вызвала у другой стороны, и последняя, полагаясь на это понимание, действовала разумно себе в ущерб» [20]. Данное правило тесно связано принципами добросовестности, разумности и справедливости, которые установлены среди основных начал гражданского законодательства. Как показывает практика, закон не может исчерпывающе определить общие критерии добросовестности, разумности и справедливости. Это может сделать суд при рассмотрении определенного дела.

Общеизвестно, задачами гражданского судопроизводства является правильное и своевременное разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений (ст. 2 ГПК РФ).

Гражданское правонарушение – виновное, противоправное действие или бездействие, причиняющее вред (убытки) охраняемым гражданским правом благам. Одним из важнейших среди них признается *противоправность поведения*, т.е. нарушение действием или бездействием субъективного гражданского права без должного на то правомочия [12, с. 3]. Применительно к нашему исследованию, гражданское правонарушение характеризуется четырьмя элементами, образующими состав правонарушения: *объект* – посягательство на деловую репутацию корпорации в целом или деловую репутацию участника (участников) корпорации; *субъект* – автор не соответствующих действительности, порочащих сведений о корпорации или ее учредителях, а также лица, распространившие такие сведения; *объективная сторона* – злоупотребление правом на свободу слова и распространение информации; размещение в СМИ или в сети Интернет сведений, причинивших вред деловой репутации корпорации или ее участникам; *субъективная сторона* – вина лица, распространившего такую информацию умышленно или из-за некомпетентности.

Статья 150 ГК РФ устанавливает, что деловая репутация относится к немущественным правам и принадлежит корпорации в силу закона. Таким образом, защита деловой репутации – обеспечение нематериальных благ, где коллегиальный орган корпорации или ее учредители в отдельности по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (п. 1 ст. 9 ГК РФ). Исковая давность на защиту деловой репутации в силу ст. 208 ГК РФ не распространяется.

Надлежащими ответчиками по искам о защите деловой репутации корпорации являются лица, создающие и распространяющие ложные сведения о корпорации. Они в силу ч. 1 ст. 152 ГК РФ обязаны доказывать, соответствуют ли действительности распространенные ими сведения. *Не соответствующими действительности сведениями* являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения: в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок [10]. Распространение ложных сведений является формой злоупотребления правом, т.е. «правомерным актом человеческого поведения (деяния), состоящем в реализации норм объективного права в противоречии с их назначением и в целях удовлетворения *личных интересов* субъектов права, в результате чего принимается вред другим лицам, обществу или государству» [15, с. 484].

Личный интерес мы, вслед за А.В. Ульяновым, рассматриваем в качестве юридической формы, основываясь на ниже перечисленных критериях: личный (юридический) интерес представляет собой осознанную потребность субъекта в определенном благе, которая определяет волевой характер действия субъекта и цель данных действий, т.е. имеет субъективную природу, с одной стороны. С другой, будучи юридической конструкцией, личный интерес обладает и объективной природой, характеризующейся правовой связью, возникшей между участниками общественных отношений на основании правовой инициативы. Эта инициатива проявляется одним в отношении другого и имеет своим содержанием связанность субъекта, ожидающего благоприятных юридических последствий собственной правовой инициативы. Личный интерес характеризуется также пониманием правовых целей субъекта, возникшего у адресата правовой инициативы. Наконец, личный интерес наряду с правовой нормой характеризуется право-

субъектностью, является юридическим фактом и юридической предпосылкой возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений [19, с. 126–127].

В силу ст. 65 АПК РФ и 56 ГПК РФ корпорация (истец) должен раскрыть доказательства, на которые он ссылается как на основание своих исковых требований. При этом ему предоставляется особый правовой статус, который основывается на предположении добросовестности потерпевшего (правовая доказательственная презумпция [18]). Данное положение усилено в действующем законодательстве презумпцией вины причинителя вреда (п. 2 ст. 1064, ст. 401 ГК РФ), основной функцией которой в гражданском праве является охрана интересов потерпевшего [11, с. 149], т.е. доказывание истинности обнародованных сведений предоставлено ответчику. Деловая репутация истца, не представившего никаких доказательств о несоответствии порочащих сведений действительности, будет защищена судом уже в силу того, что ответчик не доказал обратного. Истец как бы презюмируется добросовестным участником гражданских правоотношений. При этом суд должен решить вопрос о допустимости доказательств, означающий, что обстоятельства дела, которые по закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания. У ответчика остается право доказывать обратное, в частности, что сведения носят нейтральный характер. Однако с целью выяснения наличия или отсутствия данного факта по ходатайству сторон или одной из них может быть назначена юридико-лингвистическая экспертиза [18].

Предметом доказывания в гражданском процессе выступает наличие (отсутствие) юридического факта (их совокупности), позволяющие суду в конкретном случае «информационно наполнить» категории должного (норма права) и сущего (факт) и определить средство защиты субъективного права (законного интереса). Информационное наполнение применимой нормы и установленного факта (большой и малой логических предпосылок) является, таким образом, «строительным материалом» убеждения суда о судьбе заявленного требования [16, с. 5].

При разрешении споров о защите деловой репутации корпорации предполагается включение в предмет доказывания следующих юридических фактов (*установление противоправности*):

1) намерение причинить вред корпорации или учредителям единолично. Так или иначе, негативные последствия, вызванные неподтвержденными сведениями или диффамацией, носят субсидиарный ха-

рактар. Субъект действует в обход закона с противоправной целью ограничения конкуренции или злоупотреблением доминирующим положением на рынке (п. 1 ст. 10 ГК РФ);

2) конкретный способ причинения ущерба деловой репутации корпорации или ее учредителям (размещение такой информации в печатных и непечатных СМИ, в социальных сетях и т.д.);

3) вредоносный результат от такой информации (отказ партнеров сотрудничать с корпорацией; потеря клиентов корпорации; проведение каких-либо стихийных или санкционированных общественных акций, направленных против корпорации; отказ потребителей покупать продукцию и услуги корпорации; неправомерное включение правительством в санкционный список и т.д.).

Защита деловой репутации корпорации может быть осуществлена посредством признания судом факта нарушения неимущественного права корпорации путем:

1) признания права;

2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. В соответствии с п. 1 и 7 ст. 152 ГК РФ юридическое лицо вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его деловую репутацию. При этом законом не предусмотрено обязательное предварительное обращение с таким требованием к ответчику, в том числе и в случае, когда иск предъявлен к редакции средства массовой информации, в котором были распространены указанные выше сведения. Отказ в опровержении либо нарушение установленного законом порядка опровержения могут быть обжалованы в суде (ст. 43 и 45 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»);

3) требования пресечения или запрещения дальнейшего распространения такой информации.

При защите деловой репутации корпорации не применяются правила о компенсации морального вреда (п. 11 ст. 152 ГК РФ), поскольку, как справедливо заметил Д.Н. Кархалев, ущерб является составной частью убытков, а понятие вреда охватывает и убытки, и ущерб, являясь самым широким понятием, таким образом, вред может быть причинен не только имуществу, но также нематериальным благам, что для убытков не характерно [13, с. 11–12]. Кроме того, компенсация не возвращает лицо, потерпевшее в результате правонарушения, в первоначальное положение, существовавшее до нарушения права; компенсация состоит в

максимальном восстановлении негативных последствий нарушения; размер компенсации в отличие от возмещения убытков не определяется размером вреда и упущенной выгоды [16, с. 25–26].

Пленум Верховного Суда РФ предписывает, что лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему п. 3 ст. 152 ГК РФ и ст. 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку. При этом содержащийся в ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» перечень случаев освобождения от ответственности за распространение недостоверных порочащих сведений является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию [10].

Итак, установление противоправности при разрешении споров о защите деловой репутации корпорации характеризуется специфическим составом гражданского правонарушения. В предмет доказывания предлагается включать следующие юридические факты: намерение причинить корпорации или ее учредителям единолично вреда; конкретный способ причинения ущерба деловой репутации корпорации; вредоносный результат как следствие такой информации.

Список литературы

1. *Конституция РФ* // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.
2. *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. *Гражданский кодекс РФ* (Ч. 1) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. *Гражданский кодекс РФ* (Ч. 2) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. *Гражданский кодекс РФ* (Ч. 3) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
6. *Гражданский кодекс РФ* (Ч. 4) // СЗ РФ. 2006. № 52. 1 ч. Ст. 5496.
7. *Гражданский процессуальный кодекс* // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. *Арбитражный процессуальный кодекс* // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. *Закон РФ от 27.12.1991. N 2124-1 «О средствах массовой информации»* // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

10. *Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»* // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. // СПС КонсультантПлюс.

11. *Булаевский Б.А.* Непрезюмированная вина (к вопросу о неприменимости конструкции презумпции вины потерпевшего в деликтных обязательствах) // *Юридическая техника.* № 7. Ч. 2: Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине. Н. Новгород: Кириллица, 2013.

12. *Кархалев Д.Н.* Гражданско-правовая ответственность // *Гражданское право.* 2014. № 2.

13. *Кархалев Д.Н.* Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

14. *Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части второй (постатейный)* / под ред. О.Н. Садикова. М., 2004.

15. *Милушев Д.Ф.* Конструкция «злоупотребление правом» в экономической сфере // *Юридическая техника.* № 7. Ч. 2: Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине. Н. Новгород: Кириллица, 2013.

16. *Оболонкова Е.В.* Вопросы реквизиции в гражданском законодательстве России // *Журнал российского права.* 2014. № 3.

17. *Пономаренко В.А.* Гражданский процесс как информационная система (содержательно-коммуникативный аспект) // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2014. № 10.

18. *Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве* / С.Л. Дегтярев, В.М. Жуйков, А.В. Закарлюка и др.; под ред. И.В. Решетниковой, 5-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2011 // КонсультантПлюс.

19. *Ульянов А.В.* Юридические интересы в системе гражданского права // *Журнал российского права.* 2014. № 3. С. 126–127.

20. www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf (дата обращения: 01.03.2015).

Зотов Д. В.
*преподаватель кафедры
гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

МИКРОФИНАНСИРОВАНИЕ

В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена актуальному явлению на рынке финансовых услуг – микрофинансированию (микрофинансовой деятельности). Данный вид деятельности направлен на расширение круга лиц, имеющих доступ к финансовым средствам. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы, проанализирован зарубежный опыт осуществления данного вида деятельности.

Ключевые слова: микрофинансирование; микрофинансовая деятельность; микрофинансовые организации; потребительское кредитование; кабальные сделки; неустойка; займ.

Микрофинансирование в наши дни получило широчайшее распространение: практически повсюду можно наткнуться на рекламу финансовых услуг по выдаче краткосрочных займов, для получения которых нужен лишь документ, удостоверяющий личность. По состоянию на конец февраля 2015 г. в одной лишь Нижегородской области зарегистрировано и функционирует около 50 микрофинансовых организаций (МФО) [6]. Неужели микрофинансирование настолько доступно и безоблачно, как кажется на первый взгляд? Давайте посмотрим на данное явление изнутри.

В отечественном законодательстве под микрофинансовой деятельностью (микрофинансированием) понимается деятельность юридических лиц по выдаче займов в сумме до 1 млн рублей [10]. Потребность в развитии подобной деятельности возникла после кризиса 2008 г., когда банковский сектор был практически парализован. Уже в 2010 г. был принят Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», который урегулировал основы микрофинансовой деятельности в РФ. К настоящему времени сформировался широкий рынок микрофинансирования, что повлекло за собой необходимость в более детальном правовом регулировании: в сентябре 2013 г. в рамках Банка России начал функционировать мегарегулятор финансовых рынков, а в июне – июле 2014 г. вступили в силу существенные изменения, касающиеся деятельности МФО.

Повышенное внимание к микрофинансовой деятельности со стороны как законодателя, так и потребителя, безусловно, вызывает неподдельный интерес, и в связи с этим мы хотели бы рассмотреть основные проблемы, присущие отечественному микрофинансированию, выявить пути их решения, а также проанализировать наиболее

интересный опыт осуществления подобного вида деятельности за рубежом.

Во-первых, необходимо отметить, что в отечественном законодательстве микрофинансирование рассматривается исключительно как деятельность по выдаче микрозаймов (п. 1 ч. 1 ст. 2 соответствующего Федерального закона), что несколько сужает его значимость. В западных странах, а также в некоторых странах СНГ (например, в Узбекистане [12]) микрофинансирование также включает в себя комплекс иных финансовых услуг для лиц, не охваченных банковским сектором – микролизинг, микрострахование, денежные переводы, вклады и многое другое. На наш взгляд не лишним будет внести соответствующие изменения, указывающие на создание реальной альтернативы банковским услугам для тех граждан, которые по различным причинам не могут обратиться в банк.

Во-вторых, значительной проблемой до сих пор, несмотря на все старания законодателя, является проблема завышенных процентов по договорам микрозайма. Напомним, что в июле 2014 г. в законную силу вступил Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» [11], который де-факто ограничил максимальный размер процентных ставок по потребительским кредитам (займам), установив полную стоимость кредита (займа), которая ежеквартально рассчитывалась Банком России. При заключении договора потребительского кредита (займа) его полная стоимость не могла превышать вышеуказанное рассчитанное значение более чем на одну треть для каждой категории финансовой организации.

На практике данная мера не оказала должного воздействия на финансовые отношения по причине того, что значительная часть организаций проигнорировала запрет, выдавая займы по прежним процентным ставкам, без каких-либо ограничений; помимо этого, по понятным причинам, данным актом не был охвачен сегмент заемщиков-предпринимателей, которые составляют около 60% всех клиентов микрофинансовых организаций. Впоследствии ограничитель и вовсе был временно отменен: на период с 1 января по 30 июня 2015 года Банк России снял ограничение максимального размера полной стоимости потребительского кредита (займа) при заключении в течение этого периода договоров потребительского кредита (займа) [3].

В такой ситуации возникает закономерный вопрос: возможно ли как-то защитить права заемщиков? В теории, любой заемщик может попытаться снизить как проценты за пользование денежными средств-

вами, так и размер неустойки, однако на практике не все так просто. Суды, как правило, не идут навстречу заемщику и не снижают проценты за пользование денежными средствами. Судьи отказываются считать установление подобных процентов фактом злоупотребления правом со стороны займодавца [7]; недействительны также и аргументы относительно кабальности таких сделок [2] или их противоречия правопорядку и нравственности [1]. Во всех случаях подобные отказы мотивируются свободой вступления в договорные отношения в соответствии со ст. 421 Гражданского Кодекса РФ [9]. Единственным светлым пятном для заемщика-гражданина в такой ситуации остается возможность признания незаконным превышение более чем на одну треть полной стоимости кредита (займа), да и то, это может сработать лишь в отношении договоров, заключенных в период с 1 июля по 31 декабря 2014 года.

Совершенно противоположным образом складывается практика снижения размера неустойки – суды активно уменьшают размеры явно несоразмерных нарушениям заемщиков неустоек на основании ст. 333 ГК РФ. Как правило, размер неустойки в среднем уменьшается до двух одного-двух размеров ставки рефинансирования Банка России. Арбитражной практикой были выработаны критерии снижения неустойки, с которыми можно ознакомиться в соответствующем Постановлении Пленума ВАС [5].

При рассмотрении вопроса о выдаче заемных денежных средств нельзя обойти стороной и проблемы их возврата займодавцу в полном объеме. Очень часто МФО применяют полулегальные методы для возврата своих денег, в том числе прибегая к услугам коллекторских организаций, деятельность которых в РФ не урегулирована должным образом до сих пор. Методы и способы их взаимодействия с должниками также находятся вне правового регулирования, что во многом позволяет этим организациям действовать крайне недобросовестно. Безусловно, данный компонент нуждается в дополнительном внимании со стороны законодательных органов.

На настоящее время актуализируется проблема обманутых вкладчиков, де-факто инвестировавших средства в микрофинансовые организации. В законодательстве прямо указаны ограничения на привлечение средств физических лиц, если размер суммы займа составляет менее полутора миллионов рублей; поэтому для обхода вышеуказанного ограничения относительно размера суммы привлекаемых средств используется следующая конструкция. Учредителями мик-

рофинансовой организации регистрируется второе юридическое лицо (зачастую – кредитный потребительский кооператив), которое привлекает средства физических лиц, оформляя договоры займа либо выдавая простые векселя; при этом гражданину обещают заоблачные для финансового рынка проценты – вплоть до 120% годовых. Все полученные от граждан средства инвестируют в первоначальную микрофинансовую организацию. Конец 2014 г. ознаменовался целой волной резонансных дел, когда граждане, вложившие свои последние деньги в подобные «подставные» организации в надежде получить сверхприбыль, лишались всего по различным причинам: начиная от простой неспособности микрофинансовой организации удовлетворить требования всех заемщиков – заканчивая мошенническими действиями учредителей организации.

Наконец, последней значимой проблемой нам видится проблема наличия на рынке микрофинансовых услуг так называемого «серого» сегмента – субъектов, которые без должного на то основания выдают денежные средства. Однако проблема должна разрешиться уже в самом скором времени ввиду вступивших в июле в силу изменений, касающихся ужесточения мер административной ответственности за нарушение законодательства о микрофинансовой деятельности.

Наиболее интересными идеями в зарубежном законодательстве видятся следующие положения:

1. В Австралии практикуется выдача беспроцентных и беззалоговых займов наиболее бедным слоям населения. Также существует возможность выдачи заемных средств мелкому предпринимательству за счет пожертвований самих граждан; отметим, что после окончания срока такого займа деньги могут быть либо возвращены жертвователю, либо, по его желанию, направлены на поддержку иных проектов. Существуют и «классические» формы займов для малого и среднего предпринимательства, в среднем под 12% годовых [13].

2. В законодательстве Киргизии присутствует норма, запрещающая взыскивать неустойку в размере более 20% от суммы задолженности [14].

3. В законодательстве Республики Казахстан прописан максимальный размер процентной ставки, который составляет на данный момент 56% годовых [4].

4. В проекте Указа Президента Республики Беларусь «О микрофинансировании» существует норма, запрещающая МФО привлекать денежные средства физических лиц. Помимо этого, активно рассматри-

вается вопрос о запрете выдачи МФО денег потребителям, подразумевая, что подобные организации должны выдавать заемные средства только для осуществления предпринимательской деятельности [8].

Говоря об итогах, хотелось бы отметить следующее:

- Принятие ФЗ «О потребительском кредите (займе)», на который возлагали больше надежды, не разрешило всех проблем, присущих микрофинансовой деятельности;
- Микрофинансирование нуждается в дополнительном правовом регулировании, в частности необходимо расширение перечня услуг, оказываемых МФО;
- С целью защиты прав заемщиков необходимо на законодательном уровне рассмотреть и принять нормативные акты, регулирующие вопросы осуществления коллекторской деятельности, а также деятельности финансовых омбудсменов;
- Необходимо минимизировать количество МФО, осуществляющих свою деятельность вопреки ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» и ФЗ «О потребительском кредите (займе)»;
- Необходимо изучить наиболее успешные наработки в зарубежном регулировании микрофинансовой деятельности.

Список литературы

1. *Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 11 февраля 2014 г. по делу № 33-1929/2014* // СПС КонсультантПлюс.
2. *Апелляционное определение Саратовского областного суда от 4 сентября 2012 г. по делу № 33-4841-2012* // СПС КонсультантПлюс.
3. *Вестник Банка России*. 2014. № № 117–118.
4. *Казахстанская правда*. 2012. №№ 421–422. // ИПС «Законодательство стран СНГ».
5. *О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации*: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, 22 декабря 2011 г. № 81-ФЗ // *Вестник ВАС РФ*. 2012. № 2.
6. *По данным из государственного реестра микрофинансовых организаций по состоянию на 25 февраля 2015 г.* [Электронный ресурс]. URL: // http://www.cbr.ru/sbrfr/?PrId=microfinance_org. (дата обращения: 25.02.2015).
7. *Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2010 г. по делу № А54-715/2010С10* // СПС КонсультантПлюс.

8. *Проект указа Президента Республики Беларусь от 28 января 2013 г. «О микрофинансировании»* // [Электронный ресурс]. URL: http://brmc.by/index.php?option=com_content&view=article&id=146:1-r&catid=4:2010-11-30-11-54-22&Itemid=1&lang=en. (дата обращения: 20.02.2015).
9. *Российская газета*. 1994. №№ 238–239.
10. *Российская газета*. 2010. № 147.
11. *Российская газета*. 2013. № 289.
12. *Собрание законодательства Республики Узбекистан*. 2006. №№ 37–38. // ИПС «Законодательство стран СНГ».
13. *Черкашина Н.* Микрофинансирование в Австралии: молодо-зелено // *Microfinance+*. 2012. №4. С. 47–50.
14. *ЭркинТоо*. 2002. № 58. // ИПС «Законодательство стран СНГ».

*Малышева Е. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОВРЕМЕННУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Широта формулировки настоящей статьи очевидна, но заявленный и предполагаемый в ней объем темы в предлагаемых ракурсах исследования оправдан исключительной актуальностью современного периода, в котором финансовая составляющая, бесспорно, возглавляет логический ряд экономического цивилизационного развития.

Ключевые слова: правовые исследования; финансовый институт; Вольсбергские принципы; система Базеля; финансово-правовая система.

О своевременности правовых исследований финансовых факторов международного влияния говорят следующие факты: рост влияния международных финансовых холдингов, переход на электронную форму денежных переводов, создание альтернативных платежных систем и т.д.

Финансовые институты действуют как через глобальные международные финансовые организации: Международный Валютный Фонд (МВФ/IWF), Совет по финансовой стабильности (СФС/FSB), Банк международных расчетов (БМР/BIS), ФАТФ, так и через особые неправительственные организации (Базельская и Вольсбергская группы). Нельзя не отметить и роль международных рейтинговых агентств «Мудис Инвесторс Сервис», «Стэндрат энд Пурс» и «Фич».

Например, Советом по финансовой стабильности (FSB) принято более 60 международных стандартов. А МВФ оценивает состояние финансовой системы в отдельных странах по следующим пяти ключевым критериям: применение базельских принципов банковского надзора; применение принципов регулирования рынка ценных бумаг Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO); применение основных принципов страхования; применение принципов для системно важных платежных систем Комитета по платежам и системам расчета; применение Кодекса надлежащей практики по обеспечению прозрачности в денежно-кредитной и финансовой политике.

Указанные факторы переносят спектр исследования не только в транснациональную плоскость и требуют осознания конструкции «глобальное финансовое регулирование», но и ставят во главу угла необходимость принятия международных унифицированных финансовых актов в целях стабильности и устойчивости международной финансовой системы в целом.

Бесспорно, все эти обстоятельства не могут не касаться состояния и развития национального права, что соответственно влечет постановку следующих вопросов: есть ли пределы и границы наднационального финансового влияния; каковы последствия такого влияния; будут ли или должны будут видоизменяться другие государственно-правовые институты; должны ли быть скорректированы доктринальные подходы?

Поставленными выше вопросами и объясняется параллельное обращение автора непосредственно к правовой системе.

Напомним, что в структуру правовой системы обычно включают правовые нормы, институты и принципы; юридические учреждения; правовое сознание, правовую культуру; правотворчество; правореализацию; правопорядок [2].

С учетом формулировки настоящей работы, акцент в которой смещен на исследование финансовых институтов, мы будем анализировать не все элементы правовой системы, а лишь первые два: **правовые нормы (российское законодательство) и юридические институты**, на которые оказывается основное влияние со стороны международных финансовых институтов.

Выделение в исследовании международных финансовых институтов как фактора влияния мотивировано следующим:

Возрастание роли финансов в современном гражданском обороте. По оценкам специалистов, финансово-кредитная отрасль изменилась за последние пять лет больше, чем за предыдущие 50 лет [1]. Нельзя не сослаться и на документы ВТО, где финансовые услуги выделены в самостоятельную, обособленную группу услуг. В частности, в группу «Банковские и другие финансовые услуги» входят 12 подвидов таких услуг.

Возрастание роли неправительственных международных финансовых организаций, применяющих так называемое «мягкое право». При этом акты неправительственных организаций в финансовой сфере, формально имеющие рекомендательный характер, фактически являются обязательными для соответствующих национальных

структур. Одним из ярких примеров присутствия таких **«рекомендательно-обязательных»** инструкций в национальной правовой системе являются Указания ЦБ РФ о Вольсбергских принципах [см.: 10].

В этой связи исследованию и объективному осознанию, в том числе и с позиций современной доктрины источников национального права, подлежат факты признания и действия на территории Российской Федерации положений международной (частной, по сути – саморегулируемой) организации, созданной 11 частными банками в 2000 г. и названной «Вольсбергской группой»¹.

Нельзя не упомянуть и Комитет регулирования и надзора за банковской деятельностью (Базельский комитет), созданный в г. Базеле (Швейцария) в 1974 г. руководителями центральных банков стран «Большой десятки» (G10) под эгидой Банка международных расчетов (БМР)². Система Базеля представляет собой универсальные нормативы по надзору за капиталом со стороны финансовых учреждений (Базель-1, Базель-2, Базель-3). Переход на Базель-3 должен быть осуществлен с 1 января 2013 до 1 января 2019 года. Российская Федерация в лице госрегулятора ЦБ РФ применяет нормативы Базеля в национальном банковском секторе. На 2015 г. в РФ действуют и правительственные акты [6], и более 30 документов ЦБ РФ, в текстах которых упоминаются принципы Базеля (например, см. [7]).

Другой международной неправительственной организацией, оказывающей существенное влияние на правовое регулирование деятельности финансовых организаций, является Фонд международных стандартов финансовой отчетности (ФМСФО). В настоящее время разработаны и действуют 13 международных стандартов финансовой отчетности (например, см. [3]). Соответственно с этим в Российской Федерации приняты и действуют нормативно-правовые акты как на уровне закона [11], так и на уровне правительства [8], а также на уровне спецрегулятора [4; 5].

Таким образом, в национальное законодательство вводятся наднациональные (универсальные) правовые механизмы, инициированные на

¹ Societe Generale, Deutsche Bank AG, ABN AMRO Bank N.V., Banco Santander Central Hispano S.A., Credit Suisse Group, UBS AG, HSBC, Barclays Bank, The Chase Manhattan Private Bank, Citibank N.A., J.P. Morgan.

² На 2015 год в систему Базеля входят представители уполномоченных органов 27 государств: Австралии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Германии, Гонконга, Индии, Индонезии, Испании, Италии, Канады, Китая, Люксембурга, Мексики, Нидерландов, России, Саудовской Аравии, Сингапура, США, Турции, Франции, Швеции, Швейцарии, ЮАР, Южной Кореи и Японии.

«неправительственном» уровне. Само за себя говорит также и название национального федерального закона № 208-ФЗ от 27.07.2010. «О консолидированной финансовой отчетности».

То есть, если акцентировать внимание на термине «отчетность» в привязке к международному неправительственному инициатору, а также проанализировать возможный и потенциальный охват отчетности/контроля исходя из 13 действующих на данный момент стандартов МСФО¹, то выводы будут явно выходить за рамки собственно финансово-экономической системы.

Уместно в этой связи привести легальное определение консолидированной финансовой отчетности, содержащееся в статье 1 ФЗ РФ № 208 от 27.07.2010, под которой понимается **«систематизированная информация, отражающая финансовое положение, финансовые результаты деятельности и изменения финансового положения организации (выд. – Е. М.), организаций и (или) иностранных организаций – группы организаций, определяемой в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (далее – МСФО)»** [11].

Показателен факт внедрения в финансово-правовую систему новых конструкций, юридико-техническую природу которых еще следует изучить. Так, в системе МСФО используются понятия: финансовый инструмент; финансовый актив; финансовое обязательство; долевого инструмента, производный финансовый инструмент (дериватив). Некоторые из них уже используются не только в финансовом, но в гражданском законодательстве.

Появились также и новые субъектные категорий. Это в первую очередь касается системно значимые финансовых организаций. О системно значимых финансовых институтах (СЗФИ) практически одновременно (2010 г.) заговорили и в США, и в Швейцарии. Так, в США закон Додда–Френка относит к СЗФИ коммерческие банки с активами 50 млрд долларов США и выше. В соответствии с данным законодательным актом за СЗФИ следует осуществлять более тщательный надзор и требовать от них работы с большим запасом надежности в виде

¹ IFRS 1 «Первое применение Международных стандартов финансовой отчетности»; IFRS 2 «Платеж, основанный на акциях»; IFRS 3 «Объединения бизнеса»; IFRS 4 «Договоры страхования»; IFRS 5 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и прекращенная деятельность»; IFRS 6 «Разведка и оценка запасов полезных ископаемых»; IFRS 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации»; IFRS 8 «Операционные сегменты»; IFRS 9 «Финансовые инструменты»; IFRS 10 «Консолидированная финансовая отчетность»; IFRS 11 «Соглашения о совместной деятельности»; IFRS 12 «Раскрытие информации о долях участия в других компаниях»; IFRS 13 «Оценка справедливой стоимости».

повышенного уровня капитализации, а также более жестко ограничивать их операции.

Помимо банков, в категорию системно значимых финансовых институтов могут входить небанковские финансовые организации – от страховых компаний до специализированных сберегательных учреждений, хеджевых фондов и финансовых компаний, а также учреждений инфраструктуры финансовых рынков (бирж, клиринговых палат) [1]. В российской правовой системе системно значимые субъекты появились в 2015 г. [9].

В заключение настоящей статьи можно сделать следующие общие выводы:

1. Финансовая составляющая в современном мире является определяющей и не может не повлиять на смещение акцентов в государственно-правовой сфере.

2. Элементы правовой системы субардиционно требуют пересмотра.

3. Возрастание наднационального влияния требует одновременного установления границ и пределов такого влияния в целях сохранения национальной безопасности и суверенитета.

Список литературы

1. *Кондрат Е.Н.* Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014. 928 с.

2. *Кудрявцев В.Н., Васильев А.М., Казимирчук В.П.* Правовая система социализма. М.: Юридическая литература, 1986. Кн. 1. С. 38–44.

3. *Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (ред. от 18.07.2012.); Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 11 «Совместная деятельность» (ред. от 31.10.2012); Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 5 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и прекращенная деятельность» (ред. от 02.04.2013); Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 4 «Договоры страхования» (ред. от 02.04.2013); Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» [Электронный ресурс]. URL: // <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2015).*

4. *О применении Международных стандартов финансовой отчетности.* Информация Минфина России № ОП 1-2012. [Электронный ресурс]. URL: // <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2015).

5. *О применении Международных стандартов финансовой отчетности.* Информация Минфина России. № ОП 2-2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2015).

6. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Правительством РФ 31.01.2013); Заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01-001/1280 от 05.04.2011 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года». [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/446770/> (дата обращения: 04.03.2015).

7. Положение о методике определения величины собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III») (утв. Банком России 28.12.2012. № 395-П) (ред. от 01.09.2015); Положение о порядке расчета показателя краткосрочной ликвидности («Базель III») (утв. Банком России 30.05.2014. № 421-П) (ред. от 25.11.2014). [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 04.03.2015).

8. Постановление Правительства РФ от 25.02.2011. № 107 (ред. от 26.08.2013) «Об утверждении Положения о признании Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности для применения на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: // <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=54239> (дата обращения: 04.03.2015).

9. Указание Банка России от 22.07.2015. № 3737-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций». [Электронный ресурс]. URL: // <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=257678&moduleId=1> (дата обращения: 04.03.2015).

10. Указание оперативного характера ЦБР от 15 февраля 2001 г. № 24-Т «О Вольфсбергских принципах»; Письмо ЦБ РФ N 105-Т 2006 г. «О документах Вольфсбергской группы» и др. [Электронный ресурс]. URL: // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1032231 (дата обращения: 04.03.2015).

11. Федеральный закон от 27.07.2010. N 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности». [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.zakonprost.ru/zakonu/208-fz-ot-2010-07-27-o> (дата обращения: 04.03.2015).

*Павлова О. Г.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИНФОРМАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В настоящей статье дана правовая характеристика охраноспособной и неохраноспособной информации с точки зрения гражданского права, рассмотрены отдельные виды охраноспособной информации, в частности открытая и закрытая информация

Ключевые слова: информация; виды информации; частно-правовые отношения; иностранный элемент в частно-правовых отношениях; международное частное право.

Современный период развития цивилизации характеризуется переходом от постиндустриального общества к обществу информационному через информатизацию всех сфер и направлений деятельности. Термин «информация», являвшийся чисто философской категорией, все в большей степени приобретает политическое, экономическое и юридическое значение. Она становится постоянным и необходимым атрибутом обеспечения деятельности государства, юридических лиц, общественных объединений и граждан.

Жизнь человека теснейшим образом связана с получением, переработкой информации из окружающего мира и обменом ею. Информация всегда играла чрезвычайно важную роль в жизни человечества. Практически все общественное взаимодействие так или иначе основано на обмене информацией. Однако такая важная роль информации создавала препятствия в формировании особых прав на нее, поскольку общество жизненно заинтересовано в свободном циркулировании информации. Ограничение возможностей обмена информацией создало бы непреодолимые трудности для общественного развития.

Как отмечает А.В. Нестеров в своей работе «Философия информации» [18, с. 3], указанный термин стал широко известен благодаря К. Шеннону (1949), который позаимствовал его у Р. Хартли (логариф-

мическая мера количества информации – 1928). Однако первые попытки уточнить указанное понятие восходят к работам Р. Фишера (вероятностная концепция – 1921). Информация, по К. Шеннону, фактически представляет собой количество переданного сообщения (данных), при этом можно определить, сколько информации (данных) содержится в сообщении, но нельзя определить, каким объемом информации располагает человек. Следует отметить также такие определения информации как «разнообразие» (У. Эшби) [25, с. 18], «оригинальность и мера сложности» (А. Моль) [17, с. 15], «знание» (Ф. Махлуп) [16, с. 36–37], «данные, которые были организованы и переданы» (М. Кастельс) [10, с. 39], «определенная порция порядка» (Б. Кадомцев) [9, с. 32].

Однако наиболее известно определение Н. Винера, в соответствии с которым «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [2, с. 31].

Категория «информация» очень объемна и содержательна. Она различается, например, по характеру (научная, техническая, экономическая), а также по объему и содержанию (аналитическая, сигнальная, открытая, секретная). Особые свойства информации как объекта частного права связаны, во-первых, с возможностью многократного использования; во-вторых, с неисчерпаемостью при потреблении; в-третьих, с сохранностью информации у передающего ее субъекта, и, наконец, в-четвертых, со способностью к сохранению, накапливанию и интегрированию [21, с. 46].

Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ в рекомендательном законодательном акте «О принципах регулирования информационных отношений в государствах – участниках Межпарламентской Ассамблеи», принятом 23 мая 1993 года [19], установлены следующие основные принципы правового регулирования информационных отношений:

- законодательное закрепление прав граждан, организаций, государства на свободный поиск, получение, использование и распространение информации и гарантий реализации этого права, за исключением случаев, установленных национальным законодательством;
- установление правового режима информации;

- обеспечение доступности информации, не отнесенной в установленном законом порядке к информации с ограниченным доступом;
- установление правовых форм защиты информации и гарантий информационной безопасности, а также защиты авторских и иных прав в области информационных отношений.

Говоря об информации и информационных отношениях в международном праве, следует отметить то обстоятельство, что право человека на информацию рассматривается как одно из фундаментальных прав. Специалисты в области международного информационного обмена и коммуникаций выдвигают идею международного информационного права, имеющего своим объектом правового регулирования международные информационные отношения. «Стартом» международного информационного права следует считать Международную конвенцию об использовании радиовещания в мирных целях (1936 г.) [1], запретившую передачи, подстрекающие к действиям, несовместимым с внутренним порядком, с безопасностью других государств (ст. 1). Запрещалась пропаганда войны (ст. 2). В настоящее время перед международным информационным правом стоят задачи определения понятия международно-правовой информации и ее классификации. Нормы об информации содержатся в многочисленных международных документах (декларациях, договорах, соглашениях, конвенциях).

Весь объем информации, обращающейся в современном обществе, с точки зрения частного права может быть условно разделен на охраноспособную и неохраноспособную информацию. В этом случае, к неохраноспособной информации следует отнести:

- распространяемую любым способом информацию, являющуюся элементом бытового общения [15, с. 9]. При этом под общением понимается обмен информацией между биологическими объектами, обусловленный потребностью индивидуумов к объединению в социальные группы по различным интересам. Указанная информация является неохраноспособной в силу того, что она не имеет стоимостного выражения для субъектов общения и служит всего лишь целям коммуникации между индивидуумами. Сюда же относится информация, содержащая сообщения о событиях и фактах, которая создается главным образом средствами массовой информации;

- информацию, связанную с обеспечением внешних и внутренних функций государства, и поскольку государство в ходе реализации своих полномочий выступает с позиции власти, следовательно, в

данном случае не предполагается равенства субъектов правоотношений.

– информацию, связанную с реализацией норм морали, ввиду того, что указанные нормы находятся вне норм права, и, следовательно, такая информация не может «подчиняться» гражданско-правовым правилам.

– информацию, обеспечивающую отправление религиозных отношений, потому как все, что связано с распространением религиозных норм посредством передачи информации, не является объектом гражданско-правовых отношений.

К охраноспособной информации, следовательно, будет отнесена информация, сбор, предоставление, распространение и защита которой регулируются частным правом. При этом надлежит отметить, что указанная информация включает в себя как открытую (свободную для доступа и в отдельных случаях обязательную для предоставления), так и закрытую (конфиденциальную) информацию.

Анализ международного законодательства на предмет вопросов регулирования предоставления информации в частно-правовых отношениях позволяет сделать вывод о том, что к закрытой (конфиденциальной) охраноспособной могут быть отнесены следующие виды информации:

1. Тайна личной и семейной жизни лица, тайна его корреспонденции (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека) [3].

2. Закрыта информация, охраняемая в соответствии с разд. 7 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [24], в частности, информация, правомерно находящаяся под контролем физических и юридических лиц, не должна без их согласия быть раскрыта, получена или использована другими лицами способом, противоречащим честной коммерческой практике при условии, что такая информация:

а) является секретной в том смысле, что она в целом или в определенной конфигурации и подборе ее компонентов не является общеизвестной и легко доступной лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобной информацией;

б) ввиду своей секретности имеет коммерческую ценность;

с) является предметом надлежащих в данных обстоятельствах мер, направленных на сохранение ее секретности, со стороны лица, правомерно контролирующего эту информацию.

3. Информация, раскрытие которой запрещено иностранным законодательством, а также конфиденциальная информация, распространение которой не запрещается, но юридически ограничено (Типовые правила разрешения споров, Договор о зоне свободной торговли [6]).

4. Конфиденциальная информация, которая передается одной стороной другой стороне в процессе переговоров в целях заключения коммерческого договора (ст. 2.16 Принципов УНИДРУА) [20; с. 82–92].

5. Информация, которая передается договаривающимися Сторонами *международного договора (соглашения)* (выделено мной – О.П.) в связи с реализацией указанного документа. Защита конфиденциальности указанной информации может быть представлена в различных вариантах:

– любая информация, сообщаемая в любой форме на основании договора, носит конфиденциальный характер и на нее распространяется служебный режим секретности (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Заключено на о. Корфу 24.06.1994) [22];

– отказ от требования раскрытия конфиденциальной информации Сторон (Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС). Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) [4, с. 2785–2817];

– отказ Стороны от предоставления информации, если такая информация признается конфиденциальной в соответствии с национальным законодательством (Договор о проведении согласованной антимонопольной политики. Подписан в г. Москве 25.01.2000) [7, с. 103–114].

6. Данные личного характера, подвергающиеся автоматизированной обработке (Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) [12, с. 106–114]. При этом данные личного характера, касающиеся расовой принадлежности, политических взглядов или религиозных или других убеждений, а также данные личного характера, касающиеся здоровья или половой жизни, не могут подвергаться автоматизированной обработке, если внутреннее законодательство не устанавливает соответствующих гарантий. Это положение действует также в отношении данных личного характера, касающихся судимости.

7. Информация о ребенке, предусмотренная Конвенцией о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудни-

честве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей [13], если такая информация может поставить под угрозу личность или имущество ребенка или составить серьезную угрозу свободе или жизни члена семьи ребенка.

Вместе с тем следует отметить, что наряду с конфиденциальной информацией международное частное право предусматривает следующие виды открытой информации:

1. Единая система научно-технической, экономической и правовой информации и соответствующие банки данных, создаваемые в соответствии с Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ст. 54) [8].

2. Информация об основных фактах и выводах, которые являются основанием для применения антидемпинговых или компенсационных мер во взаимной торговле между сторонами Таможенного союза (ст. 9 Договора о зоне свободной торговли [5]).

3. Информация, относящаяся к предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов, кроме случаев, когда такая информация признается конфиденциальной в соответствии с национальным законодательством. (Положение о взаимодействии государств по пресечению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции – Договор о проведении согласованной антимонопольной политики).

4. Информация о внутреннем правовом регулировании внешне-экономических связей (Соглашение о создании зоны свободной торговли [23, с. 113–124]).

5. Информация, позволяющая установить лицо, на имя которого зарегистрирован автомобиль или сцепленный с автомобилем прицеп, если в представленной просьбе указано, что это транспортное средство причастно к дорожно-транспортному происшествию, имевшему место на территории Стороны, которая обратилась с такой просьбой (Конвенция о дорожном движении. Заключена в г. Вене 08.11.1968) [11, с. 385–435].

6. Информация, имеющая значение для защиты ребенка, в том числе о возможности доступа родителя к ребенку (по запросу такого родителя), об изменении места проживания ребенка (ст. 34–36 Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей).

7. Информация о товаре, в том числе информация, необходимая для страхования товара при перевозке (Конвенция Организации Объ-

диненных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Заключена в г. Вене 11.04.1980) [14].

8. Иная информация, которая должна быть передана договаривающимися сторонами в целях надлежащего исполнения заключенного между ними международного договора (соглашения), в том числе информация, необходимая для разрешения споров и статистическая информация.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует отметить тот факт, что в частно-правовых отношениях, осложненных иностранным элементом, представлен достаточно широкий спектр отдельных видов информации, каждый из которых имеет свои отличительные особенности.

Список литературы

1. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1983. № 16. Ст. 240.
2. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1951.
3. *Всеобщая декларация прав человека. Принята 10.12.1948. Генеральной Ассамблеей ООН* // Российская газета. 1995. 5 апреля.
4. *Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС). Заключено в г. Марракеше 15.04.1994.* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI).
5. *Договор о зоне свободной торговли. Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011.* Ст. 9. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 40. Ст. 5340.
6. *Договор о зоне свободной торговли. Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011.* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 40. Ст. 5340.
7. *Договор о проведении согласованной антимонопольной политики. Подписан в г. Москве 25.01.2000.* // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 1 (34).
8. *Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Подписан в г. Москве 26.02.1999.* // Собрание законодательства РФ. 2001. № 42. Ст. 3983.
9. *Кадомыцев Б.Б.* Динамика и информация // Успехи физических наук. 1994. Т. 164. № 5.
10. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
11. *Конвенция о дорожном движении. Заключена в г. Вене 08.11.1968.* // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979.

12. *Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981.* // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998.

13. *Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей. Заключена в г. Гааге 19.10.1996.* // Собрание законодательства РФ. 2013. № 32. Ст. 4297.

14. *Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Заключена в г. Вене 11.04.1980.* / Ян Рамберг; пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой). М.: Инфотропик Медиа, 2011. 896 с.

15. *Лобанов Г.А. Информация как объект гражданского права* // Научно-техническая информация. Серия 1. 1999. № 6.

16. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М., 1966.

17. *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

18. *Нестеров А.В.* Философия информации // Научно-техническая информация. Серия 1. 2000. № 2. С. 3.

19. *Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipa.spb.su/docs.ru.html>*

20. *Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИД-РУА). 1994 год* // Закон. 1995. № 12.

21. *Смирнов Г.И.* Тесно под одной крышей // Вопросы изобретательства. 1991. № 1.

22. *Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнёрство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Заключено на о. Корфу 24.06.1994.* // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.

23. *Соглашение о создании зоны свободной торговли. Заключено в г. Москве 15.04.1994.* // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 1(14).

24. *Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS). Заключено в г. Марракеше 15.04.1994.* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI).

25. *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М., 1958.

Самойлов М. А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-процессуального права
Крымского филиала РГУП,

Новохацкая И. П.,
старший преподаватель кафедры
гражданско-процессуального права
Крымского филиала РГУП,
г. Симферополь

КОНКУРЕНЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ И АВТОНОМНОЙ КОДИФИКАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье речь идет об отраслевой и автономной кодификации норм международного частного права применительно к правовой системе Российской Федерации. Анализируются негативные и позитивные стороны в практике применения каждого вида кодификации, приводится мировая практика в сфере избрания формы закрепления коллизионных норм на уровне внутринационального законодательства. Высказаны идеи усовершенствования коллизионного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: правоотношения, осложненные иностранным элементом; форма законодательного урегулирования; коллизионные нормы; коллизионное регулирование; автономная кодификация; отраслевая кодификация; отраслевое законодательство; кодификационные процессы; дублирование положений.

Эффективность коллизионного регулирования частноправовых отношений, которые выходят за рамки внутригосударственных, в значительной степени зависит прежде всего от той формы, которую приобретают нормы и институты международного частного права в национальном законодательстве, а также от структуры соответствующих документов, которые определяют взаимодействие коллизионных норм.

До сегодняшнего дня вопросы выбора оптимальной формы законодательного урегулирования в сфере разрешения коллизионных вопросов в Российской Федерации носили исключительно теоретический характер и привлекали внимание исключительно специалистов-теоретиков международного частного права, поскольку выбор формы закрепления коллизионных норм на уровне внутринационального законодательства России состоялся и постепенно был реализован путем

включения в отдельные кодифицированные нормативно-правовые акты разделов, содержащих коллизионные нормы.

Актуальность данный вопрос приобретает в свете прогрессирующей сегодня тенденции, в основе которой лежит «объективный процесс глобализации экономической и социальной жизни». Кроме того, имея действующий и испытанный на протяжении пусть даже короткого времени механизм коллизионного регулирования частноправовых отношений в законодательстве РФ, целесообразно говорить о результатах его применения. Нельзя не учитывать также то, что форма законодательных актов международного частного права в этой связи может определять тот или иной этап развития указанной отрасли права и рассматривается как своеобразный критерий периодизации национального законодательного процесса.

Мировая практика кодификации международного частного права предлагает три основных подхода к законодательному закреплению норм МЧП: 1) принятие самостоятельных комплексных законов о международном частном праве (автономная кодификация МЧП); 2) включение разделов, содержащих коллизионные нормы в отраслевые нормативные акты (отраслевая кодификация); 3) принятие нормативных актов, которые содержат отдельные нормы международного частного права. Поскольку третий вариант исторически себя не оправдал и постепенно был отвергнут всеми правовыми системами, «конкурирующими» на сегодняшний день, остаются два вида кодификации – отраслевая и автономная.

Постепенная генерация национальных кодексов, которые содержали в себе отдельные коллизионные предписания, а в последствие – разделы, которые были посвящены коллизионному праву, сменились со второй половины XX столетия новым поколением специальных законов. При этом традиционно создание коллизионных разделов в отраслевых нормативно-правовых актах в странах континентального права рассматривается как этап перехода к нормативному акту качественно высшего уровня – специального закона по вопросам международного частного права. Коррективы в данной области неизбежно вносятся реалиями общественно-экономической и политической жизни отдельной страны, спецификой собственных источников права. Определить же степень юридической оправданности «отказа» Российской Федерации от автономной кодификации коллизионных норм можно исходя из опыта стран Западной Европы, которые в ходе масштабного реформи-

рования законодательства осуществили кодификации международного частного права в виде специальных законов.

Так, традиции нормативного закрепления коллизионного регулирования в Германии имеют далекое прошлое и основаны на исторических кодификациях Баварии 1756 (*Codex Maximilianeus Bavaricus*), «Общем земельном праве для прусских государств 1794» и при принятии «Германского гражданского уложения» XIX века. Собственно тогда было принято решение включить коллизионные нормы в отдельный нормативно-правовой акт – «Вступительный Закон к уложению», и такой закон был принят 18 августа 1896 года. Причины расположения норм международного частного права исключительно в составе Вступительного Закона к Гражданскому уложению Германии объясняются спором, который возник между представителями Имперского правительства и юристами, которые участвовали в подготовке Гражданского уложения [6, с. 88]. Первые рассматривали международное частное право как часть международного публичного права и выступали за включение норм МЧП в состав Гражданского уложения, руководствуясь при этом стремлением решать соответствующие коллизии с помощью международных договоров. Этим собственно Имперское правительство Германии и мотивировало приоритет избранной формы законодательного урегулирования в сфере разрешения коллизионных проблем.

Впоследствии отказ от идей включения норм МЧП во Всеобщую Часть уложения или объединения их в единую Шестую книгу Гражданского уложения стал основанием для возникновения у специально созданной комиссии по рассмотрению компромиссного предложения закрепить нормы МЧП во Вступительном Законе к Гражданскому уложению.

Через 90 лет в Германии вновь была осуществлена кодификация внутреннего коллизионного законодательства. Так, 1 сентября 1986 года вступил в силу закон «О реформировании системы норм международного частного права». Новым Законом в первую часть Преамбулы был введен второй раздел «Международное частное право», состоящий из 35 статей. Данный нормативный акт стал в Европе четвертым специальным законом в области международного частного права после аналогичного выбора формы законодательного урегулирования в сфере разрешения коллизионных проблем Австрией, Венгрией и Югославией.

Поэтому в настоящее время под законом о международном частном праве Федеративной Республики Германия следует понимать сово-

купность правовых норм, предусмотренных Вступительным Законом к Гражданскому уложению Германии (Einfuehrungsgesetz zum Buergerlichen Gesetzbuche) [2, с. 381]. Указанные нормы составляют содержание второго раздела части первой указанного Закона и направлены на разрешение коллизий в сфере брачно-семейных, наследственных и договорных отношений. Вследствие новелизации 1999 г. путем принятия закона от 21 мая 1999 года текст действующего нормативно-правового акта был дополнен положениями, регулируемыми коллизии в сфере внедоговорных обязательств и вещного права (ст. 38–46 закона).

Италия в XX в. стала последней из стран континентальной Европы, в которой была осуществлена современная кодификация норм международного частного права [5, с. 322]. Так, 31 мая 1995 года в Италии был принят Закон № 218 «Реформа итальянской системы МЧП», который вступил в силу с 1 сентября 1995 года, за исключением статей 64–71, которые вступили в силу с 1 января 1996 года. До принятия данного закона в итальянском законодательстве уже существовали нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения с участием иностранцев. Так, в частности, Гражданский кодекс Италии 1942 г. (II Codice Civile Italiano) содержал нормы, определяющие право, подлежащее применению в сфере личного статуса иностранцев, семейных правоотношений. Однако, несмотря на существование на уровне отраслевого законодательства достаточно разработанной и относительно действенной системы коллизионной норм, принятие данного Закона привело к кардинальному реформированию системы МЧП Италии. Этот Закон вывел регулирование огромной сферы частноправовых отношений международного характера на новый качественный уровень. Данный результат был достигнут как за счет использования различных коллизионных привязок, так и с помощью того обстоятельства, что законодатель не пошел по пути включения в закон всех норм, подлежащих применению, а использовал при разработке закона отсылочный метод, включив в его статьи указания на применение норм международных конвенций, ратифицированных Италией.

Швейцарский Федеральный закон «О МЧП» был принят 18 декабря 1987 года. Данный закон заменил собой один из основных источников коллизионного регулирования в этом государстве – Федеральный закон от 25 июня 1891 года «О гражданских правоотношениях граждан, которые постоянно или временно находятся в стране». Федеральный закон «О МЧП» вступил в силу 1 января 1989 года. Особен-

ность структуры этого закона заключается в том, что каждый из его разделов включает параграфы, регулирующие три основополагающих вопроса: юрисдикция; право, которое подлежит применению; исполнение иностранных решений. Такое структурирование, по мнению Н.Н. Богуславского, делает закон «четким и стройным» [1, с. 66]. Данная структура Закона объясняется тем, что именно в таком порядке эти три основополагающих вопроса решаются судом при рассмотрении дел с иностранным элементом. В целом, сообщество ученых и юристов приходит к мысли, что Закон Швейцарии можно считать лучшей кодификацией по вопросам международного частного права не только в Европе, но и во всем мире [5, с. 189]. Их точку зрения поддерживает и украинский специалист в области МЧП В.И. Кисиль, согласно мнению которого Швейцарский Федеральный закон «О МЧП» «... до сих пор остается наиболее совершенным и основательным законом в этой области» [4].

Австрийский закон «О международном частном праве» был принят 15 июня 1978 года (вступил в силу 1 января 1979 года) и состоит из семи разделов: общие положения; коллизионные нормы относительно правового статуса лиц; семейное право, наследственное право; право собственности; право собственности на нематериальные ценности; обязательственное право. Таким образом, как можно увидеть, данный закон по своей структуре и содержанию не является емким и комплексным как, например, аналогичный закон в Швейцарии. Но до принятия этого Закона коллизионные нормы Австрии находились в разных нормативных актах, во многом были устаревшими и не были способны в полной мере урегулировать частноправовые отношения с иностранным элементом. Анализируя общие вопросы МЧП в этом законе, можно уверенно сказать, что собственно в этом нормативном акте были исторически сделаны важные шаги на пути дальнейшего развития австрийского и общеевропейского международного частного права. Достаточно констатировать закрепление общепринятого принципа «наиболее тесной связи», который давно уже завоевал признание во внутринациональном коллизионном регулировании стран Европы в ст. 1 Австрийского закона «О международном частном праве».

Анализ истории законотворчества в сфере МЧП указывает на неизбежность постепенного отделения законодательства о международном частном праве от отраслевого законодательства. Это направление, помимо доктринальной оправданности, порождается проблемами практики правоприменения в процессе регулирования сложнейших проблем

отрасли права, которую называют «высшей математикой юриспруденции».

Так, статистика кодификационных процессов в сфере МЧП говорит сама за себя. Одним из первых отдельных актов, посвященных проблемам коллизии законов, стал японский Хорей (Закон о применении законов), принятый в 1898 г. и реформированный в 1989-ом. В 1938 г. Закон о конфликте законов был принят в Таиланде. Во второй половине XX и начале XXI века автономные законы по вопросам МЧП были приняты в Чехословакии (1963 г.), Албании (1964 г.), Польше (1965 г.), Южной Корее (1969 г.), Венгрии (1979 г.), Югославии (1982 г.), Турции (1982 г.), ФРГ (1986 г.), Швейцарии (1987 г.), Румынии (1992 г.). В 1995 г. даже Великобритания, правовая система которой отрицает процесс кодификации, использовала автономную кодификацию международной частноправовой нормы. Данное объясняется спецификой последней. Поскольку коллизионная норма отсылает к правопорядку в целом, а не к конкретному нормативно-правовому акту, и ее действие может коснуться и неопределенного круга законов государства, закономерно ставится под сомнение правильность ее включения в отраслевом нормативном акте.

Так, можно сколько угодно доказывать с позиций логики и законодательной техники целесообразность и эффективность отдельного законодательного регулирования в области международного частного права, но единственно качественным подтверждением в этой связи будет выступать необходимость наиболее полного разграничения компетенции российского и иностранного права в ситуациях, когда несколько правовых систем «претендуют» на регулирование одних и тех же правоотношений с иностранным элементом.

Основным недостатком отраслевой кодификации норм МЧП в Российской Федерации является неоднократное дублирование в отраслевых нормативно-правовых актах положений, касающихся общих условий действия коллизионных норм. При этом отраслевая кодификация практически оставляет без внимания общий порядок применения иностранного права.

Следование Российской Федерации по пути отраслевой кодификации можно связать как с недостаточной распространенностью международного сотрудничества в сфере отраслевых отношений, так и с попыткой защиты внутринационального законодательства путем сдерживания чрезмерного внедрения норм международного права в собственную правовую систему. Так, прогрессивное римское право вообще

не содержало коллизионного метода правового регулирования, поскольку не признавался сам факт существования иностранного права. В той связи обычно приводят цитату из трактата Цицерона «De oratore» (55 г.): «Incredible est quam sit omne jus civile praeter hoc nostrum incoditium as raene ridiculum» (Невероятно, насколько любое другое гражданское право, кроме нашего, кажется brutальным и почти смешным) [3, с. 6].

Современная правовая действительность полностью отрицает возможность существования такого подхода к иностранному законодательству, уровень возможного применения которого указывает на престиж законодательной системы и государства в целом. В связи с этим автономная кодификация на сегодняшний день для Российской Федерации является единственно возможным механизмом наиболее качественного устранения пробелов в правовом регулировании правоотношений, осложненных иностранным элементом.

Список литературы

1. *Богуславский М.М.* Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 1999. 408 с.
2. *Германское право. Часть I.* М.: Международный центр финансово-экономического развития. 1996. 515 с.
3. *Гуляев А.М.* Об отношении русского гражданского права к римскому (по материалам Вступительной лекции 16 сентября 1894 года). М.: Юристъ, 1999. 16 с.
4. *Кисиль В.І.* Міжнародне приватне право: питання кодифікації. К.: Україна, 2000. 430 с.
5. *Международное частное право: Иностранное законодательство* / сост. и науч. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2001. 892 с.
6. *Савельев В.А.* Гражданский кодекс Германии (история, система, институты). М.: Юристъ, 1994. 96 с.

*Селезнев А. Н.,
преподаватель кафедры
гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПОНЯТИЕ «УСЛУГА» В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Данная статья посвящена изучению вопроса понятия услуги как неовещественного объекта по российской доктрине и законодательству и анализу международных источников, применимых в Российской Федерации или планируемых к применению. В статье обозначены пути, по которым возможно дальнейшее движение в определении «услуга».

Ключевые слова: услуга; неовещественный объект; объекты; понятие.

Действующий гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) выделяет большое количество объектов, в том числе неовещественных, таких как товарные знаки, некоторые результаты интеллектуальной деятельности, оказание услуг и т.д.

По сути, в ст. 128 ГК РФ нет такого объекта как услуги, т.к. в содержание статьи заложен процесс – оказание услуг. Полноценного определения понятия «услуга» мы не найдем, так же как и его признаков, но в свою очередь мы попытаемся предложить дефиницию «услуги» и соответствующие особенности как неовещественного объекта гражданского права.

Единое универсальное понятия «услуги» в экономической и правовой доктрине не сложилось. Так, К. Маркс писал: «Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, труда ли» [2, с. 203]. Н.А. Баринов в своей монографии пишет: «Услуга – это экономическое отношение, возникающее по поводу результатов труда, создающего потребительные стоимости, проявляющиеся в форме полезного действия товара (вещи) или самой деятельности для удовлетворения конкретных, разумных потребностей человека» [1, с. 17]. Л.В. Санникова понимает под «услугами» действия услугодателя по сохранению или изменению состояния невещественных благ (неимущественных прав, информации, нематериальных благ), совершаемых в пользу услугополучателя [6, с. 16]. Е.Г. Шаблова под услугой же понимает «способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который не связан с созданием (улучшением) вещи или объекта интеллектуальной собственности и достигается в результате деятельности, допускаемой действующим правопорядком на возмездных началах» [8, с. 13].

В свою очередь непосредственно сама конструкция оказания заимствована из римского права. Уже тогда закладывалась сущность конструкции услуги – это был особый договорной тип, включавший в себя три разновидности договоров, в котором основным критерием

выступало наличие или отсутствие овеществленного результата (opus) [3, с. 189].

Если обратиться к современному российскому законодательству, то определение «услуги» содержится в п. 5 ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: «услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе этой деятельности». В то время как ГК РФ не содержит четкого понятия «услуги», но содержит понятие «договора оказания услуг». Законодатель изначально в тексте статьи ограничил применение данного определения только целями налогообложения.

Анализ точек зрения различных авторов, законодательства дает основание полагать, что суть «услуги» со временем не изменилась. Так же, как и в римском частном праве, во время оказания услуги не предполагается создание вещей.

Таким образом, мы считаем, что сущностью услуги является то, что сама услуга как и процесс ее оказания имеют неовеществленный результат, что подтверждено судебной практикой [5], и имеют конкретную цель. Исходя из сформировавшейся правовой позиции, судебная практика идет по пути «все, что не работа (т.е. не имеет овеществленного результата) – услуга».

Согласно классическому определению, обязательство – правоотношение, в силу которого кредитор имеет право требования, а должник обязан совершить определенное действие или воздержаться от определенного поведения. Таким образом, обязательство сводится к правам и обязанностям сторон (содержание) и к тому, на что направлены эти права и обязанности (объект). Анализируя определение обязательства, можно выделить следующее: у объекта обязательства есть две формы: активная (действие) и пассивная (воздержание от действий). Услуги относятся только к первой категории.

На основании анализа доктрины, законодательства и судебной практики можно дать следующее понятие **услуги** в качестве определенных сторонами правомерных действий одного лица в пользу и/или интересах другого лица, направленные на решение конкретной цели, не связанные с созданием овеществленного результата.

Стоит отметить базовые признаки услуги:

- 1) Неовещественность.
- 2) Моментальная потребляемость [7].

3) Каузальность.

4) Форма услуги – действие/деятельность лица.

В то же время стоит обратить внимание на международный аспект.

Стоит отметить, что общего определения «услуги» не содержится в зарубежном законодательстве (разберем более подробно на примере финансовых услуг). Так, например, в Решении Экономического совета СНГ «О проекте Концепции либерализации рынка финансовых услуг государств-участников СНГ», принятого в г. Москве 20.03.2012, содержится понятие «финансовая услуга», не содержащее конкретных признаков, но изобилующая абстрактными положениями, а именно: деятельность на рынках финансовых услуг, осуществляется в соответствии с законодательством.

В международном обороте существует большое количество услуг, такие как: «финансовые услуги», «инвестиционные услуги», «валютно-расчетные и клиринговые услуги».

Г.В. Петрова в своей статье отмечает, что «финансовые услуги выделены в самостоятельную, обособленную группу услуг Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) в рамках Всемирной Торговой Организации (ВТО): они являются интегрированной частью группы "Банковские и другие финансовые услуги (исключая страхование)", которая, в свою очередь, относится к более крупной категории – разделу "Финансовые услуги". В группу "Банковские и другие финансовые услуги (исключая страхование)" входят 12 подвидов услуг, среди которых:

1) прием от населения депозитов и других подлежащих выплате денежных средств; 2) выдача ссуд всех видов, включая потребительский кредит, залоговый кредит, факторинг и финансирование коммерческих операций; 3) финансовый лизинг, гарантии и обязательства; 4) торговля за свой счет и за счет клиентов, на валютной бирже и вне биржи производными продуктами, в том числе фьючерсами и опционами; инструментами, касающимися валютных курсов и процентных ставок, включая форвардные сделки; сделки с переводными ценными бумагами, прочими оборотными инструментами и финансовыми активами, включая золото и серебро в слитках; 5) другие операции» [4 с. 55–66].

Таким образом, в международном праве встречаются различные понятия «услуги». На наш взгляд, это связано с тем, что одним из

важнейших признаков «услуги» является каузальность, т.е. цель услуги.

Такой же подход отражен и в Протоколе о присоединении России к ВТО, где нашли отражение как базовые обязательства, применимые ко всем услугам, так и специальные обязательства, применимые ко всем услугам.

Делая выводы, стоит отметить, что услуга является одной из важнейших категорий в ряду объектов национального гражданского права и международного права. В то же время у законодателя, так же, как и у правоприменителя, есть несколько вариантов развития права: конкретизировать и внедрить единое понятие услуги, использовать несколько различных вариантов определений в зависимости от сектора экономики и сферы деятельности (самый распространенный вариант) либо формулировать его в судебной практике, основываясь на базовых признаках, под конкретное дело в связи с его целью. На наш взгляд, целесообразнее сформировать совокупность признаков, которыми следует руководствоваться при разрешении конкретных дел, где наряду с базовыми признаками, выделенными нами выше, в зависимости от конкретной ситуации будут появляться уточняющие признаки, необходимые для правильного и полного разрешения дела.

Список литературы

1. *Баринов Н.А.* Услуги: (социально-правовой аспект): монография. Саратов, 2001. С. 17.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 23. М., 1962. С. 203–204.
3. *Новицкий И.Б.* Римское право. М., 2012. С. 189.
4. *Петрова Г.В.* Формирование международного права торговли финансовыми услугами и его влияние на национальное законодательство о финансовых рынках // *Международное право и международные организации.* 2012. № 4. С. 55–66.
5. *Постановление Президиума ВАС РФ от 27.04.2010. № 18140/09 по делу N А56-59822/2008.*
6. *Санникова Л.В.* Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. М., 2007. С. 16.
7. *Степанов Д.* Российская юстиция. 2000. № 2.

8. *Шаблова Е.Г.* Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 13.

*Сергеева Е. С.,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ТОРГОВ

В статье анализируется международный опыт правового регулирования организованных торгов, приводятся концепции регулирования международных частных отношений в сфере организованных торгов, рассматриваются основные источники правового регулирования на международном уровне; определена роль международного частного права для регулирования правоотношений в сфере организованных торгов.

Ключевые слова: правовое регулирование; организованные торги; международные частные правоотношения на организованном рынке; иностранный элемент.

Под регулированием можно понимать любые формы правил поведения субъектов организованных торгов. Данные правила могут приниматься и разрабатываться носителями государственной власти и самими участниками организованного рынка, на межгосударственном уровне и в рамках отдельных государств.

Правила и стандарты, разрабатываемые международными организациями в виде рекомендаций, получили в юридической литературе наименование норм «мягкого права» [2, с. 7], а стандартные договоры, вырабатываемые участниками рынков, обычно именуются *lex mercatoria* [3, с. 420].

На национальном организованном рынке первоочередным регулятором является центральный банк или иная подобная организация, основная функция которой – установление общих правил обращения объектов организованных торгов и осуществление банковского надзора. Существуют также специальные ведомства, устанавливающие правила и осуществляющие надзор в отдельных сегментах организованного рынка, например, в области рынка ценных бумаг. В последнее время все больше государств создают единые органы – так называемые «мега-регуляторы» [1, с. 16], к компетенции которых относятся вопросы, связанные с функционированием финансового рынка в це-

лом. В России соответствующие полномочия полностью переданы мега-регулятору Центральному Банку.

На международном уровне структура органов регулирования в определенной степени отражает подход, присущий национальным правовым порядкам. Во главе находится Международный валютный фонд (далее – МВФ), учрежденный на валютно-финансовой конференции Организации объединенных наций в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир (США), в 1944 году. К целям МВФ отнесены: содействие развитию международного сотрудничества в валютно-финансовой сфере, расширению и сбалансированному росту международной торговли, стабильности валют, оказание помощи в создании многосторонней системы расчетов по текущим операциям между государствами-членами и другие [10].

Предполагается, что на мировом уровне еще не было создано единого «мега-регулятора», хотя близко к тому находится Форум финансовой стабильности (далее – Форум). УНИДРУА при разработке некоторых своих инструментов прямо ссылается на документы Форума финансовой стабильности [13]. Форум был создан в 2007 г. министрами финансов Большой семерки для того, чтобы координировать на международном уровне работу национальных финансовых органов и органов, устанавливающих международные стандарты на финансовых рынках. Целью Форума является выработка и распространение эффективной политики регулирования и надзора за финансовыми рынками. Форум взаимодействует с МВФ для целей так называемого «раннего предупреждения» – механизма, разработанного после кризиса 2008 г. по инициативе Большой двадцатки [11].

В рамках Форума был разработан документ, имеющий значение для международного организованного рынка – свод правил, касающихся Основных принципов эффективных режимов для финансовых институтов [14]. Основные принципы эффективных режимов для финансовых институтов касаются холдинговых компаний, филиалов иностранных компаний, финансовых систем. В тексте документа они совместно именуется «инфраструктурой финансового рынка», определяемой в качестве «многосторонней системы финансовых институтов, включающей оператора системы, функционирующего для целей записи, клиринга, взаимозачета платежей, ценных бумаг, деривативов и других финансовых сделок». Данное определение было разработано совместно Комитетом по платежным системам Банка для международ-

ных расчетов (далее – БМР) и Международной организацией комиссий по ценным бумагам [4].

Данный свод правил распространяется на ликвидационный неттинг, а также на соглашения о взаимозачете и обеспечительные сделки. В частности, предусматривается право регулирующего органа приостанавливать положения «стандартной рыночной документации для финансовых контрактов», касающихся досрочного исполнения, прекращения и других подобных обязательств. Речь идет о Генеральном соглашении Международной ассоциации свопов и деривативов, широко используемом на международном организованном рынке [12].

На международном уровне действуют специальные органы, задачей которых является регулирование отдельных сегментов международного организованного рынка – так называемые «функциональные регуляторы». Одним из основных «функциональных регуляторов» в сфере организованных торгов является Международная организация комиссий по ценным бумагам (далее – ИОСКО) [6], а также БМР, в частности созданный в рамках него Базельский комитет по банковскому надзору [5]. БМР выработал ряд документов, касающихся в первую очередь платежных и расчетных систем. К примеру, в 2001 г. были приняты Ключевые принципы для системно-значимых платежных систем, а также (совместно с ИОСКО) Рекомендации для систем расчета по ценным бумагам [7]. Оба документа входят в число международных стандартов, на соответствие которым Мировым банком и МВФ проводится оценка законодательства отдельных стран, регулирующего финансовый сектор, в рамках Программы оценки финансового сектора.

ИОСКО отвечает за унификацию регулирования на рынке ценных бумаг. Данная организация была основана в 1983 г., члены ИОСКО регулируют более 95% рынков ценных бумаг по всему миру из более ста юрисдикций [6]. Интерес ИОСКО сосредоточен на рынках капитала: основным документом, разработанным ИОСКО, является «Цели и принципы регулирования рынка ценных бумаг» [7]. Данный документ устанавливает три основных цели – защита инвесторов, обеспечение честности, эффективности и прозрачности рынков, а также снижение системного риска – и тридцать принципов, в том числе принципы приведения в исполнение регулирования рынка ценных бумаг; принципы кооперации и регулирования; принципы, адресованные коллективным инвестиционным схемам; принципы, адресованные посредникам на

рынке ценных бумаг; принципы вторичного рынка. Например, устанавливается принцип равенства держателей ценных бумаг. В целом, принципы устанавливают правила поведения на рынке, такие как прозрачность, раскрытие информации, требования достаточности капитала к посредникам, запрет манипуляцией рынка и другие.

Вообще на организованном рынке следует выделить две концепции регулирования международных частных отношений.

Первая концепция предполагает, что гражданско-правовое регулирование деятельности субъектов организованных торгов преимущественно сосредоточивается в нормативных документах государственных органах и лишь небольшая часть полномочий передается саморегулирующимся организациям, объединениям профессиональных участников рынка ценных бумаг (Франция).

Вторая концепция допускает, что максимально возможный объем полномочий передается саморегулирующимся организациям и значительное место занимают не жесткие предписания, а процесс согласования договорных условий участников организованных торгов. Государство сохраняет за собой основные координационные позиции в любой момент вмешаться в процесс саморегулирования (Великобритания).

Среди более, чем 30 стран с развитыми организованными рынками и формами клиринговой деятельности, свыше 50 % имеют самостоятельные ведомства, службы по финансовым рынкам (США), примерно в 15 % стран за рынок отвечает министерство финансов, 15 % стран имеют смешанное управление. В некоторых странах с устойчивой банковской моделью рынка (например, Германия, Австрия, Бельгия) основную ответственность за клиринговые операции на фондовом рынке несет центральный банк и орган финансового надзора (если он отделен от центрального банка). Уникальной в этом отношении является Швейцария, где нет единого государственного органа, централизующего регулирование рынка ценных бумаг (эта функции разделены по регионам).

Определенный вклад в область правового регулирования, касающегося международного организованного рынка ценных бумаг, внесли Гагская конвенция о праве, применимом к определенным правам в отношении ценных бумаг, находящихся у посредника, 2006 г. и Женевская конвенция УНИДРУА о материально-правовом регулировании ценных бумаг, находящихся у посредника, 2009 г. При этом Гагская конвенция содержит коллизионные нормы, а Женевская – материально-правовые.

В международном регулировании отношений на организованном рынке большую роль играет разработка стандартной документации самими участниками рынка. Создаваемые в рамках такой документации правила формируют так называемые «частные правовые режимы», которые в будущем могут играть значительную роль в системе регулирования международных частных отношений.

Стандартные документы можно рассматривать как специфическую форму правового обычая [16, с. 82]. По мнению Г.В. Петровой, под «типовым международным финансовым контрактом» следует понимать «типовые (общие) условия заключения, гарантии исполнения и прекращения кредитных, расчетных, клиринговых, депозитарных, доверительных по ценным бумагам, инвестиционных, налоговых, страховых договорных отношений с иностранным элементом» [15, с. 71].

На международном организованном рынке разработка стандартных документов ведется по различным секторам рынка. Разработкой правил в сегменте рынке капиталов занимается Международная ассоциация рынков капитала (далее – МАРК). МАРК была создана в 1969 г. с головным офисом в Швейцарии с первоначальным фокусом на рынки капитала [9]. В 1969 г. была образована «Ассоциация облигационных дилеров», которая впоследствии была переименована в «Международную ассоциацию рынка ценных бумаг». В 1984 г. создается «Международная ассоциация первичного рынка». В 2005 г. образовалась ассоциация – «Международная ассоциация рынков капитала».

Сегментом рынка производных финансовых инструментов занимается Международная организация свопов и деривативов (далее – ИСДА). Данная организация была создана в 1985 г. для того, чтобы «сделать внебиржевые рынки более эффективными» [8]. ИСДА насчитывает более 800 членов из 60 стран, среди которых различные корпорации, в том числе энергетические компании, инвестиционные менеджеры, правительства и наднациональные организации, страховые организации, международные и региональные банки. Основной документ, разработанный ИСДА, – это Генеральное соглашение ИСДА, на основе которого могут заключаться различные внебиржевые сделки.

Таким образом, правовое регулирование международных частных правоотношений на организованном рынке – сложный комплексный процесс, в который вовлечены государства, международные правительственные и неправительственные организации, ассоциации участников международного финансового рынка. Результатом деятельности регуляторов – как государств, так и участников рынка – являются две ос-

новых группы правил, устанавливающих права и обязанности государств и государственных органов в отношении правового регулирования международного организованного рынка и надзора за участниками данных рынков, и типовые условия сделок, заключаемых между участниками организованных торгов международных частных отношений.

В отечественной юридической литературе практически не предпринимались попытки комплексного изучения частных правоотношений на международном организованном рынке. Работы отечественных авторов базируются в основном на международно-правовых нормах, регулирующих отношения на рынке ценных бумаг и расчетные отношения, и не отражают практику международных правоотношений на организованных торгах, их особенности и сложную структуру.

Можно выделить особенности, присущие всем без исключения международным частным правоотношениям на организованных торгах, – наличие в сделках иностранного элемента, что позволяет вести речь о трансграничных сделках. В первую очередь, иностранный элемент проявляется в субъектном составе. Иностранный элемент будет иметь свои особенности в зависимости от вида конкретного правоотношения на организованном рынке.

Следует отметить, что сделки на организованных торгах с иностранным элементом порождают сложные правоотношения, а также служат стимулом к заключению других сделок и соглашений – сделок по обеспечению, сделок, связанных с расчетами по данным обязательствам, сделок, связанных с представительством и других. В свою очередь это предопределяет особенности их правового режима.

Безусловно, нормы международного частного права имеют большую значимость для регулирования правоотношений, возникающих на организованных торгах. Более того, вырабатываемые международным частным правом нормы оказывают существенное влияние не только на национальное законодательство, но и на практику его применения, и на договорную практику, существующую на организованном рынке.

Список литературы

1. *Баренбойм П.Д.* Законопроект о реформе Гражданского кодекса игнорирует интересы российских вкладчиков и мировой опыт антикризисной работы на финансовых рынках // *Право и экономика*. 2010. № 11.

2. *Бобов М.О.* Новые требования к капиталу банков // *Внутренний контроль в кредитной организации*. 2012. № 4.

3. *Канашевский В.А.* Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 499–514.
4. *Официальный сайт Банка для международных расчетов.* URL: <http://www.bis.org/publ/cpss94.pdf>.
5. *Официальный сайт БМР.* URL: <http://www.bis.org/publ/cpss46.pdf>.
6. *Официальный сайт ИОСКО.* URL: <http://www.iosco.org/about/index.cfm?section=background>.
7. *Официальный сайт ИОСКО.* URL: <http://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCO154.pdf>.
8. *Официальный сайт ИСДА.* URL: <http://www2.isda.org/about-isda/>.
9. *Официальный сайт МАПК.* URL: <http://www.icmagroup.org/assets/documents/Media/Brochures/2013a/ICMA-overview-Feb-2013.pdf/>.
10. *Официальный сайт МВФ.* URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2010/090110.pdf>.
11. *Официальный сайт МВФ.* URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf>.
12. *Официальный сайт Международной ассоциации свопов и деривативов.* URL: <http://www.isda.org/publications/isdamasteragrmnt.aspx>.
13. *Официальный сайт УНИДРУА.* URL: <http://www.unidroit.org/english/governments/councildocuments/2013session/cd92-06a-e.pdf>.
14. *Официальный сайт Форума финансовой стабильности:* URL: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_111104cc.pdf.
15. *Петрова Г.В.* Международное финансовое право: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 71.
16. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. М.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. С. 82.

*Сорокина Н. А.,
преподаватель кафедры
гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

КВАЛИФИКАЦИЯ ТОРГОВЫХ ОБЫЧАЕВ И ТОРГОВЫХ ОБЫКНОВЕНИЙ В МЧП (НА ПРИМЕРЕ ПОРТОВЫХ ОБЫЧАЕВ)

В статье рассматриваются портовые обычаи как разновидность торговых обычаев и их значение как источников, исследуется квалификация обычаев и обыкновений.

Ключевые слова: источники; обычаи; международные торговые обычаи; обычаи морских портов; ИНКОТЕРМС; обыкновения.

В Международном частном праве, как и в любой отрасли права, основой механизма правового регулирования являются источники. Наряду с общеизвестными нормативными правовыми актами, к источникам относятся и менее распространенные обычаи и обыкновения, на которых мы и остановимся подробнее.

О применении обычаев как источников говорит нам Гражданский кодекс РФ [5], в котором с 1 марта 2013 года этот термин применяется в широком смысле. Упоминание обычаев как источников встречается и в других нормативных правовых актах, например, Семейном кодексе РФ. Из этого мы можем сделать вывод, что неоспоримо значение обычаев, которые хоть и играют вспомогательную роль, вместе с тем восполняют пробелы законодательства. Чаще всего обычаи применяются в торговой сфере, где в отдельных видах транспортной деятельности их значение достаточно велико.

Торговые обычаи представляют собой устойчивые правила поведения субъектов торговой или транспортной деятельности, за которыми государство признает определенную юридическую силу.

Место торговых обычаев в системе европейского права претерпело значительные изменения от полного отрицания до признания их в качестве основного источника, равного закону. Например, в странах, где торговое право обособилось в самостоятельную отрасль права (Франция, ФРГ), к отношениям в сфере торговли применяются прежде всего нормы торгового права, независимо от того, являются они нормами законодательства или обычая.

Особый подход к данной проблеме сложился в ФРГ, где § 2 Вводного закона к ГГУ провозгласил, что нормой в смысле ГГУ и указанного закона является любая правовая норма. Отсюда немецкие юристы сделали вывод, что норма обычного права равна по юридической силе закону и может не только дополнять, но и изменять его [12, с. 248].

На международном уровне значение обычаев как источников отражено в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., где они в статье 9 признаны важнейшим источником права [7].

Наиболее известным примером торговых обычаев являются торговые термины ИНКОТЕРМС. Мы же рассмотрим другой пример, имеющий отношение к транспорту – обычаи морских торговых портов, или портовые обычаи. Они складываются из особенностей многолетней работы порта, связанной с его специализацией, географическим положением и правовой системой государства, в котором находится порт.

Свое распространение в России портовые обычаи начали обретать в советский период времени, и связано это со строительством большого числа портов и необходимостью регулирования отношений, которые не устанавливались соглашением сторон.

Под портовыми обычаями понимаются «правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством Российской Федерации» (правила поведения, взаимоотношения сторон в морской или речной перевозке грузов: судовладельца, грузоотправителя и грузополучателя при погрузочно-разгрузочных работах, нормировании грузовых операций, подсчета стальной нормы времени и т.д.) [13].

Эти правила формально лежат вне норм государственного регулирования, но фактически являются обязательными для исполнения всеми участниками коммерческого процесса в этом порту, поскольку связаны со спецификой, присущей именно этому порту, которую необходимо знать, чтобы избежать различных двусмысленных ситуаций, которые могут повлечь неоправданные убытки.

Например, если рассмотреть свод обычаев Мурманского морского торгового порта, мы увидим, что структурно, помимо общих положений о порте, в него входят такие разделы, как: режим рабочего времени, швартовые операции, склад временного хранения, ответст-

венность сторон и т.п. [9]. Таким образом, мы видим, что портовыми обычаями регулируется работа порта.

Обратившись к зарубежному опыту, мы увидим, что к местным торговым обычаям, например, относится приверженность японцев к заключению международных контрактов купли-продажи товаров на линейных морских условиях, вместо общепринятого Инкотермс. Нормальной считается запись в контракте: *CY Kawasaki* или *LIFO Osaka*. Здесь иностранным участникам ВЭД следует быть внимательнее и очень четко прописывать в контракте, какие именно обязательства сторон скрываются за той или иной аббревиатурой.

В Китае, Иране, Тайване и ряде других стран принято продавать и покупать товары исключительно на условиях поставки от порта и до порта. В Иране считается нормальным хранить товары в порту по месяцу и более, при этом затраты на хранение будут отнесены на компанию, заказавшую вывоз товаров из порта.

В современных условиях общедоступности информации не составит труда найти портовые обычаи конкретного порта, поскольку в большинстве крупных портов мира своды местных портовых обычаев размещают на сайтах или издают отдельными сборниками, но это не означает, что данные обычаи будут соблюдаться буквально.

Если в Иране, странах Персидского залива (кроме порта Джабель-Али в ОАЭ) и Пакистане будет сказано, что порт обрабатывает суда круглосуточно и без выходных, то скорее всего в пятницу, а часто и в субботу порт работать не будет вовсе. А во время работы, помимо стандартных перерывов на прием пищи, все работы непременно будут остановлены на молитву – намаз.

В порты ряда радикальных исламских стран запрещен заход судам под флагами США и Великобритании. Порты Пакистана не пускают к себе суда из Индии и Шри-Ланки. В ряде портов этих стран, например Ирана, от капитана судна могут потребовать справку о том, что компания-судовладелец не зарегистрирована в США и Израиле, а среди владельцев компании нет граждан этих стран. Может потребоваться письменная гарантия, что данное судно в течение последнего полугодия, а иногда и года, не посещало порты Израиля. В портах ряда стран Африки и Южной Америки докеры начнут свою работу только после того, как агент судовладельца заключит отдельное соглашение с местным «профсоюзом» докеров и портовых рабочих [14]. Таким образом, местные портовые обычаи в основе своей регламентируют

правила работы конкретного порта. В одной стране обычаи разных портов могут принципиально отличаться друг от друга.

Кроме того, портовые обычаи могут сыграть роль и при применении терминов ИНКОТЕРМС, в первую очередь, терминов FAS и FOB, поскольку их толкование отличается в различных морских портах. При указании данных терминов сторонам договора купли-продажи «следует учитывать, что на толкование их договора могут повлиять обычаи портов или иных пунктов» [1, п. 2].

При применении термина FOB возникает проблема распределения расходов между продавцом и покупателем при проведении погрузочных работ, поскольку указание на поручни судна является достаточно слабым ориентиром. В этой связи необходимо соблюдать обычаи порта, которые, к сожалению, значительно различаются в отношении:

- возложения на покупателя оплаты всех погрузочных операций (как если бы термин FOB в этом отношении был эквивалентен термину FAS);

- распределения расходов согласно различным обычаям и методам;

- возложения на продавца оплаты всех расходов по погрузке.

При отсутствии информации об обычаях порта в стране продавца покупателю следует быть осторожным при использовании термина FOB; ему целесообразно получить точные данные относительно стоимости погрузочных работ. С этой целью применяются иногда такие краткие выражения, как «ФОБ со штивкой» («FOB stowed») или «ФОБ со штивкой и укладкой» («FOB stowed and trimmed»).

Из этого видно, в чем состоят обязанности продавца в отношении расходов по погрузке, но далеко не понятно, в какой степени продавец несет также риск утраты или повреждения груза, которые могут произойти после пересечения им поручней судна. Сторонам целесообразно разъяснить их намерения (например, путем добавления такой фразы: «ФОБ со штивкой с отнесением на продавца расходов и рисков, возникающих при погрузке» («FOB stowed, costs and risk in connection with loading on the seller»)) [3].

Существует достаточно большое разнообразие торговых обычаев, которые охватывают отношения в области торгового мореплавания (например, точное время и способы доставки груза к судну, время, необходимое для выполнения грузовых работ, исчисление стояночного времени и обязанности, лежащие на перевозчике, грузо-

отправителе и грузополучателе при разгрузке и погрузке судна, оплата причальных сборов и т.д.). Однако это пока не послужило поводом, который подвигнет различные международные организации к созданию документа, содержащего толкование таких обычаев (по аналогии с Инкотермс).

В доктрине встречаются разногласия по поводу природы портовых обычаев, являются они обычаями или обыкновениями. Существует мнение, что обыкновение выступает разновидностью правовых обычаев [4, с. 15]; некоторые авторы говорят о том, что в отдельных странах, даже Инкотермс относится к торговым обыкновениям [10, с. 93]; другие авторы разделяют данные понятия, поскольку «обычай – это источник права, а обыкновение представляет собой волеизъявление сторон в случае совпадения волеизъявления и их намерений» [2, с. 35]. Существует даже мнение, что обычаи морских портов являются в настоящее время фикцией в праве [8, с. 67].

Однако если мы обратимся к законодательству, то увидим, что при применении данного термина используется понятие именно обычая. В частности, в ст. 129 Кодекса торгового мореплавания употребляется словосочетание «обычаи морского порта» [6], аналогично и в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. N 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Более того, обратив внимание на судебную практику, мы также увидим, что она идет по пути признания портовых обычаев как обычаев, а не обыкновений. В качестве примера приведем Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2011 «Суд первой инстанции правомерно оценил правовую природу Свода обычаев Морского торгового порта Туапсе как обычаи делового оборота, являющиеся по смыслу пункта 1 статьи 5 ГК РФ источником гражданского права, подлежащие применению к спорным правоотношениям. Данный вывод суда первой инстанции сторонами не оспаривается» [10].

Таким образом, подводя итог, мы можем сказать, что традиции морских портов являются торговыми обычаями и относятся к источникам правового регулирования, за которыми во многих государствах мира закреплена определенная юридическая сила.

Список литературы

1. *Введение к Правилам ИСС для использования торговых терминов в национальной и международной торговле, 01.01.2011.* // Инкотермс. 2010.

2. *Веселкова Е.Е.* Международно-правовое регулирование внешнеэкономических сделок // Адвокат. 2014. № 5.
3. *Вилкова Н.Г.* Комментарий МТП к Инкотермс 2000. Толкование и практическое применение (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2004.
4. *Вильнянский С.И.* Обычаи и правила социалистического общежития // Ученые записки Харьковского юридического института. Харьков, 1954. Вып. 5. С. 15.
5. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014)* // Российская газета. 1994. №№ 238–239.
6. *Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 31.12.2014)* // Российская газета. 1999. №№ 85–86.
7. *Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980)* // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
8. *Муравский В.А.* О различии между источником и формой права // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 63–73.
9. *Официальный сайт Мурманского морского торгового порта.* URL: <http://www.portmurmansk.ru/index.phtml?60>.
10. *Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2011. N 15АП-14964/2010 по делу N А32-16827/2010* // СПС КонсультантПлюс.
11. *Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова.* М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. 488 с.
12. *Рассолов М.М.* Курс лекций по Теории государства и права. Часть 2. Теория права. 2011.
13. *Федеральный закон от 08.11.2007. N 261-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Российская газета. 2007. № 254.
14. Электронный ресурс. URL: www.meridian60.ru/manydoc/a-241.html (дата обращения: 26.02.2015).

*Степанова В. Е.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ: КОНФЛИКТ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

В статье автор рассматривает проблемы правового регулирования энерго-снабжения, обусловленные отсутствием единой синхронизированной системой норм национального и международного права.

Ключевые слова: энергоснабжение; энергия; энергетические ресурсы; конфликт норм права.

Отношения в сфере энергетики за последнее время приобрели особую значимость как для современной мировой экономики в целом, так и для экономики Российской Федерации в частности. Полноценное их развитие требует совершенствования нормативного регулирования широкого аспекта вопросов энергетического сектора экономики как внутри страны, так и на международном уровне. И одной из первостепенных задач является приведение законодательства в сфере энергетики в единую слаженную систему, в которой нашли бы свое закрепление отправные положения и принципы правового регулирования отношений между субъектами энергоснабжения, участие России в международных проектах на условиях цивилизованных рыночных отношений.

Следует отметить, что в Доктрине энергетической безопасности РФ также определено, что обеспечение энергетической безопасности России является прерогативой государства и достигается в том числе системой мер законодательного, нормативного и иного характера, адекватных выявленным угрозам и дестабилизирующим факторам [3].

Актуальность разрешения вопросов правового регулирования отношений в сфере энергоснабжения на сегодняшний день отмечена и в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2014 года N 58 «О рабочем плане разработки актом и международных договоров в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года», где обозначено на необходимость

разработки Концепция формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза в срок до 30 июня 2015 года [4].

К сожалению, реалии на сегодняшний день таковы, что нормативные акты, принимаемые российскими законодательными органами, никоим образом не коррелируются с международными договорами и соглашениями. Более того, ряд международных соглашений вообще Россией не признаются, так, например, Энергетическая хартия (Совет Европы, 21 ноября 1990 года), Договор к Энергетической хартии (Лиссабон, 17 декабря 1994 года) и Протокол к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и смежным экологическим аспектам (Лиссабон, 17 декабря 1994 года) [8].

Первые тенденции в сторону унификации международного законодательства и установление базовых понятий и принципов применительно к области энергоснабжения прослеживаются только в части предотвращения крупных промышленных аварий. В данном случае речь идет о Конвенции от 22. 06. 1993 г. о предотвращении крупных промышленных аварий, которая вступила в силу для Российской Федерации 10 февраля 2013 года и где даны определения таким понятиям, как «опасное вещество», «объект повышенной опасности», «крупная авария» [2].

Иного единого акта международного уровня, который устанавливал бы основные начала международного энергетического сотрудничества, основы правового регулирования вопросов энергоснабжения в странах мира, на сегодняшний день не имеется. При этом изучение норм права, регулирующих отношения энергоснабжения, позволяет проследить прочную связь между данным блоком правовых норм российского законодательства с международным правом. Именно поэтому международное частное право зачастую призвано регулировать коллизии, в т.ч. и в сфере энергетики.

Отсутствие единого источника права спровоцировало ситуацию, когда между отдельными государствами заключаются соглашения, связанные с энергоснабжением, но универсального значения ни для международно-правовой, ни для национальной системы права они не имеют.

Так, например, Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 января 2000 года, вступившее в силу для Российской

Федерации 27 ноября 2000 года (опубликовано в Бюллетене международных договоров N 6 за 2001 год). Данное Соглашение регулирует вопросы транзитного перемещения электрической энергии и мощности между странами-участниками Соглашения (Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Украина), при этом не содержит нормы, позволяющие идентифицировать правовую сущность договора оказания услуг по транзиту электрической энергии и мощности, равно как и самих объектов транзита [5].

В качестве базовых нормативных актов, определяющих специфику и принципы правового регулирования отношений в сфере энергообеспечения (как между внутригосударственными субъектами, так и с участием иностранных лиц), следует выделить Федеральный закон от 23 ноября 2009. N 261-ФЗ (в ред. от 29.12.2014) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [7] и другие специальные нормативные акты. Субсидиарно применяются положения Гражданского кодекса РФ.

Необходимо отметить, что отсутствие единого международного акта нашло свое отражение и в подходе законодателя при определении перечня источников правового регулирования исследуемых отношений в Российской Федерации. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 29 ноября 2009 г. N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» к законодательству об энергосбережении и энергоэффективности относят федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законодательство субъектов Российской Федерации, а также муниципальные правовые акты в данной области. Аналогичным образом в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26 марта 2003 г. N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» установлено, что законодательство Российской Федерации об электроэнергетике основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, собственно самого Федерального закона «Об электроэнергетике» и иных регулирующих отношения в сфере электроэнергетики федеральных законов, а также указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации, принимаемых в соответствии с указанными Федеральными законами.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости унификации как международных правовых актов, так и российского законодательства в сфере правового регулирования вопросов энергоснабжения.

В целях создания гармоничного механизма правового регулирования отношений по энергоснабжению, прежде всего, по аналогии с Конвенцией о предотвращении крупных промышленных аварий требуется разработка международного акта, который бы содержал определения основных понятий, используемых при урегулировании отношений по энергоснабжению, а именно: понятий «энергия», «энергетика», «энергетические ресурсы», «энергетические товары», «энергетические услуги».

Необходимость единого толкования вышеуказанных категорий обусловлена тем, что действующее российское законодательство со всей определенностью относит энергию к вещным объектам права и устанавливает право собственности субъектов в отношении нее как объекта гражданских прав. Для западной доктрины в современный период характерен принципиальный отход от традиционного понимания объектов права собственности. Исследователи отмечают, что резкое возрастание в экономике энергетических и сырьевых источников производства привело к расширению самого понятия вещественной собственности. К имуществу как объекту собственности начали относить электроэнергию и газ, а затем и другие виды энергии и сырья, выходящие за границы традиционного понимания вещи [1, с. 314].

В Энергетической хартии использованы совершенно иные понятия, определяющие энергию как объект товарно-денежных отношений – «"Энергетические материалы и продукты", взятые на основе Гармонизированной системы Совета таможенного сотрудничества и Комбинированной номенклатуры Европейских сообществ, означает позиции, включенные в приложение ЕМ».

При таких кардинальных расхождениях в понимании объекта отношений энергоснабжения в правоприменительной деятельности возникают значительные сложности. И даже положения статьи 1168 ГК РФ, согласно которой право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за грани-

цей, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, настоящего Кодекса, других законов (пункт 2 статьи 3) и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, не позволяют в полной мере избежать конфликта норм.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод: дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в сфере энергоснабжения должно осуществляться не автономно, исключительно как элемент российской правовой системы, а в совокупности с тенденциями и накопленным опытом зарубежных стран.

Список литературы

1. *Гражданское и торговое право зарубежных стран*. Т. 1. М.: Международные отношения, 2004.

2. *Конвенция о предотвращении крупных промышленных аварий* // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 725.

3. *Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009. N 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года»*.

4. *Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2014 г. N 58 «О рабочем плане разработки актом и международных договоров в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года»* // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>.

5. *Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 января 2000 г.* // Бюллетень международных договоров. 2001. № 6. С. 19–23.

6. *Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. N 261-ФЗ (в ред. от 29.12.2014.) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.

7. *Федеральный закон от 26.03.2003. N 35-ФЗ «Об электроэнергетике»* // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177

8. *Энергетическая хартия (Совет Европы, 21 ноября 1990 года), Договор к Энергетической хартии (Лиссабон, 17 декабря 1994 года) и Протокол к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и смежным экологическим аспектам (Лиссабон, 17 декабря 1994 года)* // <http://www.kadis.ru/texts/index>.

*Татаренко Л. А.,
преподаватель кафедры
гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ БИОТЕХНОЛОГИЙ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Статья посвящена основным проблемам правовых режимов биотехнологий в международном и национальном аспектах. Особое внимание уделено международным актам в области биотехнологий.

Ключевые слова: биотехнология; элементы биотехнологий; правовые режимы биотехнологий.

Роль и значение биотехнологий в современном обществе неуклонно возрастает, несмотря на неоднозначные оценки результатов биотехнологической революции, в том числе и в политической сфере.

Биотехнологическая революция, бесспорно, привела к величайшим открытиям в генной инженерии и молекулярной биологии. Очевидным является и факт непосредственного влияния результатов открытий на естественные права человека. В частности, в литературе все чаще начинают относить к четвертому поколению прав человека права в области информационных технологий и биотехнологий, что в итоге не может не повлиять на эволюцию доктрины естественного права [3].

При этом нельзя не отметить и факт того, что вопросы социального конструирования поведения членов социума в аспекте социальной инженерии являются все же частными по отношению к общефилософским вопросам о принципиальном соотношении социального и биологического [5].

Современное позитивное право не только фиксирует фактически состоявшийся результат легитимации «биообъектов» в международную и национальные правовые системы, но и вынуждает трансформировать сущностное понимание своей философской основы – естественного права.

Полагаем, что выдвинутый в свое время тезис Р. Штаммлера о том, что содержание естественного права исторически изменчиво и может повлечь реформу права [3], является весьма актуальным, тре-

бующим дальнейшего исследования и объективной современной оценки.

Не можем также не заметить и факт появления радикальной формы естественного права, которым является трансгуманизм, базовым элементом которого принято считать морфологическую свободу. Трансгуманисты обосновывают право индивидуума изменять свое тело и настаивают не только на пересмотре традиционных этических норм, но и дифференцированного отношения к «биоэтике» в целом [3].

Таким образом, перед современной философской наукой в связи с распространением биотехнологий встает ряд вопросов: должна ли меняться этика? в какой мере «биообъекты» этичны? должны ли быть установлены пределы этичности способов использования «биообъектов» и т.п.?

Но вопросы биотехнологий не только этические. Так, несмотря на факт появления самого термина «биотехнология» в 1917 г., на данный момент единого мнения в понимании биотехнологии нет [4]. При этом следует отметить, что большинство исследователей суть биотехнологий раскрывают через деятельность по созданию и использованию технологий с биологическими ресурсами, объектами которых являются живые организмы или их производные.

Так, например, в Директиве ЕС 98/44/ЕС о правовой охране изобретений в области биотехнологий биологические ресурсы определены как «материал, генетическая информация, способная к самостоятельному репродуцированию или репродуцированию в рамках биологической системы» [1].

Анализ международных актов в исследуемой области, таких как Конвенция о биологическом разнообразии (1992), Конвенция о правах человека и биомедицине (1997), Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (1997), Картахенский протокол по биобезопасности (2000), позволяет в целях выявления правовых режимов биотехнологий озвучить несколько тезисов.

Во-первых, международные акты, в своей основе, декларативно нацелены исключительно на охраняемые правовые режимы (сохранность биоресурсов).

Во-вторых, разрешения на использование биотехнологий одновременно сочетаются с ограничениями и запретами.

В-третьих, если говорить о регулировании создания и использования биотехнологий, то исключительно в «мягком» варианте, путем установления «пределов» самих ограничений и запретов.

В-четвертых, прослеживается тенденция к ограничению суверенных прав государств, при использовании своих генетических ресурсов, со стороны других государств под эгидой сохранности биологических ресурсов планеты в целом.

Может, отчасти, поэтому США не является участником Конвенции ООН о биологическом разнообразии (1992), а Россия соответственно не является участником Картахенского протокола по биобезопасности (2000).

Полагаем, сам факт не участия, либо не ратификации государством такого рода международных документов тоже является проявлением политической воли («отрицательной» политической воли) и требует дальнейшего исследования с точки зрения оценки политико-правовых последствий в целом.

Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. определяет биотехнологию весьма расширительно как «любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов, или процессов с целью их конкретного использования».

В конвенционном определении явно просматриваются связи биотехнологий с тремя элементами-объектами: **биологические системы, живые организмы, производные живых организмов**, а также с двумя элементами-процессами: **изготовление новых** (продуктов/процессов), **изменение старых** (продуктов/процессов).

Указанные выше разнородные элементы биотехнологий очевидно должны быть дифференцированы с точки зрения их правовых режимов. Последнее обуславливает и мотивирует перспективность их дальнейших правовых исследований.

Основными областями применения биотехнологий являются сельское хозяйство (выращивание генно-модифицированных животных и растений) и медицина (создание фармацевтических препаратов, клонирование, клеточные технологии, генная инженерия).

В сельском хозяйстве на первое место встает проблема ГМО, включая факторы случайного проникновения ГМО и рисков, с этим связанных. В литературе описываются подобные случаи. Так, в феврале 2011 г. в судебном порядке продукция пчеловодства баварского фермера была признана генетически модифицированной, хотя

сам он не применял никаких ГМО в процессе производства меда. Его пчелы «непреднамеренно» опылили ГМ кукурузу фирмы «Монсанто», выращиваемую в исследовательских целях на плантации, принадлежащей Федеральной земле Баварии [2].

В медицине в аспекте биотехнологий соответственно на первое место встают этические проблемы клонирования и генной инженерии.

Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) 1997 г. и Дополнительный протокол к данной Конвенции, касающийся запрещения клонирования человеческих существ 1998 г. содержат жесткие ограничения на использование биотехнологий, но не определяют механизмов международного сотрудничества при нарушении запретов. Национальное законодательство 40 государств содержит запреты на клонирование человека, в ряде стран нарушение этого запрета влечет уголовную ответственность.

Российское законодательство в сфере биотехнологий представлено в частности Федеральным законом от 05.07.1996. N 86-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральным законом от 20.05.2002. N 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека».

Была также принята «Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. Правительством РФ 24.04.2012 N 1853п-П8).

Объемный формат и содержание последнего документа свидетельствует о серьезном отношении российского государства к биотехнологиям. В программе в частности выделены восемь основных блоков в области биотехнологий – это биомедицина, биофармацевтика, промышленные биотехнологии, биоэнергетика, сельскохозяйственные биотехнологии, биотехнологии для лесного сектора, морские биотехнологии и биологические коллекции. Однако при детальном анализе правительственной программы очевидно смещение акцентов исключительно на имущественные составляющие внедрения биотехнологий в экономику страны, без учета возможных рисков (экологических, политических и социальных).

На представленном этапе изыскания наши предварительные выводы по правовым режимам биотехнологий сводятся к следующим положениям:

1. Целесообразно дифференцировать правовые исследования биотехнологий по двум направлениям: регулятивному и охранительному;

2. Целесообразно дифференцировать правовые исследования биотехнологий исходя из предметного (содержательного, структурного) и функционального критерия;

3. Исследование биотехнологий исходя из предметного критерия (элементы биотехнологий) целесообразно ограничить рамками правовых режимов регулятивной направленности, с акцентами на статические закономерности, опираясь на индуктивный метод;

4. Правовые исследования биотехнологий исходя из функционального критерия (области применения) требуют поступательности и вариабельности с точки зрения временной актуальности;

Следует, с одной стороны, ограничиться выявлением наиболее значимых элементов-объектов и элементов-процессов (действий) в каждой отдельной области применения биотехнологий. И одновременно, с другой стороны, целесообразно ограничить исследования рамками правовых режимов охранительной направленности, с акцентами на выявление динамических закономерностей, с использованием дедуктивного метода.

Список литературы

1. *Директива 98/44/ЕС о правовой охране изобретений в области биотехнологий.*

2. *Ревенко Л.С.* Регулирование производства и оборота ГМО в Европейском союзе: современные тенденции // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2011. № 4. С. 3.

3. *Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В.* Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // *«Lex russica».* 2014. № 2.

4. *Шевердин А.В.* Создание и использование биотехнологий: история вопроса // *Журнал российского права.* 2012. № 6. С. 118–126.

5. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, Люкс, 2004. С. 30.

*Чилингарян Л. В.,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ЗАКОНА «О ТОРГОВЛЕ» В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО

Вступление Российской Федерации в ВТО ознаменовалось введением в отношении иностранного товара, а соответственно и в отношении его производителей, принципов правового регулирования, установленных международными актами, изданными в рамках ВТО. В связи с этим, при регламентации деятельности товаропроизводителей на территории Российской Федерации, в частности в сфере продовольственного рынка, в отношении отечественных производителей и отечественных продуктов питания устанавливаются более жесткие «правила игры» при обороте указанных товаров, нежели в отношении иностранных товаропроизводителей, деятельность которых регламентируется международно-правовыми договорами и Законом от 08.12.2003 N 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

Ключевые слова: Закон о торговле; ВТО; принципы; иностранные товары.

Принципы международного торгового права, воплощенные в праве ВТО, юридически скрепляют международную торговую систему в единое целое. К таким принципам можно отнести в частности: принцип развития торговли («свободы торговли»); принцип либерализации правового режима международной торговли; принцип защиты национального рынка.

Правовое закрепление на уровне принципов получили некоторые идеологические постулаты: честной конкуренции, рыночной экономики (при всех различиях в их интерпретации и во взглядах на степень их реального воплощения в жизнь). Большое значение для функционирования международной торговой системы и обеспечения международного торгового правопорядка имеют международно-правовые принципы взаимности, взаимной выгоды, сотрудничества, равноправия государств.

В качестве метода обеспечения, реализации всех или многих принципов используются особые – специальные – «принципы-

методы», «принципы-стандарты»: принцип экономической недискриминации (или принцип недискриминации в торговле); принцип наибольшего благоприятствования (правильнее было бы называть его принципом предоставления режима наибольшего благоприятствования); принцип предоставления национального режима; принцип преференций (или принцип предоставления преференциального режима). Без этих принципов организация международной торговли и стабильный правопорядок были бы невозможны.

Принцип недискриминации в торговле означает, что каждое государство должно обеспечить в своей торгово-экономической системе одинаковые (равные) общие условия для всех государств, их вещей и лиц – с соответствующими правомерными исключениями. Принцип недискриминации запрещает выборочно ухудшать условия отдельному государству, его вещам и лицам, но он не запрещает выборочно улучшать эти условия, в результате чего общий правовой режим может превратиться в дискриминационный для отдельных государств, их вещей и лиц.

Противодействует такому развитию событий принцип наибольшего благоприятствования. Он означает обязанность государства предоставить государству-партнеру, его вещам и лицам в согласованной сфере наиболее благоприятные (т.е. наилучшие) условия, которые предоставлены любому третьему государству, его вещам и лицам. Тем самым государствами используется метод уравнивания условий не в общем, а в наилучшем режиме.

В преамбуле Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) указано, что государства-участники должны устранить дискриминационный режим в международной торговле. В статье XIII прямо закрепляется недискриминационное применение количественных ограничений: государства не должны применять запреты или ограничения на ввоз/вывоз товара из любой страны/с любой территории, если такой ввоз/вывоз не запрещен либо не ограничен из всех третьих стран подобным же образом. В статье XVII говорится, что государственные торговые предприятия в своих операциях, касающихся внутренней и внешней торговли, должны действовать в рамках общего недискриминационного режима так же, как действуют частные коммерсанты.

Основная сфера действия принципа наибольшего благоприятствования определена в статье I ГАТТ: таможенные пошлины и с ввозом или вывозом. Практически вся тарифная и нетарифная сфера регули-

рования импорта-экспорта попадает под действие ПНБ. Согласно Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС), принцип наибольшего благоприятствования применяется также в сфере международной торговли услугами. Согласно Соглашению ТРИПС, применение принципа наибольшего благоприятствования, наряду с национальным режимом, предусматривается в области прав интеллектуальной собственности.

Принцип предоставления национального режима означает, что государство предоставляет вещам и лицам государства-партнера в согласованной сфере отношений такие же условия, какие оно предоставляет национальным вещам и лицам. Например, в отношении импортированных иностранных товаров действуют такие же налоги, какие действуют в отношении отечественных товаров. Принцип предоставления национального режима в определенных сферах международной торговли постепенно сливается с принципом наибольшего благоприятствования, поскольку высшим показателем наибольшего благоприятствования часто является уравнивание иностранного компонента с национальным; предоставление иностранному товару или лицу такого же правового режима, как и национальному товару или лицу. Этот принцип также препятствует дискриминации.

Принцип предоставления национального режима, вместе с принципами недискриминации и наибольшего благоприятствования, представляют собой «триединство», которое организует правовое пространство для международной торговли. Сфера действия принципа предоставления национального режима определена в статье III ГАТТ: иностранные товары должны получить национальный режим в том, что касается внутренних продаж, перевозок, потребления, налогообложения и т.п.

В зоне контроля находится все внутреннее законодательство. Неблагоприятное – дискриминационное – отношение к иностранным вещам и лицам может прятаться глубоко во внутреннем законодательстве – на общегосударственном, региональном и местном уровнях; как в законах, так и в подзаконных актах, в судебных решениях. Согласно тексту ГАТС, национальный режим должен быть предоставлен услугам и поставщикам услуг любого другого члена ВТО (п. 1 ст. XVII). Согласно тексту Соглашения ТРИПС, клаузула о национальном режиме распространяется на лиц из стран – членов ВТО в части прав на интеллектуальную собственность (ст. 3).

Через принцип предоставления национального режима происходит конвергенция правовых систем разных государств, унификация правовых режимов и национальных законодательств. Все это, среди прочего, движет правовые надстройки к формированию единого – глобального – правового пространства.

Принцип предоставления преференциального режима развивающимся и наименее развитым странам также представлен в различных нормах соглашений ВТО. Возможность принятия особых мер применительно к наименее развитым странам/территориям предусмотрена в статье XVIII ГАТТ. В 1965 г. в текст ГАТТ была инкорпорирована Часть IV «Торговля и развитие», адаптированная к новым условиям постколониального устройства международной торговой системы (статьи XXXVI-XXXVIII). Предоставление торговых преференций не считается теперь нарушением ПНБ.

В статье XXXVII ГАТТ зафиксировано обязательство развитых государств «в максимально возможной степени»: устранять барьеры для товаров из развивающихся стран; не повышать тарифные ставки и нетарифные барьеры; снижать фискальные меры в отношении сырьевых и прочих товаров из развивающихся стран. В 1979 г. было принято специальное Решение о дифференцированном и более благоприятном режиме взаимности и более полном участии развивающихся стран.

Прослеживается тенденция на предоставление наименее развитым странам (примерно 50 государств Африки и Азии) дополнительных преференций и более льготного правового режима в отдельных вопросах; например, для наименее развитых стран устанавливается льготная периодичность представления в Орган ВТО обзоров о своей торговой политике. В Решении о мерах в пользу наименее развитых стран признаются особые потребности этой группы государств в области доступа на рынки; решено, что уступки по тарифным и нетарифным мерам в отношении товаров из наименее развитых стран могут осуществляться с опережением сроков; их экспортным интересам будет уделяться особое внимание.

С 1 февраля 2010 года на территории Российской Федерации начали действовать положения Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» [2]. Указанный закон определяет основы государственного регулирования торговой деятельности на территории Российской Федерации.

Часть 1 статьи 1 вслед за названием самого Закона указывает на содержание и основной предмет правового регулирования данного Закона: этот Закон определяет основы государственного регулирования торговой деятельности в России. Как говорилось во введении, основной идеей Закона, по мнению авторов его проекта, является упорядочение на федеральном уровне отношений, связанных с организацией торговой деятельности на территории России, в целях создания прозрачного и предсказуемого порядка осуществления торговой деятельности, не обусловленного какими-либо произвольными требованиями местных властей, а также устранения излишних административных барьеров в торговле. Там же говорилось, что разработка законопроекта предусматривалась в рамках создания и развития рыночных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность экономики, а также в рамках повышения эффективности государственного управления.

В части 2 указанной статьи определены цели Закона, т.е. обозначены желаемые результаты регулирования, осуществляемого данным Законом.

Целями указанного Федерального закона являются:

1) обеспечение единства экономического пространства в Российской Федерации путем установления требований к организации и осуществлению торговой деятельности;

2) развитие торговой деятельности в целях удовлетворения потребностей отраслей экономики в произведенной продукции, обеспечения доступности товаров для населения, формирования конкурентной среды, поддержки российских производителей товаров;

3) обеспечение соблюдения прав и законных интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих торговую деятельность (далее – хозяйствующие субъекты, осуществляющие торговую деятельность), юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих поставки производимых или закупаемых товаров, предназначенных для использования их в предпринимательской деятельности, в том числе для продажи или перепродажи (далее – хозяйствующие субъекты, осуществляющие поставки товаров), баланса экономических интересов указанных хозяйствующих субъектов, а также обеспечение при этом соблюдения прав и законных интересов населения;

4) разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов

Российской Федерации, органами местного самоуправления в области регулирования торговой деятельности.

Указанный Федеральный закон регулирует отношения, возникающие между органами государственной власти, органами местного самоуправления и хозяйствующими субъектами в связи с организацией и осуществлением торговой деятельности, а также отношения, возникающие между хозяйствующими субъектами при осуществлении ими торговой деятельности.

Часть 4 статьи 1 определяет изъятия из сферы действия указанного Закона, т.е. отношения, к которым положения данного Закона не применяются. В отношении этих изъятий необходимо отметить следующее. Положения указанного Федерального закона не применяются к отношениям, связанным с организацией и осуществлением внешнеторговой деятельности.

Формальным основанием исключения из сферы действия Закона отношений в связи с организацией и осуществлением внешнеторговой деятельности является существование самостоятельного федерального закона, регулирующего указанные отношения – Федерального закона от 08.12.2003 N 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [1]; фактическим – существенное различие в методах регулирования торговых отношений во внешней и внутренней торговой среде (включая запрет на применение для регулирования внешнеторговых отношений, не поименованных в данном Федеральном законе методов), обусловливаемое не только международными договорами, участником которых является Российская Федерация, но и требованиями Всемирной торговой организации, других международных торговых организаций о приведении национального законодательства в соответствии с принятыми указанными организациями стандартами, принципами и документами.

Раздельное регулирование внутренней и внешней торговли характерно для национальных систем законодательства значительной части государств. Однако есть и примеры объединения регулирования двух сфер торговли в едином законодательном акте (например, в Республике Казахстан – в Законе 2004 г. «О регулировании торговой деятельности», Республике Хорватия – Закон 2008 г. «О торговле», других странах, принявших торговые кодексы и иные кодифицированные акты или комплексные законодательные акты о торговле).

Согласно статье 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» под внешне-торговой деятельностью понимается деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. В свою очередь, внешняя торговля товарами определяется как импорт и (или) экспорт товаров.

Существует мнение, что обособление отношений в связи с организацией и осуществлением внешней торговли от отношений в связи с организацией и осуществлением торговли на внутреннем рынке Российской Федерации позволяет автономно решать характерные для обеих сфер торговли проблемы и таким образом не усложнять процесс вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию. Достаточно нестандартное для стран с рыночно ориентированной экономикой государственное регулирование внутренней торговли в Российской Федерации, на наш взгляд, не причинит существенного вреда внешней торговле Российской Федерации; напротив, для некоторых категорий зарубежных поставщиков товарный рынок Российской Федерации может даже стать привлекательным ввиду фактически государственных гарантий высокоскоростных расчетов за поставленные продовольственные товары, «очищения» товарных договоров от сервисных элементов и т.д.

Что касается внутренней торговли, то установление на внутреннем рынке более жестких правил, чем предусмотрены национальными законодательствами других государств, может способствовать развитию внешней торговли товарами за счет увеличения со стороны крупных торговых компаний интереса к организации деятельности по импорту в Российскую Федерацию отдельных видов продовольственных товаров и тем самым деформировать такой сектор внутреннего рынка Российской Федерации, как производство и оборот соответствующих товаров [3, с. 4–12].

В таких условиях, когда Закон о торговле применяется только к отношениям, складывающимся на территории Российской Федерации между российскими компаниями, устанавливая ряд жестких запретов в отношении российских субъектов торговой деятельности на продовольственном рынке, в том числе на включение в дистрибьюторские соглашения ограничений по территории и покупателям, косвенным образом создаются преференции для вхождения на российский продуктовый рынок иностранных производителей и поставщиков продо-

вольственных товаров, на которых не распространяются положения указанного закона.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
2. Собрание законодательства РФ. 2010. N 1. Ст. 2.
3. *Щур-Труханович Л.В.* Предмет Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»: регулируемые и нерегулируемые отношения // *Торговое право*. 2011. № 1. С. 4–21; № 2. С. 4–12.

*Яковлева А. А.,
преподаватель кафедры
гражданского права
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ КРАУДФАНДИНГА В РОССИИ

В статье рассмотрены понятие краудфандинг, основные его виды, а также степени развития данного явления в России и за рубежом

Ключевые слова: краудфандинг, краудфандинговая платформа, Интернет, инвестиции.

Понятие краудфандинг (от англ. crowdfunding) является производным от двух английских слов: crowd – «толпа» и funding – «финансирование». Прямой перевод термина – народное финансирование, лучшего аналога пока не придумано. Обычно под краудфандингом понимают коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. Люди, которые вносят в проект деньги, называются бекерами (от англ. backer – спонсор), а сами платежи называются ревордами (от англ. reward – вознаграждение).

Само явление народного финансирования далеко не ново, но в настоящее время краудфандинг получил мощный толчок к развитию благодаря сети Интернет. Финансирование проходит, как правило, на специальных интернет-площадках, называемых краудфандинговыми платформами.

Изначально финансирование с помощью краудфандинга использовалось в области некоммерческих культурных и социальных проектов, но в настоящее время краудфандинг является важным источником в сфере финансирования стартапов и локальных бизнесов. Наиболее популярными областями вложения являются кино, музыка, дизайн и искусство, наименее популярными – мода и танцы.

Не последнюю роль в развитии и продвижении краудфандинга играют социальные сети. Facebook, Вконтакте, Twitter, специализированные сайты являются важнейшими инструментами для обмена

информацией о краудфандинговых проектах и способствуют преобразованию социального капитала в капитал финансовый [9].

Существует несколько классификаций краудфандинга. Например, по цели проекта выделяют: бизнес проект, креативный, политический, социальный. Самой популярной классификацией является классификация по виду вознаграждения для спонсоров, исходя из которой можно выделить три основные группы краудфандинговых проектов.

1. Безвозмездные, или условно безвозмездные (отсутствие вознаграждения). В данном случае пожертвования делаются без ожидания выполнения каких-либо встречных обязательств. Получатель может ограничиться благодарностью или упомянуть спонсора на сайте, или в готовой продукции (например, в списке спонсоров в напечатанной книге). В России примером такой платформы является dobro.mail.ru.

2. Условно-возвратные (нефинансовое вознаграждение). Если предыдущая модель была особенно популярна ранее, то в настоящее время своего пика краудфандинг достиг именно в этом своем проявлении. Спонсор получает нефинансовое вознаграждение за реворд, причем оно может быть совершенно разнообразным, все ограничивается только фантазией автора проекта. Примерами таких вознаграждений могут быть: готовая продукция (книга, музыкальный альбом, компьютерная игра), мастер-класс от музыканта в ответ на поддержку сбора денег на альбом группы, возможность дать имя тигренку в заповеднике и индивидуальная экскурсия в ответ на поддержку заповедника, оплаченная паломническая поездка в монастырь в ответ на помощь в восстановлении Храма Христа Спасителя и т.д. В случае, когда вознаграждением является готовая продукция, механизм краудфандинга воспринимается как механизм предварительного заказа продукции. В России наиболее популярными площадками, работающими по условно-возвратной схеме, являются planeta.ru и boomstarter.ru. [4, с. 141].

3. Безусловно-возвратные (финансовое вознаграждение). Данная модель также получила название краудинвестинг. В данном случае спонсор получает финансовое вознаграждение в обмен на поддержку. Выделяют три формы краудинвестинга.

1) Модель Роялти. Спонсор (инвестор) получает долю от доходов или прибыли финансируемого проекта.

2) Народное кредитование (краудлендинг). Правильнее в данном случае было бы говорить о займах, чем о кредитовании, но пока прижилась именно такая терминология. Источником финансирования выступают исключительно физические лица, но финансироваться могут как физические, так и юридические лица.

По словам аналитика инвестиционного холдинга «ФИНАМ» Антона Сороко, краудлендинг имеет хорошие перспективы для развития и может составить достойную конкуренцию банкам и МФО. Аналитик отмечает, что «для классических кредитных структур такой вид финансирования является, скорее, потенциальной угрозой, т.к. позволяет занимать денежные средства без посредников, с помощью прозрачной и простой схемы, что для часто не имеющих практически никаких собственных средств и сложно оцениваемым периодом окупаемости проектов является дешевле, чем использовать классические варианты финансирования» [6]. Этот инструмент также может быть неким «барометром» рынка инноваций, который будет сигнализировать банкам о целесообразности наращивания традиционных инвестиций в ту или иную сферу или идею на рынке.

3) Акционерный краудфандинг. В качестве вознаграждения спонсор (инвестор) получает часть собственности, акции предприятия, дивиденды или право голосования на общих собраниях акционеров. Наиболее спорная на данный момент форма краудфандинга, поскольку ее введение, как правило, требует серьезных изменений на законодательном уровне.

5 апреля 2012 года Барак Обама подписал нашумевший JOBS Act (the Jumpstart Our Business Startups Act), который позволяет привлекать начальные инвестиции по упрощенной процедуре. Долгое время JOBS Act не мог вступить в силу из-за длительного обсуждения комиссией по ценным бумагам и вкладам SEC (Securities and Exchange Commission) своих инициатив относительно подзаконных актов для внедрения JOBS Act [1].

Но после 2013 г. краудинвестинг наконец получил официальное признание в качестве модели для привлечения капитала. Теперь к финансированию можно привлекать неквалифицированных инвесторов, также нет ограничений в отношении количества инвесторов, участвующих в финансировании проекта. Однако существуют ограничения, касающиеся размеров финансирования и предоставляемой отчетности. Для оформления соответствующей документации (форма начального предложения и обязательные годовые отчеты) понадобятся

ся достаточно ощутимое количество средств, что далеко не все могут себе позволить. Это может отпугнуть ряд предпринимателей, желающих воспользоваться краудфандинговой моделью.[7]

Стоит отметить, что на части краудфандинговых платформ принятие данных правил не скажется, так как они планируют по-прежнему работать с нефинансовой моделью вознаграждения.

С другой стороны, в Европе акционерный краудфандинг в полной мере использует правовую свободу, и новых краудфандинговых платформ с каждым днем становится все больше.

Отдельно хочется отметить привлечение инструментов краудфандинга в жизнь западных вузов. Вузами создаются как внутренние платформы, но также проекты размещаются и на стандартных платформах, примером является Йельский университет. С осени 2014 г. на платформе Kickstarter существует страница Йельского университета, на которой отображаются проекты, организованные его студентами: от разработки мобильных приложений до работы над дизайном одежды [3].

В России прослеживается отставание в отрасли краудфандинга. История краудфандинга начинается во второй половине 2012 г. с появлением площадок boom-starter.ru и planeta.ru, которые сейчас развиваются весьма динамично и, как уже было сказано выше, реализуют безвозмездные (условно-безвозмездные) и условно-возвратные проекты.

Развитие инвестиционного краудфандинга в России затруднено в силу ряда объективных причин, самыми весомыми из которых являются разного рода законодательные ограничения. Для полноценного существования инвестиционного краудфандинга, вероятно, потребуется подготовка специального закона, как это произошло в США. На данный момент известной краудинвестиционной площадкой является StartTrack.ru. Данный проект, по сути, является рекламной площадкой или сайтом знакомств профессиональных инвесторов со стартапами, которые нуждаются в первичном финансировании [4, с.143].

17 декабря 2014 года состоялось заседание Комиссии по информационной поддержке инновационной деятельности и по совершенствованию законодательства, направленного на привлечение инвестиций в инновационный сектор экономики рабочей группы при Председателе ГД ФС РФ по законодательным инициативам в сфере инновационной политики, на котором обсуждались вопросы, касаю-

щиеся краудфандинга. Представители краудфандинговых платформ, участвующие в заседании, порекомендовали инициировать внесение изменений в Налоговый кодекс, а также начать формирование инструментов государственно-частного партнерства. По итогам обсуждения был сформирован ряд рекомендаций и разработан перечень мер по решению «узких вопросов» (в частности, защита от мошенничества и защита персональных данных) и содействию «народному финансированию» в России [2].

У краудфандинга существуют уязвимые места и помимо недостаточности правового регулирования.

Во-первых, идеология и терминология краудфандинга масштабно используются для построения финансовых пирамид. Последователи МММ объявляют краудфандинг своей «новой парадигмой» и создают собственные краудфандинговые площадки. Юристы, критикующие JOBS Act, подчеркивают, что неквалифицированному инвестору сложно определить, является ли тот или иной проект мошенничеством. Краудфандинг в результате зачастую воспринимается как сомнительный механизм финансовых инвестиций, инициированный пирамидостроителями [5].

Во-вторых, идея, выставленная на всеобщее обозрение, не защищена от кражи. Если проект не будет профинансирован, то идея может быть спонсирована профессиональными инвесторами или крупными корпорациями и реализована кем-то более удачливым. На краудфандинговых площадках не используются механизмы соглашений о неразглашении и другие способы защиты идей и бизнес-планов [4, с. 143].

Исходя из тенденций, краудфандинг будет в дальнейшем развиваться в нескольких направлениях. Внимание нишевых краудфандинговых платформ будет направлено на отдельные сегменты рынка. Наиболее популярные площадки (Kickstarter, Boomstarter, Planeta) представляют собой генерализированные платформы. Существуют сектора, которые данные платформы не финансируют, именно для них будут все больше развиваться специализированные площадки. В качестве примера можно привести AppStori для мобильных приложений, MedStartr для здравоохранения, Petridish для научных проектов, Realty Mogul для недвижимости и Pubslush для издательского дела.

Краудфандинг предполагает однократное финансирование, но это не всегда удобно, так как ряду проектов нужна долгосрочная поддержка для выхода и закрепления на рынке. Новые краудфандинго-

вые сайты предлагают модель постоянной поддержки проектов. Например, ресурс [Patreon](#) позволяет инвесторам финансировать любимых артистов, а не отдельный фильм или арт-инсталляцию.

Перспективным направлением развития для краудфандинга в России называют публичную сферу, а именно распределение финансирования расходов местных бюджетов на основе использования краудсорсинговых технологий. Местные администрации, ответственные за финансирование конкретных проектов, смогут размещать на местных сайтах перечень и стоимость проектов, подлежащих финансированию, а у граждан появится право выбирать конкретный проект, который, по их мнению, подлежит приоритетному финансированию, исходя из объема уплаченного НДФЛ [4, с. 144].

Во многом развитие краудфандинга будет зависеть от законодательных нормативов. В настоящий момент подход в разных странах не отличается единообразием. США проводит специальное нормативно-правовое регулирование.

Некоторые страны, в том числе и Россия, пока не занимаются разработкой специальных законов.

Некоторые страны предоставляют достаточную свободу краудфандинговым проектам. Другие же предпочитают «закручивать гайки». В случае чрезмерно строгого регулирования краудфандинга рынок предпринимательства может лишиться доступа к финансированию и само развитие стартапов окажется под угрозой. Ярким примером подобного закручивания гаек может служить ситуация с Советом по Финансовым рынкам Голландии (AFM). Данная организация предлагает ограничить сумму максимальных взносов, что может привести к выводу средств за пределы краудфандингового сектора [8].

Список литературы

1. *JOBS Act обещает взрывной рост IT-компаниям в США* [Электронный ресурс]. URL: <http://geektimes.ru/post/164181> (дата обращения: 01.03.2015).

2. *Государство приходит в краудфандинг – хорошо или плохо?* [Электронный ресурс]. URL: <http://crowdhunters.ru/crowdgover/> (дата обращения: 01.03.2015).

3. *Как западные вузы интегрируют краудфандинг* [Электронный ресурс]. URL: <http://crowdhunters.ru/universitiesandcrowdfunding/> (дата обращения: 03.03.2015).

4. *Котенко Д.А.* Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Закон. 2014. № 5.

5. *Перспективы краудфандинга: в США – закон, в России – мошенничество.* Сергей Карелов // <http://slon.ru/> [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/future/perspektivy_kraudfandinga_v_ssha_zakon_v_rossii_moshennichestvo-875352.xhtml (дата обращения: 28.02.2015).

6. *Посредник не нужен.* Евгения Носкова // <http://www.rg.ru> [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/29/kreditovanie.html> (дата обращения: 28.02.2015).

7. *Сможет ли малый бизнес извлечь выгоду из новых правила регулирования Краудфандинга в США* [Электронный ресурс]. URL: http://crowdsourcing.ru/article/smozhet_li_malyj_biznes_izvlech_vygodu_iz_novyx_pravila_regulirovaniya_kraudfandinga_v_ssh?link=themelist (дата обращения: 03.03.2015).

8. *Умереть или выжить и преуспеть: какие Краудфандинговые платформы останутся на рынке в 2015 году?* [Электронный ресурс]. URL: [http://crowdsourcing.ru /article/umeret_ili_vyzhit_i_preuspet_kakie_kraudfandigovye_platformy_ostanutsya_na_rynke_v_2015_godu?link=themelist](http://crowdsourcing.ru/article/umeret_ili_vyzhit_i_preuspet_kakie_kraudfandigovye_platformy_ostanutsya_na_rynke_v_2015_godu?link=themelist) (дата обращения: 01.03.2015).

9. *Что такое Краудфандинг?* [Электронный ресурс]. URL: [http://crowdsourcing.ru/ article/what_is_the_crowdfunding/](http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdfunding/) (дата обращения: 01.03.2015).

РАЗДЕЛ VII.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ
ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

*Банищикова И. А.,
преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород,*

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье предпринята попытка осмысления феномена правовой социализации молодежи как фактора развития гражданского общества. Также анализируется проблема девиантного поведения и экстремистские тенденции в правовой социализации молодежи.

Ключевые слова: социализация; правовая социализация молодежи; социальные нормы; девиантное поведение; правовое государство; гражданское общество.

Сегодня многие специалисты отмечают усиление криминогенного влияния на молодежь (особенно в возрасте от 16 до 21 года), что ведет за собой нежелание большинства молодых людей содействовать органам правопорядка в борьбе с преступностью; возрастание влияния блатного жаргона, уголовно-тюремного фольклора, татуировок; ослабление правовых регуляторов поведения молодежи вместе с расширением правового нигилизма и т.д. Факторы, усиливающие преступность, многозначны, но для молодежи главными являются следствие отчужденных отношений, незнание своих прав, обесценивание человеческой жизни и здоровья, что свидетельствует о далеко зашедших процессах нравственной деградации.

Молодежная преступность – часть контекста всей динамики общества. Преступность – не сама болезнь, а лишь симптом более глубоких социальных заболеваний общества. Преступления не только обозначают девиантные линии поведения, а испытывают прочность и надежность нормативно-ценностной структуры общества.

Для понимания своеобразия правовой культуры России особое значение имеет проблема взаимоотношения права и нравственности. Соотносясь друг с другом в рамках нравственно-правовой культуры, право и нравственность оказывают регулятивное воздействие на сферу свободы и объективно направлены на стимулирование правомер-

ной активности личности, создание всех необходимых предпосылок для ее социализации. Полная нравственно-правовая социализация личности – это идеал, стремиться к которому человеку предписывает долг его практического разума. На фоне обострения социально-экономических и политических отношений в российском обществе проблемы нравственно-правовой социализации молодежи приобретают актуальный характер.

Молодежь – особая социально-демографическая группа, она участвует во всех сферах жизнедеятельности общества и при этом отличается инновационностью. Молодежь в гражданском обществе и правовом государстве, как и все группы общества, сталкивается с системой права и правосознания.

Термин «правовая социализация» стал использоваться в 60-е годы XX века. Одним из наиболее известных исследователей этого феномена является французский социолог Ж. Карбонье. Он обратил внимание на социальность правовых явлений. Задача правовой социализации не только в том, чтобы члены социума усвоили правовые нормы, но и в том, чтобы они могли соотнести их с другими нормативными системами. Сама же правовая социализация выступает не как воспитание привычки повиноваться принуждению, а как привитие молодому поколению сознательной потребности обращаться к судье-арбитру, к третьему лицу в споре. Уровень правовой культуры личности и ее правосознания определяется степенью ее правомерного поведения, мотивами которого должны выступать внутренняя убежденность человека в справедливости требований правовых норм и значимости системы нравственных ценностей [1, с. 105].

Правовая социализация подразумевает передачу социального опыта от общества к личности. Важнейшим результатом правовой социализации является формирование правосознания, которое составляет собственно образовательный момент в процессе социализации (образование и воспитание здесь нераздельно связаны). Для этого можно выделить три составляющие нравственно-правовой социализации в ее динамической структуре.

Вначале право как таковое воспринимается по преимуществу сквозь призму нравственных требований, как моральный императив. Важнейшее значение на этом этапе имеет социализирующее действие семьи. Именно здесь молодой человек усваивает систему ценностей, определяющую его нравственную и правовую позицию. Затем следу-

ет восприятие нравственным сознанием норм права в форме закона. На этой ступени в личности молодого человека прежде всего формируются качества гражданина. И наконец, право само по себе воспринимается субъектом как нравственная ценность [2, с. 126]. Это – высшая ступень развития нравственно-правового сознания. Ее достижение свидетельствует о наибольшей степени социализации личности, поскольку здесь нравственное и правовое начало самосознания человека выступают в наиболее глубоком взаимодействии. Достижение этого уровня социализации говорит о полной включенности индивида в общественные процессы, о его признании в социальной среде в качестве легитимного субъекта социально-политического управления. На данном уровне социализации личности ее десоциализация невозможна, или возможна только как сравнительно редкое исключение.

Отношения права и нравственности в правовой социализации молодого человека особо важны при оценке девиантного поведения. Девиантное может быть созидательным и разрушительным. Границы между ними подвижны, т.к. меняются идеалы и ценности, нормы и правила. Если отклоняющееся поведение становится стойким, то обществу следует переоценить социальные нормы. С другой стороны, следует расширить доступ к законным способам социализации личности молодого человека, соблюдать социальное равенство перед законом всех членов общества, постоянно совершенствовать само законодательство, стремиться к адекватности наказаний.

Особенность нашего времени – возрастание числа молодых людей, вынужденных рисковать при усложненной реальности. Практика показывает, что все больше девиантное поведение становится рациональным – это сознательный выбор риска при опоре на профессионализм и творческую интуицию. С другой стороны, девиантное поведение и преступность связаны с маргинальностью, возникает состояние отчужденности, отверженности от общества.

Маргинальность свойственна молодым людям, находящимся в состоянии незавершенной социализации, особенностью которой является изменение, развитие личности в социальном времени. Молодой человек, будучи внешне прикреплен к определенным социальным общностям – семье, школе, малым группам дворовых, спортивных и других товариществ, вместе с тем внутренне находится в состоянии духовно-нравственной нестабильности, неопределенности, пребывает в процессе поиска самого себя и своего места в со-

циуме. Эта внутренняя изменчивость, вовлеченность, связанная с взрослением, порождает основную массу проблем.

В условиях морально-правового конфликта молодому человеку чаще всего нелегко совершать выбор и принимать решение, которое отвечало бы необходимым нравственно-правовым критериям. Процесс принятия решений затормаживается, личность как бы застревает перед альтернативой: либо смирение и покорность, либо опасный конфликт, чреватый непредсказуемыми последствиями. Это поведение ведет не к разрешению проблемно-конфликтных ситуаций, а к их усугублению.

Состояние агрессивности в определенной степени имеет в своей основе генетическую (защитную) природу и, по сути, свойственно молодежи в силу возраста, получая выражение в отстаивании адекватно или ложно понимаемых прав, в завышенных претензиях и самооценках, стремлении идти к цели кратчайшим, хотя и не всегда правовым путем. Исследования показали, что молодежный экстремизм провоцируется шестью группами факторов: социально-психологическими, социально-экономическими, информационными, жизнеустройства, факторами исторического плана, психозепидемическими.

Существенную роль в провоцировании экстремизма играет социально-психологический фактор страха. Экстремистский потенциал в молодежи сохраняется и может проявиться в том случае, если будут задеты ее ценностно-коренные интересы. Замечено, что молодые люди в большей степени устойчивы к проявлению экстремизма, если в них проявлены качества граждан и патриотов. Существенное значение имеет воспитательное воздействие, предполагающее переход от провоцирующих агрессию и экстремизм старых моделей воспитания к новым неконфликтным моделям.

В армейской среде существуют факторы, способствующие возникновению агрессивности, которая зачастую является благоприятной основой экстремизма и преступности. Недостаточная включенность в общество ведет к тому, что, придя в армию, молодой человек попадает в новый круговорот событий, а неподготовленность в правовой сфере приводит к новым проблемам. Оказалось, что 16 % военнослужащих знают свои права хорошо, 84 % – плохо; 14 % офицеров признались, что не знают прав военнослужащих, и еще 26 % затруднились с ответом [3, с. 55–56].

Молодежь, допускающая участие в криминальных группах, отличается определенным психологическим и нравственным складом. Среди основных характеристик выделяются: жестокость и прагматичность в оценке ситуации и выборе способа действий, пониженность значений морального фактора, правовой нигилизм, ярко выраженная неприязнь к органам охраны правопорядка, определенная практика правонарушений, оценка людей как средств достижения целей, принятие тезиса «цель оправдывает средства». Этой группе свойственны анархистский настрой, потребительское отношение к людям, ослабленность связей с семьей («уличные дети») [4, с. 43].

Абсолютное большинство совершаемых молодежью преступлений обусловлено тем, что они оказываются не в состоянии справиться с собственными внутренними противоречиями, не находят оптимальных, социально одобряемых путей, средств и способов их разрешения.

Правовая социализация позволяет молодому человеку выбрать цель и определить стратегию поведения, не противоречащую правовым нормам общества, позволяющая снизить или исключить проявления экстремизма как радикальной формы преступления. Действенность системы правовой социализации в профилактике экстремистских тенденций находится в прямой зависимости от степени ее совпадения с внутренне присущей каждой личности молодого человека системы взглядов, принципов, ценностей и норм поведения.

Законопослушное поведение является результатом успешного использования молодым человеком уроков общества. В борьбе с наркоманией, преступностью и в целом с девиантным поведением необходимо создание гибкой системы, сочетающей различные формы и способы (пропаганда, профилактика, социальная поддержка и помощь, силовые операции, психологическое воздействие, экономическое стимулирование и т.д.). При этом существенной частью является выработка в ребенке, начиная с раннего детства, внутренних защитных механизмов и личностного непримиримого отношения к нарушениям базовых принципов нормального бытия.

Единая государственная политика должна основываться на развитой законодательной базе. При этом гражданско-правовое воспитание, формирование патриотического и национального самосознания на основе общенациональной идеи возрождения России, в целом

нравственно-правовая социализация молодежи является фактором успешного развития гражданского общества.

Список литературы

1. *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986.
2. *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М.: Юрист, 1995.
3. *Мацкевич И.М.* Преступность в армейской среде. // Социс. № 4. 2000.
4. *Слуцкий Е.Г.* Проблемы подростковой и молодежной преступности. // Социальные проблемы молодежи: Социологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

*Ильичева А. И.,
преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород,*

ЯЗЫКОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА

В статье говорится о роли речевой культуры в профессиональной деятельности юриста. Автор статьи рассматривает основные аспекты данной проблемы.

Ключевые слова: язык; речь; профессиональная речь; коммуникативная компетентность; культура речи; речевые умения.

Мышление и речь человека развиваются и проявляются в единстве, в любом виде мышления обнаруживается роль речи, которая есть непосредственная действительность мысли. Слова являются средством образования и выражения понятий, суждений, отражения предметов, явлений в сознании.

Содержание и форма речи человека зависят от его профессии, опыта, темперамента, характера, способностей, интересов, состояний и т. д. С помощью речи люди общаются между собой, передают знания, влияют друг на друга и воздействуют на себя. Для выяснения сути и механизмов всех этих явлений, их роли в условиях юридической деятельности целесообразно провести различие между языком и речью.

Язык – система знаков, необходимых для человеческого общения, мышления и выражения. С помощью языка осуществляется познание мира, управление человеческим поведением и т.д. Развитие языка связано, прежде всего, с коллективным трудом, необходимостью общения и взаимодействия. Возникновение членораздельной речи явилось мощным средством дальнейшего развития человека, общества, сознания. Благодаря языку осуществляется специфически человеческая форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций, через язык реализуется преемственность различных поколений. Язык участвует в осуществлении практически всех высших психических функций, будучи наиболее тесно связанным с мышлением.

Речь – это процесс индивидуального использования языка в целях, прежде всего, общения с другими людьми. Речь обеспечивается периферическими (двигательные, голосовые, артикуляционные) и центральными (кора мозга) аппаратами, органами восприятия и понимания

слов и их сочетаний, воспроизведения и использования их в жизни. Человеку свойственно употреблять знаки для обозначения предметов и осмысления действительности. Человеческая речь является знаковым отражением действительности в работе головного мозга, одним из способов кодирования и передачи информации. Для понимания речи других людей необходимо ее перекодирование, перевод во внутренний смысл, на основе которого устанавливаются содержательные элементы. Это результат аналитико-синтетической деятельности мозга.

Речь в деятельности юриста выступает как носитель информации и как средство воздействия. Воздействие при помощи речи бывает разных типов: воздействие человека на человека, человека на группу лиц, человека на аудиторию и др. Речевая деятельность работника юридического труда – это главным образом воздействие человека на человека и человека на группу.

Изучение практики показывает, что, во-первых, звучание речевого голоса не может рассматриваться вне связи с общим поведением человека, во-вторых, развитие речевого голоса неотделимо от индивидуальности личности, в-третьих, воспитание речевого голоса нельзя рассматривать только как работу над голосовым аппаратом и, в-четвертых, голосовой аппарат необходимо тренировать не только специальными упражнениями, но и в обыденной речи.

Речевую деятельность юриста можно классифицировать как речь устную и письменную, внутреннюю и внешнюю, диалогическую и монологическую, обыденную и профессиональную, подготовленную и неподготовленную.

Устная речь является главным инструментом общения. С ее помощью непосредственно осуществляется коммуникативная и управленческая деятельность. Для устной речи важно, чтобы собеседники слышали и видели друг друга. Исследования показывают, что у человека, который слушает собеседника, не видя его, восприятие резко снижается.

Письменная речь характеризуется отсутствием собеседника и не зависит от реальной обстановки. Работник юридического труда, приступая к составлению различных документов (справок, отчетов, протоколов и т.п.), ищет и находит языковые средства для выражения результатов своего мышления. Письменная речь должна быть грамматически правильно сформулирована. Для деловых бумаг письменная речь должна быть обусловлена лаконичными фразами, точными понятиями

и соответствующей терминологией. Юрист должен хорошо владеть различными стилями русского языка.

Внутренняя речь служит для воспроизведения в сознании людей различных образов, отражающихся в поведении человека (в мимике, походке и т.д.). Бесконтрольное возникновение образов у одного из собеседников дает другому (а тем более, внимательному наблюдателю) объективные данные для определенных рассуждений. Работник юридического труда должен обязательно научиться управлять своей внутренней речью.

Внешняя речь – это, по существу, обычная устная или письменная речь. Она генерируется спонтанно, однако в ряде случаев ей предшествует этап внутренней речи.

Разновидностью устной речи является диалогическая речь. Семантика ее зависит от того, как воспринимается сказанное собеседником. Одно и то же слово, фраза могут произноситься по-разному и означать приказ, просьбу, дружеское замечание, порицание, выговор и др.

В самых разнообразных формах: выступление перед аудиторией, чтение вслух, устный отчет и т.п. – может быть представлена работником юридического труда монологическая речь. Этот вид речевой деятельности получил в юридической практике большое распространение. Овладение техникой монологической речи предполагает усвоение основ ораторского искусства.

Живое общение людей осуществляет обыденная речь. Она очень выразительна, понятна. Большое значение здесь имеют интонация и акцент. На людей большое влияние оказывают нормы речевой коммуникации, поэтому при овладении искусством обыденной речи нужно внимательно отнестись к грамматике и стилистике языка.

Профессиональная речь требует определенного образования. Этот вид речи характерен для общения специалистов, в том числе и юристов. Большую роль здесь играют различные аспекты профессиональной речи: лексикон, произношение терминов и специальных фраз, логика высказывания и т.д.

В деятельности юриста-практика подготовленная речь употребляется повсеместно: заготовленные ответы на вопросы, выступления на процессах, заранее продуманный монолог в беседе, на допросе и т.д. Предварительная работа над содержанием и формой предстоящей речевой коммуникации важна и необходима. Вместе с тем постоянная приверженность к заранее разработанному тексту сковывает творческое мышление работника юриспруденции, делает его догматичным. По-

этому юристу наряду с тщательной подготовкой высказываний нужно предусматривать и импровизацию.

К импровизации очень близка неподготовленная речь. В сущности, импровизация представляет собой один из сложных процессов творческого использования опыта. Без предварительной кропотливой работы над темой выступления, например в суде, или при проведении дискуссии импровизация невозможна. В связи с этим импровизацию можно считать определенным этапом в развитии речевой деятельности, которому предшествует этап подготовленной речи.

Речь юриста, как правило, должна передавать знания, содействовать переходу их в убеждения. Она должна учить, воспитывать, иметь цель повлиять на личность и коллектив, на их настроение, мнения, интересы, поведения и чувства. Для достижения целей устного выступления работника юридического труда нужна высокая речевая и умственная культура. Его речь по содержанию должна быть научной, соответствовать правовым нормам, а по форме – логичной, яркой, образной. Юристу нужно уметь связывать содержание своего выступления с жизнью, учитывать состояние и запросы слушающих его людей, пользоваться различными языковыми средствами выразительности (паузы, интонации, ударения и т.п.). Успех такого выступления зависит и от его знаний, профессионального опыта, искренности, свободного владения материалом, самообладания, выдержки, правильного внешнего выражения своих чувств.

Для успешного профессионального общения юристу необходима коммуникативная компетентность.

Коммуникативная компетентность – это знание юристом норм и правил общения, а также владение его технологией. Она невозможна без развитых способностей юриста к общению с другими людьми – *коммуникативных способностей*, т.е. способностей владеть инициативой в общении, проявлять активность, эмоционально откликаться на состояние партнеров общения, формировать и реализовать собственную индивидуальную программу общения, способность к самостимуляции и взаимной стимуляции в общении.

Способность общаться с субъектами юридической деятельности реализуется в умениях. Под умениями понимаются двигательные, умственные и другие сознательные психические действия, которые выполняются быстро, правильно, при слабой концентрации внимания на способах их выполнения в любых условиях обстановки.

Коммуникативные умения, необходимые юристу:

Речевые умения связаны с овладением речевой деятельностью и речевыми средствами общения. К ним относятся следующие умения: грамотно и ясно сформулировать свою мысль; достичь желаемой коммуникативной цели; осуществить основные речевые функции (подтвердить, возразить, усомниться, одобрить, согласиться, предложить, узнать, пригласить и т.д.); говорить выразительно (выбрать правильный тон разговора, расставить логические ударения, найти точную интонацию и т.д.); высказываться «целостно», т.е. достигать смысловой целостности высказывания; высказываться логично и связно, продуктивно и содержательно; говорить самостоятельно (что проявляется в умении выбрать стратегию выступления, разработать самостоятельную программу речи, говорить без опоры на письменный текст, опираться на собственный анализ проблемы); высказываться экспромтно, без предварительной подготовки; выразить в речевой деятельности собственную оценку прочитанного или услышанного; передать в речевой деятельности виденное, наблюдаемое.

Умения использовать в общении нормы речевого этикета в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Это умения: реализовать ситуативные нормы обращения и привлечения внимания; организовать знакомство с партнерами; использовать ситуативные нормы поведения; адекватно ситуации выразить просьбу; высказать совет, предложение, упрек, сочувствие, пожелание.

Умения использовать невербальные средства общения. К ним относятся: паралингвистические средства общения (интонация, пауза, дыхание, дикция, темп, громкость, ритмика, тональность, мелодика); экстралингвистические средства (смех, шум, аплодисменты и т.п.); кинетические средства общения (жест, мимика); проксемические средства общения (поза, движения, дистанция партнеров общения).

Умения взаимодействовать: на уровне диалога – с личностью или группой; на уровне полилога – с массой или группой; на уровне межгруппового диалога.

Общение с людьми составляет основу профессиональной деятельности юриста любой специализации. Поэтому знание социально-психологических закономерностей общения является непременным условием его высокой квалификации.

Специфика профессионального общения юриста требует от него высокоразвитых коммуникативных качеств, навыков и умений, которые формируются как в процессе обучения, так и в процессе са-

мообразования и практики. Особую роль в развитии этих качеств играют самоанализ, упражнения и психологические тренинги.

Коммуникативная компетентность – это знание юристом норм и правил общения, а также владение его технологией. Она невозможна без развитых способностей юриста к общению с другими людьми – коммуникативных способностей, т.е. способностей владеть инициативой в общении, проявлять активность, эмоционально откликаться на состояние партнеров общения, формировать и реализовать собственную индивидуальную программу общения, способность к самостимуляции и взаимной стимуляции в общении.

Кроме потребностей юридической практики, общение обеспечивает удовлетворение социальных потребностей личности. К таким потребностям относятся: стремление человека к взаимодействию, любви и поддержке; потребность к самоутверждению; потребность к самовыражению и самореализации; потребность в эмоциональной поддержке и признании.

Языковое содержание современного юриста невозможно без соблюдения языковых норм и норм культуры речи.

Культура речи в лингвистике понимается как мотивированное употребление языкового материала, как использование языковых средств, оптимальных для достижения коммуникативных задач в определенной ситуации. В письменной речи юриста, рассчитанной на предварительное обдумывание, оптимальными являются средства официально-делового стиля, в устной монологической речи на суде употребляют средства публицистического стиля. В то же время отсутствие момента предварительного обдумывания выбора языковых средств и эмоциональное напряжение оратора ведут к тому, что в ней появляются особенности, характерные для устной речи.

Культура речи включает в себя:

1) нормативность или правильность речи, т.е. умение точно, в соответствии с нормами литературного языка передавать мысли, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов;

2) речевое мастерство, заключающееся в доходчивости, логичности и уместности речи, богатстве словаря.

Важно выразить мысль не только грамотно, но и экспрессивно, не штампованными словами, а по-своему, индивидуализированно. Речевое мастерство предполагает умение найти наиболее точное, а значит подходящее для определенного случая и стилистически оправданное средство языка. Например, разговорное слово «брякнула» в речи С.А. Анд-

реевского звучит так: («...развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу...») более точно, чем любое другое характеризует легкомысленное поведение потерпевшей. А мысль о том, почему подсудимый Егор Емельянов решил «отделаться» от своей жены, А.Ф. Кони выразил посредством метафоры: «Итак, вот такая это личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное – скучная».

Точность в свободном тексте процессуальных актов зависит от точности словоупотребления, которая обеспечивает информативную точность документа. «Трудно назвать какую-либо другую общественную область жизни, где неточность слова, разрыв между мыслью и словом, были бы чреваты иногда тяжелыми последствиями как в области права, – указывает А.А. Ушаков, – неточное слово в праве – большое социальное зло. Оно создает почву для произвола и беззакония».

Здесь следует сказать и об уместности речи. Уместность – это такой подбор языковых средств, который делает речь отвечающей целям и условиям общения. При изложении показаний допрашиваемых неуместны официально-деловая лексика и юридические клише, если они отсутствуют в речи допрашиваемого. Неуместны, т.к. они «серьезно подрывают доверие к протоколу допроса». Употребление в официальной речи средств, стоящих за пределами литературного языка, является отступлением от норм литературной речи. Однако в протоколе допроса жаргонное слово «фестивалила» употреблено обоснованно, в соответствии с коммуникативным заданием, – в этом главный критерий его уместности. Ни в каких других процессуальных актах, кроме протокола допроса и очной ставки, диалектная, просторечная и жаргонная лексика недопустима, ее отсутствие диктуется требованием чистоты речи.

Чистой считается та речь, в которой нет элементов, чуждых русскому языку, а также неуместно употребляемых иностранных слов. Устную речь нередко засоряют и «любимые» слова типа: в общем-то, так сказать, которые, по выражению Е.А. Матвиенко, являются «костылями хромого оратора». Но костыли оказывают помощь, а слова-сорняки больше вредят, чем помогают, – употребляемые неуместно, они мешают точному выражению мысли. Послушайте хотя бы полчаса любую общественно-политическую передачу, и Вы услышите подобные примеры: «Существуют, в общем-то, будем говорить, расплывчатые инструкции, которые, будем говорить, мешают проведению работы». Или: «В общем-то, это деловой вопрос, и он, в общем-то, требует обсуждения».

Одним из основных требований культуры речи является ясность. Известный русский юрист П.С. Пороховщиков писал о необыкновенной, исключительной ясности на суде. В значительной степени этому способствует доступность языка оглашаемых в суде документов. Ясность достигается четкой композицией документа, логичностью изложения, убедительностью аргументов. Четкости композиции способствуют юридические клише, употребляемые в определенных композиционных частях. Ясность предполагает использование сложных синтаксических конструкций для выражения сложных мыслей, особенно в мотивировочной и результативной частях документов. Но предложения должны быть построены в соответствии с нормами литературного языка.

Речь становится неясной вследствие низкой культуры мышления. Попробуйте разобраться в родственных отношениях людей, которые не смог ясно выразить адвокат: «В мае в гости приезжала мужевой сестры мужа сестра». Язык документов может быть неясным из-за использования без надобности иностранных слов.

Основоположник судебного красноречия в России А.Ф. Кони настойчиво призывал юристов любить и постоянно изучать «святыню своего народа», – его язык. «Пусть не мысль ваша ищет слова, ...пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстанут перед вашей мыслью в полном ее распоряжении», – писал он. Судебный деятель обязан говорить грамотно, доходчиво, убедительно. Воспитательное значение нашего суда намного возрастет, если юристы будут говорить не только по-деловому, но и образно, экспрессивно.

Таковым, на мой взгляд, должно быть языковое содержание современного юриста.

Список литературы

1. *Афанасьева О.В., Пицелко А.В.* Этика и психология профессиональной деятельности юриста: Учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
2. *Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986.
3. *Баранов М.Т.* Русский язык: справочные материалы. М.: Просвещение, 1987.
4. *Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А.М. Столяренко.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
5. *Реан А.Л.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2004.

6. *Сокова З.К.* Профессиональная этика: курс лекций. М.: ЦИ и НМО КП МВД России, 2000.

7. *Социальная психология* / под ред. А.М. Столяренко. 2-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

8. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

9. *Юридическая психология: учебник для студентов вузов* / под ред. Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.

*Кулагина Т. Д.,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой
общеобразовательных дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

В статье рассмотрена проблема формирования толерантности как интегрального качества личности. Автор статьи разнопланово анализирует понятие толерантности и приходит к выводу о необходимости создания развивающего толерантного пространства посредством организации конкретных педагогических условий.

Ключевые слова: толерантность; педагогические условия; интернационализм; поликультурное образование; гуманистическое воспитание; развивающее толерантное пространство.

Международный день толерантности – 16 ноября.

Как сообщает Интерфакс», президент РФ – В.В.Путин, как действующий председатель «Большой восьмерки», заявил от имени всех лидеров о том, что **«толерантность для России имеет особое значение».**

«Если российскому обществу не удалось бы достичь определенной гармонии между интересами представителей многочисленных конфессий и национальностей, то нам, наверное, не удалось бы создать единого и централизованного государства», – сказал В. Путин в ходе встречи с представителями «молодежной восьмерки». Как подчеркнул В. Путин, «...толерантность лежит в основе российской государственности, поскольку Россия на всем протяжении своей тысячелетней истории складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Очевидно, что без решения этого вопроса, без толерантного отношения людей друг к другу, невозможно было бы решить ни одной другой проблемы». Он признал, что вопросы толерантности и терпимости, связаны и с проблемами

образования. «Это одна из ключевых проблем развития человечества» [4].

Минувший XX век коренным образом изменил облик современного мира. Сегодня мы наблюдаем интеграцию национальных государств, экономик, культур. Возрастающая мобильность населения превращает многие страны в поликультурные сообщества, а движение за социальное равенство приводит к признанию прав все большего числа разнообразных социокультурных групп. Вместе с этим распространяются идеи нивелирования культурных различий, проекции на весь мир эталонных ценностей и образа жизни. Другой крайностью является распространение идей изоляционизма, национализма и культурной исключительности. Наиболее радикальные их проявления – фашизм и нацизм – также рождены XX веком. В ближайшем будущем культурные различия вообще могут стать главным источником враждебности между людьми. Это актуально и для России.

Наша страна – это страна с множеством разнообразных и непохожих друг на друга культур, с множеством проблем в межкультурных отношениях. К сожалению, нетерпимость к представителям иных культур через СМИ, социальное окружение детей все чаще проникает и к подросткам. Расизм, националистические предрассудки, дискриминация становятся распространенным явлением в детской среде. Многими учеными подчеркивается, что особенно важной проблемой сегодня становится проблема формирования толерантности у молодого поколения. Но процесс формирования толерантности не является самопроизвольным – он требует создания благоприятных педагогических условий, так как речь идет о воспитании в подростке толерантного ценностного отношения к другим людям, выражающегося в признании, принятии и понимании им представителей иных культур. В «Декларации принципов терпимости» (ЮНЕСКО) сказано: «Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и свобод человека» [4].

«Толерантность» означает терпимость к чужому образу жизни, к иному мировоззрению, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям, а также к людям иных религиозных, социальных и политических взглядов и традиций. «Понятие «толерантность» произошло от латинского слова «tolerantia», что в переводе означает «терпение, способность переносить, терпеливость». Все словари XX века однозначно указывают прямое толкование-перевод: толерант-

ность – терпимость. Считается, что в России с толерантностью полный крах: русские ненавидят всё чужое, при этом, не очень заботясь и о своём, что делает нас одной из самых нетерпимых стран в мире. Определение толерантности через ценностное отношение к людям не случайно. Традиционно толерантность принято было трактовать как терпимость к другим. Однако в последнее время многие исследователи все чаще высказываются против понимания толерантности как снисходительно-равнодушного отношения к людям [2, с. 73]. Толерантность рассматривается в двух контекстах: во-первых, в контексте ценностного отношения к людям вообще (безотносительно к их культурной принадлежности), во-вторых, в контексте ценностного отношения к людям – представителям иных групп. Именно второе понимание толерантности легло в основу «Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО» [4].

В советской педагогике проблема толерантности решалась в рамках воспитания детей в духе интернационализма. Отмечая гуманистическую направленность советского интернационализма, следует сказать, что толерантность здесь рассматривалась лишь в контексте межнациональных отношений. Игнорировались проблемы нетерпимости и дискриминации в сфере религии, политики, субкультур. Да и межнациональные отношения рассматривались в основном с классовых позиций. В западных странах принято говорить о толерантности к самым разнообразным проявлениям инаковости и самобытности. В последние годы и в России проблема воспитания толерантности рассматривается в контексте поликультурного образования. Среди его задач исследователи выделяют воспитание подростков в духе терпимости и уважения к другим культурам [1, с. 34].

В науке разрабатываются концептуальные основы поликультурного образования. Но проблему воспитания толерантной личности еще нельзя признать достаточно изученной.

Во-первых, не исследован возрастной контекст воспитания толерантности. В каком возрасте складываются наиболее благоприятные предпосылки для формирования этого личностного качества? Анализ выявленных психологами и педагогами возрастных особенностей подростков позволяет нам предположить, что наиболее эффективным будет воспитание толерантности у подросткового возраста.

Во-вторых, наукой довольно подробно исследованы вопросы: введение в содержание образования специального материала, дающе-

го студентам информацию о культурах, позволяющего организовать ее обсуждение и эмоциональное переживание; воспитывающей роли ознакомления их с традициями дружбы и добрососедства представителей различных рас, народов, конфессий; важности формирования представлений подростков о правах человека, плюрализме как нормах современного общества. При этом малоизученным остается вопрос о том, как педагогу работать с такими сдерживающими формирование толерантности явлениями, как социальные стереотипы, культурантропоцентризм [8, с. 63]. Какие условия необходимо создать для преодоления подростком этих внутренних барьеров? Расширение кругозора студентов, углубление их знаний в области культуры и прав человека не всегда решают эту проблему.

В-третьих, недостаток многих предлагаемых путей воспитания толерантности в том, что они ориентированы на дополнительные спецкурсы, факультативы, учебные модули. Школьные программы часто оказываются перегруженными. Возникает потребность разработки таких методик, применение которых было бы возможным в рамках университетской программы, на лекциях и внелекционных занятиях. Поэтому мы сталкиваемся уже с научной проблемой, суть которой в противоречии между необходимостью формирования толерантности у студентов и недостаточной разработанностью в науке вопроса о педагогических условиях этого процесса.

Толерантность можно рассматривать как частный случай ценностного отношения человека к другому человеку наряду с такими феноменами, как гуманность, альтруизм. Данное качество проявляется во взаимосвязи с преодолением человеком собственных эгоцентристских установок и переживанием чувства собственной свободы. Условием формирования толерантности у подростков является организация специально подготовленных встреч. Это предполагает знакомство, беседу студентов с представителями иных культур в привлекательной и ценной для подростка среде. Это могут быть непосредственные встречи подростка с представителями иных культур, организуемые во время туристско-краеведческих поездок. Условиями формирования толерантности являются также: проблематизация отношений студентов к представителям иных культур; организация специальных дискуссий, позволяющих им соотнести собственное отношение к иным культурам с взглядами и мнениями сверстников; оказание помощи подростку в овладении им коммуникативными умениями [9, с. 354].

Формирование толерантности у подростков обусловлено и особенностями позиции педагога, разделяющего идеи гуманистического воспитания, поддерживающего свободу ребенка в его ценностном самоопределении, проявляющего толерантность к подростковой субкультуре. Педагогу необходимо выявить влияние возрастных особенностей подростков на процесс воспитания толерантности, разработать модель педагогических условий формирования толерантности у подростков. Педагог обязан экспериментально апробировать разработанную модель в процессе своей воспитательной деятельности по формированию толерантности у подростков, с использованием наблюдения, беседы, анализа педагогических ситуаций, анкетирования, анализа творческих работ студентов [3, с. 118].

Методы исследования могут быть разные: теоретический анализ философской, социологической, психологической и педагогической литературы; анализ педагогического опыта; моделирование педагогических условий формирования толерантности у подростков. Толерантность можно охарактеризовать как сущностное, родовое, свойственное природе человека качество, процесс формирования которого требует создания благоприятных условий; как частный случай ценностного отношения человека к людям вообще; как феномен, взаимосвязанный с переживанием человеком чувства собственной свободы и преодолением собственных эгоцентристских установок.

Особенно важно использовать особенности подросткового возраста, влияющие как позитивно (интерес подростков к образу жизни других людей, внимание к вопросам собственной культурной идентичности, стремление заявить о своем мнении по волнующим взрослых проблемам, определение своей позиции в сфере человеческих отношений, развитие чувства социальной ответственности), так и негативно (повышенная конфликтность, эгоизм, инфантилизм некоторых подростков) на формирование толерантности у школьников. После этого можно выявить педагогические условия формирования толерантности у подростков, к которым относятся: организация встреч подростков с иными культурами; проблематизация их отношений к представителям иных культур; организация дискуссий для соотнесения их мнений в отношении иных культур; оказание помощи студентам в овладении ими умениями критически мыслить, анализировать свои и чужие мнения, вести диалог; а также особенности позиции педагога, работающего с подростками [5, с. 99]. Эти выводы об условиях формирования толерантности у подростков вносят вклад в

активно развивающуюся сегодня теорию поликультурного образования.

Исследование расширяет научно-педагогические представления о специфике организации воспитательного процесса в контексте возрастных особенностей подростков. Новые способы воспитания толерантности у студентов могут быть использованы для подготовки студентов разных вузов к их профессиональной деятельности в современном многокультурном обществе. В современном мире часто торжествует нетерпимость: религиозная, национальная, расовая, вражда между отдельными людьми и социальными группами. Резкие перемены в жизни общества породили проблемы. Происходит героизация насилия, образы которого обрушиваются на детей СМИ (кино, мультфильмы, комиксы). Часто дети используют их в качестве моделей поведения. Возрождаются идеологии ненависти – нацизм, фашизм. Они вовлекают молодежь в политические движения, направленные против иммигрантов и представителей другой культуры (например, движение скинхедов) – это опасные реальности сегодняшнего дня.

Если симптомы нетерпимости существуют в обществе, то они существуют и в учебных заведениях: насмешки, оскорбления, запугивание, подавление, насилие. Эти симптомы могут проявляться в отношениях между всеми участниками образовательного процесса. В сфере образования толерантность можно понимать как признание многообразия, развитие способности распознавать несправедливость и предпринимать шаги по ее преодолению, способность конструктивно преодолевать разногласия и обеспечивать продвижение от конфликтных ситуаций к примирению и разрешению противоречий. Но для того чтобы успешно решать задачи по воспитанию толерантности, педагог сам должен быть толерантен, должен учиться толерантности, постигать ее суть умом и сердцем.

В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования нового поколения по специальности «Право и организация социального обеспечения» отражены требования к результатам освоения профессиональной образовательной программы.

В число общих компетенций, которыми должен обладать юрист, вошли такие компетенции, включающие способность:

– понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес;

– осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития;

– использовать информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности;

– самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации;

– соблюдать деловой этикет, культуру и психологические основы общения, нормы и правила поведения

Студент – это молодой человек, который имеет все возможности дальнейшего развития и является важнейшим интеллектуальным потенциалом нашего общества. Молодому юристу необходимо умение: конструктивно взаимодействовать с другими людьми, определять предвзятое мнение и стереотипы; видеть и правильно оценивать проявления дискриминации на национальной почве. Поэтому на уроках обществознания, будучи студентом, он должен научиться, с помощью преподавателя, разбираться в таких вопросах, как: нации и национальные отношения, конфликты в обществе. Роль педагога – самому проявлять «активную толерантность». Это – умение «мирно», неконфликтно убедить «другого» в своей правоте, поспорить, отстоять свое мнение. Наконец, «активная толерантность» – это подчас и непосредственное действие, то есть, способность заступиться за униженного, защитить права другого [7].

Изучая курс «Права человека» студент получит знания по следующим темам: понимание и принятие таких ценностей, как толерантность и стереотипы, справедливость, равенство, достоинство, сотрудничество, право и политика, нарушения прав человека, национализм, дискриминация.

Когда-то в большой семье, или на деревенской улице, или в городском дворе дети постигали навыки терпимости, общения, взаимопонимания. Теперь часто в семье – единственный ребенок, а общение со сверстниками во дворе и на улице заменило «общение» с компьютером. В этих условиях учебное заведение является оптимальным местом, где можно приобретать опыт социального взаимодействия, навыки толерантного поведения. Это – центр воспитания толерантности, так как толерантность является важным фактором устойчивости общества в целом [6, с. 76].

Таким образом, проблема формирования толерантного сознания оказывается более чем актуальной, и решение ее требует комплексного подхода, организации определенной системы целенаправленных действий как на уровне каждого образовательного учреждения, так и в широких рамках всего российского образования.

Из сказанного можно сделать вывод: формирование толерантности как интегрального качества личности подростков заключается в создании развивающего толерантного пространства и обеспечивается: разработкой и внедрением программы формирования толерантного взаимодействия подростков; формированием культурно-образовательной среды; использованием вариативных форм организации толерантного взаимодействия педагогов и подростков; формированием опыта толерантного взаимодействия подростков, согласованностью действий педагогов, родителей и детей, а также созданием условий для личностного развития и самореализации подростков.

Причем процесс этот должен быть разнонаправленным и многоступенчатым. Необходима специальная программа повышения квалификации – в виде обязательного модуля, вводимого в программы разных курсов, – направленная на формирование толерантного сознания преподавателей, на мотивацию их дальнейшей педагогической деятельности в этом направлении. В работе с педагогами, а затем и со студентами прежде всего должно быть уточнено и расширено само значение понятия толерантность, причем одним из самых важных для усвоения должен быть такой его важнейший аспект, как «толерантность к самому себе и к своему народу». Нельзя быть подлинно толерантным без любви «к отеческим гробам», будучи равнодушным к судьбам собственного народа. Но и нельзя быть настоящим патриотом, любя только собственный народ и ненавидя или презирая все остальное человечество.

Еще одна проблема, связанная с понятием толерантности, – это критерии и «границы» толерантности. Где кончается толерантность и начинаются равнодушие, попустительство? Еще в 30-е годы XX века писатель Бруно Ясенский написал замечательные слова: «Бойся равнодушных людей – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство» [3, с. 116].

Толерантность как ценностное отношение человека к другим людям, выражающееся в признании, принятии и понимании им представителей иных культур, можно отнести к сущностным, свойствен-

ным природе человека качествам. Феномен толерантности неразрывно связан с внутренним ощущением человеком собственной свободы. Это позволяет ему самостоятельно и ответственно определять свою позицию в сфере межкультурных отношений, противостоять экстремистским настроениям толпы, преодолевать собственный эгоцентризм, который проявляется в стремлении полагать свои взгляды, ценности, образ жизни единственно верными и правильными. Процесс формирования толерантности не является самопроизвольным и требует создания благоприятных педагогических условий, которые могли бы способствовать выработке активного неприятия любых форм дискриминации. На всех своих занятиях преподаватель должен преследовать цель: развитие культуры толерантности у студентов. Задача его деятельности: попытаться определить некоторые свои (и существующие в обществе) стереотипы в отношении представителей разных национальностей; задуматься над способами улучшения отношений между людьми разных национальностей; воспитание толерантного отношения к людям другой национальности, и постоянно создавать условия для формирования терпимости к национальным различиям между людьми. «Русский, немец и башкир – пусть между нами будет мир. Ты – цыган, татарин – я, но мы – хорошие друзья! Все в России мы живем, а Урал – наш общий дом».

Список литературы

1. *Андрианов М.С.* Психологические механизмы воздействия средств массовой информации на процессы правовой социализации. // Научные труды «Юридическая психология» / под ред. проф. Г.Х. Ефремовой. М., 1998. С. 34.
2. *Биочинский В.И.* Психолого-педагогические предпосылки формирования толерантности у подростков: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2010. С. 73
3. *Васильев А.И.* Инновации в системе непрерывного профессионального образования: материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф. преподавателей вузов, ученых и специалистов. Н. Новгород, 2007. Т. 1. С. 116–118.
4. *Декларации принципов терпимости.* ЮНЕСКО. 16.11.1995.

5. *Карпухин О.И.* Педагогика в деятельности преподавателя: краткий курс лекций. Н. Новгород: Изд-во ГГПУ, 2010. С. 99.

6. *Коровин В.М.* Коммуникативные умения преподавателя вуза как составляющая педагогической культуры // Актуальные научные достижения: сб. статей X Междунар. науч. конф. Прага, 2011. С. 71–76.

7. *Молодёжь России 2000–2025: Развитие человеческого капитала.* Министерство образования и науки РФ. Москва, 2013.

8. *Климова М.В.* Нравственная и педагогическая культура преподавателя как основа гуманизации педагогического общения: материалы V Всерос. конф.: В 2 т. Н. Новгород, 2009. Т. 1. С. 58–63.

9. *Тетерский С.В.* Введение в социальную работу: учеб. пособие. М., 2000. С. 354

10. *Щукин Г.И.* Роль деятельности педагога в познавательном процессе. М.: Просвещение, 1986. С. 271.

11. *Федеральная целевая программа «Молодёжь России».*

*Малышева Г. И.,
преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

ПРАВА И ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Статья отражает некоторые последствия нарушения экологических прав человека.

Ключевые слова: природопользование; принципы; загрязнение; права; свободы; система; устойчивое развитие.

Каждый человек уникален, неповторим, талантлив. И государство обеспечивает ему права и свободы.

Гражданские права: на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, на неприкосновенность жилища, на частную жизнь, на личную тайну, на тайну корреспонденции, на судебную защиту, на квалифицированную юридическую помощь, презумпцию невиновности.

Гражданские свободы: от пыток и жестокого обращения, совести и вероисповедания, передвижения, выбора места жительства.

Политические права: на участие в управлении делами государства, выборы, государственную службу.

Политические свободы: убеждений и слова, искать, получать, распространять информацию, мирных собраний и ассоциаций.

Экономические и социальные права: на собственность, на труд и вознаграждение за него, на защиту от безработицы, на отдых, на создание профсоюзов, на социальное и медицинское обеспечение, на достойный уровень жизни.

Экономические и социальные свободы: выбора занятия.

Всегда найдутся желающие нарушить права и свободы человека. Педагоги должны нести знания о законах жизни, законах экологии, воспитывать экологическую культуру подрастающего поколения, воспитывать подрастающее поколение, чтобы соблюдали права и свободы. Там, где уходила культура, гибло всё.

Любая система нацелена на результат, необходим чёткий путь достижения цели. Моя работа по достижению экологической культуры студентов складывается из равноценных компонентов: силы мыс-

ли (образование), силы слова (просвещение), силы дела (практика). Если стрелки сложить в одном направлении, цель будет достигнута, в противном случае позитивного результата не достигнуть.

Наша будущая жизнь зависит от воспитания сегодняшнего.

Сила мысли (образование) включает самообразование педагога, публикации, проекты и исследования, внеклассные мероприятия.

Сила слова (просвещение) – газеты; просвещение с помощью буклетов по экологии, буклетов о ЗОЖ, мультимедийных презентаций.

Сила дела (практика) – практические акции: очистка берега реки, родников, посадка деревьев, экологические субботники, озеленение, благотворительные акции, акции против распространения наркотических веществ.

История человеческого общества – это история его взаимодействия с природой. Человек с давних пор использует её в своих хозяйственных целях: охота, собирательство, рыболовство, в качестве природных ресурсов. Удовлетворение потребностей невозможно без эксплуатации природных ресурсов.

Однако использовать природу можно по-разному. Можно оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и облагораживать природу, помогать ей полнее раскрывать свои жизненные силы.

В настоящее время активная роль человека в использовании природы нашла своё отражение в природопользовании как особой сфере хозяйственной деятельности.

Н.Ф. Реймерс, активный участник становления заповедного дела, писал: «...Без природопользования невозможно существование человечества. Но необходимо соблюдение одного обязательного условия: оно должно быть рациональным. Все беды, которые претерпело и терпит человечество, не от природопользования вообще, а от природопользования нерационального».

Природопользование – совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохранению.

Природопользование – процесс эксплуатации природных ресурсов в целях удовлетворения материальных и культурных потребностей общества.

Природопользование – совокупность мер, предпринимаемых обществом с целью изучения, охраны, освоения и преобразования окружающей среды.

Природопользование – наука, разрабатывающая общие принципы осуществления всякой деятельности, связанной с использованием природных ресурсов и воздействием на них, которые помогут избежать экологической катастрофы.

Само понятие рациональности предполагает опору на разум и знания, поэтому под рациональным природопользованием принимают отношение к природе, которое означает, прежде всего, заботу о сохранении экологического равновесия в окружающей среде и полностью исключает восприятие природы в качестве неисчерпаемой кладовой.

В связи с нерациональным природопользованием возникла угроза жизни на земле. Самые тяжелые последствия возникают от загрязнений. Вот несколько определений:

Загрязнение – природные ресурсы, оказавшиеся не в свое время не на своем месте.

Загрязнение – это принесение в окружающую среду или возникновение в ней новых, обычно не характерных, физических, химических, информационных или биологических агентов или превышение их естественного среднесуточного уровня в различных средах, приводящее к негативным воздействиям.

Учеными разработана теория взаимодействия общества и природы, исходя из требований закона оптимального соответствия состояния природной среды темпам и характеру развития общества.

Для поддержания целостности биосферы современное общество должно следовать определенным принципам.

- Первым и основным методологическим принципом теории взаимодействия общества и природы должен быть принцип оптимального соответствия общества и природной среды. Это значит, что общество должно поддерживать целостность биосферы на основе познания и использования естественных процессов.

- Вторым принципом теории взаимодействия общества и природы рассматривается принцип естественного равновесия биосферы. Этот принцип означает, что проблему использования ресурсов нельзя рассматривать без учета значений меры природных компонентов для сохранения целостности биосферы.

- Третий принцип взаимодействия общества и природы – принцип компенсации производимых у природы изъятий. Он тесным образом связан со вторым принципом, так как базируется на значениях меры.

- Четвертый принцип – принцип экологической чистоты человеческой деятельности, который подразумевает полную утилизацию побочных продуктов производства и бытового потребления.

- Пятый методологический принцип природопользования – принцип комплексности и экологической обоснованности принимаемых решений, что означает доминирование долгосрочных решений над краткосрочными.

- Шестой методологический принцип – принцип обеспечения приоритета общественного интереса над частным. Этот принцип требует иной организации общественной жизни людей (объединение народов мира в ассоциацию трудящихся). В подтверждение можно привести слова Ф. Энгельса: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание... производительных сил по единому общему плану... [может] устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы».

Необходимость перехода к разумно управляемому обществу диктуется теперь не только факторами экономического, но и природного порядка. В этом состоит важное социальное значение теории взаимодействия общества и природы.

Учеными сейчас разрабатывается концепция устойчивого развития, которая означает гармоничное соразвитие общества с его природной средой, биосферой.

В этом плане принципиальное значение имеют документы конференции ООН по окружающей среде и развитию (июнь 1992 г.), состоявшейся в Рио-де-Жанейро (Бразилия). Центральными документами этой встречи явились:

1. Повестка дня на XXI век;
2. Программа действий ООН;
3. Декларация по окружающей среде и развитию;
4. Заявление о принципах в отношении лесов;
5. Рамочная конвенция об изменении климата под влиянием газов, вызвавших парниковый эффект;
6. Конвенция о сохранении биологического разнообразия.

Эти исторические документы охватывают все аспекты устойчивого развития.

В 1997 г. состоялась специальная сессия ООН для подведения итогов сделанного в мире за пять лет по реализации целей встречи на высшем уровне в г. Рио-де-Жанейро. Кроме подобных глобальных встреч, проводятся сотни региональных конференций, семинаров,

симпозиумов и других мероприятий по охране природы и экологическому воспитанию людей. Координатором этих действий и многообразных международных правительственных и неправительственных организаций выступает Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР), созданная по решению Генеральной ассамблеи ООН в 1983 году.

К настоящему времени в документах МКОСР названы ряд аспектов и составляющих их элементов устойчивого развития. Это, во-первых, политико-правовой аспект, который включает множество элементов современного правового государства, подлинно гражданского общества. Во-вторых, экономический аспект, включающий разумное сочетание разных форм собственности, развитых товарно-денежных отношений, государственного регулирования экономики. В-третьих, экологический аспект, в обобщенном виде представленный элементами, нацеленными на формирование ноосферы. В-четвертых, социальный аспект, заключающий в себе борьбу с голодом, нищетой, безработицей, получение достойного воспитания, образования и другого. В-пятых, международный аспект, включающий борьбу за мирное сосуществование всех стран и народов, экономическое сотрудничество, оказание помощи слаборазвитым странам, активное содействие ООН в природоохранной деятельности. В-шестых, информативный аспект, в состав которого входят кибернетизация и информатизация всего народного хозяйства и культуры, пропаганда успехов стратегии устойчивого развития, выдвижение на приоритетное место информационных ресурсов перед вещественно-энергетическими и другие составляющие.

Проблема взаимосвязи человека с природой не нова, она имела место всегда. Но в настоящее время экологическая проблема взаимодействия человека и природы, а также воздействия человеческого общества на окружающую среду стала очень острой и приняла огромные масштабы. Планету может спасти лишь деятельность людей, совершаемая на основе глубокого понимания законов природы, учета многочисленных взаимодействий в природных сообществах, осознания того, что человек – это всего лишь часть природы.

Это означает, что эколого-нравственная проблема встает сегодня не только как проблема сохранения окружающей среды от загрязнения и других отрицательных влияний хозяйственной деятельности человека на Земле, но и вырастает в проблему предотвращения стихийного воздействия людей на природу, в сознательное, целена-

правленное взаимодействие с ней. Такое взаимодействие осуществимо при наличии в каждом человеке достаточного уровня эколого-нравственных культуры и сознания, формирование которых начинается с детства и продолжается всю жизнь.

Какой будет биосфера в будущем – решать всем и каждому!

Список литературы

1. *Гладкий Ю.Н., Лавров С.Б.* Дайте планете шанс! М.: Просвещение, 1985.
2. *Дмитриев А.И.* Экологический практикум. Н. Новгород, 1995.
3. *Литвинова Л.С., Жиренко О.Е.* Нравственно-экологическое воспитание школьников. М.: 5 за знания, 2005.
4. *Медоуз Х.Д., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й, Беренс В.* Пределы роста: Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: Изд-во МГУ, 1991.
5. *Небел Б.* Наука об окружающей среде: Как устроен мир / пер. с англ. М.: Мир, 1993. Т. 1, 2.
6. *Одум Ю.* Экология. М.: Мир, 1986. Т. 1, 2.
7. *Программа действий.* Документы конференции в Рио-де-Жанейро, 1993.
8. *Природопользование* / под ред. Э.А. Арустамова. М.: «Дашков и К⁰», 2001.
9. *Реймерс Н.Ф.* Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990.
10. *Самкова В.А., Прутченков А.С.* Экологический бумеранг. М.: Новая школа, 1996.
11. *Скурлатов Ю.И. и др.* Введение в экологическую химию. М.: Высшая школа, 1994.
12. *Шустов С.Б., Шустова Л.В.* Химия и экология. Н. Новгород, 1994.
13. *Шустов С.Б.* Теория ресурсов и ресурсные циклы. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009.
14. <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=156233>
15. <https://slovari.yandex.ru/>

*Хутчева И. А.,
преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ОДНА ИЗ ФОРМ УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ, СПОСОБСТВУЮЩАЯ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧ- НОСТИ

Статья посвящена проблеме правовой социализации личности на уроках литературы. Автор рекомендует ролевую игру в форме судебного процесса как одну из возможных форм урока, способствующих решению данной проблемы. Автором предложена технологическая цепочка урока-суда, которая использовалась преподавателем на практике.

Ключевые слова: правовое воспитание; правовая социализация; правовая культура; ролевая игра; урок-суд.

Существование любого общества трудно представить без системы правил, норм, регулирующих отношения индивидов. Та структура морально-правовых представлений, которая сформируется у человека к юношескому возрасту, во многом будет определять его отношение к сложным социальным явлениям, способствовать соблюдению норм, принятых в обществе, или наоборот – совершению асоциальных действий. Понимание природы нормативных представлений создает условия для поиска путей развития адекватной в социальном отношении личности.

Важную роль в формировании нормативных представлений играют институты социализации, социальные группы, в которых происходит развитие личности. Школа – один из основных институтов социализации личности. Школа осуществляет силами учителя продуктивное **обучение и воспитание** большой группы учеников, передавая им единые для всех, но индивидуально усваиваемые каждым знания и ценности, нормы поведения, необходимые для самостоятельной и творческой жизнедеятельности личности в обществе, что отражает две стороны процесса социализации.

Урок литературы учит жизни в широком понимании слова, формирует опыт, развивает чувства. Книга обогащает человека духовно, воспитывает его эстетический вкус. Если студент научится проникать

в эмоциональный мир героев, выявлять авторское отношение к ним, а затем вырабатывать собственные оценки персонажей, это будет способствовать развитию читательских навыков, глубокому постижению произведения искусства, повышению уровня нравственной воспитанности молодежи, формированию ее нравственных идеалов.

Воспитание – часть процесса социализации и представляет собой целенаправленное управление процессом развития личности на основе ее включенности в различные виды социальных отношений. От того, насколько эффективно построен процесс обучения и воспитания, насколько полно используются возможности и условия образовательной среды в целях развития личности, зависит и более успешная социализация подростков, и их дальнейшее активное включение в социально значимую деятельность. Воспитание имеет некоторые возможности предотвратить столкновение человека с теми или иными опасностями стихийной социализации, а также минимизировать и отчасти корректировать последствия случившихся столкновений, т.е. уменьшить риск превращения человека в жертву неблагоприятных условий социализации.

Таким образом, «**правовое воспитание** – система мер, направленных на интеграцию в сознании людей правовых идей, норм, принципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры» [1, с. 456]. **Правовая социализация** – это процесс усвоения человеком системы правовых знаний, ценностей и норм, благодаря которому происходит его успешная адаптация к общественно-правовой жизни.

Суть подлинно гуманистического отношения к воспитанию ребенка выражена в тезисе его активности как полноправного субъекта, а не объекта воспитания. Под воспитанием понимается целенаправленное развитие каждого растущего человека как неповторимой человеческой индивидуальности, обеспечение роста и совершенствования нравственных и творческих сил этого человека. «Личностно ориентированная модель правовой социализации способствует включению правовых норм, как ценностей, в личностную структуру, происходит достижение баланса между жизненными интересами и способностями личности» [4, с. 61]. А это значит, что **правовая социализация** предусматривает замену правомерного поведения по принуждению правомерным поведением, обусловленным личностными особенностями.

Главная цель развития личности – возможно более полная реализация человеком самого себя, своих потребностей и возможностей, возможно более полное самовыражение и самораскрытие. «Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [2, с. 92].

Правовая социализация – это еще и процесс включения индивида в систему правоотношений данного общества на основе усвоения всей **правовой культуры** данного общества. «Усвоение, овладение культурными ценностями, которые суть самоценности, не может быть пассивным» [2, с. 92].

Весь учебно-воспитательный процесс: задачи, содержание, разработки тем уроков, формы и методы, личностное влияние учителя, учебно-материальное обеспечение – помогает решению задачи социализации личности. В результате изучения литературы на профильном уровне студент, в частности, должен **знать** образную природу словесного искусства, содержание изученных литературных произведений. Студент должен **уметь** воспроизводить содержание литературного произведения, анализировать и интерпретировать литературное произведение, соотносить художественную литературу с фактами общественной жизни и культуры, связывать литературную классику со временем написания, с современностью и традицией, выявлять авторскую позицию. Таким образом, студент вырабатывает умения критически мыслить, анализировать ситуации, давать нравственную оценку всех компонентов жизни, общества, истории, политики, нравственную оценку героям произведений. Студент должен **владеть** навыками различных форм устной речи, с помощью которых каждый сможет грамотно реализовать свои личные права и свободы.

Собственная активность ребенка есть необходимое условие воспитательного процесса, но сама эта активность, формы ее проявления, и, главное, уровень осуществления, определяющий ее результативность, должны быть сформированы, созданы у ребенка не на основе слепого их воспроизведения, а на основе творческого использования. В результате присвоения общественно выработанных форм и способов деятельности происходит дальнейшее развитие – формирование ориентации детей на определенные ценности, самостоятельности в решении сложных нравственных проблем. «Ценности не принуждают, а побуждают к действию» [2, с. 93].

Для решения проблемы правовой социализации личности на уроках литературы рекомендуется множество современных техноло-

гий. Среди них, я считаю, особую ценность представляет ролевая игра в форме судебного процесса, которая развивает самостоятельность суждений, готовит студентов к реальной жизни, где неизменно сталкиваются характеры, где надо уметь отличить реальные и мнимые ценности, хорошие и плохие поступки, действия.

Ролевая игра в форме судебного процесса над негативными явлениями русской жизни, человеческими пороками, безнравственными поступками литературных героев позволяет вовлечь студентов в серьезный нравственный анализ и самоанализ, оценку и самооценку. Читателю предлагается мысленно представить себя в тех обстоятельствах, в которые его вместе с героями поставил писатель, начать жить в этих обстоятельствах и смотреть на мир, на поступки и взаимоотношения с людьми с той точки зрения, к которой вынуждает эта позиция. Игровые действия позволяют расширить границы собственной жизни ребенка. Погружаясь в книгу, читатель получает возможность, какую не дает ему реальность: в одной жизни пережить множество других жизней, попробовать себя в разных обстоятельствах и тем самым получить опосредованный жизненный опыт, чужую жизнь сделать своей. Именно подобная форма урока позволяет выявить и внутренний мир самого студента, его нравственные ориентиры.

Достаточно распространенным стало мнение о том, что «социализация будет успешной, если индивид научится ориентироваться в непредвиденных социальных ситуациях» [3, с. 169]. Такая форма урока, как судебный процесс, направлена на развитие у студентов способности к активному восприятию информации, готовности рассматривать проблему с разных точек зрения; умению отслеживать ход своих мыслей и строить логические выводы, способности применять полученные знания и приобретенные навыки в различных ситуациях. Так формируется личность, способная ориентироваться в современном, постоянно меняющемся мире.

Технологическая цепочка ролевой игры «Суд» может быть выстроена по-разному. В качестве примера ниже предлагается технологическая цепочка, которая использовалась нами на практике.

В зале, где расставлены столы в соответствии с ролевой игрой, находятся «присяжные заседатели» (отдельные скамьи), «зрители» (в центре зала), «прокурор», «адвокат» сидят за отдельными столами, «обвиняемый(ые)» – в стороне за отдельным столом, «свидетели обвинения» и «свидетели защиты» в зале. «Секретарь» обращается к залу: «Встать, суд идет!» *(Все присутствующие встают.)*

Входит «судья». Он сообщает, что слушается дело по обвинению ... (какого-либо явления, вина которого против нравственности или человечества будет обосновываться в ходе судебного заседания). Судья предоставляет слово «обвинителю». После короткой речи (5 мин.) «прокурора» «судья» может задать вопросы «прокурору». Затем «судья» вызывает по очереди «свидетелей обвинения», которым задают вопросы или просто выслушивают их заявления. «Адвокат» может задавать дополнительные вопросы «свидетелям обвинения». Затем в течение 5 минут выступает «адвокат», его факты поддерживаются показаниями «свидетелей защиты». «Судья», «прокурор» могут также задавать им дополнительные вопросы. Затем «судья» предоставляет слово «обвиняемому» (3 мин.). «Секретарь» следит за регламентом в процессе всего обсуждения проблемы. После всех выступлений наступает время обсуждения фактов, представленных на суде, «присяжными заседателями». Каждый из них выносит решение «виновен» или «не виновен», представляя свои аргументы, объясняющие его решение. «Секретарь» подсчитывает количество высказываний «за» и «против». После обсуждения «присяжными заседателями» «судья» выносит окончательное решение: «виновен» или «не виновен» с последующей аргументацией, отражающей мнение большинства «присяжных заседателей».

Подготовка к уроку-суду включает в себя: 1) самоопределение детей относительно тех ролей, которые они хотели бы исполнять, 2) перечитывание произведения с целью отобрать «свой» материал, 3) создание собственного варианта выступления.

Студентам предлагается не просто сыграть роль судьи, защитника, обвинителя и других героев судебного действия, а также персонажей произведения, но и осмыслить эту роль, вжиться в нее, для чего необходимо свободно ориентироваться в событиях эпохи. Требуется также продумать аргументы в защиту своей ролевой позиции.

В форме литературного суда могут проводиться различные по тематике уроки¹. Играя роли возможных или реальных обвинителей и

¹ **Темы урока-суда по литературе:** 1. Кто виноват в гибели Катерины Кабановой? (А.Н. Островский «Гроза»). 2. Базаров – победитель или проигравший? (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). 3. Суд над Обломовым (И.А. Гончаров «Обломов»). 4. Раскольников – страдалец за человечество или неудавшийся Наполеон? (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»). 5. Сметут ли Лопухины культуру России? (А.П. Чехов «Вишневый сад»). 6. Обитатели дна – утонувшие или утопленные? (М. Горький «На дне»). 7. Два голоса одной эпохи – Анна Ахматова и Марина Цветаева.

защитников, в острой полемике ребята учатся отстаивать своё мнение, используя полученные знания.

Важное место в подготовке игры отводится опережающим заданиям, которые помогают школьникам сориентироваться в материале, определить основные идеи своей ролевой позиции, подобрать соответствующие цитаты, продумать план выступления.

На подобном уроке идет и групповая работа, поскольку студенты, выступающие в роли прокурора и свидетелей обвинения, адвоката и свидетелей защиты, должны вместе обсудить те пункты обвинения или защиты, которые кажутся им наиболее убедительными и важными. Это необходимо, чтобы не упустить главное, чтобы не было лишних повторов, чтобы выступление каждого дополняло и обогащало выступление группы. Это форма урока литературы, которая в своей основе имеет ролевую игру, строящуюся на подготовленных монологах действующих лиц и неподготовленных диалогах, диалогах-импровизациях, неизбежно возникающих в ходе «судебных прений». Урок-суд обязательно включает в себя элементы дискуссии. Преподавателю необходимо реализовать стремления подростков поспорить, посоревноваться в умениях и навыках, реализовать интерес к перевоплощениям и импровизациям.

Форма урока в виде судебного процесса несомненно способствует усвоению правовых знаний, ценностей и норм, развивает творческие качества, коммуникативные умения, ораторские способности. В итоге все это оказывает благотворное влияние на правовую социализацию подрастающего поколения.

Список литературы

1. *Большая юридическая энциклопедия*. М.: Эксмо, 2008. 688 с.
2. *Зинченко В.П.* Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8.
3. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учебник для студентов пед. вузов / под ред. В.А. Сластенина. 5-е изд., доп. М.: ИЦ Академия, 2005. 200 с.
4. *Столяренко Д.В.* Правовой нигилизм и правовая социализация современной молодежи: социально-философский аспект // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4.

РАЗДЕЛ VIII.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

*Грачев С.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НУЖНА ЛИ В ЗАКОНЕ ОСОБАЯ ФОРМА?

В статье рассматриваются проблемные вопросы изменения порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, порядка взаимодействия правоохранительных и налоговых органов при выявлении налоговых преступлений.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; налоговая проверка; заключение налогового органа; взаимодействие налоговых и правоохранительных органов.

Нормативное регулирование стадии возбуждения уголовного дела ежегодно подвергается изменениям. При этом зачастую новеллы являются откатом к старым позициям, обличенным в новую форму. Так, несколько раз законодатель пересматривал свой взгляд на экспертизу, проводимую до возбуждения уголовного дела, изменял и дополнял перечень проверочных действий [2], увеличивал сроки рассмотрения сообщений о преступлениях, расширял круг поводов для возбуждения уголовного дела. Сегодня очередь дошла до порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях [3].

Напомним, что в конце 2011 года законодатель предусмотрел особый порядок производства проверочных действий и возбуждения уголовных дел применительно к налоговым преступлениям. Поводом могли быть только материалы налоговых органов, содержащих признаки преступления. В связи с ограниченными возможностями налоговых органов по выявлению преступлений в налоговой сфере показатели регистрируемой налоговой преступности резко снизились.

По сути, новыми нормами был запрещен активный поиск и выявление налоговых преступлений со стороны правоохранительных органов. Впоследствии это привело к реорганизации подразделений ОВД по налоговым преступлениям, поскольку показатели эффектив-

ности их деятельности по выявлению налоговых преступлений резко снизились.

Порядок возбуждения дел о налоговых преступлениях стал первым исключением из общего правила реагирования правоохранительных органов на признаки преступления, поскольку поводом для возбуждения уголовного дела могли быть только материалы, направленные в следственные органы федеральной налоговой службой. В дальнейшем законодатель продолжил двигаться в указанном направлении, 21 июля 2014 года предусмотрев еще один новый повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – материалы, которые направлены Центральным банком Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (Федеральный закон от 21.07.2014 N 218-ФЗ). Это привело к тому, что преступления, предусмотренные ст. 198 и ст. 199 УК РФ, практически перестали работать, поскольку возбуждение уголовных дел имело эпизодический характер [5].

Президент России неоднократно выражал озабоченность подобными статистическими данными. Осенью 2013 года он сообщил, что государство пересмотрит порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, который будет компромиссом между интересами бизнеса и государства. При этом, по словам Президента, отката к предыдущим позициям быть не должно [5].

Спустя год в статью 144 УПК были внесены изменения, сущность которых заключается в следующем:

Во-первых, специальный повод (в виде материалов налоговых органов о признаках налогового преступления) для возбуждения дела о налоговом преступлении больше не нужен.

Во-вторых, на следователя возлагается обязанность информирования вышестоящего налогового органа (по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик – налоговый агент, плательщик сбора) о признаках предполагаемого налогового преступления.

В-третьих, налоговый орган с момента получения уведомления должен в течение 15 суток провести налоговую проверку и уведомить

следователя о наличии или отсутствии нарушений законодательства о налогах и сборах.

Указанные новеллы можно оценить неоднозначно.

Скрупулезное нормативное регулирование взаимодействия налоговых органов и органов предварительного следствия с помощью УПК РФ должно поднять его на новый уровень. Более того, подобный порядок должен повысить эффективность деятельности всех должностных лиц, осуществляющих выявление налоговых правонарушений и преступлений, улучшить взаимодействие между налоговиками, оперативными сотрудниками и следователями СК РФ. Именно на этот аспект законодатель, по всей видимости, хотел акцентировать внимание правоприменителя, предусмотрев данный порядок на этапе возбуждения уголовного дела.

Так, сотрудники оперативных подразделений, осуществляющих выявление и раскрытие налоговых преступлений, больше не должны инициировать направление материалов о признаках преступлений из налоговых органов в органы предварительного следствия или иным образом обходить законодательный запрет на невозможность самостоятельно инициировать производство о признаках налогового преступления.

Следователи смогут возбуждать уголовные дела, принимая в расчет заключение налогового органа (заключения специалиста), которое должно им оперативно предоставляться. Законодатель ограничил срок проведения налоговой проверки 15 сутками с момента получения налоговым органом уведомления о признаках преступления. Таким образом законодатель установил максимальный срок производства исследования на этапе возбуждения уголовного дела, то есть сформулировал правило поведения для такого участника процесса, как специалист. Подобное предписание (ускоренное получение доказательств следователем) должно исключить практику продления сроков доследственной проверки посредством неоднократного отказа в возбуждении уголовного дела с последующей отменой этого незаконного и необоснованного решения.

Подстраховался законодатель и тем, что установил возможность возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении в отсутствие готового заключения (не дожидаясь окончания проверки) налогового органа уже при наличии повода и оснований для возбуждения уголовного дела.

На первый взгляд все вроде бы хорошо. Однако указанные новеллы следует охарактеризовать как негативные, поскольку в принципиальном плане они делают УПК РФ более громоздким и непонятным для правоприменителя.

Рассмотрим их более подробно. В первую очередь следует оценить новый порядок возбуждения налоговых преступлений. Он изменился, фактически превратившись в общий порядок возбуждения уголовного дела, то есть произошел откат к предыдущим позициям 2011 года (что, кстати, не соответствует позиции Президента РФ по этому вопросу).

Так, в настоящее время специальный повод не нужен. Более того, налоговый орган устранен из механизма инициации возбуждения уголовного дела. Его позиция в настоящее время оказалась вообще не интересующей правоприменителя, принимающего решение о наличии признаков налогового преступления, поскольку отсутствие заключения налогового органа не препятствует возбуждению уголовного дела.

При подобном подходе к сущности заключения налогового органа не понятно, какое значение ему придается при последующем предварительном расследовании и зачем в УПК РФ необходимо отводить такое значительное место для регламентации порядка его составления.

По всей видимости, статус заключения налогового органа, которое ему придает законодатель, это заключение специалиста. Однако по общему правилу особого доказательственного значения оно не имеет и в дальнейшем оценивается в совокупности с другими, собранными по уголовному делу доказательствами. Более того, следует также вспомнить еще об одном источнике доказательств, исходящем от носителя специальных познаний – эксперта, заключении экспертизы, полученном до возбуждения уголовного дела. Напомним, что в настоящее время его нормативная регламентация такова, что ее прямое использование при расследовании уголовного дела весьма затруднительно [1]. Таким образом, оба этих источника доказательств не имеют практической ценности в том виде, в котором они регламентированы законом.

Следует, по нашему мнению, уделить внимание порядку уведомления следователем налогового органа. Полагаем, что сформулированный в новых нормах порядок деятельности по уведомлению следователем налогового органа должен быть регламентирован никак не кодексом, а ведомственным приказом СК РФ и ФНС о взаимодей-

ствии при расследовании налоговых преступлений. Наличие в УПК РФ столь громоздкой процедуры взаимоотношений двух государственных органов, который относится к такому узкому вопросу, как возбуждение налоговых преступлений, не обоснован. Подобный подход может привести к тому, что УПК РФ скоро будет содержать криминалистические методики проведения следственных действий, порядок противодействия расследованию и многое другое, напоминая при этом по объему полное собрание сочинений В.И. Ленина.

Установление предельного срока проведения исследования (в форме заключения вышестоящего налогового органа) также, по нашему мнению, не должно осуществляться посредством регламентации в нормах УПК РФ. Во-первых, этот срок достаточно было установить в ведомственной инструкции ФНС о порядке производства документальных проверок (что по факту имеет место быть [4]). Во-вторых, УПК РФ не тот нормативно-правовой акт, который должен устанавливать правила поведения для специалиста, проводящего исследование, тем более, что это заключение существенного значения не имеет на этапе возбуждения уголовного дела.

Специальное указание на невозможность производства органом дознания неотложных следственных действий по делам о налоговых преступлениях ничего не добавляет в УПК РФ в принципиальном плане, поскольку по налоговым преступлениям обязательно производство предварительного следствия силами СК РФ. Вполне достаточно, как нам кажется, общей нормы, изложенной в ст. 157 УПК РФ.

В конце концов, само наличие особого порядка возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении лишь усложняет восприятие УПК, тем более, что он по факту особым не является.

Указанное позволяет сформулировать как минимум два вывода. Первый – новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях не должен в подобном виде формулироваться в УПК РФ. Второй – кризис уголовно-процессуального законодательства все более очевиден. Законодатель не принимает принципиальных шагов по модернизации досудебного процесса, усилению состязательности, ускорению процедуры рассмотрения уголовно-правовых споров, а осуществляет полирование давно изживших себя процедур.

Список литературы

1. *Грачев С.А.* Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела // *Эксперт-криминалист.* 2014. № 3. С. 10–13.

2. Грачев С.А., Частнов К.С. О «разумных сроках» предварительной проверки сообщения об экономическом преступлении. // Следователь. 2008. № 4. С. 30–33.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 22 октября 2014 года N 308-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201410220023>

4. Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 25.12.2006 № САЭ-3-06/892 «Об утверждении форм документов, применяемых при проведении и оформлении налоговых проверок; оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки; порядка взаимодействия налоговых органов по выполнению поручений об истребовании документов; требований к составлению акта налоговой проверки. // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

5. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив 14 ноября 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19625>

*Карпов Е. Н.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
ПФ РГУП, г. Нижний Новгород*

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ СУДЕЙ

Статья посвящена институтам и правовым конструкциям, закрепленным в нормах материального и процессуального права, которые могут быть условиями, способствующими коррупции судей. Наиболее актуальные из них рассмотрены с позиций положительного и отрицательного их влияния на независимость судей, с одной стороны, способствованию коррупции судей, с другой.

Ключевые слова: борьба с коррупцией; судьи; отводы; притворные сделки; внепроцессуальные обращения.

Общеизвестным фактом является то, что определяющим признаком при выделении группы коррупционных преступлений считается конфликт интересов на службе, который должен быть разрешен противоправным путем [5, с. 35–36]. Это касается, конечно, и коррупционных преступлений судей.

Борьба с коррупционной преступностью судей может осуществляться мерами:

- 1) направленными на ликвидацию (против наступления) самих конфликтов интересов, личных и служебных;
- 2) направленными на ликвидацию средств разрешения этого конфликта интересов незаконными средствами, способами.

Направления первых видов мер достаточно очевидные (согласимся, что низкая материальная обеспеченность и отсутствие должного контроля при низком уровне правосознания являются главными причинами данного вида преступности) [1] и преимущественно является неюридическими. Например, достаточный уровень материального обеспечения, социальных гарантий (в том числе тех, которые «страшно» потерять), причем не только судей, но и лиц, с которыми они непосредственно связаны близкими служебными отношениями, а

следовательно могут повлиять на их убеждения, особенно в тех случаях, если перерастут в близкие дружеские во вне служебной деятельности (что в принципе не очень противоречит Закону РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон «О статусе судей») и Кодексу судейской этики). Речь идет о сотрудниках аппаратов судов и особенно секретарей судебных заседаний, а также секретарей суда, помощников судей. Как отмечает Совет судей РФ [9], недостаточная материальная обеспеченность последних и рост нагрузки на них – это причина высокой текучести кадров. Видится, что это еще и прямое условие для конфликта их интересов, а следовательно, потенциальная угроза незаконного воздействия на судей.

Вторая группа мер в основном направлена на ликвидацию не причин, а условий преступлений. А во многом такие условия создает соответствующее положение законодательства, для чего и предусмотрена антикоррупционная экспертиза нормативных актов, основными субъектами которой являются прокуроры и сотрудники Министерства юстиции РФ.

В результате получения от «кровно» заинтересованных в недопущении (если они законопослушны) либо заинтересованных в развитии (если сами внедрены в эту систему – но тогда они должны ее знать еще лучше) фактов коррупции судей, а именно адвокатов, были получены некоторые сведения об отдельных потенциальных, с их точки зрения, условиях, содержащихся в законодательстве, для коррупции судей.

Предлагаю проанализировать эти условия с позиций возможности внесения изменений в законодательство либо невозможности (плюсы и минусы) по причине наличия положительных для судебной системы сторон в конкретном институте в большей степени, чем вреда от его существования, связанного с потенциальной опасностью для развития коррупции судей.

1. Федеральным законом от 02.07.2013 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в рамках модернизации норм-принципов о независимости судей в процессуальные кодексы были введены положения о предании гласности внепроцессуальных обращений, поступающих судьям. Обо всех фактах непроцессуальных обращений судья обязан сообщать, и данная информация должна быть размещена на официальном сайте суда. Для размещения указанной информации разработан Приказ Су-

дебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.12.2013 № 241 «Об утверждении Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях».

Судья, которому поступило такое обращение, должен в здании суда сделать запись об этом в специальном журнале (пункт 4.1.2 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»). Отсутствие такой записи и наличие информации о любом внепроцессуальном обращении является основанием для принятия дисциплинарных мер воздействия в соответствии с Законом «О статусе судей». Однако на самом деле п. 2.3 упомянутого выше приказа устанавливает не «автоматический» режим размещения указанной информации, а только на основании указания председателя суда либо уполномоченного им лица.

Фактически анализ практики судов общей юрисдикции за последнее время позволяет сделать вывод о том, что либо вообще фактов регистрации и опубликования нет, а при обзоре есть только ссылка, что это предусмотрено, но практики нет [3], регистрируются и публикуются таким образом только письменные официальные обращения, например Письмо уполномоченного по правам человека в Нижегородской области В.В. Ольнева к председателю Нижегородского областного суда А.В. Бондару и председателю Автозаводского районного суда города Нижнего Новгорода Л.Н. Лисиной от 12.09.2014 о необходимости содействия в обеспечении беспристрастности, объективности и справедливости суда по обвинению шести полицейских в Автозаводском районе города Нижнего Новгорода [8].

С другой стороны, любое обращение к судье любого вошедшего в его кабинет человека, если станет предметом объяснений судьи под угрозой лишения его полномочий, может послужить тому, что судьи каждый свой разговор, связанный с рассматриваемым делом (да не только разговор, а даже оставшийся без ответа вопрос), будут записывать в данном журнале. Если представить, что судья, например, занимается педагогической деятельностью и что каждый вопрос каждого своего студента об интересном на его, студента, взгляд процессе будет записывать, а уполномоченное лицо аппарата суда в «автоматическом» режиме будет это все размещать на сайте, не будет ли такой объем информации подрывать авторитет не только судьи, но и всей судебной системы? Ведь участник процесса может в таком слу-

чае говорить о необъективности судьи. Так где столько абсолютно объективных судей взять для каждого процесса, у которых даже поинтересоваться о его работе никто не может, включая журналистов и учитывая, что сам факт обращения, даже оставшийся без ответа, может стать препятствием к рассмотрению дела.

2. Инициатива о проверке наличия конфликта интересов судьи принадлежит узкому кругу лиц, а именно: председателю Квалификационной коллегии судей, председателю Совета судей, в ограниченном объеме председателю соответствующего суда. Например, комиссия Совета судей Российской Федерации по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликтов интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий действует только по поручению председателя Совета судей (Постановление Совета судей РФ от 22.05.2014 № 324 «Об утверждении Положения о комиссии Совета судей Российской Федерации по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликтов интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий»). Аналогичные требования по другим должностным лицам органов судейского сообщества предусмотрены Постановлением Президиума Совета судей РФ от 30.07.2013 № 354 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения жалоб и сообщений о совершении судьей дисциплинарного проступка и обращения в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности в связи с совершением им дисциплинарного проступка».

Да, действительно, отдельное обращение гражданина по факту конфликта интересов судьи не предполагает обязательного разбирательства, т.е. оно фактически может быть проигнорировано. Указанные высшие должностные лица органов судейского сообщества и судебной системы могут не дать им хода. Но если бы это было не так, соответствующий орган был бы завален подобными обращениями и ни один судья не чувствовал бы собственную защищенность, – напротив, он ощущал бы над собой дамоклов меч. Но в такой ситуации ни о беспристрастности, ни о независимости суда говорить уже невозможно.

3. Вопрос об отводе судьи в рассматриваемом деле решается самим судьей или остальным составом суда (ст. 20 ГПК РФ, ст. 65 УПК РФ, ч.3 ст. 29.3 КоАП РФ), и только для арбитражных судов установлена возможность разрешения этого вопроса председателем Арбит-

ражного суда, заместителем председателя Арбитражного суда или председателем Судебного состава (ст. 25 АПК РФ). Видится, что особого вреда распространения такого положения, применяемого к арбитражным судам, в отношении судов общей юрисдикции нет. Однако следует учитывать, что необходимо исключить возможность частого обращения к председателю суда. Иначе он только и будет, что «бегать» по всем процессам, разрешая вопросы об отводах судей данного суда.

4. Судья и сотрудники аппарата, как отмечалось выше, достаточно связаны друг с другом. Секретарь судебного заседания, лишенный возможности приносить возражения на требования председательствующего о внесении изменений в протокол судебного заседания (ранее положения советского законодательства в той или иной форме провозглашали личную ответственность секретаря «за точное соответствие всех записей в протоколе тому, что происходило во время судебного разбирательства», например, ст.ст. 34, 244 УПК Узбекской ССР, ст. 241 УПК Узбекской ССР, отчасти ст. 244 УПК РСФСР 1960 г. и вводили порядок урегулирования разногласий о правильности записей между председательствующим и секретарем), да еще и исполняющий свои полномочия в процессе у одного и того же судьи, с которым у него со временем складываются зачастую дружеские отношения [4, с. 80–83], становится потенциальным пособником коррумпированного судьи.

Однако являясь условием, способствующим рассматриваемому виду преступности, данный институт наряду с этим является институтом, обеспечивающим слаженную работу судьи и секретаря судебного заседания, четкого воспроизведения происходящего в зале заседания, так как каждый судья при ведении процесса (скорость происходящего в заседании) подстраивается под способности конкретного секретаря, а для этого необходим опыт совместной работы.

5. Анализ практики апелляционных инстанций, особенно Нижегородского областного суда, позволяет сделать вывод, что решение одних и тех же судей подлежат пересмотру, как правило, одними и теми же судьями в вышестоящих инстанциях, по крайней мере, председателями соответствующих судебных составов. В соответствующей среде адвокатов данный институт называется институтом «кураторства».

С одной стороны, это может провоцировать желание соответствующего судьи повлиять на «судью-куратора» вышестоящего суда,

с учетом того, что показатели его работы сказываются и на заработной плате, и на вопросе о лишении его статуса судьи.

С другой стороны, не очень опытный судья нуждается, как правило, в определенном советнике, а лучшим является тот, кто, во-первых, выступает представителем судебной власти (иначе будут давление и ограничение независимости судебной власти), во-вторых, лучше знаком с особенностями понимания и осознания законодательства самим «начинающим» судьей, а также психологически на него настроен. А это возможно именно с одним и тем же знакомым человеком.

6. Часть 2 статьи 3 Закона «О статусе судей» указывает на недопустимость конфликта интересов судьи и других субъектов права. Статья 19 Кодекса судейской этики фактически не исключает возможность совершать определенные, в том числе спекулятивные сделки, так как купля вещи у одного субъекта права за одну цену и продажа по другой цене не порождает финансовой зависимости судьи от данных субъектов права.

Кроме того, судье запрещается заниматься предпринимательской, т.е. систематической деятельностью (ст. 2 ГК РФ), но не разовыми сделками, причем грань между первым и вторым очень тонка [2, с. 160–167]. Родственникам же судьи заниматься предпринимательской деятельности не запрещено.

Таким образом, само по себе декларирование доходов, а также предоставление сведений о доходах своих, а тем более членов своей семьи в соответствии со ст. 8.1 Закона «О статусе судей» не решит проблему определения конфликта интересов судьи, в случае совершением им разовых, а членам его семьи – систематических спекулятивных сделок.

В связи с существующим в законодательстве запретом для лиц, занимающих государственные должности, и для государственных служащих получать в дар имущество в связи с исполнением ими должностных обязанностей (такой запрет с некоторыми особенностями и изъятиями установлен в пп. 3 п. 1, п. 2 ст. 575 ГК РФ, а также в пп.6 п.1 ст.17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации») актуальным видится вопрос о противодействии совершению должностными лицами правоохранительных органов сделок, направленных на обход указанного запрета, и в частности так называемых неэквивалентных сделок (приобретение имущества по явно заниженной цене). Сама по

себе возможность квалификации неэквивалентных сделок как прикрывающих дарение в качестве недействительных (притворных) сделок по ст. 170 ГК РФ (например, п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации»), как представляется, не способствует снижению числа их совершений. Для создания правовых механизмов противодействия такого рода злоупотреблениям вполне возможно использовать известные российскому законодательству нормативные конструкции.

Упомянутый выше механизм процессуального обеспечения независимости судей, связанный с преданием гласности внепроцессуальных обращений, поступающих судьям, представляется возможным применить и в деле антикоррупционного обеспечения безопасности сделок должностных лиц правоохранительных органов.

Для ряда должностных лиц, в том числе судей, установлен обязательный порядок предоставления и опубликования сведений о доходах и имуществе своем и своих близких родственников. Так почему бы не объединить и не расширить эти институты следующим образом?

Видится, что сделки, совершаемые должностными лицами определенных правоохранительных органов свыше нормативно установленной суммы (например, 20 тыс. рублей) должны быть зафиксированы в специальном журнале (журнал может быть и электронным) этих органов (в настоящий момент данные сведения могут быть истребованы от должностного лица при его проверке кадровыми органами) [6, с. 7]. Невнесение должностным лицом соответствующей записи в журнал должно являться основанием для применения к этому лицу мер дисциплинарной ответственности. Можно также обсудить: какие из данных сведений необходимо предавать гласности или предоставлять их по запросам определенных органов.

Сама по себе предложенная мера (фиксация информации о совершенных сделках) выполняет лишь контрольную функцию. Для обеспечения снижения числа совершения неэквивалентных сделок, как представляется, можно использовать следующий механизм.

Не позднее установленного срока (например, пяти дней), должностное лицо, совершившее сделку, обязывается сообщить (например, посредством электронного письма) информацию о сделке (ее предмете, цене и др.) уполномоченному органу государственной вла-

сти. Это может быть орган судейского сообщества, в целях обеспечения независимости судей и судейского сообщества, либо орган исполнительной власти, например, Федеральная служба по финансовому мониторингу. Кроме того, таким органом может быть специально созданная, как предлагают некоторые ученые, самостоятельная Федеральная служба по борьбе с коррупцией, в которую следует включить созданные в современный период Управления собственной безопасности различных ведомств (МВД, ФТС, ФСБ и др.) [7, с. 40–42]. Кроме того, в настоящий момент с точки зрения формулировки ч. 3.1 ст. 8.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» таким органом должно быть специальное подразделение Администрации Президента РФ.

Данный орган, в случае установления неэквивалентности сделки, вправе принять решение о принудительном выкупе у должностного лица приобретенного по сделке имущества в федеральную собственность *по цене приобретения должностным лицом сделки*. Отметим, что похожий правовой механизм предусмотрен положениями ч.2 ст. 8 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и касается выкупа земельного участка сельскохозяйственного назначения. В случае установления уполномоченным органом государственной власти нецелесообразности выкупа имущества, при одновременной констатации неэквивалентности сделки, упомянутый орган принимает решение обратиться в суд с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки по статье 170 ГК РФ или об оспаривании сделки по иному основанию.

В этой связи целесообразным представляется дополнить ст. 9.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» указанием на обязанность прокуроров следить не только за антикоррупционностью нормативных актов, но и за законностью сделок, совершаемых должностными лицами правоохранительных органов.

Но следует учитывать, что такое предложение является достаточно дорогим для реализации. Орган, который предложен в качестве реализующего преимущественное право покупки, должен сам быть защищен от коррупционных проявлений.

Таким образом, практически все рассмотренные в настоящей статье правовые институты и конструкции, которые имеются в законодательстве и являются условиями для коррупционной преступно-

сти судей, имеют как положительное влияние на судебную систему, так и отрицательное, а следовательно – требуют дополнительного анализа на предмет того, больше плюсов или минусов будет от соответствующих изменений и дополнений в законодательстве.

Список литературы

1. *Загребнев С.В.* Коррупция в судах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zagrebnev.ru/st/6.shtml>

2. *Ершова И.В.* Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // *Lex russica*. 2014. № 2. С. 160–167.

3. *Информация Приморского краевого суда, Управления Судебного департамента в Приморском крае от 31.12.2013 «В числе важнейших принципов работы судов в наступившем году являются открытость, прозрачность и доступность правосудия»* // Бюллетень судебной практики. 2014. № 1 (29).

4. *Карпов Е.Н.* Пути решения некоторых проблем независимости судей // *Закон*. 2010. № 2. С. 80–83.

5. *Ким Е.П., Быков А.В.* Понятие коррупционного преступления: конфликт интересов на службе как основа коррупционного преступления // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, В.В. Агильдин и др.; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013. С. 33–38.

6. *Корякин В.М.* Антикоррупция-2013: законодательство совершенствуется // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 12. С. 2–7.

7. *Лаврентьева О.О.* Антикоррупционный контроль в системе государственной службы // *Административное и муниципальное право*. 2012. № 12. С. 35–43.

8. *Материалы официального сайта Автозаводского районного суда города Нижнего Новгорода* [Электронный ресурс]. URL: http://files.sudrf.ru/125/gbook_procedural/doc20150129-155114.pdf

9. *Постановление Совета судей Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 339 «О ходе подготовки проекта федерального закона о введении судебной службы как отдельного вида государственной службы»* [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrf.ru/page/15731/detail/>

*Клоков С. Н.,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры предварительного расследования
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Статья посвящена обсуждению существующих в настоящее время проблем использования следователем (дознавателем) в процессе расследования уголовного дела не предусмотренных УПК РФ организационно-распорядительных документов, отражающих результаты оперативно-служебной деятельности ОВД, которые в силу значимости своего содержания становятся определяющими дальнейшие уголовно-процессуальные процедуры по делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные документы; внепроцессуальные документы; рапорт; следователь; дознаватель; орган дознания; взаимодействие.

Тема настоящего исследования выбрана нами не случайно. В последнее время в научной среде развернулась дискуссия о целесообразности появления на уголовно-процессуальном «поле» нового «игрока» – единого Следственного Комитета. Достаточно вспомнить хотя бы статью профессора А.С. Александрова и М.Л. Позднякова «Путь институциональной реформы предварительного расследования» [1, с. 78–82], с появлением которой на страницах электронного ресурса Международной ассоциации содействия правосудию появилось множество статей о путях дальнейшего реформирования следственных органов России. Мы не хотели бы в рамках настоящей статьи затрагивать эту тему – для нас совершенно очевидно, что создание единого следственного органа, вобравшего в себя все следственные подразделения существующих сейчас правоохранительных органов России, – дело недалекого будущего.

А раз так, то на повестке сегодняшнего дня должен уже стоять не вопрос: быть или не быть единому следственному органу. По нашему мнению, сейчас гораздо актуальнее становятся вопросы разработки новых процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия органов дознания и его оперативных подразделений с лицом,

расследующим уголовное дело, – следователем и дознавателем. Почему новых? Да потому, что уже в скором времени уйдут в прошлое оперативные совещания по итогам выезда членов СОГ на место происшествия во время суточного дежурства, на которых начальник полиции мог повлиять на следователя при принятии им решения возбудить уголовное дело или передать собранный материал в оперативное подразделение органа дознания для «доработки».

Именно с этой точки зрения мы хотели бы рассмотреть несколько примеров того, как различные организационно-распорядительные документы, отражающие результаты оперативно-служебной деятельности ОВД, в процессе расследования уголовного дела становятся либо процессуальными документами, либо документами, определяющими дальнейшие уголовно-процессуальные процедуры по делу.

Сразу же оговоримся, что в силу ограниченности объема жанра научной статьи мы не будем исследовать процедуру введения результатов ОРД в уголовное дело в качестве доказательств, тем более данная тема, по нашему мнению, уже достаточно исследована [см., например, 2]. Наша задача гораздо уже: обнаружить и исследовать служебные документы сотрудников полиции, подготовленные ими с целью зафиксировать результаты своей внепроцессуальной повседневной деятельности, но в силу значимости их содержания могущие при определенных условиях существенно повлиять на ход расследования уголовного дела.

Как известно, самым распространенным документом «внутреннего обращения» сотрудников полиции является рапорт. Данный документ известен и уголовно-процессуальному законодательству, но только в своем единственном виде – в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК), который пишется сотрудником ОВД, получившим сообщение о преступлении из источников, не являющихся заявлением о преступлении или явкой с повинной (п.3 ч.1 ст. 140 УПК).

Вместе с тем нами обнаружено еще несколько разновидностей рапорта, написание которых влечет за собой принятие важнейших уголовно-процессуальных решений.

Так, не предусмотренный УПК рапорт о доставлении заподозренного в совершении преступления в орган дознания или к лицу, производящему расследование, является источником информации для следователя (дознавателя), принявшего решение о задержании лица по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 92 УПК по

основаниям, изложенным в ст. 91 УПК. В указанном рапорте на имя начальника ОВД должно быть указано время фактического задержания заподозренного, обстоятельства задержания, перечислено, что было обнаружено при нем в момент задержания, а также время доставления заподозренного в ОВД или к следователю (дознавателю).

После наложения резолюции начальником полиции о передачи данного рапорта в орган предварительного расследования тот становится документом, определяющим несколько последующих уголовно-процессуальных решений по уголовному делу.

Так, исчисление всех сроков, указанных в УПК от момента фактического задержания, будет определяться указанным в рапорте временем фактического ограничения свободы передвижения заподозренного. Это право на защитника (п.3 ч.3 ст. 49 УПК), право на его первый допрос не позднее 24 часов (ч.2 ст. 46 УПК), освобождение подозреваемого не позднее 48 часов, если ему не избрана мера пресечения в виде лишения свободы или не продлен в судебном порядке срок задержания (ч.2 ст. 94 УПК).

Кроме того, этим рапортом определяется предельно допустимое время составления протокола о задержании – 3 часа с момента доставления (ч.1 ст. 92 УПК). Изложенные в рапорте обстоятельства задержания будут иметь ключевое значение при определении законности задержания с точки зрения наличия или отсутствия оснований задержания (ст. 91, п.3 ч.1 ст. 94 УПК).

Сам факт наличия в рапорте сведений о досмотровых мероприятиях в момент фактического задержания будет являться основанием для принятия решения о целесообразности проведения или не проведения личного обыска подозреваемого в момент составления протокола задержания (ч.2 ст. 92 УПК). При этом перечисление в рапорте предметов материального мира, которые были обнаружены у заподозренного в момент фактического задержания, может стать не только основанием его задержания (п.3 ч.1 ст. 91 УПК), но и впоследствии определить перечень вещественных доказательств, подтверждающих его вину (ст.81 УПК).

Таким образом, несмотря на то, что рапорт сотрудников полиции о доставлении заподозренного в совершении преступления в орган дознания или к лицу, производящему расследование, не предусматривается УПК, он несет в себе значительный объем процессуально значимой информации, во многом определяющей ход дальнейшего расследования уголовного дела.

Следующим внепроцессуальным документом, способным кардинальным способом изменить ситуацию по уголовному делу, является рапорт дознавателя о несогласии с письменными указаниями начальника подразделения дознания по уголовному делу. УПК не предусматривает ни форму данного документа, ни его содержание, ограничившись лишь его обозначением в качестве письменных возражений.

Вместе с тем из смысла ч.4 ст. 40.1 УПК следует, что обязанность разрешения данного правового спора лежит на начальнике органа дознания, который, наложив свою письменную резолюцию на указанном рапорте дознавателя, определяет, чья точка зрения на дальнейший ход расследования уголовного дела является законной и обоснованной. Другими словами, с этого момента указанный рапорт приобретает существенную уголовно-процессуальную значимость.

Еще одним внепроцессуальным документом, наличие которого в материалах уголовного дела может повлечь за собой принятие следователем (дознавателем) важнейшего уголовно-процессуального решения, является рапорт сотрудника полиции (участкового уполномоченного, инспектора подразделения по делам несовершеннолетних) о ненадлежащем поведении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), наносящем ущерб его интересам.

Каким должен быть данный документ, действующий уголовно-процессуальный Закон не определяет, однако его появление в уголовном деле, как правило, приводит к вынесению следователем постановления об отстранении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) от участия в уголовном деле (ч.4 ст. 426 УПК).

Еще одним внепроцессуальным документом, наличие которого позволит следователю (дознавателю) обоснованно задержать лицо в порядке ст. 92 УПК или избрать одну из предусмотренных ст. 98 УПК мер пресечения, т.е. принять важнейшие уголовно-процессуальные решения по делу, является рапорт сотрудника полиции о том, что заподозренный при его доставлении в ОВД попытался скрыться, либо о том, что обвиняемый может скрыться от органов предварительного расследования.

Исходя из того, что указанные сведения не входят ни в общий (ст. 73 УПК), ни специальный (ст. 421, 434 УПК) предмет доказывания, указанный рапорт нельзя считать источником доказательств,

предусмотренным ч. 2 ст. 74 УПК. А раз так, то рассматриваемый нами рапорт сотрудника полиции является внепроцессуальным документом, содержащим сведения, изложенные либо в ч.2 ст. 91 УПК, либо в п.1 ч.1 ст. 97 УПК, и в силу этого являющимся процессуально значимым, порождающим применение к подозреваемому (обвиняемому) мер процессуального принуждения.

Следующим документом внутреннего обращения, о форме которого мы ничего не найдем в действующей редакции УПК РФ, является обращение следователя к руководителю следственного органа, а также дознавателя к прокурору с просьбой о самоотводе (ч.1 ст. 67 УПК). И если в первом случае это, скорее всего, будет традиционный рапорт, подготовленный следователем в порядке подчинения своему непосредственному и прямому начальнику (руководителю следственного органа), то ответа, каким образом должен оформить дознаватель свою просьбу к прокурору, в УПК мы не найдем. В связи с этим по данному вопросу единого мнения у дознавателей нет. Так, некоторые из них исходят из того, что дознаватель должен подготовить рапорт своему непосредственному начальнику (начальнику полиции) с мотивированной просьбой о самоотводе, а тот уже в качестве руководителя органа дознания должен ходатайствовать об этом перед прокурором. Мы считаем данный способ заявления самоотвода малопригодным, так как ни в ст. 40 УПК, ни в других нормах уголовно-процессуального законодательства, содержащих полномочия начальника органа дознания, нет полномочий ходатайствовать перед прокурором об отводе дознавателя.

По смыслу п.9 ч.2 ст. 37 УПК дознаватель обязан напрямую обратиться с подобной просьбой к прокурору, ни с кем не согласовывая свое решение. А раз так, то мы видим единственный способ сделать это – написать на имя надзирающего прокурора заявление, в котором будут изложены доводы дознавателя. Данный документ не имеет ничего общего с заявлением, предусмотренным ст. 141 УПК, однако его последствия будут существенными – прокурор поменяет лицо, производящее расследование уголовного дела в форме дознания.

Безусловно, мы перечислили далеко не все документы, которые в силу значимости своего содержания могут оказаться в материалах уголовного дела, будучи не закрепленными уголовно-процессуальным законодательством по форме. Эта тема требует отдельного исследования, более серьезного и скрупулезного, чем жанр научной статьи. Наша же цель была более узкой – констатировать,

что с появлением единого Следственного Комитета России на повестку дня встанет вопрос о разработке новых процессуальных и внепроцессуальных форм взаимодействия органов предварительного расследования и органа дознания.

Список литературы

1. *Александров А.С., Поздняков М.Л.* Путь институциональной реформы предварительного расследования / Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014. № 1. С. 78–82.

2. *Грачев С.А., Ушаков А.Ю., Клоков С.Н.* Особенности процессуального оформления действий и решений в уголовном судопроизводстве: учебно-метод. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2013. 124 с.

*Лелетова М. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются и анализируются с различных сторон проблемы, возникающие при расследовании экономических преступлений.

Ключевые слова: расследование; экономические преступления; следственные действия.

Экономические преступления являются одними из самых сложных в уголовном законодательстве России как с точки зрения формулировки норм материального права, так и с точки зрения доказывания факта совершения преступления, особенностей, сложностей расследования в целом. Необходимо отметить, что преступные схемы совершения экономических преступлений постоянно видоизменяются, совершенствуются. Для их совершения преступники используют особенности экономической, правовой, социальной системы, которые существуют в конкретный момент времени и также постоянно изменяются. Поэтому, в целях повышения эффективности их расследования считаю важным понимать общие вопросы, характеризующие особенности расследования экономических преступлений. Это поможет понять не только механизм совершения конкретного преступления, но и выявить сопутствующие преступления. Например, различные виды мошенничеств, коррупционные преступления, легализацию доходов, полученных преступным путем и др.

К особенностям процесса расследования экономических преступлений можно отнести:

1. Сложности в отграничении сферы действия гражданского и уголовного законодательства. В некоторых случаях в связи с пограничностью гражданско-правовых и уголовных отношений происходит подмена гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав уголовно-правовыми, или наоборот [1, с. 43].

2. Путаница и бессистемность в изложении норм гражданского и уголовного законодательства, регламентирующих различные экономические процессы и явления. К сожалению, сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточных знаний в указанных областях; а изучение необходимых в таких случаях документов требует значительных затрат времени.

3. Высокая теоретическая и практическая подготовленность лиц, совершающих экономические преступления в сфере, в которой функционирует предприятие-жертва (в отличие от следователей и других сотрудников правоохранительных органов), так как указанные лица, как правило, имеют большой опыт работы в данной сфере и соответственно в реализации преступных схем.

4. Умышленное нарушение правильности ведения бухгалтерского учета на предприятии, уничтожение, фальсификация бухгалтерских документов.

5. Необходимость получения сотрудниками правоохранительных органов консультаций у различных специалистов, обладающим опытом работы в сфере, что и предприятие-жертва, предприятие, руководство (рабочий персонал) которого совершили преступление, для тщательного уяснения всех экономических, технологических, производственных механизмов работы предприятия. Это необходимо для понимания, было ли данное предприятие рентабельно, экономически эффективно на момент совершения криминальных действий в отношении него (каким образом, за счет чего, получало прибыль, реализовывало продукты труда, какие имело кредитные обязательства, были ли они изначально обеспечены и т.д.). Такими лицами могут быть также наиболее опытные сотрудники предприятия-банкрота или других предприятий, функционирующих в интересующей сфере.

6. Большие сложности связаны с назначением и производством различных экспертиз, например, экономических, финансовых, оценочных, строительных, бухгалтерских и др. Такие экспертизы в экспертных подразделениях МВД либо не проводятся вообще, либо эксперты могут ответить только на часть вопросов, подлежащих установлению в ходе расследования, что, естественно, неприемлемо для расследования уголовных дел, установления полной картины совершенного преступления. Таким образом, возникает необходимость в проведении этих экспертиз вне экспертных учреждений системы МВД. При этом необходимо решать вопрос о месте их проведения – у экспертного учреждения должна быть лицензия на право осуществ-

ления экспертной деятельности, эксперты должны иметь специальное образование, допуски к проведению конкретных исследований, владеть требующимися методиками. Кроме того, методики могут у разных экспертов отличаться, что существенным образом может влиять на результаты экспертных заключений. Также необходимо отметить, что данные экспертизы являются крайне дорогостоящими, в связи с чем возникает вопрос об оплате (кто будет оплачивать их проведение, в каком размере и т.д.). Надо понимать, что рассматриваемые экспертизы проводятся очень долго, что, естественно, негативно сказывается на сроках расследования в целом.

7. Большое количество следственных действий, которые необходимо проводить для установления и доказывания факта совершения экономического преступления.

8. Проблемы расчета ущерба, причиненного преступлением, определения, кому именно (физическим, юридическим лицам, учредителям, акционерам, кредиторам, работникам предприятия и др.).

9. Также сложности возникают при определении субъекта преступления. С одной стороны ясно, что это – то лицо, которое непосредственно подписывало финансовые документы, в результате действия которых было реализовано экономическое преступление. Но в то же время таким лицом может быть, например, генеральный директор предприятия – назначенное советом директоров лицо, которое в соответствии с уставом предприятия выполняет обязательные для него поручения указанного совета, то есть не может не подписывать направляемые ему советом директором финансовые, правовые и другие документы. Полномочия совета директоров (например, по продаже основных средств предприятия, объектов недвижимости, земельных участков), коллегиального и избранного всеми акционерами (что на самом деле не всегда так) органа, также определяются уставом предприятия. Он в свою очередь должен быть составлен в соответствии с законом об акционерных обществах, действующем в конкретный момент времени (а если не соответствует, то в этом нет состава преступления, хотя, скорее всего, такое несоответствие сделано умышленно и его можно рассматривать как один из этапов подготовки совершения криминального банкротства). Коллегиальность совета директором также вызывает сложности при решении вопроса о привлечении его членов (кого именно, за совершение каких именно действий) к уголовной ответственности.

Успешность расследования преступлений в сфере экономической деятельности во многом зависит от целенаправленности поисково-познавательной деятельности следователя, от правильного и четкого определения предмета расследования – круга обстоятельств, подлежащих установлению по делу.

1. Характер события, имевшего место в действительности (преступление в сфере экономической деятельности, преступление против собственности, иное правонарушение: гражданско-правовой деликт и т.д.);

2. Предмет преступления (предпринимательская деятельность, кредит, льготные условия кредитования и т.д.), его основные признаки, соответствие этим признакам исследуемого предмета;

3. Сфера деятельности, с которой связан предмет преступления (сфера страхования, туристическая деятельность, инвестиционная и т.д.), особенности ее нормативно-правовой регламентации;

4. Способ совершения преступления;

5. Содержание подготовительных действий, предшествовавших преступлению;

6. Способ маскировки, сокрытия преступления (использование организационно-правовых форм, форм законной экономической деятельности и т.д.);

7. Время, место и обстановка совершения преступления;

8. Характер последствий преступления (наличие материального ущерба, причинение вреда здоровью и т.д.);

9. Размер причиненного ущерба, извлеченного дохода;

10. Лица, являющиеся потерпевшими от преступления (физическое, юридическое лицо и т.д.);

11. Обстоятельства, характеризующие личность виновных (наличие профессиональных навыков, привлечение ранее к уголовной ответственности за аналогичные преступления и т.д.);

12. Мотив и цель преступления; факты и обстоятельства, указывающие на них;

13. Обстоятельства, отягчающие либо смягчающие ответственность виновного;

14. Другие преступления, совершенные виновным лицом, находящиеся в закономерной связи с расследуемым деянием;

15. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Сведения о преступлениях в сфере экономической деятельности поступают из различных источников. Независимо от их характера необходимость в проверке информации возникает всегда, когда без получения дополнительных данных невозможно правильно решить вопрос о возбуждении уголовного дела [2, с. 67].

Основной источник информирования компетентных органов связан со сферой деятельности оперативно-розыскных и контролирующих органов. Это объясняется прежде всего спецификой экономических преступлений: они совершаются преимущественно в процессе профессиональной деятельности, связаны с использованием служебных полномочий, знаний особенностей отрасли и конкретного производства, с активным использованием различных правовых механизмов и средств. В частности, значительная часть экономических преступлений совершается под видом (посредством) банковских и хозяйственных операций, внешнеторговых сделок и иных форм регулирования имущественных отношений в обществе. В подобных случаях преступный замысел, признаки преступления распознаются с трудом, ибо внешне такое экономическое преступление мало чем отличается от обычной сделки. К тому же, в большей своей части это преступления без потерпевших, без видимых последствий.

Как правило, в материалах содержатся сведения, указывающие на возможное совершение преступления, например, в этих материалах может говориться о противоправном характере сделки, ее фиктивности, о подлоге в бухгалтерских или иных учетных документах, о регистрации фирмы на подставных или вымышленных лиц, о причиненном ущербе и иных признаках, характерных для объективной стороны экономического преступления. Но этого зачастую недостаточно, чтобы обоснованно возбудить уголовное дело, так как по признакам объективной стороны не всегда можно разграничить гражданско-правовой деликт и экономическое преступление. Для этого нередко требуется и знание субъективной стороны поведения виновного, в частности направленности его умысла, цели сделки (уклонение от уплаты налогов, подведение предприятия к банкротству, завладение имуществом, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и т.д.) и т.д.

Согласно изменениям, внесенным в УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 N 23-ФЗ, на стадии доследственной проверки проводящее ее лицо вправе получать образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в поряд-

ке, установленном Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Поводом к возбуждению дела о преступлениях в сфере экономической деятельности могут служить также заявления граждан, рапорт об обнаружении признаков преступления и т.д. Эти сведения в большинстве случаев также подлежат предварительной проверке, характер которой зависит от того, содержатся ли в этих заявлениях и сообщениях указания на конкретные факты, свидетельствующие о преступлении, либо они в общей форме говорят о преступлениях, подготавливаемых или совершенных определенными лицами. В первом случае проверяется достоверность сведений об изложенных фактах, выявляются признаки преступления, которые затем сопоставляются с нормой уголовного закона. При положительном исходе такой проверки уголовное дело возбуждается немедленно.

Во втором случае проверка имеет более сложный характер. Она должна проводиться с максимальной осмотрительностью, чтобы не насторожить преступников, не нанести вреда дальнейшему расследованию, не бросить тень на честных людей. Поэтому формы и методы проверки подобных заявлений должны быть тщательно продуманы и спланированы. Проверку в этом случае целесообразно начинать с получения объяснений от заявителя, предварительно решив вопрос о месте и времени получения объяснений, о способе вызова соответствующего лица. Последующие действия по выявлению признаков преступления планируются с учетом полученных данных.

С момента возбуждения уголовного дела начинается следующий этап поисково-познавательной деятельности – раскрытие и расследование преступления. Следует заметить, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой весьма сложную и многогранную работу, требующую от оперативного работника и следователя глубоких разносторонних знаний, большого профессионального и жизненного опыта, хороших организаторских способностей и навыков. Эффективность расследования этих преступлений зависит и от того насколько деятель-

ность следователя и взаимодействующих с ним лиц соответствует особенностям преступления и складывающимся ситуациям расследования. Поэтому важнейшим условием успешного расследования таких преступлений является правильное планирование предварительного следствия.

При определении последовательности производства запланированных мероприятий руководствуются рекомендациями о первоочередном производстве следующих действий: промедление с производством которых может привести к утрате или изменению доказательств (осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос очевидцев и др.); направленных на установление виновных и предотвращение совершения ими новых преступлений (задержание и др.); нацеленных на обеспечение возмещение материального ущерба, причиненного преступлением (обыск, наложение ареста на имущество); позволяющих проверить несколько версий; дающих возможность получить более надежные доказательства (например, в начале допрашивают очевидцев, а затем иных свидетелей); требующих значительного времени для производства (ревизии, судебные экспертизы, отдельные поручения о выполнении действий в другой области).

Большинство преступлений в сфере экономической деятельности относится к категории сложных, характеризующихся большим числом эпизодов и обвиняемых. Поэтому планирование в таких случаях осуществляется по каждому эпизоду, в отношении каждого лица и по другим направлениям работы, а затем частные планы сводят в общий план расследования.

Выбор направления расследования, а также круг следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий определяют исходя из содержания следственных ситуаций. Для начального этапа расследования экономических преступлений типичны две ситуации.

Первая ситуация характеризуется тем, что предполагаемые участники преступления осведомлены о материале, поступившем к следователю, и принятом по нему решении о возбуждении уголовного дела. Вторая – напротив, исключает такую осведомленность.

Первая ситуация связана, как правило, с возбуждением уголовного дела по материалам контролирующих органов или поступивших из арбитражных и гражданских судов. В этой ситуации рекомендуется проведение следующих действий: допрос лиц, обнаруживших признаки преступления (ревизора, судьи и т.д.), допрос свидетелей, указание на которых дается в материалах, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, выемка и осмотр документов, в кото-

рых отражены признаки преступления, допрос подозреваемых лиц, наложение ареста на их имущество, на вклады в банках, на ценные бумаги, назначение судебно-бухгалтерской, криминалистической и иных судебных экспертиз.

Вторая ситуация связана с возбуждением уголовного дела по оперативно-розыскным материалам, сообщениям средств массовой информации, заявлениям граждан. В этом случае существенное значение имеет внезапность и одновременность проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Они носят неотложный характер, так как направлены на получение изобличающих доказательств, которые в любой момент могут быть уничтожены преступником. Учитывая реальность такой опасности, в первую очередь планируются такие действия, как задержание лица в качестве подозреваемого, осмотр места происшествия (офиса, складских помещений, производственной базы и т.д.), действия и мероприятия, направленные на обеспечение сохранности документов и других вещественных доказательств (выемка, обыск, наложение ареста на их имущество и т.д.), на выявление новых источников информации (контроль и запись переговоров, документальная проверка, ревизия, снятие информации с технических каналов связи др.).

На последующем этапе расследования экономических преступлений следователь сосредотачивает свое внимание на проверке доказательств, изобличающих преступника, собирании недостающей информации, на установлении ранее неизвестных эпизодов и соучастников преступления, выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В этих целях он систематизирует и оценивает собранные материалы, уточняет планы расследования, составляет различные схемы и таблицы, назначает судебные экспертизы, производит допросы обвиняемых и очные ставки с их участием, опознание, следственные эксперименты, проверку показаний на месте, принимает меры по расширению доказательственной базы преступления.

Список литературы

1. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2014.

2. *Расследование мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств (теория и практика)* // Шмонин А.В., Исаев С.С.-Х. М.: Юрлитинформ, 2014.

*Маркелов А. Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

*Нефедов М. А.,
преподаватель кафедры криминалистики
НА МВД России, г. Нижний Новгород*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена вопросам использования новых инструментов на досудебных стадиях по уголовным делам в сфере экономики. Предложены рекомендации по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство относительно производства отдельных следственных действий с использованием видеоконференц-связи.

Ключевые слова: видеоконференц-связь; инновационные технологии; допрос; предварительное расследование.

В последние годы техническое оснащение правоохранительных органов значительно улучшилось. Кроме телефонной и факсимильной связи, которая используется уже достаточно давно, в настоящее время для передачи информации внутри ведомства широко применяется IP-телефония, защищенные каналы ведомственной электронной почты, проводятся внутриведомственные он-лайн видеоконференции, в том числе с участием территориальных органов всех субъектов Российской Федерации.

Значительное количество используемых мобильных телефонов обладает возможностью совершения видеовызова, обеспечивающего возможность визуального контакта лиц, участвующих в разговоре. При этом необходимо отметить, что заявления и сообщения о преступлениях могут поступать посредством использования электронной почты сети Интернет. Системы же видеоконференц-связи установле-

ны и уже достаточно давно успешно применяются в судах и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний.

В настоящее время в связи с введением рядом государств экономических санкций в отношении Российской Федерации особенно остро стоит вопрос экономии бюджетных средств, в том числе и средств, выделяемых на финансирование правоохранительных органов. Кроме того, не исключено сокращение либо полное прекращение взаимной правовой помощи в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства со стороны присоединившихся к санкциям стран, с которыми Российской Федерацией заключены соответствующие международные договоры и соглашения.

В этой связи, учитывая, что инновационные технологии широко применяются правоохранительными органами в своей повседневной деятельности, удивление вызывает тот факт, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности использования видеоконференц-связи в досудебных стадиях производства по уголовным делам.

Возможность использования видеоконференций для производства следственных действий в сети Интернет при расследовании контрабанды были предварительно рассмотрены в октябре 2000 года, в ходе пятой Нижегородской сессии молодых ученых, то есть еще в период действия УПК РСФСР, утвержденного Верховным Советом РСФСР от 27.10.1963 года. За прошедшие 14 лет существования УПК РФ, введенный в действие Федеральным законом Российской Федерации № 177-ФЗ от 18.12.2001, с изменениями и дополнениями (более 150 федеральных законов), каких-либо результатов в этой части не нашло своего воплощения и возможности использования.

В ходе досудебного производства по уголовным делам в сфере экономики перед правоохранительными органами нередко возникает вопрос о необходимости получения показаний лиц, находящихся или проживающих за пределами места производства предварительного расследования. Следует отметить, что нередко как свидетели, так и потерпевшие не только не имеют желания покинуть свое место жительства, место пребывания или место нахождения, но и зачастую не могут это сделать в связи с болезнью, необходимостью отсутствия по месту работы, наличием обязанностей по уходу за детьми, близкими родственниками либо иным причинам. Особенности финансирования не позволяют оперативно покрывать расходы указанных участников уголовного судопроизводства, связанные с их явкой к месту произ-

водства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, аренда и поднаем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные)). При этом указанные лица охотнее соглашаются дать объективные показания в местах своего постоянного пребывания, где они чувствуют себя в более комфортных условиях, что очень важно и для следователя, за которым стоит обязанность обеспечение безопасности и созданию благоприятных условий его участников.

Личный выезд лица, производящего расследование, к месту пребывания лиц, показания которых необходимо получить, влечет за собой не только значительные транспортные расходы (суточные, гостиница), но зачастую и существенные затраты сил и времени на организацию командировки. Кроме того, в ряде случаев лицу, производящему расследование, необходимо обеспечить перевозку и сохранность значительного объема предметов и документов, которые необходимо предъявить допрашиваемым лицам, что приводит к дополнительным трудностям.

Реализация лицом, производящим расследование, своих полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), когда в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь или дознаватель вправе поручить производство этих действий следователю или органу дознания, по ряду причин не всегда возможно. Так, в случаях, когда получение ответов на поставленные вопросы требует предъявления большого количества документов, которые на момент направления поручения необходимы лицу, производящему расследование, например, для производства следственных действий по месту расследования.

Необходимость проведения очной ставки, когда ее участники нередко проживают в разных субъектах Российской Федерации и не желают являться к месту проведения предварительного расследования, зачастую ставит перед лицом, производящим расследование, неразрешимую задачу собрать указанных лиц в одно время в одном месте. С учетом транспортной доступности места проведения предварительного расследования, мест проживания участников очной ставки, их целенаправленного уклонения от явки на допрос, при наличии у них прав на неприкосновенность жилища, необходимости одновременного доставления их к месту производства следственного действия, а также невозможности лишения свободы передвижения одного

из участников очной ставки до прибытия другого участника к месту ее производства, имеющаяся в распоряжении следователя мера процессуального принуждения в виде принудительного привода в данном случае на практике нереализуема.

Особую важность и сложность имеет проведение процессуальных действий с участием потерпевших, свидетелей или иных участниками уголовного судопроизводства в случаях, когда необходимо обеспечить их безопасность. Так, например, проведение опознания, даже в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, личность последнего в случае, даже если его данные о личности сохраняются в тайне, установить не составит труда, так как опознание будет проводиться в смежных комнатах одного здания. В этом случае решить проблему по сохранению в тайне данных о личности указанного лица фактически нереально, особенно если сторона защиты обладает большими финансовыми возможностями, в связи с чем может обеспечить контроль за выходами из здания для установления личности опознающего, когда тот будет покидать здание, либо может использовать коррумпированные связи в правоохранительных органах. В этой части для решения данной проблемы необходимо обеспечить, дистанционное проведение опознания, когда опознаваемый и опознающий находятся в разных зданиях, а при необходимости и в разных населенных пунктах, что позволит исключить установление сохраняемой в тайне личности участника уголовного судопроизводства. В этой связи в настоящее время особенно актуальным и значимым видится использование в деятельности правоохранительных органов новейших достижений науки и техники для обеспечения возможности дистанционного проведения некоторых следственных действий, а также большинства процессуальных действий, особенно по делам в сфере экономики.

Как выше было указано, все возможности для использования уже имеющихся в распоряжении правоохранительных органов технических средств на стадии проведения проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении либо на стадии предварительного расследования в настоящее время уже существуют. Однако правовое регулирование использования возможностей вышеуказанных технических средств на стадии досудебного производства отсутствует.

Это выглядит особенно странным, когда как часть 4 ст. 240, ст. ст. 277, 278.1 УПК РФ устанавливают для суда возможность до-

проса потерпевшего и свидетеля на стадии рассмотрения уголовного дела путем использования систем видеоконференц-связи, а также другие положения (ч. 6 ст. 35, ч. 6.1 ст. 241, ч. 1 ст. 293, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2, 2.1 ст. 339, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ).

Учитывая указанную выше достаточно подробную регламентацию оснований для использования судом при рассмотрении уголовных дел систем видеоконференц-связи, думается, что использование по аналогии указанных технических систем дознавателем, следователем либо органом дознания на стадии досудебного производства при производстве ряда проверочных мероприятий, следственных и процессуальных действий до внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство невозможно. Доказательства, полученные подобным образом, следует считать недопустимыми.

Принимая во внимание, что в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, а суд в ходе судебного разбирательства повторно допрашивает лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, а также потерпевших и свидетелей, мы приходим к выводу, что не имеет абсолютно никакого значения, каким именно образом указанные лица будут допрошены на стадии предварительного расследования: дистанционно, путем использования видеоконференц-связи либо при личной встрече.

Следует отметить, что использование систем видеоконференц-связи широко внедрено в отраслевое гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Так, Федеральным законом от 26.04.2013 N 66-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации внесены изменения, допускающие возможность использования видеоконференц-связи при рассмотрении дел. Аналогичные изменения, устанавливающие возможность использования видеоконференц-связи, внесены в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 27.07.2010 (ред. от 28.06.2014) N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». В постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25.12.2013 N 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» в части 8 детально регламентирует орга-

низацию видеоконференц-связи и ведение протокола в арбитражных судах при рассмотрении дел. Согласно части 8.3.7 указанного постановления, арбитражный суд, рассматривающий дело, может заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, а также оценить письменные доказательства, иные документы и материалы при условии наличия технических средств, обеспечивающих возможность ознакомления с такими доказательствами (документ-камера). Копии документов, представленных путем ВКС, незамедлительно направляются в суд, рассматривающий дело, по факсимильной связи или по каналам ведомственной электронной почты либо с использованием иных средств связи (в том числе путем сканирования документов посредством технических возможностей).

Опираясь на вышеизложенное, полагаем, что в настоящее время имеются все возможности для внесения в уголовно-процессуальное законодательство изменений и дополнений относительно досудебного производства, позволяющих использовать системы видеоконференц-связи для допросов потерпевшего, свидетелей; подозреваемых; обвиняемых; экспертов и иных участников уголовного судопроизводства, в том числе в других следственных действий (очная ставка, предъявление для опознания), а также для производства таких процессуальных действий, как предъявление обвинения, ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы либо с заключением эксперта.

Процедуру проведения следственных и процессуальных действий путем использования видеоконференц-связи, по мнению авторов, в общих чертах следует осуществлять в следующем порядке:

- принятие решения лицом, производящим расследование, о производстве следственного (процессуального) действия посредством использования видеоконференц-связи по собственной инициативе либо на основании просьбы (заявления, ходатайства) одного из участников уголовного судопроизводства;

- направление в орган дознания либо следователю поручения (содействия) об обеспечении проведения следственного действия в режиме видеоконференц-связи;

- разъяснение лицом, производящим следственное или процессуальное действие, участникам следственного (процессуального) действия их прав и ответственности, перечня и порядка применения технических средств, о чем делается отметка в протоколе;

– непосредственное производство допроса с использованием видеоконференц-связи;

– предъявление лицом, расследующим уголовное дело, документов, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. При необходимости сканированные изображения указанных документов в ходе производства следственных и иных процессуальных действий направляются по защищенным каналам ведомственной электронной почты для ознакомления участникам следственного (процессуального) действия;

– составление в рукописном либо электронном виде протокола следственного (процессуального) действия в соответствии с общими правилами, предусмотренными ст. 166 УПК РФ, с указанием применявшихся технических средств;

– предъявление протокола для ознакомления участникам следственного (процессуального) действия, путем использования видеоконференц-связи;

– направление копии протокола факсимильным способом либо посредством ведомственной электронной почты (оригинала протокола почтой) для подписания его участниками следственного (процессуального) действия;

– сохранение видеозаписи следственного, процессуального действия в установленном формате на материальных носителях электронной информации (оптических дисках);

– возвращение почтой (факсом) лицу, производящему расследование, копии (оригинала) подписанного протокола;

– обеспечение сохранности материального носителя информации до принятия решения по делу.

Аналогичным образом можно получить объяснения лиц при проведении проверки по сообщениям о совершении преступлений.

В ходе внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, в исключительных случаях сразу следует предусмотреть возможность производства допроса свидетелей, потерпевших и иных лиц путем использования возможностей сети Интернет, в случае, если установить их фактическое местонахождение не представляется возможным, но есть сведения о том, что указанные лица готовы дать показания, имеющие значение для расследования уголовного дела, но по каким-либо объективным причинам вынуждены сохранять в тайне место своего пребывания. Разре-

шение вопроса о допустимости производства указанного следственного действия следует оставить на усмотрение лица, в производстве которого находится данное уголовное дело. При этом должно быть соблюдено условие, что производство допроса по незащищенным каналам связи не нанесет ущерба процессу доказывания; лицу будут должным образом разъяснены его гарантии, включая права, обязанности, порядок и ответственность. Также законодательно следует допустить исключение необходимости подписания протокола допрашиваемым лицом при наличии запечатленного на видеозаписи подтверждения им правильности своих показаний, внесенных в протокол.

Подводя итоги, полагаем, что в связи с оптимизацией бюджетных расходов, в том числе сокращением расходов на правоохранительную деятельность, следует надеяться, что в ближайшее время в УПК РФ будут внесены соответствующие изменения и дополнения, закрепляющие использование видеоконференц-связи и электронной почты на стадии досудебного производства. Данные изменения позволят обеспечить соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, обеспечить своевременность проверок, проводимых по сообщениям о совершенных или готовящихся преступлениях, а также повысить эффективность расследования уголовных дел в сфере экономики.

Список литературы

1. *Приказ МВД РФ от 29 августа 2014 г. N 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»* [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>
2. *Жук И.О.* Использование телекоммуникаций при расследовании контрабанды. // Пятая Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Сборник трудов. Н.Новгород: Изд-во ИПФ РАН, 2001. С. 168–169.

Садиокова У. В.,
следователь ГСУ ГУ МВД России
по Московской области, г. Москва

Ушаков А. Ю.,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
НА МВД России, г. Нижний Новгород

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

В статье приведены положения, свидетельствующие о появлении и развитии в уголовном судопроизводстве России фигуры руководителя следственного органа.

Ключевые слова: руководитель следственного органа; процессуальный статус; начальник следственного отдела; предварительное следствие.

Процессуальный статус руководителя следственного органа (начальника следственного отдела) претерпел на своем эволюционном пути значительные изменения. Начальником следственного отдела с момента его появления до сегодняшнего дня пройден путь от полного отрицания процессуальных полномочий до предоставления современному руководителю следственного органа властно-распорядительных полномочий, ранее присущих исключительно прокурору.

Объект исследования настоящей статьи ограничивается его названием и предполагает анализ возникновения и развития процессуальных полномочий руководителя следственного органа, конкретно-исторических условий, в которых формировалась необходимость возникновения фигуры начальника следственного отдела и наделения его процессуальными полномочиями, а также дальнейшего их развития.

Появление в уголовном судопроизводстве начальника следственного отдела в качестве самостоятельного участника уголовного процесса тесно связано с вопросом о создании следственного аппарата в органах внутренних дел 6 апреля 1963 года, предпосылками и условиями его организационно-правового становления.

25 декабря 1958 года Основами уголовного судопроизводства Союза ССР [4], следственный аппарат милиции, как и в 1922 г., был вновь ликвидирован. Ликвидация была обоснована признанием, что функция производства предварительного следствия милицией не свойственна ее правовой природе и правовому назначению [2, с. 21–25; 3, с. 10–14; 7, с. 71–72]. Правом производства предварительного следствия новым уголовно-процессуальным законодательством были наделены следователи органов прокуратуры и госбезопасности.

Однако попытка обеспечить производство предварительного следствия только следователями прокуратуры не удалась, поскольку огромный объем следственной работы, возложенной на органы прокуратуры, оказался непосильным для ее следственного аппарата и привел к значительному снижению качества работы. Дознаватели МООП по указаниям прокуроров производили предварительное следствие в полном объеме по делам, подследственным следователям прокуратуры, создавая параллелизм в работе этих органов. Это стало основным аргументом очередного реформирования организации предварительного следствия.

Учитывая сложившуюся обстановку и потребность в принятии действенных мер к устранению этих недостатков, 6 апреля 1963 года Указом Президиума Верховного Совета СССР органы охраны общественного порядка (внутренних дел) наряду с органами прокуратуры и государственной безопасности вновь были наделены правом производства предварительного следствия [5]. Приказом министра № 318 от 8 июня 1963 года принято и утверждено Положение об организации и деятельности следственного аппарата в органах Министерства охраны общественного порядка РСФСР, вступившее в силу с 1 июля 1963 года.

Вновь созданный следственный аппарат вышел из подчинения органов милиции как в административном, так и в процессуальном отношении, став самостоятельным структурным подразделением. Это, безусловно, имело позитивный характер в организации предварительного следствия и способствовало более быстрому и качественному расследованию уголовных дел, равномерной нагрузке следователей различных ведомств.

Для организации и руководства работой следователей были образованы следственные управления, отделы, отделения. Работу следователей возглавили соответствующие начальники следственных подразделений и их заместители.

На начальников следственных подразделений возлагались задачи организационного руководства следственным подразделением, а также контроля за соблюдением законности при возбуждении и расследовании уголовных дел.

Деятельность начальников следственных подразделений сыграла положительную роль в осуществлении задач уголовного судопроизводства, качественного и квалифицированного расследования уголовных дел. Тем не менее серьезным недостатком проведенного реформирования являлось то, что начальник следственного отдела по-прежнему, как и в 40-е годы, не был введен в число участников уголовного процесса, отчего испытывал значительные трудности в практическом осуществлении своих должностных обязанностей, поскольку не обладал никакими процессуальными правами.

Однако первые же предложения по восполнению этого пробела вызвали острую дискуссию как среди научных, так и практических работников. Одни выступали сторонниками наделения начальников следственных отделов процессуальными полномочиями, другие – противниками этого.

Так, начальник следственного управления МООП УССР А. Сербулов и начальник кафедры уголовного права и процесса Высшей школы МООП УССР А. Соловьев, отмечая важную роль начальников следственных аппаратов в правильной организации предварительного следствия в органах МООП, решительно выступали за предоставление им процессуальных прав, необходимых для выполнения своих обязанностей и задач. Предоставление начальнику следственного отдела процессуальных полномочий, отмечали они, имеет большое практическое значение, поскольку это должностное лицо несет ответственность за состояние следствия в соответствующем аппарате. Он не сможет обеспечить качество предварительного следствия, не обладая правами, закрепленными в уголовно-процессуальном законе, и практика настоятельно требует предоставления им процессуальных прав [10, с. 11]. Аналогичную позицию занимал прокурор Московской области Л. Ураков [12, с. 16].

Ряд авторов высказывали свое несогласие с этими предложениями. Так, В.С. Чистякова, не исключая необходимости урегулирования процессуальных отношений начальника следственного подразделения и следователя, вместе с тем считала, что принятие указанных предложений означало бы нарушение процессуальной самостоятельности следователя и превращение деятельности начальника следственного под-

разделения в суррогат прокурорского надзора [13, с. 9]. Аналогичного мнения придерживались заместитель Генерального Прокурора СССР Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин [8, с. 356].

Вопрос наделения начальника следственного отдела процессуальными правами также поднимался на состоявшемся 27-30 июля 1964 года в г. Москве Всесоюзном совещании следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка. Однако итоговым решением Совещания стал вывод о том, что начальники следственных отделов «...не обладают и не могут обладать процессуальными правами...», а «...предоставление им процессуальных прав означало бы подмену прокурорского надзора и посягательство на процессуальную самостоятельность следователя» [11, с. 9].

Между тем, сложившаяся объективная реальность противоречила научно-правовым положениям с одной стороны и, обусловленная историческим ходом развития следственного аппарата и его руководства – с другой, настоятельно требовала наделения начальников следственного отдела процессуальными полномочиями.

Так, содержание предоставленных ведомственными положениями полномочий руководителям следственных подразделений свидетельствует, что начальник следственного отдела фактически выполнял процессуальные функции. Реализуя предоставленные ведомственными положениями полномочия, он не только организовывал следственную работу и руководил ею, но и непосредственно участвовал в производстве по делу: проверял дела, давал по ним указания, участвовал в проводимых следователями процессуальных действиях и мог лично вести предварительное следствие.

Учитывая насущную потребность в наделении руководителей следственных подразделений процессуальными полномочиями, 14 декабря 1965 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который положительно решил диктуемый ходом развития следственного аппарата вопрос о наделении начальника следственного отдела (управления, отделения) процессуальными правами.

В соответствии с ним ст.34 УПК РСФСР была дополнена пунктом 6 а, введившим нового участника уголовного судопроизводства – начальника следственного отдела. Впервые в законе было определено понятие начальника следственного отдела и раскрыто его содержание, относя к числу субъектов уголовного судопроизводства руководите-

лей следственных управлений, отделов, отделений органов внутренних дел и органов государственной безопасности, их заместителей.

Вскоре после этого в УПК других союзных республик также были внесены соответствующие изменения и дополнения, касающиеся вопросов организации предварительного расследования, урегулирования правового положения начальника следственного отдела органов охраны общественного порядка и органов государственной безопасности.

Одновременно введенная ст.127.1 УПК РСФСР закрепила объем его процессуальных полномочий [6]. В соответствии с ней на начальника следственного отдела возлагались процессуальные обязанности по осуществлению контроля за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений и принятию мер к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам. Закрепленные в законе полномочия начальника следственного отдела фактически воспроизвели почти в том виде и в тех же пределах предшествовавшие им ведомственные положения, по сути, предвосхитившие их.

Включение в УПК специальных норм, законодательно определивших начальника следственного отдела как самостоятельного участника уголовного процесса и регламентирующих его полномочия, свидетельствовало о возрастании его роли в уголовном судопроизводстве и принципиальном решении ряда давно возникших процессуальных и организационных вопросов.

Так, с определением правового положения начальник следственного отдела стал одним из основных и активных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Содержание предоставленных ему полномочий в своей совокупности определили характер осуществляемой им деятельности, его роль и назначение в уголовном судопроизводстве, то есть выполняемую им уголовно-процессуальную функцию – функцию процессуального руководства предварительным следствием [1,с.16].

Внесенные изменения устранили противоречия в правовом положении руководителей следственных аппаратов различных ведомств и установили допустимые пределы и формы вмешательства в процессуальную деятельность следователя, создав необходимые правовые механизмы для осуществления начальниками следственных подразделений процессуального контроля.

«Зародившись как бессистемный набор нормативно установленных форм воздействия на организацию работы следственных учрежде-

ний, деятельность по руководству предварительным следствием ... с течением времени интегрировалась в самостоятельный вид процессуальной деятельности, приобрела характер научно-обоснованной системы мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и в настоящее время осуществляется строго определенным в законе кругом должностных лиц – руководителей следственных учреждений, получивших полномочия субъектов уголовного судопроизводства – «начальников следственных отделов» [9, с. 67].

Полномочия начальника следственного отдела на протяжении последующих 36 лет до принятия Уголовно-процессуального кодекса 2001 г. изменениям не подвергались. Их развитие происходило в условиях изменения и эволюции советской политики, направленной на построение правового демократического государства, обсуждения вопросов реформирования органов предварительного следствия и создания единой службы расследования.

Появление в уголовном судопроизводстве новой фигуры начальника следственного отдела вызвало появление новых правовых идей, касающихся его правового статуса и процессуального руководства предварительным следствием, дальнейшего развития его полномочий; инициировало широкий интерес и острые дискуссии со стороны ученых и практических работников о соотношении процессуального контроля и прокурорского надзора на протяжении последующих десятилетий.

Бесспорно, формирование тенденции усиления властно-распорядительных полномочий начальника следственного отдела обусловлено реалиями конкретного времени: состоянием экономики, политики и общественного сознания, состоянием преступности и возможностей государства в сфере борьбы с ней.

Одновременно с наделением начальника следственного отдела широкими процессуальными полномочиями по контролю и руководству предварительным следствием, новый уголовно-процессуальный закон эту функцию начальника следственного отдела в отличие от ранее действовавшего закона, тем не менее, нормативно не закрепил. При этом законодатель совершенно четко и недвусмысленно определил функцию начальника следственного отдела в уголовном процессе – функцию обвинения. Пунктом 47 ст. 5 УПК РФ начальник следственного отдела отнесен к стороне обвинения и от имени государства обязан осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Определило место начальника следственного отдела в уголовном процессе и то, что в отличие от УПК РСФСР, регламентировавшего его процессуальный статус в главе общих условий предварительного следствия и не включавшего его в перечень участников уголовного судопроизводства, УПК РФ отнес его к субъектам главы 6 «Участники уголовного судопроизводства». Таким образом, уголовно-процессуальный кодекс расширил направления деятельности начальника следственного отдела и определил его место в системе участников уголовного процесса. Полагаем, что сочетание возложенных на него функций контроля за следствием и функции осуществления уголовного преследования, являясь стороной обвинения, свидетельствуют о возросшей возможности начальника следственного отдела влиять на ход и результаты предварительного следствия.

Дальнейшие изменения полномочий начальника следственного отдела, вносимые в действующий УПК РФ, преимущественно были направлены на расширение их объема, необходимого начальнику следственного отдела для обеспечения законности и обоснованности предварительного расследования, все более приобретающих властно-распорядительный характер.

Федеральным законом от 4 июля 2003 года начальнику следственного отдела предоставлено право изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав, а также возбуждать уголовное дело. Часть 4 ст.39 УПК РФ дополнена еще одним указанием начальника следственного отдела, обжалование которого приостанавливало исполнение принятого решения. Оно касалось введенного полномочия изымать уголовное дело и передавать его другому следователю. Неоднократное дополнение и последующее расширение перечня указаний, обжалование которых приостанавливает их исполнение, было обусловлено, в первую очередь, необходимостью обеспечить гармоничное сочетание расширения полномочий начальника следственного отдела наряду с процессуальной самостоятельностью следователя.

Несмотря на обсуждаемое на протяжении предшествующих десятилетий отрицание процессуального руководства со стороны прокурора, анализ норм вновь принятого уголовно-процессуального закона говорит об обратном. Содержание предоставленных ему полномочий свидетельствует, что он мог повлиять как на принятие отдельных процессуальных решений, так и на судьбу уголовного дела в целом.

Стремление найти наиболее совершенные формы руководства и организации предварительного расследования легло в основу последующего этапа продолжаемой реформы уголовного судопроизводства.

Федеральный закон от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» принципиально изменил процессуальный статус начальника следственного отдела, перераспределив на новой основе полномочия между ним и прокурором по осуществлению процессуального руководства предварительным следствием.

Целью реформы стало разграничение ранее слитых воедино предварительного следствия и прокурорского надзора путем освобождения прокурора от обязанности руководства следствием и возложение этой обязанности на впервые появившегося в российском уголовном судопроизводстве вместо начальника следственного отдела руководителя следственного органа. Одновременно передача процессуальных полномочий по руководству предварительным следствием от прокурора руководителю следственного органа должна была стать первым шагом в направлении системного реформирования правоохранительных органов и создания единого следственного органа.

Подводя итог, следует отметить, что процессуальный статус руководителя следственного органа прошел сложный и противоречивый путь своего становления. Невзирая на существующие с момента появления начальника следственного отдела в уголовном процессе идеи полного отрицания наделения его процессуальными полномочиями, его процессуальный статус постоянно развивался.

С течением времени объем прав начальников следственных подразделений дополнялся новыми полномочиями, все более обретавшими властно-распорядительный характер, необходимыми для обеспечения законности и обоснованности предварительного расследования. На сегодняшний день полномочия руководителя следственного органа направлены, главным образом, на осуществление процессуального руководства предварительным следствием. Действующее законодательство регламентирует не только, как ранее, отношения, возникающие непосредственно между следователем и его начальником, но и выстраивает и регулирует его отношения с руководителем вышестоящего следственного органа, возводя над следователем централизованную вертикаль субъектов контроля за его деятельностью, а также новые сложные от-

ношения «треугольника» прокурор – следователь – руководитель следственного органа.

Изучение истории вопроса также показало, что направления развития процессуального статуса начальника следственного отдела в концептуальном плане в полной мере соответствовали особенностям господствующей политической и правовой доктрины на соответствующем историческом отрезке времени, а правовые идеи, касающиеся его процессуального положения, в первую очередь, опирались и формировались, исходя из установок соответствующей политической конъюнктуры.

Список литературы

1. *Асриев Б.В.* Возникновение института начальника следственного отдела в советском уголовном процессе // Проблемы предварительного следствия. Волгоград, 1974. Вып. 3.

2. *Бердичевский Ф., Чистяков О.* О реорганизации предварительного следствия // Социалистическая законность. 1957. № 7.

3. *Зыков И., Аверкиев И., Иванов М.* О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 9.

4. *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1959. № 1. Ст. 15.

5. *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1963. № 16. Ст. 181.

6. *Ведомости Верховного Совета РСФСР.* 1965. № 50. Ст. 1243.

7. *Гольст Г.Р.* Основные задачи предварительного следствия в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1957. № 8.

8. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие. М., 1965.

9. *Мешков М.В.* Процессуальное положение начальника следственного отдела в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

10. *Сербулов А., Соловьев А.* О работе следственного аппарата МООП // Социалистическая законность. 1964. № 7.

11. Социалистическая законность. 1964. № 9. С. 9.

12. *Ураков Л.* О процессуальном положении работников следственных отделов органов охраны общественного порядка // Социалистическая законность. 1964. № 7.

13. *Чистякова В.С.* Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 9.

Федулов А. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса
НА МВД России, г. Нижний Новгород

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье автором рассмотрены основные (концептуальные) направления развития досудебного производства в уголовном процессе России на современном этапе в условиях продолжающейся судебной реформы.

Ключевые слова: реформа уголовного судопроизводства; состязательность; дознание; альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов.

С 2001 года в текст УПК Российской Федерации внесено более четырехсот поправок. Такая высокая активность законодателя прежде всего обусловлена проводимыми в стране реформами, повлекшими за собой существенные изменения в институтах государственной власти и общества.

В уголовно-процессуальной политике сегодня мало что осталось от романтических идей начала 90-х годов, связанных с «концепцией самоограничения государства». Можно долго полемизировать по поводу соотношения достоинств и недостатков УПК РФ, но этот закон есть, он прагматичен и работоспособен.

В рамках тезисного формата мы акцентируем внимание на некоторых концептуальных аспектах, которые определяют, по нашему мнению, дальнейшее совершенствование досудебного производства.

Во-первых, за время действия УПК РФ наблюдается непоследовательность в подходе, связанном с конструированием уголовно-процессуальной формы стадии возбуждения уголовного дела. Очевидно, что увеличение числа проверочных действий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), как и предоставленная возможность (ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ) использовать полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения в качестве доказательств, – ответ на постоянно усложняю-

щиеся условия выявления и раскрытия преступлений, которые становятся все более замаскированными и изоцированными. Однако, все это «размывает» стадию возбуждения уголовного дела, стирает отличия между этой стадией и стадией предварительного расследования и дает повод говорить об эрзацрасследовании при проверке поступившего сообщения о преступлении. В этой связи, по мнению некоторых ученых и практиков, объективно назрела необходимость ее упразднения.

Во-вторых, полагаем, что в обозримом будущем будет иметь место тенденция к концентрации производства предварительного следствия в Следственном Комитете Российской Федерации. Научно-практические дискуссии по этому вопросу, то усиливающиеся, то затихающие, идут уже продолжительное время.

Перспектива его решения нас интересует прежде всего с точки зрения дальнейшего развития полицейского дознания и совершенствования уголовно-процессуальной формы. В соответствии с ФЗ «О полиции» у полиции нет функций по производству предварительного следствия.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации последовательно развивается по пути дифференциации досудебных форм производства по уголовным делам (главы 22 и 32 УПК РФ). Законодательные изменения затронули процессуальный порядок и процессуальные сроки расследования, а также формы окончания уголовных дел, подследственных дознанию.

Все эти новеллы практически уравнили дознание и предварительное следствие. Законодатель, по сути, исключив идею быстроты расследования, которая была заложена в самой первой редакции УПК РФ в основу расследования в форме дознания, не достиг намеченной цели – подразделения дознания продолжают оставаться перегруженными уголовными делами.

Это обстоятельство обусловило законодательное закрепление еще одной формы расследования – дознания в сокращенной форме (Глава 32.1 УПК РФ). Производство дознания в сокращенной форме проходит апробацию, и пока делать какие-либо концептуальные выводы еще рано.

Вместе с тем в случае сосредоточения полномочий по осуществлению предварительного следствия в единой структуре, наличие двух форм дознания позволит полиции эффективно расследовать преступления, отнесенные к ее компетенции.

В-третьих, индикатором, показывающим, что в досудебных стадиях отсутствует принцип состязательности, является результат анализа норм, регламентирующих представление доказательств стороной защиты.

В современной отечественной уголовно-процессуальной идеологии принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве (ст. 123 Конституции Российской Федерации) увязан с возможностью стороны защиты напрямую, а не через следователя (дознателя) собирать и представлять доказательства на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ярким примером может служить предполагаемая возможность стороны защиты по собственному усмотрению провести любое экспертное исследование в любом «аккредитованном» для этого учреждении. Результаты этого экспертного исследования могли бы быть положены в систему доказательств.

По сути, сейчас в научном сообществе идет дискуссия о возможности, а самое главное – о необходимости формирования новой концепции доказательственного права в уголовном судопроизводстве.

В-четвертых, назрела необходимость внедрения альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов не только в рамках научных исследований, но и на законодательном уровне.

Речь, в первую очередь, должна идти о совершенствовании институтов освобождения от уголовной ответственности; досудебных и судебных соглашений о сотрудничестве между обвиняемым и органами уголовного преследования; о разработке внесудебного порядка разрешения уголовных дел при совершении преступлений лицами, не достигшими шестнадцати лет и т.д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГУВТ – *Волжский государственный университет водного транспорта*
- ВИПК МВД России – *Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России*
- ИНО МГЮА им. О.Е. Кутафина – *Институт непрерывного образования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*
- ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского – *Институт экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета*
- ИЭУП – *Институт экономики, управления и права*
- КРАГСИУ – *Коми республиканская академия государственной службы и управления*
- КрУ МВД России – *Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации*
- МарГУ – *Марийский государственный университет*
- МГУ им. М. В. Ломоносова – *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*
- МФЮА – *Московская финансово-юридическая академия*
- НА МВД России – *Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации*
- НГЛУ им. Н.А. Добролюбова – *Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова*
- НГПУ им. Козьмы Минина – *Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)*
- НГТУ им. Р.Е. Алексеева – *Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева*
- НиЖГМА – *Нижегородская государственная медицинская академия*
- НИМБ – *Нижегородский институт менеджмента и бизнеса*
- НИУ РАНХиГС – *Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*
- ННГАСУ – *Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет*
- ННГУ им. Н.И. Лобачевского – *Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского – Национальный исследовательский университет*
- НПА – *Нижегородская правовая академия*
- НФ МУ им. С.Ю.Витте – *Нижегородский филиал Московского университета имени С.Ю. Витте*
- ПГУАС – *Пензенский государственный университет архитектуры и строительства*
- ПФ РГУП – *Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия*
- РПА Минюста России – *Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации*
- РЮИ МВД России – *Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации*
- СГЮА – *Саратовская государственная юридическая академия*
- СЗФ РГУП – *Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия*
- СКФУ – *Северо-Кавказский федеральный университет*
- СПБУ МВД РФ – *Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации*
- СПБЮИ (ф) АГП РФ – *Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*
- СФ ИГП РАН – *Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук*
- УРАО – *Университет Российской академии образования*
- УФ РГУП – *Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,*
- ЦФ РГУП – *Центральный филиал Российского государственного университета правосудия*